

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

24

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

*Светлой памяти
Александра Иосифовича Добкина
(16.08.1950 — 18.08.1998)
посвящается*

Редакционная коллегия: Николай Богомолов, Жан Бонамур, Эльда Гарэтто, Александр Добкин, Джон Малмстад, Ричард Пайпс, Марк Раев, Дмитрий Сегал, Анатолий Смелянский

Главный редактор: Владимир Аллой

МИНУВШЕЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

24

ATHENEUM — ФЕНИКС

С.-ПЕТЕРБУРГ

1998

ББК 63. 3(2)
УДК [947 + 957]
М-62

М-62 **МИНУВШЕЕ: Исторический альманах. 24.** — СПб.:
Atheneum; Издательство «Феникс», 1998. — 684 с.

ISBN 5-901027-17-5

В настоящем выпуске читатель найдет: воспоминания о петербургском литературно-театральном быте конца прошлого — начала нынешнего века, дневниковые записи о жизни русского Парижа в конце 1930-х, исследование тайных механизмов парижского Международного конгресса писателей 1935 года, письма И.Бунина, Д.Мережковского, З.Гиппиус, Г.Адамовича, Ю.Терапиано, работы о Петроградском Богословском институте и о судьбе русских католиков и другие материалы. Все публикуемые тексты подробно откомментированы.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественным прошлым.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-901027-17-5

© Издательство «Феникс», 1998
World © «Atheneum», 1998

ВОСПОМИНАНИЯ

Николай Энгельгардт из Батищева

**ЭПИЗОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ
(Воспоминания)**

Публикация С.В.Шумихина

Исторические повести и романы Николая Александровича Энгельгардта (1867-1942), сына либерального общественного деятеля и автора отмеченной Лениным книги «Из деревни», печатались в периодике, преимущественно в журнале «Исторический вестник». Издать их в виде отдельных книг автор так и не собрался, и в наши дни его произведения оказались прочно забытыми. Здесь не место вдаваться в обсуждение их литературных достоинств; отметим, впрочем, что Энгельгардт считал, что оказал определенное влияние на Д.С.Мережковского, автора «Павла Первого». В конце жизни, в 1934-1939, Н.А.Энгельгардт был занят написанием своих воспоминаний, оставшихся неопубликованными. Мы помещаем здесь, в сокращении, заключительную часть этих воспоминаний (первые две части посвящены истории семьи Энгельгардтов).

Женой Энгельгардта стала Лариса Михайловна Бальмонт, первая жена поэта К.Д.Бальмонта, актриса-любительница. Как вспоминал Энгельгардт, мать Бальмонта Вера Николаевна, «прочитав о выдающемся таланте актрисы девицы Ларисы Гарелиной в местной газете, сейчас же решила залучить ее для любительских спектаклей, устраиваемых в Шуе. Она поехала в Иваново, /.../ всех очаровала, звала девушку "Мое милое дитя" и увезла ее в Шуу». Там Константин Бальмонт и Лариса Гарелина познакомились на любительском спектакле и вскоре поженились, причем брак состоялся вопреки воле родителей, и Бальмонт даже поссорился с матерью. Но жизнь с эксцентричным поэтом не сложилась, и они разошлись в 1894. Кроме сына от Бальмонта Николая, усыновленного Энгельгардтом, у них родилась дочь Анна (1895-1942), которая летом 1918 вышла замуж за поэта Н.С.Гумилева.

Многолетний сотрудник суворинского «Нового времени», Энгельгардт долгое время общался с литераторами, публицистами, философами, среди которых были Владимир Соловьев, Василий Розанов, Михаил Меньшиков. В этом основной интерес его воспоминаний — возмож-

но, не слишком глубоких, но информативно насыщенных. К основному тексту Энгельгардт сделал позднее дополнения, написанные на полях другими чернилами, — нечто вроде текущего дневника. При публикации такие фрагменты даются в квадратных скобках.

Энгельгардт умер в 1942 в блокадном Ленинграде. Его воспоминания вместе с другими документами и рукописями поступили в РГАЛИ и находятся в семейном фонде Энгельгардтов (Ф.572).

От слов своих оправдаешься
и от слов своих осудишься.

Евангелие

Отец мой, доктор химии, профессор Александр Николаевич Энгельгардт, автор писем «Из деревни»¹, всю свою литературную жизнь сотрудничал только в одном журнале, Салтыкова-Щедрина и Некрасова, — в «Отечественных Записках». Также и мама моя почти четверть века подряд проработала в «Вестнике Европы» М.М.Стасюлевича. Между тем я, в течение первых трех десятилетий моей работы (до октября 1917 года), сотрудничал в двадцати пяти (25) ежемесячных, еженедельных и ежедневных изданиях, и это по той простой причине, что мне, как и всем русским писателям *fin de siècle*, в сущности, негде было писать. Журнала по сердцу, по духу, найти было невозможно. В 70-х годах, при всей цензурной ущемленности, журналы еще имели резко определенные физиономии и могли выдерживать строгое направление основных своих идей. Но реакция 80-х годов создала такие тиски для печатного слова, что все издания должны были держаться, чтобы не отцвести, не успев расцвести, направления приспособленчества к цензурным условиям, а суть своих верований и упований, как масоны, держали за трема замками и трема ключами и опирались лишь на доверие читателей, что, умалчиваемое, подразумеваемое, но не высказываемое, — цело и сохранно... Но время шло. Хранимое, не проветриваемое, не согласовываемое с текущей жизнью старело, ветшало, тускнело, линяло. И сами хранители в сюртуках 60-х годов дряхлели, тяжелели, привыкали к покою и сладости обеспеченности и, наконец, превращались в тех «жрецов», которых негодующим пером изобразил в романе один из талантливейших наших беллетристов того давно прошедшего времени (Эртель)². Сказанное относится не только к писателям левого, отрицательного направления («все сгнило, все снести, а с Запада пересадить к нам достижения культурного человечества, европеизировать окончательно Русь и наш народ»), но еще в боль-

шей степени к писателям направления правого, положительного (понимая под ним признание известной «самобытности» нашей страны и что в народе нашем живы некоторые исконные творческие начала, хотя ненадежные и помраченные «чужебием»). Достаточно сказать, что всякое живое, искреннее религиозное чувство и мысль под видом недопустимости «мистики» систематически жалось К.П.Победоносцевым.

Владимир Сергеевич Соловьев был лишен кафедры, изгнан из Московского университета. Он нашел теплое участие и приют в почтенном журнале М.М.Стасюлевича. Но разве направление этого журнала отвечало его задушевным стремлениям? Здесь писал он профессорские, доктринерские статьи, и когда в «Руси», газетке, основанной В.П.Гайдебуровым, где и я писал, стал помещать Воскресные свои письма, то высказывал, что это лучшее, что удалось ему в жизни написать. Но... газетку съел однофамилец философа, ставленник Победоносцева, начальник печати Соловьев³... Опуститься в подполье, уйти за границу, писать, как некогда грозился (в пьяном состоянии) Нестор Кукольник, на итальянском языке для итальянцев, а русский язык забросить, писать так, как мне предлагал Виктор Алекс. Гольцев в «Русской Мысли»: «Пишите так, чтобы в ваших произведениях вас не было»... Ах, как это легко сказать! Но как трудно выполнить писателю, которого нудит и толкает вперед роковое призвание... и, тем не менее, свободная мысль пробиралась по тернистому пути, и в литературе били ключи живой воды и слагались целые идейные течения.

Этих течений было три — *декадентское*, главным представителем коего тогда (я пишу о времени между 1894-1897 годами) являлся Дмитрий Сергеевич Мережковский и «Северный Вестник» Любови Яковлевны Гуревич и Акима Львовича Волынского (Минский и Сологуб сюда же относятся); *нео-марксизма*, возглавляемое Петром Бернгардовичем Струве и Туган-Барановским; и *нео-христианское*, если можно так выразиться, шедшее от Ф.М.Достоевского, Ясной Поляны и великого писателя Земли Русской графа Льва Николаевича Толстого и Владимира Сергеевича Соловьева. К этим трем новым течениям надо присовокупить еще идущее собственно от 70-х годов течение, весьма сложное и широкое, *народничества*, которое для меня лично выражалось в идеях Батищева и письмах «Из деревни» моего отца. *Славянофильство*, ярко горевшее в начале 80-х годов в «Руси» И.С.Аксакова, с кончиной его и неудачей Игнатьева⁴ провести к трону идею Земского Собора (то есть и провел, и в Государственном Совете демонстрировал и защищал перед лицом глаголемого са-

модержца, но встретил не московского, а Санкт-Петербургского potentата гольштин-готторпского Дома dit Romano — как писали в «Готском календаре»⁵... — и переконфузился при бледном, как штукатурка, зловещем привидении Победоносцева!), — славянофильство совсем угасло, хотя свою пророческую милоть*, по уверению Сергея Федоровича Шарашова⁶, умирая, великий славянофил московской династии Аксаковых и бросил этому сколь талантливому, столь и неустойчивому журналисту.

/.../ С кем быть? Отношение мое к декадентству было резко отрицательное. Долго вчитывался и вдумывался я и в течение нео-марксизма и тоже не мог согласиться с той путаницей, которую находил в писаниях главных тогда корифеев этого направления — Струве и Тугана. Для меня нео-христианство соединялось с народничеством, Ясная Поляна с Батищевым. Идея общины — а я видел и общины толстовцев, и интеллигентные поселки батищевцев, последователей моего отца, — казалось, что те и другие увядали именно от разобщенности. Или не было в них духа истинного братолюбия, хотя материально община и преуспевала, хозяйство начинало расцветать, а община гибла; или, хотя и было одушевление высокими яснополянскими идеями, но прочного хозяйственного фундамента не было. /.../

Я пишу эти строки в июле 1934 года, 67-летним стариком. Каждый день, под вечер, идя из улицы Чехова (облагороженный Эртелев переулок) по Надеждинской в булочную на Невском (Проспект 25-го Октября) за полкило хлеба (1 р. 25 коп.), я встречаю медленно двигающуюся посреди тротуара, опираясь на палочки выставленными вперед двумя руками, высокую фигуру в широкополой серой, мятой, старой фетровой шляпе и в светло-коричневой плисовой поношенной бекеше, с длинными седыми волосами и бородой, с воспаленным лицом — и все же сохраняющую оттенок старого интеллигента. Это — писатель Тиняков⁷.

Когда-то это был в самом деле писатель, принятый в литературных кругах. Но с некоторых пор честно труду он предпочел философическое безделье и стал тунеядцем, живущим милостыней. Видят его заседающим в портерных перед кружкой пива. Но ведь это напиток слабый. Ему нужна водка, а хорошая, очищенная, стоит 5 р. 50 к. пол-литра. Очевидно, ему довольно подают. И так человек живет. Встречаясь с ним, я вспоминаю Вас. Павл. Гайдебурова⁸. Не потому, чтобы он дошел до состояния Тинякова. Положение его хуже. Судьбу его можно сравнить с

* Овчина (греч., церк.).

судьбою другого издателя 60-х годов К.В.Трубникова⁹. Аристократ — фамилия Трубниковых идет с XII века, — лицеист; с большим состоянием, муж дочери декабриста Ивашева, тоже получившей значительное состояние своего отца, основатель прогрессивной газеты, имевшей большой успех, он вдруг сбивается с дороги, теряет состояние, начинает темные спекуляции, предпринимает разные издания и перепродает их; имя его теряет общественное уважение.

Часто я думаю: весь тот светлый ум, талантливость, организаторская энергия, способность охватывать большие концепции мысли, сердечность — все то, что сделало его другом Владимира Сергеевича Соловьева, — ведь все это не могло же исчезнуть, угаснуть у бедного Василия Павловича Гайдебурова. Где же это все? И невольно хочется верить, что наша эволюция не ограничена колесом рождений и смертей. И если физическая энергия неуничтожима и только пребывает в скрытом состоянии, тем более энергия умственная и нравственная — то, что мы называли — дух. Дело не в поступках. Но, все потеряв, Вас. Павл. Гайдебуров женился как-то чрезвычайно несчастно и попал в какую-то странную компанию. Кажется, то правда, как он говорил при мне: «Я ни к чему не причастен». Он умный человек, образованный юрист, стал, по видимому, юрисконсультом этой компании. Возникли странные дела: о подложном завещании князя Огинского, о мыле императрицы Индии Александры, о необыкновенном количестве детей, оказавшихся у его супруги, и т.п. Он выступает на суде. Он не помнит, сколько было детей у его жены. Он ни к чему не причастен. Суд судит формально. Темные люди с темными делами выкручиваются... Но при чем тут имя бывшего редактора «Недели» и друга Владимира Соловьева? Общество равнодушно. Общество его забывает. Но на что издерживаются недюжинные силы этого человека?

А ведь как разгоралась заря его жизни... нашей жизни! И вспомнишь вещие слова Гоголя: «Забирайте смолоду — после не подымете. Страшна, темна грядущая старость, и ничего не возвращает назад. Могила лучше ее — над ней напишут: здесь погребен человек. Но ничего не прочтешь в бесчувственных чертах бесчеловечной старости». Но тогда не лучше ли умереть молодым? /.../

Редакция «Северного Вестника», основанного еще в 1885 г., перешла, наконец, в руки Любови Яковлевны Гуревич, дочери известного историка, педагога, директора гимназии (частной) Якова Григорьевича Гуревича. Журнал отражал новое, назревшее веяние модернизма — очень сложное, но с общим отталкиванием

от старых форм механического материализма, исключительной гражданственности, позитивизма, утилитаризма, практицизма и тенденции в искусстве. Критиком в журнале явился талантливый и очень ученый Аким Львович Флексер-Волынский. Он стал писать пламенным, стремительным стилем¹⁰ разборы наших великих публицистов, начиная с Белинского, потрясая их авторитет, и тем навлек на себя гонение в литературе хранителей старой традиции — «шестидесятников».

В новом направлении в журнале стали петь и поэты: Мережковский и Минский. Николай Максимович прямо объяснял:

Я цепи старые свергаю!
Я гимны новые пою!

Так, в сонете он объяснял, что своего ближнего

...за всех скорбя,
Я не люблю, как самого себя.

Мережковский проповедовал в стихах вакхизм и оргиазм. Зинаида Николаевна Гиппиус прямо заявляла:

...Но я люблю себя, как бога,
Любовь мою душу спасет...

Началось печатание демонического романа Федора Сологуба «Злые сны»¹¹.

Скоро это веяние окрепло и объединило многие молодые таланты. «Неделя»¹² отчасти склонна была подхватить и это «новое слово». Василий Павлович Гайдебуров был склонен к эстетизму. Но возвышенное и прекрасное влияние гения Владимира Соловьева ставило преграду этим увлечениям и, попросту говоря, пошлостям десятилетия навыворот: «Убей! Укради! Прелюбы сотвори! Лги — не стыдись!» Что тут, в самом деле, было нового?

Помещалась редакция «Северного Вестника» в Троицкой улице. Я с женой моей Ларисой Михайловной¹³ был на одном вечере в редакции у Любови Яковлевны. Помню, были и Волынский, и Минский, еще актриса Александринского театра (фамилию забыл). Читали тоненькую книжечку «декадентских» стихов Александра Добролюбова, юного студента университета, племянника знаменитого критика Добролюбова¹⁴. Стихи отличались странным языком и темнотою содержания. «Подары... Что такое подарки?» — восклицал Волынский. Минский лукаво защищал юного поэта. От его стихов перешли к общим вопросам о новых путях в поэзии и литературе. Волынский был в ударе. Видимо, на него действовало присутствие Ларисы Михайловны — хоро-

шенькой женщины. Минский стал ревновать успеху критика и старался сбить его своей диалектикой. Дошло дело до Байрона. Волинский с разбега стал отрицать Байрона и превозносить Соути и Уотсворта. Актриса, тоже очень привлекательная особа, наивным, удивленным голосом стала защищать Байрона. Минский наслаждался и поджигал Волинского...

Когда вышел отдельной книгой роман Дм. Серг. Мережковского «Отверженный»¹⁵ — шедший в «Северном Вестнике» и, конечно, превышавший достоинствами его стихи, я разразился в «Книжках "Недели"» статьей о романе под заглавием «Поклонение злу», которая была направлена против всего веяния «декадентства», поскольку оно в самом деле несло в себе элементы нравственного и общественного разложения, хотя и в очень эстетически утонченных и остро надушенных «развратным» запахом парижских духов — формах. Статья произвела шум. Дм. Серг. Мережковский ею возмущался. Минский называл статью «нелепой». Но Любовь Яковлевна сама привезла вышедшие отдельным томом статьи Ак. Льв. Волинского «Русские критики» к нам на Васильевский остров, в 16-ю линию, где мы с мамой, сложась капиталами, купили дом и в нем поселились. И Николай Максимович Минский привез мне свой сборник стихов с автографом.

Кстати, о доме в 16-й линии. Мы его скоро продали, так отвратительно показалось положение домовладельца, принужденного собирать квартирную плату, предъявлять иски мировому судье, следить за ремонтом, шугать дворников. Да и некогда было мне этим заниматься. Дом мы продали. Я поселился в доме Мурузи на углу Бассейной и Пантелеймонской, а мама по одной лестнице с Женским обществом, которым очень увлекалась, на Спасской.

Мой первый бытовой роман, который я писал в 1890-1893 гг., появился в «Книжках "Недели"». Как сказал мне М.О.Меньшиков, возвратившийся тогда из Ясной Поляны, начало романа привлекло внимание Льва Николаевича Толстого, особенно понравилось ему описание огорода. В самом деле, хотя роман и не поднимал во всю глубину взятую тему, но был свеж, с чертами быта современности. Влад. Серг. Соловьеву нравилась типичность легкомысленного героя романа. Между тем, я занят был другими темами. Задуманный второй роман носил заглавие «Скорбящие и озлобленные» и эпиграфом имел церковное прошение «О всякой душе христианской, скорбящей же и озлобленной, милости Божией и помощи требующей». В прологе романа в пустыне беседовали духи — дух скорбящий и дух озлобленный. /.../ роман этот остался в набросках, которые потом и утратились. Более посчастливилось другому моему роману, тогда же задуманному

и начатому, «Блуждающие души». У меня сохранилась первая часть романа, совершенно готовая, но зато дальше нет ничего, и я даже не могу вспомнить общий его сюжет. /.../ Одновременно приготовлен был мною второй мой сборник стихов «Лествица». Судьба его была совсем необычная.

Конечно, мне надо было отдать его прочесть Владимиру Сергеевичу Соловьеву, и если бы он одобрил мою «Лествицу», то смело печатать. Он дал бы о нем благоприятный отзыв в «Вестнике Европы»; друг его — Цертелев¹⁶ — в «Русском Обозрении»; А.М. Скабичевский в «Новом Слове», где я сотрудничал; в «Новостях» сотрудничал брат, и Соловьев (Андреевич)¹⁷ написал бы о сборнике; в «Неделе», конечно, был бы хороший отзыв. Ругань В.П. Буренина тоже была обеспечена сборнику...

Что же я сделал? В моем кабинете я сидел у письменного стола и пересматривал рукопись сборника. Милый человек, маленький букинист с Литейной, тогда известный под уменьшительным именем Алеша, собирал разную макулатуру и ненужные мне издания, наваленные кучей на полу. Внезапно меня постигла свойственная мне реакция отвращения к собственному труду, и я швырнул рукопись в общую кучу барахла на полу. Отдельные листки посыпались, разлетелись. Казалось бы, сборник погиб. Скоро я даже о нем совсем забыл. И только уже недавно, в 1927 году, в Пушкинском Доме на Васильевском острове, подойдя к шкафу с рукописями собрания Дашкова, я с изумлением увидел стоящий за стеклом большой том в шагрени, с золотой надписью «Стихотворения Н.А.Энгельгардта». Это был выброшенный мною сборник. Очевидно, букинист Алеша собрал рассыпанный сборник, и, так как у Дашкова был уговор со всеми букинистами, чтобы попадающиеся им рукописи они представляли ему на просмотр, то и сборник мой попал к Дашкову и был им спасен, великолепно сохранен и приобщен к почетному его собранию рукописей выдающихся русских писателей. /.../

«Новое Слово» просуществовало недолго в народнической редакции, перешло в руки марксистов и было цензурой прикрыто. Редакция занимала три чистенькие комнатки. В одной стоял диван, на котором в редакционные дни приема сотрудников возлежал маститый критик Александр Михайлович Скабичевский. В средней комнате толклись приходящие сотрудники. В третьей сидел за столом редактор С.Н.Кривенко¹⁸. Появлялся муж богатой, идейной и просвещенной издательницы О.Н.Поповой¹⁹, чопорный, подтянутый, либеральный земец Попов, показавшийся мне как бы копией М.М.Стасюлевича. Все в нем веяло европеизмом и западничеством. /.../

...«Неделя» имела два цензурных предостережения. Третье — закрывало издание. Кроме того, материально издание только что стало на ноги и имело переходящий долг от прежних лет. И на него-то вдруг обрушился новый начальник печати, Соловьев. Почему? Причиной было направление. Статьи М.О.Меньшикова везли Ясной Поляной. Владимир Соловьев своим присутствием в журнале, конечно, вооружил против него Победоносцева, столь же было ему [Победоносцеву] неприятно и направление моих статей. Не говори о духовных запросах или говори по катехизису. Вот принцип Победоносцева. Его преданный драбант, начальник печати Соловьев, стал стараться. Каждую книжку задерживали в цензуре. Придирались к каждой фразе. Заставили выкинуть из одной моей статьи «мистическую» фразу, где слово «Рок» было написано с большой буквы, вырезать и перепечатать страницу. Тут еще подгадила история с неким Жеденевым. Этот молодой человек делал карьеру земского начальника, являлся, в рассказах перед чиновными дамами, благодетелем крестьян, устраивал ясли для крестьянских детей. Вдруг в «Неделе» появляется корреспонденция, изображающая деятельность земского начальника Жеденева в самом неблагоприятном для него свете. Он является в редакцию объясняться и в беседе с Меньшиковым сначала вызывает его на дуэль, когда же тот отказывается, вынимает револьвер, стреляет в него и ранит в руку²⁰. Меньшиков вдвоем со своим сыном Яшей постоянно жил в Царском Селе. Я посетил его тут в лазарете. Потом был суд. Жеденева к чему-то приговорили. Но он имел сильных покровителей в бюрократии, которые озлобились на «Неделю» и стали мстить изданию.

А.Н.Майков из заседания Академии Наук, где председательствовал его брат академик, историк литературы, Леонид Ник. Майков, заехал к нам в 16-ю линию Васильевского острова и просидел вечер. «Старик, по-старому шутивший, отменно тонко и умно», он сказал моей жене: «Сиверская украшается в моем воображении Вами». Когда начались придирки к «Неделе», я вспомнил, что Майков не только знаменитый поэт, но и чиновник, и крупный чиновник: председатель Комитета цензуры иностранной. Я отправился к нему. Майков с давних лет жил на Садовой против Пажеского корпуса²¹. Тогда я часто видал проф. Павла Ал. Висковатова²². Он хорошо знал Майкова и много рассказывал о нем интересного. Страсть к поэзии поглотила Майкова. Часто он в халате летом ночью прибегал к Висковатому и читал свои вдохновения, только что написанные. Много лет писал он свою трагедию «Два мира», причем новый текст кусками наклеивал на старый, так что листы рукописи наконец обратились в картон.

«Майков читал мне все редакции трагедии, — говорил мне Висковатов. — По-моему, вечно изменяя текст, переделывая, он только портил и, наконец, когда совсем испортил, успокоился». Это, конечно, нельзя было проверить, так как тексты были заклеены наглухо. Во всяком случае, трагедия Майкова «Два мира» — одно из замечательнейших произведений нашей поэзии.

Итак, я отправился к Майкову. Чистота, лоснящиеся паркеты, старинные вещи и сам старец-поэт. Он беседовал с каким-то чиновником-сослуживцем.

«Главное, что составляет чиновника, — говорил его гость, — это такт».

И он строго посмотрел на меня, нарушителя деловой беседы. Но я не был чиновником и пренебрег «тактом». Он поджимал губы, морщился, пожимался, но я «пересидел» его, и, поднявшись, он сказал:

«Мы dokonчим наш разговор в Комитете!»

Майков его провожал.

Когда он вернулся, я прямо стал говорить о цензурных гонениях на «Неделю». Едва упомянул я имя начальника печати Соловьева, Майков замахал руками:

«Не говорите! Он так напутал, так напутал! Не было житья ни цензорам, ни издателям! Как я счастлив, что не имею никакого отношения к внутренней цензуре, а председатель Комитета цензуры иностранной!»

«Но вы хороши с К.П.Победоносцевым. Вы бы объяснили ему всю бестактность гонения издания, которое ищет положительных самобытных начал».

Поэт улыбнулся моей наивности.

Я стал говорить, что запрещение «Недели» разорит издателя В.П.Гайдебурова.

«Издатель есть издатель. Какое вам дело до Гайдебурова?» — сказал многоопытный старец.

Соловьев потребовал от Гайдебурова, чтобы он перестал печатать статьи М.О.Меньшикова, которыми зачитывались подписчики. Это значило сокрушить один из устоев журнала. Согласись на это В.П.Гайдебуров, косоглазый Соловьев потребовал бы не печатать статей Владимира Сергеевича Соловьева, а потом и моих. В.П.Гайдебуров не пошел по этому пути гибельного соглашения, а придумал другое, героическое средство, которое при иных обстоятельствах его, может быть, и вывезло бы, а теперь погубило очень быстро.

Писатель, актер труппы купеческой дочери Китаевой, присяжный поверенный Кремлев²³, приятель Соловьева, начальника пе-

чати, получил от него разрешение издавать ежедневную газету с ежемесячными приложениями. Кремлев сейчас же продал газету В.П.Гайдебурову с тем, что останется редактором. Соловьев страшно озлился на то, что Кремлев его обманул, так как он разрешил газету ему лично. «Ну, так держись же, Гайдебуров! Доеду я его». Василий Павлович объяснял свой план: «Теперь, как только Соловьев закроет "Неделю", я превращу мою "Русь" (так называлась вновь разрешенная газета) в такую же "Неделю", а приложение к ней в "Книжки 'Недели'"». Но он забывал, что расходы газеты ежедневной в семь раз больше расходов еженедельника.

Началась греко-турецкая война. В.П.Гайдебуров принял ее за предвестие войны мировой за Константинополь и Дарданеллы и полагаю, что начинает газету в момент, подобный тому, когда Суворин начал «Новое Время»²⁴. Война вывезет газету. Но он ошибся. Недоразумения с греками скоро кончились и ни во что грандиозное не развились. Между тем, средства «Недели» стали тратиться на «Русь», и одеяло оказалось коротко для обоих изданий. Хватало на «Русь», не хватало на «Неделю». Хватало на «Неделю», не хватало на «Русь». Начались займы, переписывания векселей. Дела В.П.Гайдебурова пошатнулись.

М.О.Меньшиков был против издания газеты, предсказывал крах и отказался в ней писать. Вл.С.Соловьев очень ею заинтересовался, хотел попробовать себя в новом для него жанре газетной публицистики и стал писать прелестные статьи.

Я писал в газете заметки под общим заглавием «Из дневника».

«Неделя» не имела розницы. Ее читали в провинции. Как велика была розница на «Русь»? Не знаю. Но, вероятно, очень скромная.

В.П.Гайдебуров давно уже отделился от опеки своей семьей и матушки своей и со скромной старой квартиры родителей на Ивановской переехал в помещение на Литейной. Здесь, кроме двух редакционных комнат и конторы, имелся кабинет редактора, его спальня и просторная зала. Она казалась пустыней, ибо в ней стоял только большущий буфет, обеденный стол, дюжина венских стульев. На окнах были желтые шелковые гардины, закрывавшие их сплошь.

Когда началась «Русь», для нее В.П.Гайдебуров нанял помещение на углу Невского и Морской, на самом несчастном месте. В этом помещении уже прогорело несколько предприятий последовательно. Пришлось теперь платить за две квартиры.

В редакции «Руси» заседал с пером у конторки народник Я.Абрамов²⁵ в косоворотке; появились репортеры с их особым духом.

Секретарем был Бриллиант. Тут я познакомился с писателем А.И.Свирским²⁶, который помещал в газете талантливые очерки обитателей «дна», Вяземской лавры, нищенок и бывших людей. Только что из провинции сюда перешел будущий издатель «Копейки», журналист М.Б.Городецкий²⁷. Газета могла бы, несомненно, жить. Но Соловьев стал свирепствовать, нажимая на редактора Кремлева. В объявлениях о газете В.П.Гайдебуров, обозначив Кремлева редактором, однако, заявил: «Редактором газеты буду я сам». Фразу эту подхватили и высмеяли одновременно в «Новом Времени» В.П.Буренин и в «Русском Богатстве» Н.К.Михайловский. Буренин, однако, через голову Гайдебурова, как я узнал потом, направлял свои сарказмы на другого «я сам'а» — так называемого «дофина», старшего сына А.С.Суворина Алексея Алексеевича, который тогда стал заниматься газетой и ссорился со старыми сотрудниками.

«Я сам буду говорить глупости! Я сам буду делать гадости! Я сам, сам, сам...» — издевался В.П.Буренин.

Конечно, Кремлеву не понравилось заявление Гайдебурова, из которого следовало, что Кремлев только редактор номинальный, хотя за все ответственный, как говорилось, «редактор для отсидки», который, в сущности, ничего не значит, а в случае судебного разбирательства попадает на скамью [подсудимых]. Начались недоразумения. Вероятно, шли интриги и со стороны Абрамова, который фактически редактировал номер, читал гранки, верстал. Гайдебурову было достаточно дела и по «Неделе». Скоро у Кремлева с Гайдебуровым начался суд чести, так как Гайдебуров его от редакции наконец и отставил. Суд чести, по обыкновению, кончился туманным постановлением. Но кого затем ни представлял Соловьеву в редакторы газеты Гайдебуров, тот никого не утверждал и потребовал, чтобы он взял редактора по его указанию. Это был юный галичанин с глазами газели, Драгомирецкий. Он стал помещать в газете странные статьи, идущие вразрез со всем ее направлением и на галицко-русском языке (напр., «недобитки армии» и т.п.).

С тем вместе в характере издателя стали выявляться черты, до того мало заметные: тщеславия, алкания богатства и даже готовности идти на всякие компромиссы. Ездил он в наемной, но постоянной карете. За завтраком и обедом обязательно ел бананы, уверяя, что жить без них не может. Все бы это еще ничего. Но скользкие фразы о том, что надо уметь ловить момент, ловко писать, что политика требует шарлатанства, — все это совпало с великим хаосом в направлении газеты. Драгомирецкий стал останавливать статьи даже Вл.С.Соловьева, и хотя смотрел крот-

кими глазами лани, видимо, бегал за указаниями к цензурному Соловьеву.

Тут, в отношении меня, которого называл «лучшим своим другом», В.П.Гайдебуров проявил оскорбительное недоверие.

«Сколько вы получаете в месяц?» — вдруг спросил он. Я сказал условленный им самим фикс. «А, так вот теперь я знаю, куда уходят мои деньги!» — вскричал он. — «Ты сам этот фикс назначил». — «Это невозможно. И вообще, если ты хочешь получать высокие гонорары, так пиши в "Новом Времени"».

Это меня взорвало, может быть, потому, что дело шло к весне и нервы мои были напряжены и переутомлены огромной работой, которую я нес. Я немедленно взял рукопись романа, возвратив полученный аванс, и письмом в редакцию «Нового Времени» заявил о прекращении сотрудничества в «Неделе» и «Руси».

Гайдебуров подал жалобу в суд чести при Союзе писателей. На что? Понять из этой жалобы было нельзя. Судьи что-то постановили, как всегда стараясь сохранить хорошие отношения с обеими сторонами.

После моего ухода из «Руси» скоро началась ее агония и провал, который увлек за собою и «Неделю». Подписка пала. Денег не стало ни на то, ни на другое издание. Начальник печати Соловьев продолжал душить оба. Долги росли. Векселя представлялись к взысканию. Одним словом, началась обычная в таких случаях история.

Я материально не нуждался и меньше всего, живя в собственном доме на Васильевском, помышлял о больших гонорарах. Но слова В.П.Гайдебурова в самом деле заставили меня задуматься. «Новое Время» читали все. За границей эта газета имела значение тогда лондонского «Times'a» и считалась выразительницей русского общественного мнения. В ней помещали свои произведения мой отец, А.П.Мертваго²⁸, Ант.П.Чехов, Тихонов-Луговой²⁹. Наконец, осмотревшись, я увидел, что в литературе не было еще места для свободного выражения своей писательской личности как публициста. Конечно, лучше было бы подумать, да стоит ли при таких обстоятельствах быть публицистом? Не замолчать ли? Не отдохнуть ли? Не лучше ли сосредоточиться на художественной литературе? Для беллетриста ведь все пути открыты. Но —

...юность нам советует лукаво...

И я перенес мои заметки под общим заглавием «Из дневника» в «Новое Время».

Надо и то сказать, что тогда «дофин» Алексей Алексеевич Суворин являлся светлым и свежим элементом в застоявшейся

атмосфере газеты. Беседы с ним показали мне широкие возможности свободного честного слова на трибуне не такой тогда еще могущественной газеты.

Так начался третий период моей литературной деятельности, падавший на 1897-1904 годы.

Кроме заметок «Из дневника», я помещал еще в «Новом Времени» фельетоны под заглавием «Петербургские настроения», написал несколько рассказов, провинциальную новеллу «Старая площадка» и роман «Кризис».

Говорили, что «Новое Время» не имеет твердого направления и меняет курс сообразно курсу правительства. Но в этом обвиняли и «Голос» А.А.Краевского. И Дм.Минаев — «сатирик холодный», как сказал о нем Некрасов, — острился:

Стихнул порыв ветра неевского —
К вечеру стало потише:
Флюгер на доме Краевского
Все же вертится на крыше.
А отдохнуть не мешало бы...

«Голос», о котором со вздохом вспоминали старички, был именно органом петербургской либеральной бюрократии и вполне соответствовал лозунгу: «С одной стороны нельзя не сознаться, а с другой стороны нельзя не признаться». «Голос» отражал все колебания правительства Александра II, которое то грело, то морозило. «Голос» то подстрекал и подуськивал и негодовал против мер обуздания, а когда в обществе, положившемся на это подманивание, начиналось брожение и открывались его острые злобы, «Голос» вдруг сам начинал кричать о мерах обуздания. Насколько «Голос» был официален, видно из того, что его сотрудники собирались на свой товарищеский обед чисто выбритые, во фраках и белых галстуках. Это мне рассказывал бывший сотрудник «Голоса» — М.А.Загуляев³⁰. Богдан Вениаминович Гей³¹, тоже по закрытии «Голоса» перешедший в «Новое Время», где был «ночным редактором» и незаметной, но важной пружиной газетного механизма, рассказывал, что передовые «Голоса» писались «эзоповским языком» — говорит о испанском министре, а читатель понимает, что передовик говорит о русском. Доктринерство газеты выражалось в колоссальных передовых, которые занимали весь передний лист и представляли целые трактаты. Это показывает, что газету читали преимущественно чиновники, и общественного мнения она совсем не выражала, потому что его тогда и не было. «Голос» был запрещен, но тогда подписка его совершенно уже упала, благодаря тому, что газета не поняла и не

учла того общественного возбуждения, которое вызвало восстание славян, и располагала свои мнения по указке Министерства иностранных дел.

Когда сыграли в первый раз «Ревизора», то выражалось удивление, что в пьесе нет ни одного честного человека. Не заметили, что честный человек этот был, сказал Гоголь, — что этот честный человек — смех. Так не замечали честного человека и направления и в «Новом Времени». А это было русское чувство русского человека. В самом деле, во всех случаях газета стояла за интересы России и русского народа и, мало того, в ней были чуткость, чувство русское, жизненный здравый смысл.

А.С.Суворин вышел из среды города Воронежа, откуда вышли Кольцов, Никитин, Ант. Павл. Чехов, — среды, близкой народу. В «С.-Петербургских Ведомостях», академической, бессмертной газете, когда ее редактировал Валентин Корш, это был популярнейший журналист Незнакомец, писавший там «Недельные очерки и картинки», обличавший биржевых дельцов и мерявшийся силами с М.Н.Катковым. С этой популярностью начал он «Новое Время». Газета не нуждалась в субсидиях правительства, ибо приносила огромный доход и сделала А.С.Суворина миллионером. Она зависела от цензуры, но в то же время влияла на дела так, что передовой газеты можно было и низложить, и возвести министра. По влиятельному составу сотрудников это было особое министерство.

Однако я хорошо помню толстую черную переплетенную тетрадь, которую обносил служитель, приговаривая сотрудникам: «Редактор просит прочесть новое распоряжение». В эту тетрадь вносились циркуляры и телефонограммы цензурного ведомства, запрещавшие говорить о самых разнообразных предметах и вопросах. Они по времени забывались, но никогда не отменялись. Так что в цензуре говорили: «Мы всегда вам можем дать предостережение. В каждом номеру вы нарушаете какой-нибудь циркуляр». Но остановить «Новое Время» — значило лишить всех привычного собеседника за утренним чаем. К газете привыкли. Она была необходима богатой своей информацией. Имея до 150 постоянных сотрудников и репортеров, до 300 корреспондентов, до 700 служащих в типографии и книжном магазине, в общей сложности до 1500 работников, т.е. семей, могла ли газета не считаться с требованиями цензуры? Прекращение издания такой газеты разоряло не одного предпринимателя, но и лишало заработка огромный коллектив работников. Министр внутренних дел Сипягин, желая показать свою власть, остановил газету на неделю. Все бранились, так она была необходима.

Сотрудникам газеты А.С.Суворин говорил одно: «Пишите, и если будет талантливо, умно и со знанием дела — я всегда напечатаю». Сотруднику давалась полная свобода писать. Были «катковцы», но не было «суворинцев» или «нововременцев», так как каждый сотрудник не терял своей личности.

«Нововременцами» надо назвать читателей газеты. А ее читали в столицах и в провинции, почерпая из нее иногда все сведения, весь свой ум. Все читали и все ругали.

Огромный механизм ежедневной общественной газеты требует сложнейшего аппарата и стоит в центре бесчисленных интересов. Так называемый «ночной редактор», выпускавший номер, не мог выдержать такой работы более 4-х месяцев. Редактора эти сменялись. Кроме того, они имели двух-трех помощников, сверявших текст статей и следивших за тем, чтобы не проскользнули нелепости, lapsus'ы, ошибки. В газете не было никогда «биржевых» статей, направленных к тому, чтобы поднимать или опускать акции предприятий. А такие статьи могли бы быть. Суворина посещали финансовые тузы, начиная с С.Ю.Витте. И вот камердинер Суворина, известный Василий, после посещения его таким лицом, спрашивал: «А что, А.С., не говорил ли он, какие бумаги покупать, а какие — продавать?» Иногда А.С.Суворин посылал его к черту, а иногда говорил. И вот Василий нажил капитал в двести тысяч. Какую же вакханалию можно было бы начать с «биржевыми» статьями в газете! А этого не было.

Я говорю о состоянии газеты до 1905 года; затем значение ее пало. Впрочем, уже и с 1897, когда я стал писать в ней, стали сказываться признаки ее одряхления. «Дофин» А.А.Суворин и хотел «омолодить» газету. В этом направлении шла у него борьба со старыми сотрудниками. Особенно характерную фигуру представлял франко-русский сотрудник Михаил Андреевич Загуляев, артиллерист, сослуживец и приятель моего отца в 50-х еще и в начале 60-х годов. Он начинал свое утро тем, что к нему являлся гвардейский солдат, и он с ним дрался на эспадронах; ни чаю, ни кофею не пил, а какое-то темное, густое пиво. Потом шел в Максимилиановский переулок, в редакцию «*Journal de St. Petersburg*» и здесь писал передовую на французском языке. Затем шел в Эртелев переулок, глядя в небо для отдыха глаз, и проходил особой дверью в узкий коридор редакции, куда выходили комнаты иностранного и внутреннего отдела, окном на двор, в первом этаже, и потому весьма сумрачные. Здесь он садился и писал русскую передовую статью. Затем, взяв в одну руку палку, шляпу и перчатки, а в другую рукопись, шел в соседнюю комнату. Здесь сидел редактор иностранного отдела «Нового Времени» Кавос³².

Он сидел между двумя окнами против широкого простенка, так что на столе у него была темнота. Загуляев с ним здоровался, передавал ему свою передовую и уходил. Вечером он отправлялся в Михайловский французский театр, рецензиями о котором заведовал, и после представления писал отзывы. В следующей комнате сидел редактор внутреннего отдела, заведовавший провинциальными корреспондентами, М.М.Коялович³³. У него была составлена богатейшая картотека газетных вырезок, расположенная по городам и вопросам. Тут же сидел Б.В.Гей и Василий Васильевич Розанов.

«Дофин» А.А.Суворин проделал с Загуляевым такую штуку. Он стал говорить отцу, что загуляевские передовые статьи никто не читает. А.С. распалился: «Как никто не читает? Я читаю». — «И ты не читаешь, и даже сам Загуляев их не читает». — «Что за вздор! Докажи». — «Очень просто. Я уже пятый день ставлю все одну и ту же статью. И никто этого не замечает, ни читатели, ни ты, ни сам Загуляев. Значит, никто этих статей не читает...»

В газете искали прежде всего информации. А в этом отношении «Новое Время» было чрезвычайно богато. Меня спросят, как мог я примириться с сотрудничеством в газете, где видное место занимал В.П.Буренин, столь жестоко отозвавшийся о первом моем сборнике стихов³⁴. Но если я сам свой второй сборник швырнул в макулатуру, то что же значил для меня Буренин? /.../

Из молодых сотрудников «Времени», с 1897 по 1904 включительно, назову Сергея Николаевича Сыромятникова (Сигму)³⁵. Человек с университетским образованием, «норманнист», совершивший большое кругосветное плаванье, бывший в Китае при посольстве кн. Э.Э.Ухтомского³⁶ в качестве корреспондента «Нового Времени», изучивший китайскую гирографическую письменность, редактор официозной газеты «Россия» в период Государственной Думы, он оставил свои обширные воспоминания, которые будут когда-нибудь обнародованы, а там он дает остроумную характеристику А.С.Суворина и его редакции³⁷.

Я был далек от семьи Суворина и от секретов его дома в Эртелевом. Я только пользовался газетой и предоставляемой свободой, чтобы делиться с читателями моими душевными мыслями и пробуждать в них добрые чувства. «Новое Время» обвиняли в антисемитизме и «животном» национализме. За время моего сотрудничества в газете (1897-1904) не припомню таких статей. Кауфман, сотрудник «Биржевки» Проппера³⁸, потом с ним разошедшийся и ставший сотрудником «Исторического Вестника», издателем которого был ведь не кто иной, а Суворин, — разразился брошюрой после постановки «Контрабандистов» Эфрона под

заглавием: «Враги евреев. А.С.Суворин»³⁹ и все же отметил в этом памфлете своим мои корреспонденции из Вильны, полные сочувствия к евреям.

Кроме фельетонов «Петербургские настроения», я поместил в газете серию статей «Письма о марксизме» и «Письма о народничестве». Писал корреспонденции из Варшавы, Вильны и по Северо-Западному краю. Успех имели мои фельетоны под общим заглавием «Мысли вслух» и «Мысли кстати». В «Петербургских Ведомостях» я поместил серию статей «Письма о нищете и богатстве»⁴⁰.

Журналист не доктринер. Профессор с кафедры может продолжать чтение курса, как бы ни изменялись вокруг него события. Но журналист не может сегодня говорить языком вчерашнего дня; никто не станет его читать. Журналистика — прикладная литература. Могу сказать, что я ни разу не изменил своему русскому чувству согласия с самим собой. В разгар увлечения нео-марксизмом (П.Б.Струве, Туган-Барановский и др.) я выступил с обширным докладом «Критический анализ русского нео-марксизма». Выступил я в Собрании экономистов. Это собрание, по существу, было легальный игорный дом чиновников министерства финансов или просто клуб, как все клубы существующий для карт и от доходов картежных. Но в этом собрании для соблюдения приличий читались доклады и была ученая комиссия, председателем которой состоял присяжный поверенный Дм. Ник. Бородин⁴¹. В числе ораторов выступал присяжный поверенный Соколов⁴². На доклады приходила молодежь. Когда в «Новом Времени» появился анонс о моем докладе, мне стали говорить: «Смотрите: с марксистами не шутите. Съедят они вас и без соуса». Но я выступил как маленький Давид против огромного Голиафа, хорошо зная, что русские марксисты никогда не могут согласиться между собой, по сложности теории и трудности приложения ее к русской действительности, просто потому, что познание самой этой действительности было очень трудно, и нужен был Ленин, чтобы поставить тот «прогноз», который дал торжество марксистам, но ведь и то, после той обработки почвы, которая открылась кровавым 9 января 1905 года. /.../ Меня марксисты не «съели», если судить по титулу, который мне поднес В.П.Буренин, всю жизнь прошедший в журнальной потасовке: «Молот марксистов». /.../

Наступил новый год и новый XX век. Улучив благоприятную минуту, я поднялся в роскошный, заставленный мебелью, картинами, книгами, предметами искусства кабинет А.С.Суворина, жившего над редакцией газеты в бельэтаже своего дома в Эртелевом переулке.

Я стал говорить А.С., что с окончанием столетия хорошо бы написать книгу, отражающую по десятилетиям литературную эволюцию, смену идей, веяний, развитие литературных форм, — одним словом, дать очерк истории литературы общественного нашего развития за сто лет. Я набросал ему схему книги из двух томов, указывая на характерный ритм десятилетий у нас, причем даже люди определяются десятилетиями. Юноши двадцатых годов — романтики и байронисты, отличны от гегельянцев 30-х; идеалист-либерал 40-х годов совсем особого облика, чем нигилист и мыслящий реалист 60-х; народники и народовольцы 70-х годов резко отличны от неврастеников реакции 80-х. Гаршин и Надсон — это совсем иное, чем Атава⁴³ и Алухтин. Наконец, декаденты и символисты конца века — тоже особый тип. Я проектировал десять глав, по десятилетиям; каждая должна была распадаться на четыре отдела — критика, роман, поэзия и драма. «Карамзинисты» и «шишковисты» первого десятилетия века, «романтики» и «шеллигианцы» второго, критика Полевого, а затем Надеждина; Белинский до 1840 г. в Москве и он же после 1840 года в Петербурге; Севастополь и «пробуждение» с 1857 года; эпоха великих реформ и «точка» 1870 г.; письма «Из деревни» моего отца А.Н.Энгельгардта и русско-турецкая война, и — 1-е марта 1881 года; и т.д. Суворин слушал меня очень внимательно и видимо заинтересовался.

— Что ж, пишите, — закончил он нашу беседу. — Если напишете — я издам.

Я спустился в редакцию, где в кабинете М.А.Загуляева я временно составлял вместо М.М.Иванова⁴⁴ отдел «Среди газет и журналов». Я размышлял над словами Суворина. Работа предстояла колоссальная, а какую прочность имели уроненные им слова? Это не договор, не обязательство. Он мог и забыть за год, — а меньше нельзя было и думать положить на первый только том. В своих сомнениях я обратился к Загуляеву, рассказал ему свой план и что мне сказал А.С.Суворин. Выслушав меня, Загуляев сказал: «Суворин вам так сказал? Бросайте все и начинайте немедленно работу. С другим издателем нельзя так полагаться на слово, но с А.С.Сувориным можно».

Легко было говорить: «бросайте все». Я тогда получал лишь построчный гонорар, а фикса никакого в газете не имел. Меня коробило быть сотрудником газеты «на жаловании». Я боялся за свою свободу. Потом я убедился, что сохранение свободы мнения зависело в «Новом Времени» единственно от самого сотрудника, и ограничивала ее лишь «черная книга» распоряжений и циркуляров, учрежденная в Театральной улице⁴⁵. Но я так был увлечен идеей

книги, что немедленно принялся за дело, не оставляя и газетной моей работы.

Случилось так, что в тот же день и почти час к А.С.Суворину пришел тогда юный студент университета Щеголев⁴⁶. Суворин очень дорожил выражением симпатии учащейся молодежи. Щеголев стал говорить, что хочет написать подробнейшую биографию Пушкина. И ему в конце разговора Суворин сказал: «Пишите. Я издам». — «Да, но ведь это колоссальная работа. Я не могу начать ее без аванса, Алексей Сергеевич!» — «А сколько вы хотите?» — «Пятьсот рублей». Суворин присел и написал ему записку на контору. С нею юноша, на крылах радости играя, помчался на Невский проспект, в дом армянской церкви №50 в магазин и контору «Нового Времени».

Я составил подробнейший план первого тома моего «Очерка» и библиографический указатель источников и стал у Ламбина⁴⁷, заведовавшего тогда Русским отделом Публичной библиотеки, брать пачками книги на дом. Я штудировал книгу, особыми закладками отмечал цитаты, потом списывал их на восьмушки бумаги, с точным указанием автора, заглавия и страницы, и потом эти цитаты распределял по главам, главам и параграфам, помещая их в особые конверты с надписями. Так использованы были все источники, и затем я уже не списывал цитат в тексте, но просто наклеивал на листы, сопровождая комментариями, дополнениями и своими соображениями. Абзацы сопровождались подробными библиографическими указателями. Так получилась увесистая рукопись первого тома «Очерка», состоявшая из свыше 600 цитат и до 100 библиографических указателей. Полагаю, что выполнив так труд мой, я дал действительно ценный том, где каждый преподаватель словесности получал в цитатах все существенное и яркое, высказанное о литературном развитии нашем выдающимися исследователями и критиками. Я работал изо дня в день года полтора и, наконец, принес рукопись А.С.Суворину.

— Оставьте у меня на неделю. Посмотрю, — сказал он.

Случилось, что, когда рукопись лежала на письменном столе издателя «Нового Времени», к нему пожаловал, в синем мундире на белой подкладке и со шпагой студиозуса, Щеголев.

— Что ваша биография Пушкина?

— Работаю, Алексей Сергеевич. Собираю материалы. Обдумываю. Ведь это колоссальный труд! Все биографии Пушкина никуда не годны. Я...

— Вы еще обдумываете, а Энгельгардт уже написал первый том своей «Истории русской литературы XIX века», а начал в один день с вами.

— Как? История? Покажите, А.С., покажите.

Щеголев стал перелистывать рукопись.

— Выписки... выписки... Клей... клей... Так легко писать. Нет, моя биография Пушкина будет *моя*. Я рассмотрю всю его жизнь и творчество с первого дня рождения! Я привлеку биографии всех его современников! Рассмотрю всю колоссальную переписку! Работа по рукописям, по рукописям!

— Пишите. Я издам.

— Так-то так... Н-но... труд огромный. Не можете ли, А.С., дать еще небольшой аванс?

— Сколько вам?

— Триста рублей.

Суворин вздохнул, нахмурился, но присел и написал записку в контору и отдал Щеголеву, перекосив лицо и сощурив глаза, двумя пальцами.

Щеголев, резвяся и играя, полетел в контору.

Через неделю пришел и я.

— Ну, что же, — сказал А.С., — будем издавать. Но только как это сделано!

— А как же надо было делать, А.С.?

— Всё выписки... выписки...

— Цитаты с точным указанием источника обычно составляют материал таких трудов.

— Да, но... Клей... клей...

— Если бы я второй раз списывал цитаты, то проработал бы полгода лишних. Я их просто наклеивал, списав предварительно на восьмушки.

— Хорошо. Но... сорока рублей за печатный лист я вам не дам.

— Дайте 25 руб. с листа. Чохом на 50 печатных листов выйдет сумма.

— Сколько же экземпляров печатать?

— Думаю — 2 500.

— Хорошо. Скажите Константину Семеновичу Тычинкину. Передайте ему и рукопись.

Я удалился. Тычинкин заведовал еженедельными «Приложениями» газеты и изданиями Суворина. Я передал ему рукопись и сказал условия. Никакого договора на бумаге заключено не было. Началось печатание. Слово «Очерки» было снято с заглавия самим Сувориным.

— Какой же это «Очерк», — сказал он, — когда вы пишете том в пятьдесят печатных листов?

Месяца через три книга вышла и в полтора месяца разошлась. О ней даны были благоприятные отзывы. В «Русской Школе» книга была названа «выдающимся трудом».

Я поднес ее директору Публичной библиотеки Н.К.Шильдеру.

— Я уже знаю вашу книгу, — сказал он. — А.С.Суворину я сказал, что из его типографии не часто выходят подобные труды. Кстати, простите за нескромный вопрос, но, если это не секрет, скажите, сколько вам Суворин заплатил за лист?

— Двадцать пять рублей.

— Вы идете по одной дорожке со мною. Мне столько Суворин заплатил за моего «Александра»⁴⁸.

К.С.Тычинкин вдруг обращается ко мне: «Как вы условились с Сувориним? Сколько экземпляров издания вы продали?» — «2 500». — «Ради бога, не выдавайте. Мы напечатали лишь 1 250. Так теперь наберем второй раз. А вы в корректурах правьте лишь ошибки, а ничего не изменяйте и не дополняйте».

Так и было сделано. Со второго набора выпущено еще 1 250 экз. Но двойной набор страшно удорожил издержки издания и уменьшил прибыль издателя.

Таким образом книга имела в сущности два издания, так как дважды набиралась.

Когда книга моя вышла, случилось, что генерал С.Н.Шубинский⁴⁹ сидел в кабинете А.С.Суворина и держал мою книгу, данную на отзыв в «Исторический Вестник». Вдруг входит Щеголев.

— Вот уж книга Энгельгардта и из печати вышла. А что же ваша биография Пушкина? — спросил Суворин.

Щеголев сказал, что все еще собирает материалы, а Шубинский поднес ему мою «Историю русской литературы XIX столетия», том первый, с просьбой дать благосклонный отзыв...

И написал же Щеголев отзыв! Встречаю Шубинского.

— Я отказался напечатать отзыв Щеголева об вашей книге. Он говорит в нем, что книга ваша — сплошной плагиат.

— С каких же пор цитата с точным указанием источника стала именоваться плагиатом?

— Ну, знаете ли... все же... выписки, выписки... клей, клей...

— Дался вам этот клей! Без клея газета не строится. А я журналист. Впрочем, профессор Щеголева Шляпкин указал мою книгу в плане по филологическому факультету университета как пособие студентам, а в Москве — Кирпичников⁵⁰.

Щеголев со своим отзывом отправился в «Русское Богатство». Но и Н.К.Михайловский не напечатал его отзыва. Тогда он обратился к «Петербургским Ведомостям» кн. Э.Э.Ухтомского,

и тот напечатал его огромный фельетон, где Щеголев уверяет, что книга, где свыше 600 цитат (они были перенумерованы в выносах) из массы книг, брошюр и статей, с точным указанием источника, плод полутора лет самого усидчивого труда, есть сплошной плагиат.

Я легко мог привлечь и Ухтомского, и Щеголева к самому настоящему коронному суду за столь наглую клевету, но я испытывал такое нравственное отвращение, что не мог преодолеть его. Я потом отвечал всем моим критикам в «Русском Вестнике» — статьей «Pro Domino». Но и здесь я только заметил, что отвечать клеветникам считаю ниже своего достоинства. Я писал второй том «Истории» и написал его; писал совершенно так же, как и первый. Он вышел из печати в свет и хорошо шел, как и первый том. Щеголевской «полнейшей биографии Пушкина» так и не появилось.

Потом я спрашивал букинистов, есть ли у них моя «История». «— Нет, не попадается, — отвечал опытнейший из них Косцов⁵¹. — Редко кто ее имеет, не продает — самому нужна». /.../

Я познакомился с Владимиром Сергеевичем [Соловьевым] в редакции «Недели». Мы скоро подружились, перешли на «ты», и он часто бывал у меня в доме. Он был шафером на моем бракосочетании в церкви Симеония и Анны, вместе с Павлом Павловичем Гайдебуровым⁵², братом редактора «Недели», тогда студентом университета, только кончившим выступить в любительских спектаклях, впоследствии известным артистом.

Владимир Сергеевич проживал в центре Петербурга, на Исакиевской площади, против самого собора, в отеле «Англия» (Hotel «Angleterre», opposite St. Isaac's Cathedral); в верхнем этаже у него были три комнаты. «Я в жизни моей никого не убил и никого не родил», — говорил он, сохраняя безбрачное состояние. Роман с кухиной Катей кончился так, как кончаются все такие, почти детские романы: ничем. Катя, напитанная господствовавшим в молодежи 70-х годов мирозерцанием, не могла понять направления и настроения своего кузена. В расцвете популярности молодого философа большое значение имела дружба его со светской женщиной. Но свяшенно для него лишь было мистическое поклонение видению «вечно женственного», которое посещало его три лишь раза в жизни, и, между прочим, в Египте, что изображено им в прекрасной поэме его. Владимир Сергеевич получал множество писем, и [ему] сильно докучали посетительницы, хотя, при его общительности, он и не тяготился ими, но они мешали ему работать. Поэтому время от времени он уезжал в Финлян-

дию, на озеро Сайму, которое и воспел в стихах, как особую любовь свою, называя озеро «красавицей нежной», на водопад Иматру. Там, в уединении, он сосредотачивался и обдумывал свои философские труды.

Придешь к нему в светлые комнаты идеально благоустроенного отеля.

— Может быть, ты хочешь кларета? — спросит Владимир Сергеевич, любивший выпить стакан вина с приятелем, но по правилу стихов Майкова:

Мы не скифы. Не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно.
Нет; за чашей я пою
Иль беседую невинно.

Философ не пел за чашей, но любил слушать и сам рассказывать соленые анекдоты и первый раздражался своим пленительным детским смехом. Ему скажешь: «Спасибо, не хочу».

— А, так ты хочешь шампанского?

— Да нет, не хочу ни кларета, ни шампанского. Хочу воды, живой воды⁵³...

— Вот ты чего захотел! Нет — пей, брат, шампанское.

Звонит. И появляется полубутылка.

Относительно воды. На экземпляре «Оправдания добра», подаренном мне, Владимир Сергеевич написал:

Родился я под знаком Водолея.
Читатель, не страшись и смело воду пей.
Она не от меня. Ее нашел в скале я.
Из Камня Истины исходит мой ручей.

Он еще потому ценил отель «Англетер», что здесь его окружали все высшие установления империи: Государственный Совет в Мариином дворце, Сенат и Синод; в Галерной улице находилась редакция «Вестника Европы». В перерывы заседаний или после них к философу заходили члены этих установлений, крупные люди, и сообщали ему различные начинания, толкуя события наверху.

Лишенный кафедры опальный профессор-философ пользовался дружбой и уважением наиболее просвещенных сановников; его слушали. Ему казалось, что так может он влиять на политику страны. Любил он и великолепные богослужения Исаакиевского собора. Он даже открыл, где в этом соборе, выражающем в своей архитектуре только идею всеподавляющего могущества, приоткрылась столь гонимая Синодом, прокуратурой и монахами и по-

пами казенного православия — мистика. В самом низу собора, над фундаментом есть ниши, в которых поставлены по два колена-преклоненных ангела. Они, склонив самопогруженные лики, простирают так свои руки, что между ними образуется треугольник, и кажется, что они держат нечто треугольное, но невидимое. Триада в монаде — Троица во единстве. Есть нечто и нет ровно ничего. Владимир Сергеевич становился на колени, молился и, вложив свою прекрасную голову с седыми кудрями в это таинственное «нечто», поддерживаемое за углы и вершину ангелами, исповедовался им.

Когда он приезжал ко мне на Васильевский, в 16-ю линию, то я мстил ему за угощение и сейчас же посылал за шампанским. Он и обедал у меня. Когда дом был продан и я поселился в доме Мурузи, здесь родился у меня сын. Это было в 1899 году. Одновременно Владимир Сергеевич избран был в почетные академики. Я просил его быть восприемником моего сына. Вот ответ его:

«Очень рад, милый друг. Так как крещение твоего сына совпадает с моим академическим крещением, то вернее будет назначить 6 1/2 часов, когда заседание Академии наверное кончится. Итак, в четверг, в назначенный час буду у вас. Мой сердечный поклон Ларисе Михайловне. Твой Влад. Соловьев».

Увы, это был последний год жизни гениального, прекрасного человека. Золотой крест, им подаренный, с надписью «Спаси и сохрани», цел и сейчас у моей жены. А крестного отца нет. И мальчик мой, первенец, с золотыми волосиками, младенцем умер. /.../

Мне говорил покойный А.Ф.Кони: «Пока Влад. Серг. Соловьев был жив, мы все, сотрудники "Вестника Европы", в своей среде считали его высокоталантливым профессором, человеком с большими и основательными взглядами. Но лишь когда он умер, мы вдруг почувствовали, что среди нас был человек необыкновенный, что среди нас был гений». И я счастлив воспоминанием, что этот необыкновенный человек любил меня и мою семью, что его светлый образ мне близок: теплом от него веет на меня. /.../

После меня в «Новое Время» пришел Василий Васильевич Розанов, а затем, после крушения «Недели», и Михаил Осипович Меньшиков. Оба, как и я, не спрятались за маски псевдонимов, а писали под собственными фамилиями. Пришел из «Недели» и Михаил Николаевич Мазаев⁵⁴, о котором С.Н.Сыромятников (Сигма) говорил, что ему, как только увидит он Мазаева, всегда вспоминаются стихи Некрасова — «Дядюшка Мазай и зайцы»⁵⁵. Действительно, в русской наружности скромнейшего Мазаева было что-то напоминающее ученого зайца, играющего на барабане сре-

ди фейерверка. Мазаев занял в газете незаметное амплуа труженика-журналиста, «ночного редактора», типа Гея, передовика, вообще пружины внутреннего механизма газеты, не венчающегося быстротекущей славой фельетонистов. Явился и Вентцель (Бенедикт)⁵⁶, юморист и автор романа «Искатель новых впечатлений», прошедшего в «Книжках "Недели"». Под псевдонимами писали — Игнатий Николаевич Потапенко (Фингал)⁵⁷, Тихонов-Луговой и Тихонов Владимир (Мордвин)⁵⁸. Кажется, под собственной его фамилией в фельетонах «Нового Времени» прошел остроумный роман «Как победили немца», который надо бы назвать иначе: «Как развратили умеренного и аккуратного немца русские нравы и приучили его к русскому свинству»...

Василий Васильевич Розанов был, конечно, писатель и мыслитель, близкий к гениальности. Он происходил из старой духовной фамилии. Как-то у Сопикова⁵⁹ я насчитал до пятнадцати писателей Розановых XVIII и начала XIX века. Я даже составил список этих неизвестных миру Розановых и как-то его показал ему. «Ну, это какие-нибудь составители семинарских учебников!» — с демократическим пренебрежением сказал Василий Васильевич. Можно сказать, что он насквозь был проникнут Достоевским, и это отразилось и в стиле его, и в манере мыслить. Он был женат на вдове Достоевского и считал счастьем любить хотя и старую женщину, но которую любил созвучный его душе и конгениальный великий писатель⁶⁰. Известный ботаник, педагог и писатель Г.А.Рачинский⁶¹, помещик Бельского у. Смоленской губ., школа для крестьянских детей которого в наследственном его имении Татеве выпустила многих замечательных воспитанников, открыв таланты, которыми так была всегда богата старая крестьянская среда, и, между ними, столь большого и оригинального художника Бельского⁶², покровительствовал Розанову, после окончания университета занявшемуся педагогической деятельностью в провинции⁶³. Первый труд Розанова, огромный философский том «О понимании» едва ли кто-нибудь прочел, и никто, кажется, не оценил. Затем в «Русском Вестнике», редакции Ф.Н.Берга⁶⁴, появился ряд замечательных статей и между ними «'О великом инквизиторе' Достоевского». Статьи этого первого периода деятельности Розанова были потом напечатаны в четырех томах П.П.Перцовым⁶⁵. Писал В.В. и в «Московских Ведомостях», пока было возможно. Переехав в Петербург со второй своей женой, по имени Варвара, он терпел нужду, забываясь над египетскими древностями в Публичной Библиотеке; пришел к Вл.С.Соловьеву и дал ему статью для «Вестника Европы», говорившую о таких безднах извращения, что и показать ее М.М.Стасюлевичу с его

буржуазной «прюдери» было невозможно⁶⁶. Пробовал примкнуть к «Неделе». Но и тут статья его оказалась неприемлемой. Так, прибором волн житейского волнуемого моря, и прибило его к новременскому берегу. В редакции сошелся он со старым Геем и сидел около него, строча и зимой, и летом на всякие темы заметки, передовые и фельетоны. И тем питал жену свою Варвару и трех подраставших девочек, кажется, от первого брака его жены, с мужем разошедшейся. В «Новом Времени», однако, появлялись не лучшие его статьи и фельетоны, хотя все, что он писал, шло с пометкой редактора отдела Гея «плотный корпус» в набор и в оттисках поступало к автору. За ряд лет сотрудничества В.В. в «Новом Времени» так скопились у него целые вороха набранных, но не напечатанных статей, которые потом и составили целые томы, изданные Пирожковым⁶⁷. Сотрудничество в «Новом Пути» сблизило его с модернистами и вывело на путь широкого признания. Оригинальная, глубокая мысль этого «русского Ницше» по афористической преимущественно форме изложения, а не по содержанию, яркий, плодovitый талант не могли не победить. Когда он уже в 1916 году мне вдруг прислал все свои сочинения, это была гора томов в тридцать. Розанов ждет своего биографа и исследователя. Мне говорили, что сочинения Розанова переведены за границей. Вот и спросите теперь, что бы делал Розанов и куда бы пристроился без «Нового Времени», когда так называемая правая, консервативная печать представляла каменистое поле, на котором процветали лишь такие осоты и мордвотики, как московский Грингмут⁶⁸ и петербургский кн. Вл.П.Мещерский⁶⁹. А Розанов, томимый желанием высказаться, не имея в наших зачерствелых к концу века, выцветших и вылинявших либеральных органах где голову преклонить, в отзывах даже и такого публициста, как Н.К.Михайловский, ничего не слыша, кроме названия «юридивый», — Розанов помещал статьи в «Гражданине». Его за это обвиняли в «неряшливости» и «небрезгливости»... Счастлив поэт-художник. Поле его было широко. Но горе публицисту, горе мыслителю, который так оригинален, так на других не похож, так мощен и глубок, так широк и сложен, что никак не может подойти под общепринятые мерки и шаблоны господствующих «направлений».

Иная судьба была М.О.Меньшикова. После крушения «Недели» он проник к Суворину и скоро стал писать воскресные фельетоны, имевшие колоссальный успех, а потом свои «Письма к ближним». Меньшиков начал писать в газете с 1905 года: когда я в ней писать почти перестал. Прекратил сотрудничество в газете и С.Н.Сыромятников и скоро стал редактором официозной «России».

Необыкновенное обилие писаний Меньшикова объясняется его аппаратом.

В больших ресторанах есть котел, постоянно полный кипящей ключом воды. В этот котел бросают все, что остается на тарелках: недоеденное мясо и кости. Наваривается крепчайший бульон, который и подают аматерам ресторанной кухни. У Меньшикова с давних лет было заведено подобие такого котла для объедков. Просматривая столичные и провинциальные газеты, он вырезывал все талантливые, яркие, остроумные заметки, статьи и фельетоны, и эти вырезки располагал в алфавитном порядке тематических слов. Так накопилась своеобразная картотека газетных объедков... По каждому вопросу собран был разнообразнейший материал. Надо писать фельетон, Меньшиков соображает, какая тема сейчас возбуждает толки, и берет из картотеки пачку материалов. Читает, соображает и излагает своим прекрасным стилем. Получается пикантный газетный фельетонный бульон.

Кроме того, работая в «Неделе», он установил личную связь с многочисленными ее корреспондентами в провинции, где «Неделя» была очень распространена и популярна. Перейдя в «Новое Время», он не утратил связи с этими корреспондентами, но расширил их и получал от них сведения, не знаю уж, бескорыстно или за плату. Успех привлек к нему внимание сфер. Живя в Царском, где многие сильные мира имели дачи, он стал к ним вхож, и ему начали передавать различные проекты, записки, только лишь ради подготовки в их пользу общественного мнения или каверзы врагам. Все это шло в «Письма к ближним» целыми столбцами. Меньшиков прозвал «Новое Время» — «парламентом мнений». Но таким «парламентом мнений» были самые «Письма к ближним», и разобрать там, что принадлежит автору, что его сотрудникам и корреспондентам, что было почерпнуто из «котла фельетонных объедков», было невозможно. Все было подано горячо, пикантно и солоно. И публика захлебывалась этим бульоном.

Меньшиков стал печатать свои «Письма к ближним» еще отдельными еженедельными выпусками, и для Суворина стало ясно, что он каждую минуту может превратить это издание свое в самостоятельную газету и подорвать конкуренцией «Новое Время». Чтобы этого не случилось, Суворин согласился платить Меньшикову за строчку 50 коп. Самый высокий гонорар до того в газете был 30 коп. строка. Его получал Константин Аполлонович Скальковский⁷⁰, старый сотрудник еще коршевских «СПб. Ведомостей», остроумные, цинические фельетоны которого чрезвычайно нравились публике. Меньшиков нажил значительный капитал. Говорили, что у него, как и лакея Суворина, знаменитого

Василия, было двести тысяч, а копить он начал еще в «Неделе»⁷¹. Одно можно сказать, что Меньшиков совершенно погубил себя как писатель, сначала подававший большие надежды. Если, с одной стороны, он, как паук, сплел свою паутину в «Новом Времени» и просто поглотил газету, так что остальным сотрудникам осталась одна информация, то и «Новое Время» его переварило, и он совершенно как писатель потерял лицо и «разложился», употребляя это современное выражение. Торжество и популярность его были плачевные.

Меньшиков купил знаменитую Соловьевку с соловьиной рощей под Валдаем, принадлежавшую Всеволоду Сергеичу Соловьеву, автору исторических романов. Подругой его сначала была Веселитская-Божидарович⁷², талантливейшая писательница, автор «Мимочки». Потом к нему перешла жена поэта Леонида Афанасьева⁷³, милыми стихами которого редактора охотно заполняли в журналах «белые полосы». И публике нравились его стихи, часто украшавшие нижний этаж «Нового Времени», как и стихи Константина Фофанова, получавшего от А.С.Суворина ежемесячный фикс⁷⁴. Стихи Фофанова действительно часто блистали, как яркие лирические звездочки. Истинный поэт и забубенный гуляка, в трезвом состоянии Фофанов был скромнейший и деликатнейший человек. Но когда в голове его шумел хмель, от него можно было всегда ожидать каверзу. Так, на одном литературном обеде он, тихий и милый, сидел рядом с каким-то почтенным седовласым генералом, любителем поэзии. Генерал был сначала восхищен соседством с поэтом и покровительственно его ободрял. Пошли тосты. Вдруг Фофанов поднимается, берет со стоявшего перед ним торта глазированные фрукты и, провозгласив: «А теперь позвольте, ваше превосходительство, украсить вашу блистательную лысину семи отборными фруктами», — возлагает ему на голову эти фрукты... А.С.Суворин издал стихотворения Фофанова в шести частях, но полного собрания его произведений еще нет и до сего дня, как и оценки этого талантливого лирика 80-х годов и «конца века», не примкнувшего к «модернистам» и «символистам», но тем более ценного «лица необщим выраженьем» своей Музы.

Одним из симпатичнейших и талантливейших сотрудников «Нового Времени», здесь получившим литературное имя, как и Ант. П.Чехов, был большой его приятель Леонтьев-Щеглов⁷⁵. «Дачный муж» был его изобретением и, конечно, понятен только петербургским обывателям. Драматические его произведения имели большой успех. Из романов, кажется, лучший «Миллион терзаний», имеющий некоторые биографические черты. Жизнь его

сложилась весьма несчастно в семейном отношении, и съела его неврастения, свойственная упадочному времени. Помню его юбилей, когда он получил много выражений сочувствия, а старый барин Петрищев⁷⁶ подарил ему графин, из которого пил «стаканом красное вино» Пушкин. Я послал ему в хорошей раме портрет Л.Н.Толстого, анонимно, написав на обороте загадочную сентенцию: «Прощай, прощай и помни обо мне. Тень отца Гамлета». Он благодарил всех приветствовавших его письмом в газету и упомянул о портрете от «тени», словами Гамлета отвечая: «Клянусь, я буду помнить!» И, видно, этот дар его ужасно заинтриговал.

С Василием Львовичем Величко⁷⁷ я познакомился в редакции «Недели». Высокого роста, от него веяло Украиной, но семнадцатого века, певучей и задумчивой, запорожским рыцарством и мечтою о самостийности. Популярный поэт, он писал стихотворения на восточные мотивы, так как Восток багдадских калифов, купцов «Тысячи и одной ночи», Стамбула и Арзрума близок Украине. Потомок украинского летописца Велички, человек со значительным состоянием, в своих местах и маестностях он пользовался большим сочувствием крестьян, которых судил и рядил, сидя под наследственным старым дубом. Друг Владимира Сергеевича Соловьева, он написал посвященную воспоминаниям о философе интересную книжку. Когда я жил на Сиверской, то иногда приходил на платформу станции к прибытию петербургского поезда. Вижу, выходит из вагона высокая фигура Величко. Он ехал вместе со своей племянницей Марьей Григорьевной Муретовой, рожденной графиней де ла Барт, на Кавказ, издавать там казенную русскую газету. Мы разговорились. Он передавал свои планы создания живого органа защиты русского имени и вместе культурного, гуманного и справедливого взгляда на местные героические народы, древние, своеобразные народы, жизнь которых полна той поэзии Востока, которая так пленяла поэта. Он был бодр, воодушевлен. Он не знал, не предусматривал, что его ожидало, что значит быть редактором провинциальной газеты, что значит иметь дело с русской администрацией наших окраин.

Ударил звонок, и Величко простился со мною и уехал. Встретился я с ним уже через несколько лет. Редакторство его кончилось плачевно. Смелый, честный, независимый, он стал всем поперек пути. И туземцы, армянские богачи, и воротилы торговые, и кавказские чиновники сейчас же вооружились против него. Кончилось тем, что и газету у него отняли, и убытки материальные он понес, и либеральная наша пресса его стала в чем-то обвинять, и популярность его как писателя пошатнулась. Его стали травить...

В то время накопился некоторый фонд талантливых людей, которые не находили себе приюта. Наша консервативная печать являла собой пустое мертвое поле, поросшее осотом. Старые либеральные ежесемейники очерствели в своей отвлеченной доктрине. Более живое веяние — «символизм» — еще представляло литературный вибрион и полно было больших претензий и больших уродливостей. «Неделя» погибла. Живое движение экономического материализма и марксизма уходило корнями своими в революционное подполье, а попытки изданий этого направления — пресекала администрация. «Новое Время» видимо дряхлело. «Союз писателей» усиленно занялся судом над писателями, но идейности не проявлял.

И вот, вокруг Величко собрался кружок искавших путей молодых деятелей. Возникла у них мысль основать литературно-общественное объединение. С.Н.Сыромятников определил цель его очень широкой формулой: «Защита исконных творческих начал русского народа». Она звучала красиво. Но что выражала она в своей неопределенности? Что это такое — русские исконные начала? Если приходилось это спрашивать, то, значит, нужно было такое общество, чтобы найти ответ. Оно и обосновалось. Это было печальной памяти «Русское Собрание». Намерение было честное. Действительность ответила на это намерение по-своему. Величко так определил:

В тумане смутных дней
В тяжелый путь пошли мы
Огнем любви палимы —
Любви к земле своей...

Увы, в русской интеллигенции тогда слова «патриот», «любовь к отечеству» произносились с насмешкой и презрением. Так их осрамила «официальная народность» наша. Запятнанное, захватанное нечистыми руками было это знамя. Национальные цвета украшали вывески трактиров. Но, с введением монополии С.Ю.Витте⁷⁸, были и там заменены желто-зеленым колером.

В первый год существования это общество собиралось друг у друга на «конспиративных квартирах», потом нашло помещение в Троицкой улице, в одном доме с известной «дамой Павловой». Председателем был избран кн. Дм.П.Голицын-Муравлин⁷⁹, служивший в Государственном Совете помощником секретаря. Это делало его близким к сферам. На первых же порах оказалась дисгармония. Величко и Голицын разошлись с Сыромятниковым (Сигмой). «Русский Вестник» перешел к Виссариону Виссарионовичу Комарову⁸⁰, издателю «Света», еженедельной маленькой газет-

ки, стоившей 4 рубля и имевшей «приложения». Редактором «Русского Вестника» стал В.Л.Величко. Началась у него с Сигмой перебранка. Величко бранился с ним ежемесячно, а Сигма еженедельно в воскресных фельетонах. Почему они бранились? Не берусь выяснять. Таковы русские характеры. Такова русская «презренная действительность». При чем тут были «русские исконные начала»? Но Собрание посещалось, и по пятницам читались доклады в определенном стиле искания «исконных начал» и шли оживленные прения. Время еще по внешности было очень мирное и тихое. Подлинно, еще это были «туманы смутных дней». Грозные силы таились еще в недрах общества и народа. Можно было калякать и волноваться из-за слов со стаканчиком чая в руках.

Собрание интересовало уже потому, что В.А.Прокофьев⁸¹, главный репортер «Нового Времени», который давал и придворную хронику, помещал отчеты о пятницах. Появлялись: сам Илья Репин и художник Рерих, который даже подарил Собранию большую и превосходную картину «Поход скифов»; появлялся молодой композитор Юферов⁸², проф. Зелинский, автор замечательного труда «Древний мир и мы»; поэт и цензор, переводчик Канта и Леопарди, Соколов⁸³; приват-доцент университета, специалист по римскому праву, диссертация которого была «О законах 12-ти таблиц», поэт Борис Владимирович Никольский и его жена, дочь редактора «Исторического Вестника» С.Н.Шубинского, прекрасно читавшая стихи⁸⁴; членом совета Собрания состоял и почтеннейший Афанасий Вас. Васильев, сотрудник Третьяк Ив. Филиппова⁸⁵ — контролер армии и флота, славянофил и панславист, председатель общества «Соборная Россия», состоявшего из замечательнейших старцев, собиравшихся в деревянном домике, стоявшем посреди улицы на Петербургской стороне, автор огромного тома статей, и направление которого можно бы назвать «коммунизмом во имя отца, сына и святого духа»⁸⁶. Приходил и Навроцкий⁸⁷, автор исторических баллад и известнейшей из них «Утес Стеньки Разина», которую распевала еще дореволюционная молодежь 70-х годов:

Есть на Волге утес,
Седым мохом оброс...
Если есть на Руси
Человек хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил,
Бедняков не давил...
Пусть тот смело идет,
На утес тот взойдет

И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан
Все, что думал Степан,
Все тому смельчаку перескажет...

Отсюда видно, как разнообразен был состав этого внезапно возникшего и очень нашумевшего Собрания.

Хотя и монархическое, — но тогда все было монархическое и везде висели образа и царские портреты, — где кстати и некстати воспевали гимн, «Русское Собрание» все же сейчас обратило [на себя] внимание Победоносцева и Плеве. Они почувствовали в этом не казенное, не бюрократическое, не официальное, а общественное явление, почувствовали в нем некий политический живчик. Люди собирались и рассуждали. А следовательно могли и критиковать. А рассуждали о русских исконных устоях, о началах, которые давно сгнили и стояли только на честном слове. И наши «бесшабашные советники» это отлично знали. И Плеве решил Собрание закрыть. В самом деле, в обществе, сдавленном реакцией, накаплиются подспудные силы. И достаточно хоть где-нибудь уменьшить давление, появиться возможности проявления, чтобы там выявилась скрытая суть. «Русское Собрание» было какой-то маленькой Государственной Думой... В нем поднялось гражданское чувство, забил ключ живой мысли, так как в нем немало было людей талантливых. Впоследствии они стали недожиданными политическими деятелями. Вот, хотя бы, тогда чиновник Министерства внутренних дел Владимир Митрофанович Пуришкевич, писатель, поэт, публицист, патриот с неистощимой энергией и хороший оратор. Ораторов вообще было достаточно в Собрании. В нем выявилась «правая», но была и «левая». Молодежь есть молодежь. А в нем была молодая сторона, если в Совете заседали крупные бюрократы, генералы Величко, Мих. Мих. Бородин⁸⁸, красноречивый историк Финляндии, по существу очень либеральный человек. Присутствовал старый, почтенный генерал, воспитатель императора Александра III, Демянников⁸⁹. Был граф Игнатьев. Но с кн. Голицыным и его простенькой женой нашли аристократические юноши из «Небесной канцелярии» Государственного Совета. Васильев, являвшийся в русском костюме, в виде долгополого халата с пуговицами, привлек молодых чиновников Контроля, где дух был весьма сложный и крепкий. Появлялись братья-славяне, галичане. «Будем прежде славянами, а потом уже русскими», — энергично зывали они. На это, впрочем, слышался отпор: «Нет, сперва будем русскими, а потом уже славянами». Но душок панславизма был и перегибался в анархизм. Были и последователи Бакунина и Кропоткина — князя по

рождению и камер-юнкера императора Александра II. «Большой свет» всегда у нас имел нигилистов, вольтерьянцев, федералистов, сен-симонистов... Кн. Мих. Ник. Волконский (Анчар Манценилов)⁹⁰, автор исторических романов и знаменитой «Вампуки», заседал около графини де ла Барт, имевшей свой особый столик в Собрании, где она поила чаем и угощала отличными, мягкими, теплыми еще мятными пряниками, которые составляли специальность колониального магазина Лапина у Пяти Углов. Около этого стола рисовались юные камер-пажи и лицеисты. Но был и демократический стол, где чай разливала свояченица цензора-поэта Соколова, отличавшаяся бурсацкой грубоватой манерой. Это был очень честный, добродетельный и благоуветливый цензор, но человек — вздорщик, и с ним, так же как и с Борисом Никольским, в Собрание вошел элемент свары и раздора. Кроме того, Никольский приводил и «декадентов», и сам читал символические стихи, и даже Сологуба:

Когда я в бурном море плавал...
...Воззвал: Отец мой, Дьявол!
Спаси меня...

Это воззвание к дьяволу с кафедры, за которой на стене висел портрет во весь рост Государя, было очень пикантно. Но сам председатель, Дм. Петр. Голицын, говаривал: «Он — Романов, я — Голицын». Оправдывая слова трагедии:

Голицыным все воли не хватает,
Литва мила. Завидно панам — раде...

В самом деле, в Собрании радели...

Плеве решил прихлопнуть это «Русское Собрание». Дело в том, что слишком была очевидна невозможность поддерживать [прежний порядок вещей] при нарошем внутреннем возбуждении всех классов, когда уже сложилась социал-демократическая рабочая партия и в городах среди рабочих шло брожение, когда все общество, в сущности, было исполнено отрицательных тенденций, уже образовался Союз писателей, конечно, левый; слишком было очевидно, что конституцию дать придется добровольно, или разразится взрыв, который вырвет ее у власти насильем. Но как организовать народное представительство из одной «левой» и «крайней» левой? Где же «правая»? Где консерваторы? Однобокий конституционный режим не может существовать. Управляемый только «левой» и «крайней левой», парламент, конечно, свалит дряхлую монархию под откос.

Левей! Левей! И... с возом — бух! — в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

«Русское Собрание» должно было объединить всех людей благоразумных, доброй воли, на чем-то положительном, на «русских исконных началах». Оно вербовало «правую» и «крайне правую» будущего народного представительства...

Когда в Собрании появился Терещенко⁹¹, самый богатый капиталист, состояние которого простиралось до 60 миллионов, и даже пожертвовал Собранию пятьдесят рублей, вслед за ним пришли купцы-домовладельцы и внесли свою ноту. Но Плеве не разделял этой макиавеллической предусмотрительности и дальновидности Голицына. Ведь еще все было по видимости спокойно. Еще не пустили японцы в Порт-Артуре ко дну нашего броненосца. Еще в обществе называли их «япошками», «макаками», престиж России твердо стоял в Азии, и Япония была неведомой страной, и что зрело в этом гениальном народе, мы и не подозревали. Еще не было волхва, который бы сказал императору:

Грядущие годы таятся во тьме,
Но вижу твой жребий на бледном челе...

Почему же, однако, Плеве не закрыл «Русское Собрание»?

В Мариинском дворце, в ротонде, в перерыв заседания, когда члены Государственного Совета пили чай и ели бутерброды, к помощнику государственного секретаря князю Дм. Петр. Голицыну-Муравлину подходит граф Шереметев⁹² с любезным видом и говорит: «Князь, я на днях завтракал у Государя, и он очень хорошо отзывался о вашем "Русском Собрании", говорил, что это полезное явление, нужное нам, вполне ему сочувствует...» Голицын отвечал: «Граф, вон у колонны стоит Плеве. Скажите ему то, что вы сейчас мне сказали». — «Охотно. Но на что это вам?» — «Так. Скажите...» Шереметев подошел к Плеве и повторил ему слова Государя. Плеве сейчас отменил решение закрыть Собрание и выразил желание баллотироваться в число его членов. Что было хуже, трудно сказать. Но то очевидно, что в основании «Русского Собрания», именно с точки зрения конституционной монархии, выявилась большая политическая предусмотрительность. Первая Дума оказалась вся сплошь левой. Да и последующие, по существу, были левые, хотя это и прикрывалось наружностью, — и таки свалили дряхлую монархию под откос истории... /.../

9 января 1905 года было роковым в истории русской монархии. Накануне, придя в 5 ч. в редакцию «Нового Времени», я вижу: в редакции нашей никого. «Все сотрудники у Алексея Сергеича в

кабинете собравшись», — сказал безрукий высокий лакей. Личность замечательная, революционно настроенная. Но когда он начинал излагать свои убеждения, понять было невозможно ни слова. Чувствовалось только, что в жизни своей он чем-то обижен, что причиной тому было и начальство, что нужна ему свобода, и тогда он сам будет барин. Иного мнения был бравый швейцар в редакции «Вечернего Времени». Тот говорил убежденно: «Хуже свободы на свете ничего нет!»

Я поднялся наверх к Суворину. Толпа сотрудников окружала Алексея Сергеича. Старик был очень серьезен. Каждые десять минут входил новый репортер — как вестник в классической трагедии, — и сообщал, где сейчас отец Гапон, что он говорит, куда сейчас поехал, кто его окружает, что готовится. Репортеры, как ищейки, следили за ним. А он разъезжал по окраинам, по заводам, и петиция, которую завтра [собирались] подать всенародно в руки Государя, все росла и удлинялась. Начинаясь она выражением доверия к своему царю и кончалась требованием чуть ли не раздела между неимущими капитала и недвижимости имущих. Репортеры были увлечены своей слежкой. Показывали автографы героя дня. Являлись и старшие сотрудники газеты. Они приходили с петербургских вершин, из дворца, от графа Витте, из салонов и гостиных, но то, что они приносили, было смутно, неопределенно и растерянно. Готовилось вовсе не покушение на власть, не революционное выступление и не верноподданническая демонстрация, готовилась хитрым, продажным попом гнусная, преступная провокация, где все должны были быть обмануты. Но что могла сказать, написать, напечатать газета? Ничего. Уже потому, что старик Суворин потерял чуткость и понимание окружающего, как ни был умен. Да и событие, которое готовилось, было из тех событий, что становятся понятны лишь на другой день после их свершения. Мы же находились накануне кровавого, проклятого дня. Кто мог взять за шиворот попа Гапона? Знал ли Гапон, что в народ будут стрелять? Знали ли революционеры, что стрелять будут, и ожидали ли, что народ возмутится, патриотическая, верноподданническая демонстрация обратится в восстание, поднимутся заводы и на улицах воздвигнутся баррикады?

Московский полицмейстер, бравый Дм.Ф.Трепов, самая фамилия которого возбудила тягостнейшие воспоминания и была в такой момент бестактна, известный лишь одним, что, командуя взводом на похоронах императора Александра III, когда похороны кончились и надо было отводить солдат в казарму, велел ударить в барабан веселую дробь и крикнул взводу: «Гляди веселей!», — так этот Трепов вдруг оказался каким-то диктато-

ром на час в Зимнем дворце. Помню, как, проходя по Бассейной, я увидел на заборе прокламацию Трепова со словами «Патронов не жалеть». Народ молча, угрюмо останавливался и читал прокламацию. Никто не говорил ни слова. Но террор продолжался. Бомбы рвались. Подстреливали городских на постах. Журналист Шебуев поместил манифест, вышедший по поводу 9-го января, в еженедельнике, с отпечатком окровавленной десницы. Красная краска разлита была и на обложках других еженедельников. Помню, среди бела дня я шел по той же Бассейной. Она была пуста. Движение замерло. На перекрестке Бассейной и Знаменской на посту стоял городской, чахоточный, тощий, он весь был проникнут страхом, что вот-вот его подстрелят и семья его останется без кормильца. На всех четырех углах, где обыкновенно стояли газетчики, никого из них не было, а журналы лежали, от ветра нагруженные камнями. И все они багровели на солнце красной краской. Казалось, что четыре угла перекрестка были облиты кровью. Городской, видимо, от этого еще испытывал жуть и косился на эти красные полотнища... /.../

Но кто, спрятав бедного «полковника» Николая в Царском, решил ни к селу, ни к городу показать твердость, «употребить власть» и расстрелять иконы и царские портреты, расстрелять... монархию? Кровавый день закончился необыкновенным вечером. Закатывающееся солнце было окружено багровыми отражениями и образовало кровавый крест над горизонтом. Я пошел по Лиговке к Николаевскому вокзалу. Здесь, на площади, возле забора, окружавшего место, где строился памятник Александру III, стоял патруль царскосельских гусар. Спешенные люди в красных фуражках гордо стояли, опираясь на жирных белых коней, и с презрением смотрели, как с паническим страхом убегали последние толпы народа по направлению к Невской лавре и дальше, в область заводов, где таилась и ковалась настоящая революционная сила. И вот, на фоне багрового заката, выделилась одна одинокая отсталая фигура убегающего рабочего, как черный силуэт, как мрачный зигзаг. Он на мгновение обернулся, остановился, протянул руку с кулаком и погрозил по направлению Зимнего дворца. И вдруг повернулся, видимо, вновь объятый паническим страхом, и побежал. Гусары, скривя рты, смотрели на него. Что значила его угроза? Все еще казалось так прочно, так неумолимо грозно, так властительно! А между тем, эта угроза рабочего таила в себе предопределение будущего. Монархия сама себя разрушила в этот роковой день. /.../

Ночью [17 октября 1905], в два часа, ко мне позвонил знакомый журналист, служивший также в Телеграфном агентстве. Потрясенный, ошеломленный, недоумевающий более, чем обрадованный, этот огромного роста человек, избравший себе псевдоним Лилипут⁹³, принес переданные по телеграфу во все концы тексты конституционных актов, начинавших новую эру России. Под ними было подписано: «Быть по сему. Николай». А ниже: «Дано по приказанию графа С.Ю.Витте». То есть телеграфное сообщение было дано. Но все понимали это или хотели понимать так, что сама конституция была дана не Николаем, а графом Витте. В самом деле, порядок объявления нового закона был такой: он должен был поступить в «хранилище законов», в Сенат. И только Сенат затем мог его обнародовать. А Витте выпустил птичку из клетки помимо Сената. Но дело сделано, и назад идти было уже нельзя. Святополк-Мирский, Гапон, Трепов, Булыгин, Витте, Николай II... Все это не более как поплавки, показывающие напор и подъем исторического потока революционной силы...

Что может человек предусмотреть? Завтрашнего дня он не знает. Сегодняшнего — не понимает. Вчерашнего — не помнит. Если он и поступает свободно, по желанию своей автономной воли, то следствия его поступка не в его воле. Ведь мое деяние — мое, пока я его не совершил. А лишь совершил, оно подпадает целой сети влияний, и что принесет оно, что даст — неизвестно.

Сто лет наши западники веровали и исповедовали, что только бы Россия получила конституцию и парламент — и наступит всеобщее благоденствие. А вот сейчас вышла во Франции книга Пьера Лисиуса «Революции XX столетия» (1934), о которой дана рецензия в московских «Известиях». В книге автор намечает новую политическую программу своего отечества, и что же? Он требует лишения парламента власти и превращения его лишь в совещательное собрание. Власть же должна быть единолично передана диктатору. И за это идет теперь борьба во Франции, и не без крови, и во что разгорится? Кто скажет? Но в Италии, в Германии, в Австрии это уже сделано. Вот странное следствие «революций XX столетия», в число которых должна быть включена и наша революция 1905 года.

Принесший мне ночью в 2 часа «виттевскую» конституцию приятель-журналист, видимо, ожидал, что я или сотрясусь ужасом и горестью или, напротив, велю подать шампанского, радостно стану плясать. Но...

На челе моем высоком
Не отразилось ничего...

Я читал собрание конституций Дареста⁹⁴ и знал судьбу писанных конституций и деклараций на континенте. Увы, у нас были и конституция, и парламент еще в XVI столетии, возникшие самобытно и опиравшиеся на всенародное Московское Вече — Земский Собор. То была подлинная конституция, ибо, как и английская, она лежала в правах, а писаной не была. И то был настоящий парламент, потому что в нем (как и в английском, почти до самого XVIII века) протяженно-сложенных речей не говорили, а дело делали. Но и парламент наш, и конституцию нашу, и народную свободу и самобытность — хотя бы зародыш их, — все разгромил своей дубинкой Петр I, именуемый Великим.

Сейчас в Публичной библиотеке, около справочного отдела читальной залы, вы можете видеть колоссальные, переплетенные в шагреня, томы стенографических отчетов Государственной Думы. Они покрывают целую стену. А само учреждение, проговорив 12 лет, исчезло в волнах истории, как загадочный материк Атлантиды, не оставив никакого следа в памяти народной: и говорившие там ораторы, и что они говорили, и самые имена их так забыты, как бы их никогда и не бывало. Можно сказать, что наш парламент стоил, как и хлеб, 2 коп. фунт. А как только стал 5 коп. (1916) — повалился... Никаких корней в народных массах у этого учреждения не оказалось, никаких сторонников. Оттого исчезло вместе с монархией, которую свалило в благодарность под откос истории... или вместе с ней туда съехало, подмытое непрестанно набегавшей волной, поднятой бог знает где в океане народной жизни великим прибором вечной мысли и воли...

[...Утро 13 августа 1934 года. Возвращаюсь из булочной с хлебом. Навстречу быстро движется стройная Лидия Ивановна Арсеньева, артистка, проживающая на площади моего сына и ангажированная в театр Краснознаменной Дальневосточной армии во Владивостоке, куда на днях и едет. В руках у нее посылка. Она идет на почту ее отправлять. Ящичек с хлебом. Посылает брату, служащему бухгалтером в зерносовхозе на Средней Волге. «Неужели там хлеба нет?» — «Москва все взяла. Вместо хлеба выдают... жмых». А у ее брата жена и четыре девочки...

Вчера по улицам проехал красный обоз из десяти грузовиков, наполненных картофелем, украшенный красными флагами, зелеными ветвями и лозунгами, но... неужели мы так оскудели, что столица России встречает с праздничной торжественностью обыкновенную картошку? Вот и еще доказательство, что революции вызывают гипноз идей, а не экономические причины, хотя на них обычно ссылаются.]

/.../ Я уже сказал, что деятельное мое сотрудничество в «Новом Времени» прекратилось к 1905 году, и я лишь время от времени помещал на страницах этой газеты специальные исторические справки, библиографические заметки, и только. В «Русском Вестнике» я составлял отдел «Современного Обозрения», которое составило два больших тома. Но, главным образом, работа моя сосредоточилась на «Историческом Вестнике». Сперва мною были здесь помещены статьи историко-публицистического характера. А именно, ряд статей по истории цензуры; эти статьи составили отдельную книгу под заглавием: «Очерк истории русской цензуры в связи с историей русской печати за 200 лет»; она была издана А.С.Сувориным. Большая историческая статья написана была мной и появилась в «Историческом Вестнике» по поводу 200-летия основания Петербурга. Затем статьи «Гоголь и Нарезный» и «Гоголь и Булгарин».

С 1905 по 1914 г. развернулся четвертый период моей литературной работы. После кончины от жестокого плеврита В.Л.Величко «Русское Собрание» скоро утратило живое, общественное значение, наполнилось чиновниками с их служебными интригами, и бюрократическая мертвечина быстро, как песком, затянула пробивавшийся вначале здесь ключ оригинальной мысли и гражданского чувства и подъема. Не рожденный быть политиком и даже, в сущности, журналистом, поэт и работник свободной уединенной мысли, я именно в реакцию 1907 года печатно заявил письмом, что никакой, ни явной, ни тайной политикой не занимаюсь и не принадлежу ни к какой политической партии. В 1906 году у нас оказалось что-то до шестнадцати партий...

Мои бытовые романы были напечатаны, читались, но лишь обратившись к историческому жанру, я почувствовал некоторую силу пера, и успех моих исторических романов был гораздо явственнее. Первый исторический роман, который я написал, был «Московское рушенье» (1699-1702 гг.) — возвращение Петра I из заграничного путешествия, розыск бунта стрельцов и перенос столицы. К этому роману был пролог «Петр в Вене». Пролог этот был мною напечатан в приложении к «Новому Времени». Вот сижу в редакции. Появляется генерал Шубинский. Он похаживает мимо меня, потирает руки, улыбается. Наконец подсаживается ко мне. «Я читал ваш рассказ. Недурно. Приходите ко мне в редакционный день. Поговорим». Дело в том, что умер граф Салиас; исторические романы его очень любили подписчики, и они появлялись в «Историческом Вестнике» из года в год. Многоопытный С.Н.Шубинский знал эгоизм русского друга-читателя. Умер Салиас. Романа в журнале не будет. Читатель немедленно слы-

нет туда, где печатают исторические романы... Ну, хоть «Приложения» к комаровскому «Свету» или к «Родине» Каспари выпешет. И подписка снизится.

В редакционный день я появился в квартире генерала Шубинского (он служил некогда в интендантстве) на Знаменской. В маленьком кабинете из передней направо, смотревшем двумя окнами на улицу, был только письменный стол редактора и шкафы с книгами его замечательной библиотеки по истории XVIII века, знатоком которой он был. В особом шкафу стояли переплетенные томы писем к нему русских писателей. Драгоценнейшее собрание⁹⁵. Чистота и величайший порядок отпечатлены были на всем. Сергей Николаевич нередко вспоминал николаевское (Николая I) время и муштру, которую прошел. «Помню, — рассказывал он, — что в воскресенье я шел в отпуск. В голове были разные мечты. Семейный милый дом... Барышни в белых платьицах... Книжки... Вдруг навстречу катит в коляске генерал. Вытягиваюсь. Генерал воззрился... И начинает показывать себе на горло и воротник... А потом тычет пальцем в меня... Хватаюсь за горло: забыл застегнуть верхнюю пуговицу высоченного воротника. Генерал затем тычет перстом по направлению корпуса и уезжает. И не думай уклониться! Иди послушно в корпус, явись начальству, доложи, что посторонний генерал заметил беспорядок твоей форменной одежды. И ступай под арест. И прощай воскресный отдых, барышни, семейный пир, книжки и прочие розовые мечты!»

Любил С.Н. еще показывать книжку, где у него записаны были все гонорары, полученные с первой напечатанной им статьи. Общая сумма достигла ста или двухсот тысяч, за всю долгую работу.

В каталоге его книжного собрания тоже были показаны цены, которые он платил за величайшие книжные редкости: двугривенный, полтинник, редко рубль. Рассказы его о жестокой судьбе русских писателей и издателей были истинным мариологом. Помню его рассказ о Старчевском, издателе «Русского Инвалида»⁹⁶, одно время имевшего характер общественной, политической газеты и большую подписку. Шубинский — молодой юнкер — принес ему свою статью. Старчевский сидел за огромным письменным столом в роскошнейшем кабинете, наполненном мебелью, картинами, статуями. Не глядя протянул руку, взял статью и велел прийти справиться о ее судьбе через неделю. И тем же жестом возвратил. Прошло много лет. Шубинский уже сам был редактором журнала. В редакцию входит бедно одетый, смиренный старичок. Приносит свои воспоминания и объясняет, что он крайне нуждается. Это был некогда процветавший Старчевский.

Мы стали выбирать тему для исторической повести. Я было предложил мой роман, уже готовый, «Московское рушенье», пролог которого так понравился Сергею Николаевичу.

— Нет, я ранее Екатерины II ни статей, ни повестей не печатаю. Я имел достаточный опыт. Все исторические журналы, в которых печатали труды свои наши великие историки, Сергей Соловьев, Николай Костомаров и другие, не поднимались выше 1500 подписчиков, не могли существовать и закрывались. Публика не любит истории раньше Екатерины II, потому что не понимает и даже представить себе более древние времена не может. «Исторический Вестник» имеет свыше 20 тысяч подписчиков. А почему? Я печатаю им понятное, близкое. Легкие, популярные статьи. Наш читатель с образованием не свыше четырех классов гимназии...

Можно представить, каково было мне слушать эти циничские соображения! Но горький опыт умудрил бедного редактора.

Избрали темой пребывание в Шклове фаворита Зорича и как он делал фальшивые бумажки. Повесть была написана и появилась в четырех последних книжках «Исторического Вестника» за 1905 год. «Конституция» принесла все же свои плоды. Явилась возможность писать о том, что было под запретом. И вот для следующего года «Исторического Вестника» я избрал темой 11 марта 1801 года, т.е. царствование и гибель императора Павла I. Исторический материал был мною взят опять из богатого книгохранилища Сергея Николаевича Шубинского. Роман этот под заглавием «Окровавленный трон», несомненно, имел большой успех. Он шел во всех двенадцати книжках журнала и поднял подписку. Некоторое количество отдельных оттисков было раскуплено в книжном магазине «Нового Времени».

Отчего я не воспользовался «оборотом» и не выпустил роман отдельным изданием? Странная неуверенность в себе преследовала меня с самого начала моей литературной деятельности. А между тем, уже напечатав «Шкловские ассигнации», С.Н.Шубинский предложил мне переговорить с А.С.Сувориным и предложить ему издать мои беллетристические вещи. Составились бы два или три тома. Но я колебался, не решался, сомневался и... пропустил случай.

Помню, одна книжка «Исторического Вестника» начиналась статьей великого князя Николая Михайловича. Затем, вслед за его подписью, шел заглавный лист моего романа «Окровавленный трон» с эпитафией из Шекспира:

Сядем, лорды, здесь на земле,
Поговорим о бедных королях...

Сколько их погибло от кинжала, отравы и топора...
Смерть царствует в короне королей...

Теперь, когда пред нами уже совершилась судьба несчастного императора Николая II и самого историка и очень скромного великого князя Николая Михайловича, и прочих членов его фамилии, это сопоставление в 1905 году является каким-то невольным пророчеством. А между тем, уже в 1918 г., смиренно обедавая в Доме Литераторов на углу Бассейной и Эртелева, бывший великий князь Николай Михайлович говорил: «Я ни к чему не прикосновенен и ни на что не посягал и не посягаю. Я — историк, автор полезных трудов, и только. Меня не тронут...»

Таково было полное непонимание семьей размножившихся Романовых своего опаснейшего положения. Николай Михайлович занимался историей, знаком был с историей революций. И ничего не предусмотрел, как и вся его родня. Они привыкли отделять себя, свою личную частную жизнь от официального представительства, этикета, обряда, который выполняли механически. Им казалось, раз они отойдут от власти, то и будут жить мирно и приятно, частными людьми. А между тем судьба Павла I, изображенного мною в романе, многому их могла бы научить. Мне говорили, что государь, тоже большой любитель истории, с удовольствием и интересом читал «Исторический Вестник» и мои романы. Но они не сказали ему ничего, как песнь гуслира в балладе гр. А.К.Толстого, которой он предупреждал едущего на гибель князя:

Его не спасти. Ему смерть суждена...
Ой, море! Ой, синее море!

[14-е августа 1934 г. Картофеля нет... Говорят, нет потому, что его заготавливают для армии. Странно. Мы ни с кем пока не воюем. Мобилизации нет. А едва стали заготавливать картофель для армии, для населения его не стало.]

/.../ В Москве «октябристы» стали издавать газету. Ее редактировал брат Александра Ивановича Гучкова, Федор Иванович⁹⁷. Называлась газета «Голос Москвы» и явилась весьма живым, прогрессивным и чисто плотным изданием, с почетным составом сотрудников из московской профессуры, например, Герье⁹⁸. Для фельетонов газеты потребовался исторический роман. С.Н.Шубинский рекомендовал обратиться ко мне. От имени газеты явился приват-доцент и осведомился, нет ли у меня готового романа. «Мои купцы, — так называл он редакторов и издателей "Голоса

Москвы“, — хотели бы иметь вашу вещь». Я сказал, что имею роман из эпохи Петра I и рассказал его содержание, сообщил, по каким материалам писал эту вещь. Приват-доцент (не запомнил фамилии) сказал, что сообщит об этом в Москву.

Через некоторое время получаю телеграмму Ф.И.Гучкова с оплаченным ответом: согласен ли я продать «Голосу Москвы» роман и сколько в нем листов, приблизительно. Я, конечно, немедленно ответил. Опять телеграмма с оплаченным ответом: «Предлагаем вам за роман такую-то сумму». Отвечаю: «Согласен». Через три дня ко мне явился очень милый юноша, коммерческого типа больших фирм, с полномочием получить от меня рукопись романа и передать мне аккредитив на всю сумму гонорара. С ним я затем пошел в Международный банк и немедленно получил всю сумму, кажется, около трех тысяч, сполна. Чувствовалась во всем этом власть капитала и широкий размах нашей буржуазии, приближавшейся к власти... на три месяца. Роман начался печатанием в фельетонах газеты и шел два года. Так что первую половину, в виде особого оттиска, приложили бесплатно для новых подписчиков на второй год. /.../

Я уверен, что все, кто вспоминает издателя «Света» Виссариона Виссарионовича Комарова, помянут его добром, как благородного, доброго, отзывчивого на нужды ближнего русского человека, замечательного общественного деятеля с неистощимой энергией, очень много сделавшего для просвещения широкой публики созданием большого издательского дела. Из военного боевого рода, Виссарион Виссарионович предался журналистике, где представлял русское направление, с симпатиями к народу и свободе, с сочувствием к общеславянскому делу просвещения и освобождения. Но к успеху материальному он пришел не сразу и перенес сперва большие пертурбации и испытания. Большая газета «Русский Мир», которую он издавал в 70-х годах, хотя и составила ему имя, но, в конце концов, его разорила. Вот характерный рассказ С.Н.Шубинского:

«Прихожу за гонораром за помещенную в газете статью. Просят наведаться дня через два. Опять захожу. Тот же ответ. Еще прихожу через три дня — контора газеты закрыта. Что делать? Деньги нужны были. Да и кому они не нужны? Иду к самому В.В.Комарову на квартиру. Звоню раз, два, три. Никто не открывает. Пробую — дверь не заперта. Вхожу — пусто, тихо. Иду по комнатам — пустота. Ни мебели, ни вещей. Наконец отворяю дверь в последнюю комнату. Там стоит стол, стул и кровать. На ней кто-то лежит укрытый с головой. Кашляю... Вдруг этот некто

сбрасывает одеяло, поднимается... Комаров Виссарион Виссарионович! "Что вам?" — "Так и так. У вас в газете была напечатана моя статья. Нельзя ли получить гонорар?" — "Какой гонорар?! Видите? — указал Комаров широким жестом. — Пусто! Всю обстановку описали. Все вывезли. Только кровать, стол и стул оставили. Мне есть нечего. Из каких средств я вам уплачу гонорар?!..“»

Но ему удалось получить разрешение на издание маленькой, патриотической, с русским направлением, четырехрублевой газетки. Конечно, для провинциального читателя. И с приложениями беллетристики переводной и отечественного производства. Получив разрешение, Комаров с помощником заключились в небольшой комнатке, выписав столичные и провинциальные газеты. Пара ножниц и клей — орудия производства. И стали вырезать и выклеивать маленькую газетку живо, ловко, по вкусу провинциалов.

Газетку заправлял Виссарион Виссарионович своими передовыми статьями. Писал сильно, кратко, с подъемом. И газетка пошла и потому, что была дешева, и потому, что была маленькая, а все в ней было. В особенности, когда к этому присовокупались романы, успех был превосходный. В.В.Комаров нажил на этом предприятии большое состояние. Купил собственный дом на Невском за Николаевским вокзалом и имение Драготино недалеко от Любани, где и у С.Н.Шубинского около самой станции была дача с садом, куда редактор «Исторического Вестника» и ездил каждое лето.

В Драготине у Виссариона Виссарионовича я прожил одно лето с семьею, которая состояла из моей жены, дочери Ани, впоследствии бывшей замужем за поэтом Н.С.Гумилевым, а тогда, в 1906 г., — девушки по 17-му году, юноши — пасынка моего Николая Константиновича Бальмонта, сына поэта, и маленького моего сына Александра, второго моего мальчика. Первого, крестника Владимира Сергеевича Соловьева, я потерял в младенчестве его. /.../

[19/VII.34 г. /.../ В Москве открылся съезд писателей. Избран председателем Максим Горький. В своей речи он сказал: «Мы — судьи мира, осужденного на гибель, и представители революционного гуманизма, который освободит мир от пошлости, зависти, низости, глупости, от подлой богини мира — собственности и гнусного индивидуализма».

В Гдове дети читают подпольную литературу... Чарскую. Заразили и взрослых. Даже пограничный батальон с наслажде-

нием читает Чарскую («Литературный Ленинград»). Но ее читают и в Ленинграде, и в Москве, и по всему Союзу девочки читают «подпольную писательницу» Чарскую и... Маршаки и Чуковские бессильны ее побороть. /.../ Привезли картофель. Всем... Получил в «Молодежном» 10 кило по 40 коп. Кило помидоров — 1 р. 70 к. Кило огурцов — 40 коп.]

Революция идет по определенным прямым. Так, в Петербурге 1905-1907 гг. она шла по Невскому и Литейной, с Загородным и Садовой. Там стреляли из револьверов, там казаки работали плетьюми, там «не жалели патронов». А в кварталах, лежащих в углах, образуемых перекрестком этих улиц, была совершенная пустыня. Итак, тот, кто не шел ни с революцией, ни против революции, в тихих углах, в своем переулке мог пользоваться полным спокойствием и работать. До самой мировой войны не было никаких затруднений с продуктами, лавки были полны; кроме нескольких дней забастовок, электричество горело, газеты выходили... Можно было из своего переулка, как из ложи театра, смотреть на «житейское море, воздуваемо напастей бурей». Вот почему до самой мировой войны у большинства революция не вызывала ужаса, но лишь возбуждала их любопытство. Пили, ели, женились, посягали, с улыбкой говорили: «углубляйте революцию», — и не предчувствовали, что это лишь первые порывы бури, первые содрогания идущего циклона, что «придет потоп и утопит всех». Реакция 1907 года и последовавшее за нею семилетие относительного спокойствия, когда все брожение пленной мысли сосредоточено было в Государственной Думе и выражалось ее «большими днями», имели следствием то, что большинство полагало, что этим словесным кипением все общественные страсти разрешаются, а жизнь осталась, как была.

Я, конечно, этого не думал, хотя и пользовался спокойствием своего уголка, не идя ни с революцией, ни против революции, ни с правительством, ни с Думой, а сосредоточась на художественной работе. Но я понимал, что падение царизма повлечет обвал всего государственного свода, и нельзя предвидеть, как далеко это пойдет. «Русский Вестник» кончил свое существование. И в последнем моем обозрении я указывал на это темное грядущее, чреватое грозой... Но, повторяю, эти годы внешнего спокойствия я как бы прощался со старой жизнью, дни которой были сочтены... В 1907 году в Киеве, осматривая Десятинную церковь, я испытывал странную галлюцинацию. Мне казалось, что каменный помост окружающей церковь паперти, откуда открывается беспредельный почти вид на огромные пространства, что помост

этот подламывается подо мной, точно во исполнение пророчества одного тогдашнего прозорливца, который предрек: «Все, что с надломом, — падет».

Эта галлюцинация, мне кажется, объясняется бессознательными рефлексамии тех потрясений, которые пришлось вынести моей нервной системе в революционные годы, хотя я и пребывал в «тихом углу». Чувство близкого конца на все накладывало отпечаток грусти. В этой старой жизни, в быте, в старых «типажах» было своеобразие и своя красота. Купцы, их приказчики, дюжие, румяные продавцы мясных и зеленных лавок, духовенство, русокудрое крестьянство, чиновники, военные, помещики, весь склад их семьи, дома, обстановки, быта — все то, что отразилось в поэзии, в романе, в драматургии XIX века, — доживало свои дни и должно было исчезнуть... Старая жизнь была на закате. /.../

[23/VII.34. У решетки церкви Симеония. Шкафы букинистов. Томы, разрозненные, романов Каразина в простом переплете по 5 рб., роман В.Скотта «Уоверли» /.../ — 7 р. 50 к. и т.д. «И берут по этим ценам?» — «Еще как. Надоело барахло-то». — «Что называть "барахлом"?» Букинист (дипломатично): «Известный сорт советских писателей-с». Думаю про себя: «Еще есть ли другой сорт?» Без переплета разрозненные четыре тетрадки сочинений князя Михаила Николаевича Волконского (изд. «Родины», Каспари). «Почем?» — «По 50 к. выпуск». — «Да ведь это отрывки из разных романов». — «Были бы полные, спросил бы по полтора рубля». — «Вы так любите Волконского?» — «Еще бы, князь Волконский! Знаменитый писатель». — «Мне приятно это слышать. Я был его приятель». На лице букиниста выражение уважения. «Позвольте спросить, как ваша фамилия?» — «Она не скажет вам ничего». — «Однако скажите». Сказал, и по выражению лица и молчанию молодого букиниста вижу, что был прав.

Комплект «Родины» за один год, без переплета — 20 рб. «Что так дорого?» — «Помилуйте, "Родина"! Вот "Ниву" можно и за пять рублей год».]

1917

Я был болен и полгода не выходил из своей квартиры в четвертом этаже на углу Бассейной и Эртелева переулка (ныне Некрасова и ул. Чехова, где и сейчас пишу эти строки). Я не читал газет, никого не видал, погруженный в себя и в свою безграничную скорбь. Такие переживания не передаются бумаге. Я вышел из до-

му только после переворота. Газеты не выходили три дня. Наконец появились в виде отдельных листов «Известия», наспех составленные группой репортеров и журналистов. Там были помещены отречения Государя и вел. кн. Михаила, сообщения о действиях революционного народа, об аресте и отправлении в Петропавловскую крепость министров, речь Милюкова, который приветствовал Думу с самой быстрой, самой бескровной в мире революцией, в три дня давшей победу народу. «Остается только сохранить эту победу», — добавлял Милюков. В статьях видно было искание нового языка, что смахивало на язык французской революции, но фразистость эта по-русски звучала фальшиво.

Я вышел на улицу. На углу Эртелева и Бассейной я заметил большое кровавое пятно. Наш старший дворник Дмитрий Яковлевич Арефьев, видимо, содрогаясь внутренне, засыпал кровь песком... Кто ее пролил? Случайная ли шальная пуля попала в прохожего, или две партии перестреливались? Но революция оказывалась не совсем бескровной. Скорее партию кадетов можно было назвать «бескровной» партией фразеров, совершенно не способных к власти.

По улицам заметно было много без дела и начальства шагающих и луцивших семечки солдат — огромных гвардейцев. Невский был заплеван подсолнечной шелухой. У кондитерской «Де Гурме», подставив деревянную лестницу, какие-то представители «революционного народа» свергали вывеску — государственного орла. Он полетел с громом вниз. «Что они делают?» — с испугом отскакивая, воскликнул с виду чиновник.

В редакции «Нового Времени» я нашел большие перемены. Нижний этаж дома А.С.Суворина в Эртелевом переулке, где была раньше редакция газеты, отдан был в наем компании восточных людей, торговавших там коврами. Редакция перешла в бельэтаж и заняла кабинет покойного А.С.Суворина, выходящий в переулок большим итальянским окном, и залу рядом, где стояли две огромные китайские вазы, напоминавшие чайный магазин, и висел портрет А.С.Суворина кисти Крамского (в бархатной тужурке и с каким-то загадочно-пронзительным выражением) — перемудрившего художника, желавшего видеть в этом отзывчивом, сердечном и умнейшем русском человеке какого-то венецианца с ядом, кинжалом и мешком червонцев. Новый редактор газеты — это был журналист Ксюнин — занимал следующий просторный бывший кабинет Анны Ивановны, любвеобильной супруги Суворина⁹⁹. Старые сотрудники — Буренин, М.М.Иванов, А.М.Никольский и др. отстранились, «не чувствуя момента». Взяла власть группа мо-

лодых сотрудников: Ксюнин, Ф.Ф. Борнгардт (заведующий хроникой и репортерами), Шумлевич, Селитренников (Ренников), художник Магула, грек с острова Кефалонии, и т.п.¹⁰⁰ То есть, в сущности, думские репортеры. Это была сплоченная компания, которая ночью, после того, как номер спускали в машину, собиралась в Артистическом клубе возле ресторана Лейнера на Невском и там ужинала, пила и дулась в карты и на заре уезжала в автомобиле домой спать. По зале ходил старый сотрудник Гольштейн и громко уверял, что он всегда был народовольцем... Сотрудники обращались к восседавшему в кабинете за редакционным столом Ксюнину с гордо звучащим приветом: «Гражданин редактор». Вообще, показывали гражданское мужество. Слышались восклицания: «Так углубляйте революцию!» Ксюнин предложил мне вести раздел «Среди газет и журналов» и заведовать внутренним отделом. Я согласился. «А как вы думаете, — спросил он меня при этом, — кончилась революция?» — «Я думаю, что она только что начинается», — отвечал я. «Но сейфы в банках ведь не тронут?» — «У меня нет сейфа, но думаю, что и до сейфов доберутся». — «Ну, чтобы до сейфов дошло, уж это едва ли...» — с сомнением пожимая плечами, сказал Ксюнин.

Маленький грек с острова Кефалония, художник Магула, заведовавший в типографии Суворина фотографией, заявлял, что во время революции надо коллекционировать, собирать прокламации, писать «дневник революции». Он, впрочем, недолго вел этот дневник и коллекционировал. Его квартиру, которую он занимал в Эртелевом, во втором доме Суворина, рядом с типографией, ограбили мазурики, и он после того исчез, как и многие. Вероятно, воротился к себе на остров Кефалонию, как, надо думать, на остров Хиос уехал Карандонис, продававший на Литейном губки и превосходные халву и рахат-лукум... Сладкие воспоминания старого режима.

...Это был уже не старый полунемецкий Санкт-Петербург. Это был славянский Петроград. Но все тот же Арлекин, стоявший спиной и к морю, и к России и живший своими собственными измышлениями. Революция 1905 года мало затронула обывателя. Да, где-то рвались бомбы, текла кровь, летели куски разорванного человеческого мяса и подвернувшийся при этом прохожий страдал. Но лавки, булочные, мясные, зеленные, курятные, молочные, лабазы были полны товарами, и цены были нормальные. Воры и грабители сидели по тюрьмам. На перекрестках стояли городовые с шашкой и револьвером. Обывательское мирное и благополучное житие не прерывалось. Во время забастовки потухало электричество, но были керосин и свечи.

Мировая война уже дала себя почувствовать. Зима 1916 года была очень суровая, и на морозе уже приходилось стоять с раннего утра в очередях. Правда, стояла прислуга, а не господа. Мясо выдавалось из городских лавок нормированное, три фунта на одни руки, по 40 коп. фунт. За ним стояли длиннейшие очереди. В мясных мяса было мало, и доходило оно до рубля и выше за фунт. Сахар выдавали уже по карточке, отрезая купон, по три фунта, и тоже 40 к. фунт. Масла было достаточно. Хлеб ржаной поднялся до 5-ти копеек, и в газетах поднялся крик по этому поводу. Губернаторы стали «нормировать» цены на хлеб в отдельных губерниях; хлеб стал пропадать. Переворот 1917 года только увеличил расстройство торговли. Появились карточки за подписью Громана¹⁰¹, и все его бранили за то, что он «устраивает очереди». Между тем, было очевидно, что, раз вступив на путь нормирования цен на продукты питания, надо идти до конца и нормировать и цены на мануфактуру. Впервые стали осязательно для обывателя, на его костях, сказываться железные законы экономики /.../. Стал как бы обнажаться скелет общественной организации, «мясо отделилось от костей» и череп улыбался смертным оскалом. Однако первый месяц после переворота был медовым месяцем революции. Всюду пили шампанское по поводу долгожданного «низвержения царизма». Так было в семье Ф.Ф.Борнгардта, который до того не проявлял никакой особой революционности. Но когда шампанское заплескалось в бокалах, знакомая семье прозорливая старушка сказала: «Я с вами пить шампанское не буду. Я уйду. Я приду к вам, когда вы будете пить... кипятков». И она подлинно пришла к ним через два-три года, когда вся семья сидела и пила — кипятков.

Невский был запружен народом. Стены покрыты были плакатами. Выходило множество газет. Продавали брошюры, в которых сообщались скандальные сведения об отношениях Григория Распутина к царскому семейству, о его убийстве, о фрейлине Вырубовой...

Я встречал священников и дьяконов, которые шли с торжеством на довольных лицах. Когда в заседание Синода явился обер-прокурор Львов, то не нашел своего обычного кресла. «Смирненные» приказали его вынести. На заявленное обер-прокурором удивление они сказали, что Христос больше не будет прикован к руке центуриона, что раз нет больше монарха, не требуется больше и «ока монаршего» — обер-прокуратура отменяется. Кажется, и придворное духовенство приветствовало падение царизма. Еще недавно оно напечатало особую записку, где высказывалось, что придворное духовенство ни в каком случае не отделяет себя от

государства. В этой записке все было предусмотрено, даже указывалось, где во время богослужения должен — «на правах епископа» — стоять протопресвитер придворного духовенства. Одного только придворные отцы не предвидели: что через несколько месяцев не будет никакого двора. После октября 1917 г., когда уже была закрыта под Москвой Сергиева лавра, монахи в Сергиевом подворье у дворца на Фонтанке с беспечным цинизмом заявляли: «На наш век дураков хватит». Это мне сообщил свой между ними человек, регент хора. И, конечно, когда правый Шульгин и московский первой гильдии купец-старообрядец с Рогожского кладбища Александр Иванович Гучков, которого в семье звали «пустоцвет», предлагали Государю отречься от престола, они не предвидели от сего никаких особых последствий. Предполагалось, что совершается переворот в пользу фантастического класса «буржуазии», так как, по мнению наших западников, у нас все должно было идти по образцу французской Великой революции (кроме гильотины?); что власть получают те московские толстосумы, представители капитала в шестьдесят миллионов золотом (взятых взаймы у европейских банкиров под чудовищные проценты, платить которые должен народ!), которые еще в 1906 году заявляли, что жить не могут без «прямого, равного, тайного»... /.../

Как и в 1905 г., началось с юга. Так как я заведовал провинциальным отделом газеты, то ко мне стали, как к последнему прибежищу, являться помещики, у которых крестьяне отняли имения. «Где же искать защиты?» — растерянно вопрошали они. «Только не у князя Львова», — отвечал я. На все заявления, жалобы и требования «власть употребить» Львов отвечал, что он не может вступить на путь насилия, ибо тогда чем же он будет отличаться от старых министров царизма, которые... сидят в Петропавловской крепости? Львов заменил повсеместно старых губернаторов председателями земских управ и... адвокатами, вероятно, воображая, что последние более любезны массам, чем губернаторы царизма. У губернаторов подлинно были только белые штаны и генеральская осанка. Но у сменивших их не было даже и белых штанов, и осанки. Но так как во время революций во Франции великую политическую роль играли адвокаты, то предполагалось то же и у нас, где народ их называл «аблакат — нанятая совесть». Адвокаты собирались в черном небольшом клубе, по Басковой, около Бассейной. Потом как-то этот дом был разгромлен и долго стоял с выбитыми стеклами и проломанными дверями, развалиной-руиной буржуазных надежд.

Да, все ликовали и праздновали, восклицая: «Наконец-то дожили!» Историк, который будет разбираться в документах этого

времени (с конца февраля до конца октября 1917 г.), поразится царившим тогда сумбуром и проявлением общественной подлости. Все стремилось в Таврический дворец поздравлять Временное правительство с победой. Не удивительно, что свои восторженные чувства подносили дворцовые служители и камер-лакеи. Лакейство и есть лакейство. Но люди независимые, казалось бы почтенные, делали то же, хотя еще недавно они появлялись во дворцах, искали благосклонности монарха и великих князей. Совет Русского Собрания, которое, получив монарший «дар», мирно делило в Кузнечном переулке между собою проценты с этого «дара», в полном составе тоже отправился на поклон к Временному правительству... Это холопство, это проявление общественной низости людей, живших монархией, должно было быть наказано, и оно скоро было наказано.

Во время переворота избивали и убивали несчастных гороховых, безупречных старослуживых солдат, украшенных знаками отличия, столько лет стороживших мирное прозябание обывательщины. «Освобождались» от полиции. Был сожжен Окружной суд со всеми делами и старинная Литовская тюрьма для воров. Начались грабежи и насилия. Один из сотрудников «Нового Времени», тот же Ф.Ф.Борнгардт, был ограблен на Кирочной улице в 7 часов вечера. С него сняли прекрасную шубу. Это несколько охладило его гражданский пыл.

Я проходил по Марсову полю, когда там солдаты копали в песке могилы для жертв революции. В песке оказались огромные каменные глыбы. Солдаты были недовольны, что им приходится заниматься такой тяжелой земляной работой вместо того, чтобы сидеть в Таврическом дворце на сиреневых креслах (любимый цвет Государя) и управлять страной. Один из этих невольных гробокопателей, опираясь на заступ, повторял: «Что мы, солдаты, получили от революции?» Вообще всюду задавали эти вопросы: «Что мы получили от революции и за революцию?» Чиновники, не сомневающиеся, что монарха, которому они присягали, не стало, но Табель о рангах останется и 20-е число тоже, постановили наградить себя за измену золотой канителью на рукава мундиров и пальто по числу класса. Коллежский регистратор — один оборот золотой канители, губернский секретарь — три и т.д., и т.д. Тайные советники должны были озолотить рукава по локоть. /.../

По Литейной несли на руках гробы. Шли депутации со знаменами не только красными, но и черными. То были анархисты, издававшие свои книги, брошюры, журналы, собиравшиеся во дворце еврейского магната, уехавшего в Японию. Дворец помещался

в отдаленных линиях Васильевского острова. Я там был и видел на штофной стене великолепной гостиной написанное дикими буквами, углем, прорывая ткань, слово «.....». Очевидно, эти «анархисты» когда-то учились в классической гимназии. Сейчас они несли черное знамя. На углу Жуковской около булочной стояла длиннейшая очередь за хлебом. На похudevших лицах (недостаток продуктов уже давал себя чувствовать привыкшим к обильному питанию петербуржцам) — строгое, холодное выражение. Вдруг по Литейной, по тротуару, торжественно неся простертыми вперед рукава, обмотанные золотой канителью «за революцию», проплыл с величием на челе некий бюрократ... Я пошел вслед за бесконечной процессией до Пантелеймонской и, наконец, дошел до Летнего сада и стал на мосту. Процессии уже были на Марсовом поле. Издали веяли красные знамена. Две рослые девушки, видно, работницы, смотрели на эти вспыхивавшие пламенем стяги, возбужденные, и повторяли: «Как красиво! Как красиво!» Посреди улицы к мосту стремительно шел горбун, видом старый мастеровщик, слесарь, вероятно. Он курил папиросу и пускал клубы дыма. «Нет полиции, — с торжеством воскликнул горбун, — и какой порядок. А пусти сюда полицию и, мать твою... что бы тут такое было!..» В толпе, однако, говорили, что хоронят пустые гробы. Духовенство приглашено не было. Но потом священник Антонов по личной инициативе явился и отслужил общую панихиду. Где-то он теперь?..

В июле произошло восстание анархистов. Они засели в типографии «Нового Времени» (Эртелев, 13, дом, ныне перестроенный на квартиры), печатали там свои прокламации, поставив у ворот пулемет. Они и стреляли вдоль переулка в сторону Жуковской и пробили ворота дома против Эртелева на ул. Жуковского, причем был убит дворник. Из залы редакции газеты в бельэтаже Суворинского дома есть выход на балкон в виде длинной коробки с бетонными толстыми стенками. Под выстрел выскочил на балкон сотрудник газеты Коростелев и едва не попластал жизнью: он спасся, быстро юркнув за парапет балкона ничком.

В эти дни я с утра уходил пешком в университетскую библиотеку, направляясь туда через Симеоновскую, отдыхая в круглом саду против Михайловской, а затем на бульваре у Адмиралтейства. Я занимался в отделении китайских ксилографов иероглифическими знаками, штудировав томы тринадцати книг Конфуция и его учеников. Кругом стояла тишь и мир, и я совершенно забывал действительность. Идя обратно и достигнув круглого садика, я сел на скамью. Против меня сидели трое интеллигентов буржуазного типа «октябристов». Они громко говорили о

своей преданности интересам рабочего класса, но с сохранением возможности своей культурной деятельности; говорили прогрессивно, с волнением, даже с краской на полных, упитанных ланитах. Вдруг затрещал пулемет где-то в окрестностях. Сухой, подлый стук: та-та-та... Лица беседовавших мгновенно покрылись смертельной бледностью. Этот сухой ответ на их речи им очень не понравился: вскочив, они помчались и исчезли. Между деревьями скользили другие бледные тени. Появилось целое семейство: папа, мама, дочка, молодой человек. «Ложись, папа, ложись!» — кричал он. Все они припали к земле за кустиками. Но пулемет молчал. Не видно было ни раненых, ни убитых. Через минуту отец семейства приподнялся было, прислушиваясь к тишине... «Лежи, папа, лежи!» — в ужасе завопил юноша-сын. И снова все прилегли к земле. Я пошел дальше. Улицы были пусты. Прохожие прятались в воротах. Потом со страхом перебежали от ворот к другой подворотне. На перекрестке Садовой двое рабочих с ружьями стояли, поглядывая по сторонам. К ним подошел другой и, сгорбив плечи и припрятав в них голову, конфиденциально сообщал: «Товарищи, там... — он махнул по Садовой неопределенно рукой, — с крыш из пулеметов стреляют, а вы здесь без пользы стоите!..» И сейчас же все трое побежали... в прямо противоположном направлении.

Когда я подошел к Симеоновскому мосту, через него переходил батюшка. Волосы и ряса его развевались по ветру, а сам он представлял воплощенный страх и трепет. На углу Литейной и Бассейной стояла кучка народа, и пропагандистка в коротком платье с бурными жестами что-то кричала. Лишь я повернул на Бассейную, меня остановили двое рабочих. Один из них, худой, чахоточный, возбужденный до крайности, с прыгающими глазами, трагически закричал, хватая меня за плечо: «Остановитесь! Поинтересуйтесь жизнью рабочего народа!» — «Я сам — трудящийся, — отвечал я. — Вы здесь стоите без дела, а я иду домой с работы и хочу есть». — «Какая твоя работа!» — закричал запальчиво рабочий. «Научная работа». — «А почему я не учился?» — еще запальчивее, с неуголимой злобой, проникавшей все его чахоточное лицо, закричал он. «Теперь будете учиться. На то и революция». На это рабочий не нашелся, что сказать, опешил и отступил. Видно было, что он измотан до последней степени и то закипит, то оседет.

Я пошел домой. Эртелев переулочек уже принял обычный вид пустынного захолустья. Анархисты ушли из типографии, оставив там груды напечатанных прокламаций. Явилась рота юнкеров. Один из них вдруг стал с хохотом выбрасывать в толпу, стояв-

шую на улице, из окна типографии мелкие листки прокламаций. Ветер подхватил их и понес по переулку. Я вспомнил совет художника Магулы и взял один листок. Но потом затерял его. Что там было — не помню.

В редакции «Нового Времени» я встретился с Владимиром Митрофановичем Пуришкевичем. Я знал его честным, высокопорядочным человеком. Но страшная ночь в Юсуповском дворце, где травили цианистым кали Григория Распутина и потом расстреливали ползущего колдуна, оставила свой отпечаток на Пуришкевиче. Я поздоровался с ним. Он смутился. Глаза его забегали. В них отразилась печаль, и ужас, и стыд. Видимо, он вспомнил то время, когда был чист совестью и не посягнул еще на кровь... Что-то лежало между нами. Это была та страшная черта отчуждения, которая ложится между убийцей и честными людьми. Та черта, которую почувствовал Раскольников, убив «вошь»-процентщицу. Скоро я прочитал в газетах открытое письмо к экс-диктатору Керенскому, в котором Пуришкевич протягивал ему свою «честную, трудовую руку на общую работу на фронте». Затем Керенский, проживавший в Зимнем дворце в покоях императора Александра III, арестовал Пуришкевича, чтобы охранить его, и держал при себе во дворце. Пуришкевич, выйдя из-под этого ареста, в газетах описывал, как, сидя за столом покойного императора, Керенский всю ночь, работая, пел и свистал...

Ты хорошо поешь —
Да где-то сядешь?.. —

сказал в эпиграмме на него какой-то остроумец.

Пуришкевич действительно отличался неистощимой энергией и был полезен своей работой в тылу армии, где он организовывал особые поезда в помощь солдатам, с пищей и медицинской помощью.

Между тем началась эмиграция. Как-то по редакции расхаживает Лев Львович Толстой с мокрым оттиском статьи своей в руках: «Будем защищать свое, родное!» — повторял он с умилением. Это было заглавие патриотической статьи, появившейся затем в «Новом Времени». Скоро я узнал, что Лев Львович продал свой дом в Петербурге за Таврическим садом и, вместе со шведской женой своей, переведя за границу капиталец, удалился из отечества под сень струй, в город Стекольной (Стокгольм), как его звали наши предки, оставив «защищать свое, родное» всем, кто хочет¹⁰².

«Новое Время» не больше и не меньше теперь имело смысла, как и прочие разного оттенка буржуазные газеты. Все они пред-

лагали солдатам «войну до победного конца», а крестьянам насчет земли и рабочим насчет капиталов подождать свободного волеизъявления нации на «Учредительном собрании». Князь Львов убежденно повторял: «Я досижу и доведу Россию до Учредительного собрания». На предварительном собрании представителей в Москве в количестве, кажется, 1500 человек, занявших целый театр, Керенский восклицал, что он, как облеченный высшей властью, чего-то не допустит и плечом поддержит и доведет... Куда?

/.../ Повторяю, «Новое Время» не противоречило Временному правительству и писало опрятно. Однако Керенский вдруг запретил газету. Ксюнин и Борнгардт отправились просить в Зимний дворец. Им долго пришлось ждать выхода диктатора из кабинета. Вдруг раздался шум, распахнулись двери, и в приемную почти вбежал Керенский в сопровождении двух едва за ним поспевавших матросов с «Авроры», своего почетного караула, державших в руках винтовки. Прежде чем редактора газеты раскрыли рты, Керенский неистово закричал: «Не потерплю! Не разрешу! Запретил и... не разрешу!» Прокричав эти слова, Керенский повернулся и таким же скорым аллюром помчался назад в кабинет, сопровождаемый матросами. Дверь захлопнулась. Газетчики, которых трудно было удивить чем бы то ни было и вывести из флегмы, молча постояли, посмотрели друг на друга, вышли из дворца, сели в автомобиль и... поехали к одной прелестной актрисе Александринского театра. Через несколько дней газета опять стала выходить. /.../

В редакции, по внутреннему отделу, мне приходилось просматривать провинциальные газеты, отмечая цветным карандашом интересные абзацы и вырезывая их большими ножницами, какими портные кроют сюртуки. В первые месяцы на провинциальной печати еще не отражался переворот, видимо, жизнь шла по-прежнему, те же местные интересы, чиновники все ходят на службу, хотя и нет там ни зеркала, ни царского портрета, тянут ляжку, а вечером в клубе сидят за картами и выпивают. Постоянное правительство ушло вместе с царем. Правит временное. Но Чухломе или Царевококшайску что до того? Еще колоссальные последствия переворота не учитывались обывателем. /.../

Прогремел Октябрь. «Новое Время» и «Вечернее Время» прекратились. Коллектив сотрудников разделился и начал издание вечерних газет, конкурируя друг с другом и заклеивая друг у друга рекламы на Невском. Тогда вообще клеили на стенах с огромным усердием рекламы и друг друга заклеивали. Появились барышни из голодающих семейств и продавали газеты. Помню од-

ну. Бедняжка совсем не умела предлагать свой товар. Она стояла мрачная, обиженно надув губки, и напрасно держала в ручках пачку номеров. Никто не подходил, не брал... «Ну можно ли так торговать, милая барышня? Улыбнитесь, и у вас наверное сейчас купят!» Но барышня посмотрела испуганно, на глазах ее блеснули слезы, и она перешла на другое место.

«Вечерние Огни» — издание той части коллектива сотрудников, где что-то писал и я, пошло. Другое провалилось. В «Огнях», кроме Гольштейна — брата известного талантливого химика Михаила Гольштейна, которого шальной выстрел во время революционной перестрелки убил в провинции (кажется, в Харькове) — выкинувшего из своей фамилии букву «д» и уверявшего, что он в родстве с фамилией Сталь-фон-Гольштейн, — Ксюнина, Борнгардта, появились известный писатель Кондурушкин¹⁰³, молодой, очень талантливый Дроздов¹⁰⁴, были военные, осведомленные в положении армий всемирной войны, помещались хорошие карикатуры. Начали издание на учтенный в каком-то банке чек какого-то дельца на десять тысяч рублей, и тираж газеты дошел быстро (розница) до 40 000 экз. Сотрудники — главные воротилы, половину своих огромных жалований обращали на пай. Я не получил возможности составить пай. Я так мало зарабатывал, что мог только питаться с моей женой (дочь моя работала и питалась в лазарете, а сын находился у дяди в Иванове) хлебом (3/4 фунта на каждого), селедками и супом из свеклы. Редакция «Вечерних Огней» помещалась в Галерной. Там же в старой казенной типографии и печаталась [газета].

В редакции служил вместе с женою милый молодой вахтер из старой редакции «Нового Времени». Он готовил завтраки для состоятельных сотрудников. Но у меня не было на это средств. И когда другие ели, я чувствовал такой голод, что меня разбирал нервный смех.

Весною 1918 года еще немцы бомбардировали Париж. Но специалисты военных вопросов газетки нашей говорили, что силы Германии истощены и что она будет побеждена, выводя это предсказание из подсчета мировых, столкнувшихся в этой свалке народов, сил.

Было ясно, что «Вечерние Огни» должны угаснуть, что газета не имеет и не умеет ничего сказать и никакого знамени у нее нет.

Журналистика старая вся потеряла смысл, ибо идеи ее обанкротились. Этих идей народ не понял и не принял. А жить по-прежнему вне народа и без народа и читать самих себя за утренним чаем или в «файв'о'клок» интеллигенции уже было невоз-

можно. В жизнь вступала новая и беспощадная сила, верившая в себя и в свое исключительное право и призвание.

/.../ уже на санях, ехал я по Фонтанке. Вез меня старичок извозчик. Мы ехали мимо казначейства шажком, по сквозившим сквозь снег камням. На ступенях казначейства толпились дамы и девицы. Это были жены и дочери пенсионеров. Они пришли получать за своих старичков, но... казначейство было закрыто. Что же? Они смеялись и восклицали с веселым недоумением: «Ха-ха-ха! Вот новость! Казначейство закрыто! Ха-ха-ха!» Они не верили своим глазам. Получение [пенсий] было столь привычно, столь обычно, что казалось невероятным, что с прекращением старого режима и денежки прекратятся.

— Смеются, — сказал я извозчику. — Как бы не заплакать.

— И очень может быть, что плакать придется! — угрюмо и зловеще проговорил извозчик.

Однако жизнеспособность нашей буржуазии была еще раз испытана. Назначены были выборы в Учредительное собрание. Допущена была агитация. Опять появились конверты с печатными списками кандидатов от партий. Еще раз пошла эта игра в западную политику.

Я шел по Бассейной. Проехал автомобиль, из которого бросали зеленые кадетские прокламации. Я поднял и, подойдя к кучке народа, стоявшего у бань и, видимо, горячо обсуждавшего злобу дня, остановился, держа перед собой зеленый листок. Тут были женщины, солдат, рабочие. Все замолкли.

«Вот партия, — сказал я. — Посмотрите, что пишут!» — «А сам-то какой партии?» — «Я — никакой. Я писатель. Мыслю, как умею, работаю, что могу, а политикой не занимаюсь». — «А почему же плакат держите?» — «Бросили сейчас с автомобиля, я и поднял. Но ведь это передовая партия. Милюков...» — «Милюков — изменник!» — крикнул солдат, едва я назвал фамилию профессора. «Как? Милюков, профессор, ученый, по-вашему изменник?»

Народ молчал. Замолчал и я. Но все держал перед собою зеленую прокламацию. Солдат и один из рабочих смотрели на меня, глаза их начали гореть, щеки пламенели, кулаки сжимались. Стало жутко. Я вдруг почувствовал, что еще несколько мгновений и... А потому свернул прокламацию и спрятал в карман. «Впрочем, я политикой не занимаюсь. У меня дома работа стоит». И я ушел. Но настроение народа было ясно.

В Эртелевом переулке учрежден был пункт выдачи хлеба по карточкам. Мы все завели мешки для того, чтобы носить хлеб. Стояли в очередях. И вот, помню, одна молодая горничная говорит: «Барыня мне: "Если вы, Лизаша, не дура, то должны по-

дать за кадетов“. А я сроду душой не была и, конечно, подам за большевиков».

В нашем доме (угол Эртелева и Бассейной, д. 18/7) помещался винный склад графа Шереметева. Им заведовал какой-то восточный человек. Вино поставлялось в полки и лазареты, но под рукой заведующий снабжал им и частных лиц. После того, как Таврический дворец кончил свое эфемерное существование, и новая власть открыла свои действия в Смольном, происходили беспорядки. Солдаты, еще старого завода, стали громить винные склады. Явились и в наш дом. Разбили в подвале бочки, так что образовалось от разных вин «лампопо», и в подвале стояло озеро вина. Дворники стали его черпать ведрами и сами угощались, и других угощали. От всех несло вином...

Разграбили винный склад и при колониальном магазине на углу Бассейной и Надеждинской. И это среди бела дня. Пользовались при этом не одни солдатики. Вижу: бежит барыня, радостная, и тащит за веревочку огромную толстенную колбасищу. «Я — деточкам... Я — деточкам... — повторяла она умиленно. — Из магазина выбрасывали. Все равно бы растоптали...» И мчится дальше.

Из Смольного прислали патруль и прекратили безобразие.

Совет художника Магулы — во время переворотов и народных смятений оставаться только зрителем происходящего и вести дневник — был разумный. Самый краткий дневник в такое необыкновенное время дал бы немало ценных бытовых черточек. Но я никогда не имел терпения и пунктуальности, сколько ни начинал дневников, продолжать их. Но вот запись на книге: «Новый Завет в русском переводе. Петроград. Синодальная типография, 1917». Я купил эту книгу в складе духовных изданий, на Стремянной, 7, в 1920 г. 29 февр. ст. ст. / 13 марта нов. ст. за сто (100) рублей советскими знаками, а деньгами золотой валюты за одну (1) копейку, из такого расчета:

1 ф. хлеба 2 1/2 коп.

4 ф. хлеба — 10 коп.

до войны, а теперь 200 рб. и 1000 рб. — следовательно, 100 рб. знаками = 1 копейке золотом. /.../

Помню, когда мне было лет десять, в Батищеве, нашем имении, старик-крестьянин мне сказал: «Вы — паны, — (в Смоленской губернии бар звали "панями" — близость Польши сказалась), — вы, паны, счастливые. Вы каждый день досыта чистого ржано-

го хлебушка едите!» /.../ Избалованный «паничек», я не понял тогда слов мужичка /.../. Но в 1919-1923 гг. я вспомнил слова, сказанные мне. Я их понял. Мне самому казалось, что лишь бы на столе лежал каравай хлеба, и я буду вполне доволен и счастлив... /.../

Наиболее суровые годы в отношении питания для меня были 1918-й и 1919-й. Основой стола тогда были горько-соленая вобла, пшенка и овес. Овес я часами молот на кофейной мельнице. Из зерна выходил кисель — превосходный, а из высевков — отличный суп. Помню, встретил я как-то Вентцеля Николая Николаевича, писавшего остроумные стихи под псевдонимом Бенедикт. «Как питаетесь?» — спросил я. — «Исключительно воблой, — отвечал он. — Так что называю себя теперь "шевалье де вобла"». Скоро он уехал на Кавказ, и я уже о нем ничего не слышал, как и о многих, многих, скрывшихся с горизонта нашей столицы¹⁰⁵. /.../

Буржуазные газеты закрылись.

Догорели огни... Облетели цветы...

Как-то я встретился с Александром Валентиновичем Амфитеатовым. Сын московского протоиерея, о. Валентина, по прозвищу «золотые уста» за свое красноречие, бывшего кумиром московских аристократических барынь, из старой духовной фамилии (епископ Амфилохий — Амфитеатов, поэт Раич, переводчик «Освобожденного Иерусалима» Тасса — Амфитеатов), — Александр Валентинович начал карьеру журналиста в малой московской прессе, сопровождая ее немалым пьянством и буянством, так что даже отец от него отрекся. Затем перешел на более серьезное амплуа в «Новое Время» — писал здесь «московский фельетон» с большим успехом, талантливо изображая купеческую Москву, ее ожирелую жизнь, оргийное в ней начало. Наконец переселился в Петербург и стал писать уже из жизни нашей невольской столицы. Помню начало его первого фельетона здесь: «Сделался петербуржцем и изучаю Петербург. Трудный город». Когда «дофин» — молодой Суворин Алексей Алексеевич разошелся с отцом и начал издавать газету «Русь», туда перешел и Амфитеатов и вместе с Дорошевичем, фельетонистом одесским, принялся громить «Новое Время» и старика Суворина. А между тем, будучи с Яковлевым, другим сотрудником «Нового Времени», корреспондентом в Варшаве, оба они напили и наели в гостинице Брюля на многие сотни рублей и отказались платить, грозя, что ошельмуют гостиницу в газете... Но теперь Амфитеатов исполнился гражданского пафоса. Скоро ему громкое имя создал фельетон

«Обмановы» — все увидели здесь Романовых, а Амфитеатров был выслан в Вологду... Так администрация последовала стиху:

В полученьи оплеухи
Расписался мой дурак...

Перед отъездом Амфитеатрова его жена, актриса, явилась к старику Суворину и жаловалась, что муж ее не имеет на дорогу ни шубы, ни денег. Суворин дал и денег, и шубу, не помня недавней ругани и помой, которыми Амфитеатров его обливал¹⁰⁶... Далее карьеры и Амфитеатрова, и Дорошевича пошли в гору. Оба издали многотомные собрания своих сочинений. Писали и романы, и путешествия. Зарабатывали они десятки тысяч. Амфитеатров и за работу не садился, не поставив перед собою бутылки шампанского. И вот встречаю этого отекающего, грузного человека в образе художатого рыцаря печального образа.

— Революция меня освободила, — сказал я.

И она меня подлинно освободила, показав, что можно жить на самом ничтожном пайке. Прежде, зарабатывая все же легко 300-400 рб. в месяц, я постоянно боялся, что денег на жизнь не хватит. Отсюда подневольная газетная работа, многописание, когда не только не переписываешь, а даже не перечитываешь, и когда строчишь середину статьи, мальчик из типографии подает мокрый оттиск ее начала... И оказалось, что ничего этого не нужно!

Итак, я сказал: «Революция меня освободила!»

— А меня революция поработила! — возразил Александр Валентинович и скоро отправился за свободой... в эмиграцию за границу. Как-то дают мне редкостный, истрепанный, исчитанный номер заграничной русской газеты. Открываю — фельетон Амфитеатрова, и начинается так: «Сделался эмигрантом и учусь эмиграции. Трудная наука». Чему он научился — не знаю, так как больше ни единого номера этой газеты до меня не доходило...

Дорошевич эмигрировал в страну, откуда не возвращаются ни при каких амнистиях. Будучи на Волковом, на Литераторских мостках, подхожу к могилам Белинского и Добролюбова. Смотрю... Что же? Между ними улегся Дорошевич. Признаюсь, позаиводвал... Почему не я?! /.../

Дом, в котором я занимаю квартиру в 4-м этаже уже скоро тридцать лет, где выросли мои дети и внуки, приходится против дома г-жи Голенищевой, рода купеческого. Фасад ее дома расположен по Бассейной, занимает огромное место, имеет вид старинного каменного особняка, который постепенно пристраивался и с угла Эртелева воздвигся даже в 4 этажа. За этим домом

простирался большой старый сад с толстыми липами, кленами и березами. В этот сад выходила крытая терраса. При старом «прижиме» этот дом, по-видимому, был домом благородных свиданий светских дам и кавалеров. Часто можно было видеть подъезжающую коляску, откуда выпархивала разряженная, раздушенная дамочка бальзаковского типа и скрывалась в подъезде. Вслед за нею выныривал из-за угла бравый кирасир «sans Kirsasse» и тоже скрывался в недра гостеприимного жилища. /.../ С весны 1919 здесь открылся «Дом Литераторов». Тогда сын мой был у дяди в Иванове, пасынок Коля Бальмонт в Москве, куда он уехал в сентябре 1917, а дочь моя была при муже. В квартире (шесть комнат) остались мы одни — я да жена моя, — а еще бесплатно поселилась Анна Алексеевна Матова¹⁰⁷, старушка, первый в России музыкальный критик, пользовавшаяся огромной популярностью среди певиц и певцов всей Европы, сама певица. В марте 1919 она ходила кушать в Дом Литераторов, тратила на еду 25 рб. в день и очень хвалила питание и кухню. Но так было лишь сначала, как всегда у нас в общественных предприятиях. С июля стал и я с женой здесь питаться. В ноябре того же года как-то мы здесь прожигали 400 рублей. Подана была тушенная конина со стеблями от цветной капусты, отваренной в воде, без масла... Что же! Сначала мы были тысячниками, потом миллионерами и даже миллиардерами... В бухгалтерских книгах появились трильоны и квадрильоны — цифры астрономические... Все кончилось «нэпом».

К зиме 1919-1920 г. в Доме Литераторов стало и холодно, и голодно. Утром к чаю предлагали лепешечки из картофельной шелухи. Кроме того, начался мучительный контроль, так как стала постоянно пропадать посуда, и в этом хищении подозревались русские литераторы. А тут можно было видеть и Евтихия Карпова, и старика Буренина, и Василия Силовича Кривенко¹⁰⁸... Впрочем, крупных было видно мало, больше журналисты и репортеры, артисты, актеры. Коллегия, управлявшая Домом, скрывалась в верхнем этаже. Во главе ее стояли Харитон и Волковыский¹⁰⁹, сотрудники кадетской «Речи». Харитон даже был официальным редактором газеты, так называемым «редактором для отсидки», как в средние века при малолетнем короле состоял особый мальчик для наказаний. За проступки августейшего отпрыска секли этого мальчика. Так и фактическими редакторами «Речи» были Гессен и Набоков, а в случае суда и обвинения сел бы в тюрьму Харитон.

Советская власть отпускала достаточное количество продовольственных пайков. Но вот что потом рассказывали. Коллегия правления — исключительно евреи — насадила в заведующие

столом и буфетом и распорядительницами на кухне своих любовниц — дам из общества. Когда утром выносили на кухню продукты, все эти дамы набирали себе каждая полную корзину, увертывали, увязывали и с родственницами с заднего крыльца отправляли домой, следуя завету доблестных предков, выраженному в известной поговорке: «Дай прокормить казенное теля, прокормлю свое целое стадо». Все это оставалось шито-крыто. Но Харитон с Волковским увлеклись. Они присвоили себе богатейшую обстановку роскошной барской квартиры СПб. губернского предводителя дворянства Солнцева в доме на углу Надеждинской и Басковой. Дело получило огласку. И Харитон с Волковским были высланы из России за границу и выехали «нах Берлин». Это было похоже на приговор алчной щуке — утопить ее в реке, — в басне И.А.Крылова. Но в Берлине, когда они сунулись к Гессену, оказалось, что он осведомлен об их подвигах в Петрограде...

О, 1919-1920 годы! Заросшие травой переулки. Сожженные на дрова деревянные дома. Сломанные старые газовые фонари, битые, висящие вниз верхушкой... Кто и как их ломал?!.. После 6-7 часов вечера на улицах была пустыня. Как-то я заблудился на углу Бассейной и Надеждинской. Я смотрел и не узнавал, где я? Обе улицы были совершенно пусты. Ни прохожих, ни проезжих. Тишина. Светлый закат. Все так было необычно в этом мертвом городе, что впечатление чего-то небывалого, незнакомого обманывало взор. Прежде это была сплошная река гудящих автомобилей, извозчиков и пешеходов. А теперь... Да где я? Наяву или во сне? Иногда при тянущем чувстве голода — еще не приучен был организм к умеренности — меня поражала ужасом мысль, что вот сейчас, к вечеру, во всем городе нигде, нигде нельзя получить куска хлеба... Впрочем, уже 1 декабря 1919 я получил извещение некоего Полетики, что, видя, как я истощен, он для меня выхлопотал тыловой красноармейский паек, а с 1920 года я начал уже получать паек академический. Мне был передан паек академика-физиолога, знаменитого Павлова, который, обидясь на советскую власть, от него отказался. А в 1922 я уже получал, кроме пайка, так называемое «золотое довольствие» (в 1923 пять «червонцев» в месяц — беленькими, с желтеньким узором, десятирублевыми бумажками), а жена моя — 1/2 пайка. А там и «нэп» начался.

30 октября старого стиля (т.е. 13 ноября нового) после 12 ч. ночи в Дом Литераторов вошли власти с солдатами¹¹⁰. Дом был заперт, и всех стали опрашивать. Отделено было 20 человек, и я в их числе. Попали и Харитон с Волковским. Перед отъездом, как потом оказалось, на Гороховую, в старое помещение градоначальства и жандармерии, Харитон распорядился подать

всем ужин. Поставили блюдо с хлебом, большой котел с гречневой кашей и медный фиал с постным маслом. И, кроме того, вазу с монпансье. Я наложил себе гору каши и щедро налил масла и принялся уплетать за обе щеки. Против меня сидел у двери конвойный. Он смотрел, смотрел, и вдруг лицо его расплзлось от добродушного смеха. «Эк! — сказал он, — другие при таких обстоятельствах аппетит теряют, а этот, знай, кашу в рот сажает!»

С нами были и дамы. Они не ели, но все набрали в карманы монпансье.

Опрос шел долго. Наконец всех отпустили, кроме нашей партии. Было уже 3 часа ночи. Нас вывели и посадили в автомобиль. Моя бедная старушка жена стояла на подъезде. Но наша разлука была недолга. Привезли нас на Гороховую, 3. Здесь состоялся осмотр. У меня взяли перочинный ножичек. «Я им себе ногти режу!» — сказал я. «Для ногтей — вот!» — чиновник открыл ящик стола и выкинул пригоршни маленьких кривых ножниц. «Любые берите!» — «Но эти ножницы не сходятся», — отвечал я. Груда этих ножниц вызывала содрогание. Кто были те, кому они принадлежали, и где были теперь? «Не хотите — как хотите!» — чиновник ссыпал обратно эту груду перепутавшихся, сплетшихся, сверкавших сталью орудий старого культурного класса...

Мы пробыли на Гороховой три дня. Здесь сидели самые разнообразные элементы. /.../ Тут меня позвали на допрос. «Вы немец?» — «Русский». — «Энгельгардт?» — «Мы смоленские, православные с XVII столетия». — «Бароны?!..» — «При императоре Николае департамент герольдии, изыскивая увеличить свои доходы, между прочим, заявил, что всякий Энгельгардт может получить баронское достоинство, который докажет 12 поколений непрерывного дворянства. Это стоило 15 000 рублей. Мой кузен Александр Платонович, в юности незрелой очень тщеславный человек, узнав о таком неиспользованном праве, хотел им воспользоваться, но старшие братья запретили ему бросать деньги на вздор». — «Но вы дворяне и помещики?» — «Смоленские потомственные дворяне и помещики». — «А-а-а!.. Ну, а кто ваш отец?» — «Профессор, доктор химии А.Н.Энгельгардт, автор "Писем из деревни", знаменитый ученый и писатель, политический ссыльный. О нем вы можете прочитать в 1-м, 2-м и 3-м томах полного собрания сочинений Вл. Ильича Ленина¹¹¹. Он отзывался о нем с величайшим уважением». — «Жив?» — «Умер». — «А ваша мать?» — «Писательница, трудящаяся женщина, одна из первых деятельниц женской эмансипации у нас». — «Жива?» — «Умерла». /.../ — «Так! Ну, а вы сами?» — «Революционных заслуг не имею. Беспартийный. Писатель. Работаю общепользую рабо-

ту без саботажа, но и без всякого соглашательства». — «Ну... а когда в последний раз вы были за границей?» — остро воззрился следователь. «Я ни разу в жизни не был за границей. Это вы можете видеть из моего паспорта». — «М-м-м... Подпишите». /.../

Я получил немалое звание «статистика-организатора» и участвовал в переписи лошадей и в народной переписи 1920 года¹¹².

Автомобили ныне вытеснили совершенно лошадей. Оставшиеся немногие извозчики — одни лихачи с рысаками — возят исключительно, кажется, «растратчиков», которых постоянно судят, наказуют, но они продолжают и продолжают... Один из последних примеров — профессор, электро-ботаник [Так! — С.Ш.], растративший 600 000 руб. и 1200 метров разнообразных тканей, который, когда судья выразил удивление, что он сразу содержал шесть любовниц, отвечал: «Вам, может быть, довольно, а мне мало!» Но возвращаюсь к извозчикам. Лихачи возят кутящих накануне того, как их сажают за решетку. А обыкновенные долгополые «ваньки» на своих обшарпанных, с трясущимися рессорами пролетках возят только кладь — сундуки, ящики, всякий товар, иногда железные кровати, матрацы, коммоды и т.под. В 1920 г. происходила перепись оставшихся в живых лошадей. А я помню, как весною вели по Бассейной несчастную облезлую лошадь, причем она лишь потому шла на своих шатающихся ногах, что один держал ее под уздцы, и двое, подведя доску ей под брюхо, поддерживали весь трепещущий, с обнаженными ребрами, корпус ее...

Несчастные животные! Я участвовал в комиссии, переписывавшей лошадей за Невской Лаврой, в отдаленнейшем квартале. Принимал участие и представитель Автодора и отвозил нас каждый раз на своем автомобиле. Кроме него, в комиссии был ученый ветеринар, почтеннейшая личность, и бывшие кавалеристы: один из них — богач Ратьков-Рожнов¹¹³, грандиозные дома которого с арками украшают до сих пор столицу. Когда мы посетили ближайшее поселение немецких колонистов (они же наследственные мусорщики), этот богач купил мешочек картошек, и с какою радостью он вез подарок этот своей жене. Да, жуткое, голодное было время! Но мы тщательно исполняли свое задание.

В огромном районе оказалось что-то 350 лошадей. Их постепенно приводили на двор, где мы их осматривали, составляли их формуляры. Тут я увидел, как трудно подходить к лошади. Наш почтеннейший ученый ветеринар, пользовавшийся чрезвычайной известностью и популярностью среди всех лошадиников, так что колонисты-немцы с низкими поклонами приглашали его

уже сами от себя посетить их больных лошадей, осторожно подходил к пригибавшему уши коню. Левой рукой он начинал почесывать голову коня, причем вытягивал шею и сам делался ужасно похожим на лошадь — казалось, вот-вот потрется с ней щекой об щеку, — и удивленный конь, видимо, недоумевал, что это за лошадиное существо к нему подошло, и начинал ему доверять... Вдруг он правой рукой хватал коня за ноздри, сжимал их, прерывал ему дыхание, и конь разевал рот и оскаливал зубы... Этого было довольно. Один взгляд на зубы, и ветеринар все видел, знал, бросал ноздри и отходил. /.../

Я участвовал в переписи 1920 г. и работал на Пороховых заведующим. За эту работу мы получили премию натурой. Кажется, пуда два печеного хлеба буханками и сколько-то мяса. Все это я вез на саночках домой с великим торжеством. /.../ Начались переезды с квартиры на квартиру: сперва на Троицкую (ныне улица Антона Рубинштейна, как Эртелев — улица Антона Чехова. А где улица Антона Горемыки?), потом на Литейную... Тут я оставил службу.

О, если бы кто-нибудь невидимкой прошел тогда по нашим холодным, сырым, темным квартирам! Сколько бы он увидел горя... Голодных детей... Одна прелестная, кроткая девочка сама таскала полученные дрова, со своими слабыми ручонками и жалкими силенками, чтобы согреть скорей свою больную маму. Бедная девочка сама престудилась, получила воспаление легких и, истощенная, обессиленная долгой голодовкой, умерла. В бреду она все говорила о «дровушках», ей казалось, что она носит их, плакала, что у нее отнимают полешки, лишь она донесет их до квартиры, что бедной маме холодно... Так и умерла.

С 1-го декабря 1919 г. я стал получать тыловой красноармейский паек, а с 1920 академический. Сначала выдавался он во дворе Аничкова дворца, в здании служб овальной формы, в идущем по овалу коридоре подвального этажа. Академический паек выдавался тогда очень небольшой группе ученых — до 350 пайков. Тут, в этом узком коридоре, возле поварень и чуланов, против одного из них, где в дверях был род прилавка, из-за которого и выдавались продукты — 15 ф. хлеба в месяц, сельди, монпансье, — стоят такие ученые, как, например, академик Шахматов. Надо было «стать в очередь» и ждать... Идут товарищи, заведовавшие складом, в каких-то высоких колпаках. Толкают. «Ну, вы! Что на дороге стали!.. — кричит один. — Проходить тут мешаете! А не хотите под жо..у коленом да на мороз!» Молчание. Нас скоро перевели на улицу Халтурина (Миллионную, о которой сказано у Пушкина:

...И дрожек отдаленный стук
С Мильонной раздается вдруг...)

во дворец бывш. вел. кн. Владимира Александровича, а диктаторов в колпаках, оказавшихся шайкою отчаянных воров, отдали под суд и присудили их к высшей мере наказания... Здесь уже я получал 45 фунтов печеного хлеба в месяц. И нас было уже много, и старичков, и молодых, и дам. Очереди были огромные и ожидают часами, пока не догадались: по алфавитному списку разделили на очереди, по нескольку букв на каждую, и каждой очереди назначили свой день и час. И очереди исчезли. Но к этому пришли уже года через полтора очередей и ожиданий. Бывало, иду с мешком на спине и ведром сельдей в руке. Встречаю шегольски одетого, в бланжевых перчатках, актера Клеманского¹⁴ из Передвижного театра. «Здравствуйте!» Он с ужасом отскакивает от моего ведра с разящими сельдями... Надо заметить, что и во Владимирском дворце раздача пайков находилась в очень небрежных руках. Хлеб иногда давали отвратительный. А раз в своем хлебе я нашел большой запеченный в тесте булыжник, эдак в два кулака...

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку...

Как-то выдавали, между прочим, лавровый лист. Выдававшие продукты мужики брали лист пригоршнями, несли так и сыпали в то, что каждый подставлял. Несли и сыпали столь небрежно, что весь пол был покрыт листом, и он шуршал и трещал под сапогами. Бедные попранные лавры!

История только в классической трагедии на сцене выступает в величии, на котурнах, в тоге, простирая руку и произнося громкие речи. В действительности ее грозный ход чувствуется лишь разве вождам. Простой обыватель ничего не видит и ничего не понимает, даже когда идет в демонстрации. Ибо и тут — очереди. Станут и пропускают целый час идущих передними. Доходят до трибун. Слышат звуки, крики... Мимо... И опять очередь... Наконец расходятся по домам. Чуется, что идет великая, грозная, неумолимая сила, и все препятствия сметает со своего пути... Но куда идет и к чему придет? Посмотрите в анналы истории и увидите, что всегда все выходит так, как никто не ожидал. Обыватель терпит всякие недостатки, ропщет, работает, если есть работа, или ищет работы, если ее нет, копошится, как муравей, в ежедневной заботе о жене и детях, как и некогда заботился и ко-

пошился... «Ты жил в дни великой революции! В дни великих падений и великих достижений! Ты был современником вождей, имена которых занесены на скрижали истории! Счастливцев! Какие воспоминания! Какие грандиозные картины событий! Расскажи!» Обыватель загадочно улыбается, хмурится, таинственно пожимается, что мог бы рассказать... но клялся хранить тайну, ему доверенную!.. А на самом деле ему просто нечего рассказать. И это даже не из того сорта обывателей, о которых Гоголь говорит, что они на все, происходящее на свете, смотрят, ковыряя пальцем в собственном носу... Нет. Это сознательный интеллигент, который всегда был недоволен, критиковал, протестовал, негодовал, призывал революцию... Но вот пришла революция, настоящая революция... «Но это совсем не то, не то...» — писчит [Так! — С.Ш.] обыватель. Но это было *то*.

Я обратился в Государственное издательство, во главе которого стоял большевик Ионов¹¹⁵ (я знал Ионова, который управлял Царскосельскими дворцами и парками...), с предложением выпустить новое издание писем «Из деревни» и третье издание моей «Истории литературы XIX ст.». Я понимал, что многое надо исправить в отношении идеологическом и многое дополнить, и по новым документам, и потому, что при цензуре 1901 года, когда вышла книга, многого нельзя было сказать. Я подал план исправления и дополнения книги. Пережитые нами события бросали лучи света на прошлое, и многое теперь являлось уже в ином понимании. Ионов попросил меня дать ему экземпляр писем «Из деревни», чтобы перечитать их. Когда я пришел за ответом, то Ионов сказал: «Ну, я так и знал, что книга устарела. Ведь в ней говорят старые крестьяне. А у них ведь было: "Без бога — ни до порога". И вот, во всех крестьянских диалогах поминутно — бог да бог. "От бога милости ждем..."», "Как богу угодно". Как же перепечатывать такую книгу?» — «Но как же тогда быть с "Властью тьмы"?» — сказал я. — Неужели после того, как Аким скажет: "Вот бог-то, бог-то, он во! Кайся, дитятко, кайся!", и пьеса окончится, вы выйдете на сцену и обратитесь к публике со словами: "Товарищи, Аким ошибается, никакого бога нет!"?..» Ионов пожал плечами и ничего не сказал. Что касается моей «Истории», то ее послали в Москву, но план переработки книги не приложили и даже его потеряли.

Тов. Анкерт мне сообщил через некоторое время, что в Москве мою книгу передали на просмотр проф. Бродскому¹¹⁶, и он, рассмотрев ее, нашел, что перепечатывать ее без изменений невозможно. «Как без изменений? Ведь я же подал план переработки книги?!» — «Как! Вы подали такой план?» — «Да, подал. Где же

он?» — «Не знаю, где он. Его нет. Да у нас то ли еще теряют! Вот отзыв о вашей книге проф. Бродского». Подает лист писем [ный]. Читаю... Профессор указывает на необходимость тех же самых изменений и дополнений, на которые и я указывал в своем плане... Скоро я получил от проф. Бродского предложение дать мне работу по Тургеневу. В свою очередь, тов. Анкерт посоветовал мне обратиться за работой в издательство «Благо».

Мое небольшое исследование «Мелодика тургеневской прозы» сначала представлено было мною в виде доклада в Тургеневское общество, которое было основано А.Ф.Кони и некоторое время собиралось. С кончиной Кони угасло и это общество. В заседании под председательством С.А.Венгерова доложил я мои соображения о тех поэтических формах, которые можно назвать «свободными стихами». Они не проза и не стих. Однако можно смело сказать, что именно эти гармонические страницы прозы Тургенева и есть его истинные стихи. Заметили, что Тургенев свои обыкновенные, очень хорошие стихотворения и поэмы не помещал в полное собрание своих прозаических шедевров. Почему? Потому, конечно, что в рифмованных стихах своих он лишь второстепенный поэт. Тогда как в прозе это поэт первоклассный. Пытаясь раскрыть тайну этих гармонических страниц прозы Тургенева, я привел ее к тоническим формулам стопосочетаний. Проф. Бродский поместил мою работу первой в сборнике «Пути творчества Тургенева» и отметил ее в предисловии книги. Однако эту работу формалисты встретили бранью. Почему? Недоумеваю. Быть может, потому, что я основал свою попытку раскрытия тайны тургеневской Музы на метрике, а не на ритмике. Или это было недовольство тем, что не принадлежащий к их кружку писатель дерзнул работать в той «формальной» области, которую они считали своим откупом... Впрочем, в скором времени сами «формалисты» подверглись остракизму, и их метод, явно недостаточный, но все же могущий дать те черновые исследования, которые необходимо исполнить, чтобы не впасть в ошибки при широких артистических обобщениях, — был провозглашен недопустимым. Поразительна быстрота смены различных течений в советской критике.

Фирма «Благо», во главе которой стояли два очень милых еврея — Гольдин и Писаревский — люди культурные и порядочные, имела еще свой магазин на Невском в 1922-1923 гг.¹¹⁷. Типография их, где было 15 печатных машин, была уже отчуждена. Фирма раньше печатала грамматики и словари языков и разные «домашние университеты», курсы литературы и проч. Когда настал «нэп», А.Л.Гольдин сказал: «Жить теперь можно. Нужно

только иметь червонцы». Эти «червонцы» представляли белую бумажку с золотисто-желтыми узорами. Истина была несомненной, но... надо было еще уметь добывать эти «червонцы». Тогда славилась кондитерская «Лор» на Пантелеймонской. И находились любители, которые ели пирожные на пари. Съешь двадцать штук пирожных, и тебя не вырвет — за них платит проигравший, а вырвет — сам плати. Всех вало... Секрет в том, что в пирожные и конфеты кладется, в минимальных, конечно, количествах, мыльный корень. Съесть два, три пирожных еще можно. Но затем действие корня повышается с каждым пирожным и, наконец... «фридрих гераус». И вот мера легкомыслия толпы! Среди такого грандиозного исторического движения —

Свидетелями быв всякого паденья,
Едва опомнились молодые поколения... —

и стали на пари пожирать пирожные у Лора, причем знавшие секрет с злорадством ожидали, когда наступит предустановленный мыльным корнем эпилог, весьма малопоэтический.

Но возвращаюсь к моей работе для фирмы «Благо». Я предложил написать компактный, сжатый курс истории русской литературы с древнейших времен, от Бояна до Александра Блока, и от Нестора до Чехова... с приложением еще «библиографической нити». Я условился, что буду в месяц доставлять по три печатных листа (в 40 000 букв), по приблизительному типографскому расчету, и получать за труды по 7 рб. 75 к. [за] печатный лист «червонцами». Фирма «Благо» имеет право в течение десяти лет выпустить два издания по 5 000 экз. Таким образом я зарабатывал по 23 р. 25 к. в месяц и жил припеваючи, получая еще полтора пайка на себя и жену и американские подарки время от времени. Фирма «Благо», однако, прекратила существование. А рукопись моя (до 35 листов) не получила одобрения в Москве в Государственном Ученом совете, несмотря на все хлопоты Писаревского и Гольдина¹¹⁸...

Однажды в Публичной библиотеке я встретил известного П.Н.Столпянского. Он составил замечательную картотеку по истории Петербурга и помещал историко-археологические справки в «Новом Времени» — правда, очень сухие, но точные. Теперь (в 1922 г.) Петр Николаевич, услышав, что я ищу работу, сказал мне: «Пойдите на Казанскую в Политпросвет. Там в комнате № такой-то спросите товарища такого-то (кажется, Васильева). Политпросвету требуются лектора по истории русской литературы; молодежи мало; решили брать и стариков». Я отправился на Казанскую (улица Перовской по новому наименованию¹¹⁹) и

около решетки Воронихина, против собора, встретил старца Иеронима Иеронимовича Ясинского (Максима Белинского по «Отечественным Запискам»). Его я читал еще в Батищеве. Потом он писал романы в «Наблюдателе», где появилось несколько моих стихотворений. В конце 80-х годов Ясинский стал вносить особую струю в свое творчество и в литературные кружки. Это был уже не тот Максим Белинский — народник и революционер 70-х годов. Это был — русский «парнасец». В прозе его появились ритмы Флобера, еще раньше — «Отверженного» Мережковского. В фельетонах «Нового Времени» — конечно, в летнее время¹²⁰, — он поместил «мастерскую» вещь в новом тогда стиле — «Дача на Черной речке». Он в Петербурге и адвокат князь Александр Иванович Урусов в Москве проповедовали Бодлера и Флобера¹²¹. Позднее Ясинский стал журналистом «Биржевки», время от времени выпускал свой собственный журнальчик, где отводил душу на чистом искусстве и эстетической критике¹²². Он в самом деле имел собственный дом — дачу на Петербургской стороне, где, говорят, собрал много предметов искусства и устраивал эстетико-модернистские вечера. Он приглашал и меня. Но я не бывал. Наконец, уже в начале XX века, он поссорился с издателем «Биржевки» Проппером и в «Русском Вестнике», который тогда издавал В.В.Комаров, поместил злейшую сатиру на «венгерского боярина». Теперь, идя в Политпросвет, я встретил этого среброкудного, улыбающегося старца.

— Здравствуйте, Иероним Иеронимович! Вот, идеалы вашей юности осуществляются...

— Гроза революции красива... — прошептал старый эстетик с легкой улыбкой на устах и полузакрыв глаза, причем ноздри его как будто что-то обоняли упоительное... — Да! Да! Красива! — повторил он и пошел дальше своей дорогой. Больше я его не видел.

Ясинский написал чрезвычайно много — десятки романов, повестей. Полного собрания сочинений нет. В написанном им много спешного, много и грешного, но везде проявляется яркий художественный талант.

Я продолжал свой путь и скоро достиг здания бывшего Ведомства императрицы Марии, где теперь помещался Политпросвет. Туда дорогу указывал поток молодежи, стремившийся, все сгущаясь, ко входу учреждения по узкой Казанской.

Помню, у одного моего товарища, отец которого служил по Ведомству, я увидел в углу комнаты кучу листов с напечатанным по-французски обращением à sa Majeste Imperial Imperatrice. «Что это такое?» — «Старые, отмененные Александром III формы».

Раньше вся переписка по Ведомству велась на французском языке. И все институты женские сносились с Ведомством на французском диалекте. Александр III был русофил и отменил этот старый обычай, по которому считалось совершенно неприличным обращаться к русской императрице иначе, как по-французски. Правда, от этого она не перестала быть... немкой. Когда князь Дм. Петр. Голицын-Муравлин, испросивший у государя разрешение присоединить к своей фамилии литературный псевдоним «Муравлин», что для других писателей делала слава и публика и без высочайшего повеления (напр., Салтыков-Щедрин), затем был назначен управляющим Ведомством, которое так и называлось — «всеми ведомое Ведомство», — естественно, он уже не мог оставаться в таком вельможном чине председателем Русского Собрания. По старой памяти пришел я к князю на Казанскую. Он принял меня на лестнице, куда вышел на площадку уже не заведующим, а только писателем Муравлиным. На этом месте теперь стояла грандиозная статуя Ленина. По коридорам, и внизу, и наверху, и по лестнице мчались два встречных потока, преимущественно молодежи обоего пола. Это было поразительное стремление жизни в этом мертвом раньше здании, которого своды, стены, амбразуры окон все еще возвещали о былом покое. Я получил направление по наряду, подписанному Ядвигой Нетупской, и стал работать в клубе имени Луначарского (ныне давно не существует), в больнице Жертв Революции на Литейной (бывш. Мариинская)¹²³. Здесь меня слушали бывшие акушерки с Надеждинских родовспомогательных курсов.

Потом я работал на вечерних курсах на Петербургской (тоже не существуют) и, наконец, на улице Герцена (Больш. Морская) в клубе «Возрождение» производственной артели (ни артели, ни клуба тоже давно нет).

Я говорил о классиках и обыкновенно начинал со смерти Пушкина, рассказывал о дуэли, читал стихи Лермонтова:

...А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов, —
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!..
...Тогда напрасно вы прибегнете к злословью —
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь...

И тень погибшего поэта вставала передо мной...

Молодежь — всегда молодежь. Как бутон скрывает в себе цветок, так молодое существо таит в себе грядущий расцвет сил

и само для себя еще загадка. Какая прекрасная деятельность знакомить молодежь с нашей гениальной литературой! Все забывалось — и очереди, и картошка, и хлебные карточки, глядя в эти чистые, честные, устремленные на лектора глаза. Воспоминание о работе с молодежью остается самым значительным для меня в эти годы — двадцатые годы двадцатого столетия.

/.../ в 1921 г. я обратился в Ученый комитет на Исаакиевской площади (ныне площадь Воровского) к Владимиру Ивановичу Ковалевскому¹²⁴ за работой, так как статистика, конечно, не отвечала нисколько моим наклонностям. Когда я пришел в Ученый комитет, сделалось волнение. Еще были живы члены, знавшие моего покойного отца, а так как я на него чрезвычайно похож, то Владимиру Ивановичу, почетному председателю Комитета, в эту минуту ведущему заседание, доложили: «Воскрес Александр Николаевич Энгельгардт!»

В перерыв заседания Владимир Иванович вышел ко мне, полный привета. Он чрезвычайно любил и уважал моего покойного отца, у которого студентом учился химии. Он встретил меня с распростертыми объятиями и сказал, что Комитет будет очень рад воспользоваться моим пером для популярных статей. Однако работа в качестве лектора Политпросвета тогда отвлекла меня. Я не воспользовался тогда любезностью Владимира Ивановича... Но для грядущих поколений нужно уже объяснить, кто был Владимир Иванович, чего совершенно было бы не надо для поколений прошлых. Более того, популярность его была столь велика, что можно было, выйдя на улицу, сказать извозчику: «Вези меня к Владимиру Ивановичу!» — и тот повезет и привезет, куда надо. Того не довольно: Владимир Иванович, заключивший свыше тридцати торговых договоров со всеми государствами Европы, был всемирно популярен. Хотя он одно время состоял товарищем министра финансов, но в нем совершенно не было того особенного, что неприятно выделяет чиновника из остального рода человеческого. Он имел все ордена и был кавалером Почетного легиона Франции. После переворота ему стоило только уехать за границу, чтобы всюду найти друзей и получать пенсию Почетного легиона. Но он остался на своем посту патриота и гражданина, отдавая всего себя на работу. Я не встречал человека более умного, практически умного, у которого бы ум соединился с совершенным благородством, без того донкихотства, очень часто свойственного идеалистам. В речи своей на юбилей он сказал, что ни старое правительство, ни новое не мешало ему работать. Он был великий «ловец человек» на все доброе, светлое и разумное.

Человечность его в каждом искала и находила «белое пятнышко» и, обращаясь к лучшей стороне каждого человека, он всегда имел помощников и сотрудников в тех полезных предприятиях, которые занимали его непрестанно. Почетный член-учредитель наших политехникумов, он основал свыше трехсот технических школ. Принадлежа к числу лучших людей поколения 60-х годов, Владимир Иванович обладал прекрасным знанием языков франц[узского], немецк[ого], английск[ого] и итальянского, и ему принадлежат как многие объемистые научные работы, так и переводы огромных ученых сочинений. В нашей высшей бюрократии он всегда являлся деятельным сторонником самых светлых начал свободы, терпимости, просвещения, общественного почина и защитником интересов рабочего класса. Победоносцев его не терпел. А это одно кладет печать благородства и разума на деятельность Владимира Ивановича. О С.Ю.Витте он говорил: «Большой ум, но рыхлая совесть». И не мог с ним ужиться. Жизнь и деятельность Владимира Ивановича еще найдет своего биографа. Здесь я лишь укажу некоторые черты последних лет его жизни (он скончался в ноябре 1934 года 85-летним старцем). В 1922-23 гг. в Москве им была организована сельскохозяйственная выставка, на которой, между прочим, Александр Дмитриевич Педашенко, статистик и библиограф, служивший в Департаменте земледелия и потом при фундаментальной библиотеке Ученого комитета, демонстрировал свою грандиозную картотеку в 200 000 карточек по сел[ьско]хоз[яйственной] библиографии. Владимир Иванович составил проект организации Академии с[ельско]хоз[яйственных] наук из Ученого комитета и отделений Департамента земледелия, которые должны были развиться в отдельные институты. Однако на первое время из этих институтов организован был только один — прикладной ботаники и новых культур, во главе которого стоял крупный ученый и необыкновенно энергичный исследователь и путешественник, Николай Иванович Вавилов (купеческого происхождения). В конце ноября 1925 года Владимир Иванович посетил меня в улице Чехова со своим юношей-сыном Гогочкой (Георгием Владимировичем), тогда напоминавшим изяществом и прелестной деликатностью путешествующего принца. Юноша превосходно говорил по-французски, по-английски и писал талантливые стихи. Затем я отдал визит Владимиру Ивановичу, на Исаакиевской площади, в здании бывшего Министерства земледелия. Он занимал там квартирку покойного министра Ермолова, с замечательной столовой, устроенной в какой-то скворешнице с полукруглым окном, на антресолях, с деревянной туда ведущей лестницей. В конце сентября А.Д.Педашенко скончался. Открылось место уче-

ного библиографа при фундаментальной библиотеке ГИОА, т.е. Государственного института опытной агрономии, как назывался теперь Ученый комитет с отделениями, в той, первой стадии своего преобразования. Был назначен конкурс на это место. Никто не отозвался. Я же имел диплом агронома. Пока Владимир Иванович вместе со мною посетил историка Платонова, заведовавшего библиотекой Академии наук. Я встречал Платонова в Обществе ревнителей истории (было такое и собиралось у Симеоновского моста). Талантливый ученый, он любил вращаться в придворных сферах, отличался дипломатией и умело «скользил на паркетах» великокняжеских дворцов. Но я не знал всех его качеств. Вл[адимир] Ив[анович] просил за меня, и Платонов, вынув записную книжку, с обстоятельной любезностью сказал: «Я записываю вас, Николай Александрович, моим первым кандидатом в библиотеку!» Полный радостных надежд, я удалился. Но что же вышло? Когда я после заседания Совета библиотеки, в котором рассматривались кандидатуры на замещение открывшегося места, явился к Платонову, тот с огорченным видом сообщил мне: «Я вас первого предложил Совету, и представьте мое удивление: все единодушно оказались против вас! Я не мог настаивать на вашем избрании...» — «Но почему же такое недоброжелательное ко мне отношение? Чем я его заслужил?» — «Не понимаю, решительно не понимаю. Когда в отдельности с каждым я говорил о вас, все были к вам благосклонны. А в коллегии все, как один человек, против, против и против!...» Грустный, я удалился... И что же? Вскоре узнал от достоверного лица, бывшего на заседании, что обо мне на совете и речи не было, так как Платонов обо мне и не заикнулся... В дальнейшем я узнал, что он так всех обнадеживал, якобы заносил в записную книжку, как своего «первого кандидата», а потом сообщал об единодушном отрицательном отношении коллегии... Вероятно, он научился таким приемам на «паркетах придворных». /.../

Но возвращаясь к моей службе в ГИОА. В годы «нэпа» (новая экономическая политика) в одной своей речи Вл[адимир] Ильич в удивительном «прогнозе», который он поднимал выше партийной программы, учитывал потребности жизни, упрямство фактов, пользу народную уже не как только гениальный лидер партии, но и как истинно государственный человек, в одной из таких истинно вещей речей он сказал: «Еще нам не удалось осуществить коммунистический идеал и даже социалистический план, и, временно, мы должны принять политику государственного капитализма». Это совпало в области сельскохозяйственной политики с широкой деятельностью Совета ГИОА. Я присутствовал

в Совете в качестве молчаливого слушателя, кроме одного дня в году, когда библиотека, почетным председателем Совета которой состоял доктор астрономии, известный пчеловод и плодовод Сергей Павлович Глазенап¹²⁵, мой старый знакомый по сотрудничеству в «Новом Времени», а заведующей библиотекой была Наталья Николаевна Полозова, — представляла свой отчет, и я, вместе с ней, по своему Бюро. Тогда я докладывал. В остальные дни я слушал. И было что послушать, когда читали свои доклады такие ученые, как Н.И.Вавилов по селекции и генетике растений, Фликсбергер о пшеницах, К.Дм.Глинка¹²⁶ и Гедройц¹²⁷, исследования которого о дисперсности почв сделали ему мировое имя, так что в классификацию почв у английских и американских агрономов вошло русское слово «podzol» (подзол), или Берг¹²⁸, автор теории номогенеза, и прочие специалисты ГИОА. За мою службу мы принимали трех комиссаров земледелия: тов. Смирнова, Кубака и Яковлева¹²⁹. Торжественное заседание Совета устраивалось в прекрасной зале фундаментальной библиотеки, ее осматривали, я демонстрировал свое Бюро с его громадной картошкой. /.../

Мои театральные скитания

Только талант заставляет забывать всю пошлость и все однообразие жизни, двигает сердцами и устремляет их в область счастья.

А.С.Суворин

Когда мне было только девять лет, я уже не только второй год писал стихи, но «издал» сборничек своих стихотворений и торговал ими (экземпляр — гривенник), собирая деньги на покупку полного собрания сочинений моего «друга» — Н.А.Некрасова; мало того, девяти лет я написал трагедию в трех актах, под заглавием «Злой Лорд». Действующих лиц было три: Лорд, Леди и Лакей. Вот она:

Акт I

(Зала в замке. В креслах сидит Л о р д. Входит Л е д и.)

Л о р д: Вон! Вон!

(Л е д и бросается вон. Занавес.)

Акт II

(Берег реки. На берегу стоит Л е д и.)

Л е д и: О, река! прими меня в свои холодные объятия!

(Бросается в реку. Занавес.)

Акт III

(Декорация первого действия. Л о р д сидит в кресле.

Входит Л а к е й.)

Л о р д: Что случилось?

Л а к е й: Утопилась!

(Занавес.)

Но вслед за этим первым опытом, который, при краткости и силе и несомненной сценичности строго следует единству действия, времени и места (река близ замка считалась не нарушающей единства места), — прошло немало лет, прежде чем я отдался драматургии и начались мои семнадцатилетние «театральные скитания», и театр просто окружил меня: сын — актер и драматург, дочь — кукловод... Я проявлял закоренелое равнодушие к театру, и мне стыдно признаться, что я прозевал и чего и кого не видал... А счастье было так возможно, так близко! Я начал сотрудничать в «Новом Времени» с 1897 года, когда Театр Литературно-артистического общества или, как его все называли, просто Театр Суворина уже не только существовал (он открыт был 17 сентября 1895 г., после успеха пробной постановки «Ганнеле», и дирекция состояла из А.С.Суворина, драматурга Бежецкого-Маслова¹³⁰, актера В.П.Далматова, адвоката А.П.Коломтуса и Н.А.Лейкина, учителя Антона Чехова, незабвенного мастера «сенок»), но и ломился от публики, спешившей смотреть «Власть тьмы». «Что вы не пользуетесь контрамарками? — спросил меня как-то Маслов, молодой генерал с золотым оружием за взятие Геок-Тепе¹³¹, любимый адъютант Скобелева, заведовавший военным отделом газеты. — Ведь нам отовсюду присылают контрамарки и почетные билеты, только посети и посмотри — и в драму, и в оперу, и во всевозможные концерты. Хотите кресла, хотите ложу, и для себя, и для супруги!» Но эта возможность бесплатно посещать премьеры была ничто по сравнению с возможностью пользоваться указаниями и поддержкой А.С.Суворина.

«Когда развернешь большую книгу бытия А.С.Суворина, — писал даровитый В.П.Далматов, — невольно с глубоким уважением снимешь шляпу и поклонись до земли за многое, многое, пока еще не оцененное». 35 лет критической оценки драматургии театра, актеров и актрис, собственные пьесы, имевшие большой

успех («Татьяна Репина»), А.С.Суворин завершил осуществлением давнишней мечты своей — открытием собственного театра, и, можно сказать смело, сыграл первенствующую роль в деле развития частных театров, доказав, что «эфемерное» с точки зрения коммерческой дело — частный театр — может существовать самостоятельно, когда во главе его стоит мастер дела и ведет «суворинское счастье», тайна которого была в том, что А.С.Суворин обладал не только талантом и колоссальным опытом журналиста, изучившего русскую публику, и особым талантом житейского мудреца, но всегда и всюду его сопровождали искренность, восприимчивость, способность становиться выше мелочей, выше самолюбия и горячо и бескорыстно любить талант, искать и находить его. А ведь через какие цензурные тиски приходилось проходить! «Власть тьмы» безобразил урезками начальник по делам печати Феоктистов¹³² («фита» в начале), так что приходилось с ним воевать за каждую фразу в этой, по словам сего «евнуха российских муз», «мерзости, которую зачем-то Суворин хочет поставить...» Ведь на сцене театра Суворина была *впервые* на русском языке дана в Петербурге «Орлеанская дева» Шиллера, многих усилий стоило добиться разрешения поставить «Юлия Цезаря» Шекспира и, еще больше, «Царя Феодора Иоанновича». Тут сказалась суворинская чуткость. Он, неожиданно для дирекции и труппы, заявил, что царя Феодора будет играть Орленев¹³³, который перед этим выделился только изображением сапожного подмастерья в водевиле «С места в карьер». К удивлению всех, в Орленеве таился большой трагик, и он сумел увлечь и покорить зрителей и на роли царя Феодора создать себе громкое имя. Да один ли Орленев?.. Через театр Суворина прошла целая плеяда артистов и артисток, составивших себе почетное имя. Кроме того, театр выдвинул целую фалангу драматических авторов. Вот что писал А.С.Суворин об организации частных театров еще [за] несколько лет до открытия собственного: «Чтоб иметь хороший и разнообразный репертуар, надо поступать так, как поступают газеты. Если бы они предоставлены были случайному поступлению статей от случайных сотрудников, то ни одна не могла бы существовать. Театр сам должен иногда заказывать пьесы и уметь указывать авторам темы». И вот, помимо уже составивших себе имя драматургов, на сцене театра Суворина появилось еще множество, и большинство из них, как говорится на театральном жаргоне, — «впервые увидели свет ramпы»: Амфитеатров, Градовский, Авсеенко, Туношенский, Найденов, Рышков, Зеланд, Смирнов, Бухарин, Мосолов, Дымов, Косоротов, Гриневская, Л.Л.Толстой, Самойлов, Фоломеев, Трахтенберг и т.д., и т.д.¹³⁴

Театр А.С.Суворина, однако, имел врага. Это был знаменитый «дофин» А.А.Суворин-сын, впоследствии редактор-издатель газеты «Русь», поносивший... «Новое Время». Кстати, заглавие газеты набиралось каким-то таким шрифтом, что буква «р» (рцы) смахивала на «г» (глаголь), а поэтому Буренин прочел его так: «Газета "Гусь"». Приложение — «Утка». Но в первые годы существования театра «дофин» отдавал все свои силы «Новому Времени» и ревновал газету к театру... Может быть, и потому, что в семье Суворина в первое время побаивались затеи «старика». Из истории русского театра известно, что частные антрепризы всегда прогорали...

Артистки и артисты Театра Суворина, между тем, смотрели на «Новое Время» Суворина как на свою газету, где им должны петься гимны славы. В особенности артистки пускали в ход свои обольщения по отношению сотрудников газеты, которые наперыв кидались писать о пьесах и игре (я не был в их числе); при этом каждая имела соперниц по сцене и желала, чтобы на столбцах газеты эта соперница была, по возможности, снижена. Шли интриги, подкопы. «Дофин» возмущался и заявлял отцу: «Папа, я, наконец, ничего не буду ставить в номер о твоём театре!» Отец бессилен. Особенно усилилась эта закулисная война, когда в труппу принята была Лидия Яковлевна Яворская¹³⁵, артистка «белых лилий и бледной немочи», величайшая интриганка. За нею сильно ударял сам В.П.Буренин, а Амфитеатров, женатый на другой артистке¹³⁶, желал выдвинуть ту и снизить Яворскую. По ночам в номер совали оба прямо противоположные статьи, а днем Амфитеатров грозил Буренину и кричал: «Буренин, встаньте!» — «Почему я должен встать?» — огрызнулся Буренин, и глаза его горели зеленым светом. «Потому что я, Амфитеатров, вошел!» Всю эту кашу должен был расхлебывать «дофин». А Буренин, выходя из редакции в злобе, со своей иностранной палкой, которая была так устроена, что, если бы кто схватил ее за конец, в руках его остался бы только футляр, а в руках Буренина клинок скрытой в ней шпаги (предосторожность необходимая, принимая во внимание уже бывшие инциденты с Бурениным, как следствие некоторых его фельетонов), садился на извозчика и, если ему попался навстречу на лихаче юный лицеист или правовед, проезжая мимо, пригибался к нему и шипел: «У вас прыщи на лице!..» И проезжал дальше, прежде чем тот соображал, что ему ответить...

Не раз А.С.Суворин говорил мне: «У вас в романах легкий диалог. Вы бы попробовали себя в драматическом роде». В предисловии к моему историческому роману «Окровавленный трон», имевшему большой успех и напечатанному в 1907 году в «Исто-

рическом Вестнике», я говорю «Мы уже с иных точек смотрим... на пьяных режиссеров ночи одиннадцатого марта... драматурга будет всегда привлекать романтическая фигура духовидца, рыцаря и Гамлета Российской империи, дающая... для искусства и актера самые яркие и благородные контрасты» (императора Павла I). Мне потом указывали, что своего «Павла Первого» Д.С.Мережковский писал, несомненно, под влиянием моего романа, а именно сцены попойки царевичей перед тем, как они пошли в Михайловский замок. Отрицательное отношение к этой шайке гвардейцев я проявил впервые.

Итак, Алексей Сергеевич побуждал меня писать. Я было и попробовал... написать бытовую драму «Мечтатель», но, вместо легкого диалога, у меня начали ворочаться камни... И разговор получался без действия. Уже только после кончины А[лексея] С[ергеевича] в 1917 году я написал свою первую пьесу под названием «Любительница Голубой Мечты Задумчивости», «священная комедия в трех действиях, из древних преданий Южного Китая». Тема мною почерпнута из жития одной святой, в миру дочери купца. Я предлагал эту пьесу актрисе очень даровитой, дочери Суворина Анастасии Алексеевне. Ей пьеса очень понравилась. Но она сказала, что принять ее одна не может, нужно еще выслушать мнение директоров театра — барона Дризена и Бобрищева-Пушкина¹³⁷. Я передал им пьесу. Оба отвергли ее. Затем ее прочел актер Лачинов¹³⁸. Он составлял коллектив молодых сил и думал организовать свой театрик. Ему пьеса понравилась, но из коллектива ничего не вышло, и он передал пьесу Павлу Павловичу Гайдебурову и Надежде Федоровне Скарской¹³⁹ (сестре гениальной Коммиссаржевской) в Передвижной театр, помещавшийся против моего дома на Бассейной. И вот через некоторое время встречает меня П.П.Гайдебуров и говорит, что пьеса разрешена к представлению и восхитила цензоров, которые восклицали: «Где вы достали такую пьесу?» /.../

Пьеса была представлена на сцене Передвижного театра Н.Ф.Скарской и П.П.Гайдебурова 31-го мая н.ст. 1922 г. /.../

В первый раз я, равнодушный к театру, испытал все его очарование и то высокое счастье, когда твой замысел, твои выношенные в творческих тайниках образы воплощаются средствами другого, прекрасного искусства! Это радость, не сравнимая с чувством успеха, которое испытывает писатель, когда его произведение в журнале, в книге доходит до читателя. Муза театра, по первому моему опыту, мне улыбнулась. Но эта первая ее благосклонность была и последней. Затем начинаются мои многолетние театральные скитания. Я приобрел друзей в Передвижном театре.

Я посещал здесь все премьеры, генеральные и черновые репетиции, спектакли показательные, учеников «палестры» театра. Меня опять охватила атмосфера самоотверженного служения искусству, то обаяние мастерской, окруженной глубоким уважением публики, какое я застал в «Неделе». Павел Павлович Гайдебуров наследовал от своего отца Павла Александровича эту способность собрать, увлечь бескорыстным подвигом во имя литературы, искусства, свободной мысли, свободного слова молодежь, талантливую и пылкую, и стариков, не потерявших юношеского жара служения идее. /.../

Затем я написал еще две пьесы: «Маленькая дверь с низкой перекладиной», китайский водевиль в 1 действии, «Очередь» — бытовая комедия нравов Советской России и, наконец, переделал для сцены переведенную мною поэму Сюлли-Прюдона «Восстание цветов». Я читал все эти вещи, но... идеология их не соответствовала моменту, хотя П.П.Гайдебуров очень хотел поставить последнюю.

Наконец я успокоился под сводами фундаментальной библиотеки Ученого комитета, в циклопических стенах здания на Исаакиевской площади и, достигнув уже шестого десятка лет человеческого возраста, полагал, что и помимо внешних условий годы творчества для меня кончились... /.../

Оказалось, однако, что не [кончились].

В сентябре 1926 года я еще не имел помощника и сидел один в небольшом кабинете за библиографической работой, когда ко мне вошел бритый барин с правильными чертами лица, большими глазами, но с утомленной «маской». Он сказал, что ко мне его послал Владимир Иванович Ковалевский, с которым он сейчас беседовал, что он получил образование в Петровке, хочет теперь заняться сельским хозяйством и просит меня указать ему литературу. Я принял его за обыкновенного читателя, которые часто посещали Бюро библиографии, показал ему указатели Педашенки, картотеку, повел в читальную залу, к каталогам и, совершив таким образом обычное в таких случаях «турнэ», распрошался и вернулся к своей работе, полагая, что удовлетворенный в своей любознательности посетитель больше не вернется. Но через неделю он опять явился, сидел и весьма дельно и красноречиво говорил о сельском хозяйстве. Но он был не похож на наших агрономов. Его жесты, что-то декламационное в читке, вся манера не соответствовала угловатому типу специалистов. «Позвольте узнать, — вы агроном?» — спросил я. «О, нет! Я актер и режиссер...» Это был, как значилось на его письмах, режиссер государственных академических театров (опера, оперетта, драма) Донат Христофо-

рович Пашковский¹⁴⁰... Я об нем слышал от А.Д.Мина, квартира которого выходила (по черной лестнице) на одну площадку с моей. Сын поэта, переводчика «Божественной комедии» Данта, А.Д.Мин имел замечательную мастерскую волшебных фонарей¹⁴¹. Сделал множество усовершенствований по этой части, женат был на цирковой наезднице — очень милой женщине — и имел связи с театрами и кино. Он мне говорил о Пашковском, что после Октября, когда все растерялись в дирекции театров, он нашелся и одно время управлял не только Александринским, но и всеми театрами Петрограда. Сейчас же он был только помощником режиссера в Малом оперном (бывш. французский Михайловский) театре. Слово за слово, от агрономии мы перешли к театру и драматургии. Донат сказал, что можно было бы написать хорошее либретто для оперетки «Петр Третий». «Не оперетка и не трагикомедия, а шутотрагедия», — я возразил. «Что такое шутотрагедия?» — «Соединение самого высокого трагического жанра с самым низким, шутовским, буффонным. А в трагикомедии высокая трагедия соединяется с высоким комическим. Тут нет такого резительного контраста и диссонанса. Особое шутотрагическое начало ярко раскрылось в русском абсолютизме XVIII века. Трагедия жизни Петра III есть трагедия шута на троне. Наш гениальный баснописец и замечательный драматург, автор легких комедий — "Модной лавки" и "Урока дочкам" — И.А.Крылов — создал жанр шутотрагедии в своем рукописном "Трумфе", быть может, и навеянным принцем голштинским Петром III или Густавом IV шведским...» Я увлекся и, подстрекаемый Донатом Пашковским, тут же проектировал сценарий шутотрагедии. «Знаете что, — сказал коварный режиссер, явившийся ко мне в маске агронома, — теперь нет пьес. Объявили конкурс — ничего порядочного не получили. Юрьев ездил за пьесами в Москву и ничего там не нашел. Так вот — напишите-ка сценарий шутотрагедии "Петр III". Я его представлю Экскузовичу¹⁴²». С тем он и ушел. Оставшись один, я было вынул лист казенной бумаги и взял перо в руки... И остановился, раздумывая... Опять литература, драматургия, театр... А мне уже 60 лет. Да и тема — Петр III — использована для театра двумя драматургами — Лернером и Боцяновским¹⁴³. Пьеса Лернера шла в Александринском, а Боцяновского в театре Народного Дома... Однако тема эта давно меня занимала, и образ голштинского принца на русском троне не только тревожил мое творческое воображение, но я одно время и изучил литературу о Петре III. Именно Вл. Феоф. Боцяновский заронил в меня первую искру темы. Как-то еще при жизни генерала Шубинского, сидя в его редакционном кабинетике, говорили мы о теме для

очередного романа. «Вот тема, — сказал Боцяновский, — приезд Петра III в Петергоф утром — а Петергоф пуст, и Екатерина уже успела воцариться в Петербурге!» Образы обступили меня и теперь, но... я бросил перо и отвернулся от соблазна. Я кончил с литературой. Библиография — вот мое дело. И я принялся за карточки.

Однако через неделю является Пашковский. «Готов сценарий?» — «Нет, знаете... Некогда было... и вообще, я думал...» — «Я уже говорил с Экскузовичем, передал ему ваши мысли. Он очень заинтересовался. Пишите же сценарий, и в пакете на мое имя отдайте в вестибюле Александринского театра, где стоит урна, сторожу. Он мне передаст!» И ушел, оставив какую-то электрическую струю! И я сел писать сценарий... Попал в машину, которая должна была меня затянуть на десять лет... Начались мои творческие муки и наслаждения и мои шутотрагические театральные скитания... Я пошел в Публичную библиотеку к Вл.Ив.Саитову¹⁴⁴ и попросил у него нужные книги; как и Ламбин, как ни был строг и недоверчив Саитов, а мне давал на дом все книги, которые только я просил. Действительно, в моей жизни еще не было случая, чтобы я, как говорится, «зачитал» или потерял книгу. Вот палки, зонтики — другое дело! Больше трех дней они у меня не держались. Непременно поставлю где-нибудь, прислоня к углу дома на улице, и уйду. И прости, зонтик или щегольская тросточка!

Собрав материал, я погрузился в лихорадочное творчество, и в две недели первый текст шутотрагедии «Акелдама — Поле крови, или Действо в Ропше» был готов. День и ночь меня осаждали образы. Причем груда выписок из книг и актов точно образовала в голове моей беспорядочную, мятушуюся кучу. Потом все из центральной нервной системы, как через воронку, протекло в систему симпатическую, в *plexus solaris* — солнечное сплетение, — и ночью образы стали являться и говорить из разных частей шутотрагедии. Я записывал без ремарок, часто даже обозначая лишь двумя точками начало реплик, но не указывая, кто говорит. Когда скопилась груда таких листков, я их подразделил на пять кучек, пять актов, подобрал, перенумеровал... И это и был первый текст шутотрагедии, который я показал Донату, когда он, опять горя, пламеня и пуская электрические искры, появился в моем библиографическом бюро... Назначено было нами чтение пьесы в квартире Доната на Петербургской стороне, на Б.Зелениной ул., д.26 б, кв.41, на 3 октября 1926 года, в воскресенье (тогда еще оно не было отменено и не было «шестидневки») в 1 час дня. Пашковский пригласил на чтение Николая Николаевича Ходотова¹⁴⁵ (уже по-

койник!). Кроме того, слушали две актрисы Александринского театра и, как я узнал потом, в соседней комнате собрались на мой голос все жильцы большой квартиры и слушали...

Как я читал — без ремарок и обозначения лиц — не понимаю. Теперь я почти не могу разобрать рукопись первого текста, так она написана. Это какая-то стенограмма стремительного внутреннего творческого процесса. Но впечатление, особенно от второго акта — народных сцен, было потрясающее. Н.Н.Ходотов все повторял: «Как это сочно! Как это ярко!» Донат потом несколько раз слушал мое чтение «Акелдама», но говорит, что это, первое, было всего сильнее. Понятно: я еще тогда не знал, что я мастер чтения и, более того, во мне скрывается первоклассный трагический актер... Во мне, человеке, столь равнодушном в своей жизни к театру!.. Теперь, зная это, читаю хуже... Иногда совсем плохо.

Прослушав мою пьесу, Н.Н.Ходотов сказал о ней Экскузовичу и выразил желание играть Петра III, просил ее на свой юбилейный спектакль... А пьеса... где была еще эта пьеса! Отдохнув, я принялся писать уже полный, с ремарками, текст — второй. Получилась пьеса огромная. Она имела пролог и интермедию «Перевод дворцовых часов» между первой и второй картиной 1-го акта, ибо обе они начинаются одновременно, в 5 часов утра, одна в Ораниенбауме, а другая в Петербурге, и старый придворный подагрик переводит назад часы в интермедии.

Между тем, 17 октября 1926 г. получил я огромное письмо Доната Пашковского. Я ему дал прочесть мои пьесы «Любительница Голубой Мечты» и «Искра Петрова». Вот что писал Донат: «Я прочел две ваших, данных мне, пьесы... думаю, лучше, если они будут пока в нирване. Ибо я считаю их примитивами, из эпохи ваших первых встреч с возлюбленной Сценой, которую вы, может, и успели уже полюбить, но... которая вас еще не взыскала... Мы живем в эпоху Волховстроя (Днепростроя, Волгостроя, Свирьстроя тогда еще не было... — *Ник.А.Э.*), III Интернационала, СССР — 1/6 части земли. С русской сцены пьесу смотрит и слушает действительно значительная часть человечества. Вот каким масштабам обязан наш драматург и актер. Шутотрагедия... Переливы гомерического хохота и вселенского ужаса в масштабе колыхания северного сияния, которое видно даже в Ленинграде, и явлением своим в тупик загоняет пытливые умы музейных материалистов... ”Шутотрагедия“, как тема, как подлежащее нашей пьесы! Масштаб — титанический! Пафос и напряженность на волос от взрыва! Формы — плакаты, раскинувшиеся на всем небе над градом Ленина и переползающие на все небо СССР. Вот чего я

лично хочу и чего жду... Я чуть не готов звать вас к тому, чтобы вы разбили созданную вами, твердеющую форму и, только теперь, после этого эскиза, поупражнявшись, постигнув, чего не надо, — чтобы вы только теперь принялись бы за создание пьесы на тему "шутотрагедия" в переводе на язык действия в Ропше... Я рад, что в встрече со мной автор "Любительницы Мечты Голубой" и "Искры Петровой" как драматург вырос в 7 раз — сильно перерос себя... Но... — в 77! В 777!.. — вот нужный нам масштаб... Вот почему, милый и добрый Николай Александрович, прежде чем "читать там им", нам еще не раз надо читать вдвоем. Битвы и огорчения еще и не начинались. Борьба еще впереди, а — в борьбе обретешь ты право свое».

Я отвечал на этот призыв так: «Ваше послание я прочел с величайшим вниманием... в моей библиографической нирване. И как я жалею, что вы, с вашей чуткостью современности, с вашей пламенной сердечностью, с вашим вызовом на борьбу опустили именно в сию холодную нирвану и обрели там седого старца, который кончает свой сорокалетний стаж литературной и научной работы... Ах, дорогой друг, ведь пьеса, которая сейчас мною написана и еще действительно не окаменела в формах, мягка творчески, все же только прощанье с творчеством, а не начало нового периода его. Вы предлагаете мне прыжок выше моего роста в 77 и даже 777 раз... /.../»

Но я ошибался. Это действительно начинался новый период моего творчества, с 60 до 70 лет жизни моей.

Однако скоро мы пошли с Донатом «читать там им» шутотрагедию «Акелдама — Поле крови», с эпиграфом из Деяний апостольских о сребрениках Иуды, на которые было куплено «поле скудельничье», прозванное на арамейском языке «Акелдама». И император Павел I звал Ропшу «полем крови»... В записке от 17/XI.26 г. Д.Х.Пашковский извещал, что «к сожалению, Ю.М.Юрьев сегодня занят в "Маскараде", нас принять не сможет. Я созвонюсь с ним и позвоню вам. Конечно, это будет не в пятницу, а либо завтра, либо в субботу». Чтение пьесы наконец состоялось и происходило в бывшей царской ложе Александринского театра, где Юрий Михайлович Юрьев сидел среди пурпура и золота перед великолепными зеркалами, разительно напоминая внешностью Людовика XIV. Он тогда царил в Александринке. Эскузович находил, что Юрьев «в стиле театра», и очень его ценил. В самом деле, первоклассный трагик, хранитель традиций русской сцены, он был, так сказать, ее ценной «регалией». Сидел он во всем своем величии. Шум возвестил начало спектакля. Публика входила в залу. И я начал чтение. Видимо, пьеса захватила

Юрия Михайловича. Но вот... я прочел всего два акта, а представление кончилось, и поднялся опять характерный шум разъезда публики... Выходило, что пьесу надо играть два дня. Продолжения чтения не было.

Раза три собирались мы с Пашковским с целью сократить пьесу. Читали акт за актом. Но вместо сокращения пьеса только росла. Возникали новые сцены... Так и бросили. И расстались на полгода. Я опять погрузился в библиографическую «нирвану» и совершенно забыл о пьесе. Но случайно через полгода я нашел ее, перебирая бумаги, и стал читать и сокращать по всей пьесе. Она сократилась наполовину и достигла тесного размера Корнелианской трагедии. Это был третий текст. И с этим сокращенным, введенным в театральное время текстом пьеса двинулась вновь в Александринский театр...

Д.Х.Пашковский внес ее в театр 15 января 1928 г. (вход. №561) под расписку. Ю.М.Юрьев ехал в Москву и взял пьесу на дорогу, чтобы читать на пути. Затем она была передана им с одобрением Художественному совету. Н.В.Петров¹⁴⁶, тогда бывший еще только режиссером, сказал мне: «Я был в совете, когда читавшие вашу пьесу давали о ней отчет. Все отзывались как о превосходной пьесе». Окрыленный таким сообщением, иду к Юрьеву. «Вашей пьесой все довольны», — сказал он любезно. «А вы будете в ней играть, Юрий Михайлович?» — «А кого мне играть?» — «Григория Орлова, мне кажется». Юрьев ничего не сказал. Но потом я узнал, что он хотел играть Алексея Орлова, и Малютин¹⁴⁷ тоже. Причем Малютин так увлекался пьесой и ролью, что грозился поколотить того, кто у него перебьет ее... Увы, в судьбе пьес великую роль играют два обстоятельства. Бывает, что два или три режиссера, каждый хочет поставить пьесу, каждый тянет ее в свою сторону, и пьеса стоит. Бывает, что за одну и ту же роль уцепятся двое или трое влиятельных актеров или актрис. Тянут каждый в свою сторону. И опять пьеса стоит... Между тем в журнале «Рабочий и театр», №10 (181) от 4 марта 1928 г., появилась в хронике заметка: «На рассмотрение Худ. совета Акдрамы поступила новая шутотрагедия Н.А.Энгельгардта "Поле крови"». И Донат сказал мне: «Ну, кажется, на этот раз — пьесу поставят!»

Но она поставлена не была. /.../

9 марта 1928 г. состоялся в Александринском театре спектакль по случаю 25-летнего юбилея артистической деятельности Иллариона Николаевича Певцова. Он поставил «Павла I» Мережковского и сам играл Павла, Александра играл Студенцов, Палена — Юрьев. Вскорости я читал Иллариону Николаевичу в квартире одной из актрис Александринки «Акелдама». Пьеса чрезвычайно

ему понравилась. «Если мне будет предоставлена честь играть Петра III, — сказал этот прекрасный артист, — то я сделаю его вызывающим симпатию!» — «Катарсис трагедии, — сказал я, — требует соединения чувства ужаса с чувством сострадания у зрителя. Трагедия должна быть человечна, иначе она не дает художественного впечатления».

Увы, Певцов уже в могиле, и моего Петра III он так и не сыграл!.. Актер, режиссер, даже директор театра предполагают на русской сцене, а кто же располагает?..

В июне 1928 года Московский Художественный театр гастролировал в Ленинграде и ставил пьесы и играл в Александринском театре. Узнав, что К.С.Станиславский стоит в Европейской гостинице, я написал ему, предлагая ознакомиться с «Акелдама». Я получил записку от его секретарши Таманцевой¹⁴⁸. Она просила меня зайти переговорить. Видимо, она заинтересовалась, и 3 июня я получил от нее вторую записку такого содержания:

Многоуважаемый Николай Александрович. Если Вы можете, то приходите завтра, 4-го июня, в быв. Александринский театр, где группа наших актеров соберется для того, чтобы прослушать Вашу пьесу, в 7 1/2 вечера. В этот час я буду Вас ждать около комнаты коменданта театра.

С уважением. *Р. Таманцева*,
секретарь директора МХАТ

И вот я опять в этих священных стенах, где, кажется, до сих пор таится, прислушиваясь к новым людям и новому веку, закутавшаяся в альмавиву тень великого Гоголя... /.../

И вот, в 7 1/2 ч. 4 июня я уже был около комнаты коменданта театра, рядом с ходом на сцену. Попросил капельдинера (увы, лишенного былой великолепной ливреи!) доложить о мне секретарю директора МХАТ. Таманцева вышла и повела меня в уборные за сценой. Введя в одну из них, она представила меня сидевшему перед зеркалом и гримировавшемуся артисту Василию Васильевичу Лужскому¹⁴⁹ и режиссеру Илье Яковлевичу Судакову¹⁵⁰. Это и была вся «группа актеров», о которой возвещала в своей записке Таманцева... Я недоумевал... На сцене должно было идти «Дно» Горького. «Садитесь и читайте вашу пьесу!» — сказал Лужский. Я сел и... стеснялся. «Читайте! Читайте! Не обращайтесь на меня внимания! Читайте!»

Я начал читать. Через четверть часа Лужский сказал: «Продолжайте читать. Я только пройду на сцену и сыграю». Я остановился... «Нет, читайте, читайте! Я — сейчас...» Уходит на сцену. Я читаю. Судаков слушает. Лужский возвращается. Я чи-

таю. Поднимается Судаков: «Читайте, пожалуйста... Я только на минуту пойду, распоряжусь...» Я умолкаю. Лужский — огромного роста актер, натягивая панталоны: «Читайте! Читайте! Продолжайте!» Судаков исчез. Опять появляется. Я читаю... В дверь уборной высовывается сине-лиловая глянцеви́тая физиономия: «Пожалуйста, потише. На сцене слышен ваш голос». Идут два спектакля — на сцене «Дно», за сценой «Акелдама». Кончаю второй акт. Говорю, что устал и больше не могу читать. Лужский стоит посреди уборной в задумчивости. Разводит руками: «Тут и кареты... Тут и собаки...» Каких собак нашел он в моей пьесе?.. «Впрочем, оставьте нам вашу пьесу». — «Нет, я вам ее пришлю... потом!» Свертываю пьесу и ухожу. Это было 4-го июня, а через неделю я получил такую записку:

Многоуважаемый Николай Александрович.

Пишу Вам по поручению К.С.Станиславского. Константин Сергеевич просит Вас прислать Вашу пьесу «Акелдама» на его имя в б. Александринский театр во время гастролей МХАТ в Ленинграде или лично передать его секретарю — Рижине Карповне Таманцевой.

С уважением, *Р. Таманцева*
Секретарь директора МХАТ

Так!.. Значит, что-то до ушей Лужского и Судакова дошло из моей пьесы! И вот, может быть, я поступил против житейской выгоды, но зато безошибочно в отношении своего достоинства, — но я не прислал и не передал мою пьесу ни секретарю директора, ни самому директору МХАТ К.С.Станиславскому.

Нет, Алексей Сергеевич Суворин не поступил бы так со стариком-писателем! Он не стал бы с ним сноситься через секретаршу; не послал бы его читать в уборные; и артисты его театра не стали бы мазаться и переменять штаны при чтении автором своей пьесы. И в Передвижном театре Надежды Федоровны Скарской и Павла Павловича Гайдебурова к писателям относились иначе.

Между тем в Александринском театре произошел государственный переворот. Эскузович ушел и занялся городскими садами. Директором театра был назначен режиссер Николай Васильевич Петров. Из нижних уборных он поднялся в б. царскую ложу и воссел там среди пурпура, золота и зеркал. А Юрий Михайлович Юрьев спустился в уборные, впрочем, украшенные портретами его предшественников, великих русских актеров. Организована Литературно-репертуарная комиссия с председателем Кургановой¹⁵¹. Донат Пашковский из Малого Оперного перешел опять в Александринский.

Я пошел к Н.В.Петрову. Я о нем слышал. Моя дочь Аня и мой пасынок Коля Бальмонт посещали, по молодости лет, знаменитую «Бродячую собаку» и говорили о милейшем, разбитном малом, блиставшем там остроумием, которого все встречали веселыми восклицаниями: «А, Пэтер! Гала-Петер! Охэ, Пэтер!..» Теперь это был директор академического театра... Секретарем директора стал знакомый человек: Андрей Андреич Бартошевич¹⁵². Я сначала обратился к нему. Он сидел в проходной комнате за столиком. Пошел и доложил обо мне. Петров меня принял. Я напомнил ему мою пьесу, которой все были довольны. «Ваша пьеса была превосходная, — сказал Петров, — ну... ее и не поставили!..»

«Пэтер! Гала-Пэтер!» — повторял я про себя, удаляясь.

Экземпляр моей пьесы был похищен вместе с кожаным портфелем одного из членов Художественного совета. /.../

Делаю выписки из моего «Дневника драматурга».

22 ноября 1934 г. Читал «Барку» в кружке старых народовольцев в новом, грандиозном, блистающем огнями общезнанию Общества политкаторжан (уже самозакрылось¹⁵³...) на Петербургской. Слушают ветераны и ветеранки революции. Присутствовал родной брат Софии Перовской. После чтения он молча встал и [величественно] удалился. [Вся губернаторская складка... Я смотрел, нет ли у него белых панталон...] Сухомлин¹⁵⁴ решил: «Пьеса талантливая, но... тем более вредная!»

5 декабря. Читал «Акелдама» у старушки, вдовы писателя и педагога Евгения Михайловича Гаршина¹⁵⁵, брата знаменитого Всеволода Гаршина. Слушали молодые люди. Хотят сказать о пьесе Сладкопевцеву¹⁵⁶ и устроить чтение с молодежью.

8 декабря. В Александринском театре у К.Н.Державина¹⁵⁷. Просил принести ему пьесы.

9 декабря. Отнес Державину «Акелдама», «Неизвестную», «Закат Екатерины».

23 декабря. Был в Александринке. Видел проф. К.Н.Державина. Говорит, что ждет праздники, чтобы на досуге внимательно прочитать мои пьесы.

24 декабря. Получил протокол дискуссии о «Барке», которую читал в кружке старых народовольцев, от секретаря В.Г.Харитонов¹⁵⁸. Интересный документ. Вот он: «/.../ Энгельгардт Н.А. читает сочиненную им трагедию "Наша барка (1 марта 1887 г.)" /.../ Наум Яковлевич Быховский находит, что пьеса совсем не соответствует исторической действительности... Изображение революционеров — клевета на них. Народовольцы первого призыва были натуры исключительно цельные, простые и сильные...»

В.И.Сухомлин находит пьесу талантливой с художественной стороны, но вредной идеологии.

Виташевская¹⁵⁹: пьеса вредна...

А.В.Прибылев¹⁶⁰: если исключить художественную сторону, то исторически драму нужно признать ложной. Обрисовка революционеров совсем не соответствует действительности. Мне, современнику, знавшему большинство действующих лиц, тяжело было слышать такое извращение их образов, такую на них, можно сказать, клевету...

На замечание, что автор, может быть, возьмется переделать трагедию согласно полученным указаниям, т.Энгельгардт сказал, что он как поэт старается лишь фиксировать то, что говорят ему созданные им образы».

Вот так протокол! Я писал историческую драму, но не историческую монографию. Хорошо это: «Если исключить художественную сторону...»

2 января 1935 г. Хлеб черный: 1 р. 10 к.; белый: 2 р. 20 к. и 1 р. 20 к. Хлеб в месяц: 30 х 2 р. 20 к. = 69-70 рб. Масло (постное) 9 р. 60 к. х 3 = 28 р. 80 к. — 30 рб.; картофель: 7 р. 50 к. х 5 = 37 р. 50 к. — 40 р.

Квартира 20 р.; керосин 15 р.; электричество 3 рб. Итого: 180 рб. Пенсии — 141 р. Итак, вареный картофель с солью и постным маслом, хлеб и кипяток. Вот питание...

6 января. Читал шутотрагедию «Граф Панин» у П.А.Обнорского¹⁶¹ в его квартирке-музее, посреди скульптур Обэра¹⁶². Был профессор А.Г.Вульфус¹⁶³. Знаток Ибсена и в подлиннике, и в переводах, и в постановках за границей и у нас. Он нашел компактность пьесы, художественно конструктивную концентрацию огромного исторического материала на колоссальной сцене. /.../

Марта 3. Донат без работы. Пенсию ему остановили. Поселился в переулке Ильича (б. Козачий). Светлая комнатка. Но чужая. Дана ему на время. Показывал чертежи, когда у него солнце утром, в полдень и вечером. Театром не занимается. Я ушел.

10 марта. «Неизвестная» у Сушкевича¹⁶⁴. Читал он ее или не читал? Раньше апреля—мая не будет ответа. Из Москвы пишут, что Ливанов передал Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко для прочтения...

10-е мая. Был у Державина в Александринском театре. Пьесу Сушкевич читал. Держит про запас. Нашли и протоколы, и дела двух рассмотрений и одобрений «Акелдама». Предположена моя дискуссия с Сушкевичем, но лишь после 25-го мая, ибо теперь репетиции «Петра I» Ал.Толстого ежедневно. Опять, как и в 1929 го-

ду, моя Екатерина столкнулась с Петром Толстого... Публика проявляет сейчас высокий интерес к историческому роману. О сем шла дискуссия в Москве и Ленинграде... Но, говорят, что в драме на сцене надо выявление сегодняшнего дня. А вчерашнего?... /.../

31 мая. В 3 1/2 ч. дня в Александринском театре у Державина. Сушкевич болен гриппом и сидит дома. Назначил нас collegium на 5-е июня в 4 ч. дня. Пошел на проспект Нахимсона (бывш. Владимирский), 3, в РТО (Российское театральное общество). А.А.Голубев¹⁶⁵ сказал, что в 7 ч. веч. будет беседовать о моих пьесах с артистами Малого Московского театра А.А.Яблочкиной и Лениным.

3 июня. Был в РТО. А.А.Голубев говорил с артистами Малого театра. Александра Александровна Яблочкина... не идет... не клюет эта золотая рыбка. Дайте ей роль — сыграет. И только. Читать самой пьесы, проводить их... нет! [Московская обломовщина.] Говорил с Лениным и другими о тетралогии. Говорят: тут — Амалглобели¹⁶⁶. Мы без Амалглобели ничего не можем. А он неуловим — летает из Ленинграда в Москву и обратно... /.../

8-е июня. Прелестный день. Небо ясно. Сквозная листва блещет. Я в Александринском театре. Державин заявляет, что Сушкевич все занят генеральными репетициями, но, впрочем, он о всем с ним переговорил. В руках его появляются «Неизвестная» и «Граф Панин». Доброе, толстое, белое лицо, мило улыбается... Сигара во рту... Пьесы разве года через полтора, быть может, пойдут, сейчас же постановлено не допускать исторических пьес с центральным царственным лицом...

Беру пьесы и ухожу. Сажусь, выйдя из театра, в сквере на скамейке против памятника Екатерины. Смотрю на фигуры сподвижников. Вот Алексей Орлов — герой моей шутотрагедии... Начинаю впадать в мистическое состояние. «Что, взял? Что, взял?» — насмешливо чирикают воробышки, прыгая у моих ног. «Чуть жив! Чуть жив!»

Откуда они знают, что я со старухой женой моей (ей 72 года) питаемся одним хлебом, картошкой и кипятком? «Чуть жив! Что, взял?» Смотрю на лик возносящейся в лазури небесной Екатерины и вспоминаю слова Леонида Андреева, еще так недавно прославленного и вознесенного на хребет революции и уже низверженного, позабытого, в его «Так было» (1905):

«Мудрость, добродетель и человечность ослабляли власть и делали ее спорной, а тирания, безумие и злость укрепляли ее. И от этого происходило, что творчество и добро бывали не под силу самому могущественному из этих загадочных владык, а в разрушении и зле самый слабый из них превосходит дьявола и все адские

силы. Жизни он дать не мог, а смерть давал постоянно — этот таинственный ставленник безумия, смерти и зла; и тем выше был трон, чем больше костей клалось в основу его». По этой программе написан «Петр I» Ал.Толстого. У него Петр говорит: «Кончайте!», и вельможи бросаются душить царевича Алексея, который лежит с изломанными пыткой членами, а Петр только что с ним простился и поцеловал его... Театр переполнен. Множество красноармейцев. Рассказывали видевшие. Сам не видал... /.../

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Книга «Из деревни» А.Н.Энгельгардта, высланного за участие в народовольческом движении в свое поместье в Смоленской губ., вышла в свет в 1882. См.: Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872-1882. М., 1987.

² *Эртель* Александр Иванович (1855-1908) — писатель.

³ *Соловьев* Михаил Петрович (1842-1901), в 1896-1900 начальник Главного управления по делам печати. Друг К.П.Победоносцева. Был известен также как художник-миниатюрист, автор статей о Рафаэле и итальянском искусстве в «Московских ведомостях». О нем Энгельгардт пишет:

Говорили, что служебную свою карьеру он сделал тем, что превосходно украсил молитвенник своими миниатюрами и поднес одной из великих княжен или княгинь, не помню. В обществе он стал развивать идею государственной монополии на журналы, газеты и книги, доказывая, что ныне печать в руках спекулянтов, стяжателей и часто невежественных и недобросовестных промышленников. Что надо передать литературу в честные руки агентов правительства уже и потому, что она может иметь гибельное влияние на умы и т.д., и т.д.

⁴ *Игнатьев* Николай Павлович, граф (1832-1908) — дипломат, министр внутренних дел в 1881-1882, инициатор т.н. «Священной дружины» — тайной организации для борьбы с революционерами. Внес предложение созыва представительного учреждения от всех сословий (Земского собора), после чего вынужден был уйти в отставку.

⁵ Имеется в виду «Готский альманах» — дипломатический и статистический ежегодник, издаваемый в Готе с 1763, где помещался состав царствующих, княжеских и герцогских домов Европы, а также хроника политических событий.

⁶ *Шаранов* Сергей Федорович (1855-1911) — писатель, публицист.

⁷ *Тиняков Александр Иванович* (1886-1934) — писатель. После революции стал профессиональным нищим, о чем сохранились свидетельства многих современников (М.М.Зощенко, К.И.Чуковского и др.).

⁸ *Гайдебуров Василий Павлович* (1866- после 1940) — издатель, поэт. После смерти отца, редактора газеты «Неделя» (1893), возглавил газету. С 1897 издавал газету «Русь». Обе прекратили существование в 1901, благодаря отсутствию деловых качеств у редактора и непопулярности его в литературных кругах.

⁹ *Трубников Константин Васильевич* (1829-?) — публицист, издатель, инициатор ряда торгово-промышленных предприятий, первого русского телеграфного агентства. Был женат на Марии Васильевне Ивашевой (1835-1897) — публицистке и переводчице, выдающейся поборнице женского образования.

¹⁰ Знакомство с неизданными произведениями Волынского его последнего периода, хранящимися в РГАЛИ («Гиперборейский Гимн», «Рембрандт»), никак не подтверждает определение его стиля как «пламенного и стремительного»: местами создается впечатление, что Волынский плохо знал русский язык.

¹¹ Роман Ф.Сологуба называется «Тяжелые сны» (1896).

¹² «Неделя» — еженедельная газета, основанная в марте 1866 (см. выше, прим. 8). Среди наиболее деятельных сотрудников «Недели» были М.О.Меньшиков и Н.А.Энгельгардт. О приходе в эту газету Энгельгардт писал:

...редакция «Недели» на Ивановской, на третьем этаже. Над нею была квартира композитора Римского-Корсакова. Квартира покойного Павла Александровича Гайдебурова, редактора-издателя еженедельной газеты «Неделя» и ежemesячных к ней приложений «Книжки "Недели"», была огромная, с разнокалиберной, в разное время, с 60-х годов, приобретаемой мебелью. Под редакцию отведены были впереди, прямо из передней, с парадной лестницы, две длинные и узкие комнаты. В одной была контора, управляемая преданнейшей семье Гайдебуровых старой дамой. /.../ В редакционной комнате сидели постоянные сотрудники издания Михаил Николаевич Мазаев, в 1894 году совсем молодой еще, светлый блондин; Михаил Осипович Меньшиков, довольно приземистый, с плотным сложением моряка (начал он службой в Морском ведомстве), головастый, с довольно жестким лицом и с ехидной улыбкой. Третий был беллетрист Накрохин, чистоты и кротости голубиной, полный любви и благоговения к мысли и слову, к литературе. /.../ Он помешал раз в «Книжках "Недели"» небольшой, изящный, тщательно выписанный рассказ. /.../ Однако издание было обременено двумя цензурными предостережениями и переходящим долгом, так как П.А.Гайдебуров начал его с грошами.

¹³ Энгельгардт (урожд. Гарелина, в первом браке Бальмонт) *Лариса Михайловна* — актриса-любительница. Высказывалось даже предположение, что она стала прототипом Нины Заречной в чеховской «Чайке» (см.: Неделя. 1974. №3. С.4-10).

¹⁴ *Александр Добролюбов* состоял в дальнем родстве с Н.А.Добролюбовым, но племянником его не был.

¹⁵ «Отверженный» (1896) — первоначальное заглавие первой части трилогии Мережковского «Христос и Антихрист». Со 2-го изд. (1902) называлась «Смерть богов. Юлиан Отступник».

¹⁶ *Цертелев Дмитрий Николаевич*, князь (1852-1911) — поэт, философ, переводчик. Редактировал журналы «Русский вестник» и «Русское обозрение».

¹⁷ *Соловьев Евгений Андреевич* (1866-1905) — журналист, публицист. Автор книги «В раздумье. Очерки и рассказы из жизни русской интеллигенции».

¹⁸ *Кривенко Сергей Николаевич* (1847-1906) — публицист, мемуарист, близкий к народникам. Редактировал журнал «Новое слово» в 1895-1897.

¹⁹ *Попова Ольга Николаевна* (1848-1907) — издательница и владелица книжного магазина, переводчица; в 1894-1895 издавала журнал «Русское богатство», в 1895-1897 «Новое слово».

²⁰ Н.Н.Жеденев, земский начальник Камышинского уезда Саратовской губернии, 20 марта 1896 стрелял в Меньшикова, замещавшего в тот день Гайдебурова. Пуля прошла рядом с сердцем (см.: М.О.Меньшиков. Материалы к биографии // Российский архив. Т.IV. М., 1993. С.33, 263).

²¹ Пажеский Его Императорского Величества корпус помещался в Петербурге на Садовой, 26.

²² *Висковатов Павел Александрович* (1842-1905) — историк литературы, проф. Дерптского университета.

²³ *Кремлев Анатолий Николаевич* (1859-1919) — драматург, журналист, театральный и общественный деятель, актер-любитель и режиссер.

²⁴ А.С.Суворин возглавил «Новое время» с 1876; в 1877-1878 шла русско-турецкая война, освободившая Болгарию от османского ига.

²⁵ *Абрамов Яков Васильевич* (1858-1906) — публицист, очеркист, критик.

²⁶ *Свирский Алексей Иванович* (1865-1942) — писатель, автор популярной повести «Рыжик» (1901). Речь идет о его рассказах и очерках, составивших трехтомник «Погибшие люди» (1898).

²⁷ *Городецкий Михаил Борисович* (1869-1918) — журналист, литератор.

²⁸ *Мертваго* Александр Петрович (писал под псевд. А.Петрович; 1856-1919) — журналист, мемуарист. О нем Энгельгардт писал:

Воспитанный своими тетками, старыми помещицами аристократической казанской фамилии, возимый ими каждое воскресенье в карете к обедне /.../, потом воспитанник Училища правоведения, он едет в Париж и там поступает простым рабочим на огород — учиться огородничеству на практике. /.../ идеи, настроения, стремления и нравы трудовой французской буржуазии сильно повлияли на него и отразились в умеренности его демократических взглядов. В нем проявился индивидуализм, и он «сел на огород» в Батищеве, а потом в пограничном с нами Букове, где купил часть земли дворянина и конокрада Ушнева (замечательный тип, кончивший трагически — крестьяне его избили и... прикончили), — единоличным хозяином. На остальной земле Ушнева устроилась недолго, однако, просуществовавшая коммуна. Свои опыты А.П.Мертваго описал в талантливой книге «Не по торному пути», сперва печатавшейся в фельетонах «Нового Времени».

²⁹ *Луговой* А. (наст. фам. и имя — *Тихонов* Алексей Алексеевич; 1853-1914) — прозаик, поэт, драматург.

³⁰ *Загуляев* Михаил Андреевич (1834-1900) — журналист, беллетрист, переводчик (перевел «Гамлета»). Сотрудничал во множестве изданий; в «Новом времени» с 1884.

³¹ *Гей* Богдан Вениаминович (?-1916) — первый секретарь редакции «Нового времени», товарищ Суворина по работе в «Санкт-Петербургских ведомостях».

³² *Кавос* Камилл Иванович (1843-1900) — журналист, переводчик РОСТА, потомок композитора.

³³ *Коялович* Михаил Михайлович (1859-1916) — журналист, литератор.

³⁴ Речь идет о первом стихотворном сборнике Энгельгардта, вышедшем в декабре 1889 (на обложке 1890), на который В.П.Буренин откликнулся в «Новом времени» фельетоном в своей обычной разносной манере.

³⁵ *Сыромятников* Сергей Николаевич (псевд. *Сигма*; 1864-1932/1934?) — журналист, публицист.

³⁶ *Ухтомский* Эспер Эсперович, князь (1861-1921) — поэт, публицист, с 1896 редактор-издатель «Санкт-Петербургских ведомостей», коллекционер архивных документов по истории России.

³⁷ Сохранились ли названные воспоминания С.Н.Сыромятникова-Сигмы, нам неизвестно.

³⁸ *Пропнер* Станислав Максимилианович (1855-1931) — биржевой маклер, с 1880 — издатель «Биржевых ведомостей».

³⁹ Точное название брошюры А.Е.Кауфмана «Друзья и враги евреев (Д.И.Пихно, А.С.Суворин, В.А.Грингмут)» (СПб., 1907). Вряд ли она могла быть непосредственным откликом на опубликованную в 1899 и поставленную в 1900 в Суворинском театре пьесе Эфрона-Литвина и В.Крылова (премьера была сорвана, возникшие беспорядки повлекли массовые аресты, преимущественно среди студенческой публики).

⁴⁰ Ср. запись в дневнике Суворина от 23 апреля 1899: «Мне не нравится полемика Энгельгардта. Он неостроумен, тяжел, многословен. Poleмика должна резать ножом остроумия, иначе она — плохое дело» (Суворин А.С. Дневник. М., 1992. С.236).

⁴¹ *Бородин* Дмитрий Николаевич — присяжный поверенный, председатель Ученой комиссии собрания экономистов.

⁴² *Соколов* Николай Дмитриевич (1870-1928) — адвокат и общественный деятель, позднее стал известен тем, что после Февральской революции был одним из авторов печально знаменитого «Приказа №1».

⁴³ *Атава* (наст. фам. Терпигорев) Сергей Николаевич (1841-1895) — писатель, публицист.

⁴⁴ *Иванов* Михаил Михайлович (1849-1927) — сотрудник «Нового времени», композитор и музыкальный критик.

⁴⁵ Имеется в виду Главное управление по делам печати (помещалось в Петербурге на Театральной, 3).

⁴⁶ *Щеголев* Павел Елисеевич (1877-1931) — в будущем историк освободительного движения, редактор журнала «Былое», пушкинист, автор аншлаговой, но в художественном отношении слабой пьесы об убийстве Распутина «Заговор императрицы», написанной совместно с А.Н.Толстым. Очевидно, с переменной Щеголевым своих политических ориентиров связано подчеркивание в дальнейшем Энгельгардтом его «белоподкладочности», упоминание его научного руководителя — профессора Ильи Александровича Шляпкина (1858-1918), известного своими ультраконсервативными взглядами.

⁴⁷ *Ламбин* Владимир Петрович (1847-1908) — библиограф, заведующий Русским отделением Публичной библиотеки с окт. 1883; исполнял обязанности ее директора во время отпусков А.Ф.Бычкова.

⁴⁸ 4-томное биографическое исследование Н.К.Шильдера «Александр I» было издано А.С.Сувориным в 1897-1898.

⁴⁹ *Шубинский* Сергей Николаевич (1834-1913) — журналист, историк, издатель.

⁵⁰ *Кирпичников* Александр Иванович (1845-1903) — литературовед, член-корреспондент Императорской Академии наук с 1894.

⁵¹ *Косцов* Иван Федорович вел букинистическую торговлю в собственном магазине на Литейном, 28.

⁵² *Гайдебуров Павел Павлович* (1877-1960) — актер, режиссер, театральный критик, поэт.

⁵³ *L'eau de vie* — водка (*франц.*).

⁵⁴ *Мазаев Михаил Николаевич* (1867-?) — литератор, автор сборника стихов «Из старых тетрадей».

⁵⁵ У Некрасова — «дедушка Мазай».

⁵⁶ *Вентцель Николай Николаевич* (1855-1920) — поэт, прозаик, драматург.

⁵⁷ *Потапенко Игнатий Николаевич* (1856-1920) — писатель.

⁵⁸ *Тихонов Владимир Алексеевич* (1857-1914) — писатель.

⁵⁹ Речь идет о 5-томном указателе В.С.Сопикова (1765-1818) «Опыт российской библиографии» (1813-1831).

⁶⁰ Имеется в виду Аполлиария Прокофьевна Суслова (1839-1918), которую, впрочем, «вдовой Достоевского» назвать нельзя. Замужем за Розановым она была в 1880-1886. На их надрывно-сложные отношения проливает свет написанное в мае 1916 письмо Розанова литератору А.С.Глинке-Волжскому, опубликованное (не полностью) В.Г.Сукачем (*Жизнь Василия Васильевича Розанова «как она есть»* // Москва. 1992. №1. С.113-114). Этот интимный документ Глинка-Волжский намеревался, откликнувшись на предложение В.Д.Бонч-Бруевича, в 1931 опубликовать в одном из томов сборника «Звенья», предпослав ему такое предисловие:

Об Аполлиарии Прокофьевне Сусловой как жене Василия Васильевича Розанова, пережившей до брака сложный роман с Федором Михайловичем Достоевским, я знал еще в годы моего первого знакомства с Розановым. Знал общие факты, но не внутренние их узоры. В те годы, особенно в 1904-1905, когда я жил в Петербурге и постоянно встречался с Розановым, вел с ним, при различии мировоззрений и остром интересе к нему, долгие ночные беседы на всякие темы, углубить тему о Сусловой просто как-то не пришлось /.../. Лишь в 1916, живя в Нижнем Новгороде и возобновив свою работу над биографией Достоевского, я написал Розанову спешнейший запрос о Сусловой. Зная, как умеет В.В., отдаваясь наитию нахлынувшей минуты, *излить* из себя душевные густки жизненных соков всякой освоенной им были, я просил его, не нудя себя срочностью ответа, написать в такую минуту изнутри хлынувших волн по возможности все, что припомнит из слышанного от Сусловой в годы их совместной жизни — о Достоевском и ее отношениях с ним. Розанов написал скоро и интересно, но, главным образом, о самой А.П.Сусловой и больше о ее взаимоотношениях с ним, Розановым, и очень мало и недостаточно об отношениях между ней и Достоевским.

Письмо без даты и обращения к адресату (ко мне), написано на узких отрезках бумаги газетного типа, вложено в конверт с печатным на нем адресом редакции «Нового Времени». Возможно, что нарочито писалось «на службе», в помещении редакции «Нов. Вр.» — подальше от глаз Варвары Дмитриевны (второй и настоящей жены В.В.Розанова), которая, по характеру наших семейных отношений, естественно, могла поинтересоваться его письмом ко мне. /.../

В соответствии со специфической направленностью розановской зоркой созерцательности, письмо вскрывает, если позволено будет так выразиться, по преимуществу *глубоко исподнее* в личности Сусловой: сексуальные предпосылки ее тонкой и сложной душевной консистенции [Так! — *С.Ш.*], не исключая и того, что, в условиях старого быта, раскрывалось в исповедальнях или докторском кабинете...

РГАЛИ. Ф.142. Оп.1. Ед.хр.84. Л.1-11.

См. также биографию А.П.Сусловой, составленную в виде подборки опубликованных и архивных материалов, литературных произведений и дневника Сусловой, фрагментов из статей литературоведов, писавших о ней: Сараскина Л.И. Возлюбленная Достоевского. Аполлинария Сулова: Биография в документах, письмах, материалах. М., 1994.

⁶¹ *Рачинский* Григорий Алексеевич (1853-1939) — историк литературы, переводчик, основатель т.н. Татевской школы.

⁶² *Богданов-Бельский* Николай Петрович (1868-1945) — живописец-передвижник, выпускник сельской Татевской школы Г.А.Рачинского, автор известной картины «Устный счет».

⁶³ Ср., однако, в письме Суворина к Розанову от 5 января 1902:

Многоуважаемый Василий Васильевич /.../ прошу Вас перечить то, что Вы написали о Рачинском, обзывая его Хлестаковым, Ноздревым, крепостником, лицемером и т.д. Конечно, он отвечать не станет, и на такие заушения обыкновенно не отвечают. Вы говорите, что он не знает народа, что он не был в избах, — единственно на том основании, что он не сказал о том в своей книжке. Вы читаете от его имени, влагая в его уста презрительный монолог к народу. Вы несколько раз упрекаете его за то, что Богданов-Бельский писал его портрет. Вы ссылаетесь на каких-то священников, которые не читали его книгу, и потому она скверная книга, точно священники — соль земли и авторитеты в педагогике /.../

— с таким позднейшим примечанием Розанова:

Не постигаю, как мог такую грубость допустить. Это — просто *пошлость* допустить такие слова о Рачинском; но в те годы я, по специальным поводам, был очень раздражен «против всех их» (Рачинский, Победоносцев, М.П.Соловьев).

Письма А.С.Суворина к В.В.Розанову. М., 1912.

⁶⁴ *Берг Федор Николаевич* (1839-1909) — писатель, переводчик, редактор-издатель «Русского вестника» с 1874. В конце 1887, после смерти М.Н.Каткова, арендовал у его наследников «Русский вестник» и перевел издание в Петербург, а в 1895 из-за финансовых трудностей был вынужден отказаться от журнала.

⁶⁵ П.П.Перцовым в 1899 были выпущены четыре сборника статей Розанова: «Сумерки просвещения», «Литературные очерки», «Религия и культура», «Природа и история» (у последней книги на титульном листе обозначен год издания 1900).

⁶⁶ В изложении событий Энгельгардт допускает ряд неточностей: в описываемое время (1898) отношения между Розановым и Вл. Соловьевым были прерваны — не в последнюю очередь из-за статьи Соловьева о Пушкине (1897), — так что просить его содействовать в опубликовании своей работы Розанов вряд ли мог. В январе 1898 он писал редактору «Русского обозрения» А.А.Александрову: «...мною начато, вероятно, последнее и колоссальное сочинение "Комментарий к письму одной женщины"». Тут открылась тайна пола: и едва я подошел к ней, как увидел, что, в сущности, все тайны пола связаны тут в узел» (Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990. С.678). Скорее всего, Энгельгардт имеет в виду это розановское произведение (иногда его называют также «Лев и Агнец»). Ни черновиков, ни завершеного текста в государственных архивохранилищах не обнаружено.

Благодарю В.Г.Сукача за справки и консультацию по данному вопросу.

⁶⁷ М.В.Пирожков выпустил книгу Розанова «Легенда о Великом инквизиторе» (1906) и 2-томник «Около церковных стен» (1906).

⁶⁸ *Грингмут Владимир Андреевич* (1851-1907) — публицист, критик, политический деятель правого, охранительного толка. Основатель Русской монархической партии. С декабря 1896 — редактор «Московских ведомостей».

⁶⁹ *Мещерский Владимир Петрович*, князь (1839-1914) — публицист, с 1872 издатель консервативного журнала (выходил и в виде газеты) «Гражданин». Внук Н.М.Карамзина (см.: Огонек. 1995. №30).

⁷⁰ *Скальковский Константин Аполлонович* (1843-1906) — горный инженер, директор Горного департамента, писатель, журналист, историк балета, автор путевых очерков.

⁷¹ Меньшиков писал в дневнике 8/21 июня 1918: «На днях случайно увидел среди детских игрушек золотые бумажные кружки — и в этот момент особенно остро почувствовал драму моего крушения. Да! Были у дурака реальные золотые кружки, и он поверил больше бумажным. Вверил даже не позолоте, а человеческой подписи свою судьбу и судьбу детей своих». В начале Первой мировой войны под влиянием призывов правительства Меньшиков обменял в банке целый саквояж золотых монет на ассигнации, обесценившиеся после революции (см.: Российский архив. Т.IV. М., 1993. Т.IV. С.149, 267).

⁷² Имеется в виду Лидия Ивановна *Веселитская-Микулич* (1857-1936), автор трилогии «Мимочка» (изд. «Нового Времени», 1910). Сотрудничала в «Мире Божьем», «Северном вестнике», «Новом времени» под псевдонимами Аргус и Веселитский-Божидарович; одно время была корреспонденткой «Нового времени» в Лондоне. От М.О.Меньшикова у нее был сын Яков (1888-1953), умерший в эмиграции.

⁷³ *Афанасьев Леонид Николаевич* (1864-1920) — поэт, участник «вечеров Случевского».

⁷⁴ Фикс — фиксированная сумма, не зависящая от количества представляемого в газету материала, нечто вроде оклада жалования. Бесконечными просьбами авансов и ссуд, жалобами на невыносимую бедность наполнены письма Фофанова и в особенности его жены Л.К.Фофановой к Суворину (РГАЛИ. Ф.459. Оп.1. Ед.хр.4457 и 4458).

⁷⁵ *Леонтьев* (псевд. *Щеглов*) Иван Леонтьевич (1856-1911) — писатель.

⁷⁶ *Петрищев* Афанасий Борисович — литератор, сотрудник журнала «Русское богатство».

⁷⁷ *Величко Василий Львович* (1860-1903) — поэт, публицист, переводчик восточной поэзии.

⁷⁸ Винная монополия, введенная графом С.Ю.Витте в 1894, сменила систему винных откупов.

⁷⁹ *Голицын-Муравлин* Дмитрий Петрович, князь (1860-1928?) — тайный советник, член Государственного совета, писатель (под псевд. Муравлин).

⁸⁰ *Комаров Виссарион Виссарионович* (1838-1907) — журналист, издатель.

⁸¹ *Прокофьев* Василий Алексеевич — журналист, сотрудник «Нового времени».

⁸² *Юферов* Сергей Владимирович (1865-?) — композитор и пианист, ученик А.К.Глазунова и Н.С.Кленовского.

⁸³ *Соколов* Николай Матвеевич (псевд. Гриф; 1860-1908) — поэт, переводчик, цензор Петербургского цензурного комитета.

⁸⁴ *Никольский Борис Владимирович* (1870-1919) — юрист, профессор римского права, латинист, пушкинист, поэт, издатель первого Полного собрания сочинений А.А.Фета, политический деятель крайне правого направления. Расстрелян в 1919 по обвинению в подготовке контрреволюционного заговора. См. о нем подробнее в нашей публикации «Монархист и Советы: Письма Б.В.Никольского к Б.А.Садовскому. 1913-1918» (Звенья: Исторический альманах. Вып.2. М.; СПб., 1992. С.340-377). Его жена Екатерина Сергеевна после вторичного ареста дочери Анны в 1930 покончила с собой, выбросившись из окна.

⁸⁵ *Васильев Афанасий Васильевич* (1851-1917) — публицист, поэт, издатель, в 1896-1904 — контролер Департамента военной и морской отчетности. *Филиппов Третий Иванович* (1825-1899) — государственный

контролер в 1889-1899, автор работ по истории церкви, сотрудник журналов «Москвитянин», «Русская беседа».

⁸⁶ Вероятно, речь идет об утверждении А.В.Васильева в статье «Задачи и стремления славянофильства» (1904), что истинное самодержавие «должно уживаться с церковною и гражданскою свободою народа и самым широким самоуправлением».

⁸⁷ *Навроцкий* Александр Александрович (1839-1914) — прозаик, драматург, поэт. Несмотря на то, что его песня стала своего рода гимном народнического, революционно настроенного студенчества (М.Кузмин писал в своем «Дневнике» о 1880-х: «Сестра, оставшись в городе, стала жить отдельно, давая уроки, сдавая комнаты, устраивая студенческие вечеринки с пивом, колбасою и пением студенчески-швейных песенок (''Есть на Волге утес...'', ''Накинув плащ...''»), — сам Навроцкий придерживался консервативно-охранительного направления, что особенно видно по издававшемуся им в 1879-1883 журналу «Русская речь».

⁸⁸ *Величко* Константин Иванович (1856-1927) — генерал-лейтенант, профессор Николаевской инженерной академии, редактор «Военной энциклопедии». После революции служил в Красной Армии, в 1918 руководил инженерной обороной Петрограда. *Бородкин Михаил Михайлович* — генерал-лейтенант, сенатор.

⁸⁹ Имеется в виду Демьянников Николай Афанасьевич (1830-?) — генерал от артиллерии.

⁹⁰ *Волконский Михаил Николаевич*, князь (1860-1917) — беллетрист, драматург, автор блестящих пародийных пьес («Вампука, принцесса Африканская», «Гастроль Рычалова», «Образцовая словесность» и др.), шедших в театре «Кривое зеркало», Литейном театре, Передвижном театре П.П.Гайдебурова.

⁹¹ *Терещенко* Михаил Иванович (1886-1956) — капиталист-сахарозаводчик, меценат-издатель (в 1912-1914 владел издательством «Сирин»), балетоман, после Февральской революции — министр финансов Временного правительства.

⁹² *Шереметев* Сергей Дмитриевич, граф (1844-1918) — гофмейстер, в 1883-1895 начальник Придворной певческой капеллы, в 1882-1917 московский губернский предводитель дворянства, библиофил и историк, публикатор архивных материалов, издатель «Остафьевского архива князей Вяземских».

⁹³ *Лилипут* — псевдоним сотрудника газеты «Слово» Ф.А.Духовецкого.

⁹⁴ *Дарест де ла Шаванн* (Dareste de la Chavanne) Родольф, французский юрист, историк права.

⁹⁵ После смерти в 1913 С.Н.Шубинского библиотека перешла к его зятю, также выдающемуся библиофилу. Как вспоминал Борис Садовской:

«В 1913 к Никольскому перешло по завещанию пять тысяч томов библиотеки тестя его /.../; для нее пришлось нанять на Подъяческой отдельную квартиру. Раз Никольский водил меня туда. Книги Шубинского хранились на особых полках в прекрасных сафьяновых и кожаных переплетах» (Российский архив. Вып.1. М., 1991. С.174). Эта объединенная библиотека имела «издания, которые составляют величайшую редкость и которых не найти ни в одной из европейских библиотек, книги-уники», отдел по Катутлу, которого переводил и изучал Никольский, заключал «такие издания, которых нельзя достать не только в библиотеках, но которые даже не помечены в библиографических указателях, самых подробных». После расстрела Никольского библиотеку расформировали и передали центральному коллектору. Собрание расплылось между ГПБ (основная часть), Книжной палатой (отдел библиографии) и Государственным книжным фондом (все оставшееся), который распределил остаток между разными высшими учебными и научными заведениями, а часть определил для продажи в букинистические магазины (см.: Библиотека Б.В.Никольского // Вестник литературы. 1919. №7. С.11).

⁹⁶ *Старчевский* Адальберт Викентьевич (Альберт Войтех; 1818-1901) — публицист, журналист, критик, редактор-издатель. Он никогда не редактировал «Русский инвалид»; вероятно, Энгельгардт спутал журнал с «Сыном Отечества» (журналом, а не газетой!), который, на совершенно новых основаниях, нежели одноименный журнал, выходявший в 1812-1852, издавался в Петербурге Старчевским в 1856-1861.

⁹⁷ *Гучков Федор Иванович* — редактор «Голоса Москвы».

⁹⁸ *Герье* Владимир Иванович (1837-1919) — историк, член-корреспондент Императорской Академии наук.

⁹⁹ Суворина (урожд. Орфанова) *Анна Ивановна* (1858-1936) — вторая жена Суворина, сестра народника М.И.Орфанова, автор воспоминаний о Чехове. Умерла в марте 1936 в парижском госпитале «Божон» в страшной нужде; похоронена на средства, собранные русскими эмигрантами по подписке (см.: Возрождение. 1936. 24 марта; Последние новости. 1936. 26 марта).

¹⁰⁰ Названы сотрудники «Нового времени»: *Ксюнин* Алексей Иванович (1880-1937), *Борнгардт* Федор Федорович, *Шумлевич* Константин Яковлевич, *Селитренников* (псевд. *Ренников*) Андрей Митрофанович (1882-1957), художник *Магула* Герасим Афанасьевич.

¹⁰¹ *Громан* Владимир Густавович (1873-?) — статистик и экономист, с 1909 — заведующий Пензенским статистическим бюро. После Февральской революции — председатель продовольственной комиссии, инициатор введения карточной системы. Меньшевик. Был на советской службе, состоял членом Президиума Госплана и членом Коллегии ЦСУ, получил звание заслуженного деятеля науки (1927). В 1930 как меньшевик был арестован, проходил на процессе 1931 года.

¹⁰² *Толстой Лев Львович* (1869-1945) — писатель, сын Льва Николаевича Толстого. В конце сентября 1918 уехал из России в Швецию, где находились тогда его жена и дети.

¹⁰³ *Кондурушкин Степан Семенович* (1874-1919) — писатель.

¹⁰⁴ *Дроздов Александр Михайлович* (1895-1963) — писатель.

¹⁰⁵ Согласно биографическому словарю «Русские писатели. 1800-1917», Н.Н.Вентцель умер 6 марта 1920 в Петрозаводске (статья Д.К.Равинского).

¹⁰⁶ См. статью Амфитеатрова «Старик Суворин», написанную в 1934 к 100-летию Суворина, где ни словом не упоминается об их когда-то нашумевшем разрыве (НЛО. 1995. №15).

¹⁰⁷ *Матова Анна Алексеевна* (1857-?) — музыкальный критик газеты «Санкт-Петербургские новости», с 1891 сотрудник ряда других периодических изданий («Театральный мирок», «Свет», «Звезда», «Отдых» и др.).

¹⁰⁸ *Кривенко Василий Сильч* (1854-1931) — журналист, мемуарист, театральный критик, общественный деятель.

¹⁰⁹ *Харитон Борис Осипович* (1876- после 1941) — литератор, журналист. Входил в состав правления Дома литераторов, после смерти А.Е.Кауфмана редактировал журнал «Летопись Дома Литераторов». Был выслан из России осенью 1922 с большой группой интеллигенции, литераторов и философов, аттестованных как «идеологические врангеловцы и колчаковцы». Семья осталась в России; сын Юлий Борисович впоследствии стал выдающимся ядерным физиком, академиком. Харитон жил в Риге; после аннексии Латвии в 1940 был арестован и умер в советском лагере. *Волковыский Николай Моисеевич* (1881- после 1940), литератор, критик, член правления Дома литераторов. Выслан в 1922 с той же группой.

¹¹⁰ Разгром Дома литераторов (Бассейная, д. 11), который просуществовал с 1 декабря 1918 по конец ноября 1922, носил, разумеется, характер политической акции подавления последнего островка относительного свободомыслия (последовавшее сразу вслед за тем «изгнание людей мысли» на двух «философских пароходах» довершило дело). Дом литераторов был организацией взаимопомощи писателей, а с 1920 вел также культурную работу: организовывал лекции, концерты, писательские выступления, приступил к издательской деятельности (сборники «Пушкин — Достоевский», 1921; «Петербургский сборник», 1922). Как видим, арест руководства Дома был подведен под уголовную статью. В просоветской берлинской газете «Накануне» появился стихотворный фельетон «Двадцать пять», подписанный псевдонимом Полиспаст и пародировавший «Двенадцать» Блока, одновременно высмеивая Комитет помощи голодающим (т.н. «Прокукиш»), к тому времени арестованный, и Дом литераторов. Поэтесса М.М.Шкапская, вклеив в свой альбом эту вырезку, сделала такую приписку:

«3/XII.1924. Вырезка из "Накануне" — посвящено Харитону и падению Дома Литераторов. Очень гнусно, но очень талантливо» (РГАЛИ. Ф.2128. Оп.1. Ед.хр.140. Л.154). Приводим текст этого сочинения; кажется, в литературе, посвященной «Двенадцати» Блока, эта пародия не была учтена.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ
(По Блоку — «двенадцать»)

1

Черный вечер.
Белый снег.
Гала-Петер.
Смена вех.
Ветер, ветер, —
Какого не запомнит и Кизеветтер.

2

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжело;
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!
Особливо, если тонки ноги и —
Не силен в пролетарской идеологии.

3

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
«Смерть Учредительному Собранию!»
Под плакатом поэт
Средних лет, —
Длинные волосы,
И говорит вполголоса
...И у нас было собрание
Вон в том здании —
На Бассейной улице...
...Обсудили —
Постановили:
На время — десять, на ночь — двадцать пять...
И меньше ни с кого не брать.
Что-то даст эта проба?
...Черная, святая злоба...

4

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

И вдруг вся дюжина
Остановилась сконфуженно:
— А где ж поэт? — В особняке
С пайком ученого в руке.
Кускова рядом с ним сидит,
Про «демократию» твердит
В уютном темном уголке...
У ей «программа» есть в чулке,
Как «Русь избавить от оков».
(Составил Павел Милюков).
«Двенадцать» мыслят: «Эх, поэт!
Кричал, что — наш, а вышло — нет!
Твоя "красивая мечта"
Мадам Кусковой занята...»
Дрита-дрита-дрита-та,
Вышла кошка за кота.

Как поглядим мы на ваш союз —
На спину надо б бубновый туз!

5

Кругом огни, огни, огни...
«Двенадцать» — тут, а там — они!
— Товарищ! выполняй задание!
Пальнем-ка пулей и в это здание
 В кондовую
 Кладовую,
 Во пайковую,
В двадцатипятицелковую!
 Эх, эх!
 И смех, и грех!

6

Как пошли наши ребята
На Бассейную гулять,
На Бассейную гулять,
Демократов выставлять —
 Эх ты, горе-пара,
 Складное вытье,
 Ящики от Ара,
 Сладкое житье!
Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем.
Ну-ко, братики, валяй!
Господи, не благословляй!

Кто-то по ветру кричит,
 Кто-то в здание стучит.
 Электрический фонарик
 На подъездике горит.

Ён с большими волосами,
 На ём брюки с полосами,
 Белый галстук — узелком,
 Бойко треплет языком.
 Вот так парень! Ён речист,
 Только на душу нечист.
 Ну, а дело понимает:
 Крепко бабу обнимает,
 Заговаривает.
 Закатила баба взгляд,
 Зубы золотом горят...
 — Ах ты баба, моя баба,
 Сногшибательная,
 Удивительная,
 Учредительная.

Ах ты, баба, баба, баба,
 Хорошо ты сложена.
 У тебя на шее, баба,
 Медальон от Кишкина.
 Эх, эх, попляши,
 Только больше не пиши!
 В кружевном белье ходила,
 Походи-ка, походи!
 С монархистами блудила,
 Поблуди-ка, поблуди!
 Эх, эх, поблуди
 С медальоном на груди!
 К Прокоповичу пылала,
 Шоколад миньон жрала,
 «Невмешательства» желала
 О «лояльности» врала...
 Так лети скорей, зазнобушка,
 Чернобровушка,
 Ровно птица —
 За границу —
 Воробышком!
 Упокой, господи, душу рабы твоя...
 Ничуть не скучно!

Не слышно шуму на Бассейной,
 И в мертвом доме тишина.
 Перед «двенадцатью» кисейно
 Застыл лукавый старшина:
 Стоит, как столб, на перекрестке
 И в воротник упрятал нос.
 А рядом жметса шерстью жесткой
 Поднявши хвост, паршивый пес.
 Стоит, бедняк, как пес голодный,
 Стоит безмолвный, как вопрос!
 И старый мир, как пес безродный,
 Стоит за ним, поджавши хвост.

10

Разыгралась чтой-то вьюга,
 Ой вьюга, ой вьюга!
 Не видать совсем друг друга
 За четыре за шага.

Как-то думалось доселе,
 Что Шпалерка далека.
 Ан глядишь — всем скопом сели
 В апартаменты Че-ка.

Нехорошие места!
 Эх, эх, без креста!

11

И идут они гурьбою
 Все «двенадцать». Да. Идут.
 И еще с собою
 Кой-кого ведут.

12

Вновь идут державным шагом...
 Кто-то будто бы сказал,
 Что оцепленным беднякам
 Путь указан на вокзал.
 А оттуда грамотеи —
 За Кусковою вослед:
 Потому как их затеи —
 Не на пользу, а на вред.

Скалит зубы волк голодный,
Хвост поджал, не отстает —
Пес холодный, пес безродный,
Тот, что лаял на народ.
Трах-тах-тах! И только это
Тонет в белой бороде.
Даже куры звонким смехом
Заливаются везде.
Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах!

Так идут державным шагом —
Позади — голодный пес.
Впереди — с трехцветным флагом
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,
Молодой походкой детской,
Нежной поступью кадетской,
В белый вырядясь хитон —
Литератор Харитон.

Полиспасть

¹¹¹ В 1922 Полное собрание сочинений Ленина еще не было издано.

¹¹² Первая советская перепись населения проходила 28 августа 1920 и сочеталась с сельскохозяйственной переписью (отсюда и учет лошадей) и кратким учетом промышленности. В связи с гражданской войной большая часть окраин не была переписана; учету подверглись только 72% населения.

¹¹³ Род *Ратьковых-Рожновых* включал много миллионеров, владельцев горных приисков и заводов на Урале, председателей и членов советов акционерных обществ, правлений банков, железных дорог, директора пароходного общества «Самолет» и пр. В связи с упоминанием о «кавалеристе» здесь может идти речь о Сергее Александровиче Ратькове-Рожнове, отставном корнете Конно-гренадерского полка.

¹¹⁴ *Клеманский* (наст. фам. Клейнман) Сергей Иванович (1876-1932) — актер.

¹¹⁵ *Ионов* (Бернштейн) Илья Ионович (1887-1942) — поэт, издательский деятель, зав. петроградским отделением ГИЗа, брат З.И.Лилиной, жены Г.Е.Зиновьева.

¹¹⁶ *Бродский* Николай Леонтьевич (1881-1951) — литературовед.

¹¹⁷ Магазин книгоиздательского товарищества «Благо», существовавшего в 1910-1928, которым владели Александр Львович *Гольдин* и Давид

Абрамович *Писаревский*, помещался на Невском, 88. Энгельгардт был членом товарищества.

¹¹⁸ Приписка карандашом: «Ныне находится в Гос. Литературном музее в Москве».

¹¹⁹ Ошибка автора: улица была переименована в ул. Плеханова.

¹²⁰ Имеется в виду, что в летнее, отпускное время в газете начинался «мертвый период» и могли печататься материалы «негазетного свойства», которых в другое время не поместили бы.

¹²¹ Кн. *Александр Иванович Урусов* (1843-1900) вел бракоразводное дело Л.М.Бальмонт, по какому поводу с ним и познакомился Энгельгардт. В не вошедшем в публикацию фрагменте воспоминаний излагается их беседа, в которой князь рассказывает о своих парижских впечатлениях и знакомстве с П.Верленом, которого он навещал в больнице, о взглядах Верлена на сущность «декадентства». Урусову принадлежат комментарии к изданному в 1894 в Париже сборнику памяти Ш.Бодлера.

¹²² Имеется в виду издававшийся Ясинским «орган вольной мысли» «Беседа» (в 1902-1903 выходил под названием «Почтальон»).

¹²³ Приписано карандашом «Ныне имени Куйбышева».

¹²⁴ *Ковалевский Владимир Иванович* — председатель Комиссии по устройству Всероссийской промышленно-художественной выставки в Нижнем Новгороде (1894-1896), директор Департамента торговли и мануфактур (1892-1902).

¹²⁵ *Глазенап Сергей Павлович* — астроном, профессор Ленинградского университета, автор учебников и популярных книг.

¹²⁶ *Глинка Константин Дмитриевич* (1867-1927) — почвовед, академик АН СССР (1927).

¹²⁷ *Гедройц Константин Казанович* (1872-1932) — почвовед и агрохимик, академик АН СССР (1929).

¹²⁸ *Берг Лев Семенович* (1876-1950) — физико-географ и биолог, академик АН СССР (1946). Развивал идеи В.В.Докучаева о почвах и природных зонах.

¹²⁹ *Смирнов Александр Петрович* (1877-1937) — нарком земледелия с 1923; *Яковлев (Эпштейн) Яков Аркадьевич* (1896-1938) — нарком земледелия с 1929.

¹³⁰ *Маслов* (псевд. *Бежецкий*) *Алексей Николаевич* (1852-1922?) — прозаик, драматург, с 1908 — генерал-лейтенант, вышел в отставку в июле 1917. С 1904 — товарищ председателя суворинского Литературно-художественного общества.

¹³¹ Описание автора: золотым оружием А.Н.Маслов был награжден за храбрость и мужество при завоевании Ахал-Теке, в последней экспедиции (1880-1881) М.Д.Скобелева.

¹³² *Феоктистов* Евгений Михайлович (1828/1829? - 1898) — начальник Главного управления по делам печати в 1883-1896, автор воспоминаний «За кулисами политики и литературы. 1848-1896» (Л., 1929).

¹³³ *Орленев* Павел Николаевич (1869-1932) — актер, народный артист Республики (1926).

¹³⁴ Среди названных авторов: *Градовский* Григорий Константинович (1842-1915), публицист и автор двух пьес, чья драма «Во имя любви» была поставлена суворинским Малым театром в 1897; *Авсеенко* Василий Григорьевич (1842-1913); *Туношенский* Владимир Владимирович (1865-1910); *Рышков* Виктор Александрович (1863-1924); *Зеланд* Елена Александровна (1860- после 1937); *Бухарин* Михаил Николаевич (1845-1910); *Мосолов* Борис Сергеевич (1888-1941); *Дымов* Осип (Перельман Осип Исидорович; 1878-1959); *Косоротов* Александр Иванович (1868-1912); *Гриневская* Изабелла Аркадьевна (1864-1944); *Фоломеев* Константин Иванович; *Трахтенберг* Владимир Осипович (1861-1914).

¹³⁵ Ошибка автора: *Яворская* (урожд. Гюббенет, по мужу — княгиня Бяратинская) не *Лидия Яковлевна*, а *Лидия Борисовна* (1871-1921).

¹³⁶ Первой женой А.В.Амфитеатрова была певица, артистка Большого театра Александра Николаевна Левицкая (1858-1947), второй раз он был женат на Илларию Владимировне Соколовой (1875- после 1947). Энгельгардт ошибается, считая, что женой Амфитеатрова была актриса суворинского Малого театра.

¹³⁷ *Дризен* (Остен-Дризен) Николай Васильевич, барон (1868-1935), театральный деятель. *Бобрищев-Пушкин* Александр Михайлович (1851-1903) — поэт, с 1902 и.о. товарища обер-прокурора Уголовного кассационного департамента.

¹³⁸ *Лачинов* Владимир Павлович (1863? - после 1923) — артист суворинского Малого театра, переводчик, сценарист.

¹³⁹ *Скарская Надежда Федоровна* (1869-1958) — актриса, театральный деятель, педагог. Жена *П.П.Гайдебурова*, с которым вместе возглавляла Общедоступный театр при Лиговском Народном доме в Петербурге, созданный в 1903.

¹⁴⁰ *Пашковский Донат Христович* (1879-1940) — артист Александринского театра, с 16 января 1918 — председатель Временного комитета Александринского театра.

¹⁴¹ Александр Дмитриевич *Мин*, сын поэта-переводчика, доктора медицины Д.Е.Мина (1818-1885), имел склад кинематографических принадлежностей. Реклама гласила: «Кинематографы "Монарх"». Аппараты для

электро-театров, школ войск и любителей. Все принадлежности и отд. части».

¹⁴² *Экскузович Иван Васильевич* (1882-1942) — инженер, после революции — театральный деятель, с марта 1924 — управляющий академическими театрами Москвы и Ленинграда.

¹⁴³ *Лернер Николай Осипович* (1877-1934) — пушкинист, драматург, автор пьесы «Петр III и Екатерина II» (1925). *Боцяновский Владимир Феофилович* (1869-1943) — писатель, автор пьесы «Петр III» (1923).

¹⁴⁴ *Саитов Владимир Иванович* (1849-1938) — историк литературы, библиограф, член-корреспондент Академии наук. После смерти В.П.Ламбина, в 1909-1928 заведовал Русским отделением Публичной библиотеки.

¹⁴⁵ *Ходотов Николай Николаевич* (1878-1932) — актер Александринского театра, педагог, мелодекламатор, драматург (автор двух пьес, не имевших успеха).

¹⁴⁶ *Петров Николай Васильевич* (Коля Петер; 1890-1964) — помощник режиссера Императорского Русского драматического театра, впоследствии организовал собственный театр.

¹⁴⁷ *Малютин (Итин) Яков Осипович* (1886-1964) — актер Александринского театра.

¹⁴⁸ *Таманцева Рипсмэ Карповна* (1889-1958) — с 1919 зав. репертуарной конторой МХТ, с 1924 — секретарь театра и личный секретарь К.С.Станиславского.

¹⁴⁹ *Лужский* (наст. фам. Калужский) *Василий Васильевич* (1869-1931) — актер, режиссер, педагог, один из основателей МХТ.

¹⁵⁰ *Судаков Илья Яковлевич* (1890-1969) — театральный режиссер, работал в МХТ, Московском ТРАМе, Малом театре.

¹⁵¹ *Курганова Прасковья Александровна*, с 1933 в Ленинградском Доме ветеранов сцены.

¹⁵² *Бартошевич Андрей Андреевич* (1899-1949) — критик и театровед, педагог, в разные годы — зав. литературной частью нескольких театров.

¹⁵³ Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев было ликвидировано в начале 1935 в рамках усиления террора после убийства Кирова. Ликвидировано было его книгоиздательство, музей, библиотека, журнал «Каторга и ссылка». 10 ноября 1935 директор Гослитмузея В.Д.Бонч-Бруевич писал наркомку внутренних дел Ягоде:

/.../ я на днях очень подробно осматривал бывш. Музей О-ва Политкаторжан, теперь филиал №1 Музея революции. /.../ Я считаю совершенно недопустимым в наше время, после истории

с т. Кировым, а также разоблачения Каменева, Зиновьева и Енукидзе, чтобы где бы то ни было, в каком бы то ни было музее демонстрировались орудия взрывов /.../. К чему это нужно? В Лопухинском переулке, в бывш. помещении Политкаторжан стоит ящик с шестью или восьмью македонскими бомбами /.../ Я считаю, что это совершенно никуда не годится, что мы должны немедленно изъять из показа эти террористические орудия, а не надо забывать, что их осматривают огромные тысячи людей. /.../ Нельзя не отметить, что в вестибюле, когда вы входите туда, прежде всего бросается в глаза нарисованный громадный двуглавый орел, который разрывается бомбами террористов. /.../ Конечно, такой показ бомб абсолютно недопустим в наше время и является живой пропагандой народовольческих и эсеровских методов борьбы, нами всегда отвергаемых. /.../ Все эти обстоятельства заставляют меня убедительно просить Вас сейчас же обследовать и Музей революции, и его филиал и проверить все то, что я здесь утверждаю, и, как я полагаю, нужно филиал сейчас же закрыть /.../, помещение же по Лопуховскому пер., д.5 немедленно очистить и разрешить нашему Государственному литературному музею туда переехать...

РГАЛИ. Ф.612. Оп.1. Ед.хр.3339

- ¹⁵⁴ *Сухомлин Василий Иванович* (1860-1938) — народоволец, затем эсер.
- ¹⁵⁵ *Гаршин Евгений Михайлович* (1860-1931) — преподаватель русской словесности, литературный критик, мемуарист, археолог. С 1892 был издателем журнала «Русское богатство».
- ¹⁵⁶ *Сладкопевцев Владимир Владимирович* (1876-1957) — актер, тец-декаматор, педагог.
- ¹⁵⁷ *Державин Константин Николаевич* (1903-1956) — театровед, театральный деятель.
- ¹⁵⁸ *Харитонов В.Г.* — один из основателей Партии русских социал-демократов (т.н. «Благоевской группы»).
- ¹⁵⁹ Скорее всего, имеется в виду *Марья Николаевна Виташевская* (1901-1986) — журналистка, дочь народовольца Николая Алексеевича Виташевского (1857-1918).
- ¹⁶⁰ *Прибылев Александр Васильевич* (1857-1936) — народоволец.
- ¹⁶¹ *Обнорский* (наст. фам. Картавов) *Петр Алексеевич* (1873-1941) — библиофил, собиратель материалов по истории русской литературы.
- ¹⁶² *Обер Артемий Лаврентьевич* (1843-1913) — скульптор-анималист, автор бюста Екатерины II, стоявшего в сквере Обуховской больницы.
- ¹⁶³ *Вульфийус Александр Германович* (1880- после 1931) — историк. После революции выпустил книги «Европа в новое время» (1920) и «Проблемы духовного развития» (1922).

¹⁶⁴ *Сушкевич* Борис Михайлович (1887-1946) — режиссер, актер, педагог, с 1924 член правления МХТ 2-го.

¹⁶⁵ *Голубев* Андрей Андреевич (1881-1961) — актер, театральный деятель.

¹⁶⁶ *Амаглобели* Сергей Иванович (1899-1946) — грузинский театровед, театральный деятель. С 1928 работал в Москве в Академии художественных наук, Комакадемии и др. научных учреждениях.

***ИЗ ИСТОРИИ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖИЗНИ***

«...НАША КУЛЬТУРА, ОТРАЖЕННАЯ В КАПЛЕ...»

Письма И.Бунина, Д.Мережковского, З.Гиппиус и Г.Адамовича
к редакторам парижского «Звена» (1923-1928)

Публикация О.А.Коростелева

«Звену» повезло меньше, чем другим литературным изданиям эмиграции. В книге Глеба Струве «Русская литература в изгнании», которая до сих пор остается основным трудом по истории эмигрантской литературы, «Звену» уделен всего один абзац: «В течение нескольких лет "Звену" играло немалую роль в парижской литературной жизни, объединяя почти всех сколько-нибудь известных писателей старшего и среднего, а потом и младшего поколения и отражая текущие литературные события, чего не могли делать "Современные записки"»¹. Может быть, поэтому современный читатель, а нередко и специалист, хорошо представляя себе облик, круг авторов и историю, скажем, «Современных записок» или «Последних новостей», имеет довольно смутное представление о «Звене».

Лишь в последнее время о нем начали появляться публикации². Между тем, в эмиграции «Звену» пользовалось заслуженной репутацией самого культурного печатного органа. На протяжении пяти лет существования «Звену» следило за новостями культуры во всех ее областях, отмечая все наиболее интересное, что появлялось в мире музыки, театра, шахмат, философии и, в первую очередь, литературы. Помимо авторов писем, на страницах «Звена» публиковались известные русские писатели и поэты: Шмелев, Зайцев, Алданов, Тэффи, Г.Иванов, Ремизов, Бальмонт и др., печатались переводы произведений Дж.Джойса, М.Пруста, Т.Драйзера, Дж.Голсуорси, Р.Кипплинга, Г.Мейринка, С.Жеромского, Ж.Кокто, П.Морана, А.Моруа и др.

¹ Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С.79.

² См., напр.: Коростелев О.А., Федякин С.Р. «Звену» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940). Т.2. Ч.1. М.: ИНИОН, 1996. С.240-262. Дополнительные штрихи к портретам главных действующих лиц «Звена» см. в публикации: Коростелев О.А. Парижское «Звену» и его создатели // Русское еврейство в зарубежье / Под. ред. М.А.Пархомовского. Т.1. Иерусалим, 1998 (в печати).

Публиковались в «Звене» и произведения литераторов, оставшихся в Советской России: П.С.Соловьевой (Allegro), А.Л.Вольинского (Флексера). Но особо нужно отметить внимание «Звена» к молодым. На его страницах печатались стихи Нины Берберовой, Ирины Кнорринг, Галины Кузнецовой, Антонина Ладинского, Владимира Набокова, Юрия Терапиано, Бориса Поплавского, Александра Гингера и др. Из молодых прозаиков печатались Нина Берберова, Георгий Евангулов, Ирина Одоевцева, Юрий Фельзен.

Именно здесь, на страницах «Звена», сформировалась целая плеяда блестящих критиков: Георгий Адамович, Владимир Вейдле, Николай Бахтин, Константин Мочульский и многие другие.

Публикуемые письма содержат дополнительную информацию о редакционных буднях «Звена», а также раскрывают любопытные черты участников переписки. Авторы писем в представлении не нуждаются, а вот о редакторах «Звена» стоит сказать несколько слов.

Своим появлением на свет «Звено» обязано болезни М.М. Винавера. Правая рука Милюкова по кадетской партии, видный адвокат и политический деятель Максим Моисеевич Винавер (1863-1926), как позже вспоминала его вдова, «внезапно заболел во время кадетской конференции 1921 года. С тех пор он должен был сильно сократить свою деятельность. Он прекратил чтение лекций по гражданскому праву: выезды его особенно утомляли. Остальная работа тоже шла замедленным темпом. Тогда-то он решил взяться за чисто литературную работу»³.

Винавер имел большой опыт такой работы. До революции он участвовал в издании журнала «Восход» (1902-1906), с начала 1904 редактировал отдел гражданской хроники в журнале «Вестник права», в 1913-1917 издавал журнал «Вестник гражданского права», являлся одним из редакторов трехтомника «Регесты и надписи», посвященного истории евреев в России, а также автором книг «Очерки по адвокатуре» (СПб., 1902), «Из области цивилистики» (СПб., 1908) и «Недавнее» (Пг., 1917), в эмиграции же редактировал газету «Еврейская трибуна» (до осени 1921)⁴.

29 марта 1922 М.М.Винавер сделал первый взнос в кассу учредительного комитета «Звена»⁵. Но подготовить выход первого номера удалось только к началу следующего года. 23 января 1923 в милюковских «Последних новостях» на первой странице появилось объявление:

С февраля 1923 г. будет выходить в Париже еженедельная литературно-политическая газета *Звено* под редакцией М.М.Винавера и П.Н.Милюкова. Газета будет выходить по *понедельникам*, заменяя собою не появляющиеся в этот день «Последние новости». Первый номер выйдет в понедельник, 5 февраля 1923 г.

³ Винавер Р.Г. Воспоминания (РГАЛИ. Ф.2475. Оп.1. Ед.хр.125).

⁴ Об этой стороне редакторской деятельности М.М.Винавера см.: Каплан В. «Еврейская трибуна» о России и русском еврействе (Париж, 1920-1924) // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. II. Иерусалим, 1993. С.167-180.

⁵ РГАЛИ. Ф.2475. Оп.1. Ед.хр.1.

Издание должно было стать «платформой для охраны и проповеди русской культуры в годы изгнания, когда эта культура подвергается опасности если не полного забвения, то, все же, некоторого затемнения в среде новых поколений, вынужденных провести свои молодые годы в эмигрантской среде»⁶.

П.Н.Милюков в редактировании «Звена» участвовал лишь поначалу, да и то скорее номинально, отдавая большую часть своего времени «Последним новостям». Его участие в «Звене» ограничивалось редактированием политического раздела, которому в газете отводилась первая полоса в 1923-1925, после чего политика из «Звена» исчезла вовсе. Вся остальная редакторская нагрузка лежала на плечах М.М.Винавера.

Сам Винавер в «Звене» печатался редко, объясняя свою позицию так: «Моя писательская деятельность была всегда далека от журналистики — я сам потому мало в "Звене" пишу, и вынужден опираться на других; моя задача — правда, нелегкая — состоит в подыскивании этих других, в выравнивании общей линии»⁷.

Но организационная его роль была очень велика. Р.Г.Винавер вспоминала о муже:

Вокруг «Звена» собралась группа молодых литераторов, которые только при нем начали работать и которые впоследствии заняли видное место в парижской литературной семье. Известный литературный критик, поэт Георгий Адамович рассказывал мне, что без Винавера он и не стал бы литературным критиком /.../ То же самое говорил мне и другой сотрудник «Звена», кн. Волконский, бывший директор Императорских театров в Петербурге. «Ваш муж, — говорил он мне, — сделал меня журналистом» /.../ Приятно вспомнить ту дружескую семью молодых литераторов, которая группировалась вокруг «Звена»: Андрей Левинсон, Георгий Адамович, Михаил Кантор, Григорий Лозинский, Константин Мочульский, Борис Шлецер, Николай Бахтин, Владимир Вейдле. Это все были люди, спаянные желанием создать в изгнании хорошее литературное дело. Каждое воскресенье они собирались у нас за завтраком и обсуждали, какие литературные задачи поставить в текущие номера⁸.

По мнению М.Кантора, «"Звено" — детище Максима Моисеевича, им взращенное и выпестованное. Нужна была его решимость, его энергия, его несокрушимая вера во всепобеждающую волю человека, чтобы за рубежом, в обстановке рассеяния, вдали от старых культурных центров попытаться собрать распыленные силы и с их помощью создать культурное начинание, которое и в нормальной обстановке обречено было бы на долгий искус самоутверждения»⁹.

⁶ Милюков П.Н. М.М.Винавер и русская культура // Звено. 1926. 17 октября. №194.

⁷ Гиппиус З.Н. Его вчерашние слова // Звено. 1926. 31 октября. №196. С.2-4.

⁸ Винавер Р.Г. Указ. соч.

⁹ Кантор М. Памяти нашего редактора // Звено. 1926. 17 октября. №194. С.3.

Уже само название — «Звено» — отражало желание преодолеть возможный разрыв между русской культурной традицией и младшим поколением эмигрантов. П.Милуков вспоминал о своем соредакторе: «Поддержать эту традицию, заставить молодежь помнить о своих собственных родоначальниках, о всем, что сделано до них, что может облегчить им и постановку вопросов и взаимное понимание при решении их, — таковы, казалось мне, были основные задачи, которые ставил редактор "Звена" для своей своеобразной трибуны»¹⁰. Это стремление привлечь молодежь, сочетаемое с редким организаторским талантом и умением примирять разные точки зрения, а также крайней терпимостью Винавера ко всякому «инакомыслию», к чужому мнению вообще, во многом определяло и внутреннюю обстановку в «Звене». Об этом писали все, знавшие Винавера: С.М.Дубнов и Г.Б.Слиозберг, К.В.Мочульский и М.Л.Кантор, Г.В.Адамович и З.Н.Гиппиус¹¹. Адамович вспоминал:

Максим Моисеевич не был слугой исключительно своей мысли, своей идеи или своего духа. Узкого фанатизма в нем не было. Нетерпимость была ему совершенно чужда. Он лишь присматривался и прислушивался ко всему, в чем была духовная жизнь и заранее всему этому сочувствовал, шел вперед, все принимал. Близко ли ему, родственно ли ему — не было важно. Ему это казалось признаком второстепенным, он только прислушивался к «пульсу» чужой мысли и верил в нее, если по пульсу угадывал, что она жизнеспособна /.../ Максим Моисеевич был вообще наименее ограниченным (в смысле кругозора) из людей, и в его редакторстве это было обязательно. Сам-то ведь он был человеком иных традиций, иных стремлений, чем теперешнее искусство или литература. Казалось бы, тяжела должна была быть подчас его редакторская рука. Но рука была легчайшая, думаю — единственная в легкости. Часто я удивлялся, читая некоторые из одобренных им статей: неужели он с этим согласен? Неужели он этому сочувствует? Неужели ему, — как большинству искренних и вдумчивых людей его поколения, школы, круга, — не кажется бабловством и пустяками теперешнее искусство? Разгадка была совсем не в том, что Максим Моисеевич «одобряет» стихи какого-нибудь двадцатилетнего поэта, а в том, что из всех «старинных» традиций он сильнее всего, всем существом своим, воспринял традицию свободы и глубоко понял, что без свободы ни искусства, ни литературы нет. Приняв человека, он давал ему свободу и, доверяя ему в целом, доверял и в мелочах, с которыми далеко

¹⁰ Звено. 1926. 17 октября. №194. С.2.

¹¹ Дубнов С.М. Книга жизни. Т. II. Рига: Яунатнес грамата, 1935. С.22; Слиозберг Г.Б. Дела давно минувших дней. Т. III. Париж, 1934. С.134; Мочульский К. Памяти М.М.Винавера // Звено. 1926. 24 октября. №195. С.2; Кантор М. Памяти нашего редактора // Там же. 17 октября. №194. С.3; Адамович Г. Памяти нашего редактора // Там же. С.4; Гиппиус З.Н. Правда М.М.Винавера // М.М.Винавер и русская общественность начала XX века. Париж, 1937. С.191.

не всегда был согласен, но которые все же без условий допускал и право на существование которых с убеждением отстаивал¹².

После смерти Винавера 10 октября 1926 «Звено» редактировал Михаил Львович Кантор (1884-1970), а его неофициальным соредактором, многое определявшим в направлении журнала, стал Георгий Адамович. Они достойно продолжили дело Винавера. Культурный уровень «Звена» продолжал неуклонно расти, прекращение журнала было продиктовано исключительно финансовыми проблемами.

Архив «Звена» вдова М.М.Винавера Роза Георгиевна разделила на две части и одну передала на хранение в Гуверовский институт (США), другую — в Русский заграничный исторический архив (Прага)¹³.

Основная часть публикуемых ниже писем Бунина, Мережковского и Гиппиус к Винаверу сохранилась в той части архива «Звена», которая оказалась в Праге. Сейчас эти письма находятся в РГАЛИ (Ф.2475. Оп.1. Ед.хр.21). Письмо Гиппиус от 1 марта 1925 сохранилось в фонде Беллы Абрамовны Рейн (РГАЛИ. Ф.2656. Оп.1. Ед.хр.24).

К сожалению, из ответных писем Винавера в фонде «Звена» сохранилось лишь одно. Черновик еще одного письма Винавера сохранился в фонде Михаила Александровича Сукенникова (РГАЛИ. Ф.2293. Оп.1. Ед.хр.100). И письмо, и черновик публикуются в примечаниях, а в приложении печатается статья Гиппиус «Его вчерашние слова», почти целиком составленная из писем М.М.Винавера к автору. Письмо Гиппиус к Кантору также сохранилось в архиве «Звена» (ныне — в РГАЛИ). Это первое письмо из их переписки, продолжение которой, сохранившееся в архиве Гуверовского института, опубликовал Г.П.Струве¹⁴.

Письма Бунина и Гиппиус к Миллюкову сохранились в его архиве и ныне находятся в ГА РФ (Ф.579. Оп.5. Ед.хр.186).

Письма Адамовича к Кантору сохранились в архиве Гуверовского института (Hoover Institution on War, Revolution and Peace: Stanford University: Palo Alto: USA. Gleb Struve Papers. Box 93). В свое время Глеб Струве опубликовал в «Новом журнале» две подборки писем, относящихся к периодам их совместной работы над редактированием журнала «Встречи» (1934) и изданием антологии эмигрантской поэзии «Якорь» (1935)¹⁵. Здесь публикуются более ранние письма, относящиеся ко времени работы в «Звене». Письма не датированы, и лишь на некоторых рукой Кантора сделана пометка о том, какого числа было отвечено на письмо. Приблизительная датировка принадлежит публикатору.

¹² Адамович Г. Памяти нашего редактора // Звено. 1926. 17 октября. №194. С.4.

¹³ Винавер Р.Г. Указ. соч. С.138.

¹⁴ Из переписки З.Н.Гиппиус с М.Л.Кантором (1927-1936) / Публ. Г.П.Струве // Новый журнал. 1973. №112. С.227-239.

¹⁵ К истории русской зарубежной литературы. Как составлялась антология «Якорь» / Публ. и комм. Г.Струве // Новый журнал. 1972. №107. С.222-254; К истории русской зарубежной литературы. О парижском журнале «Встречи». С приложением переписки двух редакторов / Пред. и комм. Г.Струве // Новый журнал. 1973. №110. С.217-246.

1. З.Н.Гиппиус — П.Н.Милюкову

91, rue de Tours Amboise (Judre-et-Loire)

26 августа 1922

Многоуважаемый Павел Николаевич

Посылаю вам отрывки из петербургских писем. Я их получила множество (через меня — замаскированную, конечно, — получают еще два адресата). Письма, конечно, сдержанны (хотя не все! Есть смелые люди!) и не так интересны, как могли бы быть, но все-таки любопытны, хотя бы своей подлинностью. Кроме того, я должна прибавить, что многие я должна *расшифровать*, особенно открытки, написанные мельчайшим почерком и с условными выражениями и наименованиями (мне уже привычными). Были места, представлявшие интерес, но могущие дать какой-нибудь след, — я их выпустила. Все-таки боюсь немного и прошу вас взглянуть с этой точки зрения. Если возможна догадка, что эти письма — ко *мне*, то лучше их совсем не печатать. Я имею сведения, что «Валентина Андреевна (сов[етская] вл[ась]) очень на меня сейчас сердита, имени моего слышать не может», и я очень боюсь, не за себя, очевидно.

То, что эти письма от профессора, художника и субъекта — верно, однако, может быть, лучше не упоминать об этом?

При условии безопасности — я знаю, что мои корреспонденты очень были бы рады, если бы знали, что их «обывательские» письма все-таки напечатаны¹.

Буду вам признательна за строчку ответа.

Искренне уважающая вас

З.Гиппиус

P.S. Что касается «Блока»², то именно по-русски я желала бы напечатать его без сокращений. По-французски я сама переведу его, т.е. как бы перепишу; будет совершенно иначе³.

¹ Трудно сказать, о какой именно из многочисленных публикаций подсоветских писем в «Последних новостях» идет речь.

² Судя по всему, Милюков предлагал опубликовать в газете фрагменты воспоминаний З.Гиппиус о Блоке «Мой лунный друг». Воспоминания вскоре появились целиком в трехмесячнике «Окно» (1923. №1. С.103-153) и позже вошли в первый том воспоминаний Гиппиус «Живые лица» (Прага: Пламя, 1925).

³ Mon ami lunaire, Alexandre Blok // Mercure de France. 1923. V (CLXI). P.289-326.

2. Д.С.Мережковский — М.М.Винаверу

[1923]

Глубокоуважаемый Максим Моисеевич,
посылаю книгу Говьянского, о которой хотелось бы с Вами по-
беседовать, когда Вы ее прочете. Посылаю также письмо о Грже-
бине для Евр[ейской] триб[уны]¹.

Искренне преданный Вам

Д.Мережковский

¹ Еженедельник «Еврейская трибуна» М.М.Винавер издавал в Пари-
же в 1920-1924. Мережковскому доводилось в нем печататься: Мережков-
ский Д. Необходимое разъяснение // Еврейская трибуна. 1920. №53. По-
дробнее см.: Каплан В. Указ. соч. С.167-180.

3. И.А.Бунин — М.М.Винаверу

[март 1923]

1, rue Jacques Offenbach

Paris XVI

Телеф. Antenie 16-25

Глубокоуважаемый Максим Моисеевич. Посылаю Вам для
ближайшего № «Звена» небольшой рассказ¹.

Примите уверения в моем совершенном почтении.

Ив.Бунин

¹ Бунин И. Гибель: Из повести // Звено. 1923. 12 марта. №6. С.2-3.

4. З.Н.Гиппиус — М.М.Винаверу

2 мая 1923

11 bis du Colonel Bonnet

Paris 16-e

Глубокоуважаемый г.Винавер.

Возвращаю Вам 10 фр., которые, судя по Вашему письму, я
имею получить. Очень извиняюсь перед Вами за г.Мочульского¹,
я не уполномочивала его читать Вам мои шуточные письма. Я, ко-
нечно, сама виновата: следует писать не так, чтобы тебя могли по-
нять, а так, чтобы не могли не понять.

Я уже объяснила инцидент г. Мочульскому в письме, посланном до получения Вашего, и на этот раз, кажется, совершенно точно.

С совершенным уважением

З. Гиппиус-Мережковская

P.S. Все мои литературные имена — псевдонимы. «Лев Пушкин» несколько менее известный, нежели «Ант. Крайний» и «З. Гиппиус» — вот и все².

¹ Константин Васильевич Мочульский (1892-1948) — критик, литературовед. В эмиграции с 1919, сперва в Софии, а с 1922 — в Париже. Сотрудник «Русской мысли», «Последних новостей», а с 1923 — постоянный сотрудник «Звена» (позже член редколлегии).

² Помимо упомянутых, З. Гиппиус доводилось также подписываться псевдонимами Антон Кирша, Витовт, Л. Денисов, Роман Аренский, Товарищ Герман и разнообразными криптонимами.

5. З. Н. Гиппиус — М. М. Винаверу

le 4 Mai 23

11 bis du Col. Bonnet
Paris 16-e

Многоуважаемый Максим Моисеевич.

Обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой. Я получила сегодня из России, от сестры Влад. Соловьева, небезызвестного поэта «Allegro», Поликсены Соловьевой, стихи, которые она хотела бы напечатать¹. Может быть, вы возьмете их для «Звена».

Соловьева, вместе со своей приятельницей и б[ывшим] редактором петерб[ургского] журнала «Тропинка»², находится в крайне бедственном положении. Я об этом узнала два месяца тому назад, когда они умоляли послать им посылку, но, несмотря на все мои хлопоты в землячествах и у журналистов, я помощи достичь не могла и принуждена была лично послать им две нансеновских посылки. Гонорар за стихотворение, буде «Звено» согласится его напечатать — за подписью П. Соловьева (Allegro), — передайте мне; если его не хватит на Нансена — я добавлю и pošлю еще, поскорее. Кроме посылок из Берлина (Помощь ученым и писателям), они ничего никогда не получали, и это прошлым летом!

Очень извиняюсь за беспокойство, надеюсь, что вы получили 10 франков, взамен присланных мне, вне уговора, 9 фр. 45, как я в предыдущем письме вам объясняла, надеюсь еще, что все до-

садные недоразумения между нами кончены и прошу верить моему искреннему чувству уважения.

З.Гиппиус

¹ Стихотворение *Поликсены Сергеевны Соловьевой* (псевд. *Allegro*; 1867-1924) «Петербург» («Мне снятся жуткие провалы...») было опубликовано в ближайшем номере «Звена» (1923. 14 мая. №15. С.2).

² Детский журнал «Тропинка» (СПб., 1906-1912) вместе с П.Соловьевой редактировала Наталия Ивановна Манасейна (1869-1931).

6. З.Н.Гиппиус — М.М.Винаверу

le 16 Mai 23¹
11 bis du Col. Bonnet
Paris 16-e

Многоуважаемый Максим Моисеевич.

Очень вам благодарна за скорое исполнение моей просьбы — насчет стихов Поликсены Сергеевны. Теперь, если вы мне пришлете 34 фр., я обрадую россиянок Нансеновской посылкой, через Евр. общество, как посылаю в Петербург.

Мне передавал Лев Исаакович², что «Звено» не отказалось бы от «Антон Крайнего». Я могу предложить вам вот что: раз в 2 недели около 100 строк из «Литературного дневника».

Этот «Дневник» (как бы продолжение всех бывших)³ существует сам по себе и будет идти своим чередом, пока дожидается своих времен; но если «Звено» может дать мне некоторую свободу слова, то я буду брать оттуда соответственное и современное. Для этого мне нужно знать последний день для присылки переписанного; чем он позднее, тем лучше. Раз в 2 недели можно устроить 100 стр[ок] «Лит. дневника» хоть на 4-й странице. Затем я не могу обязаться говорить непременно о чистой литературе, о последних берл[инских] книжках, о «серапионовых братьях» и т.д. Я их и читаю редко. Словом, мне надо знать, может ли «Звено» предоставить мне хотя бы такую свободу слова, какую во время оно предоставлял мне петербургский «День».

Затем желаю вам всего хорошего. Я теперь больна и в ближайшие №№ «Звена» вряд ли могу дать что-либо и при благополучном вашем ответе.

Искренне преданная

З.Гиппиус

¹ Черновик ответа М.М.Винавера на это письмо сохранился в фонде М.А.Сукенникова (РГАЛИ. Ф.2293. Оп.1. Ед.хр.100) и ниже приводится целиком; зачеркнутые фрагменты текста воспроизводятся в наклонных скобках:

19 мая

Глуб[окоуважаемая] Зин[аида] Ник[олаевна]

Отвечаю на Ваше письмо наспех, перед самым отъездом в Лондон, откуда вернусь только дней через 10.

Вопрос печатания в «Звене» «Дневника», трактующего не только литературные, но и политические темы, вызывает во мне большие сомнения. /Политический отчет/ Обсуждению русских политических вопросов в «Звене» мы с умыслом отводим всего одну статью в номере. Статья эта пишется обыкновенно на заданную /мною/ тему и /тщательно/ подвергается тщательной редакционной цензуре. Всякое расширение /рамок/ области политики изменило бы характер газеты. Вы предлагаете к тому предоставить Вам свободу, имея, по-видимому, в виду больший объем этой свободы, чем он обычно предоставляется. Не /помню, знаю/ как дело обстояло в «Дне». Быть может, в газете, выходящей ежедневно, /разрабатывающей/ имеющей возможность выяснять свою позицию в большом количестве мнений и по разным случаям живой (а не эмигрантской) жизни, такая свобода была возможна, подчас она даже усиливала интерес к газете. Я мог бы ее допустить в некоторой мере в «Посл[едних] нов[остях]», как это и делает П.Н.Миллюков. Но /имея всего/ в еженедельной преимущественно литературной газете /я не могу позволить себе этой роскоши/ едва ли можно позволить себе такую роскошь. Я считаю задачей «Звена» в области политики исключительно более обобщенное решение проблем, составляющих основу нашей с П.Н.Миллюковым политической веры, разрабатываемых более подробно и более «актуально» на страницах «Посл[едних] нов[остей]». Я избегаю всякой политики, всякого расширения мнений и не до конца выясненных вопросов. Форма «Дневника» с политическим элементом и с гарантированной вперед свободой мнений не соответствует этой цели.

Таковы первые мои мысли по поводу Вашего предложения, имеющего для газеты несомненно свою привлек[ательность]. Разрешите мне еще обдумать Ваш план и /по возвращении из Англии/, если бы я переменил свое мнение, опять снестись с Вами по возвращении из путешествия.

/Надеюсь, что Вы не откажете «Звену» и впредь в Вашем внимании в менее спорных областях/.

Очень В[ам] б[лагодарен] во вс[яком] случае за признание Ваших симпатий для «Звена». Надеюсь, что она будет и впредь проявляться в области менее спорной.

² Лев Шестов (наст. имя: Лев Исаакович Шварцман; 1866-1938).

³ З. Гиппиус имеет в виду свои статьи в журналах «Мир искусства», «Новый путь», «Весы» и др., вышедшие отдельной книгой: Крайний А. Литературный дневник: 1899-1907. СПб.: М. В. Пирожков, 1908. Ее статьи эмигрантского периода (в «Общем деле», «Свободе», «Звене», «Последних новостях» и др.) остаются несобранными.

7. И. А. Бунин — П. Н. Милюкову

Cannes, rue Jonquiere, villa Alba
18.6.23

Глубокоуважаемый Павел Николаевич,

В «Современных записках» лежат воспоминания об Андрееве известного писателя Скитальца (С. Г. Петрова), одного из ближайших друзей покойного. «Современные записки» не хотят печатать — завалены материалом. Чрезвычайно прошу Вас эти воспоминания просмотреть. Убежден, что это очень интересный материал для «Последних новостей» и «Звена». Кроме того, Скиталец в нужде, в эмиграции.

Ваш Ив. Бунин

8. И. А. Бунин — М. М. Винаверу

Villa Mont-Flery
Grasse (A.-M.)
[Б. д.]

Глубокоуважаемый Максим Моисеевич,

Простите за столь поздний ответ. С удовольствием исполню Вашу просьбу, если «Звено» хоть несколько изменит те условия, которые столь необычны для меня и при которых я мог бы дать ему рассказ только однажды, в виде исключения. Я прошу 300 фр. за фельетон, независимо от его величины, т. е. и так впятеро меньше того, что следует. С истинным почтением

Ив. Бунин

9. И. А. Бунин — М. М. Винаверу

[Почтовый штемпель: Grasse, 2 Juillet 1923]
Hotel Henri IV
S. Germain en Laye (S. et O.)

Глубокоуважаемый Максим Моисеевич,

Получил Ваше письмо. Позвольте в таком случае хоть как-нибудь исполнить Ваше желание: Пришлю Вам на днях стихи¹.

Ваш Ив. Бунин

10. З.Н.Гиппиус — М.М.Винаверу

24.I.24

11 bis du Col. Bonnet
Paris 16-e

Многоуважаемый Максим Моисеевич.

Спасибо за ваше доброе напоминание о «Звене»: я о нем вовсе не забыла, впрочем, и случись у меня за это время что-нибудь подходящее — я бы сама постучалась в вашу дверь. Но я все еще только собираюсь писать рассказ, вечно отвлекает другая работа...

Мне помнится, я вам никогда не «угрожала» политическими статьями, да и профессиональных претензий не имею. Я лишь указывала вам, что мне трудно (психологически) работать без некоторой свободы слова, хотя бы такой, какой я пользовалась в любой газете при царском режиме; и не ручалась, что вы нигде у меня не усмотрите «политики»: ведь нынче это понятие очень стало растяжимо. К тому же я рассуждаю так: ежели я, по-вашему, нахожусь в противном вам политическом лагере — то вряд ли гожусь для «Звена», о чем бы ни писала; а ежели не в противном — я достойна некоторого кредита. (Писателей, и вообще людей *нейтральных* — сейчас нет, т.е. живых: есть мертвые).

Чтобы нам не спорить о неясностях — я представляю на ваш суд мою «Запись» в последней книжке «Совр[еменных] записок»¹. Вот та «свобода» (или вроде), на которую я посягала в «Звене». Но, конечно, это не предел; быть могло — я сказала бы кое-что и больше.

Откровенно скажу вам, что очень скучаю без газетной работы, и очень жалко, что нет русской газеты, которой я могла бы быть полезной, — здесь в Париже. Меня зовут в «Сегодня»² для еженедельного фельетона (с полной свободой, что заманчиво!), но это так далеко, да и к газете я еще не присмотрелась. Пока это не решено, и я не слишком занята — я постараюсь написать что-нибудь для «Звена». Не обещаю — но постараюсь.

Может быть, вы имеете в виду какую-нибудь тему, особенно вам желательную?

С искренним уважением

З.Гиппиус

¹ Крайний А. Литературная запись: Полет в Европу // Современные записки. 1924. №18. С.123-138.

² Гиппиус публиковалась в «Сегодня» в 1929-1930 и 1934-1935.

11. З.Н.Гиппиус — М.М.Винаверу

26 М[а]р[та 19]24

Многоуважаемый Максим Моисеевич.

Не хотите ли напечатать в «Звене» мои отрывочные (поневоле отрывочные) воспоминания о Сологубе¹? Я их написала, чтобы прочесть на Комитетском вечере² 2 апреля, по просьбе Н.В.Чайковского³ (сорок лет лит[ературной] деятельности Сологуба), но, кажется, этот вечер не состоится. Во всяком случае, после 2 апреля это можно печатать, и я хотела бы знать заранее, пригодится ли это для «Звена», потому что иначе я уже теперь пошлю рукопись в дальнее место. Спрашиваю же я вас не потому, чтобы сомневалась — в смысле содержания (я думаю, тут не встретится затруднений, ведь *Сологуб в России*, и я его очень люблю), но есть вопрос насчет *размера*: можете ли вы печатать фельетон более 100 строк? Там будет 300 или даже 350.

Жду вашего ответа, а в P.S. прибавлю, что, видите, я мудро вас предупреждала, чтобы вы, раньше, чем предлагать страницы «Звена» Ант. Крайнему, прочитали его в «Совр[еменных] записках». И, согласитесь, что я не употребила во зло ваше доверие, — за которое я вам очень благодарна, — решившись все-таки ждать выхода книжки «Совр[еменных] записок» и присылая вам «Cause-gie», в которой всегда может быть острота, вам нежелательная.

Привет и наилучшие пожелания

З.Гиппиус

¹ Статья Гиппиус «О Сологубе» появилась в 63-м номере «Звена» 14 апреля 1924.

² 2 апреля 1924 Комитет помощи русским писателям и ученым намеревался устроить публичное собрание, посвященное двум датам: 40-летию литературной деятельности Сологуба и (с опозданием) 50-летию кончины Тютчева. Мероприятие было перенесено и состоялось 9 апреля в Café Voltaire. С сообщением о Тютчеве на нем выступил К.Д.Бальмонт.

³ Николай Васильевич *Чайковский* (1850-1926) — общественный и политический деятель в России, а с 1920 в эмиграции. Председатель Северного правительства в 1918.

12. З.Н.Гиппиус — М.М.Винаверу

1 апреля 1924 г.
11 bis av. du Col. Bonnet
Paris 16-e

Многоуважаемый Максим Моисеевич.

Выяснились две вещи: первая — что Комитетский вечер будет 9-го, когда Чайковский просит меня прочесть «О Сологубе», так что я могу дать вам статью лишь для 14-го апреля. Вторая — что в рукописи 25 страничек (крупного почерка). Обыкновенная, в 23 строки: школьная тетрадь. Главам, положим, предшествуют эпиграфы, которые можно набрать петитом. Благодаря тому, что я написала крупно (для чтения), я не могу рассчитать, сколько это займет строк и вместится ли в «Звене». Боюсь, что это выйдет больше 350 строк, а выпустить зря мне жалко. Скажите ваш предел, и я сообщу¹.

Искренне преданная вам З.Гиппиус

P.S. Скажите также, могу ли для № 14 апреля послать вам рукопись 10-го?

Что касается моих «Causeries»², то я очень благодарна вам за доверие; только что почту себя в силах не обмануть его и написать что-нибудь без «остроты» — как немедленно пришлю вам.

¹ В архиве «Звена» сохранилась машинописная копия ответного письма М.М.Винавера:

Париж, 2 апреля 1924 г.

Многоуважаемая Зинаида Николаевна

Предельный размер для статей у нас — 250-280 строк, но если в вашем очерке о Сологубе окажется больше, то пустим его под чертой, в виде фельетона, и тогда в нем может быть и до 400 строк. Срок до 10 апреля поздноват. Не могли бы Вы прислать ее к 8-му? Но если это невозможно, то сойдет и 10-го.

² «Бесед» (*фр.*).

13. З.Н.Гиппиус — М.М.Винаверу

10 апреля 1924 г.
11 bis av. du Colonel Bonnet
Paris 16-e

Многоуважаемый Максим Моисеевич.

Посылаю вам, как обещала, «О Сологубе». Не думаю, чтобы вышло очень много, т.к. я читала всего 10 минут. «Звено» такое

же, как «Посл[едние] нов[ости]», а там попадаются фельетоны гораздо обширнее.

В самом крайнем случае — пришлите мне набор или рукопись, я выключу строк 30-40, но это мне бы не хотелось, конечно.

С искренним уважением

З.Гиппиус

14. Г.В.Адамович — М.Л.Кантору

[Декабрь 1924]

Дорогой Михаил Львович.

Помолчим о Чирикове¹, если он стал нашим новым сотрудником. Молчать можно. Хвалить его трудно. К тому же он, вероятно, считает себя «столпом» нашей литературы, и обидится, если написать о нем недостаточно восторженно.

За деньгами я, конечно, мог бы захватить к Вам, но если это дает Вам повод быть у меня, то я очень этому рад: завтра, во вторник (или в среду, если Вам неудобно), я могу быть дома, когда бы Вы ни приехали. Известите только о часе, чтобы наверное меня застать.

Не откажите передать мой искренний привет Ирине Александровне².

Если Вы приедете во вторник, то я тогда же и передам Вам материал для ближайшего №.

Ваш Г.Адамович

¹ Евгений Николаевич *Чириков* (1864-1932) — прозаик, драматург, публицист «знаньевского» направления. С 1920 — в эмиграции. Адамович опубликовал рецензию на его книгу «Красота ненаглядная» (Звено. 1924. 22 декабря. №99. С.2).

² Жена М.Л.Кантора.

15. З.Н.Гиппиус — М.М.Винаверу

1.3.25

11 bis av. du Colonel Bonnet
Paris 16-e

Глубокоуважаемый Максим Моисеевич.

Сознаюсь, что вина моя велика, хотя есть смягчающие обстоятельства: я передала «Седины»¹, окончив их только в Грассе, и довольно поздно, моему другу², который взялся их отвезти вам.

Так и было сказано: *для вас*. Но когда потом, из Парижа, он стал просить меня оставить текст для него (для «С[овременных] з[аписок]»), — я, каюсь, уступила, и вот главное смягчающее обстоятельство: этот друг — мой единственный друг, и не только в районе Парижа, а гораздо шире... Понятно, по человечеству, что я ему уступаю решительно во всем. Но это, конечно, не извиняет того факта, что я ничего вам своевременно не написала, и я очень радуюсь вашему великодушному отпущению мне этого греха. Он мне отчасти и мешал обратиться опять в «Звено», хотя прекращение моего там сотрудничества меня весьма огорчало.

Кроме того, — позвольте мне быть с вами откровенной, — мне казалось иногда, что свойство моих писаний и моего имени, всегда какое-то возбуждающее тех или других, кажется вам не совсем подходящим для мирного литературного органа. Не скрою от вас, что даже невинная статья о Баксте³ послужила поводом к разным письмам мне и в редакцию — по случаю моего «плевание в русскую душу (?) при восхвалении 'всякого еврея'». Я же, по совести, не умею отделять «красоту» от «добра и истины» (сходясь в этом с Вл. Соловьевым) и поэтому не могу ручаться даже за аполитичность ни одной моей статьи, вплоть до *беллетристики*. Но, конечно, с последней риска гораздо меньше; я немедленно послала бы вам что-нибудь, *если б оно у меня было*. Однако, несмотря на особенную мою занятость в данное время (всю зиму я так работаю, что даже почти никуда не выхожу, а сейчас, кончив статью для очередной книжки «С[овременных] з[аписок]», пишу большую статью для следующей⁴), — я все-таки постараюсь дать вам в ближайшее время хоть что-нибудь совсем коротенькое — мое звено со «Звеном».

Я только хотела бы выяснить, для общего удобства, что вы считаете «беллетристикой», т.е. где ее последняя грань, должна ли я держаться непременно условных форм рассказа или могу из них выступать?

Это вопрос прежде всего внутренний, а затем и внешний; вы слишком хорошо понимаете нашу общую эмигрантскую судьбу, чтобы не рассердиться на меня за ту разницу, которую я делаю между гонораром в 50 и 75 с[антимов] за строчку.

Еще раз благодарю вас за доброе письмо, которое доставило мне искреннюю радость.

С глубоким уважением

З.Гиппиус

¹ Имеются в виду воспоминания З.Н.Гиппиус «Благоухание седин» (Современные записки. 1924. №21. С.197-229), впоследствии во-

шедшие последней главой во второй том «Живых лиц» (Прага: Пламя, 1925).

² Илья Исидорович Бунаков (наст. фам. Фондаминский; 1880-1942) — общественный и политический деятель, публицист, один из редакторов «Современных записок», близкий друг Гиппиус с нач. 1900-х.

³ Гиппиус З.Н. Умная душа: О Баксте // Последние новости. 1925. 11 января. №1446.

⁴ Имеются в виду статьи «Оправдание свободы» (Современные записки. 1924. №22. С.293-315) и «Новь» (Современные записки. 1925. №23. С.421-431).

16. Г.В.Адамович — М.Л.Кантору

[Май 1925]

Дорогой Михаил Львович.

Спасибо за присылку вырезки. Я отвечать не буду. Ответ имело бы смысл писать для той же «Родной земли», — но там не напечатают. Читатели же «Звена» в большинстве этой статьи не читали.

Не знаю, что это за Мейер¹. Он, по-видимому, знает историю литературы и намеренно скрывает, что Тургенев всегда говорил одно вслух и другое про себя. Так же и о Фете². Но какие это все пустяки! Как будто в этом дело! Вот о том, что это *все* — «пустяки», мне бы ответить хотелось, но Мейер тогда, пожалуй, совсем заболел от злости.

Жму Вашу руку

Ваш Г.А.

¹ Георгий Андреевич *Мейер* (1894-1966) — публицист, критик, литературовед, сотрудник «Родной земли», а позже «Возрождения». Фет был одним из его любимых поэтов. Возражения Мейера в газете «Родная земля» были вызваны статьей Адамовича о Фете в «Литературных беседах» (Звено. 1925. 27 апреля. №117. С.2). Ответа Адамовича не последовало.

² Подборку высказываний «Тургенев о Фете» привел в своей книге «Ледоход» Б.Садовской. По его мнению, «даже в самых незначительных, почти случайных заметках о Тургеневе мы наталкиваемся на неоспоримые свидетельства о его двуличии и лукавстве» (Садовской Б. Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С.43). Ср. также: «Тургенев находил, что Фет так же плодовит, как клопы, и что, должно быть, по голове его проскакал целый эскадрон, отчего и происходит такая бессмыслица в некоторых его стихотворениях. Но Фет вполне был уверен, что Тургенев приходит в восторг от его стихов, и с гордостью рассказывал, как после чте-

ния Тургенев обнимал его и говорил, что это лучшее из написанного им. Очень хорошо помню, как Тургенев горячо доказывал Некрасову, что в строфе "Не знаю сам, что буду петь, но только песня зреет" Фет изобличил свои телячьи мозги» (Головачева-Панаева А.Я. Воспоминания 1824-1870. СПб., 1890. С.220).

17. Г.В.Адамович — М.Л.Кантору

[Декабрь 1925]

Дорогой Михаил Львович.

Вот статья¹. Она только о Бальмонте по многим причинам: 1) У меня все еще «пустая» голова, 2) Из почтения к Бальмонту, чтобы не соединять его со всякой мелочью, 3) Вышло длинно, а у Вас и так мало места. (Прочтите то, что я зачеркнул на стр. 4. Не лучше ли восстановить? Я зачеркнул только по соображениям почтительности к юбилею.)

Затем о *cartes d'identité*. По-моему, ждать ответа на нашу просьбу нечего, если можно сделать иначе. Вы предлагаете пойти вместе к Полякову². Я с большой радостью пойду. Думаю, что если я и не в союзе, то это можно там же устроить. *Скажите Н.М.*³, где и когда с Вами мне встретиться. Спасибо за *pneumatique*.

Ваш Г.А.

¹ Имеется в виду статья Адамовича о К.Д.Бальмонте к сорокалетнему юбилею творчества поэта (Звено. 1925. 14 декабря. №150. С.2).

² Соломон Львович Поляков-Литовцев (1875-1945) был в то время секретарем Союза русских писателей и журналистов в Париже, помогавшего своим членам получать вид на жительство — *carte d'identité* — во Франции.

³ Неустановленное лицо. Возможно, Николай Михайлович Бахтин.

18. Г.В.Адамович — М.Л.Кантору

[Январь 1926]

Дорогой Михаил Львович.

Я только что прочел статью Оцупа¹ и недоумеваю: почему Вы так ее раскритиковали? *Совершенно беспристрастно* я нахожу, что она в целом интересна и поучительна, хотя, конечно, ее надо кое-где почистить (напр. «для иллюстрации этой картины...»). Надо иначе назвать. Надо убрать «Манн мне сказал» и т.д. Но это мелочи, а так, в общем, по-моему, неплохо.

Конечно, я в ваш суд не вмешиваюсь, но заступиться за моего знаменитого друга мне все-таки хочется.

Ваш Г.А.

P.S. Я вчера не пошел на выставку из-за дождя. Не знаю, были ли Вы?

Я бы привел статью О. в надлежащий вид, если Вы меня уполномочите. Но, может быть, Вам кажется, что она *irragable*? Та, о Гумилеве, была, действительно, безнадежна, а эта ведь нет.

¹ Имеется в виду статья «Томас Манн в Париже» (Звено. 1926. 31 января. №157. Подп.: О.).

² Безнадежна, несправима (*фр.*).

19. З.Н.Гиппиус — М.М.Винаверу

12.7.26

Villa Alba, rue Jonquiere
Le Cannet A.M.

Дорогой Максим Моисеевич.

Наконец-то вы поправились! Теперь укрепляйтесь на негородском воздухе.

Статья готова, благодаря некоторым обстоятельствам, она немножко задержалась. Отчасти и потому, что я непременно хотела исполнить ваше желание и дать статейку З.Гиппиус. А она пишет критику гораздо медленнее (и скучнее, по правде сказать). Как это ни странно, но психологическое перевоплощение в А.Крайнего дает мне другие способности, хотя иных, в то же время, лишает. Впрочем, вы правы: о «Недавнем» следовало написать Гиппиус¹.

Я бы сегодня же послала вам статью, если бы меня не смущал ваш адрес: откуда «Ментона» и почему, кроме нее, нет ничего? Если это письмо не вернется ко мне, и я получу от вас словечко, в тот же день вышлю вам листки, которых не так много.

Было два жарких дня, а сегодня светло, пасмурно, и дождик крапывает. Так что ничего страшного пока нет. А как у вас?

Спешу отправить это письмо, привет от нас, поклон Розе Георгиевне².

Ваша З.Гиппиус

¹ Имеется в виду второе, расширенное издание книги М.М.Винавера «Недавнее: воспоминания и характеристики» (Париж, 1926; первое изда-

ние вышло в Петрограде в 1917). Статья Гиппиус о ней под названием «Лик человеческий и лик времен» появилась в 182-м номере «Звена» 25 июля 1926. Постоянный обозреватель «Звена» Г.В.Адамович опубликовал свою статью о «Недавнем» в «Последних новостях» (1926. 1 июля. №1926. С.3). Это была его первая публикация в газете Миллокова.

² *Роза Георгиевна* (Генделевна) Винавер (урожд. Хишина; 1872 - после 1944) — жена М.М.Винавера с 1894, автор воспоминаний о нем (Нью-Йорк, 1944).

20. И.А.Бунин — М.М.Винаверу

Villa Belveder
Grasse, A.M.
12. VII.26

Дорогой Максим Моисеевич,

Постараюсь непременно дать Вам что-либо и, надеюсь, скоро. Сейчас прошу дать отсрочку на некоторое время.

С рецензией на Вашу книгу Вера Николаевна опоздала — в редакции «Возрождения» уже была принята статья Трахтерева¹. Шлем Вам наш привет!

Ваш Ив.Бунин

¹ Трахтерев О.С. «Недавнее» // Возрождение. 1926. 8 июля. №401. С.4.

21. З.Н.Гиппиус — М.М.Винаверу

18 июля 26
V.Alba, rue Jonquiere
Le Cannet (A.M.)

Дорогой Максим Моисеевич.

Сегодня получила ваше письмо и, согласно обещанию, посылаю записочку. Хотя и не А[нтон] Кр[айний] ее писал, но некоторая «суховатость» в ней все-таки заметна. Ничего не поделаешь, я не умею обращаться со специально-восхвалительными *словами*, а всегда «смотрю в корень». Что там вижу, то и докладываю. Поглядев в вашу книгу, я там много высмотрела, далеко не все написала, можно бы еще целую статью написать о лике *известного* времени — и о главном его содержании. Но это уж будет (если напишу) совсем по существу.

Что касается заглавия, то у меня было другое, только немного длинное. Если это вас не смущает, поставьте его, — но вообще

оставляю выбор на ваше усмотрение. Это первое заглавие «Лик человеческий и лик времен».

Буду с нетерпением ждать ответа и напоминаю о нашем «уговоре».

Привет!

Ваша З.Гиппиус

P.S. У меня есть одно предложение относительно «Звена», одна мысль, которая мне явилась, но о ней впоследствии. Это лишь проект.

22. Г.В.Адамович — М.Л.Кантору

[Не позднее 2 авг. 1926]

Дорогой Михаил Львович.

Сегодня отправил Вам книги, а вчера «Беседы». Простите, что нет хроники. Мало ее, — нельзя ли летом поместить ее через №?

Только что получил 500 фр. Большое спасибо. Теперь о делах литературных: я был вчера у Мережковских. Она разъярена «Верстами»¹ до последней крайности, рвется в бой, но сокрушается, что никто ее статьи о «Верстах» не напечатает, п.ч. она была бы слишком резка. Я осторожно намекнул о «Звене», но не настаивал... Как Вам кажется? По-моему, «Звену» нужно что-то вспрыснуть и оживить. Жалеть же эту компанию не приходится, и шадить самолюбие тоже. Знаете, я ей прошлый раз говорил, что, по моему, она может написать статью о Мережковском (ей хочется), не обращая внимания на зубоскалов, которые ее заподозрят в кумовстве. Она предложила Милюкову, и тот отказался. Зинаида и пала духом. Я все это пишу Вам, чтобы Вы сделали «соответствующие выводы». У нас слишком уж салонный тон, и мало темпераментов. Затем о Резникове. Я свою рекомендацию беру обратно, ибо, вероятно, напечатание его повлечет разрыв с Ходасевичем, хотя это было бы и глупо². Но что поделаешь. Затем, еще дело, о котором я все забываю Вас попросить: если Вы когда-нибудь будете в «Посл[едних] нов[остях]» или увидите Милюкова, спросите его, пожалуйста, где та моя статья о Пушкине. Если он на нее прав собственности не предъявляет, возьмите ее, пожалуйста, в «Звено» в качестве беседы³, она подходит, а мне меньше трудов будет. Вы пишете, что плохо с беллетристикой. Жаль, что я из статьи Уайльда сделал заметку. Можно было бы в виде «фельетона»⁴. Есть еще одна или две, большие. Если хотите, я как-нибудь их пришлю. Где М.М. и как его здоровье⁵? Всего хо-

рошего. Кланяйтесь Ирине Александровне. Когда Вы уезжаете и где Бахтин?

Ваш Г.Адамович

¹ «Версты» — журнал, выходивший в Париже под редакцией Д.П.Святополка-Мирского, П.П.Сувчинского и С.Я.Эфрона, «при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова». Три номера журнала вышли в 1926-1928. Журнал прекратил свое существование из-за отсутствия средств и нераскупаемости тиража, а также в силу разногласий между редакторами. Первый номер «Верст», о котором идет речь, вышел в конце июня — начале июля 1926 и встретил преимущественно негативные отзывы в эмигрантской печати. Подробно о журнале см. в публикации А.Саакянц «Журнал "Версты"» (Новый журнал. 1991. №183. С.211-217).

² Весной 1926 в конкурсе журнала «Звено» на лучшее стихотворение победителем оказался Даниил Георгиевич Резников (1904-1970), что вызвало недовольство В.Ходасевича, заявившего, что были присланы стихи и лучше (Дни. 1926. 14 марта). Адамович пытался защитить Резникова в очередных «Литературных беседах» (Звено. 1926. 21 марта. №164. С.1-2). Осенью 1926 публикаций Резникова в «Звене» не появлялось.

³ Статья о Пушкине в «Литературных беседах» появилась в 220-м номере «Звена». Но возможно, имеется в виду статья о книге С.Серापина «Пушкин и музыка», опубликованная в 224-м номере «Звена» и начинавшаяся словами: «Лучше поздно, чем никогда».

⁴ Возможно, имеется в виду заметка «Неизданные сказки Оскара Уайльда» (Звено. 1926. 8 августа. №184. С.7-8. Подп.: Д.К.).

⁵ М.М.Винавер был в то время тяжело болен.

23. Г.В.Адамович — М.Л.Кантору

[5 августа 1926]

Villa Bayley
Avenue Gustav Nadaud
Cimiez, Nice

Дорогой Михаил Львович, не знаю, где Вы и пишу на Rue. Manuel, в надежде, что Вам письмо перешлют. Наши последние письма разминулись. И я так и не ответил Вам о «Верстах» и прочем. Отчего Вы раздумали писать о них? Это жаль, потому что время уходит. Я ни в каком случае писать о них не буду, и главная причина этого в том, что «Верст» у меня нет. С Зин. Гиппиус я поговорю послезавтра, но выйдет ли что-нибудь — не знаю. Она согласится, вероятно, только при условии «pleins pouvoirs»¹.

Хорошо было бы, если бы Макс[им] Моис[еевич] или Вы ей об этом написали и «пувуары» дали бы. Вообще жаль, что она у нас так мало пишет, потому что она все время жалуется, что ей *писать негде*. Сегодня Бунин разразился в «Возрождении»², но, по моему, довольно слабо. Да, еще вопросы: 1) куда делся Муратов? 2) нельзя ли меня разлучить с Вейдле, потому что даже Злобин говорит: «Адамович, Вейдле... это уж знаешь наперед», т.е. чтобы мы не были всегда рядом, а то ведь и такие мелочи приедаются и надоедают.

Теперь дело другое и большая к Вам просьба. Вы помните, м.б., что я говорил Вам зимой о 140 т. рублей моей тетки, положенных в Петербурге в америк[анский] банк. Я бы хотел этим делом заняться, но не знаю, стоит ли, и хочу попросить Вашего совета. Если Вам кажется, что дело возможное, и если Вы согласитесь за него взяться, я пришлю или привезу Вам осенью все бумаги. Вот вкратце суть его:

В мае 1917 года в петрогр[адский] отдел The National City Bank of New York было положено 140 облигаций внутр[еннего] 5% займа на сумму 140 000 р. (имеется приемная квитанция банка). До середины 1918 г. они там находились вместе с процентами, около 5 000 р. Имеются заявления о том правления банка, с указанием, «что бумаги находятся в Вашем распоряжении». Затем след теряется. В 1922 году по запросу моей тетки из Нишцы, куда она к тому времени приехала, из правления банка в Нью-Йорке ответили, что они предлагают уплатить по курсу царского рубля на нью-йоркской бирже за имевшиеся в 1918 на текущем счету 5 000 р. (что равнялось в 1922 г. нескольким долларам), о самих 140 000 р. — ни слова. То же банк написал и совсем недавно, предлагая или уплатить 5000 р. по курсу царского рубля, или отложить дело до установления нормальн[ых] отношений с Россией. О 140 000 опять ни слова. По частным сведениям, на вопрос одного из наших знакомых в Нью-Йорке банк ответил, что в 1918 г. банк предлагал вынуть бумаги всем клиентам, и что тот, кто этого не сделал, не вправе ничего требовать. Как Вам кажется: 1) если облигации были у них реквизированы, не должны ли они представить доказательства? 2) если они их вывезли, нельзя ли потребовать, чтобы они их вернули? Неясно, куда бумаги делись, и почему банк ничего по поводу них не сообщает. Впрочем, одна фраза в переписке довольно обещающая: «если у Вас есть какие-либо претензии к нам, пришлите подлинные доказательства, оставив у себя копии, т.к. правительство в таких делах требует подлинников». При чем тут правительство, и не предполагают ли они возможного процесса?

Вот, Михаил Львович, в чем дело. Буду Вам очень благодарен, если Вы сообщите мне Ваше мнение, стоит ли с этой историей возиться или надо махнуть рукой. Как Вы живете и отдыхаете? Спасибо за книги, но я смущен «Русью»³ Романова: кончен ли этот роман вообще? Мне ведь прислано только начало, 3 книги? Что это, переиздание или новое? За Анненского спасибо. Надо подождать о нем писать, чтобы не было «стихотворного засилия». Всего хорошего. Кланяйтесь, пожалуйста, Ирине Александровне, если только Вы путешествуете вместе. Мои монте-карловские мечты и планы рушились внезапно и трагически, а все шло до сих пор блестяще.

Ваш Г.Адамович

¹ Максимум полномочий (*фр.*).

² Бунин И. «Версты» // Возрождение. 1926. 5 августа. №429.

³ Первая книга задуманной еще до революции эпопеи Пантелеймона Романова «Русь» была опубликована издательством Сабашниковых в 1923, вторая — в 1924, третья — издательством «Прибой» в 1926. Рецензии Адамовича на «Русь» в «Звене» не последовало.

24. З.Н.Гиппиус — М.М.Винаверу

9 авг. 26

V.Alba, rue Jonquiere
Le Cannet (A.M.)

Дорогой Максим Моисеевич.

Все время стремилась написать вам, и много, по части последнего вашего письма. Почти неделю была занята очень трудной работой и даже чувствую от нее некоторое оупление. Главное — трудной не по существу, а по той необходимости «приспособляться», к которой мне трудно привыкнуть. Какое, все-таки, счастье писать «вольно», думая о теме и не думая о «редакторе», — как я писала раньше (и как я писала статью о вас). И как иногда мучительно искать выражение для своей мысли не самое точное, но самое «мягкое», что называется — писать «с оглядкой», все время «мазать». Вот уже 4 года я в этом положении и, кажется, придется прибегнуть к героическим мерам, чтобы еще сохранить остаток способностей к писанию: на некоторое время совершенно отказаться писать для печати, а писать, как я пишу стихи: ни для чего, просто потому, что пишется и когда пишется, и никуда не отдавать. «Дневник в пустыне», как я говорю. Этот мой «пи-

сательский отъезд в санаторию» уже совсем на мази: от «Совр[еменных] зап[исок]» я уже формально отказалась на некоторое, неопределенное время, несмотря на дружеские узы, с ними меня связывающие. То же, само собою, делается с «П[оследними] нов[остями]»¹, и — скажу вам откровенно — что более всего жаль мне расстаться со «Звеном». Между мной и его редактором еще не было и тени конфликта; все, что я для него писала, — я могла быть уверена, что труды мои не пропадут. Но... тут же я сурово себе возражаю, что если санатория — то режим надо выполнять во всю меру; что, наконец, если я к «Звену» никогда не «приспособлялась», то ведь и нужды не было, ввиду тем, а также определенной формы, где мне, конечно, дана, внутри известных рамок, свобода.

Вот мой спор с собою относительно «Звена», о котором я вам с откровенностью пишу. Спор этот не кончен, но, оставляя себя в стороне, отвлекаясь совершенно, я думаю, что могу все-таки сказать несколько *объективных* слов о журнале. Так и примите их, как будто я в пустыню уже удалилась, и навсегда.

Журнал этот — большая ценность в нашей эмигрантской жизни. Он, — все, что вокруг него завивается² и что могло бы еще завиться, — это наша *культура*, отраженная в капле; но капля может и не только одну культурную сторону отражать, а всю жизнь, целиком. В сущности, таковы и задания «Звена». Вы *мудро* их почувствовали и с исключительной проницательностью дали ход и молодым. Как я всегда говорила, для всех начинаний и для подобного рода нужно иметь «вечерний ум и утреннее сердце». Но это общие положения, а ведь так важна мера в частности, в линии каждого дня. Не находите ли вы, дорогой Максим Моисеевич, что «Звено», если взять последние 7-8 номеров, начинает перегибать во что-то вроде «академичности»? В сегодняшнем №, где нет даже Адамовича, это особенно подчеркнулось. Адамович оживляет очень, но мог бы гораздо больше; в нем есть какая-то вялость, однако весьма излечимая, ибо он способен на более широкий взгляд и на более серьезную трактовку тем; робость делает его иногда вялым. «Звено» не должно быть похоже ни на «Илл[юстрированную] Россию» (о, сохрани Бог!), ни на какой-нибудь специальный журнал, какой-нибудь «Театр и искусство»³. Он должен быть не скучен *ни для кого*, а для многих необходим, *élite* включая. Главное же — в нем должна быть *атмосфера вашей книги*, т.е. не голая «культурность», но и дух нашей интеллигенции, дух эпохи. При том не в статике, а в динамике: выньте из атмосферы вашей книги элемент *борьбы*, — не изменит ли это всю атмосферу?

Много можно еще сказать на эту тему, но боюсь, что и так уже утомила вас. Прибавлю только, что все эти мои объективные суждения и соображения о «Звене» отнюдь не относятся к той моей конкретной мысли, которая недавно пришла, было, мне в голову и которой я хотела с вами поделиться. Это был более частный вопрос, когда я еще не имела моих соблазнов удалиться в пустыню, и частный проект. Как общий, меня не касающийся, я вам при случае его изложу. Но теперь еще два слова относительно книги вашей и последнего письма.

Я серьезно жалею, что мы не имели случая поговорить раньше, что вы не «разболтались», по вашему выражению, с «критиком» до его работы. Я, конечно, и в этом случае написала бы все, что написала; но кое-что написала бы и еще, сверх. Письмо ваше натолкнуло меня на некоторые интересные мысли. И я, вероятно, расширила бы мои требования и к книге, и к вам, и проследила бы (пользуясь данной мне свободой), где книга эти требования удовлетворяет, а где нет. Тема усложнилась бы, статья вышла бы любопытнее, но... и строже. Поэтому, хотя я и жалею, но утешаюсь мыслью, что, может быть, с другой стороны, тем лучше: уж очень я склонна к расширению требований и, увлекшись, могу «спрашивать много»...

Черкните строчку, как живете, поправились ли, довольны ли погодой. У нас прелестно, свежо и солнечно. Пожалуй, у вас, при таком лете, холодновато.

Волнуют вести из России... Но не хочется воспитывать в себе неразумных надежд. История медлительна.

Д.С. и я шлем вам горячий привет. Лучшие пожелания Розе Георгиевне.

Ваша З.Гиппиус

P.S. Не сделаете ли распоряжение прислать мне 2-3 №№ «Звена» с моей статьей? Здесь оно не продается.

¹ И в «Современных записках», и в «Последних новостях» Гиппиус продолжала печататься вплоть до Второй мировой войны, хотя и не часто.

² Редакция «Звена», помимо выпуска журнала, устраивала литературные конкурсы, вечера, лекции и т.д. В литературных конкурсах «Звена» Гиппиус была членом жюри.

³ «Иллюстрированная Россия» (Париж, 1924-1939) — еженедельный литературно-художественный журнал, ориентированный на широкого читателя. «Театр и искусство» (Париж, 1925) — ежемесячный иллюстрированный журнал, редактировавшийся Е.Зюско-Боровским. Позже выходил под названием «Театр, искусство, экран».

25. И.А.Бунин — М.М.Винаверу

Villa Belveder
Grasse, A.M.
13.VIII.26

Дорогой Максим Моисеевич.

Тысячу раз простите, что до сих пор не прислал Вам ничего для «Звена»: я все забросил, ровно ничего не делаю, с утра до вечера пропадаю на берегу моря, — наверстываю в морской воде и на солнце все то, что отняла у меня нынешняя зима, бывшая для меня истинно жестокой.

В сентябре, я думаю, непременно пришлю Вам что-нибудь, это и для «Звена» будет лучше — ведь теперь вполне мертвый сезон.

Вы тоже где-нибудь отдыхаете?

Сердечный привет Вам и супруге Вашей!

Ив. Бунин

26. Г.В.Адамович — М.Л.Кантору

[Август 1926]
Villa Bayley
Avenue Gustave Nadaud
Cimiez, Nice

Дорогой Михаил Львович, вчера получил Вашу телеграмму и сейчас же ответил. «Impossible»¹ — потому что без примера будет невразумительно и непонятно о чем и про что. Кроме того, пример, цитата — отдых и развлечение для читателя в статье по существу для него скучноватой. Это ведь «педагогический прием». Поэтому, отложим эту статью до подыскивания другого примера; можно бы из Шаховского, но получится впечатление, что о нем вся статья. Лучше поэтому о нескольких². Я не знал, что Булкин³ под иммунитетом. И вообще забыл, кто он и что он, кроме того, что он нудный человек и нудный поэт. Да ведь в сущности я его и не обидел. По его качествам чего же ему большего ожидать? И от кого он большего добьется? Я послал Лозинскому⁴ статейку на ближайший номер, сразу по «Последним новостям» догадавшись, что вышло что-то с той статьей. Но так как все же рассчитывал, что она, т.е. прежняя, пойдет теперь, то новую написал очень наспех и кое-как. Но ничего теперь не поделаешь. Я думал, что успею ее поправить, и просил Лоз[инского] вернуть, но теперь поздно. Если о Булкине у Вас, будьте добры, пришлите ее мне

как-нибудь, и я подгоню к ней другие примеры. Не узнали ли Вы чего-нибудь о Пушкинской статейке, погребенной у Милюкова? «Версты» я прочел и хочу о них что-либо написать. Гиппиус написала в «Посл[едних] нов[остях]»⁵ и теперь жалеет, что ей не предложили в «Звено», потому что там ее сокращают и стесняют. Я напишу очень мирно, без злобы, которой у меня и нет. Поздновато, но ведь повинны в этом Вы: Вы собирались написать о них сразу и так и оставили это намерение. Если бы я знал, что Вы еще напишете, я бы «Версты» оставил в покое. Но, кажется, Вы отказались от этого. Если нет, — не пожалейте денег на телеграмму, а, м.б., можно и Вас, и меня пустить, ибо книг выходит мало, а это все-таки «том», да и со знаменитостями⁶. Резников действительно там что-то пискнул, и не стоит его поэтому в «Звене» обижать. Ну вот, кажется, все дела. Отчего Вы все еще в Париже? Я уж подумываю о возвращении, а Вы еще куда-то едете на лето. Лето ведь кончается. Отчего смолк Мочульский? Я мельком тут видел Волконского⁷ (по-моему, он стал писать чушь, но *всем* нравится, — что очень хорошо для «Звена», и утешительно!). А кто написал о Лотреамоне? Вейдле? Очень там много *тапи*'и *grandiosa*⁸.

Всего хорошего. Жму Вашу руку. Кланяюсь Ирине Александровне.

Ваш Г.А.

¹ Невозможно (*фр.*). Кантор предлагал Адамовичу снять стихотворные цитаты в очередных «Литературных беседах», желая избежать обид затронутых поэтов.

² Рассуждения о современной поэзии были опубликованы Адамовичем под рубрикой «Литературные беседы» (Звено. 1926. 29 августа. №187. С.1-3). В качестве примеров были использованы стихотворения из сборников кн. Шаховского «Предметы», Кулябко-Корецкого «Светоте-ни», а также из журнала «Своими путями».

³ А.Булкин (наст. имя и фам.: Александр Яковлевич Браславский) — поэт, один из основателей Союза молодых поэтов и писателей в Париже, во время Второй мировой войны воевал добровольцем в армии генерала Леклерка.

⁴ Лозинский Григорий Леонидович (1889-1942) — литературовед и историк, с 1922 жил в Париже, сотрудник «Последних новостей» и «Звена».

⁵ Статья З.Н.Гиппиус «О "Верстах" и прочем» (Последние новости. 1926. 14 августа. №1970. Подп.: Антон Крайний).

⁶ Статья Адамовича о «Верстах» была опубликована под рубрикой «Литературные беседы» (Звено. 1926. 22 августа. №186. С.1-2).

⁷ Князь Сергей Михайлович *Волконский* (1860-1937) был театральным обозревателем «Звена».

⁸ Заметка «Лотреамон (Исидор Дюкасс)» (Звено. 1926. 8 августа. №184. Подп.: Д.Лейс), действительно, была написана Владимиром Вейдле. *Mania grandiosa* — мания величия (*лат.*).

27. З.Н.Гиппиус — М.М.Винаверу

28.8.26

Villa Alba, rue Jonquiere
Le Cannet (А.М.)

Дорогой Максим Моисеевич.

Пишу вам опять, так как уж очень долгое время прошло со дня моего письма, вы же приучили меня к быстрым ответам; и очень хотелось бы знать, как вы поживаете, как ваше здоровье. Номера «Звена» я получила, из чего заключила, что и длинное письмо мое благополучно до вас дошло. Уж не было ли там чего-нибудь, что вам не понравилось? Хочу припомнить, но, по советам, не могу.

Оба мы вам и Розе Георгиевне кланяемся, и я все-таки жду весточки.

Искренне ваша

З.Гиппиус

28. З.Н.Гиппиус — М.М.Винаверу

11.9.26

Villa Alba, rue Jonquiere
Le Cannet (А.М.)

Видите, дорогой Максим Моисеевич, отвечаю вам скоро и очень рада, что лишь такая приятная вещь, как жара, задержала немножко ваш ответ. Приятная-то она приятная, но начинаю понимать, что в больших количествах — не очень: у нас наступила она с большим запозданием, в сентябре, и уже начинает утомлять.

Спасибо на всех ваших добрых словах; признаю, что рассердилась, погорячилась, и что если удалиться в пустыню — то надо тихомолком, исподволь, и без объявления причин... Ну, дальше будет виднее.

Представьте себе, проект, о котором я упоминала не в последнем, а в предпоследнем письме, как раз сходил с вашим. Все газеты, — и даже не *quotidiens*¹ — адаптировали всякие «Деревянные ноги», «Тайны трех вампиров» и т.д. Я не вижу «Звена» с переводными вампирами, но оригинальная «деревянная нога» или

вроде (конечно, без убийств, без волшебства и привидений) ему бы не помешала. И я подумала о моем, к сожалению еще не оконченном, романе (маленьком, скорее повести)², который мог бы пригодиться. Я его начала давно, без претензий, для собственного удовольствия, а потом, за другой работой, все не могла к этому удовольствию возвратиться. Теперь, кажется, возвращусь.

А что вы пишете? Не могу себе представить, чтобы «Недавнее» осталось без продолжения. Не только одни эти живые лица хранит ваша память. А *все* люди интересны, даже считающиеся «неинтересными», если уметь к ним подойти! Надо же теперешним «среднемолодым»³ что-нибудь дать, ведь у них в голове — пустыня! Самое яркое воспоминание — «Бродячая собака»⁴ и, в лучшем случае, Гумилев!

Сердечный привет от нас обоих, поклон Розе Георгиевне, дружески жму вашу руку.

З.Гиппиус

¹ Ежедневные (*фр.*).

² Гиппиус имеет в виду свою повесть «Мемуары Мартынова», главы из которой были напечатаны в «Звене» (1927. №211, 215, 217, 225, 227), а продолжение — в «Иллюстрированной России».

³ «Среднемолодыми», или «полупоколением» Гиппиус называла членов Цеха поэтов, с которыми близко познакомилась незадолго до этого. Все они родились в начале девяностых годов (Г.В.Адамович — в 1892, Г.В.Иванов и Н.А.Оцуп в 1894) и были гораздо моложе писателей старшего поколения (родившихся по большей части в семидесятых годах), но успели получить литературную известность в России — в отличие от «молодых» эмигрантских писателей (из которых почти все родились уже в начале двадцатого века).

⁴ Ср.: Гиппиус З. Бродячая собака // Возрождение. 1929. 19 марта. №1386. В письме Г.Адамовичу от 3 октября 1926 Гиппиус писала, путая мемуары Г.Иванова «Китайские тени» со своими собственными «Живыми лицами»: «Г.Иванов, "Живые лица" которого все начинаются в "Бр[одячей] собаке", а Ходасевич уверяет даже, что там и кончаются» (Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus / Comp. by Temira Pachmuss. München, 1972. P.340).

29. И.А.Бунин — М.М.Винаверу

[На почтовом штемпеле: Grasse, 12.10.26]

Дорогой Максим Моисеевич,

Кто это Ирина Одоевцева? Bravo, bravo! С большой радостью прочел ее рассказ¹, если Вы ее видите и если она добрая и

приятная, будьте добры передать ей мой сердечный привет и наилучшие пожелания.

11.X.26

Ваш Ив. Бунин

¹ «Жасминовый остров» (Звено. 1926. 10 октября. №193) был четвертым рассказом И. Одоевцевой, напечатанным в «Звене». Ее предыдущие публикации в «Звене» — «Сердце Марии» (№157), «Эпилог» (№163) и «Дом на песке» (№№173-174) прошли мимо внимания Бунина. В воспоминаниях Одоевцева ошибочно приписывает отзыв Бунина рассказу «Падающая звезда» и, как обычно, несколько искажает реальность:

Я на свой первый рассказ получила три отклика.

Два от читателей, третий от... Бунина! Бунин прислал открытку редактору «Звена» Винаверу с очень похвальным отзывом о моей «Звезде». Заканчивалась она так: «Кто такая Ирина Одоевцева? Пожалуйста, передайте ей мой привет и скажите ей, что я хочу с ней познакомиться».

И под твердым четким росчерком — Ив. Бунин — приписка: «Я слышал, что она прелесть какая хорошенькая».

Одоевцева И. На берегах Сены. М., 1989. С.228-229.

Описываемый там же далее эпизод на юбилее Зайцева, где Винавер познакомил ее с Буниным, — скорее всего контаминация. Свое 45-летие, которое пришлось на январь 1926, Зайцев широко не отмечал. Чествование Зайцева по случаю 25-летия его литературной деятельности, на котором председательствовал Бунин, состоялось 12 декабря 1926, когда Винавера уже не было в живых. С Буниным Одоевцеву мог познакомить Кантор, присутствовавший и даже выступавший на чествовании, он, скорее всего, рассказал ей и об отзыве Бунина. (Винавер умер за день до того, как было отправлено бунинское письмо.) Тем более вряд ли Бунин советовал Одоевцевой беречь открытку. Во-первых, это не открытка, а коротенькое письмо, во-вторых, оно сохранилось в архиве «Звена» вместе с другими письмами Бунина, и, стало быть, Одоевцева его не только не имела, но, скорее всего, даже не видела, а только слышала в пересказе, все остальное — явно плод ее воображения.

30. З.Н.Гиппиус — М.Л.Кантору

19 окт[ября] 1926
Villa Alba, rue Jonquiere
Le Cannet A.M.

Прошу у вас извинения за размер статьи¹; но вы увидите, что сделать ее короче — надо было сокращать самого Максима Моисевича. Я и так выписала не все, что могла бы.

Известите меня о получении рукописи. Буду вам благодарна, если напишете мне о здоровье Розы Георгиевны и обо всем вообще. Простите, что я не помню вашего имени и отчества. Передайте Адамовичу, что я жду от него письма.

Искренний привет

З.Гиппиус

¹ Имеется в виду статья З.Гиппиус «Его вчерашняя слава» (Звено. 1926. 31 октября. №196), посвященная памяти М.М.Винавера, скоропостижно скончавшегося 10 октября 1926. Об этой статье Гиппиус писала Г.В.Адамовичу 14 ноября 1926: «По поводу моей заметки о Максиме Моисеевиче Винавере я получила такое *человечески*-трогательное письмо от Розы Г[еоргиевны], что, сознаюсь, оно мне было приятнее всех литературных похвал и наполнило меня гордостью: в какую-то вечно-человеческую точку любви я попала, а попала — значит, она реальность» (Intellect and Ideas in Action. Указ. изд. Р.343). Позже, 17 декабря 1926 Гиппиус выступила с речью «О свободе» на собрании памяти Винавера (опубл.: Звено. 1927. 9 января. №206).

31. Г.В.Адамович — М.Л.Кантору

[Начало июля 1927]

Дорогой Михаил Львович.

Никак не могу Вас дождаться. Я болен и в расстройстве чувств — физических и моральных. Правда, — и не думайте, что это деньги и карты. Я Вам не надоедаю, а просто делюсь. Находясь еще в здравом рассудке и твердой памяти, оставляю Квятковского¹, а прочее постараюсь прислать в срок. Я Вам очень предан. Пожалуйста, если когда-нибудь у Вас случились бы разговоры с моими родными, не портите мне репутации: игра, Монмартр — не надо ничего рассказывать. Ну вот, *сieg ami*. Спасибо за пристанище.

Ваш Г.А.

P.S. У меня на 75, rue de Rome остался сундучок. Я боюсь, что он пропадет, а там есть кое-что мне очень дорогое. *Не сердитесь на меня за эту неделикатную просьбу*: устройте его куда-нибудь. И дайте, пожалуйста, что-нибудь от меня консьержке, и мой летний адрес. Простите, я сознаю, что все это смешно и глупо, но мне это *очень нужно*, а сам я никак не могу это сделать. На крайность хоть только внушите консьержке, чтобы она его сберегла до осени. А расходы — напишите мне, сколько. *Очень прошу, извиняясь за эту просьбу*.

Я должен Фрейденштейну-Фельзену² 250 фр. — иначе мне не с чем было бы уехать. Он к Вам придет, и если бюджет «Звена»

терпит еще этот аванс, отдайте ему, пожалуйста, а если нет — я как-нибудь устроюсь в Нише, чтобы ему выслать.

3) У Вас в квартире духи. Я ушел в 1 час и слушал за полчаса radio до этого. Пришел: — передний винтик лежит поникнув, и нет спирали. ??? Это не я. Но кто это мог сделать? По незнанию физики, я предполагаю, что, м.б., это какая-нибудь «реакция» и т.п.

4) Никто не звонил, кроме Шехтеля³ и еще кого-то, кто позвонит в пятницу. Еще m-me Cantor спрашивали.

¹ Вероятно, имеется в виду стихотворение Дмитрия Квятковского «Рассвет. Еще глоток вина...» (Звено. 1927. №2. С.82).

² О Юрии *Фельзене* (наст. имя и фам. Николай Бернгардович *Фрейдентейн*; 1894-1943?) см. в воспоминаниях Адамовича «Смерть и время» (Русский сборник. Кн.1. Париж, 1946. С.171-182) и в его книге «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк, 1955. С.291-294).

³ Возможно, адвокат Я.М.Шефтель.

32. Г.В.Адамович — М.Л.Кантору

[Июль 1927]

Дорогой Михаил Львович.

Посылаю «Лит[ературные] бес[еды]». Простите за опоздание и что еще нет остального. Я очень себя скверно чувствую и мне трудно «сочинять», особенно при противодействии домашних и доктора. Но пришлю остальное все-таки послезавтра. Надеюсь, что еще не поздно.

Мне крайне неловко, что я Вас просил о деньгах Фельзена и особенно о сундучке. Не обижайтесь, пожалуйста. Я находился тогда в маразме. А теперь понимаю крайнюю позорность моего поведения. Pardon.

Посылаю статью Талина¹, которую Вы мне переслали. Почему он мне прислал? По-моему, ее надо напечатать, хоть она премерзко написана (не в тоне «Звена»). Но содержание — живое и в общем верное, не сделать ли «в дискуссионном порядке»?

Я удивлен Вашим замечанием о Мамченко². Вы пишете: «Так его напечатать нельзя». Отчего? Разве мы об этом не говорили? Он менять не хочет. Я очень советую — прошу напечатать. Поверьте, что не от дружбы к автору. Нас упрекают — и справедливо — в легковесности беллетристики (прочтите статью в «Воле России»³). Шах и Ладинский — действительно слегка из «Илл[юстрированной] России». Мамченко хоть имеет то достоинство, что его там бы не напечатали⁴. Кроме того, это само по себе не

ничтожно. Будьте уступчивее, отец редактор, убедительно Вас прошу.

Здесь я никого не вижу. Напишите мне «вообще». Кланяюсь Ирине Александровне и еще раз благодарю за пристанище.

Ваш Г.А.

¹ В.И.Талин — наст. имя и фамилия Семен Осипович Португейс (1880-1944) — публицист, социал-демократ. Его статьи в «Звене» не печатались.

² Виктор Андреевич Мамченко (1901-1982) — поэт, близкий друг З.Н.Гиппиус, ориентировавшийся в своем творчестве на ее стихи.

³ В статье «О молодой эмигрантской литературе» С.Постников писал: «"Звено", будучи очень строго в своих критических статьях, в беллетристическом отделе предпочитает, по-видимому, особый жанр, а потому из молодых в этом журнале печатаются преимущественно Версилов, Одоевцева, Засекин. И только временами "Звено" разнообразится литературными конкурсами» (Воля России. 1927. №5/6. С.221-222).

⁴ Имеются в виду стихотворения Евгения Шаха «Когда закат чарует города...» и Антонина Ладинского «Тенета бросил я на счастье...», опубликованные в №1 «Звена» за 1927 год. Стихотворение Виктора Мамченко «Дремота» было опубликовано в №4 «Звена» за 1927.

33. Г.В.Адамович — М.Л.Кантору

[Нач. августа 1927]

Дорогой Михаил Львович.

Наша переписка все невпопад: только отошлю Вам письмо — сейчас же, через час, получаю от Вас, и так все время. Вот и сейчас пишу, вероятно, «между двумя письмами».

Спасибо большое за присылку пособия и вспомоществования в «счет будущих счетов». Я не ожидал таких благ и очень Вам благодарен в виду своего нищенства, надеюсь, временного. Спасибо и за обещание уладить дело о 1000 фр., кои намереваюсь возместить в недалеком будущем.

Теперь о литературе. Буткевич¹ каким-то образом оказался здесь, у меня. Отсылаю его Вам — хотя, по-моему, это материал «на самый крайний случай». Главное — *чудовищно неинтересно*. (А рассказ Берберовой², правда, прелестен, и был бы совсем хорош, если бы немножко больше «небрежности», меньше тщательности и кропотливости в описаниях, если бы вообще спрятать швы). О своем рассказе я, пожалуй, напрасно Вам написал. Прежде всего это не рассказ, а так — «этюд», и даже, о ужас, «стихотворение в прозе». А во-вторых, я его написал сразу, начерно, «как из ведра» (это я недавно прочел как «выражение Гете»; где —

не знаю, но, по-моему, очень хорошо). «Отделять» же его мне как-то не хочется, да и не знаю, что получится. Поэтому *не* будем договариваться. Если я его допишу, то пришлю. А если нет — нет. Ведь есть же и Фельзен, и этот самый Буткевич. Мой рассказ — если он и будет — все равно маленький³.

«Новый дом» — это мне разболталась в письме З.Н.⁴, а теперь пишет: «некоторые из "Н.Д.", которые почему-то считают Вас врагом, очень на меня сердиты за то, что я Вас посвятила в наши тайны...» Так что, пожалуйста, храните вражеские тайны: они меняют название (не то «Наш дом», не то совсем без дома), собираются выходить «как часы» или «как "Звено"», — т.е. точно каждое 15-е число, полны высокой идеологией и находятся под *деловым* покровительством Мих. Струве⁵. Кто там распоряжается идеями — не знаю. Судя по цитате из Зинаиды, которую я привожу, — Берберова. Это приятно, что они выходят, — будет с кем «полемизировать», а то со Слонимом⁶, право, тошно.

О «Звене» я полон полу-сомнений, полу-соображений. Что-то в нем «не так». Весь вопрос вот в чем: если оно только дотянет до Нового года, то стараться особенно не стоит, да и не успеть реализовать старания. Если же дальше, то надо его оживить. И знаете, третий отдел сейчас *благополучнее* первого, хотя и третий должен ведь давать «полный» обзор, а не случайное, что кому вздумается. Но третий еще куда ни шло! Я думаю, что хорошо бы взять за образец «Печать и революцию» или отчасти «Morgue» — для третьего отдела, но какая это работа! А станет что-то. Мочульский со своим Моруа⁷ — очень мил, но слишком уж «на Шипке все спокойно»; тон благополучия, ничему *реально* не соответствующего, — кроме авторского благодушия перед летними каникулами, поездкой на Корсику и прочими прелестями. И вообще это и не «снобизм», и не «эсхатология дурного стиля» — а какое-то глубокое «мерд». Если на это обрушатся стрелы «Н[ового] Дома», защищаться будет трудно. Отчего умолк Бахтин⁸? Если из «Звена» не выходит справочник, пусть лучше будет философия, чем ни то, ни се. И Вы сами собирались написать о Горьком? (А то, что я хочу написать о нем в «Лит[ературных] беседах», — ничуть не мешает, конечно; несколько слов о последней статье его⁹). И Вейдле¹⁰ — которого все-таки, *après tout*¹¹ и несмотря ни на что, приходится ценить на вес золота, как «снобизм» настоящей пробы? Простите, если Вам покажется, что я критикую «Звено». Это ведь просто разговор «на пользу делу». И я себя ничуть не выделяю, а просто о себе не стоит писать.

«Rouge et poire»¹² я прочел и, с извинениями за похищение этого волюма, вышлю его Вам куда и когда хотите. Я нашел там

выражение, которое меня пронзило в самое сердце: «La perfection et l'insignifiance de la beaute grecque...»¹³ Это тема для Бахтина¹⁴. Жду ответа о Бодлере¹⁵ и об отмене откликов на этот номер. Кстати, хорошо бы отклики типографски отделять от заметок: хотя бы без разделения на столбцы, или курсивом, как стихи и т.п. Стихи я Вам возвращаю. Одно другого хуже! Невозможно! В крайнем, *самом крайнем* случае — можно, по-моему, сонет о Герострате.

Кланяйтесь дорогой Ирине Александровне. Вы мне так и не объяснили чудо с Вашим T.S.F.¹⁶ Какой Ваш адрес? И если прислать рожок, — то куда?

Ваш Г.А.

¹ Борис Васильевич *Буткевич* (1895-1931) — рано умерший от туберкулеза эмигрантский прозаик, печатавшийся в журналах «Новый дом», «Новый корабль» и «Числа». В «Звене» его произведения не появлялись.

² Рассказ Нины Николаевны *Берберовой* (1901-1993) «Барыни» был опубликован во втором номере «Звена» за 1927.

³ За все время работы в «Звене» Адамович опубликовал на его страницах только один свой рассказ «Жизель» (Звено. 1925. 9 февраля. №106. С.3). Рассказ, о котором говорится в письме, опубликован не был.

⁴ Адамович имеет в виду письмо З.Н.Гиппиус от 24 июля 1927: «"Новый дом", в ожидании великих преобразований и богатых милостей, пока что высвобождается от несчастного факта, превращается в "Наш дом" и выходит в приблизительно прежнем виде. Грандиозные его проекции не исчезают, но откладываются до осени. "Наш дом" — однако, нитка, которую нужно тянуть» (Intellect and Ideas in Action. Указ. изд. P.351).

⁵ *Михаил Александрович Струве* (1890-1948) — поэт акмеистской ориентации, перед революцией — член Второго Цеха поэтов. В эмиграции с 1920, публиковал стихи в разных эмигрантских изданиях, в том числе и в «Звене» (1927. №1. С.29). Адамович имеет в виду отзыв З.Н.Гиппиус из письма от 24 июля 1927: «Чтобы кончить о "Нашем доме", добавлю: сегодняшняя комбинация мало похожа на вилы на воде, так как тут замешан человек довольно деловой — Михаил Струве (*не с литературной стороны*)» (Intellect and Ideas in Action. Указ. изд. P.351-352).

⁶ *Марк Львович Слоним* (1894-1976) — литературный критик, редактор журнала «Воля России» (1922-1931), «мэтр» литературной группы «Кочевье». Адамович был о нем как о критике невысокого мнения и в одной из своих заметок назвал его «Святополк-Мирским для бедных».

⁷ Имеется в виду статья Мочульского «Кризис воображения: роман и биография» (Звено. 1927. №2. С.75-81).

⁸ Николай Михайлович *Бахтин* (1894-1950) вел в «Звене» рубрику «Из жизни идей». Библиографию его работ этого времени см. в кн.: Бахтин Н.М. Статьи. Эссе. Диалоги / Сост. С.Федякин. М., 1995. С.141-142. Опубликовав в «Звене» «первого» и «второго» периодов несколько десятков статей, в первых трех «толстых» книжках журнала за 1927 год своих статей Бахтин не печатал.

⁹ Адамович имеет в виду статью Горького «Заметки читателя», опубликованную в альманахе «Круг». См.: «Литературные беседы» (Звено. 1927. №3. С.125-127).

¹⁰ В первом номере «Звена» за 1927 год была опубликована статья В.Вейдле «Мир Искусства».

¹¹ После всего (*фр.*).

¹² Отклик Адамовича на роман Стендаля «Красное и черное» см.: Звено. 1927. №4. С.191.

¹³ «Совершенство и незначительность греческой красоты» (*фр.*).

¹⁴ Н.М.Бахтина Адамович более всего ценил за понимание эллинизма и считал событием «его короткий цикл лекций о древнегреческой культуре», прочитанный в феврале—марте 1927. См.: Г.Адамович. Памяти необыкновенного человека // Новое русское слово. 1950. 24 сентября. №14030.

¹⁵ Адамович имеет в виду собственную статью «Шарль Бодлер». Опубликована в третьем номере «Звена» за 1927.

¹⁶ *Télégraphe sans fil* — беспроволочный телеграф, радио (*фр.*).

34. Г.В.Адамович — М.Л.Кантору

17.09.[1927]

Дорогой Михаил Львович.

Вчера поздно вечером получил Вашу телеграмму и ответить сразу не мог. Отвечаю сейчас и одновременно посылаю «Pchug» [?]. Я писал Вам в Арль — получили ли Вы это письмо? Простите, что поздно посылаю матерьялы, но, кажется, еще не очень. Лит-бес получился скверный¹, по-моему, — бывает, что ничего не выходит. Я хотел побольше советского и имен, вообще не философию... Отклики, кажется, интересные. Вам, может быть, покажутся слишком личными кое-какие из них, — но ведь они подписаны, так что не должны быть «вполне объективными». От объективности выигрывают только передовицы. Кстати, мне жаль, что Осоргин написал свою чушь о «Евг[ении] Он[егине]» в «Последних новостях». Ведь их по-настоящему не выругаешь, только «полемизируешь». Я сегодня прочел в «Возр[ождении]» очень хорошую фразу из Салтыкова, которой стоило бы заметку об Осоргине в «П[оследних] н[овостях]» начать:

«Когда я открываю "Новости", мне кажется, что в комнату вошел дурак». Прибавить только «Последние».

Ну, обо всем этом поговорим при встрече. С моим приездом дело обстоит вот как. Я «рвусь» в Париж, но у меня нет денег на билет. Кое-какими деньгами я тут раздобудусь, но *только при отъезде* — следовательно, уехать мне надо на свои средства. Это почти *сегле vicieux*², объяснять долго. Иначе ничего решительно не выходит. Если «Звено» обладает какими-нибудь средствами, то, несмотря на мои непомерные долги и всяческие финансовые грехи, не можете ли Вы мне прислать 300 фр. на переезд? *Если это как-нибудь возможно, будьте милым, пришлите сейчас же — в закрытом письме.* Я тогда на следующий день и поеду. Мне тут сидеть больше невозможно. С отдачей — не знаю ничего наверняка, поэтому предупреждаю откровенно. Конечно, если нельзя, то нельзя. (Это касается присылки, а не отдачи, разумеется!) Мне хотелось бы быть в Париже между 20-25, по разным соображениям. Кстати, я поступаю в Сорбонну, решил *inebranlablement*³. А о «Звене», по-моему, надо устроить тщательнейшее совещание. Как Вам нравится «Корабль»⁴? По-моему, ничего — но нам все же конкуренция, хотя они «маниаки», а мы «просветители».

Жду ответа, во всяком случае. Если Ирина Александровна в Париже, передайте мой поклон до сырой земли.

Ваш Г.А.

P.S. В «Л[итературных] б[еседах]» есть фраза «...влияния аэропланов, спорта и джаз-банда...» Если можно, замените джаз кинематографом — ведь это касается России⁵.

¹ Имеется в виду статья Адамовича, посвященная советским писателям Н.Ушакову, С.Заяицкому, П.Сухотину, Я.Коробову и И.Новошконову (Звено. 1927. №4. С.187-194).

² Порочный круг (*φр.*).

³ Непокколебимо, несокрушимо (*φр.*).

⁴ Имеется в виду журнал «Новый корабль», выходивший в 1926-1927 под редакцией В.Злобина, Ю.Терапиано и Л.Энгельгардта (всего вышло 4 номера). На литературную политику журнала влияние оказывала З.Гиппиус, считавшая «Новый корабль» продолжением «Нового дома».

⁵ Кантор изменил фразу. См.: Звено. 1927. №4. С.292.

З.Гиппиус

ЕГО ВЧЕРАШНИЕ СЛОВА (М.М.ВИНАВЕР)

Тот, кто знает, что такое лицо, личность человеческая, — знает, что для нее нет смерти. Смерть — исчезновение лишь для тех, кого и раньше *не было*. Это они, пуговицы без ушков (по Ибсену), идут в ложку Пуговичника-Смерти для переплавки.

Но смерть, как грань между *здесь* и *не здесь*, как непонятная для нас перемена, — самое потрясающее, что есть на земле. И потрясает она, всякий раз, изумлением. Так обыкновенна — и так неожиданна. Умерший уже не здесь, хотя и здесь. Двойное, совсем иное, непостижимое бытие! Вероятно, ничего нет проще... Но и ничего — удивительнее.

Смерть Максима Моисеевича Винавера поразила меня. Потрясла изумлением... (хотя *в другом порядке* об этом думалось уже с весны). Я не могу и не хочу писать сейчас что-нибудь похожее на общие о нем «воспоминания». Только — отдельные черты, касающиеся самого последнего времени, последних месяцев и недель жизни М. М-ча, перед таинственным переходом его в состояние, нам непостижимое.

Это будут не мои слова о нем, — а его *собственные*, — о себе, о своей книге «Недавнее», о своем журнале «Звено»: краткие отрывки из писем его этим летом. Привожу их без комментариев. Образ М.М-ча достаточно ясно отразился и в малых каплях. Не везде удалось мне выключить все, относящееся ко мне; оно оставлено ради понятности.

У нас с М.М. много общих интересов. Один, не менее других захватывающий, — *человек*. О человеке — индивидуальности, о том, как понять его изнутри и передать понимание в слове, — мы говорили особенно часто. Говорили, конечно, и о его книге «Недавнее». Этой весной она вышла вторым, дополненным изданием. М.М-чу было известно мое намерение писать об этой книге. Но тут случилось маленькое недоразумение, благодаря которому дать фельетон в «Посл. Новости» мне не захотелось. Вот что написал по этому поводу М.М.

Но ранее — два слова о его письмах с внешней стороны: у М.М. — редкий почерк, высокий, красивый, ровный, — но не сухой; приятный почти до нежности. «Почти» — ибо это не безличная нежность женского почерка; почерк мужской, умный, — логичный, если можно так выразиться. Впрочем, описать почерк столь же трудно, как и лицо.

От 11 июня, из Парижа:

«...понимаю вас отлично... И не насилуйте себя, не дожидайтесь "пафоса" для писания в П.Н. Если у вас вообще есть охота писать (о "Недавнем")... мне пришло в голову вот что...».

М.М. предлагает мне страницы «Звена». Ближайшим сотрудникам, просившим разрешения дать отзыв о книге редактора, он отказал.

«Я мог бы разрешить писать о моей книге в "Звене" только писателю... который и в моих глазах не способен поддаться, даже бессознательно, какому-либо пристрастию...» «Не знаю, как бы вы к этому отнеслись, но вам я бы спокойно доверился...» «...Только ради Бога скажите откровенно ваше мнение...» «Я слишком давно и слишком глубоко уважаю печатное слово, чтобы не преклониться перед стремлением говорить всю правду до конца... Прошу вас потому дать мне согласие только в том случае, если вы чувствуете, что и на страницах "Звена" можете так же писать обо мне, как писали бы в другом месте», — то есть — «при ощущении полной внутренней свободы...»

Мое согласие было дано — с уговором: если что-либо в статье покажется М. М-чу не совсем понятным или спорным, — он рукопись в печать сразу не пошлет, а снесется со мною. На это 21 июня:

«...От первого до последнего слова — во всем, со всем с вашим письмом согласен. Договор, значит, заключен по всей строгости закона. Можете даже, если удастся, вставить слово, что с особою редактора не считается. И пишете по Кордельевски (Корделия, кстати, моя alte Schwache)...»

(Последнее касалось моего замечания относительно общей моей «сухости» в критике и скупости на хвалебные слова). Строки этого письма так же прямы и стройны, хотя вот конец его:

«...День моего отъезда не установлен: схватил грипп и пишу это письмо лежа в постели...» Лишь 8-го июля:

«Оправился, наконец, от своего гриппа и послезавтра, 10-го, отправляюсь на отдых... Адрес мой Menthon St-Bernard...»

Через 10 дней, 18 июля, — письмо очень интересное. Повод — моя рукопись, но не в ней дело, а в мыслях М.М. о своей книге. «Получил статью и, не изменив ни одной йоты, отправил немедленно в типографию. Предполагавшихся вами "возможностей" в вопросе об эпохе не оказалось: я никаких возражений не имею и к тексту нашего "уговора" прибегать не пришлось. Ваше намерение поговорить когда-нибудь по существу об эпохе чрезвычайно интересно. Не знаю: быть может, тогда кое в чем и разойдемся. Пока этих расхождений нет. Есть интересные намеки на этот счет в оценке Спасовича, но пока только намеки. В общем, ваша оценка Спасовича, к большому моему удовольствию, совпадает с моей характеристикой, о которой вы сказали столько лестных слов. Курьезно, что до сих пор все писавшие и говорившие со мною о моей книге особенно выделяли Пассовера. Только вы поняли, что он у меня не целен, и справедливо отдали предпочтение Спасовичу. Хотя Андреевский мне и писал: "Вы разгадали этого сфинкса" (Пассовера) — я считаю, что все-таки не "разгадал" его. А привлекает он внимание людей нынешнего времени именно тем, что он не целен, изломан, раздвоен. Мы возвращаемся, как будто, к эпохе "загадочных натур". Есть же в моей галерее натуры душевно-здоровые, крепкие, на которые, однако, никто внимания не обращает, хотя некоторые из них изображены, мне кажется, недурно. Вот например, Мясоедов (за которого некогда осыпал меня комплиментами Кони), тоже Колюбакин и попутно зарисованный Караулов (они должны

были, как мне казалось, обратить на себя и ваше внимание). Я говорю о здоровье, о крепости, конечно, в смысле индивидуальной психики, вне всяких общественных тенденций. Два слова об этой "общественной" стороне моих писаний. Я счастлив, конечно, что удалось "исполнить долг" перед моей эпохой...» «Но вы представить себе не можете, как это все вышло случайно, — гораздо более случайно, чем это отмечено вами на основании моего предисловия. "Общественность" (если считать это слово равнозначущим борьбе за право и свободу) играла у меня роль только при выборе сюжета: раз фиксированная фигура уже теряла для меня общественный интерес; я старался уловить (и только за эту цену я мог уловить) чисто индивидуальные черты. Мне всегда казалось ошибкой характеристик Кони, что на них оставался этот лак общест-венности.

Заболтался я и вдруг призадумался: Имеет ли право критикуемый автор так объясняться со своим критиком? Не формальное право, а по существу. Что толку в этих объяснениях, раз дознано, что автор сам хуже всего себя понимает. Даже предисловия, которые он пишет, чтобы себя немного раскрыть, обобщить, только вредны. Слабость человеческая, от которой никак нельзя отказаться. Бросим, поэтому, объясняться; когда-нибудь, *вне данной книги*, поговорим об этих предметах, главным образом об интересующей меня особенно художественной природе литературного портрета. Пока же скажу только моему критику: как он ни старался писать по Кордельевски, критика его вышла крайне лестна для меня и весьма снисходительна к моему случайному в этой области литературному творчеству...»

Конечно, вопрос о «праве» автора объяснять себя вызвал мои серьезные возражения. Не предрассудок ли — думать, что автор ничего о себе самом не может сказать интересного и никак себя раскрыть? Мне хотелось убедить М.М-ча, что такой предрассудок даже вреден, что между автором и критиком — нормально — должна существовать взаимопомощь... Вскоре случился некоторый перерыв в нашей переписке: от М.М-ча не было письма недели 3. Это меня смутно обеспокоило; слишком всегда был он аккуратен и быстр с ответами, на этот же раз и темы, для нас обоих, были исключительно интересны. На вопрос, краткое письмо мое — просто запрос о здоровье, — очень скоро получился ответ (от 3-го сентября).

«Пристыдили вы меня, сразили своим великодушием. Никакой извинительной причины моего молчания нет. У вас там жара умеряется морским ветерком...» «Как же вам объяснить, как добиться от вас оправдания человеку, который нарушает элементарные правила дружбы, приличия наконец, единственно под влиянием жары?..»

И через две страницы (тоже очень интересные, хорошо рисующие М.М-ча, его отношение к литературе, к Звену и т.д., но которые я, однако, выпускаю), далее:

«...ваше особенно дружеское отношение к Звену меня бесконечно трогает. Звеню — поверьте мне — платит вам взаимностью. И в этой взаимности отражаются не только личные симпатии редактора, но и не-

которое духовное сродство между журналом и вами: бесконечное стремление к свободе мысли и бескорыстное искание...»*

И еще далее:

«...Меня очень обрадовала и поощрила ваша общая оценка Звена. Говорю "поощрила", потому что не скрою от вас, моментами одолевают меня сомнения: хорошо ли я сделал, взявшись на старости лет не за мое, в сущности, дело и с упорством продолжая его. Поддерживает меня только не радостная мысль, что никто другой за это, нужное, на мой взгляд, дело не берется и едва ли возьмется. Моя писательская деятельность была всегда далека от журналистики — я сам потому мало в Звене пишу, и вынужден опираться на других; моя задача — правда, нелегкая — состоит в подыскивании этих других, в выравнивании общей линии. В условиях эмиграции это дело особенно трудное, и руки не раз опускаются...»

Несмотря на эту грустную ноту, общие выводы М.М-ча отнюдь не были пессимистичны. И в конце концов, насчет «Звена» мы пришли с ним ко всяческому согласию...

Но дни сентября бегут, бегут... Вот последний листок знакомого почерка, совсем такого же крепкого, чуть-чуть разве более пологого (помечено 20 сентября):

«На сей раз не жара, а нечто худшее задержало мой ответ. Прихворнул — припадок сердечный (не из тяжелых, правда) — пролежал неделю. Начинаю вставать, но еще писать много не могу. Ограничусь потому и скажу лишь, что письмо ваше сильно обрадовало меня».

Полстранички о «Звене» и о делах, затем конец:

«...А пока дружески жму вашу руку. Когда оправлюсь, напишу опять». «Опять» не наступило. Больше мы с Максимом Моисеевичем ничего друг другу не написали. Но все это — не правда ли? — такое... уж не «недавнее», а вчерашнее, или даже «сегодня утром»; и гораздо мне было бы естественнее получить завтра конверт со знакомым, тесным почерком от живого М.М-ча, нежели думать, что он — умер. Это не входит в чувство: только в изумленную мысль... Но и она не признает его «мертвым» — не существующим, не сущим.

К «не сущему» невозможно живое отношение. И с какой легкостью рвется порою отношение к умершему! Его вбирает, на краткую минуту, чужая «память» (в чужой памяти «жить» — нельзя, это лишь метафора). О нем начинают говорить, не считаясь с ним — воистину «как о мертвом», — что он *был* такой, *имел* такие-то высокие качества, *делал* такие-то прекрасные дела... Словом, говорят и хорошо, и верно, но *так*, как не говорили бы, если на секунду предположить, что он — слышит...

Меня не оставляет чувство, что Максим Моисеевич слышит; и говорить о нем я могу лишь так, как если бы это было — при нем. Мало того: мне кажется, что все, имевшие с ним близкое соприкосновение, все работавшие с ним, должны ощущать то же самое. Разве чувствуют себя

* Эту выписку я не опускаю лишь ради ярко выраженного внутреннего взгляда М.М-ча на «Звено».

сотрудники «Звена» — окончательно покинутыми? Пусть говорят, как хотят и как хотят зовут эту непокинутость: уважением к духу, к памяти... все равно, важно лишь чувствовать *присутствие* отсутствующего.

Когда, в прежние времена, умирал глава семьи, его место за столом оставалось незанятым, прибор готовым как для живого. Во всяком деле — друг друга — спрашивали: а как решил бы он? И как он — так решали и они.

В «Звене» Максима Моисеевича никем заместить нельзя. И не нужно. Ведь он для этого дела не только искал — он и находил тех, на кого мог опереться; не напрасно же он, не в пустоту же, подчеркивал «бесконечное стремление к свободе мысли и бескорыстное искание»... Кто-то ведь слышал и услышал его?

Не хочу готовых, привычных фраз: «пусть светлая память покойного живет среди осиротевшей семьи сотрудников»... и т.д. Нет, пусть сам Максим Моисеевич живет в своем «Звене», а те, на кого он опирался, — пусть служат и далее исполнителями его сердечной и душевной воли.

Октябрь, 26
Канн

Борис Фрезинский

ВЕЛИКАЯ ИЛЛЮЗИЯ — ПАРИЖ, 1935

(Материалы к истории Международного конгресса писателей в защиту культуры)

В политической ситуации середины 1930-х годов, как она сложилась в Европе, в ситуации тогда еще неосознанного интеллигенцией противостояния двух тоталитарных систем, одна из которых открыто выражала свои идеологические, расистские установки и планы, вызывая неприятие и тревогу потенциальных жертв, а вторая, прикрывая радикальной классово-идеологией (вполне привлекательной для широких трудящихся слоев) тайные имперские устремления, кому-то на Западе казалась единственным реальным щитом против угрозы первой, а других заставляла лавировать, метаться в поисках сомнительных компромиссов, — в этой, пахнувшей большой кровью, европейской ситуации 1935 год стал годом огромных, хотя, как скоро выяснилось, призрачных надежд. Упущенные политиками и идеологами различных лагерей возможности для предотвращения локальных побед экстремистских сил обернулись в Европе мощной тенденцией объединения демократических устремлений на вполне широкой антивоенной и антифашистской платформе. Знаковым проявлением этой тенденции стали победы Народного фронта во Франции и в Испании, способные, как тогда казалось, переломить ход европейских событий к лучшему.

Международный конгресс писателей в защиту культуры, собравшийся в Париже в июне 1935 года, в немалой степени способствовал не только объединению левой художественной интеллигенции, но и, в чисто пропагандистском плане, сплочению тех политических сил, что составили, например, базу Народного фронта во Франции.

В силу высокого морального авторитета литературы в 1920-30-е годы Парижский конгресс писателей для Сталина означал демонстрацию поддержки строящегося под его руководством и по его чертежам социализма со стороны широкой демократической общественности Запада, поддержки, нужной ему не только в международном плане, но пока еще и для внутреннего пользования в конкретных обстоятельствах 1935 года.

Разумеется, поддержка эта при всей яркости ее массового выражения была следствием пропаганды в среде интеллигенции и, как показал

хотя бы случай с Андре Жидом, приобретала совсем другие, куда более сдержанные формы после первого реального ознакомления на месте с положением дел в СССР. Требовалась, однако, немалая воля для того, чтобы не довольствоваться предлагаемыми клише, которые в условиях недостатка объективной информации и обеспечивали создание зарубежных движений в поддержку сталинского режима.

Участие СССР было необходимой компонентой для практического осуществления Парижского конгресса; оно же и погубило так вроде бы хорошо начавшееся дело антифашистского единения интеллигенции, как только интересы Сталина продиктовали ему предпочтительность совсем других союзов.

Листая страницы материалов, относящихся к истории Парижского конгресса писателей 1935 года, нельзя не держать в уме этого комплекса трагических обстоятельств и перспектив.

КРАТКИЕ СПРАВКИ НА 1935 ГОД

Парижский конгресс собрал писателей из 35 стран, делегатов было больше двухсот; не меньше двух десятков писателей активно занималось реальной подготовкой конгресса. Многие из них попадают в поле зрения настоящей публикации, и о каждом есть что рассказать. Ограничимся предварительной информацией лишь о ключевых фигурах нашего повествования, не выходя за рамки самых сжатых справок. Выбор этих фигур диктуется не только их объективной ролью в описываемых событиях, но и конкретным составом публикуемых здесь документов.

Начнем с французов.

Анри Барбюс (1873-1935) — окончил Сорбонну, защитил диссертацию по философии; в 1914 ушел добровольцем на фронт. В романе «Огонь» (1916) Барбюс показал войну во всей ее жестокости и бессмысленности; его роман, по выражению Эренбурга, «родился в крови, в грязи окопов, и эта книга сыграла огромную роль в отрезвлении миллионов людей»¹. После войны Барбюс пытался объединить европейскую интеллигенцию на антимиитаристской платформе; возглавил Ассоциацию бывших участников войны, международную литературную группу «Кларте». Вступив в ФКП (1923), Барбюс проводил «Конгрессы друзей СССР»; в 1929 руководил Международным антифашистским конгрессом в Берлине, в 1932 — Всемирным конгрессом против империалистической войны в Амстердаме, в 1933 открыл в Париже Международный антивоенный конгресс молодежи. В 1930-1932 идеологи ФКП и МОРП² открыто нападали на Барбюса, резко критикуя его как директора журнала «Монд», за «идейную путаницу» и неклассовую позицию; Горького тогда вынудили выйти из состава редакции журнала. Чтобы не лишиться советской поддержки, Барбюсу пришлось отказаться от услуг литераторов, занимав-

¹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т.1. М., 1990. С.180. Далее: ЛГЖ. Т.1-3.

² Международная организация Революционных Писателей; создана на базе Международного Бюро Революционных Писателей (Харьков, 1930).

ших, по тогдашней терминологии, троцкистские позиции, и впредь уделять в журнале гораздо больше места пропаганде достижений СССР.

Андре Мальро (1901-1976) — учился археологии и восточным культурам; в 1923 отправился в Индокитай. 10 лет жизни и писательства Мальро отдал Востоку. Интерес к восточной культуре и некоторая авантюристичность характера помогли ему стать не только очевидцем, но и участником революционных схваток в Китае и осознать революцию как ценнейшее наполнение жизни, как способ преодоления абсурда бытия. Человек действия, Мальро, как и его друг 1930-х гг. Илья Эренбург, рано оценил значение политики и социальной практики в судьбе XX века, и его книги вырастали из этого понимания и соответствующего ему опыта. Первые три романа Мальро, образовавшие фундамент экзистенциалистской литературы Франции — «Завоеватели» (1928), «Королевская дорога» (1930) и «Удел человеческий» (1933, Гонкуровская премия), — книги о Востоке и о революции и, вместе с тем, о «западном человеке» в столь остром контексте. Осознание того, что путь к победе — это путь от усилий отдельных личностей к усилиям организованной массы, не разрешало для Мальро главной проблемы: одиночества человека перед лицом смерти («Удел человеческий»). В 1930-е Мальро начали издавать в СССР; в 1934 он участвовал в работе Первого съезда советских писателей, на котором заявил: «Культура — это не наследство. Культура — это не подчинение. Культура — это завоевание»; в 1935 в переводе И.Эренбурга вышел роман Мальро о мужестве узников гитлеровских застенков «Годы презрения»; однако отношение советских властей к нему оставалось внутренне настороженным. При всей левизне Мальро в 1930-е, его подлинный портрет содержал куда больше красок.

Андре Жид (1869-1951) — начал писать под несомненным влиянием Малларме и Уайльда; строгая критика неизменно обвиняла его раннюю прозу в эстетизме и имморализме; в зрелые годы творчество А.Жида находилось под сильным воздействием Достоевского. Роман «Фальшивомонетки» (1925) оказал серьезное влияние на французскую литературу XX века. Две книги, написанные Жидом после поездки в Африку (1926) — «Путешествие в Конго» и «Возвращение с озера Чад», — наполнены резкой критикой колониальной администрации. С них начинается заметное полевение А.Жида, вызвавшее во Франции как одобрительные, так и скептические отклики. В СССР обращение А.Жида в коммунистическую веру было встречено радостно; в 1930-е в Москве дважды издается его собрание сочинений (пятый том последнего издания, объявленный в 1936, как и книга «Новая пища», переведенная под редакцией Бабеля, не вышли в связи с появлением книги Жида «Возвращение из СССР»).

Луи Арагон (1897-1982) — внебрачный сын французского дипломата, посла в Испании, получил фамилию по названию испанской провинции; учился на медицинском факультете Сорбонны. В 1917 ушел на фронт санитаром; начав писать стихи, примкнул к дадаистам, затем к сюрреалистам (роман «Парижский крестьянин» — 1926). В 1927 вступил в ФКП; в 1928 познакомился в Париже с Маяковским и женился на его свояченице Эльзе Триоле — после этого порвал с вождем сюрреалистов Андре Бре-

тоном и последовательно занимал просоветские позиции и в политике, и в литературе (поэма «Красный форт» — 1930, сборник стихов «Ура, Урал» — 1934). Приехав в 1930 в Москву поддержать Лию Брик после самоубийства Маяковского, стал участником Харьковского конгресса революционных писателей; участвовал также в работе Первого съезда советских писателей.

Жан-Ришар Блок (1884-1947) — французский писатель.

Андре Бретон (1896-1960) — французский писатель, идеолог сюрреализма.

Поль Вайян-Кутюрье (1892-1937) — французский писатель, деятель ФКП.

Шарль Вильдрак (1882-1971) — французский писатель.

Марсель Жан Геенно (1890-1978) — французский писатель.

Луи Гийу (1899-1980) — французский писатель.

Леон Муссинак (1890-1964) — французский писатель, историк кино.

Теперь — советская сторона.

Илья Григорьевич Эренбург (1891-1967) — начинал как поэт; в 1915, находясь во Франции, стал военным корреспондентом российских газет на франко-германском фронте; с 1921 — писал прозу. Его первый роман «Похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1921) был переведен на большинство европейских языков; сочетание лирики и сатиры, характерное для дарования Эренбурга, определяло особенности его поэтики. Интерес к политике, проявившийся еще в юности, во многом предопределил достаточно сложные метаморфозы жизненного пути Эренбурга.

Большевик-подпольщик в гимназические годы, прошедший через тюрьму и ссылку, он, став политэмигрантом, полностью отошел в Париже от политической работы. Поэзия едва не привела его к католицизму. Работа военным корреспондентом на франко-германском фронте вернула его к политике. С победой Февральской революции Эренбург возвращается в Россию; октябрьский переворот делает его автором антибольшевистских статей и стихов. Бежав из Москвы в Киев, он поддерживает идеи демократического (антибольшевистского и антимоноархического) пути России, в нереализуемости которых ему скоро приходится убедиться. После долгих и сложных раздумий он принимает победу красных, возвращается в Москву и, получив заграничный паспорт, пытается, живя на Западе и сохраняя определенную степень художественной свободы, печататься в СССР. К концу 1920-х, с резким ужесточением политической цензуры, эта программа исчерпывает себя, и органически не принимавшему идеи писания «в стол» Эренбургу приходится всерьез принять сталинский режим (роман «День второй», 1932). С этой поры, продолжая жить в Париже, Эренбург становится центром круга французской левой интеллигенции, что и позволило ему сыграть значительную роль в описываемых событиях 1935 года.

Михаил Ефимович Кольцов (Фридлянд; 1898-1940) — учился в Петроградском психоневрологическом институте, с 1918 — в РКП(б), журналист, с 1920 работал в Москве; будучи редактором «Огонька», в 1924 присягнул Сталину и с тех пор играл исключительную роль в советской

журналистике; хлесткий фельетонист, мастер политического репортажа, Кольцов стал крупной политической фигурой, безотказно выполняя любые поручения Сталина. «История советской журналистики не знает более громкого имени, и слава его была заслуженной», — писал Эренбург³. Возглавляя Иностранную комиссию Союза писателей, Кольцов принял самое активное участие в подготовке Парижского писательского конгресса.

Александр Сергеевич Щербаков (1901-1945) — с 1918 в РКП(б), в 1921-1924 учился в Комуниверситете им.Свердлова, затем на партийной работе; в 1930-1932 учился в Институте красной профессуры. Работал в Нижегородском обкоме, где познакомился с Горьким, рекомендовавшим его на должность оргсекретаря Союза писателей (1934-1936). «Литература для него — чужое, второстепенное дело», — написал о нем Горький, познакомившись со Щербаковым поближе⁴. Типичный партчиновник сталинской школы, исполнительный и работоспособный, он впоследствии сделал успешную карьеру (секретарь МК ВКП(б), секретарь ЦК).

ПИСЬМО СТАЛИНУ, ИЛИ ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ В ОДЕССЕ

В четвертой части мемуаров Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» рассказывается, как, вернувшись в Париж после Первого съезда советских писателей (1934) и пообщавшись со многими левыми французскими писателями (А.Жидом, А.Мальро, Ж.-Р.Блоком и др.), почуствовав их стремление объединиться в борьбе с фашизмом, Эренбург «написал в Москву длинное письмо, рассказывал о настроениях западных писателей, об идее антифашистского объединения»⁵. В этом рассказе есть одно умолчание и одна неточность. Умолчание касается адресата письма: им был Сталин (правда, в таком контексте применительно к 1930-м годам слова «в Москву», «в Кремль» и «Сталину» — синонимы). Неточность — действие главы происходит в Париже, между тем письмо было написано в Одессе⁶.

Запомнил это Эренбург или сделал сознательно? Весь довоенный архив писателя погиб в Париже в 1940, так что, работая над мемуарами, он не располагал своим письмом Сталину. Однако в начале 1960-х незнакомая читательница прислала Эренбургу тексты и его письма, и резолюции Сталина⁷, поэтому он мог, как часто это делал, внести в мемуары соответствующие поправки, но не внес. Почему? Предположений может быть несколько: не счит существовавшим, или не захотел по соображениям политическим писать о неосуществившемся плане Сталина, или не мог по соображениям цензурным упомянуть важные детали, без кото-

³ ЛГЖ. Т.2. С.113.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. №11. С.218.

⁵ ЛГЖ. Т.2. С.45.

⁶ Эренбург возвращался во Францию морем из Одессы.

⁷ На одной из встреч с читателями Эренбург получил записку участницы войны, историка Л.Зак, о том, что, работая в архиве ИМЭЛ, она обнаружила там письмо Эренбурга и резолюцию Сталина. «Может быть, Вам для работы требуется этот документ?» — спрашивала Л.Зак, предлагая «с великой радостью» предоставить тексты Эренбургу (Материалы личного архива И.Г.Эренбурга).

рых рассказ терял смысл. Не будем гадать. Для нашего повествования важнее другое: почему Эренбург написал Сталину в Одессе, а не в Москве сразу же после съезда писателей, после бесед с Мальро и Блоком, гостями съезда?

Ответ на этот вопрос удалось найти в украинской газете «Молода гвардія» за 14 сентября 1934. В ней сообщалось, что 12 сентября в одесском Доме прессы, литературы и искусства им. М.Коцюбинского Эренбург выступил с докладом о работе съезда писателей. После Эренбурга на этом вечере выступили А.Корнейчук, гость съезда греческий писатель Дм.Глинос и Н.И.Бухарин. Напомню, что Эренбург и Бухарин — друзья юности, товарищи по Первой московской мужской гимназии и большевистскому подполью; их дружеское общение продолжалось и потом, после 1920 года; став в 1934 редактором «Известий», Бухарин активно действовал парижского корреспондента Эренбурга; во время съезда писателей, где Эренбург выступил с большой речью, а Бухарин со знаменитым докладом о поэзии, они много общались. Нет сомнений, что в Одессе Эренбург мог свободнее общаться с Бухариным (в Москве более занятым) и, в частности, обсудить возникшую у него идею объединения западных писателей-антифашистов; возможно, мысль обратиться по этому вопросу к Сталину возникла в ходе их беседы⁸. Отметим, что это было первое обращение Эренбурга к Сталину, и Бухарин, надо думать, помогал советами: как написать, чтобы Сталин оценил весомость аргументов и одобрил план действий. Не исключено, что Бухарин и отвез письмо Эренбурга в Кремль.

Вот текст этого письма (публикуется впервые):

Одесса, 13 сентября

Уважаемый Иосиф Виссарионович,

я долго колебался, должен ли я написать Вам это письмо. Ваше время дорого не только Вам, но и всем нам. Если я все же решился написать Вам, то это потому, что без Вашего участия вопрос об организации близких нам литератур Запада и Америки вряд ли может быть разрешен.

Вы, наверное, заметили, насколько состав заграничных делегаций, присутствовавших на съезде писателей, не соответствовал весу и значимости подобного явления. За исключением двух французов — Мальро и Ж.-Р.Блока, чешского поэта Незвала, двух (не перворазрядных, но все же одаренных) немецких беллетристов Плювье и О.М.Графа, наконец, датчанина Нексе на нашем съезде не было сколько-нибудь серьезных представителей западно-европейской и американской литератур. Частично это

⁸ Это соображение впервые было высказано мной в статье «Великая утопия Николая Бухарина», напечатанной в качестве предисловия к книге: Бухарин Н. Тюремные рукописи. Т.1. М., 1996, и в статье «Париж начинался в Одессе» (Невское время. 1995. 27 июня).

объясняется тем, что приглашения на съезд, которые почему-то рассылались не Оргкомитетом, а МОРПом, были на редкость плохо составлены. Пригласили отнюдь не тех людей, которых следовало пригласить. Однако главная причина низкого состава иностранных делегаций на нашем съезде это вся литературная политика МОРПа и его национальных секций, которую нельзя назвать иначе, как рапповской.

«Международный съезд революционных писателей», имевший место в Харькове несколько лет тому назад⁹, прошел всецело под знаком РАППа. С тех пор произошло 23 апреля¹⁰. Для нас это резкая грань между двумя эпохами нашей литературной жизни. На беду, 23 апреля не изменило политики МОРПа.

Кто ведает МОРПом? Несколько венгерских, польских и немецких литераторов третьей величины¹¹. Они давно живут у нас, но эта оседлая жизнь никак не отразилась ни на их психике, ни на их творческой работе. Зато они окончательно оторвались от жизни Запада и они не видят тех глубинных перемен, которые произошли в толще западной интеллигенции после фашистского наступления.

Приведу несколько примеров. В Америке тамошние «рапповцы»¹² отталкивают от нас столь значительных писателей, как Драйзер, Шервуд Андерсон, Дос Пассос. Авторы романов они упрекают за «невыдержанность» политической линии того или иного персонажа литературных произведений, причем я говорю не о критике, но об обвинениях в ренегатстве и т.п.

Во Франции орган секции МОРПа журнал «Коммюн»¹³ устроил анкету среди писателей. Писатели ответили, но их ответы печатались так: двадцать строк писателя, а после этого сорок строк пояснений редакции, чрезвычайно грубых и полных личных нападок. Такое поведение секции МОРПа отталкивает от нас даже

⁹ Имеется в виду расширенный пленум Международного Бюро Революционных писателей (Харьков, 6-15 ноября 1930), переименованный по ходу работы во Вторую Международную конференцию революционных писателей; с этого момента сама организация получила наименование МОРП.

¹⁰ Речь идет о Постановлении ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932, приведшего к ликвидации РАПП.

¹¹ Во главе МОРП стояли венгерские писатели Б.Иллеш и М.Залка, немецкие — И.Бехер и Л.Ренн, польский писатель Б.Ясенский.

¹² Литераторы из нью-йоркского Клуба Джона Рида, созданного в 1929 и ставшего американской секцией МОРП (редактор журнала «New Masses» М.Голд и др).

¹³ Журнал «Commune» (1933-1939) — орган французской секции МОРП («Association des Ecrivains et des Artistes Revolutionnaires») (АЕАР), созданной в марте 1932 (генеральный секретарь П.Вайян-Кутюрье); основную работу в журнале вели секретари редакции коммунисты Л.Арагон и П.Низан.

самых близких нам писателей: Андре Жида, Мальро, Роже Мартен дю Гара, Фернадеса и др. Достаточно сказать, что даже Барбюс находится на положении едва терпимого.

Что касается немцев, то Радек в заключительном слове на съезде ясно показал узость и, того хуже, чванство литературных кружков, которые захватили руководство немецкой революционной литературой¹⁴.

Я мог бы добавить, что и в других странах происходит то же самое. В Чехословакии отбросили Ванчуру и Ольбрехта. В Испании в организации состоят несколько снобов и подростков. В скандинавских странах писатели-антифашисты трактуются как «злейшие враги». И т. д.

Положение на Западе сейчас чрезвычайно благоприятно: большинство наиболее крупных, талантливых, да и наиболее известных писателей искренно пойдет за нами против фашизма. Если бы вместо МОРПа существовала бы широкая антифашистская организация писателей, в нее тотчас же вошли бы такие писатели, как Ромен Роллан, Андре Жид, Мальро, Ж.-Р.Блок, Барбюс, Вильдрак, Дюртен, Жионо, Фернадес, Роже Мартен дю Гар, Генно, Шамсон, Ален, Арагон; Томас Манн, Генрих Манн, Фейхтвангер, Леонгард Франк, Глезер, Плювье, Граф, Меринг; Драйзер, Шервуд Андерсон, Дос Пассос, Голд и др. Я перечислил всего три страны и авторов, известных у нас по переводам книг. Скажу короче — такая организация за редкими исключениями объединит всех крупных и непродажных писателей.

Политическая программа такой организации должна быть очень широкой и в то же время точной:

- 1) Борьба с фашизмом.
- 2) Активная защита СССР.

Западно-европейская и американская интеллигенция прислушивается к «крупным именам». Поэтому значение большой антифашистской организации, возглавляемой знаменитыми писателями, будет весьма велико.

Но для создания подобной антифашистской организации писателей нужны, во-первых, санкция наших руководящих органов,

¹⁴ 24 августа 1934 К.Б.Радек прочел на съезде советских писателей доклад «Современная мировая литература и задачи пролетарского искусства», в дискуссии по которому выступили Б.Иллеш, В.Бредель, Ф.Вольф, А.Эллис, Дж.Ласт, Ж.-Р.Блок, Л.Арагон, И.Бехер и др. 26 августа в заключительном слове Радек в связи с речью В.Бределя говорил об опасном «комчванстве» пролетарских писателей; он также отметил отголоски рапповских оценок и методов в речи Б.Иллеша и напомнил о недавних нападках МОРП на Барбюса (см: Первый съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1934. С.369).

во-вторых, роспуск или коренная реорганизация и МОРПа и его национальных секций.

Всесоюзный съезд писателей сыграет огромную роль в деле привлечения к нам западно-европейской интеллигенции. На этом съезде впервые вопросы культуры и мастерства были поставлены во всем их объеме, соответственно с ростом нашей страны и с ее правом на общемировую духовную гегемонию. Съезд вместе с тем показал, насколько все наши писатели, беспартийные, как и партийные, сплочены вокруг партии в ее созидательной работе и в ее подготовке к обороне страны. То, как наши писатели приветствовали делегатов Красной армии, позволит западной интеллигенции понять наше положение внутри страны и нашу органическую связь с делом ее защиты.

В свою очередь разногласия, сказавшиеся на съезде в вопросах творчества и техники, покажут той же интеллигенции, как изумительно мы выросли за последние годы. Большинство съезда горячо аплодировало тем докладом или выступлением, которые настаивали на повышении культурного уровня, на преодолении провинциализма, на необходимости исканий и изобретений. Эти речи и эти аплодисменты вызвали также горячее сочувствие среди иностранных писателей, присутствовавших на съезде. Можно смело сказать, что работы съезда подготовили создание большой антифашистской организации писателей Запада и Америки.

Простите, уважаемый Иосиф Виссарионович, что я у Вас отнял столько времени, но мне кажется, что и помимо нашей литературной области такая организация теперь будет иметь общеполитическое боевое значение.

С глубоким уважением

Илья Эренбург¹⁵

Это письмо дало старт всему, что связано с Парижским конгрессом писателей в защиту культуры. Понятно, что оно оставило след и в судьбе самого Эренбурга, обеспечив ему заметную роль в подготовке и проведении конгресса.

Эренбург вернулся в Париж с сознанием своей ответственности и значительности той роли, которую ему предстоит сыграть. На знавших его прежде эта перемена произвела впечатление. Георгий Адамович, побывавший в октябре 1934 на одном из докладов Эренбурга о московском съезде писателей, рассказывал: «Кто давно не слышал Эренбурга, сразу заметил, конечно, перемену в манере читать и держаться на сцене. Вероятно, подействовало пребывание в Москве. Эренбург перестроился. Прежде это был усталый скептик, с притухшими глазами, с глухим го-

¹⁵ Печатается по копии из личного архива И.Г.Эренбурга, сверенной с фотокопией (РЦХИДНИ. Ф.459. Оп.1. Ед.хр.1. Л.4-7).

лосом. Прежде на эстраде стоял "мудрец", медленно и задумчиво ронявший глубокие, редкие слова. Теперь нашим взорам предстал энтузиаст, с бодрой социалистической зарядкой. Главный тезис доклада — о том, как строительство преобразует человека, — нашел в самом Эренбурге яркое и наглядное подтверждение. О чем он говорил? О том, что съезд произвел на него неизгладимое впечатление, о том, что "мы, и только мы наследники всей мировой культуры", о том, как прекрасна жизнь в "нашем союзе", как убога она на гниющем Западе, — и о многом другом в том же роде. Фактов в докладе было мало. Были, главным образом, впечатления. /.../ Удивительно, что в сообщении видного советского писателя было один только раз — да и то вскользь — упомянуто имя Алексея Максимовича и ни разу — ни разу! — имя Иосифа Виссарионовича. На лица некоторых почетных слушателей, в первом ряду, можно было прочесть горестное изумление. Один раз Эренбургу представился удобнейший случай назвать Сталина. Он с презрительной улыбкой говорил о том, что иногда советских писателей обвиняют в угодливости, прислужничестве и вообще в избытке верноподданнейших чувств. "Кому же мы прислуживаем? У кого же мы в рабстве? — развел руками докладчик. — Кто нами командует? Не понимаю!" Публика молчала и делала вид, что не понимает тоже¹⁶.

Эренбург еще не знал реакции на свое письмо Сталину. Между тем, ответ Сталина последовал ровно через десять дней. Отчеркнув на полях письма Эренбурга слова о том, что на Первом съезде советских писателей практически не было крупных писателей Запада, что большинство крупных писателей Запада «пойдет за нами против фашизма», если вместо МОРПа создать новую организацию с широкой платформой, что для этого нужна санкция советского руководства и что съезд советских писателей подготовил создание новой международной организации писателей, Сталин написал тогдашнему второму человеку в партии Л.М.Кагановичу:

Т-щу Кагановичу

23/IX 34 г.

1) Прочтите письмо т.Эренбурга. Он прав. Надо ликвидировать традиции РАППа в МОРП-е. Это необходимо. Возьмитесь за это дело вместе со Ждановым. Хорошо бы расширить рамки МОРП (1. борьба с фашизмом, 2. активная защита СССР¹⁷) и *поставить во главе МОРП-а т.Эренбурга*. Это большое дело. Обратите на это внимание. /.../

Привет

И.Сталин

Р.С.Буду ждать ответа¹⁸.

Текст сталинской резолюции Эренбургу не сообщили.

¹⁶ Последние новости (Париж). 1934. 30 октября.

¹⁷ Как и в случае с письмом Л.Брик (о судьбе наследия Маяковского), Сталин здесь пользуется словами автора письма, как своими собственными.

¹⁸ Печатается по копии из личного архива И.Г.Эренбурга, сверенной с фотокопией РЦХИДНИ (Ф.459. Оп.1. Ед.хр.1. Л.1).

СТАЛИН ВЫБИРАЕТ БАРБЮСА

Прочитав письмо Эренбурга, Сталин одобрил содержащуюся в нем критику традиций РАППа в работе МОРП (поскольку РАПП ликвидировали окончательно, его традиции естественно подлежали повсеместному искоренению; Эренбург этот подход Сталина учел, может быть, с подсказки Бухарина). Однако по более конкретным предложениям: на широкой антифашистской основе создать новую международную организацию писателей или коренным образом реорганизовать МОРП — Сталин в день решения не принял, оставив их на проработку Кагановичу и Жданову (последний со времени съезда писателей, за работу которого он отвечал, приобрел репутацию «специалиста» по вопросам литературы). Единственное конкретное предложение Сталина: поставить Эренбурга во главе МОРП — в итоге реализовано не было.

Сталинская записка Кагановичу датирована 23 сентября. А 22 сентября в Москву приехал Анри Барбюс. Соблазн связать два эти события велик.

Барбюс по приезде заявил корреспонденту «Литературной газеты», что его поездка в СССР связана с работой над книгой о Сталине, которую он предполагает закончить зимой¹⁹; в следующем номере газеты сообщалось, что книга Барбюса о Сталине появится одновременно во Франции, в СССР, в Англии и в Голландии.

Скорей всего, Барбюс привез в Москву для апробации уже написанное о Сталине. Работу курировал зав. Агитпропом ЦК А.И.Стецкий (именно он стал официальным редактором русского перевода и он же, по долгу службы, участвовал в обсуждении вопроса о МОРП). Все переговоры, которые велись с Барбюсом в Москве, держались в тайне; газеты о пребывании Барбюса в Москве почти ничего не писали, не было даже сообщено о его отъезде. Только 7 ноября в праздничном номере «Правды» появилась заметка Барбюса «17 шагов гиганта», а 10 ноября в газетах напечатали огромную фотографию: Сталин и прочие вожди на трибуне Мавзолея 7 ноября; среди них стоял и улыбающийся Барбюс, в кепке и распахнутом пальто с меховым воротником. Понятно, что такая честь была оказана Барбюсу после одобрения его работы и встречи со Сталиным, но об этой встрече советские газеты не писали. Барбюс упоминает ее в письме к Щербакову, равно как и свои переговоры со Ждановым и Кнориным. (Каганович, видимо, был освобожден от морповских забот, во всяком случае его имя в переписке по этим делам больше не упоминается.)

Круг лиц, которые обсуждали вопросы, поднятые в письме Эренбурга, очерчивается так: секретарь ЦК (до начала декабря 1934, когда он сменил убитого Кирова в Ленинграде) А.А.Жданов, зав. Агитпропом ЦК А.И.Стецкий, член ЦК В.Г.Кнорин, ведавший этими вопросами в Исполкоме Коминтерна (в 1935 его переведут в ЦК заместителем Стец-

¹⁹ Литературная газета. 1934. 22 сентября.

кого), а также писатели М.Горький, М.Кольцов и секретарь МОРП С.Динамов.

Судя по всему, Сталин остался доволен работой Барбюса над книгой о Сталине и в благодарность принял решение распустить МОРП, а во главе новой международной писательской ассоциации поставить Барбюса. Предложение было, как говорится, с благодарностью принято. Некоторые подробности тех переговоров в Москве Барбюс привел 4 июня 1935 в своем письме А.С.Щербакову:

Я был против того, чтобы образование Международной организации писателей на более широких основах, чем МОРП, /.../ начинали с Конгресса. По этому поводу с проектом ликвидации МОРПа мне было поручено наметить основы Международной Ассоциации, центр которой должен был находиться в Париже и которая бы работала в полнейшем согласии с Союзом советских писателей. Я полагал, что наиболее практичным образом действий был бы выпуск манифеста в целях создания в международном масштабе такой организации и немедленно учредить активный Секретариат (состоящий из таких товарищей, как Муссиак, Удеану и Бехер, которого т.Кнорин уже пригласил для работы), для планомерной организации международной ассоциации, сохранив за собой право созвать международный конгресс лишь тогда, когда эта ассоциация достаточно окрепнет и сможет послужить базой его структуры. Эти установки были одобрены т.Ждановым, Кнориным и, наконец, т.Сталиным, который даже согласился на бюджет в 20 000 франков в месяц (15 000 для аппарата и 5 000 франков для журнала «Монд», позволяющие этому журналу стать центральным органом этого большого и важного международного объединения писателей)²⁰.

Эренбург, как уже было сказано, не получил личного ответа от Сталина ни в виде письма, ни по телефону, но ему сообщили, что Сталин хочет обсудить с ним затронутые в письме вопросы, и вызвали в Москву. Мы не располагаем на этот счет никакими документами помимо эренбургских мемуаров; однако в них нет точных дат, поэтому реконструировать общую канву событий можно лишь приблизительно.

Вот соответствующие фрагменты мемуаров.

«Я сидел на улице Котантен и писал пятую или шестую главу повести "Не переводя дыхания", когда мне позвонил наш новый посол В.П.Потемкин и попросил зайти к нему — дело срочное. Владимир Петрович сказал, что в связи с моим письмом о настроениях западных писателей меня просят приехать в Москву — со мной хочет поговорить Ста-

²⁰ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.606. Л.1.

лин. /.../ В Москву я приехал в ноябре /.../ В ожидании встречи со Сталиным я проводил вечера со старыми друзьями /.../ Как-то я отправился в "Известия", зашел к Бухарину, на нем лица не было, он едва выговорил: "Несчастье! Убили Кирова" /.../. Несколько дней спустя заведующий отделом культуры ЦК А.И.Стецкий сказал мне, что ввиду событий намеченная встреча в ближайшее время не может состояться; меня не хотят зря задерживать. Алексей Иванович попросил меня продиктовать стенографистке мои соображения о возможности объединения писателей, готовых бороться против фашизма»²¹. В главе о Бухарине, опубликованной лишь в 1990, содержатся дополнительные подробности: «Помню вечер, когда сообщили об убийстве Кирова. Я пошел в редакцию. На Бухарине лица не было, он всем кричал: "Идите и пишите о Кирове" /.../ Он и меня втолкнул в пустую комнату: "Пишите! Второго такого не будет..." Я еще не успел ничего написать, когда вошел Николай Иванович и шепнул: "Не нужно вам писать. Это очень темное дело"»²². (Заметим, что на следующий день, 2 декабря, «Известия» напечатали среди откликов на убийство Кирова и письмо, подписанное Л.Леоновым, В.Лидиным, А.Новиковым-Прибоем, Б.Пастернаком, И.Эренбургом и, судя по стилю, написанное Эренбургом²³.)

Уточнить подлинную последовательность событий позволяет почтовая открытка. Она была отправлена Эренбургом 3 декабря писателю В.Г.Лидину... с пограничной станции Негорелое²⁴. Значит, 2 декабря Эренбург уже уехал из Москвы! А потому предположение, вытекающее из его мемуаров, что разговор со Стецким и диктовка цехашной стенографистке состоялась после убийства Кирова, т.е. в промежутке: вечер 1 декабря — утро 2-го, представляется совершенно невероятным (и в ЦК в это время было не до Эренбурга, и заграничный железнодорожный билет берется всяко загодя). Следовательно, разговор со Стецким был до убийства Кирова, и официальная мотивация «невстречи» со Сталиным, как она приводится в мемуарах, не могла иметь место (другое дело, что потом, особенно после доклада Хрущева на XX съезде КПСС, Эренбург мог прийти к выводу, что непосредственно перед 1 декабря Сталину было уже не до соображений о реорганизации МОРП).

Так или иначе, но момент встречи со Стецким и официальное объяснение «невстречи» со Сталиным в мемуарах Эренбурга даны ошибочно. Скорей всего, Сталин, решив вопрос с Барбюсом, уже не имел нужды вести беседу с Эренбургом: ему достаточно было перепоручить дело Стецкому. При этом вполне возможно, что Стецкий, встретившись с Эренбургом, предоставил ему некоторые полномочия в Париже в рамках принятого Сталиным решения. В мемуарах Эренбург пишет, что по воз-

²¹ ЛГЖ. Т.2. С.46, 47.

²² Там же. С.166.

²³ Судя по странному букету подписей, письмо сочинялось дома у приятеля Эренбурга В.Г.Лидина — Леонов и Новиков-Прибой жили в том же доме и с Лидиным дружили, а имя Пастернака объясняется особой, пылкой симпатией, которую питал к нему Эренбург, не упускавший случая его упомянуть.

²⁴ Фотокопия, собрание публикатора.

вращении в Париж он «разговаривал с Мальро, с Вайяном-Кутюрье, с Жидом, с Жаном-Ришаром Блоком, с Муссинаком, с Геенно. После долгих споров группа французских писателей решила созвать весной или в самом начале лета международный конгресс»²⁵.

Это решение возникло в результате длительного и достаточно острого противостояния Анри Барбюса и его сотрудников французским писателям, позиция которых в этом вопросе формировалась сообща с Эренбургом: Мальро, Жидом, Блоком.

Барбюс в уже цитированном письме Щербакову вспоминал: «Илья Эренбург, который имел разного рода свои собственные идеи, не имеющие ничего общего с тем, что было в принципе согласовано с руководящими товарищами, — по возвращении из поездки, которую он совершил в Москву, распустил слух, что установка советских писателей совершенно изменилась. Он утверждал даже, что Стецкий, который, — как он говорил, — вызвал его телеграммой в Москву, официально объявил ему об этом. С другой стороны, Эренбург воздействовал на Андре Жида, Мальро и Жана-Ришара Блока таким образом, чтобы его (Эренбурга) личные идеи восторжествовали в ущерб тем, которые мне было поручено провести в жизнь»²⁶.

«Результатом этого, — продолжает Барбюс, — была известная путаница в работе и некоторая двойственность, в которой Иоганнес Бехер, бывший моим сотрудником, сыграл, как мне кажется, несколько темную роль»²⁷.

Бехер, член президиума МОРП, ведал связями с региональными организациями и тесно сотрудничал с Барбюсом; с генсеком МОРП Белой Иллешом он был на ножах и после 1932 активно обвинял его в рапповских пережитках. Бехер согласился сотрудничать с Барбюсом, поскольку того поддержал Кремль. Техническими вопросами Барбюс не занимался, для этого он содержал компактный секретариат, и Бехер, действуя сообща с секретарем Барбюса Удеану, ведавшим всеми оргделами, образовал в Париже вместе с коммунистом Муссинаком организационное ядро будущей Лиги писателей и сразу же начал готовить ее конференцию. Эту Лигу, сконструированную из структур МОРП, сотрудники Барбюса и хотели выдать за ту организацию, которая заменит МОРП и в которой они играли бы главную роль. 22 декабря 1934 Бехер отправил в Москву достаточно решительное заявление: «МОРП должен продлить свое существование по крайней мере на несколько месяцев после запланированной конференции, но и в дальнейшем он будет необходим в качестве организационной опоры и информационного центра»²⁸. Узнав от Эренбурга о новых установках Москвы, Бехер мог скорректировать свою позицию (на что, видимо, и жалуется Барбюс). Задача у Бехера была одна: остаться на плаву в результате готовящихся реформ и по возможности взять их осуществление на себя.

²⁵ ЛГЖ. Т.2. С.47.

²⁶ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.606. Л.2.

²⁷ Там же.

²⁸ Невское время. 1995. 27 июня.

Неожиданную поддержку приговоренному Кремлем МОРП оказал Ромен Роллан, имевший в ту пору исключительно высокий, не уступавший горьковскому, авторитет в СССР. 28 декабря 1934 Роллан написал Горькому: «Барбюс извещает меня, что Международное объединение революционных писателей (МОРП) расформировано и будет заменено новой организацией, с более широко открытым доступом, основное место нахождения которой будет в Париже. — Я сожалею об этом. Как я пишу Барбюсу, "Почва Парижа недоброкачественна. Рано или поздно она губит все, что порождает". Москва должна, по моему мнению, оставаться центром великого нового движения. К ней обращены и к ней должны все более и более обращаться взоры свободных и смелых умов всего мира. Завтра волна фашизма (слева или справа) может охватить Францию. Интернационал революционных писателей не найдет там той же прочной опоры, которая была у него в СССР. — И я даже не очень большой сторонник расширения кадров. Мы живем в период кризиса, в условиях которого было бы неосмотрительно слишком ослаблять строгость мысли. Не замыкаясь в рамки иссушающего сектанства, надо быть способным противостоять призывам сирен расслабляющего эстетизма, всегда готового вернуться на свое место. Это можно было наблюдать на съезде писателей, в Москве, прошлым летом. Я не доверяю дилетантам от "искусства для искусства" и, еще более, оппортунистам "революционной мысли", которые умеют проскальзывать на передовые позиции и вскоре их оставляют. Нужно было бы постоянно сохранять в центре испытанное руководство, неизменно бдительное и крепко держащее в руках вожжи. — Нет, еще не время для послаблений. Вы это наблюдали в СССР во время трагических событий исходных недель»²⁹.

Роллан, как видим, мотивировал жесткую необходимость идеологической и кадровой «строгости» в условиях резкого обострения классовой борьбы (убийство Кирова). Правда, автор «Жана-Кристофа» сделал это несколько витиевато, без «большевистской прямоты».

Между тем, 3 января 1935 Бехер доносил в Москву о своих успехах: «Лига уже основана. Я надеюсь, что мне и здесь удастся провести правильную и согласованную линию»³⁰.

Подробную информацию о том, что в это время происходило в Париже, мы находим в письме Эренбурга Михаилу Кольцову, которому поручили курировать создание новой международной писательской организации (Кольцов через московского секретаря Эренбурга В.А.Мильман запросил его о положении дел в Париже):

17 января [1935]

Дорогой Михаил Ефимович,

В.А.³¹ сообщила мне по телефону, что Вы спрашиваете о местных писательских делах. Я не сразу ответил Вам: ждал okazji.

²⁹ Архив А.М.Горького. Т. VIII: Переписка А.М.Горького с зарубежными литераторами. М., 1960. С.353.

³⁰ Невское время. 1995. 27 июня.

³¹ Валентина Ароновна Мильман (1900-1968) — секретарь Эренбурга.

Не ответил и С.С.³² — по той же причине (так что прошу Вас о содержании письма поставить в известность А.И.³³).

Барбюс объявил здесь, что он окончательно признан. Это он сказал Муссинаку и Бехеру. Сам он сидит на юге, а всем распоряжается его секретарь, известный Вам Удеану. Сей последний ведет себя диктаторски. Собрав кой кого, он заявил, что утверждена «Международная лига писателей» и ее секретариат: Барбюс, он (Удеану), Муссинак, Фридман, Бехер. Причем все это — от имени Москвы. Барбюс составил манифест в строго амстердамском стиле³⁴, который он сначала разослал во все страны, а потом уже начал спрашивать: вполне ли хорошо³⁵. Самое грустное, что благодаря Удеану пошли толки, что деньги московские. Он хвастал: снимаем роскошную квартиру, достали много денег, будет журнал — до 5 000 фр. в месяц сотрудникам и т.д. Мне он заявил: «Писателей надо прежде всего заинтересовать материально». Если считать его за писателя, это может быть и верно. Но так можно получить картину нам знакомую: Терезу³⁶ от Испании, Удеану и Вову Познера³⁷ от Франции и пр. Разговоры о деньгах и манифесте пошли далеко и много заранее испортили. Я думаю, что Барбюс после рассылки своего неудачного манифеста должен теперь хотя бы на первое время скрыться, чтобы не приняли возможную новую организацию за его проект. Местные немцы, Жид, Мальро и Блок всецело согласны со мной. Муссинак явно выжидает событий. Вчера я их видел (Удеану, Муссинака и Бехера) и сказал, что по моим сведениям еще ничего не решено. Муссинак обра-

³² Сергей Сергеевич Динамов (1901-1939) — критик, секретарь МОРП, редактор журнала «Интернациональная литература».

³³ Алексей Иванович Стецкий (1896-1938) — в 1930-1938 — зав. Агитпропом ЦК ВКП(б).

³⁴ Т.е. в стиле решений Всемирного конгресса против империалистической войны (Амстердам, 1932), которым руководил Барбюс.

³⁵ «Литераторы, которым я показывал Манифест, почти все его одобрили, — писал Барбюс Г.Манну, — но ведь это только начало нашей работы. Большинство согласно с текстом воззвания и лишь, подобно Вам, считает, что хорошо бы сгладить некоторые острые углы. Ну, а кое-кто выставляет целый ряд возражений. В самые ближайшие дни, когда мы соберем и изучим все анкеты, можно будет, с Вашего согласия, вторично обсудить Манифест, дабы не перегнуть палку и дать писателям разумную политическую программу» (См.: Манн Г. В защиту культуры. М., 1986. С.286). «Это великолепно по чувству, равно как и по мысли, — комментирует письмо Г.Манн. — Не забудьте, что он владел истиной и рад был сказать о ней во всеуслышание. Но он уважал людей, он ждал их прозрения, он тактично руководил ими» (Там же. С.268-269).

³⁶ Мария Тереса Леон (1905-?) — испанская писательница, коммунистка.

³⁷ Владимир Соломонович Познер (1905-1994) — поэт и прозаик, участник группы «Серапионовы братья», в 1922 уехал во Францию, где стал писать по-французски; французский писатель и журналист, член ФКП.

довался, а Удеану обозлился. Потом я узнал, что сей бравый представитель французских бель-летров в ближайшие дни отбывает в Москву. Вообще делает все он: это — официальный зам-Барбюс, который сам ничего не делает. О том, на что способен Удеану, можете судить по «Монду», в этом французском журнале нет ни одного французского писателя. Полное запустение. Не способны даже на работу метранпажа. Деньги спасти журнал не могут. Кто им только не давал.

А далее в письме следует фраза, внешне скромная, но с мощным зарядом: «Надо ли говорить о том, что все это делается именем того, с кем Барбюс в свое время беседовал». Москва была, таким образом, поставлена в известность, что Удеану и иже с ним на всех углах афишируют личную поддержку Сталина. «Отец народов» этого не любил. Понятно, что Кольцов обязан был сообщить полученную информацию вождю.

Вместе с тем Эренбург передает в Москву и нечто позитивное, и делает он это, пародируя циничную манеру Кольцова: «Не будь описанной истории, положение можно было бы рассматривать как благоприятное. Мальро горит. Блок пылает. Геенно и Дюртен следуют. Жид поддается. Может прийти такой человек, как Жироду, не говоря уже о Мартен дю Гаре. В Англии обеспечен Хаксли. Мыслимо — Честертон и Шоу. Томас Манн тоже сдался. В Чехословакии — Чапек». «Но конечно, — заключает Эренбург, предупреждая Москву, — все это отпадет, если организация будет удеановская. В Амстердам этих дядя не загнать».

Письмо Эренбурга заканчивается обращением: «Очень прошу Вас срочно написать мне, как обстоят дела с этим. Меня спрашивают Мальро, Блок и пр. Если правда, что узаконен Барбюс — надо сказать, чтобы не было недоразумений. Найдите способ сообщить мне обо всем возможно скорее и подтвердите (через Мильман) получение этого письма. Сердечно Ваш И.Эр.»³⁸.

Как раз в январе 1935 Барбюс на юге Франции заканчивал книгу о Сталине, и до выхода ее из печати Москва его ничем не беспокоила. Потом Барбюс жаловался Щербакову: «По причинам, которые никогда не были мне особенно понятны (основной причиной, по-видимому, следует считать отъезд Жданова в Ленинград), я в дальнейшем не получил никаких известий о том, что было решено во время моего пребывания в Москве, и этим решениям не было дано никакого практического осуществления, как в вопросе об аппарате, "Монде", учредительной декларации, так и в вопросе о ежемесячном журнале критики и издательской фирме, которую я считал (и продолжаю считать) совершенно необходимой для эффективного успеха рассмотренного проекта. Я не получил также никаких известий, касающихся ликвидации МОРП»³⁹.

И Эренбургу, который в январе также дописывал книгу («Не переводя дыхания»), Москва не предоставила свободы действий (в данном слу-

³⁸ РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.668. Л.2,3.

³⁹ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.606. Л.2.

чае, правда, ее мотивы не связаны с потребностью в литпродукции высокого качества).

Канва событий устанавливается по письмам Эренбурга его московскому секретарю В.А.Мильман — 31 января 1935: «Письма М.Е.[Кольцова] я не получил». 21 февраля: «М.Е.[Кольцову] пишу с оказией. Вполне конкретно и даже о том, что сделано — решил не ждать больше»⁴⁰. 26 февраля: «Прилагаю обращение французских писателей. Передайте, пожалуйста, А.И.[Стецкому] — это в дополнение к моему письму».

27 февраля: «Скажите А.И.[Стецкому] и С.С.[Динамову], что я получил от Б[арбюса] очень резкое письмо. Я не знаю, что мне делать /.../ Я пишу одновременно С.С. Передайте, чтобы мне сообщили ответ срочно, и выясните, передал ли в свое время М.Е.[Кольцов] содержание моего письма им. Это важно и срочно».

14 марта: «Посылаю Вам приглашение и тезисы, которые я получил от французских писателей. Передайте их А.И.[Стецкому]».

23 марта: «Почему М.Е.[Кольцов] сердится на меня?»

2 апреля: «Прилагаемые документы передайте А.И.[Стецкому]. Я дал телеграмму о съезде в "Известия"⁴¹».

Не располагая информацией о том, что именно сообщали в ответ Эренбургу Кольцов и Стецкий, сошлемся на одну фразу из письма Эренбурга Н.И.Бухарину от 8 июня 1935. В этом письме, перейдя от дел известиинских к парижскому конгрессу и напомнив, что им занимался Барбюс, который уехал в свое поместье и ничего не делал, Эренбург заметил с явной обидой: «Меня в свое время "обуздали"..."⁴² — видимо, это относится как раз к началу 1935.

Так или иначе, но все, что к весне 1935 было сделано для подготовки конгресса писателей, было сделано коллективными усилиями двух групп, центрами которых были Барбюс и Эренбург. Неудивительно поэтому, что М.Горький в апрельском письме Роллану говорит, что собирается «ехать в Париж, на съезд, организуемый Барбюсом-Эренбургом»⁴³. В личном общении с Барбюсом Эренбург проявлял лояльность; это признавал и сам Барбюс в том же письме Щербакову: «Эренбург попытался убедить меня, что лично он никогда не оказывал мне ни малейшего противодействия (что я принял к сведению, однако, не поверив этому)»⁴⁴.

«Писатели — не рабочие: объединить их очень трудно, — вспоминал Эренбург. — Андре Жид предлагал одно. Генрих Манн другое, Фейхтвангер третье. Сюрреалисты кричали, что коммунисты стали бонзами и что надо сорвать конгресс. Писатели, близкие к троцкистам, — Шарль Плинье, Мадлен Паз — предупреждали, что выступят — "разоблачат" Советский Союз. Барбюс опасался, что конгресс по своему политическому

⁴⁰ Письмо не сохранилось.

⁴¹ Письма Эренбурга к Мильман цитируются по подлинникам (собрание публикатора).

⁴² РЦХИДНИ. Ф.329. Оп.26. Ед.хр.4. Л.160.

⁴³ Архив А.М.Горького. Т.VIII: Переписка А.М.Горького с зарубежными литераторами. М., 1960. С.354.

⁴⁴ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.606. Л.3.

Советский Союз. Барбюс опасался, что конгресс по своему политическому диапазону будет чересчур широким и не сможет принять никаких решений. Мартен дю Гар и английские писатели Форстер, Хаксли, напротив, считали, что конгресс будет чересчур узким и что дадут выступить только коммунистам. Потребовалось много терпения, сдержанности, такта, чтобы примирить, казалось бы, непримиримые позиции»⁴⁵.

В инициативную группу французских писателей по организации международного антифашистского писательского конгресса входили литераторы различных политических (левых) взглядов и художественных устремлений: и Барбюс, и Ж.-Р.Блок, и рьяные коммунисты Арагон, Муссиак, Низан, и (заочно) Ромен Роллан, и А.Жид, Мальро, Кассу, Шамсон, Вильдрак, Даби, Дюртен, и недавний сюрреалист Кревель. В марте 1935 инициативная группа подготовила и разослала в разные страны декларацию о созыве международного съезда писателей. Эту декларацию Эренбург прислал в Москву, но сообщение о ней в советских газетах не напечатали.

СЛИШКОМ ПРЫТКИЙ КОЛЬЦОВ

4 апреля М.Кольцов записал свой телефонный разговор с Эренбургом:

На вопрос Эренбурга, почему еще не появилась в «Правде» и «Известиях» присланная инициативной группой Конгресса информация, я сообщил, что московские товарищи намерены предварительно посоветоваться и предпринять размеры и формы участия в Конгрессе. Я сообщил, что пока не очень целесообразно поддерживать участие *широкой* советской делегации на Конгрессе. Это с самого начала придало бы ему слишком ярко выраженный «московский» характер. Сообщать о возможности участия Горького в Конгрессе — пока преждевременно. В остальном — советские писатели приветствуют начало активной работы и сдвиги с мертвой точки.

Эренбург: Довольны ли у вас, что мы прекратили споры и помирились?

Кольцов: Очень довольны. Давно пора. Ведь пять месяцев ушло на эти непринципиальные препирательства.

Эренбург: Программа Конгресса вам послана. Это пока еще первичный проект, над ним надо еще поработать — ждем ваших предложений и поправок. Здесь ждут также, что советские писатели своими выступлениями по различным пунктам порядка дня уравновесят разброд в мнениях, который может получиться. Официальное приглашение Союзу советских писателей будет послано на днях, на имя Союза, на ваш адрес⁴⁶.

⁴⁵ ЛГЖ. Т.2. С.47-48.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.1701. Л.5.

В этом разговоре Кольцов проявляет информированность явно из первых рук (чего стоят хотя бы слова о Горьком — кто, кроме Сталина, мог решать вопрос о перемещении «великого пролетарского писателя?»).

Советская печать («Литературная газета», «Литературный Ленинград») сообщила о готовящемся конгрессе 20 апреля со ссылкой на вышедший в Париже номер журнала «Монд», где с комментарием Барбюса была опубликована декларация инициативной группы. Дата сообщения объясняется просто: 19 апреля Политбюро приняло решение «О международном съезде писателей в Париже». В нем утверждалась советская делегация (Горький, Кольцов, Шолохов, Щербаков, Толстой, Эренбург, Н.Тихонов, Луппол, Киришон, Караваева, Лахути, три представителя Украины и два — Закавказья, причем эти пять кандидатур Стецкий, Щербаков и Кольцов должны были согласовать с партруководством Украины и Закавказья⁴⁷). Горького утвердили главой делегации, а Кольцова и Щербакова — заместителями. На расходы делегации выделили 20 тыс. рублей золотом. Кольцову было велено в начале мая выехать в Париж «для содействия в организации конгресса»⁴⁸.

Вопрос о составе делегации обсуждался предварительно, в частности, с Горьким, Кольцовым и Щербаковым. В их списке был Вс.Иванов, исчезнувший из решения Политбюро. Возможно, в этом проявилось личное отношение Сталина, но Щербаков и Кольцов, не решаясь обращаться по этому вопросу лично к вождю, попросили Горького, зная о его дружбе с Ивановым, послать телеграмму «хозяину» (так прямо и сказано в письме!) с просьбой о включении Иванова в состав делегации⁴⁹. В итоге Вс.Иванов в состав делегации был включен.

5 мая 1935 вопрос о парижском конгрессе обсуждался на заседании Президиума Правления ССП. Информацию о конгрессе представил Кольцов. Он изложил официальную версию об инициативе французских писателей, рассказал о предполагаемой программе конгресса (были перечислены основные вопросы этой программы: культурное наследие, гуманизм, нация и культура, о роли индустрии, достоинство мысли, роль писателя в обществе, о литературном творчестве и художественных формах, работа писателя в защиту культуры) и о том, что ожидается участие в работе конгресса Роллана, Драйзера, Андерсена-Нексе, Михаэлис и Горького. В заключение Кольцов сказал: «Я просил бы товарищей и особенно присутствующих здесь представителей печати пока о наших решениях не писать из тех соображений, что уже сейчас против этого будущего, еще не состоявшегося конгресса раздаются голоса из враждебного лагеря о том, что этот конгресс является чем-то вроде по-

⁴⁷ Фамилии перечислены не по алфавиту, а в порядке значимости, причем если Горький для Сталина — фигура уже номинальная, то Кольцов — реальный глава делегации; вес Шолохова, как и А.Толстого, в этом списке — сугубо литературный, а Эренбурга — явно политический. А.Караваева по разряду представляла всех советских писательниц.

⁴⁸ «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925-1938. Документы. М., 1997. С.187.

⁴⁹ Там же. С.188.

рождения Москвы и т.д.». «Это, само собой, разумеется, чушь, — с веселым цинизмом втолковывал коллегам Кольцов, — и инициатива этого конгресса, и руководство им в основном принадлежит западно-европейским писателям. Задолго до этого конгресса писать о нем в нашей печати значило бы в какой-то степени подвести тех товарищей, которые так мужественно в очень серьезной обстановке приступают к такому большому делу, как интернациональный съезд писателей в защиту культуры, тем самым против фашизма, против реакции. Поэтому из тактических соображений, исходя из той важности, которую мы придаем этому съезду, мы должны воздержаться от разглаговольствований по этому поводу в наших газетах, воздержаться от публикации состава делегации, которую сегодня мы изберем на съезд»⁵⁰.

Состав делегации от имени партгруппы предложил Щербаков, предварительно объяснив, что заседание закрытое. Надо ли говорить, что это был состав, утвержденный Политбюро (плюс Вс.Иванов), и что проголосовали единогласно?

Последнее, что сообщил Щербаков: нужно распределить роли и в течение ближайших 10-15 дней подготовить выступления, доклады, их придется перевести на немецкий, английский и французский языки⁵¹.

Вскоре после этого Кольцов отбыл в Париж.

23 мая 1935 он отослал первый отчет о проделанной в Париже работе: «Создано "рабочее бюро", формально подчиненное секретариату (инициативный комитет — фикция, в секретариате мы представлены только отсутствующим Барбюсом). В "бюро" посажены свои люди, французы и немцы, с тем, чтобы прибрать к рукам практическую работу»⁵².

В этом видна типично сталинская аппаратная хватка; в последнем пункте отчета значится: «Сформирована фракция из всех национальностей. Пока руковожу ею. С приездом Барбюса — посмотрим». Это тоже стандартный прием: фракция — это партгруппа коммунистов, которые обязаны автоматически подчиняться т.Кольцову, личному представителю т.Сталина.

Кольцов привез в Париж деньги, которых так не хватало инициативной группе, и сразу придал всем ее действиям международный характер. В отчете есть одна ссылка на Сталина, которая позволяет узнать, что именно обсуждал с Кольцовым «отец народов»: «Мальро при первой встрече сказал мне, что единственным достижением съезда он мыслит, кроме французской части, — возможность предоставления в Париже трибуны советским писателям. Приходится лишний раз поражаться проницательностью И.В.[Сталина], сразу предугадавшего и предостерегшего нас от узко-французского и чисто антигерманского характера, который может принять конгресс». Сталину, таким образом, нужен был подлинно мировой конгресс и общемировая поддержка СССР левыми кругами

⁵⁰ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.397. Л.68-69.

⁵¹ Там же. Л.69.

⁵² «Счастье литературы»... Указ. изд. С.191. Далее письмо Кольцова цитируется по этому источнику.

интеллигенции; видимо, общемировой масштаб предложения Эренбурга с самого начала привлек Сталина, и он постоянно держал его в уме. Деньги давались именно на это.

В Париже Кольцов много общался с французскими писателями. Опытный и циничный пропагандист, он воспользовался этим, чтобы, выступая перед советскими коллегами, назидательно рассказать им об условиях жизни парижских собратьев: «Уголок где-нибудь за столиком в кафе, там сидят и беседуют 3-4 человека; или квартира парижского писателя — не квартира, а квартирка очень скромная, заставленная сундуками, например, у Жана-Ришара Блока, квартира похожая на наши уплотненные коммунальные квартиры, или, например, служебная комната Мальро в издательстве, маленькая коморочка, куда с трудом можно напихать несколько человек; или, например, у Дюртена кабинет врача по горловым, носовым и ушным болезням, ибо этот крупнейший писатель Франции, имеющий международное имя, не имеет возможности жить только своими романами, которые пользуются громким успехом. Эти романы его не кормят, и для того, чтобы написать очередной роман, он должен ежедневно с 8 до 2 часов дня принимать пациентов, а после этого он может заниматься литературой. Когда мы пришли однажды к Дюртену, то наш друг Киршон сразу сделал два дела: поговорил с Дюртенем о перспективах мировой литературы и затем тот ему что-то безвозмездно прижег во рту (смех и восклицание: Киршон это умеет)»⁵³.

В Париже Кольцов пришел к выводу, что деятельность инициативной группы страдает пассивностью, неделовитостью и беспомощностью, в результате чего приезд большинства крупных писателей оказался под вопросом. Он пишет в Москву, что связь инициативной группы со многими странами плохая, что немцы и англичане колеблются, французы в целом активны, «но беспрестанно капризничают, еще хуже, чем наши советские гении». Отчет Кольцова содержит и персональные характеристики: «Знаменитости (Жид) больше склонны отделаться денежными пожертвованиями, чем проявлять общественную активность; приходится тянуть их на веревке. Охотно и преданно работают Мальро и Блок. Коммунисты-французы, кроме Арагона и Муссинака, ленятся и беспорядочны /.../ С Барбюсом — "особый случай". Он невылазно сидит у себя на юге, сносятся с писателями через секретаря, вызывая их упреки в вельможности. Узнав о моем приезде, сообщил, что немедленно выезжает в Париж, но потом раздумал и просит приехать к нему, чтобы мы, кстати, вместе переговорили с крупнейшими немецкими эмигрантами. Он не удосужился сделать этого, хотя немцы живут там же, рядом с ним».

Есть в отчете и сообщение об Эренбурге: «С Эренбургом отношения пока сносные, хотя он все время пытается играть роль арбитра между Европой и Азией (мы). Он выразил недовольство составом делегации (почему без Пастернака, почему Караваяева, почему Иванов)». Заметим, что Эренбург говорил об этом не только Кольцову. 8 июня он писал Бухарину: «Наша делегация своеобразна: никто не владеет иностранными

⁵³ Из выступления на расширенном заседании Правления ССП 21 июля 1935 г. — РГАЛИ. Ф.631. Оп.15. Ед.хр.47. Л.15.

языками и из 18 душ только 5 хотя бы несколько известны на Западе как писатели»⁵⁴.

Отметим, что в том же абзаце, где Кольцов сообщает о недовольстве Эренбурга, содержатся две фразы о Барбюсе, так что непонятно, стоит за этим Эренбург или кто-то другой: «Интриги против Барбюса продолжают, есть попытка даже лишить его доклада на съезде. Приходится все время охранять интересы Барбюса, хотя он сделал очень много, чтобы изолироваться».

Характер взаимоотношений и взаимодействия Кольцова с Эренбургом существенно влияли и на подготовку конгресса, и на его работу. Следы сложности этих отношений читаются между строк доброжелательных эренбургских воспоминаний: «Молоденький, смелый, подвижный, умный до того, что ум становится для него обузой, Кольцов быстро разбирался в сложной обстановке, видел все прорехи, никогда не тешил себя иллюзиями. /.../ Он никого не старался погубить и плохо говорил только о погибших: время было такое. Ко мне он относился дружески, но слегка презрительно, любил с глазу на глаз поговорить по душам, пооткровенничать, но, когда шла речь о порядке дня двух конгрессов, не приглашал меня на совещания. Однажды он мне признался: "Вы редчайшая разновидность нашей фауны — нестреляный воробей!"»⁵⁵.

В мае 1935 Кольцов посылает Щербакову с пометой: «Только лично», особо оговорив: «Внимание: важна каждая деталь», инструкцию по подготовке советской делегации на конгресс. Инструкция очень подробна:

1) ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ. Ориентировочный размер для докладов — 10-12 страниц на машинке. Для выступлений — 6-8 страниц. Перевод тщательно отредактировать, особенно французский (воспользоваться помощью литредакторов из «Журналь де Моску»). Размножить (ротатор, хорошая бумага) после извещения от меня.

2) ПЕРЕПРАВКА МАТЕРИАЛА. Все доклады, вспомогательные материалы, конспекты, рукописи и т.д. — отправить *заблаговременно* в дипбагаже через НКВД. С собой в дорогу никаких материалов не брать — возможны обыски, особенно в Германии. Проекты докладов можно посылать мне обыкновенной спешной почтой без сопроводиловок, заголовков, только с подписями, как статьи.

3) ОСВЕЩЕНИЕ ПОДГОТОВКИ СЪЕЗДА. В нашей печати советским авторам о конгрессе пока не писать. Постараюсь организовать статьи французов-организаторов конгресса для советских газет. Во время пребывания Лаваль⁵⁶ в Москве попросить наших

⁵⁴ РЦХИДНИ. Ф.329. Оп.2. Ед.хр.4. Л.160. Видимо, Эренбург имеет в виду Горького, А.Толстого, Шолохова, Тихонова и себя.

⁵⁵ ЛГЖ. Т.2. С.112.

⁵⁶ Пьер Лаваль (1883-1945) — в 1934-1935 министр иностранных дел Франции; в 1935 совершил официальный визит в СССР.

писателей в разговорах с французскими журналистами темы о конгрессе по возможности избегать.

4) ЭКИПИРОВКА. Для экономии валюты шить всем едущим в Москве по 1 летнему пальто, серому костюму за счет Союза⁵⁷. Рекомендовать каждому шить себе по второму (черному) костюму (не обязательно). Заказать вещи немедленно, иначе опоздают. Не шить всем из одной материи!! (Пошивку в Москве практикуют сейчас все отъезжающие за границу делегации).

5) ПРОЕЗД. Разбиться на две-три группы, с маршрутами: а) морем из Ленинграда или Гельсингфорса на Дюнкирхен или Амстердам, б) через Польшу—Германию (кратчайший путь), в) через Вену—Базель. Прибытие групп в Париж — не в один день (желательные даты я сообщу).

6) БИЛЕТЫ. Добиться (не сейчас, а в начале июня) оплаты проезда делегации в советских рублях *без вычета из нашего валютного лимита*, и без того достаточно узкого (расход почти в 2000 руб. золотом). Переговорить об этом в случае надобности с тов. Гринько⁵⁸ и выше. Текст бумаги в НКФ я оставил. Билеты на обратный путь взять в Москве, а получить предписание в Интурист в Париже, чтобы там же выбрать обратные маршруты.

7) ДЕНЬГИ. Каждому из делегатов выдать при отъезде по 100 рублей, предупредив, что это аванс в счет суточных. Остальные деньги взять чеком на Париж.

8) СВЯЗЬ. а) Диппочта (следить за сроками ее отправки). б) шифр — через «Правду», Мехлиса⁵⁹. в) Обыкновенная почта — можно посылать печатные материалы (конверты без штампов, воздушной). г) Телефон — вызывать меня из Москвы, по номеру и в часы, какие укажу. Условные обозначения в разговоре: Горький — Анатолий, Барбюс — Андрей, Эренбург — Валентина⁶⁰.

9) ПОМОЩЬ В МОСКВЕ. Использовать можно Шейнину (Интурист, паспорта, визы и т.д.), Болеславскую⁶¹ (переводы, литработы). Учесть, что Болеславская дружна с Мальро⁶².

⁵⁷ Имеется в виду Союз писателей.

⁵⁸ Григорий Федорович Гринько (1890-1938) — в 1930-1937 нарком финансов СССР.

⁵⁹ Лев Захарович Мехлис (1889-1953) — в 1930-1937 редактор «Правды».

⁶⁰ По имени московского секретаря Эренбурга В.А.Мильман.

⁶¹ Г.С.Болеславская (Боля, как ее звали Кольцов и Мальро) — секретарь Кольцова по Иностранной комиссии ССП; руководила обслуживанием иностранных гостей, в частности А.Жида во время его поездки в СССР.

⁶² Г.С.Болеславская познакомилась с Мальро в Москве в 1934; сохранилось дружественное письмо Мальро к ней, написанное летом 1939, с рядом поручений в связи с предполагавшимся тогда приездом Мальро в Москву.

10) КОНТАКТ. Прошу срочно отвечать на письма, а на шифровки — немедленно. Мих. Кольцов⁶³.

Кольцов, кажется, учел в этой инструкции все: и бестолковость чиновников, и безалаберность братьев-писателей, и необходимость уложиться в скромный бюджет, но иметь при этом приличный вид, и вопросы безопасности. Он очень хотел внушить западным коллегам, что советские делегаты так же свободны, как и они, так же автономны, так же хорошо одеты, они едут в Париж на свои собственные деньги и каждый выбирает себе маршрут сам.

Цены не было такому организатору...

Весной 1937, докладывая Сталину о положении дел в Испании, Кольцов прочтет в его глазах: «Слишком прыток»⁶⁴ и через полтора года будет арестован...

КОНГРЕСС — ЛЕГЕНДЫ И ЗАГАДКИ

Открытие конгресса несколько раз переносили, наконец определится точная дата: 21 июня и место — Maison de la Mutualite. К этому времени окончательно установился состав советской делегации.

В Париж не поехал Горький; существуют различные версии, объясняющие это, — от первой и официальной: болезнь — до нынешних: сталинский запрет («Скорее всего, — пишет В.В.Иванов, — ему просто не дали поехать, а противоречащие друг другу разноречивые объяснения его задержки в России в разных советских источниках только укрепляют это впечатление»⁶⁵). В конце апреля 1935 Горький писал собиравшемуся приехать в Москву и не собиравшемуся посетить Парижский конгресс Роллану: «На Ваш вопрос: буду ли я в июне в Москве? — я не могу ответить Вам с необходимой точностью — потому что в июне я, вместе с группой литераторов, должен буду ехать в Париж, на съезд»⁶⁶. 23 мая Кольцов пишет из Парижа Щербакову: «Громадным стимулом для всех является приезд Алексея Максимовича. Все без исключения говорят, что это сразу подбрасывает все дело вверх. Для многих приезд А.М. предрешает их собственное участие в съезде. Для Парижа приезд А.М. будет событием первого ранга»⁶⁷. В этом же письме, сообщая о повестке дня конгресса, Кольцов называет и часовой доклад Горького о пролетарском гуманизме. Между тем, 22 мая Горький пишет из Тессели Щербакову в связи со своим плохим самочувствием: «Не представляю, как поеду в Париж, и завидую Шолохову»⁶⁸. 27 мая, получив это письмо, Щербаков доложил о нем Сталину»⁶⁹. Горький в Тессели продолжал готовиться к

⁶³ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.562. Л.7-8.

⁶⁴ Михаил Кольцов, каким он был. М., 1989. С.95.

⁶⁵ Вопросы литературы. 1993. №1. С.131.

⁶⁶ Архив А.М.Горького. Т.VIII: Переписка А.М.Горького с зарубежными литераторами. М., 1960. С.354.

⁶⁷ «Счастье литературы»... Указ. изд. С.190.

⁶⁸ М.Горький. Собр. соч. Т.30. М., 1955. С.389.

⁶⁹ «Счастье литературы»... Указ. изд. С.193.

конгрессу, работать над докладом; он прочел присланный ему Лупполом доклад о культурном наследстве и отозвался на него письмом⁷⁰. 4 июня Горький пишет в Ленинград Федину, Слонимскому и Тихонову: «Год у меня — трудный /.../, а вот тут надо к парижанкам ехать на старости лет»⁷¹. 8 июня Горькому выдали заграничный паспорт⁷², но воспользоваться им ему не пришлось.

Не поехал на конгресс и Шолохов; 15 мая Щербаков сообщил Горькому: «Шолохов попросил т. Сталина освободить его от поездки в Париж. И.В. дал согласие и предложил наметить другого кандидата. И.В. также дал согласие включить одного делегата Белоруссии»⁷³ (отсюда и фраза Горького: «завидую Шолохову»).

Вместо Горького и Шолохова в состав делегации включили Федора Панферова (возможно, в пику Горькому, резко критиковавшему прозу Панферова в печати). От Закавказья были назначены малоизвестный армянский прозаик Ваграм Алазан и грузинский поэт Галактион Табидзе (куда более знаменитого Тициана Табидзе в Париж не послали; через два года он был расстрелян); зато украинскую квоту увеличили: Тычина, Микитенко, Панч и молодой, но политически перспективный Корнейчук; Белоруссию представлял Якуб Колас.

Эренбург, заручившись поддержкой А. Мальро и А. Жида, настаивал на включении в советскую делегацию хорошо известных на Западе Бабеля и Пастернака; однако время шло, открытие конгресса приближалось, а состав советской делегации оставался неизменным. В мемуарах Эренбург пишет, что, когда в Париж приехала делегация из Москвы без Бабеля и Пастернака, «французские писатели, инициаторы конгресса, обратились в наше посольство с просьбой включить автора "Конармии" и Пастернака в состав советской делегации»⁷⁴. (Заметим, что первая группа делегатов из СССР прибыла в Париж 18 июня⁷⁵; видимо, в этот день и последовал демарш А. Жида и А. Мальро в советское посольство.) В биографии Пастернака об этом говорится так: «Накануне открытия [конгресса. — Б.Ф.] Эренбург сообщил в Москву о необходимости срочно пригласить на конгресс писателей, известных в Европе, — Б. Пастернака и И. Бабеля. За Пастернаком [он жил тогда в доме отдыха "Узкое" под Москвой. — Б.Ф.] послали машину. От отказывался ехать, ссылаясь на болезнь, но приехавший за ним передал слова секретаря Сталина — Поскребышева, что это приказ и обсуждению не подлежит. На следующий день,

⁷⁰ Литературное наследство. Т. 70: М. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963. С. 277.

⁷¹ К. Федин. Собр. соч. Т. 10. М., 1986. С. 374.

⁷² Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Т. 4. М., 1960. С. 492, 494.

⁷³ Архив А. М. Горького. Т. X. Кн. 1: М. Горький и советская печать. М., 1964. С. 372. Отметим, что в январе 1935 Шолохов был в Париже и, видимо, встречался с Эренбургом (в довоенные годы у них были хорошие отношения); о пребывании Шолохова в Париже упоминает Л. М. Козинцева-Эренбург в письме В. А. Мильман 21 января 1935 («Сегодня в Москву уезжает Шолохов, он был здесь два дня». — Собрание автора).

⁷⁴ ЛГЖ. Т. 1. С. 470.

⁷⁵ Известия. 1935. 20 июня.

21 июня, когда конгресс уже открылся, он в шитом за сутки новом костюме и пальто выехал вместе с Бабелем в Париж»⁷⁶. В воспоминаниях вдовы Бабеля А.Н.Пирожковой рассказывается о том, что было после того, как Сталин распорядился отправить Бабеля и Пастернака в Париж: «Оформление паспортов, которое длилось обычно месяцами, было совершено за два часа. Это время в ожидании паспорта мы с Бабелем просидели в скверике перед зданием МИДа на Кузнецком мосту. Возвратившись из Парижа, Бабель рассказывал, что всю дорогу туда Пастернак мучил его жалобами: "Я болен, я не хотел ехать, я не верю, что вопросы мира и культуры можно решать на конгрессах... Не хочу ехать, я болен, я не могу!" В Германии каким-то корреспондентом он сказал, что "Россию может спасти только бог". "Я замучился с ним", — говорил Бабель»⁷⁷. «Путешествие мое с Пастернаком достойно комической поэмы», — сообщал Бабель из Парижа московской знакомой⁷⁸. Документально же известно следующее: решение Политбюро о поездке Бабеля и Пастернака на Парижский конгресс было срочно, 19 июня (за два дня до заседания Политбюро), принято поименно («за» проголосовали Калинин, Сталин, Андреев, Каганович, Молотов, Жданов и Микоян, «против» — Ворошилов, что, возможно, объясняется его, как и Буденного, давним неприятием автора «Конармии») ⁷⁹. 19 же июня вечером в Париж прибыла вторая группа советских писателей⁸⁰. На следующий день «Правда», сообщив, что первая группа советских делегатов прибывает (!) на конгресс и назвав М.Кольцова «ранее прибывшим в Париж», написала: «На международный конгресс писателей в защиту культуры в Париж выезжают вернувшиеся в Москву (!) И.Бабель и Б.Пастернак, входящие в состав делегации Союза советских писателей» — это сообщение сразу же (еще до открытия конгресса) должно было успокоить его организаторов, а советским читателям задержку с отъездом Бабеля и Пастернака объяснить тем, что этих писателей якобы не было в столице. Заметим, что парижские «Последние новости» 21 июня, повествуя о прибытии советских писателей на конгресс, информировали своих читателей: «Ожидаются еще Бабель и Пастернак».

А вот рассказ Н.Берберовой: «Наступил третий день конгресса [т.е. 23 июня! — Б.Ф.], и отсутствие Бабеля и Пастернака начало смущать президиум. Эренбург терял голову. Жид и Мальро отправились в советское посольство на улицу Гренель просить, чтобы прислали на конгресс "более значительных и ценных" авторов. Эренбург послал в Союз писателей в Москву отчаянную телеграмму. Наконец Сталин самолично разрешил Бабелю и Пастернаку выехать. Оба успели только к последнему дню. Пастернак приехал без вещей. Мальро дал ему свой костюм. В нем Пастернак вышел на эстраду»⁸¹ — насколько подробности, оживляющие это повествование, соответствуют действительности, ясно из сказанного выше.

⁷⁶ Пастернак Е. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М., 1989. С.513.

⁷⁷ Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С.263.

⁷⁸ Бабель И. Сочинения. Т.1. М., 1990. С.346.

⁷⁹ «Счастье литературы»... Указ. изд. С.194.

⁸⁰ Последние новости (Париж). 1935. 21 июня.

⁸¹ Берберова Н. Железная женщина. М., 1991. С.238-239.

В советской печати работу конгресса освещали корреспонденции ТАСС и сообщения четырех спецкоров: Михаила Кольцова в «Правде», Ильи Эренбурга в «Известиях», Овадия Савича в «Комсомольской правде» и бывшего русского поэта, а затем уже французского писателя-коммуниста Владимира Познера в «Литературном Ленинграде». Характерной «Известиям» информации Эренбург заранее, 8 июня, выяснял в письме главному редактору газеты Н.И.Бухарину: «Вопрос как поставить информацию для "Известий". Какое место хотите Вы отвести? Передавать телеграфом или не нужно? Съезд будет продолжаться пять дней. Открывается 21. Если телеграфом, известите вперед, так как мне нужно раздобыть машинистку, чтобы она все переписывала латинскими буквами, — у меня будет немало хлопот и без этого. Хотите ли Вы также впечатления наших делегатов? Сообщите, с кем Вы договорились, чтобы не вышло недоразумений, повторений и пр. Хотите ли иностранцев — статьи или речи? Я слышал, как К[ольцов] просил у Блока статью для "Правды" о задачах съезда. Словом, обо всем сообщите мне вперед»⁸².

В связи с конгрессом у Эренбурга была прорва забот, не только политических и журналистских. «Размещением делегатов в Париже, — писали «Последние новости» 23 июня, — так сказать, их квартирьером является старый парижский житель Илья Эренбург». Советские делегаты не говорили по-французски, нанять для них профессиональных гидов было не по средствам, и Эренбург мобилизовал для этого жен своих русских приятелей, живших в Париже (писателя и журналиста О.Савича, художников Н.Альтмана и С.Фотинского и др.; Альтман и Фотинский, кстати сказать, делали зарисовки участников конгресса: Альтман для парижского журнала «Lu», а Фотинский для «Литературной газеты»). Вот фрагмент из воспоминаний жены О.Савича: «Эренбург занимался и крупными, и бытовыми вопросами конгресса. Даже подбором переводчиков для делегатов, не знающих французского. Все его русские друзья были мобилизованы. К Фотинским прикрепили Анну Караваеву. Она ежедневно агитировала жену Фотинского француженку Лиан за СССР. Летом в Париже стоит невыразимая духота, и город пустеет. Караваева говорила Лиан: "Духота у вас тут. А у нас в СССР вот такие горы снега!" — "Как? — ужасалась Лиан. — Даже летом?". Мне достались Микитенко и Корнейчук. Корнейчук был еще молоденький и веса не имел. Микитенко поэтому вел себя так, чтобы я занималась только им. Впрочем, его интересовал не столько Париж, сколько фривольные журналы. Вместо Тициана Табидзе на конгресс направили Галактиона. Он не понимал по-французски, но услугами сопровождающих не пользовался. Пошел слух, что он интересуется наркотиками... Помню удивление Эренбурга: как это, не зная языка, Галактион нащупал то, что ему было нужно... Николай Семенович Тихонов упивался Парижем, ходил ночами по городу, был настроен безумно лирически, писал изумительные стихи. Он даже как-то отдалился от нашей делегации и почти все время проводил с Эренбургами и с нами. Его "Парижская тетрадь" рождалась на наших глазах»⁸³. Борис Леонидо-

⁸² РЦХИДНИ. Ф.329. Оп.2. Ед.хр.4. Л.160.

⁸³ Этот цикл стихов Н.Тихонова посвящен Л.М.Козинцевой-Эренбург.

вич Пастернак приехал на конгресс больным. Эренбург встретил его и опекал, а Пастернак все время жаловался: "Я болен, а меня заставили приехать, они меня насильно привезли" и т.д. Это очень тревожило и пугало Эренбурга — Пастернака пустили в Париж по его настоянию, а вдруг Б.Л. повторит с трибуны то же, что все время говорил нам. Но Бориса Леонидовича ждал триумф: когда послышалось его характерное мычание, зал разразился овацией. Речь Пастернака переводил Мальро, переводил со всем блеском своего таланта; он даже как будто продолжил ее от себя. Б.Л. стоял все это время на сцене. После выступления Пастернак за кулисами подавленно спрашивал только об одном: кто его проводит в гостиницу...»⁸⁴.

Речь Пастернака — одна из легенд конгресса.

Вот свидетельства мемуаристов:

«Он [Пастернак. — Б.Ф.] написал проект речи — главным образом о своей болезни. С трудом его уговорили сказать несколько слов о поэзии. Наспех мы перевели на французский язык одно его стихотворение. Зал восторженно аплодировал»⁸⁵.

«В Париже Эренбург прочел ученическую тетрадку, где Пастернак написал подготовленный в дороге французский текст своего предполагаемого доклада. Илья Григорьевич рассказывал, что это был литературный язык прошлого века, на котором нельзя было говорить. Тетрадку он разорвал и попросил Пастернака просто сказать несколько слов о поэзии. В своей книге Эренбург писал, что проект речи был посвящен главным образом болезни, но следствием болезни он счел очень существенную для Пастернака мысль, что культура не нуждается в объединениях и организациях по ее защите, надо заботиться о жизни и свободе людей, при этом культура возродится и утвердится сама по себе, как производное, как плод на этой почве. Пастернак появился на эстраде 25 июня и был встречен аплодисментами. "Андре Мальро перевел речь Пастернака, — писал Эренбург, — и потом прочел его стихотворение "Так начинают..." (в переводе на французский). Съезд ответил долгой овацией. Он понял, что значат слова Мальро: "Перед вами один из самых больших поэтов нашего времени". Тихонов впоследствии говорил, что вместе с Мариной Цветаевой они составили из отрывочных фраз стенограммы текст, который был напечатан в отчете конгресса»⁸⁶.

«Я замучился с ним, — говорил Бабель, — а когда приехали в Париж, собрались втроем: я, Эренбург и Пастернак — в кафе, чтобы сочинить Борису Леонидовичу хоть какую-нибудь речь, потому что он был вял и беспрестанно твердил: "Я болен, я не хотел ехать". Мы с Эренбургом что-то для него написали и уговорили его выступить. В зале было полно народу, на верхних ярусах толпилась молодежь. Официальная, подготовленная в Москве речь Всеволода Иванова была в основном о том, как хорошо живут писатели в Советском Союзе, как много они зарабатыва-

⁸⁴ Савич А.Я. «Минувшее проходит предо мною» (рукопись, собрание автора публикации).

⁸⁵ ЛГЖ. Т.2. С.58-59.

⁸⁶ Пастернак Е. Борис Пастернак... Указ. изд. С.513-514.

вают, какие имеют квартиры, дачи и т.д. Это произвело на французов очень плохое впечатление, именно об этом им нельзя было говорить. Мне было так жалко беднягу Иванова... А когда вышел Пастернак, растерянно и по-детски оглядел всех и неожиданно сказал: "Поэзия... ее ищут повсюду... а находят в траве..." — раздалися такие аплодисменты, такая буря восторга и такие крики, что я сразу понял: все в порядке, он может больше ничего не говорить»⁸⁷.

Слова Пастернака о поэзии в траве широко растиражированы, они вошли в книгу «Международный конгресс писателей в защиту культуры. Париж, июнь 1935. Доклады и выступления» (М., 1936) и в собрание сочинений Пастернака (Т.4. С.632). В 1936 их привел Эренбург в своей «Книге для взрослых»⁸⁸, печатавшейся в «Знамени»; сотрудник редакции А. Тарасенков показал рукопись «Книги для взрослых» Пастернаку, и тот, прочтя отчеркнутое место, заявил Тарасенкову: «Он, конечно, пишет обо мне с самыми лучшими намерениями, я это знаю, но все же это все неверно. Вот и в Париже я ведь говорил серьезные вещи, а он все свел к фразе о том, что "поэзия в траве". Я превращен в какого-то инфантильного человека»⁸⁹. В 1945 Пастернак, рассказывая И. Берлину о парижском конгрессе, так сформулировал вторую, неопубликованную, часть своего выступления: «Я понимаю, что это конгресс писателей, собравшихся, чтобы организовать сопротивление фашизму. Я могу вам сказать по этому поводу только одно. Не организуйтесь! Организация — это смерть искусства. Важна только личная независимость. В 1789, 1848 и 1917 годах писателей не организовывали в защиту чего-либо. Умоляю вас — не организуйтесь!»⁹⁰

Из чьих бы уст ни прозвучали такие слова на конгрессе, они вызвали бы полемику. В устах же делегата СССР они звучали как безусловная сенсация. Между тем, ни одна парижская газета, включая эмигрантские, внимательно и подробно, хотя не сказать, чтобы доброжелательно, описывавшие работу конгресса, повторяю, ни одна газета столь неординарное выступление Пастернака не отметила (с советскими газетами, также ни слова об этом не сказавшими, дело могло обстоять проще — власть никак не заинтересована была информировать читателей о каких-либо скандалах вокруг конгресса, речь могла идти только о его успехе, и редакторы это понимали). Но молчала не только пресса: никто из мемуаристов, писавших о конгрессе (как для печати, так и «в стол»), не упоминает о «второй» части речи Пастернака. Наконец, когда в 1936 на писательских заседаниях началась «проработка» Пастернака и ему инкриминировали прежние идеологически сомнительные или просто косноязычные высказывания, никто не вспомнил тех парижских слов, которые при желании можно было подать как весьма острое политическое блюдо. Более того, сменивший Щербакова в качестве «хозяина» Союза писателей Ставский, выступив в декабре 1936 на Пленуме ССП и резко обрушившись на Пастер-

⁸⁷ Воспоминания А.Н.Пирожковой в кн.: Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С.263.

⁸⁸ Эренбург И. Собр. соч. Т.3. М., 1991. С.521.

⁸⁹ Вопросы литературы. 1990. №2. С.94.

⁹⁰ См.: Пастернак Б. Собр. соч. Т.4. М., 1991. С.883.

нака, цитировал его парижскую речь: «Я, пересматривая документы нашей писательской общественности, натолкнулся на его [Пастернака. — Б. Ф.] выступление на Международном конгрессе защиты культуры. Вы знаете, что такое этот конгресс и для чего мы посылали туда товарищей, посылали представителей советской литературы, самой передовой литературы в мире. Посылали представителей самой молодой, самой революционной литературы, литературы победоносного социализма. Казалось бы, что свое согласие поехать и Пастернак, как и другие товарищи, и свою поездку должен был использовать соответствующим образом. Как использовал эту трибуну Пастернак? Давайте посмотрим: "Поэзия останется всегда той превыше всех Альп, прославленной..." (читает). Удовлетворяет вас речь этого представителя нашей советской литературы на Международном конгрессе защиты культуры, конгрессе борьбы против фашизма? (Голос: Это вся речь?). Это вся речь. Ничего больше. Ни одного слова»⁹¹. Таким образом, никаких записей о второй, крамольной части выступления Пастернака в Париже в СССР не было. Ни одного доноса не поступило! Сегодня, кроме записи И. Берлина, опубликованной лишь в 1981 г.⁹², нет никаких иных подтверждений факта призыва Пастернака к писателям не объединяться⁹³. Загадка остается загадкой.

Не сохранилось и записи речи Бабеля — только мемуарные свидетельства: «Моя речь, вернее, импровизация (сказанная к тому же в ужасных условиях, чуть ли не в час ночи), имела у французов успех» (Бабель, письмо матери и сестре 27 июня 1935⁹⁴).

«Исаак Эммануилович речи не писал, а непринужденно, с юмором рассказывал на хорошем французском языке о любви советских людей к литературе» (Эренбург⁹⁵).

«Удивил всех Бабель: он сел за стол, надел очки и повел изумительную живую и вместе с тем умную беседу по-французски» (А. Я. Савич⁹⁶).

«О своей речи Бабель мне не рассказывал, но впоследствии от И. Г. Эренбурга я узнала, что Бабель произнес ее на чистейшем французском языке, употребляя много остроумных выражений, и что аплодировали ему бешено и кричали, особенно молодежь. Однажды я попросила Эренбурга, уезжавшего во Францию, узнать, не сохранилась ли стенограмма речи Бабеля на конгрессе. Он говорил об этом с Мальро, одним из организаторов конгресса, но оказалось, что все материалы погибли во время оккупации Парижа немцами» (А. Н. Пирожкова⁹⁷).

⁹¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 109. Л. 11-12; цитировалось в статье К. Поливанова «Заметки и материалы к политической биографии Бориса Пастернака» (De Visu. 1993. № 4. С. 74).

⁹² Slavica Hierosolymitana. 1981. V-VI. С. 607.

⁹³ Комментаторы т. 4 собр. соч. Б. Пастернака ссылаются также на монографию Jean Lacouture «Andre Malraux» (London, 1975), где приводятся некие свидетельства А. Мальро на сей счет; возможно, Мальро корректировал перевод речи Пастернака.

⁹⁴ Бабель И. Сочинения. Т. 1. М., 1990. С. 346.

⁹⁵ ЛГЖ. Т. 2. С. 58.

⁹⁶ Цитированная рукопись.

⁹⁷ Воспоминания о Бабеле. М., 1989. С. 264.

Национальные писательские делегации на конгрессе были объединены скорее формальными — каждый западный писатель чувствовал себя самостоятельной единицей. Другое дело рядовые советские писатели: у них были начальники, которым они подчинялись (разве что А. Толстой вел себя независимо и общался с кем хотел; о приехавших в последний день Бабеле и Пастернаке здесь речи нет). Начальников было несколько, и для иностранцев это была загадка: кто есть кто? Кольцов, к которому инициаторы конгресса уже привыкли и который по существу был полномочным представителем Сталина, показной, представительской стороной власти не интересовался; теперь бы сказали, что он был «серым кардиналом»: его заботила стратегия и безотказность механизма. Зато внешние атрибуты власти манили Киршона. Он не успел еще во время роспуска РАППа отвыкнуть от лавров одного из литвождей и в Париже неизменно терся возле Кольцова, а с «рядовыми» делегатами держал себя начальником. Эренбург, чей авторитет для иностранных делегатов был несомненен, среди советских им не пользовался. Более того, тот же Киршон вел себя с ним едва ли не дерзко. Эренбург этого забыть не мог и два года спустя уже в связи с другими делами напомнил в письме к Кольцову: «Когда приехала советская делегация, один из ее руководителей Киршон неоднократно и отнюдь не в товарищеской форме отстранял меня от каких-либо обсуждений поведения как советской делегации, так и конгресса. Я отнес это к свойствам указанного делегата и воздержался от каких-либо выводов»⁹⁸.

Официальным же руководителем советской делегации считался А.С.Щербаков. А.Я.Савич рассказывает, как в дни работы конгресса Эренбург повел Щербакова, Кольцова, Савича и еще кого-то из советской делегации в восточное кафе при парижской мечети: «В кафе было все стилизовано под восток, низкие стульчики и т.д. Зашел разговор о социалистическом реализме — тогда этот вопрос дискутировался, и разговор был горячим. Щербаков очень долго молчал, слушал разговор, а потом тоном наставника изрек всем известную формулу: "Соцреализм — это изображение действительности в ее революционном развитии"». Впечатление было страшное, как будто первоклассник заговорил с профессурой, поучая ее»⁹⁹.

В Париже Щербаков делал для себя краткие записи (они сохранились в его архиве); мы будем еще ими пользоваться, а здесь приведем только начало — приезд делегации и первый день конгресса: «Встреча (Кольцов, Эренбург, Арагон, Эльза...) Отель-Палас. Вечером встреча у Потемкина. Разговор. Позиция Эренбурга (о докладах, о составе делегации, меньше политики, не надо цифр, не надо о материальном положении). Кафе Демагог — все на месте. Редактирование докладов. "Вам дали инструкции согласовывать со мной". Первое заседание. Форстер. Бенда. Геенно отвечает. Киш говорит, Луппол ждет. Приятная неожиданность первого дня — позиция Геенно. Утро — беседы с Потемкиным,

⁹⁸ РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.668. Л.33.

⁹⁹ Цитированная рукопись.

телеграмма. Дневное заседание. Доклад Панферова. Вечер — Кольцов, Эренбург. Блестящая речь Жида»¹⁰⁰.

САМОУБИЙСТВО РЕНЕ КРЕВЕЛЯ

«Третий день — день провокаций», записал для памяти Щербаков¹⁰¹. Имелись в виду два конфликта — они не были неожиданностью, но дирижеры конгресса всячески желали их избежать. Не получилось.

Первый конфликт был связан с сюрреалистами и имел свою историю. 17 июля 1933 «Литературная газета» напечатала памфлет Ильи Эренбурга «Сюрреалисты». Рассказывая читателям об очередном номере французского журнала «Сюрреализм на службе революции», одетом в фосфорическую, светящуюся в темноте обложку, Эренбург дал волю сарказму: «Парижские снобы любят не только коктейли и половые извращения, они любят также "революцию". Сюрреалисты усердно цитируют Гегеля, Маркса и Ленина. Они уверяют своих полоумных читателей, что они "служат революции". Эти фосфорические юноши, занятые теорией рукоблудия и философией эксгибиционизма, прикидываются ревнителями революционной непримиримости и пролетарской чистоты /.../ От Артюра Рембо, который писал гениальные стихи и который сражался за Коммуну, до этих жалких вырожденков, способных только на мелкое ерничество, — шестьдесят лет, вся жизнь целого класса, вся судьба большой культуры». «Литгазету» в Париже не читали, и памфлет Эренбурга обратил на себя внимание лишь осенью 1934, когда парижское издательство «Галлимар» выпустило книгу Эренбурга «Глазами советского писателя» — сборник эссе о французских литераторах, в который вошел и памфлет «Сюрреалисты». Герои памфлета оскорбились. Уже шли переговоры по организации антифашистского конгресса писателей, и вождь сюрреалистов, главный редактор их журнала Андре Бретон вместе с товарищами собирался принять участие в конгрессе. Тут-то и произошел инцидент, который в мемуарах Эренбурга описан так: «Мы сидели ночью в кафе, я вышел, чтобы раздобыть пакет табака. Когда я переходил улицу, подошли два сюрреалиста, один из них [это был Бретон. — Б.Ф.] ударил меня по лицу. Вместо того, чтобы ответить тем же, я глупо спросил: в чем дело?»¹⁰². Организаторы конгресса (друзья Эренбурга) были возмущены выходкой Бретона и постановили лишить его права участия в работе конгресса. Вокруг этого возник затяжной скандал; сюрреалисты трактовали события как сугубо политические, как типичный для коммунистов зажим.

Тридцатипятилетний писатель Рене Кревель, в недавнем прошлом один из самых активных сюрреалистов, а в ту пору склонный к разрыву с ними, всю эту историю переживал очень болезненно. За день до открытия конгресса он покончил с собой, открыв на кухне газ. Ален и Одетт

¹⁰⁰ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.467. Л.6.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² ЛГЖ. Т.2. С.60.

Вирмо пишут о Кревеле в книге «Мэтры сюрреализма»: «Жизнь сжатая, насыщенная, раздираемая бисексуальными страстями, отмеченная трагедией. Персонаж, оставшийся загадкой, он не создал большого количества произведений, но сюрреализм обязан ему многим»¹⁰³. Близкий друг Кревеля немецкий писатель Клаус Манн сохранил для нас его портрет: «Он был чист сердцем. Его глаза были очень красивы, широко распахнутые глаза неопределенного цвета. Он говорил скороговоркой, по-детски мягкими, чуть пухловатыми неловкими губами. Он не был корректен. Он ненавидел глупое и скверное. Он жаловался на подлость, хотя должен был знать, что она могущественна. Могущественное ему не imponировало. Он был бунтарем. Бунтарь нашел мэтра — Андре Бретона, главу клики сюрреалистов /.../ Некоторые из приверженцев Бретона — прежде всего Луи Арагон и Поль Элюар — уже перекинулись к сталинистам»¹⁰⁴. Рене, лояльный, еще колебался /.../ Рене должен был делать не только доклад [на конгрессе. — Б.Ф.], но он заседал также в подготовительном комитете, вместе с Андре Мальро, Андре Жидом и другими, которые считались тогда столпами французского коммунизма»¹⁰⁵. Эренбург рассказывает в мемуарах, что от друзей покойного он узнал: именно вздорная история с пощечиной стала последней каплей для Рене Кревеля. Клаус Манн в книге «На повороте» пишет о более глубоких причинах: «Совершил ли мой друг самоубийство, потому что подрались Андре Бретон и Илья Эренбург? Он совершил самоубийство, потому что был болен. Он совершил самоубийство, потому что страшился безумия. Он совершил самоубийство, потому что считал мир безумным. Почему он совершил самоубийство? Потому что больше не хотел пережить следующие полчаса, следующие пять минут, *невозможно* было больше переживать»¹⁰⁶. Спустя почти сорок лет Луи Арагон, уже уйдя от сталинизма, напишет, размышляя о конфликтах среди сюрреалистов: «Придет время, когда всему этому будет дано удобное упрощенное объяснение, объяснение, которым столько людей удовлетворяются и по сей день. Но что они знают о том, что происходило в пути, о трагических финалах, о Кревеле, об историях, которые никогда не будут написаны? Не указывайте на них, на нас своими чернильными пальцами, вы, упростили драм, вы, кто пытается дать всему удовлетворительное, успокоительное объяснение "так уж получилось", позволяющее идти дальше и сдавать прошлое в архив, как сдают дела о нераскрытых убийствах»¹⁰⁷.

Сюрреалисты искали скандала; в этом смысле гибель Кревеля была им на руку. Написанную Кревелем речь «Индивид и общество» на конгрессе прочел Арагон; пользуясь случаем, он сказал о себе: «Несколько дней тому назад трагически погиб наш товарищ и друг Рене Кревель. Он активно участвовал в подготовке к конгрессу. Сегодня вечером он должен был выступать с этой трибуны /.../ Кревель, в прошлом сюрре-

¹⁰³ Вирмо А. и О. Мэтры сюрреализма. СПб., 1996. С.113.

¹⁰⁴ Элюар это сделал позже Арагона, в 1938.

¹⁰⁵ Манн К. На повороте. М., 1991. С.349.

¹⁰⁶ Там же. С.349-350.

¹⁰⁷ Арагон Л. Огонь Прометея. М., 1987. С.516-517.

алист, сумел целиком перейти на позиции пролетариата. Помню, как совсем недавно он говорил мне, что еще никогда так не волновался и не радовался, как произнося от имени Ассоциации революционных писателей и художников Франции речь 1 мая перед рабочими города Булонь» (приведя эти слова Арагона в своих «Письмах с конгресса», В.Познер сообщил о реакции на них: «Зал, стоя, аплодирует»¹⁰⁸).

Это было на вечернем заседании 22 июня (его программу заранее объявил в «Правде» Кольцов: «Будет вопрос "Индивидуум и общество"». Докладчиком выступит Андре Жид, содокладчиками Андре Мальро, австрийский писатель Музиль, Макс Брод, Илья Эренбург»¹⁰⁹). В речи Кревеля был отзвук эренбургского памфлета и спор с ним; Кревель говорил о сюрреализме, как о пути, который был указан Рембо («попытки осветить именно то, что буржуазное общество хочет удержать во власти обскурантизма и предрассудков»), но, продолжал Кревель, — «именно благодаря его влиянию на чувствительность эпохи, сюрреалистическое движение вышло из рамок группы сюрреалистов». А дальше шло недвусмысленное заявление: «Я объявляю, что я больше не принадлежу к этой группе, искания которой, несмотря на их культурный интерес, не заслуживают больше внимания». Заключительные слова речи звучали как политическое завещание: «Не попытаться согласовать свой внутренний ритм с диалектическим движением мира — это означает для индивида подвергнуть себя опасности потерять всю свою ценность и всю свою энергетическую мощь. Это означает в конце концов опуститься среди старых марионеток реакции»¹¹⁰. После этих слов, как вспоминает Эренбург, зал снова встал.

Сюрреалисты получили возможность выступить лишь 24 июня (ТАСС информировал об этом без подробностей: «На вечернем заседании выступили Л.Муссиак, Н.Тихонов, А.Зегерс, Эллис, М.Голд, Г.Манн, К.Манн, Тристан Тцара и Поль Элюар. Во время выступления Тихонова в зал вошел приехавший на съезд Б.Пастернак, которому была устроена овация»¹¹¹). Эренбург вспоминал: «Элюар потребовал слова. Зал всполошился: начинается!.. Кто-то истошно кричал. Муссиак, который председательствовал, спокойно предоставил слово Элюару, бывшему тогда правоверным сюрреалистом. Элюар прочел речь, написанную Бретоном; в ней, разумеется, имелись нападки на конгресс — для сюрреалистов мы были консерваторами, академиками, чинушами. Но полчаса спустя журналисты разочарованно отправились в буфет — все кончилось благополучно»¹¹². Это подтверждает и Анри Барбюс, делясь впечатлениями о конгрессе в письме Щербакову от 4 июля 1935: «Речь сюрреалиста Элюара не произвела большого впечатления, и о ней почти не говорили»¹¹³.

¹⁰⁸ Литературный Ленинград. 1935. №30. 2 июля.

¹⁰⁹ Правда. 1935. 21 июня.

¹¹⁰ Международный конгресс писателей в защиту культуры. М., 1936. С.194, 197.

¹¹¹ Известия. 1935. 26 июня.

¹¹² ЛГЖ. Т.2. С.61.

¹¹³ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.606. Л.10.

Отчитываясь в Москве о проделанной работе и о ходе конгресса, Щербаков о речи Элюара сказал коротко: «Было выступление сюрреалистов — такое бедное, такое нищее, что на него даже не понадобилось отвечать. Арагон в своем заключительном слове несколько слов сказал, насколько оно было жалкое»¹¹⁴.

Михаил Кольцов на том же заседании, говоря о происках сюрреалистов, вспомнил великого чешского поэта Витезслава Незвала, активного гостя Первого съезда советских писателей, который в знак солидарности с Бретоном не приехал на Парижский конгресс: «Наш друг Незвал¹¹⁵, которого мы считали очень близким, этот человек, свихнувшись на сюрреалистических теориях и примкнув к сюрреалистам, этим самым очутился в лагере наших врагов. Сюрреализм на Западе в условиях буржуазного общества развернулся почти в фашистское течение, и Незвал, присоединившийся к этому течению и, благодаря своему темпераменту, ставший агрессивным помощником А.Бретона, он, сам того не осознавая, попал в лагерь наших врагов»¹¹⁶. В послевоенные сталинские годы, когда имя Кольцова давно уже было проклято, Незвалу долго не забывали его сюрреалистического прошлого, несомненно, ускорив его кончину, — это была еще одна жертва скандала 1935 года.

СВОБОДУ ВИKTOPУ СЕРЖУ!

23 мая 1935 Кольцов писал Щербакову: «Настроившись на "широкий охват", организаторы и, в частности, коммунисты, переборщили через край и привлекли в число участников съезда и даже инициативной группы несколько людей, выступлений которых они теперь очень опасаются. Например, фашиствующий Жюль Ромен, троцкиствующий Анри Пулайль и т.п. Целые заседания уходят на споры, как отразить их возможные прогитлеровские или даже антисоветские [как выразительно это "даже"! — *Б.Ф.*] речи»¹¹⁷; затем Кольцов снова возвращается в письмо к этой теме: «Здесь уже примирились с мыслью о наличии троцкистских, антисоветских выступлений (дело Виктора Сержа, "красный милитаризм") и толковали только о том, что отвечать»¹¹⁸.

Упомянутый Кольцовым французский писатель и публицист Виктор Серж, он же Виктор Львович Кибальчич (1889-1947), потомок русских революционеров-народников, родился в Бельгии. В 1919 (по другим сведениям — в 1917) приехал в Россию; посылал корреспонденции в редактируемый Барбюсом журнал «Кларте». В 1922-1926 — за границей, затем вернулся в СССР. Печатался в журнале Барбюса «Монд». Участник ленинградской оппозиции; в 1928 арестован как троцкист. В 1930 в Париже

¹¹⁴ РГАЛИ. Ф.631. Оп.15. Ед.хр.47. Л.12.

¹¹⁵ Стенографистка не расслышала незнакомой фамилии и писала: «Незло»; так в стенограмме и осталось.

¹¹⁶ РГАЛИ. Ф.631. Оп.15. Ед.хр.47. Л.18.

¹¹⁷ «Счастье литературы»... Указ. изд. С.189.

¹¹⁸ Там же. С.190.

вышла его книга «Les hommes dans la prison» («Люди в тюрьме»). В 1933 снова арестован в Ленинграде и выслан с семьей в Оренбург.

Выступления в защиту Виктора Сержа на парижском конгрессе действительно состоялись, но советские газеты о них не сообщали, ни слова не было сказано об этом и на отчете советской делегации в Союзе писателей 21 июля 1935. (Щербаков ограничился общим описанием: «Были выступления двух троцкистов. Этих троцкистов, опять-таки не преувеличивая, стерли в порошок /.../ Эта кучка людей испробовала тактику классовых врагов, которые и у нас эту тактику осуществляют, пытались нагадить, напортить каким угодно способом. Не вышло»¹¹⁹.) Не упоминает Виктора Сержа и Эренбург в книге «Люди, годы, жизнь» (сказать всей правды о делах такого рода он себе позволить не мог, да и цензура была жестока, приходилось выбирать умолчание).

О парижской «полемике» вокруг дела Виктора Сержа рассказывается в «Устной книге» Н.Тихонова: «Однажды мне вдруг сказали, что я должен выступить вот по какому случаю. В Ленинграде арестован троцкист, которого зовут Виктор Серж (я понятия не имел, кто это такой), и по этому поводу завтра утром на заседании будет выступать Мадлен Паз, и я должен ей отвечать. Тогда я спросил: "А почему я?" — "А потому, — мне сказали, — что вы из Ленинграда. Больше никого из Ленинграда тут нет". Я говорю: "Я совершенно ничего не знаю, ни этого Виктора Сержа, ни что он там натворил". — "Ну, все равно вы должны выступать". Когда я на следующий день пришел на заседание, я попросил показать мне Мадлен Паз. Она что-то записывала в блокнот. Она была высокая, черноглазая, низко опущенные на уши черные волосы, черное платье, белоснежный воротничок. В публике было много белогвардейцев. Мадлен Паз выступила. Мне переводили, но это, собственно, роли не играло, я заранее знал, в чем соль ее выступления, и у меня был готов ответ, я бы сказал, якобинский такой. Я был очень зол: какого черта я должен выступать против какого-то там Сержа? Одним словом, я выступил так, что они затихли. На этом и надо было кончать. Но дело в том, что меня переводил француз, и переводил неточно, безжизненно и, видимо, делал какие-то ошибки, и мои противники ко мне придрались. Мадлен Паз выступила второй раз и сказала, что ее не удовлетворяет ответ (то есть перевод этого француза окаянного). Надо было против нее кого-то выставить. Выступил Эренбург. Ничего не подействовало. Паз взяла слово в третий раз. Тогда от нас выступил я не помню кто — то ли Панферов, то ли кто-то еще¹²⁰. В общем получился какой-то нехороший оттенок. И все решил Андре Жид. Он имел тогда очень большой авторитет, и он сказал: "Довольно! Мы запрещаем вам задевать страну Советский Союз, кото-

¹¹⁹ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.400. Л.14.

¹²⁰ Выступал В.Киршон. Характерно, что и А.Караваева в книге очерков «Июнь в Париже», посвященной конгрессу, перечисляя выступавших с ответом М.Паз, не упоминает расстрелянного Киршона, как, впрочем, и оклеветанного А.Жида, зато широко использует клише конца 1930-х: «вылазка кучки отщепенцев», «троцкистские подонки», «опозоренная шайка» и т.д. (Караваева А. Собр. соч. Т.5. М., 1958. С.317).

рую мы любим. Свою любовь к ней мы выражаем прежде всего тем, что полностью, всем сердцем нашим и умом, доверяем ей!“ А после него взяла слово Анна Зегерс. Она выступала очень резко и сказала так: ”Вы говорите в то время, когда летят головы моих друзей. В Германии рубят головы, вы это представляете себе?“ И она так страстно и так замечательно говорила, что наши противники потеряли опору и начали отступать, и все кончилось в нашу пользу»¹²¹.

«Правда» 26 июня сообщила об этом с присущей советской прессе полнотой информации: «Затем французский писатель Андре Жид, немецкая писательница Анна Зегерс и советские писатели тт. Тихонов, Эренбург, Киришон при бурных овациях делегатов дали резкий отпор двум троцкистам, пытавшимся использовать трибуну конгресса для гнусных антисоветских выпадов».

Со стороны советских делегатов никаких (ни явных, ни тайных) движений в защиту В.Сержа, разумеется, не было, хотя можно понять стремление исследователей их обнаружить. (Так, Л.Флейшман в чрезвычайно информативной монографии «Борис Пастернак в 30-е годы» строки из письма Пастернака жене 14 августа 1935: «Исхода письма к Калинин, правда, жду, как чего-то нашего с тобой, как ребенка: родим свободу Виктору» — трактовал как относящиеся к Сержу, со всеми вытекающими отсюда политическими дивидендами для своего героя)¹²². Однако, как убедительно показывают комментаторы этих писем, речь идет о В.Ф.Анастасьеве¹²³).

Н.Берберова выступления в защиту В.Сержа описывает так: «На второй день произошел инцидент во время выступления Андре Бретона; он задал несколько вопросов о сталинизме, о Сталине, о системе управления в Советском Союзе, а также о Викторе Серже, троцкисте, французском писателе, чудом вырвавшемся из Советского Союза совсем недавно. Но вопросы бывшего коммуниста, ушедшего из партии, первого поэта среди дадаистов, основателя сюрреализма, остались без ответов. Арагон и Эренбург не дали слова ораторам по этим вопросам и прекратили выкрики с мест. Мальцов пытался дать слово друзьям Сержа, но ему не дали это сделать. Кольцов заявил, что Серж замешан в убийстве Кирова. В зале раздался свист»¹²⁴. (Увы, опровержения требуют многие места: о Серже говорили не на второй день конгресса; А.Бретон на конгрессе не выступал; в тексте его речи, зачитанной Элюаром, о Серже не говорилось; прочие подробности также имеют мало общего с тем, что было на самом деле.)

В «Записках» А.С.Щербакова эти события описаны конспективно; имя Сержа при этом не упоминается: «Третий день — день провокаций. История с поддельным письмом М.Голда. Выступление сюрреалистов. Дайте слово Мадлен Паз. Разговор (резкий) с Эренбургом в Демагог [Эта фраза вычеркнута. — Б.Ф.]. Утро четвертого дня — выступления троцкистов.

¹²¹ Вопросы литературы. 1980. №8. С.173-174.

¹²² Флейшман Л. Борис Пастернак в 30-е годы. Иерусалим, 1984. С.251.

¹²³ Борис Пастернак. Письма З.Н.Пастернак; З.Н.Пастернак. Воспоминания. М., 1993. С.445.

¹²⁴ Берберова Н. Железная женщина. М., 1991. С.238.

Ответы. Колебания "друзей". Вышвыриваем белых. Жид мрачен. Мальро отказывается от секретарства. (Обострение отношений Мальро и Арагона. В "Юманите" ни слова о речи Мальро.) Разговор с Эренбургом. Совещание у Барбюса в "Монде" о проекте решения. Фракция. Совещание делегатов. Колебание англичан по вопросу о резолюции. Зацепили через практические вопросы. Совещания по вопросу о составе Бюро. Жид и французы о Бабеле и Пастернаке. Совещание секретариата. Мальро крутит. Последний вечер. Толпы, полиция, зал. Выступление Киршона, Пастернака, Бабеля. Вечер напряжения. Попытки троцкистов прорваться на трибуну. Обращаются Вильдрака. Контратака через Лахути. Появление Леона Блюма. Срочные поиски Вайяна [Кутюрье. — Б.Ф.]. Блюм не получает слова»¹²⁵.

В письме Анри Барбюса Щербакову 4 июля 1935, где подводились итоги конгресса, обо всем, что касалось дела Виктора Сержа, написано подробно, но в осторожно многословных выражениях:

Никаких значительных неприятных инцидентов не произошло. Мы опасались двух: одного со стороны сюрреалистов и другого — со стороны троцкистов. /.../ Что касается троцкистов, они сосредоточили свои усилия вокруг дела Виктора Сержа. Мы устроили так, чтобы этот спор, инициатива которого принадлежала Мадлен Паз и бельгийскому писателю Плинье, окруженным некоторым числом сторонников, развернулся на одном из немногих заседаний конгресса, которые не проходили в большом зале. Надо отметить, что ответ советских писателей на хорошо подготовленное нападение Мадлен Паз в сентиментальном плане не был достаточно точным в части опровержения некоторых определенных подробностей, приведенных Мадлен Паз о якобы плохом обращении, которому подвергся Виктор Серж, а также того факта, что якобы его активные выступления против правительства СССР и партии, по ее уверению, были только в частных письмах к друзьям (что является неверным, хотя бы поскольку это относится к книге Панаита Истрати, документированной с полной очевидностью¹²⁶). Впрочем, большинство на Конгрессе ни в коей мере не присоединились к Мадлен Паз, Плинье¹²⁷ и их друзьям, и инцидент не распространился за пределы этого узкого заседания. Надо сказать, что Сальвемини в большом пленарном заседании на

¹²⁵ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.467. Л.6.

¹²⁶ Имеется в виду трехтомник П.Истрати «К другому пламени» (Париж, 1929), подготовленный после его поездки в СССР; второй том был написан В.Сержем, третий — Б.Сувариним.

¹²⁷ Бельгийский поэт Шарль Плинье (1896-1952), выступая на конгрессе, напомнил делегатам, что в то время, когда он с оружием в руках защищал русскую революцию, «многие из здесь присутствующих советских писателей стояли в стороне или сидели на Монпарнасе» — см.: Флейшман Л. Указ. соч. С.250.

этот раз сделал недоброжелательный намек на дело Виктора Сержа¹²⁸, что вызвало в зале несколько различных течений. По этому поводу напоминаю, что уже давно я особенно сигнализировал нашим товарищам о важности обстоятельства всяческого использования этого инцидента всеми врагами СССР во всех интеллигентских кругах и что равным образом я особенно просил, чтобы весьма обоснованный ответ на все преувеличенные или искаженные факты, которыми нам прожужжали уши, был представлен в президиум Конгресса.

Чтобы открыть скобки по этому вопросу, я думаю, что дело вновь всплывет именно вследствие этого инцидента, который, как я указывал, не повлиял на ориентацию Конгресса, но, как я заметил из отдельных частных признаний, получил отголосок в умах многих молодых писателей. Итак, я вновь повторяю то, о чем просил уже столько раз: надо было бы, чтобы в «Монде», например, можно было окончательно урегулировать это дело, являющееся одновременно и смешным и одиозным, о «преследованиях» и «невинности» Виктора Сержа. Добавлю, что Андре Жид и, если не ошибаюсь, Ромен Роллан в свое время подписали воззвание, исходящее от интеллигентов-троцкистов в пользу Виктора Сержа. Меня неоднократно резко осуждали в газетах и в листовках за то, что я занимаю определенную позицию в этом деле, в котором противники, разумеется, играют на «свободе мысли и культуры» и пытаются отождествить советскую власть с фашистским режимом.

Все наши друзья, по их выражению, «отравлены» недостатком информации по поводу предполагаемых истязаний и корректной, якобы, позицией Виктора Сержа. Андре Жид употребил свой авторитет, чтобы помешать началу кампании по этому поводу в «Нувель Ревю Франсез»¹²⁹.

Обращаясь с этим письмом к Щербакову, Барбюс скорей всего не знал, что 28 июня в Кремле между Сталиным и Роменом Ролланом состоялся такой разговор:

«Роллан: Вы сослали Виктора Сержа на 3 года в Оренбург; и это было гораздо менее серьезное дело, но почему допускали, чтобы оно так раздувалось в течение двух лет в общественном мнении Европы. Это писатель, пишущий на французском языке, которого лично я не знаю;

¹²⁸ Газтано Сальвемини (1873-1957) — итальянский писатель, покинувший Италию после прихода к власти Муссолини, преподавал в США. Участник Парижского конгресса, он заявил в своем выступлении, что борьба с фашизмом затрудняется подавлением свободы мысли в СССР, и назвал имена В.Сержа и Л.Троцкого — см.: Флейшман Л. Указ. соч. С.249.

¹²⁹ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.606. Л.10-12.

но я являюсь другом некоторых из его друзей. Они забрасывают меня вопросами о его ссылке в Оренбург и о том, как с ним обращаются. Я убежден, что вы действовали, имея серьезные мотивы. Но почему бы с самого начала не огласить их перед французской публикой, которая настаивает на его невиновности? Вообще, очень опасно в стране дела Дрейфуса и Каласа допускать, чтобы осужденный стал центром всеобщего движения.

Сталин: /.../ Что же касается Виктора Сержа, я его не знаю и не имею возможности дать вам справку.

Роллан: Я тоже его лично не знаю, лично я слышал, что его преследуют за троцкизм.

М.П.Роллан: Это французский писатель, внук Кибальчича, троцкист.

Сталин: Да, вспомнил. Это не просто троцкист, а обманщик. Это нечестный человек, он строил подкопы под Советскую власть. Он пытался обмануть Советское правительство, но это у него не вышло. По поводу его троцкисты поднимали вопрос на конгрессе защиты культуры в Париже. Им отвечали поэт Тихонов и писатель Илья Эренбург¹³⁰. Виктор Серж живет сейчас в Оренбурге на свободе и, кажется, работает там. Никаким мучениям, истязаниям и проч., конечно, не подвергается. Все это чушь. Он нам не нужен, и мы его можем отпустить в Европу в любой момент.

Роллан (улыбаясь): Мне говорили, что Оренбург — это какая-то пустыня.

Сталин: Не пустыня, а хороший город»¹³¹.

Находясь в Москве и регулярно общаясь с Горьким, Роллан, несомненно, обсуждал с ним вопрос о В.Серже; возможно, Горький обещал Роллану после его отъезда из СССР не оставлять своим вниманием этот, вроде бы решенный, вопрос. Во всяком случае, 29 июля 1935 Горький рассчитанно дипломатично писал главе НКВД Г.Г.Ягоде: «Может быть Вы, действительно, найдете возможным выгнать Кибальчича из Союза и возратить ему рукописи его? Я, разумеется, ничего не советую, но мне кажется, что — так или иначе — следовало бы уничтожить и этот жалкий повод для инсинуаций против Союза со стороны бездельников и негодяев, которым, к сожалению, кто-то верит»¹³².

Сразу же после парижского конгресса в Москву поступило письмо корреспондента ТАСС в Париже писателя Виктора Кина, в котором руководство советской делегации, т.е. прежде всего М.Кольцов, обвинялось в недостаточно эффективных действиях против троцкистских вылазок на конгрессе. Кольцову и Щербакову пришлось объясняться с начальством. Тон их ответного письма, содержащего важную информацию о работе конгресса, был резким. Машинописная копия этого письма с ручной правкой сохранилась в архиве А.С.Щербакова; фамилия адресата вписана от руки; на письме — гриф «Секретно», дата — июль 1935.

¹³⁰ Сталин, как видим, оперативно информировался о том, что происходило на Парижском конгрессе. Скорее всего, информация поступала от М.Кольцова.

¹³¹ Источник. 1996. №1. С.143, 147, 148.

¹³² Неизвестный Горький. М., 1994. С.191.

Письмо т.В.Кина, являясь в целом ряде мест политически ошибочным, вместе с тем полно самой недобросовестной лжи. Мы считаем неслыханным, чтобы работник, посаженный в Париже для информации Москвы, позволял себе в такой степени грубо искажать факты, сообщая совершенно обратное тому, что происходило в действительности.

Фактическая сторона дела:

О готовящемся выступлении троцкистов нам было известно не за три дня, как Кину, а значительно раньше. Еще за три недели до конгресса Кольцов из Парижа предупредил о готовящемся троцкистском выступлении за освобождение Виктора Сержа. В связи с этим мы:

а) получили в НКВД данные о Серже в том размере, в каком их можно было оглашать.

б) Устроили (с колоссальными трудностями и при активном содействии Мальро), чтобы выступление это произошло не в большом зале, в присутствии публики, а на закрытом заседании, в малом зале на 250 человек.

в) Выработали текст выступления Тихонова, согласовав его с полпредом.

г) Добились того, что влиятельный писатель Пулайль, намеревавшийся по наущению троцкистов выступить за Сержа, отказался от этого, передав слово Мадлене Паз, малоизвестной троцкистской журналистке.

д) Выступление Эренбурга (политически прожженного человека, а не младенца, как его наивно называет Кин) было в данном случае правильным и нужным.

е) Германская писательница Анна Зегерс выступила остро, блестяще и с успехом.

ж) Выступление Киршона с ответом бельгийскому троцкисту, тут же правильно переведенное Арагоном, свидетельствует о нашей организованности, а не об обратном.

з) Выступление Андре Жида было полностью в нашу пользу, при внешней объективности его формы. Только человек, намеренно желающий извратить действительность, мог его истолковать иначе. Кин противоречит сам себе, осуждая выступление Жида и тут же говоря, что лишь авторитет Жида спас положение.

Кин клеветнически заявляет, что «с Жидом, разумеется, никто не говорил». Между тем, выступление Жида не только было известно нам заранее, но мы даже внесли поправки в его первую

редакцию (через Эренбурга). Об организованности и подготовленности нашей делегации свидетельствует и то, что мы сумели своевременно вскрыть и отбить бесчисленные провокации троцкистов, их попытку использовать либералов-англичан, Вильдрака, притащивших на конгресс Леона Блюма¹³³ и т.д.

Политическая сторона дела:

Основным аргументом по вопросу о Викторе Серже мы выставили полное право советской власти применять к советским гражданам, и в первую очередь к занимающимся контрреволюционной деятельностью, все государственные законы. Этот аргумент оказался решающим для собрания, которое, полностью признав суверенные права Советского Союза в отношении своей внутренней политики, именно поэтому отказалось от дальнейших прений по данному вопросу. Кин же, на которого, по-видимому, длительное пребывание за границей повлияло в дурном смысле, находит этот аргумент «очень мало убедительным». Он предпочел бы, чтобы мы пустились на конгрессе вместе с троцкистами в обсуждение деяний Виктора Сержа, степени его проступков, их оценки и т.д. Именно этого добивались троцкисты, желая втянуть конгресс в подобную дискуссию «по существу». Мы не допустили этого.

К этому надо добавить следующее. Вопрос о Викторе Серже — вопрос старый. Еще полтора года назад многие из писателей (Мальро, Блок, Арагон и др.) просили различные инстанции снабдить их фактическим и исчерпывающим материалом о Викторе Серже. Не случайно, что и Ромен Роллан, приехав в СССР, тоже наводил справки по этому вопросу.

В Париже наши друзья ждали от нас, что мы по меньшей мере развернем перед аудиторией обвинительный акт с подробным перечислением всех преступлений В.Сержа или заявим, что В.Серж органами власти отпущен на свободу. Последнее — особенно бы устроило наших французских товарищей (включая и таких, как Барбюс), которым надоело возиться с вопросом о В.Сер-

¹³³ Лидера французских социалистов и будущего правительства Народного фронта пригласили на конгресс выступить в защиту Виктора Сержа. М.Кольцов с нескрываемой издевкой рассказывал на заседании Правления ССП 21 июля 1935: «В последний вечер в комнате президиума появляется почтеннейший Леон Блюм и просит слова. Его отговаривают, ему говорят, что конгресс чисто писательский. Он в ответ: я тоже писатель (смех в зале). И тогда один из руководителей конгресса сказал: "Знаете, аудитория такова, что она больше коммунистически настроена, для вас могут выйти неприятности". Это его убедило (смех)» (РГАЛИ. Ф.631. Оп.15. Ед.хр.47. Л.31).

же. Видимо, Кин ждал такого же исхода. Ясно, что с этой стороны мы кое-кого удовлетворить не могли.

Кин пытается изобразить дело так, будто выступление двух троцкистов было каким-то заметным политическим событием. Мы не знаем, паника или какие-нибудь другие побуждения заставляют его так фантазировать. Выступления всех ораторов против троцкистов встречались бурными аплодисментами всех делегатов. По окончании речи Жида зал стоя устроил ему овацию, осталась сидеть лишь группа в пять человек троцкистов, с видом побитых собак. Ложь, будто Мадлен Паз аплодировала Жиду.

Реальный результат выступлений троцкистов: а) Паз не осмелилась после данного ей отпора огласить текст письменного запроса Советскому правительству, который она хотела предложить для принятия конгрессу. б) Парижская печать, подробно писавшая о конгрессе, совершенно не уделила места и внимания данному инциденту (кроме статьи самой Паз).

Клеветой является приписывание Мальро зажима наших ораторов [далее зачеркнуты слова: «и изъявление им сочувствия со стороны зала». — *Б. Ф.*]. Ссылки на троцкистские симпатии Мальро доказывают, что Кин совершенно отстал в своей информации. После кратковременной близости с троцкистами Мальро резко и демонстративно повернул в нашу сторону¹³⁴ и, в частности, на конгрессе оказал нам огромные услуги. Трудно гарантировать убеждения Мальро в будущем, но сейчас этот крупный талантливый писатель и блестящий оратор, несмотря на все завывания буржуазии, идет в основном с нами. Подобного человека надо отбивать от буржуазии, а не отталкивать его муссированием разговоров о его былом троцкизме, чем занимается Кин.

В силу изложенного мы считаем оценки эпизода с троцкистами и действия советской делегации, данные Кином, клеветническими и недобросовестными, а потому — не партийными.

Поскольку тов. Кин очень близок к полпредству и в своем письме берет на себя защиту его прав, мы считаем нужным добавить следующее.

Тов. Кин, как постоянный работник ТАССа в Париже, ничем советской делегации не помог, ни связей, ни знакомств в ее рас-

¹³⁴ Троцкизмом здесь называется, в частности, защита Троцкого, от чего Мальро никогда не отказывался. Характерно, что, выступая в 1949 против сталинской тоталитарной угрозы Европе и отвергая обвинения в том, что он не вспоминает свое участие в Испанской войне, Мальро сказал: «Мы не отказываемся от Испании, стоя на этой трибуне. Пусть какой-нибудь сталинист осмелится подняться на нее, чтобы возвысить свой голос в защиту Троцкого» (Андре Мальро — писатель и человек действия // *Невское время*. 1996. 26 ноября).

поражение не предоставил, на конгрессе ограничился ролью стороннего наблюдателя, подобно буржуазным журналистам, сидевшим за столом прессы. Присланное им клеветническое письмо является единственным проявлением интереса к нашей работе.

Полпред тов. Потемкин при первом же визите делегации к нему (через полчаса после приезда в Париж) заявил, что «конгресс не ко времени, он мне мешает и вредит, лучше бы его не созывать». При следующих встречах говорил: «Видел Эррио, он протестует, обвиняет нас, что мы говорим о пакте¹³⁵, а сами ввозим 20 агитаторов». Несомненно, Эррио запугивал тов. Потемкина и пытался втирать очки. Но это определило отрицательное отношение тов. Потемкина к конгрессу и к советской делегации, отношение, которого он не скрывал. Такой стиль, не без ведома полпреда, передался аппарату полпредства. Мы не можем сказать, что нашли в полпредстве помощь и поддержку. Несколько мелочей, о которых мы просили, были сделаны с натугой и рассматривались как большое одолжение нам. Нас заставляли за все платить. И мы из средств делегации оплатили тов. Потемкину прием, который он устроил по случаю приезда делегации. Платили за телеграммы, платили полпредской машинистке за перепечатку бумаг. Сейчас еще с нас стараются получить за телеграммы, посланные нами через полпредство в ЦК. Учитывая парижскую обстановку, мы конфликта не затевали... Само собой разумеется, что все доклады и выступления с полпредом были согласованы.

Намеки Кина о «стремлении приписать себе часть успеха конгресса» являются возмутительными. Мы позволяем себе думать, что данное нам поручение мы выполнили [зачеркнуто: «как это в другом письме признает и Кин». — Б.Ф.]; успех же конгресса был определен успехом и партии, и Советского Союза, и острой международной обстановкой. Нечистоплотные намеки Кина выдают истинные его побуждения при посылке письма.

Кольцов, Щербаков¹³⁶

Писатель Виктор Павлович Кин (Суровикин; 1900-1937), автор знаменитого в тридцатые годы романа «По ту сторону» (1928), в 1931-1936 заведовал отделением ТАСС сначала в Италии, затем во Франции. И его самого, и его жену Ц.И.Кин, в Париже работавшую референтом отдела

¹³⁵ Речь идет о подписанном в Париже 2 мая 1935, накануне визита в Москву министра иностранных дел Франции П.Лавалья, пакта о взаимной помощи между Францией и СССР (пакт подписали П.Лаваль и полпред СССР В.П.Потемкин; в информации ТАСС, опубликованной 12 апреля 1935, пакт именовался «конвенцией безопасности»).

¹³⁶ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.476.

печати советского полпредства, связывали вполне дружеские отношения с В.П.Потемкиным, советским полпредом сначала в Италии, потом во Франции. Текст письма В.Кина о Парижском конгрессе мы, к сожалению, не располагаем. В больших воспоминаниях Ц.И.Кин (Страницы прошлого // Новый мир. 1969. №5,6), посвященных преимущественно 1931-1937 годам, о Парижском конгрессе писателей нет ни слова (воспоминания обстоятельны и в целом хронологичны, о тогдашних встречах с писателями в них рассказывается подробно и живо, но 1935 год из воспоминаний непонятным образом выпал; предположить, что жена Кина не интересовалась международным конгрессом писателей, собравшим столько знаменитостей, и что она ничего не знала о письме Кина в Москву и о последствиях этого письма, трудно). Заметим также, что образ Виктор Кина, каким он встает из воспоминаний его жены и друзей, менее всего располагает к предположениям об интриганстве — Кин был человек пристрастный, но бесхитростный. Рассказывая о Париже, Ц.И.Кин коротко пишет и об Эренбурге, о немногочисленных встречах с ним в Париже¹³⁷, заключая свой рассказ таким выводом: «Близкие отношения у Кина с Эренбургом не сложились и, мне кажется, не могли сложиться. Очень уж все было разное: среда, интеллектуальное формирование, биографии. Может быть, у Кина (да и у меня) была известная нетерпимость или пристрастность в нашем отношении к людям»¹³⁸ — эта последняя фраза, может быть, содержит ключ к объяснению мотивов, по которым Кин написал свое письмо в Москву, письмо, вызвавшее ответ, обошедшийся ему недешево.

В апреле 1936 В.Кин был отозван из Парижа; в Москве он сначала заведовал отделом в издательстве «Художественная литература», а затем стал редактором газеты «Нувель де Моску». 3 ноября 1937 он был арестован и в том же году расстрелян.

Заметим, что критику в адрес руководства советской делегации на конгрессе высказывал не только В.Кин, но и Бабель. Правда, критика эта высказана им в показаниях, данных на Лубянке в 1939, куда он был доставлен по обвинению в том, что, будучи завербован А.Мальро, стал «шпионом». Однако за вычетом того, что извращалось и подгонялось следователями под формулу обвинения, многое в показаниях Бабеля представляет собой свободный и правдивый рассказ, немыслимый в условиях тогдашней жизни на «свободе»: «Все дело организации советской делегации было поставлено безобразно; состав делегации (Щербаков, Кольцов, Киршон, А.Толстой, Караваева, Вс.Иванов, Микитенко, Панч, Пастернак, Тихонов, я и др.) был неавторитетен и неубедителен для других делегаций. Руководство делегации (Щербаков и Кольцов) апробировали доклады, звучавшие смехотворно. Так, например, доклад Иванова о материальном положении сов. писателей. О том, что у каждого из них есть определенная кубатура жилой площади с кухней и ванной. С ответами троцкистам неизменно выступал Киршон, наиболее одиозный из членов делегации; в то же время ни у меня, ни у Пастернака никто не спро-

¹³⁷ В мемуарах Эренбурга имя В.Кина не упоминается.

¹³⁸ Новый мир. 1969. №6. С.199.

сил, о чем мы собираемся говорить на конгрессе... Закулисная сторона конгресса характеризовалась яростной борьбой между Кольцовым и Эренбургом, проводившим точку зрения Мальро и воздействовавшим в этом смысле. Члены делегации были предоставлены самим себе...»¹³⁹. Эти самоличные показания Бабеля были исправлены следователем; после рассказа о выступлениях Киршона (к тому времени уже расстрелянного) следователем записано: «Воспользовавшись этими неурядицами, Мальро раскалывал конгресс и вносил разброд в советскую делегацию, яростно поддерживая наскоки Эренбурга на Щербакова [!]»¹⁴⁰.

Вернемся к Виктору Сержу. Вопреки обещаниям, его освободили не сразу. В марте 1936 Горький снова писал Ягоде: «В свое время Вы сказали мне, что Серж — свободен, но не едет за границу потому, что Франция не дает ему визу. Я сообщил об этом Роллану. На днях получено письмо его жены: виза Сержу дана Бельгией, но из Союза его не выпускают, и "левые" — анархисты, троцкисты и т.д. — снова подняли шум, особенно неуместный и вредный в эти дни. Вопрос о Серже, наверное, поднимет и Мальро, который скоро явится к нам и с которым мне придется разговоры разговаривать на тему о необходимости возбуждения симпатии французских интеллигентов к Союзу. Очень прошу Вас, "сообразите эти обстоятельства"»¹⁴¹.

В итоге В.Серж пробыл в ссылке полный срок (три года) и был выпущен из СССР в апреле 1936.

Когда В.Серж приехал из Оренбурга в Москву, средств у него не было, книги ему пришлось в Москве продать, вывезти с собой он хотел только свои рукописи (М.Армстронг пишет, что Серж с женой и двумя детьми выехал из СССР, имея всего 10 долларов; на границе все рукописи были у него похищены НКВД)¹⁴². Принадлежавшие ему книги появились на прилавках букинистического отдела Московской лавки писателей. В связи с этим 25 мая 1936 заведующему отделом культпросветработы ЦК ВКП(б) А.С.Щербакову было направлено следующее письмо на бланке директора Института мировой литературы им. М.Горького:

Уважаемый Александр Сергеевич!

Считаю партийным долгом сообщить следующее:

Среди иностранных книг, купленных Институтом литературы в Книжной лавке Литфонда, есть книга А.Мальро «Le Temps du meris» (Годы презрения) с авторской надписью «Виктору Сержу с симпатией Андре Мальро». Фотокопии двух первых листов книги прилагаю. Книга закончена печатанием в Париже 15 мая 1935 г., стало быть, могла попасть к автору около 1 июня 1935 г., а в середине июня был конгресс...

¹³⁹ Поварцов С. Причина смерти — расстрел. М., 1996. С.124.

¹⁴⁰ Там же. С.125.

¹⁴¹ Неизвестный Горький. Указ. изд. С.191.

¹⁴² Армстронг М. Загадка рукописей Виктора Сержа // За рубежом. 1990. №48. С.22.

Можно ли верить после этого автору?

И.Луппол¹⁴³

28 мая было отправлено второе письмо:

Уважаемый Александр Сергеевич!

Досылаю фотоснимки с надписями авторов известному лицу:

Люк Дюртен — книги 1918 и 1922

А.Барбюс — книга 1925

Ж.-Р.Блок — книга 1932

Тр.Реми — книга 1932

А.Пуляйль — книга 1935

Сами надписи дат не имеют, поэтому сказать точно, *когда именно* были направлены книги невозможно.

И.Луппол¹⁴⁴

В марте 1936 Мальро приезжал в СССР; вместе с Бабелем и Кольцовым он посетил Горького в Тессели. Похоже, что донос Луппола (избранного в 1939 академиком, а в 1940 арестованного) на контакты ССП с Мальро не повлиял — переписка с ним продолжалась, и еще летом 1939 Мальро обсуждал возможность поездки в Москву. Его игры с коммунизмом завершились 23 августа 1939, когда подписи Молотова и Риббентропа скрепили план раздела Европы.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ: АРАГОН, КОЛЬЦОВ — МАЛЬРО, ЭРЕНБУРГ

Конгресс закончился 25 июня 1935 принятием резолюции, в которой объявлялось о создании Международной Ассоциации писателей; было избрано Бюро ассоциации (112 человек от 35 стран), его Президиум (А.Жид, А.Барбюс, Г.Манн, Т.Манн, М.Горький, Э.Форстер, О.Хаксли, Б.Шоу, С.Льюис, Валье Инклан, С.Лагерлеф) и рабочий Секретариат (Ж.-Р.Блок, А.Мальро, А.Шамсон, Л.Арагон, И.Бехер, Г.Реглер, М.Кольцов, И.Эренбург, А.Эллис, У.Фрэнк, Р.Альберти, Н.Рост)¹⁴⁵.

Была провозглашена программа: организация в разных странах литературных переводов с контролем их качества, включая произведения, запрещенные на их родине, организация взаимных поездок писателей, распространение списков рекомендуемых к изданию произведений, создание мировой литературной премии и т.д.¹⁴⁶. Деятельный участник конгресса Генрих Манн писал уклонившемуся от участия в нем брату Томасу: «Конгресс при тысячах зрителей прошел настолько внушительно, насколько это вообще возможно, когда какое-то мероприятие проводит

¹⁴³ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.585. Л.1.

¹⁴⁴ Там же. Л.2.

¹⁴⁵ Международный конгресс писателей в защиту культуры. Указ.изд. С.485-486.

¹⁴⁶ Там же. С.487-488.

оппозиция. Писатели поступили точно так же, как французские левые партии; как раз такого безоговорочного объединения всех нефашистов и не было прежде. Когда выступал кто-нибудь из немцев, зал поднимался, а наверху запевали "Интернационал". Но поющим кричали: "Discipline, camarades!" — и те умолкали. Речи русских — Эренбурга, Алексея Толстого, Кольцова — были целиком посвящены защите культуры. Большого требовать нельзя. Статьи, прилагаю телеграмму, из которой ты узнаешь, что тебя избрали в правление новообразованного Союза. Он на вид не чисто коммунистический. Я тоже был избран в мое отсутствие, в последний день меня уже не было в Париже. Я тем временем думаю про себя, что без русской поддержки Западной Европе — конец»¹⁴⁷.

Заключительный вечер конгресса прошел во дворце Трокадеро. «Правда» 27 июня со слов М.Кольцова сообщила, что помимо 4500 занятых мест более 1000 человек стояли в проходах большого зала и масса людей, не имея возможности попасть в зал, окружала здание. На заключительном банкете участники конгресса очень тепло приветствовали Андре Мальро, и Арагон в короткой речи подчеркнул «роль Мальро как наиболее активного и вдохновенного организатора конгресса, обеспечившего ему широкий размах и представительство всех оттенков антифашистской мысли»; А.С.Щербаков в своем выступлении на банкете приветствовал «величайшего писателя современной Франции Андре Жида», подчеркнув, какое большое моральное значение имело активнейшее участие Андре Жида в конгрессе и его выступления: «Особенно ценим мы и гордимся дружбой и любовью Андре Жида к Советскому Союзу».

30 июня состоялось открытие бульвара имени Максима Горького в рабочем предместье Парижа Вильжюнера, на котором присутствовало 5 тысяч человек: среди них были А.Жид, Арагон, Муссиак, мэр Вильжюнера Вайян-Кутюрье, А.Толстой, Бабель, Эренбург, Кольцов, Тычина и другие писатели¹⁴⁸.

Перед отъездом Щербакова и Кольцова прошли заседания секретариата Ассоциации и различные переговоры. В «Записках» А.С.Щербакова последние дни пребывания в Париже описаны так: «Вечер в Трокадеро. Речь Реглера — зал поет Интернационал. Появление нелегальщика¹⁴⁹. Конец, конец. Полоса приемов — в полпредстве, у Вильдрака, в Энциклопедии у Монзи¹⁵⁰, у Дюртена, у Блока. Ответные завтраки — Шамсону, французам. Мальро в Алжире. Первое заседание бюро. Позиция Эренбурга—Мальро. Кольцов расстроен. На следующий день — разговор с Эренбургом и Мальро. (Как собираетесь работать? Еще не придумал. Какова степень независимости от компартии. Можем ли подписать про-

¹⁴⁷ Г.Манн, Т.Манн. Эпоха. Жизнь. Творчество. М., 1988. С.249.

¹⁴⁸ Правда. 1935. 1 июля.

¹⁴⁹ Имеется в виду немецкий писатель Ян Петерсен (наст. имя Ганс Швальм; 1906-?), который вел нелегальную антифашистскую работу в Германии; выступил на конгрессе от имени антифашистских писателей Германии под именем «человека в черной маске».

¹⁵⁰ Анатолий де Монзи (1876-1947) — французский государственный и политический деятель.

тест против высылки Троцкого. Надо знать французские условия. Скоро будет драка. Журнал нужен, но какой, что нужно писать. Первое дело политические собрания. Работать столько не буду. Нас не удовлетворил состав советской делегации. Главная цель и результат конгресса — защита Советского Союза. Чтобы писателя знать, надо с ним говорить интимно.) Мальро себе на уме, у него свои цели. Предложение о Поль Низане. Кто такой Шамсон. Разговор с Арагоном и Кольцовым. Отъезд. Позиция "Юманите"¹⁵¹.

Вернувшись домой, Щербаков объявил, что посетить СССР приглашены А.Жид, А.Мальро, Ш.Вильдрак, Л.Дюртен и другие писатели¹⁵² (это была форма премирования за «ударный труд»).

Финансовый отчет Щербаков представил лишь в сентябре; получено было 153 тысячи франков; израсходовано 148 тысяч (на делегатов 115 тысяч, секретариату — через Кольцова — 23 тысячи, гостиница 7 тысяч, прочие расходы около 3 тысяч)¹⁵³. В отдельном счете валюты¹⁵⁴ записано, что каждому делегату дали по 86 долларов, а Щербакову — 500 (Толстому — 11 июня, Бабелю и Пастернаку — 20-го, всем прочим — 13-го).

4 июля 1935 А.Барбюс вручил Щербакову большое письмо, в котором изложил свою оценку работы конгресса, соображения о дальнейшей деятельности Ассоциации, включая денежные вопросы (получать деньги от Москвы было для него не внове, и он вполне овладел соответствующей аргументацией):

В целом Конгресс явно проявил левую тенденцию, но принятая резолюция была, на мой взгляд, слишком скромной и даже — скажу больше — несколько плоской, поскольку вопрос о праве перевода и пр. был поставлен раньше вопроса о необходимости защиты культуры путем борьбы против войны и фашизма. Это было чрезмерно осторожно; представлялось возможным говорить более определенным языком. Это произошло по причине различного отношения к тому или иному факту самих конгрессменов, и когда в заключительной речи я сказал, что нужно сочетать защиту культуры с социальным освобождением, не было никаких возражений — даже наоборот. Как бы то ни было, мы находимся теперь перед ситуацией, о которой недостаточно сказать, что это абсолютный застой. Принятая Конгрессом организация находится еще в состоянии небытия, и никто не занимается ею всерьез и последовательно из-за недостатка единства руководства и недостаточности бюджета, тогда как, с другой стороны, литературные отклики Конгресса уже заглохли в общественном мнении.

¹⁵¹ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.467. Л.6об.

¹⁵² Литературный Ленинград. 1935. №32. 14 июля.

¹⁵³ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.468. Л.1.

¹⁵⁴ Там же. Л.4.

Вопрос руководства и вопрос бюджета тесно связаны между собой, принимая во внимание элементы — довольно различные — и тот факт, что каждый из этих элементов стремится оказывать свое влияние или влияние своей группы, или своего предприятия и ввести в качестве непрременных секретарей людей, которые были бы ему преданы (так, Андре Жид всегда предлагает в качестве секретарей и сотрудников своих довольно сомнительных друзей¹⁵⁵: один из них, например, в течение 2-х месяцев саботировал работу Оргкомитета Конгресса). «Нувель Ревю Франсез», одним из руководителей которой является Мальро и которая представляет из себя буржуазный литературный журнал, — желает, очевидно, включить в свою орбиту центр движения писателей и т.д.

Мы имеем лишь один способ разрешить вопрос о том положении, которое имеется налицо, а именно: — взять контроль над этим центром, обеспечив его финансирование. Впрочем, если его не будут финансировать, этот центр обречен на смерть. Правда, установлены ежегодные взносы по 50 франков с каждого члена этой организации — взносы, половина которых должна отчисляться в центр. Поскольку речь идет о членах особого сорта и определенного качества, не приходится думать, что их будет много, за исключением советских. Для Франции эти взносы могут представить в настоящее время не более десятка тысяч франков, половина которых поступит в центр (опыт больших движений, которыми мы занимаемся, доказывает, что центральная организация не должна особенно рассчитывать на взносы национальных секций).

Во всяком случае, пока что на некоторое время мы должны рассчитывать лишь на очень незначительное поступление взносов для центра, если предположить, что эти взносы смогут обеспечить существование национальных секций.

В данный момент для центральной организации необходимо около 15 000 франков, которые распределяются следующим образом:

помещение, налоги и т.д.	1000 фр.
почтовые и канцелярские расходы	2250 фр.
секретарь	1500 фр.
администратор	1500 фр.
2 машинистки	2400 фр.
переезды	3000 фр.
внутренний бюллетень	1000 фр.

¹⁵⁵ Очевидный намек на гомосексуализм А.Жида.

немецкий сектор
сектор по Восточным странам

1500 фр.
1500 фр.

15650 фр.

Месячная субсидия журналу «Монд» 5000 фр.

Это те цифры, которые были представлены на рассмотрение и приняты т.Сталиным в ноябре (округленно — 20 000 фр.).

Но беглый подсчет указывает, что для того, чтобы поддерживать равновесие этих расходов путем взносов, надо было бы иметь 9 600 плательщиков взносов. Конечно, не является невозможным достигнуть этой цифры в какой-то определенный срок и, во всяком случае, сумма, которая нам нужна, чтобы теперь же полностью пустить в ход аппарат, должна будет уменьшаться по мере увеличения числа членов.

Но что особенно важно в данный момент — это не терять контроля над организацией, или вернее — немедленно взять этот контроль в свои руки, — а для этого нет иного способа, — я повторяю, — по крайней мере сейчас, как быть тем, кто сам оплачивает аппарат и сотрудников.

Кстати, на мой взгляд, надо ввести «уплату взносов» в 25 фр. советской секцией, сначала основываясь на довольно ограниченном числе плательщиков, а затем также дать нам возможность самим оплачивать необходимых сотрудников, что позволит тем самым и выбирать их (например, в форме сотрудничества в журнале «Монд», или в какой-либо другой подобной форме). Я думаю, что это — единственный практический способ действия, так как абсолютно необходимо, чтобы к тому времени, когда ассоциация будет сама себя окупать, она бы не ускользнула от нас за этот период.

Безусловно необходимо и полезно, чтобы такие люди, как Мальро, которые имеют значение и влияние, занимались бы организацией. Но эти лица не могут заниматься ею усидчиво, вследствие множества различных других своих занятий.

Таким образом, самое главное, чтобы работающий и оплачиваемый секретарь, так же как и администратор и машинистки, — т.е. весь регулярный и эффективный аппарат, — были бы подчинены, и это единственный способ помешать всегда возможным уклонам, суживающим и препятствующим той роли, которую мы хотим придать этой мировой организации писателей.

Было бы лучше, чтобы эти сотрудники были назначены Вами. Во всяком случае, я имею в виду несколько лиц на должности секретаря и администратора, и я сообщу Вам их имена.

Вопрос журнала «Монд» важен по нескольким причинам: прежде всего потому, что необходимо, чтобы Движение имело

свой существующий орган, оказывающий влияние. Затем, потому, что мне известно, что уже разрабатывается несколько проектов для создания левого журнала писателей (в частности, Комитета Бдительности Интеллигентов, политическая линия поведения которого далеко не надежна), или для того, чтобы дать уже существующим журналам ориентацию в этом направлении («Ла Люмьер» — журнал буржуазной интеллигенции и «Марианн» — журнал с официозным политическим уклоном и в достаточной мере бессодержательный).

Но я в особенности хочу добавить то, что я стараюсь повторять как можно чаще и как можно убедительнее при тех свиданиях, которые я уже имел в ноябре: для того, чтобы такая организация на самом деле приобрела такой размах и играла первостепенную роль, действительно представляя внушительную группу писателей, ей нужен в качестве конкретной базы ежемесячный литературно-критический марксистский журнал и издательская фирма; с этими средствами Ассоциация на практике станет чрезвычайно могучей и очень большое число лиц будет заинтересовано в том, чтобы к ней примкнуть.

Это мне кажется еще более решающим, чем все, что намечалось в отношении приемов писателей в СССР, создания в Москве рабочего центра, курсов истории литературы и учреждения большой литературной премии, являющейся основной идеей Мальро. Мысль о критическом журнале и издательской фирме под буржуазной вывеской была уже в принципе принята нашими товарищами в Москве. Остается уточнить на практике эти крупные решения.

Следовало бы также принять решение, касающееся МОРПа, и придти к соглашению с такими организациями, как АЕАР во Франции и Джон Рид Клуб в Америке. Эти организации дают результаты, но тем не менее, я думаю, что есть основания поставить вопрос в определенный момент о поглощении их литературных секций гораздо более широкой организацией, которая поведет большую социальную работу, в силу своего объема и, принимая во внимание, что мы будем продолжать оставаться ее хозяевами. Это расширение Движения совершенно аналогично тому, что происходит с едиными фронтами, при помощи которых мы в настоящее время проводим революционную деятельность в капиталистических странах, в гораздо более широких масштабах, чем мы были бы способны это делать, если бы представляли одни лишь революционные группировки. /.../

Мы теперь приступили к делу, и совершенно очевидно, что эта организация станет тем, что мы из нее сделаем, принимая во вни-

мание, что в настоящее время нет элементов оппозиции и противостоящих тенденций в отношении общих линий: Эренбург работает с нами с доброй волей, которая мне кажется очевидной. Совершенно очевидна необходимость конкретно вооружить эту организацию, чтобы она могла процветать, расти и сыграть свою роль. Я вновь вношу по этому поводу все предложения, которые я сделал в тот момент, когда думал вместе с нашими товарищами, что лучше заранее наметить основу организации, а не ставить ее в зависимость от Конгресса, что позволило бы по меньшей мере придать больше полноты Конгрессу, одновременно не сделав его собранием лиц, выбранных заранее (что и имело место, не считая случая с троцкистами, которые сами себя пригласили, однако, в небольшом количестве).

Когда я приеду в течение этого месяца, я поговорю более подробно по всем этим вопросам, в отношении которых у меня нет расхождений с Кольцовым и советской делегацией, которая со своей стороны представит более обстоятельную информацию об этом первом Международном Конгрессе для защиты Культуры.

Анри Барбюс¹⁵⁶

Барбюс, как и предполагал, приехал в Москву, но серьезно там заболел и 30 августа 1935 скончался. В наше время смерть в Москве 30-х годов любого крупного деятеля не может не вызывать подозрений по части ее, скажем так, самостоятельности. Применительно к Барбюсу, мы не располагаем никакими сведениями на сей счет. Кроме одного: Мавр сделал свое дело¹⁵⁷...

Уезжая из Парижа, Кольцов чувствовал, что в секретариате Ассоциации из активно действующих фигур железная поддержка всем московским указаниям обеспечена только со стороны Арагона. Однако, как ока-

¹⁵⁶ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.606. Л.3-7, 12, 13.

¹⁵⁷ Советская печать торжественно почтила память Барбюса траурными материалами на первых полосах; Сталин направил телеграмму соболезнования на адрес «Юманите» Кашену, Торезу и Кутюрье; была создана комиссия по организации похорон (Булганин, Марти, Монмуссо, А.Толстой, Кольцов, Стасова и Стецкий). Эренбург прервал свой отдых в Бретани, чтобы по заданию «Известий» присутствовать на похоронах. «Анри Барбюс, — писал он в некрологе, — хорошо знал, что такое человеческое горе... Я видел его на нашем конгрессе писателей. Он тяжело дышал, руки его судорожно бились. Вдруг он спохватился и заговорил: "Необходимо опубликовать доклад греческой писательницы... Как они борются с варварством фашистов..."» (Известия. 1935. 3 сентября; см. также: Иностранная литература. 1983. №10. С.212). Хоронили Барбюса в Париже 7 сентября. Манифестация была внушительная. В большой колонне писателей за гробом Барбюса шли Луи Арагон, Андре Мальро, Илья Эренбург, Эрнст Толлер, Анна Зегерс, Леон Муссиак, Эжен Даби, Жан Геенно, Людвиг Ренн. Эренбург сообщил в «Известиях», что над гробом Барбюса Мальро прочел последнее «прости» Романа Роллана (Известия. 1935. 8 сентября).

залось, его пылкий нрав, нетерпимость к возражениям и чужим проектам, болезненное самолюбие и жажда лидерства сводили на нет все возможные плюсы от его безусловной преданности партийной дисциплине. В десятых числах июля Арагон прислал в Москву следующее донесение:

Лично товарищам Щербакову и Кольцову

Совещание французского секретариата от 8 июля 1935 для обсуждения издания протокола конгресса. Для участия в работе выделены т.т. Эренбург и Реглер. Заседание проходит у Мальро. Кроме остальных присутствует и Жид (прибытие Шамсона ожидалось очень поздно). Итак — присутствуют: Мальро, Жид, Блок, Реглер, Арагон.

1) Эренбург заявляет тоном протеста, что произошла недопустимая вещь: «Известия» сообщают об издании по инициативе Международной Ассоциации книги «День мира»¹⁵⁸ под редакцией Жида, Кольцова и Горького. Вопрос Эренбурга Жиду: Это правда? Жид плохо помнит, кто-то ему об этом говорил. Я уточняю: «Вам говорил Кольцов». — «Ах, да». Жид находит, что это хорошая идея и готов принять участие. Но русские слова «под редакцией» привели к недоразумению, которое я должен разъяснить. Когда стало ясно, что речь идет о «редактировании» для Жида, Эренбург заявил: «Желаете ли Вы узнать мое мнение и мой опыт оттуда? Так вот, я полагаю, что книга будет сделана исключительно Кольцовым, а Горькому и Вам предстоит быть "крестными отцами" и дать лишь Ваши имена». Я начинаю протестовать и объясняю, какое активнейшее участие принимает Горький во всех изданиях, которые выходят под его редакцией. Позиция Жида: очень заинтересован этим проектом, опасается только, что если привлекут больших писателей, он не сумеет протестовать против того или иного произведения, но будет действительно счастлив редактировать эту книгу, если участники признают его авторитет. «Не надо литературщины», — говорит он в противопо-

¹⁵⁸ Задуманная Кольцовым и поддержанная Горьким, книга «День мира» вышла в Москве в 1937 под редакцией уже покойного Горького и Кольцова. Это огромный иллюстрированный том, повествующий, как прошел во всех странах планеты день 27 сентября 1935; в книге приняли участие многие писатели и журналисты зарубежных стран, в частности, французы Арагон, Блок, Дюртен, Виоллис. Для раздела «День писателя» заметки прислали Ж.Бенда, Б.Брехт, О.-М.Граф, А.Деблин, Ж.Кассу, Э.Людвиг, Г.Манн, Л.Маркузе, Г.Мархвица, К.Михаэлис, Г.Реглер, Р.Роллан, Э.Толлер, Э.Триоле, Г.Уэллс, Б.Франк, С.Цвейг, К.Чапек, А.Эллис. Мальро и Эренбург в «Дне мира» не участвовали. Поскольку книга вышла после «отлучения» А.Жида, его имя в ней не упоминается. После ареста Кольцова книга «День мира» была запрещена к распространению в СССР и изъята из библиотек.

ложность Мальро, который придерживается во время обсуждения мнения Эренбурга и с большой иронией отзывается о качестве тех авторов, которых Кольцов собирается привлечь к этой работе.

2) Гийу, утвержденный в качестве технического секретаря, отсутствует в течение 15 дней. Жид, поддержанный Мальро и Эренбургом, несмотря на мой протест, выдвигает кандидатуру временного заместителя: молодого швейцарца Малэ, троцкиста, друга Жида, сопровождавшего его в Вильжюив и бурно аплодировавшего на конгрессе Мадлен Паз.

3) Эренбург официально заявляет о своем отказе быть секретарем советской организации, но сообщает, что временно будет выполнять эту работу до организации постоянного секретариата в Москве. Начиная с этого момента, он говорит безостановочно, перебивает меня и навязывает свою точку зрения: ясно, мы ничего не выиграем от того, что он не будет секретарем, он как бы случайно будет появляться на совещаниях, принимать участие в дискуссиях, не неся никакой ответственности.

4) Издание книги о конгрессе. Точное изложение заседания бюро, на котором присутствовал Кольцов. Мальро и Эренбург заявляют, что они против издания этой книги в Е¹⁵⁹. Они опираются на Жида и Реглера. Блок поддержал бы меня, но видя, что это бесполезно, присоединяется к их точке зрения. Эренбург предлагает Кра¹⁶⁰ в качестве издателя. Но так как это предложение смехотворно (Кра накануне банкротства, ничего не издавал в течение 2-х лет), я возражаю и присоединяюсь к предложению Мальро — переговорить с Галлимаром (Н.Р.Ф.¹⁶¹).

Уже с самого начала было ясно, что именно этого они желали, Эренбург и он.

О форме книги Мальро заявил категорически (как будто он уже обсуждал этот вопрос), что в Изд-ве Н.Р.Ф. книга должна выйти в сильно сокращенном виде (350 стр., 15 фр.). Это же предложение сделано и Эренбургом. Я напоминаю, что коммунистическое издательство предлагало издать 900 стр. Ставлю вопрос о тираже и возможностях реализации. Блок меня поддерживает. Мальро заявляет, что максимальное количество — это 1000 экз.

¹⁵⁹ Коммунистическое издательство.

¹⁶⁰ С издательством Симона Кра (Париж, ул. Бланш, 6), выпускавшим книжную серию «Collection Européenne», Эренбург имел дело в 1920-е годы; оно, как и издательство Н.Р.Ф., упоминается в его письмах Е.И.Замятину (Новое литературное обозрение. 1996. №19. С.175).

¹⁶¹ По названию журнала «Nouvelle Revue Française»; в этом издательстве работал Мальро и издавались переводы книг Эренбурга.

От имени Е. я сообщаю, что при цене в 5 фр. можно будет издать и 3000 экз. Это заявление, видимо, трогает Жида. Но яростные возражения Эренбурга и Мальро, поддержанные Реглером, приводят к окончательному решению за проект Эренбурга, который считает, что это единственное приемлемое предложение (1 том 15 фр. 350 стр. сокращенные доклады¹⁶²).

Обсуждение принципов редактирования докладов: основная цель Эренбурга и Мальро — сокращение доклада Барбюса до размера доклада Жида, т.е. сокращение его почти в 5 раз. Предполагается просить авторов самим сокращать свои доклады до размеров, указанных им редакцией. Эренбург предлагает и заставляет принять в качестве редакция Реглера и Низана. Заметьте, что участие немца в этой французской книге необъяснимо. Что же касается Низана, то он занят в «Юманите» и вообще не особенный охотник работать и несомненно не уделит книге необходимого времени, разве что ради дружеских отношений, связывающих Мальро и Реглера.

5) Эренбург предлагает, чтобы Международная Ассоциация издавала в странах, где это будет возможно (уже имеются предложения издать в Чехословакии, Англии, Америке и СССР), серии книг, скажем, 6 в год, главным образом романов, переведенных и рекомендованных Ассоциацией. Затем он предлагает заключить договор с Н.Р.Ф. на один год для издания этих 6 книг. Я протестую: было предположено, что книги под маркой Ассоциации могут издаваться в любом издательстве по нашей рекомендации. Такой же порядок превратит Н.Р.Ф. в официального издателя Ассоциации и делает совершенно невозможным сотрудничество с другими издательствами. Я указываю Мальро (Жид ушел, сказав нечто в этом духе по поводу издания книги о конгрессе) на неудобство такой монополии, которая даст повод говорить, что все это (конгресс, Ассоциация и т.п.) есть не что иное, как коммерческое предприятие Н.Р.Ф. Более того, Н.Р.Ф. находится под контролем треста АШЭТ (который фактически является во Франции главным цензором). Мы себе отрежем пути к другим издательствам и восстановим их против нас вместо того, чтобы все искали нашей поддержки и нашей рекомендации (как например, премия Гонкур, переходящая от одного издательства к другому¹⁶³). Ожесточенные возражения со стороны Мальро и Эренбурга, нерешительная позиция Блока, и мое предложение остается в меньшинстве.

¹⁶² Эренбург и Мальро опасались, что включение в книгу полных текстов сугубо пропагандистских выступлений сделает ее нечитаемой.

¹⁶³ Имеется в виду право переиздания книг, удостоенных Гонкуровской премии.

Выводы

Эренбург навязывает по всем вопросам свое мнение, высказывая его презрительным тоном и с недопустимой грубостью. Слово «коммунист» систематически употребляется им в дурном смысле, причем с наибольшей чувствительностью он относится к имени Кольцова. Ясно и определенно он высказывает мнение агента, рекламирующего фирму Галлимар. Я работаю с Мальро и Реглером. Блок, побуждаемый добрыми намерениями, бессилен мне помочь. Шамсон ничем не интересуется. Жида заставляют приходить хитростью, и нет никаких сомнений в том, что мне не дадут привести Барбюса, который, впрочем, теряется в спорах и поддерживает кого угодно и что угодно по воле случая.

В таких условиях мое положение в секретариате совершенно нестерпимо. Может случиться все, что угодно, и я не могу отвечать ни за что. Ни к чему не приведет и созыв фракции, на которой я в качестве членов ее встречу Реглера и Канторовица¹⁶⁴ и в крайнем случае Низана; по вопросам, касающимся, скажем, книги, можно быть заранее уверенным, что они поддержат мнение Мальро.

Иными словами, даже во фракции я буду вынужден из дисциплины поддерживать мнение большинства, если это будет даже мнением Эренбурга и Мальро. Считаю необходимым тут же отметить, что, давая на первых порах работу Реглеру и Низану, Мальро полагается на их преданность делу подготовки конгресса и на их присутствие на каждом заседании.

Мне очень неприятно говорить таким образом о товарищах, членах партии, но я не могу поступить иначе, ибо их поведение уже привело к таким «превосходным» результатам, что коммунистическому издательству объявлен бойкот и что книга о конгрессе, написанная двумя коммунистами, несмотря на мнимую опасность вмешивать коммунистов в эту работу, по мнению Эренбурга и Мальро, хотя это и было сделано по их предложению, эта книга ускользнет из-под контроля партии и очутится под контролем Н.Р.Ф. и издательства АШЭТ.

Таким образом, Вы видите, что в создавшихся условиях стало невозможным защищать точку зрения партии. Разумеется, я буду продолжать присутствовать на заседаниях и держать Вас в курсе событий.

Арагон¹⁶⁵

¹⁶⁴ Альфред Канторовиц (1899-?) — немецкий писатель, с 1933 находился в Париже в эмиграции.

¹⁶⁵ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.511. Л.1-6.

Наверное, Эренбург догадывался о том, что сообщает Кольцову Арагон о заседаниях секретариата, во всяком случае, в главах книги «Люди, годы, жизнь», посвященных тому времени, об Арагоне нет никаких высказываний, и только перейдя к послевоенной поре, Эренбург заговорит о нем, вспомнив, как познакомился с Арагоном в 1928 году: «Он был молодым красивым сюрреалистом. На Монпарнасе много говорили и о его прекрасной книге "Парижский крестьянин", и о различных шумливых демонстрациях: задором сюрреалисты напоминали наших футуристов, Арагон был одним из самых боевых. Потом он стал сторонником реализма, коммунистом, создавал различные организации, редактировал журналы, газеты. Мы продолжали с ним встречаться и порой отчаянно спорили»¹⁶⁶. «Отчаянно спорили» — это все, что в пору оттепели мог, в силу очень разных соображений, позволить себе написать об Арагоне 30-х годов Эренбург. Донесение Арагона в Москву наполняет это выражение вполне конкретным содержанием.

Письмо Арагона в Москве поступило к Кольцову и уже от него русский перевод был переправлен Щербакову с такой сопроводительной запиской: «23 июля 1935. ЦК ВКП(б) — Культпрос тов. Щербакову. По поручению тов. Кольцова передаю перевод письма Луи Арагона (подпись неразборчива)»¹⁶⁷.

Неизвестно, на каком уровне в Москве обсуждались письмо Арагона и парижская ситуация; но обсуждались они долго и, надо думать, тщательно. Тем временем пришло письмо Эренбурга Кольцову о парижских делах. Эренбург их никак не драматизировал, имени Арагона он даже не упоминал:

9 августа [1935]

Дорогой Михаил Ефимович,

Мальро вернулся уже в Париж, на несколько дней приезжал Блок и, воспользовавшись этим, мы устроили собрание секретариата. Одобрили устав — посылаю.

Решили обратиться к секциям национальным с письмом. Посылаю.

Касательно списка советских членов международной организации. Достаточно, если мы дадим сто имен, чтобы соблюсти пропорцию.

Решено обратиться к членам президиума и предложить подписать протест против нападения фашистов на болгарскую делегацию¹⁶⁸.

Решено для пополнения средств и пропаганды с октября устроить ряд докладов во французской провинции, в Бельгии и Швейцарии.

¹⁶⁶ ЛГЖ. Т.3. С.71.

¹⁶⁷ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.511. Л.1.

¹⁶⁸ Речь идет о болгарских участниках Парижского конгресса, среди которых был и член Бюро Ассоциации писателей Л.Стоянов.

Решено к 70-летию Ромена Роллана устроить вечер и выпустить книгу, посвященную Ромену Роллану. Необходимы статьи Горького и другие, о сборнике сообщу в сентябре дополнительно.

Все более или менее бодрь. Сняли помещение. Денег нет.

Вот, кажется, и все новости.

Жид собирается в середине сентября в Союз. Я еду примерно в то же время и, может быть, поеду с ним, чтобы доставить его в сохранности до Белорусского вокзала¹⁶⁹.

По дороге хочу остановиться на день в Праге, чтобы ликвидировать отсутствие чехов, и в Варшаве — попытаюсь поговорить еще раз с Тувимом и др. о положении.

Завтра я еду до конца месяца в Бретань. Адрес мой прежний: письма мне будут аккуратно пересылать.

Привет Марии¹⁷⁰.

Ваш И.Эренбург¹⁷¹

Деловой, спокойный, не кляузный тон письма Эренбурга, скорей всего, произвел впечатление в Москве и, возможно, повлиял на содержание и тон ответа Арагону. Ответ этот готовился долго, отправлен был 16 августа. Собственно, в этот день в Париж было отправлено два письма. Арагону — его написал Кольцов, и Эренбургу — это было письмо Щербакова.

Москва. 16/8-35 г.

Дорогой друг и товарищ Арагон!

Письмо твое получили, за информацию спасибо.

Есть к тебе одна большая и настойчивая просьба — чаще информировать нас и по возможности подробнее.

¹⁶⁹ В «Записках маленькой дамы» секретаря и приятельницы А.Жида Марии ван Риссельберг 14 октября 1935 записано: «Жид рассказывает, что видел Мальро, который беседовал длительно с Эренбургом по поводу внезапного решения Жида не ехать в Россию. Эренбург отнесся очень серьезно к этому. Он считает, что не надо ссылаться на здоровье, что со всех точек зрения надо поехать — иначе отказ Жида нанесет ущерб и как раз в то время, когда надо укреплять франко-советский союз интеллектуалов; это очень пагубно скажется. Насколько Эренбург говорит в своих интересах, насколько поездка Жида зачтется ему лично? — это трудно выяснить. Жид в большом затруднении. С одной стороны, идея о том, что в СССР его примут за представителя Франции, хотя он будет играть пассивную роль, — эта идея укоренила в нем желание отказаться от поездки. "Нет, нет, я не создан для этой роли..."» (Maria van Rysselberghe. Les Cahiers de petite Dame) — в кн.: Cahiers Andre Gide. V.5 (1929-1937). Paris, 1975. P.478-479).

¹⁷⁰ Мария Остен (Грессхенер) — немецкая журналистка, близкая подруга Кольцова; узнав о его аресте, приехала из Парижа в Москву, где была арестована и в 1941 погибла.

¹⁷¹ РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.668. Л.30-31.

Пользуясь оказией, считаю необходимым сообщить тебе следующее: я считал бы вредным для дела, если бы Эренбург отошел от работы в организации. Эренбург, крупный советский писатель, сделал немало и принес пользу международному литературному движению. Его деятельность укладывалась в ту линию, какую проводили все мы, в том числе и ты, дорогой друг.

Отдельные недочеты или разногласия по второстепенным вопросам — в счет идти не могут. Надо избегать всякой предвзятости в отношениях к Эренбургу.

Секретарем организации Эренбурга выдвинула советская делегация¹⁷², выбран он конгрессом, и надо сделать все для того, чтобы он мог плодотворно работать.

Относительно того, что он отказывается от работы — представь нам урегулировать этот вопрос.

Моя твердая просьба к тебе и ко всем коммунистам — обеспечить нормальные отношения с ним.

У нас в СССР — к конгрессу интерес исключительный, провели массу докладов. Однако удовлетворить все запросы не можем. «Правда» усилила освещение вопросов мировой литературы, удачны «литературные портреты», которые она систематически стала печатать.

Книжка твоя «Базельские колокола» пользуется большой любовью у читателя и в прессе получила хорошие отзывы.

Привет Эльзе.

Привет Поль Низану, Муссинаку и Блоку.

Дружески жму Твою руку¹⁷³.

Щербаков начал письмо Эренбургу с критической ноты:

Уважаемый Илья Григорьевич!

Прошло более 1 1/2 месяцев с момента окончания конгресса. За это время вновь созданная международная организация к активной деятельности не приступала. Очень прошу не понять это как упрек к кому-либо. Я прекрасно учитываю, что срок 1 1/2 месяца — не велик; что после такой напряженной работы, какую проделали Вы и наши французские товарищи — надо отдохнуть. Я допускаю, что может пройти еще несколько недель, прежде чем организация развернет работу. Я думаю, что Вы согласитесь со мной, что с осени организация должна начать жить полноценной жизнью. Весь вопрос, с чего начать и как начать. И вот, памя-

¹⁷² Эренбург вспоминал, как после завершения конгресса, где они с Кольцовым были избраны в секретариат Ассоциации, «Михаил Ефимович сказал мне: "Поскольку секретариат будет находиться в Париже, работать придется вам". Ласково, но насмешливо хмыкнув, он добавил: "ругать будут тоже вас..."» (ЛГЖ. Т.2. С.61).

¹⁷³ Публикуется по копии — РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.511. Л.7.

туя наш с Вами разговор, я прошу Вас...» Но затем этот критический пассаж из письма исключили (возможно, письмо Эренбурга Кольцову убедило «руководящих товарищей», что в работе и планах секретариата все не так уж плохо), и Эренбургу отправили такое послание:

Москва 16/8 35 г.

Уважаемый Илья Григорьевич!

Памятуя наш с Вами разговор, я прошу Вас, представляющего в вновь созданной организации интересы советской литературы, — наметить и прислать свои предложения (по возможности подробнее) о ближайших мероприятиях о и том, что необходимо для осуществления этих мероприятий.

Очень прошу также информировать о внутреннем состоянии организации, о направлениях наших друзей, в частности о том, когда приедут в Москву Жид и Мальро, кто еще собирается приехать и когда.

До меня дошли сведения, что Вы еще раз высказали опасения о возможности Вашей плодотворной работы в организации.

Со своей стороны я должен еще раз повторить то, о чем я Вам уже говорил в Париже, а именно — Ваша работа по подготовке конгресса и во время конгресса была высоко полезна; Ваше активное участие в дальнейшей работе крайне необходимо. Мы сделаем все для того, чтобы обстановка для Вашей деятельности была нормальная, об этом я буду писать Арагону. Надеюсь также, что Вы сделаете все для того, чтобы обеспечить должную работу организации. Всякое Ваше полезное предложение или мероприятие — найдет с моей стороны поддержку.

У нас гостят Дюртен и Вильдрак. Встретили их очень хорошо. В данное время они выехали в большое путешествие по СССР¹⁷⁴.

Интерес к конгрессу исключительный в самых широких кругах советской интеллигенции и рабочих.

В Москве состоялось несколько собраний с докладами о конгрессе. Запросы из областей и краев таковы, что удовлетворить их полностью невозможно.

¹⁷⁴ В связи с этим уместно привести фрагмент из воспоминаний Эренбурга: «К попыткам некоторых левых писателей Запада покритиковать хотя бы робко порядки сталинского времени Кольцов относился пренебрежительно, говорил: "Х что-то топорщится, я ему сказал, что у нас переводят его роман, наверно, успокоится" или "У у меня спрашивал, почему Буденный ополчился на Бабея, я не стал спорить, просто сказал, чтобы он приехал к нам отдохнуть в Крым. Поживет месяц хорошо — и забудет по "бабизм Бабея"". Однажды он с усмешкой добавил: "Z получил гонорар во франках. Вы увидите, он теперь поймет даже то, что мы с вами не понимаем"» (ЛГЖ. Т.2. С.112).

Следите ли Вы за дискуссией, которая развернулась вокруг «Не переводя дыхания»? Появилось большое количество статей, в основном оценка романа весьма положительная¹⁷⁵.

Прошу не задерживать ответ.

Жму Вашу руку

А. Щербаков

Прошу передать привет А. Жиду и Мальро¹⁷⁶.

Эренбург не ответил на это письмо; собираясь в Москву, он, видимо, предпочитал обсудить все при личной встрече.

ИХ БЫЛО ТРОЕ — ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ, АНДРЕ МАЛЬРО
И АНДРЕ ЖИД
(Вместо заключения)

Утром 2 ноября 1935 Эренбург приехал в Москву; сотрудник «Вечерней Москвы» встретил его поезд в Можайске и по дороге записал рассказ писателя: «Незадолго до моего отъезда я встретился с Андре Жидом, собравшимся приехать на октябрьские торжества в Москву. Однако болезнь не дала возможности писателю осуществить такое желание. Андре Жид передал мне обращение к молодежи Советского Союза и послал также свою последнюю книгу «Новая пища»¹⁷⁷. В Москву я еду на месяц. В начале декабря я должен возвратиться в Париж. Мое большое желание встретиться с читателями, которые помогают мне писать мои произведения»¹⁷⁸.

1935 год — год не только энергичного энтузиазма, но также исключительного политического оптимизма Эренбурга. Впрочем, не только его. «Чем дальше, тем больше, несмотря на все, полон я веры во все, что у нас делается. Многое поражает дикостью, а нет-нет и удивисься. Все-таки при расейских ресурсах, в первооснове оставшихся без перемен, никогда не смотрели так далеко, и достойно, и из таких живых, некосных оснований. Временами, и притом труднейшими, очень все глядит тонко и умно», — писал близкому человеку Борис Пастернак в том же 1935 году¹⁷⁹.

¹⁷⁵ Первые рецензии на повесть «Не переводя дыхания» появились в архангельской прессе (см. корреспонденцию «Комсомольцы Архангельска обсуждают» в «Комсомольской правде» 6 апреля 1935), затем восторженные рецензии пошли валом («Литературный Ленинград», 1 мая; «Вечерняя Москва», 1 июня; «Литературная газета», 20 июня, 4 и 15 августа; «Комсомольская правда», 29 июня; «Правда», 5 июля; «Известия», 8 июля). Статья К. Зелинского в «Правде» называлась «Роман бодрости и оптимизма»; Эренбург относился к этому с внутренней иронией (своему другу О. Г. Савичу он так и надписал книгу: «Саве "роман бодрости и оптимизма"» 24.XII.36).

¹⁷⁶ РЦХИДНИ. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 508. Л. 1, 2.

¹⁷⁷ Послание А. Жид и отрывок из его книги «Новая пища», переведенные Эренбургом, появились в «Известиях» 7 ноября 1935.

¹⁷⁸ Вечерняя Москва. 1935. 2 ноября.

¹⁷⁹ Пастернак Б. Собр. соч. Т. 5. М., 1992. С. 356.

В 1935 в Москве напечатали одну из самых слабых книг Эренбурга («Не переводя дыхания»); она пользовалась огромным успехом у совкритиков; только эмигрант М.Осоргин сказал о ней правду: «Эренбург уже не просто пишет, он поет. Поет он лучше, что есть в современной советской жизни, — работающую и жизнерадостную молодежь. Поет не соло, а в хоре. От его участия хор выигрывает; но скажу откровенно, мне было жаль потерять солиста, писателя с отчетливой, не всем слышимой индивидуальностью. Для перехода в хор нужно отказаться от очень многого, а научиться только пустякам. Этим пустякам Эренбург научился без труда»¹⁸⁰.

В Москве у Эренбурга действительно было много встреч с восторженными читателями, он был попросту нарасхват. Состоялись и различные беседы по делам Международной Ассоциации писателей. Может быть, с этими беседами связано принятие в декабре 1935 решения об окончательном роспуске МОРП.

В середине декабря Эренбург отправился в Чехословакию по делам Ассоциации. Два его письма содержат отчет о проделанной там работе:

25 декабря¹⁸¹ [1935]

Дорогой Михаил Ефимович,

Только что вернулся в Париж, и сразу сообщаю Вам о результатах поездки.

В Чехословакии удалось все наладить. Чапек согласился войти в президиум организации. Гора — секретарь. В Словакии войдет весь союз писателей. В Польше также удалось кое-что сделать. Левые писатели готовят конференцию. Они опубликовали о своем присоединении к парижской конференции.

Удастся присоединить бывших левых пилсудчиков, во всяком случае Витлина¹⁸². Здесь в Париже все обстоит плохо. Денег у них нет, и организация прозябает. Все разговоры о том, что надо сделать то или это, разбиваются о материальные препятствия. С другой стороны, по-прежнему никто всем этим не занимается. Повторяю: если не предпринять в самое ближайшее время энергичных шагов, все это предприятие пойдет насмарку, но и тогда для нас пристойней сказать об этом нашим ближайшим друзьям.

¹⁸⁰ Последние новости (Париж). 1935. 3 октября. См. также: Русская литература. 1997. №2.

¹⁸¹ 16 декабря 1935 Эренбург писал из Праги В.А.Мильман: «Скажите М.Е. [Кольцову], что напишу из Парижа о варшавских и здешних писательских делах» (Собрание автора).

¹⁸² Политическая репутация «пилсудчиков» (т.е. политических сторонников маршала Польши Ю.Пилсудского, установившего фактическую диктатуру) была у литераторов из группы «Скамандр» (Ю.Тувим, А.Слонимский, А.Лехонь, Я.Ивашкевич), но поэт И.Витлин к ней не принадлежал.

Спасибо за содействие, которое Вы оказали Але Савич¹⁸³ и сердечный привет.

Ваш И.Эренбург¹⁸⁴

Письмо Щербакову подробнее, эмоциональнее; в нем есть и личные ноты, и обиды, и сюжет Арагон—Мальро.

23 января [1936]

Дорогой Александр Сергеевич!

Очень жалею, что нам не удалось повидаться с Вами и поговорить про все заграничные дела. Будучи в Москве, я говорил с гг.Ангаровым¹⁸⁵ и Кольцовым. Вероятно, они передали Вам все наиболее существенное.

Во Франции дела обстоят плохо. После приезда я настоял на оживлении работы писательской организации. Устраиваем 31 большое чествование Ромена Роллана. Занят этим главным образом Блок. Он говорит, что расклеился и болен, больше работать не может, выступал 50 раз и пр. Хотели также устроить публичную дискуссию о социалистическом реализме, так как эта тема очень интересует французов. Все парализуется отсутствием средств. Членских взносов от нас ждут уже 5 месяцев. Все очень раздражены их отсутствием. Помещение организации не оплачено, секретарь ничего не получает и т.д. Потом сильно мешает параллельный характер работы местной организации МОРПа т.н. АЕАР или, вернее, «Дом культуры». Во главе стоит Арагон. Нелады у него по-прежнему с Мальро. Итак, для успешной работы необходимо: прислать тотчас же хоть небольшую сумму, установить единство организации, «объединить» Мальро с Арагоном, для чего надо Мальро указать на ответственность, доверье и пр., а Арагона попросить войти в единую организацию и отказаться от к[аких-]л[ибо] острых линий в тактике. Мальро не знает до сих пор, сможет ли он теперь выехать в Москву ввиду трудного положения в и[здательств]е, где он служит. Он сможет выехать либо через

¹⁸³ Альсгута Яковлевна Савич (урожд. Мазз; 1904-1991) — дочь московского общественного раввина, жена О.Г.Савича; вместе с ним находилась за границей с 1923; в 1935 в связи со смертельной болезнью матери приехала в Москву, где была лишена зарубежного паспорта. Все попытки Эренбурга через влиятельных друзей добиться возвращения А.Я.Савич в Париж ничего не дали.

¹⁸⁴ РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.668. Л.19. В тот же день Эренбург сообщал В.А.Мильман: «Я пишу М.Е.[Кольцову] о всех делах, связанных с организацией писателей. Позвоните Ангарову и скажите, что 25-го диппочтой я сообщаю о делах М.Е. Если он хочет, чтобы я собщи́л непосредственно ему, пусть сообщит мне об этом» (Собрание автора).

¹⁸⁵ А.И.Ангаров (1898-1939?) — заместитель А.С.Щербакова в Культпропе ЦК ВКП(б).

неделю, либо не ранее [чем] через два месяца. В первом случае Вы вскоре его увидите и сможете с ним договориться обо всем. Во втором надо найти форму, в которой может быть сейчас все проделано без его поездки в Москву. Вот примерно все о французских делах. Мне удалось кое-что сделать в Польше и довольно много в Чехословакии. Там Чапек согласился войти в президиум, а союз писателей с секретарем Горой войти целиком в организацию. То же самое и в Словакии. Однако все это не приведет ни к чему, если не будет налажена работа в парижском центральном секретариате, а без денег и без людей это невозможно.

Я только что читал ряд лекций в Гренобле о роли писателя в СССР. Убедился, во-первых, в огромном интересе франц[узской] интеллигенции в провинции к нам, во-вторых, в отвратительной работе местного филиала МОРПа. Хорошо работает только «Комите де вижиланс»¹⁸⁶, как и повсюду в провинции.

Пришла телеграмма о том, что Леонов не придет¹⁸⁷. Это очень обидно, так как мы хотели придать чествованию Р.Р[оллана] большой размах.

Примерно все. /.../ Вам я пишу в первый раз, но Кольцову писал уже дважды, также Ангарову. Ответа не получил. При таком отношении моя роль становится окончательно невразумительной: с одной стороны французы меня ругают, так как я в организации представляю советских писателей, с другой я методично и бесплодно информирую различных товарищей. То и другое мне изрядно надоело. Надеюсь, что на это письмо получу ответ.

Сердечный привет

И.Эренбург¹⁸⁸

Ответ Щербакова не сохранился. 26 февраля Эренбург пишет два письма. Кольцову, как всегда, сжато:

Дорогой Михаил Ефимович,
письмо Ваше получил. А.М[альро] наконец-то решил вопрос о поездке, едет 28-го через Вену.

¹⁸⁶ Комитет Бдительности (*франц.*).

¹⁸⁷ Речь идет о предполагавшемся участии Л.М.Леонова в вечере, посвященном 70-летию Р.Роллана. Сохранились 3 телеграммы Кольцова Эренбургу на сей счет: 17 января 1936 — «Приедет вероятно Леонов Привет Кольцов», 23 января — «Как выяснилось никто писателей приехать двадцать девятого не может Кольцов», 27 января — «Надеюсь Леонов успеет приехать Празднование Роллана очень желательно провести под маркой ассоциации Остальное пишу Привет Кольцов» (РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.1701. Л.1-4).

¹⁸⁸ Это и последующие письма И.Г.Эренбурга к А.С.Щербакову печатаются по машинописной копии из личного архива Эренбурга, сверенной с подлинниками, — РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.575.

Денег А[ссоциация] П[исателей] не получила. Поясните это дело: народ ропщет.

Как Вы знаете, вечер Роллана прошел очень удачно. Удалось расплатиться с частью долгов. На 10 марта назначен большой диспут о социалистическом реализме. А.М. должен быть к этому сроку здесь, не то получится скандал.

Жид в Сенегале, потом едет в Москву.

Вот все новости.

Сердечно Ваш И.Эренбург¹⁸⁹

Щербакову — подробнее и с жалобами:

Мальро едет через два-три дня. Я не отвечал Вам — ждал его окончательного решения. Вы знаете его характер и норов, поэтому легко сможете смягчить те трения, которые всегда могут возникнуть между ним и кем-нибудь третьим¹⁹⁰. Он только что приехал из Гренобля, где делал доклад о СССР в пользу кассы забастовщиков-шахтеров. /.../ Жид теперь в Сенегале. Собирается в Москву в конце марта. Ассоциация прекрасно провела вечер о Роллане. На 10 марта назначен большой диспут о соцреализме — защитники и противники. Присмотрите, чтобы Мальро не задержали несколько лишних дней, так как его присутствие необходимо: защитники могут быть не очень сильны, а противники достаточно коварны. Отсутствие Мальро будет истолковано как то, что он против соцреализма.

Денег в Ассоц[иации] нет. На выручку с вечера Роллана расплатились с частью долгов. Обо всем остальном Вам расскажет Мальро /.../ Когда я был в Москве, я говорил с т.Ангаровым касательно моих очерков о парижском конгрессе¹⁹¹. На столе т.Ангарова лежала выписка из одной моей телеграммы, касающаяся Пастернака. Т.Ангаров сказал мне, что он проверял, правильно ли утверждение, будто я говорю, что совесть поэта есть только у Пастернака /.../ Это либо злостное искажение, либо недоразумение. Вы были на конгрессе и знаете, что я никакими словами ни Пастернака, ни других писателей не «приветствовал». Тон статьи в «Комсомолке»¹⁹², которая дана как редакционная, заставляет

¹⁸⁹ РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.668. Л.7.

¹⁹⁰ Наверное, намек на Кольцова.

¹⁹¹ Печатались в «Известиях»; полностью: Литературный критик. 1935. №8.

¹⁹² «Откровенный разговор (о творчестве Б.Пастернака)» (Комсомольская правда. 1936. 23 февраля); в этой статье утверждали, что «Илья Эренбург в Париже приветствовал Пастернака как поэта, который доказал, что высокое мастерство и высокая честь отнюдь не враги», и этот «комплимент» был назван сомнительным.

меня задуматься над словами т.Ангарова и над отношением ко мне руководящих литературной политикой товарищей. Если она совпадает с «К[омсомольской] П[равдой]», то я с величайшей охотой буду впредь воздерживаться от каких-либо литературно-общественных выступлений и в Союзе и на Западе. Очень прошу вас ответить мне на этот вопрос.

/.../

Ответ последовал с некоторым опозданием:

Москва
23.III.36 г.

Дорогой Илья Григорьевич!

Я на 12 дней выбыл из строя (болел), поэтому отвечаю на Ваше письмо с опозданием, за что прошу извинения.

Первый вопрос, какой мне задал в Москве Мальро, был такой: «Я прошу от своего имени и от имени А.Жида объяснить мне — какие крупные разногласия разделяют советских писателей и Эренбурга». На этот вопрос я ответил: «"Разногласий", которые бы разделяли *советских* писателей и Эренбурга — нет, ибо Эренбург сам *советский* писатель. Речь может идти о творческих разногласиях у ряда советских писателей с писателем Эренбургом. Эти разногласия были и есть, происходят они в рамках советской литературы». Так ответил я Мальро.

Признаться, я не понял сначала вопроса Мальро. Стал он мне понятен через несколько дней, когда я получил Ваше письмо.

Вы зря ставите так вопрос: «с величайшей охотой буду впредь воздерживаться от каких-либо литературно-общественных выступлений и в Союзе, и на Западе».

Известно, что Ваши литературно-общественные выступления никем не навязаны, что они являются результатом внутреннего Вашего убеждения. Почему же отказываться от выступлений, которые продиктованы внутренним убеждением.

Вообще метод «отставки», как Вы знаете, сочувствия обычно не встречает.

Что касается главного — отношения к Вам, я могу только повторить то, о чем я Вам неоднократно писал и говорил.

Вы имеете свою оценку творчества Пастернака, с которой иные могут соглашаться или не соглашаться.

Разрешите этим людям о несогласии с Вами писать и говорить.

Делать же отсюда какие-либо выводы об отношении к Вам товарищей — не основательно.

В Москве у писателей началась дискуссия о статьях «Правды»¹⁹³. Первые собрания прошли плохо, уровень обсуждений невысокий, думаю, на следующих собраниях выправим.

Мальро Вам, вероятно, расскажет о его пребывании в СССР. Я его видел на другой день приезда, вторично видеть не удалось, т.к. я заболел и только сегодня приступил к работе¹⁹⁴.

Мальро в сопровождении Бабеля и неусыпного Кольцова посетил Горького в Тессели, где были обсуждены проекты Ассоциации писателей, в частности, грандиозный проект «Новой энциклопедии» (Мальро предлагал, чтобы в СССР работу редакции возглавил Н.И.Бухарин; Горький с этим был согласен¹⁹⁵). 22 марта Горький сообщал Роллану: «Был у меня Мальро. Человек, видимо, умный, талантливый. Мы с ним договорились до некоторых практических затей, которые должны будут послужить делу объединения европейской интеллигенции для борьбы против фашизма»¹⁹⁶.

«Мальро вернулся в хорошей форме и взялся за работу, — информировал 5 апреля 1936 Кольцова Эренбург. — Я не очень-то верю в предприятие с энциклопедией — боюсь, что трудно будет преодолеть марксистскофобию англичан и двух третей наших французов. Но посмотрим, как развернется дело. Пленум хотят созвать в июне в Лондоне, посвятив его культурному наследству и частично энциклопедии. С Арагоном Мальро договорился. Арагон взял на себя французские дела, Мальро — пленум и пр.»¹⁹⁷.

В Париже Мальро встретился с Бухариным и перевел на французский текст его доклада «Основные проблемы современной культуры»¹⁹⁸ (доклад с огромным успехом был прочитан Бухариным 3 апреля 1936 в том же зале Мютюалите, где проходили заседания конгресса писателей, на который Сталин Бухарина не пустил). В книге бесед с де Голлем «Веревка и мыши» (1976) тема Сталина не раз возникает у Мальро, есть там и рассказ о том, как «Бухарин, проходя со мной по площади Одеон, где около траншей лежали канализационные трубы, задумчиво произнес: "А теперь он меня уничтожит..." "Что и было сделано», — внешне бесстрастно комментирует Мальро¹⁹⁹. Не только политические соображения, но и че-

¹⁹³ В январе—марте 1936 «Правда» напечатала серию погромных статей о «формализме» в советском искусстве: редакционные статьи «Сумбур вместо музыки (об опере "Леди Макбет Мценского уезда" Шостаковича)» — 28 января; «О художниках-пачкунах» — 1 марта; статью В.Кеменова «Формалистические кривлянья в живописи» — 6 марта; после этого на собраниях в различных творческих союзах были произнесены разгромные доклады Ставского, Кирпотина, Алабяна, Керженцева.

¹⁹⁴ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Ед.хр.509. Л.1; второй лист в деле отсутствует.

¹⁹⁵ Поварцов С. Цит. соч. С.126.

¹⁹⁶ Горький М. Собр.соч. Т.30. М., 1956. С.435.

¹⁹⁷ РГАЛИ. Ф.1204. Оп.26. Ед.хр.668. Л.12.

¹⁹⁸ Бухарин Н. Революция и культура. М., 1993. С.288-307.

¹⁹⁹ Мальро А. Зеркало лимба. М., 1989. С.349.

ловеческие судьбы Бухарина, Бабеля, Кольцова, Радека, с которыми общался Мальро, определили его разрыв с коммунизмом...

Андре Жид так и не собрался в Москву в начале марта. «Видел Жида после приезда из Сенегала, — информировал Кольцова Эренбург 9 мая. — Бодр. Сказал, что едет твердо 15 июня. Свита странная»²⁰⁰. В уже цитированных «Записках маленькой дамы» есть запись 5 июня 1936: «Да, решено, он поедет в Россию, но без особой охоты, мне кажется. Он принял у себя Мальро и Эренбурга. Он представляет себе по их рассказам, что его заставят сказать и что он не скажет. Чувствуется в нем большое сомнение. Что он хотел: он хотел сказать о гомосексуализме. Скажет ли он об этом? Стоит ли это? Услышат ли его»²⁰¹? Он может взять с собой кого угодно в качестве сопровождения. Но это деликатно. Шифрин²⁰² предложил себя, и Жид с радостью согласился. Он хорошо говорит по-русски и в то же время он левый, хотя и не член ФКП. Его не подозревают в сочувствии к кому-либо. Он возвращается в свою страну, чтоб посмотреть. Он думает о Даби, о Гийу, о Джефе Ласте»²⁰³.

26 июня, когда А.Жид уже находился в СССР, Эренбург заметит в очередном письме Кольцову: «Перед отъездом встречался со свитой Жида и убедился, что Ш[ифрин] настроен довольно зловредно».

Сопровождаемый друзьями, Андре Жид прибыл в Москву 17 июня. Его встречали Кольцов и находившийся в Москве Арагон. «Привет Андре Жиду!» — таков был в тот день заголовок редакционной статьи «Известий». Давнее желание Жида повидаться с Горьким оказалось неосуществимым: 18 июня «великого пролетарского писателя» не стало. «Радость моего приезда в Москву почти сразу омрачена тяжелой вестью. О, я знаю, что он очень был болен несколько времени... Перед огромным трауром всего мира — кто осмелится говорить о своей собственной грусти; того, кого я уже называл своим другом — нет» — эти слова Андре Жида напечатала «Литературная газета», сообщая о его прибытии в Москву²⁰⁴; в том же номере информация о том, что в конце года в Москве выйдет 5-й том сочинений Жида и его книга «Новая пища» (перевод под редакцией Бабеля), и снимок: Кольцов и А.Жид у гроба Горького. Андре Жид был и на похоронах Горького и даже удостоился чести подняться на трибуну

²⁰⁰ РГАЛИ. Ф.1204. Оп.2. Ед.хр.668. Л.15.

²⁰¹ Эренбург вспоминал об этом разговоре: «Незадолго до своей поездки в Советский Союз он пригласил меня к себе: "Меня, наверное, примет Сталин. Я решил поставить перед ним вопрос об отношении к моим единомышленникам..." Хотя я знал особенности Жида, я не сразу понял, о чем он собирается говорить Сталину. Он объяснил: "Я хочу поставить вопрос о правовом положении педерастов..." Я едва удержался от улыбки; стал его вежливо отговаривать, но он стоял на своем» (ЛГЖ. Т.2. С.54).

²⁰² Жак Шифрин — сотрудник издательства Н.Р.Ф., выходец из России.

²⁰³ Риссельберг М. ван. Записки маленькой дамы. Указ. соч. С.539. Жид прилетел в СССР в сопровождении французских писателей Пьера Эрбара, Луи Гийу, Эжена Даби, голландского писателя Дж.Ласта и Жака Шифрина; Гийу и Ласт были членами Бюро Международной ассоциации писателей.

²⁰⁴ Литературная газета. 1936. 20 июня.

Мавзолея и в присутствии Сталина произнести речь (после Молотова, Булганина и А.Толстого); переводил Кольцов. 21 июня в ЦПКиО состоялся митинг, посвященный годовщине Парижского конгресса; на нем выступали Кольцов, А.Жид, Арагон, Бехер, Корнейчук и др. (объявлены были также выступления Бабеля и Пастернака, но они не появились²⁰⁵); 26 июня «Литературная газета» дала целую страницу, посвященную Андре Жиду, но в это время он уже отправился в поездку по стране, а потом почти месяц отдыхал в Грузии. Во время пребывания Жиды в СССР заболел скарлатиной и умер в Севастополе Эжен Даби (ему не исполнилось и 38 лет); кроме того в Москве А.Жид застал процесс над сподвижниками Ленина Зиновьевым и Каменевым и узнал об их расстреле. Настроение к концу поездки у него было не самое радостное; кроме того, Ж.Шифрин вполне хорошо владел русским, и Жид бесперебойно получал независимую от официальных переводчиков информацию (о ней можно судить по его «отчетной» книге).

Сталин не удостоил Андре Жиды специальным приемом (ни с газетными фотографиями, как Роллана, а потом Фейхтвангера, ни без сообщений, как Барбюса): по-видимому, чекисты донесли о настроениях и высказываниях писателя и его сопровождения.

Осенью в Париже А.Жид работал над книгой «Возвращение из СССР». Мальро и Эренбург были в Испании, где в июле началась гражданская война. В октябре они оказались на короткое время в Париже. 21 октября секретарша А.Жиды записала содержание своей встречи с ними дома у Мальро²⁰⁶. Эренбург с несомненной тревогой ждал книги Жиды: он понимал свою ответственность, хотя, пожалуй, не был главным в мощной раскрутке (если тут уместна будет современная лексика) Андре Жиды в СССР. Поэтому Эренбург стремился как-то повлиять если не на текст Жиды, то хотя бы на время выхода его книги. Вот соответствующие страницы «Записок маленькой дамы»: «25 октября 1936. В тот момент, когда мы сели за стол, раздался телефонный звонок Эренбурга, который спросил, когда он может приехать к Жиду. Он уезжает в Испанию и спешит. Он настаивает на срочной встрече, ему нельзя отказать. Ясно,

²⁰⁵ Литературная газета. 1936. 20 и 26 июня.

²⁰⁶ «Я читывалась [Жиду] о вечере, проведенном у Мальро. Скорей, тяжелое впечатление, в котором Мальро не виноват. Кажется, он так занят ролью, которую играет в Испании (она его радует), что поглощен этим полностью и теряет всю свою обычную нервность. Все это для меня туманно. Жид говорил мне, что Мальро ведет переговоры об оружии, о важных поставках самолетов и что он постоянно летает из Испании в Европу. Мальро неразговорчив, его надежды на победу сомнительны. Был и одутловатый Эренбург, болтал о патологии испанцев, кстати — остроумно, с откровенным юмором, но слишком легкомысленно и слишком отстраненно для человека, приехавшего оттуда. И потом — что-то мне не нравится его физиономия, неприятная, мешает. Впечатление неуместного остроумия усилено одалиской Кларой Мальро [жена писателя], которая принимает, лежа на своей кровати, с легкомысленным и живым интересом, патетически говоря об опасности, связанной с деятельностью Мальро, и тут же переходя к его успехам на женском фронте» (Риссельберг М. ван. Записки маленькой дамы. Указ. соч. С.562).

что он хочет что-то сообщить в СССР о Жиде, но Жид не хочет ничего говорить, отвечает туманно, он пытается перевести разговор на процессы в Москве, говорит, что он очень взволнован, и говорит, для успокоения Эренбурга, что он не пишет об этом в своей книге, что правда.

26 октября. Эренбург сегодня утром пришел повидаться с Жидом. Он был очень хитер. Впечатление, что он точно знает содержание книги Жида, и тот удивлен этим (гораздо больше меня). Но как могло быть иначе с неистребимой болтливостью Жида. Да, Эренбург знает примерно все и одобряет! Он добавляет к этому, что, если б захотел, сам написал бы еще больше!..

Мысль запретить публикацию для него неприемлема, но он считает, что сейчас публикация несвоевременна. Он настаивает, чтобы Жид отсрочил выход книги, напечатал бы ее после Испанской войны²⁰⁷. В такой момент, — говорит Эренбург, — когда Россия предпринимает невероятные усилия, чтобы помочь Испании, нельзя на нее нападать. Он настаивает, чтобы Жид поехал в Испанию, и Жид понимает, что ему следует доказать: он не отказывается от коммунизма и в тот момент, когда выходит его книга. Он поедет с Пьером Эрбаром, которого уговорит, ведь тот собирается в Париж раньше, чем предполагалось...

После обеда приносят верстку "Возвращения из СССР", мы правим ее и заканчиваем примерно треть. Работа приятная — замена слов, фраз. Вместе с Жидом это всегда интересно.

27 октября. Жид завтракал со мной. Он получил письмо от Мадлен Паз, вызвавшее его острое недоумение. Паз предлагает ему встречу с Виктором Сержем. Затем просит его сотрудничать в "Популер" — хотя бы немного. Жид говорит: важно, чтобы его книга появилась раньше, тогда не смогут сказать, что на него влиял Серж. Ему все очень любопытно. Он сегодня завтракает с Шифриным, с Франсисом Журденом²⁰⁸, с Фридманом²⁰⁹ и с юным Малаки — трое последних коммунисты. Понятно, что речь идет только о его книге и о его решении молчать. Они ставят вопрос о его оппортунизме. Они считают, что ему следует с самого начала четко определить свою позицию. Отвергли его просьбу напечатать на

²⁰⁷ 15 января 1945 Жид записал в «Дневнике»: «Я писал о поездке в СССР в том же стиле и в том же духе, что и о разоблачениях колониальных злоупотреблений в Конго, которые вызывали у меня отвращение. И те же самые люди, которые возмущались моими критическими высказываниями по адресу СССР, громче всех приветствовали меня, когда подобные критические замечания направлялись против побочных явлений "капитализма". В этом случае все восторгались моей проницательностью, моей способностью разоблачать обман, моей смелостью в обличениях. В России же, вдруг стали утверждать эти люди, я не сумел ничего понять, не сумел ничего увидеть. И если некоторые признавали обоснованность моих наблюдений, то кое-кто все-таки считал их несвоевременными. Самое большое, что допускалось среди товарищей, — это признать: в СССР есть отдельные несовершенства, но говорить о них еще не пришло время» (Литературная газета. 1989. 8 марта).

²⁰⁸ Франсис Журден (1876-1958) — французский писатель и художественный критик, член руководящего бюро АЕАР.

²⁰⁹ Жорж Фридман (1902-?) — французский философ, коммунист, член АЕАР; вместе с Арагоном и Ж.-Р.Блоком вел литературную страницу «Юманите».

рекламе книжки слова: "Слишком часто правда об СССР говорится с ненавистью, а ложь — с любовью". Верстка будет готова завтра.

28 октября. Сегодня утром Жид получил телеграмму от Джефа Ласта, которая нас очень взволновала. Ласт просит отложить выход книги и подождать встречи с ним, когда Жид вернется из Мадрида. Значит, Ласт узнал о возможной поездке Жиде в Испанию из публикации Эренбурга²¹⁰, который бесспорно использует свой последний шанс. Знает ли Ласт, чего Жид ждет от своей поездки в Испанию? Вопрос очень деликатный. Жид решается повидать Мадлен Паз, чтобы выслушать ее. Раздается звонок. Когда она приходит, Жид зовет меня, чтобы узнать впечатление. Мадлен Паз — женщина темпераментная, умная, ловкая, точная, энергичная. Она говорит о пользе того, что заявлял о России Виктор Серж, о том, что коммунисты против Народного фронта, но Блюм решил держаться максимально компромиссно и мягко, чтобы спасти единство. По ее мнению, правда об СССР действительно необходима: чем дольше ее ждут, тем труднее ее высказать. В 12 часов приходит Шифрин продолжить правку. Он правит аккуратно, смотреть на его работу приятно. Потом Жид получает письмо Ласта, отправленное до телеграммы и до встречи с Эренбургом. Письмо, полное восторга; в нем Ласт спрашивает, уместно ли сейчас печатать книгу...»²¹¹.

Книга «Возвращение из СССР» вызвала в Москве гнев. Официальный отклик последовал в виде редакционной статьи «Литературной газеты» «Куда Андре Жид возвратился из СССР»²¹². «Слезливость, двойственность книги Жиде выдает в нем человека слабого, неустойчивого, ограниченного и жалкого», — утверждала газета, высказывая предположение о пагубном влиянии на Жиде все тех же троцкистов. Сообщалось также, что А.Жид только что подписал поздравительную телеграмму французских друзей СССР, направленную в Москву по случаю принятия сталинской Конституции. «Не думает ли он, — вопрошала газета, — что этой подписью он восстановит доверие?» Было ясно, что доверие потеряно навсегда. Книги А.Жиде сняли с производства, а уже вышедшие изъяли из библиотек; из печатавшейся «Книги для взрослых» Эренбурга успели выкинуть абзац о Жиде²¹³. В эту пору в Москве находился Лион Фейхтвангер, и московские острословы опасались (в стихах), как бы «сей еврей

²¹⁰ В советских корреспонденциях Эренбурга о поездке А.Жиде в Испанию речи не было.

²¹¹ Риссельберг М. ван. Записки маленькой дамы. Указ. соч. С.565-567.

²¹² Литературная газета. 1936. 6 декабря.

²¹³ «Андре Жид похож на монгольского врача, у которого узловатые крепкие руки, он мог быть хирургом. Встречаясь с ним, встречаешься с книгами, у которых теплые ладони, с соборами, которые ходят, с масками, которые душат. Я видел его за работой; тщательно, каллиграфическими буквами он пишет о своем сложном пути. Я видел его в нестерпимо знойный день, в пыли парижского предместья, среди камнетесов и поденщиков. Он стоял на подмостках, смущенно улыбаясь. Он подымал к небу ту руку, которая могла быть рукой хирурга, которая была рукой поэта и которая сжималась в кулак рабочего» (см: Эренбург И. Собр. соч. Т.3. М., 1991. С.570); «Книга для взрослых» была сдана в набор 21 июня 1936, подписана в печать 10 декабря 1936.

не оказался Жидом». С Фейхтвангером, правда, все обошлось. Жида время от времени клеймили; персидскому поэту Лахути, тогдашнему любимцу Сталина, пришлось написать вторую статью о Жиде²¹⁴ (в первой, напечатанной летом, он его восхвалял²¹⁵). В советской печати А.Жида бранили и его западные коллеги — Фейхтвангер²¹⁶ и Роллан²¹⁷, но они-то, в отличие от советских обличителей, книгу А.Жида прочли. А через год, уже в связи с испанскими сюжетами, Илье Эренбургу пришлось-таки назвать А.Жида «стариком со злобой ренегата, с нечистой совестью»²¹⁸.

«Возвращение в СССР» в конце концов издали и в СССР, но существовал Союз после этого только год. В конце концов спорить оказалось не о чем. А.Жид за два месяца разглядел то, на что многим наблюдавшим эту жизнь изнутри не хватило жизни: «То, что Сталин всегда прав, означает, что Сталин восторжествовал над всеми. "Диктатура пролетариата" — обещали нам. Далеко до этого. Да, конечно: диктатура. Но диктатура одного человека, а не диктатура объединившегося пролетариата, Советов. Важно не обольщаться и признать без обиняков: это вовсе не то, чего хотели. Еще один шаг, и можно будет даже сказать: это как раз то, чего не хотели»²¹⁹. В 1937 году этот шаг был сделан. Оснований для иллюзий не осталось. С московской политической сцены исчезли многие из упомянутых в этом повествовании: Барбюс и Горький умерли; Жида отлучили; Бухарина, Радека, Стецкого, Кнорина, Ангарова, Динамова, Киришона, Микитенко, Кина арестовали; Кольцова, Бабеля и Луппола ждала та же участь; Мальро, Реглер и Эренбург были в Испании. Москва стало не до культурных программ и проектов Парижского конгресса. Второй конгресс в защиту культуры собрался в Мадриде — туда, под бомбы, отправились только большие энтузиасты; в своих речах они клеймили ренегата А.Жида и прочих ренегатов: троцкистов и фашистов.

До Третьего конгресса в защиту культуры дело не дошло — началась мировая война.

²¹⁴ Неумный вояка // Литературная газета. 1936. 26 декабря.

²¹⁵ Литературная газета. 1936. 26 июня.

²¹⁶ Эстет о Советском Союзе // Правда. 1936. 30 декабря.

²¹⁷ «Ответное письмо иностранным рабочим Магнитогорска», напечатанное под большим заголовком «Ромен Роллан об Андре Жиде» (Правда. 1937. 11 января).

²¹⁸ Известия. 1937. 3 ноября.

²¹⁹ Жид А. Возвращение в СССР. М., 1990. С.90-91.

«...В ПАМЯТИ ЭТА ЭПОХА ЗАПЕЧАТЛЕЛАСЬ НАВСЕГДА»

Письма Ю.К.Терапиано к В.Ф.Маркову (1953-1966)

Публикация О.А.Коростелева и Ж.Шерона

Пятидесятые годы в истории русской эмиграции — это время, когда литература первого поколения уже прошла пик своего расцвета, да и само поколение сходило со сцены. Но одновременно это и время подведения итогов, осмысления предыдущей эпохи.

Публикуемые письма — преимущественно об этом. Их авторы были знакомы только по переписке, в жизни встретились лишь раз, да и то неудачно, так что единственным поводом для переписки были литература и литературная жизнь.

Юрий Константинович Терапиано¹ (1892-1980) — эмигрант «первой волны», представитель «незамеченного поколения», поэт, критик, мемуарист, принимавший участие практически во всех основных литературных начинаниях эмиграции, от Союза молодых поэтов и писателей в Париже и «Зеленой лампы» до послевоенных «Рифмы» и «Русской мысли». Владимир Федорович Марков² (р.1920) — один из самых известных представителей второй эмиграции, поэт, литературовед, критик, в те времена начинавший блестящую академическую карьеру в США. Это были совершенно разные люди, с противоположными подчас вкусами и пристрастиями. Терапиано — ученик Ходасевича и одновременно защитник «парижской ноты», Марков — знаток и ценитель футуризма, к «парижской ноте» испытывал устойчивую неприязнь, желая как минимум привить к ней ростки футуризма и стихотворного делания. Ко времени, когда завязалась переписка, Юрию Терапиано было уже за шестьдесят. Маркову — вдвое меньше, немного за тридцать. Тем не менее, им было интересно друг с

¹ Специальных работ о Терапиано не существует, помимо статей в справочниках: Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М., 1996. С.420-421; Витковский Е.В., Леонидов В.В. // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940). Т.1: Писатели русского зарубежья. М., 1997. С.381-382.

² Подробнее о нем см. в кн.: Культура русского модернизма: Статьи, эссе, и публикации. В приношение Владимиру Федоровичу Маркову / Под ред. Р.Вроона и Дж.Малмстада. М., 1993; Марков В. О свободе в поэзии: Статьи, эссе, разное. СПб., 1994; Марков В. 100 русских поэтов: Антология. СПб., 1997.

другом. На протяжении полутора десятков лет оба почти ежемесячно писали друг другу, сообщая все новости, мнения о новинках и просто литературные сплетни. Марков расспрашивал о литературе «первой волны», спорил, не соглашался, проявлял свойственную ему самостоятельность в суждениях, но вновь и вновь жадно выпрашивал о деталях и подробностях довоенной литературной жизни Парижа. Терапиано, в свою очередь, искал среди людей «второй волны» продолжателей начатого его поколением литературного дела, а не найдя, просто всматривался в молодых литераторов, пытаясь понять: какие они, что у них за душой, с чем пришли. Марков нападал на стариков, задибался, высказывал парадоксальные суждения, Терапиано терпеливо рассказывал ему, как оно было на самом деле, и, в меру своего разумения, объяснял, почему было именно так.

Пятидесятые годы стали рубежными для истории русской литературы в эмиграции. Менялась эпоха, и два представителя разных «волн» много говорят об этом. Собственно литературного поколения в понимании людей первой эмиграции из «второй волны» как-то не получилось. Терапиано вскоре почувствовал это, на свой лад пробовал найти этому объяснение и даже пытался давать советы, искренне желая, чтобы разбросанные по всему миру поэты «второй волны» стали все же не только самостоятельными единицами, но и поколением.

Любопытно еще и то, что все рассуждения о смене поколений касаются не только эмиграции, но удивительным образом схожи с аналогичными процессами в метрополии. Авторы писем об этом не думали и думать не могли, но теперь, несколько десятилетий спустя, это сходство бросается в глаза.

Письма сохранились в архиве В.Ф.Маркова и сейчас находятся в РГАЛИ (Ф.1348). Общеизвестные для читателя «Минувшего» имена (Бунин, Мережковский, Берберова и т.д.) не комментируются. Упомянутые в письмах факты, статьи или люди, о которых не удалось отыскать никаких сведений, специально не оговариваются.

1

Медон, 13 июня 1953 г.

Многоуважаемый господин Марков,

(простите, Вы не сообщили мне Вашего имени-отчества)

Я помню Ваши «Гурилевские романсы»¹ и читал антологию², Вами составленную для «Чеховского издательства» (рад, что название не Ваше), и рад с Вами познакомиться хотя бы в форме «переписки из двух углов»... мира.

Мне очень ценно то, что Вы пишете о «парижской школе» — точнее, о довоенной литературной атмосфере в Париже. В моей книге³ я хотел, поскольку возможно, дать кое-какое представление о ней, об идеях, об отношении к делу поэта и писателя и о той ра-

боте, которую произвели мои сверстники в смысле пересмотра прежнего и поисков «своего», «главного». Почти все мы работали в самых неподходящих условиях (днем — маляр, приказчик в магазине, шофер или рабочий), а судьба некоторых была еще более тяжелой.

Чего искали мы, что мы отстаивали — и от натиска старшего поколения, от «отцов-общественников», и от советских образцов «социалистического реализма», и от соблазна новейших французских течений — дадаизма, сюрреализма, христианства а ля Мориак — это, прежде всего, честность и правдивость, чувство ответственности поэта и писателя, отказ от внешней красоты, от погони за громкими формулами и за дешевым успехом.

Кое-кто из представителей «старших поколений» — Гиппиус, Мережковский, Шестов и отчасти Ходасевич (в смысле формальном) — были нашими помощниками и союзниками. Во время войны они умерли, погибли прежние газеты и журналы, Париж до сих пор лишен права голоса (современные издания — правые и левые — литературу признают только в виде привеска к политике) — и говорить удается лишь некоторым из «парижан» и то — в Америке, где атмосфера совсем не походит на прежнюю парижскую.

В Америку переехали некоторые парижане — Варшавский⁴, Яновский⁵, Газданов⁶; в журналах же хозяйничают тоже некоторые «парижане» — из числа тех, которые или вовсе не имели отношения к довоенной литературной жизни, или имели лишь косвенное отношение к ней.

Отсутствие «воздуха» чувствуется и в современном Париже: но, несмотря на «ночь», многие продолжают писать, появились даже новые имена — им особенно трудно сейчас, т.к. Америка падка на «имена». Несколько раз делались попытки организовать в Париже литературный журнал, но средств здесь нет, а деньги из Америки — идут на другое. Надежда однако не потеряна — может быть, со временем парижанам все-таки удастся добиться своего. Я думаю, что всем нам нужно стараться поддерживать связь друг с другом, среди писателей и поэтов «новой эмиграции» есть тоже люди, думающие как Вы, — и это очень ценно.

Если бы Вы знали, как — в течение всего эмигрантского периода — французские литературные круги были холодны к нам, эмигрантам, и как трудно найти с ними общий язык *нам*. Франция до первой войны, Франция до второй войны и современная Франция — это три различных мира. У них до сих пор есть большая культурная традиция, их «техника» стоит на высоком уровне по сравнению с нашим «уменьем писать», но связь с французской литературой, которую многие из нас чувствовали в России, в Па-

риже превратилась в отчужденность. Андре Жид⁷, например, очень любил и почитал Достоевского, но нам чуждо именно то, за что он его любил, и то, как он его любил, для нас Достоевский иной, не «в понимании европейцев». На эту тему можно много говорить, можно спорить «до двенадцати часов ночи» — глубже, чем написал в «Опытах» многоученный Вейдле⁸ — его статьи напоминают лекцию для учеников 7 класса гимназии.

Маяковского я не люблю; в нем всегда шум и треск, а Бог, как сказано в Библии, в тишине. Может быть, я не умею его понять, но его поэзия мне чужда.

Буду рад время от времени обмениваться с Вами письмами. Сейчас пойду на «Плас Рабле» — на почту.

В Медоне пахнет — увы! — бензином, а не Рабле, но по вечерам, когда всякие автомобили и мотоциклы исчезают, можно дышать «запахом леса и роз».

С искренним приветом

Ю.Терапиано

¹ «Гурилевские романы» В.Маркова публиковались в «Новом журнале» (1951. №25. С.88-120), а позже вышли отдельным изданием (Париж, 1960).

² Приглушенные голоса: Поэзия за железным занавесом / Сост. и пред. В.Маркова. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952.

³ Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953.

⁴ Владимир Сергеевич *Варшавский* (1906-1978) — прозаик «незамеченного поколения», мемуарист. В США перебрался в 1950.

⁵ Василий Семенович *Яновский* (1906-1989) — прозаик «незамеченного поколения», мемуарист. В США — с 1942.

⁶ Гайто (Георгий Иванович) *Газданов* (1903-1971) — прозаик «незамеченного поколения». С 1953 — постоянный сотрудник американской радиостанции «Свобода».

⁷ Статьи *Андре Жида* (1869-1951) о Достоевском появлялись во французской печати с конца прошлого века, затем были изданы отдельной книгой: Gide Andre. Dostoievsky, articles et causeries. Paris, 1923. Книга переведена на многие языки и неоднократно переиздавалась. Ср. высказывания Адамовича о разговоре с Андре Жидом по поводу Достоевского: Адамович Г. Table talk // Новый журнал. 1961. №66. С.85-98.

⁸ Вейдле В. Европейская литература // Опыты. 1953. №1.

Многоуважаемый коллега,

(по-прежнему должен так обращаться к Вам, Вы не сообщили мне опять Вашего отчества)

Ваше письмо, по случаю забастовки, где-то долго лежало — и только на днях доставлено мне, поэтому отвечаю с таким запозданием.

Меня удивила Ваша фраза: «На Хлебникова я натолкнулся случайно, в связи с "Антологией"». Неужели же в России Хлебникова теперь не знают?

«Парижане» же (старшие, т.е. юношами выехавшие из России) знают его и очень ценят, как явление значительное, оказавшее в свое время влияние на многих поэтов. Петников¹, например, производил себя от Хлебникова. К сожалению, то, что осталось о Хлебникове — осталось лишь в памяти. С интересом прочли его стихи («матрос пред иконой»²) в Вашей «Антологии» — выразительность местами потрясающая. Если Вы имеете возможность собрать хоть сколько-нибудь полно материал о Хлебникове — это будет очень вкусно, тем более, что «младшие» зарубежные поколения поэтов, действительно, знают его лишь понаслышке — где достать здесь стихи Хлебникова?

Вы правы в том, что «Париж» — приблизительно с середины 20-х годов — пошел иным путем, чем Пастернак, Цветаева и вся эта «линия»³. К «левизне», к «дерзаниям» большинство стало относиться сдержанно, хотя Поплавский во «Флагах»⁴ своих «очень дерзал», — но это скорее линия Аполлинера, Рембо, т.е. не русская.

Недавно я перечитал ранние книги Б.Пастернака — и меня поразило то, что те самые стихотворения, строфы, строки, которые в свое время вызывали во мне такой резонанс, сейчас существуют для меня лишь своим ритмом, эмоциональным напором, но слова — как-то выветрились, трудно принять всерьез, как поэзию...

Сыпан зимами с копыт
Кокаин⁵

— и т.д., и т.д. — а как прежде мы эти стихи любили! Впрочем, и сам Пастернак вернулся было перед войной к опыту простоты:

Есть в опыте больших поэтов
Черты естественности той,
Что невозможно, не изведав,
Не кончить полной простотой...

— но все же у него нового опыта не получилось. Не спору: П[астернак] — явление значительное, но вряд ли способное сейчас действительно оплодотворять настоящее. И люди — другие, и состав душ изменился, «в трезвом, неподкупном свете дня» все то, что в свое время так поражало у Пастернака, сейчас кажется уже именно «не сложным», в каком-то смысле даже духовно-наивным, молодым, — ведь мы все очень протрезвели и очень состарились. Не думаю, чтобы кто-либо из «парижан» стремился «шлифовать словесную оболочку, пока дух не начнет светиться даже сквозь металл», — скорее они (не все, конечно, некоторые, — Штейгер⁶, например) стремились очистить фразу от всякого звона, риторики, красоты и приблизиться, насколько возможно, к простой речи человека во время каких-либо действительно важных и серьезных переживаний, во время которых всякая «нажатая педаль», всякая поза, ложь звучит уже невыносимой фальшью. Удавалось ли кому-нибудь дойти до такого предела простоты? — трудно сказать. И вообще — не безумие ли такое стремление поэта? — вот здесь главный вопрос, главное сомнение. В сущности, «парижская нота»⁷ — есть стремление *развоплощающее*, едва-едва удерживающееся на границе поэтической речи, каждую минуту грозящее сорваться, замереть, совсем замолчать, — та «белая страница», о которой столько писал в свое время Адамович. М.б., действительно нужно «воплотиться» — хотя бы в 7-пудовую купчиху? — это, конечно, выпад против грома и треска, ну, хотя бы Маяковского, но, говоря серьезно, в будущем, вероятно, будет найден какой-то синтез «плоти» и «духа». Конечно, не все «парижане» причастны «парижской ноте», среди них было и есть множество «нот»⁸, иногда — очень примитивных, — например, «нео-акмеизм» Ладинского⁹, «под-Пушкина» Пиотровского¹⁰, «смесь Блока с Вертинским» Смоленского¹¹ и т.д. Исключительных талантов (кроме, м.б., Поплавского, если бы он жил) эмиграция не дала — а, м.б., в таких условиях — не только внешних, но и внутренних — в такой уединенности, пустоте, в такой внутренней душевной опустошенности, и самый крупный талант не мог бы раскрыться, не мог бы дать того, что он мог бы дать в других условиях... Так или иначе, невольный и в то же время — вольно принятый на себя «акмеизм» этот — можно и принять, — но нужно и преодолеть его когда-то. Поэтому я так внимательно слежу за новым поколением — а вдруг кто-нибудь из них? — Вероятно, так и будет когда-нибудь, если чудо вообще возможно за границей...

Но что-то останется и от пройденного опыта: да, например, — и по масштабу, и по широте дарования — Бальмонт — титан перед Штейгером, и в то же время у Ш[тейгера] есть 5-6 строчек,

которые подлиннее в смысле поэзии, чем вся сладкозвучность Б[альмонта]. Пример этот так — на лету, наудачу, — м.б., и не вполне удачный, — но иногда бывает лучше все продать и купить одну жемчужину. Я, конечно, не предлагаю в качестве идеала Штейгеровскую жемчужину — и ничью другую, — но каждый, по-своему, ее ищет, не так ли? И вот здесь — хотелось бы иметь возможность говорить, а не писать... — Как тяжела вообще плоть речи, какая еще несовершенная форма возможности передавать что-либо друг другу — речь, вот где она — тяжесть слов, трескучая, наследственная привычка и наша единственная возможность — «ложь» по Тютчеву!

Желаю Вам всего самого хорошего и доброго!

Ю.Терапиано

¹ Григорий Николаевич *Петников* (1894-1971) — поэт-футурист.

² Речь идет о стихотворении Хлебникова «Ночной обыск». (Приглушенные голоса... Указ. изд. С.147).

³ Эмигрантская поэзия пережила кратковременный период «бури и натиска» авангарда в самом начале двадцатых годов, что отмечали многие современники, в частности, Адамович: «В первое время эмиграции была смесь парижских эксцентрических утонченностей с увлечением дубоватым отечественным футуризмом, уже кончавшимся в Москве» (Адамович Г. Парижские впечатления // Последние новости. 1934. 12 апреля. №4767. С.2). Волна экспериментаторства в Париже быстро сошла на нет. Юрий Терапиано относит эту «реакцию на формизм» в эмигрантской поэзии к 1925 году (Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924-1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк: Альбатрос; Третья волна, 1987. С.228). Сыграла тут свою роль и деятельность Цеха поэтов, перебравшегося в Париж в 1923, и влияние Ходасевича с Адамовичем, сразу же задавших тон молодой парижской поэзии.

⁴ «Флаги: Стихи» (Париж: Числа, 1931) — первая и единственная прижизненная книга Бориса Юлиановича Поплавского (1903-1935). Статью Терапиано о Поплавском см.: Новое русское слово. 1950. 28 мая.

⁵ Из стихотворения Пастернака «До всего этого была зима» (1919).

⁶ Барон Анатолий Сергеевич *Штейгер* (1907-1944) — поэт «незамеченного поколения», наиболее ярко воплотивший каноны «парижской ноты».

⁷ Подробнее см.: Коростелев О.А. «Парижская нота» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940). Т.2. Ч.II. М., 1997. С.158-164.

⁸ Первые попытки определить место молодых поэтов в литературной иерархии эмиграции, выявить «ноты», разобраться во влияниях и т.д.

см. в кн.: Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956; Иваск Ю. Поэзия «старой эмиграции» // Русская литература в эмиграции: Сб. статей / Под ред. Н.П.Полторацкого. Питтсбург, 1972. С.45-70; Smith G.S. The versification of russian emigre poetry 1920-1940 // The Slavonic and East European Review. 1978. Vol.56. №1. P.32-46; Коростелев О.А. Георгий Адамович, Владислав Ходасевич и молодые поэты эмиграции (реплика к старому спору о влияниях) // Российский литературоведческий журнал. 1997. №11. С.282-292.

⁹ Антонин Петрович *Ладинский* (1896-1961) — поэт «незамеченного поколения», автор исторических романов. Стихи его до сих пор остаются несобранными.

¹⁰ Владимир Львович *Корвин-Пиотровский* (1891-1966) — поэт «незамеченного поколения». Подробнее о нем см.: Корвин-Пиотровский В. Поздний гость / Сост. Т.Фесенко. Т.1-2. Вашингтон, 1968-1969.

¹¹ Владимир Алексеевич *Смоленский* (1901-1961) — поэт «незамеченного поколения». Подробнее о нем см. в кн.: Смоленский В. Жизнь ушла, а лира все звучит: Стихи / Сост. и пред. В.Леонидова. М., 1994.

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Я не знал, что Вы принадлежите к другому поколению, и что Вы не могли знать о Хлебникове в 18-20 гг.

Петникова я встречал в Киеве в 1919 г., во время второй оккупации большевиками. Он был старше меня, имел стаж, готовил, если не ошибаюсь, 3-ю книгу стихов «Быт побегов»¹, выступал в поэтическом кафе «Хлам» в гостинице «Континенталь» на Николаевской улице, где я с ним и познакомился. Несмотря на разницу лет и политических убеждений, мы с ним нашли много общего, — и не только в отношении к поэзии, но и о древнем Востоке. Петников очень интересовался браминизмом, буддизмом, древним Египтом, а я специально занимался тогда религиями древнего Востока и Индии². Когда Киев был занят добровольцами, Петников, больной тифом, остался там, его друзьям удалось сделать так, что его «не тронули», а потом, 1/X 1919, я ушел из Киева в Д[обровольческую] а[рмию] — и потерял Петникова из вида. Уже в эмиграции один киевлянин сообщил мне, что Петников погиб в 1920 г., попав в руки повстанцев. Как-то я написал в «Н[овом] р[усском] с[лове]» о Петникове и упомянул о его смерти³. В ответ я получил от 2 лиц (из новой эмиграции) указание, что Петников жив и в 1941 г. уехал в Туркестан. Он был очень замечательным человеком, духовным, тонким, и его «коммунизм» совсем не вязался

с его обликом. Мои корреспонденты сообщают, что Петников потом совершенно отошел от коммунизма, и его перестали печатать.

Я тоже больше люблю раннего Пастернака. «Второе рождение» — признание, что поэзии, в конечном счете, у него не получилось. Бунин как-то сказал: «Или Пастернак — великий русский поэт, или русская поэзия, без Пастернака, — великая поэзия». Бунин-поэт и Бунин, высказывающийся о поэзии (например, в воспоминаниях — о Блоке), — мало вызывает симпатии, но все же он верно почувствовал «трещину» в Пастернаке. Помню, с каким восторгом в юности мы читали ранние стихи П[астернака], но вот недавно, перечитывая, увидел, как многое поблекло и сейчас иначе воспринимается.

Я как раз только что получил 34 книгу «Н[ового] ж[урнала]» и «Опыты». М.б., на фоне других — Елагинское первое стихотворение⁴ талантливо. (Второе — из рук вон плохо, какое-то панибратство с судьбой человека по смерти). Елагин все-таки вспомнил о совести — постараюсь намекнуть ему на «совесть» в смысле отношения к внешней красавости, к «треску, блеску и ярким образам», которыми он так соблазняется. Стихотворения Анстей⁵ (в «Опытах») напоминают стихи киевских поэтов времен моей молодости: «почти как в Петербурге»... Ее грех — недостаток вкуса. Но все же у нее есть «свое». Если она молода и способна понять разницу между «стихотворчеством» и поэзией, она может стать поэтом. Как жаль, что ни с Елагиным, ни с Анстей нельзя поговорить о «деле поэта». Моршен⁶ был своеобразен и талантлив; уже давно я нигде не встречал его стихов, жаль будет, если «он больше не пойдет», как Вы пишете.

Говоря о других стихах (кроме Чиннова⁷), помещенных в последних выпусках журналов, нужно сделать оговорку: ради Бога, не судите по ним о «парижской поэзии» — выбрали г.г. редакторы второстепенное, а то и третьестепенное! Ужас! Хочется как следует «разнести» на сей раз «стихотворные отделы», да и проза в «Н[овом] ж[урнале]» — Пиотровский, например: «Вы здесь боялись?» — замечательный язык!

Можно удивляться, почему это так: но дело просто — сейчас литературными отделами у нас ведают люди — сами видите, какие... Я как-то написал об этом, но, кроме обид и мести за эти писания, ничего не добился.

Ваши «Гурилевские романсы» я помню, там многое мне понравилось. К сожалению, 25-ой кн[иги] «Н[ового] ж[урнала]» у меня уже не сохранилось (люди, берущие на прочтение книги и не возвращающие их, — явление, с которым ничего нельзя поделать),

и поэтому не могу вновь прочесть и ответить более серьезно. Буду рад ознакомиться с Вашей ранней книгой⁸. Я всегда внимательно читаю сборники стихов и не согласен с Адамовичем — с его советами другим — «не писать или перейти на прозу». Хотя — все зависит от обстоятельств! Вспомнил стихотворный отдел в «Опытах» — и готов взять свои слова обратно!

Большая разница — стремиться сказать, стремиться понять «самое главное» — или утверждать: «Я знаю, что есть самое главное». Насколько я знаю, никто из парижских поэтов в такую позу никогда не становился. После смерти Поплавского (кто может сказать, что бы из него сейчас вышло?) среди «парижан» крупных талантов не было. Но — образовалась известная традиция, опыт — и это хотелось бы сохранить и передать следующим поколениям. После войны руководство журналами и газетами попало в руки неопытных или плохо разбирающихся в литературе людей, примешались, вдобавок, политические страсти и «социальный заказ» навыворот. Сейчас необходим был бы настоящий литературный журнал, с ответственной редакцией, но где для этого достать средства?

Крепко жму Вашу руку

Ю.Терапиано

Простите за помарки: пишу в постели, сильно простужен.

¹ «Быт побегов» (М.: Лирень, 1918) — вторая книга стихов Г.Н.Петникова.

² Терапиано всю жизнь продолжал интересоваться религиозной философией и мистикой, еще в Киеве до революции был посвящен в магонскую ложу «Нарцисс», в Париже регуляривался как мартинист, состоял членом ложи «Юпитер» в 1930-1932 годах. После войны часто обозревал теософские, антропософские и др. аналогичные издания в «Русской мысли» и «Новом русском слове», много писал о мартинистах. См. также: Терапиано Ю. Маздеизм: Современные последователи Зороастра. Париж, 1968; франц. изд.: *La perse sekrete: Aux sources du mazdeisme*. Paris: Le courrier du Livre, 1978.

³ Терапиано Ю. Григорий Петников // Новое русское слово. 1951. 28 октября.

⁴ В 34 номере «Нового журнала» были опубликованы стихотворения Ивана Венедиктовича *Елагина* (наст. фам. Матвеев; 1918-1987) «Я это молчание выбил, как пробку...» и «Над мальчишкой крепким и румяным...»

⁵ Имеются в виду два стихотворения Ольги Николаевны *Анстей* (1912-1985) (Опыты. 1953. №2. С.9-10).

⁶ Николай Николаевич *Моршен* (наст. фам. Марченко; р. 1917) — поэт.

⁷ Игорь Владимирович *Чиннов* (1909-1996) — поэт, критик. В своем последнем интервью 1996 года (готовится к печати И.Болычевым) невысоко отозвался о поэзии В.Маркова, ценя его как литературоведа.

⁸ Марков В. Стихи. Регенсбург, 1947.

4

15.I.54

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Благодарю за поздравление с праздниками с Новым годом. В свою очередь шлю Вам наилучшие пожелания в наступившем 54 г.

У нас была почтовая забастовка — и только несколько дней как начали приходиться горы залежавшихся писем. Поэтому не мог ответить Вам раньше.

Мне очень понравилось Ваше замечание об Адамовиче: «не мудрость, пришедшая с годами, а утрата духа молодости» (А[дамович] о Блоке¹). И здесь люди (и моего, и Вашего поколения) не отказываются от Блока. Адамович же любит то «утверждать», то «ниспровергать», — у него очень волнистая, капризная критическая линия, чем он, порой, больше всего вредит самому себе.

О «*Juvenilia*»² ответу на вопрос в надписи: «да, обещала». Книга талантливая, хотя и не ровная, но индивидуальная, в ней есть своя атмосфера. Несмотря на молодость, у Вас звучали тогда грустные, иногда безнадежные ноты, видимо, отрыв от России и встреча с новым миром тяжело переживались Вами. («Что даст мне эта цепь скитаний...»)

Сначала укажу на кое-какие недостатки: 1) нельзя вводить в русские стихи иностранные слова; 2) слово «авто», в частности, — хотя его ввели в поэзию задолго до Вас Северянин и др., во-первых, не правильно («auto») — теперь французы говорят «voiture», а во-вторых — звучит по-русски деланно-фальшиво. 3) Ходасевич боролся с «нету», — я с ним согласен. 4) Явная ошибка — «играться» («...Играться локонами...» стр. 56) — с точки зрения словесной это, кажется, все. Стилистически можно возразить кое-где против некоторых эпитетов, образов и т.д., но я думаю, что, говоря о «*Juvenilia*», сейчас этим заниматься нет смысла.

Но в общем в Ваших юношеских стихах присутствует будущий поэт. Лучшее, на мой взгляд, — цикл стихов об Италии. Особенно мне понравились стихи о «водяном пауке» — в них есть

свежесть, непосредственность, сюжет найден и «взят» очень талантливо. В «Стихах об А.Блоке» есть много хорошего — общий тон, отдельные строки и строфы, но я возразил бы против: «без всяких *спазм, агоний и конвульсий*». Далее отмечу: «Днем все бестрепетно», «Когда польется ночь», «Много див, а мы не знаем»... и два последние стихотворения в книге.

Я «не принимаю» внешних стихов, например, «Мюнхгаузен» — гумилевщина, описательно-изобразительная, без участия автора, эта линия сейчас никуда не ведет. Резюмируя, по «*Juvenilia*» можно сказать, что у автора есть способность глубоко чувствовать, есть серьезность, есть формальное дарование — находчивость, порой «блеск» (стихи о пауке) и есть своя тема.

Я не рецензирую — это лишь беседа «по поводу»; как жаль, что не могу *говорить* с Вами, в письме многое выходит суше и бледнее, чем хотелось бы. Пишете ли Вы *теперь* стихи? Мое ощущение, что в Вас есть много подлинного, глубокого, серьезного, что ряд духовных вопросов Вас задевает, а это — самое главное.

Прочел в №19 «Граней» Вашу статью о д-ре Швейцере³. Статья эта научная и важная, особенно для зарубежных читателей, живущих до сих пор только отрицанием, но не имеющих ничего «взамен». О взглядах Швейцера на Христа и христианство — можно спорить, но личность его, его деятельная любовь, его пример и многие его идеи представляют собой исключительное явление в современном мире.

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего доброго.

Ю.Терапиано

¹ Адамович Г. Сумерки Блока // Новое русское слово. 1952. 10 и 24 августа.

² Терапиано имеет в виду первую книгу стихов Маркова, которую тот ему прислал к новому, 1954 году.

³ Марков В. Человек в джунглях // Грани. 1953. №19. С.110-127.

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Дошла ли до Вас моя статья об «Антологии»¹ в парижской «Русской мысли» от 10/2? Иваск² уделил чрезмерное внимание к «парижанам» (далеко не всех стоило представлять таким количеством), отделы же «не парижан» и «Ди-Пи» — бедны. Затем,

в антологии нужно соблюдать известное равновесие: по 1-2 стихотворениям просто нельзя судить. Кроме того, отбор стихотворений тоже не ровный — у одних выбрал хорошо (м.б., выбирали сами поэты, например, Адамович?), у других же плохо, небрежно, невнимательно. «Приглушенные голоса» были сделаны более ровно. Досадно, что такая большая издательская возможность использована кое-как и 30-летний (minimum) период зарубежной литературы в общем наводит на грустные размышления. Мне хотелось бы, чтобы Вы прочли мою статью об «Антологии», но у меня есть только одна вырезка. Там есть и о Вас, а также по поводу манеры Моршена и Ильинского³ употреблять «словечки».

Рад, что мои высказывания по поводу Вашей юношеской книги совпали с Вашим ощущением. Хотя самому и трудно судить себя, но в то же время, где-то на глубине, сам поэт часто лучше других чувствует правду. Меня несколько удивило отношение Кленовского⁴ к водяному жуку, я предполагал, что у него вкус более «квалифицированный» — оценить жука «всемство» не может, а Кленовскому не оценить — стыдно.

В №19 «Граней» я отметил (в моей рецензии) статью о Маяковском⁵. Сейчас получил №20 — успел пробежать только отдел отзывов. Кто такой Н. Андреев⁶ и почему он так пронзился гиппиусовским эпигоном Злобиным⁷? Его стихи полны рассуждения, а не «музыки», сделаны, а не сотворены, в них нет ни ума Гиппиус, ни ее остроты.

Я, как и все поэты, вздыхаю, когда речь идет о первой моей юношеской книге («Лучший звук»⁸), из которой хотел бы удержать лишь немного («восточные мотивы», например). «Странствие земное»⁹ разошлось («Рифма»¹⁰ издает в малом количестве экземпляров); постараюсь достать у Маковского¹¹ один экземпляр для Вас.

Швейцер (объявлено в газетах) скоро приедет во Францию, затем поедет в Осло и думает остаться в Европе на несколько месяцев.

Читали ли Вы «Прозу»¹² (т.е. воспоминания) Марины Цветаевой? Очень талантливо написано (хотя порой язык «символический» и есть даже «сапогов») — стоит прочесть о Белом, о Волошине, о Брюсове. Пастернак же ей не удался, критических способностей у Цветаевой не было.

Если бы со временем у Вас была бы книга новых стихов — я мог бы предложить ее «Рифме». «Рифма» — издательство для поэтов — для тех, которые не могут сами издать свои книги. Но именно своим намерением и любовью к поэзии «Рифма» продолжает прежнюю традицию. Заведывает ею С.Маковский.

У нас в эмиграции, в литературной среде, очень мало людей, интересующихся «духовным». Поэтому особенно ценны те, которые этим интересуются. Мне говорили, что Кленовский — ярый антропософ. Антропософия — это «не совсем то» в духовном смысле, но все же лучше, чем печатать крупным шрифтом, как Берберова в №2 «Опытов», «после смерти — НИЧЕГО нет»¹³.

Крепко жму Вашу руку

Ю.Терапиано

¹ Имеется в виду книга: На Западе: Антология зарубежной поэзии / Сост. Ю.П.Иваск. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. Рецензию Ю.Терапиано на антологию см.: Русская мысль. 1953. 10 февраля.

² Юрий Павлович *Иваск* (1907-1986) — поэт, критик.

³ Олег Павлович *Ильинский* (р. 1932) — поэт.

⁴ Дмитрий Иосифович *Кленовский* (наст. фам. Крачковский; 1892-1976) — поэт, критик.

⁵ Тарасова Н. Тринадцатый апостол // Грани. 1953. №19. С.77-98.

⁶ Николай Ефремович *Андреев* (1908-1982) — историк, критик. В №20 «Граней» были опубликованы его статьи «Открытие поэта» и «Ценное издание».

⁷ Владимир Ананьевич *Злобин* (1894-1967) — поэт, мемуарист, многолетний секретарь Мережковских и их душеприказчик. В своих стихах, действительно, слишком явно подражал З.Н.Гиппиус.

⁸ Терапиано Ю. Лучший звук. Мюнхен: Милавида, 1926.

⁹ Терапиано Ю. Странствие земное: Стихи. Париж: Рифма, 1951. В библиотеке Маркова эта книга имеется с дарственной надписью: «Поэту Владимиру Федоровичу Маркову с приветом. Ю.Терапиано. Париж. 5.IV.54».

¹⁰ «Рифма» — послевоенное парижское издательство, печатавшее сборники эмигрантских поэтов. См. о нем: Терапиано Ю. Последнее объединение // Новое русское слово. 1976. 14 марта.

¹¹ Сергей Константинович *Маковский* (1877-1962) — в 1949-1959 возглавлял издательство «Рифма».

¹² Имеется в виду издание: Цветаева М. Проза / Пред. Ф.Степуна. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

¹³ Имеется в виду стихотворение Н.Берберовой «Я чувствую, что смерть близка» (Опыты. 1953. №2. С.11).

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Помимо нью-йоркских и «германских» поэтов «Ди-Пи» я иногда получаю стихи из Канады, Австралии и Французской Африки — попадаются совсем недурные. Но, вероятно, «попасть в печать» — дело случая и умения. Вот почему я высказал удивление, что поэтов «Ди-Пи» в «Антологии» так мало — Иваск должен был бы их представить полнее. Не буду спорить о Елагине — ведь я знаю далеко не все его стихи, м.б., Вы и правы, говоря о влиянии Пастернака. Самого Заболоцкого я ценю, но, к сожалению, тоже знаю его не полно: сначала — по ранним стихам, затем по «сборнику стихов», который случайно нашел в здешнем книжном магазине.

Очень рад, что Вам понравилась «Проза» Цветаевой. У нее, конечно, порой не все можно принять, например, записи и высказывания ее 6-летней дочери — явно «псевдодетские», затем «я, я, я», словесные срывы и т.п. Я не хотел писать об этом в статье, тем более, что, как я слышал, Ч[еховское] и [здательств]во уговаривают издать еще одну книгу ее «прозы». Взял я сознательно и другой грех на душу: Гиппиус называла М.Ц[ветаеву] «кликушей» действительно, а таланта ее не признавала. Я же, желая восстановить справедливость, «заставил» Гиппиус прибавить: «а талант огромный», тем более, что уверен: в душе Гиппиус *должна* была это чувствовать. (Так творятся легенды!)

У меня есть № «Н[ового] ж[урнала]» с вашей поэмой, благодаря чему я судил не только по отрывкам у Иваска¹. Что касается «Рифмы» — «заочно и не видя рукописи трудно ответить что-либо определенное» — говорит Маковский (редактор «Рифмы»), но в принципе книга Моршена, мне кажется, вполне для «Рифмы» желательна. То же — и о Вашем проекте издать отдельной книжкой две Ваших поэмы.

Меня интересует Ваша статья о Хлебникове² — не могли бы Вы прислать мне копию? М.б., я мог бы устроить ее здесь, жаль ведь, если статья так и не будет напечатана. Впрочем, Вы, быть может, хотите послать ее в «Грани»? И хорошо было бы, если бы Вы написали о Заболоцком. Что же касается Карповича³ (т.е. Гуля⁴ — практически — там своя «тесная компания») — не уверен, что ее там примут. Хотя «Опыты» велись из рук вон плохо, все же жаль, если они прекратятся. Здесь возник план нового издания, посвященного исключительно поэзии — «стихи и о стихах», есть уже 1/2 нужной суммы, но удастся ли? — еще не знаю. Если

удастся — хочу привлечь Вас, тогда напишу подробно, а пока еще рано.

Кленовский, как антропософ, видит у всех и во всем «антропософские» глубины. Кроме того, как я понял, его ввела в забуждение Берберова — м.б., из «лучших чувств». Кленовский хвалит Ходасевича, видя в нем антропософа, а Б[ерберова] (женщина очень практичная) — «подлила масла в огонь» — «да, да, имел отношение к антропософам». Но я Кленовскому отвечу — и я, и некоторые мои коллеги хорошо знали Ходасевича и его скептицизм к мистике — в частности!

Какие типичные для Бунина письма опубликовал Ржевский¹!

Особенно: «Да, я не посрамил русскую литературу...» В моем отзыве о 20 № «Граней» я подъявил по этому поводу — не знаю, пройдет ли, или Вейнбаум⁶ догадается и вычеркнет? Редко мне приходилось видеть людей, столь уверенных, как Бунин (+ Ладинский и Н.Оцуп), в ценности своего творчества — и это была одна из многих несимпатичных сторон *характера* Бунина.

Получил «Jesus de Nazareth» профессора еврейской истории и литературы Иерусалимского ун[иверсите]та Иосифа Клаузнера. Он, между прочим, разбирает и критикует взгляды д[окто]ра Швейцера, пока — только просмотрел, — огромная работа, в дальнейшем — увижу — каковы его взгляды.

Маковский обещал мне для Вас «Странствие земное», как только получу — пошлю. Не знаю, как в Вашем ощущении, но в моем, до сих пор, прежняя книга — уже не то, новая, та, которую сейчас пишу, уже отошла от той линии.

Крепко жму руку

Ваш Ю.Терапиано

В силу понятных причин сейчас я сократил мою корреспонденцию «*par avion*» и пишу «простые» письма.

¹ Имеются в виду «Гурилевские романсы» (Новый журнал. 1951. №25. С.88-120). Иваск включил в свою антологию три фрагмента поэмы В.Маркова: На Западе: Антология русской зарубежной поэзии. Указ. изд. С.355-359.

² Марков В. О Хлебникове (Попытка апологии и сопротивления) // Грани. 1954. №22. С.126-145.

³ Историк Михаил Михайлович *Карпович* (1888-1959) в то время был главным редактором «Нового журнала».

⁴ Роман Борисович *Гуль* (1896-1986) исполнял обязанности секретаря «Нового журнала», а после смерти М.М.Карповича стал главным редактором.

⁵ Имеется в виду публикация Леонида Денисовича *Ржевского* (наст. фам. Суражевский; 1905-1986) под названием «Памяти Бунина» (Грани. 1953. №20. С.3-8).

⁶ Марк Ефимович *Вейнбаум* (1890-1973) — журналист, главный редактор нью-йоркской газеты «Новое русское слово» с 1922.

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Парижское определение: «музыка» в стихах, пушенное в оборот лет 25 тому назад (кажется) Адамовичем, конечно, не точно и даже способно ввести в заблуждение. С музыкой «звучание» стихов имеет мало общего, но как иначе назвать то, о чем хочешь сказать, говоря о стихах? Ведь есть же множество стихов (порой очень хорошо «сделанных»), но не звучащих, как будто по метрону отбивающих метр, — в отличие от них невольно говоришь о «музыке» того или иного поэта, например, Г.Иванова. Знаете ли вы его книгу «Розы»? Она вышла в 1930 г.¹ и потом была перепечатана Ивановым в другой его книге «Отплытие на остров Цитеру»². Согласен с Вами, что вся русская поэзия (не только эмигрантская) от Лермонтова. Единственные совершенные стихи у нас — Пушкина. После Пушкина все русские поэты, с точки зрения культуры стиха, писали «плохо»³, а элемент «содержания» получил даже преобладающее значение. 16-летний Лермонтов («По небу полуночи») показал, что можно написать гениальное стихотворение — стилистически слабое. И сколько раз Тютчев и другие показывали такое же чудо, но пушкинской гармонии никто, кроме него, дать не мог. Интересно было бы с этой точки зрения сделать обзор русской поэзии XIX и XX вв. А символисты, Блок, например, думали только о «безднах и тайнах», — сколько у Блока плохо написанных стихов — неуклюжие эпитеты и т.п., — хотя бы в «Возмездии». И все-таки Блок — поэт, а всякие «формисты» — мертворожденные!

4 моих старых стихотворения — это: «Стихи о границе» (из книги «На ветру») и 3 из «Бессонницы»: 1) «Помолимся о том, кто в час ночной», 2) «В день Покрова» и 3) «Навзикая». Последние два я основательно переработал, поэтому их можно читать, как новые.

Клаузнер не критикует концепцию Швейцера об Иисусе Христе *подробно*, а только «классирует» его в обзоре всех авторов, писавших на эту тему, как «эсхатологиста». «Для них эсхатология объясняет всю жизнь И[исуса] Х[риста] от начала до конца».

Идея Швейцера о том, что И[исус] Х[ристов], видя нераскаянность народа, мешавшую наступлению «Царствия», решил путем своего страдания и смерти ускорить наступление Суда и Преображения мира, Клаузнеру представляется неправильной, он считает, что И[исус] Х[ристов], как иудей, не мог иметь такого представления (идея Жертвы — это уже позднейшая христианская концепция), и что до последних часов (до вечера) И[исус] Х[ристов] не ожидал такого скорого конца. (Чисто еврейская точка зрения!)

Я совсем не знаю Березова⁴ (кроме его рассказов и документальных очерков в «Возрождении»). Он прислал мне свою «Радость»⁵ и очень просил написать о ней (в «Русской мысли» Зеелер⁶ расхвалил *стихи* Березова). То, что я написал⁷, вряд ли Б[ерезову] понравилось, хотя в конце я и «позолотил пилюлю». О его похождениях слышу в первый раз — очевидно, Б[ерезов] «умеет устраиваться», ничем не брезгуя...

Нового № «Граней» я еще не получил, меня интересует Ваша статья о Хлебникове, так же как и будущие — о смысле футуризма и его традиции. На днях я читал в «Объединении писателей» доклад «О современной зарубежной литературе» и подвел итог творчеству «новой эмиграции», сравнивая его с «довоенным уровнем».

Теперь — о другом. Меня очень тронул Ваш вопрос о моем положении — то, что Вы об этом подумали, поэтому ответу Вам так же искренне. В 1941 году, т.е. вот уже 13 лет, я стал полуинвалидом (после сложной операции системы желчных каналов), не способным к физическим усилиям. Хожу в особом бандаже и должен 2 раза в день делать перевязку, т.к. у меня сделано наружное отверстие для выхода лишней желчи на всю жизнь. Обилие желчи для критика — клад, но для работы — вещь мало удобная. Литература (статьи, случайные переводы и т.п.) — вот все, чем я теперь могу заниматься, а это дает очень мало. До 1950 г. моя жена имела постоянное место (так же, как и я до моей операции), но заболела туберкулезом и тоже лишилась и места, и трудоспособности. Сначала ее поддерживало «Социальное страхование», но затем прекратило. В 52-53 гонорар за «Встречи»⁸ дал нам возможность существовать, но теперь «чеховские деньги» кончились, и встал вопрос «что же делать?». Русские организации во Франции и в Америке («Лит[ературный] фонд») никакой существенной помощи оказывать не могут. Поэтому мои нью-йоркские друзья (люди, сами не могущие давать много) придумали — по-американски (как уже сделано для некоторых других парижских писателей) — такой способ: получить согласие от некоторого числа лиц обещание вносить ежемесячно (или сразу за некоторое время) небольшую сумму, чтобы из этих взносов составить мне ежемесяч-

ную «пенсию». Если бы среди Ваших друзей (Вы поймете, почему я предпочел бы, чтобы это были американцы — они ведь у себя дома и, кажется, люди отзывчивые) нашелся кто-либо, кто согласился бы принять участие в «пенсии», я был бы Вам очень благодарен. Если такие кандидаты найдутся, я пришлю адрес моих друзей в N[ew] Y[ork'e], которым можно будет посылать «взнос». Если же почему-либо Вам это не удобно, я, разумеется, прекрасно это пойму. Еще раз благодарю Вас за внимание ко мне.

Я, конечно, думаю о будущей книге для «Ч[еховского] и[здательст]ва», но слухи о нем доходят сюда тревожные⁹ — будет ли оно существовать в 55 г.? — так что пока не могу успокоить себя этой надеждой.

Крепко жму руку

Ваш Ю.Терапиано

¹ Иванов Г. Розы. Париж: Родник, 1931.

² Иванов Г. Отплытие на остров Цитеру: Избранные стихи 1916-1936. Берлин: Петрополис, 1937.

³ Весь этот пассаж — парафраз постоянных рассуждений Адамовича, впервые опубликованных в четвертом выпуске альманаха «Цех поэтов» (Берлин: Трирема, 1923. С.60): «Пушкинские стихи с каждым годом становились все суше и все строже, иногда даже ценой потери прежней "неги". Он как бы сдерживал, напрягая все силы, готовое рухнуть здание — стиль искусства. Он избирал наименее песенные формы — шестистопный ямб или белый стих.

После его смерти медленно и верно начинается разложение. В стилистике Лермонтова уже даны шестидесятые и девяностые годы, романы Чернышевского и Успенского, идеология русской общественности et caetera.

Поэзия Тютчева есть как бы история жизни очень здорового сознания в эпидемически зараженном воздухе, история стилистических побед и поражений (далеко не редких).

Позднее пришли Надсон и Бальмонт».

⁴ Родион Михайлович *Березов* (наст. фам. Акульшин; 1896-1988) — поэт и прозаик круга Есенина, оказавшийся в эмиграции после Второй мировой войны. См. рецензию Терапиано на книгу рассказов Березова «Далекое и близкое»: Новое русское слово. 1952. 31 августа.

⁵ Березов Р. Радость. Лос-Анджелес, 1953.

⁶ Владимир Феофилович *Зеелер* (1874-1954) — журналист, критик.

⁷ Рецензию Терапиано на книгу Березова «Радость» см.: Новое русское слово. 1954. 2 мая.

⁸ Терапиано Ю. Встречи: Воспоминания и статьи. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

⁹ Издательство имени Чехова — самое крупное книжное предприятие за всю историю эмиграции — существовало на американские деньги. Дамоклов меч прекращения финансирования висел над издательством почти с самого начала, и все же оно продержалось четыре года (1952-1956), выпустив большое количество ценных книг. См. обзорную статью о деятельности издательства: Karpovich M. The Chekov Publishing House // Russian Review. 1957. Vol.16. №1 (June). P.53-58.

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Еще раз очень благодарю Вас за Ваше отношение — в наше время необычное, даже удивительное. Вы поставили (в общем смысле) очень важный вопрос о солидарности писателей, о чувстве ответственности в отношении коллег, о взаимной поддержке. В прежнее время в парижской среде было больше солидарности и доброго отношения друг к другу. Эта солидарность «младшего поколения» и благожелательное отношение в значительной мере являлось основой прежней атмосферы. После войны, к сожалению, «тайная враждебность», если она и была, стала явной, каждый уединился, замкнулся в кругу личных своих интересов — и нет никакой возможности «перекинуть мост» от человека к человеку. И «воздуха» как-то само собой не стало. Я очень Вас понимаю — в смысле отношения к «признанию», но все-таки, мне кажется, Вы слишком строги к себе и к другим Вашим литературным сверстникам. Очень жаль, что все мы так разбросаны по всему миру. И местное «племя молодое», тоже талантливые люди, тоже как-то чувствуют себя «в темноте» среди «старших», забывших об общих вопросах и занятых, главным образом, только своим личным. Если я чувствую себя «без воздуха» — это потому, что сейчас как-то трудно подойти к людям и еще труднее объединить их (как объединялись прежде) во имя какой-то отвлеченной цели. Сейчас — все разговоры (и весь пафос) идут о конкретном, а прежние споры о поэзии, о ее пути и т.п. — как-то никого не волнуют. Мне кажется, что прежде каждый верил в «будущее» — «что-то случится», «что-то откроется», а без надежды и веры душа человеческая сразу снижается на несколько ступеней вниз, предает саму себя. Вероятно, главная причина современного «безвоздушного пространства» — потеря надежды. «Мечта» обманула, ничего не преобразилось — и вот роковой вопрос: «К чему писать?» — «Раз-

ве что-либо может получиться у нас?» — и т.п. Читатели, которые прежде тоже имели свою «мечту», покупали книги, приходили на вечера слушать стихи, почувствовав, что надежда не осуществилась, тоже теперь сердятся на нас и даже мстят нам невниманием. Верно ли, что надежды впереди нет? — не думаю. Мне кажется, сейчас нужно подумать нам о «человеке 50-х» годов, как в свое время мы нашли «человека 30-х» гг. Основным ощущением окончившейся сейчас «парижской ноты» была переоценка прежней, дореволюционной лит[ературной] эпохи и вопрос, как и чем может жить современный человек, прошедший через крушение прежнего мира. Этот человек 30-х годов был уединенным индивидуалистом без Бога, сомневался во всем. А каков человек 50-х гг. — вот главный вопрос. Ваша статья о Швейцере касается как раз этого. Вот было бы хорошо поставить вопрос о том, чем жив и чем может жить человек 50-х гг. Тогда и энергия появится, и, б.м., опять возникнет тайный общий заговор, среда, содружество, без которой — Вы правы — литературная среда мертва. Но вот — как на расстоянии начать разговор и как сделать его общим?

Адрес моих друзей: Mrs. H. Rubissow (Елена Федоровна)
420 Riverside Drive, New York 25, N. Y.

Крепко жму руку

Ваш Ю.Терапиано

9

12.VIII.54

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Лучшей книгой о св. Серафиме Саровском является Сабашниковское издание, Москва, 1915 г. — автора не помню. М.б., его можно найти в какой-нибудь библиотеке в Америке? Здесь — его нет, в свое время я долго искал его. Затем — изданная в Париже в 1930 г. книга проф. В.Н.Ильина¹, которую посылаю Вам одновременно — примите эту книгу от меня. Мне не очень нравятся объяснения, которые Ильин делает, да и вообще, мне кажется, он св. Серафима почувствовал только внешне. Но все же это лучшее, что есть в Париже о св. Серафиме Саровском.

Относительно стихов Лескова, Гончарова и Л.Толстого², для верности, спросил специалиста — проф. Ковалевского, который выпустил по-французски труд о Лескове³. Он гарантирует, что ни Лесков, ни Гончаров стихов не писали. Ходасевич или шутил, или мистифицировал Вишняка⁴, как думает Ковалевский. (Ходасевич любил такие шутки и раз напечатал в «Возрождении» целую биографию никогда не существовавшего поэта конца 18-го века

Василия Травникова⁵, сочинив и стихи его, которые цитировал. А когда многие поверили в Травникова — с торжеством объявил о мистификации — у меня этот «Травников» есть в архиве.) О стихах Толстого Льва — никогда не слышал. М.б., он что-либо написал в шутку, но не думаю. Единственно А.Л.Толстая может знать об этом. Проверял же я у специалиста потому, что все писатели народ опасный, всегда может быть какое-нибудь почти никому не известное стихотворение.

Мне очень понравилось Ваше описание «продажи» меня сестричеству — традиция эта у нас держится прочно со времен Анны Кашиной и по обе стороны — и «здесь», и «там». Было бы, конечно, хорошо, если бы «сестры» признали меня заслуживающим внимания белогвардейцем, но, независимо от результата, благодарю за хлопоты Вас и Моршана. Получили ли Вы ответ от Е.Ф.Рубисовой? Слышал, что она больна, и от нее письма не имею. Поэтому прошу Вас подождать, я Вам напишу в ближайшее время и, если нужно, укажу другой адрес.

Еще о св. Серафиме. Статья Мережковского о нем — «Последний святой»⁶, 1908 г. — написана в то время, когда Мережковский боролся с Церковью. Он обвинял святых, и св. Серафима в частности, в эгоизме — «спасаются, мол, думая о себе, а не о других, в то время, когда Наполеон шел на Россию» и ряд подобных же пошлостей. Я однажды вспомнил эту статью в разговоре с Мережковским. Он ответил, что рад был бы теперь уничтожить ее, что он тогда ничего не понимал в религии и «должен теперь краснеть за нее». Это делает честь Мережковскому — помню, как он волновался при этом разговоре. По-русски этой статьи у меня нет, есть по-французски, — сборник статей в издательстве Gallimard⁷. Если Вас эти статьи интересуют, могу прислать этот (небольшой) сборник Вам для прочтения.

Не дай Бог поэту быть «в литературе» — и мы от нее все эти годы отталкивались и по мере сил старались быть только в поэзии, предоставляя «бытие в литературе» «старшему поколению», которое постоянно заботилось о «славе», т.е. о рецензиях, переводах на иностранные языки и т.п. Результат — широкая публика знает о «нас», вероятно, столько же, сколько и о «вас». Юбилей, доклады, статьи («какой бы дурак ни писал, лишь бы хвалил» — формула «старшего поколения») прошли мимо нас, а теперь, когда нужно в свою очередь «продаваться», — приходится объяснять, что есть такой-то и даже совсем не плохой писатель... И цена на нас, даже на Георгия Иванова, пока не высокая. Адамович как-то сказал об этом неумении поэтов «довести» себя до читателей — «патент на благородство». Дай Бог, чтобы Ваше

поколение подольше пребывало в поэзии. Кленовский (кажется, по возрасту «старший») сумел устроить себе в свое время рекламу — у кого? — Берберова, Аронсон⁸, Яблоновский⁹... но это вряд ли возвысило его поэзию. — Как, в сущности, одиноки поэты и какой низкий уровень читателей был даже в прежней России в эпоху символизма! Ведь и тогда Брюсов писал, что его книги (а Брюсов тогда гремел на всю Россию) — имели тираж максимум в 2000 экземпляров. А вот Надсон — действительно имел тираж, да и до сих пор его имеет...

Крепко жму руку

Ваш Ю.Терапиано

¹ Книга В.Н.Ильина «Преподобный Серафим Саровский — житие» вышла в 1930 году вторым, переработанным изданием. Впервые опубликована в Париже в 1925 году.

² В это время Марков готовил статью «Стихи русских прозаиков», опубликованную несколько лет спустя (Воздушные пути. 1960. №1. С.135-178).

³ Kovalewsky P. Nikolai Leskov: peintre meconnu de la vie nationale russe. Paris, 1925.

⁴ Марк Вениаминович *Вишняк* (1883-1975) — общественно-политический деятель, журналист, мемуарист. До войны — один из редакторов журнала «Современные записки» в Париже. После войны — в США, постоянный сотрудник «Нового русского слова».

⁵ Ходасевич В. Жизнь Василия Травникова // Возрождение. 1936. 13, 20 и 27 февраля.

⁶ Статья «Последний святой» вошла в сборник Д.С.Мережковского «Не мир, но меч: К будущей критике христианства» (СПб., 1908).

⁷ Merejkovski D. Sur le chemin d'Emmaus / Traduit du russe par M.Dumesnil de Gramont. Paris, 1922.

⁸ Григорий Яковлевич *Аронсон* (1887-1978) — журналист, критик, постоянный сотрудник «Нового русского слова».

⁹ *С.Яблоновский* (наст. имя. Сергей Викторович Потресов; 1870-1953) — журналист, после войны сотрудник «Русской мысли».

Многоуважаемый Владимир Федорович,
«Серафима» возвращать не нужно, я его послал Вам в полную
собственность. Вот точное название сборника статей Мережков-

ского по-французски: Dmitri Merejkovski. «Sur le chemin d'Emmaus». Traduit du russe par M.Dumesnil de Gramont. 5-e edition NRF. Gallimard. Год издания не указан.

«Отплытие на остров Цитеру» Г.Иванова у меня есть. Могу Вам послать на прочтение. Думаю, что эта книга Г.Иванова есть и в «Доме книги» — книжный магазин в Париже. Что же касается святоотеческой литературы — в прежнее время, т.е. до войны «Добротолубие» можно было выписывать с Афона. Теперь на Афоне греки устроили казино, и монастыри закрыты. Достать святоотеческую литературу в Париже можно только из библиотеки к[акой]-нибудь церкви или у какого-нибудь любителя. Думаю, что в Сан-Франциско тоже можно достать именно таким способом, например, через «сестричество».

Не уверен, далеко не уверен, что в ближайшее время не будет никаких войн, революций, концов мира. Геологический пояс подземных газовых камер, в свое время погубивший Атлантиду, все время сейчас действует — было землетрясение в Греции, сейчас в Северной Африке — весь бассейн Средиземного моря «минирован», и геологи ждут «провала» этого района в 70-х гг. — я-то до этого времени уже не доживу, к счастью. Моему поколению пришлось быть «свидетелями истории» — и вряд ли «судьба» отпустит нас со сцены «истории» без шума и нового скандала — приличнее бы, после всего, пожалуй, погибнуть в какой-нибудь катастрофе!

Мне очень грустно, что Вы и Моршен не в Париже — здесь все-таки и сейчас еще есть и люди, и идеи. В том одиночестве, в котором живете Вы, поневоле приходят такие мысли, что все плохо и не нужно. Это не верно. И стихи Ваши, и статьи, и то, чем Вы интересуетесь, — нужно. У Вас, кроме того, есть интерес к духовным вопросам — в эмиграции (в лит[ературной] среде) — редкость. Большинство литераторов — типа Елагина и Анстей, но были и другие — Поплавский, например. Что же касается до личных отношений в литературе — в идеале Вы правы, и я сам так смотрю. Но на практике, увы, и среди «старшего» и «нашего» и «нового» поколений иное... Не даром Ходасевич как-то сказал: «Критику нельзя выпускать книг»... Литературный спор часто переходит в личный, а личный — в литературный — и тут уже не «тайно», а «явно» враждебны! И кружковщина тоже очень развита, впрочем, так было и в дореволюционной литературе. Мне тоже кажется, что «человек 50-х гг.» — «к Богу», и — этически, а не эстетически настроен. Не знаю почему, но среди литераторов реже всего можно встретить «к Богу». Этически же настроенных людей много среди них, эстетика с самого начала «париж-

ской ноты» под подозрением. Одно время даже формально старались писать хуже, чтобы не походить на эстетов времен «Аполлона».

Говорил недавно о Ваших стихах и о стихах Моршена с Маковским. Он издал бы в «Рифме» Вашу книгу и Моршена охотно.

Напишите мне, послать ли Вам «Путешествие [так! — *Публ.*] на о. Цитеру» Г.Иванова?

Видел вчера книгу Ходасевича¹, но только перелистал, — кажется, интересно. Наверное, получу от И[здательст]ва и буду писать о ней.

Крепко жму руку

Ваш Ю.Терапиано

¹ Ходасевич В. Литературные статьи и воспоминания / Ред. и пред. Н.Берберовой. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.

Дорогой Владимир Федорович,

Противоречивость отзывов для меня всегда самое интересное. Однажды я составил целую бухгалтерию с графами отметок по поводу отдельных стихотворений, получилось очень показательно в смысле разноголосицы. Жалею, что не снял, прежде чем послать Вам обратно, копии с Вашей поэмы. Это лишает меня возможности повторно говорить по поводу текста — о Петербурге, например, и о др. мелочах. Ответить могу лишь на более глубокие вопросы. Я не возражал против того, что о Христе сказано *мало*, я возражал против сказанного потому, что не видел *последствий сказанного* — в том смысле, как Вы пишете: «...Окрасил все последующее». «Героем» Его делать — я бы никогда не предложил и даже удивлен подобным возражением. Фраза: «Мир неискупим» показалась мне в противоречии именно с основной линией, утверждаемой в поэме. Что же касается ощущения безысходности и трагического начала мира, общего всякой поэзии, фраза «сдача позиций», конечно, не имела бы смысла. О мелочах трудно говорить заочно (т.е. не имея уже текста), но «бегущая месса» вызывает у меня ассоциацию не «fuga», а совсем другую, это не «стремление к реализму», а просто — личное восприятие, личный вкус. По поводу «тяжести» тех строф, в которых есть тяжесть, я думаю, что «об ухабистой мостовой вовсе не обязательно писать

ухаби́стыми стихами»¹ — и в этом смысле сюрреалистическая поэтика часто грешит, идя по линии не наибольшего, а именно — наименьшего сопротивления. Есть: «непонятно о непонятном» (эсхатология); но есть и «непонятно о понятном», т.е. неоправданное отступление от логики. Реализм — это «понятно о понятном» (Бунин), самое же главное — «понятно о непонятном» — гений, например, Лермонтов — так говорила З.Гиппиус.

О Вашем противопоставлении «Парижа» «новой эмиграции» необходимо возразить кое-что. Во-первых, Пастернак и Хлебников (16 г. и раньше) — это «воздух» моего поколения (и Адамовича) в молодости. (Заболоцкого, кот[орого] мы плохо знаем, уступаю без спора). Они оба как раз наложили именно такой сильный отпечаток на тогдашнюю поэзию, что дальше нельзя было идти; выражаясь фигурально, поэтам нечем уже было дышать — все и всё «пастерначили» и «пастерначило»! Преодолеть и сломать влияние Х[лебникова] и П[астернака] означало в 20-х годах возможность найти свое лицо, стиль своей эпохи, вот почему в 20-х гг. парижане вступили в борьбу с «предками». Не берусь судить, отчего Адамович «разводит руками перед П[астернаком]», как Вы это восприняли, м.б., он не «разводит», а «отводит», «открещивается»? Но для меня не представляется абсолютной ценностью, чтобы «П[астернак] сидел у меня в кровяных шариках». «Парижу» и «новой эмиграции», в сущности, было до сих пор невозможно хотя бы раз поговорить между собой о поэзии — на расстоянии же этого сделать нельзя. И очень многое, что нас якобы разъединяет, можно отнести на счет недоразумений. Что же касается отношения поэтов «новой эмиграции» к «делу поэтов», к «предкам», к «наследию» и т.п., — мне порой кажется, что в 20-30 гг. т[ак] назыв[аемые] «парижане» успели на большой глубине продумать все эти вопросы. Мешает еще невозможность вовремя получать вышедшие книги и журналы. «Н[овый] ж[урнал]» в Париже получается с большим опозданием; Вашей статьи² я еще не видел. На Ваш вопрос об О.М[андельштаме] — во «Встречах» я рассказал, как в 1919 г. приехавшему в Киев О.М[андельштаму] подсказал 2 последние строчки для «на каменных отрогах Пизрии» киевский поэт Вл.Маккавейский³ (а не Лифшиц⁴).

Желаю Вам всего хорошего.

С искренним приветом

Ю.Терапиано

P.S. Прилагаю вырезки из газет о др. Швейцере.

¹ Терапиано по памяти, неточно, цитирует фразу Дельвига, которую любил повторять В.Ходасевич, полемизируя с идеологией «парижской ноты» (Ходасевич В. Бесы // Возрождение. 1927. 11 апреля).

² Марков В. Мысли о русском футуризме // Новый журнал. 1954. №38. С.169-181.

³ Под редакцией Владимира *Маккавейского* (1893-1920) вышел альманах «Гермес» (Киев, 1919), в котором впервые были напечатаны стихи Ю.Терапиано.

⁴ Бенедикт Константинович *Лившиц* (1887-1938) — поэт-футурист, переводчик, мемуарист.

Дорогой Владимир Федорович,

Благодарю Вас за поздравление и с своей стороны желаю Вам всего самого хорошего в этом 55 г.

Я слышал, что Иваск, для того, чтобы спасти и оживить «О[пыты]», решил сделать ставку на «новую эмиграцию». Слух, как всегда, верен, вероятно, на столько-то %, но нет дыма без огня. Зная Иваска только по статьям в «Н[овом] р[усском] с[лове]» и по «Антологии», не уверен, что он справится с задачей — сделать из «О[пытов]» передовой журнал — увидим. Под «понятным» Гиппиус разумела плоское, земное, неодоухотворенное, ...3-е измерение. Бунин не верил, боялся смерти, цеплялся за жизнь, т.е. с точки зрения Гиппиус, был «terre a terre». Лет 15 тому назад Лермонтов был «впереди», хотя он мирно уживался с Блоком, Анненским, Некрасовым, фрондировал же «Монпарнас» против Пушкина. Но потом — наступило отрезвление, и Пушкин — даже не «впереди», а «над всеми». Лично я не столь уж носился с Л[ермонтовым], — и не очень люблю стихи Гиппиус, но главное в Г[иппиус] были ее разговоры, письма и статьи. Вот, сказал: «лет 15», а на самом деле — вероятно, 25... — так идет время. «Воздух моей юности» — от 12-го года до 28, будем считать, что за этот период многие звезды «взошли», а потом «зашли» на нашем горизонте. Прочтя Вашу статью о Хлебникове в «Гранях», увидел, что многое до эмиграции не дошло из главного в нем. Сейчас как раз хочу прочесть возможно полного Х[лебникова] (мне обещал один «книголюб»), пока же сдержу свое отталкивание до окончательной проверки. Ваша статья «Мысли о фут.»¹ в «Н[овом] ж[урнале]» вызвала раздражение у некоторых «европейских» литераторов, которые поняли ее скорее, как Забежинский². Все

это потому, что со словом «футуризм» связаны очень дурные ассоциации до сих пор. Вы, конечно, кое в чем перехватили, но не буду пока говорить, т.к., м. быть, отвечу в печати — и Вам, и Вашим обвинителям. Считаю, что спор в печати о литературных предметах вполне законен, можно нападать, критиковать и т.п., вовсе не будучи личным врагом. Однако опыт жизни, жизни в эмиграции научил меня, что на такое отношение способны лишь немногие, большинство же «добрых отношений» погибало после первой же попытки относиться критически к писаньям моих коллег. Не даром Ходасевич как-то изрек: «Критику нельзя иметь жену поэтессу или выпускать свои книги...» так с ним и было! Говорю это полусутоя, полусерьезно. А вот вопрос о вкусе — очень серьезный. Не думаю, чтобы Адамович, оч[ень] умный и тонкий человек, в душе считал бы себя непогрешимым в смысле вкуса. Но в то же время есть и какое-то объективное мерило. В дореволюционные годы люди измерялись, в смысле вкуса, отношением к поэзии Блока. А теперь? Вокруг нас тучи Ширяевых, Забежинских, Нароковых, Анненских — имя им легион. С другой стороны, и то, что в прежние годы и в прежней общей атмосфере казалось замечательным, сейчас предстает порой в ином свете, «в резком, неподкупном свете дня». Не уверен, годится ли мое поколение в «отцы» Вашему, но споры и обмен мнений я бы горячо приветствовал. Только где это мы будем делать? — В «Опытах»? — Да сами «О[пыты]», вероятно, долго не проживут. Во всяком случае — погибнут раньше, чем создастся новая «атмосфера», если она еще может создаваться. Очень жалею, что нигде не могу найти №1 журнала «Новый дом» за 1926 г., там есть моя статья о Ходасевиче и Пастернаке, о начале аполлоническом и дионисийском, Космос и Хаос, которая открыла тогда общее восстание против «пастерначенья» и «маяковщины»³. Сам бы с любопытством перечел, что говорил тогда... как это было давно!

Знаете ли Вы «Флаги» Бориса Поплавского? Он был, по-вашему, настоящим футуристом... жаль, что погиб так рано.

Давно хотел Вас спросить — любите ли Вы Ин. Анненского? Он — один из ключей к «парижской ноте». А суть самой «ноты» в том, что она лишь «атмосфера», но никак не «школа» или «течение». И создалась эта атмосфера не так упрощенно, как изобразили Вы — «немножко от того, немножко от другого», — а от общего отсутствия воздуха, от нищеты духовной тогдашнего революционного человека.

Крепко жму руку

Ваш Ю.Терапиано

¹ Марков В. Мысли о русском футуризме. Указ. изд. С.169-181.

² Имеется в виду полемическая статья, направленная против Маркова: Забежинский Гр. Мысли о русском футуризме // Новое русское слово. 1954. 5 декабря. №15562. С.8.

³ Терапиано Ю. Два начала в русской современной поэзии (тезисы к докладу на собрании Союза молодых поэтов и писателей) // Новый дом. 1926. №1. С.21-31.

Дорогой Владимир Федорович,

Простите, что отвечаю с таким опозданием, — но все это время, одно за другим, непрерывно следовало тяжелое. Самое главное — умирал П.Ставров¹, с которым я и многие мои коллеги были связаны долгодетней дружбой. Умирал он от рака легких, жил он в 22 км от Парижа — связь была сложной, а сегодня, в последний день, ездили в Вгупоу — хоронить. Кроме того, я сам одно время был болен, а затем — хлопоты с устройством в русский «дом» — все это так утомило, что сил ни на что не было.

1) В «дом» («Maison de retraite») перееду, вероятно, 26/II, адрес (во всяком случае, с 1/III) — 18, rue Jean Jaures, Gagny, S. et O. France.

2) Очень благодарю Вас и Моршена за участие в «пенсии»; в виду устройства в дом, «пенсия» прекращает свое существование, поэтому больше ничего не посылайте Mme Рубисовой.

К литературным делам возвращаюсь как будто из другого мира, так «это было давно». О Хлебникове, как это ясно из текста статьи — только самого *раннего периода*, то, что рассказывал Г.Иванов. Я знаю, что потом Мандельштам очень высоко ценил Х[лебникова]. Думаю также, что будучи вообще податливым к чужим влияниям (кое что — о поправке — во «Встречах»), М[андельштам] мог после «Tristia» быть даже под прямым влиянием. Есть же среди позднейших его стихов такие, в которых явно влияние Пастернака, но с другой стороны, с самого начала у М[андельштама] была и своя «фут[уристическая] линия», свой герметизм.

Я совсем не обиделся за «Париж» — то, что я имею свое отношение к идеологии «Парижа» — основано на «истории» «парижской ноты», которую не все знают. М.б., когда я возвращаюсь к «истории», получается так (со стороны), как будто я за «Париж» обижен — но сам я никогда не имел такого намерения — «обижаться». И, повторяю, Париж никак не настаивает на том,

что достиг «конечного» (иначе — смерть бы ему была), да и вообще «настаивать», «утверждать» и т.п. не в духе этой эпохи — 1926-1939. Ваше замечание о том, что Поплавский *не русский «футурист»* — верно (G.Apollinaire, Рембо и т.п.), жаль, что Ваше письмо я получил после того, как написал о Вашей статье о футуризме². И еще: «новое», т.е. «послевоенное» поколение «парижан» тоже не может понять наших восторгов в отношении Поплавского. Интересно — в чем дело? Вероятно, в каждом поколении существуют свои пристрастия, основанные, б.м., на бессознательной какой-либо общности, что ли, созвучности какой-то «ноте», которая звучит только для них, а потом уже не звучит? А м.б., наоборот, «новые люди» не сумели прочесть Поплавского? И это может быть. Книга Хл[ебникова] я так еще и не получил, впрочем, и не искал, не до них было. А в статье о футуризме, мне кажется, критик и ученый заглушили в Вас поэта, заставили на время поверить в реальность «измов», в значение *рационального* момента в творчестве: «хотел», «следовал такой-то программе или течению» — на самом же деле:

Но, повинуюсь только звуку
Души, запевшей, как смычок,
Вдруг подниму на воздух руку
И затрепещет в ней цветок...

(из «Тяж[елой] лиры» В.Х[одасевича], по памяти).

Теперь об ином. Здесь проектируют съезд писателей зарубежья — в конце лета. М.б., судьба позволит нам встретиться. Возможно, что со временем напишу Вам более подробно об этом и даже о том, какой бы доклад Вы хотели сделать? Но сейчас еще рано, т.к. не знаю, во что все эти разговоры выльются.

Крепко жму руку.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Перикл Ставрович *Ставров* (1895-1955) — поэт, переводчик.

² Терапиано Ю. По поводу «Мыслей о русском футуризме» В.Маркова // Новое русское слово. 1955. 6 февраля. №15625. С.8.

Дорогой Владимир Федорович,

Сейчас получил уже на новый адрес Ваше письмо от 28/II, через которое почувствовал Вас — внутренне, на глубине [нрзб.] теплее и лучше самому.

На Ваше письмо от 13/II не смог ответить, т.к. только что похоронил Ставрова, затем был переезд, хлопоты, сосредоточиться совсем не мог. Как раз ко дню окончательного переезда заболел гриппом, переезжал больным и только теперь прихожу в себя. Вчера узнал новую печальную весть — умер в Тель-Авиве поэт Довид Кнут¹. В 20-х гг. (25-26) мы с ним [медитировали?], были очень дружны долгие годы, и только после его неудачной (с моей точки зрения) женитьбы на дочери А.Скрябина, сумасшедшей Ариадне, наша дружба как-то расстроилась. Кнут был очень талантливый поэт, и человек тоже талантливый, с детской милой душой, веселый и всегда полный энергии. Вспоминаю прошлое, его стихи и т.д. — и еще мне грустнее. Во время войны я потерял близких людей, теперь опять, как-то даже страшно думать, что почти все мои прежние друзья уже не принадлежат этому миру. Вот книга об А.Белом покойного критика Мочульского² — и его тоже нет. И даже как-то досадно, что многие «худшие» из литературной среды, пройдя безвредно «огонь, и воду, и медные трубы», благополучно процветают. Такие сопоставления делать грешно, но все-таки иногда такое вырвется. Ставров последние годы постепенно сходил на нет, не хотел писать, поэтому вялость его ответов не удивительна. Но разве могли Вы знать, в чем дело, когда и близкие его не знали.

Проект съезда поддержан кругами, которые, вероятно, помогут его осуществить, вопрос не столько в средствах, сколько в организации, это — ахиллесова пята россиян. Вы — в списке предполагаемых присутствующих и говорящих. Через 2 недели будут здесь организационные разговоры, поставлю Вас в курс о них.

«Парижскую поэму» Набокова не читал, где она напечатана³? «Бульмиш» — студенческое сокращение Boulevard St. Michel — главная артерия Латинского квартала, на которой в любое время дня и ночи полно студентов. Откуда же строчки «Ils furent...» — не припоминаю.

На Ваше письмо по поводу моей статьи о «Футуризме» подробно отвечать сейчас не буду, т.к. спор «письменный», а не «разговорный» труден тем, что отсутствуют интонации, реплики подаются через несколько недель и т.д., т.е. по существу подобный разговор внутренне нелойялен, все время как бы бить связанного, и, связанный, получаешь удары. Самое существенное в недоразумении или в понимании каждым по-своему тезисов «Футуризма», мне кажется, — *их формулировка* — она *неясна*, и естественно возражавшие поняли не так, как, видимо, понимаете Вы сами. «Знак равенства между хорошей поэзией и футуризмом» (даже независимо от измененного названия статьи), отношение к те-

чениям, как к чему-то реально влияющему, создающему и т.д. — чего Вы сами не находите в Вашей статье («поступательного движения в поэзии — этой идеи нет в моей статье») — все это *все-таки* читатель вправе вывести. Я дал прочесть Маковскому Вашу статью, чтобы проверить свои реакции, и его возражения (его восприятие) совпали с моими. Вы писали об идеях, а не об «измах» — но здесь-то и получился корень недоразумения.

Реакция Иванова на «футуризм» как раз иная: «да, верно, я ведь и начинал с футуризма, и сейчас ему не чужд» — в этом роде приблизительно. Но я вижу в поэзии Иванова иное, буду спорить *и с ним*. Только по одной линии — о связи Иванова с современностью, я написал статью⁴, которая появится в ближайшем «Литературном современном» (Мюнхен). Грех ли это гордыни, «зачатки ли тоталитаризма» в Париже — утверждать не берусь. «Проза» Цветаевой замечательна, но сколь хаотичны ее высказывания о поэзии, среди которых есть вдруг тоже крупницы золота, а в основном мусор. И какое самоупоение своим Я, не похожим на я остальных смертных, и, кажется, лишь Белый да Пастернак и «Мы с Пушкиным» — вот для Цветаевой люди одного уровня! Но об эгоцентричности Цветаевой можно написать целую диссертацию, а вот прочесть ее многие поэмы и стихи последних лет и не устать (т.е. не получить ничего в ответ на свое усилие, усилие читателя) — явление редкое — да что об этом?! Но — опять-таки «грех гордыни» — быть может, скажете Вы?.. Впрочем, сейчас мне страшно думать о «Париже» — почти все уже мертвые...

Новоселье мое (как жаль, что прекратилось «Новоселье», журнал, хотя в нем было много и плохого!) — в смысле вещей — комнаты, столовая, библиотека, комфорт и т.д. — все новое, чистое, хорошо сделанное. Иное — личное переживание, психика и т.п. Удается ли наладить жизнь, писать, работать — как ни в чем не бывало, или же все-таки «жизнь» уже не сможет быть той жизнью, как «на свободе»? — вопрос приспособления и опыта нескольких месяцев. Но материально, полагаю, больше мне не нужна помощь.

Как Вам понравится изречение одного местного редактора: «Мы ищем таких произведений, которые понравятся приходам и общевоеинскому союзу — они наша прочная читательская база, большие же таланты для нас скорее стеснительны». Золотыми буквами можно вырезать эти слова на ограде памятника российской эмиграции.

Желаю Вам всего доброго

Ваш Ю.Терапиано

¹ *Довид Кнут* (наст. имя Давид Миронович Фиксман; 1900-1955) — поэт. См. некролог, написанный Ю.Терапиано: *Новое русское слово*. 1955. 6 февраля. №15625. С.6.

² Книга Константина Васильевича *Мочульского* (1892-1948) «Андрей Белый» (Париж, 1955) была опубликована через семь лет после смерти автора.

³ Набоков В. Парижская поэма // *Новый журнал*. 1944. №7.

⁴ Терапиано Ю. О поэзии Георгия Иванова // *Литературный современник*. 1954. С.240-245.

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Спор наш о футуризме высказывание Г.Иванова не очень облегчит, ведь, говоря о футуризме, как о своем начале, Г.И[ванов] имел в виду то, что он описал в «Петербургских зимах» («воспоминания» его я читал в рижском издании до войны, а «чеховских» не читал, говорят — одно и то же!), — т.е. просто 17 лет и прикнул всерьез к футуристам типа Северянина и Бурлюка, как раз «Rayon de gauponne» — это скорее французский рецепт, «dadaisme» (от детской лошадки «dada»), *игра под ребенка, под наивность* — «где-то белые медведи», но ни они, ни верблюды ничего не спасли, и «брюки Иванова» тоже, а поэзия Иванова держится на «Розах» больше, чем на «Rayon». Самое название этого отдела — отделение искусственного шелка в магазинах: «район искусственного шелка». Между нами — для И[ванова] самый большой вопрос — лучше ли его новые стихи, чем «Розы», или нет? Он явно чувствует неблагополучие и безвыходность своей поэзии *как поэт, как человек* же — все-таки боится смотреть правде в глаза. Вот почему, чтобы разобраться *по существу* в И[ванове], нужно знать три момента: 1) юность, футуризм, потом акмеизм — не глубоко и путь еще не найден, до «Садов» включительно Иванова-поэта еще нет, есть только талантливый стихотворец². 2) Затем — вместо Гумилева, с его очень ограниченным кругом поэтических интересов, — Париж, влияние Гиппиус, молодой Адамович, блестяще разрушавший благополучие дореволюционных идеологий и поэтических *сredo*, — в какой-то мере — «мера» для его друга — Иванова, борьба с Ходасевичем и «Розы» — рождение *поэта-Иванова*, его (инстинктивно угаданное скорее, чем понятное) ощущение трагедии современного человека, «после всего». А далее 3) — и в этом трагедия, — человеку-то этому дальше идти некуда, и до сих пор

И[ванов] *честно* бьется, как прорвать эту пелену, как и куда прорваться? А если *некуда* (то, что еще в 30-х годах говорил ему Ходасевич) — тогда... вот Вам «Иванов 40 и 50-х гг.». Теперь — о другом. Я сложил Ваши возражения из всех писем вместе, получилась отповедь на 120%, по всем пунктам, +, т[ак] что я, вздохнув и перечитав эту *общую* отповедь, подумал о всех моих грехах сразу. Но, м.б., самое неприятное — это указание на то, что с пошляком Забежинским я расправился слишком мягко, и т.д. Но вообще-то наше «*metier*», «ремесло», часто бывает неприятным и — «многое написал бы иначе, если бы...»

Стихов Сирина я не люблю, у него формальный талант, внешний блеск, постоянно — слишком уж здорово, постоянно — он утомительно красуется этой способностью. Поэму, конечно, читал, вспоминаю, — и не люблю! Вспоминаются (куда большие масштабом) стихи А.Белого — и все-таки не поэт, а прозаик. И примитивная, наивная поэзия Бунина — тоже «стихи прозаика», кажется, нужно давать всякому поэту написать прозу, и, если не может, выдавать звание поэта. А Лермонтов стал бы великим русским прозаиком, если бы жил. *На слух* — стихи Пушкина — только стихи, проза Пушкина..., стихи Лермонтова — не совсем стихи, а проза — гениально хороша. Ходасевич, слушая подобные рассуждения, говорил: «У Пушкина — *все* гениально, а то, что Лермонтов стал бы прозаиком, *данных нет* утверждать».

Об «А[ндрее] Б[елом]» Мочульского я написал уже в «Н[овом р[усском] с[лове]»³. М[очульского] я очень любил, был с ним долгие годы в большой дружбе, хотя не разделял его взглядов⁴.

Мне очень жаль, что Вы не в Париже (особенно довоенном), т.к. чувствую в Вас и «темперамент бойца», и *содержание*, и *духовность*, и одаренность литературную. А вместо этого — у Вас все время «отрывки разговоров» в к[аком-]н[ибудь] мало читаемом журнале, вместо «Зеленой лампы», «Чисел» или «Последних новостей». Ах, какую можно было бы составить группу или журнал... Дело со съездом (на что я очень надеялся, главным образом, в смысле встреч) что-то сейчас захромало, не уверен, что удастся, а жаль.

В материальном плане в «доме» хорошо. Иванов (который в «доме» на юге) старается перевестись к нам — не знаю, удастся ли. Поздравляю Вас с наступающим Праздником Св. Пасхи и желаю всего самого лучшего.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Первое издание «Петербургских зим» (Париж: Родник, 1928) имело 16 глав. Готовя книгу ко второму изданию (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952), Георгий Иванов добавил еще две главы.

² Несколько иной взгляд на эволюцию Иванова предлагает В.Крейд в своей монографии «Петербургский период Георгия Иванова» (Терафлю: Эрмитаж, 1989).

³ В «Новом русском слове» была опубликована также рецензия Адамовича на эту книгу: Адамович Г. Книга Мочульского об Андрее Белом // Новое русское слово. 1955. 17 апреля. №15695. С.8.

⁴ См. главу «Константин Мочульский» в кн.: Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. С.126-129.

Многоуважаемый Владимир Федорович,

До сих пор еще мы, «парижане», не получили 4-го выпуска «Опытов», поэтому я лишен возможности обсудить интересную статью Г.Адамовича¹. Иваск пишет, что экземпляры будут посланы, спасибо и на этом.

Хотелось бы мне прочесть в печати и Вашу поэму еще раз, чтобы проверить свое впечатление.

Судя по рецензии Аронсона², Адамович отрекся от того, чему «поклонялся» и что сам же и придумал, т.е. от «парижской ноты», но ведь всегда и всюду у Адамовича и «нет», и «да», и «хорошо, потому что плохо», и «плохо, потому что хорошо», постоянно он переливается хамелеоном. А «парижане» с самого начала заранее приняли, что синей птицы никому не удастся поймать, заранее приняли неудачу. В сущности, ведь и Пушкин, особенно если бы он еще жил, тоже уперся бы в безысходность «делания». М.быть, в настоящем серьезном плане, т.е. в плане *того, для чего посылается в мир человек*, искусство есть «горестный удел», и Рембо, вдруг замолкший, узнал, быть может, какую-то высшую правду. И Ходасевич тоже замолчал, хотя в его «уходе из поэзии» сыграла роль и его *неуверенность в себе, как в поэте, и нервная обида* на Г.Иванова, «убившего» его — действительно очень злой статьей «В защиту Ходасевича»³ в «Последних новостях». Х[одасевич] так был расстроен, что хотел кончать жизнь самоубийством... Кажется, все, что происходит с человеком во время таких «переломов», представляет из себя смесь «низкого» с «высоким», порой в самой невероятной пропорции, поэтому так и жаль людей. Ходасевич «не верил в себя» в поэзии потому, что был умен —

для громких успехов необходима «вера в себя», которой отличаются не умные люди. «Глуповатость» необходима — и в стихах — в какой-то мере, и в самом авторе. В молодом возрасте все еще кажется «замечательным», а потом начинается «комплекс Ходасевича».

Роль Белого в области прозы — бесспорна, что же касается до его теории русского стиха, вспоминая «Символизм» и его переделки, согласно своей же теории, собственных стихов — страшно становится. И поэтом, в полном смысле этого слова, он не был, поэтому и не чувствовал всей невыносимости и фальшивости многих своих рассуждений и даже своих признаний о том, что он хотел сказать и т.п. М.Цветаева, сама вся бывшая «теорией в своей практике», и та, — сквозь ее слова чувствуется, — понимала, что Белый — только стихотворец. И Мочульский прав, приведя в доказательство («поэт» и «не поэт») две поэмы о революции — «12» Блока и поэму Белого.

Да, кстати, Мочульский меня подвел. Он пишет о жене Б[елого], Анне Алексеевне («Асе»)⁴ так, что я понял: ее уже нет на свете, поэтому и процитировал эпизод с Кусиковым. Оказалось, что умерла ее сестра, а она жива, находится в Дорнахе, в Швейцарии, и получился «гаф» — пришлось свалить вину на покойника, тем более, что он виноват.

По поводу идеи съезда — до сих пор с нею возьтятся и до сих пор еще ничего определенного сказать нельзя.

Крепко жму руку

Ваш Ю.Терапиано

¹ Адамович Г. Поэзия в эмиграции // Опыты. 1955. №4. С.45-61.

² Аронсон Г. «Опыты». Книга 4 // Новое русское слово. 1955. 1 мая. №15709. С.8.

³ Иванов Г. В защиту Ходасевича // Последние новости. 1928. 8 марта. №2542. С.3.

⁴ «Ася», Анна Алексеевна Тургенева (1890-1966) — первая жена Андрея Белого. Оставила его, уйдя к поэту-имажинисту Александру Борисовичу Кусикову (наст. имя Сандро Кусикян; 1896-1977).

Многоуважаемый Владимир Федорович,

Вы, вероятно, уже получили «Литературный современник». Я сейчас пишу о нем¹: в общем, мог быть гораздо хуже; абсолют-

но пошел только Сургучев² (к тому же была эта пьеса напечатана еще в России в 1920 г. — есть что доставать из прошлого!). Стихи, конечно, тоже не все на высоте.

Вы меня озадачили: «"Пиковая дама" написана во Флоренции; "Мертвые души" — в Риме...» (не все). Как это, т.е. «во Флоренции», нужно понимать? Ведь Поплавский свидетельствует, что «П[иковую] д[аму]» Чайковский писал в России, в Клине? Разъясните, пожалуйста, в чем дело.

Как Вам нравится личность Ореуса, Коневского³? Стихи его дубоваты, но идеи замечательны.

«Анненский видит больше красок...» Покойный Зноско-Боровский написал целый труд о «красках у поэтов»⁴, я читал некоторые главы, поэтому, по ассоциации, вспомнил.

Почему же Мира Блевицкая, а не Лирра Бленстей? — Какую чушь написал о ней Бернер⁵, и каким соловьем разлился Трубецкой⁶ о своих двух музах — Прегель⁷ и Ясен⁸... Впрочем, мой совет ему: «Не сравнивай», обидятся обе.

Не верю, что Христос презирал фарисеев; он не мог презирать, как не мог смеяться. А духовность никакое образование не «разовьет», или это будет профессорская духовность а la Fedotov⁹. Словечко Гиппиус о нем: «Ягненок подколодный!»

А о Голохвастове¹⁰: «Атлантида» была когда-то прислана Мережковскому. Гиппиус давала фунт шоколадных конфет тому, кто прочтет и докажет это. Я польстился, начал читать, но сдался. А рисунки такой «мировой пошлости», что просто мутит.

Верно о Набокове — да и многое вообще верно. Формалистами «Париж» (условно-собираемый) занимался в 30-х гг., но, видимо, сама идея формального метода для него слишком ученая — так, в буквальном смысле, а поэзия, «прости Господи...» Самое страшное для искусства — это профессор (напр., Вейдле), а самое страшное для поэзии — стихи профессора (или профессоров, например, Страховского¹¹, того же Вейдле¹² и т.д.).

Все-таки, в «Л[итературном] совр[еменнике]» Вы представлены лишь «максимами»; «Грани» же получил, но еще не читал, т.к. был занят «Соврем[енником]» и другими книгами. Посмотрел в окно: зной, грозы, деревья еще в цвету (липы — удивительно долго цветут), а тут — 1) читай; 2) пиши; 3) читай и т.д. А что — «для себя», спрашиваю себя, и кому это нужно?..

Вот Швейцер опять в Париже... его пригласили принять участие на «съезде русских писателей» — согласился!!! А самый съезд — провалился, т.к. никто не захотел сидеть с самостийниками из Мюнхена и говорить о «свободе» по заранее установленным об-

разцам. Печально лишь то, что теперь никого уже из-за океана не выпишут.

Как Вы относитесь к статье Адамовича в «Опытах» (в общем — «так и было») и об «Опытах»¹³ — от 19/VI, воскресенье? Он заступался здесь за Вас, когда нападали на Вашу поэму, но как-то не сумел сказать, в чем же «прелесть неудавшегося снимка» — и жаль, что не сказал, в чем, по его ощущению, эта прелесть. Впрочем, всегда так: проходит какое-то время, потом кто-то берет твои слова, перетолковывает их по-своему и «возражает», как Нарциссов¹⁴. И зачем ему беспокоиться, все равно не поймет, в чем дело, — не «парижане» «лучше», а то, что вместо следования хорошим образцам, произвели бы переоценку ценностей, как некогда «парижане», и попробовали бы найти *свое* лицо, *свою* «ноту» — но этот разговор не для Нарциссовых. (Знал я одного — псевдоним: «Аттис» — совсем уж эстетно!)

Крепко жму руку

Ваш Ю.Терапиано

¹ Терапиано Ю. «Литературный современник» // Новое русское слово. 1955. 24 июля. №15793. С.3, 8.

² Имеется в виду произведение Ильи Дмитриевича *Сургучева* (1881-1956) под названием «Три часа (один акт из пьесы)» — Литературный современник: Альманах: Проза, стихи, критика. Мюнхен, 1954. С.38-46.

³ Иван *Коневской* (наст. имя Иван Иванович *Ореус*; 1877-1901) — поэт-символист.

⁴ Евгений Александрович *Зноско-Боровский* (1884-1954) — критик, шахматист, театровед. Упомянутая работа не была опубликована на русском языке.

⁵ Николай Федорович *Бернер* (1893 - после 1972) — поэт, близкий кругу «брюсовцев». В эмиграцию попал со «второй волной». Имеется в виду статья: Бернер Н. Разговор с музами // Литературный современник. Указ. изд. С.257-265.

⁶ Юрий Павлович *Трубецкой* (1902-1974) — поэт, в эмиграции оказался после Второй мировой войны. Имеется в виду статья: Трубецкой Ю. О современной поэзии // Литературный современник. Указ. изд. С.198-200.

⁷ Софья Юльевна *Прегель* (1894-1972) — поэт, издатель, меценат.

⁸ Ирина *Яссен* (наст. имя Рахиль Самойловна Чеквер; 1893-1957) — поэт, издатель.

⁹ Георгий Петрович *Федотов* (1886-1951) — мыслитель, публицист, критик. Преподаватель богословского института в Париже, с 1946 — Св. Владимирской семинарии (США).

¹⁰ Георгий Владимирович *Голохвастов* (1882-1963) — поэт. Имеется в виду книга: Голохвастов Г.В. Гибель Атлантиды: Поэма. Нью-Йорк: Общество ревнителей изучения русской словесности, 1938.

¹¹ Леонид Иванович *Страховский* (1898-1963) — поэт, литературовед, преподавал в Гарвардском университете. Опубликовал книги стихов «Ладья» под псевд. Леонид Чацкий (Берлин: Е.А.Гутнов, 1922) «У антиквара» (Брюссель: Единорог, 1927), «Долг жизни» (Торонто, 1953).

¹² Владимир Васильевич *Вейдле* (1895-1979) опубликовал свои стихи отдельным изданием гораздо позже: Вейдле В. На память о себе: Стихотворения, 1918-1925; 1965-1979. Париж: Рифма, 1979.

¹³ Адамович Г. «Опыты» // Новое русское слово. 1955. 19 июня. №15758. С.8.

¹⁴ Борис Анатольевич *Нарциссов* (1906-1982) — литератор, журналист.

Дорогой Владимир Федорович,

Ваша встреча с Вишняком напомнила мне давнее происшествие: кажется, в 1926 г. у Цетлиных¹ был обед, с «приглашенными» «старшими» и «молодыми» писателями, тогда еще по-настоящему молодыми. Гиппиус и Ходасевич начали уговаривать Вишняка печатать «молодых», хотя они и «без политики» и «не собираются разгромить злых большевиков в звонких хорях и ямбах». На сторону Вишняка стали его коллеги по редакции — Фондаминский, еще кто-то (не помню)... Тогда Гиппиус: «Ну вот, видите, Вишняк сам будет писать стихи — хорошие, с направлением», — и пристала к Вишняку так, что он побожился: «буду печатать молодых», — только в покое оставьте!

Жаль, что нет Гиппиус и некому пристыдить Вейнбаума. Нельзя на месте литературном, в начале страницы, помещать пересказы «своими словами» Ходасевича о Маяковском (в данном случае я за Маяковского!) или нашего друга Нарциссова. Он передельывает себе на потребу чужие слова, — видимо, советская полемическая тактика, — и демонстрирует свое невежество. Ему отвечать нельзя, но следовало бы как-нибудь написать о любителях «ясности».

Кто нападает на Иванова? Здесь никто не нападает, но широкая публика его «не понимает», а любит Смоленского (мелодекламация с надрывом, талантливая, но безвкусная). Почему Вы зачислили Цветаеву в «эмигрантские поэты»? Насколько Иванов

развился в эмиграции, Цветаева в эмиграции скорее «свихнулась» как-то, лучшее же все она (за исключением немногого) написала в России. Ходасевич тоже лучшее написал в России (стихи), — «Тяжелая лира» на 1/2 только «эмигрантская», а «Европейская ночь» — почти упадок, перед тем, как перестал писать. Законная эмигрантская триада — Иванов, Поплавский, Штейгер. Впрочем, последние два не успели дать много, и в этом смысле их трудно ставить на одну линию.

Прочтя о Чайковском у Вас, я предсказал сразу, что большинство читателей решат, что Вы говорите о Пушкине. А Иваск — просто блестящ — правда, по-русски, а не по-парижски, — ишь, что выдумал: «флорентинец»!

Жду книги об О.Мандельштаме, которая вышла в Ч[еховском] и [здательств]е². Кстати, говорят, Ч[еховское] и [здательств]о будет жить. Здесь получены «сведения», что будто бы М[андельштам] жив, ослеп и оглох почти совсем, ничего не пишет и живет где-то в «доме отдыха» (?) — вероятнее всего «миф», хотя до сих пор *точно* о нем мы ничего не знаем.

Читали ли Вы книгу Адамовича³? Интересно Ваше впечатление⁴ — по 2 направлениям книги: 1) был ли возможен диалог с писателями, находящимися в С[оветской] России? и 2) оценки А[дамовича] (нам известные — то же самое вот уже 30 лет).

Иванов сидит в Hueges, — там теперь чудная южная осень, — пишет стихи, но болеет — высокое давление. Не знаю, когда теперь придется его увидеть.

Здоровье мое поправилось, но зато простудился — вечная история в парижском климате. Как верно: «А далеко на севере, в Париже...»

Желаю Вам всего доброго

Дружески Ваш Ю.Терапиано

А что это за особа Жернакова-Николаева⁵ из Сан-Ф[ранцис-]ко, женщина-египтолог? Какую чушь она написала о йоге и как самоуверенно!

¹ Известная чета меценатов — Михаил Осипович Цетлин (1882-1945) и Мария Самойловна Цетлина (1882-1976) — держали литературный салон в Москве, позже в Париже и в Нью-Йорке.

² Имеется в виду подготовленный Г.Струве и Б.Филипповым первый том собрания сочинений О.Мандельштама (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955).

³ Адамович Г. Одиночество и свобода. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

⁴ См. отклик Маркова на книгу Адамовича: Марков В. Заметки на полях // Опыты. 1956. №6. С.62-64.

⁵ Александра *Жернакова-Николаева* время от времени печаталась в «Новом русском слове», преимущественно в жанре «писем в редакцию».

Дорогой Владимир Федорович,

Ваша фраза: «устал от вечного лета Калифорнии» заставила меня вздохнуть. Люблю «вечное лето», а осужден на постоянную сырость... «А далеко на севере, в Париже...»

Следите ли Вы за спорами по поводу «Незамеченного поколения»? (Статья Варшавского, «Н[овый] ж[урнал]», 41). Все авторы пока грешат одним и тем же: невниманьем к тому, что к ним самим не имеет прямого отношения.

Все это — прошлое, послевоенная же «нота» — Нарциссов, Ширяев и К°.

К сожалению, мы сейчас слишком разобщены, чтобы сделать попытку противопоставить им прежний «уровень», прежний «воздух».

В «Возрождении» Ефимовский² занялся расправой даже с Тургеневым... Кроме того, в местной газете «Воскресенье России» воскрешаются времена Буренина. Почему из «Граней» исчезли имена Кленовского, Моршена, Елагина, Анстей и т.д.? Кашин³, нынешний редактор «Граней», приезжал в Париж, наболтал, как мне рассказывали, много чепухи, нахамил кое-кому и отбыл. Оказалось, он не Ди-Пи (как думали по его описаниям майского парада в Москве), а эмигрант из Харькова, следовательно, все его советские сцены — литература. «Н[овый] ж[урнал]» тоже эволюционирует от Одарченко к Горской.

Что касается сведений о Мандельштаме, сообщенных мне Трубецким, я сам не очень верю в то, что М[андельштам] жив. Но Струве, по-моему, мог бы хотя бы частным образом дать больше подробностей. Он цитирует также стихотворение, напечатанное Маковским, якобы написанное М[андельштамом] в Сибири⁴. Маковский получил *его* здесь от одной особы, якобы сидевшей в одном лагере с М[андельштамом] в Сибири. Эта особа утверждала, что имеет еще другие стихотворения М[андельштама] — и вдруг отказалась их дать. Самое стихотворение, как мне кажется, может оказаться и подделкой, особа, его давшая, истеричка.

На днях начну читать «неизвестного М[андельштама]» — почти всю прозу — в первый раз, т.к. она не дошла уже до эмиграции.

Открыл старые стихи — как будто вновь пережил: прежний петербургский воздух, не эмигрантский уровень, не современный «строй» и ритм. Все-таки замечательно: в Париже, в первый раз, «свежими глазами» иметь возможность прочесть Мандельштама.

Адамович для Вас и для Моршена — явление новое, Вы лучше можете воспринять его разговоры об эмигрантских писателях, чем мы, 30 лет слышащие их и давно уже привыкшие к блестящей, извилистой, неопределенной, без твердых очертаний, импрессионалистической критике Адамовича. Все очень хорошо, все — спорно, все нужно читать между строк! Мне кажется, похвала Сирина-поэта⁵ — случайность, А[дамович] никогда не был в особенном восторге от его поэзии, уж хотя бы потому, что Сирин стремится к внешним эффектам, впрочем, помню, в какой-то своей статье о стихах С[ирин]а в «Н[овом] р[усском] с[лове]»⁶ А[дамович] многое у него хвалил. Значит, в последние годы (после войны) в отношении с[иринских] стихов «линия» Адамовича изменилась, обернулась другой стороной своего хамелеонового цвета.

Из всех высказываний писателей о писателях мне больше всего нравится цветаевская манера — пусть эгоцентрическая, пусть пристрастная, но зато — как она видит их! За исключением Бунина и Штейгера, большинство высказываний А[дамовича] — скорее отписка, чем по существу то, что он думает. А Цветаева — знаете ли Вы ее поэмы, написанные в эмиграции: «Молодец», «Крысолов»⁷ и др.? Часть из них была напечатана в журналах только — в «Верстах», в «Воле России». Жаль, что «И[здател]ство им. Чехова» не захотело издать *предложенное* ему собрание сочинений М.Цветаевой.

Что Вы сейчас делаете, что написали? Где будут Ваши статьи и о чем?

Прочел статью Гуля об Иванове⁸ («Н[овый] ж[урнал]»), по поводу которой один писатель сказал: «Поэзия, вероятно, должна "быть глуповатой", но к критике это не относится». Так или иначе, Иваново сейчас хвалят и справа и слева; но как Вам нравятся его 11 стихотворений⁹ в том же 42 № «Н[ового] ж[урнала]»?

«...Отвратительный вечный покой» — отвратителен!

Неужели Жернакова-Николаева так-таки прочла свой доклад «о египетском происхождении русского народа», и никто в уме не повредился? Очевидно, не только бумага, но и читательская публика в русской Америке «все терпит».

Крепко жму руку.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Публикация глав из книги Владимира Сергеевича Варшавского (1906-1977) «Незамеченное поколение» (Новый журнал. 1955. №41. С.103-121; Опыты. 1955. №4. С.65-72) вызвала длительную полемику, преимущественно на страницах газеты «Новое русское слово»: Аронсон Г. Новый журнал. Книга 41 // Новое русское слово. 1955. 24 июля. №15793. С.8; Слоним М. «Незамеченное поколение» // Новое русское слово. 1955. 31 июля. №15800. С.8; Кускова Е.Д. О незамеченном поколении // Новое русское слово. 1955. 2 октября. №15436. С.2, 5; Терапиано Ю. По поводу незамеченного поколения // Новое русское слово. 1955. 27 ноября. №15492. С.8; и др. Основная полемика развернулась после публикации книги отдельным изданием (Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1956).

² Неясно, какую работу Евгения Амбросиевича *Ефимовского* (?-1964) имеет в виду Терапиано. Первые публикации Ефимовского в «Возрождении» появляются в 1956.

³ Александр Адрианович *Кашин* (р.1927)— прозаик, критик.

⁴ Рецензируя мемуарную книгу С.Маковского «Портреты современников» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955), Ю.Терапиано писал: «В конце главы об Осипе Манделъштаме С.Маковский приводит привезенное из России, якобы написанное в ссылке "За гремящую доблесть грядущих веков...", мне же кое-что в нем кажется не манделъштамовским» (Терапиано Ю. Две книги воспоминаний // Новое русское слово. 1955. 15 мая. №15723. С.8).

⁵ Адамович довольно высоко отозвался о стихах Набокова в посвященной ему главе своей книги «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955).

⁶ Адамович Г. По поводу стихов Влад. Набокова // Новое русское слово. 1953. 29 марта. №14946. С.8; 26 апреля. №14974. С.8.

⁷ Цветаева М. Молодец: Сказка. Прага, 1924; Крысолов: Лирическая поэма // Воля России. 1925. №4-7/8; 1926. №1.

⁸ Гуль Р. Георгий Иванов // Новый журнал. 1955. №42. С.110-126.

⁹ Иванов Г. Дневник (1955) // Новый журнал. 1955. №42. С.99-103.

Дорогой Владимир Федорович,

Почему-то до сих пор не получил «Грани» (хотя даю о них отзывы) — слышал о Вашей статье о Есенине¹, — жаль, что ничего сказать не могу. Почти все стихи Манделъштама не были для меня новостью, и часть прозы, но статьи — не дошли до нас совсем. Проза, кроме армянской, замечательна. Насколько «от Хлебникова» — где мне, непросвещенному эмигранту, судить! На днях

говорил с Зайцевым, вспомнили Хлебникова: «кретин», «сумасшедший», «зачем с ним так носится Марков». — Очевидно, Вам нужно будет не только писать о Х[лебникове], но и достать его произведения — и давать читать писателям...

С Ивановым у меня нет регулярной переписки, узнаю иногда о нем от общих друзей. Как будто сейчас у них все благополучно, Иванов работает, написал для «Н[ового] ж[урнала]» какую-то «замечательную» статью². А Гуль в «Н[овом] ж[урнале]»³, кланяясь низко, обвинил его во всех смертных грехах и даже в «теме убийства» (?) — самоубийства? — ведь и герой «Распада атома» и в ряде стихов — *самоубийцы*. Замечательная фраза Гуля: «Тема убийства появляется у И[ванова] в год выезда за границу». Дело вот в чем: во время ссоры Иванова с Ходасевичем Ходасевич разослал многим писателям и другим лицам такое письмо: якобы в Петербурге Адамович, Иванов и Оцуп завлекли на квартиру Адамовича для карточной игры, убили и ограбили какого-то богача, на деньги которого затем все выехали за границу. Труп, разрезав на куски, вынесли и бросили в прорубь на Неве. Адамович нес, якобы, голову, завернутую в газету. Можете себе представить, какой был скандал; до сих пор то здесь, то там, то в Париже, то в Ницце, кто-нибудь рассказывает: «знаете...». Ходасевич клялся, что это правда и что будто бы ленинградская милиция требовала у парижской полиции выдачи «преступников», но «большевикам было отказано, т.к. французы подумали, что выдачи требуют по политическим мотивам».

В последнем № «Н[ового] ж[урнала]» мне очень понравились Ваши студенческие воспоминания⁴. Особенно хорошо тон — без всякой ненависти, а когда Вы говорите о некоторых фактах — осуждение для б[ольшевиков] получается страшнее, чем если бы Вы их проклинали, как другие. «Портрет Ленина, чтоб не вешать Сталина» и т.д. — замечательно. Я дал отзыв об этом № (к сожалению, в австралийской газете «Единение», редактирует кот[оро] мой знакомый, и по просьбе его пишу иногда там), причём о «воспоминаниях» написал оч[ень] похвально. Когда же я «отзывался» (кроме «Единения»? И где? Если в письме, то, вероятно, тогда успел прочесть лишь стихи, Иванова на сей раз кое за что выбрал («Отвратительный вечный покой» и т.д.). «Крысолов» (напеч[атанный] в «Воле России») — прелестная вещь, но для В[озрождения?], конечно, «заумная». Книгу Кленовского⁵ мне дали в газете для отзыва, но я ее еще не читал. Антропософия — болезнь Кл[еновского]⁶, помню, мне пришлось защищать Ходасевича, кот[оро] К[леновский] записал в антропософы. Просматривая старые вырезки, увидел, что как-то я выругал стихи Нар-

циссова в «Гранях»⁷... Попалась ли Вам моя статья «По поводу незамеченного поколения»? Я в ней поставил точки над *i* — относительно мифа о «школе Адамовича», сочиненного Федотовым⁸, а с его легкой руки — Иваском и Варшавским. Адамович приезжает на днях в Париж из Манчестера⁹. Струве обещал писать о нем в «Р[усской] м[ысли]»¹⁰, но до сих пор заставляет ждать.

Да, еще мне понравились в «Н[овом] ж[урнале]» стихи Моршена, кроме одного («бюстик», — шито белыми нитками), а остальные стихи других поэтов (кроме И[ванова] и М[оршена]) — просто не интересны в этом №. Знаете ли Вы сборник Цветаевой «Ремесло»¹¹? Ее стихи и особенно поэмы последнего времени так разбросаны по разным зарубежным изданиям, что сделать за ними было трудно. А Ч[еховское] и[здательств]во *отказалось* выпустить собрание стихов Цветаевой. Насколько я понял, книга С[труве] о заруб[ежной] литературе¹² будет последней книгой Ч[еховского] и[здательств]ва. Получил и читаю «Чехова»¹³ Бунина — оч[ень] интересно, но еще не дошел до романа с Авилловой¹⁴.

Желаю Вам всего доброго в наступающем 1956 году и поздравляю с Праздником Рождества Христова.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Марков В. Легенда о Есенине // Грани. 1955. №25. С.139-162.

² Иванов Г. Осип Мандельштам // Новый журнал. 1955. №43. С.273-284.

³ Гуль Р. Георгий Иванов // Новый журнал. 1955. №42. С.110-126.

⁴ Марков В. Et ego in Arcadia // Новый журнал. 1955. №42. С.164-187.

⁵ Вероятно, имеется в виду четвертая книга стихов Дмитрия Иосифовича Кленовского (наст. фам. Крачковский; 1893-1976) «Неуловимый спутник», датированная 1956 годом.

⁶ Перу Кленовского принадлежала, в частности, статья «Оккультные мотивы в русской поэзии нашего века» (Грани. 1953. №20. С.129-137).

⁷ Имеется в виду отзыв Терапиано о стихах Бориса Анатольевича Нарциссова (1906-1982), опубликованных в 21-м номере «Граней».

⁸ Федотов Г. О парижской поэзии // Ковчег (Нью-Йорк).1942. №1. С.189-198.

⁹ Адамович в письме Одоевцевой от 6 декабря 1955 сообщил, что намеревается приехать на каникулы в Париж из Манчестера, где преподавал в 1951-1960.

¹⁰ Статья Глеба Струве об Адамовиче показала редакции «Русской мысли» настолько резкой, что она отказалась ее напечатать. Статья была опубликована позже и в другом издании: Струве Г. Об Адамовиче-критике: По поводу книги «Одиночество и свобода» // Грани. Апрель—сентябрь 1957. №34/35. С.365-369.

¹¹ Цветаева М. Ремесло: Книга стихов 1921-22 гг. Берлин: Геликон, 1923.

¹² Струве Г. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956.

¹³ Бунин И. О Чехове. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955.

¹⁴ Лидия Алексеевна *Авилова* (1865-1942) — писательница, возлюбленная Чехова.

Дорогой Владимир Федорович,

Мне очень понравилась в №25 «Граней» Ваша статья о Есенине; если не со всеми тезисами могу согласиться, то все же — со многими, а определение: «не "Русь", а смерть» — находка. Также мне понравилась Ваша «Аркадия». О «Гранях» я написал в местной «Русской мысли», а о «Нов[ом] ж[урнале]» — обычно пишу в австралийском «Единении» (Melbourne).

Удивили Вы меня: я не видел стихотворения Нарциссова с эпиграфом из моего — како[го]? — А впрочем — не все ли равно? А вот отсутствие «Бури и натиска» О.М[андельштама]¹ — печально; очень хотел бы прочесть.

Сейчас у меня плохой период в смысле здоровья — последствие операции (старой) — начало что-то слишком много лить желчи (как раз время писать критики!), лежу и жду доктора.

В «Опытах» стихотворение Моршена — слабое, Г.И[ванова] — тоже.

«Из песни слова...» — я написал Вам историческую справку о Ходасевиче, а потом — пожалел. Да, он был злой и мстительный (до потери чувства справедливости) человек, но в нем было много и другого. А Иванова и О[цупа] уже и не было в СПб, когда якобы происходила та история, о кот[орой] рассказывал Ходасевич.

Написал я об «О[пытах]»² — и о письмах Цветаевой к Ш[тейгеру]. Удивительно то, что Ш[тейгер] никому даже из ближайших друзей не сказал о переписке. В отношении же стиля Ш[тейгера]

и того, что он внес, — в смысле манеры, в смысле отношения к делу поэта, — Цветаева не поняла ничего и рекомендовала ему писать о герое-предке и «яркие» стихи — это-то — Штейгеру!

Только что прочел глупейший отзыв Н.Андреева³ в «Р[усской] м[ысли]» о «Н[овом] ж[урнале]» — с 37 по 42 книгу — все гении... даже Дар и И.Легкая!

Не знаю, получается ли «Р[усская] м[ысль]» у Вас? Знаю, что Г.Струве ее всегда имеет.

Крепко жму руку.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Имеется в виду критическая статья О.Мандельштама «Буря и натиск» (Русское искусство (Москва). 1923. №1. С.75-82). Статья входила в сборник: Мандельштам О. О поэзии. Л.: Academia, 1928.

² Терапиано Ю. «Опыты». Кн. V // Русская мысль. 1956. 28 января.

³ Андреев Ник. Заметки о журналах: «Новый журнал». Книги 37-42 // Русская мысль. 1956. 24 января.

Дорогой Владимир Федорович,

Благодарю Вас за присылку Вашей фотографии. Посылаю в ответ «мой физический облик», тоже «любительский», но, говорят, похожий. Ко 2-му (около автомобиля) примечание: автомобиль не мой.

В настоящее время поправляюсь и медленно «возвращаюсь в жизнь». Писать — трудно, устаю от небольшого напряжения, читать тоже еще не все могу, так, например, читать новую книгу Шестова² «Sola fide» (Luther et l'eglise), которая скоро выходит, мне будет еще трудно.

Австрийская литер[атурная] энциклопедия предложила мне ряд абзацев о разных заруб[ежных] писателях. Я подписал в декабре контракт — и все пришлось аннулировать, т.к. сдавать должен был в феврале и марте главным образом. Жаль, были абзацы об Адамовиче, Ходасевиче, Мережковском, Гиппиус и т.д.

Очень было бы хорошо, если бы Вам удалось заняться Вашим прямым делом, т.е. научной карьерой. У нас здесь тоже без диплома нужно начинать снова — и это многим помешало в свое время продолжать занятия, а где же было сберечь дипломы во время гражданской войны и революции?

Интересно, как Вы станете доказывать, что нужно теперь писать длинно? — Тема для спора. Помните поэмы Шарля Пеги? — М.Б. единственно в таком роде можно, т.к. «Молодец» Цветаевой, например, или ее же «Крысолов», при всех достоинствах — невыносимы. Ходасевич как-то на подобный вопрос сказал: «Можно. Только надо — хорошо, а кто на это сейчас способен?»

Перебирая бумаги, от нечего делать, наткнулся на пачку старых фотографий³ 1926 г. Ходасевич — еще с длинными волосами, Берберова, Кнут, Смоленский, Мандельштам (Юрий)... «те годы!» — стало очень грустно.

Желаю Вам всего хорошего! И[рина] Н[иколаевна] просит передать свой привет.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Перерыв в переписке объясняется болезнью Терапиано. Его жена, Ирина Николаевна, 18 февраля 1956 писала Маркову: «Мой муж перенес довольно серьезную операцию и болезнь и находится еще в клинике. Сейчас он уже вне опасности и наверно скоро сможет покинуть клинику, но ему понадобится еще некоторое время, чтобы окончательно поправиться и написать Вам. Он просит поблагодарить Вас за Ваше милое письмо и будет очень рад, если Вы ему напишете».

² Книга Льва Исааковича *Шестова* (наст. фам. Шварцман; 1866-1938) «Sola fide» вышла отдельным изданием только в 1966. Несколько глав из книги печатались в разных журналах. Глава «Luther et l'eglise» появилась на русском языке под названием «Лютер и католическая церковь» (Вестник РХД. 1952. №3).

³ Эти фотографии позднее были опубликованы в книге: Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924-1974): Эссе, воспоминания, статьи / Сост. Ренэ Герра и Александр Глезер. Посл. Р.Герра. Париж; Нью-Йорк: Альбатрос; Третья волна, 1987.

Дорогой Владимир Федорович,

На днях говорил о Вас с Адамовичем, которому очень понравилось Ваше повествование о молодости в «Н[овом] ж[урнале]». А[дамович] выражал сожаление, что Вы так далеко от Парижа. Я к нему присоединяюсь, т.к. давно уже знаю Вас. Имеете ли Вы теперь «Р[усскую] м[ысль]» — с отъездом Г.Струве? — там и А[дамович], и я упомянули о Вас.

На прошлой неделе, в предисловии к книге Маковского¹ (стихи) я подчеркнул, что с 1939 г. прежняя парижская атмосфера кон-

цена, что теперь нужно ждать, как послевоенные поэты определяют свою «ноту», но что до сих пор все они разъединены, уединены (как теперь и бывшие участники «пар[ижской] ноты») и что нового мироощущения, новой атмосферы, несмотря на то, что прошло столько лет с 1945 г., еще нет.

Конечно, никакие «надо» не могут помочь делу, но другое — когда «надо» берется не извне, а внутренне чувствуется. Вот как мы в свое время чувствовали, что нельзя, как символисты, утопать в «безднах и словах с большой буквы» или «что акмеизм — скуден, внешен и дает камень вместо хлеба». А отсюда и пошла «нота». Вот скоро «столп» п[арижской] ноты — Лидия Червинская — выпускает новую книгу². Горе ей, если она «осталась, как была в 1936 г.».

Не понимаю — «время индивидуализма прошло», «надо выходить в мир» — как же обойтись без индивидуального, ведь весь мир все-таки мы видим через себя, в себе и «проблемы» — тоже значительны лишь по отношению к нам? Но то, что, м.б., сейчас настает время «большого жанра» — спорить трудно, хотя до сих пор в этом плане не было удачи. И если (лишь отчасти, *на мой взгляд*) верно, что Г.И[ванов] исчерпал «малую форму» и что вообще «нытье» уже невыносимо, то все же у меня лично нет особенной надежды и на «большую форму»³, нужно что-то другое, какой-то внутренний поворот, чтобы смотреть со своей точки зрения. Ведь поэзия напоминает бильярдный шар, который катится по плоскости стола, каждый миг пересекаясь с ним в к[акой-н]и[будь] точке. Это символ «внутреннего — поэта» и «внешнего — мира». А наш зарубежный шар крутится пока на месте, а не катится!

Не очень очарован сходством с Елагиным и надеюсь, что не так уж похож на свои фотографии, хотя для поэта его земной образ не столь уж важен!

Здоровье мое лучше, но еще 1) режим — диета, 2) швы, кот[орые] болят, 3) связанность в движениях и 4) не могу писать на пишущей машинке.

Теперь я больше пишу в «Р[усской] мысли», чем в «Н[овом] р[усском] с[лове]». Решил ответить Ю.Офросимову⁴ (новый «неизвестный», болван, очевидно, — ну как написать поэму «На удушение А.Ахматовой»?).

Ирина Николаевна и я шлем Вам поздравления с наступающим праздником Св.Пасхи.

Искренне Ваш

Ю.Терапиано

¹ Маковский С. В лесу. Мюнхен, 1956.

² Червинская Л. Двенадцать месяцев. Париж: Рифма, 1956. Рец. Терапиано на это издание см.: Терапиано Ю. Новые книги // Новое русское слово. 1956. 12 августа. №15751. С.8.

³ В.Марков впоследствии развил эти мысли в статье «О большой форме» (Мосты. 1958. №1. С.174-178).

⁴ Юрий Викторович *Офросимов* (1895-1967) в статье «Паки и паки» полемизировал с идеологией «парижской ноты», обвиняя ее во всех возможных грехах и полагая, что «следовало бы ее назвать поистине трагической: для нашей эмигрантской литературы» (Новое русское слово. 1956. 25 марта. №15611. С.8). Ответ Терапиано под названием «Точки над і» появился в «Новом русском слове» (1956. 13 мая. №15660. С.8).

Дорогой Владимир Федорович,

Адамович преподает в Англии, в Манчестерском университете. Скоро начнутся каникулы, он приедет во Францию и будет в Париже, а потом в Ницце.

Постараюсь «познакомить» Вас с ним тогда, он интересный человек, и переписка с ним Вам может быть приятной. Что же касается «возрожденного головотяпства» — не удивительно, но т.к. сейчас там опять перемена редакции — ушли Мейер¹ и Яконовский², то есть надежда, что «"В[озрождение]" исправится». Но «В[озрождение]» — не «Париж». Еще не имею «Н[ового] ж[урнала]», зато получил новые «Опыты»³. Бунин в письмах — «как живой», очень для него типичный тон, Иваск правильно написал о Ваших «воспоминаниях» в «Н[овом] ж[урнале]», интересен спор А[дамовича] и И[васка] о будущей России — кто из них окажется «прав», но, вероятно, прав будет А[дамович], и Россия все-таки что-либо явит Западу, а не наоборот, по Иваску. Религиозная часть «Комментариев» А[дамовича] написана хорошо, но сомнения его — не очень уж страшные, бывают более трудные вопросы в плане: «не могу», а «на небо — и одежда?» — даже наивно. Вероятно, и Достоевский за «непротивление злу» кулаком бы по столу стукнул. В «Заметках на полях» Вы очень вовремя напомнили о фальшивости термина «музыка» (и я, для которого музыкальной музыки нет, лишенный слуха, покраснел), которым так злоупотребляют гг.критики. Но что же делать, как иначе сказать о том, что «звучит внутри», хотя с музыкальной музыкой и не имеет общего? А о «диалоге с самим собой», по старости, вместо диалога

с советской литературой, сказано зло, хотя и очень верно. Хорошо и о набоковской «пощечине Чернышевскому»⁴, не люблю «общественников», а при мысли вступить в объяснения, например, с Кусковой⁵ по поводу поэзии — холодею. Как-то я послал давно, когда еще был молодым поэтом, в «Последние новости» стихотворение о Богоматери, а Милуков: «И как это Т[ерапиано], молодой человек, культурный, может верить в такие культурные пережитки?..»

«Н[овое] р[усское] слово», напустив к себе Жернониколаевых, Забжнороковых и Офроросимовых, становится таким, что боишься теперь в руки взять воскресный номер!

Читали ли Вы «Русскую литературу в изгнании» Г.Струве? Здесь (слышал, и в Нью-Йорке тоже) многие на него в бешенстве. Не нравятся оценки (кое-кому попало по заслугам, иногда же — неправильно, по-моему!), биографические подробности (кто коллаборировал с немцами или с большевиками), действительно, ни к чему, и, наконец, нужно было заручиться письменным согласием, прежде чем раскрывать *псевдонимы живых*. В частности, С[труве] недооценивает и, видимо, не любит Г.Иванова, а уж «подражать Одарченко или Штейгеру» — простите, — наоборот, сам видел, как оба «учились» у И[ванова]! В общем — одна из тех книг, объективный отзыв о которой не удовлетворит ни автора, ни «врагов», ни «друзей»... По поводу псевдонимов — вспомнилась эпиграмма Гиппиус на Ходасевича:

Чем не общие идеи?
Кто моложе, кто старше
И какой кто будет нации, —
Кстати, все ль у нас раскрыты
Псевдонимы в эмиграции?
Есть задача интересная:
В чьи б колеса вставить палку?
Кстати, старую, известную
Обругать бы либералку (т.е. З.Гиппиус).

(Не могу вспомнить.....)

Целомудрие Бакуниной...
Ну, Бакунина приструнена.
Не приняться ли мне заново
За Георгия Иванова?⁶

И[рина] Н[иколаевна] и я шлем Вам привет.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Георгий Андреевич *Мейер* (1894-1966) — публицист, критик, литературовед, сотрудник «Родной земли», позже «Возрождения».

² Евгений Михайлович *Яконовский* (1903-1974) — прозаик, журналист, в 50-е годы — сотрудник парижских изданий «Возрождение» и «Русское воскресение».

³ В шестом номере «Опытов», о котором говорит Терапиано, были опубликованы: «О Чехове» И.Бунина, «Комментарии» Г.Адамовича, «Заметки читателя» Ю.Иваска и «Заметки на полях» В.Маркова.

⁴ В «Заметках на полях» В.Маркова содержалось резкое суждение, вызвавшее бурю отрицательных откликов: «Глава о Чернышевском в "Даре" Набокова — роскошь! Пусть это несправедливо, но все заждались хорошей оплеухи "общественной России"» (Опыты. 1956. №6. С.65).

⁵ С Екатериной Дмитриевной *Кусковой* (1869-1958) Марков в своих «Заметках на полях» вступил в полемику по поводу книги Варшавского «Незамеченное поколение».

⁶ В полном виде эпиграмма воспроизведена в книге: Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924-1974)... Указ. изд. С.122.

Дорогой Владимир Федорович,

У нас, литераторов, совершенно иная «манера воспринимать», чем у общественников: Адамович в своей статье и редактор — Иваск — и я (в частном письме) не только не возмутились «все» и «заждались» и т.д., но — «как будто бы это было сказано в ином плане». Да и действительно — ведь «пощечина» относится к *тупости и непониманию «общественников» в отношении литературы*. Это — в *нашем* плане; в плане же Вишняка получилась, действительно, грубость, чудовищная вещь: всероссийской демократической общественности, которая... — вдруг — пощечину — да еще и «ждут все!» Вышел литературный скандал, который занимает сейчас здесь многих из тех, кто «живет событиями» — и теперь-то уж Ваше имя они не забудут! И еще: счастье Ваше, что «Н[овый] ж[урнал]» не «С[овременные] з[аписки]» и что их не редактирует больше М.Вишняк! В статье об «О[пытах]» я Вашу форму выражения не одобрил (виноват, кстати, Иваск — редактор должен *именно всегда* обдумывать статьи своих сотрудников в плане не только литературном, но и в том, в каком их воспримут другие), но подъявил Кусковой по поводу «поэта Фельзена» и «непонятной» Цветаевой — м.б., кто-нибудь из «общественников» еще откликнется. (Статья — в будущую субботу).

Я не читал еще статьи Ад[амовича] в «Н[овом] р[усском] с[лове]» об «О[пытах]»², но вижу, что он Вас подругнул за «легкость мыслей». Думаю, его могли задеть «Сумерки Блока», его собственная прошедшая молодость; А[дамович] злопамятен и мстителен по отношению к тем, кто ему «наступает на хвост». Он еще не приехал; когда увижусь с ним, спрошу, можно ли «дать Вам его адрес», т.е. увижу его отношение к Вам «после всего». Слышал от С.Маковского и Добужинского (худ[ожника]) похвалы Вашему «Моцарту»³, кот[орого] я еще не читал, хотя журнал уже имею. Кстати, я не в курсе, — что писал Д.Бедный о Кусковой? Впрочем, как все литературные сенсации, и этот «эпизод с пощечиной» через месяц канет в забвение.

Прилагаю заметку об «Опытах» №6.

С искренним приветом

Ваш Ю.Терапиано

¹ Марк Вишняк в своей статье «Об "Опытах" №6» (Русская мысль. 1956. 12 июня) выговорил Маркову за его «Заметки на полях». В частном письме от 13 июня 1956 Вишняк был более откровенен: «Я допускаю, что Вы, подобно другим, держитесь того мнения, что я "обиделся" за Чернышевского. Это верно лишь в небольшой мере или с оговоркой, поскольку Чернышевский герой не моего духовного романа. Гораздо сильнее я "обиделся" за русскую общественность, за русскую культуру, на которую так упирает Иваск и другие сотрудники "Опытов", и — немножко неловко за громкое слово — за Россию!» (РГАЛИ. Ф.1348)

² Адамович Г. «Опыты» // Новое русское слово. 1956. 3 июня. №15681. С.8.

³ Марков В. Моцарт // Новый журнал. 1956. №44. С.88-113.

Дорогой Владимир Федорович,

Посылаю Вам пока вырезку статьи Адамовича¹, т.к. у меня нет моей (об «Опытах») — для этого нужно поехать в редакцию, что и сделаю, когда буду в Париже после праздников (французских: 13-14-15 — «взятие Бастилии», балы на улицах, фей[ер]верк и т.п. — ни пройти, ни проехать!).

Не знаю, как в N.Y., но здесь «история» с Вашей заметкой уже «отошла в вечность». Я говорил с Адамовичем о Вас, в частности — по поводу «Моцарта». А[дамович] утверждает, что у Вас, по его мнению, недостатки: 1) «многословие» и второй: «само-

уверенная легкость» (плод молодости — он думал, что Вы оч[ень] молоды). Зато хвалил ваши воспоминания (...in Arcadia) и стихи, особенно «Гурилевские». Я ему рассказал о Вас более подробно. Кстати, сам А[дамович] в молодости грешил и «самоуверенной легкостью», и необоснованными утверждениями, вроде (если говорить иносказательно): «хорошо — потому что плохо». — Но и эта «война»² Ваша с А[дамовичем] тоже сойдет на нет со временем. Я понимаю Вашу обиду. К сожалению, «идеальный человек» порой оказывается слишком абстрактным, в жизни не существующим, т[ак] ч[то] трудно иметь дело с людьми, оставаясь на такой позиции; в молодости я сам много страдал от подобного несоответствия, возмущался, воевал — с Ходасевичем и т.д., наживал всюду врагов, — а потом, по совету Т.Готье, надел на себя «носорожий панцирь» и перестал требовать от людей «того, чего нет на свете», как говорила (по другому поводу) З.Гиппиус.

Жалею, что Струве в некоторых оценках, напр[имер], поэзии (послевоенной) Г.Иванова, сам подорвал свой авторитет. Его книга, как он сам ожидал, вызывает много нападок³, и часть этих нападков, увы, заслужена. Куприн, например, совсем больной и *потерявший рассудок*, был увезен в СССР женой, а не «вернулся», у Зайцева — не 2 тома, а трилогия, Ю.Фельзен не был немцем, Присманова — чудовищное безвкушие и издевательство над русским языком, Пиотровский = 3+ (отметка), не больше, и т.д., и т.д. Впрочем, и это — в быту! Но, если газетные статьи погибнут окончательно, книга С[труве] все-таки останется для будущего — «со счастливым детством сзади», как изъясняется Присманова в «Новоселье» в поэме, посвященной Вере Фигнер⁴.

Какова Ваша университетская судьба? Вы пишете: «нужно будет в сентябре зачесть за университетскую программу и за диссертацию». — Нужно ли это понимать в том смысле, что Вам удастся получить зачет русского диплома и право защищать на этом основании диссертацию на научную (американскую) степень? Во всяком случае желаю Вам успеха и возможности переменить занятие.

Всего доброго.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Адамович Г. «Опыты». Указ. изд. С.8.

² С Адамовичем у Маркова были несколько напряженные отношения из-за столкновения в печати. Их пытались помирить сразу несколько общих знакомых: Ю.Иваск, И.Одоевцева, Ю.Терапиано. В 1969 под влия-

нием друзей Адамович пытался завязать переписку с Марковым, но после двух писем она оборвалась.

³ Свои претензии к книге Г. Струве «Русская литература в изгнании» высказывали в печати, в частности: Камышников Л. Писатели в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы // Новое русское слово. 1956. 15 июля. №15724. С.8; Гуль Р. О книге Глеба Струве // Новое русское слово. 1956. 2 декабря. №15863. С.8; Андреев Ник. Литература в изгнании // Грани. 1957. Январь—март. №33. С.175.

⁴ Фрагменты «лирической повести» Анны Семеновны *Присмановой* (1892-1960) «Вера» публиковались в журнале «Новоселье» (1950. №42/44. С.63-66). Позже «Вера» вышла отдельным изданием (Париж: Рифма, 1960).

Дорогой Владимир Федорович,

Интересно то, что Вы пишете о религиозном опыте. Мне кажется, что это отношение всегда неповторимо личное между каждым отдельным человеком и Богом, а коллективный подход (церковный — в узком и широком значении этого слова) поэтому-то и отталкивает чувствительных людей (т.е. обладающих чувствительностью, вкусом в этой области), что «соборно» момента подлинно-религиозного нельзя удержать на высоте. Неминуемо среди 100 человек будет градация — на 100%, на 70, 50, 25 — и т.д., вплоть до нуля. Отсюда и «клубность», и равнодушие. По моим наблюдениям, тут всегда действует закон Густава Лебона («психология толпы»): средний уровень повышается (средне!) за счет понижения уровня лучших, передовых индивидуумов. Поэтому, пользуясь индусской фразой, можно сказать, что для толпы — храм, а для «прозревшего» — йога, т.е. личный духовный опыт.

Я тоже думал, что книга Струве полезна главным образом для тех, кто не был в 1-й эмиграции. Многое в ней суммарно, кое-что — неверно, но все же общая атмосфера тех лет схвачена им. А оценки (общее горе наших пишущих!) порой действительно странные — нет, уж Иванова будут больше помнить, чем Ник. Оцупа!

Кстати, странный человек Иванов. Рассказывали мне, что он вдруг, как говорится, ни с того, ни с сего, написал ругательную статью о Чеховском и[здательст]ве и послал ее в «Возрождение»¹. Почему теперь, когда и[здательст]во все равно кончилось, или именно поэтому?

Адамович очень хорошо чувствует лишь одну, «толстовскую» линию в русской литературе. Гоголя же он не любит. Лесков, Ремизов, Цветаева для него чужды и даже враждебны. Пастернака он как будто бы хвалит, но в душе, вероятно, предпочитает ему Червинскую... Впрочем, не стоит больше говорить о нем, и так уж много говорили.

Париж — «летний сезон» — сейчас мертв и пуст, — не только в литературном отношении. Август — это такой месяц, когда можно безопасно переходить улицу где угодно, и не иметь возможности остричь волосы или купить что-нибудь, все закрыто — «vacances», а не ехать на «vacances» — просто позор! — так смотрят французы. Еду на 6 дней на берег пролива в Дьерре, покоряясь общему правилу и удачно сложившимся личным обстоятельствам.

И[рина] Н[иколаевна] и я шлем Вам сердечный привет.

Ваш Ю.Терапиано

¹ В журнале «Возрождение» такой статьи Г.Иванова не появлялось. Возможно, имеется в виду завершение полемики Г.Иванова с издателями собрания сочинений О.Мандельштама, опубликованное под названием «Ответ г.г. Струве и Филиппову» (Новый журнал. 1956. №45).

Дорогой Владимир Федорович,

Рад, что в Вашей судьбе наступила перемена, и надеюсь, что Ваши планы осуществляются благополучно. Это большое счастье — работать по своей специальности, а Вам — Бог велел быть литературоведом.

Не могу понять, где сейчас Струве? Я получил от него летом из Швейцарии извещение, что он хочет повидаться со мной, когда будет в Париже, а затем — как в воду канул. Не имея его адреса, я потерял с ним всякую связь. Как всегда бывает в подобных случаях, когда люди вдруг беспричинно исчезают, спрашиваю себя: быть может, чем-нибудь обидел его? М.б., моя рецензия на его книгу ему показалась плохой? Зная, что Вы его друг¹, делюсь с Вами моим недоумением, т.к. был бы очень огорчен, если б невольно его обидел чем-нибудь.

Вообще — что за люди! Я думаю, Вы прочли в «Н[овом] р[усском] с[лове]» мой отзыв² о книге Л.Червинской «12 месяцев». Говоря объективно, хорошие стихи — но вот Кленовский, видимо,

разъярился на меня: — «Опять хвалит свою парижанку» — и написал в «Н[овом] р[усском] с[лове]» статью³ — на уровне *Офросимова и Нарциссова* о том, что я мол хорошо пишу о «своих парижанах», а о «не-парижанах» — о Моршене, о Вас, в частности, — придиричиво, зло, кое-как, не хочу знать их, как может понять средний читатель. Скучно излагать подробно все обвинения Кленовского, к тому же Вы, вероятно, эту статью уже читали. Я отвечаю ему, когда буду иметь время, разумеется, — все же не хочу молча принимать на себя такие обвинения, но другое меня огорчает. Ведь Кленовский, как мне говорили, человек культурный, к тому же по возрасту ближе ко мне, чем к Вам, т.е. предположить в нем наличие «молодого задора» — «свергать старших» — уже никак нельзя. Что же это? И чего ради он так снизил вопрос — м.б., личная обида на мой отзыв о нем, в котором действительно была и «ложка дегтя»? Что ж, из чувства самосохранения критик, видимо, должен хвалить всех, вести все время «литературную политику»? Ведь по Кл[еновскому], если «отжать» его статью, — мой недостаток в том, что (якобы) я хорошо пишу о «своих» и «плохо» о «чужих», егго, если я хочу стать «хорошим критиком», то должен понять и начать хвалить «не-парижан»? Вот от этой упрощенности поташнивает.

А Адамовичу Кл[еновский], очевидно, в надежде будущих благ или «на всякий случай», выдает «похвальный лист» — вот они, люди! Как ни привык я к «литературной среде», но иногда чувствую себя юношей, т.е. показываю волнение. А опыт говорит: «так было, так будет, и за 2 похвальных строчки (не говорю уж за фельетон) можно приобретать до ∞ [знак бесконечности] друзей, которые начнут тебя превозносить»... — и становится тошно от всей этой пошлости.

А так — тут у нас еще мертвый сезон, занят очередной работой для «Р[усской] мысли» и рад, что осень пока солнечная и теплая.

Ирина Николаевна и я шлем Вам наш привет.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Г.Струве протезировал В.Маркову, помог поступить в докторантуру Калифорнийского университета в Беркли, консультировал в литературоведческих и диссертационных делах. Их гигантская переписка, часть которой находится в архиве Гуверовского института, а другая часть — в собрании Жоржа Шерона, невероятно интересна и заслуживает публикации отдельным изданием. Выдержки из нее были опубликованы: «Ваш Глеб Струве» (Письма Г.П.Струве к В.Ф.Маркову) / Публ. Ж.Шерона // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.118-152.

² Терапиано Ю. Новые книги // Новое русское слово. 1956. 12 августа. №15751. С.8.

³ Кленовский Д. Поэзия и ее критики // Новое русское слово. 1956. 16 сентября. №15786. С.8.

Дорогой Владимир Федорович,

Я не люблю полемики того типа, которую пришлось вести с Кленовским¹, т.е. по личному вопросу. Очень жаль, что у нас в литературной среде если и бывают споры, то лишь «pro domo», — а как нужно было бы завести споры порядка литературного, — ну, хотя бы о том же Заболоцком, о футуризме и классицизме.

Мне не хотелось бы больше «оперировать с трупом», т.е. с «Парижем» — в смысле его прежнего поэтического мироощущения. Хотя «парижане» количественно еще живы, и К[леновский] напрасно их всех похоронил, но атмосферы уже нет, каждый — за себя, т[ак] ч[то] Ваши слова о «Париже» лучше отнести к «настроению» Ю.Т[ерапиано] в 1956 г. Вы верно заметили о «нищем словаре», но о «социальном заказе» говорите только упрощенно. Как можно писать кошунственные стихи и быть внутренне-религиозным человеком, так вовсе не обязательно говорить «о самом главном» в смысле «точек над і» — Бог, смерть, любовь и т.д. Иначе действительно была бы опасность впасть в «политграмоту» и явилась бы «претензия». Претензия — и «точки над і» — как раз то, что *для меня* неприемлемо в Кленовском. Одна возможность назвать [нрзб.] «вещью», да еще и «своею», и его самоуверенный тон во всех его теоретических разговорах заставляет подозревать его во внутреннем благополучии. Таким образом, и «о Венгрии» и «о Лампе» — пишите, ничего против этого не имею! (Это «Вы» — и «я» — не мы, а для примера). Что же касается «придушенного» Заболоцкого — неужели же его *действительно заставляют* писать по-акмеистически (почему — не «в духе неоклассицизма»?) — ведь акмеизм, кажется, в СССР на подозрении до сих пор? Но поворот от «футуризма» к «простоте» — помните, у Пастернака: «Есть в опыте больших поэтов» — мне *приятен*, а *Вам — нет*. Красивость его (во многих местах) я «куснул», куснул также и его подыгрыванье под власть, не в этом я вижу его достоинства, а в подлинной лирической простоте некоторых его новых (и старых) стихов. В момент написания статьи у меня не было под рукой Вашей антологии, поехал бы в город к Маков-

скому за нею, — но не мог, к тому же ведь я и не претендовал *исчерпывающе* говорить о З[аболоцком]. Охотно прочел бы Вашу серьезную статью о нем.

Что у Вас в жизненном смысле? Пишете ли что-нибудь (не смотря на занятость)? У меня — по-прежнему, рутина жизни не меняется, а сейчас, кроме того, атмосфера такая удушливая, что просто нет внутренней возможности думать о литературе.

И[рина] Н[иколаевна] и я шлем Вам наш привет.

Ваш Ю.Терапиано

P.S. Писать дальше нельзя, ужасная бумага и перо стерлось и пишет ужасно.

¹ Терапиано Ю. Ответ Д.Кленовскому // Новое русское слово. 1956. 28 октября. №15828. С.8.

30

[декабрь 1956]

Дорогой Владимир Федорович,

На днях говорил о Вас с Адамовичем. Он, между прочим, считает, что Вы из тех людей, на кого нужно нападать (речь шла о «Моцарте»), «тогда такие злятся и пишут лучше (в отличие от слабых, которые огорчаются и перестают писать)», а в общем о Вас он говорил хорошо, как о единственном «читающем и думающем». Спрашивал, почему давно Вас нигде нет (с этого начался разговор), — я ему рассказал, чем Вы сейчас заняты.

Начал — с «парижского разговора», но, ради Бога, не соединяйте «парижан» с Маковским, в смысле его статьи о Блоке. Адамович сейчас давно уже «изменился» в отношении Блока, его тогда *все* бранили, а уж М[аковский] — вызвал *всеобщее возмущение!* И «в руках», конечно, в данном контексте лучше, чем «на руках»¹ и вообще «старый аполлоновский крокодил» на сей раз «сел в калошу». — И даже спрятался, я был на трех собраниях, его — нет. Говорят: «болен». Зашел на дом навестить (жаль все-таки старика, ведь он очень стар), говорит квартирная хозяйка: «Ушел, вернется поздно», — значит, не болен!

У меня, конечно, Заболоцкий — «слабое место», т.к. всего его я не знаю, и, что хуже, — не знаю с начала до конца, т.к. его «раннее» дошло (частично), б.м., позднее его «позднего» сюда в Париж. Поэтому и защищаться мне трудно. Но вот «торжество земледелия», например, — какая уж тут «простота» или «непосредственность»? Все очень даже явно *изобретено*, ловко, не спорю,

но в согласии с хлебниковской идеологией и вообще потому, что автор талантлив. С другой стороны, чем хуже его «классическая линия», если у него, как в «Портрете», и вкус, и мера, и стройность? Самому Хлебникову, в смысле *искренности*, я вполне доверяю, но вот всем другим — не очень. Поэтому «душа живая», мне кажется, может выражать себя, порою, подлиннее в «классицизме», чем в *очень подозрительных, именно в смысле подлинности*, формальных «вывертах». Ведь то самое знаменитое «самовитое слово», к которому стремился Хлебников и его группа, все-таки им же самим (точнее — ему самому, т.к. Крученых и Бурлюки = 0) *не удалось отделить от содержания, от смысла?* Это, конечно, разговор долгий...

В сюрреализме (недавно был на сонной выставке: — в старом такси «дремлет» кукла, на голове — чучело маленького крокодила, платье на ней — 1900-х годов, всюду — зеленый плюш и сбюку, через трубку, выведенную вдоль всего автомобиля, льется вода, — в обыкновенный слив) — есть правда, поскольку *подсознание и его жизнь во сне отвечают действительности* (да, *есть еще и сверхсознание*, до которого сюрреализм не дошел и не дойдет). Но только так, как они оперируют, сочетая с подлинно-иррациональным и свое, очень *ясное, очень нарочитое* «сознательное» («ератер»), мне кажется, трудно, если не невозможно бороться с фальшью. Я знаю сумасшедшего художника, бывшего ученого-этнографа к тому же. Он сидит в сумасшедшем доме и все время рисует акварелью на листах блокнота. Очень доволен своей судьбой и никуда не хочет уйти из сум[асшедшего] дома. У него изумительные тона красок, переходы полутонов и сочетаний. Перед Вами как бы «астральный мир» («цветные миры» Блока), посвоему очень красивые. Но *удовлетвориться только ими* в мире, где *есть линии и формы*, нельзя! Поэтому невероятно наскучило мне и (все продолжающееся, 50 лет!) разложение форм, которым заняты Picasso и К°. Посылаю Вам несколько образцов — скажите, хотели бы Вы иметь у себя в кабинете на стенах все это? Написал я *новую* статью о сюрреализме (для «Н[ового] р[усско-го] с[лова]»), там о 4 рисунках заболевшего шизофренией художника. Самое показательное то, что он приходит и к «абстрактному» рисунку, по мере развития своей болезни, но *видит в нем сюжет*, которого *мы* не видим, — совсем как «абстрактный» (здоровый) художник на выставке, о котором я пишу. Никто не спорит, что элементы сюрреализма есть у многих великих писателей (Гофмана, Гоголя, По) — поскольку у всех нас есть *подсознание и сверхсознание*. Я обвиняю сюрреалистов и беспредметников не за то, что они хотят сделать, а за то, что они делают,

т.е. за неумение видеть в «астральном плане» ничего другого, *кроме уродства*. Уродливое — такая же законная тема искусства, разложение формы — тоже, но все-таки в мире и в человеке есть *не это одно*, и можно было бы, мне кажется, сделать, как Гофман, как Гоголь, из уродства и разложения — только часть «Носа» и т.д.

У нас владельцы бывших картинных галерей, фактически создающие художникам имя и «цену» (у них все к услугам — члены жюри, критики, теоретики искусства, газеты и журналы), сейчас не признают иной живописи, кроме новой, и даже для убранства домов все в том же духе. Иностранцы, особенно американцы, рабски следуют моде, но французы, голландцы и итальянцы уже начинают возмущаться — б.м., не далеко время, когда это «новое искусство» будет свергнуто с *искусственно* созданного ему пьедестала. Три силы: болезнь (меньшинство), наглая жадность (торговцы и художники-спекулянты) и снобизм мешан — вот три кита, на которых базируются золотые дела торговцев картинами. И тут хотелось бы не только «говорить», но и походить с Вами по Fbg St.Nonoge, на котором расположены главные галереи, побывать на выставках и посмотреть бесчисленные репродукции этих «мировых шедевров».

Кленовский опять вышел из берегов и отвечает — в самом грубом тоне. — Не люблю хамства и не хочу полемизировать по поводу личных выпадов. У меня есть его 1-ая книга «След жизни» — с *любезной* надписью. Я написал о нем сухо; 2-ой и 3-ей книги от него уже не получил. Спрашивается, что бы он говорил обо мне, как о критике, если бы я (пошлейший автор: «Полная сил, ароматная, нежная, яблоня в нашем саду расцвела»... С.Яблоновский) превознес бы его до небес: «Большой поэт»? — Ах, люди, люди... Впрочем, и не такие еще виды пришлось мне видеть за долгую литературную жизнь в эмиграции, с 1926 г.

Желаю Вам полного успеха в 1957 году, — и да сохранит Вас Бог от всяких могущих быть внешних испытаний!

Ирина Николаевна шлет Вам приветствие с Праздником Р.Х. и Н.Г.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Речь идет об уместности блоковского выражения «Ты как младенец спишь, Равенна, / У сонной вечности в руках».

Дорогой Владимир Федорович,

Рад был узнать, что главные экзамены на докторскую степень уже пройдены Вами и остается только диссертация.

От всей души желаю Вам скорейшего окончания последнего «мытарства»!

Прошло много времени — и сейчас как-то уже совсем далеки от меня и рассуждения «о поэзии Заболоцкого» и «о сюрреализме». В «Дне поэзии» (большой сборник — 147 поэтов, 37 статей, 11 — о покойных, вместе с их стихами, в том числе и о Марине Цветаевой), кстати сказать, стихи Заболоцкого не очень блестящие.

Я писал о «Д[не] поэзии» в «Р[усской] мысли», хотя в газетной статье можно не много сказать о таком огромном сборнике. Там, между прочим, есть прекрасное стихотворение Пастернака:

Свеча горела на столе,
Свеча горела...

Сюрреализм здесь, в Париже, уже прошлый день. На днях был большой вечер новых французских поэтов — все без исключения уже вне его. Кстати сказать, я только высказал *предположение*, что, *может быть*, на основании опыта (точнее — случая) д-ра Solms'a подобная манера воспринимать *может быть* «болезнью нашего века», а Флорни, например, понял меня буквально (будто я утверждаю: «сюрреалисты — непременно сумасшедшие») — и решил (упрощая), что «сюрреалисты — не то, они все же художники», хотя просто «ломаются и морочат публику». Вот и пиши для таких читателей! Сейчас не только писатели виноваты, но, порой, — и читатели. Прежние, «довоенные», культурные люди, которые наполняли залы на всех вечерах «Зеленой лампы» или на выступлениях поэтов, умерли, уехали за границу или вернулись в Сов. Россию, а на смену им пришел «новый читатель», воспитанный на соц. реализме, соц. заказе и т.д. Даже в хороших газетах и журналах сейчас воцарился такой тон, такая грубая манера спорить, что они становятся похожими на какие-нибудь провинциальные органы Солоневичей¹ и К°. К тому же почему-то сейчас «хорошим тоном» считается вообще быть (бывшим) «коллаборантом-гитлеровцем», «крайне правым» и принципиально обливать грязью всех «левых», например, проф. Карповича.

Что же касается Франции, то для нее сейчас характерно *оздоровление* — именно — *молодежи*: критика и публика, присутствие

вавшая на вечере поэтов, о котором я упомянул выше, была поражена «совсем русской!» (какой комплимент!) *чистотой* и даже «наивной девственностью» стихов многих «молодых». Франсуаза Саган именно потому и ездила блистать в Америку, что в Париже ей уже не удастся блистать. Французская молодежь сейчас совсем не похожа на своих отцов, которые занимаются политикой + делами и разъезжают в роскошных американских автомобилях.

«Формизм» — французский термин, мы его усвоили за неимением лучшего, но согласен, что он плох и скверно звучит, к тому же не передает и того значения по-русски, к которому он прилагается.

Очень огорчила здесь всех смерть Алданова. Оставляя в стороне его значение как писателя и мыслителя, человечески многие очень его любили. Явление редкое — А[лданов] действительно был хорошим коллегой, не сплетничал, не завидовал и никого не ругал, как Бунин, например.

Кроме того, ведь 35 лет связано с Алдановым — просто даже страшно становится, какие мы уже старые и как быстро уходит время... Поэтому, вероятно, и смерть Алданова так всех задела.

Желаю Вам всего доброго. И[рина] Н[иколаевна] шлет Вам привет.

Ваш Ю.Терапиано

В сборнике «Литературная Москва» №2 (я его еще не имею) есть статья Эренбурга о М.Цветаевой и Ин.Анненском.

¹ Иван Лукьянович *Солоневич* (1891-1954) издавал в Буэнос-Айресе с 1948 «русскую монархическую ежедневную газету» под названием «Наша страна».

Дорогой Владимир Федорович,

«Воздуха нет, дышать — становится все труднее и труднее», — постоянно говорят местные поэты, но все-таки пишут. Не судите по «Русской мысли» или по «Возрождению». В «Р[усской] м[ысли]» почему-то угнездились 5-6 «постоянных сотрудников», а «Возрождение» вообще стало теперь клоакой «времен очаковских». Я не хочу касаться поэтического отдела «Р[усской] м[ысли]» в том смысле, чтобы оказать «давление», — и так у меня уже, после того, как я стал заниматься критикой, наплодилось много врагов!

Но хотелось бы устроить небольшой журнал, где можно было бы печатать только хорошие стихи — нечто вроде прежнего петербургского «Гиперборей» в 2 печ[атных] листа. У меня есть идея, как это сделать, но пока что рано еще говорить.

Кстати, есть ли у Вас стихи (включая, конечно, «Гурилевские романсы») для небольшой книги (в 48 стр[аниц] текста)? Спрашиваю это потому, что хочу предложить Вашу книгу и книгу Моршена Маковскому. У Моршена наверное есть *много* стихов, ему, конечно, 48 стр. — мало, но он может (если это ему захочется) прибавить «от себя» 1-2 листа. Этот вопрос пока — *частный*, а не *официальный*, но *в принципе* я хотел бы знать Ваш ответ — до того, когда можно будет этот вопрос поднять официально (в *июле*).

Сейчас должны выйти: в «Рифме» книга В.Мамченко¹, в частном издании — Вл.Смоленского². Знаете ли Вы их стихи (по прежним их книгам) или нет? А в остальном — была весна, потом — зима (+6-7°), а сейчас — то зима, то весна, организм совсем сбился с толку. А у меня еще «беда»: по вине окулиста (дал не те стекла) глаза не в порядке, а нужно ведь работать!

И[рина] Н[иколаевна] шлет Вам наш привет.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Мамченко В. Певчий час. Париж: Рифма. 1957.

² Смоленский В. Собрание стихов. Париж, 1957.

Дорогой Владимир Федорович,

В первой половине июля должна сюда приехать Р.С.Чеквер (Ирина Яссен), тогда приступим к конкретным разговорам о переорганизации «Рифмы». Дело в том, что Маковский стал очень стар (81 год), и ему уже трудно заниматься изданием книг, ездить в типографию, читать корректуры и т.п. До сих пор он хотел непременно все делать самостоятельно и отказывался от предлагавшейся ему помощи, но время взяло свое. Результат: книга Мамченко лежала больше года без движения и пришлось принять экстренные меры. Итак — скоро все будет по-новому.

Для Вашей книги (текста бывает стр. — с 5 по 43, максимум — по 45-ую), мне кажется, было бы лучше дать «Гурилевские романсы» и некоторые прежние стихи — из той книги, которая у меня есть, если у Вас нет новых стихов. Но можно поместить *только*

две поэмы, если Вы так хотите. Необходимо знать точно, сколько они «возьмут» страниц?

Маковский любит Ваши «Гурилевские романсы», но не любит поэмы, которая была в «Опытах», — это в ответ на Ваш вопрос о том, что он способен забраковать. Хотел бы к середине июля знать уже *текст* Вашей книги, чтобы о нем можно было бы говорить уже как о *готовом*.

Книга Моршена тоже намечена. Пока еще рано брать у него рукопись, но хорошо было бы, если б он ее тоже мог прислать сразу же, по принципу «куй железо»... Ведь Маковский имеет кандидатов «изо всех стран», т[ак] ч[то] при составлении очереди необходимо «занять место».

Темп парижских издательств теперь вялый: «Рифма» и «Возрождение» не спешат — и Мамченко и Смоленский еще не вышли.

Получил сейчас «Грани». Там есть 2 стихотворения Моршена. Пока — только бегло «пробежал», там есть прелестные строфы (в ожидании трамвая).

У нас 1/VII будет вечер памяти Алданова, с докладом Адамовича¹ («человек и писатель»), чтением отрывка из «Истоков» (читает известная и очень хорошая артистка Лиля Кедрова), в конце, как хотел сам Алданов (говорил об этом), — «Соната» — траурный марш Шопена.

Все эти посмертные «чествования», конечно, обычный «стиль», но раз уж так полагается, — пусть публика слушает и чувствует.

«Секретная идея» — о журнале — тоже выяснится с приездом Р.Чеквер. Давно пора иметь такой журнал, т.к. «Опыты» все же никак не могут представлять современную новую литературу — сегодняшний день ее, «Опыты» — это, как сказал как-то Поплавский (по другому поводу): «Адамович и его друзья»².

Почему Вы были должны сдавать экзамен по польскому, нежели он нужен в американском университете?

Ирина Николаевна и я шлем Вам наш привет.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Текст доклада был позднее опубликован: Адамович Г. Алданов — человек и писатель // Русская мысль. 1957. 1 августа.

² Это бросалось в глаза многим. Г.Аронсон в рецензии на 7-й номер «Опытов» писал: «О Г.Адамовиче пишут почти все — в специальных статьях Г.Андреев и Н.Татищев, а также — Ф.Степун, В.Вейдле и др. Роль Георгия Адамовича в "Опытах" в известном смысле особая: с ним не столько соглашаются, сколько, отталкиваясь от его высказываний,

Дорогой Владимир Федорович,

Простите, что с таким опозданием отвечаю Вам, но я ждал приезда Яссен, в надежде сообщить Вам что-либо определенное.

Как часто бывает в таких случаях, надежды мои как раз и не оправдались. Яссен приехала нездоровой и пробыла так недолго, что не было возможности серьезно заняться делами «Рифмы». В *сентябре* она пробудет здесь *около 3 недель*, поэтому все деловые разговоры отложены на эту дату.

Мне, как и другим «парижанам», «Гурилевские романсы» очень нравятся; сокращать их — нельзя, постараюсь найти типографский трюк или уговорить Яссен «прибавить». Поэтому остановимся пока на «Гурилевских» *одних*, ведь их уже 47 стр.

Печатать, конечно, можно прямо с «Н[ового] ж[урнала]» (которого здесь у меня, *собственно*, нет, а есть ли у Маковского — не уверен). Но так или иначе, найти «Н[овый] ж[урнал]» и *здесь* будет возможно, перепечатывать на машинке Вам не стоит, — лишний труд, а время у Вас ограничено.

Как раз в день приезда Яссен появилась моя статья в «Границах» №32, где есть стихи Моршена. Стихи вообще хорошие; я их *очень* похвалил, и Яссен сказала: «Вот как, а...» — таким образом, стрела, мною пущенная, попала в цель!

Обе книги — Вашу и его — можно считать обеспеченными, вопрос только во времени, т.к. «Рифма» сейчас тащится все время «на долгих» — не по финансовой причине, а потому, что типографии здесь (русские) — одна другой небрежнее и со стихами тянут, все время откладывая их в последнюю очередь. Но книжка Мамченко (через год!!) все же вышла... будем «нажимать» сильнее с другими новыми «заказами».

Музыку избрал сам Алданов. Он непременно хотел — именно эту вещь — для предполагавшегося вечера памяти Бунина, поэтому организаторы вечера решили исполнить его желание. Музыкант был хороший и сыграл совсем не плохо. Адамович говорил хорошо (он вообще очень хороший «докладчик»), отметил, однако, отсутствие поэзии у А[лданова], его скептицизм и неверие, т.е. речь была «настоящей», а не «некрологической».

В «Опытах» все же дух Адамовича повсюду присутствует незримо. Вейдле ему, вероятно, чужд (он очень учен, но в нем ма-

ло «музыки» и всегда все где-нибудь да прочел на одном из 18 языков, которые он знает), так же как и Степун (этот — талантливее Вейдле по природе, но хаотичнее), — но это дела не меняет. Иваск молится на Адамовича (хотя бы его статья¹ — даже в защиту Цветаевой от А[дамовича]) и думает, что все «парижане» «думают и оценивают по А[дамовичу]» (его статья, Иваска, «4 критика»²).

Кстати, Иваск писал мне, что познакомился с Вами (ряд комплиментов Вам). Какое он на Вас произвел впечатление? Я никогда не встречал Иваска, в 38 г. меня не было в Париже, когда он приезжал сюда. Впрочем, сейчас заочно бывают даже дружбы, а не только знакомства!

Ирина Николаевна и я шлем Вам привет и добрые пожелания.

Я перестал пока писать для «Н[ового] р[усского] с[лова]» — времени не хватает на два «фронта».

Ваш Ю.Терапиано

¹ Иваск Ю. О читателях Цветаевой // Новое русское слово. 1957. 30 июня. №16073. С.8.

² Иваск Ю. Четыре критика // Новое русское слово. 1953. 1 марта. №14918. С.3, 8.

Дорогой Владимир Федорович,

Не отвечал Вам так долго, потому что ждал приезда сюда И.Яссен, которая должна была приехать в начале сентября. Сейчас только узнал, что с ней случилась большая беда. В Швейцарии она заболела, у нее тамошние врачи нашли процесс в левом легком, не желая лечиться в чужой стране (что напрасно, швейцарские врачи в этом вопросе больше стилисты!), она вернулась в N.Y., не заезжая в Париж.

Таким образом, временно ей не до дел «Рифмы» и того *стихотворного* журнала, который мы с нею сговорились время от времени выпускать в Париже: не повезло, очень не повезло!

Из стихов Моршена в «Н[овом] ж[урнале] 49» мне понравилась только 2-е: «Ты смотришь, как рушатся рощи...», остальные же какие-то неопределенные, расплывчато-туманные с философией, а философия — совсем не глубокая и довольно-таки заезженная! «Карло Гронко» — похвальное слово очень похвальному поступку и радужной оболочке, уступленной аббатом... а пресмы-

кающийся ящур — тут и «Скифы», — с тем же грехом, что и в «Скифах». Сказанное не означает, что я разочарован в Моршене, но — «со всяким случается»... И ритмы все как будто взяты напрокат в 3-м у Пастернака, в 5 — у Блока, в 4 — у О.Мандельштама. Оч[ень] плох Г.Глинка¹, сумасшедше глуп Одарченко (и надоело все это до чертиков!), И.Чиннов увлекся ультра-модерном, что ему не к лицу. Пиотровский развенчался такими ямбами на метры, что просто утомительно, а конец — прямо шедевр безвкусия:

Кипя, течение труп уносит,
Стихами *выгрызает грудь* —
Еще *стихов и трупов* просит, —
Забудь ее, забудь, забудь — —

(что означает это обилие тире в подлиннике?)

Мимоходом, — странно, что К[орвин-]П[иотровский] «слагал имя Элогим», слушал «плач Иова в траве болотной», «там, в Фастове»... год за годом, тогда как К[орвину-]П[иотровскому] вспоминать бы уж в детстве — Царскосельский лицей или Пажеский корпус!

Лучше других на сей раз Кленовский — он не «хватает звезд с неба», как К[орвин-]П[иотровский], но именно тем и хорош, и стихи его на сей раз без срывов (кроме: «хваткой волчьей крали женщин с моего пути», что очень плохо!)

Хорошо, что по условию в «Р[усской] м[ысли]» о «Н[овом] ж[урнале]» должен писать Адамович², а не я — пусть и разбирается со всеми + с Яновской «Челюстью»³!

Склад издания «Рифмы»: La Maison du Livre Etranger, 10, rue de l'Ereperon, Paris 6.

Это — книжный магазин, самый большой русский к[нижный] м[агазин] в Париже и у него есть все книги «Рифмы».

Как сейчас Ваши занятия? Имеете ли теперь больше времени? Относительно книг (Моршена и Вашей) полагаю, что как только Ясен придет в себя, после первого «шока», она, вероятно, сама вернется к разговору о продолжении «Р[ифмы]» на этот год.

Ирина Николаевна и я шлем Вам наш привет.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Глеб Александрович Глинка (1903-1989) — поэт. Подробнее о нем см. в кн.: Глинка Г. Собрание сочинений. М., 1997.

² Рецензия Адамовича на 49-й и 50-й номера «Нового журнала» появилась в «Русской мысли» (1957. 19 декабря).

³ Повесть Василия Семеновича Яновского (1906-1989) «Челюсть эмигранта» была опубликована в № 49 и 50 «Нового журнала» и одновременно выпущена отдельным изданием (Нью-Йорк: Диалог, 1957). Рецензия Адамовича на отдельное издание повести была опубликована в «Новом русском слове» (1957. 8 декабря).

Дорогой Владимир Федорович,

Надеюсь, Ваша жизнь в этом месяце совсем придет в норму и к праздникам семья будет с Вами.

Болезнь И. Яссен, к счастью, не оказалась роковой, она сейчас начала поправляться (после очень тяжелой операции), таким образом, через несколько месяцев, нужно надеяться, она вновь займется «Рифмой».

В Париже — вот уже 6 недель — свирепствует «азиатский грипп». Может быть, он и не «азиатский», но им все почти переболели, и — что хуже — после него человек долго еле-еле передвигает ноги, слабость, осложнения с сердцем, т[ак] что в общем мы с И[риной] Н[иколаевной] до сих пор еще «перемогаемся», хотя и ходим.

Литературный сезон — русский — не бойкий. Был доклад Маковского об Анненском-критике (интересно, много цитат, Анненский, по словам Маковского, считал личность человеческую перемененно-текучей, лишь относительной к данному этапу жизни, совсем как буддист!). Доклад будет напечатан в «Р[усской] м[ысли]», тогда можно будет яснее представить себе точку зрения Анненского.

Вышла книга стихов Смоленского¹, которого местные ультраправые превозносят. Он человек талантливый, кое в чем, особенно в политике, — банальный, лучшие же его стихи — чистая лирика. Я написал о нем в общем сочувственно².

Вот и все «новости».

Сейчас Париж увлечен «Спутником-II» и особенно — лайкой (по-французски «Frisette», «Кудрявка»). Покупаешь газету, а газетчица обсуждает вопрос: спустится или не спустится?

Нас тошнит от гадости с Жуковым, от хамства Конева и т. д., а французы уже забыли все это и ждут следующего № — полета на Луну. Что и говорить, русские ученые «утерли нос» иностранцам, которые, кстати сказать, до сих пор считают *всех* русских чем-то вроде китайцев или монголов. У французов, конечно, еще оттенок — «нос» англосаксам, которые на весь мир (и на них)

наложили свою тяжелую лапу. В общем — Frisette — герой конца года!..

Вам, конечно, все это время было не до стихов, но в будущем надеюсь когда-либо прочесть Ваши новые.

В прошлом письме я напал на Моршена — с тех пор не встречал его других стихов. Он вообще неровен был и раньше — то очень хорошо, то совсем «ни к чему».

Из книг здесь произвел сенсацию переведенный с английского рассказ тибетского ламы Лобсанга Рампы — «Третий глаз» — даже этнографы из «Musée de l'Homme»³ им увлекаются.

Prix Nobel, данный Camus, встретили довольно кисло, все-таки Camus не столь уж замечателен и под сильным влиянием Dostoevsky — «La Peste»⁴, например.

Вторая сенсация — книги Del Medico о том, что все ученые ошиблись, сочтя «рукописи Мертвого Моря» библиотекой ессеев, преддверием христианства. На самом деле — это был просто genizah, склад рукописей, подлежащих по еврейскому закону уничтожению, — те рукописи, в которых были имена Божии — негодные к употреблению или еретические, — нельзя было уничтожать обычным способом, их относили в пустыню, куда-нибудь около кладбища, в пещеры, и клали в сосудах — в которых и были найдены «рукописи Мертвого Моря».

И[рина] Н[иколаевна] и я шлем Вам наш привет.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Смоленский В. Собрание стихов. Париж, 1957.

² Рецензия Терапиано на книгу стихов Владимира Алексеевича Смоленского (1901-1961) была опубликована в «Опытах» (1958. №9. С.93-97).

³ Музей Человека (фр.).

⁴ «Чума» (1947) — роман Альбера Камю (1913-1960), получившего Нобелевскую премию в 1957.

Дорогой Владимир Федорович,

Ирина Николаевна и я поздравляем Вашу супругу и Вас с Новым годом и Рождеством Христовым, шлем наилучшие пожелания.

Поздравление, правда, опоздало — по моей вине: хотел заодно послать Вам вырезку из «Русской мысли», которую получил только вчера, так что приношу соответствующие извинения.

Муж покойной Рахили Самойловны (Ирины Ясен) хочет, в память ее, продолжать «Рифму». Он приедет в Париж в конце мая, тогда «Рифма» будет переорганизована и начнет действовать.

Т.к. Ваша и Моршена книги были уже намечены к изданию, постараемся с них и начать...

То, что Вы сейчас отошли от стихов — понятно: и экзамены, и переезд, и текущая работа, но, мне кажется, многие поэты проходят через долгий срок (иногда) «отказа от писания»... и кажется, что «это навсегда», что «уже никогда больше...»

Я вот (занятый статьями — еженедельно) — с 1954 г. не написал ни одной строчки, но все же еще не ставлю креста на стихах.

Против *некоторых* мест поэмы я возражал, но *одна вещь* никоим образом не может являться каким-то приговором.

Мне кажется, вообще трудно решать, «мое или не мое дело», т.к. нельзя знать, когда «придет» и что «напишется» — м[ожет] быть завтра!

Но для «Рифмы», как мы решили, — будут «Гурилевские романсы»?

Роман Пастернака здесь пока имеется только в итальянской версии, т[ак] ч[то] приходится ждать, говорят, скоро выйдет и по-французски, и по-английски. Но то, что пересказал о нем во «France-Soir» Novesselle (сын Вяч. Иванова¹, который был этой осенью в Москве и познакомился на даче под Москвой с Пастернаком), мне не очень понравилось.

Адамович обещал дать мне «Ленинградский альманах» (стихотворный) со стихами Ахматовой, якобы плохими, — и хорошиими Алигер — увидим. А пока то, что можно здесь достать, — «не очень» (например, сборник «1955 г.»).

Зато удивила меня книга Н.Ф.Жирова (судя по стилю — ученый, геолог) об Атлантиде. — В С[оветской] России — Атлантида, да еще и «была» (на основании новейших океанографических и геологических данных)! Вот бы удивился Мережковский, которого все бранили в 30-м году за его «Атлантиду»². Получил книгу Биска³ — переводы из Рильке — знаете ли Вы «его и ее» (книгу)?

Видел позавчера Зайцева, вид у него измученный, больной (хотя Вера Алексеевна, его жена, теперь поправляется после удара) — смерть Ремизова его «потрясла» (тем, вероятно, что З[айцев] сейчас — последний из ушедшего почти совсем «старшего поколения»). А о Ремизове сейчас, как всегда, начали говорить как о большом писателе (гл[авным] образом французы), а раньше: Бу-

нин, *Тэффи*, *Алданов*, *Зайцев*, *Ремизов* и *Пантелеймонов*⁴... — Шмелев, конечно (забыл!) — сакральная формула нашей прессы.

Читали ли Вы в №8 «О[пытов]» статью Ульянова⁵ о Чаадаеве? Ответить собирается Адамович.

Прочел (во время гриппа) шмелевское «Лето Господне» — быт, еда, старая Москва — описано хорошо, и люди живые, но очень уже даже и для моего поколения отдаленные.

Крепко жму руку.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Дмитрий Вячеславович *Иванов* (р.1912) — журналист.

² Мережковский Д.С. Тайна Запада: Атлантида-Европа. Ч.1-2. Белград, 1930. Отзывы на книгу в печати вовсе не были бранными, скорее наоборот. См.: Адамович Г. — Иллюстрированная Россия. 1931. 28 февраля. №10. С.21; Салтыков А. — Возрождение. 1930. 10 апреля. №1773. С.3-4; Поплавский Б. — Числа. 1930. №4. С.161-165; Амфитеатров А. — Сегодня. 1930. 14 декабря. №345; Амфитеатров А. — Le Opere e i Giorni. 1930. Декабрь; Вейдле В. — Возрождение. 1931. 8 января. №2046. С.3-4; Алданов М. — Современные записки. 1931. №46. С.489-491.

³ Биск А. Избранное из Райнера Мария Рильке. Париж, 1957. Рецензию В.Маркова на эту книгу см.: Опыты. 1958. №9. С.99-103.

⁴ Борис Григорьевич *Пантелеймонов* (1888-1950) — инженер, писатель, эмигрант «второй волны».

⁵ Ульянов Н. Мысли о П.Я.Чаадаеве // Опыты. 1957. №8. С.50-72.

Дорогой Владимир Федорович,

Муж Яссен¹ будет здесь в мае — тогда выяснится, как будет действовать в дальнейшем «Рифма» и кто будет ею заведывать, т.к. Маковский стал очень стар и ему уже не по силам ездить в типографию и т.п.

Посылаю Вам вырезку статьи о «У Золотых ворот»², где есть опять о Вас, и, в доказательство, что мнения всегда бывают разные, отзыв из «Р[усской] м[ысли]» о переводах Ел[изаветы] Брунинг Цетлиным и Астровым³.

А о Рильке — после моей статьи о книге Биска — переводчики начали мне посылать переводы Рильке и других иностранных поэтов «на оценку», т[ак] что уж и не рад, что дал им повод к такой щедрости!

В Париже были две интересных выставки: 1) «рисунков Сахары» (доисторическая живопись на скалах в Хоггаре, копии, сделанные учеными и художниками) и 2) выставка картин 30-летнего художника Buffet (смесь «новой манеры» со «старой»), замечательного экспрессией, динамикой и сочетанием красок (La vie de Jeanne d'Arc).

В русском же литературном Париже событий нет, да и боюсь вспоминать о них, т.к. «события» теперешние = похоронам.

Желаю Вам поскорее покончить с диссертацией и начать писать статьи и стихи.

И[рина] Н[иколаевна] и я шлем Вам и Вашей семье сердечный привет.

Ваш Ю.Терапиано

P.S. Недавно был на собрании поэтов — хвалили Вашу статью о поэзии Г.Иванова в «Опытах»⁴.

¹ Л.И.Чеквер — общественный деятель.

² Терапиано Ю. «У Золотых ворот: Сборник» // Русская мысль. 1958. 11 января.

³ Форштетер М. Морис Сандоз: Имитация «Португальских сонетов» Елизаветы Баррет-Брунинг (Женева) // Русская мысль. 1958. 18 февраля.

⁴ Марков В. О поэзии Георгия Иванова // Опыты. 1957. №8. С.83-92.

Дорогой Владимир Федорович,

Рад буду, если Вам удастся через два месяца снова начать литературную деятельность — статьи и прозу.

Вы подняли очень большой вопрос — «к чему в эмиграции писать по-русски?»

В прежнее время, т.е. до последней войны, мы все верили, что когда-нибудь написанное здесь дойдет до России и станет там напоминанием о целом ряде забытых понятий — о ценности человеческой личности, о свободе, о Боге.

Поэт Довид Кнут сравнивал то, что пишется в эмиграции, с запиской в бутылке, брошенной в море.

Теперь — нет уже уверенности в том, что мы, «старшее» поколение, доживем до «времени больших перемен», но для Вас время — еще не столь жестокий приговор — пишете с тем же чувством, как когда-то писали мы (пусть мы были только наив-

ными идеалистами! и пусть эти слова в какой-то мере патетичны...).

Мне кажется, *лучшее*, что случилось в эмигрантской литературе, — *это как раз наше «неумение» и «нежелание» писать на чужих языках и для иностранцев*. Один Сири́н — не в счет. Он ведь чувствовал себя англичанином в Кембридже и в то время, когда его сверстники (среди которых были люди породовитее Набоковых и побогаче их) умирали на фронте Добровольческой армии, а затем — дробили камни и работали на заводах в Европе.

Но, кроме двух-трех еще таких же «русских иностранцев», все зарубежные писатели писали и пишут до сих пор по-русски. (Переводы на иностранные языки — другое дело).

Адамович выпустил одну книгу по-французски¹ — и сразу же наговорил там чепухи, несмотря на весь свой ум, т.к. русский писатель, ставший французским, — немедленно тускнеет и глупеет, слишком уж мы все в России — русские (даже потомки обрусевших иностранцев, как, например, я).

Но именно поэтому так тяжело и трудно сейчас. Для меня не вопрос «зачем?» представляется роковым, а внутренняя опустошенность нашей души, внутренняя невозможность *сейчас* чему-то до конца отдаться, «загореться». Или все очень устали, или же атомная атмосфера так влияет, но сейчас труднее думать о духовных вещах, отвлечься от «плоского сегодняшнего дня», думать о «вечном».

И вот здесь, как мне кажется, начинается настоящее затруднение. То, что мы делаем сейчас — «не к чему», «не то», а где это «то», какое *credo* сейчас «то»? *Credo*, конечно, не в политическом смысле, а в смысле «что такое — человек?» Вот Швейцер до сих пор знает, «чем жить», но его мера все же не по мерке новому человеку — и вот, опять, как Диоген с фонарем, ходишь и спрашиваешь...

Мне кажется, настоящую книгу нам можно написать только по-русски, но для этого нужно преодолеть ту инерцию, которая сковывает сейчас нас. Глупы были мальчики дореволюционного времени, спорившие в кабаке о Боге, зарубежные поэты, мечтавшие сказать несколько «настоящих слов» на Монпарнасе среди интернациональной толпы, — а вот теперешнее поколение — что скажет? — среди атомного кабака!

Стихи пишу редко, «рецензии» для меня — вроде службы, но что поделаешь? — запрягся и тяну повозку с булыжниками.

Попадалась ли Вам статья Большухина² (кто?). Я посоветовал нашим писателям быть осторожнее с нахождением «контры» у советских писателей, чтобы не повредить им, а Б[ольшухин]

отвечает: да все они — или на 100% «новые» советские люди, или (старшие, Шолохов, например) ловчи́лы и честолюбцы, отказавшиеся «ради права писать» (т.е. *печатать?*) от «художественной правды», они — с властью, и власть им верит. А на «нас», на эмигрантских писак, никто там и внимания не обращает... В «Л[итературной] газете» очень даже обращают — мог бы привести ряд цитат; в «весну» и в «нового человека» не очень верится, «ловчи́лы» — похоже на памфлет, мог бы возразить очень много, но не хочу еще раз этим спором привлекать внимание Н.К.В.Д. А Глеб Петрович Струве так расписал в своем «Дневнике читателя»³ Пастернака, что будь я чекистом, немедленно отправил бы его вслед за Мандельштамом. Г[леб] П[етрович] забыл об одном: «если сейчас не ташат — потом всегда могут потащить» — бедный Пастернак! Вряд ли он доволен такой «славой»!

И[рина] Н[иколаевна] и я шлем наш привет Вашей супруге и Вам.

Ваш Ю.Терапиано

Судьба «Рифмы» решится в мае.

¹ Adamovitch G. L'autre patrie. Paris: Egloff, 1947.

² Имеется в виду посвященная советской литературе статья Юрия Большухина «Поиски и находки» (Опыты. 1957. №8. С.105-111).

³ Струве Г. Дневник читателя: О «Докторе Живаго» Пастернака // Новое русское слово. 1958. 9 марта.

Дорогой Владимир Федорович,

Здесь был Ю.П.Иваск — говорили мы с ним о Вас; хорошо было бы, если б и Вам удалось когда-нибудь сюда приехать!

Слышал, что будто бы Вы хотите издавать какой-то журнал с Берберовой (и писать о «парижской ноте», чтобы «похоронить ее»), но не вспомнил об этом, когда виделся с Ю.П., и не спросил его — в курсе ли он такого плана и правилен ли самый слух?

Все больше убеждаюсь, что никакой журнал вне Парижа не может быть «своим» для пишущих здесь.

Слишком влияет расстояние, отсутствие внутреннего сговора, общности целей и вкусов.

Поэтому решил добиваться «чего-нибудь» здесь (пока — хотя бы в газете), а участие вне Парижа — свести к минимуму.

Было много бурных разговоров в связи с «Рифмой» у «прежних» и «новых» членов «редакционной коллегии».

Вам все это не интересно, поэтому — вот вывод: «Рифма» будет. Сейчас выпускаются (осенью) две книги — покойных М. Горлина и Раисы Блох¹, находящиеся уже в печати, а затем пойдут другие книги — сколько в год? — еще не известно точно.

Ваша книга — одна из первых.

Поэтому, если у Вас есть сейчас время, просмотрите текст (все ли может уместиться на 48 стр.?) и пришлите рукопись сюда — для упрощения — мне, на адрес Gagny, а я уже сам потом передам ее «коллегии».

Рукопись хотелось бы иметь в середине сентября, т[ак] ч[то] времени у Вас достаточно.

Моршину пока еще не пишу, но и его книга пойдет тоже «en rigioite».

Хотелось бы иметь его адрес и его имя-отчество.

Обстоятельства, увы, показали, что большухинское: «власть теперь уже не может позволить себе террора и убийства» — не оправдалось.

Хотя бы за Пастернака потом не принялись!

События у нас начались неожиданно (конспирация была очень хорошая) и одно время грозили гражданской войной. Но у французов есть незаменимая способность становиться хладнокровными в решающие моменты и следовать велениям ума, а не сердца, с большой выдержкой.

Президент Коти и де Голль — оба вышли с честью из труднейшего положения. Сейчас мягко, медленно, последовательно де Голль прибирает к рукам разбушевавшихся лейтенантов и штабскапитанов, сдерживает «ultra» (крайне правых) и столь же твердо готов сдержать и ultra-левых, но эти пока что сидят тихо.

В будущем, конечно, (осенью) во время референдума могут быть еще всякие волнения, но, думается, генералу удастся удерживать вожжи в руках, за него сейчас % 75, а то и больше, т.к. прежний режим действительно привел на край пропасти, а коммунистов, кроме их самих, никто не хочет.

Литературные дела сейчас на лето «засыпают» до конца сентября, и скоро (с начала августа) никого не будет в Париже.

Собираюсь на днях поехать опять посидеть на берегу моря около Дьерре, но ненадолго, т.к. ограничен не только средствами, но и правом отсутствовать (всего лишь несколько дней).

Только что вышла книга стихов Софии Прегель «Встреча», буду о ней писать для «Опытов» (Адамович — в «Р[усской] м[ысли]»²), но еще ее не читал, получил вчера.

Очень одобряю идею Вашу заняться Державиным и Фетом, а говоря о Фете — сам собою вспомнится и Г.Иванов («тополя-поля» и т.д.).

Кстати, А[дамович] опять напал на Вас (за что, собственно, и почему?) в статье о Г.И[ванове] в последней книжке «Н[ового] ж[урнала]»¹.

Не знаю, видели ли Вы его статью о «Н[овом] ж[урнале]» в «Р[усской] мысли»⁴ недавно, но о поэтах он говорит каким-то неприятным тоном, свысока, одним кладет в рот леденец («Искусства сладкий леденец» Г.И[ванова]), других, откладывая, *обещает в другой раз похвалить* — что это за способ?

И[рина] Н[иколаевна] и я шлем наш привет Вашей супруге и Вам.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Издание осуществилось одной книгой: Блох Р., Горлин М. Избранные стихотворения. Париж: Рифма, 1959.

² Прегель С. Встреча: 5-я книга стихов. Париж: Новоселье, 1958. Адамович на нее не отозвался, а рецензия Терапиано появилась в «Опытах» (1958. №9. С.93-97).

³ Тирада Адамовича была вызвана выражением Маркова о том, что Георгий Иванов «царит» над современной поэзией: «Скажу мимоходом, что я редко бываю согласен с Марковым, мне редко бывают по душе его статьи, в которых явно что-то еще не "перебродило" и где при этом не заметно признаков, что затянувшееся брожение к чему-либо наконец приведет. Но Марков — талантливый человек, в его капризных и ребячески-запальчивых писаниях есть неподдельная свежесть, есть игра живого ума, эти писания украшают сейчас нашу поблекшую и посеревшую печать, и я рад случаю хоть в чем-либо с ним согласиться» (Адамович Г. Наши поэты: Георгий Иванов // Новый журнал. 1958. №52. С.55-62).

⁴ Г.Адамович, рецензируя № 51 и 52 «Нового журнала» (Русская мысль. 1958. 5 июня), писал о стихах Д.Кленовского, И.Одоевцевой, Г.Иванова, И.Чиннова, О.Ильинского, Н.Татищева и др.

Дорогой Владимир Федорович,

Чувствую себя виноватым перед Вами, но я был три недели болен, а затем ждал начала сезона — открытия «Соединенных Издателей» — единственного магазина, где была еще надежда найти трилогию Алданова «Ключ—Пещера—Бегство»¹.

Эта трилогия, как сообщил мне на днях их магазин, — распродана, и нет надежды получить ее — обычная судьба популярных довоенных изданий.

Вашему другу остается только поискать эти книги в Германии — «случайные» или у частных лиц — м.б., и найдет.

«Гурилевские романсы» получил — спасибо!

Никаких поправок от себя, не снесаясь с автором, «Рифма» не делает, поэтому, если возникнет какой-нибудь вопрос, непременно обратятся к Вам.

Вот (мой личный) вопрос: на стр. 4, в сноске: «В 1926 году Пушкин...» — почему: «В 1926 г.»?

Как только составится комитет «Рифмы» — передам ему Вашу рукопись. Пока до сих пор идут разговоры о составе к[омитет]а, дело затянулось по вине 2 лиц, но не стоит рассказывать: «как и почему» — и так ясно, мы же ведь русские, да к тому еще и эмигранты!

Надеюсь, однако, что теперь уж «дело близится к концу».

Всё у нас так... Вот и слух о «журнале Берберовой и Маркова» тоже оказался не тем, чем есть на самом деле, а «способ действовать» Берберовой — тоже эмигрантский.

Очередь «Рифмы» представляется в таком виде: 1. посмертная книга И.Яссен²; 2. книги депортированных поэтов Раисы Блох и М.Горлина (две в одной), на которые «Рифма» ставит лишь «марку», затем — «Гурилевские романсы»... И так — будем ждать.

Вы, конечно, уже знаете о смерти Георгия Иванова.

Умер он от сироза печени — очень мучительной, затяжной болезни, агония одна длилась 68 часов. Перед смертью он все ждал — и не дождался — выхода книги стихов³, которые издал ему «Н[овый] ж[урнал]».

Очень жаль И[ванова] как поэта; как человек — он был «трудный и сложный», много напутал в жизни и сделал себе много врагов, — но теперь как раз эта сторона отошла, остались только стихи.

Интересно будет увидеть его новую, сейчас уже посмертную, книгу.

В Париже, среди русских литераторов, было поветрие болезней: были оперированы Софья Прегель и С.Маковский (в его годы — 81 г.), к счастью, операции (аппендицит и гнойный аппендицит Маковского) прошли хорошо, и теперь они поправляются.

Был здесь проездом Ю.Иваск, но занимался и говорил больше о литературных архивах⁴, чем об «О[пытах]» и литературе, т[ак] ч[то] впечатление у нас о нем осталось смутное.

«Опыты» слишком удалены от Парижа, чтобы стать, как «Числа», «своим журналом», благодаря чему они «ни то, ни се» — не «просто журнал», как, например, скучный «Н[овый] ж[урнал]» или гнусное «Возрождение», и не «настоящий литературный ж[урнал]», которым они *могли бы стать*, — какой-то не вполне воплотившийся эстетический опыт!

Я тоже перечитал недавно Гончарова («Обрыв») — и был многим разочарован. Чего-то весьма существенного Г[ончарову] не хватает, — думаю, как раз «писательской органичности», говоря попросту — таланта.

В Париже сейчас еще «летний сезон» — до конца сентября, нет ничего нового.

Желаю Вам всего доброго.

И[рина] Н[иколаевна] передает Вам привет.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Алданов М. Ключ. Берлин: Слово, 1930 (2-е изд. — Париж: Современные записки, 1939); Бегство. Берлин: Слово, 1932; Пещера. Т.1. Берлин: Слово, 1934; Т.2. Берлин: Петрополис, 1936.

² Яссен И. Последние стихи. Париж: Рифма, 1959.

³ Иванов Г. Стихи: 1943-1958. Нью-Йорк: Новый журнал, 1958.

⁴ Иваск в это время писал работу о литературных архивах эмиграции. См.: Ivask G. Literary Archives of the Russian Emigres // Slavic and East European Journals. 1959. Vol.XVII. P.137-143.

Дорогой Владимир Федорович,

Наконец комитет «Рифмы» образовался и приступил к действию. Вчера сдал Вашу рукопись, она вскоре пойдет в набор.

Выйдут две книги покойных — находившиеся давно в печати; книга Раисы Блох (погибла в депортации) и И.Яссен, а затем — Ваша. Книга Р.Блох готова, это вопрос дней, книга Яссен — должна быть готова в декабре, т[ак] что Ваша — в начале 1959 года. (*Ошибку исправил*).

Какая ужасная история с Пастернаком! И он был не осторожен: ведь знал же, с кем имеет дело, когда передавал за границу свою рукопись. Напечатать хочется каждому; но он ведь имел уже в 1956 г. письмо от редакции «Нового мира» с детальней-

шим разбором, так что у него не могло оставаться сомнений в том, как большевики будут относиться к его книге. (Опубликовано это письмо в «Лит[ературной] газете» от 25/Х.)

А эмиграция, с своей стороны, выявила всю «контрреволюцию», которая содержится в «Д[окторе] Ж[иваго]». В результате пришлось каяться и просить позволить остаться в России, т.е. верх унижения и несчастья. Что именно заставило — можно только гадать (семья? судьба сыновей? прямая угроза лично ему?). Конечно, я рассматриваю это в плане отношения к человеку. В плане же политическом ход с Н[обелевской] премией дал, что должен был дать — международный скандал, и еще раз подтвердил, какие в «свободной» СССР существуют порядки. Впрочем, только самые наивные иностранцы могли в этом сомневаться и раньше. В общем, все здесь жалеют П[астернака] и находят, что его положение воистину ужасное.

Что же касается до оценки романа, французская критика находит в нем ряд недостатков с точки зрения композиции романа, обнаруживающих, что автор — поэт, а не прозаик, но, наряду с этим, отмечают ряд замечательных образов (особенно — природа и человек), и в общем считают произведение «замечательным», «заслуживающим премии».

Я не читал французского текста, хотя мог бы. Говорят (читавшие), что перевод сделан не блестяще, и чувствуется, что это «перевод с перевода». (Я жду русского текста.)

Еще хуже — перевод, сделанный в Голландии группой каких-то «Ди-Пи» с италианского на русский, — там уже просто не пастернаковский язык, а «дипийский».

В «Н[овом] р[усском] с[лове]» объявлено о печатании (предстоящем, с 10/Х) «Д[октора] Ж[иваго]» — интересно, с подлинника ли (находящегося у италианского издателя и якобы уступленного им — для печатания по-русски — Batakany), или же это та же дипийская версия, которую повторяет «Н[овое] р[усское] с[лово]»?

В книге Г.И[ванова] (выпущенной «Н[овым] ж[урналом]» с ужасной — по содержанию и по языку статьей Р.Гуля — кому нужно его «предисловие» к стихам Г.И[ванова]?) между прочим хорошо стихотворение, посвященное Вам¹. (Написал об этой книге и «покрыл» Гуля: «Эти (и подобные им) прекрасные стихотворения Г.И[ванова], — пишет он, — *ввергают* многих в *состояние одеревенения с обвинениями поэта в зауми*»).

Вот уже около месяца в нашем «Доме» живет И.Одоевцева².

Относительно болезни, от которой умер Иванов, — полная путаница. Сначала говорили: «сироз» («цироз» по-русски, т.е.

окаменение печени), затем — «рак крови»; Одоевцева уверяет, что И[ванов] умер от «болезни сердца», «при которой очень вредно было жить на юге», в общем — понять нельзя, да теперь — и все равно!

Интересно будет знать Ваше отношение к последней книге.

Мне кажется, представление о том, что именно в послевоенные годы Г.И[ванов] «дописался» до самых замечательных стихов, — сильно преувеличено. «Орлы двуглавые», «отвратительный вечный покой» как раз не лучшее, лучшее — *просто поэзия*, которая есть в «Розах» и во многих позднейших стихотворениях, а «комсомолочки», «старик с судаком» и т.п., которые так нравятся людям, поэзии не чувствующим, — не «главное».

Одоевцева говорит, что у нее осталось около 60 неизданных последних стихотворений Г.И[ванова]. Прочла три: одно — о кошке — оч[ень] хорошее (эти 3 будут в «Н[овом] ж[урнале]»). Их, конечно, нужно издать в «Р[ифме]», но 60 стихотворений = двойному количеству страниц (?), придется подумать, откуда взять добавление. Вот сейчас просто слышать уже нельзя: «Пастернак, Пастернак, Пастернак...» (люди, в большинстве слышащие о нем впервые и его стихов никогда не читавшие), а о Г.И[ванове] (который умер без скандала) говорить с теми же людьми сейчас трудно: «да, ну что ж можно сделать... я подумаю...» Хотим устроить вечер его памяти в декабре — интересно, сколько придет народу³.

Перед тем, как сдать «Гурилевские р[омансы]», перечел их и не согласен с Моршеном, а согласен с самим собой, с Ивановым и с Адамовичем.

Всего, всего доброго.

Ваш Ю.Терапиано

И.Одоевцева передает Вам привет.

¹ Посвященное Маркову стихотворение Иванова «Полутона рябины и малины...» впервые было опубликовано в «Новом журнале» (1955. №42).

² Ирина Владимировна *Одоевцева* (наст. фам. Гейнике; 1895-1990) прожила в «Русском доме» в Гагну с 1958 по 1987.

³ Большой литературный вечер памяти Георгия Иванова состоялся 3 января 1960 в помещении РМОЗ. На вечере выступали Г.Адамович, И.Одоевцева, Н.Оцуп, К.Померанцев.

Дорогой Владимир Федорович,

Болезнь моя, увы, еще не кончилась. После первой острой фазы, которую ликвидировали в госпитале (должен запастись терпением), вторая фаза будет длиться «много месяцев», по словам врача, и во время нее возможны боли, тошноты и т.д. — всегда так бывает, когда отнят желчный пузырь. Затем все само собой становится на место. А пока — то, что «возможно», меня изводит...

Лежу, сижу в кресле, слаб, кое-как читаю, а сидеть так скучно!

Прочел «Д[октора] Ж[иваго]» по-русски и написал о нем. В общем — роман — не роман — личные высказывания — не личные высказывания, но в нем много замечательного и очень сильно изображение «настоящих героев действия» — революционных событий, гражданской войны и т.п. В большой мере это социальный роман, новая форма. Но так, в нескольких словах — говорить трудно.

Статья Ульянова¹ на меня произвела мало впечатления (ее и здесь Водов² почему-то перепечатал, кажется, по просьбе Ульянова).

Во-первых, как-то неуместно сейчас делить писателей на «новых» и «старых», затем, в сущности, все сводится к воплю: «вот, своих все хвалите, а нас, таких гениальных, хвалите мало!» И тут же сам *чрезмерно* хвалит всех своих! С такой «душевной атмосферой» спорить не хочется.

Струве в НРС справедливо указал, что, во-первых, не все «новые» — новые — Кленовский (Крачковский) и Алексева³ — старые эмигранты, назвавшиеся почему-то «Ди-Пи». А во-вторых — что о «новых» писали многие.

Я, в частности, писал и о Ржевском, и о самом Ульянове (хотя его «Атосса»⁴ не бог весть что), и о многих других.

Меня, кстати сказать, в этой статье почему-то Струве причислил к лику мертвых, и в списке поэтов тоже пропустил, очевидно, пора умирать.

Здесь мы не склонны выбирать наследника Г.Иванову, а тем более прославлять сверх меры Кленовского или Алексеву, но, если уж говорить о том, кто сейчас может представлять *петербургскую традицию*, то это Г.Адамович. А его мало знают в эмиграции как раз как поэта, Кленовский же в стиле Маковского, т.е. тот же 1912 г. — тогда так писали — умело, изобразительно-описательно «очень хорошо сделанные стихи», но в нем никак нет

какого-либо «frisson nouveau». И любят его Аргусы, Аронсон и т.д., т.е. люди, не понимающие поэзии, как у нас — Маковского...

Что касается «Рифмы» — я давным-давно доказывал Маковскому, что надо печатать «новых». Добился (через саму Яссен), что приняли Вашу книгу и обещали книгу Моршена, но, конечно, нужно было с самого начала не делать различия между поэтами, такая «политика» озлобила, видимо, «новых».

Кстати — не имея возможности ездить в Париж (а сюда ко мне друзья из литераторов могут приезжать редко — расстояние), я не в курсе того, как обстоят дела с «Рифмой», т.е. что печатают и когда *выйдет*.

На всякий случай (мало ли что может случиться!) вот адрес Софии Юльевны Прегель, у которой находятся все рукописи, присланные в «Рифму»: S.Pregel-Rovnicki, 17, rue des Petites Ecuries, Paris X. К ней Вы всегда можете обратиться за справкой.

Я еще не читал «Мосты» — Ваш спор с Берберовой (или, вернее, спор Б[ерберовой] с Вами¹) меня интересует. На днях в «Р[усской] м[ысли]» некто Сергеев (мне не известный) разгромил «Мосты» с точки зрения того, что они так подобрали материал, что он подтверждает все тезисы советской пропаганды (американцы — высылка власовцев — звери, у Берберовой — жизнь в Америке — засилье машин, все тоскуют по родине — Алексеева, и т.д.). Если это действительно так, то редакция совершила тактическую ошибку.

А в «Н[овом] ж[урнале]» очень плох, бездарно задуман и бездарно исполнен рассказ Ульянова²: вот и хвали его «как Бунина»!

Ну вот, заболтался... это оттого, что все время сижу «на цепи».

Крепко жму Вашу руку.

И[рина] Н[иколаевна] и И[рина] В[ладимировна] шлет Вам привет.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Николай Иванович Ульянов (1904/1905-1985) — историк, критик, прозаик.

² Сергей Акимович Водов (1898-1968) был в то время главным редактором «Русской мысли».

³ Лидия Алексеева (наст. имя Лидия Алексеевна Девель, в замужестве Иванникова; 1909-1989) — поэт, прозаик, критик. До Второй мировой войны жила в Белграде и до отъезда в США (1949) печаталась под своей девичьей фамилией.

⁴ Главы из романа Н.Ульянова «Атосса» печатались в журнале «Возрождение» в 1950-1952. Отдельное издание: Ульянов Н. Атосса. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952.

⁵ Марков В. О большой форме // Мосты. 1958. №1. С.174-178; Берберова Н. По поводу статьи В.Маркова // Мосты. 1958. №1. С.179-180.

⁶ Ульянов Н. Солнца свет // Новый журнал. 1958. №55. С.57-86.

Дорогой Владимир Федорович,

Да, пришлось мне немало помучиться, но теперь это уже, слава Богу, позади.

Боли прекратились — и другие «нежелательные» явления. Был у моего доктора — прошел последнее radio — говорит: «болезнь ликвидирована».

Таким образом, на этот раз, как будто, «вылез из ямы».

Начал опять журнальную работу.

Прочел «Мосты». (О них хотел писать во время моей болезни Адамович — пока ничего не написал, но его статья была объявлена в «Р[усской] м[ысли].».)

В Вашей статье, мне кажется, интересна интуиция — указание, что выход из тупика *может* оказаться в «большой форме», но фактическая сторона — не полна.

В XX веке, особенно после революции, «большая форма» не новость, а выхода пока — не оказалось.

Кто ее не пробовал: «Царь-Девница» («Царь-Дура», как называли ее — 158 стр. текста) М.Цветаевой, ее же «Молодец», «Крысолов», «Поэма Горы», — не говорю уже о Пастернаке, Сельвинском и др. в Советской России современников.

Наконец — единственная небольшая удача — «Станция Зима» Евтушенко.

Берберова, конечно, не права, назвав «Соррентинские фотографии» Ходасевича «большой формой».

Сейчас она «горой стоит» за Ходасевича, которого мучала при жизни, — был свидетелем, но это так, заметка на полях.

Читали ли Вы еще одну «большую форму» эмигрантского поэта — «Дневник в стихах» Н.Оцупа¹?

Писал о нем (о Н.О[цупе], а не о «Дневнике») на днях и вспомнил Вас. Хотя в общем, на 365 стр. текста, все одним и тем же размером, в «Д[невнике]» есть много хороших страниц, а иногда и прекрасных «пассажей», в целом эту вещь подвергли остракизму.

Никто о ней не писал — м.б., потому, что и не читали. У кого, в самом деле, хватило бы терпения прочесть, от доски до доски, 365 страниц?

Н.Оцуп искал спасения своей души путем водительства «Беатриче», но попутно интуитивно обратился к «большой форме».

Ответы на вопросы: 1) Адамович никогда не издавал своих стихов в «Рифме»; 2) к Прегель пока нет смысла обращаться, т.к. Ваша книга идет в набор, как только выйдет книга И.Яссен, уже печатающаяся; 3) к Бенедиктову я отношусь «не плохо». Согласен также, что, увы, «ни тайны, ни глубина», а талант вершат дело.

Ирина Одоевцева ответила в «Р[усской] м[ысли]» Ульянову — и загорелся в Париже бой. Часть поэтов стала против нее, часть — за, и появились также в «Р[усской] м[ысли]» «письма в редакцию». А ответила И.О[доевцева] по существу *правильно*. Лишнее только, что она в ответе повторила, как переделали здесь в поэтических кругах ульяновское определение Л.Алексеевой: «Дева Феврония» в «Дева Хаврония» — это был гафф.

А Опишня в «Возрождении», в ответ на отзыв Г.Струве о «В[озрождении]» (в его ответе Ульянову), изругал в мартовской книге «В[озрождения]» Глеба Струве: «ничего в русской литературе не понимает, *как известно*», «его юмористическая книга о русской литературе, о которой Роман Гуль дал уничтожающий отзыв» и т.д. Заодно — свел самым хамским образом счеты и с Ю.Трубецким².

Как видите, литература продолжает цвести и все в порядке, — что я и должен отметить, вернувшись к жизни.

Я еще не был в «Рифме», увижу «ее» на той неделе, но сведения, о которых говорил выше, имею от Прегель.

Говорят, вышли «Опыты», их здесь еще нет. Они выходят так редко, что парижская публика успевает начисто забыть о них, когда вдруг опять сталкивается с моим отзывом о них в «Р[усской] м[ысли]». Впрочем, «О[пыты]» и не стали чем-либо здесь.

И[рина] Н[иколаевна] и я шлем Вам наш привет.

Ваш Ю.Терапиано

P.S. Простите за помарки, *глаза* подводят — делаю описки.

¹ Оцуп Н. Дневник в стихах: 1935-1950. Париж, 1950.

² Опишня Иг. Жизнь и печать // Возрождение. 1959. №LXXXVII. С.138-144.

Дорогой Владимир Федорович,

Жаль, что «Р[усская] мысль» до Вас не доходит, т.к. иногда там бывают интересные статьи разных лиц.

Об «Опытах» — о Вас — я нахожу, что Вы развенчали Мамченко довольно жестоко¹; по-моему, мостом между его логикой и логикой читателя все-таки служит *религиозное* отношение Мамченко, в его свете многое проясняется: к человеку, к жизни, к связанности людей между собою, — это Мамченко «спасает».

Заодно «проехался» там по поводу «оксюморон» и «катахрезы» — малопонятно для читателя, но зато похвалил Вас за рецензию о переводах А.Биска².

О «Мостах» должен был писать Адамович; он оставил за собой «Мосты» (как было сказано редакцией) еще во время моей болезни, но ничего и не написал, а я уже не мог писать — так, вероятно, и останется.

Берберова очень самоуверенна и активна, но не думаю, чтобы, по существу, ее мнения и оценки были верны.

«Гурилевские романсы» идут в печать. Наша типография все время медлит — до сих пор еще не закончила книги Ирины Ясен, а теперь ее уже поздно выпускать в свет до осени. Но *печатать* будет летом (т.е. сначала набирать и т.д.). Фактически, т.к. у меня мало времени и живу я не в городе, исполнительные функции перешли к С.Прегель.

Мне очень понравилась книга Моршена³, и я его похвалил от всего сердца. Для критического разбора (а не для газетного отзыва), правда, следовало бы указать на кое-где имеющиеся недочеты — некоторые слова, строчки, но в общем он вполне заслуживает похвал — и серьезных похвал. Думаю, что и с Гумилевым он не в столь уж близком родстве, Гумилев «метафизичнее», т.е. многопланнее его, духовнее, а у Моршена больше «terre a terre», но зато он имеет больше иррациональной поэтической прелести (прирожденной, «Богом данной»), чем Гумилев. Ах, если б Моршен и дальше шел вперед, развивался бы, не сорвал бы на чем-нибудь *неподходящем* свой голос! Сейчас мы все так разъединены, так географически удалены друг от друга, что нет возможности «поговорить», а ведь именно на словах можно сказать то нужное, то главное, чего ни в какой рецензии не скажешь.

Как все в литературной жизни, спор Ульянова с Одоевцевой уже настолько увял, настолько в прошлом, что и возвращаться к нему нет смысла. Последний же ответ Ульянова был недопусти-

мо *груб* по форме — какая-то «буренинщина» (не знаю, слышали ли Вы о критике «Нового времени» Суворина — Буренине, который в дореволюционное время прославился своей чрезвычайно резкой, грубой и глупой руганью всех замечательнейших тогдашних поэтов?). И еще — Ульянов даже во времени заблудился, на что я и указал в моем письме в редакцию «Н[ового] р[усского] слова». А в общем, хотелось бы вообще прекратить эту глупую манеру «ниспровергать друг друга» — кому это нужно? Читатель даже не читает, а литераторы — только кровь себе портят. А И[рина] В[ладимировна] в частности и так уже измучена и своим горем, и необходимостью применяться к новой обстановке жизни, и одиночеством.

Книга же Кленовского⁴ (я писал о ней вместе с книгой Моршена⁵) — хорошие стихи, которые писаны как будто в 1912-15 гг., поэтому-то они и нравятся 70-летним и профессорам-литературоведам, вроде Глеба Петровича, он с годами становится все ближе и ближе к академическому стилю, Моршен для него: «Куда же ему до Кленовского!..» А человечески — «желаю Кленовскому всяческого успеха», он тем более, говорят, — болен.

Надеюсь, «разгрузившись», Вы сможете писать — давно не приходилось читать Ваших статей. А как стихи?

Ирина Николаевна и я шлем Вам наш дружеский привет.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Имеется в виду рецензия Маркова на сборник стихов В.Мамченко «Певчий час» (Париж: Рифма, 1957), опубликованная в «Опытах» (1958. №9. С.97-99).

² Рецензия Маркова на книгу переводов А.Биска «Избранное из Райнера Мария Рильке» (Париж, 1957) была опубликована в «Опытах» (1958. №9. С.99-103).

³ Моршен Н. Тюлень / Пред. В.Маркова. Frankfurt: Посев, 1959.

⁴ Кленовский Д. Прикосновенье. Мюнхен, 1959.

⁵ Терапиано Ю. Новые книги // Русская мысль. 1959. 16 мая. №1369. С.4.

Дорогой Владимир Федорович,

Жалею, что «Р[усская] мысль» не получается в библиотеке Вашего университета, т.к. в пересказе всякое написанное — не то.

В частности, хотел бы, чтобы Вы прочли рецензию на Моршена.

Опасно только, если он верит в науку больше, чем нужно, и склонен (как я слышал) к поэтическим опытам в этой области. Вот О.Ильинский, в «Мостах» II, поместил два стихотворения — одно об университете, а другое — о телескопе¹ — получилось не блестяще. То же, что Моршен (сознательно) не религиозен — еще не беда, но по натуре он чувствует шире, чем сам думает, — говорит, будущее покажет, — хотя — страшно всегда ждать новых стихов от того поэта, которого только что сильно похвалил.

Мне очень неприятно наше столкновение по поводу Мамченко. Мамченко, действительно, был очень огорчен Вашей рецензией, получилось очень зло и беспощадно: его слабости Вы показали — вот я и хотел, в поддержку ему, указать на его сильное место. Впрочем, дело вкуса.

Что же касается редких терминов, то у нас, в Париже, формалисты давно забыты, и поэты, читая, спрашивали: «что это такое?» (Вспомним — из воспоминаний Г.Иванова — как Блок не знал, что такое какой-то термин, забыл сейчас!) — Вы, конечно, и как ученый, и как привыкший к терминологии формалистов, — да еще для «Опытов» («Опытов», кроме поэтов, здесь вообще никто не читал), могли употребить такие термины, так что с обеих сторон — род недоразумения. Во всяком случае, у меня не было никакого желания обидеть или нападать. И там же я отметил Вашу интересную и хорошую заметку о переводах Рильке. Но вот то, что меня действительно огорчило, — это Ваши слова о том, что Вы решили «уйти из литературы». Ведь реакция Адамовича на «Моцарта»² — одно только мнение: если не дошло до него, вовсе не означает, что виноваты Вы, что Вы не сумели «довести», м.б., виноват как раз он — плохо читал, невнимательно читал и т.д.? Я всегда стараюсь стать на точку зрения противника и повлечь себе урок, если его возражения найду правильными, но никогда не «поддаюсь» — мало ли кто и что думает? Вы же, как многие писали, *единственный человек из Вашего «поколения», кто может (и кто должен) писать статьи*. Как же Вы вдруг так на себя несправедливо нападаете? Литературная жизнь — всегда ряд всяческих столкновений, мнений, и хорошо еще, если эти столкновения мотивируются только вкусом, а не чем-либо более житейским.

Вот на днях, перебирая часть архива, нашел то, что писали в «Нашей стране» о Бунине. Можно быть знаменитостью, можно быть лауреатом, можно быть 80 лет от роду, а от нападков, когда поносят тебя, как мальчишку, никто не гарантирован. Иногда даже удивляешься. Вот, например, Г.Струве пишет об И.Одоевцевой: «глупая и грубая статья» — как это грубо! Ведь и о нем кто-

нибудь тоже может написать: «глупая статья Г.Струве»? — Вот тон, который, в связи с Ульяновым, расцвел в «Возрождении» и в «Н[овом] р[усском] слове». На днях мне показали журнальчик возвращенцев. Там некий советский патриот, со всеми цитатами («грязное белье» и т.д.), смакует споры, поднявшиеся по поводу статьи Ульянова: «Эмигранты о самих себе», и кончает, ссылаясь на Г.С[труве], что эмигрантская литература умерла. А почему она умерла? То, что выпали прославленные старые имена, вовсе еще не означает, что кроме Кленовского и Алексеевой нет поэтов... И что за типично русская манера всегда поносить свое и «каяться». У нас скоро съезд с vasances и начало литературного сезона. Основали общество: 2 раза в месяц читать доклад с обсуждением, публика по приглашению, «для себя», чтобы выйти из спячки последних лет — увидим, какие будут результаты.

Ваша книга должна быть готова в сентябре. Думаем устроить вечер «Рифмы», на котором выпустим все напечатанные «Р[ифмой]» книги за последний год. Но деталей не знаю, т.к. С.Ю.Прегель до 15 лет в Париже.

Странно бывает. Ни с того, ни с сего стал перечитывать «Державина» Ходасевича, затем — стихи Державина. Вдруг — Водов дает мне для отзыва работу Иваска о Державине («Жизнь Званская») — и так вот уже две недели, всюду Державин! А я нежно люблю его некоторые стихи — уходишь в них, как в тень густого сада, когда день сухой и душный. В воскресенье служим панихиду по Г.Иванове — уже год. И опять Державин:

«Река времен...»

Желаю Вам всего самого хорошего, И[рина] Н[иколаевна] и я шлем наш привет Вашей супруге и Вам.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Ильинский О. Стихи // Опыты. 1959. №2. С.164-167.

² Имеется в виду статья Маркова «Моцарт» (Новый журнал. 1956. №44. С.88-113). Почти одновременно была опубликована статья Адамовича с таким же названием (Новое русское слово. 1956. 20 мая). В письмах к И.Одоевцевой Адамович охарактеризовал статью Маркова как «развязный вздор» и «выспреннюю чепуху» (Эпизод сорокапятилетней дружбы-вражды: Письма Г.Адамовича И.Одоевцевой и Г.Иванову: 1955-1958 / Публ. О.А.Коростелева // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 21. СПб., 1997. С.429, 432).

Дорогой Владимир Федорович,

Задержался с ответом, т.к. хотел во что бы то ни стало разыскать для Вас адреса Ларионова и Пуни¹.

Обратился для этого к художникам, но — что за публика! — никто не мог толково сообщить адрес: один не помнил улицы, другой № дома!

Наконец, на днях, добился (своими средствами) адреса Пуни: Pougny, art peintre, 86, Av. Notre Dame-des-Champs, Paris 6°.

Адрес Ларионова же остается «художественный»: Rue Jacques Callot, au coin de la rue de Seine, № не помнит; т.к. это — сердце Латинского квартала (rue J.Callot — маленькая улочка, а rue de Seine — все знают), то художник Х. уверяет: «Прекрасно дойдет, там только и есть, что один угловой дом! И Ларионова почтальон знает».

Ларионову якобы «немного лучше; уже с год он стал передвигаться самостоятельно». — Хорошо, если так.

У меня было много работы (начало сезона), а теперь — история с глазами: лопнула вена в левом глазу, т[ак] что долго не могу читать и писать — окривел временно.

Не угрызайтесь совестью по поводу Мамченко: он давно успокоился, а Вы, в конце концов, честно высказали свое мнение.

Я никогда не могу сказать: один поэт лучше, другой — хуже, это не критерий, но мне Моршен ближе Мамченко именно тем, что у него строй языка точнее и «логика — прямее». А вот содержание у Моршена — «3-е измерение» только.

Меня очень позабавила формула Большухина²: «все новые эмигранты чрезвычайно талантливы» — вот действительно «патриот» новой эмиграции!

На Вас жаловался мне Ю.Трубецкой: не ответил, гордый, мол! А я так хорошо понимаю, как Вам трудно отвечать на кипы писем отовсюду.

Ваша книга уже сверстана, все дело в том, когда наша типография соблаговолит взять в машину такие пустяки, как 2 книги стихов, — но думаю, это будет уже скоро.

И[рина] В[ладимировна] плохо переносит перемену погоды и все время хворает. Она написала хорошую статью о Моршене, которая будет в ближайшем «Н[овом] ж[урнале]»³.

Ну вот, пора кончать — трудно держать один глаз закрытым, да и почерк, как видите, ужасный.

И[рина] Н[иколаевна] и я шлем Вам наш привет, И.В.О[доевцева] тоже.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Михаил Федорович *Ларионов* (1881-1964), Иван Альбертович *Луни* (1894-1956) — художники-авангардисты.

² Большухин Ю. Обретшие слово: Сопроводительный очерк (вместо предисловия) // Литературное зарубежье: Сборник-антология произведений писателей новых эмигрантов: 1947-1957. Мюнхен: ЦОПЭ, 1958. С.339-354.

³ Одоевцева И. О Николае Моршене // Новый журнал. 1959. №58. С.116-121.

48

[январь 1960]

Дорогой Владимир Федорович,

Я не успел ответить на Ваше письмо от 22/XI, в котором Вы высказываете интересные, хотя и могущие быть оспариваемыми мысли о романе «Д[октор] Ж[иваго]», т.к. внезапно, 1/XII, заболел (третий «взрыв» моей болезни — внутреннее разлитие и воспаление желчи) и был отвезен в госпиталь, где и пробыл до 10/I.

Сейчас — нужно еще 6 недель «поправляться». Было оч[ень] опасно и очень страдал (боли), но как будто бы «вылез». Хирург, один из лучших во Франции, Dr. Simon, сделал все, чтобы обойтись без 3-ей операции (опасной для жизни).

Еще «не в себе», не могу читать ничего серьезного, пишу с трудом.

Примите мои запоздалые поздравления с Новым Годом, с праздниками и мой привет Вашей супруге и Вам.

Ваш Ю.Терапиано

49

19.II.60

Дорогой Владимир Федорович,

Одновременно посылаю Вам «Когда разгуляется» Б.Пастернака¹, который Вы хотели иметь.

Надеюсь, что Вы хорошо провели праздники и что у Вас все благополучно.

Книга «Лучший звук»² — первая моя книга — должен сделать оговорку; но кое-что, например, 3 первые стихотворения

из цикла «На мотивы Хагани», я до сих пор «не отдаю». Но дальше, конечно, есть много вздора.

Альманах «Воздушные пути» по интриге г-на Гринберга³ был передан окольным путем М. Кантору⁴, чтобы он писал о нем. Ни редакция, ни я не получили — а т.к. он стоит дорого, то покупать не собираюсь.

Не могу понять, почему Гринберг, который прежде был со мной очень любезен, выкинул такую штуку? — но особенно заниматься этим вопросом желанья нет — ну его!.. Жаль только, что не читал поэмы Ахматовой⁵ и некоторых статей, в том числе и Вашей⁶.

Ирина Владимировна тоже «В[оздушных] путей» не получила, а это жаль, т.к. сам Адамович признал, что она могла бы многое разъяснить в этой поэме.

Критику Адамовича я читал (в «Н[овом] р[усском] слове»)⁷ — он на этот раз «не на высоте» — все больше общие места или «вскользь и мимо».

У нас сейчас новое увлечение — устроили раз в три недели собрания для «своих» (без публики), только «свои» и друзья их. Доклад, затем обмен мнений — как было в «Зеленой лампе». Силы, конечно, не те, но все-таки и доклады, и прения вызвали большой интерес, так что прения по последнему докладу пришлось продолжить еще на одно собрание.

Мне лично хотелось бы несколько расширить диапазон этих собраний, т.е. ввести, кроме литературных, и другие темы, но трудно найти ответственного докладчика. Да и аудитория интересуется (в большинстве) только литературой или «проблемами» вроде «техника как новая религия»!

(Идея в том, что увлечение космическими полетами и освоением иных миров может заполнить пустоту, образовавшуюся в душе современного человека после того, как распалось прежнее мирозерцание, основанное на христианстве.)

Ирина Владимировна пишет сейчас в «Р[усской] м[ысли]», но все время болеет — климат у нас в Гагну очень нездоровый, сырой и туманный, а тут еще скопление людей (150 вместе с персоналом) — один другому передает бактерии.

Н. Лосский (в 90 лет!) ни с того ни с сего напал на Вивекананду⁸ и наговорил много неверного об индуизме.

Решил ответить — может завязаться полемика, но пусть! А вот с Жернаковой-Николаевой, привязавшейся по поводу выпавшего слова в цитате из проф. Джемса, — беда. Знаете ли Вы эту даму? При чем тут *египтология*, если она «магистр философии»? А ее исторические рассказы в «Р[усской] м[ысли]» из рук вон пло-

хи, беда, что у Зайцева на все свои взгляды, этому мы обязаны плохими стихами в «Р[усской] м[ысли]».

Шлю Вам наилучшие пожелания, Ирина Владимировна просит передать Вам привет.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Пастернак Б. Когда разгуляется: Стихи. Париж: Изд-во любителей поэзии Б.Л.Пастернака, 1959.

² См. прим. 8 к письму 5.

³ Роман Николаевич *Гринберг* (1893-1970) был редактором журнала «Опыты» (первых трех номеров, 1953-1954) и альманаха «Воздушные пути» (1960-1967; №1-5).

⁴ Михаил Львович *Кантор* (1884-1970) — юрист, редактор, критик, поэт.

⁵ В первом и втором номерах «Воздушных путей» была опубликована «Поэма без героя» Ахматовой.

⁶ Марков В. Стихи русских прозаиков // Воздушные пути. 1960. №1. С.135-178.

⁷ Адамович Г. Подарок Пастернаку // Новое русское слово. 1959. 6 декабря.

⁸ Лосский Н. Буддизм и христианство // Грани. 1959. №44.

Дорогой Владимир Федорович,

«Когда разгуляется» — подарок, ради Бога, не присылайте мне никакой книги.

«Воздушные пути» Гринберг мне наконец прислал.

Пока прочел только поэму Ахматовой, от которой я далеко не в восторге — прежде всего — криптограмма, и затем — ряд срывов. Но об этом думаю поговорить со временем отдельно, а пока дал «В[оздушные] п[ути]» Ирине Владимировне.

Готова Ваша книга, она хорошо сделана типографски, новая «Рифма» (в руках С.Прегель) гораздо тщательнее издает, чем Маковский.

Жаль, что Вы ошиблись с разбивкой, но читатель этого не замечает.

Сейчас *официально* вышла книга Корвин-Пиотровского¹; в апреле я должен дать о ней отзыв в «Р[усской] м[ысли]», а затем напишу о «Гурилевских», которые люблю.

Неужели Бурлюк² (тот самый!) еще жив и до сих пор устраивает выставки? Просто чудо какое-то! Я так привык, что все имена, которые я знал в юности, уже «по ту сторону»...

Даже здесь, в Париже, скоро никого не останется из моих литературных сверстников.

Сегодня опять в «Р[усской] м[ысли]» Вишняк отвечает Ульянову. Я принципиально против «сведения счетов», тем более, что все наши споры на руку нашим врагам, а все спорящие, в первую очередь, стараются сказать «последнее слово» и мало думают об объективной истине. Разбираться в «методах сыска» тоже не хочется, но раз здесь Ульянов говорил, что сидел в то время в тюрьме, когда, по Николаевскому³, сотрудничал в советском журнале, то «мутно» на душе — все это представляется ненужной человеческой путаницей.

На днях мне дали книгу Р.Гуля «Жизнь на фукса», издание Госиздата в 1927 г. (а сам Гуль был с 1918 г. за границей, в Германии), — он тогда, как сам пишет, «хотел сотрудничать в советской газете» («Накануне»). А теперь... Но стоит ли задумываться над тем, как осуществляется принцип мимикрии в «виде» «человек»?..

«Зеленая лампа» (точнее: а la «З[еленая] л[ампа]») процветает. Ученый священник, бывший пражский поэт о.Александр Туринцев⁴ сделал доклад «О причинах неверия», в котором было много интересного материала (по католической статистике, «практикующих» верующих среди французских рабочих — 2%).

23/IV — прения по этому докладу, т.к. в первый раз времени не хватило. 9 апреля я читаю доклад «О зарубежной поэзии 1920-1960 гг.»⁵, а во втором отделении поэты читают свои стихи (давно не было такого коллективного выступления).

Говорить буду о поэзии, о ее путях и задачах, а не о поэтах, иначе потребовалось бы для доклада часов 20.

Буду ждать автографа «Гурилевских».

Как Моршен? Пишет ли? И что? Я очень огорчен, что И.Елагин (58 книга «Н[ового] ж[урнала]») впал в плохую маяковщину — а человек он талантливый. Что это — недостаток вкуса?

Шлю Вам сердечный привет — мой и Ирины Николаевны.

Ваш Ю.Терапиано

Послала ли Вам Софья Юльевна «Поражение» К.Пиотровского? Прилагаю письмо И.В.О[доевцевой].

¹ Корвин-Пиотровский В. Поражение. Париж: Рифма, 1960.

² Давид Давидович *Бурлюк* (1882-1967) — «отец русского футуризма». Переписка Бурлюка с Марковым хранится в рукописном отделе Пушкинского Дома РАН.

³ Борис Иванович *Николаевский* (1887-1966) историк.

⁴ Александр Александрович *Турицев* (1896-1984) — поэт, критик, один из организаторов литературного объединения «Скит поэтов» (Прага). С 1930-х — в Париже, протоиерей, настоятель Патриаршего Трехсвятительского подворья.

⁵ Материалы доклада Терапиано вскоре опубликовал в виде статьи в «Гранях» (1959. №44. С.3-15), а затем в качестве предисловия к антологии «Муза Диаспоры» (Мюнхен: Посев, 1960. С.7-25).

Дорогой Владимир Федорович,

Вчера появилась в «Р[усской] м[ысли]» статья о Ваших «Гурилевских» (и о книге Корвин-Пиотровского)¹.

Ирина Владимировна посылает ее Вам, поэтому я не буду вкладывать вырезку.

Почему университет (т.е. его славянский отдел) не подпишет-ся на «Р[усскую] мысль»? Если не ошибаюсь, так сделал Иваск.

Посылать же отдельные статьи — канитель, к тому же трудно будет и Вам пересылать их обратно.

Мне понравилась Ваша статья в «Воздушных путях»², А[дамович] на нее напал, по обыкновению, слишком придирчиво: ведь Вы же и не собирались дать исчерпывающий обзор, это ведь скорее «в общих чертах», как иллюстрация вообще стихов и прозаиков.

Здесь тоже от всех слышал хорошие отзывы о «Г[урилевских] р[омансах]».

Елагин же в последнем выпуске «Н[ового] ж[урнала]» занялся такой маяковщиной, что я его ругнул. И тут вот уж, действительно, не думал, не гадал, доставил торжество Лифтону.

Я совершенно его не знаю, но принципиально даю мягкие отзывы обо всех начинающих в первый раз, он вот и попал в эту «точку». Жаль, если он неправильно воспримет отзыв и слишком задерет нос: лучше бы учился и работал, тогда и из него может получиться толк. Но с другой стороны, как ни наивна его реакция, здесь можно и растрогаться: «вот, все-таки...»

Если же у Лифтона есть еще и материальные возможности, то он мог бы со временем что-либо сделать для литературы. Издать,

например, хороший альманах или помочь кому-нибудь, например, Ирине Владимировне.

Живя в одном доме, вижу ее каждый день и поневоле в курсе всех ее дел. Она все время болеет, ей нужно было бы съездить в горы или на юг, а для этого те поступления, которые она имеет (после смерти Иванова некоторые меценаты «освободили» себя, как водится), на это не хватает.

Хотя я (по желанию Водова) и секретарь Комитета по перенесению тела Г.И[ванова]³, но мое мнение: лучше бы помогли живой О[доевцевой], чем возились бы с мертвым. Я написал намерком об этом епископу Иоанну⁴, — м.б., благодаря своим связям, он сможет что-нибудь для нее сделать?

Кроме того, и моральная обстановка, в которой оказалась И[рина] В[ладимировна] после смерти мужа, в литературной среде оставляет желать многого. Перед Ивановым «кое-кто» пресмыкался — не столько потому, что действительно любил его стихи, но потому, что боялся его. (Иванов был знаменит своими «убийственными» статьями о тех, на кого гневался.) Теперь же эти господа стараются показать И[рине] В[ладимировне], что они «вовсе уж так не почитали Г.И[ванова]».

Статья Рафальского⁵ — один из таких примеров, кроме того, Р[афальский] рассчитывал вызвать меня на полемику и тем самым обратить на себя внимание, и был очень разочарован, что его выступление «повисло в воздухе».

И[рина] В[ладимировна] показала мне Ваше письмо: Вы — тем более, что Вы совсем не из «парижан» (обычное обвинение «парижан»: они, мол, все один за другого по личным соображениям) — ответили как раз то, что нужно было сказать по этому поводу.

Смоленский, как я слышал, еще не говорит, но ему вставили серебряную трубку (как в свое время о.С.Булгакову, который мог кое-как после этого говорить). С[моленский] еще в клинике — под «наблюдением». Зайцев, думаю, именно потому и объявил его «первым», чтобы обратить на него внимание публики. Сбор для Смоленского прошел очень хорошо; впрочем, в стихах Зайцев не очень разбирается, думает, что единственным критерием для суждения о стихах является: «нравится — не нравится», и печатает в «Р[усской] м[ысли]» Бог знает каких поэтов. Но Вы правы, что у нас развелось слишком много «величайших» и что «действительно лучших лягают» — и затирают.

Свечникова (молодой человек неопрятного вида, не без таланта) я знал в начале 20-х годов. Он вскоре вернулся в Сов. Россию.

Нельдихен⁶ же (писавший комические, важно-глупые стихи: «О женщины, полуаршинные куклы с мягкими губами...») — пертурбуржец, я знаю только по рассказам.

Хотелось бы увидеть новые стихи Моршена. О Елагине у меня сложилось мнение: талантлив, даже очень талантлив, но вряд ли станет настоящим поэтом, т.к. ему мешает отсутствие вкуса и погоня за дешевым успехом. Кленовский, со всей его тематикой начала XX века и срывами («Коня четыре...», «нажать *курок*...» и т.п.), все же гораздо культурнее и умнее Елагина.

Получаете ли Вы «Грани»? В ближайшем № — 44-м — будет моя статья о зарубежной поэзии 1920-60 гг. и подбор стихотворений многих поэтов⁷.

Желаю Вам всего доброго.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Терапиано Ю. Новые книги // Русская мысль. 1960. 14 мая. №1525.

² Марков В. О свободе в поэзии // Воздушные пути. 1961. №2. С.215-239.

³ Прах Георгия Иванова был перезахоронен на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа в 1963.

⁴ Дмитрий Алексеевич Шаховской (1902-1989) — церковный и общественный деятель, духовный писатель, поэт, критик, епископ *Иоанн* Сан-Францисский и Западно-Американский с 1950.

⁵ Сергей Милич (Милиевич) *Рафальский* (1896-1981) — поэт, прозаик, журналист, критик.

⁶ Сергей Евгеньевич *Нельдихен* (1891-1942) — поэт, член 3-го Цеха поэтов.

⁷ №44 «Граней» (1959) был посвящен «сорокалетию русской зарубежной поэзии».

Дорогой Владимир Федорович,

Мне кажется, список «за» (включая Ю.Т[ерапиано]) перевешивает Завалишина¹. Не знаю его хорошо, но то, что приходилось встречать, не вызывает у меня большого доверия к его вкусу и даже вообще к его возможности судить о поэзии.

Что же касается Э.Райса² — его-то я знаю хорошо! Он одаренный, но хаотично-сумбурный человек, а о поэзии судить ни-

какого права не имеет. Зная множество языков и не чувствуя по-настоящему ни одного, он все время изрекает парадоксы, вроде того, что все мировые прозаики — плохое искусство, лучший поэт эпохи, мол, «Х» — к[акой]-то совсем не ведомый графоман (называет имя — о, это имя!) и т.п.

Но дело не в оценках, дело в том, что главный враг Ваш сейчас — Вы. Понятно: Вам пришлось работать в университетском плане; Вы много писали о поэтах; Вы как-то заставили самого себя забыть о поэзии. Поэтому ограничусь кратким пожеланием: пора Вам об этом *вспомнить*.

Ваше «письмо о Рафальском» наделало здесь (в Европе) шума. Одни (друзья Рафальского — Померанцев³, Корвин-Пиотровский) рычат; особенно — по поводу человеческой стороны, т.е. неосведомленности: «какое это имеет отношение к делу?», другие — цитирую один из отзывов, Вас.Сумбатова⁴ (поэт, живущий в Италии): «А вот отповедь Ульянову в статье Ананьина мне понравилась. Понравилась и недавно прочтенная в НРС отповедь Рафальскому в статье Маркова». Сумбатов далеко не один, а особенно злит сторонников Рафальского, что Вы попали в точку.

А то, что тон Ваш — резкий — это, конечно, производит впечатление на читателя: «Эффектная ругань», как сказала одна поэтесса, «всегда доходит». Ирина Владимировна передала мне чек на 97 дол., его разменяли в конторе «Русской мысли» и положили деньги в папку Г.Иванова.

Сбор здесь идет плохо — помешало то, что как раз когда мы начали сбор, случилась беда со Смоленским, пришлось приостановить сбор на Иванова и заняться Смоленским, а сейчас уже не то, лето, все едут на каникулы, им не до того.

М[ожет] быть, осенью удастся снова расшевелить людей, а пока, на лето, сбор замер.

Ирина Владимировна устраивает вечер 25 июня, посвященный старому Петербургу, воспоминаниям о «Цехе поэтов» и т.п.

Увидим, каков будет результат.

Здоровье ее по-прежнему хромает, она никак не может избавиться от различных недомоганий, и, что печальнее всего, ей трудно работать, нет сил.

Прежде она писала с большой легкостью, а сейчас даже над небольшой статьей — сидит — переписывает — нет энергии.

Нужно ей поехать на отдых — м.б., после вечера это окажется возможным.

То, что Вы пишете о Лифтоне — забавно и интересно. Ведь такому человеку ничего бы не стоило издавать 2-3 хороших альманаха в год, а это было бы взамен загубленных «Опытов». Поэто-

му, когда он вернется, «воспитывайте» его, ведь ему, первому, такие альманахи откроют дверь в литературу. А если в L[os] A[ngeles] есть еще «два-три» Лифтона, то это — клад для будущего зарубежной литературы. Ведь так «началась» и «Рифма».

Моя статья об Индии⁵ — элементарна, т.е. приспособлявал ее для предполагаемого читателя «там».

«Грани» вообще все же *хотят быть* живыми, а не только «являться не хуже "С[овременных] записок"» (т.е. тяготеть к началу 30-х годов), как «Н[овый] ж[урнал]».

№44, со стихами зарубежных поэтов за 40 лет, выйдет в июле.

Хорошо будет, если Вы дадите в «Грани» статью — или стихи.

Собираюсь на неделю к морю в конце июня и в начале июля, а И[рина] Н[иколаевна] вчера уехала в деревню — ей нельзя к морю (легкие).

Крепко жму руку и желаю Вам всего доброго.

Ваш Ю.Терапиано

Ирина Владимировна шлет привет.

Здесь Ю.П.Иваск. Сегодня буду у него и надеюсь познакомиться с его женой Тамарой Георгиевной, стихи которой давно в «Возрождении» мне понравились.

¹ Вячеслав Клавдиевич *Завалишин* (1915-1995) — поэт, критик.

² Эммануил Матусович *Райс* (1909-1981) — литературный критик.

³ Кирилл Дмитриевич *Померанцев* (1907-1991) — поэт, журналист, мемуарист.

⁴ Василий Александрович *Сумбатов* (1893-1977) — поэт, более сорока лет провел в эмиграции в Италии.

⁵ Терапиано Ю. Что нам может дать Индия // Грани. 1959. №43.

Дорогой Владимир Федорович,

Завтра уезжаю к морю; взял отпуск в газете, т.е. не буду писать до середины августа.

Интересно, есть ли у Моршена новые стихи?

И есть ли у Вас?

Этот вопрос — не только платонический; есть одна литературная возможность у Ирины Владимировны, но пусть она сама об этом говорит.

Рафальский здесь грозит написать что-то о «литературных гангстерах». Что за странное определение? — а намерение его само походит на «литературное гангстерство».

Я думаю, что по чувству, по «рыцарству» можно было себе позволить сказать то, что сказали Вы, хотя «по правилам» нельзя ссылаться на «домашние обстоятельства».

Вечер И[рины] В[ладимировны] прошел очень удачно, можно сказать — блестяще. Было очень много публики, говорили Адамович, Иваск и я — на этот раз Адамович говорил по существу и очень похвально, а не «взгляд и нечто», как обычно.

Маковскому хочет ответить Адамович, поэтому я не могу. Думаю, помимо неумных забот о языке и отсутствия у него чувства поэзии, Маковский начал впадать в «гагизм».

Акмеизм (в его рассуждениях) в сущности не при чем, тут просто высказывания человека, не чувствующего нюансов и того, что «атмосфера» и «музыка» могут преобразовать так, что любые слова начинают звучать. А у Блока, если быть только *terge a terge*, можно легко найти и подчеркнуть карандашиком ошибки, как всегда делает М[аковский] со всякой книгой стихов (кроме своих).

Ульянова же я начал было читать (о Ремизове) — и бросил, настолько все у него неприятно. Можно быть умным и острым публицистом, хорошим ученым и — плохим беллетристом, а он к тому же взял на себя роль арбитра — скучно!

Иванов, полагаю, и не думал о «Трех сестрах».

«Служить на кирпичном заводе»¹ — реальная возможность для многих парижских поэтов, это у нас «жизнь», вполне обычное конкретное предложение.

Однострочных стихотворений² — не знаю. «О, закрой...» — не однострочное, а одна строчка, оставшаяся от карандаша цензора, которую В.Брюсов, в виде протеста, сохранил в своей книге (и она прогремела на всю Россию своей нелепостью...)

А вот китайские, очень хорошие, стихотворения состоят из пяти слов. В них нужно выразить 1) философскую идею, 2) чувство и 3) картину природы — и выражают.

М-те Агуши³ нам с И[риной] В[ладимировной] очень понравилась, и мы с ней не раз встречались в Париже и в Gagny. Сейчас она уехала в Италию.

Анненский здесь есть, а за Хлебниковым послезу (и для Вас, и для себя), но пока его нет.

Относительно Лифтона: на перенос тела собрали пока около 80 000, а нужно 300 000. Считая доллар по 485, можно высчитать. Но мне как-то больно употреблять такую сумму на «прах», тогда

как самой И[рине] В[ладимировне] нужно лечиться и лечиться (да еще постоянно «подкупать» еду, особенно — вечером).

М.б., Лифтона можно подвигнуть и на журнал?

О собаках⁴ Ваших я в первый раз услышал от И[рины] В[ладимировны] недавно. Пришлите их портреты.

Черепаша тоже хороший зверь⁵, но здесь есть только маленькие, и они обыкновенно не переносят зимы, их привозят весной откуда-то и продают на рынках.

И[рина] Н[иколаевна] и я шлем Вашей супруге и Вам наш привет. И[рина] В[ладимировна] шлет привет.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Из стихотворения Георгия Иванова «Если бы жить... Только бы жить...» (в окончательном варианте стихотворения: «на литейном заводе служить»).

² В это время Марков собирал материал для статьи «Одностроки» (Воздушные пути. 1963. №3. С.243-258).

³ Ирина Георгиевна Агуши готовила к защите докторскую диссертацию «Поэзия Георгия Иванова» (Гарвард, 1961).

⁴ В доме Марковых, никогда не имевших детей, всегда жили животные. В частности, в 1950-1960-х — собаки, которым в переписке с Глебом Струве и другими знакомыми Марков уделял особо почетное место. В 1980-1990-х — кошки, число которых со временем достигло полутора десятков.

⁵ В это время Марковы завели черепаху Машку, которая живет у них до сих пор.

Дорогой Владимир Федорович,

Получил на днях «Н[овое] р[усское] с[лово]» со статьей С.Рафальского «Кукушка и петух». — Поздравляю: мы с Вами, оказывается, были в заговоре, и я злостно старался сделать вид, обманув читателя, что «Гурилевские романсы» лучше якобы поэм и стихов самого гениального Корвин-Пиотровского! Тут уж просто мания преследования!

А кстати, ведь даром же кукушка петухом не восхищается, как же так? — Вы ведь никогда в печати не хвалили меня — за что же я с таким рвением, по Рафальскому, хвалю «Г[урилевские] романсы»?

Он не заметил главного, того, что «Г[урилевские] р[омансы]» действительно много лучше поэмищ, а тем более плохих стихов К[орвин-]П[иотровского] и что если у меня так вышло, то безо всякого намерения, просто истина обнаружилась сама собою.

Удивлен, что «Н[овое] р[усское] с[лово]» настолько сейчас «печатает все», что даже такая «статья», неприличная по тону, по содержанию, по гнусным намекам на какой-то «заговор» и по выраженьицам, вроде «вышеупомянутой вдовы» и проч., в нем нашла место. В доброе старое время такого произведения не помещала бы ни одна приличная газета. Главное же — это скрытая подоплека всей этой «полемики».

Казалось, какое отношение к спору с Вами о поэзии И.Одоевцевой имеет то, что я писал о Корвин-П[иотровском] и о «Г[урилевских] р[омансах]»? Ведь в полемике я не участвовал, К[орвин-]П[иотровский] тоже.

Но дело в том, что настоящие «кукушка и петух» — это сам С.Рафальский и Корвин-Пиотровский, друзья закадычные, как все это знают здесь, а на [их] фоне (уже не против меня, а против И[рины] В[ладимировны]) — Кирилл Померанцев.

История полемики такова. В начале Рафальский *вдруг* вдохновился идеей «уничтожить» И[рину] В[ладимировну] и для этого написал для «Граней» большую статью обо всех эмигрантских поэтессах вообще, но эта статья не была напечатана Тарасовой, понявшей, что «вселенская смазь» всех, кроме Алексеевой, — вызовет протесты отовсюду. Тогда Р[афальский], подстрекаемый Померанцевым, решил часть статьи, касающуюся И.О[доевцевой] и Л.А[лексеевой], послать в «Н[овое] р[усское] с[лово]».

Почему так старался Померанцев? Это и для меня мистерия.

При жизни Г.Иванова Померанцев считался другом Ив[анова] и Одоевцевой, восторгался ими, писал о них даже слишком уж восторженно — послал, например, в «Опыты» такую хвалебную статью об И.О[доевцевой], что Иваск не мог ее напечатать.

Когда умер Г.И[ванов], узнав, что И[рина] В[ладимировна] переводится в наш «Дом», я думал: ну вот, теперь все же Кирилл будет заботиться о ней. Первое, что поразило меня на другой день по приезде И[рины] В[ладимировны] в Gagny: — «Где Ваши вещи?» — «На вокзале». — «А почему К[ирилл] не привез их?..» Дальше — К[ирилл] не только не заботился об И[рине] В[ладимировне], но ни с того, ни с сего устроил ей грубую сцену при всех в одном литературном доме — и с той поры началась вражда его к ней.

Почему — понять не могу! Но его друзья — Пиотровский, Рафальский — тоже вдруг заняли отрицательную позицию в отно-

шении ее поэзии и ее как человека. К[орвин-]П[иотровский] дошел до того, что как-то заявил при всех, что Иванов — плохой поэт, что он, Пиотровский, якобы говорил ему это в лицо. Зная характер Г[еоргия] В[ладимировича] и его репутацию «Жоржа опасного» (как написал Дон-Аминадо в шуточных стихах на его статьи о Сирине, Ходасевиче² и т.д.), могу себе представить ясно, что бы ответил К[орвин-]П[иотровскому] Г.Иванов! Да и посметь-то П[иотровский] не решился бы! А теперь — все позволено.

Я не терплю в П[иотровском] того, что он, прежде всего, пошлый и плоский человек. Будучи действительно артиллерийским прапорщиком военного времени после революции, он держит себя как «боевой офицер». Будучи (как все давно его знающие утверждают) евреем, он сфабриковал себе громкую фамилию и постоянно докучает всем, рассказывая о древности рода К[орвин-]П[иотровских], «потомков славы европейской, венгерской и иных корон». Кроме того, во всем он пошел, невоспитан, нахален. Его стихи мне лично говорят мало. «Умеет писать», ловко закручивает ямбы (40 лет все одно и то же — ямбы!), *способный стихотворец*, но всюду — общие места, приблизительные строки, а порой — чисто еврейские словечки, например: «банкир гуляет напролом», «древесный шепот» и проч. безвкусицы. Поэтому *всегда* я пишу о нем кисло, отдавая должное его способностям, но все время тыкая его «мордой» в стилистические оплошности. Он, естественно, меня терпеть не может. После моей статьи он горько жаловался на меня всем, кого встречал, а Рафальский (я выбрал к тому же недавно его поэму³ в «Гранях», кн. 43) решил отомстить мне за него и за себя. К тому же Кирилл воображает, что И[рина] В[ладимировна] «повлияла» на меня, чтобы я вознес «Г[урилевские] романсы» и «ниспроверг» К[орвин-]П[иотровского]. — Воистину, жалкое зрелище литературных нравов! — мог бы воскликнуть какой-либо персонаж начала XIX века, но такова наша «литературная атмосфера».

Пишу Вам всю эту историю как комментарий к событиям, как необходимое пояснение. Вашей благородной защитой И[рины] В[ладимировны] Вы нажили себе злых врагов — впрочем, Вы вряд ли пожалеете об этом. Полемизировать с ними я не собираюсь, но в какой-то мере рад, т.к. их нападки развязали мне руки. Могу теперь, не поддаваясь сентиментальным соображениям (все-таки коллеги, вместе пьем в кафе чай), говорить «то, что думаю» (по выражению З.Гиппиус) об их произведениях. — И какое самомнение! — «Даже вообразить нельзя, что какой-то Марков может идти в сравнение с К[орвин-]П[иотровским]» — таков смысл «метафор» г.Рафальского!

И[рина] В[ладимировна] напишет Вам с своей точки зрения о сем предмете.

У нее, к тому же, есть интересные планы о преобразовании «Возрождения» опять в приличный журнал, — но это ее предприятие, и я об этом рассказывать не буду — это величайший секрет пока.

Был у моря, сейчас опять возврат к работе — до будущей весны, до лета, если увижу их.

Желаю Вам и супруге Вашей всего доброго.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Терапиано Ю. Новые книги // Русская мысль. 1960. 14 мая. №1525. С.4-5.

² Имеются в виду статьи Георгия Иванова «В защиту Ходасевича» (Последние новости. 1928. 8 марта. №2542. С.3) и «В.Сирин. "Машенька". "Король, дама, валет". "Защита Лужина". "Возвращение Чорба"» (Числа. 1930. №1. С.233-236).

³ Рафальский С. Повесть о Скифии // Грани. 1959. №43. С.109-117.

Дорогой Владимир Федорович,

Ваше сообщение о производстве в чины, о котором Вам говорил Кленовский, очень меня позабавило.

В прежнее время «производство» зависело не только от Адамовича, но и от Ходасевича.

Последний вначале произвел меня даже в слишком высокие чины, затем, поссорившись со мной в 1935 г. из-за отношения к «Розам» Г.Иванова¹, разжаловал в солдаты, затем, помирившись, произвел опять, скажем, в капитаны.

Теперь хочу позабавить Вас новыми похождениями «трио». Делая 13 авг. отчет о четвертой книге «Мостов», я так отозвался о «Трех рассказах» Вл. Корвин-Пиотровского:

«Три рассказа» Вл. К[орвин-]П[иотровского] — переживания и размышления одного и того же героя. Тут и лирические отступления, и воспоминания о гражданской войне, и пространные размышления — «почему самая жалкая молодость, в которой не было ничего, ну — совсем ничего, что заслуживало бы внимания, оказывается вдруг, в поздние наши годы, упойтельной и прекрасной». Стилистические небрежности больше всего вредят Корвин-П[иотровскому].

Так, например, говорят «древесный уголь», но «древесный шепот» по-русски — бессмыслица. «Узловатая палка» — существует, но «узловатая старуха» — как ножом по тарелке. Не хорошо: «убыстрила шаг». Непонятно: «в конце улицы уже торопливо *разбегались шаги без прохожих*», неуклюже сказано о Флоренции: «Это город *беспрерывной драки и заговоров... куда бы вы ни шли, всюду ступаете вы по большим воспоминаниям*».

Это тем более досадно, что по своему литературному направлению К[орвин-]П[иотровский] — реалист, а не модернист или футурист, и у него, очевидно, нет намерения умышленно обогащать русский язык всякими неожиданными «изысками»².

Отзыв — как отзыв, «кислый», — не спорю, но здесь нет никаких личных выпадов.

На эту рецензию, как Вы увидите из прилагаемой вырезки, разгневанный поэт ответил «письмом в редакцию»³, полным намеком личного порядка, вплоть до «расового вопроса».

«Аристократ» К[орвин-]П[иотровский], став в позу «чернотенца» из «Земщины» (такая была газета у них), заявляет: «как это, мол, какой-то кавказец» смеет судить *истинно-русского* писателя!..

Ну, я и отбрил его, как — увидите.

Теперь, в бешенстве (явился в редакцию, буквально дрожа от злости), К[орвин-]П[иотровский] хочет подавать на меня в суд за диффамацию («сравнение с гестапистом» — но сравнение не есть диффамация — пусть подает!).

Кроме того, т.к. Водов, ред[актор] «Р[усской] м[ысли]», не захотел поместить его *второго письма* (полного прямой брани, обвинений в диффамации и заявлений, что «грек» не смеет писать о русской литературе), — он, вероятно, (при помощи Рафальского) пошлет свое произведение в «Н[овое] р[усское] с[лово]», где — увы! — все печатают. До Вас, вероятно, раньше, чем до меня, дойдет его опус.

Вот и занимайся теперь критикой! Даже Кленовский, с его «чего поэт хочет от критика», — «роза» по сравнению с этим «титuladoванным» гусем, или Владимиром Самозванцем!

Жан Мореас, грек из Афин Пападиамандопулос, был видным французским поэтом, и никто ему судить о французской литературе не запрещал.

А я «грек» *лишь по происхождению*: мой прадед по отцу переселился в Россию, дед уже по-гречески не говорил, а по женской линии — кровь украинская, татарская, польская — какой же я — «грек»? Но на старости лет пришлось дожить и до этого.

«...Продолжение следует».

Видал виды с 1926 г. в литературе, но такого самомнения и самолюбия, как у К[орвин-]П[иотровского], еще не видал — просто сумасшедший какой-то!

Вот вам и «Париж» — *Парижи* тоже всякие бывают.

О Брюсове — не помню — читал где-то в воспоминаниях (м.б., в «Н[овом] ж[урнале]») историю с цензурой и устно слышал еще в России.

Пометки в «Когда разгуляется» сделаны не мной, а другим — кому я давал читать книгу. Простите, просмотрел, забыл стереть.

И[рина] В[ладимировна] приняла Ваш совет хорошо. Она и сама собирается написать об Алексеевой примирительно, чтобы прекратить эту историю.

Кто был «Петр Отшельник»⁴ — И[рина] В[ладимировна] не помнит (да и как могла бы помнить в 1915 г.?), а я — киевлянин, а не петербуржец (в мои «сознательные годы» университет кончил в Киеве в 1916 г., жил там с 1911, а до того — в Крыму).

Ирина Николаевна и я шлем Вашей супруге и Вам наш привет.

Ваш Ю.Терапиано

И[рина] В[ладимировна] опять больна. У нее давление 20-22, сердечные припадки, и вообще ей плохо. А как лечить? Нужно бы в санаторию.

¹ Подробнее об этом см.: Терапиано Ю. Литературная жизнь русско-го Парижа за полвека (1924-1974)... Указ. изд. С.122-123.

² Терапиано Ю. «Мосты», кн. 4-я (Часть литературная) // Русская мысль. 1960. 13 августа.

³ Корвин-Пиотровский В. Ответ Ю.К.Терапиано: Письмо в редакцию // Русская мысль. 1960. 27 августа.

⁴ Псевдонимом «Петр Отшельник» подписал две свои критические статьи Михаил Алексеевич Кузмин (1872-1936).

Дорогой Владимир Федорович,

Надеюсь, Вы уже вернулись из Вашей поездки в Чикаго. У нас тоже начался «сезон», только все меньше и меньше становится участников.

Как Вы знаете, летом покончил с собой Ю.Одарченко¹. В.Смоленский сейчас находится в таком ужасном состоянии, что просто в отчаянье можно прийти — отказался от второй операции (понимаю его!) и пьет, но к тому еще — пьет с надрывом, с ненави-

стью ко всем, все и всех ругает. Это, конечно, от отчаянья. Но жаль, что он так озлобился. А осудить его — язык не поворачивается: «а если б у тебя самого?..»

Ирина Владимировна кое-как держится, здоровье ее все время неважно — то одно, то другое, а мораль — ничего. Я все время «нажимаю» на нее, чтоб писала. Ведь, в конечном счете, это единственный наш *raison d'être*. А при ее таланте — не писать — просто грех.

Иваск был здесь летом, мы с ним виделись, и остались хорошие воспоминания о встрече. А вот М-те Агуши — была здесь, часто виделись, потом уехала — и ни слова. А как будто совпали во многом и нашли «общий язык».

Меня современные люди часто теперь удивляют. М.б., это признак старости, но подчас просто не понимаю их. Вот и Анстей, например. Как будто культурная, неплохой поэт, а вот как-то деревянно восприняла «Г[урилевские] романсы»².

Разве она не чувствует, что все очарование «Г[урилевских] р[омансов]» именно в «неточности и неясности», что — поставь Вы все точки над «и» — и сразу бы очарование рассеялось, а она еще поэт! Но как объяснить, раз она этого не ощущает?!

И причем «Гайавата»? Как будто бы в метре суть дела³?

Да, Вы правы, «в литературе все может быть» — это теперь формула и для отношений между литераторами, и для рецензий.

Вот и моя история с К[орвин-]П[иотровским], собственно говоря, из чего возникла?

Первое, что мне больше понравились «Г[урилевские] р[омансы]», чем его поэмы.

Второе — что мне не понравился стиль его рассказов.

А какая вражда и какие упреки!

Впрочем, сейчас эта история как будто ушла в прошлое.

Но остался неприятный осадок.

Мне стали противны всякие «встречи и собрания», перестал на них бывать и сохранил отношения только с немногими. И «вечер» посещать не хочу, и никаких «антологий» больше!

В связи с юбилеем Толстого перечитываю сейчас его статьи, касающиеся искусства, о Шекспире и т.д. Как неверно судит он о символистах и декадентах, особенно французских, о Бодлере, Верлене, Малларме и т.д.

Имел также столкновение с Адамовичем.

Прислали в «Р[усскую] м[ысль]» брошюру Чернова «Толстой и церковь» — собрание всех высказываний Т[олстого] по этому поводу, + 39 глава «Воскресенья» и текст отлучения — Синода. И Т[олстой] в лапах дьявола — на росписи в одной церкви.

Я эту брошюру разобрал — нашли время вспоминать такие высказывания Т[олстого] — и процитировал, между прочим, несколько пассажиров из 39 главы.

Адамович пришел в ужас: теперь, к юбилею, читатели могут подумать, что... а на самом деле — отношение Т[олстого] к религии сложнее и т.д.

А глава, действительно, настолько полна самого дубового нечувствия, что просто страшно, как Т[олстой] мог это написать, в таком тоне. Но раз такая брошюра издана — как раз к юбилею, — то, мне кажется, нужно об этом сказать...

А так, пока, кроме выхода «Веры»⁴ (В.Фигнер — сейчас — о В.Фигнер!), поэмы Анны Присмановой и выходящей книги И[рина] В[ладимировны] «Десять лет»⁵ — других новостей нет.

И[рина] Н[иколаевна] и я шлем наш привет Вашей супруге и Вам.

Ваш Ю.Терапиано

И[рина] В[ладимировна] написала (под именем А.Луганов) статью о «Г[урилевских] р[омансах]»⁶ в «Современнике» Страховского в Канаде.

¹ Юрий Павлович *Одарченко* (1890-1960) — поэт.

² Свою рецензию О.Анстей завершала словами: «После первого сборника мы были вправе ждать от Маркова чего-то более цельного и менее расплывчатого, чего-то гармонически разрешающегося, а не оставляющего чувство недосказанности и неразрешенности» (Анстей О. «Гурилевские романсы» // Новое русское слово. 1960. 18 сентября).

³ О.Анстей назвала ритм «Гурилевских романсов» «гайаватовским». По ее мнению, «хуже получается, когда Марков сбивается с этого "гайаватного" тона и впадает (очевидно, вспомнив про свой пиетет перед Георгием Ивановым) в совершенно чуждую и неприсущую ему манерку зарубежных парижских "мэтров", которую хочется назвать, по меткому выражению нашего русского "слэнга", — "неглиже с отвагой"» (Там же).

⁴ Присманова А. Вера: Лирическая повесть. Париж: Рифма, 1960.

⁵ Одоевцева И. Десять лет. Париж: Рифма, 1961.

⁶ Луганов А. О сборниках издательства «Рифма» // Современник (Торонто). 1961. №2-3.

Дорогой Владимир Федорович,

Бедный Гингер (муж А.Присмановой) говорил, что до сих пор получают книги и письма для Присмановой, даже поздравления

к праздникам... Он очень тяжело переживает потерю жены и утешается религией — Присманова была христианкой.

Одарченко покончил самоубийством: взял в рот трубку от газа и надышался. Его вовремя увидели, повезли в госпиталь и там его «откачали». Он лежал в госпитале больше 2 недель, но умер, т.к. от газа у него сделалось что-то с легкими.

Был он уже немолодым, лет за 60, имел жену, 2-ю, с которой не жил, и дочь (кажется, и сына от первой жены).

У него была наследственная душевная болезнь и алкоголизм; периодически он заболел нервным расстройством, «сидел» в клинике, затем выходил — и снова через год, а то и раньше, попадал опять в госпиталь.

Мне говорили, будто в госпитале Одарченко жалел, что его спасли, хотел умереть, «т.к. жить невозможно».

«Антологию» в «Гранях» составлял, конечно, не легко.

Самое трудное — «те, кого нельзя выключить», — общая беда всех составителей.

Теперь Тарасова выпустит отдельным томиком «А[нтологию]» под названием «Муза Диаспоры»¹, с добавками — можно было добавить только 32 стихотворения.

Несмотря на то, что поэтов много и есть новые, никто в Америке (в «Н[овом] р[усском] с[лове]») на «антологию» не откликнулся — видимо, их интересуют только «свои», но и «свои» же есть!

Книги, изданные до войны, «парижан» все исчезли — вероятно, книжники спрятали «для будущей России» впрок, т[ак] ч[то] сами авторы не имеют зачастую ни одного экземпляра.

У Струве, думаю, есть много, но не всё, он часто отсутствовал из Парижа, особенно в предвоенные годы.

Если смогу чем-либо быть Вам полезен в этой области — мой «Архив» к Вашим услугам.

Был вечер Толстого. Говорили Адамович и Степун; Адамович — как всегда — удачно и хорошо о Толстом-писателе и о его личности², Степун же занялся религиозным препирательством с Т[олстым] — получилось «не юбилейно».

Тема о Т[олстом] неисчерпаема и огромна, а юбилей — опаснейшая вещь. Поэтому я не высказывал своих соображений о Т[олстом], а просто, с небольшим комментарием, напомнил то, что говорил он — о поэзии, о писателях и т.д. Мало кто из читателей помнил слова Т[олстого] — получилось «ново».

А о религиозном ощущении Т[олстого] у меня возникла одна идея, только очень трудно ее объяснить так, чтобы «поняли» то, как я понимаю. Об этом еще поговорим как-нибудь.

Ваше настроение мне не нравится. «Тупик», в сущности, был и есть всегда, это обязательное условие и в 19, и в 20, и в других веках среди «скучных песен земли», поэтому, как ни трудно, необходимо время от времени слушать внутренне «песню небес», т.е. вспоминать «о том».

И я, и И[рина] В[ладимировна], в сущности, находимся в некоем «Мертвом доме» или в каком-то «кругу» (помните ее стихотворение в «Н[овом] ж[урнале]» — «телевизион шумит в пустынном зале...»), а в современном «Париже» (русском, литературном) новые люди и каменный век. С огромным трудом, напоминая друг другу — то я ей, то она — мне, о «звучах небес», стараемся все время держаться в «своей атмосфере». Это не легко — и как-то страшно становится иногда, настолько демонское в людях перевешивает «искру». У Вас — «внешняя среда» и «работа» иные, но лишь по форме, по существу — то же: «мне ложе стелет скука...»³

Вот, «распроповедался» — но все же тут есть доля правды и хотелось бы Вас расшевелить на... стихи.

Ирина Николаевна и я шлем наши добрые пожелания к Новому году и наступающему Празднику Рождества Христова Вашей супруге и Вам.

С сердечным приветом Ю.Терапиано

¹ Муза диаспоры: Избранные стихи зарубежных поэтов: 1920-1960 / Ред. Ю.Терапиано. Франкфурт: Посев, 1960.

² Текст выступления Адамовича вскоре был издан отдельной брошюрой «на правах рукописи»: Адамович Г. Толстой: Речь на собрании в Париже 3-го декабря 1960 года. Париж, 1960.

³ Из стихотворения И.Анненского «О нет, не стан...» (1906).

Дорогой Владимир Федорович,

Охотно отзовусь о Вашей статье — и о других, если нужно, в «Русской мысли», раз это для Вас, по мнению Струве, может иметь значение, пришлите текст (по-английски).

От Струве я пока не получил ничего.

«Воздушные пути» жду с особенным интересом, т.к. хочу в конце мая или в начале июня прочесть об О.Мандельштаме.

Слышал, что в Мюнхене должно выйти собрание сочинений Вл.Ходасевича — вероятно, стихи.

У нас как-то очень беспощадно относятся к покойникам: о Ходасевиче — почти никто не вспомнил к 10-летию со дня его смерти, теперь — об Иванове тоже установилось молчание. Сбор на перенесение его тела — совсем не удался — нужно с этим начать бороться.

Я решил вспомнить об О.М[андельштаме], затем о Ходасевиче и об Иванове, а то — везде Пастернак, всюду — Пастернак, всегда — Пастернак. Просто читать уже стало невыносимо!

И[рина] В[ладимировна] получила Вашу статью¹ о «Десять лет» в «Н[овом] р[усском] с[лове]» и дала мне ее прочесть.

Она очень довольна.

Я хотел бы прочесть ее еще раз — прежде чем высказать мнение, но в общем — многое хорошо. Только к концу я бы не говорил о «непонятности» — лучше где-нибудь раньше, выше, т.к. последние слова, последняя фраза читателям всегда запоминаются (об этом я не говорил И[рине] В[ладимировне] — говорю Вам только).

Статьи у меня нет под рукой, она ее унесла.

Судьба осчастливила Лос-Анджелес присутствием дюка де Корвин, потомка «славы европейской, венгерской и иных корон». Из Парижа он отбыл как-то стремительно, забыв попрощаться со многими, кажется, были новые причины для такой стремительности — спасение сына от отбывания воинской повинности.

Желаю дюку всяких дюкальских успехов, вплоть до творческого умножения мифа и о моей личности.

Впрочем, критическая деятельность все время создает мне новых и новых «друзей», т[ак] что скоро и мне нужно будет перебраться куда-нибудь в Новую Гвинею.

Людоеды, впрочем, сейчас в моде, и представители их «государств» встречаются с почестями не меньшими, чем другие представители.

Что делает С.М.Лифтон?

Помнится, Вы возлагали на него частичные надежды в меценатском смысле.

Вот мне и пришло в голову: что, если б И[рина] В[ладимировна] послала ему книгу с рисунком (она делает очень интересные рисунки в книге — на белой странице) — мог бы он в ответ послать ей какое-то количество долларов?

Или нужно сделать иначе — как?

В материальном смысле я не обладаю ни находчивостью, ни умением, поэтому никаких комбинаций придумать не могу.

Огорчает меня «анненское» настроение, порой находящее на Вас; — мне помогает идея «открытости расширенной жизни»,

т.е. та, что мое я (физическое) *сейчас* — только «один день», временное мое «лицо», а следовательно, есть выход и возможность исправить.

Без более широкого экрана — жизнь неминуемо превращается в абсурд — вынырнув из «ничего», идти в «ничего» через какой-то эфемерно короткий срок «жизни» — прямо ад какой-то!

Сознание моих достопочтенных предков — эллинских философов, выработывавших «истины учения Православной (тогда — вселенской) церкви», этих трещин еще не улавливало, почему и соединяло преемственно греческие и иудейские идеи в одно целое, им казавшееся безупречно ясным.

Есть формула: «Кем ты хочешь быть в этой жизни, тем ты будешь в следующей», но нужно прибавить: «а тем, какой ты есть сейчас, ты хотел быть в предыдущей».

Ну, Бог с ней, с восточной философией!

Поздравляю Вас с супругой с наступающим праздником Пасхи и желаю всего доброго.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Марков В. Десять лет Ирины Одоевцевой // Новое русское слово. 1961. 19 марта. Терапиано также отозвался рецензией на книгу Одоевцевой: Терапиано Ю. Новые книги // Русская мысль. 1961. 11 марта. №1654. С.6.

Дорогой Владимир Федорович,

Получив брошюру о стихах Чехова¹, написал о ней² и вырезку прилагаю. Если заметка о брошюре нужна не Вам, а Струве, это дела не меняет.

Сегодня получил письмо от 80-летнего читателя: возмущен, что Вы считаете возможным писать о стихах Чехова, а о Бунине говорите, что «некий потолок» и т.д.

Боже мой, как гг. читатели воспринимают иногда то, что написано, и вкривь, и вкось!

Ходасевич еще не вышел, «В[оздушных] путей» тоже здесь еще не видно.

Кстати, очень Вам по душе Ходасевич?

У него замечательная техника, много мысли, но нет музыки, он думает в стихах — думает очень остро, но Иванов, например, куда мне ближе своим бормотаньем: «Белая лошадь идет без уздечки...»

Корвинус (Corvinus — ворон) блесит, видимо, сейчас в Лос-Анджелесе, как новый гривенник; пройдет время — покажет свой характер. Впрочем, желаю ему, как говорится, всякого успеха — подальше от нас.

Я говорил И[рине] В[ладимировне] о том, чтобы она послала книгу Лифтону, чего пока не сделано, была занята своим вечером, который в пятницу 21/IV прошел хорошо.

Но то, что Вы говорите о повадках Лифтона, мало утешительно. Одни люди — способные много сделать — не имеют возможности, а имеющие возможности — не делают.

Поэтому, мне кажется, никакие «планы» с Лифтоном не удадутся.

Книги Чиннова еще не читал (буду писать в конце мая и тогда прочту сразу), а издана она действительно хорошо, даже роскошно, — нужна ли такая роскошь для поэта?

Читали ли Вы в книге 63 «Н[ового] ж[урнала]» повесть А.Кторовой «Кларка-террористка»³?

Вейдле ее превознес; талантливо, но стиль слишком вульгарен, «кот накакал», например, полностью.

Надеюсь, что Ваши хлопоты с домом благополучно придут к концу.

Когда устроитесь — пришлите при случае фотографию.

А у меня в 1926 г. был тоже «Новый дом», погиб на третьем номере и теперь библиографическая редкость. Там у меня была первая моя в жизни критическая статья⁴ о Ходасевиче и Пастернаке, перечел бы с удовольствием, но комплект погиб во время войны.

Желаю Вам всего доброго.

Ваш Ю.Терапиано

P.S. Какое у Вас официальное звание в университете? — Написал: Pr⁵.

¹ Марков В. О стихах Чехова // Антон Чехов, 1860-1960. Leiden, 1960. С.136-146.

² Заметку о брошюре Маркова (точнее, это был оттиск статьи) Терапиано опубликовал в «Русской мысли» (1961. 22 апреля).

³ Кторовая А. Кларка-террористка // Новый журнал. 1961. №63. С.7-59.

⁴ Терапиано Ю. Два начала в русской современной поэзии // Новый дом. 1926. №1. С.21-31.

⁵ Принятое в США сокращение слова professor.

Дорогой Владимир Федорович,

Исполняя Вашу просьбу, мы с Ириной Владимировной (она лучше знает Анненкова¹, чем я) написали ему письма по поводу портрета и вчера получили следующий ответ: «Мой портрет Хлебникова находится не у меня, а в одной частной коллекции, в Лионе. По счастью, у меня сохранился прекрасный печатный оттиск этого портрета. Этот оттиск я сегодня же вышлю по адресу В.Ф.Маркова (я, Ю.Т[ерапиано], дал ваш университетский адрес Sl.D.). Рисунок был сделан пером, и потому клише придется делать самое простое: штрихованным.

Насчет "безвозмездности" — ну что же, пусть будет безвозмездно. Единственное, что я хотел бы получить в качестве гонорара, это 2 авторских экземпляра книги. Кроме того, под рисунком следует набрать: "портрет работы Юрия Анненкова" или "рисунок Юрия Анненкова". C'est tout...»

Обратите, пожалуйста, внимание на эти пожелания Анненкова: 2 экземпляра и подпись под рисунком.

Вот Вам, на всякий случай, его имя-отчество: Юрий Павлович, и адрес: 31bis, Rue Campagne-Premiere, Paris XIV-e.

Вдохновившись Вашим примером и получив случайно (в изд. «Библиотеки поэтов», Ленинград) томик Хлебникова, стал писать статью о нем для «Р[усской] м[ысли]».

17 июня буду читать об О.Мандельштаме.

В парижской литературной жизни — все то же.

Шлю Вам сердечный привет.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Юрий Павлович Анненков (1889-1974) — художник.

Дорогой Владимир Федорович,

Рад, что удалось с рисунком. Анненков оказался любезным. «Воздушные пути» я получил вовремя — к моему докладу об Осипе Мандельштаме 17/VI, который прошел хорошо.

Какая трагедия в «воронежских стихах» О.М[андельштама]! Я прочел выдержки из Вашего письма И[рине] В[ладимировне] — те, где Вы говорите о Георгии Иванове, — она была очень тронута.

Да, для меня тоже Мандельштам перевешивает «на весах» Пастернака — и на много.

Я было (по моей всегдашней отвлеченности) написал о стихах В.Набокова¹ (в рецензии о «В[оздушных] п[утьях]»²) *то, что думаю*, т.е. очень отрицательно: и ухо плохое — какофония в первом, а во 2 — наглость. И[рина] В[ладимировна] вовремя схватила за руку (сказал ей об этой рецензии): «Что, хотите иметь второго Корвин-Пиотровского, только более авторитетного, знаменитого и богатого?! Да он... Жоржа чуть не съел за ту рецензию, давно, в "Числах"³, когда еще был не так знаменит и богат!!!» — В общем, сознаюсь, отступился от «журнальной драки», т.к. еще раз «разводить опиум чернил слюною бешеной соки» не хочу, черт с ним! А жаль!

Так нахал и будет торжествовать со своей мраморной рукою!

Видел сегодня во сне Ходасевича — сказал, что у него есть в таком-то стихотворении недостатки, а когда Х[одасевич] спросил, какие — не мог объяснить, забыл... сон критика. Вероятно, скоро получу его стихотворения в издательстве ЦОПЭ.

Удивляет меня, почему К[орвин-]П[иотровский] так много «всем-всем» рассказывает о своем роде?

В дворянской среде доброго старого времени много говорить о своих родословных считалось дурным тоном, о происхождении думали, когда нужно было определять сына в Пажеский корпус или выдавать дочь замуж.

То, что я написал о русской статье, а не о книге по-английски — плод недоразумения («Стихи прозаиков» В.М[аркова]⁴).

Постараюсь исправить при случае эту ошибку, т.е. написать и об английской книге — примерно осенью, когда «о статье» Водов забудет и будет считать «новой книгой» английскую.

От Лифтона чека до сих пор нет — видно, «пообещал — пообещал и раздумал». Ах, капиталистическая акула!

А Георгий Иванов как раз к концу дал *maximum* лучшего, Мандельштам же кое-где все же не тот, в его положении, правда, любой срыв был бы притетен. В новейшей эпохе М[андельштам] и И[ванов] отделяются от всех, кто может с ними конкурировать?

Как Ваш новый дом?

У меня в 20 гг. был «Новый дом» — журнал, три первых (и последних) №№ которого нигде не могу найти, а мои экземпляры зачитала Зин. Гиппиус.

Желаю Вам всего доброго.

И[рина] Н[иколаевна] и я шлем привет Вашей супруге и Вам.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Два стихотворения В.Набокова — «Минуты есть: "Не может быть", бормочешь...» и «Какое сделал я дурное дело...» были опубликованы во втором номере «Воздушных путей» (1961. №2. С.184-185).

² Терапиано Ю. «Воздушные пути». Вып. II. // Русская мысль. 1961. 24 июня. №1699. С.6-7.

³ Числа. 1930. №1. С.233-236.

⁴ Марков В. Стихи русских прозаиков // Воздушные пути. 1960. №1. С.135-178.

62

15.VII.61

Дорогой Владимир Федорович,

Ю.П.Иваск пишет мне: «непременно пошлите статью о Хлебникове В.Маркову, он собирает все, что появляется о Х[лебникове]».

Хотя статья моя носит газетно-информационный характер, все же исполняю желание Юрия Павловича и посылаю Вам статью — несрочной, «обыкновенной» почтой.

Надеюсь, что у Вас все благополучно и шлю Вам сердечный привет.

Ваш Ю.Терапиано

63

16.VIII.61

Дорогой Владимир Федорович,

Присланный Вами Лифтоновский чек очень сейчас пригодится Ирине Владимировне — она очень благодарит Вас, — просит меня передать ее благодарность Вам потому, что сама сейчас писать не может. (Помнится, Лифтон хотел послать *ей* чек через меня, так? Но даже если не так, чек все равно следует отдать И[рине] В[ладимировне] сейчас, она так больна).

У нас во Франции каникулы — «uber alles!» Доктора все в разъездах, посылают к заменяющим, а заменяющих, в свою очередь, нет — так, вот уже 8 дней, И[рина] В[ладимировна] не может добиться назначенной ей *специальной* радиографии уха (в обыкновенном кабинете сделать нельзя, нужен специалист). Сегодня поиски будут продолжаться, а с субботы по вчерашний день — праздники, и Париж совсем пуст, — ничего нельзя было сделать.

А у И[рины] В[ладимировны] температура и в обоих ушах скверный процесс, м.б., гной, так что дело может кончиться операцией. Три врача — говорят разное; остановилась она на третьем, ассистенте знаменитости. Он уедет 20/VIII, радио должно быть готово раньше.

И[рина] В[ладимировна] измучена и физически, и морально — грозит потеря слуха — не весело; к тому же каждый визит — 2000 фр., лекарства — в пропорции...

Друзья приняли меры, собрали здесь и в N.Y. кое-что, но все это тает и тает, т[ак] ч[то] лифтонское подкрепление пришло как раз кстати.

Кто официально должен благодарить Лифтона — я или И[рина] В[ладимировна], каков адрес, имя-отчество? Очень буду благодарен, если ответите на этот вопрос, т.к. благодарность нельзя отдавать в долгий ящик.

Статью о Хлебникове я писал по советским источникам — и о Крученых и др. воспользовался их данными — значит, «они» переврали кое-что или не знали. Впрочем, деталь о том, когда присоединился Крученых, важна лишь для научной статьи, а не для газетной, но все же я зол на источник.

Мне очень бы хотелось иметь точные данные о тех, «новых критиках 30-летней давности», которыми ошеломляет нас Берберова. Я и так удивился (хотя не в курсе новейшей *американской* критики и американского «нового искусства»): *ведь здесь все это давно вчерашний день*, т.е. «новое». А Берберова заодно отменила *всю* русскую поэзию, забыв о том, что у нас «новая поэзия» была раньше, чем у французов, в начале 20-х годов я был свидетелем, как они постепенно открывали наших футуристов, «ничевоков», имажинистов и т.д.

Что же касается «Н[ового] р[усского] с[лова]», в нем просто мерзость и дрянь.

Валентинов огаживает Блока, Рафальский утверждает, что «чистое искусство» сейчас не нужно, и заодно *недопустимо* оскорбляет Чиннова, г. Большухин, превознося «своих» («*все поэты новой эмиграции чрезвычайно талантливы*», «Буркина как гения»), походя не умеет ничего сказать о хороших здешних поэтах — и т.д.

Присоединить бы к ним еще К[орвин-]П[иотровского] со статьей на тему «Я и Т[ерапиано]»!

Получил от Дукельского¹ длинное письмо, на которое отвечу.

Дукельский как будто человек «прежнего мира» и прежних обычаев — посмотрим, каков он будет при дальнейшем знакомстве.

Знаете ли Вы журнал (1928 г., Париж) «Новый корабль»? Это было столь же недолговечное продолжение «Нового дома».

Я уже съездил к морю в Дьерре на 7 дней, а сейчас сам плох: началась какая-то гадость с кровообращением (?) — «качает», приливы к голове, головокружение — наш доктор доискивается, от чего это? А я чувствую себя гадко и с трудом начал опять писать статьи и снова на год «запрягся в работу».

Желаю Вам всего самого доброго и хорошего отдыха.

Ваш Ю.Терапиано

Статьи по-английски о поэмах Х[лебникова]² Вы мне не прислали.

¹ Владимир Александрович *Дукельский* (1903-1965) — композитор, писавший популярные песни под псевдонимом *Vernon Duke*. В 1960-х опубликовал четыре сборника стихов.

² Эту работу Марков выпустил вскоре отдельной книгой: *Markov V. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1962.* Терапиано написал рецензию на это издание: Терапиано Ю. Большие произведения В.Хлебникова // Русская мысль. 1962. 3 ноября.

Дорогой Владимир Федорович,

Ирина Владимировна находится сейчас в казенном госпитале в Luchon, где лечит уши и горло, — по ее словам, «до ужаса усердно, с утра до вечера». Расходы — в основе казенные, но есть и падающие на пациента: «за все надо доплачивать и всюду давать на чай — за ванну, за полоскание носа и горла, за аэрозоль — мои 15 тысяч уже растаяли».

И[рина] В[ладимировна] там будет до 10-12/Х, если не задержат врачи дольше. Но лечат там, видимо, серьезно, и можно надеяться, что И[рина] В[ладимировна] вернется из Luchon в полном порядке и сможет писать — из-за болезни она месяца три почти ничего не писала.

Я спросил ее о книге Г.И[ванова]¹ — «Книги Жоржа у меня нет. О том, как он писал ее, можно прочесть в "Современных записках", кажется, 30 года, "Гумилев"². Конечно, все в ней совершенно точно, он составил ее еще в Петербурге, где у него были все материалы».

В прошлом письме я писал Вам, что получил от Лифтона перевод (сделанный Вами), и спрашивал Вас, нужно ли его бла-

годарить, и кто — я или И[рина] В[ладимировна] должны это сделать, а также его имя-отчество и адрес.

На этот вопрос Вы мне не ответили.

«Новый корабль» (1927-1928) — вышло 4 №; до него — был «Новый дом» (1926-1927) — вышло, если не ошибаюсь, три выпуска. Я дал мой комплект во время войны, т.е. в 1939 году Зинаиде Гиппиус, а затем Злобин дал его проф. Петру Ковалевскому³ — так и пропал...

Мне очень бы хотелось прочесть мою первую в жизни статью о поэзии Б.Пастернака и Вл.Ходасевича в №1, но здесь даже в «Доме книги» нет «Н[ового] дома» — библиографическая редкость (спрятан?).

Получил и книгу, и посылки Дукельского. Брюки — «не очень» — осчастливили четырех стариков, а пальто, с некоторыми поправками, вероятно, смогу водрузить на себя — и то хлеб!

Я поблагодарил Д[укельского] за посылки в ответе на его письмо, где были и стихи его. Книгу же Водов (для отзыва) находит слишком старой и здесь не известной — если б по-французски — другое дело. А написано интересно.

Дукельскому об этом не писал — м.б. еще и «уломаю» В[одова].

Но не думаю, чтобы наши отношения установились: «les amis des nos ennemis sont nos ennemis»⁴, как говорят французы.

Кстати, о Корвине.

Месяц назад, примерно, один читатель пишет мне: «а где я мог бы познакомиться с произведениями Курвин-Пиотровского?»

Недурно? Избави Бог от таких читателей.

А в «Н[овом] р[усском] с[лове]» его набирали «Коровин-Пиотровский».

Смоленский, которого питают искусственно, поддерживая также особыми впрыскиваниями, все еще борется с болезнью.

К нему давно уже никого не пускают, время от времени жена его извещает друзей о нем. Какой мучительный конец — а поэт он талантливый, его стихи звучат.

Вышла новая книга Б.Зайцева «Тихие зори», рассказы разных лет, в издательстве ЦОПЭ — «Товарищество зарубежных писателей».

Как был бы доволен и польщен Гумилев, если б узнал, что профессор Барановский пишет работу по его метрике!

А при жизни Гумилева считали «ничего себе поэтом», а футуристы — «бездарностью».

Хотелось бы посмотреть то, что скажут о теперешних гениях и «ничего себе» — если вообще скажут.

А так, в Париже — уже осень — помните «Осень» Бодлера? Желаю Вам всего доброго и не забудьте, пожалуйста, что делать с Лифтоном и кому.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Речь идет о книге Г.Иванова «Петербургские зимы».

² Иванов Г. О Гумилеве // Современные записки. 1931. №47. С.306-321.

³ Петр Евграфович *Ковалевский* (1901-1978) — историк, общественный деятель.

⁴ Друзья наших врагов тоже наши враги (*фр.*).

65

22.X.61

Дорогой Владимир Федорович,

Спасибо за адрес Лифтона.

Я узнал его имя-отчество (Семен Михайлович) и поблагодарил его, указав, что чек передал больной О[доевцевой].

И[рина] В[ладимировна] захотела ему написать тоже.

Все это — за «прошное» и без больших надежд на «будущее».

Но почему Лифтону не издать бы сборник стихов?

Кстати, на Лифтона в «Н[овом] ж[урнале]»¹ мне указывала И[рина] В[ладимировна] — у нее была интуиция.

И[рина] В[ладимировна] возвратилась 14/X из Luchon в хорошем виде: лечение пошло ей на пользу, она стала слышать даже на больное ухо, отдохнула морально от перемены мест (Luchon на испанской границе, горы, чудный пейзаж), съездила на несколько часов на автокаре в Испанию — и очень довольна.

Собирается писать (давно уже заказанные ей «Мостами») воспоминания о Петербурге 1919-21 гг. и стихи.

Боюсь, однако, что атмосфера «Дома» и парижский климат опять скоро смоят с нее все приобретенное в Luchon.

Доктора сказали, что надо опять пройти повторный курс лечения в следующем сезоне — есть впереди «светлая точка».

Буду очень благодарен Вам за фотокопию моей статьи в «Новом доме» о Вл.Ходасевиче и Пастернаке — забыл, как она называется. Получил книгу стихов Х[одасевича]², изданную только что Берберовой, — охватила меня атмосфера прошлого.

С 1925 г. по самый момент погребения (нес, с другими, гроб) целая эпоха жизни связана у меня (как и у Смоленского, Раевского

— других «перекресточников»³) с Ходасевичем. Учились у него, вместе переживали разные свои и его «драмы», веселились и ссорились... потом помирились.

У меня было особенно сильное столкновение с ним — из-за Мережковских (хотел он, чтоб я к ним не ходил) и за то, что я написал хороший отзыв о «Розах» Г.Иванова в то время, как он с ним был в большой ссоре...

Читаю стихи: да, замечательный мастер, остро-найденная тема, но... «все плохо», все — «мой тихий ад», все — «гадкая пародия» («звезды») и т.д., но *чем дышать?* куда дальше идти? Немудрено, что он «задохнулся» в самом себе и перестал писать в 1918 году.

Здесь причиной — не только убийственная статья о его поэзии Г.И[ванова] («В защиту Ходасевича» в «Последних новостях»), но и сам Х[одасевич] понял, что дальше он может только себя повторять.

Коснулся в моей статье этой трагедии, лишившей нас многих хороших стихов, которые он мог бы написать.

Берберова будет недовольна (сама бы его не мучила и не бросила!), но не писать же мне плоской и казенно-похвальной статьи, как написал в «Н[овом] р[усском] с[лове]» Завалишин?..

Жаль, что Вы так далеко и так заняты.

Недавно мне пришлось разрушить миф о том, что мы «долгие годы» были неразлучными друзьями — уж где там до «неразлучных», ну а друзьями, конечно, по переписке, мы стали.

Начинаются «вечера».

В субботу 28/X пойду на чтение Вл.Злобина — о Мережковском, «Зеленой лампе» и о «воскресеньях» — Злобину, как никому, в этом вопросе «книги в руки», если только не начнет врать, впрочем, в публике будут сидеть живые свидетели.

Иваск почему-то записался в «Возрождение», с Леонтьевым⁴, — нашел подходящее место!

Там, между прочим, уверены, что народ в России только и ждет монархии, которая будет «через десять лет». (Такие разговоры велись в Константинополе и в парижских русских ресторанах в начале 20-х годов.)

Вот и все «парижские новости». Смоленский еще жив. Ирина Николаевна и я шлем Вашей супруге и Вам наши приветы.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Семен Михайлович Лифтон опубликовал в «Новом журнале» три стихотворения: «Я от Родины так далеко...» (1959. №57), «Родине» и «Я в лес хожу, как будто собирая...» (1959. №58. С.114).

² Ходасевич В. Собрание стихотворений / Ред. и пред. Н. Берберовой. Мюнхен, 1961.

³ Имеются в виду участники литературной группы «Перекресток» (Париж, 1928-1939), мэтром которой был В. Ходасевич.

⁴ Работа Ю. Иваска «Константин Леонтьев» публиковалась в журнале «Возрождение» с 1961 по 1964.

Дорогой Владимир Федорович,
«D.Otzoupe» — это вдова Н. Оцупа, Диана Александровна, бывшая «звезда» *немого* кинематографа «*Диана Карэн*».

Оцуп, влюбившись в нее — и затем женившись, стал писать «для нее и о ней» — и писал много хуже, чем раньше.

Она же, играющая теперь роль «вдовы Н. Оцупа», включила в собрание стихов¹ все о себе (особенно т. II) и *не включила* много хороших стихов додиановского периода, чем понизила уровень. Не захотела предисловия Адамовича (естественно, он с 1918 г. дружил с Оцупом и помогал ему литературно), а взамен поместила мудрое письмо (для печати не предназначавшееся) К. Померанцева: «отчего умер Оцуп? — Оттого, что пришла смерть...» (вроде этого).

О пожаре читал и думал — далеко ли Ваш дом.

Хорошо, что он не сгорел.

До сих пор не получил из Германии того Вашего сборника², о котором Вы пишете.

Покажу его Ирине Владимировне и затем С. Ю. Прегель.

И[рина] В[ладимировна] занята своей книгой воспоминаний³ — от 1918 г. до сего дня — написано уже 4 толстых тетради, я еще не читал, но, видимо, будет очень хорошо, И[рине] В[ладимировне] вообще удается этот жанр (Ремизов с хвостом, об Оцупе и Мандельштаме, что было в «Н[овом] ж[урнале]», в рецензии о книге Кодрянской⁴ и в «Р[усской] м[ысли]»).

Не стоит, если это требует затраты времени и усилий, заниматься «Н[ашим] домом», я просто хотел, при случае, бросить взгляд назад, а содержание, должно быть, порядочная чепуха.

Очень расстроились мы с И[риной] В[ладимировной] по поводу смерти Смоленского⁵.

И в моей литературной жизни до войны, и в ее — после войны, Смоленский занимал свое место.

Не весело терять хотя бы только литературных сверстников — с ним было связано много общих событий и дел, целая эпоха.

А умер он удивительно кротко и спокойно, хоть и знал, что умирает, и задолго до того лишился речи.

Царство ему небесное! — еще один поэт, стихи которого звучали, пели, ушел, скоро совсем не останется «парижан», т[ак] что желающие (по Рафальскому) могут занять все места первых и сверх-первых.

И[рина] В[ладимировна] на днях спрашивала о Вас — Вы ей, кажется, давно не писали?

Новостей литературного порядка пока нет.

Все скучней и скучней становится в русском Париже — мы пережили свою эпоху и свою «страницу истории» и теперь должны кончаться.

И[рина] Н[иколаевна] и я шлем Вашей супруге и Вам наш привет, Ирина Владимировна — свой.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Оцуп Н. Жизнь и смерть: Стихи 1918-1958 гг. Т.1-2. Париж, 1961.

² Вероятно, ранний сборник переводов Маркова «Американские новеллы» (Regensburg, 1948).

³ По словам И.Одоевцевой, ее воспоминания, публиковавшиеся сперва в эмигрантских газетах и журналах, а позднее вышедшие двумя отдельными томами: «На берегах Невы» (Вашингтон: Камкин, 1967) и «На берегах Сены» (Париж: La Presse Libre, 1983), «своим появлением на свет обязаны исключительно Юрию Константиновичу Терапиано» (Одоевцева И. На берегах Сены. М., 1989. С.5).

⁴ Рецензия Одоевцевой на книгу Н.Кодрянской о Ремизове была опубликована в «Новом журнале» (1960. №61. С.296-302).

⁵ См. некрологическую статью о Смоленском: Терапиано Ю. Памяти поэта // Современник (Торонто). 1962. №5. С.25-29.

Дорогой Владимир Федорович,

Однострочные стихотворения получил, показал их Ирине Владимировне и затем, как Вы хотели, передал их С.Ю.Прегель, которая перешлет их Вам. Предисловие Ваше очень интересно и самая форма — тоже.

Во многих Вам удалось достичь выразительности, кое-что («мальчишку отвели в сортир») и т.п. — мне не по душе.

Невольно приходит на ум китайский и японский принцип краткой поэзии.

У китайцев: в пяти словах выразить 1) философскую мысль; 2) любовное чувство и 3) картину природы.

Однострочные стихотворения сродни им.

Вышло много книг: «На Парнасе серебряного века» С.К.Маковского, «Ад» в переводе Б.Зайцева¹.

Сличал тексты — смысл и интонации Данте в ритмической прозе куда лучше, чем в стихотворных переводах, а *стиль* и звук, конечно, пропадают.

— И как устарел Данте! Ну, кому сейчас скажет что-либо (кроме *поэтических образов*) его ад, черти, физические муки и все те люди, с которыми Д[анте] сводил счеты?

Лишь Паоло и Франческу, да еще Уголино, мы можем живым чувством пережить...

А вот Гомер — вечен:

По утрам читаю Гомера,
Мяч взлетает в руках Навзикаи...

Что у Вас хорошего?

У нас холода и «вечера памяти» — все о мертвых, в обстановке зимней смерти природа — тут, пожалуй, «Ад» ближе, чем «Одиссея»!

Желаю Вам всего самого доброго, прилагаю поздравление Вашей супруге и Вам с Н[овым] Г[одом] и с праздниками.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Маковский С. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен: ЦОПЭ, 1962; Данте. Божественная комедия: Ад / Пер. и пред. Б.Зайцева. Париж: YMCA, 1962. Рецензия Терапиано на книгу Маковского была опубликована в канадском «Современнике» (1963. №7. С.87-89).

Дорогой Владимир Федорович,

Я только что перенес «новую» болезнь: «virus» в левом легком, с очень высокой температурой, и теперь «поправляюсь» — очень еще слаб.

К счастью, заболел я через два дня после моего вечера, который был 16 июня, а не до него.

Вечер прошел очень удачно морально и материально, публики было очень много, собирався поехать к морю в Дьерре, а вместо этого — слег...

Читал я обо всех умерших поэтах эмиграции — «Судьба поэтов»: — получилась такая трагическая картина, что невольно начинаешь ужасаться: Гронский¹, 24 лет, «надежда» — первая жертва «Зловещей сей цевницы» — погиб, раздавленный поездом; 2-я — Поплавский (отравлен); Ходасевич — литературное самоубийство (бросил писать) + мучительная смерть; Цветаева — повесилась — и т.д.

Маковский умер тихо — видимо, заснул — он ничем не болел, говорил с трудом по телефону, затем (днем) прилег отдохнуть на диване — и не проснулся. В его книге много интересного, но о Блоке и о Гумилеве — вздор.

Лозинского² я большой почитатель тоже, но у Зайцева, благодаря прозе — точнее. Впрочем, кому нужна точность? Разве тем, кто изучает тексты переводов...

Всякий же перевод, вообще, как говорят французы — «est une trahison»³.

Посылаю Вам отзыв о Дукельском и о Вашей статье⁴. Если Вам не трудно, передайте потом эту статью Дукельскому.

Не представляю себе хлебниковских стихов в английском переводе и очень интересуюсь Вашей работой.

Болезнь — уже почти месяц — лишила меня всех развлечений: и «приездов из Америки» (не мог видетсья с людьми), и ряда планов (сил нет писать), и, наконец, моря, к которому чувствую все притяжение моей (по отцу) «средиземноморской расы».

Прочел воспоминания Эренбурга — о Киеве, об О.Мандельштаме, о наших поэтах-киевлянах и о делах того времени — мне это все очень знакомо — напишу кое-что «к делу». Кстати, Э[ренбург] забыл одно обстоятельство — свою работу в «Осваге» (Добровольческое информбюро) в Ростове в 1919 г., где писал такие правые статьи, что даже офицеры морщились. Об этом, конечно, нельзя говорить — зачем подводить его, но «из песни слова не выкинешь»⁵.

Жена и я шлем Вам и Вашей супруге наш сердечный привет.

Ваш Ю.Терапиано

И[рина] В[ладимировна] тоже работает, болеет, сейчас — пишет стихи (новый цикл). Просит передать Вам привет.

¹ Николай Павлович Гронский (1909-1934) — поэт.

² О Михаиле Леонидовиче Лозинском (1886-1955) и его переводе «Божественной комедии» Марков отзывался очень высоко: Марков В. Запоздалый некролог // У Золотых ворот: Сборник. Сан-Франциско, 1957. С.99-105.

³ есть измена (*фр.*).

⁴ Терапиано Ю. Книги и журналы // Русская мысль. 1962. 14 июля. Имеется в виду предисловие Маркова к первой книге Владимира Дукельского «Послания» (Мюнхен, 1962).

⁵ Об этом периоде жизни Эренбурга см. публикацию: Фрезинский Б. Илья Эренбург в Киеве (1918-1919) // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 22. СПб., 1997. С. 248-338.

Дорогой Владимир Федорович,

Я чувствую себя теперь лучше и к морю все-таки съездил — это для меня единственное удовольствие — раз в год.

Принялся, как и Вы, за обычное, теперь уж нужно стараться дожить до следующего лета.

Жду Вашу книгу о Хлебникове, но боюсь, что сего поэта, которого и по-русски не всегда можно понять, по-английски мне будет читать трудно — ведь теперь, в «Доме», совсем у меня нет практики, да и годы — язык забывается. Но, Бог даст, как-нибудь справлюсь!

Дукельский, конечно, поступает плохо, если так спешит со второй книгой!

Ему бы попробовать «стихи вообще», а не только послания.

Не все здесь одобрили и послания, слышал, что Адамович ими не очень доволен.

Дукельский, видимо, обиделся на меня за то, что я осудил его юмор: но, право же, не очень он у него острый!

Мешает и то, что читатель не знает 2/3 тех, над кем он должен смеяться... и вообще, за редчайшим исключением, эпиграммы живут не долго — кроме «специалистов», например, кому интересны сейчас даже Бунин с его эпиграммами или словечки З.Гиппиус?

Вы вряд ли читали статьи о «Музе диаспоры» — говорю не о глупой и грубой мазне Рафальского, но о статье Анстей — с Рафальским я, конечно, говорить не собираюсь.

Посылаю Вам статью «О "музе" и "ноте"».

Часть фактическая, относящаяся к Анстей только, конечно, Вам не будет интересна, но «о ноте» — иное дело.

Дело в том, что «ноту» представляют в пересказе, часто в нарочитом, — отраженную в кривом зеркале.

Прежде всего, «нота» не «парижанка», а «петербуржанка» — и довольно старая по возрасту — все это я старался показать, что-

бы, наконец, прекратить это досадное недоразумение. Вот и Дукельский тоже — на «ноту», и Моршен, в свое время, — а, собственно говоря, против чего, против кого? — Пожалуй, против себя... Ну, да оставим сейчас «ноту», и так я о ней расписался.

Новостей здесь пока не много, почти никого нет. Унылый путешественник Померанцев угощает нас в «Р[усской] мысли» своими путевыми наблюдениями, Глеб Струве пишет письма в редакцию — все в порядке!

Вчера Ирина Владимировна уехала на месяц в Luchon — долечивать уши и кое-что «новое» (увы!).

Кстати: получаем (и она, и я) очередной перевод «Фонда» + 25 дол. «по поручению С.Лифтона».

Удивление и приятное переживание, — почему он вспомнил? Но, во всяком случае, хорошо, что вспомнил. Спасибо Вам, ведь это Вы его «дали».

Послали ему, как водится, благодарность.

Очень плохо, что до сих пор никто не собрался издать книгу стихов Г.Иванова.

Собирались «Мосты», но так и не собрались.

А Смоленская уже нашла все необходимое для посмертной книги В.Смоленского².

Желаю Вам всего доброго, Ирина Николаевна просит передать Вам от нее привет.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Дукельский В. Страдания немолодого Вертера: Вторая книга стихов. Мюнхен, 1962.

² Смоленский В. Стихи: 1957-1961. Париж, 1963.

Дорогой Владимир Федорович,

Прилагаю вырезку из «Р[усской] м[ысли]»¹. Это, конечно, «отзыв», а не серьезный разбор, скорее «около», чем «по существу», но здесь большинство поэм Хлебникова, которые разбираете Вы, так и остаются неизвестными, текстов нет — куда при таких условиях углубляться!

Пролетел на мгновение Дукельский — его Софья Юльевна Прегель привела в прошлую среду в «литературное кафе» около «Р[усской] мысли».

Д[укелький] — красив (чем-то напоминает Смоленского лицом). Читал же своих стихов он столь много, и времени было столь мало (Д[укельский] спешил на другое свидание и вообще было уже поздно), что впечатление осталось поверхностное, скорее — приятное, но ни о чем не удалось поговорить серьезно.

А тут еще Д[укельский] с И[риной] В[ладимировной] занялись разговорами о сценариях...

Узнал только о Вас, что у Вас хороший голос и что Вы очень музыкальны.

Т.к. Д[укельский] записывал, «что передать в L.Angeles'e», то я продиктовал: 1) «Аристарх» — это я, а не И[рина] В[ладимировна]; 2) Зинаида Шекаразина — не псевдоним, а живое лицо; она живет на юге Франции и мне, по бабушке, доводится дальней родственницей. Хотел дать ей возможность писать, но она — увя! — сразу же наступила многим на хвосты, и по стилю ее стали принимать за И[рину] В[ладимировну] — пришлось «прекратить» (чего она мне, конечно, не простила).

3) Подтверждаю, что и сейчас подписываюсь под моим отзывом о «Гурилевских романсах», которые мне нравятся больше других стихов, о которых я тогда писал в том же фельетоне.

Жду от Филиппова² первый том Гумилева — осуществилась, наконец, моя старая идея: «долг эмиграции — издать его полное собрание сочинений».

Говорили с Д[укельским] и о положении И[рины] В[ладимировны], и о том, как дать ей возможность закончить воспоминания и иметь дактило-переписчицу.

В «домашней» обстановке И[рине] В[ладимировне] писать очень трудно, ее нужно было бы изолировать: нанять в Париже комнату, где бы она могла работать.

Каждый пансионер имеет право три дня в неделю проводить вне «Дома», если у него есть возможность.

Кроме того, И[рине] В[ладимировне] нужно обратить серьезное внимание и на свои недомогания, лечиться — и лечиться в Париже, а не у наших врачей...

Д[укельский] подошел к вопросу по-американски: «Составьте смету, я по возвращении кое-что могу сделать».

— Смету? Разве можно составить смету на «помощь»? — Комната в Париже в месяц стоит 15-20 тысяч старых франков (150-200 новых), а дактило берет по страницам. Если на 6 месяцев, то в общем, думаю, нужно долларов 500...

С.Ю.П[регель] и другие обещали образовать нечто вроде *негласного комитета* — может быть, и со стороны Д[укельского] (и Лифтона?) что-либо *реально* тоже присоединится?

Мне очень хочется, чтобы И[рина] В[ладимировна] могла закончить и «На берегах Невы» (Петербург 1919-1921) и «О, брег Сенский» — 2 тома воспоминаний об эмигрантской литературной жизни. Для последнего могу предоставить ей много материалов, писем, фотографий и т.д. (предназначенных для второго тома «Встреч», которым мне уже 10 лет *нет времени* заняться). (И[рина] В[ладимировна] и Г.Иванов погубили *весь* свой архив, когда переезжали в Нуегес и из Нуегес Х.В.).

А у И[рины] В[ладимировны] выходит очень, очень хорошо и живо, пожалуй, даже живее, чем кое-что в «Петербургских зимах».

Беда в том, что сил у И[рины] В[ладимировны] сейчас не хватает, все время болеет, а это тоже отражается на работоспособности. А тут еще всякие люди, разговоры, всякая жизненная и душевная чепуха... а живя в Доме, где есть свыше 145 человек, невозможно оградить себя от вторжения этой чепухи.

Очень интересно то, что Вы говорите «О свержении Парижа». Но сил для этого у них нет, ведь брань а la Рафальский — плохого вкуса, без чувства меры, мало что дает. Критика не может быть только ругательной, она должна быть и конструктивной, и положительной, а для этого у противников «Парижа» нет знаний, вкуса и настоящих способностей.

«Вашу книгу» — «Музу диаспоры»? — Неужели же Тарасова Вам ее не прислала? Впрочем, «Посев» очень плохо распространяет и здесь; был свидетелем, как спрашивали «Музу», а ее в «Доме книги» не оказалось, продали все, что было, а нового — не прислали от «Посева».

Рад буду встретиться с Вами в 1964 г., «е.б.ж.»³, как писал Толстой в старости.

И[рина] Н[иколаевна] и я шлем сердечный привет Вашей супруге и Вам.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Терапиано Ю. Большие произведения В.Хлебникова // Русская мысль. 1962. 3 ноября.

² Борис *Филиппов* (наст. имя: Борис Андреевич Филистинский; 1905-1991) — литературовед, критик, библиограф, мемуарист. Совместно с Г.Струве выпустил первые собрания сочинений Мандельштама, Клюева, Гумилева и др.

³ если буду жив.

Дорогой Владимир Федорович,
Поздравляю Вас с Новым Годом и Р[ождением] Х[ристовым] и желаю всего самого доброго Вам и Вашей семье.

У нас была забастовка почты, поэтому все вверх дном и горы писем.

Пишу на карточке, но не хочу откладывать поздравления. Очень люблю Моршена, потому, что совсем не знаю его и не состою с ним в переписке. Даже Рафальский не может говорить о «петухе и кукушке»! И никакой потомственный псевдоним не скажет: «как о своих пишет!» С Хлебниковым меня попутал Ходасевич, у него неясно сказано. Рад, что Ваша книга дошла до России.

Дукельского, в сущности, я видел и слушал (он все время читал нам свои стихи) в течение часа — это все знакомство. А о «передаче» — ведь это в шутку я сказал, неужели же Д[укельский] принял это всерьез?

Желаю Вам всего доброго.

Ваш Ю.Терапиано

А в 70 № «Н[ового] ж[урнала]» у М[оршена] очень хорошее стихотворение¹.

¹ Моршен Н. Ночь на взморье // Новый журнал. 1962. №70. С.7.

Дорогой Владимир Федорович,
С удовольствием встречусь с Вами — наконец познакомимся «реально».

Известите меня, пожалуйста, когда приедете в Париж, *письмом*, т.к. «рпеи»¹ в Gagny не ходят. Лучше всего в первый раз мне приехать к Вам в отель, т.к. мы не знаем друг друга в лицо. Итак, до встречи.

Передайте, пожалуйста, мой привет Вашей супруге.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Парижские «пневматички» — письма пневматической почты.

Дорогой Владимир Федорович,

Не имея от Вас известий после нашей парижской встречи¹, я, признаться, спрашивал себя: что могло быть не так? Почему после вполне дружественных бесед — полное молчание?

Правда, я сам должен был бы раньше написать Вам. Но припадок, случившийся на улице в день встречи с Вами, превратился в затяжное осложнение моей хронической болезни желчных путей (подходящая и необходимая болезнь для критика!), и я вожусь с ним по сей день. Только недавно мой врач нашел как будто бы правильный метод лечения.

А болезнь и загруженность работой в «Р[усской] м[ысли]» сводила на нет мои эпистолярные позывы.

Статья «В защиту Ходасевича» появилась в 1929 году, помнится². Вырезка у меня до сих пор сохранилась, но на ней нет обозначения даты. Если найдете, не откажите тогда сообщить точную дату, т.к. я хочу в одной статье сделать ссылку на Г.Иванова.

Вскоре выйдет небольшой сборник стихов Ирины Владимировны «Одиночество»³ в одном американском издательстве, а затем — мой⁴. У меня («Паруса»), в сущности, не сборник, а брошюра: это стихи, написанные с августа 63 по август 64, в «Избранные стихотворения»⁵ не попавшие, всего 32 страницы.

Спрашивается, зачем издавать такую тетрадку?

Но раз предложили издать, то, конечно, глупо было бы не воспользоваться. А о «Избранных стихах» получил известие, что в Москве их кое-кто прочел и кое-кто кое-что скопировал... — Какой эзоповский «штиль»! Это меня порадовало.

В общем, как говорили мне в «Объединенных писателях» и в «Доме книги», почти вся «Рифма» и почти все другие сборники стихов ушли «туда». Там есть интерес к стихам зарубежных поэтов, их провезти легче и крамольного в них мало.

«Пипифакс»'ом здесь в Париже называют туалетную бумагу.

Кто пустил в обращение это слово — французы или русские — не знаю, хотя это и не так важно.

Маяковский воспользовался им в своих стихах «Парижанка».

Жаль, что домашние заботы отнимают надежду видеть Лидию Ивановну и Вас этим летом в Париже.

Может быть, еще все и устроится, и Вы снова получите возможность посетить Европу?

Шлю мой дружеский привет Лидии Ивановне и Вам.

Ваш Ю.Терапиано

¹ В библиотеке Маркова сохранилась книга Терапиано «Избранные стихи» (Вашингтон: В.Камкин, 1963) с надписью: «Дорогому Владимиру Федоровичу Маркову в память нашей парижской встречи, с сердечным приветом. Ю.Терапиано. 22.VII.1964. Париж».

² См. прим. 2 к письму 54.

³ Одоевцева И. Одиночество. Вашингтон: Русская книга, 1965.

⁴ Терапиано Ю. Паруса. Вашингтон: Русская книга, 1965.

⁵ Терапиано Ю. Избранные стихи. Вашингтон: Камкин, 1963.

Дорогой Владимир Федорович,

Отвечаю на Ваши вопросы.

Pipifax пишется с «х».

Антонин Петрович Ладинский (1896-1961) скончался в Москве 4 июня 61 г.

О Новелле Матвеевой¹ я ничего не знаю.

Адрес Злобина — знаю старый, т.к. очень давно его не видел и не знаю, где он сейчас и что с ним.

Zlobine, 30, Rue Hamelin, Paris 16-e.

— Только что получил Ваше письмо от 10 марта: Ирине Владимировне все передал.

Адреса Райса не знаю, я его никогда не вижу и вообще не симпатизирую его пониманию литературы.

Ирина Владимировна Вам напишет. Она дает свое согласие. Она совсем не была обижена, а просто сама находилась в «неписательном» состоянии для переписки.

Тут главное — «На берегах Невы».

Она пишет, переделывает, дополняет, а нужно бывать в «[русской] мысли» каждую среду, т.е. времени как раз только на «берега» и хватает.

Теофиль Готье говорит о «бронне гиппопотама», как о необходимом оружии поэта и вообще всякого пишущего. Нужно воспитывать в себе нечувствительность ко всяким внешним событиям, иначе жить нельзя.

Я прошел курс лечения, после которого мне стало легче. Надеюсь на весну и лето, будет тепло, и жизнь — какая-то жизнь в моем состоянии — снова станет возможной.

Книга И[рины] В[ладимировны] уже прокорректирована, а своей корректуры жду (впрочем, без большого волнения).

Сейчас меня занимают совсем иные, не литературные вопросы, но об этом можно лишь при встрече говорить, а писать — ничего не выйдет.

Литературная жизнь в Париже свелась к минимуму, т.к. почти никого уже нет и нет также и желания выступить, читать, спорить...

Но закрепить прошлое необходимо, и в этом должна помочь И[рина] В[ладимировна] своими «На берегах Сены».

У меня есть немало всяких материалов для «Сены», да и в памяти эта эпоха запечатлелась навсегда.

Ирина Николаевна и я шлем наш привет Лидии Ивановне и Вам.

Ваш Ю.Терапиано

¹ *Новелла Николаевна Матвеева* (р. 1934) — московская поэтесса.

Дорогой Владимир Федорович,

У Смоленского родственники — жена и сын, я думаю, они ничего не будут иметь против опубликования его стихов в том английском сборнике¹, который Вы составляете. Вот адрес М-me Смоленской (сына и его адреса я не знаю совсем).

M-me T.Smolensky (Таисия Ивановна)

18, Rue Lacretelle, Paris XV-e.

У Поплавского были родители и брат, — я их совсем не знаю. Литературным наследством его заведывает Николай Дмитриевич Татищев². У меня только его старый адрес, спросите В.Мамченко: 23, Rue Pasteur, Meudon, S. et O. (Виктор Андреевич).

О лекции «русский футуризм» в Institut Slave я ничего не знаю и не слышал.

Если не ошибаюсь, я давал вырезку статьи Иванова «В защиту Ходасевича» Агуши, она мне ее потом вернула, вместе с другими данными ей документами.

Вырезка есть, но нет даты — и нигде не могу ее найти! Хочу сослаться на эту статью в одной главе II-го тома моих воспоминаний «en preparation»³.

Татищев выпускает книгу Поплавского⁴. У него была рукопись, подготовленная самим П[оплавским], с пометкой: «опубликовать через 25 лет». Теперь 25 лет со дня смерти П[оплавского] исполнились. Интересно, какова будет эта книга?

Что касается Оцуа — его жена куда-то исчезла, да и вообще она вела себя странно, так что ее молчание в ответ на Ваше письмо не удивительно.

Недавно был (29/V) вечер памяти Лермонтова.

Хорошо говорил Адамович, Зайцев заявил, что Л[ермонтов] был «не гением» и поэтом слабой формы, а вот прозаиком — гораздо лучшим!

Одна дура (А.Горская) составила и прочла на вечере стихотворение, состоящее из различных строк Лермонтова — «попурри» из его стихотворений. И не почувствовала даже, что творит...

Шлю мой привет Лидии Ивановне и Вам, надеюсь, что у Вас все благополучно.

Ваш Ю.Терапиано

¹ В это время Марков совместно с Мерриллом Спарксом составлял двуязычный сборник современной русской поэзии: *Modern Russian Poetry: An anthology with verse translations edited and with an introduction by Vladimir Markov and Merrill Sparks*. London: Macgibbon & Kee, 1966; New York, 1967.

² Николай Дмитриевич Татищев (1902-1980) — поэт, критик, близкий друг Поплавского.

³ Второй том воспоминаний Терапиано был подготовлен Рене Герра и вышел после смерти автора в 1987.

⁴ Поплавский Б. Дирижабль неизвестного направления / Пред. Н.Татищева. Париж, 1965.

Дорогой Владимир Федорович,

Вот, наконец, настал мой отпуск в «Р[усской] мысли», и могу заняться запущенной в последнее время личной перепиской.

Надеюсь, Н.Татищев выслал уже Вам изданную им книгу Б.Поплавского.

Вышла недавно книга А.Гингера «Сердце»¹.

Сам Гингер умирает от рака у себя дома, после бесплодного пребывания в госпитале.

Я сейчас же написал о «С[ердце]», чтобы доставить ему последнее удовольствие...

Но в книге есть много хорошего и своеобразного, так что это вовсе не отзыв «*par complaisance*» (дружеская).

Гингер не умел и не хотел лезть вперед (как, например, некоторые Е.К., Д., А...), но был поэтом для немногих. Кое в чем, конечно, например, в его опытах с архаическими словами, я не согласен с ним, но и это порой интересно.

Не знаю, каковы «подпольные» советские поэты.

Но если они следуют новейшей западной поэзии, то боюсь, они станут столь же невыносимы, как, например, «наши» французы, дошедшие до «хуже, чем худая проза», по выражению одного французского критика. Боюсь XX века — века уродства (и в живописи), шума, грохота, напора, массового «blousons noirs» («черных блуз», хулиганья).

У Вас в Калифорнии лето, а у нас осень — 92 года — пишут в газетах — не было такого плохого лета. Мог бы уехать, но не стоит сидеть «под дождем» в гостинице!

Читали ли Вы «В[оздушные] пути»?

Не понимаю, почему Ахматова с такой *явной* злобой обрушилась на Г.Иванова? Чем он мог ее задеть? — «Копеечкой»? («П[етербургские] зимы»).

Ведь если он даже и ошибся — и у М[андельштама] не было дочери, — то этот слух в Париже *знают все*, его привезли после войны из России. А на «Тучке» он бывал постоянно — и т.д. Задано А[хматова] задела и французскую писательницу «grig» (кажется, Гонкур) — жену Луи Арагона, Эльзу Триоле. Они — коммунисты, верно, но зачем же ругаться: — «какая-то Триолешка наврала»?.. Арагон, говорят, хочет «реагировать». Боюсь, как бы он не напакостил ей по *своей* линии...

А наши — никто из лежавших на груди у Г.Иванова, например, Померанцев, никак не реагировали на ахматовское выступление! Или гипноз имени столь велик? Или просто: в душе каждый литератор рад, когда ругают другого?

Желаю Вам хороших каникул и шлю привет Лидии Ивановне и Вам.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Гингер А. Сердце: Стихи 1917-1964. Париж, 1965.

Дорогой Владимир Федорович,

Мне не дали второй корректуры «Парусов», поэтому там 4 ошибки.

Сначала я, как водится, не заметил, а теперь — там, где могу — исправляю,

I. Эпиграф из Белого: его Вы уже заметили, — исправьте, пожалуйста, в книжке.

II. Стр. 17, примечание: «...Музыканты», в *Киеве*. — Иначе непонятно, где и почему «тишина побежденной столицы». Киев был *завоеван*, а не принял большевизм, как Петербург или Москва.

III. Стр. 32 (ошибка перепечатчицы) ...И вдруг в руках *миллионы красных роз, Как чудо...*

IV. Стр. 35. Не «взмах», а «взлет рокового колеса» (ошибка перепечатчицы) — и, согласен, Лившиц — ... (его я знал хорошо, наш киевлянин).

О «лесенке» же могу заметить, что Чуковский в 1920 г. говорил о Маяковском то же самое — «механически»; — «обыкновенный размер, расположенный уступами».

У нас неделя «русской советской поэзии».

По случаю выхода двуязычной антологии (по-французски и по-русски) в и[здательств]е Seghers, приехали (кроме заболевшей Ахматовой) Сурков, Твардовский, Мартынов, Вознесенский, Ахмадулина, Роберт Рождественский, Слуцкий, Соснора и Кирсанов.

Вечер в огромном зале — все переполнено молодежью, экстаз, гром аплодисментов. Лучше всех Вознесенский и Соснора, Ахмадулина — «так себе» (футуризм).

Сегодня они подписывают антологию в книжном магазине «Globe» (советском).

Хозяйка вечера — Эльза Триоле с Арагоном («Триолешка наврала...»). Вид у «Триолешки» — совсем старая, но очень приличная и очень хорошо переводит стихи. Арагон — величественен и красив.

А Сурков держался, как мужик, когда благодарил Триоле и подносил ей — «нате вам! — в благодарность» — комплект первого издания Пушкина.

— Какой бы мог быть «обратный вечер» — в Москве!

И выли бы тоже, если бы...

Но до этого еще нужно подождать, а так, пока — и нас понемножку читают «там», есть сведения.

Ирина Владимировна последнее время все болеет, но работает над «берегами», которые издает Камкин.

Ирина Николаевна и я шлем привет Лидии Ивановне и Вам.

Ваш Ю.Терапиано

Ирина Владимировна шлет привет Вам обоим.

Дорогой Владимир Федорович,

Ирина Николаевна и я желаем Лидии Ивановне и Вам всего самого хорошего в наступившем Новом Году — и в первую очередь здоровья, а также поздравляем с наступающим русским Рождеством Христовым.

У нас в Париже литературный русский сезон идет своим чередом; самое большое волнение вызвала изданная на двух языках франко-русская антология и приезд сюда русских поэтов.

Вы об этом уже все знаете, не буду повторяться.

Ирине Владимировне сейчас лучше, но у нее много работы, т.к. она должна срочно подготовить к печати «На берегах Невы».

О ее книге — я разумею, Вы пишете об «Одиночестве», объявленном в каталоге магазина Нейманис в Мюнхене, — я ей даже боюсь говорить, чтобы ее не расстраивать напрасно.

Дело в том, что «Одиночество» сверстали так, что местами одно стихотворение превратилось в два, а другие — разорваны на три, ставшие самостоятельными, части.

По выходе книги И[рина] В[ладимировна] просила Б.Филиппова не пускать эту книгу в продажу, аннулировать ее и уничтожить. Филиппов, очень этим недовольный, принужден был обещать эту книгу уничтожить. (И[рина] В[ладимировна] не послала Вам «О[диночество]», т.к. считает эту книгу не существующей.)

К большому удивлению, И[рина] В[ладимировна] увидела, что «О[диночество]» объявлено у Нейманиса — как же так?

Об этом написано Филиппову, ответа от него нет, но т.к. он должен скоро приехать сюда, И[рина] В[ладимировна] решила подождать его и выяснить с ним лично, в чем дело.

А о «Парусах» в Париже тоже мне приходится сокрушаться:

Георгий Адамович хорошо отозвался о них¹, затем, недавно, был еще читательский отклик — а в книжных магазинах их здесь нет. Читатели спрашивают и удивляются: что же это такое? Дело в «Русской книге», видимо, ведется халатно. А Филиппов так, верно, занят своими томами «Luter language...», что у него времени нет подумать о другом.

Ирина Николаевна и я шлем привет Лидии Ивановне и Вам.

Ваш Ю.Терапиано

Привет И[рине] В[ладимировне] передал, она собирается Вам писать.

¹ Адамович Г. «Паруса»: Стихи Юрия Терапиано // Русская мысль. 1965. 30 октября. №2380. С.7.

Дорогой Владимир Федорович,

Жаль, что дату «В защиту Ходасевича» я узнал от Вас только сейчас (8 марта 1928), но № «Последних новостей» — 2542 — на имеющейся у меня вырезке сохранился, его я и указал в моей статье «Об одной литературной войне» в №12 «Мостов».

Никогда не слышал о статье в харьковском журнале «Пути творчества» в 1919 году¹ — очень было бы интересно иметь фотокопию.

И — кто писал?

Ведь я был киевлянином, а не харьковцем в 1919 году, а осенью, в октябре, ушел из Киева с Добровольческой армией (бронесамокатный дивизион).

Об антологии Эльзы Триоле писал, указав, кроме критики переводов, на недопустимое отсутствие многих поэтов и на ошибки в биографических справках.

Ваше желание иметь не появившееся в свет «Одиночество» Ирины Владимировны передал ей, она Вам пошлет его.

Эта книга, действительно, доставила ей много огорчений.

Четыре больших стихотворения разбиты на куски или слиты в одно, получается совсем несносная путаница.

А тут еще пущенные сразу же после выхода книги из типографии «номера» попали было в продажу, пришлось их ловить и объяснять, что произошло, чтобы прекратить распространение злосчастного «Одиночества».

О Леоне Заке² слышал давно как о художнике, но не знал, что он пишет стихи. Независимо от моего отношения к футуризму, я бы охотно посодествовал изданию его стихов, но дело в том, что уже много лет как «издательство имени Ирины Яссен» «Рифма» превратилось в фикцию.

Средств у него больше нет, а марку свою оно иногда, в редких случаях, дает тем, кто, издавая стихи на свои средства, нуждается в имени издательства.

Если же Л.Зак хочет сам издать свои стихи и нуждается в издательстве, он может обратиться к Софии Юльевне Прегель, которая заведывает уже давно делами «Рифмы». Думаю, что Л.Зак знает ее лично, она знает и Райса (какой вздор он (Райс) понес о Некрасове, о Мандельштаме — «политические стихи М[андельштама]» и т.д. — постоянно несет вздор!)

Прочел очень объективную статью Г.Струве о «Корвин»-Питроковском³. Там только одна ошибка: никаким «резистантом»

(участником «Сопротивления») он не был, а просидел несколько дней в тюрьме по чернорыночному делу и вскоре был освобожден немцами. К[орвин-]П[иотровский] после ухода немцев всем рассказывал, как он сидел за resistance и чуть не был расстрелян.

Я ему поверил и в статье о его книге стихов написал об этом. Но председатель «Общества русских резистантов» сообщил тогда мне, как на самом деле было.

Я хотел было послать уточнение Г.Струве, но раздумал, чтобы не тревожить памяти покойника, теперь все это уже не имеет никакого значения.

Читали ли Вы только что вышедшую книгу Ю.Анненкова «Дневник моих встреч»⁴?

Ирина Николаевна и я шлем наш привет Лидии Ивановне и Вам.

Ваш Ю.Терапиано

¹ Возможно, речь шла о статье О.Мандельштама «Государство и ритм» — Пути творчества (Харьков). 1920. №6/7. С.74-76.

² Лев (*Леон*) Васильевич Зак (1892-1980) — живописец, график, поэт. С 1910 входил в литературную группу московских футуристов «Мезонин поэзии», оформлял их поэтические сборники, публиковался в альманахах «Вернисаж» (1913), «Пир во время чумы» (1913), «Крематорий здравомыслия» (1914), готовил свой поэтический сборник «Пиротехнические импровизации» (издание не состоялось). С 1920 в эмиграции, с 1923 — в Париже. К его сборнику стихов, выпущенному позже под псевдонимом, предисловие написал В.Марков: Россиянский М. Утро внутри: Стихотворения и поэмы. Munchen, 1970.

³ Струве Г. Дневник читателя: Памяти В.Л.Корвин-Пиотровского // Русская мысль. 1966. 11 июня.

⁴ Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. Литературные воспоминания и портреты. Т.1-2. Вашингтон: Международное литературное содружество, 1965-1966.

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Прот. М.П. Чельцов
КОГДА ОТМЕНИЛИ РАССТРЕЛ...
(Письма к жене из заключения)
Публикация В.В. Антонова

Имя петроградского протоиерея Михаила Павловича Чельцова (1870-1931) уже знакомо читателям «Минувшего» — в 17-м выпуске мною было опубликовано его размышление «В чем причина церковной разрухи в 1920-1930 гг.». Отдельно двумя изданиями вышли «Воспоминания "смертника"», написанные батюшкой в 1922 в камере на Шпалерной; перепечатаны некоторые его дореволюционные богословские работы. Эти публикации стали возможны прежде всего благодаря усилиям Г.М. Чельцова, который бережно сохранил письма, записи и книги своего отца.

Он же предоставил в мое распоряжение и публикуемые ниже письма, отправленные жене — Анне Федоровне (1874-1958) — после отмены смертного приговора, который в июле 1922 священнику вынес Петроградский ревтрибунал на процессе митрополита Вениамина по делу об изъятии церковных ценностей. Так как объем публикации не позволяет напечатать эти письма полностью, из них выбраны отрывки, наиболее интересные в историческом плане и характеризующие также личность самого автора, одного из виднейших священников до- и послереволюционного Петрограда.

Начинаются письма через три недели после расстрела на Артиллерийском полигоне митрополита Вениамина, о котором Чельцов еще ничего не знает — слухи о казни дойдут до него позднее. О своем помиловании он в этот момент не только знает, но уже начал привыкать к новому состоянию политического узника с пятилетним сроком заключения, которое было в конце концов сокращено до полутора лет.

Жизнь во 2-м Исправдоме, расположенном близ Лавры, сам Чельцов определяет как «тихую и спокойную». Действительно, передаваемые им подробности камерного быта составляют едва ли не идиллическую картину. Пройдет всего несколько лет, и от такого либерального режима останутся одни воспоминания...

Много места в письмах уделено церковным делам. Это было время обновленческого раскола в Русской Православной Церкви, инспирированного и управляемого ОГПУ. 6 мая 1922 в Москве Патриарх Тихон был посажен под домашний арест, что послужило сигналом к открытому выступлению обновленцев во главе с группой «Живая Церковь», которые, добившись от Патриарха определенных полномочий, создали подчиненное себе Высшее церковное управление (ВЦУ). При поддержке властей обновленцы поначалу установили контроль над большинством приходов и в конце апреля 1923 созвали «собор», который выступил в поддержку советской власти и «изверг» заключенного Патриарха не только из сана, но и из монашества.

В этот драматический для Православной Церкви период Чельцов пытается на основе поступающих (довольно отрывочных) сведений разобраться в создавшейся ситуации и найти из нее приемлемый выход, не исключая даже некоторого соглашения с ВЦУ. Ему кажется, что это соглашение может ликвидировать раскол, который, по его мнению, возник только «из личных самолюбий» и «из-за власти». Чельцов надеется, что власти позволят выбрать нового митрополита Петроградского, и оба называемых кандидата — Сергей (Страгородский) и Евдоким (Мещерский) — для него «очень желательны», хотя первый одно время признавал обновленцев, а второй в конце концов их возглавил. Стремление о.Михаила к «церковному миру» порой выходит за пределы разумного: после ареста архиепископа Николая (Ярушевича) и некоторых его сторонников Чельцов заявляет, что «без них скорей упразднится раскол, и все придут к соглашению» (!). При всем том батюшка вполне трезво понимал, почему власть поддерживает обновленцев: «прежде Церковь служила царизму, теперь должна служить большевикам». Когда же через несколько лет большевики убедились, что прихожане не принимают обновленцев, они сумели склонить к сотрудничеству с ними противника обновленцев — митрополита Сергия (Страгородского).

Чельцов присоединился к этому компромиссу вполне сознательно. Психологически готовый к нему еще в заключении, он писал: «ВЦУ придется признать — примириться с фактом необходимо, поскольку он не противоречит совести». Однако совесть все же спокойной не была, и бывший союзник митрополита Вениамина с печалью спрашивает: «зачем же эти жертвы в лице митрополита Вениамина и прочих?!»

Судьба о.Михаила сложилась также трагически: он был расстрелян в ночь на Рождество 1931. Послужившие прологом к этой развязке его противоречивые переживания 1922-1923 с большой степенью точности и остроты отразили самую суть судьбы Русской Православной Церкви.

24 августа / 6 сентября [1922]

/.../ Живем пока, благодаря Господу, тихо и спокойно. В камере остались только мы — «смертники», 6 человек. Одного архиерея Иннокентия, иеромонаха Льва и других пятерых перевели на Гороховую для высылки из Питера или для освобождения. И мы ждем не нынче-завтра перемещения в другую камеру, где, как преподаватели, будем совершенно свободны в пределах тюрьмы. Преподавание начнется, вероятно, с понедельника — 11 сентября. Я взял русский язык в классе «Б». Если ребятам не нужна грамматика или другая какая-нибудь, перешли ее мне.

В понедельник был у нас Жижиленко и уверил, на основании самых достоверных источников, что в амнистии будет введена особая статья, специально нас освобождающая. Это ему говорил некто Рязанов, который будет составлять самое положение об амнистии. Да и так по всем видимостям — мы не долгие обитатели тюрьмы. А если поможет Ленивков, то еще скорее освободимся /.../.

1/14 сентября [1922]

/.../ Церковные дела как будто все более и более запутываются. Появляются новые партии и разделения. И кому это на пользу? Все кажется сильнее проявляется вражда народная к Живой Церкви и к ее архиереям. Но не охладит ли она наших православных? Не отгонит ли она их сначала от того или иного храма, а потом вообще от Церкви? Идут уже в католичество иные; идут, вероятно, некоторые и в сектантство. Умножится ли Православие? Тяжело за Церковь Божию и еще большее, что вся эта разруха основывается не на идейности, а на самолюбии поповском — всем хочется быть высокими и первыми.

В сидении тюремном большое разнообразие вносится занятием с заключенными русской грамматикой. Каждое утро отдается этому делу. Поражаешься молодости преступников — это все люди в 17-25 лет, сидящие почти все за воровство; и с кем бы из них не стал говорить, все отрицают свою вину: все мы, оказывается, сидим невиновные, вот нам и верь. Но с другой стороны, все сильно скучают по родным и по дому. Видно, плоть требует своего — близкого, милого.

И мне начинает думаться, что любить близких по плоти до забвения Бога — конечно, забвения не полного и постоянного, — не грешно, во всяком случае, Господь за это не накажет. Ведь

родное по плоти — это же своя плоть, а любить себя Господь не только не запретил, но и повелел /.../.

3

12/25 сентября [1922]

/.../ За последнее время почти совсем прекратился приток сведений из города, с воли; почти не получаем никаких сведений и о Живой Церкви. Внутренняя же наша жизнь вся наполняется чувствами перемежающихся радостей и уныния: услышишь доброе об амнистии и возрадуешься; передадут печальное, и унынием сердце обольется. Больше последних, приходится волноваться. Как-то совершенно не верится и не ожидается, чтобы нас амнистировали. Уж больно мы с точки зрения большевиков большие преступники.

В последнее время они все больше хотят подчеркнуть, что для них все наши церковные дела безразличны. Но, однако, Введенского все-таки поддерживают и слушают. Вот тут и не знаешь, где лучше: в тюрьме или на свободе. Пожалуй, выйдешь да опять попадешь. От таких дум и не радостно на душе. Не за себя печалишься — нам здесь как в хорошем клубе или богадельне: беспечно и обжорно живется. А вам-то с детьми какво мучиться и терзаться без меня, который не только не помогает семье, но с семьи еще и тянет.

4

13/26 сентября [1922]

Вчера наша камера увеличилась еще одним священником — о.Михаилом Соболевым с Петроградской стороны, вчера же осужденным за проповедь 19 февраля. Он из принадлежащих — невольно и шкурно — к Живой Церкви и не раз служил с архиепископом Николаем. Ну и наши заволновались — особенно миряне: как к нему относиться, какое с ним иметь общение, можно ли епископу Венедикту благословлять и т.п.... Старцы-миряне бушуют, особенно, когда о.Соболев, 64-летний старец, ночью сильным кашлем и частыми хождениями в туалет беспокоит их. Решили, что пока он в молитве иметь общение будет, но епископского благословения получать не будет.

Вчера же получил доброе известие: большевик Рязанов, который сильно помогал хлопотать в Москве о нашем помиловании и воле, который обещал в амнистии непременно добиваться нашего освобождения и который с августа жил за границей и будто

в ссылке, теперь вновь приехал в Москву, и ему переданы некоторые письма с ходатайствами о нас. Вот мы и повеселели. Но одна надежда на Господа /.../.

5

18 сентября / 1 октября [1922]

/.../ Из наших новостей от меня: 14 священников высланы из Петрограда административным порядком: из них — 10 на Урал, в том числе и о. Владимир Афанасьев, бывший прежде в Константиновском училище. Жаль его семью: она узнала уже после того, как он выехал, и не могла снабдить его даже осенней рыбой /.../.

О нас получены из Москвы определенные вести об амнистии нам, перед которой будут нам предложены вопросы о нашем отношении к Живой Церкви. Но как и что отвечать об этом, надо подумать и подумать. Надо будет безобидно сочетать веление совести и пастырского долга и с голосом плоти и с любовью к семье. Ставишь вопрос: зачем выходить из тюрьмы, Богу ли и прихожанам послужить или только детям помочь и снять с тебя тяжесть семейных хлопот. Скажи и ты мне, что должно победить?! /.../

6

25 сентября / 8 октября [1922]

/.../ Странное существо человек. Он никогда не бывает доволен настоящим. Тяжело, очень тяжело жилось в Особом ярусе на Шпалерной, но нередко вспоминается то время с некоторым сожалением. Уж очень там хорошо было Богу молиться, уж очень молитвенное настроение там было: никогда в жизни я не был так близок к Богу и, верно, Господь ко мне, как в те навеки памятные дни, и никогда, даже в предсмертные дни, если Бог приведет по-христиански умирать, не придется так духовно и религиозно подготовить себя к смерти. Все время проводили или в чтении акафистов, канонов, молитв или в распевании церковных песнопений. И как за молитвой чувствовалось легко и преданно воле Божьей.

А теперь здесь, во 2-м Исправдоме? Время все свободно, за исключением нескольких часов занятий с арестованными, но молитва не находит для себя времени. Все разговоры да какие-то ложные стеснения, боязнь встать на молитву и показаться набожным, когда другие разговаривают, смеются и т.п. Далеко не каж-

дый день прочитываю тот или иной — но только один — акафист, сидя на скамье, около божницы, без кратких поклонов, читая тихо про себя. И чувствуешь от этого бессмысленное умаление молитвы — тяжело, грустно, раздражительно.

Сколько раз старался заставить себя завести правило ежедневного прочитывания дневного канона, и все не выполняю. Даже чтение Библии и Златоуста не особенно успешно подвигается вперед. Больше всего время проходит за спорами и обсуждениями различных вопросов, новостей о церковной жизни — старой и новой, возможных отношений к ней в случае выхода на свободу и т.п. Нельзя утаить и того, что и мы, сидящие пастыри-арестанты, мельчаем здесь. Немало времени уходит на выслушивание тюремных новостей, на интерес к местным дразгам, интригам и т.п. /.../.

7

16/29 октября [1922]

/.../ Не помню, писал ли я тебе, как распределяется у нас тюремный день. На всякий случай сообщу: в 7.30 утра раздается звонок на подъем. Ему повинуются, да и по естественному побуждению поднимаемся, умываемся, убираем кровати и в 8-8.30 становимся на утреннюю молитву. Ее заканчиваем ектениями о здравии всех сидящих в тюрьмах и находящихся в изгнании священников и мирян и вас — наших жен, следовательно, и тебя, как страждущих наших сродников, и за упокой наших близких родных — моих и твоих родителей. После чая, так с 9 часов, идет подметание и проветривание камеры и кое-какие разговоры, прогуливание по камере или по коридору (наша камера не запирается на день).

С 10 до 11.30, по вторникам, четвергам и субботам, я иду заниматься по русскому языку в соседнюю камеру, к самым отчаянным и преступным соседям и сотоварищам. Долго их собираешь, уговариваешь заниматься, а потом в занятии с ними время проходит сравнительно незаметно. В другие дни это время от 10 до 11.30 — в чтении Златоуста. С 11.30 начинается подготовка к обеду, разогревание хлебоватого, а потом обед. В 12.30 приходит на наш коридор-отделение так называемый «прогульный надзиратель», и мы уходим на свежий воздух, бродить в небольшом четырехугольнике.

С часа до двух открываем койки и лежим, от 2-х до 3-х бывает чай, разговоры, безделие, а в среду и пятницу с 3-х до 4-х у меня занятия по русскому языку с теми же студентами. От 4-х до 5-ти

— акафист. С 5-ти часов подготовка к ужину, всякого рода болтовня, споры, пересуды, ссоры и так до 7-7.30. Тут происходит вечерняя проверка. Мы становимся в своей же камере попарно, лицом одного к затылку другого — это если проверяет большое начальство, т.е. дежурный помощник начальника. Если же свой надзиратель отделения проверяет, то процедуры вставания не бывает; мы остаемся где кто находится, и вся проверка заключается лишь в том, что наш староста о. Чуков рапортует, сколько нас находится в наличности.

От 7 до 7.30 ведется чтение Златоуста, его толкования Послания Ап. Павла к Ефессянам. В 9 часов начинается вечерняя молитва полностью, с теми же ектениями, что и утренняя. После нее устраиваемся на ночлег. Гасится огонь, запирается дверь; последнее делается из опасения воровских ночных визитов, почему особенно наблюдаем, чтобы дверь была заперта на три поворота ключа, и не менее. Иначе ее смогут отпереть. Здесь у нас такие превосходные мастера отпирать замки, что ни один запор перед ними не устоит /.../.

8

[31] октября / 13 ноября [1922]

Дорогая моя, я здоров и благополучен. Едва ли в четверг смогу прийти домой: дежурные не подходящие, а тут приезжает какая-то «разгрузочная комиссия» из Москвы с большими полномочиями. Говорят о ней мало: будто бы она в Москве тюрьмы совсем обезлюдела — из 1800 человек заключенных оставила в тюрьме только 200.

Будто бы и духовенство из тюрьмы выпускают в Москве, только некоторых высылают из Москвы. О сем немало и у нас разговоров. Я надеюсь, что высылка меня не должна коснуться: она производится по указанию, конечно, Живой Церкви, а эта меня не должна высылать. Но там что Бог даст.

Из Москвы о Патриархе Тихоне самые странные сведения: его признали всероссийским, предоставили право создать управление, а старых архиереев не выпускают из тюрем, несмотря на его просьбы. В общем, с его раскаянием что-то таинственное и как будто не совсем ладно /.../.

6/19 ноября [1922]

Эту неделю, дорогая моя, мы провели в большом волнении. Визит Журавского и Чуева с известными предложениями взволновал нас. В течение нескольких вечеров говорили, составляли ответ им. Но когда они ни в четверг, ни в пятницу не пришли — это смутило нас.

Но тут получилось известие, что между расколовшимися церковными партиями состоялось соглашение и первым условием ставится ходатайство от Живой Церкви об освобождении нас. Принятие этого условия делает излишним наш ответ и приезд вторично ко мне Журавского и Чуева. А тут еще принесли весть от осведомленных людей, что в трибунале на Гороховой составлен список на 26 священников, дела которых нужно пересмотреть, а потом освободить. Нас, сидящих в тюрьмах и высланных, и находится как раз 26 человек.

Вчера Бог[оявленс]кий ходил домой под предлогом командировки к доктору и передавал, что местная прокуратура стоит за наше освобождение. И еще будто бы в Трибунале лично ко мне относятся очень хорошо и не прочь меня амнистировать, но я один пока на это не могу пойти. Вчера было поспорили, Бог[оявленс]кий заявил, что он думает единолично хлопотать о помиловании. Но это особенно взорвало еп.Венедикта, и он довольно-таки резко заметил, что «это не по-братски», и сослался на меня, который отказался хлопотать об освобождении. /.../*

Стали говорить о тех мотивах, которые придется выставлять в прощении о помиловании, что-де невольно, выгораживая себя, придется как бы чернить другого, намекнули Бог[оявленс]кому, что-де при деньгах ему можно хлопотать, а нам каково, и горячо поговорили; а сейчас видится какая-то неприязнь между ними. Я старался остаться в стороне и даже примирил их.

Вот так мы и живем, воинствуя по пустыкам и подозревая друг друга. Я старался больше следить за собой, не вступать в споры, не горячиться и не обижаться. Благодарение Богу, кажется, понемногу я начинаю овладевать своею горячностью. В этом мне сильно помогает чтение акафиста среди дня, что стараюсь делать ежедневно. Еще ставлю себе задачей: не участвовать в болтовне. Уж очень много у нас проходит времени в пустых расказах, анекдотах, и не всегда даже приличных.

* Утрачена часть текста. — В.А.

Я этих анекдотов не рассказываю, ибо их не знаю. Особенно их любит передавать о. Чуков. И невольно, нередко даже с охотой, а иногда и с неохотой, слушаю их. Настроение от них мельчает, появляется шутливость, пустая болтовня. Всячески заставляю себя удаляться от этого пустословия. Чтение Златоуста несколько помогает /.../.

10

11/24 — 13/26 ноября [1922]

/.../ Сегодня совершенно неожиданно является на свидание с еп. Венедиктом некто Михаил Попов, епископ нового рукоположения, мой хороший знакомый. Поэтому, без начальства, частным образом, был вызван и я беседовать с Поповым. Беседа была не важная, ничего нового, тем более утешительного она не дала. Только узнали от него, что у священников Живой и Старой Церкви было несколько совместных свиданий, на которых выработаны пункты соглашений, принятые обеими сторонами.

Эти-то пункты соглашений я тебе и выпишу сейчас со своими замечаниями и пояснениями. Думаю, что они тебе будут интересны. Они покажут тебе, о чем спорят и что разделяет наших отцов. Пунктов этих — 12, и они так озаглавливаются: «Условия примирения церковных групп Петроградской епархии».

Мое замечание: слово «примирение» ярко показывает не идейный характер разделения. Примиряются только поссорившиеся, а ссора бывает не из-за Христа или высоких материй, чаще всего из личных самолюбий... Это-то здесь в Питере и, к сожалению, только это, как кажется, и существует. Ссорятся больше всего из-за власти.

1. Общий принцип единения — устройство церковной жизни на основах церковно-канонических и в соответствии с постановлениями гражданской власти.

Пункт самый естественный, и о нем ничего нельзя сказать.

2. Объединение производится в форме свободного союза самоуправляющихся общин (приходов), на основе неперменного сохранения несомненного преемства апостольской благодати.

Во главу церковной жизни полагается приход: ему предоставляются все права, он призывается руководить жизнью; от него должен зависеть ход епархиальной жизни. К объединению они не принуждаются никем, а если хотят, то могут принять эти пункты или их отвергнуть. Это хорошо и плохо.

Хорошо потому, что объединяться будут сознательно и, следовательно, прочно. Плохо то, что оставляет возможность для отделения, расхождения, новых группировок и т.п. Все-таки пункт этот важный, и он очень сейчас нужен. Последние слова нужны для отклонения претензий новых архиереев от управления епархией.

3. Непризнание за ВЦУ (Высшее Церковное Управление в Москве под председательством Антонина, заменяющее собой Патриарха) значения канонического центра и прав на судебно-административные функции; по общим вопросам церковной жизни предложения ВЦУ проводятся в жизнь лишь в тех случаях, если они не противоречат догмам, основным канонам и принятой практике.

За ВЦУ не признается никакой власти. Епархия управляется сама по себе. Да и ВЦУ собственно не нужно. Только для приличия о нем говорят.

4. Духовное руководство Петроградской епархией принадлежит вновь избранному представителями клира и мирян епископу со званием митрополита, при содействии Епархиального Управления.

Значит, никто из настоящих епископов ни старого, ни нового поставления не признается за правящего. Такового будут избирать, и, конечно, никто из новых избран не будет.

5. Временное управление Петроградской епархией предоставляется Преосвященным: Артемию Лужскому и Николаю Петергофскому.

Оба эти епископа старого рукоположения. Поставление их двух — дело совершенно неправильное. У церкви-невесты — два жениха; у одного тела как бы две головы. Сделано это потому, чтобы ограничить Николая Петергофского. Он спит и видит себя митрополитом.

6. Петроградская епархия образовывается из выборных представителей приходов, в количестве 7-ми священнослужителей и 2-х мирян.

7. До созыва Поместного собора епископов епископат[у] нового поставления, ввиду вопроса о их каноничности, пред[о]ставляется служить лишь в тех приходах, кои добровольно признают их.

Значит, Николай Сахаров будет служить лишь там, куда его пригласят, но если теперь его никто никуда не приглашает, то с чем он останется потом? Говорят, что он недоволен своим поло-

жением, бранит бывшего митрополита Вениамина, что он его тогда еще не поставил в епископа, и очень тяготится своим положением. Чтобы убрать его с глаз долой, его хотят перевести куда-то в провинцию.

8. В настоящем своем составе институт благочинных в Петрограде упраздняется, а для связи округов с епархиальным центром избираются приходом уполномоченные из числа священников.

9. Епархиальное управление действует исключительно в духе христианской любви, не прибегая к мерам насилия, и принятые уже меры против церквей, монастырей, подворий и отдельных лиц отменяются, а потерявшие священнослужители восстанавливаются в своих правах.

Значит, подворий нельзя нарушать. Этим объясняется обращение монахов Ново-Афона: должны возвратить наши священнические саны и степень священства. О чем будто бы и послано ходатайство в Москву.

10. До собора никакие реформы в качестве обязательных Епархиальным Советом не проводятся, предоставляя, с благословения епархиального епископа, право отдельным общинам, в виде опыта, допускать те или иные нововведения и изменения в богослужебной практике, кои не противны духу Православной Церкви.

Т.е. в отдельных храмах богослужение может совершаться по-своему: и на русском языке, и со всякими сокращениями.

11. Определение на местах священно-церковно-служителей совершается епархиальным епископом в согласии [с] ПЕУ (Петроградское Епархиальное Управление) и при соблюдении законных желаний приходских общин.

12. Проведение выборов членов в постоянное ПЕУ поручается временному ПЕУ в составе 8 человек (4 нынешнего состава и 4 от остальных церковных групп).

В ведении переговоров о примирении и выработке вышеозначенных условий принимали участие от одной стороны (Старой Церкви) — еп. Николай Петергофский и протоиерей М.В.Тихомиров, В.П.Сокольский, Н.В.Чепурин, П.Н.Ивановский и Н.К.Либин.

От другой стороны (Живой Церкви) — Артемий, еп. Лужский, нового поставления еп. М.С.Попов и протоиерей А.И.Боярский, М.Н.Гремячевский, Е.Х.Белков, Е.И.Запольский, Н.Сыренский и Н.К.Екатерининский.

Начатое в пятницу утром продолжалось в воскресенье. Всякие соглашения наших церковников нас ободряют надеждами, но, к сожалению, если и идет соглашение, то очень медленно. Несколько дней тому назад приезжал в Питер из Москвы Красницкий — этот злой гений нашей церковной жизни. Он против соглашения, и это понятно. Сейчас в церковном раздоре он — большой человек, а состоится соглашение, весь апломб его падает, он не только не окажется у большой оргии, его могут лишить всяких дел.

По словам бывшего епископа Михаила Попова и из других источников известно, что Красницкий, разогнав все наше Епархиальное управление, сменил заместителя, назначив нашего Чуева, а за его отказом — якобы Журавского, который как будто бы согласился.

Я отказываюсь, при наличии этого обстоятельства, понимать о.Иакова. По его словам, все в Живой Церкви ему не нравится, от всего он хотел бы бежать, и вдруг он соглашается взяться за столь важное и ответственное дело. Вынудили ли его к сему какие-либо тяжелые обстоятельства или он добровольно берется за него? В минувшую пятницу должно было бы состояться какое-то соглашательное собрание, но приезд Красницкого все расстроил.

Красницкий потребовал от Епархиального управления отторжения от приходов и ссылки в дальние епархии шести протоиереев: Ивановского из Экспедиции, Беляева от Николы-Морского, Налимова из Казанского собора, Тихомирова от Преображенского собора и Сокольского с Васильевского острова. Красницкий обратился и на Гороховую, 2 с требованием выслать этих отцов. На Гороховой отказали, а требования Епархиального управления никто не слушается.

Вчера Елачич, будучи в отпуске, принес известие с воли о том слухе, что будто бы мы — священники 2-го Исправдома — подали в Московское ВЦУ какую-то просьбу о нашем помиловании на каких-то условиях. Эта легенда произвела на наших церковных людей на воле тяжелое впечатление. Нас подозревают в отступничестве и продажности.

На меня эта весть не произвела никакого впечатления, я очень безразличен ко всему тому, что про меня где бы и кто бы ни говорил. На епископа Венедикта она сильно подействовала и взволновала. Как бы он ни утверждал противного, он все-таки желает быть митрополитом и, конечно, мечтает о сем. Разумеется, всякие такие сплетни могут умалить его авторитет и тем поколебать его шансы. Все-таки, как это ни противоречит всем видимостям и фактам, мы мечтаем и о выходе из тюрьмы и работе на воле. /.../

14/27 ноября [1922]

На этот раз я хочу охарактеризовать тебе своих сокамерников. Нас сейчас 10 человек — все люди церковные. Часто говорим о Боге, отдаем себя Его Промыслу и согласию между нами. Конечно, много происходит от нашего нервничания, от скуки и тяжести тюремной жизни. Но если бы наша религиозность глубже проникала нам в душу, мы были бы менее нервны и более уступчивы. Много в нас себялюбия и гордости.

Собрались мы люди все важные: архиерей, видные протоиереи, иереи. Как же нам уступить один другому, каждому хочется быть в центре внимания другого, казаться выше, умнее, приятнее других. Прежде всего наши светские люди, особенно генералы, находясь с церковными людьми, очень чтят архиерея. Для них слово архиерея стоит высоко, авторитет его высок, вне всяких подозрений. Невольно нам, протопопам, приходится вторить им, поддерживая епископскую высоту. Поэтому во всем приходится соглашаться с епископом, реже возражать ему.

Если что и делается обратное, то только мной и Богоявленским, по невыдержанности моего характера, а также по привычке высказываться до конца, до неприятности другим. Богоявленским, ввиду каких-то давних счетов между ними тех времен, когда епископ был протоиереем Плотниковым и состоял ктитором Исаакиевского собора, где настоятелем был Богоявленский, и в силу большого самолюбия последнего, желающего всюду казаться человеком, сказавшим последнее слово.

При таких условиях почтения к нашему епископу, Венедикту естественно считать себя солнцем весьма ярким и почтенным. Но, слава Богу, у нашего Венедикта добрые личные качества: у него много смирения и былого поставления себя не впереди других. Заметно бывает даже, как это чинопочитание к нему смущает его, хотя, конечно, стеснение происходит от того, что мы около него — люди и со знанием, и с бывшим положением, и с гонором, — невольно и епископу приходится считаться с нами, с нашими мнениями, особенно в важных вопросах.

Когда же приходится ему выслушивать что-нибудь неприятное или неправильное от совсем неученого человека, от бывших архиерейских певчих, священника о.Арсеньева, то он делает им нередко и очень даже резкие замечания и не всегда корректные поучения и внушения. Горяченько он высказывается, когда он заметит, что его жизненные интересы, а тем более освобождение из тюрьмы могут пострадать от тех или иных выступлений, по

большей части о Боге. Здесь он даже не всегда умело прикрывает их как бы заботой об общих для всех нас интересах.

Венедикт наш особенно проявляет себя в делах питания. Ему почти каждый день бывает по 2-5 передач. Каждую нужно передать, написать благодарственное письмо и возвратить оставленную ранее посуду. Тут епископ начинает бегать, одно принимая, другое откладывая для возвращения, часто недоумевая относительно принадлежности той или иной вещи принесшему передачи, перепутывая узелки и связки для передачи. А когда при передаче просят посуду сейчас же освободить и возвратить обратно, тут он совершенно теряется, отыскивая свободную посуду для переливания и переключивания, начинает бегать из угла в угол, горячится, а тут передатчицы поторапливают его, чтобы поскорее он отдавал обратно и писал письмо.

Часто в этих делах, особенно когда одновременно совпадут передачи две-три, помогает ему о.Арсеньев. Но этот плохо видит, не особенно умело выслушивает указания, перепутывает, проливает и т.п. Тут епископ начинает выходить из себя, укоряет, упрекает и гневно выражается о бестолковости и неловкости своего помощника. В таких положениях наш епископ бывает весьма курьезен, и мы от души тихонько над ним посмеиваемся.

Вот наступает 12 часов — время обеда или 5 часов — время ужина, и наш Владыка начинает беспокоиться. Потом вместе с двумя протопопами Богоявленским и Чуковым составляется меню, подогревают пищу и т.д., но у кого и что взять? Как составить повкуснее еду? А поесть послаще он любит, и аппетит у него все время хороший. Бегаёт, суетится, выспрашивает, у кого что взять и т.д.

Из его богатых передач немало уделяется черному хлебу для раздачи голодающим, а из ситного или даже винегрета и каш раздаем надзирателям, коридорным и др. Благосклонность этих людей нам нужна. Отдавая все, он очень не любит, когда неудовлетворенные или мало получившие товарищи по тюрьме начинают, стоя у дверей нашей камеры, приставать, выпрашивая корочки хлеба, очистки и т.п. Здесь он бывает криклив на них и грозен.

Вот тебе — весь наш Венедикт. Я с ним в большой дружбе, ко мне он очень благоволит и внимателен к моему мнению и слову. /.../

15/28 ноября [1922]

Дорогая ты моя! Сейчас вторник, вечер, 6 часов; отслужили молебен свв. Гурию, Симону и Авиу, святым 15 ноября.

Приходит часа в 4 дня Л.Н.Парийский и говорит, что бывшая у него сегодня на свидании жена просила отслужить молебен святым дня. «Что же, — засмеялись, — покровителям семейной жизни захотели помолиться? Это хорошо».

«Нет, — говорит, — эти святые покровители не только семейной жизни, им молятся и для избавления он невинного осуждения и для избавления от тюрьмы. Мы ныне, — продолжал он, — подали в трибунал наши заявления о помиловании нас. Как же не помолиться? Жена говорила, что когда летом решался вопрос об избавлении от расстрела вас, она ходила служить молебен, и Бог помиловал...»

Искренне и горячо помолились. Дай Господи! Вчера целый день провели мы в обсуждении моего сообщения и о Чукова, того, что нам передали — мне Павлик, а ему дочь Аня. Сначала наши светские люди-генералы возроптали было на нас за то, что мы хотим подавать наши просьбы; говорили, что они не хотят принимать этих милостей, что им не о чем просить и т.п. Я старался молчать, заявив лишь, что просьбу я подам.

Это мое категорическое заявление было поддержано Чуковым, и мало-помалу согласились и высокоумные наши генералы. Но что писать? Если просить о помиловании, то значит нужно говорить и о сознании своей виновности. Это кем-то высказанное встречено было молчаливо, все стали расходиться поодиночке. Мы — я, Венедикт и Чуков, переглянувшись, втроем вышли в коридор и стали обсуждать, как и что говорить о виновности. Скоро мы сошлись в мысленных и сели за писание /.../.

Разговор вертится около трех тем сегодняшнего свидания:

1) Смерти митр.Вениамина. О Чукову чрез близкое к Озолину, председателю Революционного Трибунала, лицо передано, что он расстрелян. Сопоставляя это со сказанным Павлуше Семеновым о «расстрелянном Новицком», решили, что все данные подумать, не следует ли поминать его заупокой. Подумали и постановили подождать еще недельку-другую, когда узнаем о решении нашего дела в Ревтрибунале.

2) Супруга Богоявленского, коей мы не особенно доверяем, увидавши на свидании еп.Венедикта, сказала ему, что амнистия коснется всех нас, только в разной степени. Бывшей вчера в Трибунале г-же Елачич сказали, что в канун этой недели будет ре-

шаться вопрос о нашей амнистии, и всякие бумажки о нас могут иметь влияние. Поэтому, если в четверг бумажка от тебя и Юлии Семеновны не отправлены, то постарайся сделать в пятницу до 2-х часов дня.

3) В одной камере со мной сидит священник о.Арсеньев из Обухова (кладбище около Петрограда); у него умер брат жены, и от семьи началось ходатайство об отпуске его на пятницу на похороны. Думали, что это дело простое. Оказалось: нужно до-стать свидетельство от врача об удостоверении родства его к покойнику. Это не помогло. Послали все дело в ГУМЗ — к высшему нашему начальству; что-то оно скажет. /.../

13

18 ноября / 1 декабря [1922]

Вчера вечер и сегодня утро прошло в обсуждении неприятности неотпуском о.Арсеньева на погребение шурина.

Действительно, какое пренебрежение к нашим нуждам! Сегодня — погребение, а он еще в камере, и его утешает начальство, что сегодня вечером его просьбу разберут и его отпустят. Это какая-то насмешка — на девятый день попадет. Арсеньева не отпускают, а наряду с этим людям, имеющим различные ходы, дают отпуска и на ночь, и на сутки.

Это событие особенно волнует при сопоставлении его с другим. Епископу Венедикту не дали и одного отпуска, а Богоявленскому удастся и второй раз пойти. В первый раз отпустили по ходатайству тюремного врача для визита к врачу-специалисту, и начальник нашел нужным отпуск. Еп.Венедикт, тоже по ходатайству того же врача, хотел сходить к специалисту по глазной болезни, но начальник отпуска не дал.

Что это значит? Чем это объяснить? Не одинаково ли преступление у того и у другого? Не одинаково ли оба в рясах? Почему одному удастся, другому отказывают?.. Вот, дорогие мои, какими интересами развлекаемся мы. И об этом говорим и спорим горячо и страстно, до раздражения взаимного и ссоры.

Кроме всех других пакостей, какие тюрьма творит для характера человека, она еще в значительной степени понижает его умственные запросы. Ни о чем не хочется думать: идейном и чистом; как-то тяжело для головы сосредоточиться на чем-либо более высшем, чем тюремные интересы. Естественно, поэтому все наше внимание клонится к мелочам и сплетням: кто кому и что сказал, как и кого провели так или иначе заключенные и т.д.

Отрешенные от жизни, мы не только внешне запертыми себя видим, но и в умственной жизни своей как-то отгораживаемся и ограничиваемся от всего. Я с сожалением наблюдаю над собой и над другими, что интересы и новости нашей мятущейся церковности, различные идейные сообщения извне нас теперь не так живо и горячо волнуют и не порождают таких хороших споров, как это было прежде месяц или два тому назад.

Больше и тяжелее того: все дальше и дальше отступаем мы и от занятий вопросами своей веры и нравственности. Месяца полтора тому назад мы решили каждый вечер посвящать какому-либо доброму чтению; остановились на моем предложении — читать Феофана затворника и толкование Иоанна Златоуста на Послание Ап. Павла к Ефесянам. Но вечера через два отказались от Феофана — оказался трудным. Остались со Златоустом. Но недели через две оставили и его. Тут уже без всякой причины: просто не стали читать. Теперь вечерами каждый занимается своим делом.

Так тюрьма не воспитывает, а убивает: это не «исправдом» — как величается она, а «развратдом». Так развращающе она влияет на нас, людей уже установившихся и все-таки с высокими и идейными запросами; какой же мрачной ямой, болотом она является для всех остальных: воришек, налетчиков и т.д., действительно преступных типов!!!

Совершенно прав Н.А.Елачич, с коим обычно мы сидим на свидании и вместе уходим от дорогих своих к себе во мрак. Он обычно говорит по дороге мне: «только и радости, что поговоришь с родными. И ждешь этих дорогих и ими только живешь!!» Да, этим только и живешь, сведя «до свиданья» к ожиданию свидания, а после него воспоминаниями о нем; в этом все наше время и все наши умственные запросы /.../

14

22 ноября / 5 декабря [1922]

Вчерашний день свидания дал мало нового и приятного. Лишь Чукову сказали, что в субботу в Трибунале было частичное суждение о применении амнистий к нам. Результаты суждений неизвестны.

Богоявленский, по обычаю, ничего не знает, хотя его семейные что-то знают. Так, его сын, служащий в Смольном, заходил в эти дни к Чуковым и говорил, что в хлопотах об отцах детям придется ехать в Москву. Вспоминая прежде слышанное от самого Бо-

говявленского, что его хлопоты об амнистировании дали положительные результаты, надо заключить, что поездка в Москву для Богоявленских диктуется их желанием добиться полного освобождения для отца /.../.

Вчера Парийский передавал со слов бывшего в тюрьме следователя, что один из осужденных на 3 года по нашему же делу и вместе с нами — прот. Ивановский уже получил какую-то скидку по амнистии. Правда, он осужден по другой статье, но все-таки это для нас добрый признак.

Сегодня с утра наше отделение в волнении. По слухам, ночью два раза приходил в отделение дежурный помощник начальника и накрыл картежников. Прибавляли, что один, проигравший с себя до рубашки, обжаловал это, как избирание его товарищами. Действительно, около 9 часов утра явился Згерский с тремя ассистентами, выгнали из соседней с нами камеры 37, где была игра, всех в коридор, и начался обыск. Отобрали карты и какие-то еще недозволенные вещи и несколько человек посадили в карцер.

Ужасная вещь — картежная игра. Играют 99 из 100, неиграющие — редкостное исключение. Играют днем, играют напролет по ночам. Просыпаешься вдруг ночью и слышишь сильнейший шум, крики, а то драки и битье кого-то — все это из-за карт. Играют под столами, по углам, в клозетах. Проигрывают не только все с себя, остаются голыми в буквальном смысле слова, прикрываясь казенными одеялами — рваньем грязным. Проигрывают единственное пропитание — передачи и даже пайки хлеба недели на две вперед, оставаясь при одном кипятке для своего питания. Больше того, проигрывают на смех и издевательство брови, волосы на голове, кои сбиваются.

Начальство старается делать вид, что борется с этим азартом, совершает ночные обходы, подсматривает, исподтишка «накрывает», отбирает карты и сажает в изоляторы. Но не этим надо бы бороться. В день в камере отберут 2-3, а то и 5 колод карточных, а через несколько часов появляются новые.

Делают их с завидным мастерством. Вырезая даже из простой газетной бумаги, их вычерчивают, выводят замечательно похожие на фабричные разные глазки, линии; превосходно разрисовывают рубашки. Только фигуры королей и дам не умеют еще выделывать; их заменяют разными условными знаками. Какие-то изобрели даже машинки для обделывания карт...

Но как в карты не играть? Что же больше и делать? На работы не ходит и третья часть всех заключенных в тюрьме. Но и работающие с 6 часов вечера свободны до 8 часов утра. Заниматься своим делом — и нечем, и охоты ни у кого нет. Порази-

тельная, какая-то беспримерная лень владеет всеми — рубашки на себе зашить, починить порванные не хотят. На наших арестантах наблюдаешь всю правду слов пословицы, оно же — и правило нравственности: «лень — мать пороков». /.../

К тому же вчера отпустили на свободу одного священника, сидевшего 10 дней с нами, а всего пробывшего в Ладужской тюрьме 5 месяцев, — подследственного, не по церковному делу. По этим обстоятельствам вчера и с учетом праздника — дня кончины Великого Князя Александра Невского — отпели радостную всенощную, а сегодня утром отслужили обедницу без причащения.

Во время всенощной, обычно начинаемой в 7 вечера после вечерней проверки, раздался из одной камеры сильный крик и звуки хлыста или палки. Мы, конечно, остались к нему равнодушны. Такие крики обычны ночью или рано утром. Это били проигравшегося и не имеющего чем заплатить или своровавшего у своих и попавшегося. Надо отметить, что такие избиения не отражаются нисколько на взаимоотношениях. Избитый встанет и лишь выругается вроде как «ишь, черти, как избили...». И он со всеми, и все с ним начинают обращаться, как будто ничего не произошло. Так потеряна личность у наших арестантов.

Поэтому они никак не реагируют не только на ужасную брань и частые толчки в шею и спину, получаемые ими от разных больших и малых начальств, но и когда их стегают плетками, загоня в камеры или побуждая творить ту или иную волю начальства. Плетки эти появились в руках у надзирателей. Арестант живет лишь одним желудочным интересом. Желудок у 50 процентов совершенно пуст. Поэтому наша камера с утра до вечера людьми наполнена, жалобно-неотвязно стонущими просьбами «ради Христа» хоть дать крошек хлебных или каких-либо очисток. /.../

24 ноября / 7 декабря [1922]

После долгих ожиданий, совершенно было успокоившиеся на своем месте, вчера, в 4 часа вечера, мы получили приказ готовиться к переходу в другое помещение. Хлопотал Парийский. Начальник не сразу решался на наше перемещение. По свойству всех слабохарактерных людей просил подождать с этим делом из боязни, что тюремные коммунисты восстанут против него и причинят ему беду. «Вот скажут, — говорил он, — попам поблажки». А попам поблажать здесь все ужасно боятся.

Быстро собравшись, мы через час уже были на новом месте. Натерли стекла, вымыли полы с раствором какой-то дезинфекционной жидкости, принесенной нашим «гигиенистом» — Богоявленским, и к 7-8 часам были уже на новоселии.

Это — 10-е отделение, 7-я камера. Камера как раз на 10 человек, сколько нас сейчас и в наличии; кроватей по числу нас. Комната — высокая, чистая; хотя и с двумя окнами, но не светлая, и окна упираются в здание. Помещается во втором этаже. Как только зайдешь во двор тюрьмы, смотри направо — крайнее окно направо от тебя во втором этаже и будет обозначать нашу камеру. Если Бог благословит дожить до весны, то через окно будем с тобой раскланиваться. /.../

10-е отделение считается привилегированным. Сидит здесь вся наша острожная интеллигенция. Большинство дней отсутствует, будучи на службе в тюрьме и вне. Поэтому у нас очень тихо ночью, а сейчас только изредка кто-то пройдет по коридору или где-то раздастся одинокий краткий разговор. Мы рады, что избавились от сырости помещения 39-й камеры, страшной табачной вони всего 7-го отделения, ужасного шума, крика из соседних камер и весьма наскучившего постоянного жалобного вымаливания «дайте кусочек хлебца...» Пока довольны своим новосельем. Между другими некими добрыми сторонами, тюрьма еще и то несет, что приучает нас довольствоваться малым. Это большая выгода в жизни. /.../

16

25 ноября / 8 декабря [1922]

/.../ В 7-м отделении было как-то разнообразней — там ежедневные новости: то драка, то воровство, то карточный скандал и тому подобное. Здесь все время тишина. Но зато там все арестанты на один фасон — личного разнообразия очень мало. Здесь каждый заключенный — самостоятельный и цельный тип.

Вот, например, студент Военно-медицинской академии, человек лет 20-30, бесспорно не без способностей, судится и сидит в тюрьме уже в пятый раз и все за одно и то же — за присвоение себе, через мошенничество и в целях мошенничества, не принадлежащего ему звания. Выдает себя за доктора-санитара. Фабрикует себе подложные документы, ставит фальшивые к ним печати, отправляет докторские обязанности, пока не попадет в том, что не знает латинского языка или дает опасное лекарство и т.п.

В сентябре и у нас он отправлял докторские обязанности. У Н.А.Елачича в то время был на груди большой гнойный на-

рыв. Я делал ему согревающий компресс. Когда нарыв прорвался, стали делать ему примочки. Здесь этот наш самозванный доктор и сказался: такой жидкостью промыл ему нарыв, что тот еле добрался до камеры и долго жаловался на сильный ожог. Осматривавший потом настоящий доктор удивлялся смелости лечившего и выносливости больного. И такие случаи проделывались нашим самозванцем не раз. /.../

Вот другой тип. Мальчик лет 19-20. Кончил 8-ми классную гимназию и сейчас вор-рецидивист. Очень интеллигентный и, кажется, умный юноша. Но и теперь тихонько, крадучись, тащит то или другое. И нужды в этом не имеет при зажиточности родителей, а делает как бы из любви к искусству. Товарищи смеются, издеваются над ним, остерегаются и сторонятся его. А он все тот же — в нашем театре является главным актером... Опять как понять мелкое воровство при сравнительно высокой образованности? Мне кажется, что детство с неудержанным вовремя воровством сотворило этого несчастного, жалкого во всех отношениях юношу. Господь спаси и помилуй! Сейчас начнется всеобщая. /.../

Службы наши проходят с соблюдением возможно полного чина. Всенощная проходит почти без всякого опущения — во всяком случае полнее, чем у вас в Троицком соборе. Епископ Венедикт всегда у нас за служащего священника совершает все, что полагается ему в служении без диакона. Дмитрий Фролович Огнев — за сторожа, пономаря или — как мы его в шутку называем — за эклесиарха: готовит лампадку, устанавливает иконы на подоконнике, подает епитрахиль епископу (другого облачения не имеем из-за боязни обнаружения его осторожным начальством, как вещи по теперешним временам запрещенной в общественных местах) и читает шестопсалмие, а под большие праздники — и паремии. Н.А.Елачич: «Сподоби, Господи, вечер сей без греха сохранимся...» и «Ныне отпускаеши...»

Каноны, ввиду предстоящего на утро причащения священникам, читает еп.Венедикт — Иисусу Сладчайшему, о.Чуков — воскресный, я — Божией Матери и Богоявленский — Ангелу Хранителю. Пение совершаем все вместе; руководителем и запевалой является Парийский, бывший регент архиерейского хора в Минской семинарии. Неизвестное для общего пения — стихиры, ирмосы поют трое: Парийский — бас, Богоявленский и о.Арсеньев — тенора. Иногда эти, как хорошие знатоки нот и пений, пытаются петь партесное, но я и еп.Венедикт (тоже знаток особенного церковного пения, как бывший в молодости регентом архиерейского хора в Петрозаводске) противимся и стоим все-

цело за простое церковное пение как лучше располагающее к молитве.

О наших ежедневных утренних и вечерних молитвах, о наших праздничных богослужениях знают в тюрьме все, в том числе и всякого рода начальство. Знают об этом и в Трибунале. Но все это мы должны совершать тайно, скрываясь. Поэтому поем и читаем вполголоса. Кто-либо, чаще всего о. Чуков или Огнев, а иногда и я, стоит у дверей камеры, прислушивается к всяким шагам идущих, присматривается, предупреждая неожиданных посетителей, как из начальства, так и из знакомых арестантов.

Нас не раз уже предупреждали, что недоброжелатели наши внезапным находом на нас собираются представить нас как контрреволюционеров за совершение богослужения. Поэтому бывают недели, когда мы или совершенно прекращаем пение, или поручаем его одному только Парийскому, обладающему счастливым талантом — петь тихо, но разборчиво и вразумительно. На старом месте — в 39-й камере пели с меньшим смущением. Там иконостас был более отдален от дверей и, следовательно, от глаз и особенно от уха ненужных людей, и соседи наши — из простых мужичков — любовно относились к нам и к нашей молитве. Здесь камера №7 — меньше размерами и приходится молиться и петь поблизости к дверям. И публика наша — интеллигенция с немалой примесью чекистов и шпионов.

/.../ Всенощная заканчивается вечерней молитвой не полной, но укороченной, в составе молитвы в часослове, первый час опускается. Обеднице предшествуют утренние молитвы, полностью читаемые дежурным порядковым чтецом. За ними читаются каноны пред причащением, обычно Венедиктом. Он же читает и первые три молитвы пред причащением, за ним Богоявленский читает 4, 5 и 6-ю, а я заканчиваю их. Чуков читает молитвы после причащения.

Обедница начинается как обычная литургия, конечно, только без часов, и идет такой, заканчивается ектенией об усопших после Евангелия. После этого — «Символ веры», просительная ектения и «Отче наш». Причащение наше совершается каждый праздничный день св. запасными Дарами, коими обычно причащают на дому больных. Конец службы обычной литургии с полагающимся отпустом...

27 ноября / 10 декабря [1922]

Вчера вечером большинство из камеры ушло в театр. Оставались: я, Венедикт и старец 65-летний о.Соболев. Из отделения тоже все ушли. Тишина наступила. Я почитал Златоуста и написал письмо Александре Владимировне. Тишина в отделении и обычно бывает. И она очень успокоительно действует на нервы. Сильнейший шум и гул, ни на час не прекращавшийся, заметно волновал и дергал, и мы были раздражительны и злы; тут успокоились и стали любовные друг к другу. За истекшую неделю не было ни одной вспышки неудовольствия...

Пришедшие из театра передавали о начинающихся новых репрессиях на автокефалистов. Некоторые из священников получили от Епархиального управления приказ оставить службу при своих храмах и считать себя за штатом. Приказ подкреплен ссылкой на Гороховую 2, куда о них уже сообщено для каких-то, конечно, не радостных для батюшек целей [и] распоряжений. Вот и результаты соглашений!

Как с этим примирить ведшиеся по инициативе Живой Церкви переговоры о соглашении и уже приходившие к доброму концу? Как с этим примирить как будто добрые отношения к нам, смертникам (в Трибунале Чукову сказали, что ему, как и Богоявленскому, сбавят половину срока)? Отвечать на это мозг отказывается. Никаких объяснений не подыщешь. Поэтому, может быть, сидеть нам в тюрьме лучше, чем быть на свободе. Пусть Господь творит Свою волю. /.../

1/14 декабря [1922]

/.../ Вчера со свиданиями произошли у нас немалые неприятности с коммунисткой Александровой, передатчицей ваших посылок. Еще в твоём присутствии она кричала и бросала по адресу «попов».

А началось еще ранее. Принося не раз передачи Плотникову и Богоявленскому и два-три раза вызвав их на свидание, она возмущалась духом, что к «попам» много носят и «незаконно» дают им по несколько свиданий, и вздумала сорвать свою злобу. Прекращая свидание, крикливо-громко она по адресу Богоявленского выразилась: «Ну, скорее. Будет вам перещеловывать их». Тогда же, поставляя Плотникова в очереди стоящих внизу в коридоре, дерзко сказала ему: «Ни с места. Стоять здесь! Ждать меня!».

Вызывающее поведение по адресу неких из нас, грубости, крики Александровой взбудоражили особенно Чукова, совершенно не затронутого, пошли толки. Как-то вдруг решили, что такое поведение позорит и унижает духовный сан и должно быть опротестовано. Я молчал. Чуков взялся за авторство, Огнев диктовал и придумывал. Составили. Но тут опять, по своему обычаю прежде долго молчавший Богоявленский стал высказывать недоумение: для чего-де это нужно писать, стоит ли доносить-жаловаться. Тут он высказался отрицательно, мотивируя тем, что грубость и дерзость Александровой первый раз высказана, что не дело священников жаловаться — наш долг терпеть... Пошли споры, но очень тихие, спокойные. Меня поддержал Огнев. Но все-таки решили подать записку, но не для производства следствия по ней, а просто к сведению начальства. Так и сделали. Этим пока инцидент и закончился.

После двухнедельного перерыва приступили мы снова к занятиям с нашими студентами. Прежних учащихся оказалось немного, набрали новых. Встретили меня, открывавшего сегодня занятия, очень любовно и радостно. Действительно, у них абсолютно нет никаких занятий. Даже книг для чтения не имеется. Тюремная библиотека, очень порядочная, почти не доступна для них. Много надо доставить гарантий, чтобы получить книгу обычному арестанту. Впрочем, и интерес к книгам только у немногих из них.

Большинство или совсем книгой не интересуется, или интересуется Пинкертоном и Шерлоками, или берут книгу, чтобы из нее наполовину вырвать страницы для выделки карт. Не раз мне приходилось за уроками читать им из Пушкина, Гоголя, Тургенева. Далеко не все слушали, из слушавших одни не понимали, другие не интересовались. Спрашивают чтений из Божественного, но этого нельзя дать, запрещено под строжайшими угрозами. Сегодня сильная просьба записавшихся вновь учеников дать им для чтения что-то из Майн Рида.

2/15 декабря [1922]

/.../ Сегодня радостно начавшийся день с половины своей омрачился. Часам к 11 утра пришли с вестью, что на Невском газетчики выкрикивают: «Амнистия церковникам»... Если в газетах напечатано, то решили мы, принимая во внимание сказанное Богоявленскому и обещанное Чукову, значит, амнистия касается и нас. Венедикт даже перекрестился. Но часа через два приходит

Огнев и нам сообщает, что читал газету и там сказано, что в амнистии нам отказано. Эти вести как тяжелым молотом ударили по голове. Не хотелось ни говорить, ни судить.

Через полчаса я встал на молитву — читал акафист Покрову Божьей Матери. После этого пошел на занятия со своими учениками. Внизу меня встречает Тарабаев и злорадно возвещает: «к вам амнистия не применена». Я стою, ожидая дальнейшего. «Ваша фамилия Чуков?» — вопрошает он меня. «Нет, — говорю, — Чельцов». — «Ну, вашей фамилии в газете нет». Идем с ним читать газету. В ней перечисляются все фамилии, носители коих получили ту или [иную] скидку, а потом в конце говорит: «Елачичу, Огневу, Плотникову (еп.Венедикту), Чукову, Петровскому в амнистии отказать».

Ни меня, ни Богоявленского ни в каком перечне нет. Что это значит? Значит ли это, что Богоявленского нет потому, что его дело рассмотрено ранее и уже отослано в Москву? А я почему не упомянут? Мне начинают говорить, что я наряду с Богоявленским выделен, что Трибунал и меня решил амнистировать совместно с Богоявленским, но не сами, а через Московский ВЦИК. Почему о нас в газетах ничего нет. Дай-то Боже, чтобы было так. Все-таки хотя бы немного было полегче, и отношение властей было бы другое. С интересом жду завтрашнего свидания — узнать от вас: были ли в Трибунале и что вам там сказали. В зависимости от этого буду писать то или иное в Москву к Тасе и к Галкину. /.../

20

4/17 декабря [1922]

/.../ Вчера вечером услышали неприятную новость из нашей тюремной жизни. Всюду идущее сокращение штатов коснулось и наших служащих, только несколько с иной стороны. Вчера получено распоряжение высшего тюремного начальства уволить к 1 января всех наших женщин-передатчиц, заменив их мужчинами. Сегодня уже увольняются несколько, в том числе коммунистка Александрова. Увольнение последней нас порадовало, а остальных жаль, как за них, так и за себя. Им придется остаться без места и без куска хлеба, хотя и плохонького. /.../

Вчера без особых разговоров решили переменить поминовение митрополита Вениамина и иже с ним, перенеся поминовение их из заздравного синодика в заупокойный. Предварительно же отслужили по ним панихиду. Несколько тяжело было слышать поминовение их заупокой, да и даже для моего уха как человека,

стоящего к митрополиту Вениамину только в деловых отношениях. Парийский же пока не решается присутствовать при этом новом поминовении. /.../

5 часов вечера. Сейчас пришел с урока. И меня встречают самыми неприятными новостями. Приехавший из Москвы профессор Бенешевич, судившийся и оправданный по нашему делу, привез оттуда такую весть: там судилось в эти дни 120 человек — 30 человек по 62 ст., что и мы, из них 5 человек к расстрелу. Правда, из 30 человек 5 смертников — небольшой процент, но все-таки это новый поход против Церкви.

Приходившие к Чукову при передаче письмом известили, что в Питере ожидается новый церковный процесс как будто бы членов приходских советов, обвиняемых в непредоставлении описи церковных ценностей. После таких известий можно ли ожидать чего-либо доброго по нашему делу!? Не такое, видится, время, чтобы миловали они церковников. Их дело — разрушение Церкви и издевательство над духовенством. /.../

Я часто задаю себе вопрос: не виноват ли своим сидением в тюрьме перед семьей? Вы все хорошо знаете, что я к судимому и осужденному Правлению приходских советов не имел никакого отношения. Моя вина — это деловая близость к митрополиту Вениамину. Но чем она вызывалась? Бога привожу в свидетели — меньше всего какими-нибудь честолюбивыми побуждениями. Сколько раз я решался отказаться от работы в канцелярии митрополита, чуя как бы недоброе, и не сделал этого по соображениям двоякого рода: во-первых, я, как никто другой из петроградских священников, ближе знал духовенство епархии с его нуждами и потребностями и дела епархиальные с давних дней, поэтому я считал себя при митрополите для духовенства более полезным, чем кто-либо другой; к тому же я по своему обычаю не стеснялся говорить прямо и смело правду митрополиту. Во-вторых, удерживала меня на этом месте и материальная сторона. Хотя и ничтожное жалованье, но оно при нашей бедности все-таки было подмогой для семьи...

Может быть, виноват в деле передачи церковных ценностей? Если и виноват, то так же, как и очень многие другие, во всяком случае, не больше их.

Для выхода из тюрьмы, для помилования моего требуется себя признать в чем-то виновным. Насколько моя совесть мне позволила, я признал себя таковым, в своей просьбе во ВЦИК. Я там писал: «Теперь, когда прошло уже несколько месяцев от времени изъятия церковных ценностей и от самого суда над нами, рассматривая спокойно и беспристрастно свое бывшее отношение к

требованию Советской власти отдать церковные ценности голодающим, я вижу, что ценности церковные действительно нужны были для реализации их на хлеб голодающим, что действительно на них и шли и что я тогда, излишне считаясь с настроением толпы богомольцев храма, через недостаточно ревнивое отношение к изъятию ценностей способствовал замедлению подачи помощи голодающим. Если в будущем народная нужда потребует те или иные церковные ценности, то, конечно, буду усердно располагать прихожан к отдаче их и возможными для меня средствами этому делу содействовать...»

Так я писал, в этом я чистосердечно виноват, в большем [ни] в чем я не виноват; моя совесть запрещает мне давать ложные признания. Требуется отказаться от пастырского священнослужения, как Павлуше говорил Семенов из Трибунала. Быть может, Бог не приведет мне совершенно быть священником, но отказаться от сего добровольно, ради спасения шкуры своей, я считаю делом низким и подлым, за что и Бог накажет, а если Он потерпит, то совесть и стыд перед детьми и обществом преждевременно сведут в могилу. Если я допущу такую подлость как шкурную измену своему призванию и служению, то какой же буду я пример и наставление вам, дорогие, милые страдальцы детки мои?! Нет, не требуйте от меня этого, как и доселе вы ни в чем меня не обвиняли и ничего от меня для собственного благополучия не требовали ради ускорения выхода из тюрьмы. /.../

21

8/21 декабря [1922]

/.../ В среду или в четверг на минувшей неделе в наше новое Епархиальное управление в Лавре явился Красницкий и заявил собравшимся, что по приказу какой-то власти от их обязанностей увольняет, и если не подчинятся, то будут высланы. И это последнее творится с ведома ГПУ. Тогда Гремячевский обратился по телефону в Смольный. Ему там сообщили, что Красницкому не давалось никаких поручений, его не поддерживают в его домогательствах и что за ним не стоит ГПУ.

Ободренные этим, они тогда обратились к Введенскому как к представителю Московского ВЦУ. Этот тоже сказал, что из Москвы от Высшего церковного управления не давалось никаких подобных указаний. После этого Красницкому заявили, что его распоряжению не подчиняются и его угроз не боятся.

Тем не менее, желая сие подкрепить, собрали собрание всего петроградского духовенства. Были приглашены и автокефалисты.

Но эти решили туда не ходить и, действительно, не были, за исключением единиц, как, например, о.И.Чокоя. На собрании было 88 человек. Были ли это одни священники или вместе и дьяконы с псаломщиками — сие неизвестно; вероятно, что так. Иначе для священников эта цифра очень велика.

На собрании было решено: 1. Красницкого не признавать как какое-то административное лицо. 2. Поминование за службами в храме Патриарха Тихона предоставить на усмотрение причта. Этому постановлению предшествовало сообщение Боярского, что он в Смольном поручился за духовенство в том, что оно не контрреволюционно и поминать Патриарха Тихона не будет. 3. Епископу Артемию Лужскому поручали председательствовать в Епархиальном управлении. Этим они себя приближали к автокефалистам, делая для них более приемлемым свое управление. Но догадался ли Артемий или свои имел иные соображения, но отказался. И только на просьбы о сем он согласился испросить благословение у архиепископа Николая Соболева. Интересно проследить, какими результатами будет сопровождаться такая грубость по адресу Красницкого. /.../

22

13/26 декабря [1922]

Сегодня проснулись уже в 9-м часу. Пока прочли утренние молитвы, пропели обедницу и причастились, было уже 10 часов, когда и сели за чай. После него и почти доселе читали и обсуждали принесенный с воли доклад казанского протоиерея [протоиерея Казанского собора. — В.А.] Т.А.Налимова. Тему не запомнил, главная мысль та, что: 1. Нужно как можно чаще причащаться. 2. Для причащения не нужно каждый раз исповедываться. 3. Таинство покаяния есть самостоятельное, а не какое-либо подготовительное к причащению. 4. К покаянию нужно приступать только тогда, когда христианин почувствует в своей совести далеко отошедшим от Христа, согрешающим грехом к смерти. 5. Обычные согрешения и падения могут быть очищаемы лишь простым нравственным без священника исповеданием грехов перед Богом и молитвой.

Последние два положения вызвали горячие споры. Я не мог согласиться с мыслью о причащении без покаяния и что каяться через таинство можно и редко. Я придаю громаднейшее значение таинству покаяния как средству не только нравственного очищения, но и мистичного внутренне-духовного единения с Христом... Ссылались на пример о.Иоанна Кронштадтского, допуславшего

причащения без покаяния. Я рассказал о случае с тобой, когда он как бы нехотя, уступая твоему желанию причаститься у него, разрешил тебе без покаяния причаститься.

Сейчас все после обеда спят, пишем я и Чуков. Продолжение обсуждения этого интересного, а для нас, священников, очень важного вопроса начнем через час, после чая. /.../

23

19 декабря [1922] / 1 января [1923]

Новый Год, хотя и по новому стилю. Вчера несколько поговорили о том, какой Новый год и как его праздновать. Почти все, кроме двух наших генералов, согласились, что нужно праздновать Новый год по гражданскому стилю, как живущим при необходимости подчиняться всем гражданским установлениям. И решили было к вечеру отслужить панихиду безымянную о всех отцах и братьях, ушедших в минувшем году. Но если служить заключающую панихиду, то нужно и молебствие делать с начала года. Но не оказалось книги молебных пений, и посему отложили наше новолетие до Рождественских святок.

Старый провожали и новый встречали год мы, так и по всей тюрьме, самым будничным порядком, в 8 часов вечера, кроме меня и двух еще священников со всего отделения нашего, так и из камеры нашей, ушли в театр на свидание. Я был очень рад, что в такую ужасную погоду вы все сидели дома. Родные приходили в театр мокрые и измученные. К Чукову пришла его дочь, приехавшая из Москвы; он прибежал из театра и в нескольких словах передал сущность веденных ею переговоров.

Я занялся вечером работой, коя меня очень увлекла, — я стал продолжать исправление своих бесед на Богословских курсах, что записала Александра Владимировна. Исправление перенесло меня к моим прежним любимым занятиям — литературным. Невольно вспомнилось бывшее, кабинет, конторка и прочее личное, родное. Фантазия рассталась с действительностью. Окружающая тишина подогревала воображение. И на душе было легко и просто. /.../

24

20-21 декабря [1922] / 2-3 января [1923]

/.../ Исправление моих бесед было прервано приходом Парийского. Он всякими экивоками стал наводить нас на мысль о

том, что хорошо бы помолиться сейчас. Недели две тому назад у него жена уехала к родным в Минск. Сегодня он ждет ее возвращения. Волнуется и страдает. К тому же мы знали, что 19 декабря — день памяти св.Вонифатия, покровителя трезвенников, праздник на Боровой в Братской церкви, где обычно служил митр. Вениамин (кстати сказать, в эти дни возвратилась из Москвы после пятимесячного пребывания там мать Ю.П.Новицкого с полной уверенностью, что его, а следовательно, и остальных троих, нет в живых), и у Спаса за Московской заставой, где я в былые времена часто беседовал.

Поговорив, мы отслужили полную всенощную и молебен святому. На душе совсем стало легко. Около 11.30 ночи пришли из театра, и Чуков рассказал мне кое-какие подробности из московской поездки его дочки и о приезде Таши в Питер. И известия его были не из неприятных, но приезду Таши я был очень рад. Другие пришедшие добавили доброе настроение другими хорошими сообщениями о мелочах нашей тюремной жизни вроде того, что к ним, священникам, подходил в театре «сам Василий Иванович (начальник тюрьмы) и жал им руки и милостиво беседовал...»

Ровно в 12 часов стали на краткую общую молитву и с редкими поздравлениями от одного-другого «С Новым Годом!» собрались ложиться спать. Но вдруг услышали звуки музыки. Живущие с нами в одном отделении театральные музыканты из арестованных вздумали «тушем» приветствовать Новый Год. Говорят, кое-кто был весел и от русского веселия — «пьяного зелья», прибретшего и к нам в тюрьму. Ночь прошла спокойно, и сегодня, как ни разу прежде, проснулись в 9.40 утра. Так долго проспали или, как стали шутить, говоря: «Сном великим встретили Новый Год».

/.../ Эти дни мы будем проводить в составе одних священников. Наши генералы, пользуясь их занятостью в вечерние часы в кинотеатре на Знаменской 24, ночи и дни будут проводить дома, чему радуемся и мы, не только за них, но и за себя. Вероятно, в силу воспитания, условий быта у нас, священников, составилась иной духовный мир, который не позволяет нам разделять очень многого в мыслях, настроениях, интересах нашей интеллигенции.

Прежде всего я не перевариваю их много- и пустословия. Это какие-то ходячие говорильни, говорят без конца. Только продирают утром глаза, и уже начинается у них разговор, и так заводится машина на целый день. Перед сном последние слова непременно слышатся от них, и это когда уже все легли и, по нашим правилам, никто не должен нарушать тишины. Второе — безыдейность, мелочность в их разговорах поразительная. Характерные

чиновничьи пересуживания старого и былого на тему: каким был Иван Иванович, как говорил Иван Петрович, к кому и как относился Икс Игрекович, какие словечки изволили изрекать Его Превосходительство и т.п. В-третьих, меня раздражает в их суждениях о других тенденция найти и сказать о других что-нибудь темное, нехорошее. Добрые отзывы слышатся лишь изредка.

Эта их говорливость как-то многих из нас волнует, и без них мы себя чувствуем более в своей тарелке и даже между собой бываем дружнее. Они любят еще как-то из самых обычных вещей устраивать секреты, шушукаясь то с тем, то с другим из нас. Да, что бы ни говорили, но своя среда, свои люди всегда лучше делают беседу и более сносной жизнь. Как не благодарить поэтому Бога, хотя бы за то, что мы живем своей обособленной семьей и можем устраивать жизнь по нашему желанию /.../. Возвратился с прогулки. Выслушал вновь новую версию о расстреле Вениамина. По обычаю — фантастично, с новой прибавкой, что трупы расстрелянных были сожжены в крематории. /.../

25

23 декабря [1922] / 5 января 1923

С праздником Вас, дорогие мои!

Пришел я в камеру со свидания с тобой, дорогая моя, и тихо, радостно стало на душе. Как будто я тебе ничего такого и не сказал, что бы могло считаться излишним и облегчением души, и от тебя ничего не услышал, что бы могло утешительно подействовать на меня, но обычно всегда после свидания с тобой и даже с детьми чувствую себя новым человеком, обрадованным чем-то приятным и довольно радостно настроенным надолго.

Вторник вечером я занялся чтением интересной для меня по теме студенческой работой о. Чукова о том, каким себе представляли Мессию предшественники Христа — евреи. Они так много напридумали разных человеческих преданий, извращений закона Моисеева и пророков, что в распятии Христа, собственно, нужно винить не его современников, а их отцов и дедов.

Это навело меня на мысль о нашей русской церковности: нет ли в ней многого человеческого, ставшего на место Господнего и Лик Христов затемняющего? И думается, что если бы не было много человеческого, то не было бы и Живой Церкви.

24 декабря [1922] / 6 января 1923

Вчера унесли чернила, и прервалось мое письмо. Сегодня заседание Распредкома (т.е. распределительной комиссии при нашей тюрьме). Собирается он каждую пятницу. Состоит из 2-3 членов ГУМЗ (Губернское управление местами заключения), начальника тюрьмы и коллегии воспитателей. Его права: вновь прибывающих осужденных распределять по работам, колониям и другим тюрьмам, переводить во вторую группу, представлять к досрочному освобождению, давать отпуска и т.п.

Она-то и не дала нам отпуска на 5-7 ноября; к ней же обращены были взоры неких из нас и теперь. У нас почти было решено никому к ней не обращаться: пусть сама о нас заговорит. Но в среду в обед Богоявленский, постоянно беседующий со всеми важными из арестантов и приятель надзирателей и им подобных, объявляет Чукову, что ему, Чукову, начальник на праздники на два дня даст частным образом командировку, что это дело уже устроено.

И здесь же, непонятно почему и для чего, заявляет епископу Венедикту и мне, чтобы мы подавали просьбы в Распредком об отпуске; он же решает остаться без праздничного свидания. Пошли по обычаю толки и разговоры. Весь вечер и четверг в этом провели. Наводили справки [у] кое-кого из близких к властям и решили: заявление подает лишь Плотников, мне же дадут командировку на святках (буду просить на Новый год — воскресенье), Чукова отпустит начальник, а Богоявленский, если уже не устроился, то обделаает свои дела как-нибудь в эти же дни /.../

7 часов вечера. Время идет предпразднично, ничто не идет деловое на ум. Вчера позабыл сказать тебе, что протоиерей Архангелов, как живоцерковник, изгнан из прихода, лишен места и сейчас бедствует. Подобное произошло во Владимирской церкви: там сняли митру с настоятеля прот. Соколова и лишили настоятельства. Так прихожане начинают воздействовать на своих пастырей, примыкающих к Живой Церкви.

Сегодня к вечеру в тюрьме произошел маленький бунт. У нас есть портняжная мастерская в бывшем нашем 7-м отделении. Шили там рубашки, из коих сегодня 50 штук оказались украденными. Пошли расспросы, обыски. Нашли 5 штук где-то в свалке. Кто-то был заподозрен — их было до 25-30 человек — отделили и посадили в нашу бывшую 39-ю камеру. (Кстати сказать, после нас там смогли прожить переведенные туда прачки-арестанты только дней десять. После них посаженные арестанты разболелись на другой

же день, и их там продержали только 3-5 дней, потом перевели в другую камеру. Такова сырость и гадость в воздухе, что в камере нельзя жить, и ее оставили пустой, а теперь обратили в карцер.)

Поднялся шум и крик, были вызваны войска. В последних стали бросать оставшимися после нас бутылками, кирпичами. Чем-то попали в Сгольда, не причинив ему, однако, вреда. Успокоения и теперь на отделении мало. Вот вы теперь и судите, в какой антисанитарии находятся камеры и в обществе каких компаньонов и соседей мы прожили до 23 ноября — целых три месяца. Теперь наше положение в 10-м отделении прямо барское. /.../

27

25 декабря [1922] / 7 января [1923]
Праздник Рождества Христова

День христианского торжества и радости. День, в прежние годы нашей семейной жизни, единения всех нас вокруг семейного стола, при общих разговорах и при взаимном объединении. Ныне и для вас, и особенно для меня — не то, не то...

Вчера, после напряженного ожидания разных утешений, получили отказ для всех. Только один Парийский ушел. Почему так получилось, ничего не знаем. Как причину указывают на такой факт. Среди арестованных есть некто Тайнович, еврей, владелец типографии, человек богатый. Он хотя и с такими же правами, как и мы, но почти не является в тюрьму, живя все время дома. Ввиду каких-то недоразумений его с рабочими последние донесли на него, что он не в тюрьме, а все время проживает дома. В ночь на субботу он был арестован. Это всполошило тюрьму, и из-за страха многие, в том числе и Чуков, Огнев, Елачич, остались дома... Но, вероятней всего, причина сему другая — в нашем положении церковников.

Я уже писал, что епископ Венедикт в пятницу в Распредкоме просил об отпуске на праздник. Я всеми силами своей логики доказывал всю бесполезность, а, может быть, даже вред для нас, особенно для Чукова. Против меня особенно восстал Богоявленский, приняв мои слова как бы за личную обиду для себя.

И что же? Венедикту отказали, и Брандес, отказывающийся член этой комиссии, сказал: «в принципе я ничего не имею против отпуска его, но могут увидеть его на улице, узнают о его отпуске, дойдет до высших... ведь тогда меня уволят от должности?». Это сказало высшее тюремное начальство. Мог ли после этих слов, при этом страхе, быть менее трусливым наш начальник?! Мои

слова оправдались, но от этого лишь нам тяжелее, и мы теперь, если ничто не изменится, не можем уже мечтать до Пасхи об отпуске.

Как ни неприятен был для нас этот вчерашний поворот дела, но я чувствовал себя довольно спокойным и благодушным. В 4.30 начали служить при наличии всех сокамерников вечерню. Ею еще более приободрились и успокоились. В 7.30 я исповедовался у епископа Венедикта. Наша церковная практика давно не имела уже таких исповедников. Вопреки Слову Спасителя, в умаление благодатных полномочий епископа, лишь при неумелом и вредном стремлении удалить его от народа, епископ не крестит, не брачит и даже не исповедует. Он, значит, не отправляет своего служения целостно, полно...

Я исповедовался с радостью, ибо давно желал этого и давно не чувствовал на душе так легко и уютно, как после исповеди. Приступили к праздничной всенощной. Отправили как следует, по-праздничному, с благословением хлебов, с помазанием елеем. И даже очень громко, безбоязненно, что привлекло к дверям камеры благочестивых слушателей. В 10 часов вечера сели за чай. Зажгли на столе настоящие малюсенькие елочные свечки... Настроение у всех было молитвенно-торжественное и в то же время грустное.

Думы всех были около своих родных-дорогих. И в голову лезли воспоминания, мечты. Все сидели молча, каждому хотелось остаться самому с собой, не хотелось вводить других в свое душевное святая святых. Но вдруг Огнев заговорил: «а теперь мои возвращаются из церкви домой, а я...» Речь прерывается детским плачем его. И невольно полились слезы у меня. Смотрю на других, то же малодушие и у всех. Но это — одну минуту. Скоро мы ободрились, посмеялись над собой и принялись за чаепитие, прерванное слезами и мыслями о дорогих, постаравшись занять себя иными разговорами. После этого я прочитал вечернее правило, лег и быстро уснул. Спал превосходно.

Встали сегодня в 10 часов утра. По обычаю отправили полагающуюся у нас в праздники службу, причастились. Настроение у всех — замкнутое, было похожим на вчерашнее, после всенощной. Я видел своих братьев плачущими втихомолку при прикладывании к нашим иконкам после причащения. Я был крепок, не проронил ни одной слезы. За чаем я разговелся. Потом, проветрив комнату, все принялись за письма: хочется, не видя вас, поговорить с вами. /.../

6/19 января [1923]

/.../ Сегодня, часов в 5 вечера, Богоявленский экстренной эстафетой был уведомлен, вероятно, от супруги, что он получил амнистию, о чем он немедленно возвестил нам. В каком размере амнистия — не уведомляют его. Эта весть, кажется, встревожила несколько одного лишь епископа Венедикта маленькой досадой и завистью. Я, продумывая свое отношение к амнистии Богоявленского, должен сказать, что в душе у меня не было ни капли недоброжелательства или зависти.

Эта весть мне показалась самой естественной и доброй. Мне кажется, что если мы, остальные, не получили никакой амнистии, то амнистирование одного из нас может хоть немного облегчить наше положение. Дай, Господи! Я очень рад, что в своей душе я не нашел ни капельки зависти. /.../

17/20 января [1923]

Вчера не дали мне закончить. Дописывая вышеизложенные строки, я сказал что-то об амнистии и о нашем выходе из тюрьмы. Поднялись разговоры.

Я строил, а другие подтверждали и обосновывали такой силлогизм /.../ Мы себя считаем совершенно невинно в тюрьме сидящими. Но невинны в этом деле — виновны в других. Значит, нужно пострадать за всю свою прежнюю жизнь и перестрадать вообще свою греховность, искупить себя, а для этого нужно переродиться. Но чувствуем ли мы, каждый сам за себя, а тем более замечаем ли мы, что хотя бы несколько, хотя немного изменились к лучшему и, таким образом, крест свой несем достойно и праведно? Лучше ли мы нравственно стали в тюрьме?

Единогласно решили, что в Особом ярусе на Шпалерной в ожидании смерти мы, действительно, стали было нравственно возрастать и ближе к Богу, но здесь опять распустились, обмирщились. Поэтому мы не можем и не должны думать о скором выходе и просить Господа извести нас из темницы в ближайшее время. Нужно сначала заняться нравственным самовоспитанием, нужно постараться, чтобы тюрьма была купелью рождения в паки бытие, а страдания наши — крестом распятия греховности всей нашей жизни.

При таких разговорах, кои вели мы одни, духовные, без мирян, на душе стало легко и радостно. Действительно, если мы

за церковное сидим, то по-церковному, т.е. по-Божьему, мы и вести себя должны. А когда так станем к Богу приближаться, тогда Он нас и из тюрьмы изведет. Захотелось почитать что-либо, что и разум бы наш волновало, а сердце перерождало. Знаний у нас у всех куда как много и больших для остатка дней наших не требуется, а сердце все еще остается жестким, себялюбивым.

У Богдавленского нашелся Печерский патерик, и мы принялись из него кое-что вычитывать. Надумали каждый вечер посвящать доброму сердечному чтению и самовоспитанию. Так приятно закончили мы вчера свой крещенский праздник. /.../

30

8/21 января [1923]

/.../ Нет и слухов никаких ни из тюрьмы, ни из церковной жизни. С твоих, мамочка, слов вчера вписали в свой синодик «заключенных» иеромонаха Тимолая с братией, пожалеем его.

Насколько осведомлена матушка Богдавленского, не знаю, но она бой-баба, — по ее уверению, никакого процесса наших православных церковников не будет. Предстоит лишь суд над католическим духовенством в Питере и над Патриархом Тихоном в Москве. По ее словам, мне и Чукову амнистии нет, потому что не было при Трибунале «адвоката»; теперь матушка Чукова взялась за это дело, о чем она, вероятно, и уведомила Аню. О деньгах на расходы о.Богдавленский просил меня и Чукова не беспокоиться: они будут, сколько бы их ни потребовалось.

Итак, Аня опять в каких-то ходатайницах. Помогите ей Бог! Пусть она только одно помнит, что ее хлопоты от пределов Петрограда не должны выходить, что из ее хлопот все равно ничего не выйдет: мы будем освобождены в зависимости не от хлопот, а от общей церковно-советской политики; еще какой-нибудь один процесс, и духовенство будет приведено к положению послужных граждан...

Меня больше интересует другое. Вчера в «Правде» было официально объявлено, что советская власть идет на большие жертвы в пользу русских ученых и что с января 1923 года все, по академическому пайку получающие денежное довольствие, будут получать последнее в три раза увеличенном размере, почему в КУБУ уже выслано вместо прежних 270 миллиардов 810 таковых. Я думаю, что это и меня коснется, тогда Шура пусть готовит целый мешок для советских бумажек. Эта Божья милость к нам облегчит положение наше. /.../

Оставшись одни, мы, духовные, очень довольны отсутствием наших мирян — без них спокойнее и как-то душевнее, да и мы один к другому ближе. Заговорили о том, почему мы, духовные, не постарались освободиться от них в начале нашего тюремного жития. Я заметил, что виновником нашего однокамерного пребывания мирян и духовных вместе являюсь я, и рассказал следующее.

Еще в половине августа, до перевода нашего в 39-ю камеру 7-го отделения, когда мы жили еще на пересыльном отделении и решался не раз поднимавшийся вопрос об избрании для нас камеры, среди нас, духовных, часто бродило мнение: просить для себя четырех отдельную небольшую камеру. Тут как-то приключился горячий, неприятный инцидент между Богоявленским и Чуковым, с одной стороны, и Огневым — с другой. Окончательно было решено расстаться. Мне, как нейтральному, поручено было переговорить с Огневым и Елачицем.

Помню утреннюю осеннюю прогулку по двору. Ко мне подходят оба «генерала» и, оказалось, уже осведомленные в наших предварительных рассуждениях. И Огнев начинает меня, как «серьезного протоиерея», со слезами на глазах молить (в буквальном смысле слова) повлиять на других отцов, чтобы не разлучаться всем смертникам, ибо для них, брошенных в тюрьме среди всяких подонков общества, наше отъединение будет духовной гибелью и для здоровья очень вредно. Говорит, что всем нам выпала тяжелая одинаковая доля и вместе мы ее и должны нести и что ни в чем не должны друг друга покидать и во всем действовать совместно и солидарно.

Мне стало очень жаль «генералов», и я убедил своих, и мы доселе живем вместе. Но «генералы», как только им представился маленький случай, так сейчас же стали действовать только для себя и в своих интересах: устраивают с ноября командировки, личные свидания при наилучших условиях, а теперь устроились в кино с постоянным пребыванием дома, являясь в тюрьму, как в гости. А мы пока все при своем старом корыте. Хотя, впрочем, мы очень довольны, что часто остаемся без наших «генералов», что без стеснения и выражаем им.

Этот маленький, ничтоженький случай — все-таки яркая характеристика нашей интеллигенции: трусливой, себялюбивой, без конца говорящей и все обещающей, но делающей только полезное, хотя бы и мелко выгодное, хотя бы и далеко не честно, только опять для себя. Тут не за себя обидно, но за Русь: разруха ее не от большевиков, а от наших интеллигентских краснобаев, морем слов затопивших ее, а большевики только в мутной воде пустомелия ловили русского глупого карася.

10/23 января [1923]

/.../ Сегодня на утренней прогулке, после долгого предварительного рассматривания меня, подошел ко мне очень солидный арестант и назвал меня по имени. Я его не узнал — он отрекомендовался: «Богачев, сын Павлы Иониевны». Это — ее старший сын, проживавший на Измайловском пр., 2, напротив собора, артиллерист. Он с августа сидел на Шпалерке в строгом отделении и 5 января вместе с партией в 22 человека переведен к нам.

Они все еще следственные, обвиняются в какой-то измене, будто бы ими подготавливаемой на финляндской границе еще с 1919 года. В эту субботу начинается суд. Многим из них предъявлены статьи с расстрелом, ему предъявлено небольшое — годичное заключение, но он надеется на освобождение. Настроение у него не бодрое. Павла Иониевна, по его словам, с августа живет в Москве, где у нее умер старший сын. Так вот и в тюрьме подбираются знакомые. /.../

11/24 января [1923]

Сегодня день солидной прогулки на свежем воздухе. К 9 часам утра мы были совершенно готовы, когда пришел надзиратель с приглашением нам идти на работу. Это был второй выход за пять месяцев сидения за воротами: первый — когда ходил к вам домой.

Было яркое с небольшим морозцем утро. Начинало светить солнышко, потом ярко и ласково смотревшее с неба на нас. Нас, четверых священников, подвели было сначала к электрической пилке дров — такая же, как в институте, только более усовершенствованная и поэтому более легкая и безопасная. Но около нее уже были рабочие.

Тогда нас повели уже в другое место вместе с пятью такими же, как мы, арестованными. И мы стали лопатами сгребать мусор и сбрасывать его в ящик, поставленный на санные полозья, и своими силами вывозить за ограду на речку Монастырку, что против митрополичьего сада, и сваливать. Работа очень нетрудная, к тому же наши стражи все нас останавливали, предупреждая не особенно ревностно работать. В конце концов выходило по басне: «мы пахали», а работали 5 человек молодежи. Через каждый час работы полагался отдых; мы шли (кто желал) в ко-

чегарку и там грелись или оставались на солнце во дворе. Так «проработали» до 12 часов дня. /.../

Церковная жизнь все еще не радует нас. Сегодняшние свидания говорят, что епископы наши: Николай Ярушевич и Артемий Лужский хотят мира церковного, но некие раздорщики-протоиереи мешают этому. В эту пятницу будто бы будет собрание какого-то духовенства для выбора митрополита. Намечаются кандидаты помимо сих двух архиереев, а именно Сергей Владимирский, хорошо всем известный как ректор местной Академии и архиепископ Финляндский, и Евдоким Нижегородский, у которого самые согласные отношения с советской властью. Оба эти кандидата — очень желательны. На них можно положиться и от них можно ждать утишения нашего петроградского раздора.

/.../ А в жизни 1-го Исправдома опять неприятное. Тиф там все продолжается, и заболел еще священник о.Митрофан Ливенцев, перевезенный уже к Гаазу. У нас, с этой стороны, благообразие Богу, пока все спокойно. /.../

Сейчас мало-помалу собрались все четверо, уходившие в командировки и не ночевавшие в камере. Теперь очередь за Венедиктом и мной. Пришедший Парийский (масло ему передал еще в субботу) принес церковные новости: архиепископ Николай Соболев ушел на покой. Управление епархией взял епископ Артемий, старого рукоположения. И он обратился со следующим воззванием, прочитанным в Лавре, в соборе, еще до Рождества.

ВОЗЗВАНИЕ

2-го января (по нов. ст.) 1923 архиепископ Николай письмом на имя Петроградского Епархиального Управления заявил о своем удалении от управления Петроградской церковью на покой. Я — старший vikарий Петроградской митрополии, Артемий, епископ Лужский, вступил по исконному церковному обычаю во временное управление Петроградской епархией и призываю Божие Благословение на Петроградскую Паству.

Верный заветам Святой Церкви Православной, я намереваюсь в ближайшее время исходатайствовать у подлежащих властей разрешение на созыв Епархиального Собрания духовенства и мирян для суждения о правящем епископе церкви Питерской и составе П.Е.У.

В настоящее же время всех пастырей и мирян призываю к молитве, дружной церковной работе, взаимному доверию и любви. В ближайшие дни учреждается мною комиссия из авторитетных знатоков церковного права, к участию в которой приглашаю и собрата моего епископа Петергофского Николая, [чтобы] беспристрастно осветить для общего сведения все перерекаемые вопросы церковной жизни...

Этот факт может быть очень добрым началом. Значит, у власти — законный епископ. Он законно предполагает собрать епархиальное собрание. Если оно будет составлено без всяких внешних давлений, то законно и правомочно будет сказать слово о всех наших церковных настроениях, и его решению все обязаны будут подчиниться.

Жаль, как говорят, Николай Петергофский и некоторые питерские автокефалисты держатся непримиримой политики — грех возможного несоглашения ляжет на их совесть. Артемий предлагает даже Николаю управление епархией, а сам не прочь снова уехать в Лугу. А Николай отказался даже от участия в комиссии, куда приглашает его Артемий. Дай Господи, чтобы людские страсти и самолюбие не вмешались сюда и не расстроили этих добрых начинаний. Куда-то денется наш о.Николай Сахаров? Вот уж поистине ни пава, ни ворона, ни поп, ни архирей.

Вернувшийся сейчас из дома о.Чуков очень доволен командировкой. Говорит, что пребывание дома внесло отраду в семью, и прощание сегодня с домашними несколько не расстроило ни его, ни супругу. Сильно захотелось и мне побывать дома. Богу помолюсь, авось, устроится.

Вчерашний вечер, когда мы оставались впятером в своей камере и занимались каждый своим делом, напомнил святочные вечера в Казани, в Академии. Я был из тихих и скромных студентов. Знакомств в городе почти совсем не имел, в гости не ходил, сидел в Академии и занимался. В святочные дни многие разъедутся по домам, а вечерами разойдутся по театрам и гостям. Останемся мы в своей комнатке человека 3-4 (из 10-15), сидим себе спокойно и занимаемся. Тихо кругом. Безлюдно и в других комнатах. Кое-кто пройдет в коридоре или раздастся какой-нибудь унылый звук гитары или невеселый напев песни. Грустно и невесело у нас на душе вдали от родных. Но более усиленными и трудово-упористыми занятиями гналось представление о домашних... Так и теперь — на старости лет, только, конечно, с изменением в худшую сторону.

12/25 января [1923]

Пришедши со свидания, я застал Богоявленского, стоящего с письмом в руках. Это — присланное из Оренбурга от высланного туда о.Сергия Вознесенского, настоятеля церкви при б.Государ-

ственной Думе в Таврическом дворце. Он описывает кратко, но сердечно и откровенно все происшедшее с ним от ареста в половине августа до первых дней устройства на свободе, под надзором современной полиции, в Оренбурге. Он, как дитя, был рад данной в Оренбурге свободе после месячного скитания по тюрьмам Питера и Москвы. Как же, я думал, будем рады мы свободе, если Бог благословит нас ею после многих, многих месяцев сидения в тюрьме! /.../

Но тяжело досталась ему и остальным 15 узникам свобода! Сколько мытарств пришлось перенести им! Как много поголодать! Как оказаться без крова и знакомых людей по выпуске из оренбургской Чека! А сколь всего этого тяжелее — не иметь возможности не только видеть родных и знать, когда их увидишь, но и ничего не знать о них и о себе не давать никакой весточки! Ведь письма приходится пересылать только с оказией.

Все это сообразивши, я не позавидовал свободе этих сосланных отцов. Я предпочитаю ей все-таки тюрьму в своем городе, вблизи своих родных и дорогих, где если не все видишь, то все слышишь. /.../

13/26 января [1923]

Сегодня вторично совершили превосходную утреннюю рабочую прогулку с 9 часов утра до 1 часа дня. Работы почти никакой, ибо нельзя считать за нее переноску небольших бревен на расстояние двух саженей и перевозку их, перепиленных не нами на электропиле. Аппетит и самочувствие превосходные.

В обед услышали, что только 3-4 дня тому назад заболевший в 1-м Исправдоме и перевезенный в больницу Гааза преподобный о.Митрофан Ливенцев скончался. Это третий с начала нашего процесса умерший священник: во время процесса — о.Виктор Семенов, по осени — о.Михаил Союзов и Ливенцев. Да и из мирян умерли двое: Борисов и Королев.

Сегодня утром отправился в суд мой сокашник о.Арсеньев и, конечно, будет освобожден. На его место прислали двух: одного вчера — следственного о.Давыдова из села Вейно Гдовского уезда, обвиняемого в контрабанде, и о.Покровского из Псковской губернии, без суда, административным порядком высылаемого в Ташкент за дискредитирование советской власти — он крестил ребенка у коммуниста и женил коммуниста.

Этого бедного батюшку томили в псковской Чека, без передач и прогулок. Несчастливая молодая жена и двое малюток почти ниче-

го не ведали о нем. В летнем одеянии, весь во вшах. Завтра устроим вместе с собой и ему баню и дезинфекцию его одежды. Маленького того и другого батюшек подкормили. О.Покровскому отдал свое грязное, но не вшивое белье, почему обратно ты его не получишь.

Вчера совершенно неожиданно получил записку от одного осужденного: «Батюшка, я совершенно голодаю. Простите, что Вас беспокою. Я бывший Ваш ученик по гимназии Штенберга — Ткачуков». Ткачуков?! Да ведь это — Павлушин бывший по первым классам гимназии товарищ и приятель! Иду по указанному адресу, очень близкому к нашей камере. Отыскиваю. Мало изменился. По его словам, все время революции жил один — семья его, лишившись всего имущества, ушла в Польшу. Предоставленный сам себе, безо всякой нравственной и материальной поддержки от родителей, он служил на Николаевской железной дороге, заведая или стоя близко к какому-то вещевому складу. Минувшим летом он из него продал лично для себя два пуда сахару.

Попался, его судили и осудили на 1,5 года тюрьмы. Половину сбросили по амнистии. Три месяца уже просидел в Знаменской колонии, с неделю как у нас. Юноша производит впечатление очень тихого, забитого и голодного. Надо его немножко поддержать питанием. Если от вашего обихода можно что-нибудь отнять, я ему буду передавать, чтобы ему не захиреть и впасть в тоску. Ему еще месяца два придется просидеть. Таково положение одинокого, безродного. /.../

35

19 января / 1 февраля [1923]

/.../ Сегодняшнее свидание с П.Н.Ивановским сильно всколыхнуло нас, сидящих. Идут и сейчас горячие рассуждения о законности смещения прот.Введенским Патриарха Тихона, о значении церковных канонов, о питерских епископах и т.п. Мы, изъятые из жизни церковной, очень ею интересуемся; сидящие без дела — судим и пересуживаем всех работавших и работающих «там»; не знающие ничего — постоянно наталкиваемся на всякие иксы, а все-таки толкуем. Толкуем с жаром, оставляя свои делишки. /.../

7 часов вечера. Писание мое было прервано вызовом на личное свидание. Приходил о.Серафим Архангелов. Он — очень невзрачного вида, поношенный какой-то. Сидит с половины ноября

без места. Жена и дочери содержат его. Плакался на всех и на вся. Рассказывал всякие сплетни про «живых» и «старых». Спасение — больше свое личное — он видит в объединении всех, о чем просил постараться похлопотать нас и особенно епископа Венедикта. По его словам, у них так думают, что истинная Церковь только у нас в тюрьме и осталась. Почти то же вчера сказал и Ивановский.

«Вы, — говорил он, — не знаете, каким вниманием и авторитетом вы пользуетесь у нас». Мы, право, так о себе не думали. Говорил Архангелов и о Журавском, что он уже уехал в Москву, уехал по поручению от ЧК за какими-то инструкциями касательные автокефалистов. Архангелов оставил очень тяжелое впечатление человека, заслуживающего сожаления. /.../

36

23 января / 5 февраля [1923]

/.../ Вчера же ночью мне сообщили такую приятную возможность. В субботу у Богоявленского была жена. От него она зашла к начальнику и передала ему о предоставляющейся для нас возможности на весну перебраться в Знаменку. Он, выслушав ее, как бы с огорчением за нашу к нему, к его доброму отношению к нам, неблагодарность сказал ей: «а разве им у меня плохо?» Та, заметив его недовольный тон, стала говорить, что они де всем в тюрьме довольны, но вот весной и летом им хотелось бы быть на свежем воздухе. Он ей тогда сказал: «Если так, я их устрою в Чесменку*, это от меня зависит. Там такая свобода, гуляй себе...»

Обсуждая эту возможность, мы трое находим ее для себя весьма приемлемой; епископ Венедикт опасается, что за отдаленностью ее от города как бы не остаться без передач. Не давая пока своего согласия на это предложение, мы поручили бывшему нашему сокамернику о. Арсеньеву съездить в Чесменку, обследовать все и нас уведомить. Мне эта возможность весьма улыбается, ибо и вам туда будет легче ездить, а, быть может, и не придется ездить ввиду существующего там пока порядка — по субботам после работы всем надежным рабочим разъезжаться по домам до работы в понедельник. /.../

* Тюрьма в бывшей Чесменской богадельне на Забалканском пр. — В.А.

25 января / 7 февраля [1923]

Как бодряще действует работа на свежем воздухе! Чувствуешь себя не только физически, но и нравственно здоровым. Не оставляю и школы своей, каждый день посещая ее. Там замечается среди заключенных улучшение в одном направлении: совсем почти перестали браниться. Думается, что в этом есть и наше влияние. Друг за другом следят, и один другого останавливает.

Из втююремных новостей: Богачев Георгий Михайлович, хотя и осужден на три года, но по разным амнистиям, бывшим после 1919 года — года их «преступления», — отпущен на свободу. А вот две смерти: умер о.Димитрий Васильевич Рождественский, ключарь Казанского Собора, высокий полный мужчина лет 63-65, бывший у нас на прежней квартире с иконой Царицы Небесной. Смерти его ждали, ибо тяжело болел с лета. Покойник должен был быть на нашем процессе на нашей скамье или, во всяком случае, среди высланных отцов. Но он все делал, даже неблагопристойное, чтобы избежать того и другого. И смерть нашла его. В семье осталась жена и два самостоятельно живущих сына.

А вот смерть о.Григория Сербаринова, молодого священника лет 30-35 от Скорбящей на Шпалерной, очень тяжела. Он — изгнанник, сосланный в сентябре вместе с другими на Урал, крепкий и здоровый, умер от воспаления брюшины. У него остались три или четыре малютки и, конечно, без всяких средств. Он — рязанец из Егорьевского уезда. Итого, гонение на духовенство переселило на небо трех протоиереев здесь в Питере и двух священников из сущих в изгнании. Как не благодарить Господа, что Он ради детей оставил меня вместе с тобой, наша мамочка! Не только видимся в тюрьме, но и свою квартиру даже могу видеть.
/.../

27 января / 9 февраля [1923]

Вчера был у нас сидевший с нами о.Арсеньев. Он ездил в Чесменку и обследовал по нашему поручению условия возможной нашей жизни там. Расхваливает Чесменку вовсю, советует всем ехать туда. Мы все, четверо или пятеро священников, решаемся просить об отправке нас: только надо обдумать, как этот переезд устроить... Сегодня часа два тому назад был у нас заведующий Чесменкой, один из наших помощников. Он очень доволен нашему желанию переехать к нему. Обещает нам все удобства и льготы, находит и работы около парников. Мы еще больше порадовались. Только бы перевестись туда.

Сегодня около 4-х часов дня был у меня Журавский, приехавший из Москвы. Рассказывает невеселые новости, утверждает, что автокефалистам грозит суд или высылка. О нас он ничего не говорил. Посидел около часика.

39

29 января / 11 февраля [1923]

Закончили свое праздничное утро. В синодик заключенных внесли новые имена: Николая, епископа Петергофского, протоиерея Александра Беляева (от Николая Морского), Василия Сокольского (от Благовещения с Васильевского острова), Петра Ивановского (из Экспедиции), Иоанна Тихомирова (от Благовещения с Васильевского острова). Всех их, а может быть, и еще других, нам неизвестных, арестовали с четверга (26 января) на пятницу (27 января). За что, пока не знаем, но епископу Николаю предлагали и такой вопрос: признает ли он ВЦУ (Высшее Церковное Управление)? Значит, за автокефалию.

Арестованы держащие крайнюю правую, так называемые строгие, не желающие никакого соглашения с Живой Церковью. Жаль их, но, пожалуй, без них скорей упразднится раскол, и все придут к соглашению. Об этих арестах говорил мне и Журавский. Из всех этих отцов, почти бессемейных, особенно жаль Тихомирова: он вдовец и 8 человек детей в возрасте от 2-х до 15-ти лет...

Говорил Журавский и о предстоящем процессе над церковниками — теперь уже в количестве 116 человек. Но как я понял из его слов, эти 116 человек в ведении Гороховой, а не суда, и судить их не за что. Это было бы очень долгой, а потому теряющей свое угрожающее значение процедурой. Их ГПУ (Гороховая) легко может повысылать, как, вероятно, и будет поступлено с только что арестованными. Конечно, во всех этих арестах и высылках — рука живоцерковников.

Журавский рассказывал и еще такое интересное. Вы, конечно, помните, что нас судили будто бы за нашу связь с черносотенным Собором, бывшим 21 ноября 1921 года за границей в Карловцах. Когда наша Москва узнала о сем Соборе и о его постановлениях, направленных против советской власти, — к взрыву ее при помощи духовенства и религии, — то такое озлобление было против российского духовенства (а мы о самом Соборе-то Карловацком узнали только на суде), будто бы находящегося в сношениях с Карловцами, что решено было через казни, тюрьмы и высылки покончить с ним совершенно.

Но против этого восстала еврейская партия, справедливо расценившая, что такая открытая расправа с Церковью вызовет еще более сильную вражду к евреям и здесь, и за границей. Тогда решили покончить с духовенством, но под каким-либо благовидным предлогом, найдя и показав всем его вину перед Россией. И вот был издан в феврале 1922 года декрет об изъятии церковных ценностей, через то или иное отношение к коему обнаружится отношение духовенства и к власти. Мы же, ничего не знавшие о Карловцах и о таком большом для нас значении этого декрета, приняли его прямо, открыто, честно, без всяких гаданий об уловлении им нас, и попались. На мой вопрос Журавскому, почему правительство так поддерживает Живую Церковь, он вскрыл истинную подоплеку, о коей и прежде говорили и писали и которая является вполне правдоподобной.

Москва, намерившаяся прийти от разрушения к созиданию и посему во всех отраслях жизни и управления восстанавливающая все прежнее, старое — от пивных до сберегательных касс, — не могла остаться при одном только желании: упразднить веру. Эта, как необходимая, естественнейшая и законная потребность души — неискоренима. Да и граждане суть в то же время — люди веры. Вот почему из двух направлений, сильно обособившихся и в прежние годы: гнать и искоренять веру во что бы то ни стало, не обращая внимания ни на что, или войти с ней в соглашение на выгодных для себя условиях, последнее время возобладало второе.

Здесь встал другой вопрос: с какой общиной верующих иметь дело — с православной или католической церковью или сектантами. За первых было то, что к ним принадлежит громадная масса верующих; они исторически проявили свое значение. Но и с Православной Церковью, как контрреволюционной, каковой она им казалась, они не могли действовать. Им нужна была обновленная церковь, обновленная в их духе, их признающая, им помогающая, их благословляющая. Тут-то и пришли им на помощь Введенский, Красницкий и К°. Произошла церковная революция — Тихон низвержен, старая Церковь с прежними людьми, взятая под сильное подозрение, отдана была под суд и разграбление, а Живая Церковь поддерживается как помогающая.

Так большевики от отделения Церкви от государства пришли снова к сближению с Церковью, поставляя ее себе в услужение. То есть опять здесь происходит возвращение к старому: прежде Церковь служила царизму, теперь должна служить большевикам; тогда то было несчастьем для нее и теперешнее для нее не будет радостно. Но твори, Господь, Твою волю. Только через огонь

золото очищается. Нас лично происшедшие аресты коснуться не могут ни с какой стороны. /.../

40

7/20 февраля [1923]

Начался Великий Пост. В тюрьме его, конечно, ничто не подчеркивает, но настроение у наших заключенных — по крайней мере нашего отделения — ярко отмечает его: не слышно песен, музыканты приумолкли, и все вообще призатихли; все как будто стараются уйти в себя самих. Мы решили Великий Пост, его первую неделю, отметить ежедневным отправлением повечерия и чтением канона Андрея Критского.

Вчера его совершали только четыре священника (без Бого-явленского), и я за службой так хорошо себя чувствовал и так радостно молился, как молился только в Особом ярусе на Шпалерке. Повечерие и Канон прочли и пропели без малейших выпусков, и это заняло только полтора часа. Утренней постовской службе не нашли мы времени: около 9.30 выходим на работу. Сегодня с удовольствием чистили двор от свежего мягкого снега. /.../

В городе среди духовенства беспокойно. Говорят об арестах еще некоторых в ближайшие дни. Прежние арестованные переведены на Шпалерку и рассажены в камерах попарно: еп. Николай и Ивановский, Беляев и Тихомиров, и только Сокольский сидит один в самом низу, где и темно, и холодно, и сыро. Помогите им Бог. /.../

41

8/21 февраля [1923]

Сегодня получили определенное уведомление, что в ночь с понедельника на вторник епископ Николай и четверо арестованных с ним священников из ДПЗ отправлены в Москву. Москва является обычным этапным пунктом, откуда священники рассылаются по разным местам.

Это известие снова вызвало у нас разговоры на тему о нашем Московском ВЦУ, о его канонической основательности, о нашем к нему отношении и т.п. Обсуждаем втроем, а потому более или менее согласны в своих суждениях. ВЦУ придется признать — примириться с фактом необходимо, поскольку он не противоречит совести. Но тогда ставится вопрос: зачем же эти жертвы в лице митрополита Вениамина и прочих?! И тяжело и тускло становится на душе...

По всем церквям Петрограда рассылается от местного ПЕУ требование внести деньги взноса на различные епархиальные нужды в виде известных процентных отчислений. Что делать церквям автокефалистов? Не вносить, значит себя поставить в разряд непокорных и через то подвергнуть себя опасности высылки. Внести, значит признать местное Епархиальное управление, а за ним и Московское ВЦУ. Духовенству здесь придется решать большой значимости вопрос, и оно его, вероятнее всего, решает во втором смысле, т.е. взносы сделает.

Об епископе Артемии, теперь управляющем епархией и бывшем викарии старого рукоположения, пока доносятся хорошие вести. Приятен лично мне он уже тем одним, что не признает о. Сахарова и Попова за архиереев — запретил им служить в Лавре и сам с ними не служит. В Прощеное воскресенье они не участвовали с ним за вечерней и в обряде прощения, где обычно участвовали викарии. И жаль о.Николая, ибо нечем совсем жить, и сознаешь всю ненормальность его положения: ни поп, ни архиерей. Хотя и старому, но наука ему и всем нам — старым и молодым, и уже отработавшим, и еще не вступившим в жизнь: никогда не надо ни на какое свое служение, на свою работу смотреть преимущественно с точки зрения куска хлеба — ошибешься и останешься опозоренным и голодным. /.../

42

17 февраля / 12 марта [1923]

Вчера был у нас заведующий Чесменкой и передавал нам, что у него для нас уже все устроено и уже комната отапливается, что он вчера же вечером обо всем доложил начальству тюрьмы на предмет нашего отправления туда. Бывший сегодня о.Арсеньев, который был у нас в квартире на 2-й Роте, передавал, что уже им на пожертвованные миллионы закупаются для нас предметы питания, чему мы трое очень радуемся: помимо прочего избавит тебя от положения вьючного животного. Как бы хотелось поскорее туда перебраться — ведь там мы в полной свободе и с отпуском на день домой еженедельно (такой там пока порядок доселе) /.../

Сегодня совершенно неожиданно к нашему епископу приходил епископ Артемий. Много он сообщил мрачного о положении автокефалистов. Из Москвы ВЦИКом прислан саратовский протоиерей Колобов затем, чтобы окончательно разделаться с неповинующимися ВЦУ. Дня два тому назад уже арестованы прот. Налимов и Либин (из Казанского Собора), Велтистов и Стефанович

(из Исаакиевского Собора), предстоят еще аресты 10-15 священников, а может быть, и мирян. В ПЕУ идет расследование, почему не состоялось в Исаакиевском Соборе Торжество Православия. Артемий высылает из Питера Николая Сахарова в Ладугу под видом как бы управления Новоладожской церковью, а на самом деле, чтобы отделаться от него, ведь в Ладогe и жить-то будет негде.

43

18 февраля / 3 марта [1923]

Вчера было неприятное сообщение: тюремные коммунисты обратили свое милостивое внимание на нас и заметили, что у «попов» много бывает свиданий, и что-то по этому поводу решали, а быть может, и решили. /.../

Сегодня в 12 часов дня совершенно неожиданно привели к нам 7 монахов с Новоладожского подворья с иеромонахом Тимолаем во главе. Хотелось было их взять к себе в камеру, но у нас только одно свободное место, а требовалось, если поместить их, то всех вместе, и их тогда поселили выше, над нами, в пересыльном отделении, где в августе 1922 года жили мы. В каком положении их дела, за что их судят, узнать не удалось. Пока лишь наделили их хлебом и немного супом. /.../

10 вечера. Сегодня наша всенощная, начавшаяся около 8-ми часов, прервана была самым неожиданно неприятным образом. Только что мы начали петь канон, как в пустом коридоре (все наши сообитатели ушли в театр — обычный по субботам) раздался вдруг звучный начальственный голос, обращенный, по-видимому, к надзирателю: «отопри камеру».

Сообразив что-то неладное, мы закончили с пением, епископ снял епитрахиль, лампадка погасла сама, позакрыли кое-какие богослужебные книги. И в дверях нашей камеры появился дежурный помощник начальника тюрьмы коммунист Никитин. «Это что такое у вас тут происходит? Богослужение совершаете? Литургию?» — начал он допрос нам. Сначала было горячо и взволнованно, но без криков и грубостей, а даже, пожалуй, деликатно повел он свои рацеи. Мы, конечно, должны были в послушном молчании воспринимать его наставления.

Минут 5-7 он втолковывал нам, что в РСФСР нельзя молиться в тюрьмах открыто, что нужно подчиняться требованиям закона, что по правилам нужно было бы нам остричь волосы и надеть на нас арестантские халаты, но что нам делают поблажки и даются льготы, что мы подводим своим пением начальство под

большую ответственность и что нам нужно убрать с окна все иконы, оставив одну. Кончилось его наставление нам совсем мирно и доброжелательно. Только запретил нам совершать богослужение и общую молитву с пением и велел убрать с окна иконы. /.../

19 февраля / 4 марта [1923]

Скучно. Мрачно. На душе тяжело. В прошлое воскресенье я не причащался, потому что за хождением домой чувствовал себя не подготовившимся к принятию Св. Тайн. Сегодня каждый молился своей тайной молитвой и Св. Тайн решили не причащаться — настроение было не для причащения. Из-за этого произошла маленькая пикировка у епископа и Чукова с «генералами». Я, как вчера во время разговора с Никитиным, так и сегодня во время раздраженной беседы с «генералами», молчал. Но теперь хочется высказаться откровенно и без всякого самооправдания. Я полагаю, что для старших моих детей, а для малышей, когда они вырастут, не безразлично мое поведение в тюрьме.

Они вправе знать, чтобы и себя считать удовлетворенными, и другим, теперь или впоследствии, дать ответ на всякие разнотолки и сплетни, и я обязан им выяснить, почему, по каким мотивам я поступил так или иначе. Около наших имен в настоящее время создается стоустая молва. К нам через епископа Венедикта обращаются с разного рода недоумениями и запросами, на нас стараются опереться и сослаться. Всякое наше слово и письменный ответ перетолковываются, перевертываются; создаются сплетни.

Так, два дня тому назад нам сообщили, что будто бы мы — по одним сведениям, на Гороховую в ГПУ, по другим, в Лавру, ПЕУ — подали заявление, что хотим работать на Живую Церковь, а поэтому нас скоро выпустят на свободу. За это уже начинают, с одной стороны, сыпаться на нас всякие укоризны и упреки в предательстве, а с другой, слышатся надежды на поддержку от нас. А что было в действительности? Да ничего. Никаких заявлений мы никому не подавали, да никто их от нас и не просил. Откуда же эта сплетня? Ведь нет дыма без огня?!

Догадываемся, что весь этот огонь сплетен вышел из такого факта. Дней пять тому назад Чуков получил письма от Чепурина. Тот умоляет его дать ему совет и притом не личный, а общий от всех нас: его избрали как автокефалиста в ПЕУ — идти на работу или нет? Долго и всесторонне обсудив его запрос, мы припомним, что месяца три тому назад мы сами были в подобном ему по-

ложении. Вы, вероятно, припомните, что еще в ноябре Журавский обратился ко мне с предложением исходатайствовать мне свободу, если я соглашусь быть активным работником Живой Церкви.

Я личное свое дело не захотел поставить в рамки эгоизма и, с согласия Журавского, передал его на обсуждение всех союзников — отцам. Тогда же Богоявленским был написан, нами исправлен ответ Журавскому. Ответ этот оказался тогда неиспользованным. Журавский за ним не пришел, и он остался у нас. Но он был подписан всеми нами и светскими: Огневым, Елачичем и Парийским. Вот из него мы и взяли буквально большую часть ответа Чепурину. Там тогда, а Чепурину теперь, писали, что долг каждого пастыря и мирянина содействовать искоренению появившегося у нас церковного разделения, о наличии коего мы сильно скорбим, что мы с радостью готовы послужить святому делу примирения, согласно с нашей совестью и церковным преданием.

Что же дурного мы сказали? И разве другое что-нибудь священник и даже мирянин может думать и желать?! А в результате все-таки сплетня... Конечно, и наши «генералы», уже ушедшие домой под предлогом работы вечером, начнут о нас разносить всякие укоризны — о нашем малодушии и даже трусости перед начальством, об измене вере из-за собственного благополучия.

Вот мне и хочется объясниться перед вами и только перед вами, чтобы у вас не осталось и тени подозрения или недоверия ко мне и чтобы вы могли смело смотреть в глаза всем, кто вам станет говорить что-либо обидное по нашему общему и, следовательно, по моему адресу из-за данного случая отказа от общей молитвы.

4 часа дня. /.../ Я привык и даже правилом своей жизни умею уважать правила и обычаи, и свою жизнь согласовывать с ними, того дома, учреждения, лиц, где приходится жить или бывать. Правило и даже определенный декрет запрещают совершение богослужения в общественных местах, в том числе и в тюрьмах. И раз я остаюсь в пределах РСФСР, я обязываю себя как гражданина подчиняться ее декретам.

Кроме того, наше богослужение с пением (а как бы мы ни старались быть тихими, оно разносилось по всему коридору) в случае, если бы оно стало известным в Москве, принесло бы большие неприятности, вплоть до увольнения от должности, нашему тюремному начальству. И мы бы так жестоко ему заплатили за его к нам снисхождение и внимание, оставив его с детьми без куска хлеба и с постоянной потом бранью по адресу «неблагодарных попов»... Из-за чего же бы это? Стоило ли того самое дело? Чего мы лишаемся? От нас не требуют, чтобы мы не молились или не при-

чашались, а требуют, чтобы мы публично, через богослужение, не выражали нашей молитвы. Каждый про себя с молитвенником в руках может молиться, сколько и когда ему угодно. Будем, конечно, и причащаться так, как бы каждый из нас делал, если бы он оказался в тюрьме в одиночестве. Значит, лишаемся лишь торжественности в богослужении, а не самой молитвы и общения с Христом.

Возьмем теперь обратное. Допустим, что мы не послушаем указания и запретов и будем продолжать наш доселешний порядок богослужения. Конечно, о нем узнают завтра же. И что же? Видя, что мы остались равноправными, нас рассадят поодиночке в камеры со «шпаной» (обычное наименование арестантов-воришек, налетчиков и т.п. преступников) и там, кроме массы прочих лишений, ужаснейших неприятностей и т.п., мы даже иметь возможности молиться не будем — нельзя же молиться под аккомпанемент ужаснейшей брани, шума, гвалта. Но может быть и худший исход. Имею ли я право идти сознательно на него?

Мои обязанности отца побуждают меня там, где дело не касается моих убеждений, моей совести (а здесь это несколько не страдает), беречь себя и свое здоровье. Помнится, я уже писал, что в обстоятельствах, посадивших меня в тюрьму, не было никакой моей вины; не было ничего, что бы я сам творил и что бы я мог или мои дети могли счесть за зависящее от меня и меня ведущее на скамью подсудимых. И теперь в тюрьме я не хочу и молю Бога не допустить меня что-либо сотворить такое, что бы меня сделало виновником детского горя.

Я всегда в жизни и здесь в тюрьме стараюсь руководиться двумя правилами — ничего не делать: а) против своей совести и б) в ущерб, а тем более к беде для моей семьи. И теперь у меня сегодня совесть спокойна, а сейчас, когда я высказался с полной неприкрашенной откровенностью, я совершенно спокоен. Молиться буду как и прежде и причащаться не перестану — только лишусь торжественности в тюремном богослужении, но эта сторона для меня не существенна и для молитвы не важна. Древние христиане по несколько лет не бывали в храмах за богослужением, конечно, не по лени или нерадению, а из-за своего уединенного пустынного жития. И я уверен, что из древних святителей никто нас не осудит за отказ наш от совершения общественного богослужения в тюрьме при создавшихся обстоятельствах. На сем и сим кочаю свое писательство...

АННОТИРОВАННЫЙ СПИСОК УПОМИНАЕМЫХ ЛИЦ

прот. *Арсеньев* Иаков Васильевич — сокурсник Чельцова по Духовной академии, затем настоятель Скорбященской церкви на Шлиссельбургском проспекте, после революции — на Обуховском кладбище.

еп. *Артеми* (Ильинский) Александр Матвеевич (1870-1937) — окончил в Архангельске Духовную семинарию (1891) и в Петербурге Духовную академию (1898). Служил священником в разных домовых церквях столицы. Овдовев, в 1915 пострижен в иноки, в 1917 хиротонисан во еп. Лужского. В 1922 перешел к обновленцам и стал митрополитом Петроградским, но в конце следующего года, покаявшись, вернулся к Патриарху Тихону. Занимал кафедру в Тобольске. Расстрелян.

прот. *Архангелов* Серафим Александрович (1868-1937) — окончил в Казани Духовную академию (1892) и Археологический институт в Петербурге (1908). Работал учителем в Казани и Ревеле. В 1898 рукоположен; до 1903 служил в Эстляндии, затем в Петербурге (Смольный собор, Спасо-Бочаринская, Свято-Духовская церковь). Перед расстрелом в 1937 был настоятелем в храме на Волковом кладбище.

Афанасьев Владимир Павлович (1871-?) — после окончания в 1896 СПб. Духовной академии четыре года работал в хозяйственном управлении Синода, а в 1903 назначен настоятелем Воскресенской церкви при Константиновском училище. В 1922 выслан на три года в Оренбург.

прот. *Белков* Евгений Христофорович (1882-1928) — сын настоятеля Симеоновской церкви в Петербурге. После окончания семинарии поступил в Петроградский университет и затем руководил журналом «Русский паломник». Примкнул к обновленцам и был в 1923-1926 «епископом Ленинградским».

прот. *Беллев* Александр Николаевич (1866-1927?) окончил СПб. Духовную академию, с 1919 — настоятель Никольского собора. Арестован 9 февраля 1923 и выслан на три года в Зырянский край, но через полтора года освобожден и вернулся служить в собор.

проф. *Бенешевич* Владимир Николаевич (1874-1938) — известный византист, член-корр. АН СССР. Арестован по делу митр. Вениамина, но трибуналом оправдан. Позже репрессирован.

прот. *Богоявленский* Леонид Константинович (1871-1943) — окончил СПб. Духовную академию. С 1912 — настоятель Владимирского, с 1919 — Исаакиевского собора в Петрограде. Весной 1922 арестован как председатель Общества православных приходов, трибуналом приговорен по делу митр. Вениамина к расстрелу, но помилован и отсидел полтора года. В 1925 вновь попал под следствие. Служил в Христорождественской церкви. В 1928 возглавил Епархиальный совет, будучи одновременно настоятелем Измайловского собора. В 1935 выслан в Тургай; умер в ссылке.

прот. *Боярский* Александр Иоаннович (1885-1937) — крупный деятель обновленчества в Петрограде. Окончил Духовную семинарию в Житомире

(1906) и Духовную академию в Петербурге (1910), служил полковым священником. С 1915 — настоятель Троицкой церкви в Колпине под Петроградом. В 1922 начал активно участвовать в обновленческом расколе. В 1924-1930 — настоятель Спасо-Сенновского собора в Ленинграде. В 1934 хиротонисан обновленцами во епископа и получил кафедру в Иванове, где летом 1936 арестован, а 10 сентября 1937 расстрелян.

прот. *Велтистов* Василий Николаевич — священник, летом 1922 — весной 1923 — настоятель Исаакиевского собора. До революции был членом Училищного совета при Синоде. В марте 1923 арестован ОГПУ и выслан.

еп. *Венедикт* (Плотников Виктор Васильевич, 1872-1937) — закончил Духовную семинарию в Петрозаводске и Духовную академию в Петербурге (1902). Служил в храмах столицы. Овдовев, хиротонисан 15 августа 1920 во еп. Кронштадтского. На процессе по делу об изъятии церковных ценностей приговорен к расстрелу, помилован и в 1923 вышел на свободу. В конце 1925 снова арестован и выслан на три года в Нарымский край. В 1934-1936 управлял Новгородской епархией. Расстрелян.

прот. *Вознесенский* Сергей Александрович — последний настоятель закрытой в 1920 церкви при б. Государственной думе в Таврическом дворце. По приговору на процессе 1922 г. сослан в Оренбург на три года.

Галкин Михаил Владимирович — сын настоятеля Спасо-Колтовского храма в Петербурге, где, закончив Духовную академию, и сам служил сперва священником, а затем настоятелем. Перейдя после революции на службу к безбожной власти, сыграл зловещую роль в преследовании Православной Церкви.

прот. *Гремячевский* Михаил Иоаннович (1875 — после 1931) — обновленец, уполномоченный ВЦУ; член Епархиального управления. В 1922-1926 — настоятель собора ап. Матфия на Петроградской стороне. Осужден в 1926 по гражданскому процессу.

иером. *Егоров* Лев (Леонид Михайлович; 1889-1935?) — старший брат будущего митрополита Гурия. Закончил университет и три года проучился в Духовной академии в Петрограде. Принял постриг. В мае 1922 арестован, два года провел в ссылке в Оренбурге. После возвращения служил в Феодоровском соборе и преподавал в Богословско-пастырском училище. Снова арестован в феврале 1932 и погиб на кузбасской шахте, в заключении.

прот. *Екатерининский* Николай Клавдиевич — обновленец; в 1925-1932 служил настоятелем Вознесенского собора в Ленинграде. В 1932 осужден на пять лет на уголовном процессе.

Елачич Николай Александрович (1872-1938) — из обрусевших сербов, тесть поэта Полонского. По окончании юридического факультета СПб. университета работал в Государственном казначействе, а после революции — в музыкальном отделе Наркомпроса. Как член правления Общества православных приходов приговорен на процессе митр. Вениамина к смертной казни, но помилован и отсидел полтора года. В 1930 получил пять лет по «делу Преображенского собора».

прот. *Журавский* Иаков Львович (1879-1937) — видный деятель обновленчества. Родился в Витебской губ. в семье псаломщика. В 1905 закончил Духовную академию в Петербурге и служил в Могилевской епархии. С 1912 — священник, с 1919 — настоятель Благовещенской церкви в Новой Деревне. В 1923 — настоятель в Иоанновском женском монастыре на Карповке. Репрессирован.

прот. *Запольский* Евгений Иоаннович (1872-?) — закончил Духовную семинарию в Кишиневе (1894) и Духовную академию в Киеве (1902). Служил военным священником. С 1914 — священник Сергиевского собора в Петербурге. В 1912-1915 — редактор «Вестника военного и морского духовенства». Участник Первой мировой войны. Примкнул в 1922 к обновленцам и преподавал в их Богословском институте.

Ивановский Петр Никандрович (1881-?) — окончил в 1906 Духовную академию в Петербурге, после чего работал учителем. В 1913 рукоположен и назначен настоятелем церкви св. Андрея Критского при Экспедиции заготовления государственных бумаг. В 1923-1926 сидел в Соловках. В 1927-1928 служил в Греческой церкви в Ленинграде, затем был выслан в Зырянский край.

еп. *Иннокентий* (Тихонов Борис Дмитриевич, 1889-1937) родился в Иркутске. После Томской семинарии окончил в 1915 в Петрограде Духовную академию. 28 февраля 1922 хиротонисан во еп. Ладожского, но вскоре выслан на три года в Туркестан. В 1926 сослан в Нарымский край, после чего жил в Архангельске. В 1932-1933 — Белбалтлаг. В 1933-1937 — еп. Старорусский, викарий Новгородской епархии. Прибыв на новую кафедру, был 29 октября 1937 арестован и расстрелян в Виннице.

Красницкий Владимир Дмитриевич (1881-1936) — сын коллежского советника. Окончив в 1907 Духовную академию в Петербурге, служил священником в церкви Елизаветинского института, а с мая 1918 — в Князь-Владимирском соборе. В 1919 был лектором политотдела в Красной Армии и представителем Совдепа «при проведении в жизнь декрета об отделении Церкви от государства». При содействии ЧК стал одним из главных деятелей обновленчества, возглавив группу «Живая церковь».

Либин Николай Ксенофонтович (1878-1937) — родился в Калуге, в семье чиновника. В 1897-1901 учился на юридическом факультете СПб. университета, после чего работал присяжным поверенным. В 1918 принял сан и служил в Казанском соборе. Арестован 28 февраля 1923, но вскоре освобожден. По делу «братств» получил в 1924 два года Соловков. Летом 1928 пострижен; 14 июля 1929 хиротонисан в викарного епископа Лужского. До осени 1933 — наместник Лавры. Арестован в 1935 и выслан в Саратов, где через два года расстрелян.

прот. *Ливенцев* Митрофан Павлович (1876-1923) — родом из Калужской губ. Закончил Духовную академию в Петербурге и служил в домовом храме Свято-Троицкой общины на Песках. 7 апреля 1922 арестован, осужден и умер в заключении от тифа.

прот. *Налимов* Тимофей Александрович (1862-1925) — по окончании в 1886 Духовной академии в Петербурге стал через четыре года магистром. С 1886 — доцент, а затем профессор этой академии. Рукоположен в 1900 во иерея и служил в соборе Зимнего дворца и Скорбященской церкви на Шпалерной. Принимал участие в Первой мировой войне. В 1913 назначен в Казанский собор, где оставался до его захвата обновленцами.

еп. *Николай* (Ярушевич Борис Дороевич, 1891-1961) — видный церковный деятель и известный проповедник. Закончив в 1914 СПб. Духовную академию, стал иеромонахом. С 1918 — настоятель Петропавловского собора в Петергофе. 25 марта 1922 хиротонисан во еп. Петергофского, но вскоре выслан на три года в Зырянский край. С 17 сентября 1927 по 19 февраля 1928 временно управлял Ленинградской епархией. Был ближайшим помощником Патриархов Сергия и Алевксия. Осенью 1960 за протест против хрущевских гонений отстранен от должности.

Новицкий Юрий Петрович (1883-1922) — окончив юридический факультет Петербургского университета, оставлен при нем, и после защиты диссертации стал приват-доцентом, а затем профессором права. Председатель объединенных православных приходов в Петрограде. На процессе митр. Вениамина приговорен к расстрелу.

Онев Дмитрий Фролович — юрист, действит. статский советник, начальник законодательного отдела канцелярии Гос. думы. На процессе 1922 г. приговорен к расстрелу, но помилован и в конце 1923 освобожден.

Парийский Лев Николаевич (1892-1972) — окончил Духовную семинарию и академию (1915) в Петрограде. Преподавал в Минской семинарии. После революции — учитель в школе и секретарь митр. Вениамина, вместе с которым арестован. На процессе приговорен к пяти годам тюрьмы, но в сентябре 1923 освобожден по амнистии. После войны преподавал в ленинградских духовных школах.

прот. *Петровский* Александр Васильевич (?-1924) — профессор Духовной академии и в 1905-1915 настоятель Спасо-Сенновской церкви. На процессе 1922 г. как член правления Общества православных приходов получил три года, из коих просидел год.

прот. *Попов* Михаил Стефанович (1865-?) — закончил в Вологде семинарию (1886), в Петербурге — Духовную академию (1902). Служил настоятелем церкви 2-го детского убежища, с 1907 — Балтийского завода, с 1914 — Сретенского храма при Фельдъегерском корпусе, пользуясь повсюду большой популярностью. Перейдя к обновленцам, стал епископом Детскосельским, в 1925-1931 — Лужским.

прот. *Рождественский* Дмитрий Васильевич (1857?-1923) — по окончании Калужской семинарии учился в 1879-1883 в Духовной академии в Петербурге. Служил настоятелем и законоучителем Павловского училища, затем — в штате Исаакиевского собора. Обвинялся на процессе 1922 г., но был оправдан.

Рязанов (наст. фам. Гольденбах) Давид Борисович (1870-1938) — государственный и партийный деятель.

Сахаров Николай Васильевич (1859-?) — сын священника Новгородской губ. В 1884 окончил СПб. Духовную академию. С 1911 служил в Измайловском соборе. Полковым священником участвовал в Первой мировой войне. Перейдя к обновленцам, принял от них епископский сан.

Семенов Виктор Петрович (1866-1922) — уроженец Баку. Окончил СПб. Духовную академию и на момент ареста 28 марта 1922 служил в Николо-Барградском храме. Умер во время суда.

прот. *Сербаринов* Григорий Александрович (1881-1938) — родился в Рязанской губ. в семье почетного личного гражданина. Окончил СПб. Духовную академию (1905) и был назначен священником в Петропавловскую больницу. С 1912 служил в Скорбященской церкви на Шпалерной, перед арестом — ее настоятелем. На процессе 1922 г. приговорен к ссылке на Урал (слух о его смерти там оказался ложным); после возвращения преподавал на Богословских курсах и служил в Рождественской церкви на Песках. В 1933 арестован и сидел на Колыме. Расстрелян в Казани.

прот. *Соболев* Михаил Николаевич (1858-?) — окончив в 1879 Духовную семинарию в Петербурге, служил священником в Финляндии. В 1882-1895 — настоятель церкви при Мариинском сиротском приюте, затем при приюте в память отрока Василия. С 1919 служил в Матфиевской церкви на Петроградской стороне.

Соболев Николай Николаевич (1888-1937?) — закончил в 1912 СПб. университет, после чего четыре года служил псаломщиком. С 1916 — дьякон, с 1919 — иерей Введенской церкви в Петрограде. В 1922 перешел к обновленцам и стал епископом в Петрозаводске; в 1927-1931 — викарий Ленинградской епархии с титулом Ладожского.

прот. *Сокольский* Василий П. — военный священник, после революции — настоятель Благовещенской церкви на Васильевском острове. Осенью 1922 участвовал в переговорах с обновленцами; в начале 1923 арестован. В 1923-1926 находился в ссылке, затем служил в соборе ап. Матфия в Ленинграде, принадлежавшем обновленцам. В 1935 выслан в провинцию.

прот. *Союзов* Михаил Федорович (1869-1922) — окончил в 1893 СПб. Духовную академию. В 1895-1918 — священник в церкви 2-го Кадетского корпуса; с лета 1919 — настоятель Владимирского собора. При изъятии церковных ценностей арестован и умер в заключении.

Стефанович Николай Александрович (1887?-?) — после Ларинской гимназии закончил в 1904 Духовную семинарию. В 1910-1919 служил в церкви Екатерининской школы Патриотического общества, а с ее закрытием — в Спасо-Колтовском храме. В марте 1923 арестован ОГПУ.

протопр. *Сыренский* Николай Александрович (1882-1937) — сын священника. Окончил СПб. Духовную семинарию. В 1922 служил в Преображенском соборе. Перешел в обновленчество и в 1931-1932 был настояте-

лем Спасо-Сенновского собора. Затем отошел от обновленцев и служил в Троицкой церкви на Стремянной. Расстрелян.

Тихомиров Иоанн Алексеевич — священник Благовещенской церкви на Васильевском острове.

прот. *Тихомиров* Михаил Владимирович (1869-1931) — закончил Духовную семинарию в Риге (1890) и Духовную академию в Петербурге (1897). С 1904 — священник, 1916 — настоятель Преображенского собора. Весной 1922 арестован, но на процессе об изъятии церковных ценностей оправдан. В 1923 выслан в Тверь на два года. Расстрелян по «делу Преображенского собора».

прот. *Чепурин* Николай Викторович (1881-1947) — видный церковный деятель. Закончил в Петербурге юридический факультет университета и Духовную академию (1918). Служил в Харьковской епархии, с 1918 — в Покровской церкви в Большой Коломне. Руководил Высшими богословскими курсами. В 1922 осужден по делу об изъятии церковных ценностей. Арестован 8 июля 1930 по «делу Академии наук» и получил 10 лет сибирских лагерей, но отсидел четыре года. Закончил жизнь ректором московских духовных школ.

прот. *Чуев* Павел Порфирьевич (1889-?) — закончил в Воронеже духовную семинарию и до 1914 служил в Ташкенте. Переехал в Петроград в 1920, примкнул к обновленцам и стал настоятелем Измайловского собора и «особоуполномоченным по борьбе с тихоновщиной». С июня 1924 по январь 1925 — настоятель Исаакиевского собора. Осведомитель ОГПУ. 1 марта 1925 опубликовал в «Ленинградской правде» свое отречение от веры. Позже выступал с атеистическими лекциями.

прот. *Чуков* Николай Кириллович (1870-1955) — крупный церковный деятель. До 1918 был ректором духовной семинарии в Петрозаводске, а затем настоятелем Казанского и Никольского соборов в Петрограде. На процессе 1922 г. был приговорен к расстрелу, но помилован и отсидел полтора года. Руководил Богословским институтом, преподавал на Высших богословских курсах, входил в Епархиальный совет. В 1935 выслан в Саратов. С 1945 до кончины — митрополит Ленинградский и Новгородский с именем Григорий, влиятельный член Синода.

За помощь в составлении аннотаций благодарю М.В.Шкаровского.

М.В.Шкаровский
РУССКИЕ КАТОЛИКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
(ЛЕНИНГРАДЕ)

В конце XIX — начале XX веков в России и прежде всего в ее столице возникло движение русских католиков. Отдельные представители российского дворянства и интеллигенции переходили в католичество и ранее. Но только в 1890-х в Петербурге из кружка последователей В.С.Соловьева, сложившегося первоначально вокруг княгини Е.Г.Волконской, а затем Н.С.Ушаковой (двоюродной сестры будущего премьер-министра П.А.Столыпина), начала возникать община русских католиков восточного обряда. В этот же период состоялись первые тайные переходы в католичество православных священников: Николая Толстого (1894) и Алексея Зерчанинова (1896).

После Указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 появилась надежда на открытие храма. Благодаря хлопотам Н.С.Ушаковой о.Алексей смог переехать из Нижегородской губернии, где был в ссылке, в Петербург. Весной 1907 Зерчанинов выехал за границу, и в июне имел аудиенцию в Риме у Папы Пия X. 29 июня 1907 униатский митрополит Львовский Андрей (Шептицкий) назначил о.Алексея своим наместником в Каменецкой епархии — единственной существовавшей в России униатской епархии. Владыка предложил Зерчанинову устроить свое управление в Петербурге. А 21 мая 1908 о.Алексей был объявлен от имени Папы Римского главой миссии священников и мирян греко-славянского обряда в Российской империи¹.

В октябре 1907 А.Зерчанинов поселился в Петербурге на Петроградской стороне (Полозова ул., 12), где к тому времени уже существовала небольшая община сестер милосердия русской католички В.А.Тимофеевой. Здесь, на третьем этаже, в своей комнате №7 он стал устраивать первые службы. На прошение об утверждении общины сестер милосердия во имя Святого Духа и разрешении открыть при ней церковь положи-

¹ Диякон Василий ЧСВ. Леонид Федоров: Жизнь и деятельность. Рим, 1966. С.64, 83, 90.

тельного ответа не последовало. Но и богослужения о.Алексея, на которых обычно присутствовало 10-15 человек, власти не запрещали.

Общину терпели только благодаря личному покровительству премьер-министра П.А.Столыпина, который, однако, не решался на шаги к ее официальному признанию. На настоятельные просьбы своей кузины Столыпин отвечал: «Существуйте как существуете, делайте, что делаете, — я буду смотреть сквозь пальцы»².

Частичное признание общины состоялось лишь в 1909. Незадолго до этого к русским католикам восточного обряда присоединился священник Старообрядческой Церкви Белокриницкой иерархии Евстафий Сусалев из подмосковного г.Богородска. Папа Пий X признал священство старообрядцев-поповцев действительным и разрешил принимать старообрядческих священников, переходящих к греко-католикам, в существующем сане. На Пасху 1909 прихожане и священники Санкт-Петербургской греко-католической общины послали поздравительную телеграмму императору Николаю II от имени «русских старообрядцев, приемлющих общение со Святейшим Римским Апостольским Престолом». Тем самым Русская Греко-Католическая Церковь была представлена как особый толк (течение) старообрядчества. Поскольку после Указа от 17 апреля 1905 старообрядческие церковные общины всех толков были официально признаны властями, Русскую Греко-Католическую Церковь также были вынуждены признать. Ответная телеграмма от Николая II с благодарностью за поздравление, переданная министром императорского двора графом В.Б.Фредериксом, послужила основанием для позднейшего официального признания русских католиков восточного обряда³.

Еще до отправки телеграммы — в Великую Субботу (28 марта 1909) священники А.Зерчанинов и Е.Сусалев освятили в мансарде (квартире №12) дома на Полозовой улице небольшую церковь — первый храм русских католиков. Начались хлопоты о ее официальном признании. 19 марта 1910 отцы Алексей и Евстафий ходатайствовали о разрешении сбора пожертвований на устройство помещения для совершения богослужений «образующейся греко-католической общины», и 17 мая министр внутренних дел П.А.Столыпин этот сбор разрешил. 26 августа 1910 представители общины ходатайствовали об открытии «самостоятельного прихода при часовне, временно устроенной на Полозовой ул.». Под прошением поставили свои подписи 120 человек⁴. Наконец 15 апреля 1911 Столыпин подписал официальное удостоверение о разрешении «часовни» «при соблюдении требуемых Законом условий»⁵.

Церковь считалась приписанной к костелу Святой Екатерины на Невском. Первоначально ее настоятелем был о.Алексей, но в мае 1911 ему

² Волконский П.М. Краткий очерк организации Русской католической церкви в России. Львов, 1930. С.29.

³ См.: Круглов Ф. Старообрядческий раскол и Папа Римский. СПб., 1912; Волконский П.М. Указ. соч.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.826. Оп.1. Д.1929. Л.10, 33.

⁵ Там же. Л.43.

запретили проводить службы. Вскоре в храме стал служить о.Иоанн Дейбнер, еще в 1903 тайно рукоположенный владыкой Андреем Шептицким в сан католического священника восточного обряда. Правда, в ноябре 1911 службы о.Иоанна были также запрещены на несколько месяцев. Наконец 7 июля 1912 состоялось официальное назначение И.Дейбнера настоятелем церкви⁶. К этому времени паства значительно расширилась, и решено было искать новое помещение для храма.

Сначала хотели использовать нижний зал Французской церкви Божией Матери в Ковенском переулке, но митрополит Викентий Ключинский не согласился (могилевский архиепископ считался митрополитом всех католических церквей Российской империи). Тогда нашли несколько комнат с отдельным входом на втором этаже деревянного двухэтажного дома Савича на углу улиц Бармалеевой и Большой Пушкарской. 14 августа о.Иоанн написал ходатайство митрополиту Викентию о разрешении перенести церковь, и 21 августа оно было получено, а 8 сентября выразил свое согласие и министр внутренних дел А.А.Макаров, сменивший убитого Столыпина. Деньги на переезд и обустройство собрали в складчину. Н.С.Ушакова переселилась в одну из комнат при храме, отказавшись от своей прежней квартиры и передав имущество приходу. Церковь Сошествия Святого Духа на Апостолов была освящена 30 сентября. Службы посещало обычно 30-40 человек. В январе 1913 о.Иоанн начал издавать журнал «Слово истины», где были статьи и католиков и православных — издание стало местом единения двух традиций⁷.

Такая активная деятельность продолжалась недолго. Ухудшение отношений с официальным православием привело к инциденту, повлекшему за собой закрытие церкви Сошествия Св. Духа. 10 февраля 1913 во время богослужения в храм прибыл епископ Нарвский Никандр. Он вошел в алтарь, а затем, выйдя, заявил собравшимся: «Кто из православных останется — тем анафема». Кроме того была вызвана полиция, составившая протокол. В газетах развернулась шумная кампания по поводу этого случая⁸. 14 февраля о.Иоанн написал объяснительную записку митрополиту Викентию, а 19 февраля был уволен последним от должности настоятеля⁹. 5 марта МВД воспротивилось и кандидатуре о.А.Зерчанинова, в том же месяце церковь (якобы из-за технических недостатков здания) была закрыта.

Тем не менее службы совершались, но только «для своих». Кроме опечатанного входа в храм, имелся и другой, из соседней квартиры (там жил о.Иоанн). Обычно дверь была заставлена шкафом, поэтому поли-

⁶ РГИА. Ф.826. Оп.1. Д.1929. Л.50-59.

⁷ Там же. Л.17, 63; Юдин А. Россия и Вселенская Церковь: судьбы российского католичества // Религия и демократия: На пути к свободе совести. Вып.2. М., 1993. С.485.

⁸ Епископ Никандр в русско-католической церкви // Биржевые ведомости. 1913. 11 февраля; Тайный костел под названием православный храм // Петербургский листок. 1913. 11 февраля; Пропаганда католицизма // Петербургский листок. 1913. 12 февраля.

⁹ РГИА. Ф.826. Оп.1. Д.1929. Л.68.

ция ее и не заметила. В Пасху 1914 г. в печатанной квартире с завешенными коврами окнами и дверьми были совершены богослужения Великой Пятницы и Христова Воскресения. Отец Алексей же еще в 1912 перешел служить в часовню при церкви Св. Екатерины на Невском. В июле 1914 в Петроград приехал о. Леонид Федоров. Петербуржец, в 1902 перешедший из православия в католичество, воспитанник митрополита Андрея Шептицкого, после продолжительной учебы за границей и работы «под крылом» владыки он приехал служить в родной город. Но всего через две недели был арестован и сослан в Тобольск¹⁰.

Во время Первой мировой войны русские католики разделились на группы, сосредоточившиеся вокруг священников. Первая собралась вокруг о. Алексея Зерчанинова, служившего в церкви Св. Екатерины, на службе ходило около 30-40 человек. Вторая группа собиралась в печатанной церкви Святого Духа на Бармалеевой, где служил о. Иоанн. Третья — сплотилась вокруг о. Глеба Верховского, приехавшего в 1915. В отличие от о. Алексея и о. Иоанна, постепенно вводивших в богослужение элементы латинского обряда, о. Глеб стремился соблюдать восточный обряд в неприкосновенности. Поначалу он служил на квартире, а затем в костеле Св. Иоанна Крестителя на Садовой улице. Настоятель этого храма о. Сигизмунд Лозинский первоначально предоставил часовню, а затем служба стала совершаться в главном алтаре, попеременно с латинской. В 1916 в восточный обряд перешел и русский священник латинского обряда о. Диодор Колпинский. Также в городе на нелегальном положении с 1915 жил о. Трифон Семяцкий. Чтобы как-то объединиться, русские католики решили было устраивать регулярные встречи на квартире кн. А. Н. Грузинской. Но раздробленной общине сильно не хватало авторитетного руководителя. Перемену принес 1917 г., когда в конце марта в Петроград вернулся о. Леонид Федоров. К этому времени уже несколько дней была открыта и церковь Сошествия Св. Духа. В ней совершили пасхальное богослужение, а крестный ход впервые прошел по улице¹¹.

С 1 марта 1917 в столице проживал освобожденный из ссылки митр. Андрей Шептицкий (он был арестован в сентябре 1914 после занятия Львова русскими войсками). Владыка активно занялся каноническим устройством экзархата. И 29 мая в актовом зале мужской гимназии при костеле Св. Екатерины открылся Первый Собор Русской Католической Церкви, на котором присутствовали все католические священники восточного обряда и представители от мирян. 31 мая была прочитана специальная грамота митр. Андрея (имевшего на это полномочия от Папы Римского) об установлении в России экзархата. Своим представителем митрополит назначил о. Леонида с титулом митрофорного протопресвитера. Были также приняты «Постановления епархиального Собора Греко-католической Церкви», определившие ее каноническую структуру, стиль и цели деятельности. Особое место в них было отведено чистоте и единообразию обряда, который должен был соответствовать употребляемому «в

¹⁰ Диякон Василий ЧСВ. Указ. соч. С.280.

¹¹ Там же. С.317-319; Юдин А. Указ. соч. С.487.

то время в России, без допущения каких бы то ни было изменений»¹². Также в день открытия Собора состоялось заседание «Общества поборников воссоединения Церквей». Сюда входили католические и православные иерархи, а также представители видных дворянских родов. Инициатором создания общества был князь П.М.Волконский. (В связи с последовавшими вскоре репрессиями и эмиграцией многих членов Общества в 1918 оно перестало существовать.) В июне 1917 Временным правительством был утвержден Русский экзархат восточного обряда и подтверждены полномочия митр. Андрея Шептицкого, и через месяц владыка покинул Петроград.

В октябре правительство признало за экзархатом право на жалование и на церковь в столице. Под нее должны были передать 2-й этаж здания на углу Екатерининского канала и Итальянской улицы (б. Иезуитский дом). Финансовое положение экзархата было поначалу облегчено сбором пожертвований в римско-католических приходах. 25 сентября Л.Федоров написал специальное обращение, переведенное на польский язык. Его разослали по храмам вместе с указом епископа Иоанна Цепляка: «Вышеприведенное обращение надо прочитать во всех костелах Могилевской архиепархии и Минской епархии /.../, а собранные пожертвования прислать с пометкой об их предназначении в нашу Епископскую Курию». Согласно сохранившимся финансовым документам, к 10 апреля 1918 было собрано 15094 руб., в том числе из Минска поступило 5066 руб, Орла — 454, Ярославля — 336, Двинска — 263, Петрограда с пригородами — 5132 и т.д.¹³

Антицерковные акции советских властей не сразу сказались на деятельности русских католиков. К 1918 в России было уже 8 священников восточного обряда (в т.ч. 7 в столице) и около 1000 прихожан, из них более 400 в Петрограде. Правда, в июне 1918 о.Евстафий Сусалев был на основании архивных документов разоблачен как агент царской охраны и запрещен экзархом в священнослужении навсегда. Но продолжали появляться новые священнослужители. 11 апреля 1918 Л.Федоров обратился к митр. Эдуарду фон Роппу с ходатайством о посвящении в диаконский сан избранных им трех лиц — Августина Студницкого, Николая Волынца и Николая Траге. Просьба была удовлетворена. А 19 октября 1919 экзарх писал уже еп. И.Цепляку: «Прошу утвердить переход из латинского обряда в греко-восточный Витольда Устиновича Довгялло, уроженца Ковенской губернии, и не отказать посвятить его в первые четыре священнослужительские степени». С подобными ходатайствами Л.Федоров еще дважды обращался к еп. Иоанну — относительно саратовского мирянина Алексея Онезимова и петроградца Николая Муравьева (13 декабря 1921). Известно также, что 29 августа 1921 епископ Иоанн рукоположил в сан священника москвича Николая Александрова. Кроме того летом 1922 перешел из православия в католичество восточного обряда иеромонах Александро-Невской Лавры Епифаний (Акулов)¹⁴.

¹² РГИА. Ф.826. Оп.1. Д.1929. Л.155-160.

¹³ Там же. Л.84-114; Дьякон Василий ЧСВ. Указ. соч. С.344, 347.

¹⁴ РГИА. Ф.826. Оп.1. Д.1929. Л.115, 134, 139.

Голодная зима 1917-1918 уменьшила число прихожан церкви Сошествия Св. Духа. Но постоянно поступали известия из Петрозаводска, Вологды, Архангельска, Ярославля и других городов о возникновении там кружков русских католиков, ходатайствовавших о присылке священников. «Началось довольно серьезное униатское движение, — отмечал о. Леонид, — вся беда в том, что делателей мало». В начале 1918 в Петрограде по инициативе И.М.Лысковского было создано «Русско-католическое братство имени Св. Иоанна Златоуста». Среди провозглашенных им целей было религиозно-нравственное просвещение, а также помощь церквям восточного обряда. Братство просуществовало до 1923 и, будучи разгромлено ГПУ, стало прототипом для создания нового «Общества Св. Иоанна Златоуста» в эмиграции¹⁵.

30 мая 1918 в праздник Тела Христова русские католики в первый и последний раз участвовали в торжественной процессии по улицам Петрограда вместе с латинским духовенством. Члены братства Св. Иоанна Златоуста шли во главе крестного хода с четырьмя хоругвями. Закончилась процессия для восточных католиков литургией на Выборгском католическом кладбище, у могилы недавно скончавшейся Н.С.Ушаковой¹⁶.

К началу осени 1918 положение русских католиков Петрограда, как и многих других его жителей, сильно осложнилось: усиливался голод, начинался «красный террор», журнал «Слово истины» был закрыт. В августе Л.Федоров в одном из писем констатировал, что три четверти его прихожан покинули город, спасаясь от голодной смерти. Один из дьяконов — Н.Траге скончался от истощения. В октябре 1918 экзарх подсчитал, что лишь одна седьмая часть из его мирян еще оставалась в Петрограде¹⁷. Уехали из северной столицы и священники Глеб Верховский и Диодор Колпинский, вскоре оказавшиеся в эмиграции.

В 1919 община церкви Сошествия Святого Духа оказалась вынуждена официально урегулировать отношения с властями: в частности, заключить договор о передаче здания храма и церковного имущества (которые по декрету от 23 января 1918 считались собственностью государства) в пользование прихожан. 14 января 1919 впервые была составлена опись имущества, в ней числилось 64 иконы, 4 хоругви, 28 богослужебных книг и т.д. К этому времени был уже избран приходской комитет в составе: председателя С.Байдовича, помощника председателя В.Семенюка и секретаря К.Подливахиной. А 23 апреля экзарх написал в Комиссариат юстиции, «что церковь Сошествия Св. Духа никаких капиталов ни в сберегательной кассе, ни в банках не имеет, а живет исключительно на сборы с прихожан»¹⁸.

С формой договора или «соглашения» с приходами, изложенной в инструкции Наркомата юстиции от 30 августа 1918 по проведению в жизнь

¹⁵ Юдин А. Указ. соч. С.490; Дякон Василий ЧСВ. Указ. соч. С.350-352.

¹⁶ Там же. С.352-353; Mailloux P. Exarch Leonid Fedorov: Bridgebuilder between Rome and Moscow. New York, 1949. Цит. по машинописному переводу: С.101.

¹⁷ Там же. С.106.

¹⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф.151. Оп.2. Д.137. Л.8-13, 17.

декрета об отделении церкви от государства, Л. Федоров был не согласен. Свои возражения и замечания он довел до сведения властей в январе 1919 в специальном меморандуме¹⁹. 21 сентября 1919 ту же точку зрения выразил и комитет русской греко-католической петроградской общины, отказавшись подписать договор²⁰. Позднее в своей анкете от 9 марта 1920, заполненной по требованию районных властей, экзарх откровенно изложил свой взгляд на декрет об отделении церкви от государства: «Составлен очень плохо. Инструкция, объясняющая его, есть грубое нарушение всякого права. Само же отделение Церкви от государства признаю при данных условиях вполне необходимым»²¹.

Но на открытый конфликт с властью русские католики тогда все же не пошли. У них еще оставалась надежда на возможность разумных компромиссов. 28 декабря 1919 20 прихожан подписали требуемый договор с представителем Петроградского райсовета и Комиссариата юстиции С.Н. Драницыным²². Представители общины рассматривали его как временный, впредь до разрешения Святого Апостольского Престола. 4 января 1920 состоялось общеприходское собрание, на котором Драницын, желая сгладить противоречия, согласился трактовать некоторые пункты договора в желательном для общины духе²³. Контакты экзарха с властями, попытки найти с ними общий язык хоть в чем-то продолжались и в 1920. Так, в марте Л. Федоров ездил в Москву для участия в работе Комитета по делам духовенства («Исполкомдуха»)²⁴. Правда, экзарх быстро понял суть этой затеи ЧК и не только отказался стать почетным председателем Петроградского отделения комитета, но и развернул агитацию против его создания.

Наблюдение за деятельностью общин русских католиков в Петрограде и Москве ЧК установила с лета 1920, когда патриарх Тихон публично заявил о своем сочувствии идее примирения Православной и Католической Церквей и благословил проведение открытых собраний с чтением лекций и дискуссиями на эту тему²⁵. Л. Федоров старался часто встречаться с православными, читал лекции, объяснявшие идеи единства. В частности, писал:

...мы думаем, что прозелитизм и обращения отдельных лиц мало чем помогут делу св. соединения /.../ Главной же целью нашей миссии мы считаем распространение и популяризацию

¹⁹ ЦГА СПб. Ф.1000. Оп.6. Д.29. Л.112-112об. (См. ниже док. 1).

²⁰ Там же. Ф.151. Оп.2. Д.137. Л.42-43. (См. ниже док. 2).

²¹ Там же. Л.33об.

²² Там же. Л.2-3.

²³ РГИА. Ф.826. Оп.1. Д.1929. Л.182.

²⁴ ЦГА СПб. Ф.151. Оп.2. Д.137. Л.14.

²⁵ У о.Леонида сложились хорошие отношения с патриархом. «Патриарх Тихон принял меня очень ласково, — писал о.Леонид об одной из встреч, — угощал чайком и медом /.../. Сам он искренне желает соединения, но сделать ничего не может». Однако многие православные иерархи относились к идее единения резко отрицательно. Среди них был ближайший помощник патриарха епископ Илларион Троицкий.

здоровых идей в католичестве и сближение с православным духовенством. Не положивши основания, здания строить нельзя; так не осветивши российскую тьму настоящим пониманием католичества, нельзя думать о крупных успехах. Путем прозелитизма можно приобрести, даже в латинский обряд, целые тысячи душ, но эти тысячи душ будут только новым препятствием между нами и теми десятками миллионов, которые мы должны привести в «единое стадо»²⁶.

Желая сохранить в неприкосновенности восточный обряд, о.Леонид 2 марта 1921 выпустил «Правила для священников Греко-восточного обряда Российского экзархата, проживающих при латинских храмах Могилевской архиепархии». В них говорилось, что торжественные богослужения следует проводить по старому стилю, а по новому — только в честь святых Западно-Католической Церкви. Указывалось, что «правило о ношении бороды является не только советом и указанием, а предписанием, поэтому всякий священник, сбривший себе бороду, является нарушителем церковного закона»²⁷ и т.д.

В Москве условия для проведения общих встреч католиков с православными были лучше. Первое из таких собраний состоялось в Марфо-Мариинской монашеской общине. На втором в замоскворецкой церкви Николая на Наливках прибывший из Петрограда Л.Федоров прочитал доклад «Почему православные переходят в католичество». Далее собрания проходили вплоть до весны 1922 на квартире русско-католического священника В.Абрикосова, посвященного в сан в мае 1917. Власти отреагировали так: в апреле 1922 была арестована большая группа православных священнослужителей, посещавших эти собрания. Позднее в обвинительном заключении по делу русских католиков 1923 г. ОГПУ утверждало: «В конце 1921 г. приступлено к созданию единого антисоветского фронта. Для этого по их плану необходимо было воссоединение римско-католической и православной церковей под приматом св. Петра»²⁸.

Летом 1920 о.Леонид выступал с докладом в Доме ученых. Там он познакомился с Ю.Н.Данзас, преподававшей в Петроградском педагогическом институте им. Герцена. Она после многих лет религиозно-философских исканий собиралась присоединиться к католичеству. Л.Федоров произвел на нее огромное впечатление. Под его влиянием Юлия Николаевна согласилась стать католичкой восточного, а не латинского обряда. Через некоторое время она становится монахиней. В доме, где жил о.Леонид (на углу Подрезовой ул. и Малого пр.), она сняла квартиру, где должна была разместиться монашеская община. Вместе с ней там посе-

²⁶ Осипова И.И. «В язвах своих сокрой меня...»: Гонения на Католическую Церковь в СССР: По материалам следственных и лагерных дел. М., 1996. С.8-9; Диакон Василий ЧСВ. Указ. соч. С.389.

²⁷ РГИА. Ф.826. Оп.1. Д.1929. Л.135-137.

²⁸ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по г.Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ РФ СПб). Ф.Архивно-следственных дел. Д.П-85381. Т.1. Л.320.

лилась Екатерина Башкова. Так 14 сентября 1921 было положено начало монашеской общине Св. Духа. Юлия Николаевна приняла имя Иустина, а Екатерина Башкова — Евпраксия. Были и еще желавшие поступить в общину, но в небольших комнатах уже не было места. Сестры стремились поддерживать и развивать восточный обряд, они убирали в церкви, топили в ней, прислуживали на литургии. И это было помимо их официальной работы в госучреждениях. Сестра Иустина по-прежнему работала в Публичной библиотеке и преподавала в институте. 25 марта 1922 сестры приняли постриг²⁹.

Некоторое представление об удивительной биографии Ю.Н.Данзас дают документы ее личного дела, хранящегося в фонде Педагогического института им. Герцена³⁰. Более подробная справка о ней приводится в прим. 5 к док. 6 наст. публ. 5 марта 1920 ее впервые арестовали. Но вскоре по ходатайству М.Горького, близко ее знавшего, освободили³¹.

В декабре 1920 в Рим приехал митр. Андрей Шептицкий, и 23 февраля 1921 Папа Бенедикт XV утвердил назначение Л.Федорова Российским экзархом, пожаловав ему титул Апостольского протонотария. В благодарственном письме митр. Андрею от 29 апреля 1921 о.Леонид сообщал некоторые сведения о своей пастве: «Московская община в количестве 60-70 человек состоит сплошь из интеллигентов, из которых 1/3 с высшим образованием, в Петербургской общине (тоже 70-80 человек) интеллигентов больше половины»³². А 5 мая 1922 Л.Федоров послал Папе обстоятельное сообщение о положении своего экзархата:

У нас два главных центра русских католиков. Один в Петрограде, другой в Москве. Месяц тому назад мы смогли открыть третий в Саратове. В Петрограде у нас около 70 верующих, в Москве — около 100, в Саратове пока только 15. Более того, у нас более 200 верующих рассеяно по всем городам и селениям нашей огромной страны, например, в Вологде, Вятке, Томске, Орле и Пензе. Некоторые покинули Россию между 1918 и 1919 годами, чтобы спасти свою жизнь или поискать лучших условий жизни. Некоторые умерли от голода или от различных болезней. Число таких, которые покинули нас, доходит до 2-х тысяч³³...

Однако давление власти на русских католиков возрастало. 31 марта 1922 экзарх был вынужден дать расписку о согласии с регистрацией прихожан церкви Сошествия Св. Духа, их оказалось 43 человека. 29 марта была проведена проверка церковного имущества, а в начале мая власти попытались изъять из храма ценности «для нужд голодающих Поволжья». Подобные акции в тот период проходили по всей стране и зачастую сопровождались массовым сопротивлением верующих, в том числе

²⁹ Диакон Василий ЧСВ. Указ. соч. С.424-429.

³⁰ ЦГА СПб. Ф.4331. Оп.8. Д.737.

³¹ Там же. Ф.2995. Оп.3. Д.1. Л.41.

³² Диакон Василий ЧСВ. Указ. соч. С.455, 471.

³³ Maillieux P. Указ. соч. С.109-110.

и в Петрограде. 8 мая один из ближайших сподвижников Г.Зиновьева, бывший председатель Петроградской ЧК, с марта возглавлявший кампанию по изъятию церковных ценностей в городе, И.Бакаев составил список предметов, «необходимых» (с его точки зрения) для совершения богослужений в католических церквях³⁴. Все вещи из драгоценных металлов, не вошедшие в него, подлежали конфискации. Таких в церкви Сошествия Св. Духа оказалось 3. 9 мая Петроградский райисполком выдал мандат на их изъятие. Но прихожане сумели договориться о выкупе этих предметов за равное по весу количество серебра, и 16 мая Л.Федоров внес собранный выкуп³⁵.

Власти также упорно требовали подписать новый договор о пользовании храмом. Встретив решительный отказ, они лишь заменили отвергнутую католиками форму договора более краткой «распиской», по-прежнему содержащей неприемлемые для общины пункты. Попытки Л.Федорова в октябре 1922 найти компромисс с властями были безуспешны³⁶. В конце концов председатель райисполкома заявил, что за отказ подписать предложенную властями форму расписки Л.Федоров может быть расстрелян:

О.Леонид, по собственному признанию, ответил на это не менее резко, что ни расстрелов, ни тюрем он не боится и смотрит на них, как на мученический венец. «Вот посмотрите, товарищи, — воскликнул Иванов, обращаясь к трем стоявшим возле них коммунистам, — что делает католичество из простого русского человека. Какой фанатизм!..» Кроме того, Иванов пригрозил о.Леониду отдачей под суд, обещав год тюрьмы за то, что он учил Закону Божию детей моложе 18 лет и попускал их прислуживать в алтаре и петь на клиросе. Все это теперь строго запрещалось законом /.../. О.Леонид заявил ему в ответ также резко и прямо: «Скорее приму смерть от руки насильников, нежели соглашусь подчиниться таким законам!»³⁷

21 ноября экзарх был задержан милицией, отведен в отделение, но вскоре отпущен под подписку о невыезде из Петрограда. А 25 ноября губисполком принял постановление о закрытии наряду с костелами и церкви Сошествия Св. Духа в связи с отказом подписать договор о пользовании храмом. 5 декабря Петроградский райисполком выдал мандат на проведение этой операции некоему Головину³⁸. В тот же день храм был опечатан. О.Леонид присутствовать при проверке церковного имущества и опечатывании отказался. Ключи от храма он передал властям у себя дома (Малый пр., 76/78, кв. 3), написав при этом следующее: «Уступая силе, я передаю ключи от моей церкви, находящейся на углу Барма-

³⁴ ЦГА СПб. Ф.151. Оп.2. Д.137. Л.21.

³⁵ Там же. Л.22-22об., 35.

³⁶ Там же. Л.39-41об. (См. ниже док. 4).

³⁷ Диакон Василий ЧСВ. Указ. соч. С.505.

³⁸ ЦГА СПб. Ф.151. Оп.2. Д.137. Л.48.

леевой и Пушкирской д. №48/2, кв. 5 представителям Советской власти»³⁹. Вся ответственность за сохранность имущества, помещения храма и печатей была возложена на экзарха.

Однако представители властей не заметили, что в церкви дверь за шкафом ведет в квартиру свящ. И. Дейбнера⁴⁰. Пользуясь этим, прихожане вынесли священные предметы и спрятали их, причем в дальнейшем, несмотря на многократные обыски у русских католиков, они найдены не были. В ночь на 9 мая 1923 в церковь, взломав входную дверь, залезли воры, они похитили ряд вещей, и все пропажи власти в дальнейшем списали на эту кражу⁴¹.

Через день после закрытия храма — 7 декабря 1922 Л. Федоров обратился с довольно резким заявлением к председателю ВЦИК⁴². Но Калинин ничем не помог.

Теперь «кафедральный собор Российского экзарха» размещался в приемной у Ю.Н. Данзас, алтарь был заставлен ширмой, чтоб «ничего подозрительного в глаза не бросалось». Постепенно в праздники стали служить и торжественные богослужения. Ежедневные службы продолжались вплоть до марта 1923. Однажды прямо во время крещенского богослужения 6 января нагрянули милиционеры, правда, убедившись, что формальных причин для разгона молящихся нет, они ушли⁴³.

18 января 1923 митр. Андрей Шептицкий поручил Л. Федорову «временное управление всеми католиками греко-восточного обряда в Белорус-

³⁹ ЦГА СПб. Ф.151. Оп.2. Д.137. Л.50.

⁴⁰ Поскольку в публикуемых ниже документах о И. Дейбнер не упоминается, приведем справку о нем здесь: *Дейбнер* Иоанн Александрович. Род. в октябре 1873 в С.-Петербурге в семье генерала, дворянин, русский. Окончил Императорское училище правоведения. Чиновник по особым поручениям при саратовском губернаторе. В нач. 1900-х — земский начальник в Тюменском уезде Тобольской губернии, затем переехал в Петербург и в 1905-1911 служил в Ведомстве учреждений императрицы Марии. Женился на католичке. В 1899 тайно перешел в католичество, в 1903 тайно рукоположен митрополитом Андреем Шептицким в сан католического священника восточного обряда. С 1907 стал открыто служить в костеле Св. Екатерины в Петербурге. С осени 1911 служил в русско-католической церкви на Полозовой ул., с 7 июля 1912 официально назначен ее настоятелем. С 30 сентября 1912 по 19 февраля 1913 и в 1917 — настоятель церкви Сошествия Св. Духа. В январе 1913 основал русский католический журнал «Слово истины». В 1918-1920 работал в Госбанке. Викарий костела Св. Екатерины (18 августа 1920 — ноябрь 1923). 3 марта 1923 арестован в Петрограде, но вскоре освобожден. 17 ноября 1923 вновь арестован, обвинялся в активном участии «в контрреволюционной организации». В декабре 1923 отправлен для дальнейшего следствия в Москву по групповому процессу русских католиков. Заключен в Бутырскую тюрьму. 19 мая 1924 по постановлению Коллегии ОГПУ осужден на 10 лет тюремного заключения и отправлен в Суздальский политизолятор. В июле 1930 переведен в Ярославский политизолятор. Освобожден в октябре 1932 с запретом на проживание в двенадцати крупных городах. Поселился в Вельегонске Тверской области. 12 ноября 1936 убит в Вельегонске грабителем.

⁴¹ ЦГА СПб. Ф.151. Оп.2. Д.137. Л.55.

⁴² РГИА. Ф.826. Оп.1. Д.1929. Л.185-187об. См. док. 5 наст. публ.

⁴³ Диакон Василий ЧСВ. Указ. соч. С.500-502; Maillieux P. Указ. соч. С.153-154.

сии на правах Экзарха»⁴⁴. Однако еще в конце декабря с о.Леонида была взята подписка о невыезде из Петрограда. Он был привлечен в качестве одного из главных обвиняемых по т.н. «делу архиепископа И.Цепляка». Вместе с большой группой римско-католических священников экзарх был вызван в Москву и накануне отъезда 4 марта, предчувствуя арест, передал о.Алексею Зерчанинову временное управление северной частью экзархата⁴⁵.

Вечером 4 марта 14 католических священнослужителей и 1 мирянин выехали из Петрограда в Москву, где 10 марта их арестовали. А 21 марта начался открытый судебный процесс. О.Леонид вел себя мужественно⁴⁶. Трибунал признал его виновным в том, что он «противодействовал изъятию ценностей, участвовал в организации, препятствовавшей работе Соворганов», и в «использовании религиозных предрассудков», и приговорил к 10 годам тюремного заключения⁴⁷. Вплоть до октября 1923 у экзарха, отбывавшего срок в московских тюрьмах, еще сохранялась возможность влиять на жизнь петроградской общины. Так, 1 июля 1923 он запретил публичные проповеди и лекции свящ. И.Дейбнеру из-за негативного отношения того к некоторым православным святым. Четыре раза на свидание с Л.Федоровым приезжала в Москву Ю.Н.Данзас, рассказавшая ему о петроградских событиях.

В июне 1923 власти разрешили наконец, после получения расписок от прихожан, открыть опечатанные костелы. Такая расписка поступила 4 июня и от членов русско-католической общины. Ее подписали К.Подливахина, Е.Нефедьева, Е.Акулова, М.Дейбнер, И.Дейбнер, А.Пруссак и А.Шульц. Но районные власти наложили на документе резолюцию: «До выяснения вопроса в Губисполкоме оставить без последствий»⁴⁸. Дело в том, что уже было принято решение об окончательном закрытии храма. 31 мая губернский отдел управления обратился в президиум Петрогубисполкома с ходатайством о ликвидации церкви, так как она находится в жилом доме, уже закрыта из-за отказа верующих подписать договор, а настоятель осужден по процессу И.Цепляка. И 2 июня президиум принял решение о ликвидации церкви как домовою и имеющей непосредственное соединение с жилыми помещениями. Прихожане обратились с жалобой во ВЦИК, но 5 июня и этот орган утвердил ликвидацию храма⁴⁹.

Делегацию от прихода городские власти отказались принять, но Ю.Н.Данзас удалось встретиться с секретарем Петросовета Ларионовым. Тот на вопрос о причине закрытия откровенно заявил: «Ополячится ты-

⁴⁴ РГИА. Ф.826. Оп.1. Д.1929. Л.181.

⁴⁵ АУФСБ РФ СПб. Ф.Арх.-след. дел. Д.П-85381. Т.1. Л.143 (см. ниже док. 6).

⁴⁶ Его показания на процессе см.: Дьякон Василий ЧСВ. Указ. соч. С.518-530; Mailleux P. Указ. соч. С.156-165.

⁴⁷ Справка Центрального архива ФСБ РФ №10/А-4137 от 5 сентября 1997. Это были не первые репрессии советской власти против русских католиков: впервые они подверглись им в Москве еще в 1922: 17 августа был арестован, а 29 сентября выслан из СССР о.Владимир Абрикосов. О его общине см.: Резникова И. Православие на Соловках: Материалы по истории Соловецкого лагеря. СПб., 1994. С.34.

⁴⁸ ЦГА СПб. Ф.151. Оп.2. Д.137. Л.58.

⁴⁹ Там же. Л.62.

сяча, ну десять тысяч человек. Это нам не страшно. А в подлую федоровскую церковь пойдут миллионы, пойдут в католическую интернациональную организацию! Не просите, вопрос решен: церковь будет ликвидирована». Данзас договорилась только о том, что об окончательной ликвидации предупредят заранее. Благодаря этому удалось вынести алтарные святыни⁵⁰.

21 июня уполномоченный Петроградского райисполкома в присутствии Ю.Данзас, К.Подливахиной, М.Дейбнер и И.Дейбнера (дочери и сына о.Иоанна) изъясил мебель и церковный инвентарь — всего 73 предмета, после чего храм был вновь опечатан. И только 20 октября 1923 Подливахиной и И.Дейбнеру поступило официальное уведомление: «Предлагается оповестить приходской Совет Греко-Католической церкви, что просьба о пересмотре постановления Президиума Петрогубисполкома о закрытии вышеупомянутой церкви отклонена ВЦИК от 5/VI-23 г. №5644/к»⁵¹. Вскоре церковное помещение было передано жакту под жилье.

Так петроградская община осталась без своего храма. На основе архивных и опубликованных источников нам с помощью историка И.И.Осиповой удалось составить примерный список ее членов (141 человек) в 1918-1923: экзарх Леонид Федоров; священники — Алексей Зерчанинов, Иоанн Дейбнер, Глеб Верховский, Диодор Колпинский, Евстафий Сусалев, Трофим Семяцкий, Витольд Довгялло, Николай Муравьев, Епифаний Акулов (некоторые служили непродолжительное время); диаконы — Николай Траге, Августин Студницкий, Николай Вольнец; прихожане — Ю.И. Акимова, Е.Акулова, Антоневич, М.Архановский, Афанасьев, М.В.Афанасьева, Т.В.Афанасьева, С.Ф.Байдович, В.В.Балашев, А.Барташевич, Ю.Барташевич, Е.А.Башкова — мон. Евпраксия, А.Беккер, Е.И.Беляева — мон., Боярский, Н.Бучилов, С.В.Владимиров, Л.Воличкевич, Воронцов, В.Вром, Л.К.Гильдебрандт — мон. Екатерина, И.Глень, М.Гой, А.Н.Грузинская, В.Гудан, Гурчинская, Ю.Н.Данзас — мон. Иустина, И.И.Дейбнер, М.И.Дейбнер, Н.И.Дейбнер — мон. Мария, З.Диаковская, В.Довялова, Дробышевская, В.О.Дьяковская, О.В.Евсерадовская, Э.Б.Жуковская — мон., К.В.Зенкевич, Е.Иванов, Ф.Иканович, А.Илюкевич, Б.Карасева, О.Колпинская, Е.Корвин-Питровская, П.Корнилов, М.Котен, Т.Котен — мон., Е.Котлов, А.Крыжановский, Д.А.Крючков, М.И.Куклич, А.Курешина, Лазаревич-Шепелевич, А.Н.Левашов, Левинская, Г.Лепеченков, С.Лихарев, С.А.Лихарева — мон. Иосафата, С.Лихошерстова, И.М.Лысковский, Ю.И.Маркевич, П.А.Мациевская, Е.Миколопонас, М.Михайлова, Н.В.Михалев, Е.К.Мроз, Х.Мсажанович, Е.Муравьева, Н.Муравьева, Е.П.Мусатова, О.И.Нагорский, Нарушевич, Е.М.Нефедьева — мон., А.Николаев, В.Николаева, М.Николаева, А.И.Новицкая — мон. Иосафата, Д.Г.Новицкий, Б.В.Обухов, О.Г.Орловская, Б.Орловский, Отраденко, Х.Петраник, В.Петратун, Т.Пиотровский, К.Н.Подливахина — мон., Л.Н.Полибина, С.А.Полотебнева, Н.Н.Попова, А.И.Поссейполь — мон., Е.О.Преоб-

⁵⁰ Диакон Василий ЧСВ. Указ. соч. С.574; Юдин А. Указ. соч. С.496.

⁵¹ ЦГА СПб. Ф.151. Оп.2. Д.137. Л.61, 63.

раженская — мон., С.Н.Прилежаев, Л.Прокофьева, А.В.Пруссак, Я.Пудан, А.Рейба-Коза, С.Е.Рынкевич, К.Саленис, С.Свидерская, С.Свирбут, Анатолий, Аркадий и Василий Васильевичи Селенковы, В.С.Семнюк, Э.Серафинский, И.И.Сидоров, Е.И.Сидорова, З.И.Сидорова, М.А.Сидорова, Я.М.Соловей, А.Сорокина, М.Станчик, С.Сужинская, Т.Ф.Тавелдарова, Е.Томейко, Н.С.Ушакова, О.М.Фоминцева, И.Ф.Чапля, Чернявская, В.Шибан, А.П.Шимановская, Н.А.Ширяева-Кремер, С.Шифар, Шпаковская, Т.Шуликовский, А.А.Шульц, Е.А.Шульц, П.Ячнович.

Несмотря на закрытие церкви, в 1923 петроградскую общину пополнила целая группа представителей интеллигенции, начал функционировать богословский кружок, расширилась благотворительная помощь и т.д.

Однако в конце 1923 — начале 1924 в течение 5 месяцев ГПУ арестовало 62 человека русских католиков — 26 в Петрограде, 35 в Москве и 1 в Киеве. Возникло 5-6 следственных дел, объединенных затем в одно. Первые аресты прошли в Москве. 12 ноября были арестованы В.В.Готовцев и монахиня-доминиканка Т.С.Сапожникова; 13 ноября еще 4 монахини — В.А.Хмелева, Н.Е.Цветкова, М.Г.Комаровская, О.А.Спечинская; 14 ноября возглавлявшие доминиканскую общину сестер-монахинь А.И.Абрикосова и священник Николай Александров, а 16 ноября — В.В.Балашев и Д.Г.Новицкий. Их обвинили в сборе материалов о положении в Советской России и переправке этих сведений через иностранные миссии за границу. Поводом к такому обвинению послужило появление летом 1923 в просветской эмигрантской газете «Накануне» и меньшевистском «Социалистическом вестнике» статей, «порочащих Советскую власть». При обысках были найдены «Директивы священникам Парижской епархии»; «Открытое письмо тридцати русских католиков»; письмо экзарха Леонида Федорова к литовскому послу Ю.К.Балтрушайтису; письмо кн. Волконского, входившего в Высший монархический Совет об организации в Риме «Комитета русских католиков»; «Обращение к Папе о помощи против большевиков»; письмо Л.Федорова из тюрьмы А.И.Абрикосовой от 14 сентября 1923 и т.д. Материалы на первую группу арестованных были выделены в следственное дело №21068. Разработкой и осуществлением всех операций руководил секретный отдел ОГПУ в Москве⁵².

Именно отсюда 16 ноября была отправлена в Петроград шифротелеграмма о необходимости проведения и там арестов русских католиков: «...считаю необходимым в самом срочном порядке (ранее, чем до них дойдут слухи о ликвидации в Москве) произвести самые тщательные обыски /.../. Необходимо обнаружить и арестовать гр. Данзас Юлию Николаевну (сестра Иустина), так как она является одним из серьезных руководителей, а также держала связь с экзархом Федоровым»⁵³.

И в ночь с 17 на 18 ноября были арестованы Ю.Н.Данзас, священник Иоанн Дайбнер, В.О.Дьяковская, монахини Капитолина Подливахина, Елена

⁵² АУФСБ РФ СПб. Ф.Арх.-след. дел. Д.П.-85381. Т.1. Л.320-330.

⁵³ Осипова И.И. Указ. соч. С.14.

Нефедьева, Люция Чеховская, а через день о.Алексей Зерчанинов. 23 ноября из Москвы пришла еще одна шифротелеграмма: «Главарей необходимо арестовать. В отношении остальных в зависимости от активности поступать по Вашему усмотрению /.../. При обысках искать необходимо: разного рода письменные связи с другими городами, заграницей, экзархом Федоровым, разного рода вырезки из газет о фашистском движении, церковном движении, гонениях на католическую церковь»⁵⁴.

Указания из Москвы поступали в Петроград на протяжении всего хода следствия. Например, 29 ноября было получено распоряжение: провести дополнительные допросы, «нажимая главным образом на выявление оставшихся сообщников»; после опроса и подготовки документов в четырехдневный срок высылать «СООГПУ арестованных вместе со всеми материалами»; проверить связь К.Подливахиной с царской охранкой (эта версия следствия не подтвердилась); освободить А.Зерчанинова и В.Дьяковскую под подписку о неразглашении⁵⁵. О.Алексей был освобожден ввиду преклонного возраста. На допросе он показал, что с общиной Сошествия Св. Духа сношений не имеет, так как вместе с о.Иоанном Дейбнером «расходится во мнениях» с Л.Федоровым, который придерживается старого православного обряда. Они же присматриваются «к новому течению церкви» (имелись в виду обновленцы, которые производили различные нововведения в православные обряды). Повидимому, к этим заявлениям следует отнести критически: все же они сделаны под арестом. Так, о.Иоанн 19 ноября показал, что после закрытия церкви Сошествия Св. Духа ее прихожане приходили по праздникам на богослужение в собор Св. Екатерины (т.е. к нему и о.Алексею), а по будням — в костел Св. Бонифация, где служил свящ. Епифаний Акулов⁵⁶.

О.Епифаний 10 ноября выехал в Витебск и поэтому не был арестован вместе с остальными. Его взяли под стражу только после возвращения в Петроград — 29 ноября. Существует версия, что он сам пришел в ГПУ, чтобы разделить участь товарищей. Е.Акулов подтвердил на допросе, что экзарх назначил его заместителем настоятеля церкви Сошествия Св. Духа (см. ниже док. б) и после закрытия храма он проводил богослужения в костеле Св. Бонифация для прихожан. Последние собирались также на квартирах у К.Подливахиной, С.Байдович и Е.Нефедьевой. О.Епифаний переписывался с Л.Федоровым, но все письма уничтожил. С весны 1923 он присутствовал еженедельно по вторникам на собраниях католических священников, устраиваемых прелатом Станиславом Пржирембелем «в порядке духовной дисциплины». На них составлялась «программа богослужений на неделю». Большое внимание следствие уделило изъятой при обыске у Акулова брошюре «Директивы священникам Парижской епархии». Ее перевела с французского Ю.Н.Данзас, перепечатали в Москве у А.И.Абрикосовой, а летом 1923 свящ. Николай Александров передал ее о.Епифанию, заверив печатью митр. Андрея Шептицкого⁵⁷.

⁵⁴ Осипова И.И. Указ. соч. С.14.

⁵⁵ АУФСБ РФ СПб. Ф.Арх-след.дел. Д.П-85381. Т.1. Л.160.

⁵⁶ Там же. Л.188-195.

⁵⁷ Там же. Л.184-186.

Ю.Н.Данзас допрашивали и относительно двух других исходящих от нее документов, обнаруженных при обыске у А.Абрикосовой — «Моя беседа с секретарем Петросовета» (по поводу закрытия церкви Сошествия Св. Духа) и письма Л.Федорову о «бабском бунте» (демонстрации протеста 2 тысяч прихожанок католических храмов в мае 1923 г. против заключения договоров о передаче их в пользование верующих). Во главе «бунтующих» стояла мать свящ. Э.Юневича, говорившая: «Если не подпишем — легче будет добиться освобождения ксендзов»⁵⁸.

Заинтересовалось следствие и встречей Ю.Н.Данзас с возглавлявшим миссию Ватикана по оказанию помощи голодающим России о.Эдмундом Уолшем. При его содействии было получено более 20 посылок с продуктами для петроградцев.

Богословским кружком, о котором говорилось в показаниях Ю.Н. Данзас, руководил поэт, переводчик издательства «Всемирная литература» Дмитрий Крючков, арестованный 7 декабря 1923. Ранее он был псаломщиком православной церкви, но осенью 1922 познакомился и сблизился с Л.Федоровым. В католичество Д.Крючков перешел 19 августа 1923, хотя уже с июня проводились заседания кружка «боголюбцев». Инициатива его создания принадлежала экзарху, который указал, что «хорошо бы собирать прихожан для духовного чтения». В кружок входило 10 человек, кроме Крючкова и Данзас — К.Подливахина, Е.Нефедьева, С.Прилежаев, Е.Преображенская, А.Пруссак, Л.Гильдебрандт, С.Владимиров и о.Епифаний Акулов, причем последний иногда председательствовал на заседаниях. Собирались как правило на квартирах Крючкова или Преображенской. Кружок не был зарегистрирован и не имел своего устава. Собравшиеся после молитвы читали толкования Иоанна Златоуста и богословские книги. Д.Крючков на следствии не признавал себя виновным и настаивал на освобождении⁵⁹.

Активную роль в жизни петроградской общины русских католиков играли Е.Нефедьева и К.Подливахина. Первая из них с августа 1923 являлась товарищем председателя и секретарем возникшей в марте 1923 конференции Св. Викентия при общине церкви Сошествия Св. Духа. Кроме того, она была казначеем Высшего (общегородского) совета конференции. В эту организацию входили не только *русские* католики: в ее Высшем совете было 7-8 членов, избранных от приходских советов костелов. Но руководство Высшего совета состояло из католиков восточного обряда — председателем была А.И.Поссейполь. Конференция имела устав, предусматривавший широкую благотворительную деятельность и материальную помощь священникам и прихожанам, в т.ч. осужденным. Члены общества вносили обязательный денежный взнос (на второе полугодие 1923 он составлял 10 рублей), а также примерно 1 раз в месяц жертвования. Они делились на действительных членов и соревнователей. Последние участвовали в деятельности конференции только денежными взносами, а первые также и личным трудом. Приходские конференции

⁵⁸ АУФСБ РФ СПб. Ф.Арх.-след.дел. Д.П-85381. Л.315. См. ниже док. 7.

⁵⁹ Там же. Л.212-213.

составляли и регулярно сообщали Высшему совету списки членов — вновь поступивших и выбывших. Общая конференция собиралась на квартире у А.И.Поссейполь два раза в месяц. Высший совет отчитывался только перед Папой Римским. При обыске у Е.Нефедьевой было изъято множество документов конференции Св. Викентия. Выяснилось также ее участие в распределении продовольственной помощи по линии АРА, в том числе православным священникам, не признавшим обновленцев, уволенным поэтому из храмов и лишившимся доходов⁶⁰.

К.Подливахина тоже участвовала в деятельности конференции Св. Викентия, в частности в августе 1923 получила для нее по церковным каналам деньги из Финляндии. Капитолина Николаевна переписывалась с находившимся в заключении о.Леонидом Федоровым, в частности писала ему о послании Патриарха Тихона и деятельности «Живой Церкви». При обыске у Подливахиной были изъяты серебряный кубок и 5 золотых орденов, оставленных в 1920 кн. А.Грузинской перед отъездом в Латвию, а также копия ходатайства во ВЦИК от 25 октября 1923 об освобождении Л.Федорова. Текст этого прошения составила Ю.Н.Данзас, а подписали его 5 русских католиков: о.Е.Акулов, Е.Башкова, Подливахина, Данзас и Е.Котлов⁶¹.

Вместе с русскими католиками 18 ноября в Петрограде была арестована и католичка латинского обряда Люция Чеховская. Она заведовала нелегальной школой при костеле Посещения Пресв. Девы Марии (около 50 учеников), состояла до 1921 в приходском комитете храма. В то же время Люция Эдмундовна еще с 1919 хорошо знала о.Л.Федорова, в ее школе преподавали русские католики: В.О.Дьяковская, сестры Татьяна и Мария Афанасьевы. На допросе Чеховская заявила следователю: «Мы, верующие, теперь в подземелье, как в катакомбах, что и возбуждает возвышенное религиозное настроение». Муж ее родной сестры, работавший в Центральной контрольной комиссии РКП(б), С.Будкевич дважды ходатайствовал об освобождении Л.Чеховской на поруки, но получил отказ. В.Дьяковская подвергалась задержанию, а Афанасьевы в конце 1923 переехали в Новороссийск и поэтому избежали ареста⁶².

На 8 арестованных в Петрограде русских католиков было заведено отдельное следственное дело №21935 и 8 декабря составлено обвинительное заключение. 19 (по другим сведениям — 11) декабря всех их перевезли в Москву и поместили в Бутырскую тюрьму. Однако СООГПУ не был удовлетворен. 27 декабря оттуда в Петроград ушла шифротелеграмма: «Дело велось вообще слабо и довольно формально. Не обращено внимание на найденные протоколы кружка молодежи, которая подбирала подходящее название, вроде "Освобождения" ("Вызволения"), кружки "Полюши бедным и заключенным", "боголюбцев" /.../ Заняться глубже этим делом. Произвести обыски и арестовать...» Далее перечислялись фамилии более 30 русских католиков. А 2 января 1924 в другой шифротеле-

⁶⁰ АУФСБ РФ СПб. Ф.Арх.-след.дел. Д.П-85381. Т.1. Л.208, 318-319.

⁶¹ Там же. Л.146.

⁶² Там же. Л.216-220.

грамме говорилось: «Срочно установить личности и "политфизиономии" 20 человек, адреса которых обнаружены при обыске у Дейбнера»⁶³.

7 января Петроградское ГПУ попыталось оправдаться: «Сделано все, что можно было сделать». Но в ночь с 10 на 11 января все же арестовало 15 человек, а 29 января — еще 2. Среди арестованных оказались 4 католика латинского обряда и одна православная — дочь К.Подливахиной Зоя. У Антонины и Эдуарда Яблонских при обыске нашли протоколы заседаний молодежного богословского кружка «Вызволение» при соборе Св. Екатерины за февраль — март 1923. 11 человек были вскоре освобождены под подписку о невыезде, а на 6 других — С.Н.Прилежаева, Е.О.Преображенскую, А.И.Поссейполь, Л.К.Гильдебрандт, Э.Б.Жуковскую и А.В.Прусак заведено следственное дело №24273. Особенное внимание следователей привлекли А.Поссейполь и сестра Екатерина — Л.Гильдебрандт, являвшаяся председателем конференции Св. Викентия при общине Сошествия Св. Духа.

По делу русских католиков проходил и Л.Федоров. В качестве вещественных доказательств фигурировали более 10 писем экзарха, переданных им в 1923 из московских тюрем, например, от 9 ноября — о.Епифанию Акулову об участии в католических процессах. В обвинительном заключении говорилось: «Выяснилась активная, руководящая роль экзарха Леонида Федорова и после его заключения в тюрьму, у такового в тюрьме был произведен обыск, давший следующие результаты: обнаружены тетради с его заметками о гонениях как на православную, так и на католическую церковь...»⁶⁴

Продолжались аресты и в Москве: 26 ноября 1923 были взяты монахини Г.Ф.Енткевич и А.С.Серебрянникова, в январе 1924 — три доминиканки (Е.И.Готовцева, Т.К.Томилова и Р.И.Крылевская). А с 8 по 19 марта — арестовали еще 20 человек. В Киеве задержали, но затем освободили под подписку о невыезде члена 3-го ордена доминиканцев П.В.Шафировва. Общее обвинительное заключение было составлено 24 апреля 1924 на 56 человек. Его формулировки мало отличались друг от друга. Например, Ю.Н.Данзас вменялось активное участие в ленинградской контрреволюционной организации, распространение контрреволюционных листовок и организация контрреволюционных кружков. Э.Б.Жуковская обвинялась в том, что «являлась членом контрреволюционной организации, членом кружка, имевшую тесную связь с заграницей, и сообщала различные ложные сведения о Сов. России...» и т.д. Постановление Коллегии ОГПУ от 19 мая 1924 назначало священникам Иоанну Дейбнеру, Епифанию Акулову, Николаю Александрову, а также Ю.Данзас, К.Подливахиной, Е.Нефедьевой, Л.Гильдебрандт, Д.Крючкову, А.Поссейполь, С.Прилежаеву, Л.Чеховской, А.Абрикосовой, В.Балашеву, Д.Новицкому, А.Селенковой, Т.Сапожниковой по 10 лет тюремного заключения, еще 9 осужденным по 5-8 годам тюрьмы, а 22 человекам — ссылку на 5 лет в Сибирь или Туркестан, остальные были освобождены. А.Зерчанинов после сво-

⁶³ АУФСБ РФ СПб. Ф.Арх.-след.дел. Д.П-85381. Т.1. Л.162-163.

⁶⁴ Там же. Л.329-330.

его освобождения в декабре 1923 до конца мая 1924 проживал в Ленинграде с подпиской о невыезде и окормлял русских католиков города. Как видно из документов РГИА, к нему обращались по различным вопросам и из других городов страны. Но 19 мая Коллегия ОГПУ также приговорила его по общему делу к 10 годам тюрьмы с заменой ввиду преклонного возраста тюремного заключения ссылкой на 3 года на Урал (а затем в Сибирь)⁶⁵.

Почти никто из осужденных по этому делу не вернулся в Ленинград. Почти все они скончались в лагерях или ссылке, кроме Ю.Н.Данзас и А.И.Поссейполь, которым впоследствии удалось эмигрировать. Тем не менее ленинградская община не прекратила существования. В 1926 в связи с реорганизацией структуры католической церкви в СССР и назначением апостольских администраторов русские католики Ленинграда вошли в юрисдикцию епископа Антония Малецкого. У них не было своего храма (а несколько лет и своих священников). Большинство окормлялось у священ. Болеслава Слоскана и Иоанна Амудрю. Например, духовная дочь о.Е.Акулова О.М.Фоминцева перешла к о.Болеславу. А принявшая (под влиянием тайной монахини Т.Котен) в 1924 католичество О.В.Петрова окормлялась у о.Иоанна. В 1926 она попросила принять ее в 3-й орден доминиканцев и получила «испытательный срок». Были попытки и подготовить католических священников восточного обряда. Так, в октябре 1926 для учебы в нелегальной Ленинградской Духовной семинарии приехал из Казанской губернии чуваш Яков Турхан. Он был женат, и его предполагалось рукоположить во священника восточного обряда. Но 13 января 1927 семинария была разгромлена ОГПУ, в числе арестованных оказался и Я.Турхан⁶⁶.

Предположительно в 1927 был возведен в сан католического священника восточного обряда Николай Михалев. Он служил в различных ленинградских костелах, однако недолго: в 1929 ушел за штат и занялся литературным трудом.

В конце 1926 изъявил желание перейти в католичество восточного обряда настоятель православной Николаевской церкви в пос. Мга Шлисельбургского уезда священ. Сергей Трудов. Однако он был обновленцем, и епископ А.Малецкий поставил условием его перехода — покаяние. О.Сергий считал, что ему каяться не в чем, переговоры затянулись, но когда начались новые аресты русских католиков, его тоже забрали.

Не было секретом для ОГПУ, что приезжавший в августе 1926 из Ватикана в Ленинград епископ Мишель Д'Эрбиньи встречался с членами местной общины и передавал некоторым из них благодарность и подарок от Папы Римского. Этими встречами, согласно свидетельствам их участников, епископ преследовал цель «урегулирования связей» русских и латинских католиков⁶⁷. В результате 13 января 1927 было арестовано 17 человек, на следующий день еще 2, а 5 февраля — еще один. Среди них 6 бы-

⁶⁵ АУФСБ РФ СПб. Ф.Арх.-след.дел. Д.П-82851. Т.1. Л.332-340; Осипова И.И. Указ. соч. С.17.

⁶⁶ АУФСБ РФ СПб. Ф.Арх.-след.дел. Д.П-82851. Т.1. Л.305.

⁶⁷ Там же. Д.П-14436. Т.1. Л.88.

ли католиками латинского обряда, остальные — восточного. Несколько женщин были сестрами — францисканками или доминиканками. В профессиональном отношении преобладали предстатели интеллигенции. Одной из главных обвиняемых — мон. Евпраксии (Е.А.Башковой) вменялось то, что она, проживая в квартире осужденных Ю.Н.Данзас и свящ. Е.Акулова, размножала и распространяла оставшийся от них «контрреволюционный катехизис для обучения детей», поддерживала связь с заключенными и высланными, собирала для них по костелам деньги, хранила церковные ценности (обнаруженные при обыске). Среди обвинений был также шпионаж и участие в «создании католических контрреволюционных групп совместно с ксендзами». Елене Беляевой ставилось в вину обучение детей катехизису и сбор денег на общину; София Полотейнева «обрабатывала вновь вступающих членов», информировала еп. М.Д'Эрбиньи о настроениях католиков, получила через него от Папы благословение на продолжение подобной работы и т.д.

14-23 марта 1927 14 человек — В.Я.Оскреткова, М.И.Куклич, К.П.Юркевич, Е.К.Мроз, Т.Ф.Тавелдарова, Т.З.Федорович, С.А.Лихарева, Ю.И.Маркевич, О.В.Евсерядовская, М.К.Линкишкин, В.М.Мацедульская, Н.Н.Попова, Н.А.Ширяева-Кремер и свящ. С.А.Трудов — были освобождены. 13 мая уголовное дело в отношении них было прекращено за отсутствием состава преступления. Остальных — Е.А.Башкову, Е.И.Беляеву, С.А.Полотейневу, М.Г.Россинскую и К.В.Зенкевич 22 июля 1927 Особое Совещание при Коллегии ОГПУ постановило по статье 58-6 УК РСФСР (шпионаж) лишить на 3 года права проживания в крупнейших городах и погранзоне, а А.П.Шимановскую — на 3 года сослать в Сибирь⁶⁸.

В результате репрессий, смертей и эмиграции численность русских католиков постепенно сокращалась. Е.Башкова была вынуждена поселиться в Калуге. В 1927 уехали из Ленинграда сестры Татьяна и Мария Котен, в 1929 умерла О.М.Фоминцева, оставив после себя интересный дневник (в 1936 переданный свящ. М.Флорану), и т.д.⁶⁹

Но случались события и иного рода. В 1927 по инициативе латыша Игнатия Донатовича Зарина была образована католическая община из русских крестьян в пос. Абрамов Клин Ордежского района Лужского округа. В нее входило 48 человек. Община была официально зарегистрирована 29 января 1928 и просуществовала до середины 1930-х (самого И.Д.Зарина арестовали в сентябре 1937, а его сына И.И.Зарина в начале 1938, обоих расстреляли)⁷⁰.

13 февраля 1931 была разгромлена московская община русских католиков. Десять ее членов оказались арестованы и отправлены в лагеря и ссылки. Из ленинградцев по этому делу проходили только Л.Н.Полибина, 15 февраля арестованная при нелегальном переходе границы и приговоренная Коллегией ОГПУ 18 августа 1931 к 3 годам лагерей, а также

⁶⁸ АУФСБ РФ СПб. Ф.Арх.-след.дел Д.П-14436. Т.1. Л.87-92.

⁶⁹ Там же. Д.П-78312. Т.2.

⁷⁰ Там же. Д.П-67224; ЦГА СПб. Ф.7398. Оп.16. Д.22. Л.44об.; Оп.2. Д.42. Л.263.

сестра Иосафата — А.И.Новицкая, арестованная 15 февраля в Ленинграде и получившая такой же срок⁷¹.

В начале 1930-х русские католики Ленинграда посещали в основном два храма — Св. Станислава и Французскую церковь Божией Матери. Особенно много их собралось 14 ноября в праздник униатского святого Иосафата и в день Св. Терезы. 8 мая 1931 по делу настоятеля костела Св. Станислава о.Стефана Войно были арестованы русские католики — О.В.Петрова, В.П.Разамеги-Прянишникова, Б.В.Гришинский и Е.Н.Лужковский. По этому делу проходил и католик латинского обряда М.К.Линкишкин, ранее близко знакомый с Л.Федоровым и А.Зерчаниновым. Его обвиняли в «теоретическом обеспечении русского католичества» (при аресте у него было изъято его сочинение о путях и способах приобщения России к католичеству). 7 марта 1932 Коллегия ОГПУ определила ему 10 лет лагерей⁷².

Между тем летом 1933 вернулись в город из тюрем и ссылок А.Прусак, К.Подливахина и Е.Нефедьева (с 1930 жившая в Саратове). 22 мая 1933 был освобожден из сибирской ссылки свящ. Е.Акулов. Он также вернулся в Ленинград. Апостольский администратор И.Амудрю оказался в растерянности: о.Епифаний едва мог читать по латыни, а богослужение по восточному обряду тогда уже было запрещено властями. Но католических священников в городе не хватало из-за репрессий, и о.Иоанн все же разрешил Акулову совершать литургии в церкви Св. Сердца Иисуса (с 21 июля 1933), а с 1934 также служить в костелах Св. Казимира, Св. Алексея и Св. Франциска (в окраинных рабочих районах Ленинграда). В июле 1934 вернулся из Смоленска свящ. Н.Михалев и 15 августа был назначен настоятелем костела Св. Станислава. Таким образом к началу 1935 в Ленинграде два из трех католических священников были восточного обряда, хотя вынужденно служили по латинскому⁷³.

Среди русских католиков города большой активностью отличалась Елена Нефедьева. Она поддерживала связь с группами единоверцев в Саратове, Дмитрове и Смоленске, а также с проживавшим в вятской ссылке экзархом Л.Федоровым, вплоть до его смерти 7 марта 1934. Нефедьева была также хорошо знакома с А.Абрикосовой, о.Николаем Александровым и В.Балашевым, который в конце 1934 приезжал к ней. Из ленинградских русских католиков особенно близкие отношения у нее были с семьей Сидоровых — Иваном Ивановичем, Марией Александровной и их детьми.

Летом 1933 и в 1934 в здании Воскресенского Новодевичьего монастыря Е.Нефедьева и А.Прусак (которая организовала эти свидания) встречались с православным епископом Петергофским Николаем (Ярушевичем), выразившим желание перейти в католичество (!). В дальнейшем этот владыка стал митрополитом Крутицким и Коломенским и вошел в историю как один из самых выдающихся иерархов Русской Православ-

⁷¹ Осипова И.И. Указ. соч. С.22-26, 187, 191; Юдин А. Указ. соч. С.504.

⁷² АУСФБ РФ СПб. Ф.Арх.-след.дел. Д.П-78312.

⁷³ Дьякон Василий ЧСВ. Указ. соч. С.615; ЦГА СПб. Ф.7384. Оп.33. Д.65. Л.5; Д.144. Л.82, 89; Д.152. Л.74.

ной Церкви XX века. Поэтому информация об этих контактах выглядит сенсационной. Следует, однако, учесть, что в 1933 перешел в католичество православный епископ Варфоломей (Ремов), и об этом же велись переговоры в Москве апостольского администратора еп. Пия Неве с известным авантюристом еп. Владимиром (Путятый)⁷⁴. Оба указанных факта были хорошо известны ОГПУ. Однако часть православного епископата в условиях массовых гонений на Церковь в 1930-е действительно рассматривала вопрос о сближении с Ватиканом для совместного противостояния «безбожной власти».

Во время переговоров Е.Нефедьевой с еп. Николаем выяснилось, что он желает быть принятым в католичество только по восточному обряду. Неясным было, останется ли владыка епископом или станет только монахом. Елена Михайловна порекомендовала ему обратиться в Вятку к Л.Федорову или к И.Амудрю. Через несколько недель о.Иоанн получил от еп. Николая письмо с просьбой о встрече. Нефедьева передала владыке ответное приглашение посетить Амудрю в костеле Св. Екатерины. Предложенное место не устроило еп. Николая, и он встретился с о.Иоанном на квартире последнего и после переговоров взял несколько богословских книг. На этом контакты практически оборвались. Е.Нефедьева лишь однажды еще навестила владыку в Новодевичьем монастыре, чтобы по просьбе И.Амудрю забрать обратно книги⁷⁵.

В 1935 в Ленинград к своим братьям переехала из Саратова монахиня Екатерина — А.В.Селенкова. Она вступила в доминиканский орден еще в 1916. В начале 1920-х в Москве мон. Екатерина первой из сестер общины дала обет: «...Отдаю себя в жертву за спасение России и священников до последней капли крови, в чем да поможет мне Господь». Получив в 1924 по делу русских католиков 10 лет тюрьмы, Анастасия Селенкова освободилась в 1932 и жила в Саратове, где сблизилась с Е.Нефедьевой. Сестра Екатерина создала небольшие молодежные группы русских католиков как в Саратове, так и в Ленинграде. В городе на Неве у нее было три брата; старший Аркадий также был членом 3-го ордена доминиканцев. К октябрю 1935 двух братьев арестовали и отправили в лагерь: Аркадия на 5 лет в Коми АССР, а Анатолия на 10 лет в Соловки. На свободе остался только бывший инвалидом Василий⁷⁶.

16 сентября 1935 была арестована Е.Нефедьева, а 3 октября — А.Селенкова. Эти аресты являлись частью более крупной операции, проведенной органами НКВД против русских католиков в августе—октябре 1935 также и на территории Московской области. До этого времени в г.Дмитрове проживали свящ. Николай Александров, В.Балашев и А.Балашева, первые двое работали инженерами в Управлении «Москва — Волгострой». Они поддерживали тесную связь с ленинградцами. О.Николай, арестованный 15 августа 1935, дал обширные показания. Он назвал более 40 русских католиков, входивших в 3-й орден доминиканцев, причем

⁷⁴ Осипова И.И. Указ. соч. С.35-40; АУФСБ РФ СПб. Ф.Арх.-след.дел. Д.П-71478. Л.154.

⁷⁵ Там же. Л.25-26об.

⁷⁶ Там же. Л.51-69.

администратором «первого ордена» назвал о.Иоанна Амудрю, а помощником администратора — о.Михаила Флорана, живших в Ленинграде. Кроме них из доминиканцев, согласно показаниям Н.Александрова, в городе на Неве проживали А.Селенков и о.Епифаний Акулов, а остальные — в Тамбове, Орле, Смоленске, на БАМе и т.п. (главным образом, в ссылке и лагерях). В.Балашев рассказал не только о своей поездке в Ленинград, но и о приезде в Дмитров к нему католиков восточного и латинского обрядов, в том числе бывшего старосты Ленинградской подпольной семинарии К.Тысовского. По указанному делу были привлечены также проживавший в г.Кимры брат Раймунд — В.В.Готовцев и мон. Иоанна — Е.И.Готовцева. Всех пятерых 29 декабря 1935 осудило Особое Совещание при НКВД СССР⁷⁷.

Показания о.Николая и Балашева составляют значительную часть архивно-следственного дела Нефедьевой — Селенковой. Обе арестованные поначалу держались стойко. Ввиду их отказа от показаний 14 ноября срок следствия был продлен. Затем от Елены Михайловны, которой уже исполнилось 65 лет, удалось добиться «признания», а мон. Екатерина до конца категорически отрицала свою «вину». В обвинительном заключении говорилось, что Е.Нефедьева «являясь членом контрреволюционной организации, вела борьбу против Соввласти и ставила своей задачей превращение СССР в католическое государство». 7 февраля 1936 Особое Совещание при НКВД СССР приговорило обвиняемых к 3 годам ссылки в Северный край⁷⁸.

Еще в мае 1935 из-за отказа в выдаче паспорта был вынужден покинуть Ленинград о.Николай Михалев. Он уехал в Таганрог и затем получил приход в Крыму⁷⁹. В Ленинграде остался лишь священ. Е.Акулов. Его арестовали в апреле 1935, но вскоре выпустили, и он еще более двух лет окормлял остатки ленинградской общины русских католиков.

О.Епифаний был арестован 26 июля 1937. В обвинительном заключении говорилось, что он якобы «по указаниям Польского консульства в Ленинграде и Ватикана с 1935 г. развернул активную антисоветскую деятельность». Е.Акулова обвиняли также в стремлении сохранить костелы, во встречах с сотрудниками Польского консульства, получении от них денег на ремонт храмов, даже в воспитании польских националистических кадров. 25 августа 1937 его приговорили к высшей мере наказания и 27 августа на основании предписания заместителя начальника Ленинградского Управления НКВД и телеграммы из центрального аппарата НКВД расстреляли. Близким же заявили, что о.Епифаний приговорен к 10 годам заключения без права переписки и отправлен на Колыму⁸⁰.

В августе 1937 в Ленинграде прошли и почти поголовные аресты других еще уцелевших русских католиков. Были схвачены: сын о.Иоанна Дейбнера — Иван Иванович, бывший активный прихожанин церкви

⁷⁷ АУФСБ РФ СПб. Ф.Арх.-след.дел. Д.П-71478. Л.76-154.

⁷⁸ Там же. Л.22, 166-167.

⁷⁹ Wenger A. Rome et Moscou, 1900-1950. Paris, 1987. P.536-537.

⁸⁰ Там же. P.537-538; АУФСБ РФ СПб. Ф.Арх.-след.дел. Д.П-75014. Л.11-16,

Сошествия Св. Духа, морской офицер царского флота Б.В.Обухов, сотрудник Публичной библиотеки Е.А.Полежаев, преподаватель математики в техникуме А.С.Корзилов, радиотехник Г.Д.Бородин, шофер И.С.Гриб и другие. Показания многих из них имеются в следственном деле о.Е.Акулова. Так, например, Иван Степанович Гриб говорил на допросе: «Если приеду в Польшу, буду отдан в специальное училище, подготавливающее ксендзов восточного обряда»⁸¹. Практически все арестованные были расстреляны и похоронены на Левашовской пустоши. Так завершилась трагическая история петербургской общины русских католиков.

Публикация документов подготовлена по материалам трех петербургских архивов, содержащих почти все основные материалы по данной теме. В РГИА хранится специальное дело с документами русских католиков за 1909-1924, а в ЦГА СПб. — наблюдательное дело церкви Сошествия Св. Духа 1918-1923 гг.; комплексы соответствующих документов в фондах Петросвета, Ленгорисполкома, Петроградского райисполкома; личное дело Ю.Н.Данзас в фонде Пединститута им. А.И.Герцена и т.д. Наконец, в АУФСБ РФ по СПб. и ЛО автором были изучены 5 важнейших по этой теме архивно-следственных дел: 56-ти русских католиков (в т.ч. Ю.Н.Данзас) 1924 г., 6-ти русских католиков (в т.ч. Е.А.Башковой) 1927 г., Е.М.Нефедьевой и А.В.Селенковой 1935 г., о.Епифания (Акулова) 1937 г. и И.И.Зарина 1938 г. Для публикации были отобраны: 3 материала ЦГА СПб., 2 — из РГИА и 2 — из АУФСБ РФ СПб. и ЛО. Как правило, орфография и пунктуация оригиналов приведены к современной норме, сохранены лишь индивидуальные авторские особенности. Заголовки документов даны публикатором. Документы приводятся полностью. Раскрываемые сокращения и смысловые конъектуры заключены в квадратные скобки.

1. МЕМОРАНДУМ [ЭКЗАРХА ЛЕОНИДА ФЕДОРОВА¹]

[Январь 1919]

Заведующему Охранительным отделом
Комиссариата юстиции
Рихарду Андреевичу *Теттенборну*

По поводу «соглашения», приложенного
к инструкции 30 августа 1918 года.

Опубликованная 30 августа 1918 года Комиссариатом Юстиции Инструкция по проведению в жизнь декрета 23-го января 1918 года об отделении церкви от государства кроме 35 параграфов,

⁸¹ АУФСБ РФ СПб. Ф.Арх.-след.дел. Д.П-75014. Л.50, 70.

выясняющих способ проведения в жизнь вышеуказанного декрета, заключает в себе также и образец соглашения между Советской Властью и каждым отдельным приходом, на основании которого предполагается регулировать их взаимные отношения. Это соглашение состоит из вступления и 12 параграфов. В представляемом меморандуме излагаются причины, в силу которых принятие соглашения в том виде, в каком оно изложено при инструкции 30 августа, является неприемлемым для представителей и верных католической церкви. Вступительная часть соглашения начинается так: «Мы, нижеподписавшиеся граждане (такой[-то] местности или города), имеющие в нем свое местожительство, заключили настоящее соглашение...»

Из такого обращения граждан [к] Советской Власти не видно, кто такие эти граждане, насколько они имеют право говорить от имени католической церкви и ея церковного управления. Соглашение совершенно игнорирует учение католической церкви и ея каноническое право, по которому приход не представляет из себя простого коллектива мирян, а группу верующих, возглавляемых священником, который как пастырь и глава руководит мирянами не только в области их духовной жизни, но и во всем, касающемся материальных сторон церковной жизни. Со стороны мирян допускается только содействие священнику, забота о деньгах приходских, о здании храма и приходского дома, об их ремонте и т.п. Отсюда миряне в католическом приходе являются только «*riim corporis*»*. Соуправление их со священником в приходских делах допускается, но отнюдь не на равных с ним правах. Поэтому никакая кучка граждан католиков не имеет права войти в соглашение с Советской Властью без разрешения настоятеля прихода, а если это окажется необходимым, то и епископа своей епархии. Следовательно, формула соглашения прихода с Советской Властью будет только тогда для нас приемлема, когда в ней ясно будет обозначен субъект прав прихода, а таковым субъектом является, прежде всего, настоятель прихода, а потом уже верные этого прихода. Этим и объясняется выраженное нами желание изменить вступительную часть соглашения следующим образом:

«Мы, нижеподписавшиеся, настоятель (такого-то) прихода и прихожане (или верные) этого прихода»... и т.д.

Далее в той же вступительной части мы не можем согласиться принять следующее выражение: «Приняли от Совдепа», как нарушающее наши коренные представления о церковном достоинии. Церковное достоиние может принадлежать Советской Власти

* Благочестивым телом (*лат.*).

или путем добровольной уступки его со стороны церкви, или же путем насильственного захвата его светской Властью, как это имело место в Италии, во Франции, в Португалии, а теперь в России. Если церковь ничего не может противопоставить грубой силе захвата, то не перестает протестовать против него. Если же прихожане католики принуждаются в том, что они получили церковное достояние от Совдепа, то этим, вопреки своей религиозной совести, должны будут санкционировать самый факт захвата церковного достояния Советской Властью. По сему выражение «от Совдепа» просим из соглашения исключить.

§1. На таких же основаниях покоится и наша мотивировка о необходимости заменить в §1 выражение «народное достояние» другим — «церковное имущество». В данном случае, подчиняясь внешней силе, церковь может считаться только с экономической точки зрения социалистического безрелигиозного правительства, объявляющего всякое имущество (движимое, недвижимое, общественное и частное), общим достоянием или, как выражено в соглашении, «народным достоянием», но не может официально признать — подписать соглашение в такой форме — достояние церкви — достоянием народным. Каждый католик, как раньше жертвовавший на церковь, так и жертвующий теперь, в силу своих религиозных убеждений жертвует церкви и отдает ей часть своего личного достояния, что в коллективной форме является достоянием народным. Эти религиозные понятия граждан католиков остаются неизменными при всяком строе, хотя бы внешним образом правительство распоряжалось церковным достоянием по своей воле. В глазах каждого католика церковное достояние и церковное имущество никогда ни при каком строе превратиться в народное достояние не может. Заставлять католиков подписывать такие пункты соглашения значит пытаться изменить их религиозные понятия о церкви.

§3-а. Неприемлемость для нас этого пункта в том виде, в каком он фигурирует в соглашении, объясняется тем, что он задевает честь католического клира, который не имеет права пользоваться храмом Божиим для каких бы то ни было политических собраний, а тем более враждебных признанной народной власти. Признавая поэтому за Советской Властью ее естественное желание гарантировать себя от всяких эксцессов со стороны единичных выступлений и в корне уничтожить их, просим в вышеуказанном пункте оставить только слова: «политические собрания», остальное же уничтожить, как оскорбительное для нашей чести. Католический клир не может по своим религиозным убеждениям заниматься в храмах Божиих противоправительственной агитацией.

§3-в. Для уничтожения всяких возможных [двусмысленностей?] мы согласны принять §3-в только в следующем виде: «Прознесение проповедей и речей, враждебных Советской Власти, как таковой, или ея отдельным представителям при исполнении ими обязанностей». Причина этому следующая: были примеры, когда представители Советской Власти выступали с целым рядом атеистических лекций (наприм., Луначарский, Рейснер, Поссе и др.), в которых делали все возможное, чтобы распропагандировать простых людей в антирелигиозном смысле. В данном случае представители Советской Власти выступали как частные лица. Такие случаи будут, конечно, повторяться и впредь, поэтому в соглашении должна быть оговорена эта возможность, почему мы и прибавляем слова: «При исполнении их обязанностей». Если священник не имеет права проповедовать против Луначарского или Рейснера как против особ, функционирующих от имени Советской Власти, в делах ею им порученных, — то они обязаны проповедовать против них как против атеистов, ведущих антирелигиозную пропаганду. Но не только отдельные представители Советской Власти имеют такую антирелигиозную программу: вся Советская Власть, представляющая из себя власть коммунистов, кладет в основу своей культурно-просветительной деятельности социализм и атеизм. Если поэтому атеистические идеи не могут сказываться в чисто внешних материально-экономических функциях власти, в делах управления ею страной и обществом, то атеистические направление Советской Власти, как направление антирелигиозное, обязывает церковь и ея служителей противодействовать этому направлению — проповедями и религиозными пропагандами. Поэтому словам «Советской Власти» мы присоединяем поясняющее выражение «как таковой», т.е. насколько Советская Власть является органом управления страны и источником общественного законодательства.

§3-г. Как в пункте 3-а, так и в этом мы находим оскорбительное для нашей чести выражение, предполагающее возможность пользоваться колокольнями не с чисто религиозной или допустимой церковными правилами целью (например, набат при пожарах), поэтому, признавая первую часть этого пункта только как гарантию, требуемую Советской Властью в виду исключительных переживаемых нами исторических моментов, не можем признать вторую часть пункта 3-г, начинающуюся словами: «Ввиду чего...» и т.д. Советская Власть не может распоряжаться колокольнями по своему усмотрению, иначе она будет принуждать производить звон в такие моменты, когда он недопустим, или заставлять звонить в честь таких торжественных, с точки зрения социалисти-

ческого учения, событий, которые являются глумлением и насмешкою над церковью.

§12. В этом параграфе мы требуем прибавить к словам «нашему вероисповеданию» следующее: «верующих и исполняющих правила своего исповедания и имеющих об этом удостоверения своего настоятеля». Настоятелю Католического прихода слишком мало говорит то обстоятельство, что такой[-то] и такой-то прихожанин, желающий подписать соглашение, не опорочен по суду, можно быть не опороченным по суду (наприм., не быть обвиненным в клевете, убийстве, краже и т.п.), но очень плохим быть христианином, не имеющим всех добродетелей, которые позволяют кому-либо с религиозной точки зрения быть членом церкви Христовой.

Никакое общество, а также и церковь не может быть обязана принять в свою среду людей, не соответствующих его этическим требованиям.

[Экзарх Леонид Федоров]

За секретаря Пр. д. св. пр. вр. прот. подпись

[Алексей Зерчанинов²]

ЦГА СПб. Ф.1000. Оп.6. Д.29. Л.112-112об. Копия.

¹ Федоров Леонид Иванович. Род. 4 ноября 1879 в С.-Петербурге в семье повара, русский. Окончил Петербургскую гимназию и в 1902 два курса Петербургской православной Духовной академии. 1 июня 1902 перешел в католичество. Учился 5 лет в Папской коллегии в Ананьи, затем во Фрейбургском университете (Германия). С 1910 префект Студитского научного института во Львове. 25 марта 1911 рукоположен в сан католического священника восточного обряда. Принял постриг студитского ордена с именем Леонтий и поступил в студитский скит Св. Иосифа в Каменце. Вернулся в Россию. Арестован в 1914 и выслан в Тобольск. Освобожден в 1916. 31 мая 1917 назначен митр. Андреем Шептицким экзархом русских католиков и возведен в сан протопресвитера, в феврале 1921 утвержден Папой Римским. Участник Первого русско-католического Собора в Петрограде в мае 1917. Служил настоятелем в русско-католической церкви Сошествия Св. Духа в Петрограде (июнь 1917 — декабрь 1922). Руководитель «Общины Св. Духа». Арестован 22 ноября 1922, в тот же день освобожден. 18 января 1923 назначен митр. Андреем Шептицким также экзархом католиков восточного обряда в Белоруссии. Вновь арестован 10 марта 1923 в Москве по делу архиепископа Я.Цепляка. На групповом процессе католического духовенства 21-26 марта 1923 Военным трибуналом осужден на 10 лет тюремного заключения. Наказание отбывал в Бутырской (до 21 апреля 1923), Сокольнической и Лефортовской (с сентября 1923) тюрьмах. 26 апреля 1926 по ходатайству Польского Красного Креста досрочно освобожден с запрещением проживать в шести крупных городах. Поселился в Калуге. Ездил в Могилев, служил в соборе

Св.Антония. 10 августа 1926 арестован в Могилеве и вывезен в Москву. Постановлением Особого Сопещения при Коллегии ОГПУ от 18 сентября 1926 осужден на 3 года концлагеря. 26 сентября 1926 прибыл на Соловки. Работал дворником и сторожем. Служил в Германовской часовне. В июле 1929 вывезен на о.Анзер. 10 августа 1929 освобожден и выслан в г.Пинега (Архангельская область). В начале 1931 арестован за отказ от принудительных работ и привезен в Архангельскую тюрьму. После шести месяцев пребывания в Архангельской тюрьме осенью 1931 выслан на три года в Котлас, куда прибыл 20 апреля 1932. В ноябре 1933 освобожден с запрещением проживания в двенадцати крупных городах. С января 1934 жил в Вятке. Умер в Вятке 7 марта 1934.

² *Зерчанинов* Алексей Евграфович. Род. 9 марта 1848 в с.Борисове Княжинского уезда Нижегородской губернии в семье православного священника, русский. Окончил Нижегородскую православную Духовную семинарию (1871). 15 октября 1871 возведен в сан православного священника. Служил настоятелем церкви с.Борисова. Благочинный церковей Арзамасского уезда, законоучитель в училищах. 9 января 1896 тайно перешел в католичество, принят свящ. Марианом Фульманом. Арестован 3 июля 1898 и отправлен в Суздальскую тюрьму для религиозных отступников. Освобожден 21 февраля 1901. Занимался сельским хозяйством в Нижегородской губернии (1901-1905). После Манифеста о свободе вероисповедания от 17 октября 1905 поселился в Петербурге. Весной 1907 ездил к Папе Пию X. С 29 июня 1907 — наместник униатского митрополита Андрея Шептицкого в Каменецкой епархии. С октября 1907 вновь проживал в Петербурге, служил на своей квартире, основал католическую общину восточного обряда в столице. 21 мая 1908 от имени Папы Римского провозглашен главой миссии для русских католиков. С 27 марта 1909 до мая 1911 настоятель русско-католической церкви на Полозовой ул. С 1912 викарий костела Св. Екатерины. Впервые арестован 1 мая 1919 вместе с митрополитом Э.Роппом в качестве заложника, освобожден через месяц. Секретарь экзархата Греко-Католической Церкви в 1917-1920. Подвергался аресту 12 апреля 1920 по «Польскому делу», 18 апреля 1920 освобожден. Получил звание прелата (февр. 1923). С марта 1923 возглавлял северную часть экзархата Русской Католической Церкви. 19 ноября 1923 вновь арестован в Петрограде по обвинению в распространении контрреволюционных статей и писем. В декабре 1923 освобожден под подписку о невыезде. 19 мая 1924 по постановлению Коллегии ОГПУ осужден на 10 лет тюремного заключения, но в виду преклонного возраста тюремное заключение заменено ссылкой на 3 года. Отправлен сначала на Урал в Екатеринбург, а позже — в Тобольск. 28 мая 1926 арестован в Тобольске и за свою религиозную активность отправлен дальше на север, в Обдорск. 9 мая 1927 освобожден из ссылки с запретом на проживание в шести крупных городах. Поселился в Смоленске, в 1929 переехал в Нижний Новгород. Умер здесь 23 сентября 1933.

2. [ЗАЯВЛЕНИЕ КОМИТЕТА ОБЩИНЫ]

Комитет
Русской Греко-Католической
Петроградской Общины

21 сентября 1919 г.

Петроград, Петрогр. ст., Бармалеева ул.

Заведующему общим подотделом юстиции
Гражданину Р.А.Теттенборну

Мы, нижеподписавшиеся, члены приходской общины русской греко-католической Церкви, сим доводим до Вашего сведения, что нашему Экзарху протопресвитеру о.Леониду Федорову общим подотделом юстиции, находящимся в Вашем распоряжении, прислано уведомление о передаче нашего церковного имущества в заведование приходской общины.

Такое требование не может встретить с нашей стороны ни малейшего протеста, если дело идет о передаче церковного имущества в заведование прихода. Фактически церковное имущество всегда находилось и находится теперь в заведовании приходской общины с настоятелем прихода во главе, как это требуется по законам Католической Церкви. Инвентарь церковного имущества представлен нами в Комиссариат Юстиции, и точность его этим последним может быть всегда проверена.

Но для нас совершенно неприемлемы требования Комиссариата Юстиции о вступлении в договор с местной властью по форме, изложенной в прилож.1 к статье 685 Собрания Узаконений и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. Они идут вразрез с нашими религиозными убеждениями и насилуют нашу совесть.

Потому мы вполне присоединяемся к протесту, заявленному Центральным Комитетом Римско-Католических Общин Могилевской Архиепархии.

Согласно учению Католической Церкви, мы не имеем права принять в свое исключительное распоряжение и заведование наше церковное имущество, так как оно принадлежит Церкви, которой мы сами приносим его в жертву. Поэтому распоряжение и заведование храмом принадлежит его настоятелю, который уполномочен для этой цели епископом или заменяющим его лицом (у нас Экзархом). Приходский комитет может только гарантировать Правительству целость и неприкосновенность церковного имущества. Таковы наши церковные законы, преступать которые мы не имеем никакого права.

Как граждане российской республики мы не только можем, но и обязаны гарантировать Правительству полное отсутствие в наших храмах какой бы то ни было контрреволюционной пропаганды. Наши храмы посвящены Богу, и в их стенах не может раздаваться иной проповеди, кроме призыва к исполнению закона Христа.

Что же касается до назначения членов приходского Комитета, то считаем нужным заявить, что таковыми, по законам Католической Церкви, могут быть не просто люди «не опороченные по суду», но только те из прихожан, которые верностью церковному учению и своим христианским поведением доказали, что они могут быть помощниками настоятеля церкви в деле заведования ее имуществом. Как эти, так и остальные соображения по поводу желательных изменений в различных пунктах договора были уже представлены в свое время Правительству нашими иерархами.

Гонимая и преследуемая в течение целого ряда лет русская греко-католическая Церковь вправе надеяться, что Правительство, провозгласившее своим девизом защиту бедных и угнетенных, не пожелает вторгаться в область нашей религиозной совести и регламентировать не подлежащий его ведению уклад нашей религиозной жизни.

За секретаря Пр. д. св. пр. прот. Алексей Зерчанинов
ЦГА СПб. Ф.151. Оп.2. Д.137. Л.42-43. Подлинник.

3. [ПРОШЕНИЕ ЭКЗАРХА]

Экзарх
Русской Греко-Католической Церкви
Протопресвитер Леонид Федоров
Петроград

19 октября 1919 года
Его Преосвященству
Преосвященнейшему Епископу Иоанну¹
Администратору Могилевской
римско-католической Архиепархии

Прошу утвердить переход из латинского обряда в греко-восточный Витольда Устиновича Довгялло, уроженца Ковенской губернии, и не отказать посвятить его в первые четыре священнослужительские степени.

Вашего Высокопреосвященства смиренный послушник
Экзарх Леонид Федоров
РГИА. Ф.826. Оп.1. Д.1929. Л.134. Подлинник.

¹ Цепляк Ян Гиацинтович (Яценцович). Род. 17 августа 1857 в м. Донбров Горничей близ г. Кельце в шахтерской семье, поляк. Окончил гимназию в Кельцах и в 1882 Петербургскую Духовную академию. С 15 августа 1881 римско-католический священник. Магистр богословия, с 1882 по 1908 — профессор Петербургской Духовной академии. В 1904 капеллан, каноник в каплице при приюте «Добрый пастырь». 7 ноября 1908 возведен в сан епископа в костеле Св. Екатерины. С 1908 епископ-суфроган, с 1914 по декабрь 1917 администратор Могилевской архиепархии. С кон. 1919 управлял архиепархией в качестве генерального викария, получил титул архиепископа. Подвергался кратковременным арестам в апреле 1920 по «Польскому делу» и в 1922. Вновь арестован 10 марта 1923 по групповому процессу католического духовенства. На процессе 21-26 марта 1923 обвинялся в создании контрреволюционной организации с целью противоявления проведению декрета об отделении церкви от государства. Приговорен к расстрелу, но под влиянием международных протестов по постановлению Президиума ВЦИК от 29 марта 1923 расстрел был заменен на 10 лет тюремного заключения. Отбывал срок в Бутырской тюрьме. 21 марта 1924 постановлением Президиума ВЦИК 10-летний срок заменен на высылку за границу. В марте 1924 переведен из Бутырской тюрьмы в Лубянскую. 9 апреля 1924 освобожден и выехал через Латвию в Польшу. Затем поехал в Рим и США. 14 декабря 1925 назначен Виленским митрополитом, первым в истории. Скончался 17 февраля 1926 в США. Похоронен в Вильно.

4. [Л.И. ФЕДОРОВ — В СТОЛ РЕГИСТРАЦИИ ОБЩЕСТВ И СОЮЗОВ ПЕТРОГРАДСКОГО РАЙОНА]

27 октября 1922 г.

Будучи вызван в исполком Петроградского района 19 сего октября, я был поставлен в известность, что взамен договора, приложенного к «Инструкции по проведению в жизнь декрета 23 января 1918 г. об отделении церкви от государства», опубликованной 30 августа 1918 г. и неприемлемой для нас, католиков, нам предлагается принять «Расписку», которая удостоверила бы акт передачи церковного имущества в руки граждан данного прихода. Хотя эта расписка значительно устраняет трудности, с которыми им пришлось считаться при временном — впредь до разрешения Апостольского Престола — подписании «Инструкции», однако и теперь остаются в ней некоторые места, которые не позволяют нам принять ее в том виде, в каком она нам предложена. В ней из прежнего договора оставлены, несмотря на неоднократные наши протесты и заявления, как раз те места, которые изменяют коренным образом католические представления о приходе.

1. Так расписка дается от имени только «граждан» (даже не прихожан!) без всякого упоминания о *настоятеле прихода*, являющемся руководителем этих граждан *безусловно во всех приходских функциях* (а не только в богослужбной и учительской), а также без всякого упоминания о Высшей Духовной Власти, без разрешения которой никакой католический приход не может вступать ни в какие соглашения с кем бы то ни было, раз эти соглашения затрагивают самые основы приходской жизни и деятельности. Если для правительства настоятель прихода не является юридическим лицом, то для самих прихожан он всегда был и останется пастырем, без которого они ничего не имеют права предпринять в церковной области. Настоятель прихода, по католическим понятиям, не просто «служитель культа», но, наоборот, его распорядитель, пастырь и глава верующих данного прихода. И потому, не обязывая правительство считать настоятеля прихода лицом с юридическими правами, прихожане не могут дать расписки без заявления о согласии на то от своего настоятеля и Высшей Духовной Власти.

2. Требуя от граждан обещания пользоваться храмом «исключительно соответственно его религиозному назначению», расписка указывает только на 2 религиозные функции — «совершение богослужения, отправление религиозных треб», тогда как религиозное назначение храма этим далеко не исчерпывается, сюда входят проповеди, беседы и обучение малых детей катехизису, Закону Божию и литургике. Католический священник *в силу догматического Учения Католической Церкви о таинстве священства* есть учитель всех своих прихожан независимо от их общественного положения, пола и *возраста*, и отказываться от этих своих обязанностей ни при каких условиях не может.

3. Расписка требует, чтобы в случае сдачи имущества храма оно было возвращено «в том самом виде, в каком оно было нами принято». Это условие неприемлемо потому, что *стесняет проявление приходом его христианского милосердия*, в силу которого прихожане с согласия Духовной Власти всегда могут помочь церковными вещами (например, облачениями, сосудами, свечами, книгами, иконами и т.д.) другим прихожанам какого-либо бедного прихода или же выделить из своего прихода достаточное количество церковных вещей для образования нового прихода. Кроме того, непонятно, каким образом могут быть сданы в том самом виде скоропортящиеся вещи, как, например, облачения, книги и т.п.?

4. Наконец, расписка требует, чтобы граждане не препятствовали пользоваться наравне с ними церковным имуществом — «никому из граждан католического вероисповедания» и «не опорочен-

ным по суду». Такое условие уничтожает право контроля настоятеля над своими пасомыми. Войти в число лиц, принявших на себя ответственность за сохранение церковного имущества, могут только те, которые известны настоятелю прихода как лица вполне благонадежные с точки зрения католической догмы и морали. Не достаточно быть только гражданином «католического вероисповедания и не опороченным по суду», чтобы принять на себя столь ответственную обязанность, как хранение церковного имущества и пользование им, для этой цели необходимо а) быть прихожанином этой церкви, в) быть признанным годным для этой цели церковной властью и с) удовлетворять требованиям церковного права.

Кроме всего вышеуказанного обращаю внимание и на тот факт, что в расписке [не указано], кому передается на хранение церковное имущество, только ли подписавшим расписку гражданам или же всему приходу, представителями которого являются подписавшие граждане. никоим образом не отказываясь идти навстречу правительству в его желании урегулировать свои отношения к католическим приходам, и сами всемерно желая быть лояльными гражданами РСФСР, безусловно подчиняясь всем постановлениям, декретам и указаниям Советской власти, мы предлагаем принять и узаконить для нашего подписания ту же расписку, но только в несколько измененном виде, не обременяющем нашей религиозной совести, вполне согласным с учением Католической Церкви и удовлетворяющим требованиям имущественной регистрации. Проект расписки при сем прилагаю. Кроме того прилагаю и 2 (два) заявления, поданных мною и моими прихожанами в Комиссариат юстиции по поводу договора, изложенного в Инструкции 30 августа 1918 г., которые раскрывают еще подробнее наше отношение к такого рода соглашениям.

Экзарх Леонид Федоров

ЦГА СПб. Ф.151. Оп.2. Д.137. Л.39-40об. Подлинник. Автограф.

5. Л. ФЕДОРОВ — М.И. КАЛИНИНУ

Председателю ВЦИК гражданину Калинин
Экзарха Греко-Католической Униатской Церкви
Протопресвитера Леонида Федорова

Заявление

Гражданин Председатель, 5-го декабря сего года по распоряжению Правительственной Власти были насильственно запечата-

ны все католические храмы Петрограда за отказ настоятелей их и прихожан подписать «расписку» — в предложенной им Правительством форме, — которой они обещаются содержать свой храм, отвечать перед правительством за сохранность церковного имущества и пользоваться им исключительно для религиозных целей. Эта новая расписка есть не что иное, как сокращенная форма договора между Советской Властью и каждым отдельным приходом, приложенного к Инструкции 30 августа 1918 г. При опубликовании этой Инструкции мы, католики, заявили о ее неприемлемости для нас, как нарушающей основные католические представления об отношении прихода и мирян к своему настоятелю и Верховной Церковной Власти. Этот договор ставил нас в положение гораздо более худшее того, в каком мы находились при царском режиме, когда наша религиозная свобода была всячески стесняема. Поэтому вышеупомянутый договор некоторыми католическими приходами был совершенно не принят, некоторыми же был принят с той оговоркой (включенной в самый текст договора), что он принимается нами впредь до разрешения Святого Апостольского Престола, т.к. такого рода договоры или конкордаты подлежат компетенции Высшей Церковной Власти Католической Церкви. В такой форме этот договор был принят и нашим русским греко-католическим приходом, однако же впоследствии оказалось, что эта оговорка в самом тексте договора была *кем-то очень искусно уничтожена*. При подписании нами договора со стороны правительства как его представитель участвовал находившийся тогда при Комиссариате Юстиции Сергей Никанорович Драницын. Причинами, которые заставили нас тогда, хотя бы в такой форме, подписать договор, были заявления представителей Правительства (в особенности гражд. Красикова) о том, что такая форма договора (во многом для нас, католиков, прямо оскорбительная) вызвана свирепствовавшей тогда контрреволюцией и военным положением всей страны и что мы должны этому покориться, чтобы доказать сочувствие Советской Власти, *что мы тогда и сделали*.

Но когда в этом году Правительство хотело заставить нас подписать тот же самый договор в *безусловной форме и навсегда*, мы потребовали, чтобы нам дано было снестись с Апостольским Римским Престолом относительно приемлемости договора, *что нам и было позволено*. Святой Престол через польского нунция довел до нашего сведения, что такой договор абсолютно недопустим с католической точки зрения. Желая, по-видимому, облегчить нам принятие договора, гражд. Красиков прислал в Петроград сокращенный текст договора, названный на этот раз

«распиской». И хотя в тексте расписки нет уже прежних, оскорбительных для нашей чести выражений, тем не менее все прежнее, существенно для нас неприемлемое, в корне искажающее наши католические, чисто религиозные понятия о приходе и превращающее его в протестантскую общину — оставлено. *Желая, как и всегда, идти навстречу всем законным требованиям Правительства*, мы предложили принять эту расписку в несколько исправленном виде, прося только уважить наши религиозные воззрения. К этой новой расписке нами были приложены мотивировки неприемлемости прежней расписки в правительственной редакции. Чтобы ознакомить Вас с формой моей мотивировки, прилагаю копию с заявления, поданного мною «Заведующему столом регистрации обществ и союзов Исполкома Петроградского Района». Вместе с тем присоединяю к настоящему заявлению и копию с протокола 4-го января 1920 года, составленного нами в момент временного подписания прежнего договора, в котором обращаю Ваше внимание на пункт 4, изъясняющий выражение «не опороченного по суду» в единственно приемлемом для нас виде. Обращаю также Ваше внимание, что несмотря на 1-й и на 2-й пункты этого Протокола, устанавливавшего употребление церковного имущества только для целей *исключительно религиозных*, тем не менее, у нас было произведено изъятие серебра (1/2 фунта) в пользу голодающих, т.е. церковное имущество было употреблено *не на исключительно религиозные, а на гуманитарные цели*.

Гражданин Председатель, это уже не первый случай вопиющего нарушения декрета об отделении Церкви от Государства, в котором торжественно возвещается полная свобода религиозной совести и религиозной пропаганды... На все наши прежние протесты против такого отношения к нам правительственные органы, к которым мы обращались, не находили нужным ответить нам *ни единым словом и разъяснить наши недоразумения*. От гражд. Красикова при личном обращении к нему мы слышали только грубые окрики и издевательства над нашими самыми священными религиозными чувствами. С нами даже не хотят войти в серьезное и спокойное обсуждение тех причин, которые заставляют нас решительно уклониться от подписания договора. Нам бросают только обвинения, что мы, якобы, не хотим повиноваться законам правительства. Горячо протестуя против этого нелепого обвинения, мы заявляем, что готовы всегда и во всем, касающемся чисто гражданского уклада нашей жизни, *безусловно* и до мелочей быть верными гражданами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, повинуюсь Советскому Правительству не за страх, а за совесть. Мы требуем только од-

ного, чтобы не затрагивалась наша религиозная совесть и нас не заставляли поступать вопреки нашим религиозным установлениям, *ни в чем не затрагивающим* строй, порядок и социальное развитие республики. Закон гласит, что «В пределах республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы *стесняли или ограничивали свободу совести*». А между тем нас преследуют и отдают под суд только за то, что мы в наших храмах и у себя на дому обучаем св. вере детей до 18-летнего возраста и позволяем им петь на клиросах и прислуживать в алтаре. Таким образом, вопреки закону, грубо попирается *наше религиозное учение*, предписывающее нам преподавать нашим детям Закон Божий и приучать к службе в св. храме. Эти, *неслыханные ни в каком цивилизованном государстве религиозные гонения* в особенности несправедливы по отношению к нам, русским католикам (униатам), так много претерпевшим и гонимым при царском режиме и надевшимся, что революция (какова бы она ни была) даст нам возможность свободно следовать нашим религиозным убеждениям.

Гражданин Председатель, если Вы озабочены сохранением законности в Республике и являетесь тем «Всероссийским старостой», к которому с надеждой обращаются взоры миллионов русских граждан, то, надеюсь, не откажете вступить и за нас, прекратив раз и навсегда издевательства различных представителей Советской Власти над нашей религиозной совестью. Еще до появления Инструкции 30-го августа 1918 г. у правительства была благая мысль собрать смешанную Комиссию из представителей различных вероисповеданий и представителей Советской Власти для совместного обсуждения того, каким образом можно было бы лучше всего провести в жизнь Декрет об отделении Церкви от Государства. К сожалению, эта Комиссия, к участию в которой были приглашены Архиепископ Могилевский Ропп и я, *так и не состоялась* и вышеупомянутая Инструкция была составлена единолично гражд. Красиковым даже без ведома тогдашнего Управляющего делами Совета Народных Комиссаров гражданина Бонч-Бруевича. Здесь надо искать источник всех печальных недоразумений между Церковью и Государством. Наоборот, создание такой Комиссии было бы великим благом для обеих сторон и избавило бы нас от печальной необходимости беспокоить Правительство нашими протестами.

Льшу себя надеждой, гражданин Председатель, что во имя гуманности и справедливости Вы не откажете нам, русским католикам, в Вашей законной защите. Мы не настаиваем на непременно тексте нашей расписки и готовы принять всякую иную, лишь бы

она не нарушала наших церковных правил. Самым же лучшим разрешением вопроса было бы обращение Правительства к Апостольскому Римскому Престолу для заключения с ним конкордата.

Петроград.

Петрогр. стор. Малый просп. д.76, кв. 3.

Декабря 7-го дня.

1922 г.

Экзарх Российской Греко-Католической Церкви,
Протопресвитер Леонид Федоров

РГИА. Ф.826. Оп.1. Д.1929. Л.185-187об. Копия.

6. Л. ФЕДОРОВ — А. ЗЕРЧАНИНОВУ¹

4 марта 1923 г.

Дорогой о. прелат!

Беда свалилась настолько неожиданно, что не хватает времени даже увидеться с Вами. Посылаю только официальную бумагу относительно времени и способа применения Вашей власти над северной частью экзархата. Печать будет у вас, но есть еще и у о. Николая Александрова², так что не смущайтесь, если увидите ту же печать Митрополита Андрея³ на его актах.

Наша церковная печать осталась в храме, и пользоваться ей мы не можем до открытия храма. Лично от Вас исходящие распоряжения должны иметь исключительно печать Митрополита Андрея и только акты, непосредственно связанные с приходом, должны иметь приходскую печать.

Хотя о. Епифаний⁴ назначен мною как ординарный и несменяемый заместитель настоятеля, однако перед властями он должен фигурировать только в качестве священника, которого Вы наняли, чтобы совершать службу в храме Сошествия Св. Духа. Это делается для того, чтобы сберечь его от большевистских посягательств. Поэтому при всяких столкновениях с властями и различными их требованиями и придирами относительно храма Св. Духа вступайтесь в дело сами лично, устраняя о. Епифания, которого я уже предупредил об этом. Если большевики согласятся принять третью формулу расписки, то подписывайте.

В деле собрания подписей Вам окажут содействие о. Епифаний, сестра Иустина⁵, Капитолина⁶, Николай, но и те лица, на которые он Вам укажет. Третью, приемлемую для нас форму расписки, получите в Консistorии. Если договор состоится, то назначьте для прихода «хозяйственный комитет», а не приходской комитет, как это было до сих пор, в количестве 3-х человек — председатель, его товарищ и секретарь.

В тяжелые переживаемые мною минуты не оставьте усердным представительством за меня грешного перед престолом Всевышнего.

Простите.

Сердечно преданный

Экзарх Леонид

С подлинным верно пом. уполн. А.Макаров.

АУФСБ РФ по СПб. и ЛО. Ф.Арх.-след.дел. Д.П-85381. Т.1. Л.143. Копия.

¹ Это письмо написано о.Л.Федоровым накануне его ареста и, по-видимому, было изъято при обыске.

² *Александров Николай Николаевич.* Род. в 1884 в Москве в мещанской семье. Окончил Московское техническое училище (1911), инженер-механик. Работал в Германии в фирме Симменс-Шуккерт (1912 - июль 1913). 19 января 1913 перешел в католичество в Берлине. В июле 1913 вернулся в Москву. Служащий городской управы (1913 - декабрь 1918), одновременно заведовал трамвайными мастерскими (1914-1917), затем инженер «Главтопа» (1917-1922). Арестован в 1918, освобожден согласно постановлению ВЧК (от 27 декабря 1918). 19 августа 1921 рукоположен архиеп. И.Цепляком в сан католического священника восточного обряда. 13 сентября 1922 вступил в орден доминиканцев. С осени 1922 возглавлял московскую общину русских католиков, настоятель церкви Рождества Пресв. Богородицы. 13 ноября 1923 арестован. 19 мая 1924 приговорен Коллегией ОГПУ по групповому делу русских католиков к 10 годам тюремного заключения. С 1924 отбывал срок на Соловках. Работал сторожем, помощником заведующего электростанцией. В 1931 переведен на о.Анзер. 5 июля 1932 арестован здесь по групповому делу католического духовенства. По окончании следствия отправлен в Белбалтлаг на ст. Медвежья Гора. Освобожден в 1933. Поселился в г.Дмитрове Московского обл. Работал инженером-химиком сметного отдела управления «Москва—Волгострой». Арестован 15 августа 1935. Приговорен Особым Совещанием при НКВД СССР 29 декабря 1935 к 5 годам лагерей. Отправлен на Соловки. Скончался 19 мая 1936 в центральном лазарете Соловецкого лагеря (в Кремле).

³ Митрополита Галицкого *Андрея* Шептицкого.

⁴ *о.Епифаний* — Акулов Игорь Александрович. Род. 13 апреля 1897 в с.Ново-Никитском Корчевского уезда Тверской губернии в крестьянской семье, русский. Окончил 2-е реальное училище (1918). Работал конторщиком на Николаевской железной дороге (1918). Служил в Красной Армии (4 июня 1919 — янв. 1920). Открыл мелочную лавку в начале 1920, но вскоре оставил торговлю. Учился в Петроградском Богословском институте (31 марта 1920 — 15 августа 1922). С 1920 послушник Александро-Невской лавры. 2 июля 1921 в церкви Федоровского подворья принял монашеский постриг с именем Епифаний, с 1 ноября 1921 — иеромонах. Летом 1922 перешел в католичество восточного обряда. Служил в русско-католической

церкви Сошествия Св. Духа, 4 марта 1923 назначен заместителем настоятеля. С лета 1923 служил в костеле Св. Бонифация, участвовал в заседаниях богословского кружка. Арестован в Петрограде в мае 1923, через месяц освобожден. 10-18 ноября 1923 служил в храмах Витебска, затем вернулся в Петроград. Вновь арестован 29 ноября 1923. 19 мая 1924 по постановлению Коллегии ОГПУ осужден на 10 лет тюремного заключения. Наказание отбывал в Александровском изоляторе под Иркутском. В 1927 из изолятора освобожден и отправлен в ссылку в Назимовский район Сибири. Освобожден 22 мая 1933. Прибыл в Москву, и епископом Пием Неве направлен в Ленинград под юрисдикцию настоятеля костела Св. Екатерины о.Амудрю. Служил в костелах на окраинах города: Св. Сердца Иисуса (с 21 июля 1933), Св. Казимира (с 6 января 1934), Св. Алексея и Св. Франциска (с 1934). Подвергался аресту в апреле 1935, вскоре освобожден. Вновь арестован 26 июля 1937. Обвинен в активной антисоветской деятельности по указанию польского консульства и Ватикана. 25 августа 1937 по постановлению Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР приговорен к расстрелу. 27 августа 1937 расстрелян и похоронен на Левашовской пустоши.

⁵ мон. *Иустина* — Данзас Юлия Николаевна. Род. 9 мая 1879 в Афинах в семье первого секретаря русской миссии в Греции, дворянка, русская. С 1888 проживала в России. Занималась с учителями дома, в 1896 сдала выпускные экзамены в 6-й мужской гимназии Петербурга. Изучала в качестве вольнослушательницы историю и философию в Сорбонне. Фрейлина императрицы Александры Федоровны (с 1907). Занималась научной работой в Париже и Риме. Автор книг «Запросы мысли» (1897) и «В поисках за Божеством. Очерки по истории гностицизма» (1913). Член редколлегии и постоянный автор журнала «Окраины России». С августа 1914 по 1916 заведовала передовым складом Красного Креста при X армии на фронте. С 1916 служила добровольцем в 18-м Оренбургском казачьем полку, сначала рядовым, а затем урядником 3-й сотни. Участвовала в боях. Имела георгиевские отличия. В марте 1917 вернулась в Петроград. Допущена к защите магистерской диссертации по всеобщей истории в Петроградском университете, которая не состоялась из-за отмены ученых званий в России. Работала в Публичной библиотеке — сначала помощником библиотекаря иностранно-богословского отделения, а затем заведующей отделениями филологии и инкунабул (ноябрь 1918 -1923). Преподаватель истории Франции и истории Англии в 3-м Петроградском педагогическом институте им. А.И.Герцена (12 сентября 1919 -1923). Заведующая Домом ученых (с марта 1920). Впервые арестована 5 марта 1920, после ходатайства М.Горького (от 6 марта 1920) освобождена под подписку. 18 октября 1920 дело прекращено за недоказанностью. 17 ноября 1920 приняла католичество. 14 сентября 1921 на ее квартире была основана монашеская община Св. Духа, которую она возглавляла вместе с экзархом Леонидом Федоровым. 25 марта 1922 пострижена в монахини с именем Иустина. Исполняла обязанности псаломщика в русско-католической церкви Сошествия Св. Духа. Читала доклады и лекции при костеле Св. Екатерины. Член Религиозно-философского общества в Петрограде, сотруд-

ничала с издательством «Всемирная литература», подготовила монографию «Платон» (1922). Арестована 18 ноября 1923 по делу русских католиков, обвинялась в распространении контрреволюционных листовок и организации контрреволюционных кружков. Перевезена 19 декабря 1923 в московскую Бутырскую тюрьму. Постановлением Коллегии ОГПУ (от 19 мая 1924) приговорена к 10 годам тюремного заключения. Отправлена в Иркутский политизолятор. В сентябре 1928 переведена на Соловки. С 11 сентября 1928 в лагере, работала счетоводом и библиотекарем в Соловецком музее. В сентябре 1931 переведена на ст. Медвежья Гора в Карелии, работала в отделе статистики. В январе 1932 досрочно освобождена по ходатайству М. Горького. В 1934 выехала в Германию, выкупленная братом за 20 тыс. франков. Позже поселилась во Франции. В 1934 вступила в Доминиканский орден сестрой-терцианкой с именем Екатерина. С осени 1935 работала в Доминиканском центре изучения России «Истина», издавала журнал «Истина». С 1939 проживала в Италии. Член-корреспондент Лондонского общества психологических исследований. Скончалась 13 апреля 1942 в Риме.

⁶ Подливахина *Капитолина* Николаевна. Род. в 1869 в Арзамаском уезде Нижегородской губернии в крестьянской семье, русская. Образование среднее. До 1921 работала в родильном приюте, затем домохозяйка. В 1912 приняла католичество. Пострижена в монахини. Секретарь приходского комитета русско-католической церкви Сошествия Св. Духа (1919 - декабрь 1922). Участвовала в деятельности конференции Св. Викентия по оказанию помощи заключенным. Ведала домашним хозяйством экзарха Леонида Федорова (конец 1919 - март 1923), его дальняя родственница. Арестована 17 ноября 1923 в Петрограде по делу русских католиков. 20 декабря 1923 переведена в московскую Бутырскую тюрьму. Постановлением Коллегии ОГПУ (от 19 мая 1924) приговорена к 10 годам тюремного заключения. Наказание отбывала в Лефортовской тюрьме, работала в тюремной больнице. К 1927 переведена в Суздальский политизолятор. Постановлением Коллегии ОГПУ (от 28 марта 1927) тюремное заключение заменено на ссылку на Урал. 10 июня 1933 освобождена, разрешено свободное проживание. Возвратилась в Ленинград. Дальнейшая судьба неизвестна.

7. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

произведенного сотр. 4 отд. СООГПУ *Гутцейт*
от 2 января 1924 г.
на гр-ку *Данзас* Юлию Николаевну.

Данзас Юлия Николаевна, 44 лет, дворянка г. Петрограда, русская. Прожив. в Петрограде, Петроградская стор[она], М[алый] проспект 76/78, кв. 9. Библиотекарь Росс[ийской] Пуб[личной] библиотеки. Девица, брат за границей, в Париже или Берлине,

Яков Николаевич Данзас — 47 л., был в Париже, [в] музее эксперт, выехал из России в 1918 г. У отца было имение в Харьков[ской] губ. Изюмского уезда 1400 д[есятин] и Волчанском у[езде] 1200 дес. Образование — высшее, беспартийная, теоретически убежденная монархистка. До войны 14 г. занималась научной деятельностью, писала и издавала книги под псевдон[имом] «Юрий Николаев» под названием «Запросы мысли» и др. Была фрейлиной при императорском величестве Марии и Александре Федоровне до свержения монархии, с 1907 г.

С августа 14 г. уехала на фронт, служила в Кр. Кресте. В февральск[ой] револ[юции] 17 г. активного участия не принимала, до Октябрь[ьской] револ[юции] 17 г. жила в Петрограде, ничего не делала, в Октябрь[ьской] револ[юции] не принимала никакого участия. С 1918 г. поступила в Публичную библиотеку, где и служила до момента ареста. В 1920 г. была арестована Петроград[ской] ЧК, на другой день была освобождена.

Показания по существу дела:

С 1907 г. я была зачислена фрейлиной двора Романовых и состояла в последнем до свержения в России монархии. В то же время я занималась научной деятельностью. За это время моей научной деятельности я написала две отдельных книги под псевдонимом «Юрий Николаев» — одну под заглавием «Запросы мысли», изданную в 1907 г., II издание в 1908 г., в которой излагала философский взгляд на вещи. Вторая книга, изданная в 1913 г. под заглавием «В поисках за божеством. Очерки по истории гностицизма», в которой выкладывала историю христианских философских сект II и III века. Писала отдельные статьи, большинство коих художественного литературного характера. Несколько статей (3-4) были под тем же псевдонимом написаны для журнала «Окраины России», издаваемым Сергиевским и Кулаковским, империалистического направления. Статьи были по финляндскому вопросу и направлены против финляндского сепаратизма. В общем проводилась точка зрения на неотделимость Финляндии от России, какого мнения я как русская патриотка придерживаюсь и сейчас. В то время у меня были определенные монархические и империалистические убеждения. Во время войны 1914 г. я как последовательная патриотка уехала на фронт, где работала в Кр. Кресте Западного фронта, сперва как Пом. Управляющего складом Зап[адного] фронта, а потом Зав. Полевым подвижным складом при 10 армии. В 1916 г. поступила добровольцем в 18 Оренбургский Казачий полк, вначале в качестве рядового казака, а потом была

назначена урядником III сотни того же полка. Во время моего пребывания в полку участвовала в боевых действиях, имела георгиевское отличие. В декабре 1916 г. полк был уведен в Галицию, куда я не пошла. В марте 1917 г. я вернулась в Петроград и уже по семейным и экономическим обстоятельствам не могла вернуться обратно. С этого времени безвыездно в Петрограде. В революции я не приняла никакого участия, меня очень задело вопросы распада величия России и страшно огорчало ее кромсание на части. К этому времени и относится моя статья «Национальное самоубийство», найденная у меня при обыске. В Октябрьской революции я не приняла также никакого участия и сперва не поняла всего ее значения, но предполагая, что произошла только очередная смена правительства. Мое отношение к Соввласти со дня ее существования сперва безразличное было. Затем, убедившись в ее прочности, я также убедилась в том, что эта власть может во многих случаях защищать интересы России. Однако надо добавить, что приемлемость для меня Соввласти выражается главным образом в защите интересов России. Многие мероприятия внутренней политики Соввласти вызывали мое к ней несочувствие, но чисто теоретически, за исключением вопроса религиозного, где я оказывала активное сопротивление с того момента, как стала католичкой. В 1918 г. поступила на службу в Российскую Публичную библиотеку, где и служила до момента ареста, занимала должность Зав. отд[елом] классической философии и отд[елом] инкунабул. Также с 18 г. по 1921 г. читала лекции в высшем педагогическом институте имени Герцена. Преподавала историю Франции на французском языке и историю Англии на английском языке. С 1920 г. была зав. отделом ученых «Кубу». Вступила я в католичество в 1920 г. после смерти матери. Летом 1920 г. я познакомилась у себя на кв[артире], т.е. в клубе ученых, с Федоровым. В клубе у нас по вторникам происходили философские диспуты, на один из которых был приглашен в качестве гостя Федоров. Познакомившись с обоснованием вопроса о восточном обряде как наиболее подходящей форме католицизма для России, я решила работать именно в этой области. Критерием этому служило следующее: Русская церковь, еще тогда развалившаяся, могла принять идею соединения церквей на почве Флорентийской унии. Этого соединения добивался давно Рим. К этому времени православная церковь начала проявлять признаки разложения, лишившись государственной опоры. Поэтому такое положение давало надежды на успех в деле соединения церквей. Несмотря на то, что я лично была более склонна к латинскому обряду, но учитывая, что для широких масс русского народа католицизм в его ла-

тинской форме будет всегда неприемлем, и желая посвятить себя делу пропаганды католицизма в России, я решила, что наиболее полезной для дела формой служения будет моя работа в восточном обряде. На этом основании я и приняла католичество по восточному обряду и с этого дня служила по мере сил католической церкви восточного обряда. Моя деятельность в общине со дня вступления сводилась к следующему: в церкви я исполняла обязанности псаломщика, читала доклады и лекции на религиозные темы при костелах, куда меня приглашали священники. Ряд лекций мной был прочитан при костеле Св. Екатерины, где служил Ходневич, на темы: «Рим как центр христианства», «Флорентийская уния», «Варфоломеевская ночь», «Канонизация св[ятых] XIX века» и еще несколько тем, которых не помню. Бралось ли разрешения от местных властей на чтения лекций, мне неизвестно. Меня приглашали, и я читала. Никогда ни в каких кружках лекций и докладов не читала. В нашем приходе мне известен кружок Крючкова, образовавшийся летом 1923 г., в который входили лица, имен коих назвать не хочу, дабы не навлекать подозрения на неповинных людей. В этом кружке я была раза два-три, на заседании которых разбирались чисто религиозные вопросы. Кроме кружка, при приходе существовала конференция св. Викентия в целях благотворительности. Собрания этой конференции я не посещала, так как по монашескому чину не имела права быть ее членом. Конкретная деятельность конференции, насколько мне известно, сводится к раздаче неимущим продуктов, одежды и т.п. помощи. Средства конференции, по общему положению конференции, должны почерпаться из членских добровольных взносов. Существует общий устав этих конференций, который обязателен для всех конференций, всех стран. В Совете ни в каком не состояла, так как такового не было. Был приходской комитет, после которого организовалась двадцатка, в которую я вошла тоже. Изложенное в брошюре «Директивы священникам Парижской епархии» я признаю как общую политику Ватикана, за исключением той части, которая касается эмигрантов из России, считая, что в этой части, говоря о национальных чувствах и о вожделениях русских эмигрантов, Шаптал не выражал мнение Ватикана, который всегда избегает касаться национальных и политических вопросов. Эту брошюру я сама переводила с французского по поручению Федорова, и вероятно в Москве у Абрикосовой было перепечатано, так как писанный перевод и подлинник он забрал с собой при отъезде в Москву в прошлом году. От Абрикосовой летом 1923 г. я получила выдержку из речи Папы в консистории, в которой шла речь о гонениях на католичество в России, указывая на

процесс Цепляка и Буткевича как на пример этого гонения. Эту выдержку я перевела с итальянского и написала от руки два-три экземпляра и распространила среди прихожан. Речь с секретарем Петросовета составлена мной и была послана Федорову. Заметка эта была написана от руки. Предъявленная мне эта заметка в перепечатанном виде тождественна с писанным мною. И правильность этого, что записано в ней, подтверждаю.

Письмо к Федорову, подписанное «Иустина», принадлежит мне. В нем шла речь о «бабьем бунте», т.е. о протесте со стороны некоторых прихожанок некоторых костелов по поводу подписания договоров и об агитации среди прихожан против такого подписания. В письме указано, что мать Юневича стояла негласно во главе бунтующих. [Правда] заключается в том, что указанные в письме лица действительно выражали неудовольствие подписанием договора с Сов. правительством, полагая, что если договора не подпишут, то легче будет выпросить освобождение ксендзов. Главу католической миссии я знаю. Познакомились с ним в Москве летом, когда приезжала на свидание с Федоровым, останавливалась я у Абрикосовой. Когда приезжала в Москву, я пошла в миссию по делам посылок, раздававшихся нуждающимся — клиру и бедным прихожанам. Говорили о возможности получить и сколько посылок, которые бы распределялись по нашему, т.е. я, Подливахиной и Епифания усмотрению. Было получено посылок 20 или немного больше. Здесь и познакомилась с Вольшем.

Записано с моих слов верно: *Данзас.*

Допросил: *Гутцейт.* 2/1-24 г.

АУФСБ РФ по СПб. и ЛО. Ф.Арх.-след.дел. Д.П-85381. Т.1. Л.174-177об. Подлинник.

А.А.Бовкало

**ПОСЛЕДНИЙ ГОД СУЩЕСТВОВАНИЯ
ПЕТРОГРАДСКОГО БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА**

Весной 1998 года исполнилось 75 лет со дня первого и единственного выпуска Петроградского Богословского института¹. Свой последний учеб-

¹ О Петроградском Богословском институте см.: Хроника // Дела и дни. Исторический журнал. 1920. Кн.1. С.533-534, 548; Петроградский Богословский институт // Православный Церковный календарь на 1921 год. Пг., 1921. №9. С.23-24; Петроградский Богословский Институт // Русская книга (Берлин). 1921. №9. С.18; Безобразов С. Русский Православный Богословский Институт в Париже // Путь. Орган русской религиозной мысли (Париж), 1925. №1. С.103; Безобразов С.С. Жизнь церкви в советском Петербурге // Новое время (Белград). 1922. №472. 19 ноября. С.5; Востоковедение в Петрограде. 1918-1920. Пг., 1923. С.50; Успенский Н.Д. К истории богословского образования в Петрограде // Журнал Московской патриархии. 1977. №4. С.6-13; Бовкало А. Новое о Карсавине // Вильнюс. 1994. №4. С.145-146; Шкаровский М.В. Духовное образование в Петрограде в 1917-1928 гг. // Духовное просвещение в России: Материалы международной конференции. Смоленск, 1995. С.25-28; Бовкало А.А. Высшее женское образование в России в 1910-1920-х годах // Там же. С.28-37; Бовкало А., Галкин А. Был единственный выпуск: К 75-летию Петроградского Богословского института // Вечерний Петербург. 1995. №88. С.3; Васильков Я.В. Только об одном востоковеде (Гебраист Михаил Николаевич Соколов, 1890-1937) // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.; СПб., 1995. С.236; Бовкало А.А. В.Я.Пропп и Петроградский Богословский институт // Кунтскамера. Этнографические тетради. Вып.8-9. СПб., 1995. С.173-175; Бовкало А.А. Прием на I курс Петроградского Богословского института в 1920 г. // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. СПб., 19-20 марта 1996 г. СПб., 1996. С.134-137; Бовкало А.А., Галкин А.К. Новгородцы и Петроградский Богословский институт // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Тезисы докладов и сообщений научной конференции 12-14 ноября 1996 года. Новгород, 1996. С.190-193; Шкаровский М., Бовкало А. Пастор Курт Мусс // Der Bote (St.-Petersburg). 1996. №3/4. С.15; Бовкало А.А. Н.О.Лосский и Петроградский Богословский институт // Вопросы философии. 1997. №1. С.150-153; Сорокин В., профессор-протоиерей; Бовкало А.А., Галкин А.К. Открытие Петроградского Богословского института в 1920 году // Христианское чтение. 1977. Вып.14. С.124-136; Бовкало А.А. Влади-

ный год, состоявший из 3-х триместров, он начал в мае 1922. К этому времени институт занимал видное место в жизни города. В его корпорации, возглавлявшейся ректором профессором-протоиереем Николаем Чуковым, насчитывалось около 30 человек — наставники как Петроградской Духовной академии, так и Петроградского университета. Они вели и большую церковно-просветительную деятельность вне стен института — читали лекции на богословские и религиозные темы в петроградских храмах, вели богослужебные беседы, выступали с проповедями. Студенты, среди которых были как мужчины, так и женщины, работали в приходах, братствах, организовывали в храмах библиотеки, вели занятия с детьми, устраивали экскурсии. Несмотря на то что окончившееся «изъятие церковных ценностей», новый учебный год начинался обычно: 3 мая 1922 был отслужен молебен, а на следующий день начались лекции. На заседании Совета 2 мая были зачислены в студенты без испытаний В.В.Богданов, И.Н.Дукельская, А.Г.Емельянов, священник П.И.Жарков, С.Д.Ларионов, Н.М.Михайлов, священник М.И.Федоров, А.Е.Хост, Л.К.Чичагова, Н.Е.Бельчиков, вольнослушатели — А.И.Голубинский, иеромонах Дамиан (Воронов), диакон А.И.Ильин, А.И.Кудрицкая, А.И.Никифорова, М.К.Павлова, В.А.Титова, В.А.Павлов, Н.А.Александров, М.А.Иванова-Смоленская, В.С.Враская, Л.Е.Матусова. Кроме того, под условием сдачи экзаменов по 4 предметам к 15 июля были зачислены в студенты Н.К.Воронин, И.Н.Дамрина, Д.Ф.Кирилович, К.Ф.Рубан, А.И.Согласнов, вольнослушатели — А.А.Иванов, Л.Р.Лайзан, А.А.Сорокин. Секретарем института был избран С.С.Безобразов. Было постановлено на актовый день (24 мая — день памяти свв. Кирилла и Мефодия) пригласить митрополита Вениамина и всех викариев, наставников Богословского института и Богословско-пастырского училища, читающих публичные лекции в институте, правление Общества приходов, всех благочинных Петрограда, наставников Петроградской Духовной академии, представителей и профессоров высших учебных заведений, известных своим доброжелательным отношением к институту. Был одобрен для исполнения составленный П.П.Мироносицким гимн «Церковь». Однако вскоре после актового дня обстановка начала складываться неблагоприятно. Возник обновленческий раскол, властями был организован судебный процесс «о противодействии изъятию церковных ценностей». По этому процессу был арестован ректор профессор-протоиерей Н.К.Чуков, профессор И.А.Карабинов, член правления института профессор Ю.П.Новицкий, студент священник А.М.Толстопятов. Ю.П.Новицкий был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Н.К.Чукову расстрел был заменен тюремным заключением, А.М.Толстопятов был приговорен к 3 годам строгой изоляции, а И.А.Карабинов — оправдан. Прот. А.И.Боярский ушел в обновленчество. По делу православных братств был арестован В.Б.Шкловский, высланный за-

мир Борисович Шкловский // Петербургские чтения-97. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1997. С.196-199; Бовкало А.А. Д.А.Крючков и Петроградский Богословский институт // Русская литература. 1997. №1. С.181-185.

тем на север, а также студентка института О.О.Костецкая². Летом студент иеромонах Епифаний (Акулов) перешел в католичество. 18 июля проф. Л.П.Карсавин был избран и.о. ректора, однако вскоре он был арестован и выслан за границу. Был выслан также Н.О.Лосский, оказался за границей и С.С.Безобразов. 15 августа на Совете проректор И.П.Щербов сообщил о тяжелом финансовом положении института: «Ввиду прекращения сборов по церквам финансовое положение Института, существовавшего исключительно на эти сборы, представляется катастрофическим и грозит в недалеком будущем возможным закрытием Института». В целях экономии были сокращены должности делопроизводителя и казначея, исполнение обязанностей завхоза возложено на казначея иеромонаха Макария. Правда, по просьбе проф. Ф.К.Андреева была сохранена должность помощника библиотекаря, которую предоставили Е.Л.Тенчинской. Был предоставлен отпуск В.Ф.Пишулину «на осенние месяцы по расстроенному здоровью», осенью арестованному, а также продлен срок приема. С 1 сентября исполнять обязанности ректора стал И.П.Щербов.

14 сентября в Богословский институт прибыли протоиереи С.Архангелов и М.Семенов и предъявили следующий мандат обновленческого Петроградского Епархиального Управления:

Р.П.Ц.
Петрогр.
Епарх.
Управление
10 августа
1922

Юридической Комиссии при Петроградском Епархиальном управлении П.Е.У. сим предписывает вам произвести полное обследование (ревизию) учебно-воспитательной и хозяйственной части Петроградского Богословского Института; направление и отношение преподавателей и слушателей к новому церковному течению, о чем, с составлением своего заключения, представить Епархиальному Управлению полный доклад. Все лица, имеющие отношение к настоящему делу, приглашаются оказывать всяческое содействие комиссии в исполнении на нее возложенного поручения.

Уполномоченный М.Ц.У прот. М.Гремячевский
Управдел. Прот. М.Попов

Членам следственно-юридической комиссии прот. С.А.Архангелову и прот. М.А.Семенову: следственно-юридическая комиссия предлагает вам приступить к исполнению настоящего указа П.Е.У.

1922 г. сент. 14 дня.

Председатель комиссии прот. П.Чуев
Секретарь свящ. Е.Воронцов

² Антонов В.В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // Минувшее: Исторический альманах. Вып.15. М.; СПб., 1994. С.440-441.

Для рассмотрения этого вопроса на 25 сентября было назначено заседание Совета института. Накануне заседания и.о. ректора И.П.Щербов получил повестку следующего содержания:

Ввиду предполагаемого преобразования Петроградского Богословского Института в мужскую семиклассную семинарию Петроградское Епархиальное Управление поручило следственно-юридической комиссии образовать особую учебную комиссию для выработки программ преподавания, штатов преподавателей и вообще постановки всего учебно-воспитательного дела и хозяйственно-экономического дела. Сообщая о сем, следственно-юридическая комиссия покорнейше просит вас пожаловать в Александро-Невскую Лавру (б.покои Митрополита) в понедельник 12/25 сентября в 7 часов вечера для участия в организационном собрании вышеназванной учебной комиссии.

1922 год сент. 6/19 дня.

Председатель комиссии прот. П.Чуев
Секретарь свящ. Воронцов³

На заседании Совета, проходившем под председательством И.П.Щербова, присутствовали его члены: профессора Ф.К.Андреев, А.И.Бриллиантов, прот. В.М.Верюжский, С.М.Зарин, прот. П.И.Лепорский, П.П.Мироносицкий, М.Н.Соколов; преподаватели: прот. П.П.Аникиев, прот. М.В.Митроцкий, А.П.Алявдин, прот. Н.В.Чепурин; представитель студенчества иеромонах Макарий. Были всесторонне обсуждены поступившие документы. Члены Совета подчеркнули, что согласно §5 Положения об институте его ревизию мог производить только Патриарх лично или через особое доверенное лицо; ее не мог производить даже митрополит Петроградский. Кроме того, на основании распоряжения центральной власти о порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и надзора над ними⁴, проректором института подано заявление в Петроградский Губисполком о перерегистрации и к этому заявлению приложено положение об институте, в котором он определяется как совершенно автономное учреждение, вне всякого отношения к высшему и местному церковному управлению. Таким образом институт существует на законном основании и считает себя на основании существующих законов огражденным от посягательств со стороны какой бы то ни было церковной организации. Совет постановил:

1. Петроградский Богословский Институт как высшее учебно-учебное заведение имеет в виду объективные научные задачи и стоит на церковно-православной точке зрения, вне всяких групповых церковных течений.

³ ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.46. Л.44-45.

⁴ Вестник Петросвета. 1922. №66(139).

2. Богословский Институт, существующий на основании законов Советской Республики, содержащийся на свои средства, ни юридически, ни материально не связан с П.Е.У. и потому претензии последнего на ревизию Института признает не имеющими никаких оснований и противозаконными.

3. Вместе с тем Совет Богословского Института должен отметить крайне неделикатный способ обращения П.Е.У. к Институту⁵.

Таким образом, Петроградский Богословский институт продолжал свою деятельность. В течение осеннего триместра на I курс была принята М.В.Стефанова-Либенсон, проучившаяся год на Киевских Богословских курсах, и восстановлены бывшие слушатели П.Д.Метальников, Ю.И.Корсакова и Е.О.Костецкая. Вместе с тем «ввиду непосещения лекций» были признаны выбывшими слушатели II курса А.В.Зиновьев, Д.А.Крючков и I курса А.Г.Емельянов, Д.Ф.Кирилович, священник С.И.Сперанцев, священник М.И.Федоров, Н.Д.Якшич, прот. Н.А.Сыренский, Л.Р.Лайзан, В.С.Враская и И.А.Стравинская. На заседании Совета 20 декабря прием на I курс было решено закрыть. Студенту иеромонаху Иларionу (Бельскому) было разрешено досдать зачеты за первый курс. На этом же заседании были переизбраны на новое трехлетие наставники института Ф.К.Андреев, А.И.Бриллиантов, П.П.Мироносицкий, Н.П.Чепурин и И.П.Щербов. Вопрос о переизбрании находившихся в заключении прот. Н.Чукова и В.Б.Шкловского был отложен до конца учебного года. Кроме того, И.П.Щербов сообщил, что «Отдел Управления Петрогубисполкома принял и утвердил вновь редактированное Советом положение о Богословском Институте». Однако ввиду требовавшейся вскоре новой перерегистрации Положение желательно было снова пересмотреть... В связи с приближением первого выпуска института был рассмотрен вопрос о присуждении Советом ученой степени кандидата богословия. Еще весной от имени митрополита Вениамина было заготовлено соответствующее ходатайство св. Патриарху Тихону, но никакого ответа получено не было. Теперь же этот вопрос приходилось решать самостоятельно. После обсуждения Совет постановил:

1. Ученой степени кандидата богословия удостоиваются те лица из окончивших Богословский Институт и оставшихся при нем для усовершенствования в науках, которые представят удовлетворительную письменную работу по предмету своих специальных занятий.

2. Ученую степень кандидата богословия присуждает Совет Института в составе всех своих членов, за исключением представителей от студентов.

3. Вопрос о присуждении степени кандидата богословия лицам со стороны разрешается Советом в каждом отдельном случае особо.

⁵ ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.46. Л.52. Документ предоставлен проф. прот. В.Сорокиным.

10 января 1923 после продолжительной и тяжелой болезни скончалась слушательница Л.В.Безобразова, в ее погребении приняли участие Ф.К.Андреев и студенты института, а 26 января по ней была совершена панихида в самом институте.

3-й триместр начался 23 января и продолжался до 20 марта (исключая первую неделю Великого Поста). На первом же заседании Совета 31 января вновь пришлось рассматривать финансовые вопросы. Согласно распоряжению Петрогубисполкома от 8 декабря 1922 необходимо было представить общий годовой обзор с подробным изложением финансово-хозяйственной деятельности. 13 января 1923 было издано постановление об изменении квартирной платы за жилые помещения. Согласно этому постановлению, Богословский институт как организация, не преследующая коммерческих целей, должен был только за январь уплатить более 1200 рублей в денежных знаках текущего года, в феврале эта сумма должна была возрасти. Студенты согласились вносить по 10 рублей в месяц, но этих денег было явно недостаточно. Добровольных же пожертвований от прихожан хватало лишь на оплату помещений в январе—феврале. Совет постановил обратиться через студентов к настоятелям и приходским советам Петрограда с просьбой о ежемесячном отчислении на оплату помещения и содержание Богословского института. Кроме того, ввиду скудости оплаты лекций, она была заменена оплатой проездов на лекции и практические занятия. Совет постановил просить С.М.Зарина в случае необходимости подписываться за секретаря.

Тем не менее занятия продолжались, даже готовились к новому приему студентов: было объявлено, что 1 марта 1923 начинается прием прошений о поступлении⁶.

9 февраля делопроизводителем была утверждена Л.И.Жижиленко. 2 марта руководство института постановило «ввиду все увеличивающейся платы за помещение института и крайне слабого поступления добровольных пожертвований от прихожан, отказаться с 1 апреля от занимаемого помещения на б. Троицком подворье; по окончании лекций 20 марта перевезти мебель и необходимые для занятий книги в русско-эстонскую церковь». М.И.Смирнову было разрешено досдать зачеты. 9 марта было постановлено: «ввиду отъезда из Петрограда сдавшего все зачеты за III курс А.М.Скородумова выдать ему до окончания года следуемый диплом».

16 марта Правление постановило передать книги, пожертвованные различными лицами, в I отделение Публичной библиотеки, за труды по ведению журналов в течение учебного года выдать книги студентам Н.Г.Архипову, А.А.Базунову и А.И.Голубинскому, а за помощь при лекциях по христианскому искусству — С.П.Славинскому. Имевшиеся в студенческой библиотеке сборники проповедей разных авторов (без переплета) было решено раздать студентам и вольнослушателям института и слушателям Богословско-пастырского училища. Наставников института просили принимать в апреле зачеты на домах.

⁶ ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.14. Л.2.

Еще с осени 1922 Главный комитет профессионально-технического образования стал настойчиво требовать полной ликвидации института, но отдел управления губисполкома, в чьем ведении он фактически находился, отвечал отказом. Переписка по этому вопросу длилась несколько месяцев. Наконец 2 мая 1923 Совет Петроградского Богословского института был вынужден принять решение о прекращении деятельности института⁷.

С конца 1923 присоединившиеся к обновленчеству члены корпорации Богословского института начали хлопоты о возобновлении его деятельности. В отдел Петрогубисполкома было направлено ходатайство:

Открытая в 1809 г. Петроградская Духовная Академия после 110-летнего существования закрылась в 1919 г. за неимением материальных средств. Открытый взамен ее в 1919 г. в Петрограде Богословский Институт с Пастырской при нем школой по той же причине, не будучи закрыт юридически, прекратил свое существование.

Петроградское Епархиальное Управление, озабоченное необходимостью подготовки образованных пастырей для Православной Церкви, способных рассеивать в народе религиозные суеверия, а не поощрять и поддерживать таковые, просит Петрогубисполком о дозволении возобновить деятельность названного Богословского Института с января 1924 года, по прилагаемой при сем программе, в доме по Дворцовой наб. №30, кв.4⁸.

Ленинградский Богословский институт был открыт 16 марта 1924.

Бывший ректор Петроградского Богословского института профессор-протоиерей Н. Чуков, освобожденный из заключения в декабре 1923, разработал проект нового высшего богословского учебного заведения, и в 1925 в Ленинграде открылись Высшие Богословские курсы, просуществовавшие 3 года.

Сокращения: ОР РНБ — Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки.

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского Флота.

РГИА — Российский государственный Исторический архив.

ЦГА СПб. — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

ЦГИА СПб. — Центральный государственный Исторический архив Санкт-Петербурга.

ДА — Духовная академия.

ДС — духовная семинария.

⁷ Шкаровский М.В. Духовное образование в Петрограде в 1917-1928 гг. // Духовное просвещение в России... Указ. изд. С.27.

⁸ ЦГА СПб. Ф.1001. Оп.9. Ед.хр.50. Л.1.

БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ,

открытый в 1920 году, является единственным духовно-учебным заведением в Петроградской епархии, дающим высшее богословское образование и подготовляющим просвещенных пастырей и деятелей Церкви.

При нем существует БОГОСЛОВСКО-ПАСТЫРСКОЕ училище как среднее духовно-учебное заведение.

Курс обучения в Богословском Институте 3-хлетний, а в Богословско-пастырском училище — 2-хлетний. В Институте читается 29 богословских предметов, ведутся занятия в семинариях и кружках; в Училище преподаются 15 богословских наук.

Учебный год начинается с 1 мая и состоит из 3 триместров. Лекции читаются в вечернее время от 6 часов вечера, кроме субботы и воскресенья.

Средствами содержания Института и Училища служит исключительно частная помощь верующих.

В Институт принимаются лица православного исповедания обоего пола от 18 лет с высшим и полным средним образованием, — последние после удовлетворительно выдержанных испытаний по Св. Писанию Нового Завета, Общей Церковной Истории, Литургике, Основному Богословию (в размере семинарских программ) и церковно-славянскому языку (грамматика и синтаксис).

В Училище принимаются без испытания лица с полным и незаконченным средним образованием, не ниже 5 классов бывш. среднеучебных заведений.

ДЛЯ ПОСТУПЛЕНИЯ

НЕОБХОДИМО лично вручить Ректору Института или Проректору Института и Заведующему Богословско-Пастырским Училищем И.П.Щербову (Троицкая ул., д. 3, 2-й двор, кв. 54) следующие документы:

1, прошение о принятии; 2, копию с метрического свидетельства; 3, копию со свидетельства об образовании; 4, свое жизнеописание; 5, список прочитанных книг религиозного и философского содержания.

ПРИЕМ ПРОШЕНИЙ ОТКРЫВАЕТСЯ

С 1-го МАРТА 1923 года

ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.14. Л.2.

Правила
касательно окончания Богословского Института

1. Студенты, имевшие по 3/4 предметов на всех курсах отметки весьма удовлетворительные, получают по окончании института диплом 1-ой степени (иначе говоря, оканчивают по I разряду); все же прочие студенты получают диплом 2-ой степени (оканчивают по 2-му разряду).

2. Вольнослушатели, имевшие удовлетворительные отметки не менее, чем по 4 предметам на каждом курсе, получают по окончании института удостоверение.

Примечание I. Предметы, читаемые по 2 года, считаются за особые на каждом курсе.

Примечание II. Отметки выставляются в том случае, если они получены за полный курс по предмету.

3. Желающие получить диплом I степени, но не имеющие требуемого количества весьма удовлетворительных отметок, могут с целью увеличения их передерживать некоторые предметы, но не иначе, как за целый курс, и не более, как по 2 предметам.

Примечание. Время для этого назначается после III триместра в течение двух недель.

Прор[ектор] И.Щербов
ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.44

Христианская мистика к[а]к новый предмет академического преподавания в русской высшей богословской школе

(Конспективное изложение актов речи в П.Богословском Институте преподават. Прот. Павла Аникиева. 11/24 мая 1922 г.)

Основания для произнесения мною речи именно на эту тему следующие: 1) в настоящем академич[еском] году в Богословском Ин[сти]туте, наверное, впервые в русской высшей богословской школе, проведен курс христ[ианской] мистики к[а]к самостоятельного предмета академического преподавания; между тем 2) многие относятся к мистике с подозрительным недоверием и могут смущаться введением в нашу богословскую школу этого предмета. Следов[ательно] должно дать отчет в прочитанном, устранить сомнения и указать возможные перспективы будущей работы в этой области.

Христ[ианская] мистика в нашей прежней богословской школе к[а]к особый предмет не читалась, а там рассматривались мистич[еские] темы частично и отрывочно в следующих преподаваемых там богословских дисциплинах (философию оставляем в стороне): в богословии основном, догматическом, сравнительном, нравственном с аскетикой, в церковной истории, патристике и пастырском богословии. Между тем, в богословской науке, прежде всего западной — определенное стремление к тому, чтобы христ[ианская] мистика определилась к[а]к самостоятельная богословская дисциплина: влияние здесь углубления в изучение христианства вообще, развитие философии и в частности психологии (интерес франц[узских] и американских психологов к мистике вообще и христианской в частности: Récegos, Murisier, J.Pachen, Delacroix, Godfername, Leuba, затем В.Джемс и Бергсон). И вот в начале XX в. появляется собственно учебник христианской мистики, книга проф. Цана «Введение в христ[ианскую] мистику» (1908 г.). У нас же этот процесс дифференциации христ[ианской] мистики к[а]к самостоятельного предмета до 1914 г. замедлился из-за следующих причин: 1) зависимости нашей науки вообще и богословской в частности от науки западной и поему неизбежного запаздывания подражателя; 2) господствующего в нашей прежней богословской школе схоластического рационализма и 3) недоверия к мистике вообще после неудач и у нас нецерковного и ненационального мистицизма эпохи Александра I. Но этот процесс зарождения и у нас христианской мистики как особого академич[еского] предмета — неизбежно ускорился под влиянием событий времени — мировой войны и переворота 1917 г. с их бедствиями и потрясениями (вспомним 1812 г.), кот[орые] наглядно показали бренность всего видимого и земного и обострили уже давно назревавший в нашем обществе, во всех областях к[а]к светской, т[а]к и духовной культуры его, сильный порыв к небесному, вечному, глубокий запрос мистического, основывающийся на живом и всестороннем убеждении, что «сверхчувственное не есть сверхпытное» (проф. Лосский) и что правда — в мистике Церкви (ср. Вл.Соловьев, Булгаков, Бердяев, Лодыженский, Быков, Кудрявцев, Новоселов, Хилков и др.). И вот когда Петр[оградский] Бог[ословский] Ин[ститут] делал первую попытку возродить высшую богословскую школу в новых условиях русской действительности и улавливал доминирующую важность для настоящего момента мистических переживаний и концепций — решил ввести в круг преподаваемых в нем предметов в качестве самостоятельной дисциплины христианскую мистику, то оказалось, что, благодаря трудам наших светских и особенно духовных ученых, профессоров

наших 4-х академий за последние 25-30 лет, есть налицо почти все основные элементы, правда, разрозненные, часто недостаточно полно раскрытые и обычно заслоненные другими, — необходимые для того, чтобы конструировать христ[ианскую] мистику к[а]к самостоятельную богословскую дисциплину и ввести ее в круг академического преподавания на правах особого предмета.

Но каковы общие требования, к[а]ким должна удовлетворять академическая наука в современной русской высшей богословской школе, — 4 требования — 1) проникновение духом истинной церковности; — 2) удовлетворение требованиям подлинной научности; — 3) отклик на призывы, кот[орые] науке и научной школе поставила современная жизнь: наука и ее школа должны быть более жизненными, активными и доступными; и 4) сознательное стремление соответствующим способом содействовать разрешению основных проблем русского народного самосознания.

Церковность заключается в живом гармоническом синтезе 4-х основных внутренних свойств или начал подлинной религиозности: духовности, святости, соборности и традиционализма.

В чем *научность*? 4 основные необходимые условия каждой науки: 1) факты, вообще рационально собранный материал; — 2) специальная точка зрения на эти факты, дающая данной дисциплине бытие и единство; — 3) метод и 4) система.

Христ[ианская] мистика к[а]к наука: о сущности мистического восприятия и о способах его достижения (ср. определения мистики к[а]к науки у Цана, Einleit. i. d. chrs. Mys., ss.30-31).

Материал для ее построения — из откровения, истории христианства и др. религий и из современной духовной жизни. Его классификация: 1) библейский — В[етхий] и Н[овый] З[авет] (особенно писания и личности Моисея, Давида, Соломона, Иезекииля, Даниила, ап[остола] Иоанна Б[огослова] и Павла; Христос Спаситель к[а]к Мистик; учение о Ц[арстве] Б[ожем], кот[орое] «внутри нас»), — 2) патрологический (особенно Климент Ал[ександрийский], Ориген, Ареопагит, прп. Макарий Егип[етский], Григорий Нис[ский], Августин, Иоанн Лествичник, Исаак Сирий, Максим Исповедник, Симеон Н[овый] Б[огослов], Николай Кавасила, Григорий Палама, Григорий Синаит, из отечественных — Нил Сорский, Тихон Задонский) — 3) агиологический — (Четыре Минеи свят. Димитрия Ростовского, богослуж[ебные] Минеи и пролог, русские подвижники XVIII-XIX вв. — издание Пант[елеймоновского] мон[астыря] на Афоне; житие Паисия Величковского, Оптинских старцев и др.); — 4) литургический — рассмотрение с мистич[еской] точки зрения богослужебных последований, особенно литургии и таинств; мистико-символическое истол-

кование богосл[ужебных] обрядов, предметов культа и иконографии — в духе Кирилла Иерус[алимского], Ареопажита, Николая Кавасилы, Симеона Солунского; — 5) сочинения мистиков православно-церковных, к[а]к-то из позднейшего времени: еп[ископа] Игнатия Брянчанинова, еп[ископа] Феофана, о.Иоанна Сергиева, письма старцев, автобиография игумении Таисии и т.п.; — 6) сочинения мистиков инославных — католич[еского] и протестантского Запада (особенно см. соч[инения] Фомы Кемпийского и И.Арндта), и не только религиозных, но и философов и др. ученых, писателей, художников и пр. крупных деятелей на различных поприщах культурной работы, живущих интенсивной духовной жизнью (что, конечно, имеет одинаковое отношение и к предыдущему 5-му пункту и к последующему 7-му) и 7) сочинения нехристианских мистиков и мистиков языческих, к[ак] еврейских, магометанских, античной древности, индийских, персидских и пр., что — вместе с п.6 — важно при применении к изучению мистики историко-сравнительного метода (из этой группы для современности особенно важно изучение мистики индийских подвижников йоги и сочинений теософических писателей). — *Метод* христ[ианской] мистики — обычный для наук исторических и богословско-философских: четыре его вида (историко-критический, экзегетический, психологический и философско-спекулятивный), принимаемые в зависимости от характера материала; им присущ общий богословский характер, обуславливаемый не столько родом материала, сколько исходными принципами. — *Система* христ[ианской] мистики для своего фундамента нуждается в историко-критическом сравнительном изучении материала христианской мистики. На Западе литература этого рода весьма богата, но там нет должного понимания восточной мистики (ср. Эргардт и Голль о мистике св. Симеона Н[ового] Б[огослова]...). Но и у нас уже довольно данных для этого: есть попытка схем исторического развития, с обозначением и направлений, мистики древне-церковной, византийской и средневековой западной (ср. еп[ископ] Алексей, Минин, Вертеловский), даются основательные характеристики систем классиков христианской мистики, причем для нас важны преимущественно восточные мистики: 1) Климент и Ориген (Болотов, Миртов, Минин); — 2) Макарий Егип[етский] (Бронзов, Попов, Минин); — 3) Ареопажитики (Болотов, Бриллиантов, Минин); — 4) Григорий Нисский (Бриллиантов, Тихомиров, Минин); — 5) Максим Исповедник (Бриллиантов, Минин, Елифанович); — 6) пр. Симеон Н[овый] Б[огослов] (Попов, Лебедев, И.И.Соколов, иер[омонах] Пантелеймон); — 7) св. Григорий Палама (Успенский, Радченко, Папамихаил, И.И.Соколов). Среди позднейших

православных мистич[еских] писателей есть также целые системы — у св. Тихона Задонского, еп[ископа] Игнатия, еп[ископа] Феофана, о.Иоанна Сергиева; ср. свящ. Н.Ремизова. Православно-христианская теософия. Для сравнительного изучения мистического материала много дает известная книга В.Джемса, затем также книги Минина и Лодыженского. В нашей богословско-философской литературе есть определенные опыты выяснить взаимоотношения мистики Восточной и Западной (ср. кроме Бриллиантова, еп[ископ] Игнатий и еп[ископ] Феофан, Бердяев), причем есть показательные сравнительные характеристики Франциска Ассизского и пр. Серафима Саровск[ого], а также выясняющие и отношение христианской мистики к языческой, именно — к неоплатонизму (Минин) и к индийскому иогизму (Лодыженский), причем здесь — устанавливается существенная самостоятельность христ[ианской] мистики, которая пользовалась, например, неоплатонизмом лишь к[ак] средством для выражения своих собственных переживаний и идей. Наконец, у нас есть попытка построить систему христ[ианской] мистики к[ак] теорию мистического восприятия, которое рассматривается к[ак] основная форма жизни человеческого духа в недрах Царства Божия. Т[аким] о[бразом] — идея Ц[арства] Б[ожия] делается центральной в этой теории православной мистики и раскрывается соответственно ее мистическому раскрытию в творениях пр. Симеона Н[ового] Б[огослова], на что впервые обращено внимание в книге о пр. Симеоне у проф. Голля, причем, конечно, в этом раскрытии принимаются во внимание соответственные труды Вл.Соловьева, проф. П.Светлова и М.Антония Храповицкого. Вторая важная в системе православной мистики идея, помогающая мистику осмыслить свой мистический подвиг в отношении к церковному целому, — идея единосушия человеческой природы, о чем богословствуют из свв. отцев особенно св. Василий В[еликий] и Кирилл Александрийский и др., к[а]к указали это в своих замечательных сочинениях по раскрытию догмата Церкви тот же м[итрополит] Антоний Храповицкий и В.Троицкий, ныне еп[ископ] Илларион.

Но к[а]к христианская мистика может стать наукой активной, способной влиять на окружающую жизнь и быт, соответственным образом, доступной широким массам церковного народа? — Лишь в тесном братском союзе с пастырским богословием, гомилетикой и миссионерством может она достигнуть этого, именно: прежде всего она должна, откликаясь на мистические труды современности, дать исчерпывающие ответы, в духе Православной церковности, — на те вопросы, которые ставят современному религиозному сознанию проблемы — а) имяборчества; б) теософии и

в) иоаннитства (братцы...) Затем: воспитывая 1) пастырей-духовников и способных говорить проповеди не общественного, а мистико-аскетического содержания, в духе — примерно-аскетических проповедей еп[ископа] Игнатия, еп[ископа] Феофана и о.Иоанна и 2) готовя миссионеров, знающих основы православной мистики и потому способных апологировать христианство против нападок теософов и различных представителей мистического сектанства, — она сможет воспитывающе действовать на церковное общество и помогать накоплению в нем доброй энергии христианственности.

А влияя на жизнь, христ[ианская] мистика исполнит и свой долг — быть наукой национальной, т.е. сознательно содействовать духовному росту своего народа и осуществлению им своих исторических задач. Но теперь *все* в судьбе русского народа зависит лишь от его религиозно-нравственного возрождения и обновления, а это возможно прочно обосновать лишь на основе углубления духовного опыта, т.е. на основе той же мистики; лишь на почве мистики может вполне удовлетворительно разрешиться для русского народа и основной для национальной духовной культуры и исторической миссии его вопрос об отношении Востока и Запада, восточной культуры к культуре западной, т.е. в сущности Православия к Католицизму и прочим его западным порождениям; лишь здесь может быть заложен прочный фундамент для того высшего синтеза восточного с западным — в виде соединения церквей, — о котором всегда мечтали и будут мечтать все лучшие русские люди¹.

Итак, мы видим, что христианская мистика, исполненная духа подлинной церковности и верная заветам строгой научности, чуткая к запросам современной духовной жизни, сознательно участвующая в истинном церковном строительстве, не стремящаяся быть откровением лишь для замкнутого круга избранных, а готовая, конечно — с соблюдением всех требований духовной педа-

¹ «...Мировая история разрешится лишь совместными силами Востока и Запада, и каждый великий народ имеет тут свою миссию... Вера в русский народ принуждает нас думать, что Запад не в силах выйти из кризиса без истины, хранящейся на Востоке, в восточном православии, в восточной мистике, в восточном созерцании Божества...» и необходимое духовное обновление Самой Православной Церкви возможно лишь «через мистическое возрождение церковной жизни»... «Мировое и национальное церковное возрождение возможно лишь на почве укрепления все-ленского церковного сознания и предполагает обострение вопроса о соединении церквей... Но соединение Востока и Запада, соединение церквей есть взаимопроникновение и взаимополнение двух религиозных опытов и двух типов культур. Проблема эта решается в глубине церковной мистики, а не на поверхности соглашений церковных и государственных».

гогики — нести свет своего времени и в широкие массы церковного народа, — не только может, но и должна быть самостоятельной богословской дисциплиной и особым /.../²

ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.38. Л.105-111об.

4

Семинарии по Древней Церковной Истории
1922/3 уч. год

- май 10 Источники гонений на христиан в доконстантиновскую эпоху. Сообщения христианских и языческих писателей. Мученические акты: акты проконсульские и *passiones*. Чтение сообщения Тацита о гонениях Нерона (по Preuschen, *Analecta*) — С.Н.Прилежаев.
- май 17 Сообщение о гонении христиан при Дометиане и Траяне в церковной истории Евсевия. Чтение отрывка из Диона Кассия о гонении Дометиана и переписка Плиния с Траяном о... (Preuschen) — А.А.Базунов.
- 24 Сведения о *Passio Perpetuae cum sociis* и перевод глав I-X (по Knorr *Martyrakten*) — В.В.Соболева.
- июнь 9 Продолжение — С.Н.Прилежаев.
- 16 Положение христиан при Адриане, Антонии Пии и Марке Аврелии и указы, известные с именами этих императоров — Козырев.
- 23 *Acta martyrum Scilitanorum* — Пивоваров.
- 30 Акты мученичества св. Киприана Карфагенского — Дамрина.
- июль 14 Гонения на христиан Диоклетиана по *De Mortibus persecutorum* Лактанция (Preuschen) — Безручко-Высоцкий.
- 21 Источники истории первого вселенского собора (документальные данные и сообщения источников собора) — А.М.Скородумов.
- 28 Продолжение — А.М.Скородумов.
- август 4 Деяния третьего вселенского собора — В.В.Грабовская.

[рукой А.И.Бриллиантова]

ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.39. Л.47-48

² Далее текст обрывается.

История русской религ[иозно]-философской мысли
 Преподаватель прот. П.П.Аникиев

Август 16/29	1	Вступление: характер, направление, метод и объем курса.
	2	
Сентябрь 5/23.VIII	3	<i>Мистицизм в России при Александре I</i> : внутренние и внешние причины его процветания в тот момент русской жизни. Нарожде-ние реакции и ее борьба с мистицизмом. Роль пр[еосвящен-ного] Филарета в истории нашего мистицизма начала XIX в.
	4	
Сентябрь 12/30.VIII	5	Краткая биография м[итро-полита] Филарета. Понятие о «традиционализме». <i>М[итро-полит] Филарет как предста-витель православного тради-ционализма</i> в первой половине XIX в. Иллюстрация из его дог-матических воззрений. Послу-шание вере как основа тради-ц[ионализ]ма. Следы в воззре-ниях Филарета и церковного новаторства.
	6	
	7	
	8	
Октябрь 3/20.IX	9	Традиционализм м[итрополи-та] Филарета в области его цер-ковной политики. — Недоста-ки воззрений м[итрополита] Ф[иларета] — 1) некоторый пере-вес государств. Точки зре-ния; — 2) некоторая утрировка тенденциями монашеского ас-кетизма и 3) следы богослов-ского схоластицизма. Общая причина их — оскудение в на-шей Церкви духа соборности.
	10	
Октябрь 11/25.IX	11	Как из недостатков системы м[итрополита] Филарета прои-зошли главнейшие последую-
	12	

			щие направления? — Величие личности м[итрополита] Филарета — и как церковного работника, и как религиозного мыслителя.
VII	Октябрь 4/17	13 14	Личный характер м[итрополита] Филарета. Обвинения против него (С.М.Соловьева) и ответ прот. А.П.Лебедева. Ф[иларет] не был гонителем талантов. Объективные данные для оценки личности м[итрополита] Филарета.
VIII	Октябрь 11/24	15 16	Традиционализм и новаторство. <i>Преосвященный</i> <i>Иннокентий</i> как богослов-новатор на основе церковного традиционализма. Личность Иннокентия (Погодин, м[итрополит] Макарий). Значение общественности в христ[ианской] государственности, — Освящение хр[истианств]ом и мирской жизни.
IX	Октябрь 18/31	17 18	Сознательная борьба И[нно-кентия] как мыслителя с схоластицизмом в богословии. Значение И[ннокентия] в истории русской религиозно-философской мысли XIX в. 1) восполнение недостатков системы м[итрополита] Филарета, — 2) пред-указание на основные тенденции главнейших последующих систем. — <i>Еп[ископ]</i> <i>Иоанн Смоленский</i> как родоначальник публицистического направления в нашей проповеди XIX в. Биография его. И[оанн] как канонист и догматист. И[оанн] как церковный оратор. Два периода в его проповедании: до и после 1854 г.

X	Ноябрь 1/14	19 20	Крайности монашеского института. Культ ученого монашества. Арх[имандрит] <i>Феодор Бухарев</i> как самоотверженный протест против этого. Снятие им сана. Идейная основа этого его шага?
XI	Ноябрь 15/28	21 22	Его богословская система и ее оценка с отрицательной и положительной стороны. Личность арх[химандрита] Феодора (проф. Знаменский и Гиляров-Платонов).
XII	22.XI/5.XII	23 24	<i>Славянофилы</i> , их основной религиозно-философский принцип (соборность) и их отношение к богословскому схоластицизму. Славянофильство и западничество как два типа мирозерцания (Коялович, Пыпин, Вл.Соловьев и др.). <i>Киреевский И.В.</i> , его личность и духовное развитие. Обоснование им нового метода религ[иозно-]философ[ского] познания — познание цельным разумом.
XIII	29.XI/12.XII	25 26	<i>А.С.Хомяков</i> как сознательный борец против богословского схоластицизма. Его личность в освещении его сторонников и противников. Общая характеристика богословских воззрений Х[омякова] и оценка их в русской богословской литературе.
XIV	1923 г. Январь 17/30	27 28	Хронологический порядок появления в свет богословских трудов Хомякова и внутренняя связь между ними. Обстоятельства происхождения I, II и III брошюры и главнейшие черты их содержания. Учение о сущ-

			ности Церкви как синтеза единства и свободы. Космичность Церкви. Заметка о критике Вл. Соловьева на эти пункты системы Хомякова. Значение Хомякова для нашего современного богословия.
XV	24.I/6.II	29 30	Проблемы христианства и жизни: оживление в славянофильских кружках интереса к религ[иозным] и церковно-обществ[енным] вопросам. <i>Н.В.Гоголь</i> и его связь с москов[ским] кружком славянофилов. Пережитый им кризис, его причины и оценка «Переписки с друзьями», отношение к ней общества и критики, и значение для религ[иозной] характеристики Гоголя.
XVI	31.I/13.II	31 32	Религ[иозно]-общественные взгляды Гоголя и их критическая оценка с православно-церковной точки зрения. Значение Гоголя как религ[иозного] мыслителя, его отношение к Достоевскому. — <i>Ф.М.Достоевский как религ[иозный] мыслитель.</i> — Его религиозное развитие.
XVII	14/27.II	33 34	Общая характеристика религ[иозно]-нравственного мирозерцания Д[остоевс]кого. Замечание об его принципах — «Легенда о Великом Инквизиторе» и тип старца Зосимы: разъяснение вопросов 1) о католичестве; 2) о субъективной и 3) объективной стороне христианства. Отношение к идее искупления.
XVIII	16.II/1.III	35 36	Идея единосущия человечества как основная идея старца Зоси-

- мы. Выводы о жизненности христианства и о способе его реализации. Монастырь и мир. — *Еп[ископ] Феофан* Вышенский как «старец» — учитель духовной жизни — и как религ[иозный] мыслитель. Его личность и жизнь, удаление в затвор и причина этого.
- XIX 21.II/6.III 37
38 Основа мировоззрения еп[ископа] Феофана: христианство как религия духа; космология и антропология, христианский подвиг и его общеобязательность (подвижничество в обыденной жизни). *Еп[ископ] Игнатий Брянчанинов* как личность, писатель-мистик и духовный наставник, его отношение к еп[ископу] Феофану.
- XX 23.II/8.III 39
40 *Вл.Соловьев* как «мирской подвижник» и как поборник «вселенского христианства». Его личность и духовно-нравственное развитие. Три периода его деятельности. Общий очерк его системы, понятие о Царстве Божием.
- XXI 28.II/13.III 41
42 Изложение и критика учения Соловьева о Ц[арстве] Б[ожием]; отношение Ц[арства] Б[ожия] и Церкви. Критические замечания м[итр.] Антония — проф. М.М.Тареева. — Жизненная драма *Вл.Соловьева* — и попытка ее осмысления (самочинное подвижничество), положительное значение его жизненного подвига — попытка осуществления идеи [нрзб.] — Его папистические увлечения.

Влияния Вл.Соловьева на современность. Вл.Соловьев и Ориген. Отношение Вл.Соловьева к Достоевскому и Л.Толстому. — *Л.Н.Толстой* как религиозный мыслитель: 1) его заблуждения в понимании нравственности и догматической стороны христианства. Вопрос об его отлучении. — Главнейшие направления рус[ской] религ[иозно]-философ[ской] мысли за последние 30 лет. Практические попытки церковно-религиозного возрождения. Современность и идеал православия.

Преподаватель Протоиерей Павел Аникиев
ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.39. Л.11-13об.

6

6/III 1923
№1269/1453

В Отдел Управления
Петрогубисполкома

Внесенный в реестр обществ и союзов Отделом Управления Петрогубисполкома (16-го сентября 1920 г.) Петроградский Богословский Институт по своему уставу и фактической деятельности не является высшим учебным заведением, и в качестве такового он должен был бы находиться не в ведении Отдела Управления, а Петропрофобра.

Учитывая, однако, задачи указанного института узко конфессионального характера (§§1 и 2 Положения его), структуру управления, резко расходящуюся со всеми положениями Главпрофобра, а также учебный план его, Петропрофобр, в соответствии с предписанием Главпрофобра от 5/1 с.г. №3018 считает дальнейшее функционирование Петроградского Богословского Института недопустимым и просит Отдел Управления сделать соответствующее распоряжение о его закрытии.

Об исполнении Петропрофобр просит поставить его в известность для доклада Главпрофобру.

Зам. Уполномоченного Наркомпроса В.Покровский
Заведывающий [Так! — Публ.] секретариатом Савкина

ЦГА СПб. Ф.1001. Оп.7. Ед.хр.61. Л.37

В Петропрофобр

на №1269/1453

Админ. П/отд. ОУПГИ настоящим сообщает, что Петроградский Богословский Институт (Троицкая д. №3) разрешен к функционированию Отделом Управления П.Г.К. с соблюдением всех существующих на сей предмет законоположений. Из имеющейся в деле переписки видно, что учредители данного института предварительно получили разрешение на организацию его 16.IX.1919 года Наробраза в лице тов. НАРКОМА по просвещению Союза Коммун Северн[ой] Области тов. ГРИНБЕРГ и зарегистрированы Отделом Внешкольного Образования за №8907/8 и только после этого Отдел Управления ПГИ, основываясь на декрете СНК «об отделении церкви от государства и школы от церкви» и инструкции к нему НКЮ от 24.VIII.18 г. (Изв. ВЦИК №180 от 30.VIII.18 г.), выдал разрешение Петроградск[ому] Богословскому Институту на право его функционирования. По настоящее время Богословский Институт аккуратно ежемесячно представляет ОУПГИ отчеты о своей деятельности, из коих не видно, чтобы данный институт нарушал декрет об отделении церкви от государства.

Ввиду изложенного Административный П/отдел О.У.П.Г.И. просит сообщить, на основании каких распоряжений Центральной Власти Богословские учреждения подлежат ведению Петропрофобра, а не Губнаробра в лице его внешкольного п/отдела, а также сообщить конкретно факты нарушений или отступлений от действующих законов со стороны руководителей данного института для привлечения виновных лиц к судебной ответственности.

Зав. Адм. П/отд. ОУПГИ

(Ильин)

Секретарь:

(Ларионов)

ЦГА СПб. Ф.1001. Оп.7. Ед.хр.61. Л.36

8

Тов.Поплавской: принять и выдать
отдельное разрешение
на пастырское училище

В отдел Управления
Петрогубисполкома

Согласно предложению от 18 мая 1923 года за №481/41389 при сем представляются:

1. Положение о Богословском институте, зарегистрированное 8 апреля 1922 года;

2. удостоверение о регистрации Богословского Института и Богословско-Пастырского Училища от 8 апреля 1922 года за №3033;

3. деньги бывшего Богословского Института в сумме 110 руб. 67 коп.

4. протокол ликвидационной комиссии Богословского Института от 9 мая 1923 года;

5. делопроизводство Богословского Института, а именно — журналы Совета от 23/I 1920 по 2/V 1923 года №№1-37, журналы Правления от 18/III 1920 по 3/IV 1923 года №№1-40,

приходно-расходные книги 1 и 2,

оправдательные приходные и расходные документы,

книги для выдачи пособий должностным лицам и слушателям Института по 1 июля 1922 года,

ведомости на получение жалованья должностными лицами Института и оплату лекций с января 1920 года по 30 апреля 1923 года.

Вместе с тем ходатайство о передаче, согласно постановлению Совета Богосл[овского] Института и ликвидационной комиссии, всего делопроизводства бывшего Богословского Института, как имеющего историческое значение, во Второе Отделение Историко-Культурной Секции Центроархива и о выдаче особого удостоверения касательно регистрации Богословско-Пастырского Училища взамен представленного.

Член ликвидационной Комиссии

И.Щербов

ЦГА СПб. Ф.1001. Оп.7. Ед.хр.61. Л.35

11/XII.1923 г. Иеромонах Макарий и И.Дмитриков утверждают в степенях кандидата богословия.

Патриарх Тихон
Архиеп[ископ] Тихон
Архиепископ Серафим
Архиепископ Петр
Архиепископ Никодим

Его Святейшеству
Святейшему Патриарху Московскому
и Всей России Тихону, Милостивому
архипастырю и Отцу

врем[енно] Управляющего
Петроградской епархией епископа
Лужского Мануила

Представление

Согласно положению б. Петроградского Богословского Института (§24) и постановлениям его Совета (журналы №5 за 1921 г. и №6 за 1923 г.) все, окончившие Богословский Институт с дипломом 1-ой степени, после написания удовлетворительного сочинения и сдаче экзамена из трех богословских предметов, удостоивались от Совета Института степени кандидата богословия. Имея в виду получить эту степень, многие из окончивших взяли у профессоров темы и стали работать над сочинением, а иные уже закончили свою кандидатскую работу. К сожалению, вследствие закрытия Института, они не могут теперь сдать дополнительных экзаменов и получить степень кандидата богословия от Совета института. Принимая, однако, во внимание, что они непрерывно занимались в течение трех лет, с 20 апреля 1920 года по 20 марта 1923 года без всяких каникул, прослушали 9 триместров и удовлетворительно сдали 23 богословских дисциплины — что свидетельствует как о любви к богословскому знанию, так и достаточной богословской зрелости — и желая, с другой стороны, отметить и вознаградить труд занимающихся богословием в крайне неблагоприятных обстоятельствах, я считаю возможным ходатайствовать перед Вашим Святейшеством об удостоении звания кандидата богословия* тех из окончивших Петроградский Богословский Институт с дипломом 1-ой степени, которые представят вполне удовлетворительную письменную работу.

Если Ваше Святейшество соглашается на это мое ходатайство, почтительно прошу Вас прежде всего об удостоении звания кандидата богословия и выдаче соответствующих удостоверений Ивану Дмитриевичу Дмитрикову и иеромонаху Макарию Звездову. Оба они окончили Богословский Институт с дипломом 1 степени и представили мне вполне удовлетворительные кандидатские сочинения: Дмитриков по церковному праву на тему: «Брак по древнему русскому церковному праву» (Опыт изучения вселенских

* без устных испытаний.

и местных начал и их взаимоотношений в русско-византийском брачном праве), а Звездов — по св. Писанию Нового Завета на тему «Толкование Евангелия у Л.Н.Толстого пред судом Православного вселенского предания и Православной богословской науки». При сем прилагают их сочинения вместе с дипломами и с двумя о каждом сочинении отзывами рецензентов-специалистов.

Вашего Святейшества,
Милостивого Архипастыря и Отца,
покорнейший послушник
Мануил, Епископ Лужский
врем[енно] Управляющий
Петроградской епархией

9 (22) декабря 1923 года

ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.55. Л.10

10

Копия

Его Преосвященству
Преосвященному Епископу Мануилу

Святейший Патриарх и Священный Синод при Нем, заслушав представление Вашего Преосвященства от 9/22 декабря сего года об удостоении иеромонаха Макария и Ивана Дмитрикова степени кандидата богословия, постановили: удостоить иеромонаха Макария и Ивана Дмитрикова степени кандидата богословия, постановили: утвердить иеромонаха Макария и И.Дмитрикова в степени кандидата богословия.

Член Священного Синода
Москва
Донской монастырь
Декабря 24 дня 1923 г.
№170

Архиепископ Петр

ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.55. Л.13

11

Список окончивших
[Петроградский Богословский Институт]

Андреев Павел Андреевич (2 р)
Архипов Николай Георгиевич (1 р)
Ассанович Екатерина Львовна (1 р)
Базунов Александр Александрович (2 р)

Васильева Мария Васильевна (1 р)
Григорьев Георгий Васильевич (1 р)
Дмитриков Иван Дмитриевич (1 р)
Дубова Мария Павловна (1 р)
Иеромонах Макарий (Звездов-Макаров Матвей Дмитриевич) (1 р)
Козырев Иван Федорович (2 р)
Кузьмина-Караваева Анна Дмитриевна (1 р)
Круглов Алексей Михайлович (1 р)
Ковалев Сергей Иванович (1 р)
Копреева Наталия Николаевна (2 р)
Коптев Михаил Андреевич (1 р)
Лазаревич-Шепелевич Анна Алексеевна (2 р)
Священник Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский Владимир Константинович (1 р)
Никитина Нина Александровна (1 р)
Осинкин Григорий Петрович (2 р)
Померанцева Екатерина Васильевна (1 р)
Иеромонах Варлаам (Сацердотский Василий Михайлович) (1 р)
Скородумов Алексей Михайлович (1 р)
Смирнов Михаил Иванович (1 р)
Соболева Валентина Владимировна (1 р)
Фроловский Михаил Николаевич (2 р)
Хост Алексей Евгеньевич (2 р)
Досифей (Степанов) получил удостоверение в том, что он обучался на I-III курсах.

ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.45

БИОГРАФИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ ПЕТРОГРАДСКОГО БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА

Александров Николай Александрович (24 марта 1893 — 1972). Окончил Кронштадское реальное училище (1910), «куда был определен по совету о.Иоанна Сергиева-Кронштадтского, религиозное влияние которого в семье и круге и осеняло мои отроческие годы. Личное знакомство и близость к нему в течение 5 лет — доминирующий факт религиозной жизни в отрочестве». Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета (1915). В 1916-1918 офицер на фронте. В 1918 подавал прошение о приеме в Петроградскую ДА. В 1918 преподаватель русского языка и литературы и психологии в 3-х средних школах Петрограда (в б. гимназии М.С.Михельсона, в частности). В 1919-1921 служил в Красной Армии. До 1929 преподавал в школах и других учебных заведениях Петрограда. Был близок к кружку «Воскресение». 8 марта 1929 арестован и 23 июля приговорен к 5 годам лагерей, срок отбывал в Соловках и

Белбалтлаге. После освобождения (1933) был бухгалтером и конторским служащим в Вологде и Волховстрое, где несколько месяцев провел под арестом (с мая 1935) в результате неудачной попытки вернуться к профессиональной деятельности в Ленинграде. Затем работал на технических и инженерных должностях на стройках системы НКВД: в 1935-1937 в Дмитрове (канал Москва—Волга), в 1937-1942 — в Рыбинске (Волгострой), в 1942-1947 — в Нижнем Тагиле (Тагилстрой), преподавал там же на различных курсах русский язык и специальные дисциплины. В 1947 поселился во Владимире, стал преподавать в техникумах, но 27 октября 1948 вновь арестован и приговорен к 10 годам заключения, которое отбывал в инвалидных лагерях во Владимирской области. Освобожден 28 июля 1954, умер во Владимире. Перед смертью хотел принять священнический сан.

См.: Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992 (ук. имен); ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.18; информация М.В.Шкаровского.

Алявдин Анатолий Павлович (3 декабря 1885 — 19 августа 1965; сообщено Ф.А.Алявдиным). Специалист по истории раннего христианства. Окончил гимназию в Пензе и историко-филологический (1912) и восточный (1916) факультет Санкт-Петербургского университета. С 1 января 1912 по 1 января 1916 состоял при университете в качестве оставленного при историко-филологическом факультете по кафедре истории церкви для приготовления к профессорско-преподавательской деятельности, с 9 декабря 1915 по 1 октября 1921 приват-доцент той же кафедры. Одновременно с 1 января 1915 по 1 января 1918 состоял в качестве оставленного при факультете восточных языков по кафедре сирийского языка и словесности. Преподавал по найму историю в гимназии Императорского Человеколюбивого общества (1914-1916), во II реальном училище. В 1918-1919 преподаватель сирийского языка и словесности, с 1 октября 1921 сверхштатный, с 4 октября 1927 штатный доцент кафедры сирийского языка, с 14 октября 1927 доцент кафедры гебраистики и арамейских наречий. В 1917 работал в Комиссии по изучению племенного состава России. В 1921-1928 действительный член Научно-исследовательского института сравнительной истории языков и литератур (Институт им. А.Н.Веселовского); 9 декабря 1927 утвержден сверхштатным действительным членом института. С 1 июля 1924 по 15 апреля 1929 старший научный сотрудник «Азиатского музея». С 16 февраля 1929 отчислен от службы в университете.

Преподавал в Богословско-пастырском училище, с 23 ноября 1921 преподаватель греческого языка Петроградского Богословского института. Член приходского совета собора князя Владимира. В 1921-22 читал лекции по Священному Писанию Ветхого и Нового Заветов на богословско-богословских курсах окружного благочиния на Петроградской стороне. До запрещения преподавания Закона Божия вел занятия со старшей группой детей в церкви Скорбящей Божией Матери. Принимал участие в работе просветительного отдела при Правлении Общества приходов Петрограда и его губернии. Участвовал в религиозно-философском кружке «Воскресение», кружке Андреевского, «Профессор-

ском кружке». В январе 1928 в числе членов двадцатки церкви Спаса на водах подписал письмо против поминовения митрополита Сергия. 13 марта 1929 арестован, 22 июля 1929 приговорен к 5 годам лагерей, которые отбывал в СЛОН и Белбалтлаге. Освобожден в мае 1933 (1932?). С августа 1934 до 1935 — старший библиотекарь Государственной академии истории материальной культуры. Преподавал также историю в школах Ленинграда, с 1938 работал в Институте востоковедения. В 1942 был эвакуирован в Кизлярский район (ныне Дагестан), где преподавал в школе немецкий язык и географию. Осенью 1945 снова арестован, приговорен к 10 годам лагерей за «проповедь загробной жизни», срок отбывал в Грозненской обл., освобожден в 1954. Работал в архиве Академии наук в Ленинграде.

См.: Васильков Я.В. Судьба русского сириолога: Анатолий Павлович Алявдин (1885-1965) // Атра. 1993. №5. С.47-51 — сообщено иеромонахом Стефаном (Садо); Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992 (ук. имен); ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.17. Л.2; Архив Санкт-Петербургского университета. Ф.1. Оп.1. Ед.хр.23; ОР РНБ. Ф.253. Ед.хр.339.

Андреев Павел Андреевич (12 января 1881-?). Окончил приходскую школу. В 1904 поступил на курсы братьев милосердия, был в Маньчжурии. Братом милосердия Красного Креста состоял до 1910. С 1910 работал делопроизводителем в Морском ведомстве. В 1917 учился на курсах бухгалтеров Побединского. Окончил Петроградский Богословский институт (1923).

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.18.

Андреев Федор Константинович (1 апреля 1887 — 23 мая 1929). Окончил Московскую ДА (1913). С 16 марта 1913 — и.о. доцента кафедры систематической философии и логики МДА. Переехал в Петроград, где стал помощником заведующего Петроградского Богословско-пастырского училища. С 13 октября 1919 по 13 февраля 1920 — член Комиссии духовно-учебных заведений Петроградской епархии. 2 января 1920 утвержден профессором кафедры христианской апологетики Петроградского Богословского института, с 6 февраля 1920 одновременно библиотекарь, а с 14 сентября 1921 — член президиума правления, с 18 июля 1922 заместитель проректора. С 4 июня 1920 входил также от корпорации в состав студенческой коллегии. Был членом правления Общеприходского совещания и просветительной комиссии при нем. Председатель приходского совета Троицкой церкви, член приходского совета церкви Леушинского подворья. С 1 декабря 1920 член церковного книжного фонда. С 1921 член Петроградского философского общества. С 1922 священник Казанского, с 1924 — Сергиевского (б. всей артиллерии) собора. С 1927 — протоиерей. Последние годы служил в храме Воскресения на крови. Был одним из лидеров «носифлян».

См.: Половинкин С. Андреев Федор Константинович // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С.23-24.

Аникиев Павел Петрович (19 июня 1878 — 1932). Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1902)

и Санкт-Петербургскую ДА (1906). С 1902 оставлен при кафедре философии в университете до 1 сентября 1905. Неоднократно выступал с докладами в Христианском содружестве учащейся молодежи. 10 октября 1907 допущен к преподаванию Закона Божия в Константиновской женской гимназии без принятия сана. С 13 сентября 1908 староста церкви во имя Иверской Божией Матери при Женском педагогическом институте. В 1911 принял сан священника и стал настоятелем этой церкви. Позднее был настоятелем Крестовоздвиженской (Никола-Труниловской) церкви. Одновременно в 1919 был секретарем хозяйственного комитета (правления) Петроградского государственного Высшего педагогического института. С 22 марта 1921 преподаватель христианской мистики Петроградского Богословского института. После закрытия Богословского института вместе с прот. М.Митроцким вел богословский кружок при Крестовоздвиженской церкви на Петроградской стороне. Преподавал в Богословско-пастырском училище. В 1924-1925 на богословских курсах центрального городского района преподавал пастырское богословие с аскетикой. На Высших Богословских курсах читал историю русской религиозной мысли (1925-1926), мистику (1926-1927) и пастырское богословие (1927-1928), представил магистерскую диссертацию («Мистика преподобного Симеона Нового Богослова. Опыт построения православной мистики по творениям преподобного Симеона»). Арестован 4 мая 1930. В августе 1931 приговорен к 5 годам ссылки в Восточную Сибирь. Скончался в с. Усть-Винолево Красноярского края.

Был женат на *Нине Васильевне Бодалевой* (брак зарегистрирован 31 августа 1911). Окончила Женский педагогический институт и сдала экзамены при Петроградском университете. С 1912 преподавательница в гимназии Михельсона, Сувориной, с 1915 — преподавательница 32-й советской школы. Вольнослушательница Петроградского Богословского института. См. о ней: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.18; ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Ед.хр.2113 (письмо С.Ф.Платонову)

Соч.: Вера как основа жизни и знания (Из реферата, читанного в собрании Христианского содружества учащейся молодежи). СПб., 1903 (оттиск из «Православно-русского слова»); А.С.Хомяков как философ. СПб., 1905 (оттиск из «Православно-русского слова»); Мистика преп. Симеона Нового Богослова. СПб., 1906 (оттиск из «Церковного голоса»); Профессор Б.М.Мелиоранский как богослов, философ и руководитель учащегося юношества. СПб., 1907 (оттиск из «Церковного голоса»); Мистицизм в эпоху Александра I. М., 1912 (оттиск из «Голоса церкви»); Апология мистики по творениям преп. Симеона Нового Богослова. Пг., 1915 (оттиск из «Христианского чтения»).

См.: Берхман В. Ксения Ганенфельдт. Биографический очерк и мои личные воспоминания о 1922-1925 годах // Выбор. Литературно-философский журнал русской христианской культуры (Москва). 1990. №8. С.54-79; Академическое дело 1929-1931 гг. Вып.1. СПб., 1993. С.5, 244-246; Брачев В.С. «Дело историков» 1929-1931 гг. СПб., 1998; ЦГА СПб. Ф.3976. Оп.1. Ед.хр.1057; ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Ед.хр.2110-2112 (письма С.Ф.Платонову 1903-1929); 2332, 3356-3358, 3902.

Аполлонская-Стравинская Инна (Нина) Александровна (1876[75?], Рига — 1970). Племянница Ф.И.Стравинского. Окончила гимназию в Двинске (1893; золотая медаль). Год провела в Женеве для изучения французского языка, по возвращении поступила на драматические курсы в Санкт-Петербурге (Императорские курсы при Александринском театре). В 1897 поступила на сцену Александринского театра. 28 июля 1899 Ф.И.Стравинскому писала его жена А.К.Стравинская: «...недавно была в Одессе Инна со своей труппой, и как труппа вообще не понравилась и успеха не имела, хотя театр был всегда полон, так, в частности и больше всех, не понравилась Инна, рецензенты так разобрали ее, чем она была очень огорчена» (Стравинский Ф. Статьи, письма, воспоминания. Л., 1972. С.103-104).

С 1903 жена артиста драматической труппы Александринского театра Романа Борисовича Аполлонского (1864 — 18 августа 1929). В 1915 окончила службу на сцене. В 1919-1924 вновь работала в этом театре.

«Первые интеллигентные христиане, которых я встретила на своем жизненном пути, были актеры, муж и жена. Это было в 1911-12 гг., — вспоминала В.С.Враская. — /.../ Меня поразила она, так мало похожая на актрису: гладко причесанная, не подведенная и не накрашенная, в простом английском костюме тайор, она испытующе посмотрела на меня своими ясными, серьезными глазами. Ее муж, известный на всю Россию актер, тоже с любопытством внимательно следил за мною. Вскоре мы подружились; актеры у них почти не бывали, и я составила исключение.

Их квартира была наполнена чудесной старинной мебелью красного дерева. Меня удивили непривычные для меня большие кюветы, наполненные тоже старинными иконами в тяжелых серебряных ризах. Перед ними горели массивные лампадки. Все эти образа, выдвинутые на первое место, говорили о том, что в жизни хозяев они важны и нужны. /.../ Почти каждое лето они ездили по монастырям. Бывали в Оптиной Пустыни, знали и очень уважали Оптиных старцев. /.../ И.А. суждено было стать исповедницей. В 1932 году она была арестована, как почти все богомольцы, бывавшие прежде в Оптиной. Сначала она была в концлагере, а потом на вольном поселении в Сибири, где ее и захватил грозный 1937 год». См.: Вероника (Котляревская), монахиня. Воспоминания монахини. San Francisco, [б.г.] С.6-7.

Соч.: Театр Ибсена 1. Росмерсгольм. СПб., 1910; Христианский театр. СПб., 1914; ОР РНБ. Ф.263. Ед.хр.66.

См.: Глаголин Б. Театральные этюды. СПб., 1911. С.11-15; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.18; Театральная библиотека (СПб.). Р.1/1319.

Архангелов Серафим Александрович (1868 — декабрь 1937). Родился в с. Никольское-Кобылино Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Был священником и законоучителем Перновских мужской и женской гимназий, с 26 ноября 1903 священник Ушаковского земского училища, с 27 июля 1907 священник Смольного собора, протонерей, настоятель Спасо-Бочаринской церкви, с 27 января 1915 служил на Большеохтинском кладбище, затем на Волковом кладбище. Расстрелян.

Архипов Николай Георгиевич (25 ноября 1868, Рига — ?). Окончил 2 класса Рижской ДС; контролер Рабоче-крестьянской инспекции при Балтийском Мариинском управлении водного транспорта. В 1921 митрополитом Вениамином посвящен в стихарь. Окончил Петроградский Богословский институт (1923).

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.18.

Ассанович Екатерина Львовна (9 ноября 1888 [по формулярному списку отца; в личном деле указала ноябрь 1890] — ?). Окончила Гродненскую женскую гимназию. В августе 1941 эвакуировалась из Ленинграда в Кунгур, затем в Ижевск. Старший библиотекарь научно-технической библиотеки при Доме техники. С 15 сентября 1950 корректор заочного сектора Ленинградской Духовной академии. С 1957 на пенсии, ок. 1958 переехала в Закарпатье.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.18; РГИА. Ф.1343. Оп.35. Ед.хр.716; Личное дело. — Архив Санкт-Петербургской Духовной академии; информация А.В.Решетниковой.

Базунов Александр Александрович (25 сентября 1875 — ?). Окончил VI Петербургскую гимназию (1896), Археологический институт (1904), вольнослушатель юридического факультета. В службе с 1 апреля 1898. Был канцелярским чиновником отдела по отчуждению имущества, затем учетного отдела Министерства путей сообщения. Окончил Петроградский Богословский институт (1923). В 1926 на Высших Богословских курсах был удостоен степени кандидата богословия за работу «Чин богоявленского освящения (великая агиасма)». — ОР РНБ. Ф.574. Ед.хр.8а; отзывы — проф. А.А.Дмитриевского (Там же. Ф.253. Ед.хр.193); проф.-прот. А.В.Петровского (Ф.253. Ед.хр.850). Арестован в марте 1929 по делу кружка «Воскресение». Приговорен 22 июля 1929 к заключению в лагерь.

См.: К биографии М.М.Бахтина / Вступление, публикация и примечания В.Лапуна. Послесловие С.Бочарова // Вопросы литературы. 1991. №3. С.128-141; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.19.

Безобразов Сергей Сергеевич (в монашестве *Кассиан*; 29 февраля 1892 — 4 февраля 1965). Окончил I Петербургскую гимназию (1910, золотая медаль) и историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1914), оставлен при университете по кафедре истории церкви для подготовки к профессорскому званию. Одновременно с 20 сентября 1914 вольнослужащий по отделению богословия в Публичной библиотеке, с 1 марта 1916 младший помощник библиотекаря, кроме того, с 22 июня 1915 состоял помощником секретаря библиотеки, с 22 марта 1919 старший помощник библиотекаря, 27 июля 1920 отчислен от службы «согласно прошению».

С 21 октября 1917 приват-доцент Петроградского университета по кафедре церковной истории. С осени 1918 преподавал также историю церкви на б. Высших женских (Бестужевских) курсах. В 1919-1920 в Петроградском университете читал курсы «История первохристианской

иерусалимской общины» и «История религии в ветхозаветную эпоху» и вел практические занятия по чтению и разбору Евангелия от Матфея. С 1920 доцент кафедры церковной истории Туркестанского университета.

Член совета Василеостровских богословских курсов. С 30 августа 1921 преподаватель кафедры истории религий Петроградского Богословского института, со 2 мая 1922 секретарь института. В 1922 эмигрировал. В 1923-1925 преподавал в русско-сербской гимназии в Белграде, участник первых съездов Русского студенческого христианского движения. С 1925 секретарь, с 1926 профессор кафедры Священного Писания Нового Завета, с сентября 1947 ректор Сергиевского Богословского института в Париже. С 29 июня 1946 доктор церковных наук. 15 февраля 1924 посвящен в чтеца, 20 июня 1932 пострижен в монашество, 23 июня рукоположен во иеродиакона, 26 июня — во иеромонаха. На Рождество 1934 возведен в сан игумена, а на Рождество 1936 — архимандрита. С 28 июля 1947 епископ Катанский. Участвовал в экуменическом движении, был наблюдателем на II Ватиканском Соборе. В начале 1950-х выполнил новый перевод Нового Завета на русский язык.

В опубликованной в парижском журнале «Путь» статье «Русский Православный Богословский институт в Париже» писал: «Весною 1920 г. возник в Петрограде Православный Богословский Институт. Петроградский Богословский Институт не был простым воспроизведением старой Духовной Академии. Богословский Институт имел благословение Патриарха Тихона. Он пользовался отеческим попечением приснопамятного священномученика Петроградского Митрополита Вениамина. Но построение его началось снизу. Оно вышло из недр приходских организаций. В числе слушателей было много женщин, выделявшихся особенным рвением и успехами. Большинство профессоров принадлежало к профессора Академии, но много было и новых. Были среди профессоров видные представители приходского священства. Были работники университетские (Б.А.Тураев, Н.О.Лосский, Л.П.Карсавин, С.С.Безобразов и др.). К весне 1923 года Богословскому Институту удалось сделать первый выпуск. Этот выпуск был единственный. Тою же весною 1923 года Институт прекратил свое существование. Послушный указаниям св. Патриарха Тихона и верный заветам своего архипастыря Митрополита Вениамина, институт оказался с политической стороны неуязвимым даже для советской власти. Она его задушила, возложив на него непосильное бремя финансовых тягот. Судьба его решилась в 1923 г. Ее неизбежность была ясна уже к концу лета 1922 г.». См: Путь (Репринтное издание). М., 1992. Кн.1 (1925. №1). С.103.

См.: Азиатцев Д.Б. Безобразов Сергей Сергеевич (Кассиан, епископ Катанский) // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т.1. СПб., 1995. С.79-81; Зеньковский В., прот. Мои встречи с выдающимися людьми. Ч.II. Белград, Прага. 9. Епископ Касьян (в миру Сергей Сергеевич Безобразов) // Записки русской академической группы в США. Т. XXVII. Нью-Йорк, 1995. С.15-16.

Безобразова (урожд. *Холостова*) *Любовь Владимировна* (2 января 1886 — 10 января 1923). Жена С.С.Безобразова. Училась в частном женском учебном заведении I разряда М.Л.Лебурде-Капрони. Окончила историко-филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов по группе всемирной (1909) и всеобщей истории (1910). В 1911-1917 преподавала историю в гимназии Л.С.Таганцевой и женской гимназии при реформатских церквях. С 9 марта 1913 член Исторического общества при Санкт-Петербургском университете. С 19 июня 1918 по 4 августа 1920 нештатный сотрудник отделения истории Публичной библиотеки. В 1920-1921 преподавательница новой истории в Туркестанском университете. С 1921 преподавательница в различных учебных заведениях Петрограда. С 1 апреля 1922 научный сотрудник I разряда в историческом отделении Публичной библиотеки. В своем прошении 13 сентября 1921 о принятии вольнослушательницей в Петроградский Богословский институт писала: «Занимаясь историей, я сосредоточивала свое внимание преимущественно на вопросах духовной культуры, в частности, на вопросах религиозных. Так я изучала средневековье, западноевропейское сектанство, занималась христианским гуманизмом и развитием догмы раннего протестантизма. Работала также в области изучения религиозных идей XVIII в. Эти занятия выяснили для меня необходимость ознакомления с первохристианством, с творениями отцов церкви, а также усилили интерес к религиозным проблемам вообще. Кроме того, занимаясь преподаванием истории, я чувствую свою полную неосведомленность в вопросах первобытной религии, ислама, буддизма и т.д.».

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.19; Азиатцев Д.В., Бовкало А.А. Безобразова Л.В. // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т.2 (готовится к печати).

Безручко-Высоцкий Константин Александрович (15 мая 1870 — ?). В 1883 поступил в 3-й класс Владимирской гимназии, в 1889 перешел в Костромскую, которую и окончил в 1890. В 1895 окончил физико-математический факультет Петербургского университета, после чего служил в Государственном банке. С 1900 служил в Генеральном обществе страхования жизни, с 1903 вел гражданские и уголовные дела в местных судах Петрограда. В 1913 поступил на юридический факультет Петроградского университета, после его окончания (1917) служил в гражданском департаменте Сената. До мая 1918 был бухгалтером Государственного банка, затем служил в статистическом бюро, откуда был уволен по сокращению штатов.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.19.

Бельчиков Николай Евгеньевич (1897 — не ранее 13 февраля 1936). Окончил Санкт-Петербургское 4-классное училище. С 1913 служил в I департаменте Сената. Продолжил образование на общеобразовательных курсах А.С.Черняева, где прошел курс средних учебных заведений, но экзамены не сдавал. 30 сентября 1918 зачислен на юридический факультет Петроградского университета. Был призван в Красную Армию. В 1919

окончил одногодичные пастырско-благовестнические курсы братства о.о. диаконов и псаломщиков. Во время учебы пел в хоре Смольного собора. 4 мая 1921 ходатайствовал о разрешении остаться на второй год на первом курсе Петроградского Богословского института; 2 июля 1921 подавал прошение об отчислении из института «ввиду оставления Петрограда для поступления в монастырь». В 1936 проживал на ст. Сыр-Дарья Среднеазиатской железной дороги, совхоз Пахта-Арал, пригородный поселок.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.19; ЦГИА СПб. Ф.7240. Оп.2. Ед.хр.265.

Богданов Владимир Васильевич (13 февраля 1877 — ?). Окончил II реальное училище, Горный институт (1907) и Археологический институт. В 1915 мобилизован, до 20 ноября 1921 служил в Главном Штабе, затем работал в Совете народного хозяйства, откуда 1 марта 1922 был уволен по сокращению штатов. В своем прошении о зачислении в Богословский институт он писал, что «желал бы окончить жизнь свою в священном сане».

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.19.

Боярский (до 1917 Сегенюк) Александр Иванович (1885 — 10 сентября 1937). Окончил Волынскую ДС (1906) и Санкт-Петербургскую ДА (1910). С 16 августа 1910 профессорский стипендиат по кафедре русской гражданской истории. С 23 мая 1911 преподаватель гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей Холмской ДС. На 20 сентября 1911 священник с. Кибатры Варшавской епархии, был законоучителем Вержболовской гимназии. С 18 октября 1914 назначен преподавателем философских наук Саратовской ДС, но 19-29 ноября 1914 это назначение было отменено, и он был назначен помощником смотрителя Варшавского духовного училища, с 15-28 мая 1915 помощник смотрителя Виленского духовного училища. Эвакуировался в Петроград. Настоятель Троицкой церкви при Ижорском заводе в Колпине. В 1917 редактор «Вестника военного и морского духовенства». С 12 августа 1920 преподаватель пастырского богословия Петроградского Богословского института. С 1921 протоиерей. Уклонился в обновленчество. С 8 мая 1923 член Высшего Церковного Совета. Член Св. Синода. Участник Собора 1925. Заместитель настоятеля Казанского собора, наместник Спасо-Сенновской церкви. Протопресвитер (ок. января 1927). В 1924-1930 преподавал гомилетику в связи с пастырством в Ленинградском Богословском институте; под его руководством студенты также произносили проповеди в церквях. Председатель Ленинградского епархиального управления. С 16 апреля 1926 член Центрального миссионерского совета. В 1933 епископ, затем архиепископ, с 1935(?) митрополит Иваново-Вознесенский. Арестован, 15 июня 1936 приговорен к 5 годам заключения, которое отбывал в суздальской тюрьме. Расстрелян.

См.: Чельцов М.П., прот. В чем причина нашей церковной разрухи в 1920-1930 гг. // Минувшее: Исторический альманах. Вып.17. М.; СПб., 1994. С.411-473.

Бриллиантов Александр Иванович (10 августа 1867 — 1 июня 1933). Окончил Новгородскую ДС (1887) и Санкт-Петербургскую ДА (1891). С 16 августа 1891 по 15 августа 1892 профессорский стипендиат. С 8 апреля 1893 преподаватель обличительного богословия Тульской ДС, одновременно с 15 марта 1896(?) и.о. миссионера Тульской епархии. 13 июля 1898 утвержден в степени магистра богословия. С 18 мая 1900 доцент, с 22 декабря 1903 экстраординарный, с 29 сентября 1914 ординарный профессор кафедры истории древней церкви Санкт-Петербургской ДА. 24 июля 1914 доктор церковной истории. Член Предсоборного Присутствия при Св. Синоде (1906), Предсоборного Совета (1917) и Поместного Собора 1917-1918. С 6 декабря 1919 член-корреспондент Российской Академии наук по разряду историко-политических наук отделения исторических наук и филологии. С 1918 по июль 1922 был преподавателем, затем профессором кафедры истории Средневековья Петроградского государственного I высшего педагогического института. 2 января 1920 утвержден профессором кафедры истории древней церкви Петроградского Богословского института. На Высших Богословских курсах рецензировал магистерскую работу прот. М.В.Митроцкого. Работал также архивариусом, затем старшим архивариусом второго отделения четвертой секции Главного архивного фонда. С 15 ноября 1921 библиотекарь I отделения (образованного из фондов библиотеки Санкт-Петербургской ДА), в 1925-1929 библиотекарь Государственной Публичной библиотеки. С 22 мая 1921 действительный член Православного Палестинского общества. С 1929 на пенсии. 10 июня 1930 арестован по делу С.Ф.Платонова. В феврале 1931 приговорен к расстрелу, замененному 10 мая 1931 пятью годами концлагерей. 26 мая 1932 досрочно освобожден.

В 1923 выдвигался обновленцами на Петроградскую архиерейскую кафедру. («Кого же у вас выбрали в митрополиты за твоим отказом?» — писал ему брат 17 мая 1923. См.: Ферапонтовский сборник. IV. М.; Ферапонтово, 1997. С.143).

См.: Письма И.И.Бриллиантова к А.И.Бриллиантову 1894-1929 // Ферапонтовский сборник. IV. Указ. изд. (на с.243-249 список трудов А.И.Бриллиантова); Брачев В.С. «Дело историков» 1929-1931 гг. СПб., 1998; ЦГА СПб. Ф.3976. Оп.1. Ед.хр.1062; Сосуд избранный: История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей советского государства 1888-1932 / Сост. М.Склярова. СПб., 1994.

Булатова Ксения Ивановна (1 марта 1893 -?). Окончила гимназию кн. Оболенской (1911). Поступила в Женский педагогический институт, затем перешла на историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов, который и окончила в 1916. Работала по группе всемирной истории у Карсавина, Гревса и Добиаш-Рождественской, занималась почти исключительно историей средневековой духовной культуры и ересями. С 1916 преподавала в школах (гимназии Дедюлиной и др.). В 1915-1916 работала в качестве «десятницы на беседах по Закону Божию с детьми священника отца Иоанна Егорова, впоследствии в [19]20 году

была 2-3 месяца в огласительной группе его грядущей церкви апостола Иоанна, но ушла оттуда, почувствовав тесноту организации и неудовлетворенность ею». Весной 1916 познакомилась со свободной проповедью Орбели, посещала Армию Спасения, Христианский студенческий кружок. С 1918 работала в приходе Введенской церкви на Заячьем пер., 3. В 1919-1920 слушательница Богословско-пастырских курсов на Спасской ул., 27 и секретарь приходского совета. В 1920 уехала на 2 года в Моздок, летом 1921 с разрешения местного священника вела уроки Закона Божия. С 1922 в Петрограде, до 1930 преподавала в школах. В 1922 поступила в Петроградский Богословский институт. 17 сентября 1930 была арестована по делу пастора лютеранской церкви К.Мусса (ее близкая подруга вела там кружок по Закону Божию), приговорена к ссылке в Восточную Сибирь на 3 года. С 1930 жила в Тулуне и Тулунском районе, работала делопроизводителем общего отдела Тулунского райисполкома, секретарем сельсовета, счетоводом в колхозе, медицинской сестрой и делопроизводителем городской больницы, сестрой и регистратором в амбулатории. После окончания ссылки 13 августа 1933 уехала в Уфу, работала делопроизводителем в больнице, а затем переехала в Западную Сибирь. С 1934 служила делопроизводителем Масленинской МТС. С 1936 библиотекарь в Урало-Сибирском Институте народного хозяйства. С 1937 по май 1939 — сестра городской больницы в Бийске. С июня 1939 жила в г.Боровичи, была секретарем фельдшерско-акушерской школы. В августе 1942 эвакуировалась в Омскую область, где работала счетоводом в Заготскоте, инспектором охраны материнства и младенчества в Тарском горздраве, воспитателем детского дома в Таре, библиотекарем и секретарем Тарской школы подготовки колхозных специалистов. 23 марта 1945 судимость была снята. С ноября 1945 по 14 февраля 1950 была библиотекарем и заведующей библиотекой Новгородского учительского института в Боровичах. С 25 мая 1948 на пенсии.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.19; ЦГА СПб. Ф.9324. Ед.хр.37. Л.40-41.

Варлаам (Сацердотский Василий Михайлович; 30 декабря 1895 — 1937?). Окончил Новгородскую ДС (1916) и поступил в МДА, в которой проучился до октября 1918. На III курсе вынужден был уехать по материальным соображениям в Саратовскую губ., где работал учителем сельской школы в деревне Тресковка Поповской волости. В 1919 поступил на историко-филологический факультет Саратовского университета. С января 1920 по май 1921 находился в Красной Армии (учитель красноармейской школы грамоты, инструктор и заведующий школьной секцией) — в Ростове-на-Дону, Владикавказе, Нальчике, Кисловодске. Один из активных деятелей Александро-Невского братства. 2 марта 1922 митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским) пострижен в монашество, через два дня рукоположен во иеродиакона, затем епископом Кронштадтским Венедиктом (Плотниковым) — во иеромонаха. Был причислен к Крестовой церкви митрополита, с 26 июня 1922 прикомандирован к Александро-Невской лавре. 11 июля был отчислен от лавры в связи с назначением совершать богослужения в Греческой церкви. Архиман-

дрит. В январе 1924 был арестован и сослан в Соловецкий лагерь, где находился до 1926 года. В Петрограде служил в Творожковском подворье. Арестован 17 февраля 1932, 22 марта приговорен к 10 годам лагерей.

См.: Варлаам (Сацердотский), архимандрит. Письма из заточения к духовным детям / Публ. А.Воронцова // Минувшее: Исторический альманах. Вып.15. М.; СПб., 1994. С.464-517; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.19; РГИА. Ф.815. Оп.14. Ед.хр.114. Л.31, 40.

Васильева Евгения Александровна (ок.1873 -?). Окончила Исторический институт. Духовная дочь протоиерея Тимофея Налимова.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.20.

Васильева Мария Васильевна (1892-?). Окончила гимназию Л.М.Тургиной (1910), училась в Петроградской консерватории по классу рояля (1911-1918). Давала уроки музыки, в 1918 поступила на службу в иностранный отдел Почтамта, оставила занятия музыкой. Рекомендацию в Петроградский Богословский институт ей дал (еще 10 сентября 1919) прот. Михаил Митроцкий. Была членом студенческой коллегии. Окончила институт в 1923.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.20; Чуков Н., прот. Один год моей жизни: Страницы из дневника / Публ. В.Антонова // Минувшее: Исторический альманах. Вып.15. М.; СПб., 1994. С.521-618.

Вениамин (Казанский Василий Павлович; 17 апреля 1873 — 13 августа 1922). Окончил Олонецкую ДС (1893) и Санкт-Петербургскую ДА (1897). 14 октября 1895 был пострижен в монашество, 21 ноября рукоположен во иеродиакона, а 19 мая 1896 — во иеромонаха. С 24 сентября/3 октября 1897 преподаватель Священного Писания Рижской ДС, с 12-13 августа 1898 инспектор Холмской ДС, с 6 октября 1899 инспектор Санкт-Петербургской ДС. С 18 февраля 1902 — архимандрит. Со 2 апреля 1902 ректор Самарской, а с 12 октября 1905 Санкт-Петербургской ДС. 30 декабря 1909 назначен епископом Гдовским, викарием Санкт-Петербургской епархии. Хиротония состоялась 24 января 1910. 2 марта 1917 на него было возложено временное управление Петроградской епархией «впредь до особых распоряжений», а 6 марта он стал временно управляющим ею. 24 мая 1917 избран, а 25 мая утвержден архиепископом Петроградским и Ладожским; с 14-17 июня 1917 архиепископ Петроградский и Гдовский, с 13-14 августа 1917 митрополит. 7 декабря 1917 избран заместителем члена Священного Синода, с 25 сентября 1918 — его член. С 26 января 1918 настоятель Александро-Невской лавры. 28 января 1921 избран почетным членом Петроградского Богословского института. 5 июля 1922 Петроградским губревтрибуналом приговорен к расстрелу. 31 октября 1990 реабилитирован. Архиерейским Собором 31 марта — 4 апреля 1992 причислен к лику святых.

См.: Бовкало А., Галкин А. Священномученик митрополит Вениамин (Доклад, прочитанный на научной конференции, посвященной 250-летию Санкт-Петербургской епархии, 7 сентября 1992 года) // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. [1994]. Вып.11. С.65-71; «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.). М., 1991.

Верюжский Василий Михайлович (18 июля 1874 — 28 февраля 1955). Окончил Архангельскую ДС (1894) и Санкт-Петербургскую ДА (1898). С 1 сентября 1898 по 31 августа 1901 преподаватель богословия в Самоковском училище в Болгарии, с 31 декабря 1901 помощник инспектора Санкт-Петербургской ДС, с 13 ноября 1903 преподаватель в ней обличительного богословия, истории и обличения раскола. 28 мая 1908 магистр богословия. 13 октября 1908 определен, 1 ноября 1909 рукоположен во священника к храму Воскресения на Екатерининском канале (Спас на крови). С 15 февраля 1913 доцент, с 29 сентября 1914 сверхштатный экстраординарный, с 10-12 февраля 1915 штатный экстраординарный профессор кафедры истории славянских церквей Санкт-Петербургской ДА. С 29-30 апреля 1916 протоиерей. С 7 февраля 1922 профессор кафедры истории славянских и румынских православных церквей Петроградского Богословского института. Работал старшим архивистом в Главархиве. С августа 1923 по декабрь 1929 настоятель храма Воскресения. В 1926 ему предлагалось преподавание курса истории Русской Церкви на Высших Богословских курсах, однако он отказался. Уклонился в иосифлянство. 3 декабря 1929 арестован и 8 августа 1930 приговорен к 10 годам лагерей. Срок отбывал в Свирлаге, затем до 3 декабря 1939 находился в ссылке. Воссоединился с Русской Православной Церковью. С 1945 жил в Москве. С 1947 — доктор церковной истории. С 1951 профессор кафедры истории славянских церквей Ленинградской ДА.

См.: Профессор-протоиерей Василий Максимович Верюжский (Некролог) // Журнал Московской Патриархии. 1955. №4. С.9-12; Чельцов М.П., прот. В чем причина нашей церковной разрухи... Указ. изд.

Воронин Николай Константинович (29 апреля 1889 -?). Сын купца. Окончил училище Купеческого общества (1907), после чего получил звание личного почетного гражданина. С 1907 по 13 апреля 1909 учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, в 1911 призван на военную службу. В 1914 Петроградская ДА. С 1914 работал в приходе собора кн. Владимира. В 1917 снова зачислен студентом университета, но был мобилизован в Красную Армию и отправлен на фронт. 6 декабря 1918 снова зачислен в университет. С возникновением в 1917 приходского совета стал его членом. «Моей работой было — помогать старосте в продаже свечей, составлении месячных отчетов, организации работы в комиссиях по устройству детских праздников, сбор денег». С 1 марта 1922 член Христианского студенческого кружка, которым руководил А.П.Обновленский. Служил в инженерном складе, затем в административно-хозяйственной части. Помощник заведующего I отдела Военно-инженерного склада Правления Петроградского округа.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.20; ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.2. Ед.хр.707.

Враская (в замужестве *Котляревская*; по сцене *Стахова*; в монашестве *Вероника*) *Варвара Степановна* (1882 [по сообщению О.Б.Враской — Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Л., 1982] или 1885, Киев [ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.20] — 11 февраля 1950). Окончила Закавказский девичий институт. Два года прouчилась на Высших женских кур-

сах в Петербурге. Окончила школу Московского Художественного театра. В течение 10 лет работала в Александринском театре в Петербурге. Служила вместе с Л.Д.Блок сестрой милосердия (1914). Встретилась с игуменьей Воскресенской Покровской общины Ефросинией (Арсеньевой), та стала ее духовной руководительницей.

Жена академика Н.А.Котляревского. В Петроградском Богословском институте он выступил с речью, посвященной 40-летию со дня смерти Ф.М.Достоевского — возможно, «Тихая ночь (Памяти Ф.М.Достоевского)». См.: Начала. 1921. №1. С.15-33.

После кончины мужа В.С.Враская окончательно оставила сцену, а с 1927 она жила в монашеской общине в Ленинграде. Сестра Варвара собирала и распространяла среди верующих наиболее выразительные церковные стихи, псалмы, акафисты и т.д. Только акафистов при ее аресте в 1932 году было изъято около 50. Приезжавший в 1928 в Александроневскую лавру бывший управляющий Петроградской епархией епископ Мануил (Лемешевский) передал сестру Варвару под духовное руководство старца Серафима Вырицкого, о котором она сберегла ценные свидетельства. Духовные наставления давал ей и епископ Мануил, с которым она переписывалась до ареста. 22 марта 1932 В.С.Враская-Котляревская была приговорена к 3 годам лагерей. Срок она отбывала в Свирьлаге, по инвалидности в августе 1933 была досрочно освобождена. Выйдя на свободу, она постриглась в монашество с именем Вероника. Ей удалось эмигрировать во Францию, где она и скончалась. В Сан-Франциско была издана ее книга «Воспоминания монахини».

См.: Старк Б., прот. По страницам Синодика // Российский архив. V. М., 1994. С.625; Блок А. Письма к жене // ЛН. Т.89. М., 1978. С.330; Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Л., 1982; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.20; РГИА. Ф.497. Оп.13. Ед.хр.219; ОР РНБ. Ф.773. Ед.хр.1067; Ф.585. Оп.1. Ед.хр.2573; информация М.Б.Вербловской.

Галахова Варвара Яковлевна (1 декабря 1868 -?). Дочь купца. Окончила Псковскую Марининскую женскую гимназию (1884) со званием домашней наставницы. 2 года проучилась на Высших женских (Бестужевских) курсах.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.21.

Ганенфельдт Ксения Михайловна (в монашестве *Сергия*; ?-1941). Окончила Константиновскую гимназию при Императорском женском институте (1914), где законоучителем был о.Павел Аникиев, оказавший на нее большое влияние. В 15 лет она побывала в Оптиной Пустыни, долгое время переписывалась со старцем Нектарием, получила благословение на пострижение в монашество. После начала Первой мировой войны поступила на курсы сестер милосердия при общине св. Георгия, а затем стала работать сестрой милосердия в лазарете Юридической академии, а с марта 1915 — в Николаевском военном госпитале. «Ксения весь досуг была в церкви. На дому она обучала церковному чтению. У больных дежурила по ночам. Ночей совсем не было. Она говорила мне как-то, — вспоминает ее подруга В.Берхман, — что для нее два часа сна — ”это уже

совсем хорошо“. По вечерам, свободным от службы, — переписка акафистов. По воскресеньям — ранние обеды в Лавре. Частое говение. Вечерами — чтение в церкви. После церкви — кому-нибудь в доме укол или банки, а то и вовсе бессонная ночь». В 1924 она тайно постриглась в Александро-Невской лавре в монашество с именем Сергия, но продолжала вести такой же образ жизни. Скончалась в Ленинграде.

См.: Берхман В. Ксения Ганенфельдт: Биографический очерк и мои личные воспоминания о 1922-1925 годах // Выбор. Литературно-философский журнал русской христианской культуры. 1990. №8. С.54-79; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.21.

Голубинский Александр Иванович (4 сентября 1887 -?). Уроженец с. Хомотья Волчанского уезда Харьковской губ. В 1903 окончил училище, оставлен как практикант для подготовки в учительскую семинарию. В 1914 переехал в Петроград, где окончил бухгалтерские курсы. «В последнее время, когда церковь вступила в полосу почти открытых гонений, — писал он в прошении о зачислении в институт, — я искренно болел всей душой, а с другой стороны утешала вера в рок Божий». Счетовод Государственного оптического завода. 2 октября 1923 подал прошение о зачислении в Богословско-пастырское училище. 22 июля 1929 приговорен к заключению в концлагерь на 5 лет.

См.: К биографии М.М.Бахтина. Указ. изд. С.128-141; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.21.

Грабовская-Александрова Вера Васильевна (13 сентября 1886 -?). Окончила Павловский институт в Петербурге (1904) и Петербургский женский медицинский институт (1913). Работала в факультетской терапевтической клинике, в 1914-1915 находилась в одном из фронтовых лазаретов, два года проработала и в лазарете в Зимнем дворце. С 1915 лаборант, а затем младший ассистент Женского медицинского института. Некоторое время работала коммунальным врачом Василеостровского района. Стояла членом студенческой коллегии ПБИ и участвовала в выработке положения о ней, одобренного общим собранием студентов и 2 мая 1922 утвержденного Советом института. Оказывала медицинскую помощь наставникам и слушателям института. После кончины ее мужа, И.П.Щербова, Вера Васильевна уехала в Муром, где в тайной монашеской общине приняла постриг. В 1955 приезжала в Ленинград.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.21.

Гревс Иван Михайлович (1860-1941) с 1922 профессор кафедры христианского обществоведения Петроградского Богословского института.

Гремячевский Михаил Иванович (16 января 1875 -?). Окончил Тульскую ДС (1896). В сане священника с 1897. Настоятель Предтеченской церкви Вятки. В 1914 поступил в Петроградскую ДА, которую окончил в 1918 со степенью кандидата богословия. С 1914 служил в Серафимовской церкви на ст. Песочная. Протоиерей. Служил в Петропавловской церкви при Петропавловской больнице. В 1922 уклонился в обновленчество. С 4 июля 1922 настоятель Матфеевской церкви в Петрограде с оставлением клириком церкви и духовником Петропавловской больницы. Уполномо-

ченный ВЦУ по Петрограду с 1922. С сентября 1922 до февраля 1926(?) — настоятель церкви Апостола Матфея в Ленинграде. С 18 ноября 1930 протопресвитер. В 1923-1931 член Ленинградского епархиального управления.

См.: ЦГИА СПб. Ф.277. Оп.2. Ед.хр.24.

Гренман Елена Александровна (28 февраля 1904 -?). Окончила гимназию. В своем прошении о зачислении в Петроградский Богословский институт она писала: «[В 1918] не зная, будут ли у нас занятия в VIII классе, я, по предложению одного из членов братского Совета при Воскресенском Новодевичьем монастыре, начала заниматься с детьми в образовавшемся при братстве детском союзе» (до роспуска детей осенью 1918). С октября 1918 работала в заводской конторе.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.21.

Григорьев Георгий Васильевич (12 августа 1882 -?). Окончил 10-ю классическую гимназию в Петербурге, после чего хотел поступить в Петербургскую Духовную академию, но без экзаменов не был принят и поступил на юридический факультет Петербургского университета. Одновременно служил в Государственном контроле и сотрудничал в различных газетах («Биржевые ведомости», «Руль», «Наша жизнь», «Слово», «Русская молва», «St. Petersburger Zeitung»), участвовал в христианском студенческом движении, был неофициальным редактором его органа «Студенческий листок». С 1907 начал отходить от православия. В 1918 вступил в петроградскую общину евангельских христиан баптистов, 3 ноября того же года был перекрещен по баптистскому обряду. Работал в редакции журнала «Источник из камня», был членом совета общины, разрезным благовестником от Всероссийского союза баптистов в пределах Петроградского района. Старший контролер, заведующий II отделением рабоче-крестьянской инспекции Мариинского управления водного транспорта. В конце 1919 возвратился в православие: «1920 [1919] дек. 21/3 янв. Благословляется присоединить Георгия Григорьева к Православной Церкви третьим чином. Господь да утвердит его своею благодатью навсегда остаться в лоне Православной Церкви и поможет ему последующей деятельностью на пользу и благо ее загладить вину своих отступлений от нее. Митроп. Вениамин». Окончил Петроградский Богословский институт (1923).

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.21.

Дамиан (Воронов Павел Сергеевич; 25 августа 1879 -?). Окончил церковно-приходскую школу и 2-классное училище. 28(29?) марта 1895 поступил в Валаамский монастырь. В 1900 послан на послушание в Выборг огородником в архиерейский дом, 16 сентября 1902 послушник, 28 апреля 1905 ukazной послушник Троице-Сергиевой пустыни, 7 мая 1906 перемещен в Троице-Сергиеву пустынь. 1 ноября 1909 пострижен в монашество, 14 марта 1910 рукоположен во иеродиакона, 6 марта 1916 — во иеромонаха. Был законоучителем монастырской школы, надзирателем певчих братского хора. 16 ноября 1918 прикомандирован к Николо-Александровской Барградской церкви. В августе поступил на пастырско-благовест-

нические курсы, которыми руководил прот. Виталий Лебедев, затем перешел в Богословско-пастырское училище, которое окончил в 1922.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.21; ЦГА СПб. Ф.8952. Оп.1. Ед.хр.3. Л.4.

Дамрина Ирина Николаевна (1900-?). Окончила 2-ю Сумскую женскую гимназию. 23 октября 1923 подала прошение о зачислении в Богословско-пастырское училище. В марте 1929 арестована по делу кружка «Воскресение». Приговорена 22 июля 1929 к заключению в лагерь.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.22; ЦГА СПб. Ф.8952. Оп.1. Ед.хр.6. Л.6.

Дмитриков Иван Дмитриевич (22 января 1897 — 24 сентября 1937). Окончил Тамбовскую учительскую семинарию (1915; золотая медаль) и 3 курса психоневрологического института. С 1915 в Петрограде. В своем прошении о зачислении в Петроградский Богословский институт писал: «Еще в 1917 г. поступать в Духовную Академию меня благословил протоиерей о.Егор Чикряковский, про которого писал С.Нилус в своих сочинениях "Великое в малом" и "На берегу Божьей реки". О.Егора Чикряковского я сам хорошо знаю, так как он являлся моим руководителем еще с детства. Писали мне об Академии также Оптинский старец Анатолий и высокий по духовной жизни иеромонах Пимен из Тихоновской пустыни, Калужской губ.

/.../ Свою работу я начал в братстве Сампсониевского собора Выборгской стороны, где вел беседы религиозно-нравственного содержания. Позже я стал вести беседы также в Литейном отделении Александровского общества Трезвости (Спасская, 27), иллюстрируя их световыми картинками. Здесь я попутно преподавал и Богослужение Православной Церкви, работал под руководством В.Б.Шкловского.

В настоящее время я принимаю самое деятельное участие в приходской жизни Сампсониевского собора. Здесь я состою членом и секретарем Приходского Совета. Я очень люблю церковное пение и за ранней литургией в воскресные и праздничные дни управляю в Соборе народным хором. Кроме того, я веду беседы за богослужением в церкви Детской больницы (Б.Сампсониевский, 73).

/.../ Я все-таки решил поступить в Институт во что бы то ни стало. Потому что служение Богу и Церкви я считаю своим призванием и целью жизни».

С декабря 1918 учитель 17-го 4-классного городского училища, ставшего 24-й единой советской трудовой школой. Окончил Петроградский Богословский институт (1923), кандидат богословия (1923). Кандидат в члены Совета Высших Богословских курсов с 21 сентября 1925. Заведующий учебной частью артели «Штамтяжесть». Арестован 21 августа, осужден 20 сентября 1937 и расстрелян.

См.: Ленинградский мартиролог 1937-1938. Т.1. СПб., 1995. С.205; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.22; ЦГА СПб. Ф.7405. Оп.1. Ед.хр.562.

Досифей (Степанов Гавриил Григорьевич; 1883-?). Из крестьян с Ходяшева Лаишевского уезда Казанской губ. Окончил земскую начальную

школу и двухгодичные Казанские миссионерские курсы. В 1901 поступил на испытание в Белогорский монастырь Пермской епархии, 4 декабря 1905 пострижен в рясофор. С 1 января 1907 в Феодоровском Городецком монастыре Нижегородской епархии. 27 июня 1909 пострижен в монашество, 8 сентября 1910 рукоположен во иеродиакона, 27 июля 1914 — во иеромонаха. С 25 августа 1917 заведующий Феодоровским подворьем в Петрограде. С 19 марта (возведен 27 марта) 1919 архимандрит. В 1926 уклонился в обновленчество; 8 апреля назначен и 10 апреля 1927 рукоположен во епископа Козловского, викария Тамбовской епархии. С 1928 епископ Тихвинский, викарий Череповецкой епархии, с 1929 — Гомельский и Речицкий, с 1931 — архиепископ. В 1933 принес покаяние и принят в общение с Московской Патриархией в сане архимандрита. Репрессирован.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.22.

Дубова Мария Павловна (1882 — не ранее 1927). Родилась в семье крестьянина Петергофского уезда. Сельская учительница. В Петроградский Богословский институт поступила вольнослушательницей (из-за частых отлучек «из Петрограда в уезд в роли инструктора по кооперации»). 7 октября 1921 подала заявление о приеме в число слушательниц общественно-педагогического отделения Петроградского университета, причем указала в нем, что является студенткой II курса Богословского института. Окончила Петроградский Богословский институт (1923). В 1927 участвовала в обновленческом съезде.

См.: Чуков Н., прот. Один год моей жизни. Указ. изд. (ук. имен); ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.22; ЦГА. Ф.7240. Оп.5. Ед.хр.1349.

Дукельская Ирина Николаевна (22 июля 1898-?). Родилась в лютеранской семье. 26 сентября 1909 была принята в православие в Косьмодамиановской церкви Саперного батальона в Петербурге. Окончила гимназию Таганцевой (1916, с золотой медалью). Поступила на историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов, но в 1919 перестала посещать занятия. С 1919 работала в Гидрологическом институте Ленинграда, где была библиографом. В 1923 поступила в Богословско-пастырское училище. 22 июля 1929 приговорена к высылке в Северный край на 3 года.

См.: К биографии М.М.Бахтина. Указ. изд. С.128-141; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.22; ЦГА СПб. Ф.8952. Оп.1. Ед.хр.6. Л.6.

Емельянов Андрей Гаврилович (ок.1886-?). Сын крестьянина Гдовского уезда. Окончил Скамейское второклассное училище (1905) и Гатчинскую учительскую семинарию (1908). 2 года был учителем в Старопольском 2-классном училище Гдовского уезда. Окончил Псковский учительский институт (1913). Учитель Пинежского высшего начального училища Архангельской губернии. 21 августа 1915 был мобилизован и отправлен в Петроград, где окончил Владимирское военное училище, после чего отправлен на фронт. Служил на Западной Двине, в Двинске, Юрьеве, Гарнополе. В Двинске окончил офицерские курсы, в течение 2 лет и 4 месяцев заведовал дивизионным складом. С 11 января 1918 заведующий Крапивенским высшим начальным училищем. 20 июля 1919 был мобилизован

белыми (служил 3 недели), вернулся 22 марта 1920. 18 июня 1920 за службу у белых осужден на принудительные работы до окончания гражданской войны. Подал прошение в Богословский институт, находясь в I Петроградском лагере принудительных работ. 7 октября 1922 в письме И.П.Щербову из деревни Анашкино (п/о Маслогостицы) сообщил, что у него нет средств для продолжения образования.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.23.

Епифаний (Акулов Игорь Александрович; 13 апреля 1899 [1897 — Мартиролог] — 27 августа 1937). Окончил 2-е петроградское ремесленное училище (1917). Служил в Красной Армии, открыл мелочную лавочку, но «дело не пошло». «Еще в 1916 г., будучи учеником 5 класса, я решил принять монашество». В 1918 служил на Николаевской железной дороге. 2 июля 1921 пострижен в монашество, рукоположен в сан иеромонаха. После знакомства с экзархом Леонидом Федоровым побывал в русской католической церкви на Бармалеевой улице в Петрограде, летом 1922 перешел в католичество. Исключен из Богословского института 15 августа 1922 «за переход в унию». О.Леонид Федоров писал о нем митрополиту Андрею Шептицкому: «Попал он к нам в самый разгар борьбы за Церковь, но не испугался и не отступил. Протестантство и рационализм его не коснулись. Служит он прекрасно, недурно проповедует и вполне разделяет наши идеи: восточник чистой воды. Его старушка мать тоже приняла католичество». Служил также в костеле св. Бонифация. Арестован 29 ноября 1923, 19 мая 1924 приговорен к 5 годам заключения. Срок отбывал в Александровском изоляторе под Иркутском. В 1927 отправлен в ссылку в Назимовский район Сибири. В 1931 досрочно освобожден. Вернулся в Ленинград, служил в загородном костеле. 26 июля 1937 вновь арестован, 25 августа приговорен к высшей мере наказания.

См.: Василий ЧСВ, диакон. Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. Львів, 1993. С.510-511, 704; Ленинградский мартиролог. 1937-1938. Т.1. СПб., 1995. С.65-66; Осипова И.И. «В язвах своих сокрой меня...» М., 1996. С.146; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.18.

Жарков Петр Иванович (24 июня 1891 -?). Окончил Рязанскую ДС (1912). С 1912 священник церкви с. Старая Рязань Спасского уезда Рязанской губ. С 1922 служил в Воскресенской церкви Варшавского вокзала, затем в Екатерининской церкви, Николо-Богоявленском соборе. 11 октября 1923 подал прошение о зачислении в Богословско-пастырское училище. Арестован 1 апреля 1929 по делу кружка «Воскресение» и 22 июля 1929 приговорен к 5 годам лагерей. Освобожден в конце 1930-х. С 1942 служил в храмах Любани, Саблино, Ушаков. 4 ноября 1944 был арестован в Пскове и 15 декабря приговорен к 10 годам лагерей. Освобожден 4 марта 1955.

См.: Чельцов М.П., прот. В чем причина нашей церковной разрухи в 1920-1930 гг. Указ. изд.; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.23; ЦГА СПб. Ф.8952. Оп.1. Ед.хр.6. Л.5; Информация М.В.Шкаровского.

Жижиленко Любовь Ивановна. Жена профессора Петроградского университета А.А.Жижиленко, специалиста по уголовному праву, защит-

ника на процессе 1922 года по делу об изъятии церковных ценностей. Арестована в марте 1929 по делу кружка «Воскресение».

См.: Чуков Н., прот. Один год моей жизни. Указ. изд. С.543; Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. London, 1990. С.400.

Зарин Сергей Михайлович (3 октября 1875 — 20 сентября 1935). Окончил Тамбовскую ДС (1895) и Санкт-Петербургскую ДА (1899). С 16 августа 1899 по 15 августа 1900 профессорский стипендиат по кафедре нравственного богословия. С 23-26 октября 1900 учитель русского и церковно-славянского языков в I штатном, а с 17 марта 1902 во всех штатных классах Александро-Невского духовного училища. С 23 октября 1900 одновременно преподаватель Исидоровского епархиального женского училища. 4 апреля 1907 магистр богословия. С 17 октября 1909 доцент, с 11 июня 1910 экстраординарный профессор кафедры пастырского богословия, с 30 сентября 1910 перемещен на первую кафедру Нового Завета Санкт-Петербургской ДА. С 22 ноября 1910 инспектор, с 1 октября 1917 проректор, с 10 июля и.о. ректора Петроградской ДА. С 22 марта 1921 профессор кафедры нравственного богословия с агиологией в Петроградском Богословском институте. Уклонился в обновленчество. Профессор Московской Богословской академии. С 18 мая 1925 доктор богословия (по совокупности трудов). Член президиума, секретарь и заведующий юридическим отделом обновленческого Священного Синода. С 30 декабря 1924 член учебного комитета. Секретарь первоиерарха.

Жена С.М.Зарина (с 1901) — *Лидия Александровна* (1880-?) окончила Коломенскую гимназию и Консерваторию по классу фортепиано. С 1902 преподавательница музыки Исидоровского епархиального женского училища. В 1915 окончила Фребелевские курсы. С 1918 руководительница детского сада, потом конторская служащая. Посещала Вольфилу. Была слушательницей Петроградского Богословского института.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.23.

Зиновьев Александр Васильевич (1870-?). Окончил I классическую гимназию в Петербурге (1890) и восточный факультет Петербургского университета по арабско-персидско-турецкому разряду (1894). В службе с 22 февраля 1895 в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий. Затем был причислен к Министерству внутренних дел. К 1917 году коллежский советник. 18 апреля 1910 награжден орденом св. Владимира 4-й ст. В начале 1920-х — на службе в Петроградском горфинотделе.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.23.

Зубков Роман Андреевич (19 ноября 1869 -?). Окончил уездное училище и вечерние курсы при Морском техническом училище. В службе с 18 апреля 1899. Заведующий мастерскими Петроградского военного порта. В Петроградский Богословский институт рекомендацию дал прот. Н.Чепурин. В 1921 св. митрополитом Вениамином посвящен в стихарь.

См.: Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Исправлено по 11 апреля 1916 года. Пг., 1916. С.988; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.23.

Иванов Александр Александрович (8 апреля 1880-?). Окончил Санкт-Петербургскую земскую учительскую школу (1900). Учитель в Новоладожском уезде, затем был учителем Никольской женской воскресной школы (5 лет), Василеостровской воскресной школы (9 лет). В 1914 мобилизован, служил писарем. Познакомился со священником 311-го Кременецкого полка Митрофаном Ястремским. Окончил одногодичные пастырско-богословские курсы при Знаменской церкви и двухгодичные богословские курсы при православной Эстонской церкви. С 15 декабря 1919 псаломщик Богоявленской Гутуевской церкви. Член приходского совета и заведующий приходской библиотекой. 2 октября 1923 подал прошение о зачислении в Богословско-пастырское училище.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.24.

Иванова-Смоленская Мария Александровна (урожд. *Шпилева*; 2 декабря 1862 -?). Окончила гимназию кн. Оболенской и историко-филологическое отделение Высших женских курсов (1884). С 1905 учительница русского языка и истории гимназии О.Д.Персияниновой, с 23 сентября 1910 учительница истории и арифметики женской гимназии А.П.Никифоровой (впоследствии 42-й трудовой школы Смольнинского района). Посещала доклады и лекции на религиозно-философские темы в различных кружках, в религиозно-философских обществах, при Обществе распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. В 1923 поступила в Богословско-пастырское училище.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.24; ЦГА СПб. Ф.8952. Оп.1. Ед.хр.6. Л.7об.

Иларион (Бельский Иван Иванович; 20 марта 1893 -1937). Окончил Олонецкую ДС (1918). Будучи воспитанником 6-го класса, был допущен к и. о. надзирателя (13 декабря 1917), делопроизводителя (9 мая 1918) и эконома (18 апреля 1918) Петрозаводского духовного училища. После закрытия духовного училища поступил в Александро-Невскую лавру, 25 июля 1919 пострижен в монашество, 26 июля 1919 рукоположен во иеродиакона, 26 декабря 1920 — во иеромонаха. С 5 января 1920 и. о., а с 8 июля 1921 правитель дел Духовного собора Лавры. 22 февраля 1920 избран членом приходского совета и помощником секретаря, с 31 октября секретарь совета. С 13 июля 1919 обучал детей Закону Божию в Александро-Невской лавре и в Феодоровском подворье. 30 октября 1922 подал прошение об увольнении за штат, на него наместник Лавры архимандрит Иоасаф (Журманов) наложил резолюцию: «Просьбу отклонить. Отчислить из числа братии Лавры и обратиться с ходатайством в ПЕУ о препровождении его в один из монастырей Петроградской епархии». 8 декабря 1922 переведен в Черемнецкий монастырь, постановлено епископу Лужскому Артемию (Ильинскому) иметь за ним наблюдение. 14 октября 1924 хиротонисан во епископа Каргопольского. 19 октября 1924 прот. Н.Чуков записал в своем дневнике: «Сейчас заходил ко мне новопоставленный еп[ископ] Иларион (Бельский), назначенный в Каргополь. Посвящен в Покров, 1 октября, в Москве, в Покровском монастыре. Я сказал ему, что радуюсь, считаю, что рано получил он сан. Но, раз воля Божия совершилась, надо ему чистотою жизни заслужить должное к себе отношение. Spra-

шивал он у меня разных советов, как приехать, куда явиться, как начать дело и т.п. Советовал ему возможно скромнее себя держать, приехать тихо, зарегистрироваться, побывать и познакомиться с председателем исполкома, ГПУ, предъявить назначение, попросить указаний; причислиться к церкви; не назначая особой встречи, в субботний день начать служение со всеошной с обычным словом и т.д.». С 1926 епископ Поречский, управляющий Смоленской епархией. Уклонился в иосифлянство, репрессирован.

См.: Чуков Н., прот. Один год моей жизни... Указ. изд. (ук. имен); ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.24; РГИА. Ф.815. Оп.14. Ед.хр.114. Л.17; Ф.815. Оп.14. Ед.хр.44. Л.26.

Ильин Александр Иванович (23 августа 1895 — 14 января 1971). Окончил Петербургское Андреевское 4-классное городское училище и Петроградскую ДС (1915). В 1915-1916 студент Петроградской ДА, затем призван на военную службу. 12 марта 1922 рукоположен во диакона к Скорбященской церкви Петрограда, 18 сентября 1922 — во священника к Пятницкой церкви Торжка, в которой служил до 27 августа 1936. В 1936-1942 в заключении, в 1942-1944 бухгалтер Севжелдорлага, с 18 мая 1944 по 22 августа 1946 эконом в г. Аркадак Саратовской области. С 4 августа 1946 настоятель церкви г. Аркадака, с 1 марта 1949 настоятель Казанского собора Луги, с 11 января 1954 настоятель кафедрального собора в Новгороде, с 1 декабря 1966 за штатом. Заочно окончил Ленинградскую Духовную академию (1957). 12 марта рукоположен во диакона.

См.: Мелитон, архиепископ (Некролог) // Журнал Московской Патриархии. 1981. №1. С.21; Прихожанин. Памяти прот. Александра Ильина // Надежда (Франкфурт-на-Майне). [1981]. Вып.6. С.83-89; Малинин А., протоиерей. Протоиерей Александр Ильин (1895-1971) // София (Новгород). 1994. №4. С.6; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.24; Государственный архив Новгородской области. Ф.Р-4110. Оп.4. Ед.хр.59.

Карабинов Иван Алексеевич (15/16? октября 1878-?). Окончил Владимирскую ДС (1899), Санкт-Петербургскую ДА (1903) и Археологический институт (1903). С 16 августа 1903 по 15 августа 1904 профессорский стипендиат Санкт-Петербургской духовной академии. Командирован для занятий в Константинопольский Археологический институт. С 10 октября 1905 и.о. доцента, с 28 августа 1910 доцент, с 7 февраля 1911 экстраординарный профессор кафедры литургии Санкт-Петербургской ДА. С 8 июля 1910 магистр богословия. Член Предсоборного Совета (1917) и Поместного Собора 1917-1918. С 24 августа 1920 профессор кафедры литургии в Петроградском Богословском институте. Работал в Глав-архиве, Академии материальной культуры. Научный архивист Балтийского судостроительного завода. В 1918 на Высших Богословских курсах составил отзыв на магистерскую работу прот. В.Рыбакова и отзыв на кандидатское сочинение Н.Д.Успенского.

См.: Карабинова О.И. Жизнь И.А.Карабинова. Пярну, 1977. (Машинопись в библиотеке Санкт-Петербургской ДА. Дело академиков).

Карсавин Лев Платонович (1 декабря 1882 — 12 июля 1952). С 13 октября 1919 по 13 февраля 1920 член Комиссии духовно-учебных заведений

Петроградской епархии. С 1921 преподавал религиозную метафизику (вместе с Н.О.Лосским). 18 июля 1922 избран временно и.о. ректора Богословского института, в августе того же года арестован, а затем выслан из России.

См.: Бовкало А. Новое о Карсавине. Указ. изд.

Кирикова Анна Федотовна (1872-?). Окончила физико-математическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов (1912). В 1912-1922 преподавала математику в 14-м городском 4-классном училище (в дальнейшем 21-й советской школе), затем зав. 5-й советской школы II ступени.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.24; ЦГА СПб. Ф.2925. Оп.1. Ед.хр.1904.

Кирилович Дмитрий Феофанович (15 ноября 1903 -?). Сын священника Гомельского уезда. Два с половиной года проучился в Витебском духовном училище, откуда по настоянию родных перешел в Быховскую императора Николая II гимназию, в которой окончил 6 классов. На родине исполнял обязанности чтеца. Поступил на медицинский факультет 1-го Петроградского университета.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.24.

Клементьева Елена Николаевна (9 декабря 1900 -?). Окончила Ксенинский институт.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.25.

Ковалев Сергей Иванович (20 июля 1897-?). Окончил Коммерческое училище С.А.Холмогоровой (1917), после чего поступил на экономическое отделение Политехнического института (отчислен 26 октября 1919). В 1918-1919 Богословско-пастырское училище. Мобилизован. Окончил Петроградский Богословский институт (1923).

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.25; ЦГА СПб. Ф.3121. Оп.2. Ед.хр.2064.

Козлов Василий Михайлович. Дьякон Троицкой общины сестер милосердия (22 августа 1902 назначался в Лосицкую церковь Гдовского уезда). Дьякон Крестовой церкви митрополита Вениамина. После ее перехода в ведение Лавры 20 июля 1922 подал прошение о зачислении в штат и оставлении в должности дьякона при Крестовой церкви, но в этом ему было отказано. Уклонился в обновленчество. Протодьякон Спасо-Успенского собора. В марте 1935 выслан из Ленинграда.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.25; РГИА. Ф.815. Оп.14. Ед.хр.114. Л.50; информация М.В.Шкаровского.

Козырев Иван Федорович (1894-?). Окончил Петроградский Богословский институт (1923).

Копреева Наталия Николаевна (14 марта 1900 -?). Окончила гимназию принцессы Ольденбургской (1918), в 1918 поступила в Первый Педагогический институт. Одновременно работала учительницей в школе первой ступени на Охте. Вскоре после Пасхи 1920 вступила в Александро-Невское

братство. Училась в Богословско-пастырском училище. Окончила Петроградский Богословский институт (1923).

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.26.

Коптев Михаил Андреевич (1882-?). Родился в С.-Петербурге. Среднее образование. Техник Адмиралтейской судостроительной артели. Окончил Петроградский Богословский институт (1923). Проживал в Ленинграде. В 1929 секретарь архиепископа Димитрия (Любимова). Арестован 28 ноября 1929. Приговорен 3 августа 1930 к 10 годам лагерей. Срок отбывал на Соловках.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.26; информация М.В.Шкаровского.

Корсакова Юлиана (Юлия) Ивановна (22 декабря 1887 -?). Лекарская помощница. Фельдшер-акушерка Муринского лазарета (ок. 1914). В 1918 поступила на историко-филологический факультет Петроградского университета.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.26; ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.2. Ед.хр.1803.

Костецкая Елена Осиповна (22 января 1890 -?). Окончила Николаевский сиротский институт (1909) и словесно-историческое отделение Женского педагогического института (1914), была оставлена при кафедре русской истории и сдала экзамены при Петроградском университете. В 1913 была командирована в Париж на курсы «Alliance Française», которые окончила с медалью. С сентября 1914 по сентябрь 1920 преподавала новые языки в мужском коммерческом училище Мазинга (11-й советской школе Петроградского района). В 1919-1922 штатный ассистент исторического кабинета Первого Педагогического института. В 1921-1922 вела семинарий по источниковедению в средней школе и состояла лектором французского языка. При слиянии Первого Педагогического института с Педвузом им. А.И.Герцена летом 1922 выбыла за недостатком поручений. С лета 1922 до 1 сентября 1924 преподавательница истории и французского языка и литературы 2-й (впоследствии 15-й) советской школы (б. Тенишевского училища). В ноябре 1922 была приглашена в Педвуз им. Герцена на должность сверхштатного ассистента при Институте народного образования. Преподаватель истории Первого Педагогического института, ассистент кафедр новых языков. С 1926 также научный сотрудник Государственной академии истории материальной культуры. Секретарь Св. Успенского братства при церкви Св. Захарии и Елизаветы.

Соч. (совместно с Л.М.Быковой-Хлоповской): *A l'œuvre! Рабочая книга по французскому языку. Для пятого года обучения.* М.; Л., 1929; совместно с В.И.Кардашевским — *Грамматика французского языка.* Л., 1940 (2-е просмтр. и доп. издание вышло в 1948; 3-е переработ. и доп. издание вышло в 1954; последующие издания стереотипные).

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.26; ЦГА СПб. Ф.4331. Оп.1. Ед.хр.2670; Ф.2811. Оп.1. Ед.хр.173; ОР РНБ. Ф.585. Оп.1. Ед.хр.3236 (письмо С.Ф.Платонову), 2309.

Костецкая Ольга Осиповна (5 ноября 1893 -?). Окончила словесное отделение Женского педагогического института (1918) и сдала экзамены при Петроградском университете, в 1919 поступила на философское отделение факультета общественных наук Петроградского университета. Училась в Богословском институте. Член братства Александровской лавры. Арестовывалась в 1922. В 1922 организовала монашескую общину, оставаясь в миру, была в ней старшей сестрой. 22 марта 1932 была приговорена к 5 годам высылки в Караганду.

См.: Варлаам (Сацердотский), архимандрит. Письма из заточения... Указ. изд. (ук. имен.); ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.26; ЦГА СПб. Ф.7405. Оп.3. Ед.хр.57.

Круглов Алексей Михайлович (1886-?). Окончил Учительский институт. Контролер Госконтроля. Окончил Петербургский Богословский институт (1923).

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.26.

Крючков Дмитрий Александрович (14 апреля 1887 — 18 января 1938) — поэт, критик. 10 июля 1918 избран членом Петроградского епархиального миссионерского совета.

См.: Бовкало А.А. Д.А.Крючков и Петроградский Богословский институт // Русская литература. 1997. №1. С.182-185; ЦГА СПб. Ф.1001. Оп.9. Ед.хр.47. Л.15-15об.

Кудрицкая Анна Ивановна (11 августа 1888 -?). Окончила Петровскую гимназию в Петербурге (1906). Поступила на Высшие женские (Бестужевские) курсы, но потом перешла в Женский медицинский институт, который окончила в 1913. 2 года работала земским врачом в с. Солыцы Новолодожского уезда. Ассистент госпиталя терапевтической клиники Государственного института медицинских знаний, работала также в Обуховской и Святотроицкой больницах. Лектор объяснительной выставки Музея здравоохранения. В 1923 поступила в Богословско-пастырское училище.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.26; ЦГА СПб. Ф.8952. Оп.1. Ед.хр.6. Л.6об.

Кузьмина-Караваева Анна Дмитриевна (24 января 1889-?). Выдержала испытание на звание домашней учительницы (1906). В 1930-е была выслана из Ленинграда. Впоследствии жила в Муроме. Ее мать, Анна Александровна (урожд. Жандр; 1866 — 7 декабря 1922) была представительницей от Сергиевского собора на общем собрании уполномоченных приходов от Петрограда и епархии 13 октября 1919.

См.: Чуков Н., прот. Один год моей жизни... Указ. изд.; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.26.

Лазаревич-Шепелевич Анна Алексеевна (1874-?). Окончила 7 классов училища св. Анны, 4-годичные фельдшерские курсы в Петрограде. Лекарская помощница. Окончила Петроградский Богословский институт (1923).

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.27.

Лайзан Леонтий Романович (8 августа 1899-?). В 1921-1922 прослушал «курс богословских курсов для мирян при храме Андрея Критского» (при Фабрике заготовления государственных бумаг). Служил в 65-й почтовой конторе, студент Технологического института. В 1923 поступил в Богословско-пастырское училище.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.27; ЦГА СПб. Ф.8952. Оп.1. Ед.хр.6. Л.4.

Ларионов Сергей Дмитриевич (22 августа 1898 -?). Окончил 2-е реальное училище в Петрограде (1915) и дополнительный класс при нем (1916). В 1916 поступил в Военно-медицинскую академию, в которой учился до 1920. В 1920 перешел в Консерваторию (по классу скрипки). Служил лекарским помощником в 3-м стрелковом полку Петроградской бригады.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.27.

Лепорский Петр Иванович (22 августа 1871 — август 1923). Окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию (1895), с 16 августа 1895 по 15 августа 1896 профессорский стипендиат, с 4 октября 1896 и.о. доцента, с 26 июня 1901 магистр богословия и доцент, с 16 января 1905 экстраординарный профессор. Одновременно 6 сентября 1907 определен настоятелем храма Воскресения Христова (Спас на крови) и 16 сентября рукоположен во священника, с 14 октября 1907 — протоиерей. С 1 сентября 1911 одновременно законоучитель Историко-филологического института. Главный священник армии Румынского фронта. Член Поместного Собора 1917-1918 от военного и морского духовенства. С 23 ноября 1921 преподавал сравнительное богословие в Петроградском Богословском институте. Одновременно работал архивистом в Главархиве (2 отд. IV секция).

См.: Черепенина Н.Ю., Шкаровский М.В. Справочник по истории православных монастырей и соборов г. Санкт-Петербурга 1917-1945 г. СПб., 1996. С.74.

Либенсон Мария Васильевна (урожд. Стефанова; 10 августа 1878 -?). Окончила Новозыбковскую гимназию (Черниговская губ.) и физико-математическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов в Санкт-Петербурге (1908). Родилась в лютеранской семье, принята в общение с Православной Церковью (справка от 28 июля 1919, подписанная настоятелем церкви Св. Мефодия в Петрограде протоиереем Петром Кремлевским). Один год жила в Киеве, где занималась на Высших женских Богословских курсах. В 1923 поступила в Богословско-пастырское училище.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.33; ЦГА СПб. Ф.8952. Оп.1. Ед.хр.6. Л.7.

Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский Владимир Константинович (26 мая 1885 — 26 декабря 1937). Окончил гимназию Человеколюбивого общества, юридический факультет С.-Петербургского университета (1910) и Археологический институт (1912). С 1910 служил во 2-м департаменте Сената. Во время Первой мировой войны добровольно работал также помощником уполномоченного Красного Креста по приему раненых на Витебском вокзале. В 1923 окончил Петроградский Богословский институт.

18 ноября 1920 подал прошение о рукоположении в священника и 14 декабря назначен к рукоположению с причислением к бывшей университетской церкви св. Петра и Павла. Затем служил в университетской церкви Всех святых, в земле Российской просиявших. До 1922 работал также статистиком на Московско-Рыбинской железной дороге. В 1924 (освобожден 17 мая) и 15 февраля 1925 — арестовывался «по делу лицейстов». 8 июля 1925 был отправлен в Соловецкий лагерь. В сентябре 1928 заключение в лагере было заменено ссылкой в Сибирь, которую он отбывал в деревне Пьяново в 30 км от Братска. С 1934 служил в церкви Успения на Волотовом поле, а с 1935 — в церкви Михаила Архангела в Новгороде. 13 мая 1936 вновь был арестован, но помещен в городскую психиатрическую больницу. 8 декабря 1937 снова арестован и расстрелян.

«Бодрый и необыкновенно сильный духом, он живет, как подвижник, святой Божий человек, забывая о себе и своей плоти исключительно для ближнего своего и для любви к страждущим. Нельзя не удивляться и не преклоняться перед такой необычной силой духа при совершенно истощенном и слабом организме» (Семья Лозина-Лозинских. Рукопись / Записано В.Б.Сюферлен, уржд. Веселовской. Переписано ее сыном М.А.Орбек в марте 1967 в Париже. Париж, 1933. С.64. Предоставлено баронессой С.Ю.Майдель).

См.: Лозина-Лозинский В., протоиерей. Из Соловецких тетрадей / Вступ. ст. и подг. текстов Ф.О.Стукалова // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып.1. М., 1995. С.188-199; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.27, 79.

Макарий (Звездов-Макаров Матвей Дмитриевич; 5 августа 1884 — 23 октября 1937). Окончил Вышневолоцкое высшее начальное училище (1903). Экстерном сдал экзамены за курс гимназии при Мариампольской Виленской гимназии (1907). С 21 марта 1911 в Троице-Сергиевой пустыни, с 21 декабря 1912 послушник в ней. 14 февраля 1914 пострижен в монашество, 14 июня 1915 рукоположен во иеродиакона, 6 марта 1916 — во иеромонаха. Был председателем студенческой коллегии и членом совета (от студентов), с 1 февраля 1921 казначей Богословского института. В 1923 окончил институт, 11 декабря 1923 Патриархом Тихоном был утвержден в степени кандидата богословия (за сочинение «Толкование Евангелия у Л.Н.Толстого пред судом Православного вселенского предания и Православной богословской науки»). С 20 сентября 1923 завхоз Богословско-пастырского училища. В 1926 хиротонисан во епископа Белокопытского (?), с 29 мая 1926 епископ Великолукский и Торопецкий, с 15 сентября 1927 — Муромский, возведен в сан архиепископа, с февраля 1933 архиепископ Ирбитский, с 8 марта 1933 — Свердловский, с 16 мая 1934 — Кировский, с 24 июня 1934 — Свердловский (управлял до 3 июля 1935). В 1935 был сослан в Коми-Пермяцкий национальный округ; 14 сентября 1937 снова арестован и расстрелян.

См.: Чуков Н., прот. Один год моей жизни. Указ. изд. С.521-618; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.27; ЦГА СПб. Ф.8952. Оп.1. Ед.хр.3. Л.12.

Мануил (Лемешевский [Лемишевский] Виктор Викторович; 18 апреля 1884 — 12 августа 1968). Родился в Луге. Окончил Николаевскую гимназию в Либаве (1903), учился на юридическом факультете Петербургского университета (1903-1910). С 29 апреля 1910 послушник Николо-Стоппенской пустыни Тверской епархии, 2 июня 1911 пострижен в монашество, 11 декабря 1911 рукоположен во иеродиакона, а 16 сентября 1912 — во иеромонаха. 8 июня 1912 назначен в Киргизскую духовную миссию, с 31 августа 1912 и.д. помощника ее начальника (утвержден 14 июля 1914). 1 сентября 1916 отчислен из миссии. В 1916 поступил в Петроградскую Духовную академию, в которой с 1 октября 1917 был помощником библиотекаря (нештатным). С 13 августа 1918 до января 1919 духовник Муромского монастыря Олонечкой епархии. 29 января 1919 снова был зачислен на юридический факультет Петроградского университета. С апреля 1919 настоятель домового церкви Александро-Невского общества трезвости. 15 августа 1919 назначен и.д. настоятеля Троице-Сергиевой пустыни. С 20 сентября 1919 настоятель Сергиевской церкви Литейного отделения Александро-Невского общества трезвости. В 1920-1923 преподаватель Священного Писания Ветхого Завета на Богословских пастырских благовестнических курсах. С августа 1923 настоятель Косьмодамиановской церкви в Петрограде. 15 сентября 1923 назначен епископом Лужским, викарием Петроградской епархии, 23 сентября состоялась хиротония. Арестован 2 февраля 1924 и сослан в Соловецкий лагерь. С 25 апреля 1928 епископ Серпуховской, викарий Московской епархии, с октября 1929 Серпуховской и Каширский. С 31 января 1930 на покое. Неоднократно арестовывался и находился в ссылках. С 14 февраля 1945 епископ Чкаловский, с июля 1945 — Чкаловский и Бузулукский, с 6 апреля 1946 архиепископ. 4 сентября 1948 арестован, отправлен в лагерь в Потьму (Мордовская АССР). С 21 декабря 1955 временно управлял Чебоксарской епархией, с 7-9 февраля 1956 архиепископ Чебоксарский и Чувашский, с 22 марта 1960 архиепископ Куйбышевский и Сызранский, с 25 февраля 1962 митрополит, с 25 ноября 1965 на покое. Магистр богословия.

См.: Иоанн, митрополит. Митрополит Мануил (Лемешевский): Биографический очерк. СПб., 1993.

Мартынова Мария Кирилловна (6 января 1876 -?). Окончила Св. Владимирскую женскую церковно-учительскую школу (1896) и 7-й специальный класс со званием домашней наставницы, была учительницей в ней же до 1918.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.28.

Матусова Лидия Ефимовна (13 ноября 1900 -?). Родилась в иудейской семье. Окончила гимназию М.С.Михельсона (1917), поступила на Государственные драматические курсы (класс Аполлонской). В апреле 1920 была крещена в Симеоновской церкви и стала членом братства при ней. В 1921 принята в Богословский институт, но не могла посещать занятия.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.28.

Метальников Петр Дмитриевич (7 июля 1897 -?). Окончил гимназию Гуревича в Петрограде (1915) и экономическое отделение 1-го Петроградского политехнического института.

Мироносицкий Порфирий Петрович (10 января 1867 — 1 марта 1933). Окончил Пензенскую ДС (1887) и Казанскую ДА (1891). С 1891 учитель начальной школы в Пензенской губ. С 29 мая 1894 магистр богословия. С 27 декабря 1894 причислен к канцелярии обер-прокурора Св. Синода сверх штата. С 1 января 1896 помощник редактора журнала «Народное образование». С 13-25 марта 1897 сверхштатный, с 14 января 1913 постоянный член училищного совета при Св. Синоде. Преподаватель Св.-Владимирской церковноучительской женской школы. Редактор газеты «Приходской листок» в 1914-1915 (совместно с М.А.Остроумовым). С 14 мая 1918 по ноябрь 1919 работал в Театральном отделе Наркомпроса. 2 января 1920 утвержден преподавателем церковного пения, с 27 июля 1920 — профессор гимнологии и церковнославянского языка Петроградского Богословского института. Преподавал церковное пение и церковнославянский язык на Богословских курсах II благочиннического округа. С 28 апреля 1922 классы пения на богословских курсах для взрослых при церкви Экспедиции заготовления государственных бумаг. С 1925 на Высших богословских курсах преподавал греческий и церковнославянский языки и церковное пение. Ок. 1933 преподаватель русского языка Ленинградского политехникума путей сообщения.

Написал гимн «Церковь».

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.72. Л.9.

Митроцкий Михаил Владимирович (11 августа 1883 -1931?). Окончил Холмскую ДС (1904) и Киевскую ДА (1908). С 1908 законоучитель Острожской мужской гимназии и епархиальный миссионер Киевской епархии. С 21 января 1912 второй священник Николаевской церкви м. Медвин Каневского уезда Киевской губ., с оставлением в должности епархиального миссионера. Член IV Государственной думы (1912-1917) от Киевской губернии. Во время Первой мировой войны был священником лазарета Государственной думы на фронте. Член Духовного правления в Галиции ок.1915. С 1 января 1918 священник, затем протоиерей Крестовоздвиженской (Николо-Труниловской) церкви в Петрограде. Преподавал на Богословских курсах при Введенской церкви на Петроградской стороне. С 19 апреля 1921 ассистент кафедры сравнительного богословия, с 23 ноября 1921 преподаватель кафедры церковного проповедничества Петроградского Богословского института. Руководил миссионерским кружком. После закрытия Богословского института вместе с прот. П.Аникиевым руководил богословским кружком при Крестовоздвиженской церкви. В 1924-1925 читал догматическое богословие на богословских курсах центрального городского района, а с 1925 — на Высших Богословских курсах; представил работу на соискание степени магистра богословия. 31 декабря 1929 арестован по «делу Академии наук». Приговорен 10 мая 1931 к 10 годам лагерей.

См.: Чуков Н., прот. Один год моей жизни. Указ. изд.; Брачев В.С. «Дело историков» 1929-1931 гг. Указ. изд.; Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. Париж, 1947. С.265; РГИА. Ф.802. Оп.16. Ед.хр.527.

Михайлов Николай Михайлович. Окончил Лицей цесаревича Николая (1914), юридический факультет.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.29.

Назаров Борис Михайлович (8 апреля [в послужных списках, начиная с 1911; в более ранних и в печатных «Списках личного состава» месяцем рождения указан август] 1884 -?). Окончил реальное училище в Иваново-Вознесенске (1901), Морское инженерное училище Императора Николая I (1905) и Николаевскую морскую академию по механическому отделению (1910). 21 февраля 1905 произведен в подпоручики. Служил на Балтийском флоте. С 22 апреля 1907 поручик, с 29 марта 1909 штабс-капитан. 28 марта 1913 переименован в инженер-механика-лейтенанта, с 14 апреля 1913 инженер-механик-старший лейтенант, с 30 июня 1916 капитан II ранга. Был награжден орденами св. Станислава 3-й ст. (6 апреля 1914) и св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (21 марта 1916). С 8 февраля 1919 старший наблюдающий по ремонту подводных лодок отдела подводного плавания, с 18 ноября 1921 зачислен в резерв Черноморского флота. С 25 января 1922 помощник главного инженер-механика флота, с 28 апреля 1928 главный корабельный инженер флота. Приказом по флоту и Морскому ведомству 9 ноября 1922 восстановлен во всех правах с отменой существовавших для него ограничений по фильтрации 1921 года. С 22 апреля 1924 штатный преподаватель Военно-морского инженерного училища, приказом от 21 октября 1925 назначен на должность для особых поручений при Помнаморси РККФ по теххозчасти (в Москве). В Петроградском Богословском институте с 28 марта 1921 помощник библиотекаря. 23 марта 1929 арестован по делу кружка «Воскресение». 31 марта 1929 уволен от службы в РККА. 22 июля 1929 приговорен к 10 годам лагерей. Освобожден из Соловецкого лагеря особого назначения по зачетам в 1937. Жил в Хвалынске.

Жена его, *Елена Адамовна Заржецкая* (29 декабря 1884 -1929) также была слушательницей Петроградского Богословского института.

См.: Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Исправлено по 11 апреля 1916 года. Пг., 1916. С.544; Анциферов Н.П. Из дум о былом. Указ. изд. С.335, 336, 339, 490; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.29; РГА ВМФ. Ф.406. Оп.9. Ед.хр.2801; Ф.Р-2192. Оп.2. Ед.хр.4510.

Никитина Нина Александровна (15 августа 1903 -?). Окончила советскую трудовую школу 2-й ступени (б. гимназия Мушниковой) в Петрограде (1920), параллельно занималась на курсах по дошкольному воспитанию и в Институте физического образования им. П.Ф.Лесгафта. Зимой 1920 работала по ликвидации неграмотности в Красной Армии. В 1920 поступила на историческое отделение Петроградского университета, после третьего курса перевелась на географический факультет по специальности этнография, который и окончила в 1926. Будучи студенткой, была курсовым представителем, секретарем этнографического кружка. Одновременно окончила Богословский институт (1923). Активная участница Вознесенского братства. В 1925-1927 регистратор в отделе этнической

антропологии Российской академии истории материальной культуры. В 1926 была избрана младшим ассистентом при кафедре этнографии восточных славян, но в связи с сокращением штатов не была утверждена. Постепенно отошла от религии. Впоследствии работала в Историко-лингвистическом институте. С октября 1933 научный сотрудник Государственного музея социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Соч.: К вопросу о русских колдунах (оттиск из сборника Музея антропологии и этнографии. Т. VII. 1928. С. 299-325); Можно ли верить гадалкам и знахарям. [Л.,] 1930; Методическое письмо по организации антирелигиозной работы среди народов Севера. Под рук. проф. В. Т. Богораз-Тана. М., 1934.

См.: ЦГИА СПб. Ф. 2279. Оп. 1. Ед. хр. 30; ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 9. Ед. хр. 152; Чуков Н., прот. Один год моей жизни. Указ. изд. С. 521-618; Бовкало А. А. Высшее женское образование в России в 1910-1920-х годах. Указ. изд. С. 28-37.

Никифорова Аглаида Петровна (19 апреля 1874 -?). Окончила гимназию Таганцевой с золотой медалью. Занималась в рисовальной школе. Два года преподавала в учебном заведении О. Д. Персияниновой, с 1907 (утверждена 16 ноября 1909) начальница собственной гимназии (до 1918), затем член правления этой гимназии. С 1920 учительница 42-й трудовой школы.

См.: ЦГИА СПб. Ф. 2279. Оп. 1. Ед. хр. 30.

Новицкий Юрий Петрович (10 ноября 1882 — 13 августа 1922). Окончил юридический факультет Киевского университета св. Владимира (1908). С 1 июля 1914 приват-доцент кафедры истории русского уголовного права Киевского, с 21 сентября 1914 — Петроградского университета, с 1918 — профессор. С 1920 профессор Института дошкольного образования. Был также ученым секретарем Педагогического института социального воспитания при Психоневрологической академии. С 13 октября 1919 по 13 февраля 1920 — член Комиссии духовно-учебных заведений Петроградской епархии. С 23 января 1920 член правления, с 14 сентября 1921 — член президиума правления Богословского института. Председатель правления Общества православных приходов Петрограда и его губернии. Расстрелян вместе с митрополитом Вениамином. 31 октября 1990 реабилитирован. В апреле 1992 причислен к лику святых.

Мать его, *Пелагея Дмитриевна* (урожд. *Иванова*; 1864 — около 1930?) была слушательницей Петроградского Богословского института, с 7 февраля 1922 также помощником библиотекаря.

См.: Колосов Ю. Мертвые учат жить // Нева. 1992. № 10. С. 256-262.

Осинкин Григорий Петрович (1893-?). Окончил городское 4-классное училище, политехнические курсы. Служил в Петроградской конторе Всероссийского центрального совета потребителей. Окончил Петроградский Богословский институт (1923).

См.: ЦГИА СПб. Ф. 2279. Оп. 1. Ед. хр. 30.

Павлов Вячеслав Александрович (28 июня 1892 — 13 февраля 1963). Окончил реформатское училище в С.-Петербурге (1912) и естественное

отделение физико-математического факультета Петроградского университета (1918). Был оставлен при университете. С 1 октября 1919 на него было возложено временное и.о. преподавателя по кафедре зоологии позвоночных, с 1 ноября 1925 старший ассистент, с 1 сентября 1932 по 1 сентября 1935 доцент. Работал также во 2-м Медицинском институте, в 1932-1948 — в Педиатрическом институте (до 1935 — Научный практический институт охраны материнства и младенчества). С 10 января 1935 доктор биологических наук (по совокупности трудов) и профессор. Во время войны был в эвакуации (в 1943-1944 заведующий фельдшерско-акушерской школой в Ессентуках и заведующий кафедрой биологии Кисловодского медицинского института). С 1948 на пенсии.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.31; Архив Санкт-Петербургского университета. Ф.1. Оп.1. Ед.хр.2249; информация О.Ф.Тарасьева.

Пивоваров Виктор Павлович (11 января 1869 — не ранее 1934). Окончил VII гимназию в Петербурге и Военно-медицинскую академию (1895) и оставлен при академии для усовершенствования в науках на 3 года. В службе с 10 декабря 1895. В 1898 прикомандирован к бактериологической лаборатории при Военно-медицинском Уч Ком. С 1904 врач Александровского кадетского корпуса. В 1907-1911 ординатор Женского медицинского института. С 1911 старший врач Николаевской детской больницы ведомства Императрицы Марии; главный врач там же (ок. 1925). Ассистент кафедры детских болезней при Медицинском институте, одновременно старший врач Управления работ на Волхове. Делал доклады в обществе детских врачей (1909, 1911, 1933).

Опул. (совместно с Н.Я.Чистовичем): Морфология крови кролика во время внутриутробной жизни и в первые дни по рождении. СПб., 1900 (отд. оттиск из журнала «Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии»); (совместно с Г.Бурсук): К морфологии воспалительных процессов в роговице при заражении диплобациллами Фредлендера. [Б.м., 1929?].

См.: Маслов М.С., проф. Пятидесятилетие Ленинградского общества детских врачей. Л.; М., 1936; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.31.

Пищулин Владимир Федорович (6 июля 1889 — 10 февраля 1938). Окончил Витебскую гимназию. Поступил на юридический факультет Московского университета, перешел на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1914). Преподавал в гимназии. Лектор по психологии в народном университете. С 1917 жил в Витебске, где в течение нескольких месяцев был секретарем губернского комитетат кадетской партии. В 1918 вернулся в Петроград. Был членом Дома ученых, членом философского общества (27 февраля 1921). С 1920 священник церкви св. Захария и Елизаветы и настоятель церкви св. Николая на Моховой ул. в доме слепых. «Вл. Пищулин неоднократно выступал с публичными лекциями в Институте и сумел отвлеченные психологические вопросы изложить в интересной, живой и доступной форме». Так его, как человека с большими сведениями по психологии и с хороши-

ми научными дарованиями, рекомендовал проректор Санкт-Петербургского университета Н.И.Лазаревский. С 30 августа 1921 ассистент кафедры христианской педагогики Петроградского Богословского института. 26 сентября 1922 выслан из Петрограда в Оренбург. Уклонился в обновленчество. По возвращении в Ленинград 9 декабря 1924 пострижен в рясофор и возведен в сан архимандрита. 19 декабря 1924 назначен и 8 марта 1925 хиротонисан во епископа Охтенского. Участник обновленческого Поместного Собора 1925. Преподавал догматическое богословие в Ленинградском Богословском институте. В ноябре 1925 назначен епископом Псковским, но от назначения отказался и ушел на покой. 24 августа 1926 принес покаяние и принят в Русскую Православную Церковь в сане иеромонаха. Около 1928 выслан в Казахстан. С 1934 жил в Симферополе. С 1935 работал в библиотеке Симферопольского педагогического института. 5 июля 1937 арестован, 10 декабря приговорен к расстрелу. Причислен к лику местночтимых крымских святых.

См.: Запольский Е.И., прот. Письмо б. епископу Владимиру Пищулину // Вестник Священного Синода. 1926. №12-13; Доненко Н., прот. Претерпевшие до конца. Священнослужители Крымской епархии 30-х годов. Симферополь, 1997. С.41-47.

Померанцева Екатерина Васильевна (1894-?). Окончила 8 классов Демидовской женской гимназии.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.31.

Прилежаев Сергей Николаевич (2 января 1873 -?). Окончил классическое отделение Училища при Реформатской церкви. Студент неологического отделения института им. Герцена. Участвовал в качестве чтеца в богослужениях церкви на Стремянной улице.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.32.

Рубан Клавдия Филипповна (12 ноября 1900 -?). Окончила 1-ю советскую профессиональную школу Нарвского района (б. профессиональную гимназию) (1919). В 1919 поступила на физико-математический факультет Первого высшего педагогического института. Была слушательницей Богословских курсов при церкви Андрея Критского.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.32; ЦГА СПб. Ф.3976. Оп.1. Ед.хр.703.

Скородумов Алексей Михайлович (16 марта 1888 -1937). Учился в Вологодской ДС. Окончил Военно-медицинскую академию (1911). С 1912 ассистент Николаевской детской больницы в Петербурге, ординатор клиники проф. М.В.Яновского, с 1913 ассистент госпитальной терапевтической клиники Саратовского университета (помощник заведующего вакцинным отделением). 30 июня 1914 подал прошение о приеме в Петербургскую ДА, но после начала Первой мировой войны был призван на военную службу (старший врач 21-го пехотного Никольского полка). С февраля 1918 помощник заведующего вакцинным отделением Государственного института экспериментальной медицины, был также ординатором клиники Военно-медицинской академии. С 1918 — доктор медицины. Одновременно в июне — сентябре 1920 был школьным врачом и преподава-

телем природоведения и гигиены 5-й советской школы. С 1923 работал на медицинском факультете Иркутского государственного университета, выделившемся в 1930 в Иркутский медицинский институт. Одновременно в 1923-1934 являлся заведующим противочумным отделом Химико-бактериологического института, с 1934 директор созданного на его основе Иркутского противочумного института.

С 1906 был членом Христианского содружества учащейся молодежи, на собраниях которого прочитал 2 реферата («Идея Бога как основа христианской морали» (1907) и «Иван Карамазов как религиозный тип»; напечатан: Вологодские епархиальные ведомости. 1908. №3 и 4. Рецензия: Колокол. №534). 24 марта 1920 зачислен в Петроградский Богословский институт. В 1920 избран в члены студенческой коллегии. 5 сентября 1920 выступал с докладом «Человечество как единый организм». Тема курсового сочинения профессору Ф.К.Андрееву: «Нравственное значение догмата искупления». Ему же он намеревался писать и кандидатское сочинение на ту же тему. Репрессирован.

См.: А.М.Скородумов — ученый и организатор противочумного дела в Сибири (отчет) // Голубинский Е.П., Жовтый И.Ф., Лемешева Л.В. О чуме в Сибири. Иркутск, 1987. С.50-66; Сосуд избранный. Указ. изд. С.294; ЦГИА СПб. Ф.277. Оп.2. Ед.хр.56; Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.33; ЦГА СПб. Ф.2925. Оп.1. Ед.хр.1948; Информация заведующей библиотекой Иркутского государственного медицинского института Л.Г.Ракусовой и библиографа О.Л.Замашиковой.

Славинский Сергей Петрович (5 июня 1887 -?). Окончил Морской кадетский корпус (1906). С 20 апреля 1907 корабельный гардемарин, с 13 апреля 1908 мичман, с 6 декабря 1911 лейтенант. В 1913 окончил Минный артиллерийский класс. С 1917 старший лейтенант. Прихожанин Покровско-Коломенской церкви.

23 февраля 1918 назначен в штаб бригады линейных кораблей на Балтийском флоте минным офицером. С 20 октября 1918 помощник главного минера штаба Военного флота, с 28 мая помощник главного минера всех морских сил республики (до 1923). Со 2 июня 1922 помощник начальника части учебных заведений некомпозита Управления военно-морских учебных заведений, с 16 ноября 1922 начальник отделения учебных заведений Учебного отдела Учупра Морштареспа, с 1 марта 1923 помощник начальника учебного отдела Учупра Морштареспа, с 1 сентября 1923 и. д. начальника части школ некомпозита Учебного отдела Управления военно-морских учебных заведений, с 16 января 1924 начальник части школ некомпозита Учебного отдела Управления военно-морских учебных заведений, с 3 мая 1924 помощник начальника учебного отдела Учебного управления Штаба РКК флота, с 1 января 1927 штатный преподаватель специальных курсов командного состава ВМС РККА, со 2 августа 1933 старший член приемщика комснаба по минно-торпедной части, с 15 сентября 1933 штатный преподаватель специальных курсов командного состава ВМС РККА, с ноября 1935 преподаватель электротехники в Военно-морском училище связи. 28 декабря 1936 присвоено звание интенданта I ранга. С 22 июня 1937 и.д. начальника программно-методического отделения ВМУС,

19 апреля 1938 утвержден в этой должности. С 23 апреля 1940 в отставке по болезни.

См.: Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Исправлено по 11 апреля 1916 года. Пг., 1916. С.290-291; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.33; РГА ВМФ. Ф.406. Оп.9. Ед.хр.3887; Ф.Р-2192. Оп.2. Ед.хр.3204; Ф.Р-663. Оп.8. Ед.хр.121.

Смирнов Михаил Иванович (8 ноября 1899-?). Родился в С.-Петербурге. Окончил 6-ю Петроградскую гимназию (1918; золотая медаль). Во время обучения в Петроградском Богословском институте 6 июня 1922 подавал прошение о пострижении в монашество. Окончил Петроградский Богословский институт (1923). Арестован в 1929 в Ленинграде. В 1942-1944 служил в кладбищенской церкви г.Гатчины. Арестован 24 мая 1944. Приговорен к 10 годам лагерей.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.33.

Соболева Валентина Владимировна, в монашестве *Дамиана* (3 июля 1872 — июнь 1927). Окончила Коломенскую гимназию в Петербурге (1889) и Женский медицинский институт (1904), с 1905 работала в нем старшим ассистентом кафедры общей химии. Окончила Петроградский Богословский институт (1923). 4 января 1924 пострижена в монашество. Советом Высших Богословских курсов в Ленинграде в 1926/27 учебном году ей была присвоена степень кандидата богословия за сочинение «Сотериология св. Кирилла Александрийского».

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.33; Бовкало А.А. Высшее женское образование... Указ. изд. С.28-37; Бовкало А.А. Прием на I курс Петроградского Богословского института в 1920 г. Указ. изд. С.134-137; Чуков Н., прот. Один год моей жизни. Указ. изд.; Нежный А. Плач по Вениамину // Звезда. 1996. №4. С.42-82, №5. С.76-134.

Согласнов Алексей Иванович (22 марта 1897-?). Окончил 2 класса духовной семинарии и 2-летние гидротехнические курсы. Студент 3-го Петроградского Политехнического института. 1 октября 1923 подал прошение в Богословско-пастырское училище.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.33; ЦГА СПб. Ф.8952. Оп.1. Ед.хр.6. Л.5об.

Соколов Михаил Николаевич (19 июня 1890 — 10 октября 1937). Окончил Московскую ДС (1910) и Московскую ДА (1914), оставлен с 16 августа 1914 профессорским стипендиатом кафедры еврейского языка с библейской археологией. В 1915 поступил на факультет восточных языков Петроградского университета, который окончил за 2 года и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1918-1931 — старший ассистент, доцент, и.о. профессора, зав. кафедрой иврита Петроградского (Ленинградского) университета. Одновременно 5 мая избран и 2 июля 1920 утвержден приват-доцентом кафедры еврейского языка Московской ДА. С 20 декабря 1921 преподаватель еврейского языка Петроградского Богословского института (на заседании Совета в этот день

С.С.Безобразов и А.П.Алявдин сообщили, что «Соколов обладает большими лингвистическими способностями, сразу же был принят по окончании Академии на 3-й курс университета, блестяще выдержал магистерский экзамен и немедленно получил от своего наставника-руководителя П.К.Коковцова половину обязательных курсов. Если он не имеет еще ученых трудов, то это всецело объясняется выступлением его на ученое попирше после 1914 года. — Андреев указал, что профессор Москов[ской] Академии Воронцов, имевший много учеников, из всех выделил М.Н. и передал ему не только кафедру, но и свою весьма ценную библиотеку»). Работал также в Научно-исследовательском институте сравнительной истории языков и литературы Запада и Востока им. А.Н.Веселовского, в котором с 1925 возглавлял сектор (с 1928 — комиссию) семито-хамитского языкознания. С 1921 секретарь Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук, с 1 августа 1924 научный сотрудник I разряда, заведовал Еврейским отделом. В 1927 ездил в Казань для доставки в Ленинград восточных рукописей б. Казанской ДА. С сентября 1933 читал элементарный курс древнееврейского языка в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики. 22 декабря 1933 арестован и 3 марта 1934 приговорен к 5 годам лагерей. Был сослан в г.Свободный. 8 октября 1937 приговорен к расстрелу.

См.: Васильков Я.В. Только об одном востоковеде (Гebraист Михаил Николаевич Соколов, 1890-1937) // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.; СПб., 1995. С.233-252.

Сорокин Александр Александрович (28 мая 1903-?). С 1912 учился в 5-й Петроградской гимназии, среднее образование завершил в 1920. 7 месяцев служил в продовольственной управе Московского района. Затем в управлении северо-западных железных дорог, уволен 15 октября 1921. В 1920-1921 и 1921-1922 прослушал курсы богословских классов для мирян при церкви Экспедиции заготовления государственных бумаг. В 1924 поступил в Богословско-пастырское училище.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.33.

Сперанцев Симеон Иванович (в монашестве *Серapiон*; 16 марта 1893-?). Окончил 4 класса Олонешкой ДС (1916), после чего поступил в военное училище. Был на фронте. Прослушал 4 курса филологического факультета Казанского университета. Пострижен в монашество, рукоположен в сан иеромонаха. В 1919 служил во Введенском соборе Петрограда. Был в заключении. С 27 апреля 1920 священник в Тюмени, с 7 января 1921 преподавал Закон Божий в Тюменском Троицком монастыре. Уклонился в обновленчество. Со 2 августа 1923 епископ Бийский, с августа 1924 — Коломенский, викарий Московской епархии, с 31 декабря 1924 — Свердловский, с 7 августа 1925 — Нижне-Тагильский, с 5 ноября 1925 — Ставропольский, с 19 апреля 1926 — Пятигорский, с 27 июля 1928 — Нижне-Тагильский; 3 августа 1926 назначен заместителем председателя Уральского областного церковного управления, но 24 августа 1926 это постановление было отменено. Епископ Костромской, с 29 апреля 1931 — Семипалатинский, с 1932/3 — архиепископ Псковский и Порховский. Член обновленческого Собора 1925 года.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.33.

Сыренский Николай Александрович (3 марта 1882 — ноябрь 1937). Окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию (1905). 9 октября 1906 назначен священником Прусынской церкви Новоладожского уезда, с 13 мая 1909 священник церкви Сергиевского братства, с 8 августа 1911 настоятель Казанской церкви при подворье Успенского женского Староладожского монастыря; 21 апреля и 28 августа 1917 назначен священником прихода общества «Лепта» в Лесном. Уклонился в обновленчество, протопресвитер, наместник обновленческого Спасо-Успенского кафедрального собора (Спас на Сенной) Ленинграда. Расстрелян.

См.: Прихожанин. Наш пастырь // Известия по С.-Петербургской епархии. 1908. №10. С.21-23; ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.33; информация М.В.Шкаровского.

Тенчинская Евгения Люциановна (24 апреля 1886-?). Уроженка Мотовилихи Пермского уезда и губернии. С 1896 жила в Петербурге. Окончила III частную гимназию Е.Н.Стеблин-Каменской. Училась в Женском педагогическом институте и на Высших женских курсах. В 1914 получила диплом «в знании курса Историко-Филологического факультета Петербургского университета». С 1912 преподавательница 12-го женского городского 4-классного училища (после революции преобразованного в 26-ю единую трудовую школу). 1 июня 1921 зачислена вольнослушательницей Петроградского Богословского института. В 1923 поступила в Богословско-пастырское училище, с 20 сентября 1923 в нем же библиотекарь. В марте 1929 арестована по делу кружка «Воскресение» и 22 июля приговорена к 3 годам лагерей.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.34; ЦГА СПб. Ф.8952. Оп.1. Ед.хр.3. Л.12; Ед.хр.6. Л.7об.; информация М.В.Шкаровского.

Титова Вера Александровна (23 апреля 1903-?). Окончила гимназию Рыбаковой (1919), слушательница Педагогического института дошкольного образования. В июне 1919 окончила 5-месячные педагогические курсы по подготовке руководителей детских садов и классов.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.33.

Толстомятов Анатолий Михайлович (в монашестве — *Александр*; 4 ноября 1878 — 26 сентября 1945). Окончил 7 классов V Петроградской гимназии, поступил в специальный класс Морского кадетского корпуса, который окончил в 1901. С 6 мая 1901 мичман. С 9 января 1902 служил на Дальнем Востоке. Участник Русско-японской войны 1904-1905. С 17 апреля 1905 лейтенант. 8 мая 1905 был взят в плен, 14 июня бежал из плена из г. Фукуока, но 3 июля был пойман в г. Симоносеки. Японским военным судом в г. Кокура приговорен к 4 годам тюремного заключения, освобожден из тюрьмы после заключения мира 3 октября 1905. 29 мая 1906 переведен в Балтийский флот. В 1909 поступил и в 1912 окончил Михайловскую артиллерийскую академию. С 10 апреля 1911 старший лейтенант, с 14 апреля 1913 капитан II ранга. С 1 мая 1914 преподаватель Морского кадетского корпуса. Преподавал также космографию и физику в

гимназии Н.Н.Зворской. Рукоположен в сан священника и стал настоятелем церкви Консерватории. В 1923 пострижен в монашество, с 1928 архимандрит. 21 августа 1933 рукоположен во епископа Алма-Атинского, с 17 июля 1936 на покое. С сентября 1943 епископ Молотовский (с 26 декабря 1944 — Молотовский и Соликамский), с 22 февраля 1945 архиепископ.

Соч.: В плену у японцев. СПб., 1908 (2-е изд. — 1909); Краткий курс такелажных работ. СПб, 1908; Курс такелажных работ. СПб., 1909.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.34; РГА ВМФ. Ф.406. Оп.9. Ед.хр.4209.

Федоров Михаил Иванович (12 июля 1887-?). Окончил Николаевскую купеческую школу (1903), служил в Волжско-Камском коммерческом банке (1905-1908), в обществе страхования жизни (1910-1914), в строительной конторе А.К.Пурышевой (1914-1917), с 1918 — на 1-м Государственном колбасном заводе. Чтец и секретарь приходского совета Троицкого подворья, к которому был приписан после рукоположения. В 1919 был слушателем пастырско-благочиннических курсов. Священник.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.35.

Фроловский Михаил Николаевич (1895-1943). Окончил Петроградский Богословский институт (1923). В 1922-1925 член Александро-Невского братства. Арестован в апреле 1925. Приговорен к 5 годам лагерей. Отбывал на Соловках. Освобожден в 1929. Проживал в Коми АССР.

Хост Алексей Евгеньевич (12 февраля 1900 — не ранее 7 июля 1936). Окончил Гатчинское реальное училище (1917), в 1918 окончил дополнительный класс в нем же. С 1918 преподавал в школах. В 1920 сотрудник 5-го ротного участка отдела Всеобуча в Гатчине. 9 ноября 1920 зачислен на математическое отделение физико-математического факультета Петроградского университета. 12 июня 1923 снова подал заявление в университет, в котором писал: «Не мог заниматься ввиду страшно тяжелого материального положения, теперь, имея некоторое улучшение, прошу перевести меня на правовое отделение Ф[акультета] О[бщественных] Н[аук]». Уволен при проверке из числа студентов в июне 1924. Окончил Петроградский Богословский институт (1923).

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.33; ЦГА СПб. Ф.7240. Оп.7. Ед.хр.2718.

Чепурин Николай Викторович (27 апреля 1881 — 7 февраля 1947). Окончил Харьковскую ДС (1902) и поступил на юридический факультет Киевского университета. С 23 февраля 1903 священник с. Павловки Сумского уезда Харьковской губ. Учился на философском факультете Оксфордского университета в Англии. В 1905-1908 уездный, затем окружной миссионер Харьковской епархии. С 23 декабря 1910 по 4 января 1911 епархиальный миссионер-проповедник Новгородской епархии, с 4 января 1914 Санкт-Петербургский епархиальный противосектантский миссионер-проповедник, приписан к Смоленской кладбищенской церкви. С 1915 — вольнослушатель Петроградской ДА. С апреля 1918 священник Покровско-Коломенской церкви Петрограда, с 1 октября 1919 протоиерей. 10 июля 1918 избран членом Петроградского епархиального миссионерского сове-

та и стал его председателем. С апреля 1920 — председатель правления общеприходских советов Петрограда и епархии. С января 1921 преподавал на Богословских курсах 2-го благочиннического округа, преподавал на богословских курсах при Введенской церкви на Петроградской стороне. С 13 октября 1919 по 13 февраля 1920 — член Комиссии духовно-учебных заведений Петроградской епархии. Преподавал церковное проповедничество, с 23 ноября 1921 преподаватель кафедры истории русского сектантства и раскола Петроградского Богословского института, секретарь Совета (6 февраля — 1 марта 1920), член Правления. 23 ноября 1921 был перемещен преподавателем кафедры русского сектантства и раскола. В 1924-1925 читал апологетику на богословских курсах Центрального городского района. Член комиссии по выработке положения о Высших Богословских курсах. На Высших Богословских курсах 7 декабря 1927 защитил магистерскую диссертацию «Анимистическая теория о происхождении религии и ее доанимистические и тотемистические придатки (опыт философско-антропологического исследования в апологетическом освещении)» (тезисы — ОР РНБ. Ф.253. Ед.хр.875; отзыв проф.-прот. А.В.Петровского — ОР РНБ. Ф.216. Оп.2. Ед.хр.1985). Арестован 8 июня 1930, 10 февраля 1931 приговорен к 8 годам лагерей. Освобожден в ноябре 1934. Заведующий отделением сыворотки в медицинском научно-исследовательском институте г.Фрунзе. Инспектор, с 23 октября 1946 — ректор Московской ДА. С октября 1946 настоятель Пименовской церкви в Москве.

См.: Ведерников А.В. Профессор-протоиерей Н.В.Чепурин (1881-1947) // Журнал Московской Патриархии. 1947. №3. С.17-22; Голубцов С., протодиакон. Храм преподобного Пимена Великого в Москве. М., 1997. С.86-87; Брачев В.С. «Дело историков» 1929-1931 гг. Указ. изд.; ЦГА СПб. Ф.1001. Оп.9. Ед.хр.47. Л.15-15об.

Чичагова Лидия Константиновна (18 мая 1899-?). В 1917 окончила историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов. Работала в издательстве. Летом 1919 слушательница 3-го Педагогического университета. Летом 1920 поступила на службу в Государственную Публичную библиотеку, где работала каталогизатором отдела. В январе 1921 поступила на службу конторщицей. Около 1926 — научный сотрудник читального зала Государственной Публичной библиотеки.

Духовная дочь свящ. Н.Ф.Платонова. В октябре 1921 поступила на Василеостровские богословские курсы, где была выбрана в члены старостата для наблюдения за правильным ведением записи лекций. 14 декабря вступила в братство Воскресения Христова при Андреевском соборе. 20 января 1922 на молитвенном вечере, организованном курсами, сделала доклад об обязанностях православного христианина в данный момент. С декабря работала с проректором (впоследствии ректором) протоиереем Алексием Западальвым над организацией братства из среды курсистов, преследующего просветительские и миссионерские цели. 9 марта открытие братства. С 9 марта 1922 секретарь курсов.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.36.

Чуев Павел Порфирьевич (1899-?). Уволен из 5-го класса Воронежской ДС (1910). С 1916 служил в Троице-Измайловском соборе Петро-

града. В 1922 уклонился в обновленчество. В июне 1924 — январе 1925 — настоятель Исаакиевского собора. В феврале 1925 снял сан. Выступал с антирелигиозными лекциями («31 марта 1927 Райсовет Союза Безбожников Центрального городского района провел первый вечер самостоятельности в клубе "Коминтерна"». Выступил с приветствием б. настоятель Исаакиевского собора, б. протоиерей Чуев». — Безбожник. 1927. 31 июля. №31).

Чуков Николай Кириллович (в монашестве *Григорий*; 1 февраля 1870 — 5 ноября 1955). Окончил Олонецкую ДС (1889). С 24 июня 1889 надзиратель Петрозаводского духовного училища. В 1891 поступил и в 1895 окончил Санкт-Петербургскую ДА. С 8 сентября 1895 наблюдатель церковноприходских школ и школ грамоты Олонецкой епархии. С 14 апреля 1897 в сане священника. С 6 мая 1907 — протоиерей. С 1-3 февраля 1911 ректор Олонецкой ДС. С 1918 жил в Петрограде. С 14 апреля 1919 и.о. настоятеля церкви Петроградского университета, с 1921 настоятель Казанского собора. 2 января 1920 утвержден преподавателем христианской педагогики с дидактикой Закона Божия. 23 января — 6 февраля секретарь Совета и казначей, с 6 февраля (утвержден 28 марта) ректор, с 27 июля 1920 профессор Петроградского Богословского института. 30 мая 1922 арестован, приговорен к расстрелу, замененному тюремным заключением, освобожден в декабре 1923. С марта 1924 настоятель Николаево-Богоявленского собора. Со 2 апреля 1924 заведующий богословскими курсами Центрального городского района, где читал патристику. Член комиссии по выработке Положения о Высших Богословских курсах. 24 сентября 1925 избран ректором Высших Богословских курсов (утвержден 22 октября 1925). На Высших Богословских курсах 25 ноября 1926 защитил магистерскую диссертацию. В марте 1935 выслан в Саратов. 13 октября 1942 пострижен в монашество, 14 октября рукоположен во епископа Саратовского, с 15 октября архиепископ, с 26 мая 1944 архиепископ Псковский, с 7 сентября 1945 митрополит Ленинградский и Новгородский.

Соч.: Петроградский процесс 1922 года. Дневник / Публ. В. Антонова и Л. Александровой // Наш современник. 1994. №4. С.169-180; Один год моей жизни. Указ. изд. С.521-618.

См.: Сорокин В., протоиерей. Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) и его церковно-просветительская деятельность // Богословские труды. Юбилейный сборник, посвященный 175-летию Ленинградской Духовной академии. Л., 1986. С.96-141; Богословские труды. Вып.29. М., 1989. С.127-181.

Шкловский Владимир Борисович (12 марта 1889 — ноябрь 1937). Окончил 3-е реальное училище в Санкт-Петербурге и историко-филологический факультет Петербургского университета (1910). С 29 сентября 1910 лектор французского языка Петербургской Духовной академии. С 13 октября 1919 по 13 февраля 1920 — член комиссии духовно-учебных заведений Петроградской епархии. В 1922 арестован, постановлением ГПУ от 4 января 1923 осужден на 2 года ссылки в Архангельскую губернию. В 1926-1928 — преподаватель латинского языка на Высших Богословских курсах.

Впоследствии был доцентом Ленинградского университета. Расстрелян. Брат литературоведа Виктора Шкловского.

См.: Бовкало А.А. Владимир Борисович Шкловский. Указ. изд. С.196-197; Антонов В.В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // Минувшее: Исторический альманах. Вып.15. М.; СПб., 1994. С.424-445; Мартиролог // Вечерний Петербург. 1996. №113. С.2.

Щербов Иван Павлович (29 мая 1873 — 13 апреля 1925). Окончил Витебскую ДС (1894) и Санкт-Петербургскую Духовную академию (1898), кандидат богословия. С 15 июня 1900 преподаватель основного, догматического и нравственного богословия Санкт-Петербургской духовной семинарии. 10 июля 1918 избран членом Петроградского епархиального миссионерского совета. В 1918-1924 — заведующий Богословско-пастырским училищем в Петрограде, где преподавал до кончины. С 13 октября 1919 по 13 февраля 1920 — член Комиссии духовно-учебных заведений Петроградской епархии, проректор, преподаватель. С 27 июля 1920 — профессор кафедры догматического богословия, с 1 сентября 1922 временно и. о. ректора Богословского института. С 6 февраля по 1 июля 1920 также его казначей.

Якшич Николай Дмитриевич (7 октября 1903-?). С 1913 учился в гимназии Св. Креста в Дрездене (до июля 1914), с января 1915 — в гимназии им. Петра Великого в Петрограде. После ее окончания он поступил на 1-й курс гуманитарного факультета 3-го Петроградского педагогического института, а 15 октября 1920 подал прошение о переводе на 1-й курс словесного отделения 1-го Педагогического института. Одновременно 5/18 мая 1921 он подал прошение о зачислении в студенты Петроградского Богословского института, однако заболел туберкулезом легких и уехал на лечение. 9 мая 1922 он снова просил зачислить его в студенты Богословского института. А 22 сентября 1922 он просил оставить его на 2-м курсе на второй год в Педагогическом институте и разрешить сдать оставшиеся экзамены за 1-й курс (логика и физиология) вне срока. 6 октября 1922 последовало разрешение. Однако Н.Д.Якшич не смог продолжать занятия. Уже 7/20 декабря 1922 Совет Богословского института постановил считать студента 1-го курса Н.Якшича выбывшим в связи с непосещением лекций. Не окончил он и Педагогический институт.

См.: ЦГИА СПб. Ф.2279. Оп.1. Ед.хр.36; ЦГА СПб. Ф.3976. Оп.1. Ед.хр.996.

***ДНЕВНИКИ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
МАРГИНАЛИИ***

Н.П.Вакар
ДНЕВНИК (1938-1940)

Подготовка текста, вступительная статья и комментарии
О.Р.Демидовой

В дневнике Николая Платоновича Вакара (1893-?) достаточно подробно представлена картина двух последних лет жизни «блистательного русского Парижа». Автор — сотрудник крупнейшей эмигрантской газеты «Последние новости» — в мельчайших деталях описывает события, очевидцем и участником которых ему пришлось быть. Разумеется, не беспристрастным: как любое произведение подобного рода, дневник Вакара в значительной степени субъективен и не абсолютно достоверен. Автор воспроизводит лишь ту часть действительности, которая находилась в его поле зрения, основываясь преимущественно на собственных впечатлениях. Угол зрения автора неизбежно перестраивает материал, а воображение стремится восполнить пробелы и скорректировать описываемые события. И все же дневник Вакара является богатейшим источником сведений о жизни парижской ветви диаспоры в последние предвоенные годы.

Внимание автора сосредоточено главным образом на своеобразной борьбе, развернувшейся между двумя поколениями эмиграции: эмигрантских «отцов» и «сыновей». Первое представлено, прежде всего, П.Н.Милюковым¹ и его окружением в газете и в созданном им на базе расколовшейся кадетской партии Республиканско-демократическом объединении (РДО), членов которого принято было не без иронии именовать эрдеками. Платформа эрдеков — отказ от свержения Советской власти воору-

¹ О П.Н.Милюкове см.: П.Н.Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859-1929. Париж, 1929; Вандалковская М.Г. П.Н.Милюков, А.А.Кизеветтер: История и политика. М., 1992; Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. М., 1993; Thomas R. A Russian European. London, 1969. История газеты «Последние новости» подробно изложена в публикации М.Бирмана «В одной редакции (О тех, кто создавал газету "Последние новости")». — Евреи в культуре русского зарубежья. Т.3. Иерусалим, 1994. С.147-169; Дон Амико. Поезд на третьем пути. М., 1991. С.242-244, 285-309.

женным путем в сочетании с «моральным неприятием большевизма» — определила политическое направление газеты². «Генеральная линия была начертана раз навсегда, и до последнего номера, вышедшего 11 июня 1940-го года, никаких уклонений ни вправо, ни влево допущено не будет»³.

Однако политически авторский состав газеты был значительно шире: были среди авторов эсеры, энесовцы, полуанархисты, меньшевики и значительное число «косивших вправо», по выражению Дон Аминадо. Среди страдавших «неисправимой правизной» — и «ближайший помощник редактора И.П.Демидов», и Н.В.Калишевич, «и дававший то, что принято называть большой хроникой, Н.П.Вакар»⁴. Не удивительно поэтому, что подход к авторам был у Милюкова «заранее подозрительный».

Особенно подозрительным становился он тогда, когда речь заходила об участии сотрудников газеты в разного рода начинаниях противоположного лагеря, к которому Милюков с полным основанием относил и младороссов — одно из движений, представляющих в дневнике Вакара «эмигрантских сыновей». Именно посещение младоросских обедов вызывало ожесточенную полемику «Папы» с сотрудниками «Последних новостей», которой посвящены многие записи дневника.

«Союз младороссов», преобразованный впоследствии в партию, «был первым большим идейным и политическим движением, всецело созданным "эмигрантскими сыновьями"»⁵. По воспоминаниям современника, «много личных и семейных драм пришлось пережить» участникам союза, «всем этим бывшим кадетам, лицеистам, пажам, правоведам, юнкерам гвардейских школ, когда они не только осознали свою приверженность родной стране при всех обстоятельствах, но и громко, на всю русскую Францию, заговорили об этом на удивление и негодование своих родителей. Князя Оболенские, граф Красинский (сын Кшесинской и великого князя Андрея Владимировича), граф Карузо, Воронцовы-Вельяминовы — весь аристократический молодежь, все те сотни сильных и здоровых молодых людей, которые жили в Париже, группировались во главе с великим князем Дмитрием Павловичем вокруг младоросской газеты "Бодрость"»⁶.

Автору процитированных воспоминаний удалось верно передать дух движения, однако фактическую сторону дела он изложил несколько односторонне. Подобный упрек можно отнести и к академическим исследованиям младоросского движения, в целом изученного довольно плохо⁷.

² Подробнее см.: Нильсен Е. П. Милюков и И. Сталин: О политической эволюции Милюкова в эмиграции // Новая и новейшая история. Т.2. 1991. С.127-135.

³ Дон Аминадо. Указ. соч. С.244.

⁴ Там же. С.287.

⁵ Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С.52.

⁶ Вертинский А. Дорогой длиною... М., 1990. С.193.

⁷ См. немногочисленные исследования, авторы которых так или иначе обращались к указанной теме: Варшавский В.С. Указ. соч. С.52-67; Омельченко Н.А. В поисках России: Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности. СПб.,

В связи с этим представляется целесообразным дать развернутую историческую справку.

В 1923 в Мюнхене на съезде молодых русских монархистов («Всеобщий съезд национально мыслящей русской молодежи») был учрежден союз «Молодая Россия», в 1925 переименованный в «Союз младороссов». Главой Союза был единогласно избран А.Л.Казем-Бек, «потомок аристократической семьи, переселившейся в Россию из Персии в начале XIX века и полностью обрусевшей»⁸. На съезде были определены задачи Союза: «а) братское сплочение всех преданных России молодых сил; б) подготовка их как борцов за спасение и возрождение Родины и будущих полезных государственных, общественных и частных деятелей и работников». С этой целью Союз брал на себя обязательство «заботиться об образовании русских молодых людей за границей, а в особенности о сообщении им государственных и политических знаний» и «о воспитании молодежи в духе Православной веры, любви к родине, братской дисциплины и рыцарской чести»⁹. На этом же съезде был принят «наказ», определявший идеологию национально мыслящей русской молодежи. Из него следовало, что «эмигрантские сыновья», с одной стороны, разделяли идеи той традиционно-монархической среды, которая их воспитала, с другой — сознавали, что поколение «отцов» живет в прошлом и «не понимает настоящего», тогда как необходимо стремиться «вперед, к новым идеям». Правда, сути этих идей молодые эмигранты пока определить не могли, и можно было лишь догадываться, откуда последние должны прийти («Все растущие и с каждым днем усиливающиеся во всех государствах и среди всех народов молодые национальные движения суть положительные факторы, коим суждено преодолеть современную болезнь человечества»¹⁰).

К началу 1930-х в высказываниях идеологов младоросского движения уже вполне определено звучат мотивы фашизма и национал-большевизма (речь Казем-Бека «К Советской Европе, или к Молодой России» на открытом собрании парижских очагов Союза 2 июня 1931, статья Елиты-Вильчковского «Накануне» в «Младоросской искре» — 1933. №29, и пр.).

1996. С.460-469; Лакер У. Черная сотня: Происхождение русского фашизма. М., 1994. С.120-124; Рончевский Р.П. Младороссы. Материалы к истории сменовеховского движения. Лондон; Онтарио: Заря, 1973; Johnston R.J. New Mecca, New Babylon. Kingston, 1988. P.165-170; Williams R.C. Culture in Exile. Ithaca; N.Y., 1972. P.332-352; Stephan J.J. The Russian Fascists — Tragedy and Farce in Exile, 1925-1945. N.Y.: Harper & Row, 1978 (русс. изд.: Стефан Дж. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции 1925-1945. М., 1992). Кроме того, проблема подробно освещена в неопубликованных мемуарах Вакара, хранящихся в библиотеке Гарвардского университета.

⁸ Лакер У. Указ. соч. С.120. Казем-Бек Александр Львович (1902?-1977) — создатель и глава младоросской партии (1923-1941); участник Белого движения, с 1919 в эмиграции. В 1941 переехал в США, преподавал в одном из университетов. В 1956 вернулся в СССР, служил в Московской патриархии. См. также: Покаянное письмо А.Казем-Бека // Новое русское слово. 1957. 24 января; Hayes N. Kazem Bek and the Young Russians' Revolution? // Slavic Review. 1980. June. P.265-268.

⁹ Цит. по: Варшавский В.С. Указ. соч. С.55.

¹⁰ Там же. С.54.

В 1933 Казем-Бек вел переговоры о сотрудничестве с Русской нацистской партией в Германии (РОНД)¹¹.

К середине 1930-х движение достигло своего наивысшего расцвета. Союз выпускал две газеты — «Бодрость» и «Младоросская искра» и брошюры с программными речами или статьями старших младороссов¹². Первичной организацией, своего рода партийной ячейкой младороссов был очаг; общие собрания очагов проводились довольно регулярно и привлекали многочисленную публику, не только младоросскую. Сохранилось немало свидетельств очевидцев, более или менее точно передающих атмосферу этих собраний, младоросскую символику и ритуал. Одетые в синие форменные рубашки распорядители-младороссы «выстраивались на эстраде шеренгой и при его [Казем-Бека. — О.Д.] появлении, подняв правую руку римским приветствием, скандировали — "Глава! Глава! Глава!"»¹³. По мнению В. Варшавского, и в этом, и в состоянии «мистического возбуждения», которое вызывали речи Казем-Бека у публики, сказывалось «несомненное влияние ритуалов фашизма, но, может быть, из-за отсутствия возможностей реального действия это была скорее игра в фашизм»¹⁴.

В эти годы Казем-Бек говорил о «десятках тысяч» своих сторонников во всех центрах русского рассеяния. Современные исследователи склонны считать это преувеличением, утверждая, что «влияние младороссов в основном ограничивалось Парижем и еще несколькими французскими городами», а число сторонников «никогда не превышало двух тысяч»¹⁵. Вряд ли возможно с точностью определить численность младоросской партии; что же касается «географии» движения, она, несомненно, была достаточно широкой. Поэт А. Штейгер, например, как младоросс «во всех центрах эмиграции находил друзей, кров и даже харч. Так что расходы по поездке, скажем, в Бухарест, иногда сводились только к железнодорожному билету. Повсюду он находил "своих" единомышленников; в их ячейках, общежитиях, странноприимных домах Штейгер попадал сразу точно в "родную" семью». Кавычки здесь ничуть не умаляют достоверности свидетельства; мемуарист прибег к ним лишь для того, чтобы подчеркнуть несоответствие натур «эстета и шалуна» Штейгера, воспринимавшего политику «эмоционально и эстетически», и «благородных, но часто примитивных легитимистов, присягнувших "главе"»¹⁶.

В сентябре 1934 в «Младоросской искре» появилось следующее заявление: «Союз Младороссов после долгих и напряженных усилий превращается во вторую советскую партию, занимающую положение револю-

¹¹ О краткосрочном союзе, заключенном младороссами с РОНД в сентябре 1933, см.: Williams R.C. Op. cit. P.332-333.

¹² См., напр.: Казем-Бек А.Л. Россия, младороссы и эмиграция. Париж, 1936; Он же. Перед фактом бонапартизма. Париж: Изд. Младоросской партии, 1938.

¹³ Гуль Р. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т.2: Россия во Франции. Нью-Йорк: Мост, 1984. С.18. См. также Варшавский В.С. Указ. соч. С.60.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Лакер У. Указ. соч. С.123-124.

¹⁶ Яновский В. Поля Елисейские. Книга памяти. Нью-Йорк: Серебряный век, 1983. С.251.

ционной оппозиции в отношении партии правящей. Правящая — коммунистическая — партия, с точки зрения младороссов, узурпирует руководство русской революцией»¹⁷. Младороссы искренне считали, что «тема большевистской революции — большая религиозно-национальная тема», что большевики неизбежно «эволюционируют», что «интернационалистическая революция уже перерождается в национальную» и что русский народ после своего освобождения от большевиков выберет монархию — но монархию, в значительной степени опирающуюся на советские институты («Царь и Советы»).

К концу 1930-х движение пошло на убыль¹⁸. Этому в немалой степени способствовал скандал, разразившийся в эмиграции после встречи Казем-Бека с советским эмиссаром гр. Игнатьевым в 1937 году¹⁹. Возможно, у эмиграции и раньше были подозрения о связях главы младороссов с советской разведкой и НКВД; встреча Казем-Бека с «бывшим военным агентом императорской России в Париже, бывшим царским генералом, а ныне знатным человеком из Москвы» подтвердила эти подозрения. Появившаяся в «Возрождении» заметка «ГПУ и младороссы» заканчивалась пророческой фразой: «Эмигранты и члены младороссовской партии, в первую очередь, конечно, сделают надлежащий вывод»²⁰.

В результате глава партии вынужден был обратиться к вел. кн. Кириллу Владимировичу с просьбой об отставке его «от должности докладчика при Его Императорском Величестве по вопросам иностранной политики» и об отставке его «старого друга и сотрудника, капитана 1 ранга Графа, Начальника Канцелярии Его Величества» от должности начальника административного управления младороссовской партии (опубликовано в газете «Бодрость» от 8 августа 1937)²¹. В ответ великий князь обратился к Казем-Беку с похвальным рескриптом, однако отставку не принял. Тем не менее партия оставалась достаточно активной еще несколько лет, а ее идеологи продолжали предпринимать небезуспешные попытки сблизиться с левыми (см. первую запись в дневнике Вакара) и привлечь на свою сторону молодежь из «вражеского» лагеря.

Как относилась к младороссам эмиграция? При своем появлении на политической сцене они привлекли к себе «не только всеобщее внимание,

¹⁷ Цит. по: Варшавский В.С. Указ. соч. С.58.

¹⁸ Некоторые историки считают, что спад движения начался в 1935 после доклада Рончевского «Младороссы», прочитанного в Париже и нанесшего партии «сильный удар», после чего «в среде рядовых младороссов начали возникать сомнения в правильности избранного пути, что повело к уходу многих из "второй советской партии"». См.: Рончевский Р.П. Указ. соч. С.39.

¹⁹ Игнатьев Алексей Алексеевич (1877-1954) — русский дипломат, военный деятель. В 1902 окончил Академию Генерального штаба, в 1906 исполнял обязанности военного агента России во Франции, в 1908-1912 — военный агент в Дании, Швеции и Норвегии, в 1912-1917 — во Франции. Стал на сторону Советской власти, до 1937 являлся сотрудником советского торгпредства в Париже. В 1937 вернулся в СССР. См. его мемуары «Пятьдесят лет в строю» (М., 1955).

²⁰ Алексеев Н. ГПУ и младороссы // Возрождение. 1937. №4090. 6 августа. Цит. по: Рончевский Р.П. Указ. соч. С.40.

²¹ Там же.

но и симпатии в широких и достаточно разнообразных кругах... Их заметили, от них чего-то ждали»²². Н.А.Бердяев относил их к одному из трех «интересных» течений в эмиграции (наряду с национал-большевиками и евразийцами). Без преувеличения можно сказать, что в середине 1930-х движение вызывало в эмиграции всеобщий интерес, а собрания младороссов посещали представители всех поколений, партий и течений. Среди тех, кто упоминается в дневнике Вакара в связи с младоросскими обедами, — эмигрантские «отцы» и «сыновья»; эсеры, меньшевики, монархисты, эрдеки; философы, писатели, общественные деятели и многочисленные «просто эмигранты». К речам Казем-Бека прислушивались и им «одинаково аплодировали /.../ начальник первого отдела Общевоинского союза ген. Эрдели, юноши-младороссы, эмигрантские "отцы" и даже сотрудники "Последних новостей"»²³. Однако уже и тогда политическая наивность младороссов подверглась серьезной критике даже со стороны тех, кто в значительной степени разделял их взгляды. Так, Ф.А.Степун писал о «глубоких внутренних опасностях» и «романтической мечтательности» младороссов²⁴. Полемизировал с младороссами и Г.П.Федотов, одно время разделявший убеждение о возможности «авторитарной демократии» в пореволюционной России. Он не без оснований считал опасной утопией разговоры о восстановлении монархии в России и о русском народе как носителе монархического сознания²⁵.

Левое крыло эмиграции заняло по отношению к младороссам позицию «пассивного неприятия», правда, нередко становившегося весьма активным (см. дневник). Пожалуй, одним из немногих исключений был И.И.Фондаминский, неизменный участник и нередко организатор младоросских обедов «Круглого стола»; но и он отзывался о младороссах вполне определенно: «Дикарьки! Это мускулы. Материал. Они могут хватиться и за какое-нибудь хорошее дело — совсем не за то, которое они себе воображают. Казем-Бек — он не без таланта. Вообще же это все дрожжи будущего гитлеризма. Гитлеризм же теперь мода»²⁶.

Многие, вероятно, не принимали младороссов всерьез, относясь к ним, как к одному из курьезов эмигрантской жизни (ср. отзыв Дон Аминадо: «/.../ попросту говоря, молодые люди, не доросшие до России»²⁷).

И левые, и правые считали Союз лишь одной из разновидностей русского фашизма (эту же точку зрения разделяют и современные исследо-

²² Зайцев К.И. Младороссы и монархическая идея // Россия и славянство. 1931. 10 января.

²³ Отчет репортера «Возрождения» об открытом собрании младороссов в Париже в январе 1935. Цит. по: Варшавский В.С. Указ. соч. С.59.

²⁴ См. его рецензию на кн.: К молодой России: Сб. младороссов. 1928 // Современные записки. 1928. Кн. XXXVII. С.547-548.

²⁵ Федотов Г. Искания младороссов // Новый град. 1938. №13. С.183, 185; Он же. Проблемы будущей России // Современные записки. 1931. Кн. XLV. С.481-482.

²⁶ Цит. по: Кузнецова Г. Грасский дневник. М., 1995. С.279. Ср. характеристику Казем-Бека, данную Яновским: «"Глава" был человек хорошо воспитанный, явно неглупый, несмотря на все эти нелепые младоросские лозунги» (Яновский В. Указ. соч. С.18).

²⁷ Дон Аминадо. Указ. соч. С.273.

ватели). Встречи «за круглым столом» А.Ф. Керенского и И.И. Фондаминского со старшими младороссами вызвали возмущенные публикации как в «Последних новостях», так и в «Возрождении»²⁸. И лишь В. Варшавский попытался опровергнуть установившееся мнение и сумел увидеть «за явно фашистским фасадом» младоросской идеологии черты, весьма далекие по духу от фашизма и сближавшие идеи младороссов с идеями «Нового града» Фондаминского. Анализируя статьи, печатавшиеся в «Бодрости» во второй половине 1930-х, он отмечает многочисленные заявления авторов о раскрепощении человеческого духа, об отрицании авторитарного этатизма и «идеократии», свидетельствующие о том, что «вдохновение младоросского фашизма было все-таки совсем другим, чем вдохновение немецкого нацизма. И если младороссы в своем отталкивании от "демо-либерализма" не понимали, что отказ от "формальных" свобод и правового государства ведет вовсе не к торжеству Истины, а к установлению тоталитарного строя коричневого, красного или любого другого цвета, то ясного понимания этого не было и у Бердяева»²⁹. С годами «мотив жалости, мотив помощи, мотив сотрудничества» все определеннее звучит в высказываниях младороссов, и они все более отходят от «псевдо-мистицизма современного национализма, связанного не с самобытной народной жизнью, а с одинаковой у всех государств волей к империалистической экспансии»³⁰. Не менее показательны и отношение младороссов к пакту Молотова — Риббентропа, к захвату Гитлером Чехословакии, к началу войны³¹. И, наконец, то, что многие младороссы в первые дни войны

²⁸ См. выпущенную нами запись Вакара от 27 января 1939: «В "Возрождении" сегодня напечатана заметка под заглавием "Эх, яблочко, куда котишься...": "Нам сообщают, что в Париже образовался новый политический кружок, члены которого периодически собираются каждый месяц в ресторане на бульваре Экзельманс на совещание о судьбах России и о том, какой политической линии следует придерживаться эмиграции. В этот кружок входят эсеры гг. Бунаков-Фондаминский и Зензинов, сотрудники "Посл. новостей" — писательница г-жа Берберова, писатель г. Алданов и пресловутый Вакар, еврейский деятель г. Бассехес, друг красных испанцев и в частности Пассионарии проф. Федотов, евразиец и оборонец Алексеев, писатель г. Гуль, проф. Вышеславцев, проф. Угримов, покинувший Германию, младороссы гг. Казем-Бек и Елита-Вильчковский, политический деятель неопределенного направления г. Кадомцев и лица, в политическом отношении совершенно неизвестные, как гг. Кривошеин (И.А.), Грюнвальд (К.К.) и Ден (В.Б.)», а также публикуемые записи декабря 1938 — весны 1939.

²⁹ Близость идеологии младороссов к программе «Нового града» отмечали и редакторы «Современных записок», однако, в отличие от Варшавского, это была оценка со знаком «минус». В.В. Руднев и М.В. Вишняк, полемизируя с «Новым градом» и с Фондаминским, неоднократно упрекали последнего за его увлечение «революционной» молодежью, за близость лозунгов Фондаминского («Бог и Совет») и Казем-Бека («Царь и Совет»). См.: Вишняк М.В. «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993 (1-е изд. — Нью-Йорк, 1957). С.219-220.

³⁰ Варшавский В.С. Указ. соч. С.63-65. См. также: Вертинский А. Указ. соч. С.193-194.

³¹ См., напр. заявление в «Бодрости»: «Если новое насилие немцев разрастется в мировую бойню, то борьба за человеческую свободу и элементарную справедли-

вступили в ряды французской армии, а впоследствии стали участниками Сопrotивления. В 1941, после нападения Гитлера на СССР, партия младороссов была официально распущена Казем-Бекoм.

В дневнике Вакара представлен детальный отчет «сочувствующего» о последних трех годах деятельности младороссов. Пристрастия автора очевидны: он явно отдает предпочтение младороссовской теории и практике, выгодно противопоставляя их «генеральной линии» Милюкова. В этом Вакар — типичный представитель партии «эмигрантских сыновей». Типична его судьба: белогвардеец, затем сотрудник «Последних новостей», находящийся в открытой оппозиции по отношению к редактору³². Типичен интерес к событиям, происходящим в России, объединявший во многом таких разных выразителей «пореволуционерного» сознания, как сменовеховцы, евразийцы, младороссы. Типичны размышления о возможной реформе советского общества (см. многочисленные записи в дневнике под общим заглавием «О реформе»), нашедшие отражение в статьях и изданной после войны книге «Корневище советского общества. Воздействие крестьянской культуры России на советское государство»³³. Наконец, и по возрасту Вакар принадлежал скорее к поколению «сыновей», вполне разделяя их отношение к «отцам» как к «обломкам прошлого».

В дневнике много имен, сопровождающихся своего рода портретными зарисовками, беглыми карандашными набросками, точными и зачастую невероятно едкими. Надо полагать, сказались не только репортерская практика, но и характер — недаром Дон Аминадо назвал автора «братоубийственным Вакаром»³⁴. Вакар не щадит ни старых, ни молодых, но и здесь больше достается «отцам» и их сторонникам. Пожалуй, единственное исключение автор сделал для своего друга — И.П. Демидова; впрочем, и сам Демидов, при всей своей преданности «Папе», при определенных обстоятельствах готов «задраться» (см., напр., запись от 27 февраля 1939). Что же касается остальных эрдеков и сотрудников редакции, равно как и соратников Вакара по «Обществу изучения народов России», они нередко представлены в самом невыгодном для себя виде.

У дневника есть еще одна особенность, своего рода «фигура умолчания». Большая часть упоминаемых Вакаром лиц были масонами, при-

вость поднимет против национал-социализма и развращенной им Германии не только государства и народы, но и всех честных людей» (Казем-Бек, 1939); «Когда нас спрашивали, почему мы против Гитлера, мы неизменно отвечали: потому же, почему мы против Сталина. /.../ Подход младороссов не только подход патриота, охраняющего целостность и честь своей родины. Подход младоросса также и духовный подход. /.../ Младороссовость есть учение о примате духа, а не о примате силы. Для младороссов цель не оправдывает средства, и макиавеллизм заранее осужден» (Елита-Вильчковский, 1939). Цит. по: Варшавский В. Указ. соч. С.65-66.

³² Биографические сведения о Вакаре весьма скудны. См.: Берберова Н. Люди и логи. Русские масоны XX столетия. Харьков; М., 1997. С.142, 221-222; Вишняк М.В. Годы эмиграции (1919-1969). Париж—Нью-Йорк (Воспоминания). Stanford, 1970. С.247; Бирман М. Указ. соч. С.153 (с фотогр.); Дон Аминадо. Указ. соч. С.307.

³³ Отзыв о книге см.: Вишняк М.В. Указ. соч. С.245-247.

³⁴ Дон Аминадо. Указ. соч. С.307.

чем некоторые из них (напр., гр. Бобринский, Волков, Кривошеин, Савинков) принадлежали к той же ложе «Астрея» Шотландского устава, что и Вакар. (Интересно отметить, что Вакар вступил в братство еще в России и стал одним из инициаторов открытия лож обоих уставов в эмиграции, обращаясь к братьям с письмами, в которых просил их воскресить русское масонство³⁵.) Между тем в тексте нет ни единого намека на масонскую деятельность, хотя «время от конца 20-х гг. до падения Парижа является апогеем русского масонства в эмиграции», а к требуемому уставом соблюдению тайны многие в эти годы относились как к чему-то «совершенно непонятному», поскольку жили в стране, «где на 90% правили масоны»³⁶. В переписке Г.Адамовича, например, нередки иронические упоминания о масонских агапах и докладах, которые он там читал. Возможно, умолчания Вакара объясняются тем, что многие люди его поколения смотрели на «сессии» как на клубные встречи, считая масонские церемонии потерей времени и воспринимая храм как клуб. В предвоенные годы средний возраст братьев стремительно повышался, что позволило В.Ходасевичу заметить, что «эмигрантское масонство — это смесь парламента и сиротского приюта для стариков»³⁷.

Структурно дневник состоит из трех частей, неравноценных по объему и весьма различных по характеру записей. В первой части записи достаточно регулярны и подробны, с детальными описаниями событий и разговоров; именно эта часть изобилует именами. Записи второй части не менее детальны, однако делались они не сразу, а по прошествии иногда довольно продолжительного времени, и многое записывалось по памяти. Во второй части содержатся самые обширные записи о реформе советского государства, сопровождающиеся развернутыми конспектами работ других авторов в этой области (последние выпущены нами при публикации). Третья часть самая меньшая как по объему, так и по хронологии: на девяти страницах описаны события четырех дней — с 8 по 11 июня 1940. Однако по содержанию — массовый исход из Парижа накануне вступления гитлеровцев — и по манере изложения она по справедливости может быть отнесена к самым драматичным документальным свидетельствам, оставленным эмиграцией.

Оригинальная рукопись дневника хранится в собрании Вакара Архива русской и восточноевропейской истории и культуры (Бахметевского) Колумбийского университета г.Нью-Йорка (BAR. Vakar Manuscripts). Текст печатается по хранящейся в этом же собрании машинописной копии, сверенной с рукописью; при подготовке текста к печати были сделаны незначительные сокращения (выпущены повторы, записи сугубо личного характера и упомянутые выше конспекты работ других авторов). Дописывания и пояснения публикатора в тексте заключены в квадратные скобки, купюры — в косые. В силу указанных особенностей текста представляется целесообразным разделить комментарий на два блока: реально собы-

³⁵ Берберова Н. Указ. соч. С.139, 142, 144, 167, 196, 221-222.

³⁶ Там же. С.99.

³⁷ Там же. См. также: Гуль Р. Указ. соч. С.164-188.

тийный и персональный, поместив в Списке имен биографические справки о тех лицах, сведения о которых удалось разыскать.

Публикатор выражает благодарность сотрудникам архива за любезно предоставленное разрешение опубликовать дневник, а также американскому фонду Фулбрайт, стипендия которого сделала возможной работу в архиве.

1938 год

13 декабря

Обед на 19, бульвар Экзельман. К.С.Елита-Вильчковский говорил о нем за месяц вперед. У младороссов цель двойная: познакомиться «левых» с собой — мы-де ничуть не страшные — и познакомиться свою молодежь с «левыми». Это, будто бы, даст их легким больше дыхания. О в.кн. Владимире Кирилловиче он говорит:

— Никого, кроме нас да старых «государевых людей», которых его мать, в.кн. Виктория Федоровна, гнала с порога, он не видал. «Левая общественность» для него — это нечто вроде «Гоминдана» в обычном эмигрантском представлении... А юноша он вдумчивый, хочет учиться, знать. Воспитание он получил совсем иное, чем прочие великие князья: прост, скромн, знает чувство ответственности, до всего желает дойти своим умом¹.

Одним словом — не Романов! Правда, отец тоже, говорят, отличался от прочих членов семьи (хоть тоже звезд с неба не хватал), а Виктория Федоровна была, по общему отзыву, умнейшей и глубоко европейской женщиной. Царскосельский «мистицизм» самодержавия ей был органически чужд, и так она воспитала сына... Вильчковский с гордостью говорит это, и вывод: «Влад. Кирил. природный младоросс!».

Бог его знает, так ли это. Но если монарху суждено вновь стать над Россией, то выходит, по словам Вильчковского и Казем-Бека, что «лучшего не найти». Они уверяют, что сами лишены всякой «мистики самодержавия»; для них монарх — средство, форма и символ. Говорят о монархии с молодым цинизмом, утилитарно. «Божьей милостью» — это для других; а для них — «продавец идолов не верует в богов, потому что знает, из чего они сделаны». В этом у меня с ними разногласия нет. Монархия для них то же, что для меня республика. Если мелкая политика не испортит их, то К.-Б. и В. звучат, как будто, подлинными демократами, мечтателями о свободном человечестве.

Монархия, республика, диктатура, папская власть или матриархат — все хорошо, если может обеспечить устройство человека на земле. Если так, то мы кровные родственники. Но это значит, что либо они скрутят царя, либо выкинут его и станут

республиканцами горячее эрдеков (смешно как-то: эрдек и «горячий»! делаются они из холодной слизи). Но вот потом В. звонил, говорил, что контакт «царя с левыми» отложен на неопределенное будущее (когда повзрослеет?), а пока затевается нечто вроде передвижного клуба: встреча за обедом...

Приехал около 11 часов ночи, так как писал Плевницкую (7-ой день процесса). Зал над бистро. Все съедено, все выпито, в табачном дыму стоит Д.М.Одинец и говорит об Украине. Сел между Казем-Бекком и Анри Роллен, заказал холодного индюка с салатом и красного вина — с 3-х часов дня не ел... Атмосфера дружеская, размягченная вином, располагающая к чувствительности и словообилию (вроде масонских агап). Одинец говорит от души, со слезой. Слушают человек 30-35. Тут Н.Н.Алексеев, Б.П.Вышеславцев, Г.П.Федотов, И.И.Бунаков, В.М.Зензинов, Б.П.Кадомцев, В.В.Вырубов, К.К.Грюнвальд, Бассехес, М.Н.Энден, гр. П.А.Бобринский, И.А.Кривошеин, Мустафа Чокаев (которого я привел) и десятка полтора младороссов. После Одинца говорили Алексеев, Муравьев, Казем-Бек... Объясняются, что на этом обеде все — «хозяева», роль младороссов «чисто техническая» (найти помещение, собрать деньги с обедающих, расплатиться). Никаких обязательств, никаких решений. Просто русские патриоты, которые хотят познакомиться друг с другом (многие, правда, раньше не были знакомы) и обменяться мнениями. А русскому человеку — только было бы где поговорить! Обед, правда, прошел отлично. После обеда К.К.Грюнвальд отвел меня на лестницу и сказал: «В.кн. Дмитрий Павлович очень хочет познакомиться с вами и побеседовать». — «О чем?» — «Вообще, на текущие темы». Хорошо. Была уже у меня такая беседа с его сестрой в.кн. Марией Павловной, через посредство того же Грюнвальда. Вреда не будет и пользы не будет. Отказаться же неудобно (на каком основании?). Встреча в понедельник, второе в Травелерс Клубе.

19 дек[абря]

Беседа с в.кн. Дмитрием Павловичем, в присутствии К.К.Грюнвальда, в 6 час. дня в Травелерс Клубе на Елисейских полях. В.кн. мил и радушен. Развинчен в манерах, но не глуп, разговорчив и легко скользит по всем темам. Сначала он говорил, а я молчал. Потом и я заговорил, стараясь не обидеть, но называл вещи своими именами. В трех местах мои слова его задели, он распалился, но человек он светский, легко сдержался. (1) народоправство — Д.П.: «Народоправство я признаю в Англии, где оно существует 1200 лет и где страна могла позволить себе переме-

ну короля за десять дней до коронации. А у нас (*запальчиво*) какое может быть народоправство! Вы хотите повторить, что было? Они моего отца убили!». (2) В ответ на мое замечание о республиканском недоверии к монархии — Д.П.: «Пусть Милюкову 80 лет, пусть он болен, пусть имеет свою газету! Но какое он имеет право не верить мне?» — Я: «Ваше Высочество, никто не сомневается в вашей искренности. Недоверие не к вам, а к вашим силам: сумеет ли монарх осуществить добрые намерения через посредство тех, кто окружают его, являются единственными исполнителями его воли, а потому и связывают ее веревками, которых не порвешь!» (3) Чтобы понять позицию Милюкова, говорю я, надо вспомнить, что поворотным моментом в его отношении к монархии была его беседа с в.кн. Михаилом Александровичем 3 марта 1917 года: «Милюков убедился тогда, что в трагическую для России минуту династия оказалась неспособной понять интересы страны и проявить необходимую твердость воли². Такую неспособность он не мог приписать лично в.кн. Михаилу Александровичу, который в эту минуту представлял собой династию, выражал итог 300-летнего царствования. Династия, в глазах Милюкова, провалилась — безвозвратно провалилась». — Д.П.: «Он не имел права делать распространительный вывод! Мы такие же слуги России, как и он сам».

Беседа в общем сумбурная, кончилась в восьмом часу. Грюнвальд провожал и долго держал меня за пуговицу в метро, убеждая отказаться от кадетского «доктринерства». /.../

24 дек[абря]

Д.М.Одинец пришел в редакцию с радостным сообщением, что сегодня он завтракал с вел. кн. Дмитрием Павловичем. (Это, говорят, второй завтрак: на первом были Бунаков и Одинец, на втором — Одинец и Н.А.Базили). Великий князь, он говорит, хочет повидаться с П.Н.Милюковым. Очевидно, Одинец уговорил Д.П. и вызвался в посредники. (После беседы со мной Д.П. должен был вынести впечатление, что встреча с П.Н. вполне беспредметна). П.Н. болен и принять Одинца не может. В.А.Могилевский едет к нему по личным его делам и взялся передать поручение.

26 дек[абря]

П.Н. отнесся к предложению Одинца равнодушно; но велел передать, что готов принять вел. князя, когда оправится от болезни.

Большой разговор с П.Н. Он полулежит в кресле, за письменным столом. Вид обычный. На как-то одряхлел за три недели, что я его не видел.

Рассказал ему про обед и про французский доклад Казем-Бека. Обед П.Н. осудил, а доклад одобрил. Рассказал ему про беседу с в.кн. Дмитрием Павловичем. Он слушал насторожившись. Внимательно прочел мое письмо вел. князю и вернул, покачав головой:

— Ну, надавали вы им авансов!

— Наоборот, Павел Николаевич, я ясно отмежевался.

Дальше последовал такой диалог:

Милюков: (без раздражения; беседа вообще протекала в дружеском тоне): Вы в известном смысле протягиваете руку. Указываете пути, как получить содействие на нашей стороне.

Я: Вопрос так не ставился. Вел. князь не искал содействия или сочувствия. Но спрашивал: «Если монархия осуществится, каково будет отношение к ней со стороны патриотов-республиканцев?»

Милюков: Свое отношение мы тогда и установим. Говорить теперь об этом рано.

Я: Но можно же сказать, чем мы будем руководствоваться, устанавливая тогда наши отношения.

Милюков: Вы облегчаете им задачу. Это не наше дело. Становясь на такой путь, мы теряем свой. (Он не допускает, что русская монархия может «европеизироваться»). Вы говорили ему о «вере», но они эту веру понимают по-своему. Вся их система держится на вере. А наша — на убеждении.

Я: Как провести границу между верой и убеждением? Всякое убеждение вытекает из веры во что-нибудь, связано с верой в правду этого. Редки случаи, когда убеждения вытекают из знания, особенно же в политике, которая не есть точное знание. В России люди верили в Маркса, не читая его. Откуда мы знаем, что республика хороша для России, мы только верим в это.

Милюков: У них вера другая, которой неудобно сожительствовать с нашей. Для них царь не просто человек. Он — поставлен Божьей милостью, правит Божьим промыслом. От этого они не могут отказаться. А с этим нам делать нечего.

Я: Не знаю... Речи о том в нашей беседе не было. Английский пример, на который в.кн. Дмитрий Павлович сослался, противоречит как будто такому убеждению.

Милюков: Ну, это он говорил о чужой монархии. А в России они не представляют ее иначе.

Я: Жалею, что не догадался поставить вопрос прямо. Может быть, я вынес ошибочное впечатление. Но если даже допустить, что это так, то ведь в прошлом это, как будто, не влияло на определение кадетской политики? Против «божественного начала» партия не сражалась.

Милюков: Поскольку традиция существовала, мы ее не трога-ли. Но раз она выкорчевана из русской действительности, то вос-становливать ее не к чему.

Одним словом, мне совет быть осторожнее. На эпизод с в.кн. Михаилом Александровичем я указал верно: Милюков улыбнулся и подтвердил: «Это дело гнилое. Династия выродилась!».

1939

2 января

Игорь и Могилевский шипят. Оказывается, я чуть не уморил П.Н.: просидел полтора часа и курил. После моего ухода он почувствовал себя плохо, звали врача. Нина Васильевна³ в гневе, но сам он — я говорил с ним сегодня по телефону, просил извинить — добродушно смеется, ничего. /.../

24 янв[аря]

«Папа»⁴ передал предостережение через Игоря: полегче с великими князьями! На обеды дуется. Запретил эрдекам⁵ ходить. «А Вакару?» — спрашивает Игорь. «Нет, — говорит. — Я с ним говорил и надеюсь, он учел мои советы...» Игорь в панике. «Подумай, в какое положение ты себя ставишь!» Но капитулировать не могу. Ни в чем с республиканских позиций (партия Народной Свободы) я не сходил и не схожу. Но и пребывать в безделии не могу и не желаю. Будь «Папа» здоров, я бы задрался. Но зря раздражать старика тоже нехорошо. На обедах от речей пока воздержусь. Свое сказал уже. А там видно будет, по ходу дела.

Вчера ответил на вопрос В., что у нас делается:

— «Папа» построил большое кладбище, на котором единственный живой человек он сам, сторож. Построил и забросил; навещается нерегулярно. Но подниматься из могил не позволяет... Так и живут мертвецы. Есть среди них несколько заживо погребенных. Они бы и сбежали, да бежать некуда. Притворяются мертвыми. Притворяются до того, что Игорь, например, вправду поверил, что он покойник. Сторож доволен — порядок! /.../

Возил Анну к д-ру И.И.Манухину. Он добр и мил, как всегда. Но сердится: «Зачем возитесь с великими князьями? На что они? Романовы не нужны России». Выслушал меня и успокоился. С младороссами он не согласен, но уважает — «живые люди». И тут же рассказал, что держал речь на тему «Романовых не надо!» в русской лавке. Хозяин слушал сочувственно, потом вдруг заморгал глазами. Манухин обернулся, видит — в.кн. Андрей Владимирович. Не смутился ничуть, рассмеялся и громко сказал: «Ну, значит, дошло по адресу». Вел. князь побледнел, сделал вид, что не слышал... А Манухин доволен, как ребенок. Сражается против Романовых в церкви. Добился (на двадцатом году революции!), чтобы вел. князьям не выносили теплоту, не пятились от них задом в алтарь; теперь добивается, чтобы попы не целовали им руку. А митрополит Евлогий ему: «Я сам целую». — «Плюнул я, — говорит Манухин, — и ушел».

О в.кн. Влад. Кирилл. он слышал только дурное: «Глупый, тупой и жестокий. Говорит, твердая рука нужна и посечь нужно». Знает, будто бы, из первоисточника. Интересно бы все-таки посмотреть на мальчика. Кстати, В.М.Зензинов (который не понимает, почему младороссы носятся с царем, хотя сам против него «ничего не имеет») рассказал на днях: «Юноша-то он, говорит, хороший, только путает тревник с нужником... На экзамене по закону Божьему спутал»⁶.

Папе сегодня 80 лет. Ровесник Вильгельма II, родились в тот же день. Поздравляли от газеты и от РДО — Игорь, А.Поляков, Волков, Александров и Могилевский. Поднесли от всех нас энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Покраснел от радости, взволновался. Стал тотчас с Волковым освобождать место на полках. Игорь даже испугался: хорошо ли старику такое волнение. Потом Папа сообщил с удовольствием, что получил поздравление Казем-Бека и тут же его огласил (молодцы!). Поговорили о деле, о том о сем, затем Александров перевел разговор на политику. Папа опасается предстоящего доклада Д.М.Одинца (об Украине, 3 февраля в РДО): неизвестно, что наговорит... «Тут вообще неладное творится в умах. Вот и Вакар прислал нехорошую статью — такую, что ни в "Посл. Новостях", ни в "Русск. Записках" не могу напечатать...» (Это о «Самостийниках»⁷). /.../

Утром звонил Грюнвальд. В.кн. Дмитрий Павлович желал бы продолжить переписку. Удовлетворен ли я ответом? Ответ, го-

ворю, любезный и благонамеренный, но слишком уж расплывчат — отказ от обмена мыслей по существу. «Что вы! Наоборот, великий князь ждет новых вопросов». От встречи с вел. князем я уклонился, но условился свидеться с Грюнвальдом⁸.

Днем доклад М.Шаповала (см. отчет в газете). Любопытный эпизод в перерыве. Разговариваю с Шаповалом по-русски. Подходит молодой человек грузинского типа, хочет задать Шаповалу несколько вопросов. «Но, — говорит, — по-украински я не говорю, не умею».

— Ничего, найдем язык.

— Вы говорите по-французски?

— Плохо.

— Может быть, по-немецки?

— Совсем не говорю.

— Как же нам нам быть?!

Молодой человек в недоумении разводит руками. А весь этот диалог между ним и Шаповалом — по-русски!

Н.В.Калишевич вспоминает по этому поводу, что при гетмане Скоропадском один министр (кажется, Бутенко) писал другому (кажется, Ржепецкому) — оба коренные киевляне — служебный отзыв по-русски, а ответ получил по-украински приблизительно такой: «Вы изволили написать нам на непонятном языке. Просим писать по-украински. Если же Вы не владеете еще украинским, то просим писать на языке, который понимают все цивилизованные люди, т.е. по-французски»⁹.

Перед уходом из редакции пил кофе с М.А.Алдановым. Разговор все о том же: «Придется пойти на обед 6-го февраля, раз "Возрождение" запретило». Сочувствует мне в конфликте с Папой. Но он всегда всем сочувствует. Папу не осуждает — он никогда никого не осуждает, — но удивленно поднимает брови. Вреда от «великих князей» не видит, хотя не видит и пользы. Признает достоинства младороссов. «Вы правы, — говорит, — если они станут республиканцами, то будут горячими республиканцами». Но и против того, чтобы они оставались монархистами, не возражает. «У монархии есть шансы в России, и не малые», — говорит. Лучше, по его мнению, чтобы при царе были младороссы, чем, например, св. князь М.К.Горчаков (которому он, между прочим, тоже сочувствует и с которым завтракает, чего никак не может вытерпеть М.В.Вишняк). /.../

4 февр[аля]

Пил чай с Вильчковским в Селекте. Показал письмо в.кн. Дмитрия Павловича и мой ответ. Он просил дать ему копию, что-

бы показать А.Л.Казем-Беку, который не мог прийти (лежит с повязкой на глазу: злокачественный ячмень). В. хочет, чтобы К.Б. отвез это письмо в Лондон и показал в.кн. Владимиру Кирилловичу, может быть, его самого удастся втянуть в обмен мнений. Форму же их хитрые головы какую-нибудь придумают. Цель? Она не ясна мне. Если переписка не приведет к согласию, то это хорошо, а если приведет, то плохо. Почему? — удивляется Вильчковский. А потому что, что же нам тогда с ними делать? Они нам не нужны. Не нужны Милюкову и зрдекам, потому что они не верят, что Романовы еще могут сыграть какую-то роль в истории России. А совращать их на нашу точку зрения, не значит ли внушать им ложные надежды?

Обмен писем с в.кн. Дмитрием Павловичем дело светской любезности. Я предлагаю В. поставить на этом точку.

8 фев[аля]

Дэйвис, уполномоченный Карнеги в Европе, интересуется национальным вопросом в России, так как по должности занят «примирением народов». Для него И.Н.Ефремов устраивает чаепитие у себя на будущей неделе и приехал пригласить Игоря и меня. Будут, кроме того, Бунаков и Одиноц. Если интерес у Дэйвиса серьезный, то, может быть, удастся склонить его к мысли издать в Институте Карнеги несколько трудов на русскую тему. Ведь ничего, ничего нет об этом, кроме Милюкова («Национальный вопрос» и «Россия на переломе») и казенно-советской писанины¹⁰.

А.Г.Бармин, с которым просидел весь вечер, разоблачает Эр. Волленберга — точно не знает, но уверен, что это заурядный чекист, разыгрывающий Хлестакова. Говорит убедительно. Досадно, что я попал в дураки. Хорошо еще, если только Хлестаков! А может быть, и провокатор. Надо предупредить Зензинова и Б.Суварина (особенно последнего, так как Волленберг, кажется, втерся к меньшевикам и в институт Николаевского, где вообще пахнет плохо). /.../

14 февраля

Дэйвис может пить чай у И.Н.Ефремова только в воскресенье днем. Стало быть, будет пить без меня. Бунаков ведет туда Н.Н.Алексеева, я постараюсь послать Игоря.

В течение часа накачивал Бунакова по телефону. Наша задача — всецело в рамках задач Института Карнеги. Но для нас распадается на две: 1) информация о Росс[ийских] нац[иональных]

проблемах иностр[анного] обществ[енного] мнения и 2) воспитание русского человека в национ[альном] вопросе.

Бунаков согласен. Сомневается только, сумеет ли вернуть, не обидев Ефремова. Сумеет! Недаром он — Вазелин Вазелинович. /.../

18 февраля

От 6 до 9 обрабатывали с Вильчковским Бунакова перед свиданием с Дэйвисом. Бунаков, правда, подходит к этому как к разновидности «Новой России» или «Нового Града»¹¹... Присутствовал Воронцов-Вельяминов, но ничем не помог: молодежь сохраняет почтение к старикам. Однако на Бунакова молчал, а нам поддакивал.

Уговорили сравнительно быстро, что редакция Одинца ничего журналу не прибавит, но много убавит: русские в Польше не забыли, что он их бросил (с Савинковым) на произвол судьбы; русские вспомнят, что он тогда признавал (с Савинковым) всех самостийников; а украинцы, что независимую Украину он признал после петлюровского договора 1920 года¹²... Собственно говоря, был не лучше сегодняшних пораженцев! Куда же с таким редактором?

Убедили, что нужен не журнал, а сборник, который может быть периодическим. Осторожно — с сотрудничеством Н.Н.Алексеева. Ученый он хороший, но совесть, как у складного ножика. Наметили программу. Разногласий нет. Но неясное расхождение о «методе» и о «ролях». Трудно понять, что он хочет. А главное, он уже обещал жалование Одиincu. Против технической роли О. мы не возражаем: пусть получает! Но редакция должна быть своя. Я отказался. Пусть: Бунаков и младороссы. Этого довольно.

Дэйвису надо сказать, что Карнеги ничего за 20 лет не сделал для России. Напасть, обругать! Сейчас дело не только, чтобы мирить государства с государствами (куда им!), но народы с народами: не Россию с соседями, а народы внутри России... Бунаков намотал все это на ус. Подсказал ему мысль о библиотеке Карнеги по нац[иональному] вопросу в России. Он думает, что легче пройдет, чем сборник.

Одним словом, поделили шкуру, а можно ли убить медведя, неизвестно.

Авторы первого сборника (если *будет*): Милюков (перепечатка, если даст), Бунаков, Одинец, Вакар, Федотов, Вильчковский или Казем-Бек — по существу; Смирницкий, Оболенский (Карпатская Русь), Керенский и др. — о нацменьшинствах.

Если с Карнеги ничего не выйдет, то возможна комбинация с «Домом Книги» или подыскать французское издательство, чтобы дало имя... Желание — большое. Только бы удалось сделать его поударнее!

Звонил Б.Н.Чижов. Сын ген[ерала] Абрамова выслан из Болгарии за сношения с большевиками!

19 февраля

А.И.Коновалов опубликовал полный список к[омитета] по организации 80-тилетнего юбилея Папы. Выглядит это ужасно! Пять тов[арищей] председателя, генер[альный] секретарь, просто секретарь, 21 член бюро, 150 членов комитета... Чтобы организовать что? Поздравить старика, прочесть приветствия, напечатать в газетах. 170 организаторов!! — подхалимаж в советском стиле.

Очевидно, будет на днях опубликован дополнительный список членов, такой же длинный. 170 организаторов мало! Уже Георгий Песков подала жалобу, что ее обидели... А сколько таких обойденных, которые желают отвесить поклон? Г.Песков убеждена, что ее последний рассказ зарезан потому, что ее нет в юбилейном комитете.

21 февраля

Бунаков молчит о свидании с Дэйвисом у Ефремова (в воскресенье): ни мне не звонил (а свидание устроил я), ни младороссам (а они его пайщики в деле). Очевидно, ловкий Одинец наложил лапу, как и следовало ожидать...

Вильчковский не выдержал и сам позвонил Бунакову, а потом мне, чтобы рассказать. Бунаков, как ни в чем не бывало, объяснил, что было очень интересно, и они удачно говорили, и Дэйвис со всем согласен. Однако практического разговора не было, т.к. *Одинец успел предупредить*, что денег у Карнеги нет в Европе: надо давить на Америку. И Дэйвис, будто бы, обещал туда написать... Вильчковский встревожен. Он прав, разумеется. Если можно что-нибудь сделать, то делать все будет Одинец, скрутив блаженного Илью, и в лучшем случае самому себе что-нибудь выскрести. А дело плакало!

Оно вообще плакало. Бунаков мечтает о воскрешении «ордена русской интеллигенции»¹³, в расширенном составе (за счет младороссов) — that is the idea! Одинец ищет устроить собственную лавочку. Младороссы же согласны со мной, что в деле о сборнике надо исходить из *темы* и из *идей*, а не из людей... Стря-

пять при его помощи какое-то «объединение» — глупая и вредная затея!

Какое из этих трех течений возьмет верх, неизвестно. Вероятно, одинцовское, как наиболее простое и человеческое. Отвратно!

В конце концов, пусть Одинец устраивается, только бы хоть какая-нибудь польза вышла и делу. Но как она выйдет? Эмигрантская память коротка, это верно, но все же трудно забыть, что в 1920-21 гг. Одинец был откровенным *пораженцем*, одобрял и поддерживал *польский поход на Киев*, признавал украинскую самостоятельность *в лице Петлюры и после договора 1920 года*, т.е. отдавал всю русскую Украину под *польский протекторат*, не говоря уж о границах Рижского мира¹⁴. Об этом мне напомнили украинцы. Да и я сам вспоминаю, как был в Варшаве в феврале 1921 года, и как Одинец устроил в Английской гостинице банкет «Союза возрождения» с поляками (хартии «вызволения», кажется; помню, был Веселовский, а других забыл); тогда Одинец сказал речь, в которой все признавал, что нужно Польше (приспособлялся); я же скромно заметил, что «окончательное размежевание следует определить плебисцитом по обе стороны Рижской границы». Об этом почему-то дали из Варшавы телеграмму в «Темпы», и год спустя польское правительство отказало мне в визе (пришлось ехать с фальшивым чешским паспортом через Ужгород).

Украинцы теперь спрашивают: кого обманывал Одинец — поляков, украинцев или русских?

Папа справедливо заметил в беседе со Ступницким, что у Одинца нет «морального авторитета». Куда уж там! Но любопытен разговор со Ступницким. Окончили говорить о каком-то деле, С. прощается, а Папа вдруг: «Ничего не слышали про обеды?» — «Не только слышал, но получил приглашение и не мог быть только по случайным обстоятельствам, а пойду на следующий». — «Этого *не следует* делать!» Тут С. с природной своей грубоватостью: «Когда на днях меня спросили в одном доме, правду ли рассказывает Одинец, будто П.Н. запретил ходить на обеды, я громко заявил, что Одинец все наврал и что Вы такого запрета не могли давать, т.к. нельзя запрещать никому обедать...»

На это Папа мог только развести руками, но заметил: «Все-таки это опасно. Я бы *не советовал* ходить». На вопрос, говорил ли он со мной, Папа ответил: «Нет, я говорил с ним на параллельные темы (!)... Он поступил очень неосторожно, вступив в переписку с великим князем».

А на вопрос о младороссах С. объявил мужественно: «Я с Вами не согласен, П.Н., я считаю младороссов самым положительным элементом в эмиграции».

Тяжело слышать это в 80 лет! А Ступницкому — спасибо.

По моему совету Вильчковский должен: 1) сегодня составить записку для Дэйвиса, чтобы опередить Одинца, 2) потребовать своего участия в дальнейших переговорах, 3) пригрозить разрывом и изданием собственного сборника, если те будут крутить свою интригу... Бунаков привык ловить рыбу на удочку, а Одинец по-разбойничьи бьёт острогой.

— Как же нам быть? — спрашивает Вильчковский.

— Отводите рыбу к другому берегу, ловите неводом.

22 февраля

Вильчковский составил хорошую записку, предупредив о ней Бунакова письмом. Намечен план действий и в Америке (где В. хочет обработать М.Флоринского при помощи в.кн. Марии Павловны).

Вечером говорил с А.И.Угримовым, прося надавить на Бунакова: учредить «конституцию», привлечь младороссов к дальнейшим переговорам с Дэйвисом, ввести Одинца с Алексеевым в рамки. /.../

24 февраля

/.../ Н.Н.Берберова и Н.В.Макеев говорили с В.В.Рудневым насчет обедов. Тот не мог понять. «Что это, политический клуб? Тогда я согласен». Макеев говорит: «Да, клуб», а Берберова: «Нет, не только клуб». Бедный Руднев не знает, как быть... Если теперь грянет гром из печати, какая реклама для затеи, вырождающейся в обыкновенный салон для масонов и эмигрантских снобов! Вишняк и Милюков опаздывают на 2 месяца.

25 февраля

Звонил Вильчковский. От Бунакова — ни слуху, ни духу. Записка послана ему. В понедельник встретил младороссов с ним и с Керенским. Я рассказал про вчерашние сплетни. Вильчковский поражен. Что делать? Посоветовал ему приготовить: 1) Декларацию для обедов с объяснением, что это просто «эмигрантский клуб», «салон», не ставящий никаких целей, кроме общения; 2) проект создания «Российского этнографического о[бществ]а» или «О[бществ]а изучения народов России», или вообще как-нибудь, но строго *академического* учреждения, с привлечением всяких разных спецов, вплоть до самостийников и иностранцев, чтобы от его имени вести дальнейшие переговоры с Карнеги и парализовать отсебятину Одинца.

Это последняя отчаянная попытка. У стариков — мертвая хватка на американские доллары (хотя долларов еще нет!). Младороссов они все равно слопают. /.../

27 февраля

Обдумывали с Вильчковским план создания «О[бщест]ва изучения народов России». Он прав: общество — молодое, стариков — в почетные члены, иностранцы — члены-корреспонденты. Однако где взять молодых? Кое-кого наметили. Надо поискать среди быв[ших] учеников акад[емика] Кондакова.

А.И.Угримов, оказывается, сочинил записку по аграрному вопросу для младороссов. Целая программа. Вильчковский обещал прислать. Думали, кого бы приспособить к экономической теме (организация промышленности и торговли). Задача необыкновенно трудная. А выходит, что никого, кроме М.Эндена, как будто нет. Надо бы сочинить дискуссию. Я развивал идею обобществления капитала в условиях свободного соревнования (общественная, коммунальная, корпоративная собственность; либеральный режим в этой плоскости, регулируемый спросом, предложением и коллективным интересом наживы; монополия внешней торговли; капитал — орудие производства; обращение прибыли в государственную ренту). Однако, как ни противно восстановление частного капитализма в советских условиях — по-советских условиях, — это, может быть, единственный способ сохранения государственного единства: «Обогащайтесь на всем пространстве империи!» Ибо что иное, в этих условиях, как не жадность к *личной* наживе, может сломить центробежные *национальные* силы? Все же необходимо приготовить узду, ибо этот первобытный капитализм ужасен, беспощаден. Не локтями, а кистенем будут пробиваться к богатству!

М.А.Алданов сговорился с Керенским. Если Папа, воспользовавшись Вишняком, выступит против обедов в обидном тоне, то Алданов ответит Папе на страницах «Новой России». Просили Игоря, если статья Папы будет, показать предварительно нам обоим. Игорь журил нас: «А зачем ходили? Я вам говорил: с волками жить, по-волчьи выть». Алданов изумился: «Это вы о Павле Николаевиче так!» А Игорь, не смущаясь: «Я в его присутствии это говорю».

Вечером такая же сцена в редакции с В.Н.Маянтовымичем, которому Шарапов сообщил о решении РДО. Был большой крик и шум. Маянтовымич возмущился, но впал в колебание: идти или не идти? Решил пойти, но подать заявление с протестом против тоталитарных замашек правления РДО.

Обед — менее многочисленный, чем в прошлый раз. Казем-Бек, Кадомцев, Вяземский, Путятин, Р.Гуль, Бассехес, Одинец, Бунаков, Зензинов, Лапчинский, Грюнвальд, П.Андерсен, В.Зеньковский, Толмачева, Онфимовский, Оболенский, Ходасевич, Калишевич, А.Угримов, Алданов, Алексеев, Чокаев, Вильчковский, Извольская и др., всего человек 35.

Казем-Бек сказал вступительное слово, напомнив про цель собраний: создать более культурную атмосферу в политической русской среде. Пора научиться смотреть друг на друга не как на врагов, а как на политических противников, /не культивировать бактерии гражданской войны*/ и не считать друг друга мерзавцами из-за политических разногласий. Нравы создались ужасные, упали до того, что газету «Возрождение», например, стыдно брать в руки. Свирепствует доктрина бр. Солоневичей: «Стиснув зубы, бей в зубы». Наши встречи имели целью — пробудить реакцию на хамство. Научиться хотя бы западной парламентской жизни. Никаких задних мыслей не было, нет и быть не могло. Однако возникли подозрения. Прошу настойчиво воздержаться от полемики, чтобы сохранить дух наших встреч. Ошибочно культивировать бактерии гражданской войны. Никто никому здесь ни в чем не уступает. Здесь нет ни партий, ни организаций. Есть частные люди, которых объединяет то, что они русские.

А.Ф.Керенский сожалеет о том, что забыты старые русские парламентские нравы. Но, очевидно, эмигрантский быт имеет свои законы. Психологические препятствия /для общения**/ крепнут с каждым годом. Простой факт общения вызывает подозрения, печатаются статьи. Пусть печатаются! Я сам такую статью против наших встреч печатаю у себя и на нее отвечаю. Встреч я не боюсь ни с кем. Романтика прошлого меня не пугает, т.к. прошлое не воскреснет. Но мне ценны молодые люди, их русскость, чувство и пафос России. Задача — преодоление не идей, а психологии, которой пора стать европейской или американской. /.../

У *А.Г.Бармина*, у которого был вечером, усталый, измученный вид. Работа на заводе не легка. Хоть он и дипломат «пролетарского» государства, но от черного дела отвык. Очень интересно рассказывал о правящей верхушке. Только Киров мог спустить режим на тормозах к демократии. Был естественным наследником и мог сменить его при жизни. Сталин убил его. Вторым таким кандидатом мог быть Постышев. Оба — самородки революции, подлинные государственные люди. Сталин убил и Посты-

* Зачеркнуто. — *Публ.*

** Зачеркнуто. — *Публ.*

шева. Теперь — пустыня вокруг него. Жданов? Хрущев? О них Бармин отзывается презрительно: ничтожные люди, карьеристы и подхалимы. Жданов — типичный приказчик: «чего изволите!» В армии тоже пусто. Политическую роль она могла бы сыграть в 1925 году. Теперь наверху остался только Шапошников, потому что этого уж заменить буквально некем. Но Шапошников — спец. Он ловок, хитер, осторожен, учен, предан своему военному делу. О гражданской доблести нет и речи!

Сведена на нет национ[альная] политика 20 лет. Бармин уверяет, что вся нац[иональная] молодежь в республиках физически уничтожена за 2 последних года. Имперское сознание было очень велико, т.к. нац[иональные] кадры создавались при содействии центр[альной] сов[етской] власти. Сейчас все разрушено. Центро-стремит[ельные] силы обернулись центробежными. Злоба и ненависть к Москве таковы, что все распадется прахом, лишь ослабнут чекистские обручи. /.../

7 марта

Ступницкий был утром у Папы. Папа завел речь об обедах. Узнав, что С[тупницкий] хочет идти, огорчился. Произошел длинный и не вполне приятный разговор. Идти С[тупницкому] на обе-ды вообще в первый раз, после статьи Папы, явная демонстрация. С[тупницкий] сдался, но, говорит, выгородил меня и Алдана, а о Калишевиче вообще промолчал. Заключил мировую. Папа провожает С[тупницкого] в прихожую, в это время звонок. Появляется А.Александров. «Ах, как хорошо, что вижу вас! — говорит Ступницкому, — я посылал вам пневматичку». Почему пневматичку? «Потому что вчера заседало правление РДО и постановило: запретить эрдекам обедать». С[тупницкий] вспылал, наговорил Александрову дряни в присутствии Папы, который огорченно слушал, и ушел в великом раздражении. Это он сам рассказал мне по телефону, вернувшись домой. Хочет уходить из РДО. На обед, разумеется, не идет. Я одобрил его поведение и утешил, как мог.

10 марта

Вчера бурное заседание у эсеров по поводу обедов. Чуть не дошло до раскола.

С «Современных Записок» сняты имена редакторов. Тоже в связи с обедами? Очевидно, ввиду несовместимости Вишняка с Бунаковым¹⁵.

В 5 часов в Café Napolitain первое учредительное собрание «Общества изучения народов России»: А.И.Угримов, И.И.Бунаков, К.С.Елита-Вильчковский и я. Обсудили учредительную записку, наметили план работ и действий, состав учредительной группы (деловой, без знаменитостей, чтоб не задавило дела). Сговорились скоро. Опять соберемся в том же составе через неделю обсудить устав и приготовить все, что надо, для созыва учредительной группы. Бунаков оптимистичен, но сует непременно Одинца. Ладно! Очень деятелен Вильчковский.

11 марта

Вчера на докладе А.И.Маркова о самостийниках познакомился с Н.С.Абрамченком, секретарем Белорусской Громады. Сегодня был у него в мансарде под небом, на rue Gravillier. Диван-lit, книжные полки, чугунная печка, пишущая машинка на тесаном столе и ротатор... Славный, хороший малый. Обрадовался, как ребенок, что вот, наконец, нашелся русский, который любопытствовал. Говорили три часа — сначала у него, потом в кафе. Собрал литературу. Нужно непременно написать. В этом есть подлинное горение, самопожертвование, а стало быть, правда. В народе, видно, ненависть одинаковая к полякам и москалям. Но поляки ведут себя умнее. Культурный центр теперь не в Минске, а в Вильне. Надо /.../*

Белорусы согласны сделать доклад в нашем будущем «Обществе изучения народов».

Дома с любопытством читал литературу. Трудно, пока глаз не причитался к письму фонетически слишком точному, а потому глуповатому. Но переключал письмо на слух — на голос — легко все понимаешь, за исключением совсем особенных слов. Язык отстал от украинского, но вырабатывается быстро, нагоняет.

О повороте вспять, разумеется, не может быть и речи. Два новых славянских литературных языка — очевидный факт! Судьбу их решать будет, однако, не это поколение, совершившее фантастический скачок, а два ближайших. Устоим ли? /.../

13 марта

Трудный разговор с Папой: об Обществе изучения народов. Поехал рассказать ему, по совету Игоря. Слушал подозрительно: «нет ли связи с обедами». Но узнав, что дело «исторически» произошло от Ефремова, успокоился. Широких планов я не развер-

*Далее пропуск в рукописи. — Публ.

тывал — они вилами по воде писаны, — а говорил о реальном его виде и возможностях, как «кружка для сношения с национальностями». Перечислил, кого думаю привлечь с нашей стороны. Упомянул про Оболенского, но против него Папа возражает: «слишком ядовитый господин». Поморщился на Одинца, усомнился насчет Демидова. А вообще: «что ж, вреда не вижу!» Согласен дать Обществу, если будут средства на издание, оба своих труда. Мысль об украинском издании удивила, но понравилась. Покончили на том, что если «кружок» развернется во вредную сторону, то «можно будет всегда отойти». Во всяком случае, доволен тем, что в Обществе не будет ни Керенского, ни Казем-Бека.

Нейтралитет и даже как бы сочувствие, таким образом, обеспечены поначалу. В нашей духовной тесноте и это уже огромное достижение! Марков, Демидов, Ступницкий, Абациев могут идти, не смущаясь. Для Ефремова и Дэйвиса это тоже хорошо. Вильчковский и Оболенский приспособятся. А Бунакову не нужно ехать и уговаривать.

Я рад, что послушался Игоря: первый этап для Общества расчищен. /.../

15 марта

Папа потрясен исчезновением Чехии. Сам пишет передовые, а Игорь возит ему телеграммы. Вчера была трогательная сцена. Игорь заговорил о своей статье (передовой) в юбилейном номере: «хочу писать о Радищеве, Новикове и всей плеяде, последний представитель которой — вы!» Папу это так взволновало, что он поднялся, обошел вокруг стола и расцеловал Игоря в обе щеки. /.../

20 марта

Юбилей! Папа бодро вытерпел 2 часа поздравлений; слушал, сидя в кресле, отвечал стоя. В перерывах между приемом делегаций уходил в спальню отдыхать. Н.В.¹⁶ однажды рассказала, что Папа ложится около 12 ч., а встает в 6 ч. утра и сразу бежит к рабочему столу. Он говорит: «Днем я собираю мысли, а во сне связываю их». Бывает, что вскочит на рассвете, запишет и опять приляжет.

Работоспособность его, правда, ничуть не уменьшилась. Наоборот, предчувствуя близкий конец, торопится сделать то, что наметил, и не покидает кабинета.

Вчера застал его за тем, как он сам снимал тушью этнографическую карту на кальку. /.../

30 марта

Скучнейший завтрак франко-иностранной печати. Пустая речь Paul Ronsour'a, издевательство итальянца, бахвальство поляка, наглость Ильи Эренбурга, который линияет отвратительно, но не смущаясь. Говорит по-французски.

В.В.Сухомлин вернулся из Праги. Говорит, будто Е.Д.Кускова и С.Н.Прокопович, потеряв надежду на французскую визу, собираются в Америку. Спрашивал А.Я.Шульгина, где можно собрать за эти годы украинские протесты против польской политики в Галиции и на креслах. Оказывается, он «не знает»... Бесстыдник!

Два часа спустя, после Дягилевской выставки (там замечательны Л.Бакст и А.Н.Бенуа и безумно противен слоняющийся по залам С.Лифарь), опять встретил его на площади Palais-Royal. Он вдруг, ни с того, ни с сего, стал жаловаться на украинскую молодежь, «примитивных националистов», которая отрицает Драгоманова и всех «отцов» (в том числе, очевидно, самого А.Шульгина)... Я говорю: «Что ж жалуется? Она доводит до конца идеи и мораль, которые вы сами ей внушали». Он долго оправдывался на перекрестке, уверяя, что его неправильно понимали и понимают.

31 марта

Café Napolitain. 5-ое заседание!.. И с тем же итогом. Бунаков в печали: Одинец и Алексеев упорствуют, им не интересно идти в Институт, а «без них ничего не выйдет» (!) Признался, что сам плохо верит и в дело и в свои собственные силы. Звание секретаря смущает его. Мы не спорили. Секретарем решено сделать А.И.Угримова. Старик согласен: он близок к младороссам и заражен их духом. Но Б[унаков] настоял, чтобы при секретаре был устроен негласный «Совет» с участием Одинца и Бунакова. Я предложил Ступницкого, Вильчковский — Оболенского. Обсудили устав. Следующее собрание в расширенном составе, у Бунакова. Задача, на которой Б[унаков] настаивает: обломать Одинца и Алексеева... А по мне, черт бы их побрал!

Вильчковский обиделся и даже впал в запальчивость, узнав, что я не пойду на обед 12-го. «Если Милюков ставит такие условия, то мы не желаем с ним церемониться!» Я объяснил, что это — «не условие». Но ради чего раздражать мне старика? Ставить И[нститут] под удар ради удовольствия сидеть на обеде? Обеды я считаю делом безвредным, но и бесполезным. Институт мне дороже. Но он, такой вскипевший, и ушел. /.../

В[еликий] кн[язь] Владимир Кириллович поступил в Англии рабочим на завод. Мысль, которую я в ноябре высказывал Вильчковскому, очевидно, понравилась младороссам, и они же внушили ее молодому человеку. Но как он огорчил их на Пасху! Кап. Граф подсунул в[еликому] кн[язю] пасхальное обращение к «верноподданным», которое молодой человек подписал, не много размышляя. В лагере «Возрождения» ликуют, а бедные младороссы кричатся от досады. Пусть учатся!

В виде «санкции» «Бодрость» не напечатала «царское поздравление» и вообще не вышла на Пасху.

После того, как сегодня два часа «прели» у Бунакова, обмывая Одица (вот уже занятие, тыфу! только ради Бунакова и делаем), Вильчковский рассказал подробности в café возле Gare St. Lazare. Младороссы возмущены, накалены сильно. «Царю» сделано двойное внушение: в Лондоне и в Сен-Бриаке, где у него до вчерашнего дня сидел Казем-Бек. Оказывается, Граф подсунул пасхальный текст вместе с другими бумажками шесть месяцев назад. Молодой человек подмахнул, не вчитавшись, и забыл. А Граф ведет свою политику. Он во вражде с Шебекой и Семеновым, но цель преследует ту же: всеобщее «объединение» вокруг монарха, под которое потекут деньги из иностранных источников. Шебеко и Семенов надеются на кн[язя] Павла Югославского. А Граф — на немцев. В[ильчковский] допускает, что он уже теперь получает кое-что через ген[ерала] Бискупского... Вместе с Бискупским он давил зимой на В[ладимира] К[ирилловича], уговаривая поселиться в Германии. Тем большая заслуга В[ладимира] К[ирилловича], что не уступил (кроме Графа, Бискупского да Гогенцоллернской родни, никого при нем тогда не было). Теперь кампания продолжается. Но В[ильчковский] уверяет, что доверие к Графу уже подорвано. В[ладимир] К[ириллович] понял ошибку и [кается?]. Вчера уехал в Англию работать на свой завод.

Завод этот (авиационный) около Бристоля. Устроили его туда через королевскую семью под чужим именем, и никто не знает там, кто он, кроме директора завода. Работает у станка и живет почти что на свой рабочий заработок. Денег у него больше нет. От англичан он сам брать не хочет. Немецкая родня зовет к себе, где жил бы он даром, и вообще не понимает, зачем он чудит. Король румынский не дает денег, п[отому] ч[то] боится, что В[ладимир] К[ириллович] займется великодержавной политикой. Боятся этого и другие. Одним словом, В[ладимир] К[ириллович] вынужден, как простой беженец, жить на свой заработок. Его

тетка-инфанта (она-то и устроила его на завод) сочувствует этому, т.к. ее собственный муж работал у Форда. В[ладимир] К[ириллович] живет в пансионе один, но сохранил за собой дом отца в Лондоне, приезжает туда изредка (вынужден экономить с дорожными расходами). На заводе обещано скорое повышение. Стаж рассчитан на три года. Потом будет зарабатывать прилично. Сам он, говорят, такой судьбой очень доволен.

Что касается Одицца, то он был в высшей степени противен. Полон гапсине на всех, главное, на Милюкова. Выражал сомнения, саботажничал. Я сдерживался с трудом, когда говорил. Угримов тоже обозлился, а В[ильчковский] молчал и хмурился. Даже Б[унаков] был недоволен. Но, поломавшись, он начал сдавать. Дескать, «не возражаю, но откровенно делюся сомнениями». Попросил встретиться и поговорить еще раз. Черт с ним! Обещали. Но сколько времени уходит зря. /.../

1 мая

Уф! Общество изучения народов России учреждено наконец. После бесконечных словопрений. Учреждено в составе 7 человек: Угримов, Бунаков, Вильчковский, Одинец, Алексеев, Ступницкий и я. Общего собрания не будет. Остальные 7 приглашаются 19-го «принять участие». Принят устав, распределены роли. Завтра уезжаю на две недели отдыхать. Тем временем будут еще засесть, чтобы подготовить все к «общему собранию».

12 июня

В.В.Вырубов был на скандальном заседании Русск[ой] Акад[емической] группы, на котором ген[ерал] Головин делал скандальный доклад «Мой труд — "История русской контрреволюции" — и ответ моим критикам». Сочинено все это было для того, чтобы уничтожить С.П.Мельгунова, критическая брошюра которого о книге подорвала положение Головина в Стэнфордском университете и, кажется, даже лишила денег.

Вырубов возмущен: — «Собрание в чайной Союза русского народа!» Головин бесстыден, потерял самообладание и кричал Мельгунову: — Я приглашаю вас отсюда в цирк, но предупреждаю, что вам там будет плохо. Потому что я чемпион тяжелого веса.

А мобилизованные им полковники и капитаны (тоже академики!) лезли из кожи, чтобы угодить генералу. Полк[овник] Пятницкий: — Мельгунов употребил в своей критике приемы, которые имеют определенное название у карточных игроков и

за которые бьют подсвечником по голове. Не буду называть их своим именем, но пусть каждый из вас молча, про себя, произнесет это слово по адресу Мельгунова. Предлагаю поэтому минуте молчания!

Мельгунов пытался мужественно огрызаться, но, кажется, махнул рукой и ушел. А «академическая группа» вынесла резолюцию:

«Ввиду бегства противника, признать критику трудов ген[ерала] Н.Н.Головина *несуществующей*».

О[бществ]о изучения народов России учреждено сего числа на квартире А.Ф.Ступницкого в составе: Угримов (непр[еменный] секр[етарь]), Одинец, Алексеев, Бунаков, Вильчковский, Ступницкий и я. /.../

29 июля

Милюков уехал в Швейцарию на 2 месяца и увез с собой первую часть «Белорусов»¹⁷. Условился передать ему туда вторую, когда окончу переписку.

15 августа

Весь день 12-го провел с Гертрудой на хуторе Макеевых, в Longchene. Чудесно там, и сами Макеевы чудесны на этом куске земли¹⁸. Вылезли из болота, обсыхают на солнце и расцвели. Берберова талантлива, а сейчас только она одна — писательница в эмиграции (да Газданов); остальные — либо обмывают покойников, либо держатся на поплавках в стоячей воде. Макеев выигрывает от близкого знакомства. Он не глуп, не плох и не лишен таланта в живописи, которой он занимается плодovито, хотя и не вполне самостоятельно. Есть все же у него вполне приличные вещи, не хуже тех, что выставляются по несколько раз в год в разных салонах. А главное — оба счастливы, жизнерадостны, полны творческого задора.

Шутя сказал Берберовой: «Вы — наше единственное достижение на 20-м году эмиграции». И правда, есть в этом поселке нечто здоровое, подлинное. Не то, что наш Биробиджан в Монжероне! /.../

26 октября

С этим ночным бдением ради цензуры некогда возвращаться к записям, и все уже смешалось в памяти за эти первые несколько дней войны. Но следует все-таки отметить уцелевшие мелочи.

Война началась с того, что я проиграл 100 франков А.А.Пиленке, который ходил, как черный дух, по городу и пророчил египетские кары. До последней минуты я рассчитывал, что война не состоится — договорятся. Я был прав в том смысле, что демократии, действительно, приняли итальянское предложение о новой конференции «для пересмотра Версальского мира» (т.е. для сокращения западных границ Польши), и Гитлер, как выяснилось с тех пор, переживал глубокое колебание. Но я не учел (вряд ли, впрочем, учитывал это и Пиленко), *влияние личности в истории* и той роли, которую сыграл фон Риббентроп в дни 31 авг[уста] — 3 сент[ября] (это, пожалуй, учитывал Миллюков, которому С.Н.Прокопович проиграл по этому поводу плитку шоколада, но и он не представлял себе, что это именно так выйдет, ибо совершенно не допускал мысли, что демократии согласятся на «конференцию»).

На следующий день после объявления войны Англией и Францией Пиленко прибежал в редакцию получать 100 франков. Радовался, как юродивый, оглушил редакцию (меня не было в тот час) новыми страшными пророчествами. Немцы раздавят мир. Линия Мажино будет прорвана через неделю. Самолеты сметут Париж с лица земли. «А зенитная артиллерия?» — спросила Ляля. «Ха, ха! — грозно отвечал профессор международного права, — да если вокруг Парижа есть шесть зенитных пушек, то это все, что мы имеем!» На чем Игорь выгнал его, как провокатора, вон из редакции.

К этому времени я уже сражался отчаянно за газету, которую война могла смести... С 29 августа введена предварительная цензура. Типографы не имеют права ничего печатать без визы цензора. Кто цензор? Где цензура? Жироду, назначенный комиссаром информации, передал ее полковникам и капитанам (связь со 2-м бюро) под наблюдением Мартино-Депла. Реквизировали этаж в отеле Континенталь. Бумаги разложены по кроватям, ящики вывернуты из комодов, ковры на лестнице зашмыганы в один день... Штаб в Екатеринославе! Только гостиница получше, да обращение вежливее. Вводя цензуру, никто не подумал об иностранных газетах (а в Париже выходило до 900 иностранных печатных изданий; например, 3 португальских газеты, китайская, басков... да и чего нет в печатном Париже!). Ни один цензор не читает по-русски. Да что по-русски! Фредерик из «Daily Mail» в отчаянии метался из комнаты в комнату, ища, кто прочел бы по-английски... Метался и я в не меньшем отчаянии, пока не наткнулся на Capitaine de frégate Pelles des Forges. Этот милейший моряк в отставке пробыл когда-то два года на Кавказе, учил тогда русский

язык, но читает по складам, как Петрушка. К счастью, мы оказались знакомыми по журнальной работе. Он переводил мои «военные заметки» для «France Militaire».

Пытался читать оттиски, устроившись со мной возле ночного столика, в шуме и беспорядке. Но тут же махнул рукой. Поставил визу на веру. Так и шло дело в течение двух недель... Но за час времени, что приходилось ночью проводить в отеле Континенталь, я изматывался больше, чем за сутки работы. Pelles des Forges не всякую ночь был на службе. Выручали случайные люди. Дважды Commandant Paleugas просто сообщал мне секретную consigne, спрашивал: «Ничего такого нет?» и ставил визу на честное слово. Трудно не то, что бывала [она] иногда глупейшая, а то, что менялась она, отменялась и восстанавливалась по несколько раз за сутки.

Но Бог миловал: благополучно проплыли мы мимо сих подводных камней, пока, наконец, не учредился официально «отдел иностранной печати».

Для союзных англичан завели ночных цензоров (чем воспользовался американский «New York Herald Tribune»), а всем прочим было предложено приспособиться к военному времени: кончать газету к 9 часам вечера. Дальше иностранные цензоры, дескать, сидеть не могут. Привели, таким образом, к вечернему знаменателю «Pariges Tageszeitung», еврейскую газету, армянскую. То же намеревались сделать с нами. Читать нас поручили польскому еврею Танцману (который хоть и не танцует, но правда пишет музыку). Beau-frère Михайлова, иначе Pierre Tugal, обиженного на недостаточное внимание «Последних Новостей» к его международному архиву танцев, этот Танцман замахнулся диктаторствовать. Велел подать ему всю газету к 7 часам вечера! Я предупредил по телефону, что раньше 10 ч. 30 не приду с двумя страницами. Пришел без четверти 11. Он собрался уходить. «Опоздали, — говорит, вынимая часы, — не могу». — «А газета как?» — «Ну, что ж, не выйдет!» Жутко вспомнить, как у меня рука зачесалась. Но я, не ссорясь, предложил ему пойти к начальству: «Авось, оно позволит вам делать то, что само делает», т.е. ставит нам визу на веру. Пошел с большой неохотой. По мере приближения к кабинету Paleugas'a он превращался на глазах из сокола в мокрого цыпленка, а когда commandant вышел и дружески поздоровался, то буквально спрятался за моей спиной. Пугливый человек! Commandant Paleugas, сильно похожий на д'Артаньяна из «Трех мушкетеров», живо распорядился. Он держал речь, будто перед ним был не бедный Танцман, а brave эскадрон. Мое дело было улажено в пять минут.

Взволнованный Танцман вернулся в комнату 16-ть, со вздохом позвонил какой-то Терезе, что вернется поздно, но «на военном автомобиле», и поставил печать на мои мокрые страницы с таким видом, будто они могли ужалить его... На следующий день он вообще смылся, и больше я его не видал.

Но на следующую ночь, когда вследствие исчезновения Т[анцмана] пришлось опять тревожить Paleugas'a, мне было предложено завтра же договориться о будущем с начальником «иностранного отдела». Начальником оказался лейтенант запаса Шрейбер, владелец финансовой газеты Echos, а помощником — такой же лейтенант Shiltz, инспектор лица в Шаморуа. Милейшие люди. Приехал к ним утром. Объяснил, что перевод «Посл[едних] Нов[остей]» на вечернюю газету равносильна закрытию. Он с интересом узнал, что мы выходим 20 лет в Париже. Удивился, что мы печатаем 35 000. И, кажется, впервые от меня услышал, что русские призваны в армию и сражаются на фронте. Можно лишать их газеты? Он все понял быстро и изъявил готовность помочь. Однако его собственное положение было не легкое. Есть всего один цензор, читающий по-русски; он работает днем и не может бдеть ради нас еженощно до 2 час[ов] утра. Свою работу он кончает в 20 час[ов]. «Иностранный отдел» вообще закрывается в 23 ч[аса]. Уговорились на том, что я представляю две страницы (3 и 4) в 2 ч[аса] 30 м[инут] дежурному цензору (не говорящему по-русски) с устным объяснением. Статейный материал посылается оттисками русскому цензору до 18 час[ов]. После 23 час[ов], т.е. на страницы 1 и 2, мы имеем право ставить, кроме цензурированного днем материала, только телеграммы, радио и переводы из франц[узских] газет; с приложением этих оправдательных документов, пронумерованных и подобранных по порядку, я представляю 1 и 2 страницы, также с пронумерованными сообщениями, на общую ночную (французскую) цензуру в 1 час 30 минут утра. Там проверяют, нет ли среди использованного нами материала запретного, и ставят визу на веру... А на следующее утро обе страницы пересылаются в «иностранный отдел» для проверки. Тут же, по моей просьбе, этот порядок был запотоколен на бумаге и подписан пол[ковником] Масиньяком.

С тех пор мы оказались не только единственной газетой с «писаной конституцией», но и единственной, выходящей... без предварительной цензуры. С 3 октября этот режим распространен с 1 и 2 страницы на все четыре, причем наше право пользоваться материалами расширено за счет США, английских газет и швейцарских (франц.). Эта новая «конституция» также запечатлена на бумаге, и с тех пор мы чувствуем себя вполне прочно. Так

как никто нас не читает (однако «документы», приложенные к оттиску страниц, просматриваются внимательно), то задерживает нас эта процедура по ночам не более 15-20 минут, к общей зависти англичан и... французов, которые иногда ждут часами возвращения оттиска.

Сама цензура разрослась с тех пор, распространилась из 3-х комнат на весь корпус, превратилась в огромную бюрократию. Для французской печати (журналистов) отведены две комнаты в первом этаже (32 и 33), а для иностранных одна (31), и там сотрудники всех газет дежурят с 9 часов вечера до 2 утра, т.к. через них цензура сносится с редакциями и дает указания. Во вторник в этих комнатах стоял невероятный гвалт, потому что Мартино-Депль передал в редакции приказ печатать данцигскую речь Риббентропа — на один столбец, а не на два, как все приготовились. Крик стоял, как на базаре. Но цензура настояла на своем.

Люди симпатичные, отношение отличное, но много глупости и беспорядка. Каждую ночь режут какие-нибудь сообщения, затем кто-то разрешит, а потом опять кто-то отменит. Так было с общипанной речью Гитлера: все получили урезанный текст и обязательный (совершенно дурацкий) комментарий; но «Petit Parisien» и «Matin» сумели в ту же ночь дойти до высшего начальства (говорят, разбудили Даладье) и напечатали речь полностью — к стыду и зависти прочих газет. /.../

Наш дневной цензор — M. Bardou — относится к нам исключительно тепло и внимательно. Режет в статьях, правда, лишь то, что было бы зарезано и в любой французской газете. Иногда режет с сожалением. Так, у меня в фельетоне о Белоруссии, а у Наревского о Галиции вынужден был вычеркнуть то, что касалось польской политики в отношении меньшинств. И только статью Бенедиктова о том, как Италия предала центральные державы в 1915 году, зарезал с нескрываемым раздражением. Оно и правда — напоминать сейчас bestактно.

M. Bardou бывал в России в 1912-13 году, учился на юридическом факультете в Петербургском, Московском и Харьковском университетах, путешествовал по всей России, был в Сибири, на Кавказе, в Туркестане. Ученик Поля Буайэ. Говорит с акцентом, но вполне правильно грамматически. Был одно время корреспондентом «Petit Parisien». С тех пор он стал писателем, сочинял романы (я не читал), а в последнее время сценарии, причем один продал Каминке, а два — в Hollywood; на экране я их тоже не видал.

Умница, но сух и строг. К России — почтение и даже сочувствие. Однажды на вечернем дежурстве признался ломаным рус-

ским языком: «Я убежден, что России будет принадлежать мировое господство».

В дни, когда сов[етские] войска вступили в Польшу, была большая беседа с ним и Шильцем. После истерической сцены в редакции, где все осуждали «предательство» Польши (даже Игорь!), удивительно было выслушать их вдумчивые речи, отражавшие полное понимание исторического процесса и... обреченности польского союзника. Да, видно, что на Польшу никто и не надеялся серьезно. И война уж, во всяком случае, идет не за нее. Никто не помышляет о восстановлении Польши в прежних границах. Сведения о польском командовании позорны. Геройство солдат и младших офицеров лишь увеличивает досаду на бездарное правительство и маршала. Это сказывается на отношении к правительству Сикорского здесь, которое, говорят, держат здесь в суровых руках и третируют без уважения; во всяком случае, без того уважения, с каким относятся к чехам.

28 сентября задержана вся наша почта. Лейт[енант] Шильц уверяет, что мера не направлена против нас. Мы случайно попали в заброшенный невод. Однако задержка затянулась на несколько дней. После хлопот лейтенанта Шильца и Бардона начали получать (через неделю), но плохо. Очевидно, много писем вообще пропадает.

Запрещение получать сов[етские] газеты удалось снять, благодаря Шильцу и Бардону. Но газеты продолжают приходить очень неаккуратно. А.Б.Петрищев отпирает в таких случаях шкаф и обсасывает мужественно довоенные номера.

Когда телеграф сообщил о подписании германо-советского пакта, Цвибак прибежал в панике из Палаты. Депутаты клеймят пакт «предательством» и так возбуждены, что в каждом русском, например, в самом Цвибаке, желают видеть виновника предательства. Перепуганный Цвибак нагнал панику на Игоря, не говоря уж обо всех прочих в редакции. Слава Богу, Милоков еще был в Париже. Телефон. Цвибак, волнуясь, объясняет положение в телефонную трубку (еще можно было говорить по-русски) и уверяет, что спасти «Посл[едние] Нов[ости]» можно только, если П.Н. публично заклемит акт предательства и отмежуется от советской внешней политики.

Милоков отказался наотрез. Только он в нашем болоте мог проявить мужество. Цвибак растерянно повесил трубку. Он, очевидно, ничего не понимал. Только через несколько дней, когда увидел, что его не бьют, не пытаются, а газету не закрывают, на-

чал успокаиваться... Но при вступлении русских в Польшу новая паника. А Милюкова уже нет¹⁹. Едва удалось мне и Калишевичу уговорить Игоря не писать передовую. Конечно, паническую передовую, с гражданскими слезами над Польшей. Но тут даже Милюков дрогнул. Прислал «проект статьи» из своей дыры под Фонтенбло. Сравнивает Польшу с Сербией 1914 года... Старик ошибся, а тут все Цвибаки в восторге. Перевели на французский язык, специально разослали во все газеты с письмом к редакторам. И вышел конфуз. Ни один редактор не напечатал ни строчки из этой статьи.

Все от того, что давно уж мы перестали быть русской газетой, а стали как бы органом «русского нацменьшинства» во Франции, подобно тому, как «Сегодня» в Риге²⁰ орган русского нацменьшинства в Латвии. Все переживается нашими евреями с точки зрения не русских, а французских интересов, потому что вторая родина для них, не научившихся и говорить-то по-французски, уже изгладилась из памяти и сердца первую. В такие дни, как сейчас, это создает невыносимую атмосферу. Но Ступницкий мобилизован. И я один терплю. Да Игорь молча страдает.

Милюков очень тяжело переживает вынужденное бегство из Парижа. Жена утатила. Первое время жили на даче под Фонтенбло без газа, без электричества, без лавок, как австралийские дикари. Сообщения никакого. Голодали, потому что ничего в этом дачном поселке нельзя достать, а с соседних огородов луковицы взять нельзя, так как все запродано на корню²¹. Когда Дор /.../* поехал туда отвезти провизии и свечей, то застал старика Милюкова... за чисткой картошки. Сам же он и варил ее — весь обед. Жена — вздорная баба — в прострации от страха. Наконец удалось перевезти обоих в Виши. С тех пор связь несколько наладилась. П[авел] Н[иколаевич] пишет Игорю, прислал три отличные статьи. Мучается, что «дезертир», но вернуться в Париж не может по двум причинам: жена и не дают пропуска. Ругает в письмах газету (информация хороша, а публицистика ниже всякого уровня!), завидует белым местам в «Бодрости»²² (которая развивает, по его словам, те мысли, какие он сам хотел, но не смел высказать, напуганный цензурой, вернее, страхом Полякова и Игоря перед цензурой) и пишет: «Положительно, начинаю уважать младороссов!». Наконец-то. Душе моей стало сладко от такого признания.

* Пропуск в рукописи. — Публ.

Младороссы, правда, молодцы. Все статьи Казем-Бека в «Бодрости» отличны. Под ними, разумеется, мог бы и Милюков расписаться. Цензура зарезала одну целиком. /.../

«Патриоты» ввергаются в панику по малейшему поводу. А Алданов и без повода: ходит мрачный и вздыхает с таким отчаянием, что хочется вскочить и дать ему в зубы. Он убежден, что немцы разрушат Лондон, Париж, задушат нас газами, выбросят на человечество новые страшные изобретения, никому не известные. Этот пошляк, выезжающий в деревню на прогулку (к Берберовой) в котелке и лакированных башмаках, сказал трагически Полякову: «Александр Абрамович, если немцы прорвут линию Мажино, то я, правда, сам возьму винтовку и пойду на фронт».

Хорошо, что в редакции имеется болван А.П.Лукин. Он доводит эти настроения до очевидного абсурда. Перед Поляковым и Лялей — редакционной мадам Лупеско — он вещает громогласно о том, [что] германские подлодки непременно потопят весь британский флот, что итальянцы безусловно разобьют французов и англичан в Средиземном море, что немецкая авиация все сокрушит, и т.п., и т.п. Так как заведомо известно (даже Ляле), до чего невежественный человек этот капитан 2-го ранга, Станюкович для бедных, то его речи несколько разряжают атмосферу.

Пишет он, конечно, прямо противоположное тому, что говорит. И бесстыдно кудахчет: «Увидите, господа, оправдается не то, что я пишу, а то, что я говорю. И на моей улице будет праздник! Смеется тот, кто смеется последний!».

Игорь переехал жить в редакцию. Поляков, Ратнер, Швыров поселились этажом ниже — в «Русских Записках»²³.

Подумать страшно, сколько кретинов выкормили «Последние Новости» за эти годы.

Война чувствуется лишь в виде небольших лишений, сокращения заработка на 25%, угрозы нового сокращения да темных улиц по ночам. Волков и Могилевский живут дачниками в Йере, бросают работу в 5 часов дня. Беспечность начальства напоминает времена Скоропадского. А газета, естественно, идет к катастрофе. Заграничная продажа прекратилась, а оттуда, где продолжается, невозможно выручить деньги. Розница упала, так как многие читатели бежали спасаться в такие места, куда вообще газеты не ходят. Подписки нет. Объявления пропали. Сентябрь дал убыток в 140 тысяч франков.

К счастью, страна быстро приспосабливается к условиям этой странной войны. Беженцы возвращаются. Жизнь восстанавливается отчасти в Париже. Возобновились объявления. Сарач уверяет, что октябрь мы сведем без убытка. И Волков так счастлив, что распорядился купить электрическую плиту для нашей кухни. Однако никто пальцем не ударил, чтобы использовать передышку для приготовления к худшим временам. Что-то будет, когда упадет на нас первая бомба! Милюков зовет из Виши: «Делайте все, чтобы спасти газету». Но спасти ее некому, кроме Св. Николая Угодника. Едва начнется буря, как мы всем нашим обществом, со всем нелегким нашим грузом, пойдем ко дну. /.../

Обедал с Г.И.Толмачевой и Г.С.Давидовым. Она — в истерическом восторге от политики Сталина. Она боевая младороска, для нее такое состояние духа естественно. Но замечательно то, что и в «белогвардейских» кругах, например, у галлиполийцев, Сталин сейчас — первый человек, герой! На каком-то полковом обеде какой-то капитан даже пить предлагал «за здоровье Сталина». А сам не только пил, но совсем напился. /.../

31 октября

/.../ Днем обсуждали у Угримова «реформу советского государства»: он, Вильчковский, Оболенский и я. Говорил один я, излагал мысли, которыми уже делился прежде с У[гримовым] и В[ильчковским]. Не революция, а — реформа. Пусть советское единодержавие, пусть даже Сталин, но необходимы, как минимум и начало, «реформы Александра II»... Не нам, разумеется, сочинять эти реформы. Но только здесь можно свободно обдумать и наметить направление их и основные черты, определить контуры преобразованного советского государства как завершение реформ, подать толчок «реформистам» в России, которым некогда и невозможно размышлять над этим.

Выйдет ли что из этого, увидим. Пока что соберемся 7 ноября. А там, может быть, и сядем за работу. Она намечается пока в виде небольшого сборника; я считаю — анонимного («Братья Лагутины», например?), Угримов не согласен. Но издавать «реформу» под нашими именами, с печатью двадцатилетней эмигрантщины, значит наверное погубить затею.

2 ноября

О «реформе советского государства»:

— о том, что есть свобода, пролито много чернил, слез и крови. Именем свободы творились и творятся величайшие насилия.

Человек есть животное по преимуществу злое и жестокое, но как всякое животное, он создан свободной тварью. Он — зверь стадный или, пользуясь принятым выражением, «животное общественное», а потому переносит чувство свободы на свое стадо, свое племя, общество, народ. Когда-то говорили, что свобода одного кончается там, где начинается свобода другого. С целью определять начала и концы возникает в обществе власть принуждения: она охраняет свободу слабых, ограничивает свободу сильных и предназначена — в идеале — осуществлять равновесие добра и зла.

Превышение добра — благоустроенное общество — вызывает стремление к ограничению и даже полному уничтожению власти, как ненужной; превышение зла — плохо устроенное общество — влечет усиление власти, стремление укрепить ее и расширить как защиту от /всяческих*/ бед. И маятник власти качается /равномерно**/ то вправо, то влево... Забывается при этом, что беда требует внутреннего лечения, а не наружного.

Чувство свободы сводится к стремлению распоряжаться своим трудом и пользоваться плодами труда. Цель государства — благосостояние граждан, материальное и духовное. О втором оно мало думает (а когда /думает много***/ слишком заботится, то великое несчастье обрушивается на народ), /приводимый насильственно в «единую веру****/, но оно кровно заинтересовано в первом. Чем богаче народ, тем государство сильнее и крепче. Но народ тем богаче, чем свободнее и шире осуществляются его творческие силы. Основа народного благосостояния — свобода. Но свободное развитие человеческой личности, расширение ее потребностей, разнообразие личных стремлений и вкусов осложняют необыкновенно задачу. Она стремится упростить задачу до пределов своего понимания, способностей и административного опыта. Чем эти последние меньше, уже, элементарнее, тем суровее государственная власть, жестче, глупее, беспощаднее. Она подгоняет задачу управления на свой аршин. Бессмысленно требовать от нее реформ. Невозможно класть на телегу груз, которого она не выдержит. Осложнение задачи управления угрожает крахом существующей системы. Не могут люди, обученные лишь четырем правилам арифметики, извлекать квадратные корни. Сложнейшие задачи они стремятся свести к привычным действиям сло-

* Зачеркнуто. — Публ.

** Зачеркнуто. — Публ.

*** Зачеркнуто. — Публ.

**** Зачеркнуто. — Публ.

жения, вычитания, умножения и деления. Если задача все же не решается таким путем, то тем хуже для задачи. Она вовсе отменяется, как вздорная, и если упрямится, требуя решения, то элементы ее искореняются насильственно.

Против этого закона ничего не поделать, если данную тупую власть нельзя заменить другой, просвещенной. При наличии власти тупой, но цепкой, мыслить о реформе можно только при двух условиях: 1) если реформа задумана в пределах, доступных пониманию правителя и осуществимых силами его сотрудников; 2) если правитель, просвещаясь опытом управления, приходит к убеждению, что реформа потребна в интересах власти столь же, сколь и в интересах населения.

Другими словами, подготовка к реформе заключается в *просвещении, воспитании и техническом обучении правящего слоя.*

Размеры предлагаемой реформы должны соответствовать в точности степени этой подготовки, иначе она останется висеть *революционным лозунгом* в воздухе над страной. /.../

5 ноября

Два месяца «войны без военных действий». Восемнадцатый день ждем трубочиста, чтобы ставить печку. На счастье, осень необыкновенно теплая. Сегодня ясно и солнечно: отличный день для воздушного налета... Но Париж живет беспечно, не верит в германские бомбы.

Сумский уверял с пеной у рта, что все младороссы арестованы. Наборщик Яша получил письмо из концлагеря от наборщика Домбровского, «младоросса», который набирал «Бодрость». Вот опять брехня! Младороссов «арестовывают» третий раз с начала войны. А они, молодцы, и в ус себе не дуют, ходят на свободе. Печатают «Бодрость». И, кажется, единственные русские, имеющие прочную связь в правительстве.

Кстати, о правительстве. В прошлую войну сменилось 5 премьеров (Вивiani, Бриан, Рибо, Пенлевз, Клемансо)²⁴. Надолго ли хватит Даладьё²⁵? Да и кто заменит его? Поль Рейно? Шотан? Говорят, Даладьё сам принимает все решения и ни с кем не советуется, кроме своего земляка и сверстника, который ежедневно сидит у него по вечерам, человек бескорыстный, отказывающийся от денег и всяких постов. Через него Даладьё слушает, так сказать, «голос земли».

7 ноября

Второе собрание: Угримов, Вильчковский и я (Оболенского нет) о «реформе». Единство взгляда. Угримов уверяет, что сейчас это вообще носится в эмигрантском воздухе: не революция, а реформа! По словам Вильчковского, «Бодрость» расширяется до 6 страниц через месяц. Но там будет речь о реформе с царской печатью. Я стою на своем. Наметить план руководящих идей, а затем пусть каждый дудит в свою дуду. Тайное наше гнездо остается. Угримов хочет расширить его, я — против. Нас трое-четверо, и то мы скатываемся в говорильню. Третье собрание через неделю. Приступим. Общие положения сначала, потом основные черты реформ политической, экономической, судебной, земельной и просвещения. Этот план «Бодрость» будет затем развивать по-своему, а я поработаю над анонимным сборником.

Вильчковский о царях:

Владимир отдал свой дом в Сен-Бриаке русской гимназии, сам поселился в беседке в парке. Живет один. Куда выгонят его холода, неизвестно. Бездельничает весь день. Ну, хоть читает книжки? Мало... Духовной жизнью его управляет Граф, живущий там же в своем доме. Тупой и самомнительный, но преданный истинно-русский немец. Денег у Владимира нет. Румынская пенсия прекратилась. Поддерживает только тетка, испанская инфанта.

У Дмитрия Павловича горловая чахотка. Лечится в Давосе. Не встает с кресла. Прибавил в весе 7 кило. Бросил курить и поправляется. Но тоже не думает ни о чем, кроме своего большого горла. В первый день войны Андрей Владимирович, Кшесинская и Вова примчались на автомобиле спасаться в Везинэ. В панике. Привезли всех своих канареек, кошек, жирных и невоспитанных псов, скачущих на стол и лакающих кофе прямо из чашек... Вова укрепляет светские связи младороссов, Матильда и Андрей гуляют с палочками по Везинэ, а потом Андрей дуется в карты с подозрительной компанией (князь Эрстов, Нидермиллер и проч.). Преимущественно в поккер.

Борис и Гавриил спасаются от войны в Биаррице. /.../

О «реформе»

Успех революции зависит от трех условий:

а) *плана* (доктрины, политической программы; идей, объясняющих смысл и направление реформ; веры в их разумность и осуществимость, революционной тактики, направленной на свержение строя);

б) кадров (вождей, революционного «штаба» /«центра»*/, руководящих ячеек, организованного единственного мнения, общественной поддержки и, по крайней мере, общественного сочувствия; организованного меньшинства и среды сочувствия).

в) отсутствия или ослабления сопротивления (чувства самосохранения) у государственного строя, который предполагается низвергнуть (разложение правящего строя, сочувствие и содействие в стане противника, тайное — фактическое или идейное — проникновение на командные высоты, к рычагам государственной машины).

Существуют ли условия для революции в СССР? Внутри страны первое и второе условия, очевидно, отсутствуют. Мысли о преобразовании государства не могут быть переданы друг другу и освоены, вследствие отсутствия свободы слова, собраний и вообще передвижения по стране; по той же причине не могут быть организованы кадры среди миллионов недовольных.

Революционные идеи и кадры могли бы, явившись извне, найти благоприятную среду для развития. Но, не говоря уже о том, что проникновение их через рубеж крайне затруднено, если не совсем невозможно, есть ли эти идеи и эти кадры за рубежом?

Если бы границы СССР открылись и в стране вдруг возникла бы свобода совести и слова, туда хлынула бы из-за рубежа вместе с политической эмиграцией не одна идея /Революции**/, а /несколько***/ много, и кадры не одной Революции, а /нескольких****/ разных революций, ненавистных друг другу и исключających одна другую. Народу, прежде чем начинать Революцию, пришлось бы выбирать сначала, вокруг которой соединить свои силы и кого из «революционеров» рубить вместе с советчиками.

Какую Революцию могла бы принести политическая эмиграция с собой в Россию? Чем предложила бы она заменить существующий советский строй?

а) монархической реставрацией 1913 года (правая эмигрантская общественность);

б) демократической реставрацией 1917 года (левая эмигрантская общественность);

в) пролетарской реставрацией 1928 года (советская эмиграция, огульно именуемая «троцкистами»).

Между этими тремя тенденциями простого возвращения к прошлому есть много средних и сводных течений, отличающихся

* Зачеркнуто. — Публ.

** Зачеркнуто. — Публ.

*** Зачеркнуто. — Публ.

**** Зачеркнуто. — Публ.

друг от друга (не будем говорить о личных амбициях) разной дозировкой жидкости их этих трех главных склянок.

К ним прибавим незначительные группы, желающие просто перенести на Российскую землю тот или иной европейский опыт: парламентарный, корпоративный, тоталитарный.

Идейная работа в этом направлении закончилась в эмиграции пятнадцать лет тому назад («Три платформы» П.Н.Милюкова — Р[усское] Д[ело]).

Несколько особо стоят младороссы, но их *революционная* позиция — Царь и Советы — сомнительна; они не требуют свержения советского *строя*.

Политическая мысль эмиграции остановилась пятнадцать лет тому назад, но продолжает взывать о *Революции*. Настроенная революционно, но потерявшая революционный план, она, в той своей части, которая отвергает всякую реставрацию, рассчитывает наивно, что новый план *возникнет сам собой в России*, едва рухнут устои существующей государственной системы.

Никто при этом не представляет себе даже основных черт нового строя. Эта вера — подлинно слепая. Можно не настаивать на том, что никакой Революции она, конечно, поднять не может. Беспомощность ее очевидна. /.../

/Кадры?*/ Это дает также ответ и на вопрос о кадрах. Разумеется, каждая политическая группа в эмиграции имеет свои кадры; в большинстве они облысели и поседели. Это, в лучшем случае, знаменосцы, умирающие у /сломанного**/ древка от потерянного знамени. Когда блюстители «белой идеи» предлагали в сентябре 1939 года учредить Русский Легион на французском фронте, то не случайно оказалось, что всем «добровольцам» больше 50 лет и нет среди них ни одного в чине ниже полковника. Если допустить еще, что политическая эмиграция сохранила «вождей» (непримиримых друг к другу), то вожди давно растеряли армию; нет у них, конечно, никакого революционного «штаба». /.../

Откуда же Революция? Афродита рождается не из всякой пены. /.../

Нет и организованного общественного мнения, а главные печатные /органы****/ издания в эмиграции являются личными органами издателя или редактора; читателей этих органов нельзя считать вполне сочувствующей средой — читают по привычке, без радости и убеждения.

* Зачеркнуто. — Публ.

** Зачеркнуто. — Публ.

*** Зачеркнуто. — Публ.

Какую же Революцию можно сделать с такими кадрами? Кого они могли бы — и куда? — увлечь за собой в России после двадцатилетнего безвестного отсутствия? Можно ли представить себе, например, генерала Архангельского, председателя РОВС'а, во главе Красной Армии, переименованной в Российскую? Или ген[ерала] Туркула, забывшего, с какого конца заряжается винтовка, во главе Генер[ального] Штаба? Или посадить на танк штабс-капитана, работавшего двадцать лет шофером такси в Париже? Можно ли серьезно представить себе митрополита Евлогия или митрополита Анастасия во главе Российской православной церкви? А.Ф.Керенского во главе правительства, возникшего на обломках Совнаркома? Н.Д.Авксентьева в роли министра, В.А.Маклакова в роли посла, Ю.Ф.Семенова в роли редактора газеты, господ Хрипунова, Руднева, Вишняка и Бурцева в роли защитников земских и городских интересов? /.../

События 1917 года и гражданской войны оставили в нас легкомысленное воспоминание о непрочности правительств. Тогда они, правда, валились, как соломенные шалаши. Но с тех пор прошло двадцать лет. Соломенный шалаш советской власти перестроился, окреп. Сталину, несомненно, принадлежит историческая (положительная) роль ликвидатора Российской революции. /Тем, кто невежественно помышляет*/ Тем, кто мечтает в невежестве о «русском Наполеоне», следовало бы заметить, что роль его сыграна, с поправкой на российские условия /десять лет**/, на протяжении последнего десятилетия. Режим устоялся, укрепил себя железом и бетоном. В России восстановился самодержавный строй. Во многом он схож со старым. И уж никак его чувство самосохранения, сила сопротивления не слабее, чем была у старого. /.../

Пусть СССР не так силен, как Россия XIX века; зато он имеет перед собой и противника несравненно более слабого. Он не стесняется, кроме того (не в пример царям), в средствах обороны. Власть в СССР держит свою сорочку крепко на теле и бережет ее, раздавая удары направо и налево. Что поделать против этого? Что могут поделать «революционеры в заячьих шкурах»?

Деспотический режим в России олицетворяется Сталиным, но Сталиным не исчерпывается. Смена деспота принесет стране не больше, чем приносила смена царствования. Те, кто возлагает надежду на смерть (насильственную или естественную) Сталина, ошибутся так же, как ошиблись те, которые надеялись на смерть

* Зачеркнуто. — Публ.

** Зачеркнуто. — Публ.

Ленина. Российский деспотизм имеет двойное дно. Сталин воплощает (и, может быть, осуществляет отчасти) единоличную власть, но между деспотом и народом стоит средостение — *партия* — мелкий деспот, многоголовый и многорукий, жестокий, безмозглый, цепкий, клейкий, проникающий во все поры Отечества. /.../

Если в СССР действительно произойдет дворцовый переворот (все возможно), то переворот, разумеется, не ограничится сменой лица. На место одной олигархии станет другая олигархия. Так «сталинцы» победили сначала «троцкистов», потом «ленинцев», потом «зиновьевцев», «каменевцев», «бухаринцев» и всех вообще безымянных конкурентов, оспаривавших власть на платформе Октября... Многое ли изменится, если «сталинцев» победят, в свою очередь, «ждановцы», «ворошиловцы», «молотовцы» и прочие, имена которых, может быть, уже произносятся в России? Разумеется, всякая смена имеет значение. Хоть чёрте, та и име! говорят украинцы. Но совершенно бесспорно, что такая перемена лишена *революционного* смысла. Она может в известной степени приблизить или замедлить *реформу*, назревшую внутри государственного строя. /.../

Стало быть, Сталин или не Сталин, не имеет большого значения. Реформу следует предполагать с наличием партии как коллективной деспотии. Невозможно требовать от нее самоупражнения. Сменить ее насильственно некому и заменить нечем. Надежда, что из анархии родится сама собой на пустом месте новая власть — «национальная Россия», — глупа и преступна. Это повторение ленинского опыта, но с негодными средствами.

Возможна ли при таких условиях реформа советского государства? Возможна. 30 000 чиновников Николая I и уваровские устои: самодержавие, православие, народность — не помешали реформам Александра II. Если бы не было 1 марта 1881 года — «дворцового переворота», — то весьма вероятно, что реформы уцелели бы и избавили бы Россию от потрясений XX века.

Правительство Сталина, очевидно, не вполне довольно своей системой, раз отказалось от нее в Эстонии, Латвии и Литве, а в Зап[адной] Белоруссии и Украине вводят ее с существенными послаблениями. Хозяйственная система — в Кремле, как будто, сознают это — показала свою негодность. Но в Кремле не знают, как отделаться от нее и чем заменить.

От хозяйственной реформы удерживает страх, п[отому] ч[то] за хозяйственной реформой должна неизбежно последовать и политическая. Но страшно и медлить с ней, потому что промедление может иметь политические последствия, не менее страшные.

Силой вещей Россия становится на путь реформы. Ощупью, оступаясь и сбивая ноги, страна пробивается сквозь заросли старых и новых предрассудков. Но инстинкт влечет народ в верном направлении. Некоторые шаги уже сделаны, другие намечены. Медленно, неуверенно, с опаской и неохотой на одной стороне, с упорством и жадностью на другой — назревает демократизация режима, экономическая и политическая. Пора навести некоторый порядок на этом пути.

11 ноября

М. Vardon уходит в отдел пропаганды. Цензура замучила его — не шутка иметь 9 русских периодических изданий, 4 украинских и все книги на русском языке! Но еще не нашли нового русского цензора, которому была бы по плечу такая работа. С М. Vardon мы стали большими друзьями. Это тяжелая потеря. Какой-то еще будет новый цензор! /.../

13 ноября

Две недели подряд — воздушная тревога. Гертруда при своей глухоте не слышала, а я не будил, да и сам не вставал. Но спать невозможно от голосов и шагов за окном. Впервые стреляла зенитная артиллерия. Если это все, чем защищен Париж, — то плохо. Стреляли, как в 1915 году, одиночным порядком. Если считать даже, что прицельное искусство усвершенствовалось с тех пор, то какой уж это заградительный огонь? При нынешней скорости самолетов? А наутро газеты писали «notre feu de barrage».

Днем такая же стрельба, но без тревоги — по облакам, по слуху, так как немцев никто не видел.

Очевидно, будут еще сюрпризы. /.../

*15 ноября*²⁶

Третье собрание у Угримова: он, Вильчковский и я. Оболенский, очевидно, отстал: задумал жениться на молоденькой Рааль и не отлипает от невесты, которая застряла в Везинэ, потеряв родителей в Германии. По-прежнему говорил я один, Угримов высказывался робко, будто чиновник Наркомзема: можно ли улучшить что-нибудь, не сотрясая строя? Невозможно, конечно (этим ежедневно заняты в Москве); реформа необходима и возможна в свете неких общих принципов. Наметил основные в области экономической. Угримов и Вильчковский согласны. Следующий раз Вильчковский изложит свой взгляд.

/.../ Грубость, жестокость, недостаток общей культуры накладывает свою печать на личную власть Сталина. И все же нельзя отрицать, что он представляет собой явление подлинно выдающееся, более значительное, нежели Ленин. Историческая роль его, несомненно, *положительна*. Ее трудно разглядеть в дыму воскуриваемых кадил и фимиамов. Это задача — не легкая — историка будущих времен. Но и современнику очевидны три положительные черты «Сталинского периода».

1) Ликвидация революции и начало советского государства, *задуманного* как демократическое; вряд ли можно оспаривать, что оно началось с «социализма в одной стране», т.е. с измены Ленину и отмены Октября. Можно допустить также, что превращение «задуманной демократии» в «фактическую монархию», пятилетки, коллективизация и разгром армии явилось мерой вынужденной и необходимой для перехода от старого порядка вещей (октябрьского) к новому (пореволюционному). Эта переходная стадия еще не окончилась, но по своему существу она имеет временный характер и значение. Она задержалась, очевидно, потому, что Сталин, уводя страну от Революции, еще не знает сам, куда вести ее, к какому именно «социализму».

2) Намечены правильно основные черты будущего советского государства, в частности — и на этом деле как раз лежит личная печать Сталина, — верно намечено решение национальной проблемы, система многонационального государства (в котором великорусское племя — первое среди равных).

Эмигрантский бред о «национальной» России — пустозвонная чепуха, вывеска напрокат. Россия есть и будет (если будет) многонациональной, и понятие Российской нации отныне может оставаться только на этом новом, глубоком, плодотворном — евразийском начале.

3) Человеку грубому и жестокому, Сталину свойственна сентиментальная верность воспоминаниям юности. Не все боги, которым он молился (продавцы идолов не веруют в богов, потому что знают, из чего они сделаны), уцелели в киоте, но те, которые не сметены ветром Революции и нового Самодержавия, очевидно, дороги ему по-своему. Это можно было наблюдать отчасти на проектах Конституции 1936 года. Это можно было наблюдать также на обращении с Украиной, Белоруссией, Литвой, Латвией, Эстонией, Финляндией. Вряд ли какое-либо «национальное» Российское правительство обошлось так церемонно с маленькими народами, игрушечными государствами на путях России в Балтий-

ское море... Это — третья положительная черта. Она в то же время и отрицательная. Сентиментальная верность некоторым устаревшим фетишам *мешает* выйти прямо на новый путь. Важно, однако, то, что она же — уцелели и другие фетиши — оставляет этот путь открытым.

Нельзя поэтому сказать с уверенностью, что принесет России смерть или устранение Сталина. Может быть, станет лучше, но возможно, что станет и значительно хуже. Если наследник Сталина окажется столь же крепок, цепок на престоле, то есть много оснований думать, что он будет лишен последних черт революционного идеализма и обратит страну в *сон* на много лет. Если же просто не сумеет удержаться на престоле, то страна окунется в новую Революцию, в анархию.

Слава Богу, скажут, это и есть то, что мы трепетно ждем. Наивные, преступные люди! Новая анархия будет страшнее этой, что была уже двадцать лет назад. Страшнее и бесплоднее. И тогда она не дала того, на что вы надеялись. Она родила все же власть — уродливую, жестокую, кровавую, — которая спасла хоть /единство*/ территорию /государства**/, сохранила единство государства. Новая анархия, разумеется, и этого уже родить не сумеет. Нет в стране ни прежних культурных сил, ни прежней веры в свое будущее.

18 ноября

/.../ М.Бардон et Mazon всячески желают содействовать распространению «Последних Новостей» на Балканах (Болгария и Югославия; в Румынии, Турции, Албании мы давно запрещены). Ввиду затруднений получать оттуда подписную плату (clearing — дело многих месяцев) предлагает, что французская казна будет оплачивать подписку. В каком количестве, пока не известно. Францию, разумеется, интересуется болгарский и югославский читатель, а не русский беженец на Балканах.

Н.К.Волков хмурится, видя в этом скрытую «субсидию». Пользоваться казенной поддержкой мы не хотим (хотя Бардон уверяет, что она ничуть не связала бы нашей свободы и политической независимости; никаких требований к нам не предъявлялось бы). Vardon указывает — правильно, в известном смысле, — что Франция вольна, считая распространение наших идей полезным, подписаться, не спрашивая нас, на любое количество экземпляров и посылать их, куда сама хочет. Так, например, не спра-

* Зачеркнуто. — Публ.

** Зачеркнуто. — Публ.

шивая Гитлера, перепечатаются целые страницы из Mein Kampf и рассылаются французской пропагандой.

Обсудим, когда приедет П.Н.Милюков. /.../

19 ноября

Растет число безработных. Не то что русскому, но и коренному французу устроиться невозможно. А женскому труду и совсем плохо. Я.Л.²⁷ рассказывает, что жилец его отеля, чертежник и бухгалтер, напрасно стучался в авиационные заводы, полагая, что там-то отказа работе руки не встретят. Оказалось, однако, что Potez, Farman и другие работают... в одну смену! Война без военных действий (хотя все довольны этим) вводит в соблазн, разлагает. Госпиталя наполнены больными, главным образом, легочными — от непривычки спать на свежем воздухе и дурной погоды. Мой парикмахер, здоровенный парень, проболел полтора месяца воспалением легких, получил неделю на побывку. Но лечат, говорит, отлично. От безделья — всякие слухи, ворчанье. Ловко и осторожно работают коммунисты. Это скажется, без сомнения, после окончания войны. То же, вероятно, у немцев. Если Сталин рассчитывает на это, то расчет правильный. Не дай Бог, если сумеет воспользоваться! Вот уж тогда вся «европейская цивилизация» подлинно полетит к чертям.

21 ноября

О политической свободе

Государство, которое не средство, а самоцель, занято укреплением власти, а не устроением человека. Власть ощущается тем крепче, чем проще и осязательнее ее выражение и задачи.

«Самое большее, только один человек нуждается в политической свободе» (Фихте). История болезни, распространившей сразу по всему свету, восходит к источникам немецкой философии. Идеалы подменены идолами. Мы переживаем эпоху нового язычества. На одной стороне поклоняются идолу богатства, идолу социального коллектива, золотому тельцу, числу; на другой — идолу власти и могущества, национализму, расизму, государству. В соперничестве между ними и заключается «идеологическая война».

Тоталитарное государство, естественно, стремится к самодержавию, единовластию. Коротко и ясно эта мысль выражена Людовиком XIV: «L'Etat est moi!». Происходит обожествление первого жреца.

Углубление в историю религий вызывает соблазнительные аналогии при наблюдении современной действительности. XX век характерен возникновением *теократических* государств. Однако новые условия отличны от прежних.

Падение общей духовной культуры и просвещения сопровождалось (в России, например) необыкновенным распространением грамотности. Оно создало новую опасность для власти, но дало ей в руки и новое оружие.

Средство, ведущее Человека (теоретически) на путь политической свободы, стало наиболее действительным средством уничтожения свободы.

Это неприятно — особенно неприятно для тех, кто сделал или стремился сделать политическую деятельность своим ремеслом — но возражать бессмысленно... поскольку возражения делаются, чтобы убедить или пристыдить противника. Противник не дурак. Он желает уберечься от двойной опасности: непосредственного подкупа и смятения умов среди подвластных. В России, где читатель привык относиться к печатному слову, как к закону, последняя опасность очень велика. С ней должна считаться *всякая власть*. Опасность велика тем более, что политикой часто стремятся заняться (и *занимаются*) люди, владеющие пером, но понимающие политику лишь как партийный и международный торг, не смыслящие в политике, т.е. искусстве управления человеческим обществом, ни уха ни рыла.

Может ли предоставляться таким людям полная свобода высказывания? Высказываний по вопросам, по которым сами они имеют понятие слабое, ущербленное, неверное? /Слова их обманывают читателя*/

Часто в печатное слово вкладывается читателем смысл более глубокий, чем автором. И не тот, которого желал косноязычный автор. И западает это слово глубже в душу читателя, чем автор хотел. Многие ли авторы сознают *последствия* того, что они пишут? Все это столь очевидные истины, что свобода слова и печати подверглась ограничению уже в самых передовых демократических странах. Пределы ограничений различны, но смысл их общ. Свобода печати тем шире, чем меньше в народе уважения к печатному слову. Но даже в такой стране, как Франция, где уважения к занимаемому месту нет у читателя никакого, власть вынуждена (демократическая) прибегать временами к конфискации, арестам, штрафам, т.е. затыкать глотки, если голос, направленный против режима, слишком громок и начинает производить

* Зачеркнуто. — Публ.

впечатление. Это — естественная и необходимая мера самосохранения.

Она тем более бывает нужна, что границы верований — «идеологических фронтов» — непрерывно меняются. Вот даже во Франции — «духовный светоч человечества» — возник совершенно [нелепый?] вопрос, не следует ли присуждать литературные премии преимущественно мобилизованным писателям (1939) или, по крайней мере, при «равенстве шансов» оказывать предпочтение надевшим военную форму.

Анкета дала отрицательный ответ — к чести человеческой мысли. Но, справедливо замечает М.Осоргин, тот факт, что подобный вопрос мог серьезно ставиться, — страшное знамение времени. Подлинно страшное. Происходит «переоценка ценностей». Человечество отказывается от одних, почитавшихся высшими, ради других, низость которых оно само клеймило недавно.

Может ли быть иначе в эпоху нового язычества, когда богов расплодилось множество, и каждый украшает свое жилище идолами, фетишами, талисманами, по своему вкусу, как в индейской деревне?

Возможна ли свобода печати в России?

С точки зрения государственной власти, повинующейся инстинкту самосохранения, — пусть даже самой демократической, — она менее возможна, чем в какой-либо другой стране.

Но жизнь всякого государства — даже самого тоталитарного и авторитарного — это ежедневная битва за будущее, битва, в которой участвует весь народ, и для счастливого исхода битвы каждый солдат должен понимать маневр.

С этой точки зрения, свобода мысли в России более необходима, чем в каком-либо другом государстве.

24 ноября

/.../ Воздушная тревога в ночь на 23 застала меня в цензуре. Всех погнали в убежище, т.е. подвальное помещение, занимающее целый квартал и представляющее собой как бы город, с указателями на коридорах-улицах. Это бывшие кухни и службы отеля Континенталь. Горит свет, отопляется. Кухни превращены в лазарет для газированных. Кустарно до невероятия: матрац в углу, бутылка с хлорной водой, аптечка. Никакой изоляции и даже масок нет. В двух больших залах стоят скамьи и плетеные кресла. Курят в коридорах. Цензора забрали бумаги с собой и правили внизу газетные листы. Несмотря на холод, многие вылезали на-

верх смотреть, что делается, приносили вниз всякую брехню, выдуманную по дороге. Продолжалось удовольствие 50 минут. Многие — лейтенант Шильц, commandant Pelles des Forges и др. — встали с постели, продрогли в пижамах. Случайно застряли три дамы, они спокойно вязали на спицах. В опасность никто не верил, но дисциплина. Разошлись с убеждением, что ДСА стреляла не по немцам, а по англичанам. Аэроплан (один), правда, летел очень низко, описал дымовой круг над Парижем, сбросил три красные ракеты. Пушки, отчаянно палившие, тотчас умолкли.

Но Mone Hérie, смотревшая на это с крыши Petit Journal, говорила вчера, что видела три самолета: безусловно, немцы! Мика принес вечером в типографию красную книжечку, ловко сделанную, сброшенную самолетами для пропаганды: «Англичане воевали до последнего польского солдата, а теперь воюют до последнего французского!» Цитаты разных англичан против Франции, графики, цифры и три отличные фотографии: Гитлер среди рабочих, Гитлер среди крестьян, Гитлер среди детей. Все умещается в жилетном кармане. Геббельс, несомненно, спец своего дела. Он шлет теперь из нейтральных стран во Францию... статью Ненгу Верауд против англичан, напечатанную в 1936 году в «Гренгуаре»! Никакой немец, конечно, не мог бы сочинить лучше. Несчастье Геббельса (наше счастье) в том, что француз презирает печатное слово, не верит. С него такие писания, как с гуся вода. Несравненно сильнее действует то, что касается непосредственно его привычек, уклада жизни, семейных забот, расходов на войну, qui n'est plus une guerre mais un embêtement! /.../

М.А.Алданов просится «военным корреспондентом» на фронт. Это решится, когда придет Папа (в конце декабря). А тем временем у него возник соперник — А.М.Кулишер, который тоже рвется под пушки! /.../

28 ноября

Началась польская газета «Glos Polski». Печатают у Зелюка и платят, денег не считая. Зелюк ходит именинником. Он здорово подмазал кого-то, зато уничтожил пять типографов-конкурентов. Если не врет, то поляки платят ему вдвое больше за газету, чем мы. Контракт на год. Зелюк уверен, что на 1 год злотых хватит.

В Париже нет кофе и оливкового масла. /.../

Польская беспечность и в газете. Вчера редакция сверстала «Glos Polski» и в полночь ушла, не позаботившись послать газету

в цензуру. По просьбе Зелюка, который не имеет права печатать без визы, взял оттиски и в 2 часа утра, вместе с 1-ой страницей «Последних Новостей», повез в Continental. Там с удивлением узнали, что это второй номер газеты (первый проскочил фуксом, без цензуры), но были милы. M.Legoу взял ответственность на себя и дал визу, не торгуясь, после того, как я перевел ему (приблизительно) заголовки статей и заметок. С сегодняшнего дня полякам предложено завести ту же систему, которая установлена для нас.

В польских кругах развивается пропаганда в пользу Габсбургов. Так же, как в чехословацких. По словам поляков, Осусский за Отто Габсбургского, а Бенеш — по-прежнему против.

30 ноября

Финская война. Что заставило Сталина переменить методу и ускорить события, идя при том на немалый риск? «Экономическим удушением» Москва, несомненно, получила бы от финнов к весне все, что полагается (Ганге, Бьерке, Печенегу и Карельский перешеек). Очевидно, случилось нечто, что не позволяет ждать. Или Сталина увлекли воинственные настроения командиров, взыскивающих немедленной и дешевой славы? Этому трудно поверить.

Толкнуть Москву на поспешность могли, стало быть, только «дурные вести» из Германии. Пока Германия воюет, торопиться нам некуда. Выгоднее дожидаться весны. Но если, правда, немцы не продержатся? Если европейская война идет к концу? В таком случае и нам нужно спешить. Укрепиться в Балтийском море *необходимо до того, как соберется вторая мирная конференция в Версале*. После победы демократий над Германией задача станет трудной, почти невыполнимой. Если таков расчет Сталина, то он прав. И если так, то это признак скорого окончания (к весне) западноевропейской войны.

Или просто все сие — проба сил Москвы? Выдвинуть аванпост «мировой революции». Отсель грозить мы будем шведу?.. Если так, то это может иметь неисчислимы последствия для России и — для режима. Сталину такой акт может обернуться «германской ошибкой». Кто сыграл при нем роль Риббентропа?

Нападение на финнов может быть оправдано только в случае, если Германия трещит, и сведения об этом верны в Москве. Иначе расходы не окупят выгоду — не только с точки зрения России, но даже и с точки зрения «сталинизма». Финны злопамятны. И жаль

финнов. И стыдно обезьянничать с немцев. Если была малейшая возможность ждать весны, то Москва, потеряв терпение, подлинно совершила преступление. Интересы России требуют иной сноровки, иных приемов. Ведь мало пробиться на берег Балтики; нужно укрепиться там прочно. А какая уж прочность, если озлобленные, оскорбленные финны будут бродить вокруг с ножом в кармане? На *это* можно было идти только в условиях крайности.

Принудила ли Москву *такая крайность*? Об этом расскажет история.

Но у нас, разумеется, благородный вой и негодование. Вопим о преступлении перед человечеством, цивилизацией, Европой. И ни слова о жизненных нуждах России! Особенно удручен, потрясен Алданов.

Русские эмигранты стали чересчур «европейцами». Европейское им дороже российского. Особенно громки и нетерпимы еврейские голоса. Природная склонность к ассимиляции. Евреи ассимилировались в Европе быстрее нас. И уж смотрят на Россию — с высоты европейской цивилизации — как на Австралию или Китай. С ними и мы теряем ощущение России. Плохо ли это, хорошо ли, но общечеловеческие интересы нам становятся ближе, дороже русских. И в этом — главная опасность. Опасность никогда не увидеть России.

Только и осталось общего, что язык. Да и тот коверкается, портится, отсыхает.

2 декабря

«Glos Polski» хорошая газета. Письма из Польши потрясают. И не похоже на вранье. Немцы, правда, превзошли большевиков первой эпохи. Меньше крови, но больше системы, жестокости и упорства в уничтожении. Об этом обстоятельно рассказывает сегодня «Temps» (план уничтожения польской интеллигенции).

Однако еще сильнее потрясает откровенность, с которой «Glos Polski» рассказывает о первых боях и обороне Варшавы. Безобразие неопишное. Вот уж подлинно гнилое было государство. Это все надо бы перевести на русский язык и издать. И все-таки неисправимый народ поляки! Тот же «Glos Polski» печатает корреспонденцию из Будапешта о положении во Львове и приводит слова красноармейца, который будто бы говорит полякам, утешая: «Не верьте советской брехне. Жаль, что нет войны с Россией, с ней окончились бы наши несчастья. *Настоящую войну с Польшей мы, наверное, проиграли бы*».

Что с таким хвастовством поделаться? Потеряли государство в две недели, бежали, разбазаривают увезенную казну и утешают себя тем, что то была война не настоящая: настоящую мы выиграли бы!

5 декабря

/.../ Н.Н.Берберова приезжала советоваться, что ответить на предложение Вильчковского сотрудничать в расширенной «Бодрости». Ей хочется, но страшно конфликта с «Последними Новостями». Посоветовал сотрудничать. Конфликт, конечно, неизбежен. Если она одна будет, то погибнет, если же к «Бодрости» примкнет целая группа литераторов — Сирин, Б.Зайцев, Газданов, Мочульский, Вейдле и, может быть, Бунин и Бенуа, — то отобьется. А дело — живое и не бесполезное при нашей стремительной и подбострастной «европеизации». Этот журнал если не русское лицо, то хоть русский язык сохранит. А у нас уже давно пишут «авианы», «алерта» вместо тревоги, и едва ли не пишут «арбры» вместо деревьев. Сегодня напечатали «город Просов» в Словакии, потому что забыли про Пряшевскую Русь!

Н.А.Бердяев говорит, что эта война — на 50 лет.

Пятьдесят, не пятьдесят, но думаю, что надолго. Если к лету немцы и русские поделят Скандинавию (долго ли продержатся финны?), а затем Румынию, Венгрию, Югославию, то немцы могут отсиживаться на таком пространстве, при дружественном российском тыле, неограниченное время.

Не тем ли и вызвана поспешность Москвы, что немцам нужно быстро прибрать это пространство к рукам, иначе не протянут?

Найдутся ли силы, чтобы сбить эти расчеты или, по крайней мере, задержать?

6 декабря

Французы пожимают плечами: какая же это война? Только и всего, что тьма по вечерам, солдатские шинели на улицах, синие огни в метро. Да хозяин русской лавки Халач жалуется: «Половины продуктов нет в Париже!»

Впрочем, появилось и отвратительное кофе. /.../

22 декабря

Был полк. Т.И.Ганчиков и рассказывал, будто в кругах РОВС'а возникла инициатива собрать русских добровольцев для

помощи финнам против Красной Армии. Разговаривали об этом будто бы в финляндском посольстве и говорят с французами. Пришел спросить мое мнение.

Я терпеливо и подробно объяснил ему, что нельзя искупать грех Сталина, впадая в грех против России; против финнов сражается, правильно или неправильно, но русская армия; доблесть финнов вызывает восторг, но дерутся с ними наши русские, и тут уж дело не в Сталине и большевиках, а в том, умеют ли русские драться. Поражение Красной Армии есть не только поражение Сталина (этот-то устоит!), но и позор русского имени, а прилагать к этому русские руки отсюда еще больший позор.

Он согласен со мной и прибавил, что генерал Вейган находится сейчас в Париже и предлагал кавказскому генералу, черкесу (имени его он не хотел назвать, не самостийнику) ехать к нему в Сирию для организации специальных частей, на случай совместных действий на кавказском фронте. Генерал сам, будто бы, говорил об этом Ганчикову. Он колеблется и пока не дал согласия. /.../

Подошел к чаю Мустафа Чокаев и снова завязался спор о финнах. Он негодует на Россию. Он убежден, что сие творится во имя диктатуры пролетариата. За Финляндией последует Швеция, Норвегия, весь мир... Тщетно старался успокоить его, убеждая, что если намерения Москвы таковы, то здоровый инстинкт народа разоидется с политикой, как только политика выплеснется за пределы разумного и нужного стране. После Финляндии, Румынии и Кавказа движение, наверное, остановится, перейдет на оборонительную позицию. /.../

Правительство не решается пользоваться радио на русском языке. Действительно, кому из русских поручить пропаганду? Права располагать радио добиваются «возрожденцы» (Любимов, Гулевич и пр.) через генерала Лемери, младороссы через депутата Пезэ, и даже «левые» сорвались с места, Д.М.Одинец и А.М.Кулишер (!) хлопочут через профессора Мазона.

23 декабря

Звонили из *présidence du Conseil*. Согласны доставлять нам советские газеты, как я предлагал. «Последние Новости» подписываются на имя *Commissariat General de l'Information* и вносят подписную плату (3 месяца) либо через *Nachette*, либо по курсу рубля, и тогда французское посольство сделает подписку, а газеты и журналы будет доставлять дипломатической вализой в *Commissariat*. Туда за ними будет ездить наш мальчик, а по использо-

вании газеты и журналы будут туда возвращаться. Commissariat обязуется хранить их в порядке, мы имеем право пользоваться комплектом, когда хотим. Это как бы гарантия, что советские издания не будут ходить по рукам. По окончании войны, вероятно, вернут нам все комплекты.

Сегодня commandant Pelles des Forges должен оформить это решение.

М.А.Алданов уверяет, будто 25 русских добровольцев уже уехало в Финляндию сражаться против красных. По его словам, едет много добровольцев французов (?). Французы посылают все старые аэропланы, которые здесь не годятся против немцев, а там они много лучше советских (?).

Первый генерал, которому, будто бы, генерал Вейган сделал предложение сформировать русский отряд в Сирии, — генерал А.И.Деникин (!). Он, говорят, отказался и вынужден, будто бы, уехать из-за этого в Италию.

Столько брехни, что не знаем, что верно. Сомнительно, чтобы финны пускали к себе русских «белогвардейцев». Сомнительно и то, чтобы генерала Деникина звали на французскую службу.

Поляки ведут себя все более беспечно. Цензура недовольна «Glos'ом Polski'm». M.Leroу говорит с раздражением, что должен часто выбрасывать куски из статей, что поляки вмешиваются во французские дела и вообще insupportables.

25 декабря

/.../ Сильные военные приготовления идут в Сирии. Говорят, охотно берут бывших русских офицеров. И есть такие, что едут.

Цензура, очевидно, никуда не переедет. Палата устала негодовать. Ей отвечают, как в Вампукке²⁸: «едем, едем», но с места не тронутся. А дело в том, что администратор отеля Континенталь — нынешний министр авиации Guy la Chambre: он же и устроил эту «реквизицию», выговорив разбойничьи условия: правительство платит за пользование отелем по полному тарифу мирного времени!

Первый № «Бодрости» выйдет 1-го января на 6 страницах. Издание двухнедельное. Сирий дал согласие, Берберова тоже. С Буниным идет переписка. Сегодня дал мои статьи²⁹ Вильчковскому, подписав: Лагутин (фамилия моей матери; под ней я жил в

Москве в 1924 году, в нелегальной поездке). Третья статья понравилась, против первых двух есть возражения, и справедливые. Сократили их в одну, и я просил Вильчковского самого сделать это. Ему легче, чем мне, который записался. Принесет 2 января. Тогда и посмотрим, можно ли что печатать во втором номере «Бодрости». В редакцию их передаст туда Угримов — «от известного ему человека, которого назвать не может».

В беседе у Угримова решили также принять меры к предотвращению покушения на радио со стороны Любимовых и Кушнера. Вильчковский составит короткую записку, чтобы убедить во вреде всякой эмигрантской политики по радио: если уж делать, то только «информационный бюллетень на русском языке», а поручить это дело, конечно, профессионалу. Но сами же мы ломали голову, но такого профессионала не нашли.

Ходит слух, будто англичане и французы 1) выписывают П.Б.Струве с Балкан и поручают ему создать «большую русскую газету», 2) поручают П.Б.Струве руководство пропагандой на Балканах с русской газетой в Софии.

Опять брехня. Какую газету он может состряпать? Но возможно, что профессор Мазон, который ему приятель, ищет, чем помочь ему материально. По словам тех, кто видал его недавно, Струве стал совсем рамоликом, одряхлел необыкновенно.

Бассехес выпущен из концлагеря «по болезни».

27 декабря

В 11 часов ночи слух в цензуре: германцы вторглись в Голландию в 4 часа дня! Цензура, будто бы, задерживает опубликование, пока не определится позиция Бельгии. От цензоров нельзя получить ни опровержения, ни подтверждения.

Мы приготовили заголовок для переверстки 1-ой страницы и ждали до 2 часов утра.

Д.Раушнинг, книга которого о беседах с Гитлером произвела огромное впечатление³⁰, подает в Лондоне и Париже меморандумы, добиваясь учреждения и признания «Германского национального комитета», по образцу чехословацкого. Копия одного такого меморандума ходит по рукам. Основная идея — Гитлер не Германия. Германия же должна быть такой, как о ней мечтали генерал фон Шлейхер, Гинденбург, Гугенберг, ф[он] Папен и т.д. — «национальная Германия» и, разумеется, «великая держава». Лов-

ко учитывая настроения в Париже и Лондоне, Раушнинг выдвигает мысль о «федеральном» устройстве Рейха, предвидит «восстановление монархии в Баварии», создание «Рейнской республики» и т.п. в пределах «германской империи». Врагом №1 Европа должна считать не Германию, а Сталина. Сила, которая спасет Европу от коммунизма, — пруссаки и мекленбургские помещики, юнкера, одним словом, «здоровые кадры германской армии».

Со своей стороны, Отто Штрассер подает меморандумы, разоблачая планы «военных кругов» (Раушнинга). Основу плана он видит в восстановлении Гогенцоллернов — Люд. Фридриха, мужа княгини Киры Кирилловны, в Германии и Романовых — князь Владимир Кириллович — в России, что послужит закваской для нового и вечного «германо-русского союза».

В книге Кривицкого³¹ интересна глава о сепаратистском движении на Рейне. Оно, оказывается, имеет значительно более глубокие корни и силу, чем принято думать.

В.А.Маклаков сочинил «ноту» на 35 страницах, отпечатал на ротаторе и рассылает, кому следует. Нота объясняет цели Российской внешней политики и убеждает, что Европе необходима «великая, единая и сильная Россия». Это и должно быть одной из целей войны. Покровительство же сепаратизмам и расчленение повторит ошибку Версаля. Мир будет глуп и не прочен. Нельзя решить германскую проблему без сильной России на Востоке. Записка хороша, хотя и многословна. Но вот несчастный русский обычай: отпечатана небрежно, со множеством ошибок при переписке. Перед Европой мы непременно ходим, как Кулишер, — в засранных штанах.

Январь 1940

...А дорожка вьется прямо
От Цусимы до Петсамо.
(Д.Аминадо)

Первым прорывом «фронта свободы», остановкой и поворотом в развитии либеральных идей было *введение всеобщей воинской повинности*. Государство предъявило права на человека. Моральное, а затем и философское последствие этой меры было огромное (недаром Англия ввела ее в 1939 году после стольких колебаний). Если государство может «реквизировать» гражданина для обороны, то почему оно не может реквизиовать его — использовать даром его рабочую силу — и на другие свои нужды?

На этом и вскормилась идея этатизма. Военная повинность повлекла за собой трудовую в самых различных формах, превращаясь постепенно из временной в постоянную. Ставши рабовладельцем, государство стремится расширить свои права, распространить их на всех граждан и во всякое время.

5 января

Л.М.Неманов уверяет, что на последнем заседании Верховного Совета вновь был поднят вопрос об объявлении войны СССР. Даладье будто бы требовал установления англо-французского фронта в Финляндии и похода на Ленинград, объявив одновременно, что Демократии воюют против Сталина, а не против России, расчленять которую не собираются. А Чемберлен будто бы отказался.

В разговоре же, который я имел вчера с Бардоном, когда я пожалел, что нет на англо-французской стороне определенных заявлений о желательном сохранении целостности Российского государства, но, наоборот, во французской печати высказываются мысли о расчленении, он ответил, что «конечно, расчленять никто не собирается, да и не может», но сделать такое *заявление* тоже никак невозможно: «нет повода и, вообще, преждевременно».

Вопрос о русском радио, оказывается, обсуждается в правительстве уже два месяца. Бардон рекомендовал передать это дело «Последним Новостям». Воображаю, что было бы! Решения пока нет и вряд ли скоро будет. Пропагандой в Югославии (Петрович) французы очень довольны и менее довольны в Болгарии ([нрзб.] — Стоянов).

Сдал сегодня Вильчковскому статью Лагутина для №2 «Бодрости», сократив и исправив начало.

6 января

М.А.Алданов клянется, что П.Б.Струве уже в Париже и получил 1 миллион франков от англичан на издание русской газеты.

— Он уже две недели как здесь. Его видели. Газета начнет выходить 1-го февраля.

— Ежедневная?

— Ежедневная.

Час спустя пришел А.Ф.Ступницкий. Его жена была вчера у невестки Струве, своей сестры. Старик живет в Белграде, никто не ждет его в Париже, а о «миллионе» и не слышали.

А вот такого же рода слухи, в достоверности которых люди клятвенно бьют себя в грудь:

— Генералу А.И.Деникину предложено командовать на Кавказском фронте против большевиков. Деникин отказался, но французы так пристают к нему, что он уже уехал в Италию или уезжает в Бельгию.

— На том клочке русской территории, которую заняли финны (?), будет сформировано Российское правительство (в ответ на финское правительство Куусинена). Стать во главе правительства предложено генералу Н.Н.Головину, школьному товарищу Маннергейма. Генерал Головин уже пригласил В.Ф.Зеелера на пост министра иностранных дел и А.В.Карташева на пост министра просвещения.

— Заведовать пропагандой по русскому радио предложено Н.П.Вакару (слава Богу!), но он отказался (взволнованный А.М.Кулишер поймал меня в коридоре и допытывался, правда ли).

— Решено отправить экспедиционный корпус в Финляндию и взять Петроград.

— Германским авиаторам, прилетающим сдаваться в Виллакублэ и Орли, потерян счет.

К этому остается прибавить:

— Решено перевести всю Россию в Бретань, и англичане уже ассигновали на это 150 миллионов фунтов стерлингов!

Получен список адресов (150) в Болгарии для посылки «Последних Новостей». Вместе с 138 из Югославии передан Бардону и Мазону. Бардон уверяет, что дело решено в принципе: правительство подпишется на 3 месяца, а дальше будет видно.

Тем временем газетная бумага вздорожала на 15 000 франков в месяц.

Цензор Моосман оказался старым знакомым Алданова. Вчера они встретились в Café de la Paix. Моосман объяснил, что зарезал лишь половину передовой («Финляндский вопрос») из уважения к Милюкову. Алданов сказал, что писал это не Милюков (это сочинение Кулишера). Моосман рассмеялся: «Жаль, что я не знал! Совсем зарезал бы. Простите меня, но l'article est complètement idiot». С чем все, между прочим, согласны. /.../

14 января

Заведовать русской радиопередачей назначен Люсьен Бургес, политический редактор Petit Parisien, женатый на русской, а его

помощником — А.Ф.Ступницкий. Это лучшая из всех наличных комбинаций. Правда, Ступницкий не умеет ни писать, ни говорить. Но это наименьшее зло и — поправимое. В его руках от этого дела, по крайней мере, *вреда* не будет.

Советовал ему взять актера спикером: В.Чернявского или А.Н.Богданова, или Загребельского. Хорошо бы присовокупить и женский голос — например, М.А.Крыжановскую.

А.П.Ладинский рассказывает, будто из Финляндии приехали люди собирать «белых русских» для устройства русского фронта против красных и «Российского правительства». Французы будто бы сочувствовали, но англичане «категорически отказались», и эмиссарам пришлось вернуться обратно.

Возобновились слухи про П.Б.Струве и газету на английские деньги. Распространитель — тот же М.А.Алданов. /.../

21 января

С 18 января [с] 17.45 действует русское радиовещание на коротких волнах в трех направлениях, охватывающих всю европейскую Россию. Спикером взят А.Н.Богданов (50 франков в день). Руководят Люсьен Бургес и Ступницкий, который всем рассказывает, что у него ничего не вышло и что к этому делу он не имеет никакого отношения, так как смертельно боится, как бы Москва не пришла ему кличку «парижского предателя». Я стараюсь успокоить его и убеждаю, что он делает полезное дело. Действительно, ему удалось уже изъять из программы всякое «пораженчество», в частности, финские официальные сообщения. Задача сосредоточена на разоблачении планов Германии в отношении славянства, в частности, СССР. Это совпадает и с правительственными настроениями. Ступницкий, как ему объяснили, выбран потому, что он не есть «*mangeur de bolsheviks*» и не запутан в эмигрантских дрязгах. Потому тоже, что он французский гражданин, хотя за француза его, кажется, не считают. Он говорит, что работать с Л.Бургесом легко. Тот тоже стоит за «великодержавность России», против ставки на сепаратистов и, между прочим, получил инструкцию «не трогать Сталина и правительство». Париж не отчаялся в надежде, что СССР повернется против немцев, боится закрыть эту возможность неосторожной пропагандой и явно не хотел бы, чтобы радиовещание вызвало протест в Москве.

Радиовещание поэтому бледно, лишено характера прямой пропаганды. Первые две передачи не были слышны у нас. Со вчерашнего дня их дает одновременно на длинной волне Radio-Cité.

Впечатление у тех, кто слышал, удовлетворительное. Интересно, какие донесения Париж получит от посольства в Москве.

В.М.Зензинов уехал в Финляндию «корреспондентом» «Новой России» и нашим. Деньги нашел ему волшебник Фондаминский, а визу устроила Е.Д.Кускова. Она хороша с Holsti, который в Женеве. Тот позвонил в Париж, и Зензинову не только выдали немедленно визу на 6 месяцев, но и от себя финны помогли получить транзитные, бельгийскую и шведскую.

Будет беседовать с пленными. Но я не хотел бы быть в его шкуре.

В понедельник митрополит Евлогий чуть не помер: гриппозное воспаление легких. Врачи уже отчаялись, но старец отбился от смерти, поправился.

Он закончил книгу мемуаров, которую в течение трех лет писала ему Т.И.Манухина: приходила два раза в неделю, а он рассказывал. Книга большая — вся жизнь с детства по наши дни (он сын бедного сельского священника). К современникам довольно безжалостен. Книга писалась в величайшем секрете. Но когда Евлогий начал перепечатывать рукопись, оказалось, что кто-то выкрал из нее две главы: о распре с карловацкими святителями и о Парижском приходе. К счастью, у Т.Ив. был второй экземпляр. Восстановили. Евлогий (он подозревает прот. Ник. Сахарова в краже) изменил первоначальную мысль сдать запечатанную рукопись на хранение в храм с поручением «отдать после смерти Т.И.Манухиной на предмет издания». Прежде чем отдать, попы, наверное, опять обокрали бы, изъяв все, неудобное для них. Ныне рукопись отдана на хранение (с тем же завещанием) в частные руки, кому — неизвестно.

А Т.Ив. сохраняет второй экземпляр.

3 февраля

/.../ Первый отклик на «Реформу» в письме Милюкова к Игорю (текстуально): «Прочтите разумную статью какого-то Лагутина в "Бодрости": под тем, что он там говорит, я почти подо всем мог бы подписаться».

Это приятно. Значит, нет расхождений со стариком. И я прав, что младороссы ближе нам, чем все эти «эс-эры». Папа сам возмущен позицией «Новой России». Не знаю, как он отнесется к тому, что В.М.Зензинов поехал с нашей карточкой в Финляндию. Правда, Игорь договорился с ним, что политики разводить не бу-

дет: главная задача — разговоры с пленными. Поехал туда и С.Карцевский, якобы от швейцарских газет, но почему-то взял у нас корреспондентскую карточку и просит денег из Гельсингфорса.

Игорю трудно, Папа пишет редко, а здесь ежедневно давят «пораженцы» (их вдохновитель Алданов). Вишняк писал Папе, торжествуя, что в «Последних Новостях» теперь «две политические линии, одна другую исключают». Папа ответил ему, что лучше две линии, чем никакой, а Игорю написал печально: «Сейчас это не газета Милюкова, а газета с Милюковым». На что взволнованный Игорь, разумеется, ответил успокоительными заверениями. Эрдеки заседали и постановили протестовать. Их патриотическое чувство возмущается нашим «европейством» в большой комнате. Но что поделаешь? Тон делает музыку. Есть вещи, которых эти люди не ощущают. Как, например, люди, у которых нет музыкального слуха. А эти потеряли всякое чувство родины.

Русское радиовещание работает из рук вон плохо. Боюсь, выгонят Ступницкого. Это будет досадно, потому что черт его знает, в какие руки оно попадет. Так, по крайней мере, хоть вреда нет. /.../

Безумный Лоллий Львов сочинил, невзирая на войну, драму в стихах в 5 актах! О Фальконетте. Драма «пронизана идеей о Медном Всаднике». Сократил себя до нуля (он и прежде обедал через день), буквально голодал. Но горд и счастлив.

Принес Бунину прочесть. А тот:

— Стихи? Простите, не могу читать.

5 февраля

Сегодня на заседании Верховного Совета — первого со времени войны в таком полном составе — приняты, по-видимому, важные решения относительно России. Днем произведен обыск в торгпредстве, сделано несколько арестов. Возможен разрыв дипломатических отношений. На это, очевидно, готовы идти и здесь, и в Лондоне. Цензура пока запретила печатать об обыске. Официальное сообщение будет, вероятно, дано завтра, когда станет известна реакция Москвы. Но уже ходят слухи о том, что решено проявить инициативу до конца, вплоть до военных действий. Десант на Севере? Объявление войны? Трудно поверить в это, настолько оно глупо. Я убежден, что такая политика только принесет вред союзникам, сыграет только на руку немцам.

Каковы ее мотивы? Согласно одной версии, это предпринято для того, чтобы спасти Румынию от советского нападения: Моск-

ва-де не посмеет навязать себе еще третью войну. Согласно второй версии, вызвано это соображениями внутренней политики (французской), которая хочет дать удовлетворение общественному мнению и вытравить окончательно коммунистическую опасность внутри страны. И, наконец, существует третья (наиболее, может быть, разумная, но наименее вероятная) — война с Россией приведет к падению советского режима; это разрушит, с одной стороны, германский тыл, а с другой, даст России «шанс» вернуться к нормальному бытию — что, предполагается, спутает немецкие карты и сорвет игру. Это слишком далеко хвачено! Но первые две версии, вероятно, обе содержат зерно истины.

И все-таки... Разрыв дипломатических отношений — куда ни шло! Но война против СССР? Невероятно.

7 февраля

Сообщение об обысках, жульнически напечатанное в «*Matin*» (провинциальное издание), снято цензурой и чуть не подвело нас: поставили со ссылкой на «*Matin*», ночью сняли — *Commandant Paléugas* в бешенстве. Сегодня скандал с «*Matin*». Но запретить на 48 часов не посмели: это не А.Ф. и не *J. des Débats*! А [на] нас дуются. Запрещение печатать остается в силе. Обыски продолжаются. /.../

21 февраля

[Запись за несколько дней]

Никакого разрыва отношений с СССР (или объявления войны!) не вышло из обысков в торгпредстве, к великому огорчению наших пораженцев. Наоборот, в правительственных кругах, как будто, вновь взяла верх «просоветская линия», т.е. ставка на Россию (СССР) в будущем развитии войны с Гитлером. Это сказывается прежде всего в распоряжениях по цензуре. В частности, запрещено писать о помощи, оказываемой Финляндии (это тем более легко, что помощи не оказывается: проскочило невероятное сообщение — оно и у нас напечатано, — что Франция благородно предоставила финнам за наличный расчет... свои старые арсеналы!). Запрещены и чрезмерные нападки на Швецию за отказ в пропуске войск (каких войск?).

Разыгрывается колоссальный, но наивный блеф (не умеют этого демократии!), в результате которого Германия вновь одержала тактическую победу: испуганные судьбой финнов и предательством шведов, нейтральные державы ползают на коленях перед Гитлером.

Но тут, кажется, уже давно махнули рукой на них (Румыния, Югославия) и только надеются, что это заставит в конце концов Италию перейти открыто на союзную сторону.

Профессор Мазон сообщил, что правительство решило выписывать 100 экземпляров «Последних Новостей» для Болгарии и 100 экземпляров для Югославии, выбрав адреса из списка (около 300), полученных нами от Рыбинского и от Раппопорта. Подписка пока на три месяца. С одной стороны — пропаганда, с другой — косвенная помощь нам. Но он просит нас сделать... скидку с подписной цены (*cela ferait plaisir à l'Administration*). Мы ответили, что сможем скинуть 10%, как делаем это агентам. Через три дня звонил Lt. Gaugeard и сказал, что это мало: нельзя ли скинуть 20%... А всего-то речь идет о каких-то 20 000 франков! Мы отказались. При такой скидке едва ли не нам самим пришлось бы приплачивать за пересылку.

Вот так дело и тянется свыше двух месяцев. Торг идет — с французским государством — о жалких 2 000 [Так! — *Публ.*] франков. Интересно, подпишутся ли?

Несмотря на все полученные разрешения, невозможно выписать советские газеты. *Nachette* — не может переслать деньги в Москву. Lt. Luciani, в тайне от Мазона, дает любезно случайные номера «Известий», получаемые с дипломатической почтой. Вчера получил от 6 и 8 февраля на неделю. Обещают подписать нас в Москве (10 названий) и получать для нас дипломатической вализой с тем, что за подписку мы здесь внесем по счету. /.../

А вот Л. Львов блаженный человек. Свою драму в 5 актах (в списках) о Фальконетте он все-таки читал у А.Н. Бенуа, хотя слушателей было двое: Алданов и Т.Алексинская. Никакие писатели (Бунин, Зайцев и другие) больше не пришли. Львов ничуть не смущен. Он мечтает перевести пьесу на французский язык и ставить в... *Comédie Française!*

Папа разрешил Берберовой и «беллетристам» печататься в «Бодрости» одновременно с «Последними Новостями». Вот какая эволюция! Но запрет по-прежнему категоричен относительно «Возрождения» и распространяется на «Наше Дело» Г.Алексинского... Субсидии [Гришки?] иссякают, и кто-то говорил, что он опять ищет денег.

Газета Солоневича перестала приходить во Францию. Ходит слух, что она закрыта в Болгарии.

2 марта

/.../ Бассехеса продержали сутки под арестом — по недоразумению! — и выпустили. Зеньковский сидит в лагере до сих пор, несмотря на ходатайства Дэйвиса (Карнеги) и английских епископов³². Сидит прочно и Слоним, хотя Mouger хлопочет за него: отпустить не могут без дознания (*sa fishé est des plus favorables*), а оно займет недель шесть.

Правительство подписалось с 1 марта на 100 экземпляров для Югославии. Вопрос о Болгарии обсуждается. Мы дали лишь 10% скидки. Люсиани по секрету снабжает редакцию (через меня) «Известиями», которые Мазон получает с дипломатической почтой.

5 марта

А.Ф.Керенский вернулся из Америки с женой на «Янки Клиппер».

Н.Д.Авксентьев уехал к П.Н.Милюкову в Vichy уговаривать вступить в «Русский Комитет» — из всех партий эмиграции? — для «защиты интересов России в Париже и Лондоне». Надеюсь, что Папа вышибет его вон. Если бы здесь и признали такое общество с фиктивными политическими капиталами (что более чем сомнительно), то чем другим оно будет заниматься, кроме выдачи чеков без покрытия?

В случае же перемены политики к СССР (обострения), оно поставило бы и себя в трагическое положение, и всех нас.

9 марта

/.../ РДО организуется против инициативы Авксентьева, разделяя мои опасения: говорил с Александровым, Поповым, Аристовым. Во вторник они заседают, а затем шлют эмиссара к Папе в Vichy. Авксентьев уже вернулся оттуда и, к сожалению, не обескураженный, хотя, как и нужно было ожидать, не встретил там того сочувствия, на какое рассчитывал.

22 марта

За эти дни РДО приняло резолюцию (тезисы) в патриотическом и оборонческом смысле, высказавшись категорически против Авксентьевского комитета. Александров едет с ней к Папе в Виши.

Тем временем Зензинов прислал телеграмму из Гельсингфорса, требуя от Керенского и Милюкова выступить с публичным

протестом против «Московского мира». Милюков ответил отказом. Керенский сочинил протест и передал в агентство Navas для публикации. Однако не видно, чтобы где-нибудь он был напечатан.

Парламент не выдержал нервного припадка. Смена правительства. Цвибак прибежал из палаты с сенсационным известием, будто итальянские войска вступили в Югославию (!).

Оказалось, конечно, брехней.

Июнь³³

Возвращение ночью из типографии домой становится затруднительным. Борода жалуется на недостаток бензина, таксистов реквизируют для военных и общественных надобностей. Он не уверен, удастся ли приезжать за рабочими каждую ночь, как делал до сих пор.

Покупаю велосипед.

В оставление Парижа, впрочем, никто не верит. Люсиани уверяет, что впереди Парижа собрана полуторамиллионная армия. Без боя Париж не сдадут. Немцев остановят. Парижане спокойны, в городе тихо.

Министерство информации. Равнодушные старики, с трудом спускающиеся по лестнице после службы. Молодежь в военной форме, шныряющая по коридорам, переходящая с необыкновенной быстротой от восторгов к отчаянию, от страха к надежде. В отеле *Континенталь* менее спокойно, чем на улицах. Воздух напряжен. Лица бледны и растеряны. Люсиани возил американских журналистов на фронт, вернулся с разбитым носом и рукой на перевязи: автомобиль опрокинулся в канаву... Вот что он говорит:

— Все зависит от исхода Северной битвы. Москва отлично сознает, что после Франции — нет ничего, что бой идет у последнего барьера. В случае германской победы вся покоренная Европа повернет на Россию. Сейчас идут напряженные дипломатические переговоры в Москве, Лондоне, Париже. Крипс едет в Москву. Мы тоже намеревались послать туда большую миссию в составе около 40 человек (А Бардон вел по этому поводу разговор с сов. поверенным в делах Ивановым и вынес отличное впечатление от него: *un type très bien!*). Но Москва осторожна. Она ждет если не победы, то успеха союзников. Если немцы сметут Францию, как смели Польшу, Норвегию, Голландию, Данию, Бельгию, то куда Москве соваться? Вступить в драку и остаться с немцем наедине? Нет, в этом случае Москва будет продолжать «немец-

кую дружбу», стараясь использовать время, укрепить стратегические позиции в Прибалтике, на Балканах, приготавливаясь к обороне и оттягивая сколько возможно срок неизбежного конфликта... А если немцы споткнутся, завянут во Фландрии или даже отступят обратно за линию Зигфрида, тогда политика Москвы повернет круто. Нужно только, чтобы Москва убедилась, что Франция и Англия достаточно сильные союзники. Я не сомневаюсь, что в случае нашей победы во Фландрии Россия немедленно выступит против Германии, а вслед за ней — Америка!

То же говорит А. Бардон, имевший по этому поводу беседы с советскими дипломатами и военными в Париже. Москвичи, очевидно, втирают очки, но французы горячо верят: их тайная, последняя надежда — на Россию!

...Вся молодежь из «Дэйли Мэйль», бывшая месяц тому назад пацифистами и пораженцами, записалась добровольцами в армию и уехала в Англию. Слэтера, Лонгхерста и О'Коннора сменил в цензуре старик Мак-Кэб.

Но вот Северная битва проиграна. Долго ли удержатся на Сомме? Борода боится выезжать ночью: боится, что реквизируют такси. Возвращаюсь домой на велосипеде по совершенно пустым, черным бульварам. Редкие полицейские стоят под затемненными фонарями. Спрашивают иногда бумаги, но обычно не останавливают одинокого велосипедиста.

Немцы где-то на путях к Парижу, но никто не знает, где точно. Большинство жителей — в том числе все наши — уверено, что Париж не сдадут. В силу такого оптимизма в редакции ничего не готово для эвакуации, в принципе же газета переезжает в Пуатье. На всякий случай заготовлены пропуска, но лежат в министерстве у г. Труве. Земля под нами — не трясется.

9 июня

День внезапной паники. Никто толком ничего не знает, но всем страшно. Улица беспечна, как обычно. Но в цензуре к вечеру — картина Екатеринослава перед вступлением Махно в город. Полковники и лейтенанты разбежались. Мешки с вещами, с бумагами свалены в приемной, на лестницах. Дежурят несколько журналистов, два или три цензора. Англичане уехали, «Дэйли Мэйль» перестал выходить. Внезапно снялись и уехали итальянские корреспонденты. Третьего дня Боллини клялся, что Италия никогда не ударит в спину французам: «этого могут опасаться только те, кто не понимают, что такое фашизм!». Но и он вчера утек. Заседание правительства созвано на 11 часов ночи в Елисейском дворце.

Возвращаюсь после полуночи в типографию с известием, что правительство завтра покидает Париж. На улицах тихо и пустынно, как все прошлые ночи. Над городом стоит черный туман, сажой оседающий в ноздрях. Неизвестно, кто напустил его, немцы или французы, чтобы скрыть столицу от бомбардировки. Неторопливыми парами ходят полицейские, документов не спрашивают.

Выпускаем газету без опоздания, нормально. Бужу телефоном Игоря. Необходимо взять с раннего утра пропуска у г. Труве. Отвечает испуганный голос Ратнера: ни он, ни Игорь не спит. В 1 час ночи звонит Ступницкий, радио эвакуируется. Ему говорю:

— Если утром не возьмете пропуска, то к полудню никого не застанете в министерстве... Бегут!

Качу один на велосипеде домой по мокрому бульвару Вольтера. Город мертв. Полицейские пропали. Высоко над головой рвутся снаряды зенитных орудий. Неизвестно, откуда и по кому стреляют.

Немцев не видно.

10 июня

В 11 часов утра в отеле Континенталь несколько вестовых и десятков запоздалых чиновников. Выносят вещи, ждут грузовиков, спешат. Застаю еще командана Пель де Форж, начальника иностранной цензуры. Этот еще не удрал. «Старого закала человек!» — говорит телефонист, с гордостью передавая мне трубку. Уславливаемся насчет цензуры для нас в Пуатье и прощаемся... А наши пропуска? Утром Ратнера не пустили в отель Континенталь. Занятый вывозом радио, Ступницкий не явился. А к 11 часам г. Труве бежал со всей своей канцелярией в Тур. Пропуска для редакции «Посл. Нов.» увезены с его бумагами.

Как же покинуть Париж? Как присоединиться к общему бегству?

На Демидове, Волкове, Могилевском — лица нет. С выпученными глазами Ратнер носится из угла в угол. Кулишер бьется в истерику... Опять мчусь в Континенталь. Ловлю на лестнице Люсиани, покидающего отель. В него вцепились жена и дочь Бас-сехеса. Вокруг суетятся, отталкивая друг друга, литературные евреи. Ф. Дан размахивает бумажкой, требуя, чтобы его выслушали раньше других. Люсиани пожимает плечами:

— Я не Бог, господа... Помочь не могу...

Пропуска для «Посл. Нов.»? Он не понимает, почему русская газета должна бежать из Парижа. Не съедят же ее немцы! Объяс-

няю, что непременно съедят, но меня уже теснят меньшевики с Ф.Даном, польские, немецкие, австрийские евреи, которых, конечно, тоже съедят и, конечно, раньше, чем прочих, когда вдруг появляется растрепанный вестовой:

— Выезд из Парижа свободен!

Пропусков не нужно... С облегченной душой мчусь обратно в газету. А.Поляков, Цвибак, Аминадо удрали накануне. Газету делает Калишевич, сохраняющий спокойствие. Продолжает работать Сумский. Делается последний номер. Завтра все газеты покидают Париж.

Как уедем мы завтра, когда уже сегодня нет ни одного грузовика, ни одного такси в Париже? Могилевский шлет кому-то записки. Консьержу обещано 500 франков за первую приведенную машину. Больше часа он дежурит на улице, возвращается ни с чем. Мимо проносятся сотни, тысячи автомобилей, нагруженных беглецами, матрацами, чемоданами, кухонной дрянью. Но и это как бы скользит по поверхности парижской жизни. Основная масса населения не движется; глазеет из окон, толпится на тротуарах, а к вечеру наполняет рестораны, кинематографы, кафе. Столица встревожена, но сохраняет беспечный вид. В цензуре — пусто. Нахожу забытого капитана, не знающего ни слова по-русски.

— Русская газета?!.. Откуда вы взялись в такое время?

Капитан поражен и, махнув рукой, ставит визу на оттиск с непонятной печатью: «В конце концов, раз французских газет не осталось в Париже, то пусть выходит русская. Желаю успеха!».

В типографии застаю кн. Оболенского. Он и К.С.Елита-Вильчковский хотят бежать, но не знают как. Нет ни денег, ни перевозочных средств. Нельзя ли посоветовать... Ни наборщики, ни метранпажи типографии не знают, куда ехать и на чем. Шрифты не погружены. Зелюк пропал. А эвакуация завтра. Печатать «Посл. Нов.» в Пуатье будет некому и не на чем.

Расстаемся с тем, чтобы встретиться после полудня в редакции.

11 июня

Россия и Турция объявили войну Италии!..

Консьержи слышали собственными ушами, как солдаты говорили на улице. Первое движение — ехать в полпредство. Если война Италии, значит и Германии. Тогда русскому человеку один путь — Россия, служить России. А спор отложим... Да верно ли? Сообщало ли радио? Радио никто не слышал. Но вот уже Париж объявлен открытым городом, полиция уходит.

Что за притча! Сейчас войдут немцы?

На велосипеде лечу в редакцию... 1 час дня. Полицейские стоят на перекрестках. Значит, брехня? Не уходят? Спокойными, привычными жестами они направляют движение автомобилей, нагруженных домашним скарбом и беженцами. Значит, про Россию и Турцию тоже брехня? Из удирающих автомобилей глядят бледные лица, заплаканные глаза женщин и детей.

Все брехня, но Париж, правда, объявлен открытым городом. Что это точно означает, никто не понимает. Не слышно грохота орудий, не видно вражеских самолетов. Не чувствуется, что немцы близко. И все-таки ясно, что Париж отдадут. Отдают без боя. Немцы войдут в город сейчас, вечером, ночью. Как могла стрясти такая беда?

Редакция — брошенный штаб... Утром на двух автомобилях-такси бежали в Пуатье Волковы, Демидов, Могилевский и братья Кулишеры. Имущество брошено: адреса подписчиков, пишущие машинки, рукописи, счетные книги; недельный гонорар не заплачен, бежавшие не успели проститься, пожать руку оставленным. Сарач и Попов суетятся, подбирая брошенное. Н.К.Волков догадался хоть денег оставить им немного.

Н.В.Калишевич заглянул в редакцию и, махнув рукой на эвакуацию, ушел отсиживаться домой. Небритый и невымытый Ратнер лишился языка от страха. С Сумским был сердечный припадок. Стонут покинутые, растерянные машинистки. Добрый Сарач старается всех утешить. А в нижнем этаже забыт А.И.Коновалов!.. В бегстве ему даже записки не оставили.

На полу бумаги, на столах недопитый со вчерашнего дня чай. Та же картина, что двадцать лет назад в киевских газетах перед приходом большевиков.

Под окнами проносятся автомобили с беженцами и домашним барахлом, тянутся толпы пеших с детскими колясками, с тачками, с чемоданами в руках и на плечах. Великий город тронулся, уходя от немцев. Лавины парижан текут по направлению к южным заставам.

Простился с товарищами, поцеловал Коновалова в дрожащие щеки. Чего пожелать друг другу в такие минуты? Расстались молча. Схожу к велосипеду, на который с утра нагружены одеяло, пижама, запасной костюм, пара штиблет, бритва, мыло, зубная щетка, хлеб и несколько консервных банок.

Ехать в Пуатье? Бессмысленно. Сотрудники и наборщики разбежались, имущество брошено, газета выходить не может. Ехать прямо в По, где жена и дети?.. Встречаю А.А.Александрова на лестнице. Он слышал про выступление России, но тоже не верит. Ну, а если? Тогда он согласен со мной. Временно оставить наш

русский спор, положить оружие, бороться за Россию на тех основаниях, на каких беспартийные служат стране под Сталиным. А не примут нас, то здесь самим встать всеми силами на помощь родине. Александров, впрочем, не уверен во всех членах РДО. Им надо бы знать, что скажет П.Н.Миллюков.

Почему бы не съездить к нему в Виши? Крюк по дороге в По не так велик — четыреста километров, трое суток. В бегстве про него забыли. Но он должен знать, что газета кончилась. Пуатье не будет. Да и самому ему, брошенному и забытому, нужно, вероятно, помочь.

В 4 часа дня на перегруженном велосипеде, плохо слушающем руля, переезжаю через Сену. Сплошным потоком беженцы поднимаются по бульвару Сен-Мишель к Люксембургскому саду, спускаются дальше к Итальянским воротам. Неуклюжий велосипедист валит меня на мостовую. Встаю с продранными коленями и распоротой задницей. Но сам цел, и только большой палец правой руки болит нестерпимо. Вывихнул? Сломал?.. Дрожь пробегает по спине, как же я поеду. Все же беда, как будто, не велика. Оттопырив палец, можно держать руль. Слава Богу, что насевшие сзади грузовики не задавили. Машина цела, а это — все!

Толпа автомобилей и пешеходов становится гуще по мере приближения к заставе. Сосредоточенно и молча, глотая пот и пыль, человеческий поток выплывает на дорогу Фонтенбло. Велосипедисты обгоняют автомобили, едва продвигающиеся вперед; проворные пешеходы обгоняют велосипедистов, вынужденных ежеминутно слезать с седла. Старик и старуха в мягких туфлях волочат детскую коляску с подушками, бутылками и мешком, из которого торчат стенные часы. Сгибаясь под ношей, два подростка толкают тачку, на дне которой младенец копошится среди бархла; люди тащат с собой птичьи клетки, кошки и собак в кухонных мешках... Безжалостно палит солнце. Грудь харкает раскаленной пылью. Впереди все выпито в кофейных и бистро. Дома пусты. Не у кого найти стакан воды.

В Эссоне, в 20 км от Парижа, нахожу кабак, где есть пиво. Как мухи, люди облепили мокрые столы. В кабаке сыро и душно от пота. Пьют молча, жадно. Никто не понимает толком, что случилось.

Почта еще не уехала. Потными пальцами размазывая чернила, отправляю первую открытку Гертруде.

Она получит ее через месяц после моего прибытия в По!

Будто саранчой, опустошены все лавки. Неужели в Париже никто не успел поесть перед бегством? Нет хлеба, молока, овощей, фруктов, колбасы, напитков. Расхватываются последние

консервные банки. Нетерпеливо режут гудки и сирены. Черепашьи шагами движется двухрядный поток автомобилей, велосипедов, колясок, тележек, тачек, сметая все на пути. Четыре автоброневика с офицером на вышке пытаются пробраться навстречу; офицер охрип от крика, гневно орут моторы, но гусеничные колеса не могут тронуться ни назад, ни вперед, не нарубив человеческого мяса. Обезумевший поток беглецов сметает машины... Вот бы направить его на немцев!

Все дорожные кары забраны теми, кто прошел и проехал здесь вчера. Дорогу смотришь по картам на стенах кабаков, топливо заносишь на память. Не доезжая до Фонтенбло, куда направляется главный поток, сворачиваю влево на Ля Фертэ-Алэ, чтобы выйти на Луару между Орлеаном и Невером.

Тут путь немного легче. Тот же сплошной ход автомобилей в два ряда по шоссе, рев гудков, лязг цепей и тормозов, но по обочине бежит тропинка, а по ней велосипедисту ехать ловко. Быстро обгоняю поток, но добираюсь до городка уже с наступлением темноты.

В Ля Фертэ-Алэ потушены все фонари; улицы черны, домов не видно. Автомобильный поток не может остановиться, на него давят сзади десятки тысяч машин, спешащих из Парижа. Пробираясь ощупью между автомобилями, выползаю на площадь. 57 километров!.. С непривычки ломит ноги, вспухли колени. Вздулся палец, вывихнутый на бульваре Сен-Мишель. Присев на камень, неловко вправляю его и не чувствую боли. Ничего вообще не чувствую. Мысль сосредоточена на ночлеге и еде.

Ночлег? Дома облеплены людьми, как муравьями. Беглецы располагаются на балконах, на ступенях, едва ли не на крышах. Ташу велосипед в лучшую гостиницу. Ресторан заплеван, загажен, как советский вокзал в годы гражданской войны. Получаю последнюю чашку кофе — едва половина нацедилась из кофейника. Молока нет. Сардинки, хлеб. Хозяин и прислуга сбились с ног, они работали 36 часов без перерыва, принимая беженцев. Не спрашивая разрешения — по-советски, так по-советски! — стелю одеяло на полу, головой под столом, снимаю сапоги. Несмотря на усталость, заснуть нельзя. Свет от яркой лампы в потолке бьет в глаза. Шумят голоса, хлопают двери. Постепенно весь зал устилается телами. Прибывающие ходят по ногам, наступают на голову. Возгласы боли, возмущения. Обалдевшая от бессонницы девочка дважды пробегает по мне, спотыкается:

— Dis-donc! Tu ne pourrais pas passer par dessus la table?

Уборная давно загажена. Мужчины и женщины выходят на площадь и оправляются прямо перед дверями. Автомобилисты,

съехав в боковые улицы или в поле за городом, спят под открытым небом. Под вой сирены испуганным стадом бегут они в лес и там, на мокрой росе, сидят до утра, пока в небе гремят неизвестные моторы... У нас в ресторане спокойнее: вповалку на каменном полу спят пешеходы, велосипедисты и дезертиры.

Ночь бессонная, мучительная. Спать едва ли не утомительнее, чем работать педалями. Сырой рассвет. Вместо утреннего завтрака кружка воды.

Бодрит утреннее солнце. Воздух свеж. Откуда-то вновь появились силы. Привязываю проволокой одеяло к велосипеду, снимаю замок.

Доберусь ли к вечеру до Луары?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. также характеристику Владимира Кирилловича, данную Елитой-Вильчковским (выпущенная нами запись Вакара от 23 января 1939): «Юноша он добропорядочный, тиходум, честен к себе, потому не склонен к непродуманным решениям. Что продумал по-своему, за то держится твердо. Верен слову и чувствам. Видно, подобен Александру (!!!) не только внешне. А кто в ролях Победоносцева? Родители ограждали В.К. от политики, для них он остается "мальчиком", в семье носил прозвище "boy". Воспитание он получил вполне домашнее. Отец тяготился званием "императора в изгнании", мало кого принимал, сам нигде не бывал. Приезжали на поклон старики, "государевы люди". Мальчик презирал их и ненавидел своих дядей (разделяя чувства матери к ним). Виктория Федоровна была совершенно чужда "царскосельской мистики". Сына воспитала в европейском монаршем духе: царствовать, не править. Общение мальчика со сверстниками-американцами имело также не малое влияние. "Сознавая свое высокое назначение, — говорит Вильчковский), — он, очевидно, плохо его ощущает и должен иногда делать усилие над собой, чтобы помнить". Близкие к нему люди — кап. Граф и А.Л.Казем-Бек — завещаны ему родителями. Но Граф, "крепостной человек", всегда держался Викторией Федор[овной] на известном расстоянии. Единственным духовным советником и наставником, человеком полного доверия, остался Казем-Бек. Имеет некоторое влияние и в.кн. Дмитрий Павлович, активно поддерживавший политику отца».

² Речь идет об отречении в.кн. Михаила Александровича. См. главу «Временное правительство» «Воспоминаний» Милюкова (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955; переизд. — М., 1991).

³ Вторая жена П.Н.Милюкова.

⁴ П.Н.Милюков.

⁵ Т.е. членам Республиканско-демократического объединения (РДО; о нем см. вступительную статью).

⁶ Ср. запись от 6 февраля 1939: «В[ильчковский] опровергает слухи о том, будто вел. князь путает требник с нужником. Говорит, это старый анекдот, и герой его — Сашка Оболенский, с которым это случилось в Кламарской церкви в 1927 году. Теперь смешную историю вспомнили и пришли... царю! В тех же кругах распространяется слух, будто Влад. Кирил. "жесток и глуп". В. уверяет, что юноша воспитан "в традиции английского гуманизма", викторианских идей (родители) и русского народничества (воспитательница Е.А.Иогансен, быв. гувернантка сестер, странная смесь московской курсистки и православной монашки)».

⁷ «Самостийники» — речь Вакара, подготовленная для выступления на младоросском обеде 9 января 1939; 12 января Вакар сдал текст речи Милюкову для напечатания в «Русских записках», «Современных записках» или «Новой России», однако статья была «зарезана» Милюковым (записи от 6, 12, 21, 23 и 31 января 1939).

⁸ Ср. запись от 30 января: «Вечером беседа с Грюнвальдом. Этот новоиспеченный царедворец сильно хлопочет. Я молчал, а он уговаривал целый час. Убеждал, что в.кн. Дмитрий Павлович "очень левый, темперамент революционера, тяготится своей средой, рвется на свободу, жаждет мыслить, действовать" и т.п. "Вам, республикацам, это выгодно. Не отвергайте его, не гоните, но и не требуйте слишком много от него. Ведь он признал, что судьба России будет решаться народом. Чего же вам еще нужно?". Ср. также воспоминания Вертинского, пораженно-го суждениями Дмитрия Павловича о том, что «русская революция — не бунт черни, как пытаются презрительно и пошло окрестить ее некоторые пустые и недалекие люди. Русская революция имеет глубокие корни в нашем прошлом и свое оправдание в настоящем. Революция произошла, и она есть действительность! Из этой действительности и следует всегда исходить, когда думаешь о родине. Остальное химера и панихида!» (Вертинский А. Указ. соч. С.192).

⁹ Об описываемых событиях на Украине см.: Скоропадский П.П. «Украина будет!» Из воспоминаний / Публ. А.Варлыго // Минувшее: Исторический альманах. Вып.17. М.; СПб., 1994. С.7-115.

¹⁰ Ср. запись от 4 февраля: «И.Н.Ефремов приезжал в редакцию, интересовался той же темой "о народах России". Это интересует также его начальство, г.Мальком Дэйвиса, главу Карнеги Фонд. в Париже. Ефремов хочет собрать у себя "трех или четырех авторитетных лиц", которых Мальком Дэйвис (говорит по-русски) мог бы послушать. Кого же именно звать, он не знает. Да и некого, говорю. Советую повезти Дэйвиса на обед 6 февраля...»

¹¹ Первоначально предполагалось издать сборник статей по национальному вопросу «Ключи» с подзаголовком «Россия и ее народы», в который должны были войти статьи Одиноца, Вакара, Алексева, Федо-

това, Казем-Бека, Элиты-Вильчковского, Ступницкого, Шаповала, Шульгина, Абадиева, Жордания, Чокаева (запись от 4 февраля 1939). Однако Фондаминский предложил издавать журнал под ред. Одинца («Выбор тактичный. Если броня не очень крепкая, то цвет защитный», — запись от 10 февраля.) Предложение Фондаминского вызвало недовольство младороссов, см. запись от 13 февраля: «После завтрака Вильчковский попросил остаться с ним, чтобы поговорить о журнале. Бунаков пугает его. Журнал предполагается сделать формата "Новой России" (!), четыре раза в год, под редакцией Одинца на жалование 1200 франков в месяц (!). Вильчковский возмущен. Это, правда, бессовестно. За статьи гонорар 700 фр., причем в первую очередь — Федотов, Алексеев, Выше-славцев. Одним словом, те же и они же! "Нас, — жалуются Вильчковский, — это не устраивает. На кой черт они нужны нам! Живое слово из могил? А от нас требуется, чтобы мы обеспечили определенную часть тиража. Так мы и без Бунакова можем издать сборник". По его мнению, пусть авторы будут совсем неизвестные, только бы мысли были новые. У Алексеева же вообще складная совесть и голова. В архиве Вильчковского лежит его статья "Подведение государственно-правовой базы под формулу "Царь и Советы"". Заплатить за нее младороссы не могли. Тогда Алексеев упразднил царя, переделал конец и продал евразийцам... Хорош фрукт! Ловчее всего в этой эмигрантской лавочке выходит Оди-нец. И Бунаков — святая душа».

«Новая Россия» — двухнедельный журнал, выходил в 1936-1940 в Париже (№1-84), ред. А.Ф.Керенский. «Новый град»: Философский, религиозный и культурный обзор — выходил в 1931-1939 (№1-14) в Париже, ред. И.И.Бунаков (№1-14), Ф.А.Степун (№1-10), Г.П.Федотов (№1-14). Об указ. изданиях см.: Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Указ. соч. Гл.5; Вишняк М.В. «Современные записки». Воспоминания редактора. Указ. соч. С.217-224.

¹² Речь идет о событиях второй половины 1920 — нач. 1921. В июле 1920 в Варшаве был создан Русский политический комитет под председательством Б.В.Савинкова. Программа Комитета, среди прочих условий, предполагала борьбу против большевиков, уничтожение помещичьего землевладения, право самоопределения народов, дружеское соглашение с Польшей. Вышее польское командование разрешило Савинкову приступить к формированию русских частей на территории Польши, в результате чего была создана армия ген. Б.С.Пермыкина. Одновременно на польской территории и в составе польских войск вела военные действия против большевиков армия ген. Булак-Булаховича, в конце июля перешедшая в состав русских вооруженных сил на территории Польши. Таким образом, к середине октября 1920 Комитет объединил под своим руководством две армии общей численностью около 25 тыс. человек. Перед заключением предварительного мира с Россией польское командование через посредство Комитета Савинкова предложило ген. Пермыкину и Булак-Булаховичу либо продолжать самостоятельную вооруженную борьбу против большевиков, либо с оружием в руках эвакуироваться за пределы Польши, оговорив, что в первом случае снимает с себя ответ-

ственность за последствия. Русские армии избрали продолжение борьбы; Комитет заключил соглашение с правительством головного атамана Петлюры, чтобы обеспечить возможность совместных действий армии ген. Пермыкина и украинских войск. Армия ген. Пермыкина, прикрывая отступление украинских войск, перешла польскую границу, была разоружена и интернирована; та же участь постигла армию ген. Булак-Булаховича. Деятельность Политического комитета утратила смысл, и к 15 декабря 1920 он был упразднен. Для попечения об интернированных русских воинах был учрежден Русский эвакуационный комитет под председательством Савинкова; Одинец вошел в состав этого комитета. Кроме того, при комитете была учреждена демобилизационная комиссия, председателем которой являлся Савинков, а его заместителем — Одинец. События 1920-1921 подробно описаны в воспоминаниях А.П.Вельмина «К истории русской эмиграции в Польше (1919-1940)», хранящихся в Архиве русской и восточноевропейской истории и культуры (Бахметевском) Колумбийского университета Нью-Йорка (BAR. Vel'min manuscripts). См. также: Скоропадский П.П. Указ. изд.

¹³ Об «ордене русской интеллигенции» см.: Варшавский В.С. Незамеченное поколение. Указ. соч. Гл.5.

¹⁴ Рижский мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой, — о прекращении войны и нормализации отношений между сторонами — был подписан 18 марта 1921 после пятимесячных переговоров. По условиям договора к Польше отошли западные земли Украины и Белоруссии.

¹⁵ О последних годах «Современных записок» см.: Вишняк М.В. Указ. соч. Гл.9.

¹⁶ Нина Васильевна, жена П.Н.Милюкова.

¹⁷ «Белорусы» — монография Вакара, опубли.: N.P.Vakar. Belorussia. The Making of a Nation. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1956.

¹⁸ О Лонгшене см.: Берберова Н.Н. Курсив мой. М., 1996 (1-е изд. — *The Italics Are Mine*. London; New York, 1969; 1-е русское изд. — Мюнхен, 1972). С.430-431.

¹⁹ Милюков покинул Париж, перебравшись сначала в Виши, затем в Монпелье и, наконец, в Экс-ле-Бэн.

²⁰ «Сегодня» — крупнейшая газета русской эмиграции в Латвии. О ней см.: Абызов Ю. Рижская газета «Сегодня» — кто ее делал, кто в ней печатался и кто ее читал // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып.2. Иерусалим, 1992. С.221-239.

²¹ См. публикации писем Милюкова М.Осоргину, М.Карповичу и Л. и Э.Эльяшевым в «Новом журнале» (1988. №172-173; 1997. №208).

²² «Бодрость!» — еженедельная газета младороссов, изд. в Париже с 4 ноября 1934 по 1940 (№1-259). См., напр., отзыв о газете в воспомина-

ниях А.Вертинского: «По содержанию своему газета эта оправдывала свое наименование. Она звала молодых людей к труду, внушая им, что надо накапливать силы и знания, чтобы в тот момент, когда они понадобятся родине, быть готовыми послужить ей на пользу» (Вертинский А. Дорогой длинною... Указ. соч. С.193).

²³ «Русские записки» — общественно-политический и литературный журнал (Париж; Шанхай, 1937-1939. №1-20/21). Ред. П.Н.Милуков (с №4). При ближайшем участии Н.Д.Авксентьева, И.И.Бунакова.

²⁴ *Вивиани Рене* — премьер-министр Франции с июня 1914 по октябрь 1915; *Бриан Аристид* с незначительными перерывами занимал пост премьер-министра в 1909-1929; *Пенлеве Поль* непродолжительное время занимал пост премьера в 1917 и 1925; *Клемансо Жорж* — премьер с ноября 1917 по 1920; Александр *Рибо* в годы Первой мировой войны являлся членом кабинета министров, однако поста премьера не занимал.

²⁵ *Даладьё Эдуард* с января по октябрь 1933 занимал посты премьера и военного министра, в январе—феврале 1934 — премьера и министра иностранных дел, с 10 апреля 1938 по 21 марта 1940 — премьера, в апреле—мае 1938 и мае—сентябре 1939 — премьера, министра национальной обороны и военного министра.

²⁶ Здесь начинается вторая тетрадь (февраль 1939 — январь 1940).

²⁷ Возможно, Яков Львович Рубинштейн.

²⁸ «Вампука, невеста африканская» — пользовавшийся огромной популярностью спектакль театра «Кривое зеркало» (муз. и либретто В.Г.Эренберга, реж. Унгерн, 1909). О «Вампуке» см.: Дейч А. Голос памяти. М., 1966. С.89-92; Крыжицкий Г.К. Дороги театральные. М., 1976. С.214-219.

²⁹ Речь идет о трех статьях цикла о реформе советского государства: 1. Финская война; 2. Революция или реформа; 3. Возможна ли реформа. О возможности опубликовать статьи см. запись от 24 декабря 1939: «Игорь [И.П.Демидов. — О.Д.] боится скандала, не советует давать в "Бодрость". С мыслями он вполне согласен. По его мнению, это же и мысли Милукова. Советует сначала показать ему. Правда, печатать в "Последних Новостях" было бы лучше. Но если это даже и мысли Милукова, Милуков не напечатает, потому что сам не высказался и не любит, чтобы это делал кто-нибудь за него. А послав ему на отказ, уже невозможно отдавать в "Бодрость". Впрочем, "Бодрости" это тоже, может быть, не подойдет. Тогда остается — брошюра. Да неизвестно, как поступит цензура».

³⁰ Речь идет о книге Германа Раушнинга «Gespräche mit Hitler» (Zürich: Europa Verlag, 1939-1940; англоязычное изд.: Hitler Speaks. A Series of Political Conversations with Adolf Hitler on His Real Aims. London, 1940).

³¹ Главы из опубликованной в 1939-1940 на английском языке книги В.Кривицкого «Я был агентом Сталина» в переводе публиковались в «Последних новостях». Вакар ссылается на главу «Конец Коминтерна».

³² Об аресте Зеньковского см. также запись Вакара от 30 октября 1940: «Об аресте профессора В.В.Зеньковского, оказывается, тоже много на-брехано. По словам Пьянова, он вовсе не был брошен в военную тюрьму, а арестован в первые дни как "нежелательный иностранец", на общих основаниях, то есть без всяких оснований. Ни сам, ни близкие не пони-мают причин. Единственная догадка: плохое поведение брата в Праге под немцами (и, вероятно, какое-нибудь глупое перехваченное цензурой пи-сьмо). Просидел около двух недель в тюрьме Сантэ, где его навещал о.Михаил Чертков. Глубоко подавлен, ошеломлен. Теперь отправили из тюрьмы в концлагерь, в Пириней — кажется, туда, где сидели красные испанцы. Разрешают писать раз в две недели. Друзья хлопочут через американцев (УМСА), через архиепископа Кентерберийского, но пока результатов не видно».

³³ Здесь начинается третья часть дневника (июль 1940). Как указывает дочь Вакара в пояснениях к тексту, подробные записи (машинопись), вероятнее всего, сделаны по памяти на основании кратких заметок в за-писной книжке.

СПИСОК ИМЕН

Абацьев — сотрудник «Последних новостей» («И Абацьев, горный сын / Наш Богом данный осетин» — Дон Аминадо, стихотворение к 10-летнему юбилею П.Н.Милюкова на посту редактора газеты. Цит. по: Дон Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991. С.307).

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878-1943) — общественно-полити-ческий деятель, публицист, мемуарист; член ЦК партии эсеров. В октяб-ре—ноябре 1918 председатель Всероссийского временного правительства (Уфимская директория), в середине ноября арестован колчаковцами и вы-слан в Китай, откуда через США уехал в Париж. Соредатор «Совре-менных записок»; глава русской масонской ложи «Северная звезда» (1930-е). В 1940 переехал в США. О нем см.: Вишняк М.В. «Современ-ные записки». Воспоминания редактора. Указ. соч. Гл.3.

Алексеев Николай Николаевич (1879-1964) — правовед, общественный деятель, мемуарист. В эмиграции с 1920; в 1931-1940 профессор права в ун-те Страсбурга. Участник евразийского движения, соредатор «Евразий-ского сборника». С 1948 жил в Женеве.

Алексинская Татьяна — жена Г.А.Алексинского. См. ее воспомина-ния: 1917-й год // Новый журнал. 1968. №90-92.

Алексинский Григорий Алексеевич (1879-1967) — политический дея-тель, публицист; неоднократно менял политическую ориентацию. Автор заявления (совместно с С.Панкратовым) о получении Лениным денег от немецкого Генерального штаба (газ. «Без лишних слов» и «Живое сло-во» от 4 июля 1917). В мае 1919 бежал с семьей за границу; в 1920 был заочно судим по делу «тактического центра», объявлен врагом народа и лишен права въезда в Сов. Россию. В 1925-1928 издавал в Париже еже-

недельник «Родная земля», субсидировавшийся румынским правительством; сотрудничал в «Общем деле», «Русской газете» и пр. изданиях эмиграции. С конца 1920-х до середины 1930-х вел переговоры с Институтом Маркса—Энгельса—Ленина о продаже своего архива; соглашение не состоялось, т.к. Алексинский запросил за архив слишком большую сумму.

Андерсон Пол — сотрудник YMCA в Берлине; основатель русской заочной школы в Берлине (1921).

Андрей Владимирович — см. Романовы.

Анна — дочь Вакара.

Бакст Лев Самойлович (Розенберг Лей Хаим; 1866-1924) — живописец, график, театральный художник; участник худ. объединения «Мир искусства», с 1909 работал в антрепризе С.П.Дягилева. В Париже с 1910.

Бармин (Графф) Александр Григорьевич (1899-?) — советский разведчик, дипломат; в 1923 окончил Военную академию РККА, выезжал на нелегальную работу в Германию, по возвращении уволен в запас, переведен на дипломатическую работу. В 1923-1925 — генеральный консул СССР в Персии, затем 10 лет служил в системе Наркомвнешторга (во Франции, Италии, Бельгии, Польше). С декабря 1935 — первый секретарь советского полпредства в Афинах. Стал невозвращенцем после убийства И.Рейса; 1 декабря 1937 обратился с заявлением в Международный комитет по московским процессам. См. его интервью «Почему и как я порвал со сталинским режимом» (Бюллетень оппозиции. 1937. №60/61. С.10-11) и книгу «Двадцать лет на службе СССР» (Париж, 1939).

Бенедиктов — см. Берхин.

Бенуа Александр Николаевич (1870-1960) — живописец, график, театральный художник, художественный критик, историк искусства, мемуарист; один из основателей «Мира искусства». В 1918-1924 главный хранитель художественной галереи Эрмитажа. С 1924 в Париже, в 1926 приехал в СССР. Член Союза русских художников во Франции.

Берберова Нина Николаевна (1901-1993) — прозаик, поэт, литературный критик, мемуарист; гражданская жена В.Ф.Ходасевича (1922-1932). В июне 1922 через Литву эмигрировала в Германию; с апреля 1925 поселилась в Париже. Член парижского Союза русских писателей и журналистов. В ноябре 1950 переехала в США; в 1948-1950 редактор литературного отдела газ. «Русская мысль». В 1958-1962 член редколлегии альманаха «Мосты».

Берхин Михаил Уриевич (Юрьевич; 1885-1952) — журналист. В Париже с 1921, сотрудник «Последних новостей», сионистского еженедельника «Рассвет» и др. изданий эмиграции. О нем см.: Седых А. Русские евреи в эмигрантской литературе // Книга о русском еврействе. 1917-1967. Нью-Йорк, 1968. С.434.

Бискупский Василий — генерал, политический деятель, монархист; участник капповского путча 1920, в 1936 назначен главой нацистского координационного агентства по эмигрантским делам (Бюро русских бе-

женцев); глава Русского монархического союза, представитель вел. кн. Кирилла Владимировича в Германии. О нем см.: Williams R.C. Culture in Exile. Ibid. cit. P.93, 95, 97-101, 117, 165-166, 173-176, 204, 212-217, 220, 288-290, 332-333, 347-350; Stephan J.J. The Russian Fascists. Ibid. cit. P.44-45.

Борис Владимирович — см. Романовы.

Бобринский Петр Андреевич, граф (?-1962) — участник младоросско-го движения; после Второй мировой войны сотрудник «Вестника РСХД».

Бунаков (Бунаков-Фондаминский) Илья Исидорович (1880-1942) — общественно-политический деятель, историк, издатель; член ЦК партии эсеров. В апреле 1919 из Одессы эмигрировал через Константинополь в Париж. Соредактор журналов «Современные записки» (1920-1940), «Новый Град» (1931-1939), организатор литературного объединения «Круг» (1935-1939). В 1941 арестован нацистами, погиб в Освенциме. См. о нем: Вишняк М.В. Указ. соч. Гл.3; Кузнецова Г. Грасский дневник. М., 1995 (1-е изд. — Вашингтон, 1967). С.70, 80, 144-145, 152-153, 185, 236, 239, 251, 253, 279; Яновский В. Поля Елисейские. Указ. соч. С.77-101.

Бутенко Борис (?-1926) — министр путей сообщения в правительстве П.П.Скоропадского.

Вейдле Владимир Васильевич (1895-1979) — литературный и художественный критик, искусствовед, публицист, поэт, мемуарист. В августе 1924 выехал из Ленинграда в Финляндию, с октября 1924 жил в Париже. Участник лит. объединения «Круг». В 1950-х — 1970-х преподавал в ун-тах Мюнхена, Нью-Йорка и др.

Вишняк Марк Вениаминович (1883-1975) — общественно-политический деятель, журналист, мемуарист; эсер. С мая 1919 в Париже; соредактор и секретарь редакции «Современных записок» (1920-1940), секретарь редакции «Русских записок» (1937-1939). С октября 1940 в США.

Владимир Кириллович — см. Романовы.

Вова — см. Красинский Владимир Андреевич.

Волков Николай Константинович — депутат 3-й и 4-й Государственной думы; в 1918 член Национального центра; в эмиграции коммерческий директор «Последних новостей» («И Волков, твердый как булат» — Дон Аминадо. Указ. соч. С.305).

Вырубов Василий Васильевич (1879-1963) — общественный деятель, мемуарист; товарищ министра внутренних дел Временного правительства, генеральный секретарь русской делегации на Версальской конференции (1919), в эмиграции — член правления Земгора. См. его «Воспоминания о корниловском деле» (Публикация Н.В.Вырובה // Минувшее. Исторический альманах. Вып.12. М.; СПб., 1993. С.7-27).

Вышеславцев Борис Петрович (1877-1954) — философ, литературный критик, публицист, мемуарист. В сентябре 1922 выслан из Сов. России; с 1923 в Париже. Деятель РСХД, редактор издательства «УМСА-Press». С 1946 жил в Швейцарии.

Гавриил Константинович — см. Романовы.

Газданов Гайто (Георгий) *Иванович* (1903-1971) — прозаик, критик. В 1919 вступил в Добровольческую армию; в ноябре 1920 из Феодосии эмигрировал в Константинополь, жил в Галлиполи, в марте 1922 переехал в Болгарию, с зимы 1923 жил в Париже. Участник литературного объединения «Круг», член парижского Союза русских писателей и журналистов. С 1942 — участник французского Сопротивления. В 1953-1971 сотрудник радиостанции «Свобода», в 1959-1967 ее парижский корреспондент.

Гертруда — жена Вакара.

Гинденбург Пауль фон (1847-1934) — фельдмаршал, в 1925-1934 президент Германии.

Головин Николай Николаевич — генерал Генерального штаба, создатель Высших военных курсов в Париже, автор многотомного труда «Российская контрреволюция в 1917-18 гг.»

Граф Гарольд Карлович — личный секретарь вел. кн. Кирилла Владимировича (см. также прим.1).

Грюнвальд Константин К. — сотрудник «Возрождения». См. о нем: Берберова Н.Н. Люди и логи. Указ. соч. С.151.

Гугенберг Альфред (1865-1951) — немецкий политический и государственный деятель, один из основателей Пангерманского союза (1891). С 1920 — депутат Рейхстага от Немецкой нац. народной партии, которую возглавлял в 1928-1933. Способствовал приходу к власти Гитлера, в 1933 вошел в состав его правительства (министр продовольствия и сельского хозяйства).

Гуль Роман Борисович (1896-1986) — прозаик, литературный критик, историк, мемуарист. Участник Белого движения; в декабре 1918 из Киева эвакуировался в Германию. Член берлинского Союза русских писателей и журналистов, секретарь редакции журнала «Русская книга», затем «Новая русская книга» (1921-1923). С сентября 1933 в Париже; член парижского Союза русских писателей и журналистов. Организатор демократической группы «Российское народное движение» (РНД, 1948). С 1950 в США; член редколлегии (1959-1966), затем гл. ред. «Нового журнала» (1966-1986).

Демидов Игорь Платонович (1873-1946) — общественно-политический деятель, журналист; член ЦК партии кадетов; внук В.Далая. С 1920 в Париже; в 1924 один из организаторов Республиканско-демократического объединения (РДО). В 1920-х — 1930-х зам. редактора «Последних новостей» («Демидов, ласковый и смуглый» — Дон Аминадо. Указ. соч. С.305).

Дмитрий Павлович — см. Романовы.

Евлогий (Василий Семенович Георгиевский; 1868-1946) — глава русской епархии в Париже, назначен патриархом Тихоном в 1922.

Элита-Вильчковский (Вильчковский) Кирилл Сергеевич (?-1960) — общественный деятель, публицист, литературный критик. Один из иде-

ологов младороссов, «добрый гений» младоросского движения. (См.: Рончевский Р.П. Младороссы. Материалы к истории сменовеховского движения. Лондон; Онтарио: Заря, 1973. С.15, 39).

Ефремов Иван Николаевич (1866-?) — юрист, историк, дипломат; до эмиграции председатель фракции прогрессистов; с 1925 председатель Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции.

Зеелер Владимир Феофилович (1874-1954) — общественный деятель, юрист, журналист, мемуарист; кадет. В марте 1917 городской голова Ростова-на-Дону, в 1919-1920 министр внутренних дел в правительстве Деникина. В 1920 из Новороссийска эмигрировал через Константинополь в Париж. В 1921 один из организаторов, затем генеральный секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов. В годы оккупации арестован нацистами, содержался в концлагере. С 1947 член редколлегии газеты «Русская мысль».

Зелюк Орест Григорьевич (1888-?) — журналист и издатель, в эмиграции с 1919. Глава издательства «Volter», издававшего «Последние новости», и типографии «Франко-русская печать». См. цит. стихотворение Дон Аминадо («И просто двигатель — Зелюк» — Указ. соч. С.306), а также известную пародию Бунина: «Автор к автору летит, / Автор автору кричит: / — Как бы нам с тобой дознаться, / Где бы нам с тобой издаться? / Отвечает им Зелюк: / — Всем, писаки, вам каюк! / Отвечает им Гукасов: / — Не терплю вас, лоботрясов! / Отвечаем ИМКА: — Мы / Издаем одни псалмы!»

Зензинов Владимир Михайлович (1880-1953) — общественно-политический деятель, публицист, мемуарист; член ЦК партии эсеров. Близкий друг Бунакова. С января 1919 в Париже. Соредактор «Воли России» (1920-1922), член редколлегии «Современных записок». В 1939 через Финляндию уехал в США.

Зеньковский Василий Васильевич (1881-1962) — богослов, публицист, литературный критик, мемуарист. В январе 1920 эмигрировал в Белград, в 1923 переехал в Прагу. Один из организаторов РСХД. С 1926 в Париже, редактор «Вестника РСХД» (1937-1938). В 1940 был арестован, более года находился в концлагере. В 1942 принял священство. См. его воспоминания: Мои встречи с выдающимися людьми. Ч. I-III // Записки Русской Академической группы в США. Т.26-28. Нью-Йорк, 1994-1997.

Извольская Елена Александровна (1896-1975) — прозаик, переводчица, деятельница экуменического движения; дочь последнего императорского посла во Франции А.П.Извольского. См. о ней: The Third Hour. Helen Izwolsky Memorial Volume. NY: The Third Hour Foundation, 1976.

Кадомцев Борис Петрович (?-1969) — публицист, младоросс.

Калишевич (псевд. Словцов) *Николай Викторович* (?-1941) — журналист, литературный критик, мемуарист. После 1917 эмигрировал в Софию, в начале 1920-х переехал в Париж. Сотрудник «Последних новостей» («И дважды крупный Калишевич, / Как таковой и как Словцов» — Дон Аминадо. Указ. соч. С.307); 11 июня 1940, за сутки до вступления немцев в Париж, выпустил последний номер газеты.

Кира Кирилловна — см. Романовы.

Кирилл Владимирович — см. Романовы.

Кондаков Никодим Павлович (1844-1925) — историк, византист, основатель так наз. Кондаковского ин-та в Праге.

Коновалов Александр Иванович (1875-1948) — общественно-политический деятель, министр торговли и промышленности Временного правительства (до 19 мая 1917), заместитель А.Ф.Керенского (с 25 сентября 1917). В эмиграции председатель Союза общественных организаций; председатель правления «Последних новостей» («И Коновалов, с виду круглый, / А по характеру квадрат» — Дон Аминадо. Указ. соч. С.305).

Красинский Владимир Андреевич — сын в.кн. Андрея Владимировича и Матильды Кшесинской.

Кривицкий Вальтер (Гинзбург/Гинзберг Самуил Гершевич; 1889-1941) — в 1920-х — 1930-х один из создателей и руководителей разведывательной сети Разведуправления РККА в Германии, Швейцарии, Бельгии, Франции. В ноябре 1937 объявил о разрыве с СССР; 5 декабря 1937 сделал заявление для печати. С декабря 1939 в США; с апреля 1939 в американской печати стали появляться его разоблачительные статьи, в конце 1939 одновременно в США и в Англии вышла его книга (на англ. языке) «На сталинской службе» (назв. в Англии — «Я был агентом Сталина»). См. о нем: Судьбы советских перебежчиков. Нью-Йорк; Иерусалим; Париж, 1983; Старков В. Судьба Вальтера Кривицкого // Вопросы истории. 1991. №11. С.82-93. См. также предисловие В.Старкова к русскому изданию книги Кривицкого «Я был агентом Сталина: Записки советского разведчика» (М., 1991).

Кривошеин Игорь Александрович (?-1987) — сын царского министра земледелия А.В.Кривошеина; возвращенец, резидент; в 1945 председатель Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления; председатель на учредительном съезде Союза советских граждан (15 августа 1947). В ноябре 1947 выслан в советскую зону Германии, в феврале 1948 — в СССР (Ульяновск); репрессирован, реабилитирован в 1954. В 1974 вернулся в Париж. См. воспоминания его жены: Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. Париж, 1984.

Кулишер Александр Михайлович (1890-1942) — историк, социолог, правовед, журналист; кадет. В 1921 из Петрограда эмигрировал в Берлин, с 1926 в Париже; сотрудник «Последних новостей» («И посвященный буллой папы / В чин кардинала Кулишер» — Дон Аминадо. Указ. соч. С.306). В годы оккупации арестован нацистами, погиб в концлагере. Подробнее о нем см.: Бирман М. В одной редакции (О тех, кто создавал газету «Последние новости») // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып.3. Иерусалим, 1994. С.146.

Кускова (урожд. Есипова) Екатерина Дмитриевна (1869-1958) — общественно-политический деятель, социолог, публицист, издательница, мемуаристка; в 3-м браке жена С.Н.Прокоповича. С 1919 член Московского комитета Общества политического Красного Креста, в 1921 одна из ру-

ководителей Всероссийского комитета помощи голодающим, арестована, сослана в Вологду, в июне 1922 выслана из Сов. России. Поселилась в Берлине, в начале 1924 переехала в Прагу, с 1939 жила в Швейцарии.

Киесинская Матильда Феликсовна (1872-1971) — балерина, балетный педагог, мемуаристка; с 1921 мorganатическая жена вел. кн. Андрея Владимировича. В феврале 1920 из Новороссийска эмигрировала во Францию, в нач. 1929 поселилась в Париже. В 1929-1960-х преподавала в собственной балетной школе. См. ее воспоминания (Париж, 1960, на франц. яз.; русское издание — М., 1992).

Ладинский Антонин Петрович (1896-1961) — поэт, прозаик, переводчик, журналист, мемуарист. В начале 1920 из Новороссийска эмигрировал в Египет, в 1924 переехал в Париж. В 1925 один из организаторов Союза молодых поэтов и писателей; сотрудник «Последних новостей» («Всегда обиженный Ладинский» — Дон Аминадо. Указ. соч. С.306). С 1944 член Союза русских патриотов, сотрудник газеты «Советский патриот»; в марте 1955 вернулся в СССР.

Лифарь Сергей (Серж) Михайлович (1905-1986) — танцовщик, балетмейстер, художник, коллекционер, мемуарист. В начале декабря 1922 из Киева нелегально эмигрировал в Варшаву, в январе 1923 переехал в Париж; в 1923-1929 солист труппы «Русский балет Дягилева». Один из устроителей пушкинских торжеств в Париже (1937), организатор парижской выставки «Русские балеты Дягилева» (1939). В 1947 организатор Ин-та хореографии (Париж).

Лукин А.П. — сотрудник «Последних новостей», отставной капитан («И капитан второго ранга / Отшвартовавшийся Лукин» — Дон Аминадо. Указ. соч. С.306), в период оккупации Франции сотрудничал с гитлеровцами.

Львов Лоллий Иванович (1888-1967) — поэт, прозаик, историк литературы, журналист. С 1920 в Париже; член ред. комитета газеты «Россия и славянство» (1928-1934). В годы Второй мировой войны сотрудничал в пронацистских изданиях, посещал Россию в качестве переводчика; с 1945 в Мюнхене, с 1950-х сотрудник радиостанции «Свобода» и Ин-та по изучению истории и культуры СССР.

Ляля — см. Штром Елена Николаевна.

Макеев Николай Васильевич (1889-1974) — писатель, публицист; правый эсер; народный социалист; в эмиграции член правления Земгора. Второй муж Н.Н.Берберовой. См. о нем: Берберова Н.Н. Курсив мой. Указ. соч. С.433-435, 464; Она же. Люди и ложи. Указ. соч. С.175.

Маклаков Василий Алексеевич (1869-1957) — общественно-политический деятель, юрист, публицист, мемуарист; член ЦК партии кадетов. В середине октября 1917 выехал в Париж в качестве посла России во Франции, в связи с переворотом не получил аккредитации, оставался неаккредитованным послом до октября 1924. С февраля 1921 глава русского Совета послов (Париж), с 1924 председатель русского эмигрантского комитета при Лиге Наций. В годы оккупации арестован нацистами, вскоре осво-

божден. В 1945 был близок к движению сов. патриотов, возглавлял группу эмигрантов, нанесших 12 февраля 1945 визит сов. послу Богомолу. О визите см.: Соловейчик С. Эмиграция и советская власть // Новый журнал. 1945. №10. С.341-360.

Манухин Иван Иванович — известный врач, ученик Боткина и Мечникова. В эмиграции с 1921.

Манухина (урожд. Крундышева, псевд. Таманин) Татьяна Ивановна (1886-1962) — прозаник, переводчица, мемуаристка; жена И.И.Манухина. В эмиграции с 1921. См. ее воспоминания: Путешествие из Петербурга в Париж в 1921 году // Путешествие из Петербурга в Париж. Воспоминания русских писательниц о первых годах советской власти (1917-1924). По материалам Бахметевского архива / Сост. О.Р.Демидова. Wilhelmshorst: Verlag F.K.Gopfert, 1966. С.157-202.

Мария Павловна — см. Романовы.

Марков Александр Порфирьевич — сотрудник «Последних новостей» («И хмурый Марков, вождь казацкий, / Дитя землячеств и станиц» — Дон Аминадо. Указ. соч. С.306); по свидетельству Берберовой, возвращенец (Берберова Н.Н. Люди и ложи. Указ. соч. С.178).

Мельгунов Сергей Петрович (1879/1880-1956) — общественно-политический деятель, историк, публицист, издатель, мемуарист; член ЦК Трудовой народно-социалистической партии. В эмиграции с 1922, с середины 1920-х в Париже. Редактор сб. «На чужой стороне» (1923-1924), соредатор журн. «Голос минувшего на чужой стороне» (1926-1928), «Борьба за Россию» (1926-1931). В 1946-1956 председатель Союза борьбы за свободу России.

Могилевский Владимир Андреевич — главный бухгалтер, кассир, заведующий конторой «Последних новостей».

Мочульский Константин Васильевич (1892-1948) — литературовед, поэт, прозаик, переводчик, мемуарист. В начале 1920 из Одессы эмигрировал в Болгарию, в 1922 переехал в Париж; в 1924-1941 преподавал на русском отделении Сорбонны. Участник литературного объединения «Круг», участник РСХД; соучредитель объединения «Православное дело» (1935-1943).

Неманов Лев Моисеевич — женеvский корреспондент «Последних новостей», присылавший корреспонденции о деятельности Лиги Наций («Маститый Неманов-Женеvский» — Дон Аминадо. Указ. соч. С.305).

Николаевский Борис Иванович (1887-1967) — историк революционно-го движения, публицист, архивист; член ЦК РСДРП (меньшеvиков). В январе 1922 выслан из Сов. России, жил в Берлине, с 1933 в Париже. Один из основателей журнала «Летопись русской революции» и одноименной основной серии. Представитель Русского зарубежного архива (Прага) в Берлине; в 1924-1931 представитель Ин-та Маркса и Энгельса за границей. Директор парижского отделения Международного ин-та социальной истории (Амстердам). В феврале—апреле 1936 вел переговоры с Н.И.Бухариным о продаже СССР архива Маркса. С 1940 в США.

Оболенский, князь Андрей Владимирович (1900-1979) или Сергей Владимирович (1902 — после 1988); оба в эмиграции с ноября 1920, участники младоросского движения. См. воспоминания их отца, бывшего председателя Таврической земской управы кн. В.А.Оболенского «Моя жизнь, мои современники» (Париж, 1988).

Одинец Дмитрий Михайлович (1883-1950) — историк права, в эмиграции профессор Сорбонны и Русского народного ун-та, в 1925-1940 глава Тургеневской библиотеки в Париже. В конце Второй мировой войны один из руководителей, затем глава Союза русских патриотов, в составе группы Маклакова нанес визит сов. послу Богомолу. В марте 1948 депортирован в советскую зону оккупации Германии, в 1948-1950 жил в Казани, преподавал на историческом ф-те Казанского ун-та. См. также прим. 12.

Папен Франц фон — немецкий военный и политический деятель; в 1920-1932 депутат прусского ландстага от католической партии «Центр», в июне—ноябре 1932 глава немецкого правительства; поддерживал Гитлера. В 1934-1938 посол в Австрии, способствовал подготовке захвата Австрии фашистской Германией; в 1939-1944 посол в Турции. В 1946 судим Международным трибуналом в Нюрнберге, оправдан.

Песков Георгий — псевд. писательницы Елены Адальбертовны Дейша (1885-1977). В 1924 через Прибалтику эмигрировала во Францию.

Петрищев А.Б. — журналист, сотрудник «Русского богатства» (до эмиграции), «Дней» Керенского, «Последних новостей».

Плевицкая (Винникова) Надежда Васильевна (1884-1940) — певица, исполнительница русских народных песен. В эмиграции с 1920; в 1930 вместе с мужем ген. Н.В.Скоблиным завербована советской разведкой. За участие в похищении ген. Е.К.Миллера была судима французским судом и приговорена к 20 годам каторги; умерла в каторжной тюрьме 21 сентября 1940. См. ее воспоминания «Дежкин карагод» (СПб., 1994; 1-е изд. — Париж, 1925). См. также воспоминания Берберовой о процессе: Берберова Н.Н. Курсив мой. Указ. соч. С.385-386.

Поляков Александр Абрамович (1879-1970) — журналист, выпускающий «Последних новостей» («И он, чей череп пребывает / В жестоком декольте, / Кто культам всем предпочитает / Российский культ maternite. / Кто сам и ось, и винт, и смазчик, / Кто рвет, и мечет, / И клянет, / И прячет рукописи в ящик, / И в тот же ящик и плюет. / Чей нрав крутой и бесшабашный / Приемлет даже Милюков, / Кто Поляков, но самый страшный, / И самый главный Поляков...») — Дон Аминадо. Указ. соч. С.308). См. также: Там же. С.289-293; Бирман М. Указ. соч. С.150-151.

Прокопович Сергей Николаевич (1871-1955) — общественно-политический деятель, экономист, публицист; член ЦК партии кадетов; муж Е.Д.Кусковой. В 1921 один из руководителей Помгола, арестован, в июне 1922 выслан из Сов. России. В 1922 основатель и руководитель Русского экономического кабинета (Берлин, ↗1924 — Прага); один из организато-

ров Русского научного ин-та в Берлине; в 1928 организатор Ин-та по изучению народного хозяйства СССР (Прага). С 1939 в Швейцарии.

Ратнер — сотрудник «Последних новостей».

Раушинг Герман — государственный деятель, публицист; с весны 1933 до осени 1934 глава сената свободного города Данцига.

Ржепецкий Антон Карлович — российский деятель на Украине, министр финансов в правительстве Скоропадского.

Романовы:

Андрей Владимирович (1879-1956) — вел. кн., внук Александра II, муж балерины М.Ф.Кшесинской.

Борис Владимирович (1877-1943) — великий князь, третий сын вел. кн. Владимира Александровича, внук Александра II. В эмиграции с 1917.

Виктория Федоровна (урожд. принцесса Виктория-Мелита Саксен-Кобург-Готская) — с 1905 жена вел. кн. Кирилла Владимировича.

Владимир Кириллович (1909-1992) — князь императорской крови, сын вел. кн. Кирилла Владимировича; манифестом отца от 31 августа 1924 провозглашен Великим Князем Наследником-Цесаревичем; наследовал отцу в 1938.

Гавриил Константинович (1887-1955) — князь императорской крови, второй сын вел. кн. Константина Константиновича, правнук Николая I. Эмигрировал с помощью М.Горького. См. его воспоминания «В Мраморном дворце» (СПб.; Дюссельдорф, 1993; 1-е изд. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955); см. также. Манухин И. Воспоминания о 1917-18 гг. // Новый журнал. 1958. №54.

Дмитрий Павлович (1891-1942) — вел. кн., сын вел. кн. Павла Александровича, внук Александра II; участник убийства Г.Распутина.

Кирилл Владимирович (1876-1938) — вел. кн., внук Александра II. В июне 1917 уехал с семьей в Финляндию; в 1920 переехал в Швейцарию, в 1921 — на юг Франции, в конце 1922 обосновался в Кобурге на вилле «Эдинбург». Об эмигрантском периоде см.: Williams R.C. The Culture in Exile. Ibid. cit. P.213-217.

Кира Кирилловна (1909-1967) — княжна императорской крови, дочь вел. кн. Кирилла Владимировича, жена главы Прусского королевского дома, старшего внука императора Вильгельма II принца Луи-Фердинанда.

Мария Павловна (1890-1958) — великая княжна, сестра вел. кн. Дмитрия Павловича.

Подробно о Романовых см.: Дом Романовых: Биографические сведения о членах царствовавшего дома, их предках и родственниках. СПб., 1992.

Рубинштейн Яков Львович — председатель юридической комиссии при Земгоре по правовому положению русских беженцев, бывший член правления Нансеновского офиса при Лиге Наций.

Руднев Вадим Викторович (1879-1940) — общественно-политический деятель, журналист, издатель; член ЦК партии эсеров. С июня 1917

городской голова Москвы; в апреле 1919 из Одессы через Константинополь эмигрировал в Париж. Член Административного центра РДО; один из основателей и соредакторов «Современных записок». См. о нем: Вишняк М.В. Указ. соч. Гл.3.

Сарач Борис Маркович — бухгалтер «Последних новостей».

Семенов Юлий Федорович (1873-1947) — общественно-политический деятель, журналист, мемуарист. Участник Белого движения, в эмиграции (Париж) с 1920. С 1924 генеральный секретарь Русского национального комитета, председатель Русского зарубежного съезда в Париже (1926). В 1927-1940 — редактор «Возрождения».

Слоним Марк Львович (1894-1976) — общественно-политический деятель, литературовед, публицист, журналист, мемуарист; племянник Ю.И. Айхенвальда. В эмиграции с 1918; жил в Италии, в конце 1920 переехал в Прагу; редактор журнала «Новости литературы» (1922), соредактор «Воли России» (1922-1932). С 1927 подолгу жил в Париже, куда окончательно переселился в 1932; в 1928 организатор, затем председатель литературной группы «Кочевье». В 1941 уехал в США, впоследствии проживал в Швейцарии и Франции. После войны лидер просоветской группы «утвержденных».

Солоневич Иван Лукьянович (1891-1953) — публицист, журналист. В августе 1934 бежал из заключения (Карелия) в Финляндию, в 1935 переехал в Париж, летом 1936 поселился в Софии, издавал газету «Голос России» (1936-1938); в августе 1938 переехал в Берлин, издавал «Нашу газету» (1938-1941). В 1941 арестован, сослан под надзор гестапо; в 1947 из английской оккупационной зоны перебрался в Аргентину, с 1948 издавал газету «Наша страна». См. о нем: Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С.122, 124-126, 242, 243, 262, 264, 267. О его брате Б.Л. Солоневиче сведений обнаружить не удалось.

Ступницкий Арсений Федорович (1893-1951) — журналист, юрист. С начала 1920-х в Париже; сотрудник «Последних новостей» («И наш Ступницкий, наш Арсений, / Папашин новый фаворит» — Дон Аминадо. Указ. соч. С.307); соредактор сб. «П.Н. Милуков. Сборник материалов» (1930). После 1945 близок к движению сов. патриотов; ред. просоветской газеты «Русские новости» (1945-1951).

Суварин Борис — французский социалист, журналист; в 1921-1924 член коммунистической партии Франции, член Коминтерна. В конце 1930-х редактор газ. «Figaго».

Сумский-Каплун Соломон Гитманович (1891-1940) — журналист, издатель; меньшевик. В берлинский период издавал произведения А.Белого; впоследствии сотрудник «Последних новостей» («И Сумский, он же и Каплун» — Дон Аминадо. Указ. соч. С.306).

Сухомлин Василий Васильевич (1885-1963) — общественно-политический деятель, публицист, переводчик; эсер, член ЦК партии эсеров, депутат Учредительного собрания. В эмиграции с марта 1918 (Финляндия — Стокгольм — Париж). С 1922 соредактор «Воли России», сотруд-

ник французских, итальянских, бельгийских социалистических изданий. С июля 1941 — в США. В августе 1941 обратился к эмигрантам с призывом поддержать сов. правительство и Красную Армию в борьбе против немецких агрессоров; осенью 1941 следственная комиссия нью-йоркской группы партии эсеров начала следствие по делу Сухомлина, обвинявшегося в связях с большевиками. По свидетельству Сухомлина, в Чехословакии ему действительно предлагали устроить легальное возвращение в СССР «без каких-либо порочащих его честь условий», и он этим хлопотам не препятствовал; однако свои связи с большевиками отрицал. Комиссия пришла к выводу, что Сухомлин и Слоним «вели себя в ряде случаев неправильно, но слухи о том, что они якобы советские агенты, неверны». В начале 1942 Сухомлин вышел из нью-йоркской группы партии эсеров; после Второй мировой войны вернулся во Францию; в октябре 1945 обратился в сов. полпредство; в 1947 принял сов. подданство. Летом 1951 выслан из Франции как коммунистический агент, в 1954 возвратился в СССР; не прекращал сотрудничества во французской периодике (под псевд. Victor Samaret). С 1962 член Союза писателей СССР. О «деле Сухомлина» см. также: Гуль Р. Я унес Россию. Указ. соч. С.177-178.

Угримов Александр Иванович (1874-1974) — агроном, экономист; до октября 1917 председатель Российского общества сельского хозяйства, в 1921 член Помгола; в 1922 выслан из Сов. России. После 1945 принял сов. подданство, в 1947 выслан из Франции в СССР; реабилитирован за высылку 1922 в 1957. См. воспоминания его дочери: Решикова В.А. Высылка из РСФСР // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 11. М.; СПб., 1992. С.199-208.

Федотов Георгий Петрович (1886-1951) — философ, историк, богослов, публицист, литературный критик. В сентябре 1925 эмигрировал через Берлин в Париж. Деятель РСХД, в 1931-1939 соредатор журнала «Новый град», с 1935 участник литературного объединения «Круг». С сентября 1941 в США. О нем см.: Яновский В. Поля Елисейские. Указ. соч. С.53-76.

Флоринский Михаил (1894-1981) — историк, экономист. В первые годы эмиграции ученый секретарь проф. П.Г.Виноградова (Лондон), с 1926 в США. Автор книг «The End of the Russian Empire» (1931), «Russia: A History and an Interpretation» (1953).

Цвибак Яков Моисеевич (псевд. Андрей Седых; 1902-1994) — журналист, писатель, литературный критик, мемуарист. С ноября 1920 в Париже, сотрудник «Последних новостей», «Сегодня» и др. изд. В 1933 сопровождал Бунина в Стокгольм для участия в торжествах по поводу получения Нобелевской премии. С 1942 в США; сотрудник, затем (нач. с 1970-х) гл. ред. «Нового русского слова». О нем см.: Писатели русского зарубежья: Справочник. Ч.2. М., 1994. С.248-251; Цыпкина О. «Новое русское слово» — феномен долголетия // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. 5. Иерусалим, 1996. С.167-168; Глэд Д. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М., 1991. С.50-61. См. также его мемуары «Далекие, близкие...» (Нью-Йорк, 1962).

Чокаев Мустафа (Чокай, Чокай-оглы, Шокайулы Мустапа; 1890-1941/42) — один из лидеров мусульманской эмиграции. В эмиграции с 1920 (Стамбул — Берлин — Париж); издатель и гл. ред. журналов «Новый Туркестан» (июль 1927 — сентябрь 1931, Стамбул) и «Молодой Туркестан» (1929-1939, Берлин). После немецкой оккупации Франции арестован за связь с английской разведкой, освобожден с условием подготовить кадры для будущего Туркестанского государства (об аресте и пребывании в Компьенском лагере см.: Малышева С. Автографы Компьенского концлагеря // Евреи в культуре русского зарубежья. Вып. 5. Иерусалим, 1996. С.23). Отравлен националистом Вали Каюм-Ханом, претендовавшим на место в Туркестанском национальном комитете (См.: Наука и религия. 1964. №5). По другим сведениям, «скончался в берлинской больнице при невыясненных обстоятельствах» (Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С.687). См. также: Памяти Мустафы Чокай-Бея. Париж, 1949-1950; Алимджанов А. Дороги людей — дороги человека (Вспоминая Мустафу Чокай-Улы). Алма-Ата, 1992.

Шаповал М. — украинский общественно-политический деятель, самостоятельный; ср. характеристику, данную ему Вакаром в выпущенной нами записи от 6 февраля 1939: «Искренний патриот, он сознает трагедию своего положения "самостийника". Несомненно, он и ему подобные прямо стали бы на почву союза с Россией, если бы усмотрели на русской стороне те идейные зацепки, при помощи которых могли бы отбиваться от своей, ими же самими развращенной, самостийной, зоологически дикой паствы».

Швыров — сотрудник «Последних новостей».

Шебеко Николай Николаевич — бывший российский посол в Вене.

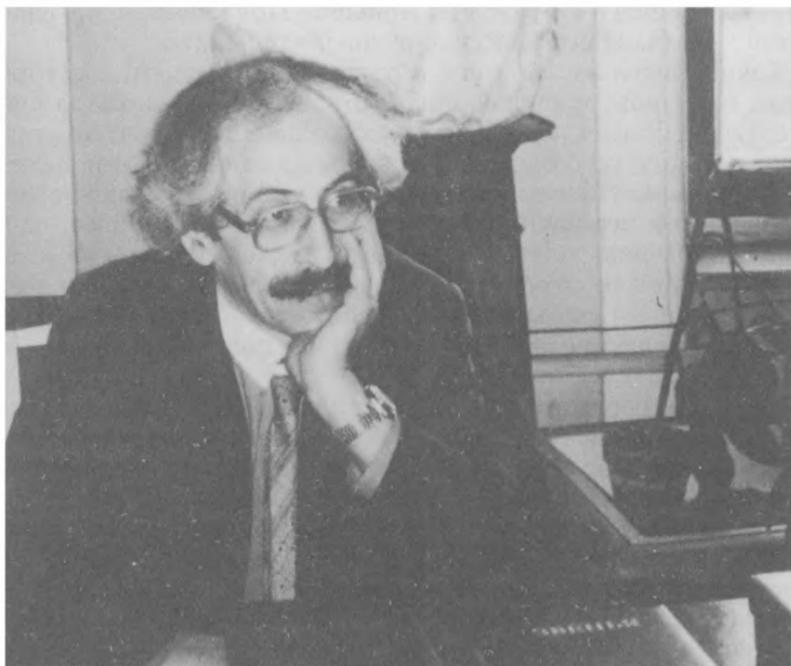
Шлейхер Курт (1882-1934) — немецкий военный и политический деятель; с июня 1932 военный министр в правительстве Папена, с декабря 1932 по 30 января 1933 рейхсканцлер. Убит во время расправы с главарями штурмовых отрядов.

Штром Елена Николаевна (?-1962) — машинистка редакции «Последних новостей».

Шульгин Александр Яковлевич (1899-?) — историк, политический деятель; племянник В.В.Шульгина. В 1917 генеральный секретарь украинской Центральной Рады по национальным делам, в 1919 глава украинской делегации на Мирной конференции в Париже; в эмиграции профессор Украинского ун-та в Праге.

Энден М.Н. (? — не ранее 1962) — сотрудник «Вестника РСХД».

ПАМЯТИ ДРУГА

Когда уходит близкий человек, говорить или писать невыносимо, адекватно выразить чувства можно лишь на невербальном уровне — плачем, стоном, криком...

18 августа умер Александр Иосифович Добкин, умер, едва достигнув 48-летнего возраста. Санечка — для всех близких ему, а таких великое множество.

О том, какой это был замечательный историк, превосходный публикатор архивных текстов, тонкий и вдумчивый редактор, еще напишут: десятки подготовленных им книг тому порукой. Сейчас можно говорить лишь о самом родном, больном, интимном — о нем самом как человеку. Если искать определение его характера, в голову сразу приходит множество слов: мягкость, ранимость, доброта, отзывчивость... Но, может быть, самым точным будет слово «верность». Верность людям, верность своему прошлому, верность прошлому страны и ее культуре...

Многие ли из нынешних пятидесятилетних помнят имена своих одноклассников? Вряд ли. Саня не только помнил, более тридцати лет после выпуска их класс сохранял школьную дружбу, ежегодно и неукоснительно собираясь на свой «лицейский день». Первым, кто пришел в квартиру на Большой Подъяческой, когда Сани не стало, — была его классная руководительница.

Точно таким же было и его отношение к людям, с которыми на том или ином этапе сводила его жизнь. Саня никогда никого не терял, не бросал, а взятые на себя однажды обязательства тащил всю жизнь, чего бы это ни стоило. Даже когда в мировоззренческом или нравственном плане ничего уже не связывало его с человеком — он все равно хранил отношения, волновался, сопереживал, неизменно подставлял плечо, помогал всем, чем мог... Иногда буквально страдая при этом, но твердо соблюдая принцип: что было — то было, и уже в силу этого неотменимо. У него даже существовало особое выражение для подобных случаев: «Хожу поливать цветы на могилу...»

Столь же бережно относился он и к любимой истории: ничего не начиналось с чистого листа, не переписывалось, не вычеркивалось, но лишь дополнялось — делая прошлое все более сложным, глубоким, полихромным. Работа публикатора, а тем паче редактора чужих текстов — незаметна, или, как сейчас принято выражаться, непрестижна, она не дает громкого научного имени, степеней, званий. Но без погружения в атмосферу эпохи, без досконального изучения документов, без знания исторического быта, цвета и запаха — нет прошлого. Есть что угодно: идеология, новое мифотворчество, написание очередных «Кратких курсов»... Отсутствует главное: непрерывность жизни и бытия страны. Санечка не просто чувствовал это всем своим существом, он реализовывал такой подход к отечественной истории в продолжение всей своей жизни: от сборников «Память», у истоков которых стоял, до последних томов всех архивно-публикаторских альманахов и книг, которые собирал или редактировал. При этом был начисто лишен тщеславия и даже простого авторского само-

любия. Сколько научных репутаций составили тексты, переписанные им от первого до последнего слова, от первой до последней комментаторской сноски и вышедшие в свет под чужими именами... Его интересовал лишь сам текст, его научная подготовка, объективность и грамотность комментария, оправданность выводов...

Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни — в никуда, а другие — в князья...

К несчастью, «в никуда» уходят самые лучшие, чистые, светлые.

В октябре 93-го ушел Феликс Перченюк. Жил он тогда в Сергиевом Посаде, занимался архивными разысканиями. Ушел под грохот демократических танков, паливших по Белому дому, — не выдержало сердце...

Саня продержался еще пять лет. Конец его был трагичен: рак легкого с метастазами в мозг и полным набором страданий, сопутствующих этой ужасной болезни. Он претерпел все. Предчувствовал близкий уход: еще за год до смерти и за полгода до убийственного диагноза, отдыхая с друзьями, как-то обронил: «Вероятно, последнее лето»...

Что осталось после них? Книжный шкаф, набитый томами, которые и сегодня читает не столь уж много людей, а завтра этих читателей будет, вероятно, и того меньше. Или же нечто иное, трудно вербализуемое, но что гораздо важнее конкретных материальных результатов их двадцатипятилетнего подвижнического труда? То, что относится скорее к сфере духовной, что можно было бы назвать «светом во тьме», поколениями передаваемой эстафетой верности непрерывному процессу познания и тем самым — очеловечивания нашей жизни. Люди, несущие этот свет, обычно незаметны, вспоминают о них и ощущают их духовную значимость чаще всего — лишь посмертно. Потому что с их уходом остаются незаполнимые черные дыры, а мир вокруг становится еще холоднее и безнадежнее. Но именно эти люди составляют соль отечественной культуры. И если она, пусть и в коленно-локтевом положении, но все еще стоит на твердой почве, а не окончательно выброшена в сточную яму нынешнего «российского капитализма», то в огромной степени это происходит благодаря таким, как Феля и Саня, — тихим, скромным, но беззаветно и безусловно преданным культуре, вне зависимости от режимов, обстоятельств, общественного признания — просто потому, что иначе не могут. Или, если говорить на языке, приближенном к сегодняшней реальности, — благодаря людям, сохраняющим абсолют-

ный иммунитет к страшной эпидемии, поразившей интеллигентское сообщество, — эпидемии ссученности...

А нам, его соратникам и близким, остается лишь дотащить наш общий воз до конечной станции и еще — молиться: «Упокой, Господи, души усопших раб твоих Феликса и новопреставленного Александра в месте светлем, в месте злачнем, там, где праведные упокоются». Ибо земной свой путь оба они прошли поистине праведниками...

ANNEX

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абациев, сотр. «Последних новостей» 578, 629, 632
 Абрамов, генерал 571
 Абрамов Я.В. 17, 18, 100
 Абрамченко Н.С. 577
 Абрикосов В. 446, 450
 Абрикосова А.И. 452-454, 456, 459, 482, 483
 Абызов Ю. 630
 Августин Блаженный 494
 Авилова Л.А. 284, 285
 Авксентьев Н.Д. 596, 619, 631, 632
 Авсеенко В.Г. 84, 116
 Агуши И.Г. 339, 340, 346, 372
 Адамович Г.В. 123-160, 174, 243, 245, 246, 249-252, 257, 261, 265, 266, 272, 274, 275, 277-287, 289, 291-296, 298, 304-308, 310, 311, 313-316, 320, 321, 323-325, 327, 328, 331, 332, 334, 339, 343, 347-349, 361, 365, 373, 376, 561
 Адриан, имп. 498
 Азиатцев Д.Б. 515, 516
 Айхенвальд Ю.И. 642
 Акимова Ю.И. 451
 Аксаков И.С. 9, 10
 Акулов Е. (И.А.) 443, 451, 453-459, 461, 462, 476-478, 483, 486, 527
 Акулова Е. 450, 451
 Алабян К.С. 234
 Алазан В. 191
 *Алданов М.А. 123, 302, 304, 305, 311, 316, 318, 559, 568, 574-576, 589, 604, 606, 609, 612, 613, 616, 618
- Александр Невский, кн. 399
 Александр I, имп. 92, 493, 499
 Александр II, имп. 20, 40, 590, 597, 641
 Александр III, имп. 39, 42, 43, 61, 77, 78
 Александра, императрица Индии 11
 Александра Владимировна, знаковая М.Чельцова 403, 409, 416
 Александра Федоровна, имп. 478, 480
 Александров, знакомый Н.Вакара 567
 Александров А.А. 105, 576, 619, 624, 625
 Александров Н.А. 485, 509, 510
 Александров Н.Н., свящ. 443, 452, 453, 456, 459-461, 476, 477
 Александрова, знакомая М.Чельцова 403-405
 Александрова Л.К. 548
 Алексеев Н.Н. 557, 559, 563, 569, 573, 575, 579, 581, 582, 628, 629, 632
 *Алексеева Л. 321, 322, 324, 328, 341, 345
 Алексей, еп. 495
 Алексей I, патр. (Симанский С.В.) 436
 Алексинская Т. 618, 632
 Алексинский Г.А. 618, 632, 633
 *Ален 173
 Алеша, букинист 14
 Алигер М.И. 310
 Алимджанов А. 644
 Альберти Р. 213

* Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Альтман Н.И. 193
 Алявдин А.П. 487, 510, 511, 544
 Алявдин Ф.А. 510
 Амаглобели С.И. 97, 119
 Амудрю И. 457, 459-461, 477
 Амфилохий, еп. 66
 Амфитеатров А.В. 66, 67, 84, 85, 109, 116, 311
 Амфитеатрова И.В. 67, 116
 Ананьин Е.А. 337
 Анастасий, митр. 596
 Анастасьев В.Ф. 203
 Анатолий, оптинский старец 525
 Андрей Владимирович, вел.кн. 554
 Ангаров А.И. 230-233, 239
 Андерсен П. см. Андерсон П.
 Андерсен-Нексе М. 171, 185
 Андерсон П. 575, 633
 Андерсон Ш. 172, 173
 Андреев А.А. 192, 207
 *Андреев Г. (Хомяков Г.А.) 304
 Андреев Л.Н. 97, 133
 Андреев Н.Е. 252, 253, 286, 294
 Андреев П.А. 508, 511
 Андреев Ф.К. 486-489, 511, 542, 544
 Андреевский И.М. 510
 Андрей, митр. (Шептицкий) 439
 Андрей Владимирович, вел.кн. 567, 593, 633, 638, 641
 Андрей Критский 427
 Аникиев П.П., прот. 487, 492, 499, 504, 511, 512, 522, 537
 Анкерт, администратор 74, 75
 Анненков Ю.П. 353, 378
 Анненский И.Ф. 266, 267, 302, 308, 339, 349
 Анстей О.Н. 248, 249, 263, 280, 346, 347, 365
 Антоневиц, прихожанин 451
 Антоний Пий 498
 Антоний Храповицкий, митр. 496, 503
 Антонин, еп. (Градовский А.А.) 390
 Антонов, свящ. 59
 Антонов В.В. 381-438, 486, 520, 548, 549
 Анциферов Н.П. 510, 511, 538
 *Аполлинер Г. 244, 269
 Аполлонская-Стравинская И.Н. (Н.Н.) 488, 513, 536
 Аполлонский Р.Б. 513
 Апухтин А.Н. 25
 Арагон Л. 168, 172, 173, 184, 187, 197, 199-201, 203, 204, 207, 208, 213-215, 219, 220-223, 224-227, 230, 234-237, 374, 375
 *Аргус см. Веселитская-Микулич
 Арефьев Д.Я. 54
 Аристов, знакомый Н.Вакара 619
 Армстронг М. 212
 Арндт И. 495
 Аронсон Г.Я. 262, 274, 275, 282, 304, 322
 Арсеньев И.В., прот. 393, 394, 396, 401, 421, 423, 424, 428, 433
 Арсеньева Л.И. 45
 Артемий, еп. (Ильинский А.М.) 390, 391, 408, 419, 420, 428, 429, 433, 529
 Архангелов С.А., прот. 412, 422, 423, 433, 486, 513
 Архангельский, генерал 596
 Архановский М. 451
 Архипов Н.Г. 489, 508, 514
 Ассанович Е.Л. 508, 514
 Астров Н.И. 311
 *Атава С.Н. 25, 102
 Афанасьев, прихожанин 451
 Афанасьев В.П. 385, 433
 Афанасьев Л.Н. 35, 106
 Афанасьева М.В. 451, 455
 Афанасьева Т.В. 451, 455
 Ахмадулина Б.А. 375
 *Ахматова А.А. 310, 331, 332, 374, 375
 Бабель И.Э. 168, 191, 192, 194-197, 204, 211-215, 227, 234, 235, 239

- Базили Н.А. 564
 Базунов А.А. 489, 498, 509, 514
 Байдович С.Ф. 444, 451, 453
 Байрон Дж.Г. 13
 Бакаев И. 448
 *Бакст Л.С. 138, 579, 633
 Бакунин М.А. 39
 Балашев В.В. 451, 452, 456, 459-461
 Балашева А. 460
 Балтрушайтис Ю.К. 452
 Бальмонт В.Н. 7
 Бальмонт К.Д. 7, 51, 123, 135, 140, 246, 258
 Бальмонт Л.М. см. Энгельгардт Л.М.
 Бальмонт Н.К. 7, 45, 51, 68, 95
 Барановский, филолог 358
 Барбюс А. 167, 168, 173, 176-187, 189, 200, 201, 204, 208, 213, 215-219, 222, 223, 236, 239
 Бардон, цензор 586, 587, 598, 600, 612, 613, 620, 621
 Бармин А.Г. 569, 575, 576, 633
 Баррет-Брунинг Е. 311
 Барт де ла М.Г. см. Муретова М.Г.
 Барташевич А. 451
 Барташевич Ю. 451
 Бартошевич А.А. 95, 117
 Барятинская Л.Б. см. Яворская Л.Б.
 Бассехес, знакомый Н.Вакара 559, 563, 575, 610, 619, 622
 Бахтин Н.М. 124, 125, 140, 157-159
 Башкова Е.А. 447, 451, 455, 458, 462
 *Бедный Д. 292
 *Бежецкий А.Н. см. Маслов А.Н.
 Безобразов С.С. 484-486, 514-516, 544
 Безобразова Л.В. 489, 516
 Безручко-Высоцкий К.А. 498, 516
 Беккер А. 451
 Белинский В.Г. 12, 25, 67
 Белков Е.Х., прот. 391, 433
 *Белый А. 252, 270, 271, 273, 275, 375, 642
 Бельчиков Н.Е. 485, 516, 517
 Беляев А.Н., прот. 392, 425, 427, 433
 Беляева Е.И. 451, 458
 Бенда Ж. 197, 220
 Бенедикт XV 447
 *Бенедиктов М.У. см. Берхин М.У.
 Бенедиктов В.Г. 324
 Бенеш Э. 605
 Бенешевич В.Н. 406, 433
 Беньу А.Н. 579, 607, 618, 633
 Берберова Н.Н. 123, 156-158, 192, 203, 241, 253, 255, 262, 264, 287, 314, 317, 322, 323, 325, 356, 359-361, 559-561, 573, 582, 589, 607, 609, 618, 630, 633, 635, 638-640
 Берг Л.С. 82, 115
 Берг Ф.Н. 32, 105
 Бергсон А. 493
 Бердяев Н.А. 493, 496, 558, 559, 607
 *Березов Р.М. 257, 258
 Берлин И. 195, 196
 Бернер Н.Ф. 276, 277
 Берхин М.У. 586, 633
 Берхман В. 512, 522, 523
 Бехер И. 172, 173, 177, 179, 180, 181, 213, 236
 Бирман М. 553, 560, 640
 Биск А. 310, 311, 325, 326
 Бискупский В. 580, 633, 634
 Блок А.А. 76, 109, 110, 128, 245, 248, 250, 256, 266, 267, 275, 298-300, 307, 327, 339, 356, 364, 522
 Блок Ж.-Р. 169, 170, 171, 173, 179, 181, 182, 184, 187, 193, 208, 213, 214, 220, 221, 223, 226, 237
 Блок Л.Д. 522
 Блох Р. 315, 317, 318
 Блюм Л. 204, 208, 238
 Бобринский П.А. 561, 563, 634

- Бобришев-Пушкин А.Н. 86, 116
 Бовкало А.А. 484-549
 Богачев Г.М. 418, 424
 Богданов А.Н. 614
 Богданов В.В. 485, 517
 Богданов-Бельский Н.П. 32, 104
 Богомолов, сов. дипломат 640
 *Богораз-Тан В.Т. 539
 Богоявленский Л.К., прот. 388,
 393-398, 400-405, 412, 415-417, 420,
 423, 427, 431, 433
 Бодалева Н.В. 512
 Бодлер Ш. 77, 115, 158, 346, 359
 Болеславская Г.С. 189
 Боллини, полит. деятель 621
 Болотов В.В. 495
 Большчев И. 250
 Большухин Ю. 313, 314, 329, 330,
 356
 Бонч-Бруевич В.Д. 103, 117, 475
 Борис Владимирович, вел.кн.
 593, 634, 641
 Борисов, знакомый М.Чельцо-
 ва 421
 Борнгардт Ф.Ф. 55, 56, 58, 62,
 63, 108
 Бородин Г.Д. 462
 Бородин Д.Н. 24, 102
 Бородин М.М. 39, 107
 Боткин С.П. 639
 Боцяновский В.Ф. 88, 89, 117
 Бочаров С.Г. 514
 Боярский, прихожанин 451
 Боярский А.И., прот. 391, 408,
 433, 434, 485, 517
 Брандес, знакомый М.Чельцова
 413
 Брачев В.С. 512, 518, 537, 547
 Бредель В. 173
 Бретон А. 168, 169, 198-201, 203
 Брехт Б. 220
 Бриан А. 592, 631
 Брик Л.Ю. 169, 175
 Бриллиант, секретарь ред. газ.
 «Русь» 18
 Бриллиантов А.И. 487, 488, 495,
 496, 498, 518
 Брод М. 200
 Бродский Н.Л. 74-75, 114
 Бронзов А.А. 495
 Брюсов В.Я. 252, 262, 339, 345
 Брянчанинов И. 495-497, 503
 Буайэ П. 586
 Буденный С.М. 192, 227
 Будкевич С. 455, 483
 Булак-Булахович, генерал 629,
 630
 Булатова К.И. 518-519
 Булгаков С. 335, 493
 Булганин Н.А. 219, 236
 *Булкин А. 149, 150
 Булыгин, политик 44
 *Бунаков И.И. 137, 139, 278, 558,
 559, 563, 564, 569-571, 573, 575-
 582, 629, 631, 634, 636
 Бунин И.А. 123-160, 241, 248,
 255, 265, 266, 273, 281, 284, 289,
 291, 302, 305, 310, 311, 327, 351,
 365, 607, 609, 616, 618, 636
 Бургес Л. 613-614
 Буренин В.П. 14, 18, 23, 24, 54,
 68, 85, 100, 101, 280, 326
 Бурлюк Д.Д. 272, 299, 333, 334
 Бурсук Г. 540
 Бурцев В.Л. 596
 Бутенко Б. 568, 634
 Буткевич Б.В. 156-158
 Буткевич С. см. Будкевич С.
 Бухарин М.Н. 84, 116
 Бухарин Н.И. 171, 178, 183, 187,
 193, 234, 235, 239, 639
 Бучилов Н. 451
 Быков В.П. 493
 Быкова-Хлоповская Л.М. 532
 Быховский Н.Я. 95
 Бычков А.Ф. 102
 Вавилов Н.И. 80, 82
 Вайян-Кутюрье П. 169, 172, 179,
 204, 214, 219
 Вакар А.Н. 567, 633
 Вакар Г. 582, 598, 625, 635
 Вакар Н.П. 553-561, 562-627, 628-
 644

- Валентин, прот. 66
 Вандалковская М.Г. 553
 Ванчура В. 173
 Варлаам (Саердотский В.М.)
 509, 519, 520, 533
 Варлыго А. 628
 Варфоломей, еп. (Ремов) 460
 Варшавский В.С. 242, 243, 280,
 282, 284, 554-560, 629, 630
 Василий, лакей А.С.Суворина
 34, 35
 Василий, диакон 439, 442-444,
 446-451, 459, 527
 Василий Великий 496
 Васильев А.В. 38, 106, 107
 Васильева Е.А. 520
 Васильева М.В. 509, 520
 Васильков Я.В. 484, 511, 544
 Введенский, прот. 384, 407, 422,
 426
 Ведерников А.В. 547
 Вейган М. 608, 609
 Вейдле В.В. 124, 125, 145, 150,
 151, 157, 159, 243, 276, 278, 304-
 306, 311, 607, 634
 Вейнбаум М.Е. 255, 278
 Величко В.Л. 36-39, 46, 106
 Величко К.И. 39, 107
 Велтистов В.Н., прот. 428, 434
 Вельмин А.П. 630
 Венгеров С.А. 75
 Венедикт, еп. (Плотников В.В.)
 384, 388, 389, 392-396, 401-405,
 412-415, 419, 430, 434, 519
 Вениамин, митр. (Казанский В.П.)
 381, 382, 391, 395, 405, 406, 410,
 427, 434, 488, 515, 519, 520, 524,
 528, 539
 Вентцель Н.Н. 32, 66, 103, 109
 Вербловская М.Б. 522
 Верлен П. 115, 346
 Версилов, эмигр. литератор 156
 Вертеловский А., богослов 495
 Вертинский А.Н. 245, 554, 559,
 628, 631
 Верховский Г. 442, 444
 Верюжский В.М., прот. 487, 521
 Веселитская-Микулич Л.И. 35,
 106
 *Веселитский-Божидарович см.
 Веселитская-Микулич Л.И.
 Веселовский, знакомый Н.Вакара
 572
 Вивекананда С. 331
 Вивиани Р. 592, 631
 Викентий, митр. 441
 Виктория Федоровна, вел.кн.
 562, 641
 Вильгельм II 567, 641
 Вильдрак Ш. 169, 173, 184, 204,
 208, 214, 215, 227
 Вильчковский К.С. см. Елита-
 Вильчковский К.С.
 Винавер М.М. 124-127, 129-138,
 141-149, 151-154, 161-165
 Винавер Р.Г. 124, 125, 127, 141-
 142, 148, 149, 151, 152, 154
 Виноградов П.Г. 643
 Виоллис А. 220
 Вирмо А. 198, 199
 Вирмо О. 198, 199
 Висковатов П.А. 15, 16, 100
 Виташевская М.Н. 96, 118
 Виташевский Н.А. 118
 Витковский Е.В. 240
 Витте С.Ю. 22, 37, 42, 44, 80,
 106
 Вишняк М.В. 260, 262, 278, 291,
 292, 333, 559, 560, 568, 573, 574,
 576, 577, 596, 616, 629, 630, 632,
 634, 642
 Владимир, еп. (Путята) 460
 Владимир Александрович, вел.кн.
 73
 Владимир Кириллович, вел.кн.
 562, 567, 569, 580-581, 593, 611,
 627, 628, 634, 641
 Владимиров С.В. 451, 454
 Водов С.А. 321, 322, 328, 335,
 344, 354, 358
 Вознесенский А.А. 375
 Вознесенский С.А., прот. 420,
 421, 434
 Воино С. 459

- Воличкевич Л. 451
 Волков Н.К. 561, 567, 589, 590,
 600, 622, 624, 634
 Волковьский Н.М. 68, 69, 109
 Волконская Е.Г. 439
 Волконский М.Н. 40, 53, 107
 Волконский П.М. 440, 443, 452
 Волконский С.М. 125, 150, 151
 Волленберг Э. 569
 Волошин М.А. 252
 Вольнец Н. 443, 451
 *Волынский А.Л. 9, 12, 13, 99, 124
 Вольф Ф. 173
 Вольщ, знакомый Ю.Данзас 483
 Вордсворт В. 13
 Воронин Н.К. 485, 521
 Воронцов, прихожанин 451
 Воронцов, проф. МДА 544
 Воронцов А. 520
 Воронцов Е.А., свящ. 486, 487
 Воронцов-Вельяминов, чл. Союза
 младороссов 570
 Ворошилов К.Е. 192
 Враская В.С. 485, 488, 513, 521,
 522
 Враская О.Б. 521
 Вром В. 451
 Вроон Р. 240
 Вульфиус А.Г. 96, 118
 Вырубов В.В. 563, 581, 634
 Вырубов Н.В. 634
 Вырубова А.А. 56
 Вышеславцев Б.П. 559, 629, 634
 Вяземский, знакомый Н.Вакара
 575

 Габсбурги, имп. династия 605
 Гавриил Константинович, вел.кн.
 593, 634, 641
 Газданов Г.И. 242, 243, 582, 607,
 634
 Гайдебуров В.П. 9-12, 16-19, 29,
 99, 100
 Гайдебуров П.А. 87, 99
 Гайдебуров П.П. 29, 86, 87, 94,
 103, 116
 Галахова В.Я. 522

 Галкин А.К. 484, 520
 Галкин М.В. 405, 434
 Галлимар Г. 221
 Ганенфельдт К.М. 522, 523
 Ганчиков Т.И. 607, 608
 Гапон Г.А. 42, 44
 Гарелина см. Энгельгардт Л.М.
 Гаршин В.М. 25, 95
 Гаршин Е.М. 95, 118
 Геббельс Й. 604
 Гегель Г.В.Ф. 198
 Гедройц К.К. 82, 115
 Геенно М.Ж. 169, 173, 179, 182,
 197, 219
 Гей Б.В. 20, 23, 32, 33, 101
 Герра Р. 287, 373
 Герье В.И. 49, 108
 Гессен И.В. 68, 69
 Гете И.В. 156
 Гишу Л. 169, 221, 235
 Гильдебрандт Л.К. 451, 454,
 456
 Гиляров-Платонов Н.П. 501
 Гингер А.С. 124, 373, 374
 Гинденбург П. фон 610, 635
 Гиппиус З.Н. 12, 123-160, 161-
 165, 242, 252, 254, 265, 266, 272,
 276, 278, 286, 290, 293, 342, 354,
 358, 365
 *Гитлер А. 559, 560, 583, 601, 604,
 610, 618, 635
 Глаголин Б.С. 513
 Глазенап С.П. 82, 115
 Глазунов А.К. 106
 Глезер А.Д. 287
 Глезер Э. 173
 Глень И. 451
 Глинка Г.А. 307
 Глинка К.Д. 82, 115
 Глинка-Волжский А.С. 103
 Глинос Д. 171
 Глэд Д. 643
 Гогенцоллерны, династия 611
 Гоголь Н.В. 11, 21, 93, 295, 299,
 300, 404, 502
 Гой М. 451
 Голд М. 172, 173, 200, 203

- Голенищева, купчиха 67
 Голицын-Муравлин Д.П. 37, 39-41, 77, 106
 Голль, проф. см. Holl К.
 Голль де Ш. 234, 315
 Голохвастов Г.В. 276, 278
 Голсуорси Дж. 123
 Головачева-Панаева А.Я. 140
 Головин, сотр. райисполкома 448
 Головин Н.Н. 581, 582, 613, 635
 Голубев А.А. 97, 119
 Голубинский А.И. 485, 489, 523
 Голубинский Е.П. 542
 Голубцов С., протоиером 547
 Гольдин А.Л. 75, 76, 114
 Гольдштейн М. 63
 Гольцев В.А. 9
 Гольштейн, журналист 63
 Гомер 363
 Гончаров И.А. 260, 318
 Горлин М.Г. 315-317
 Городецкий М.Б. 18, 100
 Горская А.А. 280, 373
 Горчаков М.К. 568
 *Горький М. 51, 93, 157, 159, 167, 170, 175, 177, 180, 183, 185, 188-191, 206, 212-214, 220, 234, 235, 239, 447, 478, 479, 641
 Готовцев В.В. 452, 461
 Готовцева Е.И. 456, 461
 Готье Т. 293, 371
 Гофман Э.Т.А. 299, 300
 Грабовская-Александрова В.В. 498, 523
 Градовский Г.К. 84, 116
 Граф Г.К. 580, 627, 635
 Граф О.-М. 171, 220
 Гревс И.М. 518, 523
 Гремячевский М.Н., прот. 391, 407, 434, 486, 523, 524
 Гренман Е.А. 524
 Гржебин З.И. 129
 Гриб И.С. 462
 Григорий Нисский 494, 495
 Григорий Палама 494, 495
 Григорий Синаит 494
 Григорьев Г.В. 509, 524
 Гринберг, нарком просвещения Союза Коммуна Северной обл. 505
 Гринберг Р.Н. 331, 332
 Грингмут В.А. 33, 105
 Гриневская И.А. 84, 116
 Гринько Г.Ф. 189
 Гришинский Б.В. 459
 Громан В.Г. 56, 108
 Гронский Н.П. 364
 Грузинская А.Н. 442, 451, 455
 Грюнвальд К.К. 559, 563, 564, 567, 568, 575, 628, 635
 Гугенберг А. 610, 635
 Гудан В. 451
 Гулевич, знакомый Н.Вакара 608
 Гуль Р.Б. 254, 255, 281-284, 294, 319, 324, 333, 556, 559, 561, 575, 635, 643
 Гумилев Н.С. 7, 51, 68, 141, 152, 272, 325, 358, 364, 367, 368
 Гумилева А.Н. см. Энгельгардт Ан.Н.
 Гуревич Л.Я. 9, 11-13
 Гуревич Я.Г. 11, 536
 Гурий, митр. (Егоров В.М.) 434
 Гурчинская, прихожанка 451
 Густав IV, король 88
 Гутнов Е.А. 278
 Гутцейт, сотр. ОГПУ 479, 483
 Гучков А.И. 49, 57
 Гучков Ф.И. 49, 50, 108
 Даби Э. 184, 219, 235, 236
 Давидов Г.С. 590
 Давыдов, свящ. 421
 Даладье Э. 586, 592, 612, 631
 Далматов В.П. 83
 Даль В.И. 635
 Дамиан, иером. (Воронов П.С.) 485, 524, 525
 Дамрина И.Н. 485, 498, 525
 *Дан Ф.И. 622, 623
 Данзас Н. 480

- Данзас Ю.Н. 446, 447, 449-458, 462, 476, 478-483
 Данзас Я.Н. 479, 480
 Данте Алигьери 88, 363
 Дар Д.Я. 286
 Дарест де ла Шаванн Р. 45, 107
 Дашков Д.В. 14
 Деблин А. 220
 Дейбнер И.А. 441, 442, 449-453, 456, 461
 Дейбнер И.И. 450, 451, 461
 Дейбнер М.И. 450, 451
 Дейбнер Н.И. 451
 Дейч А.И. 631
 Дельша Е.А. см. *Песков Г.
 Дельвиг А.А. 266
 Демидов И.П. 554, 560, 566, 567, 569, 571, 574, 577, 578, 583, 587, 588, 615, 616, 622, 624, 631, 635
 Демидова О.Р. 553-644
 Демьянников Н.А. 39, 107
 Ден В.Б. 559
 Деникин А.И. 609, 613
 Державин Г.Р. 316, 328
 Державин К.Н. 95-97, 118
 Джемс (Джеймс) У. 493, 496
 Джойс Дж. 123
 Диаконская З. 451
 Димитрий, архиеп. (Любимов) 532
 Димитрий Ростовский (Туптало Д.С.) 494
 Динамов С.С. 177, 181, 183, 239
 Диоклетиан 498
 Дионисий Ареопагит 494, 495
 Дмитриевский А.А. 514
 Дмитрий Павлович, вел.кн. 554, 563-565, 567-569, 593, 627, 628, 635, 641
 Дмитриков И.Д. 506-509, 525
 Добиаш-Рождественская О.А. 518
 Добкин А.И. 645-648
 Добролюбов А. 12, 100
 Добролюбов Н.А. 12, 67, 100
 Добужинский М.В. 292
 Довгялло В.У. 443, 451, 469
 Довялова В. 451
 Домбровский, наборщик 592
 Дометриан 498
 *Дон Аминадо 342, 553, 554, 558, 560, 611, 623, 632, 634-640, 642
 Доненко Н., прот. 541
 Дорошевич В.М. 66, 67
 Дос Пассос Дж. 172, 173
 Досифей (Степанов Г.Г.) 509, 525, 526
 Достоевский Ф.М. 9, 32, 103, 168, 243, 289, 309, 502, 504, 522
 Драгоманов М.П. 579
 Драгомирецкий, редактор газ. «Речь» 18
 Драйзер Т. 123, 172, 173, 185
 Драницын С.Н. 445, 473
 Дризен Н.В. 86, 116
 Дробышевская, прихожанка 451
 Дроздов А.М. 63, 109
 Дубнов С.М. 126
 Дубова М.П. 509, 526
 Дукельская И.Н. 485, 526
 Дукельский В.А. 356-358, 364-367, 369
 Думова Н.Г. 553
 Духовецкий Ф.А. см. *Лилипут
 *Дымов О. 84, 116
 Дьяковская В.О. 451-453, 455
 Дэйвис М., уполн. Карнеги 569-571, 573, 578, 619, 628
 Д'Эрбинья М., еп. 457, 458
 Дюртен Л. 173, 182, 184, 187, 213-215, 220, 227
 Дягилев С.П. 633
 Евангулов Г.С. 124
 Евдоким, митр. (Мешерский В.И.) 382, 419
 Евлогий, митр. (Георгиевский В.С. 537, 567, 596, 615, 635
 Евсейий Кесарийский 498
 Евсерадовская О.В. 451, 458
 Евтушенко Е.А. 323
 Егоров И., свящ. 518
 Егоров Л.М., иером. 434

- Екатерина II, имп. 48, 89, 97, 118
 Екатерининский Н.К., прот. 391, 434
- *Елагин И.В. 248, 249, 254, 263, 280, 288, 333, 334, 336
 Елачич Н.А. 392, 395, 397, 400, 401, 405, 413, 417, 431, 434
 Элита-Вильчковская В.Ф. 627
 Элита-Вильчковский К.С. 555, 559, 560, 562, 568-571, 573-575, 577-582, 590, 593, 598, 607, 609, 610, 612, 623, 627-629, 635, 636
 Емельянов А.Г. 485, 488, 526, 527
 Енткевич Г.Ф. 456
 Енукидзе А.С. 118
 Епифаний см. Акулов Е. (И.А.)
 Епифанович С.Л. 495
 Ермолов А.С. 80
 Есенин С.А. 258, 282, 285
 Ефимовский Е.А. 280, 282
 Ефремов И.Н. 569-571, 577, 578, 628, 636
 Ефросиния, игум. (Арсеньева) 522
- Жарков П.И. 485, 527
 Жданов А.А. 176, 177, 182, 192, 576
 Желенев Н.Н. 15, 100
 Жернакова-Николаева А. 279, 280, 281, 331
 Жеромский С. 123
 Жид А. 167, 168, 170, 173, 179, 181, 182-184, 191, 192, 198-200, 202-205, 207, 209, 213-216, 220-223, 225, 227, 228, 232, 233, 235-239, 243
 Жижиленко А.А. 383, 527
 Жижиленко Л.И. 489, 527, 528
 Жоно Ж. 173
 Жиров Н.Ф. 310
 Жироду Ж. 182, 583
 Жовтый И.Ф. 542
 Жордания, знакомый Н.Вакара 629
 Жуков Г.К. 308
 Жуковская Э.Б. 451, 456
- Журавский И.Л., прот. 388, 392, 423, 425, 426, 431, 435
 Журден Ф. 237
- Забезинский Г. 266, 268, 273
 Заболоцкий Н.А. 254, 265, 298, 301
 Завалишин В.К. 336, 338, 360
 Загребельский, знакомый Н.Вакара 614
 Загуляев М.А. 20, 22, 23, 25, 101
 Зайцев Б.К. 123, 153, 283, 293, 310, 311, 332, 335, 358, 363, 364, 373, 607, 618
 Зайцев К.И. 558
 Зайцева В.А. 310
 Зак Л., архивист 170
 Зак Л.В. 377, 378
 *Залка М. 172
 Замашикова О.Л. 542
 Замятин Е.И. 221
 Запалов А., прот. 547
 Запольский Е.И., прот. 391, 435, 541
 Заржецкая Е.А. 538
 Зарин И.Д. 458
 Зарин И.И. 458, 462
 Зарин С.М. 487, 489, 528
 Зарина Л.А. 528
 Засекин, литератор 156
 Заяицкий С.С. 160
 Зворская Н.Н. 546
 Зегерс А. 200, 203, 207, 219
 Зеелер В.Ф. 257, 258, 613, 636
 Зеланд Е.А. 84, 116
 Зелинский Ф.Ф. 38
 Зелюк О.Г. 604, 605, 636
 Зензинов В.М. 559, 567, 569, 575, 615, 619, 636
 Зенкевич К.В. 451, 458
 Зеньковский В.В., прот. 515, 575, 619, 632, 636
 Зерчанинов А.Е. 439-442, 450, 451, 453, 456, 457, 459, 462-477
 Зиновьев А.В. 488, 528
 *Зиновьев Г.Е. 114, 118, 236, 448

- Злобин В.А. 160, 252, 253, 358, 360, 371
 Знаменский П.В., проф. 501
 Зноско-Боровский Е.А. 148, 276, 277
 Зощенко М.М. 99
 Зубков Р.А. 528
- Ибсен Г. 96, 160
 Иванов, председатель райисполкома 448
 Иванов, сов. дипломат 620
 Иванов А.А., вольнослушатель ПБИ 485, 529
 Иванов Вс.В. 185-187, 194, 195, 211
 Иванов Вяч.В. 190
 Иванов Вяч.И. 310
 Иванов Г.В. 123, 152, 256, 258, 261, 264, 268, 271-275, 278, 279, 281-285, 288, 290, 293-295, 316-320, 327, 328, 335-337, 340-343, 347, 351, 353, 354, 357, 359, 360, 366, 368, 370, 372, 374
 Иванов Д.В. 310, 311
 Иванов Е., прихожанин 451
 Иванов М.М. 25, 54, 102
 Иванова-Смоленская М.А. 485, 529
 Ивановский П.Н. 391, 392, 398, 422, 423, 425, 427, 435
 Иваск Т.Г. 338
 Иваск Ю.П. 247, 251, 253-255, 266, 279, 284, 289, 291-293, 305, 314, 317, 318, 328, 334, 338, 339, 341, 346, 355, 360, 361
 Ивашева М.В. 11, 99
 Ивашкевич Я. 229
 Игнатъев А.А. 557
 Игнатъев Н.П. 9, 39, 98
 Извольская Е.А. 575, 636
 Извольский А.П. 636
 Иканович Ф. 451
 Илларион, еп. (Троицкий В.) 496
 Илларион, иером. (Бельский И.И.) 488, 529, 530
- Иллеш Б. 172, 173, 179
 Ильин, сотр. Петрогубисполкома 505
 Ильин А.И., диакон 485, 530
 Ильин В.Н. 260, 262
 Ильинский О.П. 252, 253, 316, 327, 328
 Илюкевич А. 451
 Инклан В. 213
 Иннокентий, архиеп. (Борисов И.А.) 500
 Иннокентий, еп. (Тихонов Б.Д.) 383, 435
 Иоанн, епископ см. Шаховской
 Иоанн, митр. (Снычев) 536
 Иоанн Златоуст 397, 403, 454
 Иоанн Кронштадский (Сергиев И.И.) 408, 495-497, 509
 Иоанн Лествичник 494
 Иоанн Смоленский, еп. 500
 Иоасаф, архим. (Журманов) 529
 Иогансен Е.А. 628
 *Ионов И.И. 74, 114
 Исаак Сирий 494
 Истрати П. 204
 Иустина, мон. см. Данзас Ю.Н.
- Кавос К.И. 22, 23, 101
 Каганович Л.М. 175, 176, 192
 Кадомцев Б.П. 559, 563, 575, 636
 Казак В. 240
 Казем-Бек А.Л. 555-560, 562, 563, 565, 567, 569, 570, 575, 578, 580, 589, 627, 629
 Калинин М.И. 192, 203, 472-476
 Калишевич Н.В. 554, 568, 575, 576, 588, 623, 624, 636
 *Каменев Л.Б. 118, 236
 Камкин В.П. 375
 Камышников Л. 294
 Камю А. 309
 Кант И. 38
 Кантор И.А. 137, 144, 146, 150, 155, 156, 158, 160
 Кантор М.Л. 125-127, 137, 139-141, 143-146, 149, 150, 153-160, 331, 332

- Канторовиц А. 223
Каплан В. 124, 129
Каплун Сол.Г. см. Сумский-Каплун С.Г.
Карабинов И.А. 485, 530
Карабинова О.И. 530
Караваева А.А. 185, 187, 193, 202, 211
Каразин В.И. 53
Карамзин Н.М. 105
Карасева Б. 451
Кардашевский В.И. 532
Карнеги 569-571, 573, 619, 628
Карпов Е.П. 68
Карпович М.М. 254, 255, 259, 301, 630
Карсавин Л.П. 486, 515, 518, 530, 531
Карташев А.В. 613
Карузо, граф 554
Карцевский С. 616
*Карэн Д. см. Оцуп Д.А.
Каспари 47, 53
Кассу Ж. 184, 220
Катков М.Н. 21, 105
Катя, кухня В.С.Соловьёва 29
Кауфман А.Е. 23, 24, 102, 109
Кашен М. 219
Кашин А.А. 280, 282
Каюмов-Хан В. 644
Квятковский Д. 154, 155
Кедрова Л. 304
Кеменов В. 234
Кернский А.Ф. 61, 62, 559, 570, 573-575, 578, 596, 619, 620, 629, 637, 640
*Керженцев П.М. 234
Кибальчич В.Л. см. Серж В.
Кибальчич Н.И. 206
*Кин В.П. 206, 207, 209-211, 239
Кин Ц.И. 210, 211
Киплинг Р. 123
Киприан Карфагенский 498
Кира Кирилловна, княжна 611, 637, 641
Киреевский И.В. 501
Кирикова А.Ф. 531
Кирилл Александрийский 496
Кирилл Владимирович, вел.кн. 557, 635, 637, 641
Кирилл Иерусалимский 494
Кирилович Д.Ф. 485, 488, 531
*Киров С.М. 118, 176, 178, 180, 203, 575
Кирпичников А.И. 28
Кирпотин В.Я. 234
Кирсанов С.И. 375
Кишон В.М. 185, 187, 197, 202-204, 207, 211, 212, 239
Китаева, содержательница трупы 16
Киш Э.Э. 197
Клаузер И. 255, 257
*Клеманский С.И. 73, 114
Клемансо Ж. 592, 631
Клементьева Е.Н. 531
*Кленовский Д.И. 252, 253, 255, 262, 283, 284, 295-297, 300, 307, 316, 321, 326, 328, 336, 343, 344
Кленовский Н.С. 106
Климент Александрийский 494, 495
Клюев Н.А. 368
Ключинский В. 441
Кнорин В.Г. 176, 177, 239
Кнорринг И.Н. 124
*Кнут Д. 270, 272, 287, 312
Ковалев С.И. 509, 531
Ковалевский В.И. 79-81, 87, 115
Ковалевский Г.В. 80
Ковалевский П.Е. 260, 262, 358, 359
Кодрянская Н.В. 361, 362
Козинцева-Эренбург Л.М. 191
Козлов В.М. 531
Козырев И.Ф. 498, 509, 531
Коковцов П.К. 544
Кокто Ж. 123
Колас Я. 191
Колобов, прот. 428
Коломтус А.П. 83
Колосов Ю. 539

- Колпинская О. 451
 Колпинский Д. 442, 444, 451
 Кольцов А.В. 21
 *Кольцов М.Е. 169, 170, 177, 180, 183-190, 192, 193, 197, 198, 200, 201, 203, 206, 207-210, 211-215, 219-221, 223, 224-227, 229-231, 234-236, 239
 Комаров В.В. 37, 47, 50, 77, 106
 Комаровская М.Г. 452
 Кондаков Н.П. 574, 637
 Кондурушкин С.С. 63, 109
 Конев И.С. 308
 *Коневской И. 276, 277
 Кони А.Ф. 31, 75, 162, 163
 Коновалов А.И. 571, 624, 637
 Конфуций 59
 Копрева Н.Н. 509, 531, 532
 Коптев М.А. 509, 532
 Корвин-Пиотровская Е. 451
 Корвин-Пиотровский В.Л. 245, 247, 293, 307, 332-334, 337, 340-346, 350, 354, 356, 358, 378
 Корзилов А.С. 462
 Корнейчук А.Е. 171, 191, 193, 236
 Корнилов П., прихожанин 451
 Коробов Я.Е. 160
 Королев, знакомый М.Чельцова 421
 Коростелев, сотр. «Нового времени» 59
 Коростелев О.А. 123-165, 240-378
 Корсакова Ю.И. 488, 532
 Корш В.Ф. 21
 Косоротов А.И. 84, 116
 Костецкая Е.О. 488, 532
 Костецкая О.О. 486, 533
 Костомаров Н.И. 48
 Косцов И.Ф. 29, 102
 Котен М. 451, 458
 Котен Т. 451, 457, 458
 Коти Р. 315
 Котлов Е. 451, 455
 Котляревский Н.А. 522
 Коялович М.М. 23, 101
 Коялович М.О. 501
 Кра С. 221
 Краевский А.А. 20
 *Крайний А. см. Гиппиус З.Н.
 Крамской И.Н. 54
 Красиков П.А. 473-475
 Красинский В.А. 544, 634, 637
 Красницкий В.Д. 392, 407, 408, 426, 435
 Крель Р. 184, 198-201
 Крейд В.П. 274
 Кремлев А.Н. 16-18, 100
 Кривенко В.С. 68, 109
 Кривенко С.Н. 14, 100
 *Кривицкий В. 611, 631, 637
 Кривошеин И.А. 559, 561, 563, 637
 Кривошеина Н.А. 637
 Кропоткин П.А. 39, 40
 Круглов А.М. 509, 533
 Круглов Ф. 440
 Крученых А.Е. 299, 356
 Крыжановская М.А. 614
 Крыжановский А. 451
 Крыжицкий Г.К. 631
 Крылевская Р.И. 456
 Крылов В.А. 102
 Крылов И.А. 69, 88
 Крючков Д.А. 451, 454, 456, 482, 488, 533
 Ксюнин А.И. 54, 55, 62, 63, 108
 Кторова А. 352
 Кубак, комиссар 82
 Кудрицкая А.И. 485, 533
 Кудрявцев В.Д. 493
 Кузмин М.А. 107, 345
 Кузнецова Г.Н. 124, 558, 634
 Кузьмина-Караваева А.А. 533
 Кузьмина-Караваева А.Д. 509, 533
 Куклич М.И. 451, 458
 Кукольник Н.В. 9
 Кулаковский, издатель «Окраин России» 480
 Кулишер А.М. 604, 608, 611, 613, 622, 637

- Кулишеры, братья 624
 Кулябко-Корецкий Н.И. 150
 Куприн А.И. 293
 Курганова П.А. 94, 117
 Курешина А. 451
 Кусиков А.Б. 275
 Кускова Е.Д. 111, 113, 282, 290-
 292, 579, 615, 637, 638, 640
 Куусинен О. 613
 Кушнир, знакомый Н.Вакара
 610
 Кшесинская М.Ф. 554, 593, 637,
 638, 641
- Лаваль П. 188, 210
 Лагерлеф С. 213
 *Лагутин см. Вакар Н.П.
 Ладинский А.П. 124, 155, 156,
 245, 247, 255, 371, 614, 638
 Лазаревич-Шепелевич А.А. 451,
 509, 533
 Лазаревский Н.И. 541
 Лайзан Л.Р. 485, 488, 534
 Лакер У. 555, 556, 642
 Лактанций (Лактанций) 498
 Ламбин В.П. 26, 89, 102, 117
 Лапин, владелец магазина 40
 Лаптун В. 514
 Лапчинский, знакомый Н.Вакара
 575
 Ларионов, секр. Петросовета
 450, 505
 Ларионов М.Ф. 329, 330
 Ларионов С.Д. 485, 534
 Ласт Дж. 173, 235, 238
 Лахути А. 185, 204, 239
 Лачинов В.П. 86, 116
 Лебедев, богослов 495
 Лебедев А.П. 500
 Лебедев В., прот. 525
 Лебон Г. 294
 Лемурде-Капрони М.Л. 516
 Лев, иеромонах 383
 Левашов А.Н. 451
 Левинская, прихожанка 451
 Левинсон А. 125
 Левицкая А.Н. 116
- Легкая И. 286
 Лейкин Н.А. 83
 Леклерк Ф.М. 150
 Лемери, генерал 608
 Лемешева Л.В. 542
 Ленивков, знакомый М.Чельцова
 383
 Ленин, актер 97
 *Ленин В.И. 7, 24, 70, 78, 81, 114,
 198, 236, 283, 597, 599
 Леон М.Т. 181
 Леонов Л.М. 178, 231
 Леонидов В.В. 240, 247
 Леонтьев И.Л. 35, 36, 106
 Леонтьев К.Н. 360
 Леопарди Дж. 38
 Лепеченков Г. 451
 Лепорский П.И. 487, 534
 Лермонтов М.Ю. 78, 256, 258,
 265, 266, 273, 373
 Лернер Н.О. 88, 117
 Лесков Н.С. 260, 295
 Лехонь А. 229
 Лиан, жена С.Фотинского 193
 Либенсон М.В. 534
 Либин Н.К. 391, 428, 435
 Ливанов Б.Н. 96
 Ливенцев М.П., прот. 419, 420,
 435
 Лившиц Б.К. 265, 266, 375
 Лидин В.Г. 178
 Лилина З.И. 114
 *Лилипут 44, 107
 Линкишкин М.К. 458, 459
 Лисиус П. 44
 Литвин С. см. Эфрон-Литвин
 Лифарь С.М. 579, 638
 Лифтон С.М. 334, 337-340, 350,
 352, 354-360, 366, 367
 Лихарев С. 451
 Лихарева С.А. 451, 458
 Лихошерстова С. 451
 Лобсанг Рампа, тибет. лама
 309
 Лодыженский И.Н. 493, 496
 Лозина-Лозинский В., см. Любич-
 Ярмолевич-Лозина-Лозинский

- Лозинский Г.Л. 125, 149, 150
 Лозинский М.Л. 364
 Лозинский С. 442
 Лонгхерст, знакомый Н.Вакара 621
 Лор, кондитер 76
 Лосский Н.О. 331, 332, 486, 493, 515, 531
 *Лотреамон 150
 *Луганов А. см. Одоевцева И.В.
 *Луговой А. 19, 32, 101
 Лужковский Е.Н. 459
 *Лужский В.В. 93, 94, 117
 Луи-Фердинанд, прусский принц 641
 Лукин А.П. 589, 638
 Луначарский А.В. 465
 Лупеско, знакомая Н.Вакара 489
 Луппол И.К. 185, 191, 197, 213, 239
 Лысковский И.М. 444, 451
 Львов, обер-прокурор 56, 57, 62
 Львов Л.И. 616, 618, 638
 Льюис С. 213
 Любимов, знакомый Н.Вакара 608, 610
 Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский В.К., прот. 509, 534, 535
 Людвиг Э. 220
 Людвиг Фридрих 611
 Людовик XIV 91, 601
 Люсиани, лейтенант 618-620, 622
 Магула Г.А. 55, 61, 65, 108
 Мазаев М.Н. 31, 32, 99, 103
 Мазон А. 600, 608, 610, 613, 618, 619
 Майдель С.Ю. 535
 Майков А.Н. 15, 16, 30
 Майков Л.Н. 15
 Макарий, иером. (Звездов-Макаров М.Д.) 486, 487, 506-509, 535
 Макарий Египетский 494, 495
 Макарий, митр. (Булгаков М.П.) 500
 Макаров А., пом. уполн. 477
 Макаров А.А. 441
 Макеев Н.В. 573, 582, 638
 Маккавейский В. 265, 266
 Мак-Кэб, знакомый Н.Вакара 621
 Маклаков В.А. 596, 611, 638-640
 Маковский С.К. 252-254, 264, 271, 280, 282, 287, 288, 292, 297, 298, 303-305, 308, 311, 317, 321, 322, 332, 339, 363, 364
 Максим Исповедник 494, 495
 Малаки, друг А.Жида 237
 Малецкий А., еп. 457
 Малинин А., прот. 530
 Малларме С. 168, 346
 Малмстад Дж. 240
 Мальшева С. 644
 Мальро А. 168, 170, 171, 173, 179, 181, 182, 184, 187, 189, 191, 192, 194, 195, 199, 200, 203, 204, 207-209, 211-216, 218-223, 227, 228 230-236, 239
 Мальро К. 236
 Малз, друг А.Жида 221
 Малютин Я.О. 92, 117
 Малиянович В.Н. 574
 Мамченко В.А. 155, 156, 303-305, 325, 326, 327, 329, 372
 Манасейна Н.И. 130, 131
 Мандельштам О.Э. 265, 268, 279-282, 285, 286, 295, 307, 314, 349, 350, 353, 354, 361, 364, 368, 374, 377, 378
 Мандельштам Ю. 287
 Манн Г. 173, 181, 183, 200, 213, 214, 220
 Манн К. 199, 200
 Манн Т. 140, 173, 182, 213, 214
 Маннергейм К.Г. 613
 Мануил, еп. (Лемешевский В.В.) 507, 508, 522, 536
 Манухин И.И. 567, 639, 641
 Манухина Т.И. 615, 639
 Мария Павловна, вел. кн. 563, 573, 639, 641

- Марк Аврелий 498
 Маркевич Ю.И. 451, 458
 Марков А.П. 577, 578, 639
 Марков В.Ф. 240-378
 Маркова Л.И. 369, 370, 372-376, 378
 Марковы, семья 340
 Маркс К. 198, 565, 639
 Маркузе Л. 220
 Мартен дю Гар Р. 173, 182, 184
 Марти А. 219
 Мартино-Депль, знакомый Н.Вакара 583, 586
 Мартынов Л.Н. 375
 Мартынова М.К. 536
 Мархвица Г. 220
 Масиньяк, знакомый Н.Вакара 585
 Маслов А.Н. 83, 84, 115
 Матвеева Н.Н. 371
 Матова А.А. 68, 109
 Матусова Л.Е. 485, 536
 Махно Н.И. 621
 Мацедульская В.М. 458
 Мациевская П.А. 451
 Маяковский В.В. 168, 169, 175, 245, 252, 278, 375
 Мейер Г.А. 139, 289, 291
 Мейринк Г. 123
 Мелитон, архиеп. 530
 Мельгунов С.П. 581, 582, 639
 Меньшиков М.О. 7, 13, 15-17, 31, 33-35, 99, 100, 105, 106
 Меньшиков Я.М. 15, 106
 Мережковский Д.С. 7, 9, 12, 13, 77, 86, 92, 123-160, 241, 242, 261-263, 276, 286, 310, 311, 360
 Меринг В. 173
 Мертваго А.П. 19, 101
 Метальников П.Д. 488, 536, 537
 Мехлис Л.З. 189
 Мечников И.И. 639
 Мещерский В.П. 33, 105
 Мика, знакомый Н.Вакара 604
 Микитенко И.К. 191, 193, 211, 239
 Миколопонас Е. 451
 Микоян А.И. 192
 Миллер Е.К. 640
 Мильман В.А. 180, 182, 189, 191, 229, 230
 Милюков П.Н. 54, 64, 111, 124-128, 132, 133, 142, 143, 150, 290, 543, 544, 564-574, 576-581, 583, 587-590, 595, 601, 604, 613, 615, 616, 618-620, 625, 627, 628, 630, 632
 Милюкова Н.В. 566, 578, 588, 630
 Мин А.Д. 88, 116
 Мин Д.Е. 88, 116
 Минаев Д.Д. 20
 Минин П., богослов 495, 496
 *Минский Н.М. 9, 12, 13
 Мироносицкий П.П. 485, 487, 488, 537
 Миртов П.А., богослов 495
 Митроцкий М.В., прот. 487, 512, 518, 537
 Михаил Александрович, вел.кн. 54, 564, 566, 627
 Михайлов, знакомый Н.Вакара 584
 Михайлов Н.М. 485, 538
 Михайлова М., прихожанка 451
 Михайловский Н.К. 18, 28, 33
 Михалев Н.В. 451, 457, 459, 461
 Михаэлис К. 185, 220
 Михельсон М.С. 509, 512, 536
 Могилевский В.А. 564, 566, 567, 589, 622-624, 639
 *Молотов В.М. 192, 213, 236, 559
 Монзи А. де 214
 Монмуссо Г. 219
 Моосман, цензор 613
 Моран П. 123
 *Мореас Ж. 344
 Моруа А. 123, 157
 Моршен Н.Н. 248, 250, 252, 254, 261, 263, 264, 268, 280, 281, 284, 285, 296, 303-305, 307, 309, 310, 320, 322, 325, 326, 327, 329, 333, 336, 338, 366, 369

- Мосолов Б.С. 84, 116
 Мочульский К.В. 124-126, 129, 130, 150, 157, 158, 270, 272, 275, 607, 639
 Мроз Е.К. 451, 458
 Мсажанович Х. 451
 Музиль Р. 200
 Муравьев, знакомый Н.Вакара 563
 Муравьев Н. 443, 451
 Муравьева Е., прихожанка 451
 Муравьева Н., прихожанка 451
 Муратов П.П. 145
 Муретова М.Г. 36, 40
 Муромцева-Бунина В.Н. 142
 Мусатова Е.П. 451
 Мусинак Л. 169, 177, 179, 181, 184, 187, 200, 214, 219, 226
 Муссолини Б. 205

 Набоков В.В. 124, 270, 272, 273, 276, 281, 282, 290, 291, 342, 354, 355, 607, 609
 Набоков В.Д. 68
 Навроцкий А.А. 38, 107
 Нагорский О.И. 451
 Надеждин Н.И. 25
 Надсон С.Я. 25, 258, 262
 Назаров Б.М. 538
 Накрохин, беллетрист 99
 Налимов Т.А., прот. 392, 408, 428, 436, 520
 Нансен Ф. 130, 131
 Наполеон I Бонапарт 596
 Нарушевич, прихожанин 451
 Нарциссов Б.А. 277, 278, 280, 283-285, 296
 Неве П., еп. 460, 478
 Нежный А. 543
 Незвал В. 171, 201
 Некрасов Н.А. 8, 20, 33, 82, 103, 140, 266, 377
 Нексе М. см. Андерсен-Нексе М.
 *Нельдихен С.Е. 336
 Неманов Л.М. 612, 639
 Немирович-Данченко Вл.И. 96
 Нерон 498

 Нестор 76
 Нетупская Я. 78
 Нефедьева Е.М. 450-456, 459-462
 Нидермиллер, знакомый вел.кн. Андрея Владимировича 593
 Низан П. 172, 184, 215, 222, 223, 226
 Никандр, еп. Нарвский 441
 Никитин, служ. тюрьмы 429, 430
 Никитин И.С. 21
 Никитина Н.А. 509, 538, 539
 Никифорова А.И. 485, 539
 Никифорова А.П. 529
 Никодим, архиеп. 506
 Николаев А., прихожанин 451
 *Николаев Ю. см. Данзас Ю.Н.
 Николаева В., прихожанка 451
 Николаева М., прихожанка 451
 Николаевский Б.И. 333, 334, 639
 Николай, еп. (Ярушевич Б.Д.) 382, 384, 390, 391, 419, 420, 425, 427, 428, 436, 459, 460
 Николай Кавасила 494, 495
 Николай Михайлович, вел.кн. 48, 49
 Николай I, имп. 47, 597, 641
 Николай II, имп. 42-44, 49, 54, 57, 58, 70, 440
 Никольская А.Б. 106
 Никольская Е.С. 38, 106
 Никольский А.М. 54
 Никольский Б.В. 38, 40, 106-108
 Нил Сорский 494
 Нилус С. 525
 Нильсен Е. 554
 Новиков Н.И. 578
 *Новиков-Прибой А. 178
 Новицкая А.И. 451, 459
 Новицкая П.Д. 539
 Новицкий Д.Г. 451, 452, 456
 Новицкий Ю.П. 395, 410, 436, 485, 539
 Новокшенов И. 160
 Новоселов М.А. 493

 Обер А.Л. 96, 118
 Обновленский А.П. 521

- Обнорский П.А. 96, 118
 Оболенские, князья 554, 640
 Оболенский, знакомый Н.Вакара 575, 578, 590, 593, 598, 623, 640
 Оболенский А.В. 628, 640
 Оболенский В.А. 640
 Оболенский С.В. 640
 Обухов Б.В. 451, 462
 Огинский, кн. 11
 Огнев Д.Ф. 401, 402, 404, 405, 413, 414, 417, 431, 436
 Одарченко Ю.П. 280, 290, 307, 345, 347, 348
 Одинец Д.М. 563, 564, 567, 569-573, 575, 577-582, 608, 628-630, 640
 *Одоевцева И.В. 124, 152, 153, 156, 293, 316, 319, 320, 324-335, 337-343, 345-347, 349-359, 361, 362, 364, 366-368, 370, 371, 375, 376, 377
 Озолин, пред. Рев. Трибунала 395
 О'Коннор, знакомый Н.Вакара 621
 Ольбрахт (Ольбрехт) И. 173
 Онезимов А. 443
 Онфимовский, знакомый Н.Вакара 575
 Опишня И. 324
 Орбек М.А. 535
 Ориген 494, 495
 Орленев П.Н. 84, 116
 Орлов А.Г. 97
 Орловская О.Г. 451
 Орловский Б. 451
 Орфанов М.И. 108
 Осинкин Г.П. 509, 539
 Осипова И.И. 446, 451, 452, 457, 459, 460, 527
 Оскреткова В.Я. 458
 *Осоргин М.А. 159, 229, 603, 630
 Остен М. 225
 Остроумов М.А. 537
 Осусский, полит. деятель 605
 Отраденко, прихожанин 451
 Отто Габсбургский 605
 Офросимов Ю.В. 288, 289, 296
 Оцуп Д.А. 361
 Оцуп Н.А. 140, 141, 152, 255, 283, 285, 294, 320, 323, 324, 361 373
 Павел Александрович, вел.кн. 641
 Павел Югославский 580
 Павел I, имп. 48, 49, 86, 91, 92
 Павла Иониевна, знакомая М.Чельцова 418
 Павлов В.А. 485, 539, 540
 Павлов И.П. 69
 Павлова М.К. 485
 Павлуша см. Чельцов П.М.
 Паз М. 183, 202-204, 207, 209, 221, 237, 238
 Паисий Величковский 494
 Пален П.П. 92
 Панкратов С. 632
 Пантелеймон, иеромонах 495
 Пантелеймонов Б.Г. 311
 Панферов Ф.И. 191, 198, 202
 *Панч П. 191, 211
 Папамихаил Г., богослов 495
 Папен Ф. фон 610, 640, 644
 Парийский Л.Н. 395, 398, 399, 401, 406, 409, 413, 419, 431, 436
 Пархомовский М.А. 123
 Пастернак Б.Л. 178, 187, 191-197, 200, 203, 204, 211, 215, 228, 232, 233, 244-246, 248, 252, 254, 265, 267, 268, 271, 295, 297, 301, 307, 310, 314, 315, 318-320, 323, 330, 332, 350, 352, 358, 359
 Пастернак Е.Б. 194
 Пастернак З.Н. 203
 Пашковский Д.Х. 87-92, 94, 96, 116
 Певцов И.Н. 92, 93, 117
 Пеги Ш. 287
 Педашенко А.Д. 80
 Пезз, депутат 608
 Пенлевэ П. 592, 631
 Пермькин Б.С. 629, 630
 Перовская С.Л. 95

- Персиянинова О.Д. 529, 539
 Перцов П.П. 32, 105
 Перченюк Ф.Ф. 647, 648
 *Песков Г. 571, 640
 *Петерсен Я. 214
 Петлюра С.В. 572, 630
 Петников Г.Н. 244, 246-249
 Петр, архиеп. 506, 508
 Петр I, имп. 45, 46, 50, 98
 Петр III, имп. 88-90, 93
 Петраник Х. 451
 Петратун В. 451
 Петрищев А.Б. 36, 106, 587, 640
 Петров Н.В. 92, 94, 95, 117
 Петрова О.В. 457, 459
 *Петрович А. см. Мертваго А.П.
 Петровский А.В., прот. 405, 436, 514, 547
 Пивоваров В.П. 498, 540
 Пий X 439, 440, 467
 Пикассо П. 299
 Пиленко А.А. 583
 Пилсудский Ю. 229
 Пимен, иером. 525
 Пиотровский В.Л. см. Корвин-Пиотровский В.Л.
 Пиотровский Т. 451
 Пирожков М.В. 33, 105, 133
 Пирожкова А.Н. 192, 195, 196
 Писаревский Д.А. 75, 76, 114, 115
 Пишулин В.Ф. 486, 540, 541
 Платонов Н.Ф. 547
 Платонов С.Ф. 81, 512, 518, 532
 Плева В.К. 39-41
 Плевацкая Н.В. 563, 640
 Плиний Младший 498
 Плинье Ш. 183, 204
 Плотников В.В. см. Венедикт
 Плювые Т. 171, 173
 По Э.А. 299
 Победоносцев К.П. 9, 10, 15, 16, 39, 80, 98, 104, 627
 Поварцов С. 212, 234
 Погодин М.П. 500
 Подливахина З. 456
 Подливахина К.Н. 444, 450-456, 459, 476, 479, 483
 Познер В.С. 181, 193, 200
 Покровский, сотр. Наркомпроса 504
 Покровский, свящ. 421, 422
 Полевой Н.М. 25
 Полежаев Е.А. 462
 Полетика, администратор 69
 Полибина Л.Н. 451, 458
 Поливанов К.М. 196
 *Полиспаг 109, 114
 Половинкин С. 511
 Полозова Н.Н. 82
 Полотебнева С.А. 451, 458
 Полторацкий Н.П. 247
 Поляков А.А. 567, 588, 589, 623, 640
 Поляков-Литовцев С.Л. 140
 Померанцев К.Д. 320, 337, 338, 341, 361, 366, 374
 Померанцева Е.В. 509, 541
 Поплавская, сотр. Петрогубисполкома 505
 Поплавский Б.Ю. 124, 244-246, 263, 267, 269, 276, 279, 304, 311, 364, 372, 373
 Попов, знакомый Н.Вакара 619, 624
 Попов И.В. 495
 Попов М.С., прот. 389, 391, 392, 428, 436, 486
 Попова Н.Н. 451, 458
 Попова О.Н. 14, 100
 Поскребышев П.П. 191
 Поссе К.А. 465
 Поссейполь А.И. 451, 454-457
 Постников С.П. 156
 Постышев П.П. 575, 576
 Потапенко И.Н. 32, 103
 Потемкин В.П. 177, 178, 197, 210, 211
 Прегель С.Ю. 276, 277, 315-317, 322, 324, 325, 328, 332, 333, 361, 362, 366, 367, 377
 Преображенская Е.О. 451, 452, 454, 456

- Прибылев А.В. 96, 118
 Прилежаев С.Н. 452, 454, 456, 498, 541
 Присманова А.С. 293, 294, 347, 348
 *Прихожанин 545
 Прокопович С.Н. 112, 579, 583, 637, 640, 641
 Прокофьев В.А. 38, 106
 Прокофьева Л. 452
 Проппер С.М. 23, 77, 101
 Прусак А.В. 450, 452, 454, 456, 459
 Пруст М. 123
 Пудан Я. 452
 Пулайль А. 201, 207, 213
 Пуни И.А. 329, 330
 Пуришкевич В.М. 39, 61
 Пурышева А.К. 546
 Путятин, знакомый Н.Вакара 575
 Пушкин А.С. 26-29, 36, 72, 78, 105, 143, 144, 150, 245, 256, 258, 266, 271, 273, 274, 279, 317, 375, 404
 Пыпин А.Н. 501
 Пьянов, знакомый Н.Вакара 632
 Пятницкий, полковник 581

 Рааль, знакомая Н.Вакара 598
 Равинский Д.К. 109
 *Радек К.Б. 173, 235, 239
 Радищев А.Н. 578
 Радченко К.Ф. 495
 Раевский Г. 359
 Разамеги-Прянишникова В.П. 459
 Раич С.Е. 66
 Райс Э.М. 336-338, 371, 377
 *Райская И.В. см. Амфитеатрова
 Ракусова Л.Г. 542
 Раппопорт, знакомый Н.Вакара 618
 *Распутин Г.Е. 56, 61, 102, 641
 Ратнер, сотр. «Последних новостей» 589, 622, 634, 641
 Ратьков-Рожнов С.А. 71, 114

 Раушнинг Г. 610, 611, 631, 641
 Рафальский С.М. 335-337, 339-344, 356, 362, 365, 368, 369
 Рафаэль Санти 98
 Рачинский Г.А. 32, 104
 Реглер Г. 213, 214, 220-223, 239
 Резников Д.Г. 143, 144, 150
 Резникова И. 450
 Рейба-Коза А. 452
 Рейн Б.А. 127
 Рейно П. 592
 Рейс И. 633
 Рейснер И.М. 465
 Рембо А. 198, 200, 244, 269, 274
 Реми Т. 213
 Ремизов А.М. 123, 144, 295, 310, 311, 339, 361, 362
 Ремизов Н. 496
 Ренн Л. 172, 219
 *Ренников А.М. см. Селитренников А.М.
 Репин И.Е. 38
 Рерих Н.К. 38
 Решетникова А.В. 514
 Решикова В.А. 643
 *Ржевский Л.Д. 255, 256, 321
 Ржепецкий А.К. 568, 641
 Риббентроп И. 213, 559, 583, 586, 605
 Рибо А. 592, 631
 Рид Т.М. 404
 Рильке Р.М. 310, 311, 327
 Римский-Корсаков Н.А. 99
 Риссельберг М. ван 225, 235, 236, 238
 Рождественский Д.В. 424, 436
 Рождественский Р.И. 375
 Розанов В.В. 7, 23, 31-33, 103-105
 Розанова В.Д. 32, 33, 104
 Роллан Р. 173, 180, 183-185, 190, 205, 206, 208, 212, 219, 220, 225, 230-232, 234, 236, 239
 Роллен А. 563
 Романов П.С. 146
 Ромен Ж. 201

- Рончевский Р.П. 555, 557, 636
 Ропп Э. фон, митр. 443, 467, 475
 Россинская М.Г. 458
 *Российский М. см. Марков В.Ф.
 Рост Н. 213
 Рубан К.Ф. 485, 541
 Рубинштейн Я.Л. 631, 641
 Рубисова Е.Ф. 260, 261, 268
 Руднев В.В. 559, 573, 596, 641
 Рыбаков В., прот. 530
 Рыбакова, влад. гимназии 545
 Рыбинский, знакомый Н.Вакара 618
 Рынкевич С.Е. 452
 Рышков В.А. 84, 116
 Рязанов Д.Б. 383, 384, 437
- Саакянц А.А. 144
 Савинков Б.В. 561, 570, 629, 630
 Савич А.Я. 193, 194, 196, 197, 230
 Савич О.Г. 193, 197, 228, 230
 Савкина, сотр. Наркомпроса 504
 Саган Ф. 302
 Садовой Б.А. 107, 139
 Сайтов В.И. 89, 117
 Саленис К. 452
 Салиас де Турнемир Е.А. 46
 Салтыков А. 311
 Салтыков-Щедрин М.Е. 8, 78, 159
 Сальвемини Г. 204, 205
 Самойлов, драматург 84
 Сапожникова Т.С. 452, 456
 Сараскина Л.И. 104
 Сарач Б.М. 624, 642
 Саути Р. 13
 Сахаров Ник., прот. 615
 Сахаров Н.В. 390, 391, 420, 428, 429, 437
 Светлов П.Я. 496
 Свечников, литератор 335
 Свидерская С. 452
 Свирбут С. 452
 *Свирский А.И. 18, 100
- Святополк-Мирский Д.П. 144, 158
 Святополк-Мирский П.Д. 44
 Сгольд, знакомый М.Чельцова 413
 *Северянин И. 250, 272
 Сегенюк А.И. см. Боярский А.И.
 *Седых А. см. Цвибак Я.М.
 Селенков Анат.В. 452, 460, 461
 Селенков Арк.В. 452, 460, 461
 Селенков В.В. 452, 460, 461
 Селенкова А.В. 456, 460-462
 Селитренников А.М. 55, 108
 Сельвинский И.Л. 323
 Семенов В.П. 395, 407, 421, 437
 Семенов М.А., прот. 486
 Семенов Ю.Ф. 580, 596, 642
 Семенюк В.С. 444, 452
 Семяцкий Т. 442, 451
 Серапин С. 144
 Серафим, архиеп. 506
 Серафим Вырицкий 522
 Серафим Саровский 260, 261, 496
 Серафимский Э. 452
 Сербаринов Г.А., прот. 424, 437
 Сергеев, кор. «Русской мысли» 322
 Сергиевский, издатель «Окраин России» 480
 Сергей, митр. (Страгородский И.Н.) 382, 419, 436
 Серебрянникова А.С. 456
 *Серж В. 201-213, 237, 238
 *Сигма см. Сыромятников С.Н.
 Сидоров И.И. 452, 459
 Сидорова Е.И. 452
 Сидорова З.И. 452
 Сидорова М.А. 452, 459
 Симеон Новый Богослов 494-496
 Симеон Солунский 495
 Сипягин Д.С. 21
 *Сирин см. Набоков В.В.
 Скабичевский А.М. 14
 Скальковский К.А. 34, 105
 Скарская Н.Ф. 86, 94, 116

- *Скиталец 133
Скляров М. 518
Скобелев М.Д. 83, 116
Скоблин Н.В. 640
Скородумов А.М. 489, 498, 509, 541, 542
Скоропадский П.П. 589, 628, 630, 634, 641
Скотт В. 53
Скрябин А.Н. 270
Скрябина А.А. 270
Славинский С.П. 489, 542, 543
Сладкопевцев В.В. 95, 118
Слиозберг Г.Б. 126
Слоним М.Л. 157, 158, 282, 619, 642, 643
Слонимский А. 229
Слонимский М.Л. 191
Слоскан Б. 457
Слуцкий Б.А. 375
Слэтер, знакомый Н.Вакара 621
Смирницкий 570
Смирнов, драматург 84
Смирнов А.П. 82, 115
Смирнов М.И. 489, 509, 543
Смоленская Т.И. 358, 366, 372
Смоленский В.А. 245, 247, 278, 287, 303, 304, 308, 335, 337, 345, 346, 358-362, 366, 367, 372
Соболев В.В. 498
Соболев М.Н., прот. 403, 437
Соболев Н.Н. 384, 403, 408, 419, 437
Соболева В.В. 509, 543
Согласнов А.И. 485, 543
Соколов, прот. 412
Соколов И.И. 495
Соколов М.Н. 487, 543, 544
Соколов Н.Д. 24, 102
Соколов Н.М. 38, 40, 106
Соколова И.В. см. Амфитеатрова
Сокольский В.П., прот. 391, 392, 425, 427, 437
Солнцев, предв. дворянства 69
Соловей Я.М. 452
Соловейчик С. 639
Соловьев Вл.С. 7, 9, 11-18, 29-32, 36, 51, 105, 130, 138, 439, 493, 496, 501-504
Соловьев Вс.С. 35
Соловьев Е.А. 14, 100
Соловьев М.П. 9, 15-19, 98, 104
Соловьев С.М. 48, 500
Соловьева П.С. 124, 130, 131
*Сологуб Ф. 9, 12, 40, 99, 135, 136
Солоневич Б.Л. 575, 642
Солоневич И.Л. 301, 302, 575, 618, 642
Сопиков В.С. 32, 103
Сорокин А.А. 485, 544
Сорокин В., проф. 484, 488, 548
Сорокина А., прихожанка 452
Соснора В.А. 375
Соути см. Саути Р.
Союзов М.Ф., прот. 421, 437
Спарк М. 373
Сперанцев С.И. 488, 544, 545
Спечинская О.А. 452
Ставров П.С. 268-270
*Ставский В.П. 195, 234
*Сталин И.В. 166, 167, 169, 170-178, 182, 185, 190-192, 197, 205, 206, 217, 234, 239, 283, 560, 575, 576, 590, 596, 597, 599-601, 605, 608, 611, 612, 625
*Станиславский К.С. 93, 94, 117
Станчик М. 452
Станюкович К.М. 589
Старк Б. 522
Старков В. 637
Старчевский А.В. 47, 108
Стасова Е.Д. 219
Стасюлевич М.М. 8, 14, 32
*Стахова В.С. см. Враская В.С.
Стеблин-Каменская Е.Н. 545
*Стендаль 159
Степун Ф.А. 304, 348, 558, 629
Стефан, иером. (Садо) 511
Стефан Дж. 555, 634
Стефанова-Либенсон М.В. 488
Стефанович Н.А. 428, 437
Стецкий А.И. 176-178, 181, 183, 185, 219, 239

- Столпянский П.Н. 76
 Столыпин П.А. 439-441
 Стоянов Л. 612
 Стравинская А.К. 513
 Стравинская И.А. см. Аполлон-
 ская-Стравинская И.А.
 Стравинский Ф.И. 513
 Страховский Л.И. 276, 278, 347
 Струве Г.П. 123, 127, 247, 279,
 280, 284-287, 290, 293, 294-296,
 314, 321, 324, 326-328, 348, 349,
 351, 366, 368, 377, 378
 Струве М.А. 157, 158
 Струве П.Б. 9, 10, 24, 610, 612
 Студенцов Е.П. 92
 Студницкий А. 443, 451
 Стукалов Ф.О. 535
 Ступницкий А.Ф. 572, 573, 576,
 578, 579, 581, 582, 588, 612, 614,
 616, 621, 629, 642
 Суварин Б. 204, 569, 642
 Суворин А.А. 18-20, 22, 23, 66, 85
 Суворин А.С. 7, 17, 18, 21-28, 33-
 35, 41, 42, 46, 47, 54, 55, 59, 66, 67,
 82-86, 94, 100-102, 104, 106, 108,
 109, 116, 326
 Суворина, влад. гимназии 512
 Суворина А.А. 86
 Суворина А.И. 54, 108
 Сувчинский П.П. 144
 Судаков И.Я. 93, 94, 117
 Сужинская С. 452
 Сукач В.Г. 103, 105
 Сукенников М.А. 127, 132
 Сумбатов В.А. 337, 338
 Сумский-Каплун С.Г. 592, 623,
 624, 642
 Сургучев И.Д. 276, 277
 Сурков А.А. 375
 Сусалев Е. 440, 443, 451
 Сулова А.П. 32, 103, 104
 Сухомлин В.В. 579, 642, 643
 Сухомлин В.И. 95, 96, 118
 Сухотин П. 160
 Сушкевич Б.М. 96, 97, 119
 Сыренский Н.А., протопресв.
 391, 437, 438, 488, 545
 Сыромятников С.Н. 23, 33, 37,
 38, 101
 *Сюлли-Прюдом 87
 Сюферлен В.Б. 535
 Табидзе Г. 191, 193
 Табидзе Т. 191, 193
 Тавелдарова Т.Ф. 452, 458
 Таганцева Л.С. 516, 526, 539
 Таисия, игум. 495
 Тайнович, влад. типографии
 413
 *Талин В.И. 155, 156
 Таманцева Р.К. 93, 94, 117
 Танцман, цензор 584, 585
 Тарабаев, знакомый М.Чельцова
 405
 Тарасенков А.К. 195
 *Тарасова Н. см. Терапиано Ю.К.
 Тарасьев О.Ф. 540
 Тареев М.М. 503
 Тассо Т. 66
 Татищев Н.Д. 304, 316, 372, 373
 Тацит К. 498
 Твардовский А.Т. 375
 Тенчинская Е.Л. 486, 545
 Терапиано И.Н. 287, 288, 290,
 296, 298, 300, 302-304, 306-309,
 312, 314, 316, 318, 322, 326, 328,
 330, 333, 338, 340, 345, 347, 349,
 354, 360, 362, 366, 368, 372, 375,
 376, 378
 Терапиано Ю.К. 124, 159, 240-378
 Терещенко М.И. 41, 107
 Теттенборн Р.А. 462, 468
 Тимолай, иеромонах 416, 429
 Тимофеева В.А. 439
 Тиняков А.И. 10, 99
 Титова В.А. 485, 545
 Тихомиров Д.И. 495
 Тихомиров И.А. 425, 427, 438
 Тихомиров М.В., прот. 391, 392,
 438
 Тихон, архиеп. 506
 Тихон, патриарх (Белавин В.И.)
 382, 387, 408, 416, 422, 433, 445,
 455, 488, 506, 507, 515, 635

- Тихон Задонский 494, 496
 Тихонов А.А. см. *Луговой А.
 Тихонов В.А. 32, 103
 Тихонов Н.С. 185, 188, 191, 193,
 194, 200, 202, 203, 207, 211
 Ткачуков, знакомый М. Чельцова
 422
 Товянский, литератор 129
 Толлер Э. 219, 220
 Толмачева Г.И. 575, 590
 Толстая А.Л. 261
 Толстой А.К. 49
 Толстой А.Н. 96-98, 102, 185,
 188, 197, 211, 214, 215, 219, 236
 Толстой Л.Л. 61, 84, 109
 Толстой Л.Н. 9, 13, 36, 109, 260,
 261, 346-348, 368, 504, 508, 535
 Толстой Ник. 439
 Толстопятов А.М. 485, 545, 546
 Томейко Е. 452
 Томилова Т.К. 456
 Торез М. 219
 Траге Н. 443, 444, 451
 Трахтенберг В.О. 84, 116
 Трахтерев О.С. 142
 Траян 498
 Трепов Д.Ф. 42-44
 Триоле Э. 168, 197, 220, 226, 374,
 375, 377
 Троицкий И., еп. 445
 *Троцкий Л.Д. 205, 209, 215
 Трубецкой Ю.П. 276, 277, 280,
 324, 329
 Трубников К.В. 11, 99
 Труве, знакомый Н. Вакара 621,
 622
 Трудов С.А. 457, 458
 Тувим Ю. 229
 Туган-Барановский 9, 10, 24
 Туношенский В.В. 84, 116
 Тураев Б.А. 515
 Тургенев И.С. 75, 139, 140, 404
 Тургенева А.А. 275
 Туринцев А.А. 333, 334
 Туркул, генерал 596
 Турхан Я. 457
 Турыгина Л.М. 520
 Тцара Т. 200
 Тыркова-Вильямс А.В. 528
 Тысовский К. 461
 Тычина П.Г. 191, 214
 Тычинкин К.С. 27, 28
 *Тэффи Н.А. 123, 311
 Тютчев Ф.И. 135, 246, 256, 258
 Уайльд О. 143, 168
 Угримов А.И. 559, 573-575, 577,
 579, 581, 582, 590, 593, 598, 610,
 643
 Удеану, секр. А. Барбюса 177,
 179, 181, 182
 Ульянов Н.И. 311, 321-326, 328,
 333, 337, 339
 Уолш Э. 454
 Уотсворт см. Вордсворт В.
 Урусов А.И. 77, 115
 Успенский Н.В. 258
 Успенский Н.Д. 484, 530
 Успенский Ф.И., богослов 495
 Ухтомский Э.Э. 23, 28, 29, 101
 Ушаков Н.Н. 160
 Ушакова Н.С. 439-441, 444, 452
 Уэллс Г. 220
 Фальконе Э.М. 616, 618
 Федин К.А. 191
 Федоров Л.И. 442-456, 459, 460,
 462-479, 482, 483, 527
 Федоров М.И. 485, 488, 546
 Федорович Т.З. 458
 Федотов Г.П. 276, 277, 284, 293,
 558, 559, 563, 570, 628, 629, 643
 Федякин С.Р. 123, 159
 Фейхтвангер Л. 173, 183, 236,
 238, 239
 *Фельзен Ю. 124, 154, 155, 157,
 291, 293
 Феодор Бухарев, архим. 501
 Феокистов Е.М. 84, 116
 Феофан Вышенский, еп. 503
 Феофан Затворник (Говоров Г.В.),
 еп. 397, 495, 496
 Фернандес Р. 173
 Фесенко Т. 247

- Фет А.А. 106, 139, 140, 316
 Фигнер В. 293, 347
 Филарет, митр. (Дроздов В.М.) 499-500
 *Филиппов Б. 279, 295, 367, 368, 376
 Филиппов Т.И. 38, 106, 107
 Фихте И.Г. 601
 Флейшман Л. 203-205
 Флобер Г. 77
 Флоран М. 458, 461
 Флоринский М. 573, 643
 Флорни, литератор 301
 Фоломеев К.И. 84, 116
 Фома Кемпийский 495
 Фоминцева О.М. 452, 457, 458
 Фондаминский И.И. см. *Бунаков
 Форд Г. 581
 Форстер Э.М. 184, 197, 213
 Форштетер М. 312
 Фотинский С. 193
 Фофанов К.М. 35, 106
 Фофанова Л.К. 106
 Франк Б. 220
 Франк Л. 173
 Франциск Ассизский 496
 Фредерик, знакомый Н.Вакара 583
 Фредерикс В.Б. 440
 Фрезинский Б.Я. 166-239, 365
 Фридман Ж. 181, 237
 Фроловский М.Н. 509, 546
 Фрэнк У. 213
 Фульман М. 466
- Хаксли О. 182, 184, 213
 Харитон Б.О. 68, 69, 109, 110, 114
 Харитон Ю.Б. 109
 Харитонов В.Г. 95, 118
 Хилков Д.А., богослов 493
 Хлебников В. 244, 246, 247, 254, 257, 265, 266, 268, 269, 299, 339, 353, 355-357, 365, 366, 369
 Хмелева В.А. 452
 Ходасевич В.Ф. 143, 144, 152, 240, 246, 250, 255, 260-264, 266, 267, 269, 272-275, 278, 279, 282, 283, 285-287, 290, 293, 323, 328, 342, 343, 349-352, 354, 358-361, 364, 369, 561, 575, 633
 Ходотов Н.Н. 89, 90, 117
 Хомяков А.С. 501, 502
 Хост А.Е. 485, 509, 546
 Хрипунов, знакомый Н.Вакара 596
 Хрушев Н.С. 178, 576
- Цан Т. 493, 494
 Цвейг С. 220
 Цветаева М.И. 144, 194, 244, 252-254, 271, 275, 278, 281, 282, 284-287, 291, 295, 301, 302, 323, 364
 Цветкова Н.Е. 452
 Цвибак Я.М. 587, 588, 620, 623, 533, 643
 Цепляк И. (Я.Г.), еп. 443, 450, 466, 469, 470, 483
 Цертелев Д.Н. 14, 100
 Цетлин М.О. 278, 279, 311
 Цетлина М.С. 278, 279
 Цынкова О. 643
- Чаадаев П.Я. 311
 Чайковский Н.В. 135, 136
 Чайковский П.И. 276
 Чапек К. 182, 220, 229, 231
 Чапля И.Ф. 452
 *Чарская Л. 51, 52
 Чеквер Л.И. 310-312
 Чеквер Р.С. см. *Ясен И.
 Чельцов Г.М. 381
 Чельцов М.П. 381-438, 517, 521, 527
 Чельцов П.М. 395, 407, 422
 Чельцова А.Ф. 381-432
 Чемберлен Н. 612
 Чепурин Н.В., прот. 391, 430, 431, 438, 487, 488, 528, 546, 547
 Червинская Л. 288, 295
 Черепнина Н.Ю. 534
 Чернов, литератор 346
 Чернявская, прихожанка 452
 Чернявский В. 614

- Черняев А.С. 516
 Чернышевский Н.Г. 258, 290-292
 Чертков М. 632
 Честертон Г.К. 182
 Чехов А.П. 19, 21, 35, 76, 83, 100, 108, 351
 Чеховская Л.Э. 453, 455, 456
 Чижов Б.Н. 571
 Чиннов И.В. 248, 250, 307, 316, 356
 Чириков Е.Н. 137
 Чистович Н.Я. 540
 Чичагова Л.К. 485, 547
 Чокаев М. 563, 575, 608, 629, 644
 Чокрой И. 408
 Чуев П.П., прот. 388, 392, 438, 486, 487, 547, 548
 Чуков Н.К., прот. 387, 389, 394, 395, 397, 401-406, 409-413, 416, 417, 420, 430, 438, 485, 488, 490, 520, 528, 529, 533, 535, 537, 539, 543, 548
 Чукова А.Н. 395, 416
 *Чуковский К.И. 99, 375
 Шамсон А. 173, 184, 213-215, 223
 Шаповал М. 568, 629, 644
 Шапошников, знакомый Н.Вакара 576
 Шаратов, знакомый Н.Вакара 574
 Шаратов С.Ф. 10, 98
 Шафиров П.В. 456
 Шах Е. 155, 156
 Шаховской Д.А. 149, 150, 335, 336
 Швейцер А. 251, 252, 255-257, 260, 265, 277, 313
 Швыров, сотр. «Последних новостей» 589, 644
 Шебеко Н.Н. 580, 644
 Шебуев, журналист 43
 Шейнина, сотр. «Интуриста» 189
 Шекаразина З. 367
 Шекспир В. 48, 84, 346
 Шептицкий А. 441-443, 447, 448, 453, 466, 467, 476, 477, 527
 Шереметев С.Д. 41, 65, 107
 Шерон Ж. 240-378
 *Шестов Л. 131, 132, 144, 242, 286, 287
 Шефтель Я.М. 155
 Шибан В. 452
 Шиллер Ф. 84
 Шильдер Н.К. 28, 102
 Шильц, знакомый Н.Вакара 585, 587, 604
 Шимановская А.П. 452, 458
 Ширяев Б.Н. 280
 Ширяева-Кремер Н.А. 452, 458
 Шифар С. 452
 Шифрин Ж. 235-238
 Шкапская М.М. 109
 Шкаровский М.В. 438, 439-483, 484, 490, 510, 527, 532, 534, 545
 Шкловский Викт.Б. 549
 Шкловский Вл.Б. 485, 488, 525, 548, 549
 Шлейхер К. фон 610, 644
 Шлецер Б. 125
 Шляпкин И.А. 28, 102
 Шмелев И.С. 123, 311
 Шолохов М.А. 185, 188, 190, 314
 Шопен Ф. 304
 Шостакович Д.Д. 234
 Шотан К. 592
 Шоу Б. 182, 213
 Шпаковская, прихожанка 452
 Шрейбер, знакомый Н.Вакара 585
 Штейгер А.С. 245-247, 279, 285, 286, 290, 556
 Штрассер О. 611
 Штром Е.Н. 583, 589, 638, 644
 Шубинский С.Н. 28, 38, 46-51, 88, 102, 107, 108
 Шуликовский Т. 452
 Шульгин А.Я. 579, 629, 644
 Шульгин В.В. 57, 644
 Шульц А.А. 450, 452

- Шульц Е.А. 452
 Шумихин С.В. 7-119
 Шумлевич К.Я. 55, 108
- *Щеглов И.Л. см. Леонтьев И.Л.
 Щеголев П.Е. 26-29, 102
 Щербаков А.С. 170, 176, 177, 182, 183, 185, 186, 188, 190, 191, 195, 197, 198, 200-206, 207-210, 211, 212, 214, 215, 220, 224, 225, 228, 230-232
 Щербов И.П. 486-488, 491, 492, 506, 523, 527, 549
- Экскузович И.В. 88-91, 94, 117
 Эллис А. 173, 200, 213, 220
 Эльяшевы Л. и Э. 630
 Элюар П. 199, 200, 203
 Энгельгардт А.П. 70
 Энгельгардт Ал.Н., мл. 51, 68
 Энгельгардт Ал.Н., ст. 7-9, 19, 25, 70, 98
 Энгельгардт Анна Н., мл. 7, 51, 63, 68, 95
 Энгельгардт Анна Н., ст. 8, 13, 70
 Энгельгардт Л.Е. 160
 Энгельгардт Л.М. 7, 12, 31, 51, 63, 68, 70, 97, 100, 115
 Энгельгардт Н.А. 7-119
 Энден М.Н. 563, 574, 644
 Эрбар П. 235, 237
 Эргардт, богослов см. Bernhard A.
 Эренберг В.Г. 631
 Эренбург И.Г. 167-239, 302, 364, 365, 579
 Эртель А.И. 8, 98
 Эфрон С.Я. 144
 Эфрон-Литвин С.К. 23, 102
- Юдин А. 441, 442, 444, 459
 Юневич Э. 454, 483
 Юркевич К.П. 458
 Юрьев Ю.М. 88, 91, 92, 94
 Юферов С.В. 38, 106
- Я.Л., знакомый Н.Вакара 601, 631
- Яблоновский С.В. 262, 300
 Яблонская А. 456
 Яблонский Э. 456
 Яблочкина А.А. 97, 119
 Яворская Л.Б. 85, 116
 Ягода Г.Г. 117, 206, 212
 Яковлев, сотр. «Нового времени» 66
 *Яковлев Я.А. 82, 115
 Яконовский Е.М. 289, 291
 Якшич Н.Д. 488, 549
 Яновский В.С. 242, 243, 307, 308, 556, 558, 634, 643
 Яновский М.В. 541
 Ясенский Б. 172
 Ясинский И.И. 77, 115
 *Яссен И. 276, 277, 303-308, 310, 317, 318, 322, 324, 325, 377
 Ястрембский М. 529
 Ячунович П. 452
- *А.Ф. 617
 *Allegro см. Соловьева П.С.
 Bardou см. Бардон
 Batakany, издатель 319
 Beraud H. 604
 Bernhard A. 495
 Buffe B. 312
 Débais J. des 617
 Delacroix, психолог 493
 *Duke V. см. Дукельский В.А.
 Dumesnil de Gramont M. 262, 263
 Gaugeard, знакомый Н.Вакара 618
 Godfername, психолог 493
 Göpfert F.K. 639
 Hachette B. 618
 Hayes N. 555
 Herie M. 604
 Holl K. 495, 496
 Holsti, знакомый Н.Вакара 615
 Johnston R.J. 555
 La Chambre G. 609
 Lacouture J. 196
 Leroy M. 605, 609
 Leuba, психолог 493
 Luciani см. Люсиани

Mailleux P. 444, 447, 449, 450
Mazon A. см. Мазон А.
Mourer, знакомый Н.Вакара
619
Murisier, психолог 493
Pachen J. 493
Pachmuss T.A. 152
Paleyгac, цензор 584, 585, 617
Recegos, психолог 493
Roncour P. 579

Rubissow H. см. Рубисова Е.Ф.
*Samaret V. см. Сухомлин В.В.
Shiltz см. Шильц
Simon, хирург 330
Solms 301
Smith G.S. 247
Stephan J.J. см. Стефан Дж.
Thomas R. 553
Wenger A. 461
Williams R. 555, 556, 634, 641

АННОТАЦИИ

В о с п о м и н а н и я

Николай Энгельгардт. ЭПИЗОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ (Воспоминания). Публикация С.В.Шумихина.

Известный беллетрист, драматург, журналист описывает газетно-журнальный и театральный быт России с конца 90-х годов прошлого века до середины 20-х годов века нынешнего. Многолетний сотрудник суворинского «Нового времени», «Исторического вестника» и других изданий, автор долгое время общался и состоял в деловых или дружеских отношениях с массой литераторов, публицистов, актеров, философов (от Вл.Соловьева и В.Розанова до П.Гайдебурова), что придает его воспоминаниям особую информативную насыщенность. Рукопись создавалась Энгельгардтом во второй половине 30-х, публикуемый фрагмент является ее заключительной частью. В примечаниях даются справки об упоминаемых событиях и лицах. 1 + 90 + 21 с.

И з и с т о р и и л и т е р а т у р н о й ж и з н и

«...НАША КУЛЬТУРА, ОТРАЖЕННАЯ В КАПЛЕ...» Письма И.Бунина, Д.Мережковского, З.Гиппиус и Г.Адамовича к редакторам парижского «Звена» (1923-1928). Публикация О.А.Коростелева.

В предвоенной русской эмиграции «Звено» имело славу самого культурного печатного органа. Этот еженедельник, созданный М.М.Винавером и П.Н.Милюковым, не собирался конкурировать с «Последними новостями», но, по мысли редакторов, должен был стать «платформой... для охраны и проповеди русской культуры». В «Звене» печаталось большинство писателей русского зарубежья и многие из тех, кто остался в Советской России. Предлагаемая переписка освещает малоизвестные аспекты общественной жизни русского рассеяния, дает картину редакционного быта и портреты эмигрантских литераторов. 5 + 32 + 5 с.

Борис Фрезинский. ВЕЛИКАЯ ИЛЛЮЗИЯ — ПАРИЖ, 1935 (Материалы к истории Международного конгресса писателей в защиту культуры).

На основании не известных ранее архивных документов автор восстанавливает подлинную картину организации и проведения парижского кон-

гресса писателей, прослеживает закулисную борьбу различных групп в Париже и Москве, исследует взаимоотношения западных интеллектуалов левого направления со сталинским режимом, пытавшимся в собственных целях использовать имена и авторитет известных литераторов. 73 с.

«...В ПАМЯТИ ЭТА ЭПОХА ЗАПЕЧАТЛЕЛАСЬ НАВСЕГДА...». Письма Ю.К.Терапиано к В.Ф.Маркову (1953-1966). Публикация О.А.Коростелева и Ж.Шерона.

Эпистолярный разговор представителей двух «волн» эмиграции (Юрий Терапиано, поэт и критик, ученик Ходасевича, принадлежал к «первой», Владимир Марков, начинающий поэт и литературовед, поклонник футуризма — ко «второй») дает необычайно живую картину литературной жизни русского рассеяния в предвоенный период, отнюдь не всегда возникающую из мемуаров. Интерес предлагаемых писем еще и в том, что для Терапиано они — своеобразное подведение итогов, передача эстафеты новому незнакомому поколению (Марков вдвое младше своего корреспондента), попытка рассказать, как все было на самом деле... 2 + 137 с.

И з и с т о р и и ц е р к в и

Прот. М.П.Чельцов. КОГДА ОТМЕНИЛИ РАССТРЕЛ... (Письма к жене из заключения). Публикация В.В.Антонова.

Один из крупных до- и послереволюционных петроградских священников, проходивший по процессу митрополита Вениамина, вместе с ним приговоренный к расстрелу в июле 1922, а затем помилованный (казнь заменили пятилетним заключением, расстрелян Чельцов в 1931), размышляет о расколе в Русской Православной Церкви, о взаимоотношениях с «живоцерковниками», о причинах возникновения кризиса и возможностях его преодоления. К письмам приложен аннотированный именной указатель, содержащий развернутые сведения об упоминаемых лицах. 2 + 49 + 6 с.

М.В.Шкаровский. РУССКИЕ КАТОЛИКИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (ЛЕНИНГРАДЕ).

На основании архивных документов публикатор прослеживает трагическую судьбу церкви Сошествия Св. Духа и общины русских греко-католиков в до- и, главным образом, послереволюционном Петрограде, взаимоотношения клира и мирян с властями, постепенное уничтожение общины. 24 + 21 с.

А.А.Бовкало. ПОСЛЕДНИЙ ГОД СУЩЕСТВОВАНИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА.

Петроградский Богословский институт — единственное в тот период духовно-учебное заведение в епархии, — просуществовал всего три года:

с весны 1920 до мая 1923. В его деятельности активно участвовали не только преподаватели закрытой к тому времени Духовной академии, но и профессора Петербургского университета (Н.О.Лосский, Л.П.Карсавин и др.). Публикуемые документы освещают последний этап его деятельности. К ним приложен подробный биографический справочник по всем преподавателям и студентам Богословского института. 7 + 18 + 40 с.

Дневники, записные книжки, маргиналии

Н.П.Вакар. ДНЕВНИК (1938-1940). Подготовка текста, вступительная статья и комментарии О.Р.Демидовой.

Николай Платонович Вакар был сотрудником милюковских «Последних новостей». Его дневниковые записи фиксируют события двух предвоенных лет в жизни «столицы» русского рассеяния. Редакционный быт, общественно-политическая активность эмиграции, борьба «отцов» и «детей», монархистов и демократов, наконец будни движения младороссов, непосредственным участником которого был сам автор, — сочетаются с едкими и вполне субъективными, но чрезвычайно живыми портретами эмигрантских деятелей и точными зарисовками «блистательного русского Парижа». 9 + 66 + 20с.

ABSTRACTS

Memoirs

Nikolai Engelgardt. EPISODES OF MY LIFE (Reminiscences). Edited by S.V.Shumikhin.

The well-known writer, dramatist and journalist describes the life of journalistic and theatrical circles in Russia from the end of 1890s to mid-1920s. A long-time contributor of Suvorin's «Novoe Vremia» (New Time), «Istoricheskii Vestnik» (The Historical Herald) and other editions, the author had maintained for several decades business and friendly contacts with a large number of people — writers, pamphleteers, actors and philosophers, from VI.Soloviov and V.Rozanov to P.Gaideburov, which makes his recollections a source of valuable information. The memoirs were written by Engelgardt in the second half the 1930s. The publishing fragment makes the concluding part of his work. The commentary includes references to the events and persons mentioned. 1 + 90 + 21 pp.

From the History of Literary Life

«...OUR CULTURE, REFLECTED IN A WATER DROP...» Letters from I.Bunin, D.Merezhkovsky, Z.Gippius and G.Adamovich to the editors of «Zveno» (The Link) in Paris, 1923-1938. Edited by O.A.Korosteliiov.

«Zveno» weekly had enjoyed a reputation of the most cultured publication with the pre-war Russian emigration. The creation of M.M.Vinaver and P.N.Miliukov, it was not designed to compete with «Poslednie Novosti» (The Latest News) but, in the thinking of its editors, was to serve as «a bulwark... for the protection and propagation of Russian culture». Among «Zveno»'s contributors was a vast majority of the Russian émigré writers and many of those who remained in Soviet Russia. The correspondence published sheds light on some little known aspects of the public life of the Russian diaspora, whilst vividly portraying the life of the editorial staff and émigré writers. 5 + 32 + 5 pp.

Boris Frezinsky. PARIS, THE GREAT ILLUSION: 1935. Materials concerning the history of the International Writers Congress in Defence of Culture.

Using the hitherto unknown archival documents, the author reconstructs the genuine history of the convocation of the Writers Congress in Paris, retraces

the hidden strife between various literary groups in Paris and Moscow, and analyses the relations between Western left-wing intellectuals and the Stalin's regime, which sought to employ to its own ends the names and reputation of many celebrated men of letters. 73 pp.

«...THIS EPOCH HAS IMPRINTED IN OUR MEMORY FOREVER...». Letters from Yu.K.Terapiano to V.F.Markov (1953-1966). Edited by O.A.Korosteliyov and J.Sheron.

The epistolary dialogue of the representatives of the two waves of emigration — Yu.Terapiano, a poet and critic, disciple of Khodasevich, and Vladimir Markov, a beginning poet and admirer of futurism — produces a very vivid picture of the literary life of the Russian diaspora in the pre-war period, which does not always result from the memoirs. The significance of Terapiano's letters also lies in the fact that to him they served as a kind of «summing up» and «passing on the baton» to the new, unknown generation (Markov was twice as young as Terapiano), as well as as an attempt to tell the whole story the way it happened. 2 + 137 pp.

From the History of Church

Archpriest M.P.Cheltsov. WHEN THE EXECUTION WAS CANCELLED... Letters to his wife from prison. Edited by V.V.Antonov.

One of the eminent pre and post-revolutionary priests in Petrograd, brought to trial and sentenced to be shot together with Metropolitan Veniamin in July 1922, and then pardoned (the death-penalty was commuted to 5 years of imprisonment; still Cheltsov will be shot in 1931) reflects on the schism in the Russian Orthodox Church, his relations with the followers of the reform movement «The Live Church», the origins of the crisis and the ways to overcome it. In the Appendix one will find the name index, with detailed information on the persons mentioned. 2 + 49 + 6 pp.

M.V.Shkarovsky. RUSSIAN CATHOLICS IN ST. PETERSBURG (LENINGRAD).

Using the archival documents, the author retraces the tragic fate of the church of the Descent of the Holy Ghost and the Russian Greco-Catholic community in pre and mostly post-revolutionary Petrograd, the relations of the clergy and laymen with the authorities, the gradual dismantling of the religious group by the state. 24 + 21 pp.

A.A.Bovkalo. THE LAST YEAR OF THE PETROGRAD THEOLOGICAL INSTITUTE.

The Petrograd Theological Institute, the only religious educational establishment in the eparchy in that period, had existed for three years only, from spring

1920 to May 1923. Its teaching staff included some lecturers from the Theological Academy, which had been closed, as well as professors from St. Petersburg University (N.O.Lossky, L.P.Karsavin and others). The published documents shed light on the final stage of the institute's activities. In the Appendix one will find a reference list with biographical data on the teaching personnel and students of the Theological Institute. 7 + 18 + 40 pp.

D i a r i e s , N o t e b o o k s , M a r g i n a l i a

N.P.Vakar. THE DIARY (1938-1940). Edited, prefaced and supplied with commentary by O.R.Demidova.

Nikolai Platonovich Vakar was one of the contributors of Miliukov's «Poslednie Novosti». His diary records the eventful life in the capital of the Russian diaspora during the two pre-war years. The life of the editorial staff, the political and public activities of the emigrants, the struggle between «fathers» and «sons», monarchists and democrats, and, finally, the workaday routine of the Young Russians («Mladorossy») movement, in which the author participated himself, are combined with caustic and fairly subjective, albeit lively, sketches of the emigration activists and of the «brilliant Russiab Paris». 9 + 66 + 20 pp.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания

- Николай Энгельгардт из Батищева. ЭПИЗОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ.
Публ. С.В.Шумихина 7

Из истории литературной жизни

- «...НАША КУЛЬТУРА, ОТРАЖЕННАЯ В КАПЛЕ...»
Письма И.Бунина, Д.Мережковского, З.Гиппиус и Г.Адамовича к редакторам парижского «Звена» (1923-1928).
Публикация О.А.Коростелева 123
- Б.Фрезинский. ВЕЛИКАЯ ИЛЛЮЗИЯ — ПАРИЖ, 1935.
Материалы к истории Международного конгресса писателей
в защиту культуры 166
- «...В ПАМЯТИ ЭТА ЭПОХА ЗАПЕЧАТЛЕЛАСЬ НАВСЕГДА...»
Письма Ю.К.Терапиано к В.Ф.Маркову (1953-1966)
Публ. О.А.Коростелева и Ж.Шерона 240

Из истории церкви

- Прот. М.П.Чельцов. КОГДА ОТМЕНИЛИ РАССТРЕЛ...
Письма к жене из заключения.
Публ. В.В.Антонова 381
- М.В.Шкаровский. РУССКИЕ КАТОЛИКИ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (ЛЕНИНГРАДЕ) 439
- А.А.Бовкало. ПОСЛЕДНИЙ ГОД СУЩЕСТВОВАНИЯ
ПЕТРОГРАДСКОГО БОГОСЛОВСКОГО
ИНСТИТУТА 484

Дневники, записные книжки, маргиналии

- Н.П.Вакар. ДНЕВНИК (1938-1940). Публ. О.Р.Демидовой 553
- ПАМЯТИ ДРУГА 645
- Annex 649

КНИГИ, НЕОБХОДИМЫЕ КАЖДОМУ, КТО ИНТЕРЕСУЕТСЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫМ ПРОШЛЫМ

публикации комментированных архивных материалов и исследований по русской культурной, политической и социальной истории; биографика; краеведение.

ЧИТАЙТЕ И ТРЕБУЙТЕ В МАГАЗИНАХ

МИНУВШЕЕ. Исторический альманах.	Тома 1-24
ЛИЦА. Биографический альманах.	Тома 1-7
НЕВСКИЙ АРХИВ. Краеведческий сборник.	Тома 1-3
ЯРОСЛАВСКИЙ АРХИВ. Краеведческий сборник.	Том 1
ЗВЕНЬЯ. Альманах Научно-исследовательского и просветительского центра общества «Мемориал»	Тома 1-2

**КНИГИ МОЖНО ЗАКАЗАТЬ ТАКЖЕ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ФЕНИКС» – «ATHENEUM»**

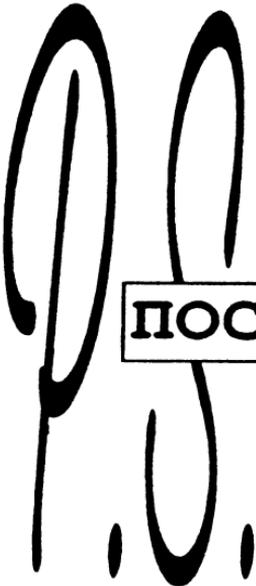
193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, подъезд 6а

Тел. 276-13-35, 276-14-77

E-mail: orders@phenix.spb.su

3.1998

11

ПОСТСКРИПТУМ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ВЛАДИМИРА АЛЛОЯ,
ТАТЬЯНЫ ВОЛЬТСКОЙ,
САМУИЛА ЛУРЬЕ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В ГОД

- 3 Самуил Лурье. По кругу, по кругу
7 Нина Савушкина. Зодиак. Стихи
14 Максим Гуреев. Остров Нартов. Повесть
57 Вячеслав Хованов. Титулярный сонетник. Стихи
63 Сергей Ландо. Переходя Троицкий мост. Рассказ
71 Александр Волков. Семейный альбом. Повесть
202 Светлана Кекова. Ангел падший. Стихи
205 Г.Амелин, В.Мордерер. Философия и литература
227 Катя Капович. Венок воспоминаний. Стихи
230 Алексей Пурин. Недоумение и тоска
249 Алексей Кокотов. Не только об Анненском
260 Виктор Топоров. Когда тайное становится...
скупным
275 Алексей Добрынин. На пути роковом. Стихи.
280 Александр Образцов. Улица. Диалоги

**ЖУРНАЛ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ ТАКЖЕ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ФЕНИКС» – «ATHENEUM»**

193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, подъезд 6а

Тел. 276-13-35, 276-14-77

E-mail: orders@phenix.spb.su

МИНУВШЕЕ
Исторический альманах
24

ATHENEUM • ФЕНИКС

Редактор Т.Б.Притыкина
Наборщик — И.М.Курдина

ЛР №064815 от 30.X.1996

Подписано в печать 15.09.1998. Формат 60 x 88 ¹/₁₆.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Объем 43 п.л. Тираж 1500 экз. Заказ №3781.

Издательство «Феникс»: 193060, С.-Петербург,
ул. Смольного, 1/3, подъезд 6а
Тел. 276-13-35, 276-14-77
E-mail: orders@phenix.spb.su

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я лин., 12.